This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

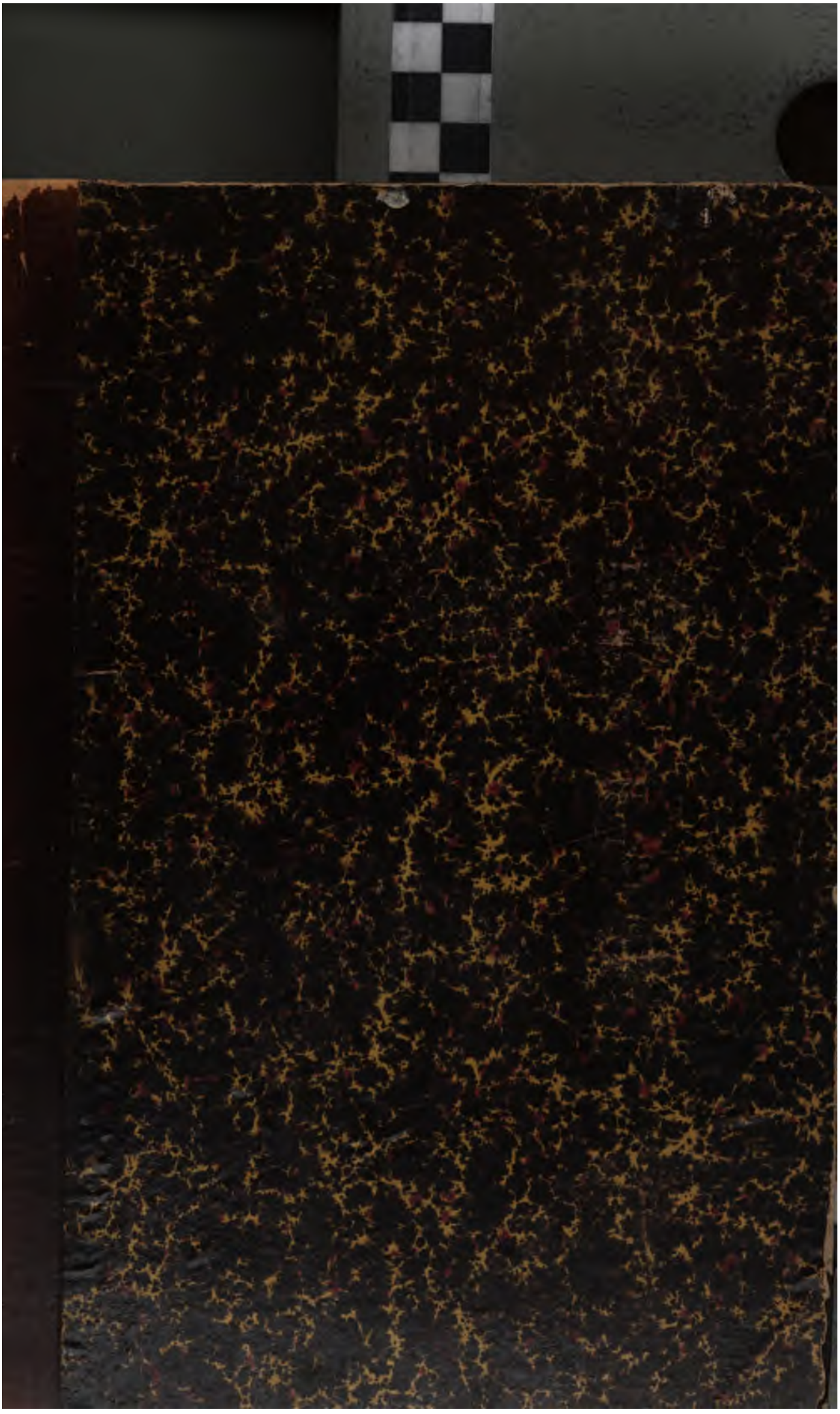
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ВЪ ПОМОЩЬ УЧАЩИМСЯ.

РОДНАЯ СТАРИНА.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ И КАРТИНАХЪ

(съ IX по XIV ст.)

СОСТАВИЛЪ

В. Д. Сиповскій.

ТРЕТЬЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

147 политипажныхъ изображеній въ текстѣ и два рисунка В. М. Васнецова на отдѣльныхъ листахъ.

Изданіе Д. Д. Полубояринова.

HOOVER LIBRARY

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Б. Подъяч., № 39
1887.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 Ноября 1886 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Вступленіе.

Откуда узнаемъ мы наше прошлое . . . . . 1— 6

I. Восточная Европа до начала Русскаго государства. . . . . 7—32

Природа страны. 7—Древнѣйшіе обитатели Восточной Европы. 10.—Славяне (разселеніе ихъ, бытъ, нравы, обычаи и вѣрованія ихъ за тысячу лѣтъ назадъ). 20.—Сосѣди восточныхъ славянъ. 29.

II. Преданія о первыхъ русскихъ князьяхъ . . . . . 33—56

О Рюрикѣ, Аскольдѣ и Дирѣ.—33.—Объ Олегѣ. 36.—Объ Игорѣ. 38.—Объ Ольгѣ. 41.—О Святославѣ 44.—Бытъ русскихъ IX—X ст. 51.

III. Принятіе христіанства и распространеніе его на Руси . . . 57—84

Владиміръ-язычникъ, 57.—Сказаніе объ испытаніи вѣръ. 59.—Крещеніе Владиміра, кіевлянъ и новгородцевъ. 62.—Первоучители славянъ,—Свв. Кириллъ и Меѳодій. 67.—Владиміръ-христіанинъ. 69.—Народныя былины о Владимірѣ Краснымъ-Солнышкѣ и его богатыряхъ 70.—Усобицы по смерти Владиміра. 73.—Княженіе Ярослава. 76.—Русская правда. 79.—Сношенія съ иноземцами. 82.

IV. Время удѣльныхъ смутъ и усобицъ. . . . . 85—112.

Усобицы при сыновьяхъ Ярослава. 85.—Усобицы при внукахъ Ярослава. 89.—Ослѣпленіе Василька. 91. Новыя усобицы. 94.—Борьба съ половцами. 96.—Владиміръ Мономахъ. 98.—Поученіе Мономаха. 99.—Усобицы при сыновьяхъ и внукахъ Владиміра Мономаха. 103.—Сказаніе о походѣ Игоря (Слово о полку). 108.

V. Монашество и просвѣщеніе на Руси въ XI и XII стол. . . 113—131

Начало русскаго монашества. 113.—Св. Ѳеодосій. 115.—Значеніе Кіево-Печерскаго монастыря. 123.—Борьба съ язычествомъ. 124.—Просвѣщеніе. 127.

VI. Новгородъ и Владиміръ . . . . . 132—176

Древній Новгородъ и его торговля 132.—Новгородская община. 135.—Былины новгородскія. 140.—Новгородскіе церкви и монастыри. 144.—Суздальская область. 146.—Андрей Боголюбскій. 149.—Всеволодъ III. 159.—Борьба Суздаля съ Новгородомъ. 161.—Государственный строй и бытъ русскихъ XI—XIII столѣтія (Раздробленіе земли.—Князь и дружина.—Жизнь князей.—Народъ.—Промыслы.—Города.—Жилища.—Одежда). 166.

VII. Злыя времена татарщины . . . . . 177—237

Первая встрѣча русскихъ съ татарами. 177.—Татары (ихъ нравы и обычаи) 180.—Нашествіе татаръ на сѣверную Русь. 183.—Нашествіе татаръ на Южную Русь. 187.—Поѣздки русскихъ князей въ орду.—190.—Даніилъ Романовичъ. 192.—Александръ Невскій 196.—Смуты при сыновьяхъ Александра Невскаго. 202.—Юрій и Иванъ Даніиловичи. 203.—Состояніе Русской земли въ XIII—XIV ст. 206.—Сѣверные монастыри 213.—Симеонъ Гордый, Іоаннъ II и Димитрій Донской. 218.—Куликовская битва. 222.—Нашествіе Тохтамыша. 231.

Родословныя таблицы . . . . . 238—239

Примѣчанія къ рисункамъ . . . . . I—VI

Изъ предисловія къ 1-му изданію.

Преподаваніе отечественной исторіи въ нашихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ начинается обыкновенно въ среднихъ классахъ. Учащимся лѣтъ 13—15 дается въ руки учебникъ, который и представляетъ основу преподаванія. Учитель долженъ позаботиться, чтобы учащіеся вполнѣ *поняли* и *усвоили* учебникъ. Учебники исторіи, даже и наилучшіе, представляютъ по самой сущности своей сжатое и сухое изложеніе фактовъ, усвоить которые надо памятью. Объясненія учителя касаются смысла фактовъ, значенія ихъ, причинной связи между ними и пр. и дѣйствуютъ преимущественно на разсудочную способность. Воображенію и чувству учащихся уроки исторіи, особенно отечественной, даютъ обыкновенно слишкомъ мало пищи. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда учитель—хорошій разсказчикъ и могъ бы своими разсказами вызывать у учащихся живыя представленія историческихъ событій и лицъ, онъ очень рѣдко бываетъ въ состояніи это дѣлать: времени на уроки отечественной исторіи отводится обыкновенно немного, да при томъ половина его уходитъ на необходимое спрашиваніе уроковъ. Сухое же изложеніе фактовъ, не затрогивая воображенія и чувства, плохо держится въ памяти; частыя и при томъ скучныя повторенія одного и того-же мало помогаютъ бѣдѣ. Особенно же печально то, что при этомъ нерѣдко гибнетъ у учащихся интересъ къ родной исторіи.

Если примемъ во вниманіе, что только крайне незначительному меньшинству удается слышать профессорскія лекціи по Русской исторіи, что научныя сочиненія малодоступны для обыкновеннаго читателя,—то поймемъ, почему знаніе родной исторіи не процвѣтаетъ у нашего юношества.

А между тѣмъ отечественная исторія и словесность считаются краеугольными камнями національнаго воспитанія. И дѣйствительно, только тотъ изъ образованныхъ людей можетъ понимать свой народъ,—не говоримъ уже—жить однимъ сердцемъ съ нимъ,—кто хорошо знаетъ пережитое и передуманное имъ.

Школа, если она хотя сколько-нибудь претендуетъ на національное воспитаніе, должна въ своихъ питомцахъ возбуждать интересъ къ отечественной исторіи и давать имъ навыкъ къ чтенію научныхъ историческихъ сочиненій.

Болѣе заботливые преподаватели обыкновенно и не ограничиваются только уроками, а мало по малу вводятъ своихъ учениковъ въ чтеніе историческихъ сочиненій, совѣтуя имъ иногда прочесть извѣстныя главы или страницы изъ сочиненій Карамзина, Соловьева, Костомарова и др. (Подспорьемъ въ этомъ отношеніи можетъ служить Хрестоматія по русской исторіи гг. Гуревича и Павловича, представляющая хорошій подборъ статей изъ научной литературы по Русской исторіи). Но чтеніе историческихъ сочиненій и научныхъ статей возможно лишь для старшаго возраста. При томъ чтеніе это можетъ принести

дѣйствительную пользу только при двухъ условіяхъ: во-первыхъ, необходимъ большой тактъ со стороны преподавателя при выборѣ статей для чтенія, и, во-вторыхъ, необходимо, чтобы у учащихся былъ сильный интересъ къ отечественной исторіи. А для того, чтобы этотъ интересъ былъ пробужденъ у нихъ, надо, чтобы съ первыхъ же шаговъ изученія родная исторія не ложилась только тяжелымъ бременемъ на память, но производила бы впечатлѣніе на чувства учащихся, давала бы пищу и воображенію ихъ.—Для этого необходимо, кромѣ учебника, кромѣ объясненій учителя,—подспорье въ самостоятельномъ чтеніи учащихся...

Вполнѣ подходящаго для этого и законченнаго труда нѣтъ въ нашей учебной литературѣ; мы дѣлаемъ попытку восполнить этотъ пробѣлъ. Мы задались цѣлью пересказать всѣ важнѣйшія событія Русской исторіи, строго придерживаясь источниковъ и научной разработки ихъ,—пересказать такъ, чтобы у читающихъ получалось сколько-нибудь живое представленіе о минувшихъ событіяхъ, лицахъ и древнемъ строѣ жизни. Для вѣрнаго пониманія историческихъ лицъ и дѣлъ ихъ важно знать, какъ смотрѣли на нихъ современники или ближайшіе потомки. Въ этомъ отношеніи взглядъ лѣтописца, слова древняго проповѣдника, старинное суевѣрное преданіе, простодушное сказаніе современника и т. п. получаютъ высокую цѣну. Всюду, гдѣ можно было, мы и старались показать, какъ событія и дѣла историческихъ дѣятелей отражались въ сознаніи современниковъ. Хотя мы пользовались научными трудами, но всегда старались держаться какъ можно ближе къ источникамъ: нѣкоторые памятники (поученіе Владиміра Мономаха, Слово о Полку, мѣста изъ житія св. Ѳеодосія и пр.). переданы нами почти дословно. Личная жизнь, какъ извѣстно, мало проявлялась въ древнія времена нашей исторіи; мало потому и біографическаго матеріала даютъ наши историческіе источники; но все-таки по нимъ хотя и въ общихъ чертахъ можно представить нѣсколько типовъ, порожденныхъ складомъ древней жизни и историческими обстоятельствами. Съ типомъ князя—суроваго и безпощаднаго воителя, читатели нашей книги познакомятся изъ преданій о первыхъ князьяхъ: Олегѣ, Игорѣ и Святославѣ; съ типомъ воителя, смягченнымъ и просвѣтленнымъ христіанскимъ ученіемъ,— изъ разсказа о Владимірѣ Мономахѣ; съ непосѣдливымъ княземъ-удальцомъ удѣльно-вѣчеваго—періода изъ разсказа о Мстиславѣ Удаломъ. Типы монаховъ-подвижниковъ представлены въ разсказахъ о св. Ѳеодосіи и св. Сергіи. Въ концѣ начинаетъ выясняться типъ князя-политика, скопидома, изворотливаго и дальновиднаго—въ разсказахъ о Юріи и Иванѣ Даниловичахъ.

Особенное вниманіе обращено нами на изложеніе. Мы старались довести языкъ до возможной чистоты и простоты, старались въ то-же время избѣжать сухости.

4-го сентября, 1879 г.

Предисловіе ко 2-му изданію.

При второмъ изданіи нашей книги мы воспользовались замѣчаніями рецензентовъ, почтившихъ нашъ трудъ своимъ разборомъ; многое сообразно ихъ указаніямъ измѣнено или дополнено въ книгѣ. Приняты во вниманіе также и [illegible] почтенные труды по Русской исторіи, которые явились въ свѣтъ

послѣ изданія перваго выпуска „Родной Старины“; главнѣйшіе изъ этихъ трудовъ:—Исторія Русской жизни. 2-я ч., соч. И. Е. Забѣлина, Исторія Россіи 2-я ч., Д. И. Иловайскаго, Очерки Русской исторіи въ памятникахъ быта, 2-я ч. П. Н. Полевого, Матеріалы для исторіи русской одежды В. Прохорова и др. Хотя мы болѣе всего держались первоисточниковъ,—русскихъ лѣтописей, сказаній иностранцевъ и пр., но тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ случаяхъ руководились соображеніями и выводами названныхъ трудовъ, сверхъ сочиненій С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, К. Н. Бестужева-Рюмина и др.

Болѣе существенныя перемѣны въ новомъ изданіи 1-го выпуска „Родной Старины“ слѣдующія: прибавлены разсказы подъ заглавіемъ „Древнѣйшіе обитатели Восточной Европы“ (5—16 стран.) и „Государственный строй и бытъ русскихъ XI—XIII ст. (187—198 стр.); затѣмъ сдѣланы дополненія въ разныхъ частяхъ книги, особенно въ IV главѣ „Время удѣльныхъ смутъ и усобицъ“. Кромѣ того, каждую главу подраздѣлили мы на отдѣльные разсказы для болѣе удобнаго пользованія книгою. Всѣ эти дополненія и измѣненія увеличили объемъ книги почти на три печатныхъ листа. Самымъ важнымъ добавленіемъ считаемъ новыя политипажныя изображенія; ихъ прибавлено семьдесять два, такъ что общее число рисунковъ въ книгѣ болѣе, чѣмъ удвоилось, сравнительно съ первымъ изданіемъ, гдѣ ихъ было всего 53. Этой сторонѣ нашего труда мы придаемъ большое значеніе: изображенія древнихъ зданій, одежды, оружія и пр., разсѣянныя по многимъ дорогимъ изданіямъ и ученымъ трудамъ, недоступнымъ по цѣнѣ не только большинству преподавателей, но и многимъ школьнымъ библіотекамъ, собранныя въ нашей книгѣ, даютъ возможность примѣнить наглядность къ преподаванію отечественной исторіи у насъ въ большей степени, чѣмъ это было до сихъ поръ.

Желая своей книгой дать учащимся такое пособіе, которое, восполняя свѣдѣнія учебника или уроки учителя, возбуждало бы вмѣстѣ съ тѣмъ любознательность и послужило бы переходной ступенью къ чтенію большихъ научныхъ сочиненій по Русской исторіи, мы не могли ради занимательности жертвовать содержаніемъ и послѣдовательностью фактовъ, не останавливались только на болѣе эффектныхъ эпизодахъ, но говорили обо всемъ томъ, что находится въ общепринятыхъ руководствахъ по Русской исторіи. Но при этомъ обо всемъ второстепенномъ, неважномъ, говоримъ коротко, не многимъ больше, чѣмъ въ руководствахъ, говоримъ, насколько это нужно для связи событій и для пониманія ихъ; за то на болѣе существенномъ и характерномъ останавливаемся иногда значительно дольше, чѣмъ авторы большихъ научныхъ трудовъ,—стараемся, на сколько позволяетъ историческій матеріалъ, дать читателямъ живое представленіе о событіяхъ и лицахъ. Только при такомъ способѣ и возможно изложить въ небольшомъ объемѣ 3-хъ или 4-хъ выпусковъ сколько-нибудь полно и картинно важнѣйшія событія отечественной исторіи, не упуская въ то же время изъ виду и связи между ними.

Въ нѣкоторыхъ рецензіяхъ на нашу книгу было выражено сожалѣніе, что къ ней не приложены карты. Не дали мы ихъ и теперь: хорошія карты значительно увеличили бы цѣну книги и сдѣлали бы ее менѣе доступною для учащихся, а помѣщать кое какія мы не хотѣли. При томъ существуетъ у насъ хорошій учебный атласъ по русской исторіи г. Добрякова, доступный по цѣнѣ и вполнѣ удовлетворяющій своей цѣли.

6-го декабря, 1882 г.

дѣйствительную пользу только при двухъ условіяхъ: во-первыхъ, необходимъ большой тактъ со стороны преподавателя при выборѣ статей для чтенія, и, во-вторыхъ, необходимо, чтобы у учащихся былъ сильный интересъ къ отечественной исторіи. А для того, чтобы этотъ интересъ былъ пробужденъ у нихъ, надо, чтобы съ первыхъ же шаговъ изученія родная исторія не ложилась только тяжелымъ бременемъ на память, но производила бы впечатлѣніе на чувства учащихся, давала бы пищу и воображенію ихъ.—Для этого необходимо, кромѣ учебника, кромѣ объясненій учителя,—подспорье въ самостоятельномъ чтеніи учащихся...

Вполнѣ подходящаго для этого и законченнаго труда нѣтъ въ нашей учебной литературѣ; мы дѣлаемъ попытку восполнить этотъ пробѣлъ. Мы задались цѣлью пересказать всѣ важнѣйшія событія Русской исторіи, строго придерживаясь источниковъ и научной разработки ихъ,—пересказать такъ, чтобы у читающихъ получалось сколько-нибудь живое представленіе о минувшихъ событіяхъ, лицахъ и древнемъ строѣ жизни. Для вѣрнаго пониманія историческихъ лицъ и дѣлъ ихъ важно знать, какъ смотрѣли на нихъ современники или ближайшіе потомки. Въ этомъ отношеніи взглядъ лѣтописца, слова древняго проповѣдника, старинное суевѣрное преданіе, простодушное сказаніе современника и т. п. получаютъ высокую цѣну. Всюду, гдѣ можно было, мы и старались показать, какъ событія и дѣла историческихъ дѣятелей отражались въ сознаніи современниковъ. Хотя мы пользовались научными трудами, но всегда старались держаться какъ можно ближе къ источникамъ: нѣкоторые памятники (поученіе Владиміра Мономаха, Слово о Полку, мѣста изъ житія св. Ѳеодосія и пр.). переданы нами почти дословно. Личная жизнь, какъ извѣстно, мало проявлялась въ древнія времена нашей исторіи; мало потому и біографическаго матеріала даютъ наши историческіе источники; но все-таки по нимъ хотя и въ общихъ чертахъ можно представить нѣсколько типовъ, порожденныхъ складомъ древней жизни и историческими обстоятельствами. Съ типомъ князя—суроваго и безпощаднаго воителя, читатели нашей книги познакомятся изъ преданій о первыхъ князьяхъ: Олегѣ, Игорѣ и Святославѣ; съ типомъ воителя, смягченнымъ и просвѣтленнымъ христіанскимъ ученіемъ,— изъ разсказа о Владимірѣ Мономахѣ; съ непосѣдливымъ княземъ-удальцомъ удѣльно-вѣчеваго—періода изъ разсказа о Мстиславѣ Удаломъ. Типы монаковъ-подвижниковъ представлены въ разсказахъ о св. Ѳеодосіи и св. Сергіи. Въ концѣ начинаетъ выясняться типъ князя-политика, скопидома, изворотливаго и дальновиднаго—въ разсказахъ о Юріи и Иванѣ Даниловичахъ.

Особенное вниманіе обращено нами на изложеніе. Мы старались довести языкъ до возможной чистоты и простоты, старались въ то-же время избѣжать сухости.

4-го сентября, 1879 г.

Предисловіе ко 2-му изданію.

При второмъ изданіи нашей книги мы воспользовались замѣчаніями рецензентовъ, почтившихъ нашъ трудъ своимъ разборомъ; многое сообразно ихъ указаніямъ измѣнено или дополнено въ книгѣ. Приняты во вниманіе также и новые почтенные труды по Русской исторіи, которые явились въ свѣтъ

послѣ изданія перваго выпуска „Родной Старины“; главнѣйшіе изъ этихъ трудовъ:—Исторія Русской жизни. 2-я ч., соч. И. Е. Забѣлина, Исторія Россіи 2-я ч., Д. И. Иловайскаго, Очерки Русской исторіи въ памятникахъ быта, 2-я ч. П. Н. Полевого, Матеріалы для исторіи русской одежды В. Прохорова и др. Хотя мы болѣе всего держались первоисточниковъ,—русскихъ лѣтописей, сказаній иностранцевъ и пр., но тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ случаяхъ руководились соображеніями и выводами названныхъ трудовъ, сверхъ сочиненій С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, К. Н. Бестужева-Рюмина и др.

Болѣе существенныя перемѣны въ новомъ изданіи 1-го выпуска „Родной Старины“ слѣдующія: прибавлены разсказы подъ заглавіемъ „Древнѣйшіе обитатели Восточной Европы“ (5—16 стран.) и „Государственный строй и бытъ русскихъ XI—XIII ст. (187—198 стр.); затѣмъ сдѣланы дополненія въ разныхъ частяхъ книги, особенно въ IV главѣ „Время удѣльныхъ смутъ и усобицъ“. Кромѣ того, каждую главу подраздѣлили мы на отдѣльные разсказы для болѣе удобнаго пользованія книгою. Всѣ эти дополненія и измѣненія увеличили объемъ книги почти на три печатныхъ листа. Самымъ важнымъ добавленіемъ считаемъ новыя политипажныя изображенія; ихъ прибавлено семьдесять два, такъ что общее число рисунковъ въ книгѣ болѣе, чѣмъ удвоилось, сравнительно съ первымъ изданіемъ, гдѣ ихъ было всего 53. Этой сторонѣ нашего труда мы придаемъ большое значеніе: изображенія древнихъ зданій, одежды, оружія и пр., разсѣянныя по многимъ дорогимъ изданіямъ и ученымъ трудамъ, недоступнымъ по цѣнѣ не только большинству преподавателей, но и многимъ школьнымъ библіотекамъ, собранныя въ нашей книгѣ, даютъ возможность примѣнить наглядность къ преподаванію отечественной исторіи у насъ въ большей степени, чѣмъ это было до сихъ поръ.

Желая своей книгой дать учащимся такое пособіе, которое, восполняя свѣдѣнія учебника или уроки учителя, возбуждало бы вмѣстѣ съ тѣмъ любознательность и послужило бы переходной ступенью къ чтенію большихъ научныхъ сочиненій по Русской исторіи, мы не могли ради занимательности жертвовать содержаніемъ и послѣдовательностью фактовъ, не останавливались только на болѣе эффектныхъ эпизодахъ, но говорили обо всемъ томъ, что находится въ общепринятыхъ руководствахъ по Русской исторіи. Но при этомъ обо всемъ второстепенномъ, неважномъ, говоримъ коротко, не многимъ больше, чѣмъ въ руководствахъ, говоримъ, насколько это нужно для связи событій и для пониманія ихъ; за то на болѣе существенномъ и характерномъ останавливаемся иногда значительно дольше, чѣмъ авторы большихъ научныхъ трудовъ,—стараемся, на сколько позволяетъ историческій матеріалъ, дать читателямъ живое представленіе о событіяхъ и лицахъ. Только при такомъ способѣ и возможно изложить въ небольшомъ объемѣ 3-хъ или 4-хъ выпусковъ сколько-нибудь полно и картинно важнѣйшія событія отечественной исторіи, не упуская въ то же время изъ виду и связи между ними.

Въ нѣкоторыхъ рецензіяхъ на нашу книгу было выражено сожалѣніе, что къ ней не приложены карты. Не дали мы ихъ и теперь: хорошія карты значительно увеличили бы цѣну книги и сдѣлали бы ее менѣе доступною для учащихся, а помѣщать кое какія мы не хотѣли. При томъ существуетъ у насъ хорошій учебный атласъ по русской исторіи г. Добрякова, доступный по цѣнѣ и вполнѣ удовлетворяющій своей цѣли.

6-го декабря, 1882 г.

Къ 3-му изданію.

Въ этомъ изданіи сдѣланы нѣкоторыя дополненія въ текстѣ (прибавленъ отдѣльный очеркъ „Первоучители славянъ,—Св. Кириллъ и Меѳодій“ и введено нѣсколько подробностей въ разсказъ „Усобицы при сыновьяхъ и внукахъ Владиміра Мономаха“). Сверхъ того добавлено 18 политипажей, и нѣкоторые изъ прежнихъ замѣнены новыми—лучшими. Въ концѣ книги мы помѣстили родословныя таблицы всѣхъ князей, упоминаемыхъ въ текстѣ, съ обозначеніемъ годовъ смерти каждаго изъ нихъ. Такія таблицы для справокъ, полагаемъ, не лишни въ учебномъ пособій. Болѣе компактная печать дала возможность, при всѣхъ указанныхъ дополненіяхъ, немного даже уменьшить объемъ книги, и потому цѣна оставлена прежняя.

В. Сиповскій.

9 ноября, 1886 г.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Откуда узнаемъ мы наше прошлое..

Болѣе тысячи лѣтъ минуло съ той поры, какъ положено начало русскому государству. Много за это время свершилось на Руси крупныхъ дѣлъ и хорошихъ, и дурныхъ; не мало бѣдъ и горя пережилъ русскій народъ; были у него и свѣтлые дни радости; были и люди, память о которыхъ дорога всякому русскому сердцу. Есть о чемъ поразсказать, есть что и послушать.

Откуда же узнать намъ о томъ, что было за нѣсколько вѣковъ до насъ? Откуда провѣдать о стародавнихъ временахъ?

Жизнь народовъ обыкновенно не проходитъ безслѣдно. Устные разсказы о давноминувшихъ событіяхъ, древніе письменные памятники, зданія, утварь, оружіе и другія вещи, уцѣлѣвшія отъ прежнихъ временъ,—все это слѣды минувшей жизни народа. Чѣмъ образованнѣе становятся люди, тѣмъ больше они дорожатъ этими остатками старины: понимаютъ, что нельзя разумно жить среди народа, не зная его правовъ, обычаевъ, учрежденій; а узнать и вполнѣ понять ихъ только и можно, уяснивъ себѣ, какъ складывались они въ многовѣковой жизни народа. Разъяснить это и изобразить былую жизнь народа есть задача исторіи, а всевозможные остатки старины служатъ источникомъ, откуда историкъ черпаетъ свѣдѣнія о быломъ.

Какъ отдѣльному человѣку, такъ и цѣлому народу врождено помнить свое прошлое и любить его. Кому не приходилось замѣчать, какъ любятъ разсказывать о минувшихъ дняхъ люди старые да бывалые,—какъ говорится, видавшіе виды на своемъ вѣку? Разсказываютъ они порой такъ хорошо, подробно да плавно, что и заслушаться ихъ можно. Память у стариковъ бываетъ нерѣдко и богата, и таровата,—были бы только охотники слушать ихъ, а за охотой разсказывать дѣло у нихъ не станетъ.

Такая охота у старыхъ людей была во всѣ времена. Разсказываютъ старики про былое своимъ дѣтямъ да внукамъ, и глубоко имъ въ память да въ

сердце западаютъ разсказы. Пройдетъ десятка два—три лѣтъ,—дѣды уже въ могилу сошли, внуки ихъ и дѣти сами стали отцами и дѣдами; разсказываютъ и они своимъ дѣтямъ о старой дѣдовской были и о томъ, что сами на своемъ вѣку видали. Такъ изъ роду въ родъ и передаются разсказы о быломъ,— потому и называютъ ихъ преданіями. Вѣка проходятъ, а сказанія о старинѣ, словно наслѣдство заповѣдное, на ряду съ дѣдовскими обычаями переходятъ отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Хоть и крѣпка бываетъ память у стариковъ на прошлое, а все-таки ей не сдержать всего, что они сами видывали и отъ другихъ слыхивали: ускользаютъ имена, путаются событія, забываются порой мѣсто и время, гдѣ и когда что случилось. Притомъ вѣдь не все, что знаешь, разсказывать хочется; что глубже врѣзалось въ память да къ сердцу ближе, только то и на языкъ просится. Лихія бѣды, подвиги молодецкіе, лютое горе и свѣтлыя радости—вотъ что больше всего сказывается въ народныхъ преданіяхъ.—На бѣду, когда сердце слишкомъ ужъ сильно заговоритъ, то умъ порой молчитъ... Иной разсказчикъ говоритъ о силѣ дивной могучаго богатыря, о чудесныхъ подвигахъ его, да невольно отъ полноты души и прикинетъ отъ себя словцо—другое, гдѣ преувеличитъ, гдѣ пріукраситъ; смотришь, съ былью ужъ и сплелась небылица. Прошелъ такой разсказъ чрезъ уста нѣсколькихъ поколѣній, преданіе ужъ и въ сказку обратилось, и трудно въ ней распознать былъ отъ небылицы. А то найдутся въ народѣ и такіе досужіе да умѣлые люди, что иныя сказанія въ пѣсни переложатъ: въ пѣснѣ они выходятъ складнѣе и слушать ихъ пріятнѣе.

Жизнь не стоитъ: года идутъ за годами; совершаются новыя дѣла; у каждаго поколѣнія—свои печали, свои радости, свои заботы; зарождаются новыя сказанія, новыя пѣсни складываются. Онѣ мало-по-малу смѣшиваются между собою въ народной памяти; новое сплетается со старымъ или вытѣсняетъ его. Много древнихъ преданій и старыхъ пѣсенъ затерялось, забыто народомъ прежде, чѣмъ ученые стали у насъ собирать, записывать и изучать ихъ; но все же не мало ихъ хранится и до сихъ поръ въ народной памяти. Давнымъ давно ужъ нѣтъ на свѣтѣ тѣхъ, про кого говорится въ иной пѣснѣ, даже и отъ могилъ ихъ давно ужъ и слѣда нѣтъ, а живая пѣсня все еще говоритъ про ихъ дѣла; сотни лѣтъ проходятъ, а горе и радости ихъ все живутъ въ этихъ пѣсняхъ...

Народныя пѣсни, сказки, преданія служатъ исторіку драгоцѣннымъ устнымъ источникомъ. Не станетъ онъ черпать изъ нихъ свѣдѣній о событіяхъ и лицахъ, но узнаетъ отсюда, во что вѣрилъ народъ, на что надѣялся, что любилъ онъ и что изъ пережитаго и передуманнаго имъ особенно глубоко врѣзалось въ его память. Вотъ чѣмъ дороги для исторіи устныя народныя произведенія.

Въ древности, когда у нашихъ предковъ и въ поминѣ еще не было письменности, въ наши края заходили грамотные иноземцы или узнавали о нашей землѣ отъ бывалыхъ людей и разносили извѣстія о ней, порой вели записки, описывали нравы, обычаи, бытъ нашихъ предковъ. Много изъ этого источника можно почерпнуть любопытныхъ подробностей о старинномъ житьѣ-бытьѣ русскихъ; притомъ отсюда узнаемъ, какъ смотрѣли на нихъ иноземцы въ ту или другую пору.

Когда письменность стала распространяться на Руси, между грамотными монахами у насъ нашлись такіе, которые стали вести записки о событіяхъ въ родной землѣ. Дѣлалось это сначала очень просто: выставляли года и подъ ними коротко отмѣчали, что̀ случилось въ это время, а ничего особеннаго не было, то ничего и не писали,—годъ пустымъ оставался. Вереницы годовъ, или лѣтъ, съ короткими, отрывочными записями и называютъ лѣтописями.

Такихъ начальныхъ записей до нашего времени не сохранилось. Самый древній лѣтописный трудъ, дошедшій до насъ „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ (полное его заглавіе: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуду есть пошла русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуду русская земля стала есть“), относится къ XII вѣку. Составитель этой лѣтописи, кто бы ни былъ онъ,—инокъ ли Кіево-Печерской Лавры Несторъ, какъ думали прежде, или Сильвестръ, игуменъ Выдубицкаго монастыря, какъ полагаютъ теперь,—потрудился не мало надъ своей книгой. Жилъ онъ въ концѣ XI и началѣ XII ст., а задумалъ начать ее по примѣру греческихъ лѣтописцевъ со временъ всемірнаго потопа. Пришлось ему собирать свѣдѣнія изъ греческихъ лѣтописей, изъ разныхъ сказаній и преданій, особенно же изъ древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ замѣтокъ; пришлось все это сводить въ одно цѣлое, потому и называютъ трудъ его лѣтописнымъ сводомъ. Темное преданіе о первыхъ князьяхъ, благочестивое сказаніе о первыхъ христіанскихъ подвижникахъ на Руси, отрывочныя замѣтки о походѣ князя или нападеніи хищныхъ враговъ, сказочный разсказъ бывалаго человѣка о какихъ-либо диковинахъ русской земли,—все дорого для него, все старательно заноситъ въ свою книгу простодушный составитель; только позднѣйшія событія могъ онъ описывать, какъ очевидецъ. Отрекся онъ отъ свѣта, хочетъ думать только о Богѣ, о спасеніи душевномъ, да не вырвать ему изъ сердца своего привязанности къ родной землѣ, сильно хочется ему знать, что на ней творится и творилось, хочется и другимъ повѣдать о томъ, что̀ самъ знаетъ. И встъ, помолясь Богу, берется онъ усердно за свой трудъ: скорбно повѣствуетъ о неурядицахъ на Руси, о злодѣяніяхъ, о княжескихъ усобицахъ, съ умиленіемъ сердечнымъ заноситъ сказаніе о подвигахъ христіанскаго благочестія, приводитъ изъ св. писанія подходящія мѣста. На трудъ свой смотритъ онъ, какъ на дѣло богоугодное: будутъ читать лѣтопись князья, бояре, монахи,—узнаютъ, сколько зла творилось на землѣ, какъ Богъ каралъ за это нечестивыхъ, узнаютъ и хорошія дѣла, подвиги лучшихъ русскихъ людей,—и легче будетъ добрымъ людямъ избирать правые пути въ жизни и отъ зла сторониться. Нелегко было написать цѣлую книгу, когда приходилось букву за буквой вырисовывать; но лѣтописецъ усердно трудится: онъ надѣется „отъ Бога милость пріяти“, надѣется, что и люди прочтутъ его книгу и добрымъ словомъ помянутъ его.

Великое дѣло совершилъ трудолюбивый составитель „Повѣсти временныхъ лѣтъ“: изъ нея болѣе всего мы и узнаемъ о древнѣйшихъ событіяхъ на Руси, до 1110 года, которымъ заканчивается эта лѣтопись.

Вслѣдъ за нею стали вести лѣтописныя сказанія и въ другихъ городахъ, по монастырямъ, (Новгородскія лѣтописи, Псковская, Суздальская и друг.). Позднѣйшіе лѣтописцы обыкновенно списывали сначала „Повѣсть временныхъ

лѣтъ", а затѣмъ ужъ сами продолжали,—отмѣчали больше событія тѣхъ областей и городовъ, гдѣ сами жили. Лѣтописи велись у насъ до XVII вѣка. Множество рукописныхъ лѣтописей дошло до нашего времени; но, къ сожалѣнію, самыя древнія изъ нихъ писаны не раньше конца XIV ст. и начала XV (Лаврентьевская и Ипатьевская); стало быть, „Повѣсть временныхъ лѣтъ" сохранилась лишь въ позднѣйшихъ спискахъ.

Кромѣ лѣтописей, отъ древней письменности уцѣлѣло много отдѣльныхъ сказаній о достопамятныхъ событіяхъ, житій святыхъ, записокъ современниковъ, посланій; сохранились также древніе договоры, княжескія грамоты, указы, постановленія правительства, уставы, законы. Все это—драгоцѣнные для исторіи письменные источники.

Съ теченіемъ времени все больше и больше копилось разныхъ рукописей. Цѣлыя груды ихъ сотни лѣтъ таились въ полной неизвѣстности въ монастырскихъ и другихъ древнихъ книгохранилищахъ. Съ XVI вѣка началось въ Москвѣ книгопечатаніе; но долго никто и не думалъ печатать драгоцѣнныя для исторіи рукописи. Чтобы разобраться въ грудахъ ихъ, распознать важныя отъ неважныхъ, нужны были не только трудъ и усердіе, но и знаніе и умѣніе; а ихъ то и недоставало у нашихъ предковъ. Не умѣли они даже и беречь дорогихъ рукописей: много ихъ затерялось, немало ихъ погибло не только отъ пожаровъ, но и отъ сырости да пыли.

Только съ прошлаго вѣка въ нашемъ отечествѣ зародилась настоящая наука. По мысли Петра Великаго возникло въ Петербургѣ ученое учрежденіе, академія наукъ, куда призваны были ученые, за неимѣніемъ русскихъ, изъ Германіи. Между ними нашлись люди, знавшіе цѣну древнимъ рукописямъ,—стали ихъ старательно собирать, изучать, печатать. Начиная съ Ломоносова, перваго русскаго ученаго, и русскіе люди принимаются за науку. Многіе стали усердно трудиться и надъ разными вопросами русской исторіи; иные пытались изложить ее послѣдовательно и связно съ древнѣйшихъ временъ. Въ началѣ нашего вѣка является знаменитый трудъ Карамзина: „Исторія государства Россійскаго" (доведена до 1613 г.). Съ этого времени любовь къ старинѣ все ростетъ и ростетъ. Является все больше и больше ученыхъ, учреждаются цѣлыя общества любителей древностей, общими силами работаютъ надъ источниками русской исторіи. Дорога родная старина всякому, но дороже всего она тому, кто всю жизнь кладетъ на изученіе ея: усердно роются ученые въ грудахъ старинныхъ рукописей, изучаютъ древнія сказанія, темныя преданія, сказки, пѣсни, обычаи, повѣрія, языкъ народа,—древнія могилы (курганы) раскапываютъ, отыскиваютъ древнее оружіе, утварь и пр.; всюду ищутъ остатковъ старины, какъ золотоискатели золота.

И не напрасенъ ихъ трудъ: все больше и больше набирается свѣдѣній о старинѣ, все яснѣе и яснѣе возникаетъ прошлое предъ нами,—словно оживаетъ. Учреждаются новыя ученыя общества, работающія надъ русской стариной. Возникаетъ у насъ цѣлая наука древностей (археологія) съ многими отдѣлами, охватывающими всѣ стороны древняго быта (старинныя зданія, иконы, древнія письмена, утварь, оружіе, одежды, монеты и пр.). Кромѣ большихъ государственныхъ собраній и хранилищъ древностей, какъ напр. Оружейная Палата

въ Москвѣ и Эрмитажъ въ Петербургѣ, изученію старины способствуютъ и частныя собранія древнихъ вещей у нѣкоторыхъ богатыхъ любителей древностей. Издаются, благодаря помощи правительства и частныхъ лицъ, лѣтописи, государственныя грамоты, изображенія древнихъ зданій, вещей, одеждъ. Являются богатыя собранія устныхъ, народныхъ произведеній (пѣсенъ, сказокъ, пословицъ и пр.), издаются научныя изслѣдованія народныхъ обычаевъ, повѣрій. Правительство открываетъ свои собранія древнихъ документовъ и бумагъ (архивы) для любознательныхъ ученыхъ. Частныя лица, владѣющія важными для исторіи записками или письмами, обнародываютъ ихъ. Возникаетъ нѣсколько историческихъ журналовъ („Русская Старина", „Русскій Архивъ", „Историческій Вѣстникъ" и др.), которые издаются въ теченіи многихъ лѣтъ и не могутъ исчерпать всего нашего „историческаго богатства", накопленнаго въ минувшіе годы.

Много даровитыхъ и высокоталантливыхъ ученыхъ, много и скромныхъ тружениковъ работало надъ русской стариной. Не одну страницу пришлось бы исписать ихъ именами, если бы мы вздумали всѣхъ ихъ назвать. Всѣмъ имъ скажетъ сердечное спасибо всякій русскій, кому дорога родная старина, скажетъ большое спасибо и историкъ, которому и подумать нельзя было бы объ изложеніи исторіи, не будь подготовлено для нея источниковъ. А собрать ихъ и подготовить, какъ говорится, матеріалы для исторіи — дѣло очень нелегкое. Довѣрчивый лѣтописецъ спокойно заносилъ въ свой трудъ всякія извѣстія, преданія, разсказы, — не задумывался долго надъ тѣмъ, вѣрны ли они, или нѣтъ; а настоящій ученый можетъ пользоваться историческими свѣдѣніями лишь послѣ строгой, разумной провѣрки (критики) источниковъ: откроетъ ли онъ какое-либо неизвѣстное раньше древнее сказаніе, онъ прежде всего, если не помѣченъ годъ, когда оно написано, постарается развѣдать по начертанію письменъ, по языку, какому времени принадлежитъ рукопись; если въ ней разсказано о какомъ-либо событіи, то изслѣдователь задумывается, могъ ли писавшій и хотѣлъ-ли сказать правду; найдетъ ли ученый изслѣдователь старины древнюю монету, онъ еще провѣритъ, такъ-ли стара она, какъ кажется, не поддѣльна-ли она и т. д. Только послѣ осторожныхъ, разумныхъ изысканій, порою очень долгихъ и кропотливыхъ, указана будетъ настоящая цѣна памятника для исторіи.

Послѣ такой разработки, послѣ изданія источниковъ можно вѣрнѣе и полнѣе излагать русскую исторію, чѣмъ прежде. Съ пятидесятыхъ годовъ Соловьевъ началъ свой огромный трудъ (теперь 29 томовъ); затѣмъ появились многочисленные труды Костомарова, — они усилили въ русскомъ обществѣ любовь къ историческому чтенію. Наконецъ, въ наше время начато нѣсколько новыхъ большихъ работъ по русской исторіи (Бестужева-Рюмина, Забѣлина и Иловайскаго), которые стараются рѣшить нѣкоторые темные вопросы нашей исторіи и освѣтить полнѣе древне-русскую жизнь.

Надъ разъясненіемъ ея много еще придется поработать и теперешнимъ нашимъ историкамъ, и будущимъ. Нелегко разобраться въ грудахъ письменныхъ, вещевыхъ, и устныхъ источниковъ; еще труднѣе добыть изъ нихъ то, что составляетъ главную задачу всякой науки, — правду, ту правду, которую и народъ нашъ высоко цѣнитъ и говоритъ о ней въ своихъ пословицахъ:

„Правда свѣтлѣе солнца, дороже золота“, „Безъ правды не живутъ люди, а только маются“.

Образованные люди могутъ узнавать эту правду о родной старинѣ изъ трудовъ ученыхъ; грамотному простолюдину кое-что скажутъ о ней доступныя ему книжки; неграмотный же людъ узнаетъ о ней отъ грамотныхъ, а въ глухихъ уголкахъ нашей земли нерѣдко тѣмъ же способомъ, какъ предки наши тысячу лѣтъ назадъ, — изъ разсказовъ стариковъ, преданій да пѣсенъ. Все рѣже и рѣже слышатся въ нашихъ деревняхъ старинныя пѣсни: онѣ мало-по-малу вытѣсняются новыми, книжными. Былины о старыхъ богатыряхъ сказываются только кое-гдѣ у насъ на сѣверѣ уже немногими умѣлыми стариками; на югѣ Россіи былинъ этихъ народъ уже не знаетъ, — ихъ замѣнили пѣсни (думы) о казацкихъ временахъ. Здѣсь встрѣчаются еще, хотя и рѣдко, народные пѣвцы (кобзари), большею частью нищіе-слѣпцы. Но и до сихъ поръ можно видѣть, какое великое значеніе имѣли они для народа. Ходятъ они за своими поводырями (вожаками) изъ села въ село. Вездѣ кобзарь — желанный гость, — куда ни придетъ онъ, вокругъ него скоро собирается толпа и стараго, и юнаго люда: всякому хочется послушать пѣсни о старинѣ. Играетъ кобзаръ на своей кобзѣ (родъ гитары) и подъ звуки ея струнъ поетъ свою пѣсню: поетъ онъ о томъ, какъ попадали казаки въ татарскую или турецкую неволю, о мукахъ нестерпимыхъ, какія выносили они въ рукахъ басурманъ, — уныло звучитъ старческій голосъ пѣвца, струны жалобно стонутъ. Стоятъ кругомъ слушатели, стоятъ недвижно съ опущенными головами, словно слышатъ они стоны предковъ своихъ, — слышатъ, а помочь не могутъ... Кончилъ свою пѣсню кобзарь. Смутно у всѣхъ на душѣ. Но вотъ онъ снова запѣлъ, и запѣлъ иную пѣсню: поетъ онъ про степь широкую, вольную, поетъ о томъ, какъ по ней разливалась удаль казацкая, поетъ про лихіе подвиги прадѣдовъ, про силу ихъ могучую. Звонче гудятъ живыя струны; крѣпнетъ голосъ стараго пѣвца, будто молодость вернулась къ нему. Подымаются опущенныя головы слушателей, расправляютъ свои согнутыя спины старые казаки, а у молодыхъ и глаза блещутъ, — почуяли они, что и въ ихъ жилахъ течетъ казацкая прадѣдовская кровь...

I.

Восточная Европа до начала Русскаго государства.

Природа страны.

Восточная часть Европы вовсе не походитъ на западную. Нигдѣ на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ такого извилистаго, изрѣзаннаго заливами морскаго берега, какъ на европейскомъ западѣ; нигдѣ не бросаются такъ въ глаза, какъ тутъ, слѣды упорной, вѣковѣчной борьбы моря съ материкомъ: оно здѣсь охватываетъ сушу съ трехъ сторонъ, своими волнами изрѣзываетъ берега, промываетъ низменности, отрываетъ клочки суши отъ материка, образуя прибрежные острова, врывается въ него множествомъ большихъ и малыхъ заливовъ; а материкъ, въ свою очередь, словно напрягая силы свои, вздымается горными кряжами, вторгается отрогами ихъ въ море, врѣзывается въ него скалистыми мысами, объ утесы которыхъ цѣлыя тысячелѣтія разбиваются морскія волны...

Нигдѣ горы, долины и морскіе берега не сочетались такъ выгодно для человѣка, какъ въ западной Европѣ. Море расчленяетъ ее на нѣсколько большихъ полуострововъ, на сѣверѣ своими теплыми теченіями грѣетъ ее, на югѣ спасаетъ отъ жгучаго африканскаго зноя. Горные хребты, идущіе по ней вдоль и поперекъ, дѣлятъ ее на нѣсколько областей, на множество долинъ и уютныхъ уголковъ. Равнины и долины, во многихъ мѣстахъ огражденныя горами отъ сѣверныхъ холодныхъ вѣтровъ, обильно орошенныя горными потоками и рѣками, цвѣтутъ богатой растительностью. Горы всегда облегчали жителямъ Западной Европы защиту отъ враговъ; роскошная природа ея,—особенно на югѣ, издавна влекла населеніе, щедро осыпая человѣка своими дарами, лаская

взоры его своими красотами; а море, никогда не замерзающее, съ его многочисленными заливами и островами облегчало сношенія народовъ и манило смѣлыхъ на поиски за счастьемъ въ чужедальніе края...

Мудрено ли, что на европейскомъ западѣ, богатыя, цвѣтущія страны рано наполнились густымъ населеніемъ,—что рано сложилось здѣсь нѣсколько государствъ, возникли многолюдные богатые города, развились промышленность, торговля, мореплаваніе и зацвѣли искусства и образованность?

Не то представляетъ европейскій востокъ. Громадной равниной раскинулся здѣсь материкъ отъ Сѣвернаго моря до Чернаго, отъ Уральскихъ горъ до Карпатовъ и Балтійскаго моря. Трудно было поселенцамъ найти здѣсь уютное мѣсто и сѣсть плотными поселками гдѣ-либо на безграничной равнинѣ, трудно было не разбросаться въ разныя стороны по ея широкому простору. Много силъ и труда должно было пойти здѣсь у жителей на оборону отъ лютаго холода, отъ хищнаго врага, да и почва здѣсь большею частью скупа,—скудно платитъ человѣку за его трудъ.

Западно-европейская природа, справедливо замѣчаетъ одинъ изъ нашихъ историковъ, всегда была для человѣка нѣжной матерью, а восточная—суровой мачихой. Понятно, что на востокѣ Европы гораздо труднѣе было, чѣмъ на западѣ, сложиться государству, возникнуть большимъ городамъ, разростись промышленности и торговлѣ.

На громадной восточно-европейской равнинѣ, только по дальнимъ своимъ окраинамъ имѣющей естественныя границы, рано или поздно должно было сложиться одно большое государство. Равнина эта предназначена была для нашего огромнаго государства, для многочисленнаго и могучаго нашего народа, медленно окрѣпшаго, закаленнаго въ бѣдахъ и невзгодахъ, много вѣковъ поливавшаго землю свою потомъ и кровью,—народа, терпѣніе и удаль котораго такъ-же безграничны, какъ широкій просторъ его полей...

На крайнемъ сѣверѣ восточной Европы большую часть года стоитъ лютая зима; бѣлой пеленой снѣгъ покрываетъ промерзлую почву; страшной стужей вѣетъ съ Ледовитаго моря; ночной сумракъ полгода виситъ надъ землей. Не будь тутъ хорошей рыбной ловли, охоты за пушнымъ звѣремъ и птицей да быстраго и выноснвиго сѣвернаго оленя, нельзя было бы и жить человѣку на дальнемъ сѣверѣ. Край здѣсь совсѣмъ безплодный: ничего ни посадить, ни посѣять нельзя; короткимъ лѣтомъ поверхность промерзлой болотистой почвы (тундры) оттаиваетъ лишь на нѣсколько вершковъ; рости на ней можетъ только мохъ,—пища сѣвернаго оленя. Къ югу отъ этого дикаго и безплоднаго края появляются деревья, сначала въ видѣ мелкаго кустарника, а далѣе идутъ дремучіе сосновые и еловые лѣса.

Средняя полоса восточной Европы богата и теперь лѣсами, а за тысячу лѣтъ назадъ ихъ было гораздо больше: на цѣлыя сотни верстъ тянулись непроглядныя, непроходимыя лѣсныя дебри, которыя перемежались озерами да болотами. Въ лѣсной глуши привольно было всякому лѣсному звѣрю: бѣлки, зайцы, волки, медвѣди, лисицы, куницы наполняли ихъ; стадами бродили дикіе кабаны, серны, зубры; раздолье было здѣсь и лѣсной птицѣ!—На сѣверѣ въ лѣсахъ больше встрѣчаются хвойныя деревья—ель да сосна, а южнѣе идутъ

лиственныя—кленъ, дубъ, липа и другія. Здѣсь въ изобиліи роятся пчелы и кладутъ свой медъ въ дуплахъ старыхъ деревъ. Тутъ гораздо легче, чѣмъ на крайнемъ сѣверѣ, живется и человѣку: кромѣ разныхъ лѣсныхъ промысловъ, можетъ онъ воздѣлывать здѣсь рожь, овесъ, гречиху, ленъ и другія полезныя ему полевыя и огородныя растенія.

Къ югу отъ средней полосы все рѣже и рѣже встрѣчаются лѣса: они ютятся по берегамъ рѣкъ да по влажнымъ низменностямъ и все больше и больше мѣста уступаютъ полямъ да лугамъ, а дальше разстилается широкая, неоглядная степь. Теплѣе грѣетъ землю тутъ солнце, и тучная почва во многихъ мѣстахъ даетъ здѣсь обильные урожаи пшеницы, раститъ нѣжныя плодовыя деревья, а въ самыхъ южныхъ частяхъ даже и виноградную лозу. Долго эта степная полоса не имѣла постояннаго населенія, — бродили тутъ порою лишь кочевники.— Раннею весною покрывалась степь густыми, высокими травами; словно волны ходили по этому зеленому травяному морю, когда степной вѣтеръ гулялъ здѣсь на просторѣ. Раздолье было въ степи дикимъ конямъ и другимъ травояднымъ животнымъ; привольно было здѣсь и степной птицѣ: стрепеты, дрохвы, дикіе голуби, горлинки, цѣлыми стаями носились надъ степью; рои мелкихъ голосистыхъ птицъ наполняли воздухъ своимъ свистомъ и пѣньемъ. Раннимъ лѣтомъ степь пестрѣла яркими цвѣтами, запахомъ ихъ наполнялся степной сухой воздухъ. Мудрено ли, что роскошная степь эта постоянно привлекала съ востока, изъ Азіи, кочевниковъ? Но случалось, что жгучимъ лѣтнимъ зноемъ высушивало и даже выжигало степныя травы, и тогда до весны степь обращалась въ мертвую пустыню...

Степь спускается къ берегамъ Чернаго, Азовскаго и Каспійскаго морей. Чѣмъ дальше уходитъ она на востокъ, тѣмъ низменнѣе и безплоднѣе становится почва; попадаются здѣсь мѣстами и голые пески, пропитанные солью (солончаки). Дальше на востокѣ европейскія степи сливаются съ азіатскими.

Среди всего громаднаго простора восточной Европы, хоть изъѣздить ее вдоль и поперекъ, — не найти настоящихъ горъ; попадутся кое гдѣ развѣ небольшія возвышенности да холмы. Внутри эта громадная равнина незамѣтно поднимается и образуетъ плоскую возвышенность (Алаунскую), покрытую въ иныхъ мѣстахъ холмами; здѣсь много лѣсовъ, болотъ и озеръ, — отсюда и беруть начало наши большія рѣки. Съ западной части возвышенности (Валдайскія горы) течетъ на востокъ Волга сначала маленькой рѣченкой; справа и слѣва бѣгутъ къ ней ея притоки,—ручья и рѣчки; чѣмъ дальше, тѣмъ полноводнѣе, глубже и шире дѣлается она, а когда, принявъ въ себя Оку, сливается съ рѣкой Камой, то становится такой широкой, что съ одного берега еле видишь другой. Здѣсь Волга поворачиваетъ на югъ, медленно и величаво несетъ свои воды чрезъ дремучіе лѣса, чрезъ степи широкія въ Каспійское море.— Съ той же возвышенности беретъ начало Днѣпръ. И онъ начинается маленькой рѣчкой, а потомъ все растетъ и растетъ, принимая въ себя воды притоковъ, и тихо, не спѣша, пробирается чрезъ густые лѣса къ вольной степи. Въ одномъ мѣстѣ тутъ заслонили было ему путь камни да скалы (пороги), и забурлили его воды: тѣсно имъ послѣ приволья да простора степнаго пробираться по узкимъ проходамъ между камнями! Пробившись сквозь пороги,

свободно и вольно разливается Днѣпръ вширь и впадаетъ въ Черное море такимъ широкимъ устьемъ, что и не разберешь, гдѣ кончается рѣка и гдѣ начинается море. Межъ Волгой и Днѣпромъ Донъ съ притоками орошаетъ степь и несетъ свои воды въ Азовское море. Съ Валдайской возвышенности течетъ Западная Двина въ Балтійское море. Тутъ же неподалеку начинаются и рѣки, текущія въ озеро Ильмень; изъ него Волховъ идетъ въ Ладожское озеро, а оно рѣкою Невою вливается въ Балтійское море. Съ Алаунской гряды текутъ на сѣверъ притоки рѣки Сѣверной Двины, а на югъ — притоки Волги. Кромѣ этихъ рѣкъ, много другихъ меньшихъ пересѣкаютъ страну по всѣмъ направленіямъ. Изъ средины ея онѣ съ множествомъ притоковъ расходятся на сѣверъ и югъ, на западъ и востокъ,—и словно водною сѣтью покрываютъ всю громадную равнину. Многія изъ этихъ рѣкъ, полноводныя, рыбныя, текутъ на цѣлыя сотни верстъ, — текутъ спокойно, не спѣша, чрезъ лѣса, поля и степи.

Не будь этихъ рѣкъ, трудно было бы расходиться по странѣ первымъ поселенцамъ ея,—легко было затеряться въ безпредѣльныхъ степяхъ, заблудиться въ лѣсныхъ трущобахъ, да и пробираться сквозь непролазныя дебри по топкимъ болотамъ было очень тяжело и опасно: на каждомъ шагу можно было встрѣтиться съ хищнымъ звѣремъ. То ли дѣло рѣка... Путь ровный! Сдѣлать челнъ изъ стараго дуплистаго дерева нехитро. По теченію рѣки плыть совсѣмъ легко: сама вода несетъ; да и вверхъ подыматься не тяжело по тѣмъ рѣкамъ, которыя текутъ тихо и ровно. Поднимешься къ верховью одной рѣки, плыть дальше нельзя, — смотришь, — недалеко начинается другая рѣка. Три-четыре человѣка могутъ безъ особаго труда перетащить челнъ до нея: гдѣ мѣсто гладкое—можно тащить по землѣ волокомъ, а гдѣ нельзя—тамъ легкую ладью и на рукахъ нетрудно перенести. Стоитъ только добраться до другой рѣки, спустить лодку въ воду, — и плыви себѣ иной разъ хоть цѣлыя сотни верстъ безъ помѣхи. Плавая по рѣкамъ, не заблудишься: онѣ и обратный путь покажутъ, если надо вернуться, да и опасности меньше. Приходится плыть сквозь темные лѣса; полны они рева и воя звѣринаго, да не опасно—не достанетъ звѣрь людей среди большой рѣки. Случается имъ иной разъ и на берегъ выйти, поохотиться, раздобыться дичью: приходится тутъ и съ большимъ лютымъ звѣремъ встрѣтиться. Опасно и это, но все-же это не то, что пробираться по лѣсамъ цѣлые дни, недѣли, не знать покою ни днемъ, ни ночью, быть постоянно въ страхѣ, что вотъ-вотъ изъ сумрака непроглядnаго лѣса кинется лютый звѣрь.

Понятно, почему населеніе болѣе всего ютилось къ рѣкамъ, а онѣ, текущія во всѣ стороны восточно-европейской равнины, разносили его мало-по-малу во всѣ концы ея.

Древнѣйшіе обитатели Восточной Европы.

Въ глубокой древности, тысячи за три лѣтъ или болѣе, до Рождества Христова, въ разныхъ мѣстахъ Европы уже обитали люди.

Тяжела и неприглядна была жизнь этихъ первобытныхъ дикихъ поселенцевъ Европы.

Они еще не знали желѣза; кости животныхъ и камни замѣняли имъ

желѣзныя орудія. Изъ кремней и другихъ твердыхъ камней, терпѣливо отбивая кусокъ за кускомъ, тогда выдѣлывали себѣ люди необходимыя орудія: топоры, молоты, ножи, домашнюю утварь, оконечники копій и стрѣлъ и пр. Трудно было сдѣлать ихъ, нелегко было и пользоваться ими: сколько надо было труда, чтобы каменнымъ топоромъ срубить толстое дерево? Сколько надо было поработать, чтобы каменнымъ ножомъ сдѣлать изъ дерева какую-нибудь вещь? Но съ теченіемъ времени и эти первобытныя каменныя орудія человѣкъ ухитрился довести до значительнаго совершенства, научился треніемъ при помощи песку придавать имъ гладкость (шлифовать), оттачивать ихъ, нашелъ способъ сверлить въ нихъ отверзтія, удобнѣе прилаживать рукояти, сталъ даже придавать своимъ издѣліямъ изящный видъ и выдѣлывать изъ камней украше-

Каменныя орудія (топоры, молоты, оконечники копій и стрѣлъ), найденныя въ разныхъ мѣстахъ Россіи.

нія, бусы и пр. Тѣ времена, когда люди ютились въ пещерахъ или для безопасности отъ лютаго звѣря и хищника-врага, устраивали себѣ шалаши по озерамъ на сваяхъ, пробавлялись охотой да рыболовствомъ, довольствуясь каменными орудіями,—ученые назвали каменнымъ вѣкомъ.

Конечно, не одно столѣтіе первобытные обитатели Европы въ своемъ житейскомъ обиходѣ дозольствовались каменными орудіями подобно тому, какъ сто лѣтъ тому назадъ еще обходились ими, напр., наши камчадалы.

Великимъ событіемъ въ бытовой исторіи человѣка, было открытіе способа дѣлать вещи изъ бронзы (сплава мѣди и олова). Съ этой поры люди мало-помалу научились отливать не только хорошіе мечи, ножи, серпы, оконечники копій и стрѣлъ, но и сосуды, и довольно красивыя украшенія: ожерелья, кольца, серьги и пр. Время господства бронзы называется бронзовымъ вѣкомъ.

Когда-же, наконецъ, человѣкъ совладалъ съ твердымъ желѣзомъ, научился ковать его, дѣлать изъ него орудія, болѣе прочныя и удобныя, чѣмъ бронзовыя, наступаетъ желѣзный вѣкъ.

Какъ на западѣ Европы, такъ и на востокѣ сохранилось много остатковъ отъ каменнаго и бронзоваго вѣковъ.

Уже издавна въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи случалось, что крестьяне выпахивали изъ земли маленькіе, заостренные камешки, — называли ихъ „громовыми стрѣлками", такъ какъ у суевѣрнаго народа сложилось повѣрье, будто они находятся тамъ, куда ударила молнія. Изученіе древностей каменнаго вѣка показало, что эти камешки — наконечники стрѣлъ, уцѣлѣвшіе отъ глубокой древности.

Бронзовыя и желѣзныя орудія (военные топоры, молоты, наконечники стрѣлъ и копій), найденныя въ Россіи.

Раскопки и случайныя находки почти повсюду въ Россіи доставили огромное количество каменныхъ вещей, разныхъ орудій отъ самыхъ первобытныхъ, грубо-отесанныхъ, до красиво отдѣланныхъ, просверленныхъ; нашли также и куски глиняныхъ сосудовъ (горшковъ) отъ самыхъ грубыхъ, плохо вылѣпленныхъ, полу-обожженныхъ до искусно сдѣланныхъ и украшенныхъ затѣйливыми узорами. Точно также не мало найдено на западѣ Россіи, да и въ сѣверныхъ и восточныхъ частяхъ ея разныхъ бронзовыхъ вещей и желѣзныхъ, которыя относятся къ глубокой старинѣ.

Всѣ эти любопытные вещевые остатки ясно показываютъ, что восточная половина Европы была обитаема подобно западной уже за нѣсколько тысячелѣтій до Р. Х.; что древнѣйшимъ жителямъ ея много вѣковъ приходилось биться изо всѣхъ силъ, чтобы съ каменнымъ орудіемъ въ рукахъ поддерживать

чять свою жалкую жизнь. Показываютъ эти остатки, какъ первобытные

люди путемъ вѣковыхъ усилій ума, приноровляясь и приспособляясь всячески къ окружающей ихъ природѣ, старались мало-по-малу улучшить, облегчить и скрасить свою жизнь, и какъ, наконецъ, дознались до искусства плавить нѣкоторые металлы и ковать желѣзо.

Кромѣ указанныхъ древнѣйшихъ слѣдовъ человѣческой жизни въ Россіи, въ разныхъ мѣстахъ ея находятъ не мало древностей, принадлежащихъ временамъ хотя и позднѣйшимъ, но все же дохристіанскимъ. Въ нашихъ южныхъ степяхъ много смѣнилось кочевыхъ племенъ задолго еще до Р. Х. Отъ этихъ народовъ остались тоже вещевые слѣды.

Въ разныхъ мѣстахъ степи встрѣчаются и малые, и большіе курганы (могильники), попадаются и небольшія могилы, обложенныя или обставленныя камнями. На нѣкоторыхъ насыпяхъ найдено множество каменныхъ, по боль-

Видъ кургана (Александропольскій).

шей части грубо изваянныхъ изображеній женщинъ и мужчинъ. Значеніе этихъ загадочныхъ истукановъ, или „каменныхъ бабъ“, какъ ихъ называютъ, до сихъ поръ еще не объяснено.

Все это — памятники давноминувшей жизни народовъ, но памятники нѣмые: по нимъ можно вѣрно судить только о состояніи искусства у этихъ народовъ въ разныя времена. Путемъ домысловъ и догадокъ на основаніи вещевыхъ остатковъ можно добыть и нѣкоторыя свѣдѣнія о внѣшнемъ бытѣ; но не скажутъ ничего опредѣленнаго намъ эти нѣмые памятники о внутренней жизни, о вѣрованіяхъ, о понятіяхъ народовъ, не разскажутъ намъ и о событіяхъ, какія пережили они. Сказать намъ объ этомъ можетъ только человѣческое слово: безъ него нѣтъ и быть не можетъ настоящей исторіи. Тѣ времена, отъ которыхъ не сохранилось опредѣленныхъ словесныхъ извѣстій, называются *доисторическими*.

Первое вѣское слово о народахъ Восточной Европы сказалъ греческій

писатель Геродотъ, котораго назвали „отцомъ исторіи.“ Уже въ VI столѣтіи до Р. Х. по сѣверному берегу Чернаго моря процвѣтали греческія колоніи: Ольвія при устьѣ Буга, Херсонесъ и Пантикапея на Таврическомъ полуостровѣ и др. Жители этихъ городовъ, особенно Ольвіи, были въ сношеніяхъ съ народами, жившими къ сѣверу отъ нихъ, т. е. въ нашихъ южныхъ степяхъ и, конечно, должны были многое знать о своихъ сосѣдяхъ. Геродотъ, посѣтившій въ половинѣ V вѣка до Р. Х. Ольвію, не довольствовался одними слухами и разсказами о занимавшихъ его странахъ; но самъ побывалъ въ устьяхъ Днѣпра, Буга и Днѣстра и разсказалъ подробно и живо все, что видѣлъ и слышалъ.

Прежде всего любознательнаго историка поразила громадность страны, раскинувшейся предъ нимъ, и величина рѣкъ, орошающихъ ее. Ближайшими сосѣдями греческихъ колоній, жителями нашей южной степи были скиоы-

Каменныя бабы, найденныя въ южно-русскихъ степяхъ.

кочевники, а къ сѣверу отъ нихъ вверхъ по Днѣпру жили, по словамъ Геродота, подвластные имъ скиоы-пахари. Далѣе онъ, приводитъ нѣсколько баснословныхъ разсказовъ о людоѣдахъ (андрофагахъ), будто бы живущихъ къ сѣверу отъ этихъ скиѳовъ, о чудовищахъ съ львинымъ туловищемъ, съ орлинымъ клювомъ и крыльями (грифахъ), стерегущихъ на сѣверѣ золото и пр. Въ такія басни облекались слухи о страшныхъ опасностяхъ, ждущихъ смѣлыхъ путешественниковъ на дальнемъ сѣверѣ, и о богатствахъ, скрытыхъ въ уральскихъ или сибирскихъ горахъ. Но то, что разсказываетъ Геродотъ о скиѳахъ-кочевникахъ, дышетъ простотой и правдивостью.

Скиоы-кочевники, по его словамъ, очень мудро устроили свою жизнь: на нихъ трудно напасть врагу, трудно и уйти отъ нихъ; ни городовъ, ни крѣпостей у нихъ нѣтъ; живутъ они не отъ плуга, а отъ скота; всѣ они конные стрѣлки, жилища свои имѣютъ при себѣ,—перевозятъ ихъ за собой на телѣгахъ.

Трудность настигнуть на широкомъ степномъ привольѣ кочевниковъ, побѣдить и покорить ихъ, хорошо видна изъ разсказа того же Геродота о походѣ персидскаго царя Дарія на скиѳовъ. Съ громаднѣйшимъ войскомъ двинулся онъ въ степь, надѣясь скоро обуздать ихъ, но ошибся въ разсчетѣ: скиѳы не вступали въ бой, а безпрестанно переходили съ мѣста на мѣсто, уходя въ виду персидскаго войска все дальше и дальше въ глубь своихъ степей.

Дарій потерялъ, наконецъ, терпѣніе и послалъ къ скиѳскому царю гонца съ такими словами:

— „Если ты силенъ, остановись и сразись со мною; если же чувствуешь свою слабость, то все-таки не бѣгай, а дай мнѣ, какъ владыкѣ своему, земли свои и воды, и вступи въ переговоры.“

— „Никогда ни передъ кѣмъ не бѣгалъ я отъ страху, —отвѣчалъ персидскому владыкѣ скиѳскій царь, —ни прежде, ни теперь. Ничего небывалаго не дѣлаю я и нынѣ. Я по своему обычаю кочую. Остановиться мнѣ негдѣ: у насъ нѣтъ ни городовъ, ни воздѣланной земли и защищать намъ нечего, а потому и сражаться съ вами у насъ нѣтъ ни случая, ни причины. Если же непремѣнно хочешь битвы, то у насъ есть отцовскія могилы, —найдите ихъ и попробуйте тронуть ихъ, тогда вы узнаете, будемъ ли мы готовы на битву, или нѣтъ... Ты называешь себя моимъ владыкой. Да будетъ тебѣ вѣдомо, что надъ собой я знаю одного владыку — Бога... За дерзкія слова твои заплатишь ты слезами“.

Съ этого времени скиѳы стали всячески вредить персамъ: безпрестанно тревожили ихъ набѣгами, не давали покою по ночамъ, нападали во время обѣденныхъ приваловъ. Скиѳская конница постоянно одолѣвала персидскую; когда же пѣхота готовилась вступить въ бой, то скиѳы уносились отъ нея на своихъ степныхъ коняхъ.

При началѣ похода Дарія скиѳы, отступая предъ персами, засыпали колодцы и родники, уничтожали траву, чтобы всячески затруднить путь врагамъ; а теперь наоборотъ какъ бы облегчали имъ походъ, даже подгоняли нарочно стада, чтобы они попали въ ихъ руки.

Догадался Дарій, что скиѳы хотятъ заманить персовъ подальше въ свои степи, чтобы въ концѣ измучить ихъ внезапными нападеніями и затѣмъ истребить; убѣдился онъ, что при всѣхъ его громадныхъ силахъ ему не покорить степныхъ кочевниковъ и поспѣшилъ выбраться изъ дикой ихъ страны.

Поклонялись скиѳы, по словамъ Геродота, многимъ богамъ (небу, солнцу, лунѣ и др.). Храмовъ, жертвенниковъ и кумировъ не ставили, —только одному богу войны устраивали жертвенникъ. Волхвовъ, гадателей и предсказателей у скиѳовъ было великое множество. Горе было тѣмъ изъ нихъ, предсказанья которыхъ не оправдывались: ихъ ставили на повозку, запряженную волами, въ кучу хвороста, зажигали его и пускали воловъ по степи... Въ жертву богамъ приносили скиѳы воловъ, коровъ, лошадей и другихъ домашнихъ животныхъ. Богу войны приносились жертвы иначе. Устраивали изъ хворосту огромный курганъ; на верхней площадкѣ его водружали старинный желѣзный мечъ, который и служилъ кумиромъ бога войны. Этому мечу приносили въ жертву скотъ и лошадей гораздо въ большемъ количествѣ, чѣмъ другимъ бо-

гамъ. Когда же брали въ плѣнъ непріятелей, то отъ каждой сотни одного приносили въ жертву: возливъ вино на головы обреченныхъ въ жертву людей, рѣзали ихъ надъ сосудомъ, потомъ несли кровь на курганъ и лили ее на мечъ.

Скиѳы были вообще кровожадны. На войнѣ скиѳъ пилъ кровь перваго убитаго имъ врага. Головы убитыхъ непріятелей скиѳы относили царю, чтобы имѣть право участвовать въ добычѣ, а кто не приносилъ, тотъ ничего и не получалъ. Кожа съ вражьихъ череповъ искусно снималась и привѣшивалась на уздѣ къ коню. Тотъ воинъ считался храбрѣйшимъ, у котораго было больше такихъ побѣдныхъ знаковъ. Изъ череповъ знатнѣйшихъ и злѣйшихъ враговъ своихъ скиѳы дѣлали себѣ чаши: богатые отдѣлывали ихъ золотомъ, а бѣдные обтягивали воловьей кожей. На пирахъ и торжествахъ, которые устраивались

Золотая ваза изъ кургана Куль-Оба (уменьш. въ 2 раза).

Серебряная ваза изъ Чертомлыцкаго могильника (уменьш. въ 7 разъ).

разъ въ годъ, болѣе отважнымъ воителямъ оказывался особенный почетъ: имъ подносили вино; тогда какъ не отличившіеся ничѣмъ сидѣли поодаль отъ храбрыхъ, безъ всякой почести и безъ вина... Вина пили скиѳы очень много, и при томъ чистаго, не разведеннаго водою, что у древнихъ грековъ считалось признакомъ грубости и варварства.

Своихъ царей скиѳы погребали съ большими почестями и особеннымъ образомъ. Тѣло умершаго, вынувъ изъ него внутренности, наполняли благовонными травами (бальзамировали), обмазывали воскомъ, клали въ колесницу и объѣзжали по всѣмъ подвластнымъ народамъ. Печаль ихъ выражалась тѣмъ, что они наносили себѣ раны, урѣзывали уши, царапали лицо, стригли волосы.

Чѣмъ дальше везли погребальную колесницу, тѣмъ больше и больше народу присоединялось къ печальному шествію и, наконецъ, накоплялось великое множество людей. Когда привозили тѣло царя на царское кладбище (нѣкоторые полагаютъ, — по близости днѣпровскихъ пороговъ), здѣсь выкапывали большую четыреугольную яму, а въ ней отдѣльныя пещеры. Въ одной погребали царя, а затѣмъ, удушивъ одну изъ царскихъ женъ и самыхъ близкихъ къ царю слугъ, хоронили ихъ въ остальныхъ пещерахъ. Съ ними клали царскую утварь, оружіе и различныя украшенія, большею частью золотыя, такъ какъ скиѳы серебра и мѣди употребляли мало. Наконецъ, всѣ собравшіеся на погребеніе наперерывъ другъ передъ другомъ засыпали могилу землей, стараясь сдѣлать насыпь какъ можно выше; такимъ образомъ, сооружали иногда громаднѣйшій курганъ, саженъ десять вышиною, шаговъ 500 въ окружности. Черезъ годъ справлялись поминки; снова убивали лучшихъ изъ уцѣлѣвшихъ слугъ умершаго царя, убивали и лучшихъ его коней и мертвыхъ всадниковъ на мертвыхъ коняхъ ставили на кольяхъ вкругъ кургана.

Когда умирали простые скиѳы, то родственники умершихъ возили ихъ на повозкахъ по ихъ друзьямъ; тѣ угощали провожатыхъ пирами. Такіе похоронные объѣзды длились 40 дней; затѣмъ совершалось погребенье.

Строго соблюдая свои обычаи, скиѳы, по словамъ Геродота, питали отвращеніе къ обычаямъ иноземцевъ и ничего не заимствовали отъ нихъ...

Изъ приведеннаго разсказа ясно рисуются суровые нравы скиѳовъ-кочевниковъ. Нравы и обычаи скиѳовъ-пахарей, къ сожалѣнію, не описаны; но они, конечно, отличались большею мягкостью и миролюбіемъ, какъ осѣдлые мирные промышленники. Они не только для себя воздѣлывали хлѣбъ, но и для продажи.

Къ разсказамъ Геродота о богатствѣ скиѳскихъ могилъ ученые относились долго недовѣрчиво; но когда стали раскапывать курганы, то разсказы „отца исторіи“ блистательно подтвердились.

Не смотря на то, что сокровища многихъ скиѳскихъ могилъ оказались расхищенными еще въ глубокой древности, не смотря на то, что при раскопкѣ одного царскаго кургана (Куль-оба) близъ города Керчи, было сдѣлано нападеніе грабителями и захвачено множество древнихъ золотыхъ вещей, все-таки найти и сберечь удалось огромное количество скиѳскихъ древностей. При раскопкѣ, напр., одной могилы въ 1863 г. (Чертомлыцкой) близъ Днѣпровскихъ пороговъ, неподалеку отъ мѣстечка Никополя, было найдено множество принадлежностей и украшеній конской сбруи, колесницъ, шатровъ; найдены золотые и серебряные обручи, серьги, около 700 золотыхъ бляхъ, золотые перстни... Раскопка этого кургана производилась почти два года; но труды увѣнчались блестящимъ успѣхомъ: добыть было около 2500 предметовъ, драгоцѣнныхъ для науки. Хотя большая часто вещей греческой работы, но дѣлались они сообразно нравамъ и вкусамъ скиѳовъ.

Особенно важны двѣ вазы: одна золотая, найденная въ курганѣ близъ Керчи, другая—серебряная, добытая изъ Чертомлыцкой могилы недалеко отъ мѣстечка Никополя. Оба эти изящные сосуда греческаго издѣлія украшены изображеніями скиѳовъ и даютъ понятіе о вооруженіи и одеждѣ ихъ.

Скиѳская одежда была одеждою лихого наѣздника. Короткій кафтанъ не мѣшалъ верховой ѣздѣ; запахивался онъ пола на полу и туго опоясывался ременнымъ поясомъ, украшеннымъ бронзовыми пластинками. Кафтаны были холодные и теплые; послѣдніе подбивались и опушались по краямъ мѣхомъ. Обувь

Совѣщаніе скиѳовъ (съ Куль-обской вазы).

скиѳа состояла изъ короткихъ сапоговъ, которые перевязывались ремнемъ. У царей и богатыхъ вельможъ и кафтаны, и шаровары украшались золотыми бляшками, изъ которыхъ составлялись узоры: кромѣ того одежда украшалась множествомъ блестящихъ пуговокъ. Скиѳы носили бороды и длинные волосы,

Скиѳъ стрѣножащій коня (съ Никопольской вазы).

зачесывая ихъ назадъ; башлыки, которыми они прикрывали голову, точно такъ-же, какъ и одежда, украшались нашивными бляхами и пуговками. Вожди носили на головѣ золотыя ленточныя перевязи вродѣ вѣнчиковъ. На шею надѣвали гривны, т. е. ожерелья, цари и вельможи—золотыя въ полфунта и больше вѣсомъ; простые люди—бронзовые. Женщины у скиѳовъ очень любили украшенія: въ ихъ могилахъ найдено множество золотыхъ и бронзовыхъ ожерелій, обручей (браслетъ), перстней, колецъ, серегъ.

Главнымъ оружіемъ скиѳовъ были лукъ и стрѣлы; на поясѣ у каждаго висѣлъ лукъ въ налучьѣ, при которомъ былъ небольшой колчанъ со стрѣлами; кромѣ того, употреблялись короткіе мечи и копья. Самымъ цѣннымъ богатствомъ степнаго наѣздника былъ, конечно, конь. Простые скиѳы, какъ видно по изображеніямъ довольствовались ременной уздечкой и очень простымъ сѣдломъ; но цари и вельможи у нихъ щеголяли великолѣпными конскими уборами, которые были обильно украшены золотыми разнообразными бляхами; на шеи коняхъ иногда навѣшивались гремящія цѣпочки съ бубенчиками и колокольцами.—Изъ утвари скиѳовъ найдены большіе котлы на высокихъ подставахъ: они, очевидно, ставились прямо на землю и подъ ними разводился огонь. Кромѣ того, найдены чаши и роги, служившіе скиѳамъ на ихъ пирахъ, а также вазы, блюда, ложки, ножи и проч

Скиѳскіе котлы.

Хотя и послѣ Геродота греки говорятъ о скиѳахъ, жителяхъ восточной Европы, а затѣмъ римскіе писатели сообщаютъ нѣкоторыя извѣстія о ея обитателяхъ, называя ихъ сарматами, и другими именами, но извѣстія эти по большей части темны и сбивчивы. Подъ скиѳами и сарматами древніе писатели разумѣли вообще жителей южной части малоизвѣстной восточной Европы; между тѣмъ на ея равнинахъ обитало разомъ по нѣскольку различныхъ племенъ; притомъ, кочевые народцы здѣсь часто смѣнялись одинъ другимъ Нѣкоторые наши ученые думаютъ, что подъ общими названіями скиѳовъ и сарматовъ скрываются и наши предки—славяне.

Послѣ Рождества Христова греческіе и римскіе писатели начинаютъ уже различать на европейскомъ востокѣ нѣсколько племенъ и называютъ ихъ раз-

иными именами; но въ путаницѣ этихъ именъ очень трудно разобраться. Въ IV вѣкѣ въ юго-западной части нашего отечества готы, народъ германскаго племени, образовали было большое государство: но страшное нашествіе азіатскихъ кочевниковъ гуновъ уничтожало его и произвело въ средней Европѣ общее передвиженіе народовъ, такъ называемое «великое переселеніе племенъ».

Съ V ст. по Р. Х. появляются уже довольно ясныя извѣстія о славянахъ.

Славяне.

Разселеніе славянъ, бытъ, нравы, обычаи и вѣрованія ихъ за тысячу лѣтъ назадъ.

Сравненіе языковъ, древнихъ вѣрованій и обычаевъ европейскихъ и нѣкоторыхъ азіатскихъ народовъ показало, что славяне принадлежатъ къ большой семьѣ племенъ, происходящихъ отъ одного праотца-народа, отъ арійцевъ, въ незапамятныя времена жившихъ въ Азіи, на Иранской возвышенности. Арійское племя, размножаясь, постепенно выдѣляло изъ себя части, которыя мало по малу, подвигаясь отъ своей родины на югъ и на западъ, разселялись по разнымъ странамъ и складывались въ отдѣльныя племена (въ Европѣ грекоиталійцы, кельты, германцы, литовцы, славяне, въ Азіи — иранцы и индійцы). Тѣмъ же способомъ дознано, что славяне, пришедшіе въ Европу еще въ доисторическія времена, не походили на древнѣйшихъ дикихъ обитателей ея, чтили уже родственныя связи и обязанности, могли приручать нѣсколько животныхъ, занимались скотоводствомъ, имѣли свѣдѣнія о земледѣліи, умѣли плести, ткать, шить, знакомы были съ золотомъ, серебромъ, мѣдью; стало быть, давнымъ давно уже вышли изъ первобытнаго состоянія дикарей.

Гдѣ въ Европѣ поселились славяне по выходѣ изъ Азіи, неизвѣстно. Вѣроятно, не разъ имъ приходилось мѣнять мѣсто во время народныхъ движеній. По древнимъ преданіямъ славянъ, можно заключить, что древнѣйшимъ мѣстомъ ихъ поселенія въ Европѣ были страны по нижнему и среднему теченію Дуная и земли къ сѣверу отъ него до Карпатскихъ горъ. На Дунаѣ жить было привольно: страны здѣсь теплыя, земли плодоносныя, растительность богатая. Не ушли бы славяне отсюда по своей волѣ, да стали ихъ тѣснить съ юга, какъ говоритъ преданіе, другіе народы (волохи),—пришлось славянскому племени раздробиться и двинуться въ другія земли. Одна часть ихъ все-таки осталась на Дунаѣ; отъ этихъ славянъ ведутъ начало сербы и болгары. Другая часть пошла дальше на сѣверъ; отъ нихъ произошли чехи, моравне, словаки и поляки, а тѣ славяне, которые поселились по рѣкѣ Эльбѣ да по берегу Балтійскаго моря, со временемъ затерялись среди сильныхъ нѣмецкихъ племенъ, слились съ ними въ одинъ народъ, — онѣмечились. Третья часть славянъ пошла на сѣверо-востокъ по Днѣпру и его притокамъ. Эти восточные славяне—наши предки; отъ нихъ-то и ведетъ начало русскій народъ.

Мѣста по Днѣпру было вдоволь; тѣсниться было нечего,—свободно расходись хоть во всѣ стороны! Пробираются по рѣкѣ поселенцы; приглянется имъ какое-нибудь мѣсто на берегу,—остановятся, поживутъ нѣсколько времени. Хорошо живется, можно добыть пищу да не очень опасно,—устроятъ незатѣй-

ливыя жилища и живутъ себѣ; а худо,—пойдутъ дальше искать новыхъ мѣстъ. Широко раскинулись по долинѣ Днѣпра, по его притокамъ и дальше къ сѣверу и востоку поселья восточныхъ славянъ, и разбились они на нѣсколько частей, или небольшихъ племенъ. Тѣ славяне, что разселились на поляхъ по среднему теченію Днѣпра, назвались полянами. Къ западу отъ нихъ водворились древляне, въ лѣсахъ (деревахъ) по рѣкѣ Припяти. Къ сѣверо-востоку отъ полянъ, по рѣкѣ Деснѣ,—сѣверяне. Отъ рѣки Припяти до Западной Двины болотистую мѣстность заняли дреговичи (отъ слова дрягва, что значитъ болото). По верховьямъ Днѣпра и Западной Двины поселилось большое племя кривичей; самая сѣверная часть славянъ, жившая по озеру Ильменю и по рѣкамъ, впадающимъ въ него, не имѣла особаго названія, а называлась общимъ именемъ—словенами. Къ востоку отъ Днѣпра по рѣкѣ Сожи жили радимичи, а еще далѣе къ верховьямъ Оки жили вятичи, самое восточное изъ славянскихъ племенъ. По Западному Бугу жили дулѣбы, или бужане, а далѣе по Карпатскимъ горамъ хорваты. По Днѣстру къ Дунаю и Черному морю поселились угличи и тиверцы.

Изъ отрывочныхъ извѣстій византійскихъ, германскихъ, арабскихъ писателей (съ VII до X ст. по Р. Х.) и нашей лѣтописи можно добыть кое-какія отрывочныя свѣдѣнія о житьѣ-бытьѣ нашихъ предковъ до начала государства.

Разбросавшись по огромному пространству, не только всѣ эти племена восточныхъ славянъ не составляли одного цѣлаго народа, но и каждое племя въ свою очередь дробилось на отдѣльныя общины, каждый поселокъ жилъ особнякомъ. До IX ст. по Р. Х. не было такой силы, такой одной власти, которая сплотила бы ихъ въ одинъ народъ. Въ каждой отдѣльной семьѣ повелителемъ былъ отецъ; нѣсколько семействъ, происшедшихъ отъ одной семьи, составляли родъ. Если живъ былъ дѣдъ, отъ котораго вели начало эти семьи, то онъ былъ и главою всего рода; всѣ родичи должны были слушаться своего родоначальника, какъ дѣти отца. Умиралъ дѣдъ, тогда братъ его или старшій сынъ становился главою рода. Когда съ теченіемъ времени родъ разростался, многіе забывали уже о томъ, что они ведутъ начало отъ одной семьи, забывали о кровномъ родствѣ между собою, тогда родъ распадался на нѣсколько отдѣльныхъ родовъ. Они порой даже враждовали между собою; но одинъ языкъ и одинаковые нравы отличали ихъ отъ иноземныхъ народовъ и напоминали имъ, что они одноплеменники.

Разселившись по полямъ, по лѣсамъ, по степямъ, восточные славяне не могли, конечно, вести повсюду одинъ и тотъ-же образъ жизни. По среднему теченію Днѣпра земля плодородная; тучная почва давала здѣсь богатые урожаи, могла прокормить много народу, и потому поляне могли здѣсь селиться большими поселками и промышлять земледѣліемъ. А древляне, занявшіе лѣсную область, принуждены были промышлять больше всего звѣроловствомъ, охотою и жили небольшими поселками въ разброску. Такъ и другія племена промышляли, кто чѣмъ могъ, смотря по мѣсту: гдѣ охотою и звѣроловствомъ, гдѣ рыболовствомъ, а гдѣ были хорошіе луга, тамъ—скотоводствомъ; но издавна больше всего славяне любили заниматься хлѣбопашествомъ. Не только на югѣ, гдѣ тучная

почва давала богатую жатву, но и на сѣверѣ, среди дремучихъ лѣсовъ, на бѣдной почвѣ, гдѣ только можно было, славянинъ выбиралъ мѣстечко для своей пашни, бороздилъ лѣсную глинистую почву своимъ раломъ, и хотя скудный плодъ давала сѣверная почва, но и тутъ издавна нашъ народъ чтилъ землю, свою „мать-кормилицу“, какъ величаетъ онъ ее.

Селиться славяне любили по берегамъ рѣкъ и озеръ, на высокихъ мѣстахъ, чтобы водой не затопило во время весеннихъ разливовъ. За тысячу лѣтъ тому назадъ славяне еще не умѣли строить хорошихъ жилищъ,—сплетали себѣ жалкія лачуги изъ хвороста, покрывали соломой, лишь бы укрыться отъ дождя да непогоды, жили и въ землянкахъ. Ненастье и стужа заставили уже въ древности предковъ нашихъ задуматься о томъ, какъ бы получше устраивать себѣ жилища: стали они свои плетеные изъ вѣтвей шалаши обмазывать глиною (до сихъ поръ такъ дѣлаются въ иныхъ мѣстахъ на югѣ мазанки, или хаты), а тамъ, гдѣ было вдоволь лѣсу, научились дѣлать стѣны изъ плотно сложенныхъ бревенъ и строить себѣ избы. Печей и дымовыхъ трубъ совсѣмъ не умѣли дѣлать въ древности, а устраивали среди жилища очаги, гдѣ и разводили огонь, а дымъ уходилъ въ отверзтіе въ крышѣ или въ стѣнѣ (до сихъ поръ еще въ сѣверныхъ деревняхъ у насъ встрѣчаются курныя избы безъ дымовыхъ трубъ и безъ хорошо устроенныхъ печей). Скамьи, столы и домашняя утварь дѣлались въ древности, какъ и теперь, изъ дерева.

Ненастье да морозъ заставили нашихъ предковъ, заѣдшихъ съ юга, подумать и о теплой одеждѣ. Гдѣ нужда, тутъ и помога: лѣса были полны пушнымъ звѣремъ; надо было только изловчиться, а добыть шубы можно было. Быстрая стрѣла догонитъ и зайца въ полѣ, и птицу въ небѣ. Силенъ лѣсной богатырь-медвѣдь, да и съ нимъ можетъ управиться человѣкъ, когда въ рукахъ у него рогатина или копье да тяжелый топоръ, или сѣкира, про запасъ. Умѣли издавна наши предки ловить звѣрей и живьемъ капканами и западнями.

Изъ шкуръ пушныхъ звѣрей дѣлали себѣ славяне шубы и шапки; обувались сначала въ лапти, а потомъ научились дѣлать и кожаные сапоги. Лѣтомъ мужчины носили только рубахи и шаровары, а во время боя въ жаркую пору сбрасывали и рубашки, бились полунагіе; вмѣсто рубахъ иногда накидывали на плечи куски грубой ткани, вродѣ плаща. Женщины носили длинныя сорочки и такіе же плащи, какъ и мужчины, и очень любили рядиться; издавна были въ большомъ ходу у славянокъ разныя украшенія: обручи (браслеты), ожерелья, кольца, серьги, бусы.

Предки наши, стройные, русые, румяные, по словамъ иноземцевъ, отличались очень крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, высокимъ ростомъ, большой силой и необыкновенной выносливостью: могли долго терпѣть зной холодъ и голодъ. Пищею довольствовались они самою простою, а иногда въ случаѣ нужды питались даже сырою пищею,—мясомъ животныхъ и рыбою. Изъ хлѣбныхъ растеній славяне особенно воздѣлывали просо и гречиху.

Не будь у нашихъ предковъ большой выносливости, которой удивлялись иноземцы, не подъ силу было бы имъ обжиться въ суровыхъ сѣверныхъ странахъ; не будь они сильны и стойки въ бою, не отстоять бы имъ своихъ земель отъ тѣхъ степныхъ хищниковъ, которые то и дѣло что налетали на своихъ бы-

стрыхъ коняхъ на поселья славянъ, грабили ихъ, захватывали людей въ рабство. Особенно много терпѣть отъ степняковъ приходилось славянамъ, жившимъ близъ степей; а сѣвернымъ славянамъ не давали покою морскіе удальцы, варяги, рыскавшіе на легкихъ ладьяхъ по морямъ и рѣкамъ. Живи славяне большими плотными поселеніями, они смогли бы, конечно, дать врагу сильный отпоръ и наказать дерзкаго хищника; но на бѣду раскидались они на огромномъ пространствѣ небольшими, рѣдкими поселками, при томъ не ладили между собою,—и сотня-другая степныхъ или морскихъ грабителей, нагрянувъ внезапно, могла натворить имъ много зла, не давши имъ даже и времени собраться съ силами. Вотъ почему много бѣдъ пришлось вынести отъ враговъ восточнымъ славянамъ, хотя они уже издавна славились силой и храбростью въ бою.

— „Славяне, говоритъ одинъ арабскій писатель,—народъ столь могущественный и страшный, что не будь они раздѣлены на множество поколѣній и родовъ, ни одинъ народъ въ мірѣ не помѣрился бы съ ними силою“.

Жилища свои славяне устраивали иногда со многими выходами, чтобы легче было уйти при внезапномъ нападеніи; пожитки свои и запасы они обыкновенно зарывали въ землю, а сами уходили и скрывались въ лѣсахъ Научились они хорошо скрываться въ высокой степной травѣ, умѣли устраивать засады въ лѣсу; часто сами нападали нежданно-негаданно на непріятеля и одерживали верхъ даже надъ сильнымъ врагомъ; умѣли ловко притворнымъ бѣгствомъ заманивать непріятеля въ лѣсную глушь и тамъ, скрываясь сами за деревьями, поражали враговъ стрѣлами, концы которыхъ иной разъ намазывали ядомъ. Особенно ловко умѣли славяне плавать по рѣкамъ и нырять, могли даже по нѣсколько часовъ скрываться на днѣ рѣки: они брали въ ротъ одинъ конецъ выдолбленнаго тростника (камыша), а другой выставляли изъ воды и такимъ образомъ могли дышать, лежа на днѣ рѣкъ; у береговъ ихъ росли тростники, и потому врагамъ трудно было замѣтить хитрость славянъ. Кромѣ коній и стрѣлъ, они употребляли на войнѣ еще большіе деревянные щиты; панцырей и латъ сначала они не имѣли.

Постоянно славянамъ грозила бѣда отъ нечаяннаго нападенія; стали они на высокихъ берегахъ рѣкъ или озеръ, на холмахъ, устраивать укрѣпленныя мѣста, городить города: огородятъ небольшое пространство тыномъ изъ толстыхъ бревенъ, насыплютъ земляной валъ и крѣпость (городъ) готова. Заслышатъ врага,—и спѣшатъ жители окрестныхъ поселковъ снести свои пожитки въ городъ. Если врагъ неособенно силенъ, попытаются въ открытомъ бою сразиться съ нимъ, въ противномъ случаѣ можно укрыться въ городъ и обороняться изъ-за ограды. До сихъ поръ въ Приднѣпровьѣ встрѣчается много остатковъ древнихъ земляныхъ валовъ, такъ называемыхъ городищъ. Они-то по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, и служили въ древности укрѣпленіями, куда въ случаѣ нападенія сильныхъ враговъ сбѣгались окрестные жители-славяне для обороны.

Враги сильно безпокоили славянъ; больше и больше городили они городовъ; все ближе и ближе къ ихъ оградамъ ютились поселенцы. Прежде каждый родъ, даже каждая семья старались жить особнякомъ, а тутъ, напротивъ,

опасность заставляла ихъ сблизиться: сообща можно скорѣй и крѣпкій городъ срубить, и легче съ врагомъ справиться.

Сначала въ каждомъ родѣ былъ свой старшина (называли его восточные славяне иной разъ княземъ), а тутъ, когда вмѣстѣ жило нѣсколько родовъ, приходилось, чтобы сообща какое-либо дѣло сдѣлать, старшинамъ родовъ собираться на совѣщаніе, на мірскую сходку, какъ говорятъ теперь у насъ въ деревняхъ. Въ древности такіе мірскіе сходы называли вѣчемъ. Сначала на вѣче, вѣроятно, ходили только старшины родовъ, а потомъ и другіе взрослые люди. Здѣсь уже не отдѣльные родовые старшины орудовали всѣмъ, какъ было это прежде, когда каждый родъ жилъ особнякомъ; а рѣшали всякое дѣло сообща. Община управлялась не однимъ лицомъ, а міромъ, какъ говоритъ нашъ народъ.

Нравы славянъ вѣковъ за двѣнадцать назадъ были еще очень грубы. Встрѣчалось у нихъ даже многоженство: кто былъ побогаче, тотъ могъ имѣть двѣ, три жены и больше. У грубыхъ древлянъ, у которыхъ дольше держалась вражда между родами, мужчины силою уводили изъ другихъ родовъ себѣ женъ, похищали ихъ, „умыкали“, по словамъ лѣтописца. У полянъ, гдѣ уже по нѣсколько родовъ жило вмѣстѣ, въ союзѣ, мужчины брали себѣ женъ съ согласія ихъ родителей, платили за дѣвицъ вѣно (плата за невѣсту), т. е. покупали себѣ женъ.

До сихъ поръ у народа нашего сохранились свадебные обряды, которые указываютъ на древніе обычаи похищать или покупать себѣ женъ. Въ иныхъ деревняхъ нашихъ, когда невѣстѣ приходится ѣхать къ вѣнцу, женихъ долженъ ее перенести черезъ порогъ, какъ бы силою оторвать отъ родного дома. А въ другихъ мѣстахъ, женихъ долженъ дать какую нибудь монету брату невѣсты, который иначе не пускаетъ его сѣсть рядомъ съ ней.

Сурова была доля женщины: она становилась безотвѣтною рабою своего мужа; на ея рукахъ лежали самыя трудныя домашнія работы. Но какъ ни тяжка была участь женщинъ, онѣ все-таки были привязаны къ своимъ мужьямъ: есть извѣстіе, будто нѣкоторыя изъ нихъ даже добровольно сожигались на кострахъ съ ихъ трупами.

Во время войны, по разсказамъ византійцевъ, славяне иногда становились такъ свирѣпы, что не давали пощады ни женщинамъ, ни дѣтямъ и страшно истязали попавшихся къ нимъ въ руки враговъ; порою приносили въ жертву богамъ плѣнныхъ и даже своихъ дѣтей. У тѣхъ племенъ, которые вели охотничью жизнь, нравы были гораздо суровѣе, чѣмъ у земледѣльческихъ племенъ. Къ жестокимъ обычаямъ относится и родовая месть. Если кому-нибудь наносилась обида, то самъ обиженный или его родичи должны были непремѣнно отомстить обидчику или его роднѣ. Въ случаѣ убійства не только убійца, но и весь его родъ могъ ждать гибели отъ дѣтей убитаго или родичей его: позорнымъ считалось не отомстить жестоко за обиду. Суда такого, которому повиновались бы разные роды, не было, и потому приходилось самому обиженному чинить и судъ, и расправу надъ обидчикомъ, если онъ принадлежитъ къ другому роду. Немудрено, что у предковъ нашихъ въ древности безпрестанно

совершалась кровавая расправа, и долго отдѣльные роды враждовали между собою. Постоянная взаимная вражда была главнымъ несчастіемъ славянъ.

— „Между ними, говоритъ одинъ греческій писатель,—постоянный раздоръ: ни въ чемъ они не могутъ согласиться между собой; всѣ питаютъ одинъ къ другому вражду, и никто не хочетъ повиноваться другому".

Но вотъ населеніе все больше и больше скучивается около городовъ, отдѣльные роды входятъ въ союзы, и нравы понемногу начинаютъ смягчаться. Между родами, которые сблизились, породнились между собою, вражды стало гораздо меньше: „Въ мирѣ жить—съ миромъ жить", говоритъ пословица. Начинаютъ больше заниматься мирными промыслами, вступаютъ съ сосѣдними племенами въ мирныя сношенія, заводятъ мѣновую торговлю: вымѣниваютъ звѣриные шкуры, мѣха, которые добывались въ изобиліи въ сѣверныхъ лѣсахъ,—на оружіе, разныя металлическія вещи и ткани, которыя привозятъ иноземцы. Мѣха предкамъ нашимъ за тысячу лѣтъ назадъ между прочимъ замѣняли деньги.

Иноземцы, заходившіе къ славянамъ, очень хвалятъ ихъ добродушіе, почтительность къ родителямъ и особенно радушіе и гостепріимство: всякаго гостя они принимали ласково, старались угостить, чѣмъ только могли; даже не считали порокомъ, если бѣдный хозяинъ кралъ что либо у богатаго сосѣда для угощенія гостя. Хотя и суровы были обычаи у славянъ, но жестокость, которая проявлялась въ пылу боя или тотчасъ послѣ него, не была постояннымъ ихъ свойствомъ: съ плѣнными обходились они дружелюбно, назначали срокъ ихъ рабству, отпускали ихъ за выкупъ на родину, а если освобожденные не хотѣли возвращаться, то могли жить и среди славянъ на свободѣ. Любили предки наши и повеселиться: умѣли пѣть пѣсни, играть и плясать; были у нихъ уже издавна и гусли, и гудокъ, и дудка. Пляски были, вѣрно, такія же лихія, какія и теперь въ ходу у нашего народа (въ родѣ трепака или казачка).

Къ дурнымъ свойствамъ восточныхъ славянъ надо отнести склонность къ пьянству или неряшество: пили они не въ мѣру и ходить въ грязной одеждѣ было имъ ни по чемъ.

До конца десятаго вѣка предки наши были язычниками: боготворили разныя силы и явленія природы. Люди въ глубокой древности, какъ дѣти, совсѣмъ не понимали еще, что творится вокругъ нихъ, въ природѣ: всюду чудились имъ могучія существа, благія и злыя. Благодѣтельнымъ существомъ считали они солнце: оно своимъ свѣтомъ прогоняло ночную тьму, своимъ теплом согрѣвало землю. Предки наши думали, что солнце ведетъ, какъ живое существо, постоянную борьбу съ холодомъ и тьмою. Зимою, по древнимъ вѣрованіямъ, бралъ верхъ надъ солнцемъ холодъ, морозъ: въ зимнюю пору хоть и показывается на небѣ солнце, да рѣже, чѣмъ лѣтомъ; сизый холодный туманъ часто скрываетъ его; а если оно и проглянетъ, то недолго остается на небѣ, хоть и свѣтитъ, да не грѣетъ. Морозъ гуляетъ по землѣ, и она костенѣетъ отъ его дыханія. Вся природа словно замираетъ: ни травы въ полѣ, ни листьевъ на деревѣ,—холодной снѣжной пеленой покрыта помертвѣвшая земля. Тяжело было на душѣ у первобытнаго человѣка въ такую пору: не зналъ онъ еще навѣрно,

вернется-ли снова красное солнышко на небо, отогрѣетъ ли своимъ тепломъ застывшую землю... Но вотъ наступаетъ весна. Солнце понемногу входитъ въ силу: дольше остается оно на небѣ, свѣтитъ ярче, начинаетъ пригрѣвать землю; морозъ слабѣетъ; ледъ и снѣгъ начинаютъ таять: стекаютъ съ полей въ рѣки ручьи воды изъ растаявшаго снѣга. Входятъ рѣки въ силу, взламываютъ подтаявшій ледъ, что сковывалъ ихъ всю зиму, и несутъ его въ море. Входитъ въ силу и „мать-сыра-земля"; показывается трава, разбиваются въ листья древесныя почки; защебетали весело въ свѣжей листвѣ и лѣсныя пташки. Повеселѣло и у людей на сердцѣ: радостно встрѣчаютъ они пѣснями ясное солнце, радуются его побѣдѣ,—побѣдѣ жизни надъ смертью, молятъ его, чтобы оно побольше дало тепла и свѣта...

Черныя тучи представлялись первобытнымъ людямъ страшными чудовищами, драконами, громадными птицами,—врагами солнца. Страшно становилось людямъ, когда темная грозовая туча надвигалась на небо, будто невѣдомое темное существо ползло по небу, все ближе и ближе подбиралось къ солнцу, и вдругъ хватало его. Вмѣсто яснаго солнечнаго свѣта тяжелая мгла охватывала землю; смутно, становилось и на душѣ у людей. Вдругъ ударъ грома, грохотъ раскатывается по всему небу, огненныя стрѣлы пронизываютъ тучу: то идетъ страшная небесная борьба, то богъ-громовникъ разитъ чудовище-тучу своими молніями-стрѣлами. Изъ тучи льется дождь: это—живая вода, которую таило чудовище, но заставилъ его богъ громовникъ пролить ее на землю. Жадно пьетъ земля живую воду и входитъ еще въ большую силу. Разбита стрѣлами бога-громовника черная туча; сильный вѣтеръ разноситъ клочки ея и гонитъ своимъ могучимъ дыханіемъ съ неба. Снова голубое небо привѣтно обнимаетъ землю; снова надъ нею весело сіяетъ красное солнышко; радуются ему люди, приносятъ благодарность и небесному вождю, богу-громовнику, и могучему вѣтру.

Но невсегда эти боги благодѣтельны для человѣка: иногда солнце такъ жжетъ землю, что почва трескается отъ зноя, травы выгораютъ на поляхъ, хлѣба на нивахъ; вѣтеръ порою задуетъ съ такою яростью, что выворачиваетъ изъ земли вѣковыя деревья, разметываетъ жалкія хижины людей... Но страшнѣй всѣхъ богъ-громовникъ, когда раздаются надъ землей его страшные удары; когда онъ разитъ и землю-своими могучими огненными стрѣлами. Вѣковой дубъ разлетается мелкой щепой отъ ихъ ударовъ. Не щадятъ порою эти стрѣлы и человѣка. Велика милость боговъ къ нему, но ужасны ему эти боги въ гнѣвѣ своемъ! Въ страхѣ падаетъ на землю несчастный человѣкъ, умоляетъ грозныхъ боговъ о пощадѣ, готовъ онъ все отдать имъ въ жертву, показать имъ полную свою покорность.

Такимъ путемъ воображеніе первобытныхъ людей, наполняло природу множествомъ мнимыхъ существъ и создавало себѣ боговъ. До сихъ поръ еще въ нашихъ народныхъ сказкахъ, сложившихся въ глубокой древности, видно, какъ олицетворялись различныя силы и явленія природы, какъ народъ представлялъ ихъ въ видѣ животныхъ или людей. (Солнце, напр., представлялось въ видѣ жаръ-птицы, золотогриваго коня и др., морозъ—въ видѣ Кощея безсмертнаго вьюга—Бабы-Яги и т. д.).

Мало дошло до насъ свѣдѣній о языческой вѣрѣ славянъ; притомъ она не успѣла еще окончательно сложиться, какъ предки наши приняли христіанство. Изъ отрывочныхъ извѣстій, мы знаемъ, что восточные славяне чтили бога-громовника подъ именемъ Перуна, бога вѣтра — подъ именемъ Стрибога. Божество солнца называли Дажь-богомъ, Хорсомъ, чтили Велеса, или Волоса, который считался покровителемъ стадъ и потому назывался „скотьимъ богомъ“ и нѣкоторыхъ другихъ. Всѣ эти боги считались дѣтьми одного божества, — бога неба Сварога, и потому ихъ всѣхъ называли иногда Сварожичами. Кромѣ этихъ главныхъ боговъ, вѣрили во многихъ другихъ: въ лѣсу, по древнему вѣрованію нашихъ предковъ, жилъ лѣсной богъ, лѣшій; въ водѣ — водяной богъ, въ руслахъ рѣкъ — русалки; особенно же чтили домашняго бога, домоваго.

Славяне, какъ и другіе родственные народы, думали, что души умершихъ предковъ не покидаютъ роднаго очага, что онѣ заботятся о своемъ потомствѣ, хранятъ его отъ всякихъ бѣдъ, если оно чтитъ память ихъ; если же нѣтъ, — тогда эти домашніе боги становятся безпокойными, производятъ всякую тревогу въ домѣ, наводятъ бѣду. Души предковъ чтились подъ именемъ „домовыхъ“; называли ихъ также „чурами“ или „щурами“. Въ случаѣ какой-нибудь бѣды говаривали въ старину: „Чуръ меня защити“. (До сихъ поръ въ играхъ деревенскихъ дѣтей слышатся слова: „чуръ меня“; дѣти, конечно, вовсе не знаютъ древняго смысла ихъ).

Давно уже народъ нашъ принялъ христіанскую вѣру, а много еще осталось у него обрядовъ, пѣсенъ и праздниковъ отъ языческой старины; осталось у него немало и нелѣпыхъ вѣрованій, суевѣрій. Когда случится перебираться изъ старой избы въ новую, то въ иныхъ деревняхъ у насъ совершается такой обрядъ: старуха выгребаетъ изъ печки нѣсколько тлѣющихъ угольковъ въ горшокъ, бережно несетъ ихъ въ новую избу, высыпаетъ въ печку и говоритъ при этомъ: „Пожалуй, батюшка, домовой!“. Суевѣрный народъ думаетъ, что при этомъ домовой переходитъ изъ старой избы въ новую. Если домовой недоволенъ чѣмъ, тогда и въ избѣ неспокойно. Когда что-то стучитъ подъ кровлею, лошадь бьется въ стойлѣ, или скотина въ хлѣвѣ, то нерѣдко народъ говоритъ, что это — дѣло домоваго, что онъ не взлюбилъ лошади и пр.

Много древнихъ языческихъ праздниковъ въ честь бога-солнца до сихъ поръ удержалось у нашего народа. Въ концѣ декабря, когда дни начинаютъ прибывать, когда солнце, какъ говоритъ народъ, поворачиваетъ на лѣто, въ старину язычники радовались, что солнце одерживаетъ верхъ, приносили ему жертвы, молились. А теперь въ нѣкоторыхъ деревняхъ наканунѣ Рождества (24 декабря) молодые люди и дѣти собираются подъ окнами богатыхъ крестьянъ, поютъ пѣсни, величаютъ Коляду, (вѣроятно, одно изъ названій солнца).

Вотъ одна изъ этихъ пѣсенъ:

За рѣкою за быстрою,
Ой Колядка, ой Колядка!
Лѣса стоятъ дремучіе,
Въ тѣхъ лѣсахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе.
Вокругъ огней скамьи стоятъ,

[illegible]

[illegible] И теперь у нашего народа сохранился обычай закликать весну пѣснями:

Весна, весна красная,
Приди, весна, съ радостью,
Съ радостью, радостью,
Съ великою милостью,
Со льномъ высокимъ,
Съ корнемъ глубокимъ,
Съ хлѣбами обильными.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ въ концѣ масляницы сожигаютъ соломенное чучело, которое называютъ „Зимою“ (въ другихъ мѣстахъ „Мараной“) и радуются уничтоженію зимы. Въ первый день Пасхи, по народному вѣрованію, солнышко [illegible] блескѣ играетъ на небѣ. Если набѣжитъ тучка, въ деревняхъ поютъ дѣти:

Солнышко, вёдрышко,
Выглянь въ окошечко!
Твои дѣтки плачутъ.
Солнышко, покажись,
Красное, снарядись!

При наступленіи лѣта до сихъ поръ празднуется праздникъ „Красная горка“; поютъ пѣсни, водятъ хороводы, пляшутъ. Эти пѣсни и хороводы ведутъ начало отъ древнихъ языческихъ обрядовъ и богослуженій.

Въ разгарѣ лѣта, въ концѣ іюня (23-го числа) совершается праздникъ Купалы (одно изъ названій солнца). Солнце въ эту пору еще въ полной силѣ, но съ этого времени наступаетъ поворотъ къ осени. Въ иныхъ деревняхъ совершается въ ночь съ 23-го на 24-е іюня такой обрядъ: берутъ колесо, обвертываютъ его соломою, зажигаютъ и скатываютъ съ горы. Катящееся съ горы огненное колесо знаменуетъ солнце, сходящее съ прежней своей высоты. Кромѣ того, зажигаютъ костры, прыгаютъ чрезъ огонь, купаются въ рѣкѣ.

Въ старину почитали огонь и воду, вѣрили, что въ иныхъ случаяхъ они имѣли очистительную и цѣлебную силу. (До сихъ поръ у народа нашего считается грѣхомъ плевать въ огонь и на воду). Старухи-лекарки стараются въ Купальскій день набрать побольше цѣлебныхъ травъ; по ихъ вѣрованію, травы,

собранныя въ это время, имѣютъ особенно врачующую силу. Много еще и другихъ вѣрованій и обрядовъ языческой старины до сихъ поръ сохранилось у нашего народа; всѣхъ здѣсь не переберешь. Многіе изъ обрядовъ и обычаевъ уже совсѣмъ непонятны и для самого народа, и онъ держится ихъ только по привычкѣ. Въ народныхъ сказкахъ особенно много уцѣлѣло слѣдовъ языческихъ вѣрованій.

Особыхъ языческихъ храмовъ у предковъ нашихъ не было, а молились они своимъ богамъ въ лѣсной глуши, у озеръ, у рѣкъ, на возвышеныхъ мѣстахъ, потомъ въ городахъ. Дѣлали идоловъ, т. е. изображенія своихъ боговъ въ видѣ людей, обыкновенно изъ дерева (вѣроятно, въ родѣ тѣхъ „каменныхъ бабъ“, о которыхъ говорилось выше). Въ жертву приносили имъ разныхъ животныхъ, молились, гадали о будущемъ по разнымъ примѣтамъ. Особенныхъ жрецовъ у восточныхъ славянъ не было, а совершали жертвы старцы, старшины родовъ. Было у славянъ вѣрованіе и въ будущую загробную жизнь. Покойниковъ своихъ они зарывали въ землю, а иногда сожигали; съ покойникомъ зарывали въ могилу или клали съ нимъ на костеръ пожитки его, утварь, а также оружіе и боеваго коня, если покойникъ былъ воинъ. Предки наши, видно, вѣрили, что загробная жизнь походитъ на земную, и умершимъ понадобятся ихъ пожитки. Послѣ погребенія на могилахъ совершали пиры (тризны).

Вѣрили славяне и въ предзнаменованія; думали, что боги разными примѣтами даютъ людямъ возможность узнавать будущее. Отсюда ведетъ начало обычай гадать. Тѣ люди, которые умѣли объяснять знаменія и гадать, назывались волхвами, кудесниками, вѣдунами, знахарями и пр. По вѣрованіямъ славянъ, они даже могли своими заклинаніями и волхвованіями отвратить бѣду или накликать ее.

До сихъ поръ суевѣрный народъ не только затменіе солнца, появленіе новой кометы, но и вой собаки, карканіе вороны, куkованіе кукушки и т. п. принимаетъ за предзнаменованія. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ нашихъ до сихъ поръ встрѣчаются знахари и знахарки, которые заговариваютъ отъ разныхъ болѣзней, и многіе суевѣрные простолюдины вполнѣ вѣрятъ имъ. Всѣ эти заговоры, заклинанія примѣты, повѣрья — остатки темной языческой старины.

Сосѣди восточныхъ славянъ.

По сосѣдству съ восточными славянами въ девятомъ вѣкѣ жило нѣсколько инородныхъ племенъ.—На востокѣ, по Волгѣ, у Каспійскаго моря жили хозары, народъ турецко татарскаго происхожденія. Хотя у хозаръ были уже города (напр. Итиль, при устьѣ Волги), но все-таки вѣрнѣе ихъ считать кочевниками, чѣмъ осѣдлыми: немногіе богатые хозары имѣли глиняныя мазанки, и только у кагана, (такъ называли хозары главнаго вождя своего), были высокія кирпичныя хоромы. Лѣтомъ городъ пустѣлъ: жители забирали свои пожитки и откочевывали въ степь. Хозары вели торговлю съ азіатскими народами и съ восточными славянами, а нѣкоторыхъ изъ нихъ принудили платить себѣ дань.

Къ сѣверу отъ хозаръ, по Волгѣ и Камѣ, жили болгары. Они были того же происхожденія, какъ и хозары; но съ ними смѣшались въ одинъ народъ

финны, жившіе въ тѣхъ же краяхъ. Болгары занимались хлѣбопашествомъ, но главнымъ ихъ промысломъ была торговля: по рѣкамъ они сносились и торговали съ хозарами, финами и славянами.

Весь сѣверный край нынѣшней Россіи былъ населенъ въ древности финскими племенами. Предки наши звали ихъ Чудью (теперь народъ нашъ зоветъ ихъ чухнами). Фины дробились подобно славянамъ на нѣсколько племенъ (Весь, Меря, Мурома, Мордва и др.) и жили среди лѣсовъ и болотъ, по берегамъ рѣкъ и озеръ, занимались рыболовствомъ и звѣроловствомъ. Жили они разбросанно, небольшими поселками и не были опасны своимъ сосѣдямъ. Сѣверные славяне вели съ ними мирныя сношенія и могли разселяться въ сѣверномъ краю безъ особенной помѣхи.

Западными сосѣдями славянъ были литовцы. Они тоже дѣлились на нѣсколько племенъ (Литва, Пруссы, Жмудь и др.) и жили по большей части въ лѣсной и болотистой мѣстности, по нижнему теченію рѣкъ: Западной Двины, Нѣмана и Вислы. По языку, древнимъ вѣрованіямъ и обычаямъ видно, что литовцы того же происхожденія, какъ и славяне.

Кромѣ этихъ сосѣднихъ племенъ, за тысячу лѣтъ до нынѣшняго времени предкамъ нашимъ приходилось сталкиваться еще съ нѣсколькими народами. По Днѣпру восточные славяне вели сношенія съ греками, получали отъ нихъ разныя ткани, оружіе и другія издѣлія, а взамѣнъ продавали имъ мѣха, медъ и воскъ. Сношеніямъ этимъ много мѣшали степныя хищныя племена, похожія на нынѣшнихъ калмыковъ и киргизовъ. Заходили эти степняки изъ Азіи, кочевали въ степяхъ между Дономъ и Днѣпромъ, рыскали по степямъ на своихъ быстрыхъ лошадяхъ и выжидали только удобнаго случая, чтобы нагрянуть врасплохъ на поселянъ или на караванъ купцовъ.

На сѣверѣ славянамъ пришлось рано познакомиться и съ морскими удальцами — норманнами, — народомъ германскаго происхожденія, — издавна поселившимся въ Скандинавіи. Страна эта суровая: покрыта она большею частію скалами, озерами, дремучими хвойными лѣсами... Трудно было тутъ заниматься земледѣліемъ, а тѣмъ, кому пришлось жить по берегамъ, гдѣ были голые утесы или пески, и совсѣмъ невозможно: имъ приходилось искать пропитанія въ морѣ. Рыболовство стало главнымъ промысломъ этихъ береговыхъ жителей. Приходилось тутъ имъ выносить жестокую стужу, бороться съ бурями, нерѣдко терпѣть и голодъ. Слабые не выносили такой жизни и гибли, но за то люди здоровые, сильные, свыкались съ тяжелыми лишеніями; постоянная борьба съ невзгодами и препятствіями закаляла ихъ, становились они крѣпкими и тѣломъ, и духомъ, равнодушными къ холоду и голоду; а когда буря завывала, гудѣлъ прибрежный сосновый лѣсъ, море бѣшено билось своими волнами въ береговыя скалы, имъ даже любо становилось. Съ молоду роднились они съ моремъ, привыкали отлично управлять своими легкими лодками. Буря имъ была ни по чемъ: тутъ можно было показать лучше и свое молодечество, и сноровку въ морскомъ дѣлѣ.

Такимъ удальцамъ не по вкусу было заниматься рыбной ловлей: нашли они себѣ другое дѣло: стали рыскать по морямъ, грабить встрѣчные корабли — товарами да прибрежныхъ жителей разныхъ странъ. Все лучшее на землѣ

принадлежитъ храбрѣйшему и сильнѣйшему,—вотъ правило, которымъ они руководились. На то боги дали и силу, и удаль, вѣрили они, чтобы пользоваться ими. Мирнаго труда они не уважали, законовъ никакихъ не знали, смерти не боялись. Даже, по ихъ вѣрованіямъ, только тотъ и въ рай-то могъ попасть, кто погибалъ въ бою или въ морской пучинѣ; находились между ними и такіе бойцы, что въ пылу боя съ открытой грудью неистово кидались на врага, чтобы погибнуть, но не попасть въ плѣнъ, въ рабство. Всюду, куда можно было зайти смѣльчакамъ на ходкихъ ладьяхъ, заходили они и добывали все, что можетъ добыть храбрый и могучій воинъ тяжелой сѣкирой и длиннымъ мечомъ.— Шайки этихъ морскихъ удальцовъ съ VI вѣка, подъ начальствомъ своихъ безстрашныхъ вождей (морскихъ королей), наводили ужасъ на всѣхъ береговыхъ жителей Европы. Норманны не только грабили приморскихъ жителей, но по рѣкамъ входили на своихъ легкихъ плоскодонныхъ ладьяхъ въ глубину страны, грабили жителей, брали богатые окупы съ горожанъ, или обращали города въ груды пепла и развалинъ. Нагнали норманны такого страху на прибрежныхъ

Норманская ладья.

жителей Европы, что тѣ въ церквахъ въ особыхъ молитвахъ молили Бога объ избавленіи страны отъ норманскаго погрома. До сихъ поръ во Франціи, въ Бельгіи, по берегамъ рѣкъ: Сены, Рейна и др. виднѣются развалины замковъ (небольшихъ крѣпостей, или укрѣпленныхъ жилищъ), гдѣ въ былыя времена помѣщики со своими семьями и людьми искали спасенія отъ норманскаго меча.

Шайки морскихъ воителей не всегда состояли изъ однихъ норманновъ. Нерѣдко къ нимъ присоединялись удальцы и изъ другихъ племенъ, жившихъ у берега моря по близости Скандинавіи, изъ литовскихъ и славянскихъ племенъ, обитавшихъ по южному берегу Балтійскаго моря. Отвага, жажда добычи, одинъ вождь да общая опасность связывали такую сбродную шайку въ крѣпкую дружину.

Пришлось нашимъ предкамъ столкнуться съ этими воителями. Норманны издавна уже пробирались по рѣкамъ Вост. Европы въ Черное море. Изъ Финскаго залива по Невѣ плыли они въ Ладожское озеро, затѣмъ подымались по Вол-

хову въ озеро Ильменъ; отсюда плыли по Ловати. Здѣсь доходили они до верховья и, гдѣ нельзя было плыть по какой нибудь рѣкѣ, тащили волокомъ по землѣ свои ладьи или несли ихъ, добирались до верховья Днѣпра, спускались по теченію до пороговъ его; тутъ опять тащили лодки нѣсколько времени волокомъ и затѣмъ безъ помѣхи доходили до Чернаго моря и плыли въ Константинополь, столицу Греціи. Ѣздили сюда они для наживы, вели торговлю, нанимались въ императорскую гвардію; рослыхъ и сильныхъ воиновъ охотно брали на службу и платили имъ хорошія деньги. Норманны называли себя по-своему „варингеръ“ (вооруженными людьми) — потому славяне и прозвали ихъ „варягами“.

II.

Преданія о первыхъ русскихъ князьяхъ.

О Рюрикѣ, Аскольдѣ и Дирѣ.

Славянское племя, раскидавшись небольшими поселками на огромномъ пространствѣ въ Приднѣпровской равнинѣ и по Ильменю, не могло устоять противъ сильныхъ сосѣдей.

Въ 859 году, по словамъ лѣтописца, „варяги изъ-за моря“ брали дань со славянъ, жившихъ по Ильменю, и со всѣхъ кривичей, а также съ двухъ сосѣднихъ финскихъ племенъ:—чуди и мери; а козары—съ полянъ, сѣверянъ и вятичей.

Въ 862 г. ильменскіе славяне и кривичи, собравшись съ силами, свергли власть варяговъ, прогнали ихъ за море и начали сами собой управляться; но не стало между ними правды, возсталъ родъ на родъ и начались усобицы. Терпѣть ихъ, видно, не въ мочь было и порѣшили тогда ильменскіе славяне, кривичи и чудь: „Поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами и судилъ по праву“.

Послы отправлены были къ варяжскому племени Русь и сказали русскимъ князьямъ?

— „Земля наша велика и обильна, а наряда (порядка) въ ней нѣтъ; идите княжить и владѣть нами“.

Братья согласились и въ 862 году пришли въ землю сѣверныхъ славянъ и сосѣднихъ финовъ. Старшій изъ этихъ братьевъ—Рюрикъ водворился сначала при устьѣ Волхова, у Ладожскаго озера, срубилъ себѣ здѣсь городъ Ладогу, а потомъ перешелъ къ истоку Волхова и поселился въ Новгородѣ; второй братъ—Синеусъ водворился на Бѣломъ озерѣ, а третій Труворъ—въ Изборскѣ. Отъ нихъ и страна, гдѣ они утвердились, стала называться Русью.

Такъ разсказываетъ о началѣ нашего государства преданіе, занесенное въ древнюю лѣтопись.

Но где именно жили эти варяго-руссы и къ какому племени принадлежали, — на это нѣтъ сколько-нибудь точнаго указанія. Много трудились наши ученые надъ разъясненіемъ этого темнаго вопроса: одни предполагали, что подъ „варяго-русами" надо разумѣть норманновъ: другіе думали, что призванные князья-варяги были вождями сборной дружины, въ которой было очень много славянъ, и потому эта пришлая дружина скоро вполнѣ слилась съ призвавшими. Наконецъ, въ наше время нѣкоторые думаютъ, что руссы — славяне: одинъ ученый полагаетъ, что они—балтійскіе славяне; другой, что они изъ Пруссіи и ведутъ начало отъ роксоланъ. Словомъ, вопросъ о томъ, откуда, какъ пришли и кто были первые наши князья, не смотря на всѣ домыслы ученыхъ, вопросъ — темный, нерѣшенный, и такимъ, вѣроятно, останется навсегда, если не будетъ открыто какихъ-либо новыхъ источниковъ.

Два года спустя, говоритъ преданіе, умерли оба младшіе брата Рюрика, и онъ сталъ властвовать на сѣверѣ одинъ. Приказывалъ онъ своимъ дружинникамъ въ разныхъ мѣстахъ области рубить (строить) новые города, т. е. строить деревянныя ограды, крѣпости, гдѣ легко было держаться противъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, и гдѣ можно было хранить добычу и держать плѣнниковъ. Враговъ у Рюрика довольно было и между славянами: не всѣ изъ нихъ хотѣли подчиниться чужеземцу и платить ему дань; приходилось многихъ силою принуждать къ повиновенію. Въ Новгородѣ, по преданію, произошло даже возстаніе: попробовали свергнуть Рюрика, но онъ одержалъ верхъ и казнилъ Вадима, главнаго мятежника, и многихъ сообщниковъ его. Много городовъ роздалъ Рюрикъ своимъ старшимъ дружинникамъ; они имѣли при себѣ вооруженные отряды и заставляли окрестныхъ жителей повиноваться князю и платить дань.

Двое изъ дружины Рюрика, не получившіе въ управленіе городовъ, отпросились у него идти со своими родичами въ Константинополь искать счастья. Отправились они обычнымъ путемъ варяговъ, — поплыли по Днѣпру мимо Смоленска, города кривичей, мимо Любеча, города сѣверянъ, дошли до невѣдомаго имъ городка въ очень красивой мѣстности, на крутомъ берегу Днѣпра. Узнали они, что городокъ этотъ называется Кіевомъ по имени Кія, который нѣкогда основалъ здѣсь первые поселки съ братьями: Щекомъ и Хоривомъ и сестрою Лыбедью. Узнали также, что Кіевляне платятъ дань хозарамъ. Полюбилось Аскольду и Диру это мѣсто; они помогли кіевлянамъ освободиться отъ власти хозаръ и сами стали властвовать здѣсь; набрали они себѣ сильную дружину изъ своихъ земляковъ и утвердились въ странѣ полянъ. Такъ явилось новое русское государство на среднемъ теченіи Днѣпра.

Недолго усидѣли на одномъ мѣстѣ эти воинственные дружинники: привыкли они къ боевымъ тревогамъ, и скучна была для нихъ мирная жизнь; а тутъ еще то и дѣло приходилось имъ слышать отъ бывалыхъ людей баснословные разсказы о дивныхъ богатствахъ Константинополя, о необычайной его роскоши. Слышали они часто и о томъ, что греки — народъ слабый, изнѣженный; что они боятся войны; что готовы скорѣе золотомъ откупаться отъ враговъ, чѣмъ встрѣчаться съ ними въ полѣ или морѣ съ оружіемъ въ рукахъ. Соблазнъ былъ великъ. Добраться до Константинополя было не особенно трудно.—

Начались приготовленія къ походу; стали собираться непосѣдливые, предпріимчивые удальцы съ разныхъ сторонъ къ Аскольду и Диру,—охотники до воинскихъ утѣхъ и богатой добычи, пустились на двухстахъ лодкахъ въ путь. Легко было плыть по теченію Днѣпра до самыхъ пороговъ его; здѣсь приходилось съ немалымъ трудомъ проводить лодки между камнями, а въ иныхъ мѣстахъ надо было волочить ихъ по землѣ, а кое-гдѣ нести и на плечахъ. Затѣмъ опять теченіе широкаго Днѣпра несло ладьи въ Черное море Въ затишье приходилось плыть по морю на веслахъ, а при попутномъ вѣтрѣ подымались паруса, и легкія ладьи быстро скользили по поверхности моря, неслись, словно чайки морскія, по широкому его простору.

Напали руссы на Константинополь врасплохъ. Императоръ былъ въ это время съ войскомъ въ Азіи, у восточныхъ предѣловъ имперіи. Ужасъ охватилъ все населеніе роскошной столицы, когда изъ сосѣднихъ прибрежныхъ селеній бѣглецы принесли страшную вѣсть, что множество русскихъ лодокъ плыветъ къ столицѣ. Заперли городскія ворота, разставили въ разныхъ мѣстахъ по стѣнѣ городской и по башнямъ стражу, послали къ императору вѣсть о бѣдѣ.—

Страшны были для изнѣженныхъ византійцевъ суровые воины сѣвера. Это были рослые, рьяные и крѣпкіе люди со свѣтлорусыми волосами, съ быстрыми глазами; самые знатные изъ нихъ были съ длинными усами съ бритыми подбородками; тяжелые шлемы покрывали ихъ головы; грудь защищена была кольчугой; сверхъ нея накидывали они плащи, углы которыхъ соединялись на правомъ плечѣ запонкой. Тугіе луки, острыя оперенныя стрѣлы, дротики, копья, тяжелыя сѣкиры (топоры) и обоюдоострые мечи составляли наступательное оружіе этихъ воиновъ. Большіе, полукруглые сверху и заостренные снизу щиты хорошо охраняли ихъ отъ вражьихъ ударовъ.

Подошли руссы съ моря къ Константинополю, высадились на берегъ, отрядами разсѣялись по окрестнымъ селамъ и беззащитнымъ предмѣстьямъ столицы и, по свидѣтельству византійцевъ, принялись страшно свирѣпствовать, разорять ихъ, истреблять все мечемъ и огнемъ. Ни старому, ни малому пощады не было; ни вопли дѣтей, ни мольбы матерей—ничто не трогало свирѣпыхъ воителей!—Отчаяніе овладѣло жителями столицы. Духовенство безпрерывно совершало молебствія въ церквахъ; онѣ полны были молящимися. Патріархъ Фотій говорилъ проповѣди. Онъ называлъ нашествіе руссовъ карою, посланною Богомъ за пороки и тяжкіе грѣхи, въ которыхъ погрязло населеніе столицы.

— „Народъ жестокій и дерзкій,—говорилъ онъ,—разоряетъ и губитъ все: нивы, жилища, стада, женщинъ, дѣтей, старцевъ, юношей, всѣхъ сражая мечемъ, никого не милуя, никого не щадя. Онъ, какъ саранча на нивѣ, какъ жгучій зной, какъ наводненіе, явился въ странѣ нашей и сгубилъ жителей ея“...

Указывалъ патріархъ и на малодушіе жителей, обезумѣвшихъ отъ страха.

— „Не воните, не шумите, перестаньте плакать, молитесь спокойно, будьте мужественны“! увѣщевалъ онъ ихъ.

Но все напрасно: страхъ былъ сильнѣе его краснорѣчія!—Руссы у стѣнъ

города насыпали огромный валъ, забрались до верха стѣны и жители трепетали отъ ужаса, что враги вотъ-вотъ ворвутся въ городъ... Но этого не случилось: русы совѣтъ неожиданно для осажденныхъ поспѣшно ушли изподъ стѣнъ Константинополя. Буря-ли, поднявшаяся на морѣ, или вѣсть о приближеніи императора съ большимъ войскомъ побудила ихъ къ этому—неизвѣстно. Долго послѣ того сохранялось у грековъ преданіе объ этомъ первомъ нападеніи на ихъ столицу русовъ. Есть извѣстіе, что около этого времени нѣкоторые изъ нихъ приняли христіанство отъ грековъ.

Въ 879 г. умеръ Рюрикъ. Сынъ его Игорь былъ еще очень малъ, и за малолѣтствомъ его сталъ княжить его родичъ Олегъ.

Преданія объ Олегѣ.

Олегъ, какъ говорятъ преданія, былъ князь очень предпріимчивый и воинственный. Только что власть попала въ его руки, какъ онъ задумалъ большое дѣло—овладѣть всѣмъ теченіемъ Днѣпра, забрать въ свои руки весь водный путь въ богатую Грецію; а для этого приходилось покорить всѣхъ славянъ, жившихъ по Днѣпру. Тутъ одной княжеской дружины было мало: Олегъ набралъ изъ ильменскихъ славянъ, изъ кривичей, подчиненныхъ ему, изъ финскихъ племенъ большое войско и двинулся съ нимъ и дружиной на югъ.

Овладѣлъ Олегъ прежде всего Смоленскомъ, городомъ тѣхъ кривичей, которые не были еще подвластны никому, затѣмъ взялъ Любечъ, городъ сѣверянъ, оставилъ въ этихъ городахъ отряды своей дружины подъ начальствомъ надежныхъ, опытныхъ воеводъ, самъ же пошелъ дальше. Наконецъ, показался и Кіевъ. Зналъ Олегъ, что силою нелегко будетъ взять этотъ городъ: княжили тамъ Аскольдъ и Диръ, опытные вожди, да и дружина была у нихъ храбрая, бывалая; пришлось пуститься на хитрость: войско было оставлено позади, а Олегъ съ нѣсколькими лодками подплылъ къ Кіеву, остановился неподалеку отъ города и послалъ сказать Аскольду и Диру, что ихъ земляки, купцы варяжскіе, ѣдутъ въ Грецію, хотятъ повидаться съ ними и просятъ ихъ придти къ лодкамъ. Кіевскіе князья, не подозрѣвая вовсе злого умысла, вышли одни на берегъ. Тогда воины, спрятанные въ лодкахъ, выскочили и окружили ихъ.

— „Вы не князья и не княжескаго рода“, сказалъ имъ Олегъ и прибавилъ, указывая на Игоря: „а вотъ сынъ Рюрика“!..

По знаку Олега воины его бросились на Аскольда и Дира и убили ихъ. Погребли ихъ у берега Днѣпра на горѣ (донынѣ одна прибрежная гора у Кіева называется Аскольдовой могилой). Кіевляне, оставшіеся безъ князей и застигнутые врасплохъ, подчинились Олегу.

Полюбился ему Кіевъ, назвалъ онъ его „матерью русскихъ городовъ“, и сталъ Кіевъ съ этого времени главнымъ русскимъ городомъ. Чтобы утвердить свою власть въ покоренной области, Олегъ началъ строить новые города, какъ Рюрикъ устраивалъ ихъ на сѣверѣ. Города эти раздавалъ онъ подъ начало своимъ дружинникамъ и установилъ дань съ покоренныхъ племенъ.

Не сидѣлось Олегу спокойно въ Кіевѣ. Каждый годъ, лишь только вскрывался Днѣпръ, онъ съ дружиною своей пускался въ путь на быстрыхъ ладьяхъ,

входилъ въ рѣки, впадавшія въ Днѣпръ съ правой и съ лѣвой стороны, подчинялъ себѣ жившія по берегамъ этихъ рѣкъ славянскія племена: по Припяти покорилъ древлянъ и принудилъ ихъ платить себѣ дань по черной куницѣ съ жилья: въ слѣдующемъ году поплылъ по Деснѣ, побѣдилъ сѣверянъ, данниковъ хозаръ, и заставилъ ихъ платить себѣ небольшую дань; затѣмъ принудилъ онъ и радимичей, по рѣкѣ Сожи, платить себѣ дань, которую прежде они платили хозарамъ. Покорилъ Олегъ и еще нѣкоторыя славянскія племена, жившія на западѣ отъ Днѣпра, по Бугу и Днѣстру; всюду строилъ города, или крѣпости, ставилъ намѣстниками своихъ дружинниковъ и ежегодно ходилъ съ дружиною собирать дань съ подчиненныхъ племенъ.

Но, видно, дани этой было мало князю и дружинѣ, или слишкомъ ужъ расходилась ихъ удаль: задумалъ Олегъ большой походъ на Византію. Силы у него было гораздо больше, чѣмъ у Аскольда и Дира. Закипѣла работа,—приходилось однѣхъ ладей заготовить, по преданію, до двухъ тысячъ. Каждая ладья могла поднять до 40 человѣкъ; войско, стало быть, для того времени было огромное; составилось оно изъ варяговъ, славянъ и финовъ.

Въ 906 г. явились во второй разъ руссы подъ стѣнами Византіи. Запылали опять села въ окрестностяхъ столицы; загородные дворцы, дачи и церкви гибли въ пламени... Горе было тѣмъ, кто пробовалъ противиться свирѣпымъ воинамъ и попадалъ въ ихъ руки: плѣнныхъ рубили они мечами, разстрѣливали стрѣлами, топили въ морѣ. Византійцы успѣли загородить входъ въ свою гавань громадной цѣпью и заперлись въ городѣ. Олегъ сталъ готовиться къ приступу. Византійскій дворъ предложилъ уплатить большую дань русскимъ, лишь бы они не разоряли города. Олегъ потребовалъ по двѣнадцати гривенъ (фунтовъ) серебра на человѣка. Выплатить сразу такую громадную дань было не подъ силу и богатымъ византійцамъ: приходилось выдать нѣсколько тысячъ пудовъ серебра. Серебро и золото въ то время цѣнились гораздо дороже, чѣмъ теперь. Начались переговоры. Олегъ нѣсколько сбавилъ свои требованія, но все-таки взялъ съ грековъ дань большую; она была разсчитана не только на дружинниковъ и воиновъ, бывшихъ съ нимъ въ походѣ, но и на тѣ отряды, что стояли по разнымъ русскимъ городамъ. Кромѣ того, князь потребовалъ разныхъ льготъ русскимъ купцамъ или „гостямъ“, какъ ихъ звали въ старину. Согласились греки на всѣ требованія, и Олегъ съ дружиною и воинами вернулись домой обремененные добычей.—Дивились всѣ необычайной удачѣ походовъ удалаго князя, его уму и хитрости. Стали ходить изъ устъ въ уста всякія розсказни о ней; говорили, будто Олегъ велѣлъ подъ Константинополемъ вытащить ладьи на берегъ, приспособить къ нимъ колеса и при попутномъ вѣтрѣ на парусахъ подкатилъ на лодкахъ къ самымъ стѣнамъ греческой столицы и навелъ на жителей ужасъ. Разсказывали, какъ онъ не поддался на разныя уловки грековъ, которые славились своей хитростью; какъ прибилъ на воротахъ города свой щитъ въ знакъ своей побѣды; какъ приказалъ на лодкахъ простыхъ воиновъ сдѣлать паруса изъ полотна, а на лодкахъ дружины—изъ шелковой матеріи, взятой въ добычу у грековъ, и т. д. Разсказы эти перешли потомъ въ преданія. Стали даже многіе думать, что Олегъ одаренъ былъ какими-то особенными, нечеловѣческими свойствами, прозвали его вѣщимъ (чародѣемъ).

Черезъ пять лѣтъ послѣ похода онъ скрѣпилъ свой миръ съ греками письменнымъ договоромъ. Для этого онъ послалъ нѣсколько знатнѣйшихъ мужей изъ дружины своей въ Константинополь.

Олегъ умеръ въ 912 г. Самая кончина его, по преданію, была необычайна. Спросилъ онъ разъ у волхва, или кудесника, о причинѣ своей смерти.

— „Князь, сказалъ кудесникъ, умрешь ты отъ своего любимаго коня".

Съ тѣхъ поръ Олегъ не садился больше на этого коня; велѣлъ его и кормить, и холить, но не подводить къ себѣ. Прошло послѣ того много лѣтъ. Какъ-то разъ, вспомнивъ о конѣ и узнавъ, что онъ уже давно околѣлъ, князь посмѣялся надъ лживымъ предсказаніемъ кудесника и захотѣлъ взглянуть на кости коня. Пріѣхавъ на то мѣсто, гдѣ лежали онѣ, Олегъ наступилъ на черепъ коня и съ усмѣшкой сказалъ:

— „Не отъ этой-ли кости умереть мнѣ?"

Вдругъ изъ черепа взвилась змѣя и укусила князя въ ногу. Отъ этого онъ заболѣлъ и умеръ...

Преданія объ Игорѣ.

Послѣ Олега сталъ княжить Игорь. Древляне возмутились было, думали освободиться отъ уплаты князю установленной дани, но Игорь усмирилъ ихъ и заставилъ платить болѣе тяжелую дань. Онъ тоже совершалъ походы въ чужіе края; но удачи ему такой, какъ Олегу, не было. При немъ совершенъ былъ набѣгъ на прикаспійскихъ жителей. Въ 913 г. русскіе на пятистахъ ладьяхъ явились въ Черномъ морѣ, проплыли въ Азовское, поднялись по Дону до того мѣста, гдѣ онъ близко подходитъ къ Волгѣ, и послали къ хозарскому кагану просить пропуска черезъ его владѣнія по Волгѣ въ Каспійское море; обѣщали отдать хозарамъ половину всей добычи, какую захватятъ. Каганъ согласился. Переволокли русскіе свои ладьи въ море, разсѣялись по южнымъ и западнымъ берегамъ его, стали безпощадно убивать жителей, забирать въ плѣнъ женщинъ и дѣтей. Попробовали жители сопротивляться; но русскіе разбили ихъ рать. Огромную добычу захватили побѣдители и поплыли обратно въ Волгу; здѣсь отдали они, какъ условились раньше, половину награбленной добычи кагану, но захотѣли хозары и другую половину отнять у руссовъ. Послѣ трехдневной страшной битвы, большая часть русской рати была истреблена, и остатки ея, спасавшіеся вверхъ по Волгѣ, почти всѣ погибли въ борьбѣ съ болгарами.

Въ концѣ девятаго вѣка по сосѣдству съ русскими появились новыя орды кочевниковъ — печенѣговъ. Они стали кочевать въ степяхъ, отъ Дуная до Дона. Византійское правительство, чтобы спасти свои владѣнія отъ ихъ набѣговъ, старалось жить съ ними въ мирѣ, посылало богатые подарки ихъ вождямъ; а иной разъ греки подкупали печенѣговъ, чтобы тѣ нападали на руссовъ. Въ мирное время печенѣги продавали русскимъ коней, быковъ, овецъ, нанимались иной разъ перевозить товары и такимъ образомъ помогали торговымъ сношеніямъ съ греками. Но очень часто эти кочевники враждовали съ русскими; тогда они врывались небольшими отрядами въ русскую область, грабили ее, сжигали поселенія, уничтожали нивы; часто нападали на русскіе купече[illegible]ваны, поджидая ихъ у днѣпровскихъ пороговъ.

Печенѣги были рослые, сильные люди свирѣпаго вида. Они были превосходные наѣздники и отличные стрѣлки. Стрѣлы и копья были главнымъ ихъ оружіемъ; а кольчуги и шлемы защищали ихъ отъ вражьихъ ударовъ. На своихъ легкихъ степныхъ коняхъ съ дикимъ крикомъ кидались они на враговъ, осыпая ихъ стрѣлами. Затѣмъ, если не могли сразу сломить противника, обращались въ притворное бѣгство, стараясь завлечь врага въ погоню за собой и при помощи засады окружить его и уничтожить.

Игорю первому изъ русскихъ князей пришлось оборонять свою область отъ этихъ хищниковъ.

Задумалъ Игорь, по примѣру Олега, сдѣлать большой набѣгъ на Грецію и промыслить себѣ и дружинѣ большую добычу. Собравъ огромную рать, направился онъ обычнымъ путемъ на ладьяхъ къ берегамъ Греціи. Какъ только показались безчисленныя суда русскія на Черномъ морѣ, дунайскіе болгары дали знать объ этомъ императору.

На этотъ разъ руссы напали на азіатскіе берега имперіи и стали здѣсь, если вѣрить греческимъ извѣстіямъ, страшно свирѣпствовать: они предавали разнымъ истязаніямъ плѣнныхъ, выжигали селенія, грабили церкви и монастыри. Наконецъ, греки собрались съ силами, снарядили корабли и выступили противъ враговъ. Игорь былъ вполнѣ увѣренъ, что руссы одержатъ побѣду, но ошибся. Когда сошлись греческіе суда съ русскими, вдругъ греки стали метать огонь на русскія ладьи. Попадетъ огонь на ладью, спасенія нѣтъ!... Пламя охватываетъ ее; вода его нейметъ; упадетъ огонь на воду—и на водѣ горитъ!.. Ужасъ овладѣлъ всѣми; самые смѣлые, боевые дружинники, и тѣ дрогнули,—все пустилось въ бѣгство. Иные кидались съ загорѣвшихся лодокъ прямо въ воду и тонули; множество руссовъ погибло тутъ; много ихъ попало въ руки грекамъ. Спаслись немногіе и разсказывали потомъ съ ужасомъ, что у грековъ во время этого боя была въ рукахъ небесная молнія; что они бросали ее на русскія ладьи, и тѣ гибли въ пламени. Дѣло въ томъ, что греки употребляли на войнѣ особый составъ изъ нѣсколькихъ горючихъ веществъ (нефти, сѣры, смолы и др). Когда составъ этотъ зажигали, огонь нельзя было погасить водою; она даже усиливала пламя. По водѣ составъ этотъ плавалъ и горѣлъ. На греческихъ судахъ на носовой части устраивались особыя мѣдныя трубы; при помощи ихъ греки, подойдя близко къ непріятельскимъ судамъ, бросали горящій составъ и зажигали ихъ. Этотъ „греческій огонь“, какъ его называли, не однихъ руссовъ приводилъ въ ужасъ, но и другихъ иноплеменниковъ, нападавшихъ на грековъ.

Игорь хотѣлъ, во что бы то ни стало, загладить стыдъ своего пораженія и отмстить грекамъ. Онъ послалъ за море звать охочихъ людей изъ норманновъ въ походъ на Грецію. Толпы хищныхъ воителей, падкихъ на добычу, направились въ Кіевъ. Три года собирался Игорь; наконецъ, изготовился, нанялъ и печенѣговъ, а чтобы они не измѣнили, взялъ у нихъ заложниковъ и отправился въ путь.

Пришла въ Константинополь ужасная вѣсть изъ Корсуня (греческаго города на Таврическомъ полуостровѣ): „Идетъ Русь безъ числа: корабли ихъ

покрыли все море". За этой вѣстью послѣдовала другая отъ болгаръ: „Идетъ Русь и печенѣги съ ними".

Императоръ разсудилъ, что лучше ублажить какъ-нибудь враговъ и не вступать съ нимъ въ новую борьбу. Онъ послалъ нѣсколькихъ знатныхъ бояръ къ Игорю сказать ему:

— „Не ходи на насъ, возьми дань, какую бралъ Олегъ, мы еще и прибавимъ къ ней".

Отправили греки и печенѣгамъ богатые дары,—много золота и дорогихъ паволокъ (шелковыхъ тканей). Руссы въ это время дошли уже до Дуная. Созвалъ Игорь свою дружину, сказалъ ей о предложеніи императора и сталъ совѣтоваться, какъ быть. Порѣшили принять предложеніе.

— „Когда императоръ,—сказала дружина,—и такъ предлагаетъ уплатить дань, и мы можемъ взять золото, серебро и паволоки безъ боя, то чего же намъ еще? Развѣ извѣстно, кто одолѣетъ,—мы или они?—Да и съ моремъ не уговоришься. Не по землѣ вѣдь ходимъ, а по глубинѣ морской, общая всѣмъ намъ можетъ быть смерть".

Принялъ этотъ совѣтъ князь, взялъ у грековъ золото и паволоки себѣ и на всѣхъ воиновъ своихъ и вернулся въ Кіевъ.

На слѣдующій же годъ онъ и императоръ обмѣнялись посольствами и заключили новый договоръ, похожій на договоръ Олега съ греками. Игорь пришелъ со старшими своими дружинниками (боярами) на холмъ, гдѣ стоялъ идолъ Перуна. Всѣ положили свое оружіе, копья, мечи, щиты и клялись греческимъ посламъ, что будутъ соблюдать договоръ. Были между дружинниками христіане; тѣ присягали въ церкви св. Иліи.

Одарилъ князь греческихъ пословъ мѣхами, воскомъ и челядью (т. е. рабами) и отпустилъ ихъ.

Договоры съ греками Игоря и раньше Олега показываютъ, что русскіе совершали не просто дикіе набѣги, но имѣли въ виду и торговыя выгоды. Въ договорахъ этихъ уже выговариваются русскимъ торговцамъ разныя льготы; обязываются съ той и другой стороны оказывать помощь купцамъ, потерпѣвшимъ крушеніе, — справедливо разбирать и судить разныя ссоры, могущія возникнуть при торговыхъ сношеніяхъ и пр. Опасливые греки, видимо, побаиваясь воинственныхъ руссовъ, требуютъ, чтобы въ столицу не входило ихъ разомъ болѣе 50 человѣкъ, при томъ безоружныхъ и пр.

Подъ старость Игорь не ходилъ самъ со своей дружиной на полюдіе. (Полюдіемъ назывался сборъ дани; князь со своей дружиной обыкновенно ходилъ по селамъ и городамъ, „по людямъ", и собиралъ дань, которую дѣлилъ съ дружиной). Сталъ князь поручать сборъ дани своему боярину Свенельду. Это невыгодно было для Игоревой дружины, и стала она роптать:

„Отроки (дружинники) Свенельда разбогатѣли оружіемъ и платьемъ, а мы наги; пойди, князь, съ нами за данью, и ты добудешь, и мы"!

Послушался ихъ Игорь, пошелъ въ землю древлянъ собирать дань, при чемъ онъ и дружина его прибѣгали къ насиліямъ. Князь уже возвращался въ Кіевъ съ данью; но захотѣлось ему пособрать еще; большую часть дружины отпустилъ онъ въ Кіевъ, а съ небольшимъ отрядомъ вернулся опять въ землю

древлянъ производить поборы. Древляне возмутились, собрались на вѣче и порѣшили съ Маломъ, своимъ старшиною, или княземъ, какъ называли они его:

— „Когда повадится волкъ ходить въ стадо овецъ, то все стадо расхитить, если не убьютъ его; такъ и этотъ (Игорь), если не убьемъ его,—всѣхъ насъ погубитъ“.

Когда Игорь снова началъ силою собирать дань, древляне изъ города Коростена перебили маленькій отрядъ Игоря и самого его убили (945 г.). Есть извѣстіе, будто они привязали его къ двумъ деревьямъ, пригнувъ ихъ верхушки одну къ другой, потомъ пустили ихъ, и онъ былъ разорванъ на двѣ части.

Преданія объ Ольгѣ.

Положеніе Руси было опасно по смерти Игоря. Святославъ, сынъ его, былъ еще ребенкомъ, а тутъ древляне подняли мятежъ; за ними могли послѣдовать и другія недовольныя племена; степные сосѣди—печенѣги тоже только и ждали случая пограбить Русскую землю. Но Ольга, мать Святослава, оказалась женщиною очень умною, притомъ твердаго и рѣшительнаго права; къ счастью, были и между боярами опытные военачальники, вполнѣ преданные ей.

Прежде всего надо было унять и обуздать мятежныхъ древлянъ. Ольга пошла на нихъ съ дружиной и войскомъ и жестоко отомстила имъ за смерть мужа.

Вотъ что говорятъ преданія объ этой мести. Древляне, убивши Игоря, порѣшили уладить дѣло съ Ольгою; выбрали изъ среды своей двадцать лучшихъ мужей и послали къ ней съ предложеніемъ выйти замужъ за князя ихъ Мала. Когда они прибыли въ Кіевъ, и княгиня узнала, въ чемъ дѣло, то сказала имъ:

— „Люба мнѣ ваша рѣчь; мужа своего мнѣ не воскресить. Хочу вамъ завтра оказать почетъ предъ людьми моими; идите теперь въ ладьи ваши; завтра я пришлю за вами людей, а вы скажите имъ: не хотимъ ни верхомъ ѣхать, ни пѣшкомъ идти, несите насъ въ лодкахъ; васъ и понесутъ“.

Когда на другой день утромъ къ древлянамъ пришли отъ Ольги люди звать ихъ, они отвѣтили такъ, какъ она научила.

— „Намъ неволя, князь нашъ убитъ, а княгиня наша хочетъ выходить за вашего князя!“ сказали кіевляне и понесли древлянъ въ лодкѣ.

Послы же сидѣли спѣсиво, гордясь высокою честью. Принесли ихъ на дворъ и бросили съ лодкою въ яму, которую раньше вырыли по приказу Ольги. Наклонилась она къ ямѣ и спросила:

— „Хороша-ли вамъ честь?“

— „Честь эта намъ хуже Игоревой смерти?“ отвѣчали несчастные.

Ольга приказала засыпать ихъ живыхъ землею. Затѣмъ послала своихъ пословъ къ древлянамъ сказать имъ:

— „Если вправду вы просите меня, то пришлите за мною самыхъ лучшихъ людей вашихъ, чтобы съ великой честью я пришла къ вамъ; иначе не пустятъ меня кіевляне“.

Прибыли новые послы отъ древлянъ. Ольга по тогдашнему обычаю при-

казала приготовить для нихъ баню. Когда они вошли туда, ихъ по приказу княгини заперли и сожгли вмѣстѣ съ баней. Тогда послала она опять сказать древлянамъ:

— „Я уже иду къ вамъ; приготовьте побольше меду, —хочу сотворить на могилѣ моего мужа тризну (поминки)".

Древляне исполнили ея требованіе. Ольга съ небольшою дружиною пришла къ могилѣ Игоря, плакала по мужѣ своемъ и приказала своимъ людямъ насыпать высокій могильный холмъ. Затѣмъ стали править тризну. Древляне сѣли пить; отроки (младшіе дружинники) Ольгины услуживали имъ.

— „Гдѣ же наши послы?" спрашивали древляне у княгини.

— „Идутъ съ дружиною мужа моего", отвѣчала она.

Когда древляне опьянѣли, княгиня велѣла своей дружинѣ рубить ихъ мечами. Много ихъ было изрублено. Ольга поспѣшила въ Кіевъ, стала собирать войско и на слѣдующій годъ пошла на Древлянскую землю; при ней былъ и сынъ. Древляне думали было сразиться въ полѣ Когда обѣ рати сошлись, маленькій Святославъ первый бросилъ копье; но слаба была еще его дѣтская рука: копье едва пролетѣло между ушей коня и упало къ ногамъ его.

— „Князь уже началъ!" крикнули воеводы, „дружина, впередъ, за князем!"

Древляне были разбиты, бѣжали и укрылись въ своихъ городахъ. Ольга хотѣла приступомъ взять Коростенъ; но всѣ усилія были напрасны. Отчаянно оборонялись жители: знали они, что ждетъ ихъ, если сдадутся. Цѣлое лѣто простояла кіевская рать подъ городомъ, а взять его не могла. Гдѣ сила не беретъ, тамъ иной разъ умомъ да сноровкою можно взять. Послала княгиня сказать коростенцамъ:

— „Чего вы не сдаетесь? Всѣ города ваши уже сдались мнѣ, платятъ дань и спокойно воздѣлываютъ нивы свои, а вы, видно, хотите досидѣться до голодной смерти?!"

Древляне отвѣчали, что они опасаются мести, а дань они готовы дать и медомъ, и мѣхами. Ольга послала сказать имъ, что она уже достаточно отомстила имъ, и требуетъ отъ нихъ малой дани: по три голубя и по три воробья съ каждаго двора. Обрадовались древляне, что такъ дешево могутъ отдѣлаться отъ бѣды, и исполнили ея желаніе. Ольга приказала воинамъ своимъ привязать къ ногамъ птицъ куски трута (т. е. тряпокъ, пропитанныхъ сѣрою), и, когда смерклось, велѣла зажечь трутъ и пустить птицъ. Воробьи полетѣли подъ крыши въ свои гнѣзда,—голуби въ свои голубятни. Жилья въ то время были все деревянныя, крыши соломенныя. Скоро Коростенъ запылалъ со всѣхъ концовъ; всѣ дома охватилъ пожаръ! Въ ужасѣ кинулся народъ вонъ изъ города и попадалъ прямо въ руки враговъ своихъ. Старшинъ княгиня взяла въ плѣнъ, а простыхъ людей—однихъ велѣла избить, другихъ отдала въ рабство дружинникамъ своимъ, а на остальныхъ наложила тяжелую дань.

Многихъ плѣнныхъ древлянъ Ольга принесла въ жертву богамъ и велѣла похоронить вокругъ могилы Игоря; затѣмъ справила тризну по мужѣ; при чемъ въ честь покойнаго князя происходили воинственныя игры, какъ требовали тогдашніе обычаи.

Если Ольга и не была такъ хитра, а древляне такъ довѣрчивы, какъ говоритъ преданіе, то все-таки въ народѣ и въ дружинѣ вѣрили, что дѣло было именно такъ: хвалили Ольгу за то, что она хитро и жестоко отомстила древлянамъ за смерть мужа. Суровы были въ старину нравы нашихъ предковъ. Кровавой мести требовалъ обычай, и чѣмъ ужаснѣе мститель мстилъ убійцамъ за смерть своего родича, тѣмъ большей похвалы заслуживалъ, по понятіямъ того времени.

Усмиривъ древлянъ, Ольга съ сыномъ и дружиною пошла по ихъ селамъ и городамъ и установила, какую дань должны они платить ей. На слѣдующій годъ обошла она съ дружиною и другія свои владѣнія, дѣлила земли на участки, опредѣляла, какіе подати и оброки должны были жители платить ей. Княгиня, какъ видно, понимала, сколько зла было отъ того, что князь и дружина брали дани, сколько вздумается, а народъ не зналъ впередъ, сколько онъ обязанъ уплатить.

Самымъ важнымъ дѣломъ Ольги было то, что она первая изъ княжеской семьи приняла христіанство.

Со времени Аскольда и Дира, какъ говоритъ преданіе, христіанство стало понемногу распространяться среди полянъ. Руссы давно уже сносились съ греками, часто ѣздили въ Царьградъ для торговли и тамъ могли познакомиться съ христіанскою вѣрою. Великолѣпіе греческихъ храмовъ и торжественность богослуженія возбуждали у нихъ удивленіе. При Игорѣ и въ Кіевѣ была уже христіанская церковь св. Иліи; было нѣсколько христіанъ и въ дружинѣ,—стало быть, съ этой поры русскіе могли и у себя дома узнать, въ чемъ состоитъ христіанская вѣра. Не трудно было Ольгѣ при ея умѣ понять, насколько эта вѣра выше языческой.

Въ 957 г. Ольга поѣхала въ Константинополь: она хотѣла принять крещеніе отъ самого патріарха. Когда русская княгиня прибыла въ Царьградъ, здѣсь пришлось ей въ гавани не мало времени ждать доступа къ императорскому двору При дворѣ долго обдумывали, какъ бы устроить ей торжественный пріемъ такъ, чтобы и достоинства императора не унизить, и высокую гостью не обидѣть. Наконецъ, послѣ разныхъ проволочекъ и выполненія всякихъ придворныхъ обычаевъ и обрядовъ, она была допущена во дворецъ и удостоилась видѣть императора и императрицу.

Императоръ сидѣлъ на великолѣпномъ золотомъ тронѣ въ одеждѣ, сіяющей драгоцѣнными камнями; около него стояли знатнѣйшіе вельможи въ пышныхъ нарядахъ. Затѣмъ, длиннымъ рядомъ богатыхъ покоевъ повели Ольгу къ императрицѣ. Въ огромной палатѣ, которая роскошно была отдѣлана мраморомъ, блистала позолотой и драгоцѣнными матеріями, находилось возвышеніе, покрытое пурпуровой тканью. На немъ стоялъ золотой тронъ, на которомъ сидѣла императрица; подлѣ нея, также на золотомъ тронѣ, сидѣла ея невѣстка. Около нихъ стояли царедворцы и придворныя женщины въ извѣстномъ порядкѣ, смотря по знатности. Одинъ изъ сановниковъ отъ имени императрицы привѣтствовалъ русскую княгиню; послѣ чего она и сопровождавшія ее русскія боярыни были отведены въ особый покой для отдыха.

Затѣмъ послѣдовалъ торжественный обѣдъ. Когда ввели русскихъ въ па-

лату, гдѣ былъ приготовленъ столъ, всѣ сдѣлали очень низкій поклонъ императору и императрицѣ. Ольга же только слегка наклонила голову. Императрица и ея невѣстка сидѣли за особымъ столомъ на возвышеніи; русской княгинѣ пришлось сидѣть съ придворными женщинами. Во время обѣда пѣвчіе пѣли хвалебныя пѣсни въ чѣсть императорскаго дома, играла музыка, а придворные плясуны тѣшили всѣхъ своей ловкой, искусной пляской. Послѣ обѣда императорское семейство съ Ольгою перешло въ другой покой, гдѣ приготовлены были разныя сласти на блюдахъ, украшенныхъ драгоцѣнными камнями. Русской княгинѣ и окружавшимъ ее русскимъ боярынямъ были поднесены въ подарокъ по нѣскольку десятковъ червонцевъ. Тогда было въ обычаѣ обмѣниваться подарками. Ольга привезла императорской семьѣ много драгоцѣнныхъ мѣховъ.

Константинопольскій патріархъ, по словамъ нашего лѣтописца, самъ совершалъ обрядъ св. крещенія; а императоръ Константинъ Багрянородный былъ крестнымъ отцомъ Ольги. Нарекли ее при крещеніи Еленою въ честь матери Константина Великаго.

Не мало, конечно, дивились русскіе богатствамъ и великолѣпію императорскаго дворца и роскошной столицы. Какая разница между тѣмъ, къ чему привыкли они у себя въ Кіевѣ, и тѣмъ, что они увидѣли здѣсь! Тамъ жалкія деревянныя лачуги, плетенныя изъ вѣтвей изгороди, бревенчатыя городскія стѣны: здѣсь громадные роскошные дворцы, великолѣпные храмы съ позолоченными сіяющими главами, крѣпкія и красивыя городскія стѣны съ бойницами и сторожевыми башнями.

По возвращеніи въ Кіевъ сильно хотѣла Ольга обратить и Святослава въ христіанскую вѣру.

„Вотъ я познала истиннаго Бога и радуюсь, говорила она сыну, крестись, познаешь и ты Бога, будетъ радость и въ твоей душѣ“.

„Какъ я приму одинъ иную вѣру?—возражалъ Святославъ, дружина станетъ смѣяться надо мною“!...

— „Если ты крестишься, настаивала Ольга, всѣ за тобою послѣдуютъ“.

Но Святославъ оставался непреклоненъ.

Преданія о Святославѣ.

Съ малыхъ лѣтъ онъ освоился съ боевою жизнью; только и веселья ему было, что на войнѣ. Удалые походы да битвы кровавыя—вотъ что больше всего занимало его. Понятно, что христіанство съ его ученіемъ о кротости и миролюбіи было не по душѣ Святославу. Онъ былъ храбрый воитель, настоящій князь-дружинникъ. Вся жизнь его прошла въ походахъ да битвахъ. Походы онъ совершалъ необыкновенно быстро,—ходилъ какъ барсъ, по словамъ лѣтописца. Никакого обоза не возилъ за собою; никакихъ шатровъ не имѣлъ при себѣ; спалъ на голой землѣ, постеливъ только конскую попону да подъ голову подложивъ сѣдло. Котловъ онъ во все время похода тоже не бралъ съ собою; никакихъ особенныхъ кушаній не готовилось для него: онъ самъ пекъ для себя на угольяхъ, что доводилось,—конину, звѣрину или говядину.

Каковъ былъ князь, такова была и дружина его.

Не любилъ онъ прибѣгать къ хитрости, не нападалъ на непріятеля нежданно. — „Иду на васъ!“ посылалъ онъ сказать врагамъ, на которыхъ готовился напасть, и давалъ имъ возможность приготовиться къ боевой встрѣчѣ. Закаленная въ бояхъ дружина, сильное испытанное войско да своя молодая сила и отвага давали Святославу вѣру въ успѣхъ.

Задумалъ онъ совершить большой походъ на хозаръ. По степямъ, по рѣкамъ, чрезъ лѣсныя дебри добрался онъ до Оки; тамъ жило суровое племя вятичей.

— „Кому дань платите?“ спросилъ онъ.

— „Даемъ дань хозарамъ“, отвѣчали вятичи.

Князь заставилъ ихъ платить себѣ и продолжалъ походъ.

Спустился онъ съ войскомъ своимъ по Окѣ въ Волгу и поплылъ внизъ по теченію ея. Плохо пришлось болгарамъ, жившимъ по Волгѣ: Святославъ разорилъ и предалъ грабежу и города, и села ихъ. Большое хозарское войско съ самимъ каганомъ во главѣ вышло на встрѣчу русскимъ. Начался бой. Хозары были совершенно разбиты. Разорилъ Святославъ землю ихъ, взялъ главный городъ ихъ на Дону—Бѣлую Вѣжу, и побѣдилъ ясовъ и косоговъ, воинственныхъ жителей Прикавказья. Молва о смѣлыхъ набѣгахъ удалого князя, о неукротимой отвагѣ его и страшной его дружинѣ надолго нагнала страху на жителей закаспійскихъ областей.

Не успѣлъ Святославъ отдохнуть въ Кіевѣ отъ походовъ на востокъ, какъ явилось къ нему посольство отъ греческаго императора Никифора-Фоки — просить у него помощи противъ дунайскихъ болгаръ; тридцать пудовъ золота обѣщали ему за помощь.

Святославъ охотно принялъ это предложеніе. Съ войскомъ около шестидесяти тысячъ, въ 968 году, русскія ладьи явились на Дунаѣ. Напрасно болгарское ополченіе пыталось помѣшать русскимъ высадиться на берегъ. Болгары были разбиты. Множество городовъ ихъ было взято и разграблено, въ томъ числѣ и Малая Преслава, или Переяславецъ, и сильно укрѣпленный Доростолъ. Святославу очень понравилось въ Болгаріи на Дунаѣ: земля здѣсь была богатая, всего было вдоволь, положеніе выгодное,—съ Византіей и другими богатыми сосѣдними странами шла здѣсь большая торговля. Не хотѣлъ Святославъ и уходить отсюда: а Русь въ это время оставалась безъ князя.

Въ Кіевѣ была Ольга, ужъ очень престарѣлая, съ малолѣтними внуками; недалеко отъ русской столицы разстилалась степь, а по ней рыскали орды кочевниковъ-печенѣговъ; они только и выжидали удобнаго случая напасть врасплохъ и пограбить. Нахлынули орды ихъ на Русь. Заперлась Ольга съ внуками въ городѣ. Толпы печенѣговъ расположились станомъ вокругъ Кіева: ни въ городъ нельзя было никому пройти, ни изъ города выйти. Плохо пришлось кіевлянамъ; мало у нихъ уже оставалось съѣстныхъ припасовъ,—приходилось сдаваться; помощи ждать имъ было неоткуда. На противоположномъ берегу Днѣпра собрался небольшой отрядъ ратныхъ людей подъ начальствомъ воеводы Претича. Могъ бы онъ попытаться помочь кіевлянамъ и спасти Ольгу съ внуками отъ плѣна, да на бѣду онъ вовсе и не зналъ, что кіевлянамъ приходится такъ плохо: онъ думалъ, что они еще смогутъ продержаться до прихода Свято-

слава. Стали кіевляне думать, какъ бы извѣстить Претича о томъ, что имъ приходится сдаться, если никто не поможетъ имъ. Нашелся между ними, какъ говоритъ преданіе, отважный юноша, который взялся извѣстить воеводу о положеніи кіевлянъ. Незамѣтно для враговъ вышелъ онъ изъ города съ удочкой въ рукѣ, прошелъ между печенѣгами, спрашивая всѣхъ встрѣчныхъ, не видали-ли его лошади. (Онъ говорилъ по-печенѣжски, и печенѣги приняли его за одного изъ своихъ). Добравшись до Днѣпра, юноша быстро сбросилъ съ себя одежду, кинулся въ рѣку и поплылъ... Тутъ только спохватились печенѣги; засвистѣли стрѣлы; но онъ былъ уже далеко, — попасть въ него было трудно. Русскіе съ той стороны Днѣпра завидѣли пловца и поспѣшили на встрѣчу ему на лодкѣ.

— „Если не подступите завтра къ городу, сказалъ онъ, то кіевляне хотятъ сдаться печенѣгамъ“.

— „Подступимъ завтра, постараемся спасти княгиню и княжичей, сказалъ Претичъ дружинѣ, перевеземъ ихъ на эту сторону. Если не сдѣлаемъ этого, то погубитъ насъ всѣхъ Святославъ“.

Всѣ согласились. На другой день на разсвѣтѣ раздались на Днѣпрѣ громкіе звуки трубъ; показались лодки съ вооруженными людьми. Кіевляне громкимъ, радостнымъ крикомъ привѣтствовали ихъ со стѣнъ. Смѣлая попытка Претича удалась: печенѣги испугались, — имъ представилось, что самъ Святославъ съ войскомъ идетъ на выручку Кіева. Они поспѣшно отошли отъ города. Того и нужно было Претичу. Ольга съ внуками успѣла сѣсть въ лодку и переѣхать на другой берегъ. Печенѣжскій князь вступилъ съ русскими въ переговоры.

— „Кто это пришелъ?“ спросилъ онъ у Претича.

— „Люди съ той стороны“, отвѣчалъ тотъ.

— „А ты не князь-ли?“ спросилъ печенѣгъ.

— „Я — княжій мужъ, сказалъ Претичъ, и пришелъ съ передовымъ отрядомъ, а за мною идетъ князь съ большимъ войскомъ“.

Хитрость удалась. Печенѣжскій князь вовсе не расположенъ былъ встрѣчаться съ самимъ Святославомъ и предложилъ заключить миръ. Претичъ, конечно, согласился. Оба подали другъ другу руки и обмѣнялись подарками: печенѣжскій князь подарилъ русскому воеводѣ коня, саблю и стрѣлы; а Претичъ далъ ему броню, щитъ и мечъ.

Кіевляне, говоритъ преданіе, послали сказать Святославу:

— „Ты, князь, чужой земли ищешь и блюдешь ее, а отъ своей отрекся: насъ вмѣстѣ съ твоею матерью и дѣтьми чуть не взяли печенѣги. Если ты не защитишь, то они возьмутъ насъ. Неужели тебѣ не жаль ни твоей отчины, ни старухи матери, ни дѣтей твоихъ?“

Святославъ поспѣшилъ съ дружиной своей въ Кіевъ, собралъ войско и прогналъ печенѣговъ далеко въ степь. Недолго пожилъ онъ съ семьею; не сидѣлось ему дома.

— „Не любо мнѣ въ Кіевѣ, говорилъ онъ матери и боярамъ, — хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ. Тамъ средина земли моей; туда сходится все благое съ разныхъ сторонъ: изъ Греціи везутъ туда золото, ткани, вина и раз-

ные плоды, изъ земли чеховъ и венгровъ идутъ серебро и кони, изъ Руси — мѣха, воскъ, медъ и рабы".

Ольга уговаривала его нѣсколько повременить.

— „Я уже больна, не уходи, просила она, похорони меня сперва, а тамъ иди, куда хочешь".

Три дня спустя Ольга скончалась. Она заповѣдала, чтобы по ней не справляли языческой тризны; у нея былъ священникъ,—онъ и похоронилъ ее по христіанскому обряду.

Святославъ спѣшилъ въ Болгарію. Эту страну, завоеванную имъ, считалъ онъ уже своею. Русская земля, по понятіямъ того времени, принадлежала не одному князю, а всему княжескому роду; Святославъ подѣлилъ ее между своими сыновьями: старшему сыну — Ярополку отдалъ Кіевскую область, Олегу— землю Древлянскую, Новгородская область досталась младшему сыну — Владиміру.

Между тѣмъ въ Греціи дѣла измѣнились. Императоръ Никифоръ-Фока былъ убитъ, и убійца его Іоаннъ Цимисхій завладѣлъ тропомъ. Новый императоръ былъ человѣкъ очень дѣятельный, предпріимчивый, зналъ хорошо и военное дѣло. Понималъ онъ, что Византіи грозитъ постоянная опасность, если въ Болгаріи утвердится воинственный Святославъ Болгары тоже не хотѣли господства русскаго князя. Ему пришлось бороться съ ними. Большое болгарское войско вышло на встрѣчу русскому. Началась у Переяславца жестокая сѣча. Нѣсколько разъ возобновлялся ожесточенный бой; наконецъ, къ вечеру Святославъ одолѣлъ и взялъ въ плѣнъ двухъ сыновей болгарскаго царя. Потомъ прошелъ онъ съ огнемъ и мечемъ всю Болгарію и страшно отомстилъ болгарамъ за враждебную встрѣчу! Іоаннъ Цимисхій отправилъ къ нему посольство съ богатыми дарами. Послы отъ имени императора объявили князю, чтобы онъ, получивъ награду, обѣщанную прежнимъ императоромъ, удалился изъ Болгаріи. Не понравилось это Святославу; онъ считалъ уже эту страну своею.

— „Выкупите у меня всѣ взятые мною города, отвѣчалъ онъ посламъ, выкупите вашихъ плѣнниковъ, заплатите золотомъ за Болгарію, и я оставлю ее, а если не хотите, то нѣтъ вамъ мира"!

Началась война съ греками. По словамъ нашего лѣтописца, Святославу пришлось встрѣтиться съ огромнымъ греческимъ войскомъ. Смутились сначала руссы: ихъ было гораздо меньше, чѣмъ враговъ; но безстрашный князь воодушевилъ своихъ сподвижниковъ.

— „Некуда намъ ужъ дѣться, сказалъ онъ имъ, волею или неволею надо сразиться. Не посрамимъ русской земли, ляжемъ костьми: мертвымъ нѣтъ срама!.. Если въ бѣгство обратимся, то и срамъ намъ будетъ, и бѣды не избѣжимъ. Станемъ твердо. Я пойду впереди. Если сложу свою голову, то думайте о себѣ сами"!

— „Гдѣ твоя голова ляжетъ, тамъ и мы свои сложимъ"! отвѣчали воины.

Завязался жестокій бой и Святославъ одолѣлъ! Такъ говоритъ нашъ лѣтописецъ. Но съ каждой битвой все меньше и меньше становилось русскихъ воиновъ, а ждать помощи имъ было неоткуда: до Русской земли далеко; а греки

были у себя дома! Императоръ поднялъ громадныя силы, снарядилъ корабли, заготовилъ множество запасовъ и съ наступленіемъ весны двинулся на Святослава. Тяжелое время настало для русскаго войска. Въ Дунай вошли греческіе корабли съ ужасными огнеметательными снарядами. Огромное и хорошо устроенное греческое войско явилось въ Болгаріи. Болгары тоже возстали противъ Святослава. Напали греки неожиданно на Переяславецъ и завладѣли имъ. Стоявшій тамъ отрядъ руссовъ сразился съ греками сначала предъ городомъ, потомъ долженъ былъ защищаться въ городѣ. Когда греки вытѣснили русскихъ отсюда, они заперлись въ царскомъ дворцѣ, который былъ расположенъ на отдѣльномъ возвышеніи и окруженъ особою стѣною. Не могли греки никакъ взять этого дворца: стали они со всѣхъ сторонъ бросать въ него огонь. Зданіе запылало. Пришлось руссамъ выйти: окружили ихъ со всѣхъ сторонъ греки. Отчаянно рубились руссы: но почти всѣ погибли здѣсь, только нѣсколькимъ воинамъ удалось спастись и уйти къ Святославу, который съ главнымъ своимъ войскомъ стоялъ въ Доростолѣ. Первая битва подъ стѣнами этой крѣпости была очень упорна. Руссы, сомкнувъ свои щиты, стояли стѣной предъ городомъ.

Дружинники были хорошо вооружены: крѣпкіе шлемы, кольчуги, щиты защищали ихъ отъ ударовъ; тяжелыми мечами, секирами и острыми копьями поражали они непріятелей. Простые воины были вооружены похуже: не у всѣхъ были шлемы и кольчуги: стоили они въ то время очень дорого, и только князья да дружинники могли имѣть хорошее вооруженіе. Лучшее оружіе пріобрѣталось изъ Византіи.

Бой подъ Доростоломъ былъ жестокій. Руссы дрались съ неукротимою отвагою и съ ярымъ крикомъ поражали враговъ. День уже склонялся къ вечеру, а побѣда все еще колебалась. Грековъ было гораздо больше, чѣмъ русскихъ; вооружены были они лучше, а, главное, руссы сражались пѣшіе, а у грековъ была конница: Іоаннъ Цимисхій пустилъ ее въ дѣло. Она ринулась на руссовъ, уже сильно утомленныхъ боемъ. Не выдержали они этого стремительнаго натиска, отступили и заключились въ городскихъ стѣнахъ. Императоръ приказалъ устроить укрѣпленный лагерь на возвышеніи, близъ города. Греки окопались и поставили свои шатры. Греческіе корабли стояли на Дунаѣ, и русскимъ нельзя было отступить: они старались только какъ-нибудь укрыть у берега свои лодки, чтобы греки не истребили ихъ своимъ „страшнымъ огнемъ“: руссы живо еще помнили разсказы отцевъ о томъ, какъ этотъ огонь уничтожилъ суда Игоря.

Русскіе обороняились съ необычайнымъ мужествомъ и стойкостью. Они не укрывались постоянно за городскими стѣнами, но очень часто выходили изъ города и сражались съ греками въ открытомъ полѣ. Русская кольчужная рать обыкновенно выступала изъ города и, закрывшись своими длинными щитами, стѣною шла на непріятеля. Ничто не могло устоять противъ страшнаго напора этого желѣзнаго строя, но Цимисхій не даромъ слылъ искуснымъ вождемъ: онъ и его полководцы умѣли внезапными нападеніями съ боковъ и съ тыла, стремительными налетами отрядовъ конницы разстраивать сомкнутый строй русскихъ воиновъ и принуждали ихъ отступать. Руссы не обращались въ бѣгство, но, закинувъ за спину свои огромные щиты, медленно шли къ городу. Ночью иной

разъ они выходили въ поле, подбирали тѣла убитыхъ товарищей и сжигали ихъ на кострахъ; при этомъ закалывали въ жертву своимъ богамъ многихъ плѣнниковъ, убивали, по своему обычаю, и женщинъ (вѣроятно, женъ болѣе знатныхъ покойниковъ). Кромѣ того, приносили въ жертву младенцевъ и пѣтуховъ, которыхъ погружали въ Дунай. Погребальные обряды они сопровождали дикими воплями и плачемъ въ честь покойниковъ. Есть извѣстіе, что греки въ числѣ убитыхъ русскихъ находили женщинъ; онѣ въ мужской одеждѣ шли за своими мужьями въ сраженія.

Греки установили метательныя машины, кидали тяжелые камни въ городъ

Русскій дружинникъ.

и убивали многихъ осажденныхъ. Русскіе въ свою очередь дѣлали по ночамъ вылазки, старались уничтожить эти машины и добыть въ окрестныхъ селахъ съѣстные припасы: въ нихъ уже чувствовался недостатокъ. Иной разъ вылазки эти бывали удачны и производили въ греческомъ станѣ большой переполохъ.

Два мѣсяца слишкомъ длилась осада Доростола. Многихъ храбрыхъ дружинниковъ не стало; погибли въ бою и лучшіе русскіе воеводы. Пріуныли храбрые воины Святослава. Созвалъ онъ на совѣтъ своихъ воеводъ и старшихъ дружинниковъ и спросилъ, какъ быть, что дѣлать. Кто совѣтовалъ въ глухую ночь, въ удобную пору, спасаться бѣгствомъ; кто думалъ, что лучше заклю-

чить миръ съ императоромъ. Но не по душѣ Святославу были такіе сытые жизнь, спасенная бѣгствомъ или купленная цѣною унизительнаго мира, не привлекала его. Его мѣтіе было—или побѣдить, или погибнуть славною смертью въ бою.

Опять начались отчаянныя сѣчи. Въ одной изъ нихъ греческій витязь, одаренный необыкновенной силой, замѣтилъ въ толпѣ русскихъ воиновъ Святослава, ринулся къ нему, мечомъ своимъ проложилъ себѣ путь къ русскому князю и нанесъ ему страшный ударъ въ плечо. Святославъ упалъ,—такъ силенъ былъ ударъ. Но щитъ и крѣпкая кольчуга спасли его. Греческій витязь погибъ подъ ударами русскихъ. Смерть этого богатыря поразила греческихъ воиновъ страхомъ. Руссы стали теснить ихъ. Плохо приходилось грекамъ. Императоръ увидѣлъ опасность, велѣлъ ударить въ бубны и трубить въ трубы, а самъ съ копьемъ въ рукахъ, во главѣ своего отряда „безсмертныхъ" (такъ назывался отрядъ лучшихъ воиновъ въ греческомъ войскѣ), понесся на русскихъ. Бой загорѣлся съ прежнимъ ожесточеніемъ. Греческая рать, воодушевленная своимъ вождемъ, сильно напирала на руссовъ. На бѣду для нихъ вдругъ поднялась сильная буря, вѣтеръ дулъ имъ прямо въ лицо, облака пыли неслись имъ въ глаза. Между тѣмъ одинъ отрядъ грековъ зашелъ въ тылъ русскому войску и грозилъ отрѣзать его отъ города,—пришлось поспѣшно отступить Самъ Святославъ, израненный, истекающій кровью, едва спасся отъ плѣна...

Дольше сопротивляться нельзя было. Въ Доростолѣ насталъ страшный голодъ. Приходилось мириться. Цимисхію тоже было не легко продолжать войну: греки были изнурены продолжительными битвами и сильно желали мира. Русскій князь обязался выдать всѣхъ плѣнныхъ грековъ, сдать Доростолъ и уйти изъ Болгаріи; обязывался онъ и впередъ не начинать войны съ греками и даже мѣшать нападеніямъ и другихъ племенъ на Грецію. По обычаю руссы должны были клясться Перуномъ и Волосомъ, что они будутъ точно соблюдать договоръ.

Святославъ пожелалъ повидаться съ императоромъ. По словамъ одного греческаго писателя (Льва Діакона), они свидѣлись на берегу Дуная. Цимисхій, верхомъ на богато убранномъ конѣ, въ раззолоченныхъ доспѣхахъ, окруженный блестящей свитой, подъѣхалъ къ берегу Дуная: а Святославъ подплылъ на простой ладьѣ, самъ управляя весломъ наравнѣ съ другими гребцами

Съ любопытствомъ смотрѣли греки на страшнаго для нихъ Святослава. Отъ нихъ узнаемъ мы о наружности его. Это былъ человѣкъ средняго росту, коренастый, широкоплечій. Голова у него была бритая и сверху ея свѣшивался пукъ волосъ (означавшій благородство), въ одномъ ухѣ была золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами и рубиномъ посрединѣ. Лицо его было мрачно Сурово глядѣли его голубые глаза изъ подъ густыхъ бровей, носъ былъ нѣсколько плоскій, борода бритая, усы длинные. Одежда его поразила грековъ своей простотой;—бѣлая рубаха его отличалась отъ одежды другихъ его товарищей только большей чистотой. Свиданіе его съ императоромъ продолжалось недолго.

Пока Святославъ боролся съ греками въ Болгаріи, орды дикихъ печенѣговъ опустошали его области и чуть не овладѣли Кіевомъ. Святославъ съ

остаткомъ своего войска и дружиною зимовалъ у Днѣпровскаго устья. Съ наступленіемъ весны поплыли они вверхъ по Днѣпру. У пороговъ подстерегали русскихъ печенѣги: они знали, что въ отрядѣ мало воиновъ и справиться съ нимъ будетъ не трудно. Въ самомъ опасномъ мѣстѣ, гдѣ русскимъ пришлось обходить пороги по берегу, отрядъ Святослава былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ печенѣгами. Произошла отчаянная свалка. Святославъ погибъ въ бою со всѣми своими дружинниками, только нѣсколькимъ человѣкамъ удалось уйти въ Кіевъ.

Преданіе говоритъ, что печенѣжскій вождь Куря велѣлъ изъ черепа Святослава сдѣлать чашу и на пирахъ пилъ вино изъ нея.

Такъ покончилъ свою жизнь (972 г.) самый воинственный изъ первыхъ русскихъ князей.

Простой русскій воинъ X-го вѣка.

Одежда Святослава

Бытъ русскихъ въ IX—X ст.

Изъ преданій видно, что первые князья, кромѣ Ольги, мало думали о своей землѣ. Собирали они дань съ подвластныхъ имъ славянъ, брали у нихъ людей въ свое войско, дѣлились данью съ храброю дружиной своей и больше всего думали объ удалыхъ походахъ и богатой добычѣ. Не всегда даже князья

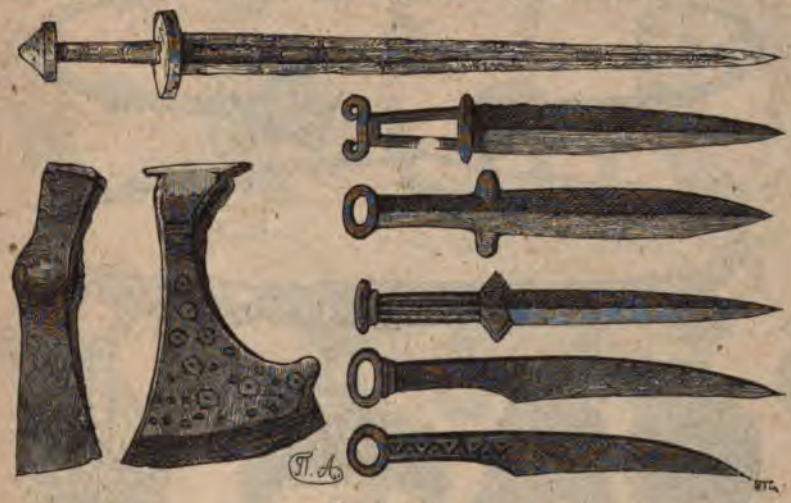
могли, какъ слѣдуетъ, защищать подвластныя имъ племена отъ враговъ. Но все-таки совершилось великое дѣло: восточные славяне соединились подъ одной властью, составили одинъ народъ. Явилась сила, которая мало-по-малу должна была сплотить разрозненные племена и роды въ одно цѣлое. Силою этою былъ князь съ дружиною своей. Онъ стоитъ выше родовыхъ споровъ: ему нечего мирволить однимъ, обижать другихъ: онъ становится княземъ всей земли, и для него всѣ подвластные роды и племена равны. Не слушаться его опасно: у него подъ рукою надежная сила—его вѣрная дружина, съ ней онъ заставитъ себѣ повиноваться,—словомъ, въ князѣ у восточныхъ славянъ явилась сильная правящая власть, которой раньше не было и безъ которой не можетъ быть и государства.

Первые князья, какъ это видно изъ преданій, не привязаны еще къ той или другой части населенія, къ тому или другому мѣсту: Олегъ перенесъ столицу въ Кіевъ: Святославъ подумывалъ водвориться еще южнѣе, въ Переяславцѣ на Дунаѣ. Связаны первые князья неразрывными узами лишь съ дружиной,—въ ней вся сила ихъ: безъ нея ни лихого похода нельзя предпринять, ни оборониться отъ нападеній хищниковъ, нельзя даже и дани собрать съ нѣкоторыхъ данниковъ своихъ и сдержать въ своей волѣ покоренныя, но непокорныя племена, — словомъ, князь безъ дружины шагу ступить не можетъ: безъ нея онъ, что голова безъ тѣла: да и она безъ князя, что тѣло безъ головы. Съ дружиной князь совѣщается, съ нею дѣлитъ боевые труды и добычу, старшимъ дружинникамъ (боярамъ) даетъ въ управленіе города и области. Предпріимчивъ князь да удачливъ,—нѣтъ недостатка и въ лихихъ удальцахъ, готовыхъ служить въ его дружинѣ, идутъ въ нее изъ народа сильные да удалые люди. Задумалъ князь большой походъ, который сулитъ богатую добычу, но мало ему дружины,—стоитъ только кличъ кликнуть, изъ населенія найдется всегда множество охотниковъ до боевой потѣхи, до богатой добычи, до пировъ веселыхъ,—и вотъ у князя собирается, кромѣ постоянной дружины, и временное войско. Вотъ почему Олегъ, Игорь и Святославъ могли предпринимать большіе походы на богатый югъ. Но мало-по-малу начинаютъ князья сознавать, что и у себя дома дѣла довольно: то въ одномъ мѣстѣ поднимается мятежъ отъ безпорядочнаго сбора дани, сравниваютъ алчнаго сборщика съ хищнымъ волкомъ, то въ другомъ мѣстѣ населеніе сѣтуетъ и коритъ своего князя за то, что онъ чужія земли воюетъ, а своей не блюдетъ. Приходится князьямъ подумать о порядкѣ въ странѣ, о томъ „нарядѣ", для котораго, по преданію, и призваны были они, необходимо заняться устройствомъ земли, охраною ея отъ враговъ-хищниковъ. Своя-же личная выгода побуждаетъ князей оборонять своихъ данниковъ отъ разоренія. И вотъ князья мало-по-малу изъ непосѣдливыхъ воителей, ублажающихъ свою дружину славой и добычей, должны обратиться въ устроителей земли своей, въ охранителей ея. Для обороны страны и для управленія ею строятся новые города, куда князья сажаютъ намѣстниками своихъ бояръ съ отрядами дружины.

Хотя при первыхъ князьяхъ сословія не обозначались еще рѣзко: но все-таки видно, что княжьи мужи, бояре и дружинники, занимаютъ первое мѣсто; затѣмъ идутъ свободные „люди", низшій разрядъ которыхъ составляли

„смерды“. Наконецъ, были еще рабы, плѣнные, захваченные на войнѣ. Почти безпрерывная борьба съ хищными кочевниками доставляла рабовъ, вѣроятно, очень много, такъ что русскіе торговали ими.

Около городовъ собирается все больше и больше населенія; усиливаются разные промыслы и торговля. Въ городѣ живетъ князь или княжій бояринъ съ дружиной. Война даетъ дружинникамъ богатую добычу; князья дѣлятся съ ними и данью. Есть чѣмъ платить; тутъ былъ бы только товаръ пригодный, а покупатель найдется. Нужны дружинникамъ и жилья хорошія, и одежда красивая, и обувь, и оружіе: немало работы разнымъ пригороднымъ ремесленникамъ, плотникамъ, скорнякамъ, кузнецамъ, оружейникамъ и др. Находятся и люди, которые тѣмъ промышляютъ, что въ одномъ мѣстѣ купятъ какія-нибудь вещи, а въ другомъ продадутъ ихъ съ выгодою для себя, съ большимъ барышемъ. Гдѣ явятся такіе купцы, или „гости“, какъ ихъ называли въ старину, тамъ усиливается сбытъ издѣлій, разные промыслы и ремесла идутъ лучше.



О р у ж і е.

Мечъ, топоры, кинжалы и ножи (найдены въ древнихъ могилахъ).

Князь и дружинники въ старину между прочимъ и сами часто торговали. Съ наступленіемъ зимы они выходили за сборомъ дани (на полюдіе), весною возвращались въ Кіевъ и привозили съ собою множество мѣховъ, воску и меду; избытокъ всего этого отправляли въ Византію; туда же посылали они на продажу и рабовъ. На сѣверѣ, гдѣ было вдоволь лѣсу, и между жителями было много плотниковъ, за зиму заготовлялось множество лодокъ. Съ наступленіемъ весны ихъ сплавляли по Днѣпру къ Кіеву. Здѣсь ихъ отдѣлывали, снастили, грузили товарами и отправляли въ Византію. Новгородъ и Кіевъ стояли на водномъ пути съ сѣвера въ Византію и все больше и больше богатѣли, благодаря торговлѣ. Изъ Греціи привозили тонкія ткани (поволоки), вина, различные южные плоды, золото. Ѣздили русскіе купцы и на востокъ для торговли въ землю хозаръ обыкновенно тоже воднымъ путемъ: по Черному морю плыли въ Азовское море, затѣмъ въ устье Дона, поднимались вверхъ по этой рѣкѣ до хозарской крѣпости Саркела (Бѣлой Вѣжи), перетаскивали отсюда свои ладьи

волокомъ до Волги и спускались по теченію ея въ Итиль, столицу хазаръ. Главнымъ товаромъ, который сбывался здѣсь, были дорогіе мѣха. Съ востока же къ русскимъ шли драгоцѣнные камни, золотыя и серебряныя издѣлія: цѣпочки, ожерелья, кольца, серебряныя украшенія для одежды, для конской сбруи, разныя матеріи и пр. Съ Востока же и изъ Греціи попадали къ русскимъ золотыя и серебряныя монеты. Онѣ очень цѣнились и наравнѣ съ другими украшеніями переходили изъ роду въ родъ, закапывались съ покойниками, по старому обычаю, въ могилы.

Предки наши, вѣрившіе, что и за предѣлами гроба продолжается жизнь, погребая покойника, словно снаряжали живого человѣка въ путь: клали въ могилу всѣ вещи, которыя особенно любилъ умершій, нѣкоторыя драгоцѣнности его; ставили ему даже питье и яства въ сосудахъ. Вотъ почему древнія могилы иногда заключаютъ много драгоцѣнностей. Въ землю же наши предки

Ожерелья или гривни и подвѣски къ нимъ (найдены въ древнихъ могилахъ).

скрывали обыкновенно свои сокровища,—другого лучшаго способа хранить ихъ они не знали. Отлучаясь на торгъ или на войну, зажиточный человѣкъ тѣхъ временъ зарывалъ тайкомъ гдѣ-нибудь близъ своего жилья свои деньги и другія драгоцѣнности, клалъ на это мѣсто камень или сажалъ дерево, или какъ-нибудь иначе по разнымъ примѣтамъ запоминалъ мѣсто, чтобы, вернувшись, найти свое достояніе. Нерѣдко случалось, что обладатель клада умиралъ или погибалъ на чужбинѣ, не сказавши о немъ, и тогда цѣлые вѣка земля хранила скрытыя драгоцѣнности, и онѣ попадали въ руки ученыхъ изслѣдователей или какихъ-нибудь счастливцевъ, случайно открывшихъ ихъ. По древнимъ торговымъ путямъ много находили на Руси такихъ кладовъ. Иные изъ нихъ вѣсили по нѣскольку пудъ, заключали въ себѣ тысячи монетъ, особенно много найдено арабскихъ денегъ IX—X вѣковъ по восточному торговому пути. Это доказываетъ, что уже при началѣ государственной жизни и даже

раньше у предковъ нашихъ шла дѣятельная торговля съ востокомъ. По южному торговому пути, т. е. по Днѣпру найдено не мало византійскихъ, римскихъ и др. денегъ, начиная отъ первыхъ вѣковъ христіанства и до X вѣка. Все это свидѣтельствуетъ о древнихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Византіей.

Кромѣ того, вели торговлю и съ другими сосѣдними народами: съ болгарами, жившими по Волгѣ и Камѣ, и финскими племенами. Торговля велась на сѣверѣ съ полудикими народами больше мѣновая. Вотъ что говорятъ о подобной торговлѣ болгаръ съ Весью (однимъ изъ финскихъ племенъ). Пріѣзжаютъ болгарскіе купцы въ опредѣленное мѣсто, оставляютъ тамъ свои товары, а сами удаляются. Туземцы приходятъ, раскладываютъ свои вещи рядомъ съ болгарскими. Болгары черезъ нѣсколько времени возвращаются, и если находятъ, что мѣна для нихъ выгодна, берутъ съ собою туземные товары, а свои оставляютъ

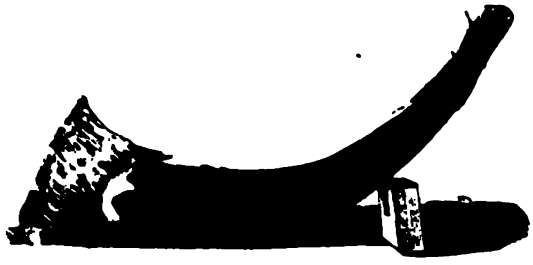
Браслеты (обручи), серьги и кольца (найдены въ древн. могилахъ).

Если же имъ кажется, что фины мало предлагаютъ въ обмѣнъ, то удаляются опять, не тронувъ товаровъ. Это значило, что желаютъ прибавки. Фины надбавляли своего товару и такимъ образомъ удовлетворяли болгаръ. Такую торговлю арабы называли „нѣмою“. Вѣроятно, русскіе такимъ же способомъ, какъ болгары, производили обмѣнъ съ полудикими финскими племенами, жившими на дальнемъ сѣверѣ.

Разные промыслы и занятія вели къ тому, что люди стали больше различаться, чѣмъ прежде, и по занятіямъ, и по состоянію. Тѣ занятія, гдѣ нужно было больше силы, ловкости и смѣлости, давали и больше значенія людямъ. Война и охота были главнымъ дѣломъ дружинниковъ. Когда князья затѣвали

большой походъ, то одной дружины было мало и они набирали „воевъ“. Въ войско шли изъ народа крѣпкіе и смѣлые люди, мужи, какъ ихъ называли въ старину, а тѣ, что были послабѣе и мало годились для войны, мужики (уменьшительное имя отъ „мужъ“), тѣ оставались дома и занимались мирными промыслами: земледѣліемъ, пчеловодствомъ, скотоводствомъ и разными ремеслами.

Война и торговля обогащали нѣкоторыхъ. Богатые люди, дружинники и купцы стали больше отличаться отъ бѣдныхъ, чѣмъ прежде. Жилья начали себѣ строить, конечно, получше, попросторнѣе и поудобнѣе, одежду дѣлать побогаче, носить дорогія украшенія, пищу употреблять болѣе изысканную. Торговля доставляла русскимъ разные плоды, тонкія ткани, серебряныя и золотыя украшенія, разныя драгоцѣнности. Все это шло на потребу болѣе богатыхъ людей. Особенно женщины любили рядиться; въ большомъ ходу были серьги, браслеты, ожерелья (особенно любили женщины носить зеленыя бусы на шеѣ). При раскопкахъ древнихъ могилъ не мало найдено этихъ вещей.



Серп-рогъ въ серебряной оправѣ (найденъ въ древн. могилѣ).

III.

Принятіе христіанства и распространеніе его на Руси.

Владиміръ-язычникъ.

При жизни своей Святославъ раздѣлилъ Русскую землю на три княжества: Кіевское, Древлянское и Новгородское, и роздалъ эти удѣлы своимъ сыновьямъ. Ярополкъ, какъ старшій, получилъ Кіевскую область и званіе великаго князя. Недолго братья ладили между собою. Случилось разъ, что Олегъ, князь Древлянскій, на охотѣ убилъ Люта, сына престарѣлаго Свенельда, главнаго совѣтника Ярополка. Озлобленный отецъ сталъ подбивать его къ войнѣ:

— „Пойди на брата своего Олега и отними у него волость“.

Тотъ послушался, началъ войну съ братомъ, и побѣдилъ его. Олегъ во время битвы погибъ: онъ упалъ въ ровъ съ моста, на которомъ тѣснились его бѣгущіе воины. Тѣло его потомъ едва могли найти подъ грудою мертвыхъ. Горько плакалъ Ярополкъ: онъ вовсе не хотѣлъ смерти своего брата. Узналъ о печальномъ событіи младшій изъ братьевъ Владиміръ, князь Новгородскій и поспѣшилъ съ дядею Добрынею, руководителемъ своимъ, къ варягамъ, чтобы набрать тамъ войско и отомстить старшему брату за смерть Олега, какъ требовалъ обычай. Ярополкъ присоединилъ Новгородъ къ своимъ владѣніямъ; но Владиміръ скоро вернулся изъ-за моря съ хорошею ратью, занялъ снова свой удѣлъ, завоевалъ Полоцкъ, умертвилъ князя полоцкаго Рогвольда и двухъ сыновей его, женился на дочери его Рогнѣдѣ, невѣстѣ Ярополка, противъ ея воли; затѣмъ двинулся на Кіевъ. У Ярополка войска было немного, но онъ сначала оборонялся, а потомъ, по совѣту своего вѣроломнаго боярина, сдался на милость брата. По приказу Владиміра два варяжскіе воина поразили мечами Ярополка въ то время, когда тотъ шелъ къ нему мириться.

Снова соединилась вся Русская земля въ рукахъ одного князя. Не мало пришлось Владиміру вести войнъ съ сосѣдями: воевалъ онъ съ поляками и отнялъ у нихъ нѣсколько городовъ (часть нынѣшней Галиціи); два раза ходилъ на вятичей, которые пробовали освободиться отъ дани, и усмирилъ ихъ; овла-

дѣлъ землею хищнаго племени ятвяговъ, западныхъ сосѣдей Русской земли, жившихъ по верховьямъ Нѣмана; ходилъ и на волжскихъ болгаръ и побѣдилъ ихъ.

Удачны были походы эти, и всякій разъ Владиміръ возвращался въ Кіевъ съ большой добычей. Было чѣмъ подѣлиться съ удалой дружиной! Начинались тутъ пиры и веселья: раздавались веселыя пѣсни, гудѣла музыка; крѣпкіе меды туманили головы удалыхъ дружинниковъ; турій рогъ наполнялся виномъ заморскимъ и обходилъ ряды пирующихъ. Обильны были пиры Владиміра и яствами, и питьями. Случилось разъ, говоритъ лѣтописецъ, захмѣлѣвшіе дружинники стали корить князя:

— „Горе головамъ нашимъ! — даетъ намъ ѣсть ложками деревянными, а не серебряными“.

Услышалъ это князь и велѣлъ исковать имъ серебряныя ложки.

— „Серебромъ и золотомъ не найду я храброй дружины, сказалъ онъ, а съ храброю дружиною найду и серебро, и золото“.

Понималъ Владиміръ, что, не будь у него храброй и сильной дружины, и власти бы у него было немного: у сосѣдей добычи ему не взять бы да и съ народа своего не собрать бы дани. Понималъ все это князь и высоко цѣнилъ свою дружину, жилъ съ нею душа въ душу.

Подобно [illegible] дружинѣ, склонный къ веселымъ пирамъ и разгулу, Владиміръ [illegible] былъ многоженецъ, тогда было въ [illegible] жены; у Владиміра же ихъ было нѣсколько сотъ. [illegible] женъ его, Рогнѣда. Жила она съ [illegible] Кіева, въ своемъ теремѣ. Давно уже [illegible] что онъ позабылъ ее для [illegible] случайно заѣхалъ къ ней. Задумала [illegible] она взяла ножъ и хотѣла уже [illegible] и успѣлъ схватить ее за руку.

— „[illegible], сказала Рогнѣда, хоть ты убилъ и отца моего, и [illegible] и къ младенцу моему“.

Владиміръ [illegible] за преступный замыселъ. Онъ [illegible] была она одѣта въ день свадьбы, [illegible] и ждать его. Вошелъ онъ съ мечемъ, но вдругъ [illegible] ты не одинъ здѣсь!“ (такъ [illegible]) Владиміръ не рѣшился при сынѣ убить мать; онъ [illegible] разсказалъ имъ все, какъ было, и просилъ ихъ [illegible] ради сына; Владиміръ послу[illegible] Полоцкую область во владѣніе.

[illegible] язычникомъ: съ первыхъ [illegible] въ Кіевѣ на видныхъ мѣстахъ, на [illegible] изображенія языческихъ божествъ). [illegible] дерева, голова была серебря[illegible] также кумиры Дажбога, Стрибога и [illegible] жертвоприношенія; [illegible]

Вотъ какой случай разсказываетъ нашъ лѣтописецъ. Послѣ удачнаго похода на ятвяговъ старцы и бояре сказали:

— „Бросимъ жребій на юношей и дѣвицъ; на кого падетъ онъ, того и принесемъ въ жертву богамъ“.

Жребій палъ на сына одного варяга, христіанина, жившаго въ Кіевѣ. Посланы были люди взять обреченнаго на жертву отрока. Отецъ его сталъ противиться.

— „Ваши боги—дерево, говорилъ онъ, сегодня стоятъ, а завтра сгніютъ; они не ѣдятъ, не пьютъ; они сдѣланы руками людей. Есть единый истинный Богъ, котораго почитаютъ греки, который сотворилъ землю и звѣзды, луну и солнце; Онъ сотворилъ и человѣка. Ваши же боги что сотворили? они сами дѣланные! Не дамъ сына своего бѣсамъ“!

Народъ разсвирѣпѣлъ, толпами, съ оружіемъ въ рукахъ, ринулся на дворъ варяга, разметалъ заборъ. Несчастный отецъ стоялъ на крыльцѣ своего дома и заслонялъ сына.

— „Отдай сына своего въ жертву богамъ!“ кричалъ ему народъ.

— „Если они боги, то пусть пошлютъ одного изъ среды своей, пусть онъ возьметъ у меня сына моего, а вы зачѣмъ требуете?“

Язычники въ ярости съ дикими криками бросились на жилище несчастнаго варяга, подрубили сѣни, на которыхъ стоялъ отецъ съ сыномъ, и оба они погибли.

Это были первые и послѣдніе мученики-христіане въ Кіевѣ (Ѳеодоръ и Іоаннъ).

Сказаніе объ испытаніи вѣръ.

Видѣть такіе случаи и слышать такія рѣчи приходилось Владиміру, вѣроятно, не разъ. Въ Кіевѣ было много христіанъ, было не мало ихъ и въ дружинѣ. Владиміръ, при его умѣ, легко могъ задуматься о томъ, гдѣ истина,—въ томъ ли язычествѣ, которому онъ сначала ревностно служилъ, или въ христіанствѣ.

Нетрудно было умному князю понять высоту христіанскаго ученія сравнительно съ грубыми языческими вѣрованіями,—и сталъ онъ колебаться въ своемъ язычествѣ. Объ этомъ, конечно, провѣдали и въ сосѣднихъ странахъ. Въ Кіевѣ, какъ въ торговомъ городѣ, сходились купцы со всѣхъ сторонъ; они разносили молву по своимъ землямъ обо всемъ, что видѣли и слышали. Стали пытаться сосѣдніе народы обратить Владиміра въ свою вѣру: каждому изъ нихъ хотѣлось сдѣлать такого сильнаго князя своимъ единовѣрцемъ.

Вотъ какъ передаетъ нашъ лѣтописецъ сказаніе объ этомъ. Въ 986 году пришли изъ земли болгаръ магометане къ Владиміру и сказали ему:

— „Ты—князь мудрый, а истинной вѣры не знаешь. Прими нашу вѣру и поклонись Магомету“.

— „Какая же ваша вѣра?“ спросилъ Владиміръ.

— „Вѣруемъ мы въ единаго Бога, отвѣчали болгары, а Магометъ заповѣдуетъ намъ свинины не ѣсть, вина не пить“.

Затѣмъ разсказали о раѣ, гдѣ люди, исполнявшіе законъ Магометовъ,

были поставлены на удобномъ мѣстѣ, такъ что могли видѣть всю службу. Ничего подобнаго они не видывали!.. Они были поражены великолѣпіемъ и торжественностью службы. На прощаніе ихъ богато одарили и съ большою честью проводили.

Когда вернулись они въ Кіевъ, созвалъ Владиміръ снова бояръ своихъ и старцевъ и сказалъ:

— „Вотъ пришли посланные нами мужи: послушаемъ, что скажутъ они".

— „Ходили мы, разсказывали послы, къ болгарамъ, смотрѣли, какъ они молятся въ своихъ храмахъ (въ мечетяхъ): стоятъ они безъ пояса: поклонившись, сядутъ и глядятъ и туда, и сюда, словно бѣшеные. Нѣтъ красоты въ служеньи ихъ; не хорошъ ихъ законъ. Ходили мы и къ нѣмцамъ, были у нихъ въ храмахъ, красоты же никакой не нашли. Когда же пришли мы къ грекамъ, и когда ввели насъ въ храмъ, гдѣ служатъ Богу своему, мы не знали, на небѣ ли мы были, или на землѣ. Нѣтъ на землѣ такого вида и такой красоты, и разсказать о ней мы не умѣемъ: знаемъ только то, что тамъ Богъ пребываетъ съ людьми, и служба ихъ лучше всѣхъ странъ. Мы не можемъ забыть той красоты: всякій человѣкъ, вкусивши сладкаго, не захочетъ послѣ вкушать горькаго, такъ и мы, не хотимъ здѣсь быть".

— „Если бы худъ былъ законъ греческій, сказали Владиміру бояре, созванные на совѣтъ, то не приняла бы его бабушка твоя Ольга, мудрѣйшая изъ всѣхъ людей".

— „Гдѣ же мы примемъ крещеніе"? спросилъ Владиміръ.

— „Гдѣ тебѣ угодно", отвѣчали бояре.

Крещеніе Владиміра, кіевлянъ и новгородцевъ.

Не хотѣлось русскому князю просить у грековъ крещенія какъ милости, да кромѣ того у него были, видно, какіе нибудь счеты съ греками. Онъ выступилъ съ войскомъ на Корсунь, богатый греческій городъ на Таврическомъ полуостровѣ. Корсунцы затворились въ городѣ и крѣпко отбивались. Владиміръ послалъ сказать имъ, что если они не сдадутся, онъ будетъ хоть три года стоять подъ городомъ. Угроза эта не помогла. Князь приказалъ у стѣнъ города сдѣлать земляную насыпь: съ высоты удобнѣе было поражать стрѣлами и камнями осажденныхъ. Но они прорыли подъ стѣною подземный ходъ и ночью тайкомъ уносили къ себѣ въ городъ землю, что насыпали русскіе за день. Долго бы пришлось Владиміру простоять подъ Корсунемъ, да нашелся въ городѣ доброхотъ русскимъ. Онъ пустилъ въ ихъ станъ стрѣлу, на которой было написано князю: „За тобою, съ восточной стороны находятся колодцы; отъ нихъ вода идетъ по трубѣ въ городъ, перекопай ее и перейми воду". Владиміръ, узнавъ объ этомъ, сказалъ:

„Если это сбудется, и Корсунь сдастся, я крещусь".

Онъ велѣлъ въ указанномъ мѣстѣ перекопать водопроводъ; корсунцы остались безъ воды, и жажда заставила ихъ сдаться. Владиміръ вошелъ съ дружиною въ городъ и послалъ сказать греческимъ императорамъ:

„Взялъ я славный вашъ городъ; я слышалъ, что у васъ есть сестра-

КРЕЩЕНІЕ КІЕВЛЯНЪ.

были поставлены на удобномъ мѣстѣ, такъ что могли видѣть всю службу. Ничего подобнаго они не видывали!.. Они были поражены великолѣпіемъ и торжественностью службы. На прощаніе ихъ богато одарили и съ большою честью проводили.

Когда вернулись они въ Кіевъ, созвалъ Владиміръ снова бояръ своихъ и старцевъ и сказалъ:

— „Вотъ пришли посланные нами мужи; послушаемъ, что скажутъ они".

— „Ходили мы, разсказывали послы, къ болгарамъ, смотрѣли, какъ они молятся въ своихъ храмахъ (въ мечетяхъ): стоятъ они безъ пояса; поклонившись, сядутъ и глядятъ и туда, и сюда, словно бѣшеные. Нѣтъ красоты въ служеньи ихъ; не хорошъ ихъ законъ. Ходили мы и къ нѣмцамъ, были у нихъ въ храмахъ, красоты же никакой не нашли. Когда же пришли мы къ грекамъ, и когда ввели насъ въ храмъ, гдѣ служатъ Богу своему, мы не знали, на небѣ ли мы были, или на землѣ. Нѣтъ на землѣ такого вида и такой красоты, и разсказать о ней мы не умѣемъ; знаемъ только то, что тамъ Богъ пребываетъ съ людьми, и служба ихъ лучше всѣхъ странъ. Мы не можемъ забыть той красоты: всякій человѣкъ, вкусивши сладкаго, не захочетъ послѣ вкушать горькаго, такъ и мы, не хотимъ здѣсь быть".

— „Если бы худъ былъ законъ греческій, сказали Владиміру бояре, созванные на совѣтъ, то не приняла бы его бабушка твоя Ольга, мудрѣйшая изъ всѣхъ людей".

— „Гдѣ же мы примемъ крещеніе"? спросилъ Владиміръ.

— „Гдѣ тебѣ угодно", отвѣчали бояре.

Крещеніе Владиміра, кіевлянъ и новгородцевъ.

Не хотѣлось русскому князю просить у грековъ крещенія какъ милости, да кромѣ того у него были, видно, какіе нибудь счеты съ греками. Онъ выступилъ съ войскомъ на Корсунь, богатый греческій городъ на Таврическомъ полуостровѣ. Корсунцы затворились въ городѣ и крѣпко отбивались. Владиміръ послалъ сказать имъ, что если они не сдадутся, онъ будетъ хоть три года стоять подъ городомъ. Угроза эта не помогла. Князь приказалъ у стѣнъ города сдѣлать земляную насыпь: съ высоты удобнѣе было поражать стрѣлами и камнями осажденныхъ. Но они прорыли подъ стѣною подземный ходъ и ночью тайкомъ уносили къ себѣ въ городъ землю, что насыпали русскіе за день. Долго бы пришлось Владиміру простоять подъ Корсунемъ, да нашелся въ городѣ доброхотъ русскимъ. Онъ пустилъ въ ихъ станъ стрѣлу, на которой было написано князю: „За тобою, съ восточной стороны находятся колодцы; отъ нихъ вода идетъ по трубѣ въ городъ, перекопай ее и перейми воду". Владиміръ, узнавъ объ этомъ, сказалъ:

— „Если это сбудется, и Корсунь сдастся, я крещусь".

Онъ велѣлъ въ указанномъ мѣстѣ перекопать водопроводъ; корсунцы остались безъ воды, и жажда заставила ихъ сдаться. Владиміръ вошелъ съ дружиною въ городъ и послалъ сказать греческимъ императорамъ:

— „Взялъ я славный вашъ городъ; я слышалъ, что у васъ есть сестра-

КРЕЩЕНІЕ КІЕВЛЯНЪ.

дѣвица. Если не отдадите ее за меня, то и съ вашей столицей будетъ тоже, что съ Корсунемъ".

Опечалились императоры и послали сказать, что нѣтъ обычая у христіанъ выдавать родственницъ своихъ за язычниковъ.

— „Если крестишься, прибавили они, то и сестру нашу получишь, а также и царство небесное, и съ нами будешь единовѣрникъ".

Владиміръ отвѣчалъ на это царскимъ посланцамъ:

— „Скажите царямъ, что я хочу креститься; я уже прежде испыталъ вашъ законъ; люба мнѣ ваша вѣра". Затѣмъ онъ послалъ сказать императорамъ: „Пусть тѣ священники, которые придутъ съ вашею сестрою, крестятъ меня".

Не малаго труда стоило царямъ уговорить сестру свою Анну выйти за русскаго князя.

— „Иду точно въ полонъ, говорила она,—лучше бы здѣсь мнѣ умереть".

Братья убѣдили ее тѣмъ, что она будетъ содѣйствовать обращенію всей Русской земли къ истинному Богу, а Греческую землю избавитъ отъ лютой рати.

— „Видишь, прибавили они, сколько зла надѣлала Русь грекамъ? И теперь, если не пойдешь, будетъ тоже".

Анна съ большою печалью простилась съ роднею своею, сѣла на корабль съ нѣсколькими священниками и отплыла въ Корсунь. Здѣсь она была торжественно встрѣчена. Въ это время, говоритъ преданіе, у Владиміра разболѣлись глаза; онъ не могъ ничего видѣть и сильно тужилъ. Царевна сказала ему:

— „Если хочешь исцѣлиться отъ болѣзни, то крестись поскорѣе".

Епископъ корсунскій съ тѣми священниками, что прибыли съ царевною, крестилъ Владиміра, и когда возложилъ на него руки, то онъ вдругъ прозрѣлъ. Удивился князь такому чуду и воскликнулъ:

— „Теперь только я узналъ истиннаго Бога!"

Многіе изъ дружины его, видя это, крестились. Затѣмъ совершено было бракосочетаніе.

Владиміръ отдалъ Корсунь грекамъ „въ вѣно за жену свою", какъ говоритъ лѣтописецъ. Затѣмъ онъ взялъ отсюда священниковъ, мощи двухъ святыхъ (Климента и Фива), церковные сосуды, иконы, кресты и вернулся въ Кіевъ. Здѣсь прежде всего крестилъ онъ своихъ сыновей и близкихъ людей; затѣмъ велѣлъ уничтожить кумиры: нѣкоторые изрубить, другіе сжечь. Перуна же приказалъ привязать къ хвосту коня и стащить съ горы въ рѣку. Въ то время, когда волокли кумиръ, нѣсколько человѣкъ били его прутьями для бо́льшаго поруганія язычества. Многіе язычники горько плакали, видя это. Идолъ былъ брошенъ въ Днѣпръ; до самыхъ пороговъ шли по берегу по приказанію Владиміра люди и смотрѣли, чтобы кумиръ не пристадъ гдѣ-нибудь. Въ то время, какъ онъ колыхаясь плылъ по теченію, нѣкоторые язычники бѣжали по берегу и кричали: „Выдыбай, Перуне!" (т. е. выплывай).

Многіе кіевляне сами съ радостію крестились; были и такіе, что колебались и выжидали; немало было и ревностныхъ язычниковъ, которые крѣпко держались за старую вѣру. Видя это, Владиміръ послалъ по всему городу оповѣстить, чтобы на другой день всѣ некрещенные шли къ рѣкѣ:

— „Кто не придетъ къ рѣкѣ, возвѣщали вѣстники,—богатый или бѣдный, работникъ или нищій, тотъ будетъ считаться противникомъ князю.

Призывъ этотъ заставилъ рѣшиться и тѣхъ, которые еще раздумывали и колебались, побудилъ и многихъ закоренѣлыхъ язычниковъ страха ради исполнить приказаніе князя. Нѣкоторые, по словамъ лѣтописца, утѣшали себя мыслью, что, не будь крещеніе дѣломъ благимъ, не приняли бы его князь и бояре.

На другой день пришелъ Владиміръ съ митрополитомъ, съ корсунскими

Корсунскіе кресты.

священниками на Днѣпръ. Множество народу сошлось сюда. Всѣ вошли въ воду. Одни стояли въ водѣ по шею, другіе по грудь, малыя дѣти стояли у берега, взрослые держали на рукахъ младенцевъ. На берегу было немало крещеныхъ раньше. Священники читали молитвы. Радъ былъ Владиміръ, что познался истиннаго Бога и самъ, и народъ его. Поднялъ взоры онъ къ небу и молился:

— „Боже, сотворивый небо и землю! призри на новыя люди сія, и подъ нимъ, Господи, увѣдѣти Тебя, истиннаго Бога, якоже увѣдѣша страны іанскія; утверди и вѣру въ нихъ праву и несовратну“.

Такъ разказываетъ нашъ лѣтописецъ о крещеніи кіевлянъ. Совершилось это событіе въ 988 году.

Тотчасъ послѣ крещенія Владиміръ велитъ строить церкви на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде стояли кумиры. На холмѣ, гдѣ стоялъ идолъ Перуна, сооружена была церковь во имя Св. Василія. (Владиміръ во св. крещеніи названъ былъ Василіемъ). Есть извѣстія, что первый митрополитъ Михаилъ, прибывшій вмѣстѣ съ Владиміромъ изъ Корсуня, ходилъ съ епископами, присланными изъ Царяграда, съ Добрынею, дядею Владиміра, на сѣверъ отъ Кіева и крестилъ народъ. Язычество держалось на сѣверѣ крѣпче, чѣмъ на

Памятникъ на мѣстѣ крещенія въ Кіевѣ.

югѣ, и не мало понадобилось труда, чтобы обратить суровыхъ язычниковъ въ христіанство.

Когда узнали новгородцы, что Добрыня идетъ крестить ихъ, то собрали вѣче и поклялись не пускать его въ городъ и не давать кумировъ на поруганіе. Когда же онъ пришелъ, новгородцы, разобравъ мостъ, ведущій чрезъ Волховъ съ Торговой стороны въ самый городъ, вышли на встрѣчу съ оружіемъ. Попробовалъ было Добрыня уговаривать ихъ, — они и слушать ничего не хотѣли, вывезли пороки (камнеметательныя машины) противъ дружины его. Епископъ со священниками остановились на Торговой сторонѣ. Ходили они по

рынкамъ и улицамъ, учили людей, сколько могли; въ два дня успѣли они окрестить нѣсколько сотъ человѣкъ. На другой же сторонѣ одинъ изъ старшинъ новгородскихъ, Угоняй, ѣздилъ на конѣ между народомъ и кричалъ:

— „Лучше умереть намъ, чѣмъ дать боговъ нашихъ на поруганіе"!

Возбужденный имъ народъ разорилъ домъ Добрыни, разграбилъ его имѣніе, убилъ его жену и нѣкоторыхъ родичей. Тогда Путята, воевода Владиміра, съ небольшимъ отрядомъ надежныхъ воиновъ ночью переправился чрезъ Волховъ, немного выше города, напалъ на дворъ Угоняя, схватилъ его и еще нѣсколькихъ главныхъ коноводовъ и отправилъ ихъ къ Добрынѣ за рѣку. Когда народъ узналъ объ этомъ, то сбѣжалось нѣсколько тысячъ людей. Окружили они маленькій отрядъ Путяты, и началась злая сѣча. На разсвѣтѣ подоспѣлъ на помощь ему Добрыня со всѣми своими людьми и велѣлъ для острастки новгородцевъ зажечь нѣкоторые дома на берегу. Новгородцы испугались и стали просить мира у него. Онъ приказалъ уничтожать идолы: деревянные жечь, а каменные разбивать и бросать въ рѣку. Многіе язычники съ воплями и слезами просили не трогать ихъ боговъ; но Добрыня съ насмѣшкой говорилъ имъ:

— „Нечего вамъ жалѣть о тѣхъ, которые сами не могутъ оборонить себя! какой пользы вы можете ждать отъ нихъ?"

Онъ приказалъ, чтобы всѣ шли креститься: многихъ удалось уговорить, и они шли по своей волѣ; но были и такіе, которыхъ воины тащили силою. О новгородцахъ сложилась поговорка, что ихъ „Путята крестилъ мечемъ, а Добрыня огнемъ."

Есть извѣстіе, что самъ Владиміръ ходилъ въ 992 году съ епископами на юго-западъ, распространялъ христіанскую вѣру въ землѣ Червенской, крестилъ людей и построилъ здѣсь городъ Владиміръ. Если въ Новгородѣ, въ большомъ городѣ, гдѣ уже не мало жило христіанъ, такъ крѣпко держалось язычество, то въ другихъ болѣе глухихъ мѣстахъ, оно было еще упорнѣе. Много времени нужно было, чтобы распространилось христіанство по всей Руси. Да и большею частью тѣ, что приняли новую вѣру, сначала не могли понимать ее, какъ слѣдуетъ. Такихъ священниковъ, которые могли объяснять св. писаніе, было очень мало. Корсунскіе священники, прибывшіе въ Кіевъ съ Владиміромъ, были греки,—имъ пришлось еще учиться славянскому языку. Если и были на Руси въ это время священники изъ дунайскихъ болгаръ, то, конечно, не въ большомъ числѣ. Понималъ Владиміръ, что безъ своихъ священниковъ, способныхъ говорить доступнымъ для народа языкомъ, нельзя обойтись. Приказалъ онъ брать дѣтей у лучшихъ людей и отдавать ихъ въ книжное ученіе. Матери плакали по нихъ, говоритъ нашъ лѣтописецъ, какъ по мертвыхъ, потому что еще не утвердились вѣрою. Дѣтей раздавали учиться по церквамъ священникамъ и церковнымъ причетникамъ.

Сначала всѣ необходимыя для церкви книги шли къ намъ изъ Болгаріи.

Первоучители славянъ,—Свв. Кириллъ и Меѳодій.

За сто лѣтъ слишкомъ до крещенія Руси, почти въ одно время съ основаніемъ русскаго государства, совершилось великое дѣло,—впервые раздалось въ церкви Слово Божіе на славянскомъ языкѣ.

Въ городѣ Солуни, въ Македоніи, населенной по большей части славянами, жилъ знатный сановникъ-грекъ по имени Левъ. Изъ семерыхъ сыновей его двоимъ, Меѳодію и Константину (въ монашествѣ Кириллъ), на долю выпало совершить великій подвигъ на пользу славянъ.

Младшій изъ братьевъ Константинъ уже съ дѣтства поражалъ своими блестящими способностями и страстью къ ученью. Онъ получилъ хорошее домашнее воспитаніе, а затѣмъ въ Византіи закончилъ свое образованіе подъ руководствомъ лучшихъ учителей. Тутъ страсть къ наукамъ развилась въ немъ съ полной силой, и онъ усвоилъ всю доступную ему книжную мудрость... Слава, почести, богатства,—всѣ мірскія блага ждали даровитаго юношу, но онъ не поддался никакимъ искушеніямъ. Всѣмъ соблазнамъ міра предпочелъ онъ скромное званіе священника и должность библіотекаря при церкви Св. Софіи, гдѣ онъ могъ продолжать свои любимыя занятія,—изучать священныя книги, вникать въ духъ ихъ. Его глубокія знанія и способности доставили ему высокое ученое званіе и титулъ философа.

Старшій братъ его Меѳодій пошелъ сначала другой дорогой,—поступилъ въ военную службу и нѣсколько лѣтъ былъ правителемъ области, населенной славянами; но мірская жизнь не удовлетворила его, и онъ постригся въ монахи въ обители на горѣ Олимпѣ. Братьямъ не пришлось однако успокоиться,—одному въ мирныхъ книжныхъ занятіяхъ, а другому — въ тихой монашеской кельѣ. Константину не разъ приходилось принимать участіе въ спорахъ по вопросамъ вѣры и выказывать здѣсь силу своего ума и знаній; затѣмъ онъ долженъ былъ съ братомъ, по желанію царя, отправиться въ землю козаръ и здѣсь проповѣдовать Христову вѣру и отстаивать ее противъ евреевъ и сарацинъ. По возвращеніи отсюда Меѳодій крестилъ болгарскаго князя Бориса и болгаръ.

Вѣроятно, еще раньше этого задумали братья перевести для македонскихъ славянъ священныя и богослужебныя книги на ихъ языкъ, съ которымъ могли вполнѣ освоиться еще съ дѣтства, въ родномъ своемъ городѣ.

Для этого Константинъ составилъ славянскую азбуку,—взялъ всѣ 24 греческія буквы, а такъ какъ въ славянскомъ языкѣ звуковъ больше, чѣмъ въ греческомъ, то прибавилъ недостающія буквы изъ армянскаго, еврейскаго и др. языковъ; нѣкоторыя же самъ придумалъ. Всѣхъ буквъ въ первой славянской азбукѣ было 38.—Важнѣе азбуки былъ переводъ главнѣйшихъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ. Переводить съ такого богатаго словами и оборотами языка, какъ греческій, на языкъ совсѣмъ необразованныхъ македонскихъ славянъ было дѣломъ весьма труднымъ. Приходилось придумывать подходящіе обороты, создавать новыя слова, чтобы передать новыя для славянъ понятія... Все это требовало не только основательнаго знанія языка, но и большаго таланта.

Трудъ перевода еще не былъ конченъ, когда, по просьбѣ моравскаго князя Ростислава, Константинъ и Меѳодій должны были отправиться въ Моравію. Здѣсь, а также и въ сосѣдней Паннонiи, уже раньше начали распространять христіанское ученіе латинскіе проповѣдники изъ южной Германіи, но дѣло шло очень туго, такъ какъ богослуженіе совершалось на латинскомъ языкѣ, вовсе непонятномъ народу. Западное духовенство, подчиненное римскому папѣ, держалось страннаго предразсудка, будто совершать богослуженіе можно только на еврейскомъ языкѣ, на греческомъ и латинскомъ, потому что надпись на крестѣ Господнемъ была на этихъ трехъ языкахъ; восточное же духовенство допускало слово Божіе на всѣхъ языкахъ. Вотъ почему моравскій князь, заботясь объ истинномъ просвѣщеніи своего народа Христовымъ ученіемъ, и обратился къ византійскому императору Михаилу съ просьбой прислать въ Моравію свѣдущихъ людей, которые учили-бы народъ вѣрѣ на понятномъ языкѣ.

Императоръ поручилъ это важное дѣло Константину и Меѳодію. Они прибыли въ Моравію и ревностно принялись за трудъ: строили церкви, начали совершать богослуженіе на славянскомъ языкѣ, заводили училища. Христіанство не по виду только, а по духу, стало быстро распространяться среди народа. Сильную вражду возбудило это въ латинскомъ духовенствѣ: клеветы, доносы, жалобы, — все пошло въ ходъ, чтобы погубить дѣло славянскихъ апостоловъ. Они принуждены были даже ѣхать въ Римъ, чтобы оправдываться предъ самимъ папою. Папа вполнѣ оправдалъ ихъ и благословилъ ихъ дѣло. Константинъ, изнуренный трудами, постригся здѣсь въ монахи подъ именемъ Кирилла; онъ скоро скончался (14 февраля 868 г.) и погребенъ былъ въ Римѣ.

Всѣ думы, всѣ заботы св. Кирилла предъ смертью были о его великомъ дѣлѣ.

— „Мы, братъ,—говорилъ онъ умирая Меѳодію,—тянули съ тобой одну борозду, и вотъ я падаю, кончаю дни мои. Ты слишкомъ любишь нашъ родной Олимпъ (монастырь), но ради него смотри, не покидай нашего служенія,— имъ ты скорѣй можешь спастись".

Меѳодія папа возвелъ въ санъ епископа Моравіи. Но тамъ въ эту пору начались смуты и усобицы. Князь Ростиславъ былъ изгнанъ своимъ племянникомъ Святополкомъ. Латинское духовенство напрягло всѣ силы противъ Меѳодія; но, не смотря на все,—на клеветы, невзгоды и гоненія, онъ продолжалъ свое святое дѣло, просвѣщалъ Христовой вѣрой славянъ на понятномъ имъ языкѣ и книжнымъ ученіемъ. Около 871 г. онъ крестилъ Боривоя, князя Чехіи, утвердилъ и здѣсь славянское богослуженіе. Скончался св. Меѳодій 6-го апрѣля 885 года.

По смерти его латинскому духовенству удалось вытѣснить славянское богослуженіе изъ Чехіи и Моравіи. Ученики свв. Кирилла и Меѳодія были изгнаны отсюда, бѣжали болѣе всего въ Болгарію и тутъ продолжали святой подвигъ первоучителей славянъ, — переводили съ греческаго языка церковныя и поучительныя книги, проповѣди, творенія отцевъ церкви... Книжное богатство все росло и росло и какъ великое наслѣдіе досталось нашимъ предкамъ.

Церковно-славянская письменность особенно процвѣтала въ Болгаріи при царѣ Симеонѣ, въ началѣ десятаго вѣка. При немъ было переведено множество

книгъ, не только необходимыхъ для богослуженія, но и сочиненій разныхъ церковныхъ писателей и проповѣдниковъ. Такимъ образомъ, готовыя церковныя книги шли къ намъ изъ Болгаріи, а потомъ, когда и между русскими появились грамотные люди, книги стали переписываться и у насъ, а затѣмъ и переводиться. Стало быть, съ христіанствомъ вмѣстѣ явилась на Руси и грамотность.

Владиміръ-христіанинъ.

Владиміръ, по словамъ лѣтописца, совсѣмъ перемѣнился послѣ крещенія. Изъ князя жестокосердаго и разгульнаго онъ сталъ кроткимъ, человѣколюбивымъ и умѣреннымъ: онъ не хотѣлъ даже казнить смертью разбойниковъ; сами епископы стали убѣждать его строже карать преступниковъ.

Владиміръ выказалъ большую охоту строить церкви и украшать ихъ, пожелалъ онъ построить храмъ въ Кіевѣ, подобный тому, какой видѣлъ въ Корсунѣ. Были призваны мастера изъ Греціи. Шесть лѣтъ трудились они надъ постройкой церкви; соорудили ее на томъ мѣстѣ, гдѣ пролита была кровь христіанъ-варяговъ. Владиміръ отдалъ въ эту церковь все, что привезъ изъ Корсуня: иконы, сосуды, кресты, и опредѣлилъ на содержаніе ея десятую часть доходовъ отъ всего имѣнія и городовъ своихъ, потому и назвали ее Десятинною церковью.

Склонность къ войнѣ у него послѣ принятія христіанства видимо ослабѣла: большихъ походовъ на сосѣдей онъ уже не предпринималъ; только съ печенѣгами приходилось постоянно вести борьбу. Владиміръ еще въ началѣ своего княженія построилъ много городовъ по рѣкамъ: Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ, чтобы защитить свою землю со стороны степей. Не смотря на это, орды печенѣговъ, кочевавшихъ въ привольныхъ южныхъ степяхъ, то и дѣло, что врывались въ русскую землю и страшно пустошили ее.

Вотъ что говоритъ преданіе объ одной войнѣ съ печенѣгами. Русское войско встрѣтилось съ этими хищниками на рѣкѣ Трубежѣ. Русскіе стояли по одной сторонѣ рѣки, печенѣги — по другой; ни тѣ, ни другіе не рѣшались перейти рѣку. Тогда подъѣхалъ къ берегу печенѣжскій князь и предложилъ Владиміру кончить дѣло единоборствомъ.

— „Выставимъ — ты своего воина, а я своего, — пусть сразятся, — сказалъ онъ. Если твой одолѣетъ моего, то мы не будемъ воевать три года; если же мой побѣдитъ, то мы будемъ три года опустошать твою землю“.

Послалъ Владиміръ бирючей (вѣстниковъ) по войску кличъ кликать: „Нѣтъ-ли охотника выйти на поединокъ съ печенѣгомъ?“ Охотника не было. Закручинился князь... Но вотъ приходитъ къ нему одинъ старый воинъ и говоритъ:

— „Князь, вышелъ я съ четырьмя сыновьями, а есть у меня меньшой сынъ; онъ остался дома. Съ самаго дѣтства никто не могъ его одолѣть. Разъ я его забранилъ въ то время, какъ онъ мялъ воловью кожу; разсердился онъ на меня и въ досадѣ разорвалъ кожу руками“.

Обрадовался князь, услышавъ о такомъ силачѣ; послалъ за нимъ, и разсказалъ ему, въ чемъ дѣло.

— „Не знаю, сказалъ тотъ, смогу-ли я. Пусть сперва испытаютъ мою силу. Нѣтъ-ли большого и сильнаго быка?“

Привели огромнаго быка. Разъярили его раскаленнымъ желѣзомъ, и разсвирѣпѣвшее животное помчалось въ бѣшенствѣ мимо силача; тотъ изловчился, ухватилъ быка за бокъ и вырвалъ у него кусокъ мяса съ кожею, сколько захватила рука.

— „Ты можешь бороться съ печенѣгомъ“, сказалъ Владиміръ.

На другой день произошло единоборство.

Выступили оба борца другъ противъ друга. Печенѣжскій богатырь былъ громаднаго роста и страшенъ на видъ. Вышелъ и русскій боецъ. Печенѣгъ-вели́канъ, завидѣвъ его, сталъ смѣяться надъ его небольшимъ ростомъ. Размѣрили мѣсто между обоими войсками. Началась борьба. Крѣпко обхватили бойцы другъ друга; русскій силачъ задавилъ печенѣга руками и ударилъ его мертваго о-земь. Радостный крикъ вырвался у русскихъ, а печенѣги бѣжали. Русскіе гнались за ними, рубили ихъ и далеко прогнали ихъ въ степи. Радъ былъ Владиміръ побѣдѣ, и тутъ же, на мѣстѣ борьбы, по преданію, заложилъ городъ и назвалъ его Переяславль. (Названъ такъ городъ, объясняетъ нашъ лѣтописецъ, потому, что русскій боецъ п е р е я л ъ с л а в у у печенѣжскаго витязя).

Три года спустя печенѣги снова напали на Русскую землю. Владиміръ не успѣлъ собрать силы, вышелъ съ небольшимъ отрядомъ. Враги одолѣли, князь едва спасся отъ плѣна. Черезъ два года послѣ этого степные хищники сдѣлали новый набѣгъ. Эти безпрестанныя нападенія заставили Владиміра подумать объ укрѣпленіи границъ со стороны степей съ юга и востока. Онъ велѣлъ строить новые города по южнымъ окраинамъ Русской земли.

Много пришлось потрудиться княжей дружинѣ, отражая враговъ. Любилъ Владиміръ своихъ дружинниковъ, всегда совѣтовался съ ними о военныхъ дѣлахъ и о мирныхъ. Былъ онъ щедръ: ничего не жалѣлъ для нихъ: тѣшилъ ихъ часто веселыми пирами; не забывалъ при этомъ и меньшую братію. Слова Евангелія: „блаженни милостивіи, яко тіи помиловани будутъ“ и „продайте имѣнья ваша и дадите нищимъ“ глубоко запали ему въ сердце Приказывалъ Владиміръ всякому нищему и убогому приходить на княжій дворъ и брать все нужное изъ княжескихъ запасовъ: питье, пищу; раздавались и куны (деньги). Мало того. „Немощные и больные не могутъ дойти до двора моего“, сказалъ онъ, и велѣлъ возить по городу на телѣгахъ хлѣбъ, мясо, рыбу, разные овощи, бочки съ медомъ и квасомъ. Княжьи люди останавливались у дворовъ и спрашивали: „Гдѣ больные и нищіе, что ходить не могутъ?“ и щедро одѣляли ихъ всѣмъ нужнымъ. Кромѣ разныхъ праздниковъ, каждую недѣлю по воскреснымъ днямъ устраивались въ княжеской гридницѣ пиры: бояре, всѣ дружинники, старшіе и младшіе, и лучшіе люди изъ горожанъ приходили сюда и пировали при князѣ и безъ него.

Народныя былины о Владиміре Красномъ-Солнышкѣ и его богатыряхъ.

Щедрость и доброта Владиміра, о которыхъ говоритъ лѣтописецъ, видно, по душѣ пришлись русскимъ людямъ. Въ своихъ былинахъ народъ нашъ вспо-

минаетъ о пирахъ Владиміра, называетъ его „ласковымъ княземъ“, „краснымъ солнышкомъ“.

Въ былинахъ этихъ смѣшались преданія народа о глубокой языческой старинѣ, о Владимірѣ, и о томъ, что было послѣ него. Тутъ сказывается память о той порѣ, когда тяжело жилось людямъ; только и дѣла имъ было, что отбиваться отъ сильныхъ враговъ: налетали они на Русскую землю, словно

Памятникъ Св. Владиміру (въ Кіевѣ).

хищныя птицы. Да и дома у себя было довольно тяжелаго труда предкамъ нашимъ: лѣсныя трущобы шли на сотни верстъ; полны онѣ были лютымъ звѣремъ; ни проѣзду, ни проходу не было въ непролазныхъ дебряхъ. Надо было и пути прокладывать, и отъ злого звѣря землю очищать, и отъ хищнаго врага ее стеречь. Приходилось вести тяжелую борьбу; нужна была тутъ сила да ловкость. Силачи да удальцы въ большомъ почетѣ бываютъ въ такія времена. Выдавались въ ту пору и у предковъ нашихъ „удалые добрые молодцы“, „богатыри

могучіе". О нихъ-то и сложилъ народъ тѣ былины, гдѣ вспоминаетъ и о Владимірѣ. Вотъ что, между прочимъ, говорится въ нихъ.

Пируетъ Владиміръ Красное-Солнышко въ своей гридницѣ высокой; пируетъ съ нимъ и дружина его храбрая. Много у него на пиру славныхъ, могучихъ богатырей. Подаютъ тутъ яства сахарныя, питья медвяныя; всѣ наѣдаются досыта, напиваются допьяна. Весело и привольно всѣмъ подлѣ Краснаго-Солнышка: на гусляхъ звонкихъ наигрываютъ, пѣсни веселыя поютъ; самъ князь радъ, потѣшается, по свѣтлой гридницѣ похаживаетъ, да гостей потчуетъ; турій рогъ съ виномъ заморскимъ обходитъ гостей. Подносятъ одному ковшъ меду сладкаго, другому чару зелена вина въ „полтора ведра". Принимаетъ богатырь ту чару единой рукой, выпиваетъ „за единый духъ". Много на пиру славныхъ могучихъ богатырей: тутъ удалой наѣздникъ Добрыня Никитичъ, что страшнаго Змѣя Горыныча убилъ; тутъ и Алеша Поповичъ, что не столько силою, сколько хитростью да сноровкой одолѣлъ Тугарина Змѣевича; тутъ и Илья Муромецъ; не мало и другихъ богатырей пируетъ у Владиміра. Всѣмъ удальцамъ, какого бы рода и племени они ни были, есть мѣсто на „почестномъ пиру" у Владиміра. Много сильныхъ и храбрыхъ богатырей за княжьимъ столомъ, но нѣтъ могучѣе Ильи Муромца!

Былъ Илья родомъ крестьянскій сынъ. Не владѣлъ онъ сначала ни руками, ни ногами,—въ сидняхъ сидѣлъ тридцать лѣтъ и три года. Пришли къ нему разъ нищіе—калики перехожіе. (Самъ Іисусъ Христосъ и два апостола, говорится въ нѣкоторыхъ былинахъ). Просятъ они Илью дать имъ воды испить. Не могъ сначала онъ встать. Второй разъ требуютъ калики воды у него; вдругъ почуялъ онъ въ себѣ силы, сталъ вставать „словно встрепанный". Пьютъ калики и Ильѣ велятъ испить воды. Выпилъ онъ и почуялъ въ себѣ силу непомѣрную. Не сидится Ильѣ послѣ этого въ родительскомъ домѣ, проситъ онъ у своихъ родителей „великаго благословеньица" ѣхать въ Кіевъ къ князю Владиміру „на поможеніе" и „на сбереженіе". Даетъ отецъ Ильѣ заповѣдь великую: не проливать крови понапрасному ни христіанской, ни басурманской. Начинаетъ Илья свои подвиги. Подъѣзжаетъ онъ къ Чернигову, а подъ городомъ стоитъ вражья сила — смѣты нѣтъ. Богатырское сердце „разгорчиво" и „неуемчиво". Беретъ Илья въ руки саблю вострую, и началъ ею по силушкѣ погуливать; гдѣ проѣдетъ—дѣлалъ улицы, гдѣ повернется — переулочки. Избилъ онъ рать вражью, только трехъ царевичей въ живыхъ оставилъ, — заказалъ имъ повсюду сказывать, что „святая Русь не пуста стоитъ", что „на святой Руси есть сильные могучіе богатыри". — Напали разъ на Илью разбойники, хотѣли его ограбить. Вынимаетъ онъ изъ налушна тугой лукъ, изъ колчана стрѣлку каленую, стрѣляетъ не въ разбойниковъ, а въ сырой сучковатый дубъ. Разлетѣлся дубъ мелкой щепкой; а отъ треску и грому разбойники съ коней попадали, пять часовъ безъ памяти пролежали.—Захотѣлъ Илья проѣхать въ Кіевъ къ Владиміру Красному-Солнышку дорогою прямоѣзжею, да нельзя прямымъ путемъ попасть туда ни пѣшему, ни конному: заложена та дорога Соловьемъ разбойникомъ. Сидитъ онъ на семи дубахъ, кричитъ онъ по-звѣриному, свиститъ по-соловьиному, никому не устоять противъ его посвиста. Поѣхалъ Илья дорогой прямоѣзжею, подъѣхалъ къ Соловью. Сталъ Соловей свистать по-

соловьиному, шипѣть по-змѣиному, ревѣть по-звѣриному. На колѣни палъ конь Ильи. Пустилъ онъ стрѣлу каленую и угодилъ Соловью въ правый глазъ. Полетѣлъ Соловей съ дуба комомъ къ сырой землѣ. Илья привязываетъ его къ сѣдлу и везетъ въ Кіевъ. Съ этой удачи богатырской вошелъ онъ въ большую славу, сталъ служить Владиміру и оборонять землю Русскую. Идолище поганое является къ Кіеву съ похвальбой и требуетъ поединщика. Илья выходитъ и убиваетъ его. Стоитъ затѣмъ Илья съ могучими богатырями на заставѣ богатырской, оберегаетъ отъ бѣды землю Русскую. Бьется тутъ Илья съ Жидовиномъ-богатыремъ и убиваетъ его

Подвиги свои Илья совершаетъ тогда, когда нужно избавить кого отъ бѣды, постоять за честь земли Русской. Дѣйствуетъ онъ не изъ корысти, почета не ищетъ, похвальбы не любитъ, да и принимается за дѣло только тогда, когда нельзя обойтись безъ него, когда ему „не кѣмъ замѣнитися". Хитрости, лукавства въ немъ нѣтъ; всякое дѣло ведетъ онъ прямо, начистоту. Всѣ эти свойства высоко цѣнитъ нашъ народъ; потому-то Илья и самый любимый его богатырь.

Много былинъ сохранилось у народа и о другихъ богатыряхъ. Въ пѣсняхъ этихъ много и небылицъ; похожи онѣ на сказки, но есть и доля правды: въ нихъ живо отражается то время, когда безпрерывная борьба вызывала богатырскія силы; безъ этихъ силъ плохо пришлось бы нашимъ предкамъ!..

Почтило и позднѣйшее потомство память Владиміра и его святаго дѣла. въ Кіевѣ на высокомъ берегу Днѣпра поставленъ памятникъ Владиміру, а на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, крестились кіевляне, воздвигнутъ памятникъ крещенія.

Великое дѣло совершилъ Владиміръ, обративъ народъ свой въ христіанство: оно хотя и медленно, но все же стало проникать въ нравы народа и понемногу смягчать ихъ.

Церковь наша признала Владиміра послѣ его смерти Святымъ и Равноапостольнымъ.

Съ христіанствомъ вмѣстѣ явилась у насъ, какъ сказано, и грамотность. Книжное искусство было въ рукахъ духовенства; но князья и бояре стали учить и своихъ дѣтей грамотѣ. Самъ Владиміръ еще не зналъ ея, но дѣти его были уже грамотны.

Усобицы по смерти Владиміра.

Владиміръ умеръ въ 1015 году. Святополкъ, сынъ Ярополка, усыновленный Владиміромъ, узнавъ о его смерти, прискакалъ съ дружиной изъ своего удѣла, Турова, и какъ старшій въ родѣ сѣлъ на великокняжескій престолъ; но этого было ему мало, — хотѣлъ онъ забрать всю Русскую землю въ свои руки и задумалъ страшное дѣло: истребить всѣхъ сыновей Владиміра Св. и завладѣть ихъ удѣлами.

Борисъ съ кіевскою ратью въ это время возвращался съ похода на печенѣговъ. Его дружинники совѣтовали ему овладѣть Кіевомъ и сдѣлаться вели-

кимъ княземъ, но благочестивый князь отвѣчалъ, что не подниметъ руки противъ старшаго брата, и даже распустилъ свою рать и остался съ небольшой дружиной. Убійцы, посланные Святополкомъ, ночью подкрались къ шатру Бориса, на рѣкѣ Альтѣ, и въ то время, когда онъ молился, поразили его вмѣстѣ съ нѣсколькими отроками (младшими дружинниками). У Смоленска убійцы настигли Глѣба, и онъ погибъ мученическою смертью. Борисъ и Глѣбъ, любимые сыновья Владиміра, отличались необычайной кротостью, добротой и христіанскимъ благочестіемъ. Церковь наша признала ихъ святыми.

Былъ убитъ затѣмъ и Святославъ Древлянскій. Святополкъ, чтобы расположить къ себѣ кіевлянъ, сталъ очень щедро раздавать многимъ изъ нихъ подарки: кому дарилъ корзна (плащи), кому куны (деньги) и роздалъ ихъ многое множество.

Ярославъ Новгородскій еще ничего не зналъ ни о смерти отца, ни о томъ, что творится въ Кіевѣ. Незадолго предъ тѣмъ онъ собралъ въ Новгородѣ много варяжскихъ наемныхъ воиновъ. Они безчинствовали въ городѣ, творили разныя насилія народу и такъ озлобили противъ себя новгородцевъ, что тѣ возстали и избили ихъ. Ярославъ жестоко отмстилъ мятежникамъ, — зазвалъ къ себѣ подъ видомъ совѣщанія знатнѣйшихъ людей новгородскихъ и велѣлъ ихъ умертвить. Послѣ этой кровавой расправы, вдругъ ночью онъ получаетъ страшную вѣсть изъ Кіева отъ своей сестры:

— „Отецъ умеръ. Святополкъ въ Кіевѣ; онъ убилъ Бориса, послалъ убійцъ на Глѣба, — берегись и ты“.

Ужаснулся Ярославъ: бѣда была велика, а помощи ждать было неоткуда. Созвалъ онъ на другой день вѣче и сказалъ новгородцамъ:

— „Отецъ мой умеръ; Святополкъ утвердился въ Кіевѣ и губитъ братьевъ“.

Новгородцы рѣшили помочь своему князю, не смотря на зло, какое онъ причинилъ имъ. Они готовы были помочь ему и деньгами, и войскомъ, лишь бы не подчиняться кіевскому князю, не платить ему тяжкой дани и не принимать къ себѣ его посадника. Подобно тому, какъ Владиміръ Св., въ борьбѣ съ Ярополкомъ пользовался помощью норманскихъ или варяжскихъ воиновъ, воспользовался услугами ихъ и Ярославъ. Бродячія дружины варяговъ, привыкшихъ съ юныхъ лѣтъ къ военному дѣлу, охотно нанимались на службу къ нашимъ князьямъ: война была для варяговъ промысломъ. Испытанные бойцы, закаленные въ битвахъ, хорошо вооруженные, они цѣнились высоко и получали хорошую плату.

Собралъ Ярославъ варяжскую дружину числомъ около тысячи человѣкъ да прочаго войска около сорока тысячъ, и пошелъ на Святополка; тотъ призвалъ на помощь печенѣговъ. Сошлись обѣ рати на Днѣпрѣ, у Любеча; одна стала по сю сторону рѣки, другая — по ту. Ни тѣ, ни другіе долго не рѣшались переправиться и начать битву. Первые напали новгородцы. Одинъ изъ воеводъ Святополка побудилъ ихъ къ этому; онъ разъѣзжалъ на конѣ по берегу взадъ и впередъ и подзадоривалъ ихъ:

— „Чего вы, плотники, кричалъ онъ, пришли сюда съ хромымъ кня-

земъ вашимъ? (Ярославъ былъ хромъ). Вотъ погодите, мы васъ заставимъ рубить себѣ хоромы!“.

Обозлились новгородцы.

— „Завтра-же переправимся и ударимъ на нихъ“, рѣшили они.

Святополкъ всю ночь безпечно пировалъ съ дружиной.. До разсвѣта тайкомъ новгородцы переѣхали черезъ Днѣпръ, высадились на берегъ, а лодки оттолкнули, чтобы и не думать о бѣгствѣ... Святополкъ бился храбро; но печенѣги, стоявшіе за озеромъ, не поспѣли вовремя ему помочь. Новгородская рать

Воины — варяги.

оттѣснила войско его на озеро. Тогда начались уже морозы, и озеро покрылось льдомъ; но онъ былъ еще тонокъ, не выдержалъ толпы людей, подломился, — и множество воиновъ Святополка утонуло. Онъ бѣжалъ въ Польшу, а Ярославъ занялъ Кіевъ.

Но Святополоку помогъ его тесть, польскій король, и Ярославу пришлось опять уйти въ Новгородъ. Когда поляки ушли изъ Кіевской области, онъ снова напалъ на своего противника. Упорная битва завязалась на берегахъ рѣки Альты, гдѣ былъ убитъ Борисъ. Съ восхода солнца до вечера длилась злая сѣча. Три раза загоралась рукопашная схватка, кровь лилась ручьями по

землѣ. Къ вечеру Ярославъ одолѣлъ. Святополкъ бѣжалъ. Онъ, по словамъ лѣтописца, впалъ въ тяжкую болѣзнь, и такъ ослабѣлъ, что не могъ даже сидѣть,—несли его въ носилкахъ; укоры совѣсти и страхъ обуяли его.

— „Бѣжимъ, бѣжимъ, безпрестанно вскрикивалъ онъ, гонятся за нами!“

Скоро Святополкъ умеръ въ тяжкихъ мученіяхъ. Лѣтописецъ сравниваетъ этого князя-братоубійцу съ Каиномъ, называетъ Окаяннымъ...

Пришлось Ярославу вести борьбу и съ племянникомъ своимъ Брячиславомъ Изяславичемъ, княземъ полоцкимъ, который напалъ на Новгородъ, и съ братомъ своимъ Мстиславомъ, который княжилъ въ Тмутракани (у Азовскаго моря).

Мстиславъ былъ князь очень мужественный и обладалъ богатырской силой. Вотъ что разсказываетъ лѣтописецъ о немъ. Пошелъ онъ разъ на косоговъ, кавказское воинственное племя. Князь косожскій Редедя вышелъ на встрѣчу. Когда сошлись обѣ рати, Редедя сказалъ Мстиславу:

— „Чѣмъ губить намъ свои дружины, лучше покончимъ дѣло единоборствомъ. Одолѣешь ты,—возьмешь мое имѣніе, жену, дѣтей моихъ и землю; а одолѣю я, —возьму я у тебя все твое“.

Редедя былъ богатырь громаднаго роста и необычайной силы, и надѣялся на себя. Мстиславъ принялъ вызовъ. Рѣшено было бороться безъ оружія.

Крѣпко схватились лихіе борцы. Долго длилась борьба: оба были почти равной силы. Наконецъ, Мстиславъ сталъ изнемогать и началъ молиться:

— „Пречистая Богородица, помоги мнѣ! Если одолѣю, построю церковь во имя твое“.

Напрягъ онъ всѣ свои силы, сломилъ Редедю, ударилъ его оземь; затѣмъ вынулъ ножъ и зарѣзалъ его.

Съ этимъ-то княземъ-богатыремъ пришлось бороться Ярославу: Мстиславъ не довольствовался одною Тмутраканскою областью, требовалъ себѣ отъ брата еще земель. Загорѣлась война; Ярославъ былъ побѣжденъ и долженъ былъ уступить брату всѣ земли къ востоку отъ Днѣпра. Въ 1036 году Мстиславъ умеръ; тогда вся Русская земля соединилась въ рукахъ Ярослава.

Княженіе Ярослава.

Хотя Ярославъ не былъ охотникомъ до войны, но безъ нея дѣло не обошлось; печенѣги продолжали свои опустошительные набѣги. Ярославу удалось, наконецъ, нанести имъ страшное пораженіе подъ самымъ Кіевомъ. Ходилъ онъ и на сѣверъ—на Чудь, и на западъ—на Ятвяговъ и на Литву; вернулъ отъ Польши червенскіе города (Галицію), захваченные раньше королемъ Болеславомъ.

При Ярославѣ былъ предпринятъ послѣдній походъ на Византію. Со времени крещенія сношенія русскихъ съ греками были дружелюбны; но въ 1043 г. въ Константинополѣ случилась ссора изъ-за чего-то между греческими и русскими торговцами; дѣло кончилось тѣмъ, что одинъ изъ знатныхъ русскихъ гостей (купцовъ) былъ убитъ. Отсюда возникло неудовольствіе между обоими правительствами и привело къ войнѣ. Огромную русскую рать и наемныхъ варяговъ повелъ на Византію старшій сынъ Ярослава, Владиміръ; но

походъ кончился неудачно: русскія ладьи были истреблены частію греческимъ огнемъ, частію бурею.

Чтобы укрѣпить сильнѣе границы своего государства, Ярославъ построилъ нѣсколько новыхъ городовъ: на сѣверѣ, въ землѣ финскаго племени, неподалеку отъ озера Чудскаго, основанъ былъ городъ Юрьевъ (христіанское имя Ярослава было Юрій); на Волгѣ — Ярославль; по южной границѣ, на рѣкѣ Роси, было тоже построено нѣсколько городовъ. Кіевъ обведенъ хорошею каменною стѣною. Главныя городскія ворота названы были „Золотыми".

Софійскій соборъ въ Кіевѣ.

Ярославъ очень любилъ строиться; онъ украсилъ Кіевъ новыми церквами. Особеннымъ великолѣпіемъ поражалъ современниковъ Софійскій соборъ. Заложенъ былъ онъ въ память побѣды, одержанной надъ печенѣгами, на мѣстѣ самой битвы. Зданіе сооружалось греческими мастерами; князь не жалѣлъ издержекъ, храмъ былъ украшенъ роскошной мозаикой (мусіей, какъ говорили въ старину): стѣны были расписаны живописью; иконы византійскаго письма блистали въ богатыхъ серебряныхъ и золотыхъ ризахъ.

Стѣнная живопись (фрески), надъ которою трудились греческіе живописцы, уцѣлѣвшая мѣстами и до сихъ поръ, представляетъ много любопытнаго.

Тутъ находимъ изображенія охоты, всадниковъ, стрѣлковъ, князя въ торжественной одеждѣ, оруженосцевъ, даже музыкантовъ, плясуновъ и скомороховъ.

Небольшіе искусники были тогда греческіе живописцы, но рисунки ихъ любопытны для насъ особенно тѣмъ, что представляютъ картины изъ русской жизни, и даютъ понятіе объ одеждѣ и о нѣкоторыхъ обычаяхъ одиннадцатаго вѣка.

Ярославъ построилъ также монастырь св. Георгія, въ честь своего ангела, монастырь св. Ирины, возобновилъ Десятинную церковь, построенную при Владимірѣ Св. Главные храмы Кіева строились большею частію въ подражаніе Царградскимъ и носили ихъ имена (св. Софіи, св. Ирины). Много церквей

Князь на тронѣ и оруженосецъ. (Фрески Софійскаго собора).

сооружалось такъ-же, какъ въ Царьградѣ, въ честь Богородицы. По примѣру Кіева возникали и въ другихъ главныхъ русскихъ городахъ соборные храмы или софійскіе, или богородичные (Рождественскіе и Успенскіе). Въ Новгородѣ сынъ Ярослава Владиміръ заложилъ новый Софійскій соборъ въ 1045 году. Съ постройкой храмовъ появляются на Руси не только зодчество, но и живопись. Мало-по-малу русскіе должны были перенять эти искусства у пріѣзжихъ греческихъ мастеровъ, которыхъ призывалъ князь, не жалѣя издержекъ на украшеніе храмовъ и благолѣпіе церковной службы. Изъ Греціи были вызваны въ Кіевъ и пѣвчіе, у которыхъ русскіе переняли напѣвы и научились согласному пѣнію.

По примѣру византійскихъ императоровъ Ярославъ, а раньше и Владиміръ Св., давали извѣстную часть изъ княжескихъ доходовъ на содержаніе храмовъ и ихъ причта, надѣляли ихъ землями и разными угодьями. Кромѣ

того, епископы занимались судопроизводствомъ (по церковнымъ и семейнымъ дѣламъ) и судебныя пошлины шли въ пользу ихъ церкви.

Много строилось новыхъ церквей,—много нужно было и грамотныхъ людей для церковнаго причта; нужны были и книги богослужебныя. Ярославъ сильно заботился о просвѣщеніи: въ Новгородѣ, по его приказу, было устроено училище на 300 мальчиковъ, сыновей священниковъ и старостъ. Онъ любилъ церковное дѣло, духовенство, монаховъ, а священныя книги читалъ не только днемъ, но и ночью, и много собралъ ихъ; поручалъ иногда переводить ихъ прямо съ греческаго языка или переписывать болгарскіе переводы.

Подъ его покровительствомъ начали распространяться на Руси монастыри; среди иноковъ были грамотные люди, которые принялись за переписку книгъ и сильно помогли распространенію христіанскаго просвѣщенія на Руси.

Музыканты и плясуны. (Фрески Софійскаго собора).

Лѣтописецъ высоко цѣнитъ заслуги Ярослава и говоритъ:

— „Какъ одинъ вспашетъ землю, другой посѣетъ, а третьи жнутъ и ѣдятъ хлѣбъ,—такъ Владиміръ вспахалъ и умягчилъ землю, т. е. просвѣтилъ ее крещеніемъ, Ярославъ насѣялъ книжными словами сердца вѣрныхъ людей, а мы пожинаемъ, принимая книжное ученіе“.

Русская правда.

На Руси были уже церковные законы; перешли они вмѣстѣ съ христіанствомъ изъ Византіи (собраніе ихъ называлось у насъ „Кормчей книгой“). Задумалъ Ярославъ установить и въ мірскихъ дѣлахъ лучшій порядокъ суда и расправы. Онъ составилъ первый сборникъ законовъ „Русскую правду“.

Въ первобытныя времена люди руководятся во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ только природными побужденіями, чувствами. Убьетъ кто нибудь человѣка,—близкіе родичи убитаго естественно изъ чувства мести стараются убить убійцу.

Побьютъ кого,—побитый чувствуетъ злобу и желаетъ выместить свою обиду на обидчикѣ. Украдутъ-ли у кого вещь какую-нибудь, потерпѣвшій отъ кражи, понятно, будетъ стараться отыскать вора, отобрать отъ него свою вещь и, кромѣ того, причинить какое-нибудь зло ему, чтобы отвадить его отъ воровства. Такъ и въ другихъ случаяхъ въ первобытное время люди творили судъ и расправу, слѣдуя только природному чувству. Съ теченіемъ времени все это входило въ привычку. Видѣли люди, какъ творили отцы ихъ и дѣды въ разныхъ случаяхъ, и сами поступали точно такъ-же, руководясь уже не только своимъ чувствомъ и соображеніемъ, но и примѣромъ старыхъ людей. Такимъ образомъ, извѣстныя дѣйствія при судѣ и расправѣ входятъ въ привычку цѣлаго племени, становятся обычаемъ. Въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ родовые старшины хранятъ старые обычаи, и многія поколѣнія довольствуются судебными обычаями. Но со временемъ ихъ накопляется слишкомъ много, а если племя сталкивается съ другими народами, то отъ нихъ заходятъ и новые обычаи, иной разъ непохожіе на прежніе, происходитъ путаница: тогда необходимо привести ихъ въ порядокъ, записать точно и ясно, чтобы можно было судьямъ руководиться ими. Записанные обычаи, которые дѣлаются правилами для всѣхъ и которые поддерживаетъ правительство, становятся законами.

„Русская Правда“ представляетъ у насъ первое собраніе обычаевъ. Здѣсь говорится о мести за убійство, о наказаніи за побои и оскорбленія, за кражу. 1) За смерть мужа мститъ братъ или сынъ, или отецъ, или двоюродные братья, или племянники. Если не будетъ мстителя, убійца долженъ уплатить 40 гривенъ. 2) за ударъ палкою, жердью, мечемъ, виновный платитъ 12 гривенъ; за отсѣченіе руки 40 гривенъ; за вырваніе уса или бороды 12 гривенъ; за обнаженіе меча 1 гривну. 3) за уводъ челядинца и коня 3 гривны и проч.

За убійство дружинника, или княжаго тіуна (княжій слуга) положена пеня, или „вира“, двойная, т. е. 80 гривенъ. Вира шла князю. Если же виновный не могъ уплатить, то онъ лишался всего имущества, и домъ его предавался разграбленію. Если преступникъ скрывался, то виру платила вервь (округъ), гдѣ было совершено убійство.

Воровство считалось также тяжкимъ преступленіемъ. Хозяинъ имѣлъ право даже убить „какъ пса“ пойманнаго вора въ томъ случаѣ, если онъ сопротивлялся и не позволялъ себя связать.

И такъ, мы видимъ, что родственникамъ убитаго предоставлялось самимъ отыскивать убійцу и чинить надъ нимъ судъ и расправу, а хозяинъ могъ распорядиться, какъ хотѣлъ, съ воромъ.

Понятно, что при такомъ самоуправствѣ творилось не мало неправды и насилій; но слѣдуетъ помнить, что это было слишкомъ за восемь столѣтій до нашего времени, когда государственная жизнь только еще начиналась. Незадолго до Ярослава русскіе жили родами, которые вели между собою борьбу. Случится обида или убійство, у кого было искать управы? Родичи убитаго считали своимъ священнымъ долгомъ отомстить убійцѣ. Позоръ ожидалъ того, кто не выполнялъ этой обязанности. Привыкли предки наши такъ поступать, и родовая месть вошла въ обычай, а обычай этотъ попалъ и въ „Русскую Правду“.

Сверхъ наказаній за преступленія, въ „Русск. Правдѣ“ находимъ постановленія о наслѣдствѣ. Всѣ сыновья, по закону, получали поровну; сестра при братьяхъ не получала ничего, но они обязаны были выдать ее замужъ; жена умершаго, если оставалась жить съ дѣтьми, имѣла право на часть наслѣдства. Такъ поступали, если не было завѣщанія, но умирающій могъ иначе распредѣлить свое достояніе наслѣдникамъ.

Любопытно постановленіе о холопахъ (челядинцахъ, рабахъ). Не только плѣнные обращались въ рабовъ или „обѣльныхъ“ (полныхъ) холоповъ, но становились ими также и свободные люди, если женились на рабыняхъ, не заключивъ предварительнаго условія съ ихъ господиномъ, если поступали въ слуги, или тіуны, къ другому лицу безъ всякаго договора; обращались въ холоповъ также и несостоятельные должники. Господинъ имѣлъ полную власть не только продать своего раба, но даже и убить его

Судъ творилъ самъ князь, а гдѣ его не было,—намѣстникъ. Мѣстомъ разбирательства былъ княжій дворъ. Обиженный долженъ былъ представить свидѣтелей (видоковъ и послуховъ); но можно было обойтись и безъ нихъ, если были ясныя доказательства обиды, напр., знаки побоевъ, увѣчья.

Изслѣдовать и разбирать преступленія въ XI вѣкѣ предки наши не умѣли: если трудно было рѣшить, виновать, или нѣтъ, обвиняемый, онъ же самъ не сознавался, а дѣло было важное,—тогда прибѣгали къ „испытанію водой и желѣзомъ“. Вѣрили, что самъ Богъ покажетъ, правъ или виновенъ подсудимый. Заставляли его опускать руку въ кипятокъ или подержать нѣсколько времени раскаленное желѣзо въ рукѣ. Если оказывались послѣ этого на рукѣ сильные обжоги и язвы, то обвиняемаго считали виновнымъ. Къ сожалѣнію, до насъ не дошло подробныхъ извѣстій, какъ совершалось испытаніе водой и желѣзомъ у нашихъ предковъ; вѣроятно, подобнымъ же образомъ, какъ у родственныхъ племенъ. Въ Чехіи, напр., подсудимый долженъ былъ, пока произносилъ слова присяги, продержать два пальца на раскаленномъ желѣзѣ, или простоять на немъ. У сербовъ обвиненный долженъ былъ опускать руку въ раскаленный котелъ или брать изъ огня раскаленное желѣзо. Испытуемый водою долженъ былъ идти въ глубину рѣки; если онъ при этомъ робѣлъ, то проигрывалъ дѣло.

Прибѣгали къ подобнымъ испытаніямъ, конечно, только въ тѣхъ случаяхъ, когда увѣренность въ преступности подсудимаго была очень ужъ сильна, но онъ не сознавался, а ясныхъ уликъ не было. Притомъ, конечно, немногіе изъ подсудимыхъ отваживались на испытаніе, если сознавали за собой вину, и потому, надо думать, что дикій обычай „испытанія водой и желѣзомъ“ примѣнялся очень рѣдко.

Когда происходила тяжба между двумя сторонами и никакъ не могли разсудить тяжущихся, то предоставлялось имъ судиться судомъ Божіимъ, т. е. выйти на поединокъ. Кто побѣждалъ, тотъ и считался правымъ.

Въ XI столѣтіи и у другихъ западныхъ народовъ судопроизводство было не лучше; только въ Италіи и Византіи, гдѣ образованность стояла выше, оно велось правильнѣе.

Изданіе „Русской Правды“ было великимъ дѣломъ. Настоящее право-

судіе только тогда и можетъ быть, когда есть твердые и опредѣленные законы, которые высшая власть береть подъ свою охрану. Современники Ярослава понимали, какую услугу народу онъ оказалъ своимъ законодательствомъ и называли его „Правосудомъ“ и „Мудрымъ“.

Сношенія съ иноземцами.

Съ принятіемъ христіанства сношенія русскихъ съ греками, а затѣмъ и съ другими европейскими народами усилились.

Изъ Византіи шли въ Русскую землю церковные порядки, разныя искусства, образованіе; отсюда же потомъ стали проникать къ намъ и новые порядки

Князь.

Княжна.

государственные. Когда грубый, первобытный народъ входитъ въ сношенія съ народомъ образованнымъ, онъ прежде всего заимствуетъ то, что больше бросается въ глаза,—внѣшнюю обстановку. Строились у русскихъ, какъ сказано уже великолѣпные храмы на подобіе византійскихъ, украшались иконами, живописью, золотомъ. Князь сталъ жить роскошнѣе, чѣмъ прежде: жилище его стало отличаться большимъ великолѣпіемъ, чѣмъ раньше; одежду князья въ торжественныхъ случаяхъ стали носить богатую, златотканную подобно византійскимъ царямъ, на голову надѣвали золотые вѣнцы, или короны.

Русскіе въ это время были въ постоянныхъ сношеніяхъ не только съ Византіей, но и съ Западной Европой. Ярославъ даже породнился съ нѣсколь-

кими иноземными государями: одну дочь свою выдалъ онъ за принца норвежскаго, другую за французскаго короля (Генриха I), третью за венгерскаго короля: сыновей своихъ тоже поженилъ на иностранныхъ принцессахъ

Ярославъ не жалѣлъ издержекъ на постройку церквей и украшеніе ихъ, и потому не мало было работы на Руси заѣзжимъ зодчимъ, иконописцамъ (преимущественно грекамъ). Кіевъ, благодаря постройкѣ новыхъ храмовъ, городскихъ стѣнъ и каменныхъ домовъ, сильно измѣнился къ лучшему. Иноземцы, видѣвшіе его въ это время, очень хвалятъ его красоту и мѣстоположеніе. Видно, въ это время русская столица не уступала по своему устройству западно-европейскимъ городамъ, да и русскій народъ по нравамъ и понятіямъ не стоялъ тогда ниже своихъ западныхъ сосѣдей.

Золотыя и серебряныя монеты Св. Владиміра.

Въ Кіевъ съѣзжалось много торговцевъ со всѣхъ сторонъ: тутъ встрѣчались венгры, нѣмцы, скандинавы, восточные купцы; не мало было и евреевъ. Цѣлыя части города заселялись иноземными купцами. На Днѣпрѣ у Кіева стояло множество купеческихъ судовъ. Въ городѣ было восемь рынковъ: торговля, видно, шла бойко.

Хотя еще держалась мѣновая торговля, и русскіе мѣнялись на мѣха куньи, лисьи, бѣличьи (слово „куны“ означало вообще деньги); но были уже и металлическія деньги.

Въ это время встрѣчаются „гривны“. Такъ назывались сначала ожерелья; а потомъ они стали употребляться, какъ деньги. Серебряная гривна

вѣсила около фунта. При Ярославѣ и даже при Владимірѣ явились на Руси свои серебряныя и золотыя монеты. Греческихъ мастеровъ въ Кіевѣ было довольно,— они могли чеканить монету для русскихъ по образцу греческой. При раскопкѣ древнихъ могилъ найдены серебряныя и золотыя монеты съ именемъ Ярослава и Владиміра.

Серебряныя монеты Ярослава.

IV.

Время удѣльныхъ смутъ и усобицъ.

Усобица при сыновьяхъ Ярослава.

Передъ смертью Ярославъ призвалъ своихъ сыновей и, по словамъ лѣтописи, сказалъ имъ:

— „Отхожу я уже изъ этого свѣта, дѣти мои! Да будетъ между вами любовь: вы—родные братья, дѣти одного отца и одной матери. Если будете жить въ любви и согласіи между собою, то Богъ будетъ съ вами и покоритъ вамъ враговъ вашихъ; если же будете жить въ ненависти и распряхъ, то и сами погибнете, и погубите землю отцовъ вашихъ и дѣдовъ, которую пріобрѣли они съ большимъ трудомъ. Живите мирно, слушайте братъ брата. Назначаю Кіевъ старшему сыну моему и брату вашему Изяславу. Слушайте его, какъ слушали меня; пусть онъ будетъ вамъ вмѣсто отца. Святославу даю Черниговъ, Всеволоду—Переяславль, Игорю—Владиміръ (Волынскій), Вячеславу—Смоленскъ“.

Раздѣливъ такъ землю Русскую между своими сыновьями, Ярославъ заповѣдалъ имъ не трогать чужихъ областей, и затѣмъ сказалъ Изяславу:

— „Если кто захочетъ обидѣть брата своего, то ты помогай правому“.

Умеръ Ярославъ въ 1054 году 76-ти лѣтъ отъ роду. Тѣло его положили въ мраморную гробницу въ Софійскомъ Соборѣ.

Ярославъ слѣдовалъ примѣру отца и дѣда, и подѣлилъ Русскую землю на удѣлы, да, пожалуй, и не могъ иначе поступить. Раздѣла земли требовалъ обы-

чай: по понятіямъ того времени, вся земля была достояніемъ цѣлаго княжескаго рода, и каждый родичъ долженъ былъ владѣть какой нибудь областью.

Понятія о необходимости для государства одной сильной власти еще не было. Вотъ почему удѣльный порядокъ долго держался на Руси. Много бѣдъ и горя принесъ онъ русскому народу!

Лѣтъ десять сыновья Ярослава княжили мирно въ своихъ удѣлахъ, не ссорились между собою; съ общаго согласія они дополнили Русскую Правду и отмѣнили родовую месть.

Гробница Ярослава (въ Софійскомъ соборѣ).

Въ 1061 году нападаютъ на русскія области половцы, смѣнившіе печенѣговъ въ степяхъ на южныхъ и восточныхъ окраинахъ Русской земли. Это были такіе же хищники, какъ и печенѣги: грабежъ и убійство служили для нихъ, по словамъ лѣтописца, воинской потѣхой, шатры — жилищемъ, а лошадиное молоко, сыров мясо, кровь животныхъ, а иногда и падаль, — пищею. Половцы съ того времени, какъ стали кочевать въ степяхъ у рѣки Дона, не давали покою русскимъ: весною или раннимъ лѣтомъ, когда былъ для лошадей

подножный кормъ, эти хищники на своихъ степныхъ коняхъ ордами врывались въ русскіе предѣлы, безпощадно пустошили землю и цѣлыми тысячами угоняли къ себѣ въ рабство захваченныхъ плѣнныхъ...

Черезъ три года послѣ перваго набѣга половцевъ начинаются усобицы и между русскими князьями.

Ярославъ надѣлилъ своихъ сыновей областями, но ничего не далъ внуку своему Ростиславу Владиміровичу. Недовольный этимъ князь съ отрядомъ удальцовъ, набранныхъ въ Новгородѣ, напалъ внезапно на Тмутраканскую область (у Азовскаго моря) и выгналъ отсюда своего двоюроднаго брата. Черезъ два года Ростислава не стало. Тогда начинаются усобицы на сѣверѣ. Всеславъ, князь Полоцкій, хотѣлъ увеличить свой удѣлъ, напалъ на Новгородъ, захватилъ въ плѣнъ многихъ жителей, ограбилъ Софійскій соборъ. Изяславъ съ братьями пошелъ противъ Всеслава, разбилъ его, зазвалъ его къ себѣ въ шатеръ будто для переговоровъ. Онъ повѣрилъ клятвѣ Ярославичей, что ему ничего худаго не сдѣлаютъ, явился къ великому князю, а тотъ велѣлъ своимъ воинамъ схватить его. Обманутаго Всеслава вмѣстѣ съ двумя его сыновьями отвезли въ Кіевъ и посадили въ темницу.

Но вѣроломство это не помогло,—миръ не водворился на Руси. И году не прошло, какъ снова нахлынули половцы. Вышли Ярославичи противъ нихъ съ небольшими силами, но такъ были разбиты, что пришлось имъ спасаться бѣгствомъ. Хищные половцы разсѣялись по южнымъ русскимъ областямъ, страшно опустошили ихъ и творили всякія насилія. Собрались кіевляне на вѣче и потребовали у Изяслава, чтобы онъ велъ ихъ въ поле сражаться съ половцами; князь колебался и не зналъ, что дѣлать. Тогда народъ въ Кіевѣ возсталъ, выпустилъ изъ темницы Всеслава, призналъ его своимъ княземъ, разграбилъ княжій дворъ, расхитилъ множество золота, серебра, куньихъ и бѣличьихъ мѣховъ. Изяславъ бѣжалъ въ Польшу. Съ помощью поляковъ онъ снова водворился въ Кіевѣ, но не надолго. Братья его Святославъ и Всеволодъ выгнали его изъ Кіева,—великимъ княземъ сдѣлался Святославъ.

Напрасно искалъ Изяславъ помощи у иноземныхъ государей: у императора германскаго (Генриха IV), у папы. Императоръ прислалъ даже пословъ къ Святославу, чтобы убѣдить его возвратить брату захваченный кіевскій престолъ. Великій князь принялъ пословъ очень вѣжливо, показывалъ имъ свои богатства, щедро одарилъ ихъ, такъ что они уѣхали отъ него очень довольные, но и не добились того, зачѣмъ пріѣзжали.

Не помогли и увѣщанія духовенства,—Святославъ не мирился со старшимъ братомъ и продолжалъ княжить въ Кіевѣ. Только послѣ смерти его (1076 г.) Изяславъ, примирившись съ Всеволодомъ, вернулся въ Кіевъ, но и тогда усобица не стихла: пришлось имъ обоимъ вмѣстѣ вести упорную борьбу съ племянникомъ Олегомъ Святославичемъ. Это былъ князь очень воинственный; онъ хотѣлъ, во что бы ни стало, завладѣть Черниговскою областью, гдѣ княжилъ раньше его отецъ, и которую занялъ по смерти Святослава Всеволодъ. Олегъ призвалъ на помощь половцевъ; они рады были случаю пограбить и сильно опустошили Черниговскую область. Изяславъ и Всеволодъ выступили противъ нихъ. Произошла кровопролитная битва близъ Чернигова (при селѣ «Не-

жатина Нива»). Олегъ былъ разбитъ и едва успѣлъ спастись съ небольшою дружиною въ Тмутракань. Въ этой битвѣ былъ убитъ великій князь Изяславъ (1078 г.).

Послѣ смерти Изяслава сталъ княжить въ Кіевской области братъ его Всеволодъ. Это былъ князь набожный, добродушный и большой „книголюбецъ“; трудно было ему въ то тревожное время: племянники его добивались областей, то и дѣло спорили между собой; приходилось ихъ мирить, разбирать да унимать; а тутъ еще кочевники (торки и половцы) постоянно безпокоили съ юга Русскую землю. Не справился бы со всѣми дѣлами Всеволодъ, да былъ

Одежда князей.
(по рисунку въ Изборникѣ 1073 г., представляющему семью вел. кн. Святослава).

у него хорошій помощникъ, сынъ его Владиміръ. Это былъ князь очень дѣятельный; много ему пришлось потрудиться при отцѣ: то онъ усмирялъ непокорныхъ князей, то поражалъ хищныхъ половцевъ. Подъ старость немощный Всеволодъ слишкомъ ужъ довѣрялся своимъ намѣстникамъ и тіунамъ (должностные люди при князѣ). Много зла творили они: стали на судѣ мирволить богатымъ, брать взятки и творить всякія насилія бѣднымъ... Кіевляне все это сносили,—надѣялись, что послѣ Всеволода станетъ княжить въ Кіевѣ сынъ его Владиміръ Мономахъ, названный такъ потому, что его мать была дочь византійскаго императора Константина Мономаха.

Усобицы при внукахъ Ярослава.

Когда умеръ Всеволодъ (1093 г.), то Владиміръ разсудилъ, что было бы несправедливо ему утвердиться въ Кіевѣ помимо Святополка Изяславича, старшаго двоюроднаго брата: заботился Владиміръ больше всего о томъ, чтобы миръ былъ на Руси. Послалъ онъ звать Святополка, а самъ вернулся въ Черниговъ.

Владиміръ, какъ видно, хотѣлъ соблюдать порядокъ старшинства. Русская земля, по понятіямъ того времени, принадлежала всему княжескому роду. Дѣлилась она на удѣлы по числу членовъ княжескаго рода. Старшій братъ, великій князь, занималъ главный городъ — Кіевъ съ его областью, а младшіе братья размѣщались въ другихъ удѣлахъ по старшинству. Когда умиралъ великій князь, то не сынъ, а старшій за нимъ братъ занималъ Кіевъ и становился великимъ княземъ, а оставленный имъ удѣлъ переходилъ въ руки слѣдующаго за нимъ по старшинству брата и т. д. По смерти великаго князя должно было совершаться перемѣщеніе всѣхъ удѣльныхъ князей. При этомъ надо замѣтить, что сыновья тѣхъ князей, которые умирали, не достигнувъ великокняжескаго престола, навсегда лишались права на него. Такіе князья назывались „изгоями“. Если и получали они небольшіе удѣлы, то какъ бы изъ милости старшихъ князей. Великіе князья иной разъ сильно хлопотали о томъ, чтобы своихъ сыновей пристроить на хорошіе удѣлы и при дѣлежѣ земли поступали не всегда справедливо. Распоряженіямъ старшихъ князей иногда не повиновались младшіе.—Если и родные братья Ярославичи ссорились между собою, то еще труднѣе было ужиться въ мирѣ двоюроднымъ и троюроднымъ братьямъ. Могли ли удѣльные князья чтить великаго князя „какъ отца“, когда князь этотъ, хотя и старшій по происхожденію, могъ быть и несправедливъ, и менѣе другихъ князей опытенъ, и менѣе способенъ? Кромѣ того, при общемъ передвиженіи, не всѣ князья охотно оставляли прежнія свои области; въ иныхъ городахъ и народъ не хотѣлъ тѣхъ князей какимъ приходилось по очереди занимать эти города, возставалъ противъ нихъ и призывалъ другихъ. Понятно, сколько смуты и неурядицы поднималось на Руси въ удѣльное время: споры, раздоры, усобицы шли безъ конца... Чуть не каждый годъ вторгались въ Русскую землю орды половцевъ и другихъ враговъ, которымъ иной разъ сами же русскіе князья показывали путь въ свою землю. Тяжело жилось въ это время русскому люду!

Только что Святополкъ занялъ великокняжескій столъ, какъ началась война съ половцами. Онъ не послушался опытныхъ своихъ воеводъ и Владиміра, которые совѣтовали ему снарядить побольше войска, выступилъ въ походъ съ небольшими силами и былъ разбитъ. Русскимъ пришлось спасаться бѣгствомъ. Разсѣялись шайки хищниковъ по Русской землѣ и начался грабежъ.

Запустѣли города и села. Цѣлыми толпами уводили половцы плѣнныхъ къ себѣ въ степи. Шли несчастные въ плѣнъ, по словамъ лѣтописца, скорбные, дрожащіе отъ холода, голодные, томимые жаждою, исхудалые, нагіе и босые;

ноги ихъ были истерзаны терніемъ. Со слезами они разсказывали другъ другу, откуда кто изъ нихъ, изъ какого города, изъ какой деревни...

Попытался опять Святополкъ сразиться съ хищниками, но снова былъ разбитъ и принужденъ былъ заключить въ 1094 году миръ съ ними, даже женился на дочери Тугоръ-хана, одного изъ сильнѣйшихъ половецкихъ хановъ, думая хоть этимъ оградить свою землю отъ безконечныхъ хищническихъ вторженій и грабежей. Напрасныя надежды! Несчастная война съ половцами была только началомъ бѣдствій и горя, обрушившихся на Русскую землю въ злополучное княженіе Святополка II.

Поднялись усобицы. Причиной ихъ были старые счеты за Черниговъ, а потомъ споры за Волынь. Олегъ Святославичъ, княжившій въ Тмутракани, послѣ смерти Всеволода задумалъ во что бы ни стало добиться Чернигова, отцовской области. Въ 1094 году, онъ внезапно явился съ большими ордами половцевъ подъ Черниговъ. Здѣсь былъ въ это время Владиміръ Мономахъ. Силъ у него послѣ злосчастной борьбы съ половцами было мало, не могъ онъ встрѣтить врага въ открытомъ полѣ и заперся въ городѣ. Восемь дней Владиміръ отбивался. Но когда Олегъ далъ волю половцамъ безпощадно раззорять и грабить села и деревни, расхищать и жечь монастыри, Владиміръ сдалъ Черниговъ, а самъ ушелъ въ отцовскій удѣлъ — Переяславль: тяжело ему было видѣть разореніе Русской земли и не хотѣлъ онъ цѣною ея бѣдствій покупать свои выгоды... Вошелъ Олегъ въ отцовскій городъ; но грабежи половцевъ продолжались. Князь не только не запрещалъ имъ, но, по словамъ лѣтописи, даже самъ побуждалъ ихъ грабить. Да и какъ было ему иначе отблагодарить своихъ хищныхъ пособниковъ!?

„Это уже въ третій разъ, — скорбно замѣчаетъ лѣтописецъ, — онъ наводилъ нечестивыхъ на Русскую землю!“...

Ему волею или неволей приходилось дружить съ половцами, — въ нихъ только онъ и находилъ себѣ опору. Но за то трудно ему было ужиться съ другими князьями: когда они стали звать его на половцевъ, то онъ, конечно, уклонился... Въ 1096 г. Святополкъ и Владиміръ послали сказать ему:

„Пріѣзжай въ Кіевъ, урядимся о Русской землѣ предъ епископами, игуменами, предъ мужами отцовъ нашихъ и предъ горожанами, какъ бы оборонить Русскую землю отъ поганыхъ“.

На это приглашеніе Олегъ гордо отвѣтилъ:

„Не подобаетъ меня судить ни епископу, ни игуменамъ, ни смердамъ!“

Тогда князья велікіе сказали ему:

„Вотъ ты ни на поганыхъ не идешь, ни къ намъ на совѣтъ, стало быть, ты мыслишь противъ насъ и хочешь поганымъ помогать. Пусть же Богъ насъ разсудитъ!“

Святополкъ и Владиміръ пошли на Олега. Онъ бѣжалъ изъ Чернигова, заперся въ Стародубѣ и болѣе мѣсяца отбивался здѣсь, а въ это время орды половецкія снова нахлынули на Русскую землю и стали грабить ее. Наконецъ, онъ запросилъ мира у князей; они согласились. Но не о мирѣ думалъ Олегъ: кинулся онъ на сѣверъ въ ту область Муромо-Рязанской земли, напалъ здѣсь на сына [illegible]ова Изяслава, который владѣлъ однимъ изъ Муромскихъ удѣловъ.

Въ битвѣ подъ стѣнами Мурома палъ Изяславъ Владиміровичъ. Неугомонный Олегъ не довольствовался отцовскими землями, а занялъ Ростовъ и Суздаль, наслѣдственныя волости Мономаха, посадилъ тамъ своихъ намѣстниковъ и сталъ собирать дань. Тогда старшій сынъ Мономаха Мстиславъ, крестникъ Олега, княжившій въ Новгородѣ, пришелъ въ Суздальскую область, прогналъ олеговыхъ сборщиковъ дани и намѣстниковъ, затѣмъ предложилъ крестному отцу миръ:

— „Я моложе тебя, говорилъ онъ,—договаривайся съ моимъ отцомъ, а я во всемъ тебя послушаю".

Не изъ такихъ былъ Олегъ, чтобы уступить въ чемъ либо... Онъ выказалъ готовность помириться, но затѣмъ быстро двинулся на Мстислава, когда тотъ распустилъ дружину свою по деревнямъ. Не даромъ современники называли его „Гореславичемъ"—много горя надѣлалъ онъ Русской землѣ! Мстиславъ однако успѣлъ собраться съ силами, встрѣтилъ Олега на берегахъ рѣчки Колокши, впадающей въ Клязьму, и разбилъ его. Преслѣдуя бѣгущаго дядю своего и крестнаго отца, Мстиславъ послалъ сказать ему:

— „Не бѣгай никуда, но пошли къ братьямъ своимъ съ мольбой не лишать тебя Русской земли, и я буду просить за тебя у отца моего!"

На этотъ разъ Олегъ послѣдовалъ совѣту. Какъ ни горевалъ Владиміръ по своемъ убитомъ сынѣ, но все же для блага Русской земли готовъ былъ помириться съ Олегомъ.

Въ 1097 г князья, по мысли Владиміра, съѣхались въ Любечѣ, чтобы уладить спорныя дѣла.

— „Зачѣмъ губимъ мы землю Русскую, ссорясь между собою!? говорили нѣкоторые изъ князей,—а половцы раззоряютъ нашу землю и радуются, что у насъ усобицы. Станемъ отнынѣ жить согласно, станемъ общими силами блюсти Русскую землю; пусть каждый изъ насъ владѣетъ отцовской волостью—(отчиною)".

Владиміръ уступилъ Черниговскую область сыновьямъ Святослава (Олегу, Давиду и Ярославу). Давиду Игоревичу достался Владиміръ Волынскій, а Володарю и Василько Ростиславичамъ, князьямъ-изгоямъ (внукамъ Владиміра Ярославовича), города Перемышль и Теребовль. Такъ порѣшили князья и цѣловали крестъ.

— „Если кто изъ князей, клялись они, возстанетъ на другаго, то противъ него будемъ всѣ мы и честной крестъ".

Благое было намѣреніе у князей, собравшихся на съѣздъ, но мало вышло пользы отъ этого. Не успѣли еще всѣ они разъѣхаться по своимъ областямъ, какъ клятва ихъ жить мирно между собою была нарушена. Совершилось злодѣйство, неслыханное до тѣхъ поръ на Руси!..

Ослѣпленіе Василька.

Давидъ Игоревичъ, который и раньше злобился на Василька за то, что тому досталась лучшая часть Волынской области, сталъ наговаривать Святополку на Василька, будто онъ съ Владиміромъ тайно согласился захватить волости Кіевскую и Волынскую и подѣлить ихъ между собою.

ударить въ глазъ, но не попалъ и порѣзалъ Василько лицо; затѣмъ ударилъ ножемъ въ глазъ и выхватилъ его, потомъ другой. Василько лежалъ, какъ мертвый. Его положили на повозку и повезли во Владиміръ. Въ городкѣ Вздвиженьѣ сняли съ него окровавленную рубашку и дали вымыть попадьѣ. Она вымыла, надѣла на него и стала плакать по немъ, какъ по мертвомъ.

Онъ очнулся, услышавъ плачъ, и спросилъ: — „Гдѣ я?“

— „Въ городѣ Вздвиженьѣ“., отвѣчали ему.

Попросилъ онъ воды испить, пришелъ въ себя, ощупалъ свою рубаху и сказалъ:

— „Зачѣмъ это вы надѣли на меня другую? Пусть бы я умеръ въ той окровавленной сорочкѣ и предсталъ въ ней предъ Богомъ“.

На шестой день пріѣхали во Владиміръ. Прибылъ сюда и Давидъ; приставилъ онъ тридцать человѣкъ стеречь Василька,—радовался, словно звѣря затравилъ.

Въ ужасъ пришли русскіе князья, когда узнали о злодѣйствѣ. Владиміръ заплакалъ...

— „Не бывало еще такого зла въ Русской землѣ ни при отцахъ нашихъ, ни при дѣдахъ“! воскликнулъ онъ.

Возмущены были и Святославичи (Давидъ и Олегъ) этимъ звѣрствомъ и вѣроломствомъ. Всѣ эти князья послали къ Святополку потребовать отвѣта отъ него.

— „Чего ради ты совершилъ это зло Русской землѣ?—спрашивали они у него,—зачѣмъ ты бросилъ среди насъ ножъ (т. е. завелъ новую распрю)? Зачѣмъ ослѣпилъ своего брата? Если на немъ была какая вина, то почему ты не обличилъ его предъ нами? Объясни теперь намъ, какая его вина?“

Святополкъ отвѣчалъ:

— „Давидъ сказалъ мнѣ, что Василько хочетъ и меня погубить и землями моими завладѣть; что онъ и Владиміръ порѣшили овладѣть Кіевскою областью и Волынскою; а свою жизнь я воленъ защищать, и не я ослѣпилъ Василька, а Давидъ, онъ и увелъ его къ себѣ“.

На это сказали Святополку послы;

— „Не ссылайся на Давида, что онъ ослѣпилъ; не въ Давидовомъ городѣ Василько взятъ и ослѣпленъ, но въ твоемъ“.

Князья хотѣли переправиться чрезъ Днѣпръ и напасть на Святополка, а онъ собирался уже бѣжать изъ Кіева; но кіевляне не допустили этого. Они послали вдову Всеволода, мачиху Владиміра, жившую въ Кіевѣ, и митрополита Николая, къ Владиміру.

— „Умоляемъ, князь, тебя и братьевъ твоихъ,—сказали они, не губите Русской земли. Когда начнется война между вами, порадуются поганые враги наши (половцы и др.) и захватятъ землю русскую, которую пріобрѣли съ великимъ трудомъ отцы наши и дѣды, а вы хотите погубить ее!“

Когда эти слова услышалъ Владиміръ, то прослезился и сказалъ:

—„По истинѣ, отцы наши и дѣды берегли землю русскую, а мы хотимъ погубить ее“!

Послушалъ Владиміръ митрополита и княгиню, которую чтилъ, какъ мать:

Начались переговоры. Порѣшили на томъ, что идти на Давида Игоревича, захватить его въ плѣнъ или выгнать изъ его области долженъ самъ Святополкъ. Онъ клялся, цѣловалъ крестъ, что исполнитъ это. Провѣдалъ Давидъ о бѣдѣ, какая грозитъ ему, не зналъ, какъ ему быть, попробовалъ даже помириться съ Василькомъ и послалъ къ нему просить, чтобы онъ не допустилъ новой усобицы, при чемъ складывалъ всю вину на Святополка. Василько выслушалъ предложеніе и сказалъ посланцу:

— „Слышалъ я, что Давидъ намѣренъ отдать меня въ руки ляхамъ; видно, онъ еще не насытился моею кровью. Я мстилъ ляхамъ за отечество и сдѣлалъ имъ много зла. Не боюсь я смерти. Открою тебѣ всю мою душу. Богъ наказалъ меня за мою гордость. Надѣялся я на помощь торковъ, берендѣевъ и половцевъ, и думалъ въ гордости своей: теперь скажу брату Володарю и Давиду: дайте мнѣ только свою младшую дружину; а сами пейте и веселитесь. Зимою выступлю въ походъ, лѣтомъ завоюю Польшу. Земля у насъ скудна жителями; пойду на дунайскихъ болгаровъ и плѣнниками заселю пустыни. А тамъ буду проситься у Святополка и Владиміра на общихъ враговъ земли русской, на половцевъ: добуду славы или сложу голову за родную землю. Въ душѣ моей не было иной мысли. Клянусь Богомъ, не хотѣлъ сдѣлать я ни малѣйшаго зла ни Святополку, ни Давиду, ни другимъ братьямъ“.

Новыя усобицы.

Давидъ, не смотря на опасность, которая грозила ему, все еще думалъ овладѣть удѣломъ Василька, и началъ усобицу съ его братомъ Володаремъ. Не посмѣлъ Давидъ сразиться въ полѣ съ нимъ, заперся въ городѣ Бужскѣ; осадилъ его тутъ Володарь и послалъ ему сказать:

— „Совершилъ ты зло и не каешься въ этомъ. Вспомни, сколько бѣды ты сотворилъ“.

Давидъ сталъ оправдываться:

— „Развѣ я это сдѣлалъ, отвѣчалъ онъ, въ моемъ-ли городѣ я совершилъ это? Я боялся самъ, чтобы меня не взяли и не сдѣлали со мною того-же. Неволя заставила меня дѣйствовать сообща съ великимъ княземъ“.

— „Богъ вѣдаетъ, кто виноватъ, отвѣчалъ Володарь, а теперь отпусти брата моего, и я помирюсь съ тобою“.

Давидъ отпустилъ Василька. Но только что наступила весна, Володарь и Василько напали на Давида: они хотѣли жестоко отомстить ему. Сожгли они до тла городъ его Всеволожь, безчеловѣчно умертвили жителей. Осадили Владиміръ, гдѣ заперся Давидъ, и потребовали, чтобы владимірцы выдали главныхъ его совѣтниковъ, которые содѣйствовали злодѣянію. Собрались жители города на вѣче и потребовали отъ князя, чтобы онъ выдалъ виновныхъ.

— „Выдай этихъ людей, говорили они, за тебя биться можемъ, но за нихъ не хотимъ. Если не выдашь ихъ, то мы отворимъ городскія ворота, а ты самъ промышляй о себѣ, какъ хочешь!“

Давидъ принужденъ былъ выдать требуемыхъ лицъ. Ихъ повѣсили, а затѣмъ разстрѣляли стрѣлами.

Послѣ этого Ростиславичи (Володарь и Василько) удалились; но Давидъ не избѣжалъ бѣды. Великій князь шелъ на него и овладѣлъ его областью. Онъ бѣжалъ въ Польшу.

Святополкъ скоро опозорилъ себя новымъ вѣроломствомъ. Вступая въ Волынскую область, онъ торжественно клялся Ростиславичамъ, что ихъ владѣній не тронетъ, а смиритъ только ихъ общаго врага Давида; но, побѣдивъ его, вздумалъ захватить Перемышль и Теребовль, не смотря на свою клятву. Ростиславичи выступили противъ него, чтобы отстоять свои области. Слѣпой Василько явился на мѣстѣ боя. Когда сошлись оба войска, онъ взялъ въ руки крестъ, поднялъ его и громко закричалъ Святополку:

— „Вотъ крестъ, на которомъ ты клялся! Отнялъ ты у меня зрѣніе, а теперь хочешь и жизнь отъ меня отнять. Пусть этотъ крестъ разсудитъ насъ!“

Началась битва. Съ той и съ другой стороны бились отчаянно; множество людей пало. Володарь и Василько, одержавъ побѣду, остановились на границѣ своихъ владѣній и дальше не шли.

— „Довлѣетъ (довольно) намъ стать на межѣ своей“, сказали они.

Святополкъ послалъ звать на помощь венгровъ. Между тѣмъ явился снова Давидъ, помирился съ Ростиславичами, а самъ отправился въ землю половцевъ, чтобы съ ихъ помощью вернуть свое владѣніе. Венгры потерпѣли пораженіе. Междоусобія продолжались. Вѣроломство, жестокость, малодушіе и властолюбіе Святополка и Давида возмущали Владиміра Мономаха и другихъ лучшихъ князей. Рѣшили они снова съѣхаться на съѣздъ, чтобы сообща прекратить возмутительныя распри... Собрались они въ августѣ 1100 года въ городѣ Витичевѣ. Святополкъ, Мономахъ и Святославичи, заключили между собою союзъ и звали на съѣздъ Давида; онъ не посмѣлъ ослушаться и пріѣхалъ.

— „Чего отъ меня хотите? Я здѣсь. Кто недоволенъ мной?“ — спросилъ онъ.

— „Ты самъ раньше говорилъ, отвѣчалъ ему Владиміръ, хочу братья, придти къ вамъ и пожаловаться на свои обиды. Вотъ теперь сидишь ты съ нами на одномъ коврѣ. Чего-же ты не жалуешься? на кого изъ насъ есть у тебя жалоба?“

Давидъ молчалъ. Князья встали и сѣли на коней. Отъѣхавъ въ сторону, каждый совѣтовался съ дружиной своей. Давидъ сидѣлъ одинъ. Наконецъ, они согласились между собою и послали своихъ мужей объявить ему свое рѣшеніе. Посланные торжественно заявили:

— „Вотъ что говорятъ тебѣ твои братья. не хотимъ тебѣ дать Владимірской области за то, что ты между насъ бросилъ ножъ; другаго зла мы тебѣ не причинимъ. Даемъ тебѣ городъ Бужскъ и Острогъ; Святополкъ даетъ тебѣ Дубно и Черторижскъ. Сверхъ того Мономахъ даетъ тебѣ 200 гривенъ, Олегъ и Давидъ Святославичи даютъ столько же“.

Послали князья своихъ пословъ и къ Володарю Ростиславичу сказать ему:

— „Возьми къ себѣ брата своего Василька и будетъ вамъ одна область Перемышль, или пусти его къ намъ,—мы будемъ содержать его, а плѣнныхъ, захваченныхъ вами, отпустите“.

Но Ростиславичи и не думали повиноваться этому несправедливому рѣшенію; Василько остался княжить въ своемъ Теребовлѣ.

Борьба съ половцами.

Раздѣленіе земли на удѣлы ослабило Русскую землю. Власть князей не имѣла уже той силы, какъ при Ярославѣ. Народъ, видя постоянныя ссоры князей, не чтилъ ихъ, какъ слѣдуетъ. Особенно недружелюбно смотрѣлъ онъ на тѣхъ князей, которые болѣе другихъ производили смуты. Новгородцы даже не хотѣли пустить къ себѣ на княженіе Святополкова сына. Радовались этимъ смутамъ только враги Русской земли—половцы.

Весною, какъ только показывалась трава въ степяхъ, русскіе такъ ужь и ждали со страхомъ хищныхъ гостей. Невыносимо тяжело становилось жить населенію близъ степи. Оборонять безконечно-длинную, вовсе незащищенную природой границу, да еще при малочисленномъ и разбросанномъ населеніи, было невозможно. Оставалось русскимъ одно—попытаться идти въ степи, разгромить орды хищниковъ, чтобы хотя на время обезопасить свою землю отъ гибельныхъ налетовъ этой степной саранчи. Приходилось князьямъ отъ оборонительной войны съ половцами перейти къ наступательной.

На другой годъ послѣ Витичевскаго съѣзда Владиміръ задумалъ побудить Святополка къ войнѣ съ половцами общими силами. Великій князь совѣтовался объ этомъ со своею дружиною, но та отвѣчала:

— „Не годится идти въ походъ весною: только лошадей и поселянъ отъ полевыхъ работъ отнимать"!

Съѣхались Владиміръ и Святополкъ близъ Кіева, у Долобскаго озера, на лѣвомъ берегу Днѣпра, (1103 г.) и сѣли въ одномъ шатрѣ, Святополкъ со своею дружиною, а Владиміръ со своею, и долго молчали. Владиміръ, наконецъ, сказалъ Святополку:

— „Братъ, ты старшій, говори, какъ-бы намъ промыслить о Русской землѣ".

— „Лучше ты начни говорить" возразилъ Святополкъ.

— „Что-же мнѣ говорить? сказалъ Владиміръ, противъ меня будутъ и твоя дружина, и моя,—скажутъ, что хочу погубить поселянъ, оторвать ихъ отъ работы. Дивлюсь я только тому, что и поселянъ жалѣете, и лошадей ихъ, а того и не подумаете, что весною станетъ крестьянинъ пахать съ лошадью,—придетъ Половчинъ, застрѣлитъ мужика, а лошадь его и жену, и дѣтей возьметъ себѣ и гумно сожжетъ".

Вся дружина согласилась съ Владиміромъ и Святополкъ заявилъ:

— „Готовъ и я идти съ тобою противъ половцевъ".

— „Великое добро, братъ, сдѣлаешь ты Русской землѣ"! сказалъ Владиміръ.

Они послали звать въ походъ и другихъ князей. Многіе пришли съ пѣхотою и конницею. Пѣшіе плыли въ лодкахъ по Днѣпру; конница шла по берегу. Русскіе послѣ жестокаго, кроваваго боя разбили половцевъ, 20 хановъ

перебили, взяли много скота, овецъ, лошадей, верблюдовъ, кибитки со всякой рухлядью и множество рабовъ.

Еще значительнѣе была война съ половцами въ 1111 году. Владиміръ М. снова уговорилъ всѣхъ князей общими силами ударить на половцевъ, которые не давали покоя русскимъ. Былъ великій постъ. Народъ молился въ церквахъ, а воины собирались въ походъ. Выступили 26 февраля. На берегахъ рѣки Ворсклы всѣ торжественно цѣловали крестъ, готовясь умереть. Наконецъ, подошли къ Дону. Здѣсь всѣ воины надѣли на себя свои брони (оружіе обыкновенно возили за пѣшими воинами на повозкахъ) и двинулись къ югу.

Со временъ Святослава русскіе не заходили еще такъ далеко въ степи,

Русскій конный воинъ XI—XII ст.

какъ на этотъ разъ. Передъ ратниками Владиміра шли по его приказанію священники и одушевляли воиновъ церковнымъ пѣніемъ. 24 марта русскіе разбили половцевъ и праздновали вмѣстѣ съ побѣдою день Благовѣщенія. Черезъ два дня послѣ этого половцы окружили русскихъ со всѣхъ сторонъ на берегахъ рѣки Сала. Битва была отчаянная и кровопролитная. Владиміръ своимъ примѣромъ воодушевлялъ воиновъ. Искуснымъ и быстрымъ движеніемъ своихъ полковъ онъ сломилъ непріятелей. Съ множествомъ плѣнныхъ и большой добычею вернулись русскіе изъ этого похода. Слава о немъ разнеслась по всей Руси и по другимъ странамъ.

Долго послѣ этого пораженія половцы не тревожили Русской земли.

Владиміръ Мономахъ.

Чрезъ два года послѣ этого похода (1113 г.) умеръ Святополкъ. Собрались кіевляне на вѣче, порѣшили выбрать своимъ княземъ Владиміра Мономаха и послали звать его. Владиміръ медлилъ; быть можетъ, и на этотъ разъ не хотѣлъ онъ нарушать старшинства и сѣсть на великокняжескій столъ помимо Святославичей, старшихъ двоюродныхъ братьевъ своихъ. Въ Кіевѣ начались безпорядки: разграбили дворъ Путяты, любимца покойнаго князя, стали грабить жидовъ, озлобившихъ народъ своимъ лихоимствомъ. Послали снова кіевляне просить Владиміра:

„Иди, князь, въ Кіевъ, а не то разграбятъ и княгиню Святополкову, и бояръ, и монастыри".

Владиміръ тогда прибылъ въ Кіевъ. Народъ встрѣтилъ своего любимца съ восторгомъ. Мятежъ утихъ. Святославичи не посмѣли противиться общему желанію; Владиміра давно уже знала и любила вся русская земля: трудно было оспаривать у него великокняжескій столъ.

Владиміръ былъ человѣкъ необыкновенно дѣятельный. Безпрестанно онъ ходилъ въ походы, во все вникалъ, входилъ самъ во всѣ дѣла и княжескія, и церковныя, и домашнія, любилъ читать книги и бесѣдовать съ духовными лицами. Былъ онъ притомъ и смѣлымъ охотникомъ: нерѣдко съ нѣсколькими удальцами дружинниками на лихихъ коняхъ онъ рыскалъ по степямъ, лавливалъ самъ по нѣскольку дикихъ степныхъ коней въ день; заходилъ и въ дремучіе лѣса, не разъ случалось ему перевѣдаться съ хищнымъ звѣремъ. Охоты въ тѣ времена были совсѣмъ не то, что теперь. Тогда приходилось близко подпускать къ себѣ звѣря: дикаго кабана, зубра, медвѣдя стрѣлою не убить,— надо было дѣйствовать больше копьемъ да рогатиною. Уже въ ту пору любили тѣшиться и птичьими соколиными или ястребиными охотами.

Вступилъ онъ на великокняжескій столъ уже шестидесяти лѣтъ, но былъ еще бодръ и духомъ, и тѣломъ. Половцы не смѣли при немъ тревожить Русскую землю. Княжескія усобицы притихли. Правдивый и набожный, добродушный и вмѣстѣ съ тѣмъ воинственный, онъ высоко стоялъ въ глазахъ всѣхъ своихъ современниковъ, привыкшихъ видѣть всюду вѣроломство, насиліе и злобу. Удѣльные князья уважали Владиміра и вмѣстѣ съ тѣмъ боялись его,— былъ онъ милостивъ, но бывалъ и строгъ. Когда какой нибудь князь начиналъ смуту, онъ старался всячески уговорить его, умиротворить, уладить дѣло мирнымъ путемъ. Если же безпокойный князь упорствовалъ, то Владиміръ строго наказывалъ его, даже отнималъ у него удѣлъ. Княженіе Владиміра Мономаха было самою счастливою порою въ удѣльное время. Казалось, исполнилось завѣтное желаніе Ярослава Мудраго, чтобы великій князь замѣнялъ для младшихъ удѣльныхъ князей любящаго и вмѣстѣ съ тѣмъ строгаго отца. Былъ Владиміръ правосуденъ, не давалъ слабыхъ въ обиду сильнымъ, самъ на своемъ княжемъ дворѣ творилъ судъ. Русскую Правду дополнилъ, постановилъ, чтобы заимодавцы не брали большихъ рѣзовъ, т. е. лихвы (процентовъ) съ должниковъ. Любилъ и чтилъ онъ духовенство: глубоко проникнутъ [illegible] [illegible]кимъ ученіемъ.

Лучше всего мысли и чувства Владиміра видны изъ того поученія, которое написалъ онъ своимъ дѣтямъ.

Поученіе Владиміра Мономаха.

„Дѣти мои или кто иной, прочитавъ эту грамотку, не посмѣйтесь, но примите ее въ сердце свое. Прежде всего, ради Бога и души своей страхъ Божій имѣйте въ сердцѣ своемъ и милостыню давайте нескудную. Это—начало всякому добру.—Встрѣтили разъ меня на Волгѣ послы братьевъ моихъ и передали мнѣ ихъ слова: „Соединись съ нами, выгонимъ Ростиславичей (Володаря и Василько) и волость ихъ отнимемъ. Если не пойдешь съ нами, то мы порвемъ союзъ съ тобою". И сказалъ я имъ: „Хоть вы и гнѣваться станете, не могу идти съ вами и нарушить клятву". Отпустивъ пословъ, взялъ я въ печали псалтырь, раскрылъ ее и вотъ какое мѣсто попалось мнѣ: „Вскую печалуеши, душе, вскую смущаеши мя? и проч. (т. е. чего печалишься, душа, чего смущаешься)? Не ревнуй лукавствующимъ, не завидуй творящимъ беззаконье, лукавые погибнутъ, повинующіеся Господу, тѣ получатъ власть надъ землею..." По истинѣ, дѣти мои, подумайте, какъ человѣколюбивъ Богъ и милостивъ. Мы, люди грѣшные и смертные, если намъ кто зло сотворитъ, хотимъ уничтожить врага нашего и кровь его пролить, а Господь нашъ, въ рукахъ котораго и жизнь, и смерть людей, терпитъ грѣхи наши „выше главы нашей" (выше всякой мѣры). Онъ, какъ отецъ, который, любя свое дитя, хоть и наказываетъ, но затѣмъ и ласкаетъ.—Тремя добрыми дѣлами можно отъ грѣха избавиться и царствія Божія не лишиться: покаяньемъ, слезами и милостынею. Не тяжкая эта заповѣдь, дѣти мои. Бога ради, не лѣнитесь; молю васъ, не забывайте этихъ трехъ дѣлъ. Ни одиночество (отшельничество), ни монашество, ни голодъ (пость), чему подвергаютъ себя нѣкоторые благочестивые люди, не такъ важны, какъ эти три дѣла... Послушайте меня, дѣти мои. Если не все наставленіе мое примите, то примите хоть половину. Пусть Богъ смягчитъ ваше сердце; проливайте слезы о грѣхахъ вашихъ, говоря: „Какъ разбойника и мытаря помиловалъ ты, Господи, такъ и насъ грѣшныхъ помилуй". И въ церкви это дѣлайте, и спать ложася. Когда на конѣ ѣдете, говорите мысленно: „Господи помилуй". Эта молитва всѣхъ лучше.

Всего же болѣе убогихъ не забывайте, но по мѣрѣ силъ кормите ихъ. Сироту и вдову сами на судѣ по правдѣ судите; не дайте ихъ сильнымъ въ обиду.

Ни праваго, ни виноватаго не убивайте, и не позволяйте убивать, хотя бы и заслуживалъ смерти; не губите никакой христіанской души.

Когда рѣчь ведете о чемъ, не клянитеся Богомъ, не креститесь; нѣтъ въ этомъ никакой нужды. Если же придется вамъ крестъ цѣловать (давать клятву), то подумайте сначала хорошенько, можете ли сдержать клятву; а поклявшись, держитесь клятвы, чтобы, нарушивъ ее, не погубить своей души.

Епископовъ, поповъ и игуменовъ почитайте, принимайте отъ нихъ благословеніе. Любите ихъ и по мѣрѣ силъ заботьтесь о нихъ, чтобы они молились за васъ.

Болѣе всего не имѣйте гордости ни въ сердцѣ вашемъ, ни въ умѣ: мы

всѣ смертны,—сегодня живы, а завтра въ гробу. Все, что далъ намъ Богъ, не наше, а поручено намъ на короткое время. Въ землю сокровищъ не зарывайте: то великій грѣхъ. Старика почитайте, какъ отца, молодыхъ какъ братьевъ.

Въ дому своемъ не лѣнитесь, но за всѣмъ присматривайте сами; не полагайтесь на тіуна вашего и отрока, чтобы приходящіе къ вамъ не посмѣялись надъ домомъ вашимъ и надъ обѣдомъ. На войнѣ не лѣнитесь, не надѣйтесь на воеводъ вашихъ, не предавайтесь ни питью, ни ѣдѣ, ни спанью. Сами стражу разставляйте. Устроивъ все, ложитесь спать около воиновъ, а вставайте рано. Оружія съ себя не снимайте, не разглядѣвъ, есть ли опасность, или нѣтъ: отъ безпечности человѣкъ можетъ внезапно погибнуть.

Когда проѣзжаете по своимъ землямъ, не давайте слугамъ безчинствовать и причинять вредъ ни своимъ, ни чужимъ, ни въ селахъ, ни на нивахъ, чтобы не проклинали васъ. Куда пріѣдете, гдѣ остановитесь, напойте, накормите бѣднаго. Болѣе всего чтите гостя, откуда ни пришелъ бы онъ, простой ли человѣкъ, или знатный, или посолъ. Если не можете почтить подаркомъ, то угостите кушаньемъ и питьемъ. Гости эти мимоходомъ по всѣмъ странамъ разнесутъ молву о человѣкѣ, какъ о добромъ или какъ о зломъ.

Больнаго посѣтите; покойниковъ провожайте и не минуйте никого безъ привѣта, скажите всякому доброе слово. Жену свою любите, но не давайте ей власти надъ собою.

Что знаете полезнаго, не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь. Мой отецъ, дома сидя, зналъ пять языковъ. За это большая честь отъ другихъ земель. Лѣность всему худому мать: что знаешь, то забудешь; чего не знаешь, тому не выучишься. Творите добро, не лѣнитесь ни на что хорошее.

Прежде всего идите въ церковь. Пусть не застанетъ васъ солнце на постели. Такъ дѣлалъ мой отецъ блаженный и всѣ лучшіе люди. Сотворивъ утреннюю молитву и воздавъ Богу хвалу, слѣдуетъ съ дружиною думать о дѣлахъ или творить судъ людямъ, или ѣхать на охоту (если нѣтъ никакихъ важныхъ дѣлъ), а потомъ лечь спать. Въ полдень самимъ Богомъ присуждено спать и человѣку, и звѣрю, и птицѣ.

А вотъ повѣдаю вамъ, дѣти мои, о своихъ трудахъ и ловахъ. (Здѣсь Владиміръ подробно перечисляетъ свои походы). Всѣхъ моихъ походовъ было, говорится далѣе въ поученіи, 83 большихъ, а прочихъ меньшихъ и не вспомню. Девятнадцать разъ заключалъ я миръ съ половцами при отцѣ и послѣ смерти его. Болѣе ста вождей ихъ выпустилъ изъ оковъ (изъ плѣна). Избито ихъ въ разное время около двухсотъ. А вотъ какъ трудился я на охотахъ и ловахъ: коней дикихъ по 10, по 20, вязалъ я своими руками; два тура (дикіе быки) метали меня на рогахъ съ конемъ вмѣстѣ; олень меня бодалъ; два лося—одинъ ногами топталъ, другой рогами бодалъ; вепрь оторвалъ у меня мечъ съ боку: медвѣдь у колѣна прокусилъ подсѣдельный войлокъ; лютый звѣрь вскочилъ ко мнѣ на колѣни и повалилъ коня со мною; а Богъ сохранилъ меня цѣлымъ и невредимымъ; съ коня много разъ я падалъ, голову разбивалъ два раза, и руки, и ноги вредилъ себѣ въ юности моей, жизни своей не жалѣлъ, головы своей не щадилъ. Что можно было дѣлать и отроку моему, то самъ я дѣлалъ—

на войнѣ и на ловахъ, ночью и днемъ, въ лѣтній зной и въ зимнюю стужу. Не давалъ я себѣ покою, не полагался ни на посадниковъ, ни на биричей,— самъ все дѣлалъ, что надо; самъ смотрѣлъ за порядкомъ въ домѣ, охотничье дѣло самъ правилъ, о конюшняхъ, о соколахъ и ястребахъ самъ заботился. Простаго человѣка, убогой вдовицы не давалъ въ обиду сильнымъ; за церковнымъ порядкомъ и службой самъ присматривалъ.

Не осудите меня, дѣти мои, или иной, кто прочтетъ эти слова. Не себя я хвалю, а хвалю Бога и прославляю милость Его за то, что Онъ меня, грѣшнаго и худого, сохранялъ отъ смерти столько лѣтъ и сотворилъ меня нелѣнивымъ и способнымъ на всѣ человѣческія дѣла.

Прочитавъ эту грамотку, постарайтесь творить всякія добрыя дѣла. Смерти, дѣти мои, не бойтесь ни отъ войны, ни отъ звѣря, но творите свое дѣло, какъ дастъ вамъ Богъ. Не будетъ вамъ, какъ и мнѣ, вреда ни отъ войны, ни отъ звѣря, ни отъ воды, ни отъ коня, если не будетъ на то воли Божіей, а если отъ Бога смерть, то ни отецъ, ни мать, ни братья, не могутъ спасти. Божья охрана лучше человѣческой...

Изъ поученія этого ясно видно, какъ глубоко понималъ Владиміръ Мономахъ ученіе Христово, какъ заботился онъ о правомъ судѣ и защитѣ слабыхъ, какъ высоко понималъ обязанности князя.

Насколько Владиміръ Мономахъ былъ проникнутъ христіанскимъ чувствомъ, это хорошо видно также изъ его письма къ двоюродному брату Олегу Святославичу, который, напавъ на Муромъ, былъ, какъ извѣстно, причиною смерти сына Владиміра. Подавляя въ своей душѣ горькое чувство, Владиміръ пишетъ:

„О многострастный и печальный я! много боролся я съ моимъ сердцемъ, помышляя, какъ стать предъ страшнымъ Судьею безъ покаянья и примиренья. Сказать: Бога люблю, а брата своего не люблю, будетъ ложь. „Аще не отпустите прегрѣшеній брату, ни вамъ отпуститъ Отецъ вашъ небесный“... Что можетъ быть лучше и прекраснѣе, какъ жить дружно; но дьяволъ не хочетъ добра роду человѣческому и ссорить насъ. Написалъ я тебѣ это письмо, потому что побудилъ меня сынъ мой (Мстиславъ), крестникъ твой; прислалъ онъ мнѣ грамотку, гдѣ говоритъ: уладимся и примиримся, а брату моему судъ Божій (смерть) пришелъ, а мы не будемъ местниками (мстителями), но возложимъ это на Бога... Они станутъ предъ Богомъ, а мы Русской земли не погубимъ. И я, видя смиреніе сына моего, умилился душею, устрашился Бога и сказалъ: сынъ мой въ юности своей и неопытности такъ смиряется и все на Бога возлагаетъ а я—человѣкъ (зрѣлыхъ лѣтъ) грѣшенъ больше другихъ. И послушалъ я сына и написалъ тебѣ грамоту, примешь ли ее съ добромъ или съ поруганіемъ... Что мы грѣшные люди! Нынѣ живы, а завтра мертвы; сегодня въ славѣ и въ почетѣ а завтра въ гробу, и другіе раздѣлятъ собранное нами имѣніе.—Вспомни, братъ, о нашихъ отцахъ. Что они взяли съ собою? Только то, что сотворено ихъ душами“. Далѣе Владиміръ укоряетъ Олега, что онъ даже и утѣшительной грамотки не прислалъ по смерти сына и проситъ послать къ нему сноху... „Я не желаю зла братіи, но желаю добра ей и Русской землѣ“! пишетъ Владиміръ

въ заключеніе,—„Если кто изъ васъ не хочетъ добра и мира христіанамъ,—не узрѣть ему отъ Бога мира для души своей въ будущей жизни".

Вспомнимъ, какъ хлопоталъ онъ о прекращеніи усобицъ, о примиреніи враждующихъ, — вспомнимъ, что по его мысли собирались княжескіе съѣзды (Любецкій, Витичевскій и Долобскій); что онъ постоянно настаивалъ на общемъ союзѣ князей противъ половцевъ,—и мы поймемъ, почему такъ высоко ставили современники этого великаго человѣка.

Онъ, по словамъ лѣтописца, не величался, по заповѣди Божіей творилъ добро врагамъ своимъ, былъ очень милостивъ къ нищимъ и убогимъ, не щадилъ имѣнія своего,—все раздавалъ нуждающимся. Понятно, отчего его такъ любилъ и простой народъ, и духовенство; да и дружина не могла не любить его,—вождя, незнавшаго страха въ бою, отважнаго охотника, князя милостиваго и щедраго, хотя и не дававшаго своимъ приближеннымъ большой воли, не позволявшаго имъ обижать народъ. Благочестіемъ онъ отличался такимъ, что, стоя въ церкви и слушая церковное пѣніе, не могъ удерживаться отъ слезъ. Только къ половцамъ, заклятымъ врагамъ Русской земли, онъ былъ суровъ, а иногда и безпощаденъ. (Въ одномъ случаѣ онъ даже позволилъ своимъ боярамъ вѣроломно убить двухъ половецкихъ пословъ).

Умеръ Мономахъ на 74-мъ году отъ роду (1125 г.).

Тѣло его было привезено въ Кіевъ. Сыновья и бояре понесли его къ св. Софіи; тутъ его и погребли рядомъ съ отцемъ его. Народъ плакалъ по немъ, какъ дѣти плачутъ по отцѣ или матери.

Потрудился онъ для Русской земли. „Слава о его доблести сіяла какъ солнце и прошла по всѣмъ странамъ". По мѣткимъ словамъ лѣтописца, Владиміръ былъ „братолюбецъ и нищелюбецъ, и добрый страдалецъ за землю Русскую".

При жизни его было воздвигнуто не мало новыхъ красивыхъ церквей. Онѣ украшались иконами греческаго письма. Книжное искусство тоже все больше и больше распространялось. Кіевъ въ началѣ XII-говѣка украсился богатыми постройками. Еще при Святополкѣ Изяславичѣ былъ сооруженъ въ Кіевѣ Михайловскій Златоверхій монастырь; стѣны его до сихъ поръ сохранились. Близъ Кіева построенъ Выдубицкій монастырь на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ загородный дворъ Всеволода. Незадолго до смерти, Владиміръ соорудилъ прекрасную церковь на рѣкѣ Альтѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ убитъ былъ Борисъ.

Владиміръ Мономахъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ со многими европейскими государями. Съ нѣкоторыми изъ нихъ и породнился. Самъ онъ былъ, какъ сказано, сынъ греческой царевны. Первой супругой его была Гида, дочь англійскаго короля Гарольда. Старшій сынъ Владиміра—Мстиславъ былъ женатъ на Христинѣ, дочери шведскаго короля. Одна дочь Владиміра была за мужемъ за угорскимъ (венгерскимъ) королемъ, другая за греческимъ царевичемъ.

Дорогую по себѣ память оставилъ Владиміръ Мономахъ въ народѣ, который свою любовь къ нему перенесъ и на потомство его. Князья Мономахова рода долго пользовались особенной любовью народа.

Цари московскіе впослѣдствіи великою честью для себя считали назы-

ваться его потомками. Въ Московской Оружейной палатѣ хранятся такъ называемая Мономахова золотая шапка и еще нѣкоторыя принадлежности торжественнаго царскаго убора (скипетръ, держава и бармы). По преданію, они были присланы греческимъ императоромъ въ даръ Владиміру Мономаху. Впослѣдствіи московскіе цари, въ день торжественнаго вѣнчанія на царство, стали возлагать на себя эту шапку и бармы.

Усобицы при сыновьяхъ и внукахъ Владиміра Мономаха.

Не долго продержались на Руси миръ и тишина по смерти Владиміра. Старшій сынъ его Мстиславъ княжилъ всего семь лѣтъ. Онъ походилъ и умомъ, и нравомъ на своего отца. Жестоко наказалъ половцевъ, которые обрадовались смерти Мономаха и напали на Русскую землю. Въ рукахъ держалъ Мстиславъ и удѣльныхъ князей. Большею частью это были или братья его, или племянники. Владиміръ Мономахъ съумѣлъ мало-по-малу забрать въ свои руки чуть не всю Русскую землю и раздать ее въ удѣлы своимъ сыновьямъ и внукамъ, а Мстиславъ овладѣлъ Полоцкимъ княжествомъ и отдалъ его своему сыну Изяславу. Такимъ образомъ, въ руки дѣтей и внуковъ Мономаха попали почти всѣ удѣлы (Кіевскій, Новгородскій, Смоленскій, Суздальскій, Переяславскій, Волынскій и Полоцкій). Только два удѣла не принадлежали роду Мономаха — это Черниговскій и Червенскій (нынѣшняя Галиція).

Умеръ Мстиславъ (1132 г.) и при его братѣ Ярополкѣ настаютъ неурядицы и усобицы въ потомствѣ Мономаха.

Усобицы начались за Переяславль (южный). Утвердился здѣсь Всеволодъ Мстиславичъ, но Юрій Суздальскій, не желавшій уступить племяннику, выгналъ его и самъ занялъ Переяславль. Затѣмъ начались ссоры племянниковъ съ дядями... Пользуясь этими раздорами Мономаховичей, Всеволодъ Ольговичъ Черниговскій, по смерти Ярополка (1139), сѣлъ на престолѣ Кіевскомъ. Но какъ ни ловокъ былъ Всеволодъ, ему нелегко было держаться въ Кіевѣ: не хотѣлъ онъ ссориться съ Мономаховичами, и въ тоже время желалъ надѣлить волостями своихъ родичей. Не разъ при немъ выражалась народомъ особенная любовь къ дѣтямъ и внукамъ Мономаха. Въ Кіевѣ не любили Всеволода и по смерти его (1146) только тогда цѣловали крестъ брату его Игорю, когда тотъ поклялся, что онъ освободитъ Кіевъ отъ ненавистныхъ тіуновъ всеволодовыхъ и будетъ самъ творить судъ.

Но все-таки Кіевляне, не смотря на клятву, скоро призвали къ себѣ Изяслава Мстиславича: — „Ты нашъ князь; ступай скорѣе; Ольговичей не хотимъ!“ Тотъ, не долго думая, явился, разбилъ Игоря и взялъ его въ плѣнъ, а самъ сѣлъ въ Кіевѣ. Мало думалъ Изяславъ о чьихъ-либо правахъ.

— „Не мѣсто идетъ къ головѣ, но голова къ мѣсту“ говаривалъ онъ.

Кіевляне, впрочемъ, сами его желали.

— „Ты намъ князь, сказали они ему, не хотимъ переходить къ Ольговичамъ по наслѣдству!“

Но дядя Изяслава, Юрій Владиміровичъ Суздальскій считалъ себя болѣе племянника въ правѣ владѣть Кіевомъ, и между ними загорается долгая и

упорная борьба. Два раза Юрій изгонялъ отсюда Изяслава; и если онъ продержался около четырехъ лѣтъ (1150—1154), то благодаря только тому, что призвалъ въ Кіевъ другого дядю своего—слабаго Вячеслава и правилъ подъ его именемъ до самой смерти.

Много горестныхъ дней пережила Русская земля за это время. Больше всего бѣдъ и вреда причинили ей Ольговичи, не разъ приводившіе половцевъ себѣ на помощь. Народъ питалъ къ этому княжескому роду сильную вражду, которая, случалось, переходила въ дикую ярость.

Такъ въ 1147 году Изяславъ, узнавъ о враждебныхъ замыслахъ черниговскихъ князей, послалъ въ Кіевъ сказать объ этомъ брату Владиміру, митрополиту и кіевлянамъ. Когда народъ собрался отъ мала до велика на вѣче, посолъ Изяслава сказалъ:

— „Князь вашъ вамъ кланяется и говоритъ: я вамъ преждеобъ являлъ, что задумалъ съ братомъ Ростиславомъ и Давидовичами идти на дядю Юрія, звалъ и васъ въ походъ; но тогда вы сказали, что не можете на Владимірово племя, на Юрія, рукъ поднять, а на Ольговичей однихъ пошли бы и съ дѣтьми; такъ теперь вамъ объявляю: Давидовичи и Всеволодичь Святославъ, которому я много добра сдѣлалъ, цѣловали тайкомъ отъ меня крестъ Святославу Ольговичу, послали и къ Юрію, а меня хотѣли или схватить, или убить за Игоря; но Богъ меня заступилъ и крестъ честной... Такъ теперь, братья, что обѣщали, то и сдѣлайте,—ступайте ко мнѣ къ Чернигову на Ольговичей, собирайтесь всѣ отъ мала до велика: у кого есть конь, тотъ на конѣ, у кого нѣтъ, тотъ въ ладьѣ. Вѣдь, они не меня одного хотѣли убить, но и васъ всѣхъ искоренить“.

Кіевляне на это отвѣчали:

— „Рады, что Богъ сохранилъ тебя намъ отъ большой бѣды; идемъ за тобой и съ дѣтьми“.

Тутъ кто-то въ толпѣ заговорилъ:

— „За княземъ-то своимъ мы пойдемъ съ радостью; но прежде надо вотъ о чемъ подумать, чтобы не случилось того, что при Изяславѣ Ярославичѣ; злые люди выпустили тогда изъ заточенія Всеслава и поставили княземъ себѣ, и много зла было нашему городу; а теперь Игорь, врагъ нашего князя и нашъ, не въ заточеніи, а въ Ѳедоровскомъ монастырѣ. Убьемъ его и пойдемъ въ Черниговъ за своимъ княземъ, покончимъ съ ними“.

Слова эти разожгли народную ярость. Толпа кинулась къ монастырю. Напрасно князь Владиміръ въ ужасѣ старался остановить толпу.

Въ отвѣтъ ему кричали:

— „Мы знаемъ, что добромъ не кончить съ этимъ племенемъ ни вамъ, ни намъ!“ Тщетно и митрополитъ, и тысяцкіе думали удержать народъ отъ дикаго преступленія.

Толпа ворвалась въ монастырскую церковь, гдѣ Игорь стоялъ у обѣдни и потащила его съ криками: „бейте! бейте!“

— „Охъ, братъ, куда это меня ведутъ?“ спросилъ несчастный, увидавъ князя Владиміра.

Тотъ бросился съ коня, покрылъ Игоря своимъ корзномъ, заслонялъ его собою отъ ударовъ и умолялъ кіевлянъ:

—„Братья мои! не дѣлайте этого зла, не убивайте Игоря!“

Всѣ усилія спасти несчастнаго Игоря остались тщетными. Онъ погибъ мученическою смертью, какъ жертва народной ненависти къ Ольговичамъ и любви къ Мономаховичамъ...

Когда до Изяслава дошла вѣсть о гибели Игоря, онъ заплакалъ и сказалъ дружинѣ:

—„Еслибы я зналъ, что это можетъ случиться, то отослалъ бы его подальше, и сберегъ бы его. Теперь мнѣ не уйти отъ людскихъ рѣчей: станутъ говорить, что я велѣлъ убить его; но Богъ свидѣтель, что я не приказывалъ и никого не научалъ“.

Дружина отвѣтила князю:

— „Нечего тебѣ заботиться о людскихъ рѣчахъ: Богъ знаетъ, да и всѣ люди знаютъ, что не ты его убилъ, а братья его; крестъ къ тебѣ цѣловали и потомъ нарушили клятву, хотѣли убить тебя“...

Борьба Юрія Владиміровича Долгорукаго съ племянникомъ Изяславомъ Мстиславичемъ отличалась большимъ упорствомъ. Приводимъ нѣкоторыя любопытныя подробности, описанныя въ лѣтописи.

Изяславъ при помощи венгровъ въ 1151 году во второй разъ вытѣснилъ Юрія Долгорукаго изъ Кіева, призвалъ другого своего дядю добродушнаго и слабаго Вячеслава, призналъ его великимъ княземъ кіевскимъ, а Вячеславъ усыновилъ его, Изяслава. Такимъ образомъ титулъ достался первому, какъ старшему изъ оставшихся въ живыхъ сыновей Владиміра Мономаха, а дѣйствительная власть ловкому и дѣятельному Изяславу. Но Юрій Долгорукій не хотѣлъ признать этой сдѣлки, соединился съ черниговскими князьями, призвалъ на помощь половцевъ, двинулся на Кіевъ и сталъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Изяславъ старался помѣшать переправѣ непріятеля. Схватки начались на рѣкѣ. Изяславъ, по словамъ лѣтописи, „дивно исхитрилъ свои лодки“: видны были только весла, а гребцы были скрыты подъ досчатой плоской кровлей, на которой стояли стрѣлки въ броняхъ и поражали враговъ стрѣлами. Лодки были такъ приспособлены, что могли ходить взадъ и впередъ, не поворачиваясь; на носу и на кормѣ каждой изъ нихъ были кормчіе.—Послѣ долгихъ тщетныхъ попытокъ Юрію однако удалось переправиться вбродъ южнѣе Кіева. Тамъ стоялъ небольшой отрядъ Изяслава подъ начальствомъ воеводы: воины обратились въ бѣгство, потому что съ ними не было никого изъ князей, а бояръ не всѣ охотно слушались. Въ войскѣ и Юрія, и Изяслава были ватаги степныхъ кочевниковъ: (торки, берендѣи, черные клобуки). Всѣ они, хищники, подобные половцамъ, рады были служить, кому угодно, а при случаѣ готовы были пограбить своихъ союзниковъ.

Вячеславъ пытался удержать Юрія отъ кровопролитія и послалъ сказать ему между прочимъ слѣдующее:

— „Изяславъ, добывши Кіевъ, теперь поклонился мнѣ, честь мнѣ воздалъ, въ Кіевѣ меня посадилъ и отцомъ своимъ назвалъ, а я его—сыномъ. Ты говорилъ: младшему не поклонюсь... А я тебя много старше: я уже былъ брадатъ, когда ты родился!“

Но никакіе уговоры на честолюбиваго Юрія не дѣйствовали. Однако послѣ

нѣсколькихъ неудачныхъ схватокъ, онъ отступилъ, чтобы соединиться съ княземъ Галицкимъ Владиміромъ, шедшимъ ему на помощь. Къ Изяславу тоже велъ на помогу полки венгровъ сынъ его Мстиславъ. Но союзники еще не явились ни къ тому, ни къ другому, какъ произошелъ рѣшительный бой на берегахъ рѣки Руты (притокъ Роси). Лишь только затрубили въ трубы, ударили въ бубны, какъ сынъ Юрія, отважный Андрей понесся на конѣ впередъ и прежде всѣхъ ударилъ на враговъ. Скоро копье его было изломано, щитъ оторванъ, шлемъ сбитъ съ головы. Конь его, раненный въ ноздри, сталъ соваться туда и сюда... Изяславъ Мстиславичъ тоже одинъ изъ первыхъ врѣзался въ непріятельскіе полки, изломалъ копье, получилъ рану и свалился съ павшаго коня. Послѣ упорнаго боя рать Изяслава одержала побѣду. Половцы, союзники Юрія, охотники пускать тучи стрѣлъ, не выносили горячихъ схватокъ. Они скоро ударились въ бѣгство, за ними Ольговичи, а тамъ и Юрій съ дѣтьми. Много дружины ихъ было побито, взято въ плѣнъ и потонуло въ Рутѣ.

Когда побѣдители возвращались съ погони на поле битвы, то нѣкоторые изъ нихъ замѣтили, что изъ груды раненыхъ одинъ привставалъ. Толпа пѣшихъ кіевлянъ подбѣжала къ нему и хотѣла его убить.

— „Я—князь!“ проговорилъ раненный.

— „Ну такъ тебя-то намъ и надобно!“ крикнулъ одинъ изъ кіевлянъ и началъ сѣчь его по шлему, на которомъ было золотое изображеніе св. Пантелеймона (таково было христіанское имя Изяслава).

— „Я—Изяславъ, князь вашъ!.. промолвилъ раненный и снялъ шлемъ.

Тогда кіевляне, узнавъ своего любимаго князя, съ восторгомъ подняли его на руки и воскликнули: „Киріе елейсонъ!“ (Господи помилуй!)

Всѣ полки ликовали, когда провѣдали, что князь живъ и одержана полная побѣда...

Послѣ того Кіевъ переходитъ изъ рукъ въ руки (чередовались здѣсь Ростиславъ Мстиславичъ, Изяславъ Давидовичъ, Юрій Владиміровичъ).

Кіевляне совсѣмъ потеряли голову: то одному клянутся въ вѣрности и готовности умереть за него, то принуждены признать княземъ своимъ другого. Наконецъ, за Кіевъ загорается усобица: Андрей Суздальскій, сынъ Юрія, ведетъ борьбу съ племянникомъ своимъ Мстиславомъ Изяславичемъ. Плохо пришлось Кіеву. Большую рать собралъ Андрей. Одиннадцать князей было тутъ съ ихъ дружинами и войсками. Велъ всю эту силу на Кіевъ сынъ Андрея — Мстиславъ. Осадили городъ на второй недѣлѣ великаго поста. Три дня бился Мстиславъ Изяславичъ, три приступа отбиты; но 12-го марта 1169 года Кіевъ палъ.

Никогда еще до тѣхъ поръ Кіевъ, мать русскихъ городовъ, какъ назвалъ его Олегъ, не подвергался такому поруганію. Грабили, жгли его два дня. Пощады не было ни женщинамъ, ни старикамъ, ни дѣтямъ. Въ церкви врывались, срывали ризы съ иконъ, колокола снимали... Мстили суздальцы кіевлянамъ за старую обиду, — за то, что послѣ смерти Юрія они перебили суздальцевъ, пришедшихъ къ нимъ.

Все больше и больше пустѣетъ южная Русь. Тяжело здѣсь жилось мирному, промышленному люду. Не пойдетъ и работа на умъ, когда не знаешь,

будешь-ли цѣлъ завтра: того и гляди, что степная погань нагрянетъ и къ себѣ, въ свои степи погонитъ цѣлыя толпы въ горькую неволю да въ работу тяжкую. А не то, такъ и русскій князь какой-нибудь, враждуя съ другимъ, наѣдетъ съ дружиной своей и воями, нивы потопчетъ, запасы заберетъ, а воины его, набранные изъ всякихъ встрѣчныхъ людей, охочихъ до боевой жизни, а еще больше до грабежа, въ конецъ разворятъ—и лошадь возьмутъ, и скотину со двора сведутъ, да и другихъ пожитковъ не минуютъ. Тутъ для поселянина совсѣмъ плохое житье. Много появилось въ это время на Руси бѣдняковъ. У иного и силы довольно, и сноровка, и умѣнье есть, да безъсохи и безъ лошади земли не вспашешь. Остается одно,—идти въ работники, въ наймиты къ тому, у кого и соха есть, и лошадь лишняя найдется. Чтобъ съ голоду не умереть, шли бѣдняки въ наемники къ богатымъ. Такихъ наемниковъ называли обыкновенно „закупами“. Иногда они даже сами добровольно за деньги какъ бы продавали себя въ неволю или шли въ „кабалу“ къ богатому хозяину на нѣсколько лѣтъ или на всю жизнь; тогда они назывались холопами и должны были, какъ рабы, быть въ полной волѣ своего хозяина. Такіе холопы жили на землѣ своего господина, работали на него, получали за это извѣстную долю сбора съ полей. Дѣти ихъ обыкновенно тоже становились холопами. Рабы прежде были большею частію изъ плѣнныхъ иноземцевъ, а съ XI вѣка на Руси стало отъ бѣдности все больше и больше своихъ людей обращаться въ холопство. Кромѣ безпрестанныхъ усобицъ и нападеній половцевъ, пустѣла Русская земля и отъ другихъ бѣдъ: неурожаевъ, голода, повальныхъ болѣзней...

Народъ съ благодатнаго, хлѣбороднаго юга все больше и больше переходилъ на сѣверъ. Земля здѣсь была хуже, бывали зачастую неурожаи, да жить было покойнѣе: усобицы тутъ бывали рѣже, да и половцы сюда не заходили.

Запустѣли южно-русскія области: Переяславская, Кіевская и Черниговская.—„Пуста земля моя, говоритъ одинъ переяславскій князь, отъ половецкихъ нашествій!“ а другой князь жалуется, что у него въ Черниговской области города обезлюдѣли; что живутъ въ нихъ только псари его да половцы (плѣнные).

Плохо живется мирному люду во время постоянныхъ войнъ да смутъ безконечныхъ; но въ такое время много является и воинственныхъ людей, которые такъ къ войнѣ привыкаютъ, что она для нихъ, словно охота, становится любимымъ дѣломъ, потѣхой молодецкой. Немало было на Руси такихъ князей—удальцовъ, которые только и ждали удобной поры, чтобы развернуться и показать свою удаль. Дружинники, постоянно ходившіе съ князьями своими на войну, тоже были падки до нея: силу и удаль здѣсь могли они показать, да и добычу захватить можно было хорошую. Нетрудно было тогда собрать удалому князю себѣ дружину и шайку воиновъ: дружинники другихъ князей могли, какъ люди свободные, явиться и предложить свои услуги въ случаѣ войны.

Въ XII вѣкѣ по южнымъ окраинамъ Русской земли осталось населеніе, которое привыкло къ войнѣ: оно терпѣло отъ набѣговъ половцевъ, но и само, улучивъ время, готово было мстить врагу тѣмъ же.

Много было удали, силы и молодечества на Руси, да все это тратилось попусту, и князья не могли совладать съ исконнымъ своимъ врагомъ—полов-

нами. Бѣда была въ томъ, что не было единодушія у русскихъ князей, ссорились они между собой, воевали и даже иной разъ сами путь показывали половцамъ въ Русскую землю.

Сказаніе о походѣ Игоря.

Лучше всего можно видѣть, сколько было отваги у князей и какъ напрасно тратилась она иной разъ, изъ древняго сказанія о походѣ въ 1185 году сѣверскаго князя Игоря Святославича и брата его Всеволода. Вотъ это сказаніе. (Слово о полку Игоревѣ).

„Не начать ли намъ, братья, печальное сказаніе о походѣ Игоря. Станемъ сказывать повѣсть свою по былинамъ нашего времени, а не по вымысламъ Бояна (древняго пѣвца). Боянъ вѣщій, когда хотѣлъ кому пѣснь воспѣть, то носился мыслью по лѣсамъ, сѣрымъ волкомъ рыскалъ по полю, сизымъ орломъ парилъ подъ небесами... Въ старыя времена князья на охотѣ пускали своихъ соколовъ на стаю лебедей; чей соколъ прежде настигалъ лебедь, въ честь тому князю первому и пѣснь пѣлась. Боянъ же не десять соколовъ пускалъ на стадо лебедей, а клалъ свои вѣщіе персты на живыя струны, и онѣ сами князьямъ славу рокотали.

Начнемъ же повѣсть свою объ Игорѣ. Наполнилось сердце его ратнымъ духомъ и доблестью; захотѣлось ему повести свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую.

Недоброе знаменіе было ему: солнце затмилось: тьма покрыла воиновъ его. Поморгнулъ князю: доблесть полонила сердце его. „Братья и дружина, говоритъ онъ: лучше изрублену быть, чѣмъ въ плѣнъ попасть!.. сядемъ, братцы, на своихъ борзыхъ коней, посмотримъ на синій Донъ. Хочу копье свое испытать въ полѣ половецкомъ съ вами, русичи, хочу голову свою тамъ сложить или напиться шеломомъ изъ Дону.

Кони ржутъ за рѣкою Сулою. Гремитъ слава въ Кіевѣ. Трубы трубятъ въ Новгородѣ (Сѣверскомъ). Стоятъ знамена въ Путивлѣ. Игорь ждетъ милаго брата Всеволода. И сказалъ Игорю Буй-туръ Всеволодъ (за силу свою и удаль сравнивается онъ съ буйнымъ или ярымъ туромъ):

„Одинъ братъ, одинъ свѣтъ ты, свѣтлый Игорь! Оба мы дѣти Святослава. Сядай, братъ, своихъ быстрыхъ коней, а мои кони уже готовы, осѣдланы, стоятъ у Курска, впереди. Мои куряне — лихіе наѣздники, подъ трубами они пеленаны, подъ шлемами взлелѣяны, концемъ копья вскормлены, дороги имъ вѣдомы, овраги имъ знакомы, луки у нихъ натянуты, колчаны открыты, сабли навострены, скачутъ на коняхъ, словно волки въ полѣ, ищутъ себѣ чести, а князю славы...

Тогда вступилъ Игорь въ свое златое стремя и поѣхалъ по чистому полю. Тьма предъ нимъ солнце затмилось, а теперь, какъ наступила ночь, буря застонала, гроза разбудила птицъ въ лѣсахъ. Звѣри воютъ въ степяхъ; зловѣщая птица (дивъ) кричитъ съ верху дерева.

Неторенными дорогами несутся половцы къ великому Дону. Ведетъ

Игорь къ Дону и своихъ воиновъ. Птицы уже чуютъ добычу; волки по оврагамъ завываютъ; орлы своимъ клектомъ скликаютъ звѣрей на трупы.

Утромъ въ пятницу русскіе смяли поганые полки половецкіе и помчали въ плѣнъ красныхъ дѣвицъ половецкихъ, а съ ними золото, ткани, дорогія парчи. Кожухами и епанчами стали дороги мостить по болотамъ да по топкимъ мѣстамъ. Красное знамя, бѣлая хоругвь, серебряное древко достались храброму Игорю.

Отдыхаетъ въ полѣ храброе гнѣздо (русскихъ воиновъ). Не родилось оно на обиду ни соколу, ни кречету, ни тебѣ черный воронъ, поганый половчинъ. Гзакъ (половецкій ханъ) бѣжитъ сѣрымъ волкомъ, Кончакъ слѣдъ ему прокладываетъ къ широкому Дону.

Кровавой зарею начинается день. Черныя тучи съ моря идутъ. Закроютъ онѣ князей русскихъ. Трепещутъ въ тучахъ синія молніи. Быть грому великому; идти дождю стрѣлами съ Дону широкаго; копьямъ тутъ поизломаться; саблямъ зазубриться о шлемы половецкіе на рѣкѣ на Каялѣ, у Дону широкаго.

О Русь, далеко зашла ты! Вотъ вѣтры, Стрибоговы внуки, вѣютъ стрѣлами съ моря на храбрые полки Игоря! Земля дрожитъ, рѣки мутно текутъ, пыль по полямъ стелется, знамена шумятъ. Идутъ половцы отъ Дона, идутъ отъ моря, со всѣхъ сторонъ окружили они русское войско. Криками своими наполнили они поля. Заградили себя храбрые руссичи багряными щитами. Яръ-туръ Всеволодъ! ты стоишь впереди, прыщешь стрѣлами, гремишь мечами булатными по шлемамъ. Гдѣ проскачетъ Буй-туръ, своимъ золотымъ шлемомъ посвѣчивая, тамъ лежатъ поганыя головы половецкія, раздроблены шлемы аварскіе твоими саблями закаленными, Яръ-туръ Всеволодъ!

Какой раны, побоится тотъ, братцы, кто позабылъ о почестяхъ, о жизни, о золотомъ престолѣ, кто отказался отъ ласки жены своей, прекрасной Глѣбовны?

Были тяжелыя времена, были походы Олега Святославича. Олегъ тотъ мечемъ крамолу ковалъ, стрѣлы по родной землѣ сѣялъ. Много горя причинилъ онъ Всеволоду и Владиміру. Тогда при этомъ Олегѣ Гориславичѣ сѣялись и всходили усобицы, гибла жизнь человѣческая, въ княжьихъ крамолахъ вѣкъ людской сократился. Рѣдко тогда на поляхъ въ Русской землѣ раздавались голоса пахарей; но часто вороны каркали, дѣля между собою трупы убитыхъ. То бывало во времена прежнихъ битвъ, прежнихъ походовъ, а о такой битвѣ, какъ эта, и не слыхано. Съ утра до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, гремятъ сабли о шлемы, трещатъ копья стальныя въ невѣдомомъ полѣ, среди земли Половецкой. Земля была копытами вспахана, костьми засѣяна, кровью полита; горемъ взошелъ посѣвъ этотъ по Русской землѣ...

Строитъ Игорь снова свои полки. Жаль ему милаго брата Всеволода.

Бились день, бились другой, на третій день къ полудню пали знамена Игоря. Тутъ братья разлучились на берегу быстрой Каялы, тутъ кроваваго вина не достало, тутъ пиръ покончили храбрые руссичи, сватовъ попоили, а сами полегли за Русскую землю!

Никнетъ трава отъ жалости, и дерево, словно въ печали, опустило вѣтви къ землѣ. Тяжелая невзгода въ пустынѣ силу похоронила...

Не стало у князей единомыслія на поганыхъ. Говаривалъ братъ брату: „это мое и то мое-же", и стали князья малое считать за великое и сами на себя крамолу ковать, а поганые (половцы) тѣмъ временемъ со всѣхъ сторонъ съ побѣдами приходили на землю Русскую... О далеко залетѣлъ соколъ (Игорь), избивая птицъ, къ морю... Игоревой храброй дружины уже не воскресить! А по Русской землѣ поскакали половцы. Стали плакать жены русскія причитаючи: „Уже намъ своихъ милыхъ мужей ни мыслію примыслить, ни думою придумать, ни глазомъ увидѣть, а золотомъ и серебромъ совсѣмъ ужь не тѣшиться". Застонали, братья, Кіевъ отъ скорби, а Черниговъ отъ напастей. Тоска разлилась, печаль великая потекла по Русской землѣ!... А князья сами другъ на друга крамолу ковали: а поганые на Русскую землю нападали и дань брали по бѣлкѣ съ двора. Храбрые Игорь и Всеволодъ пробудили снова ту вражду, которую усыпилъ было отецъ ихъ, грозный Святославъ. Онъ, какъ гроза, прилетѣлъ и трепетъ землю Половецкую своими сильными полками, своими булатными мечами... Тутъ (иноземные торговцы въ Кіевѣ) нѣмцы и венеціане, греки и моравцы прославляютъ Святослава, корятъ Игоря, что онъ силу погрузилъ на днѣ Каялы, рѣки половецкой, много золота русскаго разсыпалъ...

Видитъ Святославъ недобрый сонъ. „Въ прошлую ночь, разсказываетъ онъ боярамъ, снилось мнѣ, что въ Кіевѣ на горахъ съ вечера покрывали меня чернымъ покрываломъ на тесовой кровати, черпали мнѣ синее вино съ зельемъ смѣшанное, сыпали мнѣ крупный жемчугъ на постель... Всю ночь каркали вороны". И отвѣчали бояре князю: „Тоска, князь, полонила умъ твой: два сокола слетѣли съ отцовскаго золотаго трона, чтобы опять добиться Тмутракани или напиться шлемомъ изъ Дона. Уже подсѣкли сабли поганыхъ крылья у обоихъ соколовъ, а самихъ оковали желѣзными путами. На рѣкѣ Каялѣ тьма покрыла свѣтъ. По Русской землѣ разошлись половцы, словно хищные звѣри. Князья наши потопили свое счастье и дерзость придали хану".

Тогда Святославъ изронилъ изъ души золотое слово, слезами облитое: „Дѣти мои, Игорь и Всеволодъ! рано вы начали Половецкую землю сокрушать мечами, и себѣ славы искать: безславно вы побѣдили, безславно кровь поганую пролили. Ваши мужественныя сердца крѣпкимъ булатомъ скованы, буйной удалью вылощены! и вотъ что причинили вы моей сѣдинѣ! (Далѣе сочинитель „Слова", выражая свою печаль, называетъ сильныхъ князей, современныхъ ему Всеволода Юрьевича, Ярослава Галицкаго и др., которые могли бы сокрушить половцевъ, если бы хотѣли.

„Великій князь Всеволодъ! тебѣ и на мысль не пришло прилетѣть издалека по отчину отцовскаго золотаго престола? А можешь ты Волгу веслами раскропить, Донъ шлемами вычерпать!... А ты Галицкій Осмомыслъ — Ярославъ! Высоко ты сидишь на своемъ златокованномъ престолѣ, укрѣпилъ ты горныя горы своими могучими полками, заслонивъ путь венгерскому королю. Молва о грозныхъ силахъ твоихъ разносится по землѣ. Стрѣлами своими грозишь ты съ престола твоего султану. Стрѣляй, государь, въ Кончака, раба поганаго, заступись за русскую землю, за раны Игоря, храбраго Святославича. И ты буйный Романъ и Мстиславъ! Мужественная мысль возноситъ

умъ вашъ на великій подвигъ; вы пылко стремитесь на дѣло, какъ соколъ, рѣющій по воздуху, на птицу...

Далѣе въ сказаніи припоминаются и другіе князья, которые при всей ихъ храбрости напрасно кровь проливали и своими крамолами накликали литовцевъ на русскую землю, и отъ нихъ приходилось терпѣть тѣ-же насилія, какъ отъ половцевъ. Вспоминается и непосѣдливый, безпокойный князь Всеславъ Изъ-за него на рѣкѣ Немизѣ (Нѣманѣ) много сгибло русскихъ силъ „словно на току вмѣсто сноповъ стелили людей, молотили цѣпами булатными (мечами), вѣяли душу отъ тѣла“... И не добрымъ засѣяны берега Нѣмана,—засѣяны трупами сыновъ русскихъ! „Но безпокойный Всеславъ и самъ не мало обѣды вытерпѣлъ. Еще въ древности мудрый Баянъ припѣвалъ ему разумную припѣвку: „Ни хитрому, ни гораздому суда божьяго не миновать“.

Затѣмъ сказаніе переходитъ къ женѣ Игоря (Евфросиніи Ярославнѣ, дочери Галицкаго князя „Осмомысла“).

„Слышенъ голосъ Ярославны (супруги Игоря), словно кукушка невидимая, рано она плачетъ и причитаетъ: „Полечу, говоритъ она, къ Дону кукушкою, омочу бобровый рукавъ свой въ Каялѣ рѣкѣ, оботру князю кровавыя раны его на могучемъ тѣлѣ его“. Плачетъ Ярославна въ Путивлѣ на городской стѣнѣ. „О вѣтеръ, вѣтрило! говоритъ она, зачѣмъ, господинъ, несешь ты несчастье? Зачѣмъ несешь ты ханскія стрѣлы на воевъ мужа моего. Мало тебѣ развѣ вѣять на высотѣ подъ облаками? Лелѣешь корабли ты на морѣ, зачѣмъ-же ты мое счастье развѣялъ по ковылю? О Днѣпръ Словутичъ! (славный) ты пробилъ каменныя горы сквозь землю половецкую, ты лелѣялъ на себѣ суда Святослава, взлелѣй, господинъ, моего мужа ко мнѣ, чтобы я не слала ему слезъ моихъ.— Свѣтлое, пресвѣтлое солнце! Всѣмъ тепло и красно ты, зачѣмъ-же ты жгло лучами своими воевъ мужа моего? въ полѣ безводномъ засухою у нихъ луки согнуло, натуго у нихъ колчаны сомкнуло?“

(Игорю удается бѣжать изъ половецкаго плѣна).

Игорю-князю Боръ путь даетъ изъ земли Половецкой въ землю Русскую къ отцовскому золотому престолу. Погасла вечерняя заря. Игорь спитъ... Игорь пробудился... Мысленно онъ поле измѣряетъ отъ Дону великаго до малаго Донца. Готовъ конь къ полуночи, Овлуръ (сообщникъ Игоря) свистнулъ за рѣкою. Князя Игоря нѣтъ! Крикнулъ онъ, дрогнула земля, зашумѣла трава, поднялся станъ половецкій. Пустился Игорь, словно горностай въ тростникѣ, несется на борзомъ конѣ своемъ, словно волкъ въ степи. Не догнать Гзаку и Кончаку своего плѣннаго. „Тяжело тебѣ головѣ безъ плечъ, говорилъ въ старину Баянъ, худо тебѣ тѣлу безъ головы“, такъ тяжело землѣ русской безъ Игоря. Что солнце сіяетъ на небѣ, такъ Игорь въ русской землѣ. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ Святой Богородицѣ Пирогощей (церковь въ Кіевѣ). Страны рады, города веселы, воспѣвая пѣснь старымъ князьямъ, а потомъ молодымъ. Воспоемъ и мы: слава Игорю Святославичу, Буй-туру-Всеволоду, Владиміру Игоревичу! Да здравствуютъ князья и дружина, поборающая за христіанъ на полки поганые!

Въ приведенномъ сказаніи разсказано совершенно согласно съ лѣтописью о злополучномъ походѣ Игоря въ 1185 г. Неизвѣстно, кто писалъ это сказаніе, но, конечно, не духовное лицо. Называть людей внуками Дажь-Бога, упоминать Велеса, Стрибога и проч. могъ только мірянинъ, который не чуждался народныхъ языческихъ выраженій и суевѣрій. Вѣроятно, это былъ дружинникъ, хорошо знакомый съ военнымъ дѣломъ, быть можетъ, участникъ неудачнаго Игорева похода, во всякомъ случаѣ, это былъ человѣкъ умный и талантливый, хорошо понимавшій, въ чемъ главное зло Русской земли, и умѣвшій вылить свою мысль и чувство въ живое слово... Дорога была его сердцу Русская земля, и глубоко скорбитъ онъ, что и сила русская, и удаль пропадаютъ попусту отъ гибельной розни князей, которые „куютъ крамолу“, и степныхъ хищниковъ наводятъ на свою землю... Скорбно говоритъ онъ о родныхъ поляхъ, которыя кровью политы, костями людскими усѣяны, на которыхъ рѣдко слышится пѣсня пахаря, а часто вороны каркаютъ на мертвыхъ тѣлахъ!...

Древніе шлемы.—Кольчуга.—Мечъ.—Лукъ.—Копье (сулица).

V.

Монашество и просвѣщеніе на Руси въ XI—XII ст.

Начало русскаго монашества.

Къ концѣ десятаго вѣка, когда къ предкамъ нашимъ зашло христіанство изъ Византіи, тамъ было уже много монастырей. Монашество впервые явилось на востокѣ въ третьемъ вѣкѣ по Р. Х. Ученіе Христа и набожность такъ увлекали иныхъ людей, что они отказывались отъ всякихъ мірскихъ утѣхъ и житейскихъ заботъ, удалялись въ пустыню и тамъ проводили одинокую жизнь въ тяжкихъ лишеніяхъ, постѣ и молитвѣ.

Съ востока монашество перешло и въ Грецію. Въ Константинополѣ и въ большихъ и богатыхъ греческихъ городахъ нравственный упадокъ въ IV—V вѣкахъ доходилъ до крайней степени: богачи утопали въ роскоши, въ излишествахъ всякаго рода, въ порокахъ; а чернь отъ нищеты страшно грубѣла и становилась склонна къ звѣрству и насилію. Тщеславіе, зависть, жадность, обманъ, воровство встрѣчались на каждомъ шагу. Напрасно лучшіе проповѣдники въ своихъ рѣчахъ громили общество, обличали пороки его, напоминали ему о христіанскихъ обязанностяхъ. Ничто не помогало! Тяжело, душно было жить всякому истинно-нравственному человѣку среди пороковъ и нечестія. Люди, полные благочестія и христіанскаго чувства, не выносили подобной жизни,—отказывались отъ семьи, отъ всякихъ благъ земныхъ, раздавали свое имѣніе нищимъ, уходили изъ городовъ и проводили одинокую жизнь въ благочестивомъ размышленіи, покаяніи и молитвѣ. Богачи жили въ раззолоченныхъ палатахъ, сіяли златотканной одеждой, блистали драгоцѣнными камнями, наслаждались самою утонченною и дорогою пищею; а отшельники

находили себѣ пріютъ въ мрачныхъ пещерахъ, въ дуплахъ старыхъ деревъ, одѣвали грубую, жесткую власяницу, питались сухимъ хлѣбомъ, и то не всякій день. Эти отшельники, или аскеты (подвижники), какъ ихъ называли въ Греціи, даже нарочно старались изнурять свое тѣло голодомъ, жаждою; зимою они подвергали себя холоду, а лѣтомъ жгучему зною. Тѣло, по понятіямъ ихъ, было только обузою, бременемъ для души, помѣхою для душевнаго спасенія; на земную жизнь смотрѣли они, какъ на временное испытаніе для души. Жизнь праведника, по ихъ взгляду, должна была состоять въ неустанной борьбѣ съ тѣлесными потребностями, при помощи которыхъ лукавый искушалъ людей и старался ввести въ грѣхъ. Отшельникъ, изможденный голодомъ, жаждою и безсонницей, но сильный духомъ, могущій проводить дни и ночи въ непрестанной молитвѣ, покаяніи и слезахъ, сталъ образцомъ истиннаго христіанина-подвижника. Понятно, что среди изнѣженнаго, малодушнаго и своекорыстнаго люда такіе могучіе духомъ подвижники возбуждали всеобщее удивленіе и вызывали свѣжихъ людей на подражаніе. По близости нѣкоторыхъ изъ такихъ отшельниковъ селились ихъ подражатели—другіе подвижники. Каждый жилъ особнякомъ. Такимъ образомъ возникали уединенныя жилища (монастыри). Обитатели этихъ монастырей—монахи (слово „монахъ“ значитъ одиноко живущій, инокъ) считались какъ бы братьями, подчинялись старѣйшему (игумену, настоятелю) и чтили его какъ отца.

Русскій народъ, еще молодой и свѣжій, не страдалъ, конечно, тѣми неизлѣчимыми недугами и пороками, въ какіе погрязло изветшавшее византійское общество; но и на Руси творилось много всякаго зла, сильно и долго держались еще языческіе обычаи, много было грубости. Все это, конечно, должно было мало-по-малу ослабѣть съ большимъ просвѣщеніемъ, съ усиленіемъ Христовой вѣры въ народѣ; но пока все-таки людямъ съ глубокимъ чувствомъ и умомъ тяжело жилось въ обществѣ, или, какъ говорилось, „въ міру„: слишкомъ ужъ груба и темна была для нихъ „мірская жизнь“ полуязыческаго и невѣжественнаго населенія; а отъ священныхъ книгъ, отъ ученія Христова вѣяло такимъ теплomъ, такимъ свѣтомъ!... Какъ было людямъ чуткимъ и умнымъ не увлекаться страстно мыслью всецѣло служить Богу, отречься отъ всего мірскаго? При томъ разсказы о самоотверженіи и подвигахъ византійскихъ пустынниковъ вызывали желаніе подражать имъ. Понятно, почему и на Руси должно было рано возникнуть монашество.

У насъ явились монастыри вскорѣ послѣ принятія христіанства; при Ярославѣ ихъ было уже нѣсколько. Но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ такого важнаго значенія, какъ Кіево-Печерскій. Основателями его были свв. Антоній и Ѳеодосій.

Антоній родился въ мѣстечкѣ Любечѣ, неподалеку отъ Чернигова. Съ юныхъ лѣтъ онъ уже отличался благочестіемъ и набожностью; странствовалъ по монастырямъ Греціи и достигъ Святой горы (Аѳонской), гдѣ было нѣсколько монастырей. Благочестивая жизнь въ этихъ обителяхъ такъ пришлась ему по душѣ, что онъ пожелалъ остаться инокомъ въ одной изъ нихъ. Настоятель постригъ его въ монахи и разъяснилъ ему всѣ монашескія обязанности. Поселился Антоній отшельникомъ въ уединенной пещерѣ и началъ свою под-

вижническую жизнь. Его благочестіе и строгая жизнь обратили на него общее вниманіе братіи. Тогда игуменъ сказалъ ему:

— „Иди снова въ Русскую землю; да будетъ съ тобою благословеніе Святой горы! Отъ тебя произойдетъ множество черноризцевъ".

Прибылъ Антоній въ Кіевъ, обошелъ всѣ монастыри; но нигдѣ не захотѣлось ему остаться. Тогда началъ онъ ходить по горамъ и лѣсамъ близъ Кіева и, наконецъ, нашелъ небольшую пещеру въ лѣсу, у берега Днѣпра, и поселился здѣсь. Пещеру эту ископалъ Иларіонъ, священникъ изъ села Берестова, сдѣлавшійся потомъ митрополитомъ; онъ любилъ уединяться для молитвы въ лѣсу и на случай непогоды устроилъ себѣ въ крутомъ обрывѣ прибрежнаго холма небольшую пещерку. Антоній прорылъ ее поглубже и поселился здѣсь. Онъ пребывалъ постоянно въ молитвѣ, трудахъ, не давалъ себѣ покою ни днемъ, ни ночью; сухой хлѣбъ, и то черезъ день, былъ его пищею; простая вода—единственнымъ напиткомъ.

Скоро пошла по людямъ молва о новомъ подвижникѣ; стали приходить къ нему набожные люди за благословеніемъ, приносили ему все нужное для жизни. Нашлись и такіе, что стали просить у него позволенія поселиться близъ него и вести жизнь по его примѣру. Первый поселился подлѣ Антонія Никонъ, а въ 1032 г. пришелъ Ѳеодосій.

Св. Ѳеодосій.

Родился Ѳеодосій неподалеку отъ Кіева, въ городкѣ Васильевѣ. Родителямъ его пришлось скоро переселиться въ Курскъ; здѣсь и провелъ Ѳеодосій свое отрочество. Съ дѣтскихъ лѣтъ онъ обнаруживалъ набожность и благочестіе. Церковь Божія была первымъ его училищемъ; любилъ онъ слушать въ церкви чтеніе божественныхъ книгъ, дѣтскихъ игръ чуждался, не хотѣлъ носить богатой цвѣтной одежды. Не могли его принудить родители, люди зажиточные, надѣвать богатые наряды и играть съ дѣтьми. Скоро онъ научился грамотѣ у одного изъ городскихъ учителей. Тринадцати лѣтъ онъ лишился отца. Мать Ѳеодосія, женщина крутого нрава, очень упрямая, не могла выносить его склонностей; она любила своего сына страстно; поступки-же его казались ей и странными, и унизительными для него и ея рода. Невыносимо было ей видѣть, какъ ея сынъ въ плохой одеждѣ, ничѣмъ не отличаясь отъ рабовъ, шелъ съ ними на работу. Она запрещала ему это, умоляла его одѣться въ богатое платье, идти играть со сверстниками, приходила въ ярость, когда онъ не повиновался ей въ этомъ, била его... Ничто не помогало! Смиренно выносилъ Ѳеодосій побои матери, но продолжалъ поступать по-прежнему.

Наслушавшись разсказовъ о святыхъ мѣстахъ, гдѣ жилъ, училъ и страдалъ Спаситель, Ѳеодосій захотѣлъ, во что бы ни стало, побывать тамъ. Узнавъ отъ странниковъ, проходившихъ чрезъ Курскъ, что они идутъ въ Іерусалимъ, онъ упросилъ ихъ взять его съ собой. Когда они извѣстили его, что собираются въ путь, онъ всталъ ночью, тайкомъ вышелъ изъ дому, не взялъ съ собою ничего, кромѣ той плохой одежды, въ какой обыкновенно ходилъ, и пошелъ вслѣдъ за странниками. Когда мать узнала, что сынъ ея ушелъ съ богомоль-

цами, бросилась она въ погоню за нимъ,—наконецъ, догнала. Злоба ея не знала границъ. Въ ярости схватила она его за волосы, бросила на-земь, била его ногами. Связаннаго, словно злодѣя, привела она сына домой. Гнѣвъ ея былъ такъ великъ, что она и дома била его до изнеможенія; послѣ того, велѣла заковать его и держала его нѣсколько времени въ оковахъ. Наконецъ, гнѣвъ ея понемногу улегся, заговорила въ ея душѣ материнская любовь, — жалко ей стало сына; начала она его увѣщевать, умолять, чтобы онъ не уходилъ отъ нея. Любила она его больше всѣхъ дѣтей своихъ, не могла жить безъ него. Ѳеодосій обѣщалъ не покидать ее; а она предоставила ему полную свободу поступать, какъ онъ хочетъ.

По-прежнему сталъ онъ ежедневно ходить въ церковь и, замѣтивъ, что былъ недостатокъ въ просфорахъ, принялся печь ихъ и продавать. Излишекъ вырученныхъ денегъ раздавалъ онъ нищимъ, а на остальныя снова покупалъ жито, самъ мололъ его и пекъ просфоры. Сверстники Ѳеодосія насмѣхались надъ нимъ, всячески укоряли и ругали его; онъ же сносилъ молча всѣ поруганія, тайно радуясь въ сердцѣ своемъ; но материнское чувство не вынесло насмѣшекъ надъ сыномъ, начала снова она умолять его, съ любовью увѣщевать.

— „Молю тебя, дитя мое, говорила она, оставь это дѣло, не позорь своего рода: нестерпимо для меня слышать отъ всѣхъ укоры тебѣ. Неприлично тебѣ такое дѣло дѣлать!.

— „О, мать моя, отвѣчалъ Ѳеодосій, послушай меня. Господь нашъ Іисусъ Христосъ самъ подалъ намъ примѣръ смиренія: былъ Онъ и поруганъ, и оплеванъ, и заушаемъ,—все перенесъ Онъ спасенія нашего ради. Намъ-же грѣшнымъ тѣмъ болѣе слѣдуетъ терпѣть. А что до моего дѣла, то послушай: если самъ Господь назвалъ хлѣбъ своею плотію, то какъ-же мнѣ не радоваться, что Онъ сподобилъ меня приготовлять его плоть“?

Подивилась мать разуму сына своего, перемогла свою досаду и оставила его въ покоѣ,—но не надолго. Разъ, увидѣвъ на немъ обжоги, стала она снова укорять его, грозить, умолять, чтобы онъ оставилъ неподходящее его званію дѣло. Смутился юноша и долго недоумѣвалъ, какъ ему быть. Порѣшилъ онъ наконецъ— уйти отъ матери. Ночью тайно ушелъ онъ изъ дому въ сосѣдній городъ; тамъ его принялъ къ себѣ въ домъ одинъ священникъ, и сталъ Ѳеодосій по-прежнему печь просфоры для церкви. Долго мать въ страшной горести разыскивала бѣглеца-сына. Наконецъ, узнала, гдѣ онъ, нашла его, и снова Ѳеодосій подвергся побоямъ и истязаніямъ...

Понравился онъ властителю города (намѣстнику княжьему), взялъ тотъ его къ себѣ въ домъ, одѣвалъ въ богатое платье; но Ѳеодосій дарилъ нищимъ это платье, а самъ по-прежнему ходилъ въ старомъ и плохомъ. Мало того, онъ велѣлъ кузнецу сковать тяжелыя вериги (цѣпи), опоясался ими и носилъ ихъ подъ платьемъ. Желѣзо перетирало ему тѣло до крови; но онъ не показывалъ и виду, что ему больно. Случайно мать увидѣла кровь на одеждѣ его, узнала, что онъ истязаетъ себя, снова пришла она въ ярость, сорвала съ него вериги и прибила его.

Однажды Ѳеодосій, при чтеніи Евангелія, услышалъ снова: „аще кто не оставитъ отца и матерь, и вслѣдъ Мене не идетъ, нѣсть Мене достоинъ“ и

далѣе: „пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененные, и азъ вы упокою“. На этотъ разъ слова эти особенно сильно подѣйствовали на Ѳеодосія. Онъ рѣшилъ уйти изъ дому, во что бы то ни стало, и посвятить себя всецѣло Богу. Слышалъ онъ, что въ Кіевѣ есть монастыри: тамъ думалъ онъ найти пріютъ. Дороги въ Кіевъ онъ не зналъ. По счастію для него, шелъ туда въ это время купеческій обозъ; Ѳеодосій пошелъ слѣдомъ за нимъ, не упуская его изъ виду, и такимъ образомъ добрался до Кіева. Здѣсь ходилъ онъ по монастырямъ и просился, чтобы его приняли въ иноки; но въ нѣкоторыхъ монастыряхъ не пожелали принять юношу, одѣтаго въ бѣдную, изорванную одежду. Услыхалъ онъ объ Антоніи и пришелъ къ нему. Увидѣвъ его, Ѳеодосій поклонился до земли и со слезами умолялъ принять его къ себѣ.

— „Чадо, сказалъ Антоній, видишь-ли эту пещеру. Мѣсто это скорбное и тѣсное; ты-же еще юнъ, и, думаю, не снесешь ты печали въ этомъ мѣстѣ“.

— „Честный отецъ, отвѣчалъ Ѳеодосій, ты знаешь, что Богъ привелъ меня къ тебѣ,—все, что только ты велишь, буду я творить“.

Тогда Антоній благословилъ Ѳеодосія и велѣлъ Никону постричь его и возложить на него черныя монашескія ризы.

Начались иноческіе подвиги Ѳеодосія... Но ему предстояло новое тяжелое испытаніе. Его мать была въ отчаяніи... Напрасно она разыскивала его сама по всѣмъ окрестнымъ мѣстамъ; тщетно искали его всюду посланные ею люди; щедрую награду обѣщала она тому, кто его приведетъ,—все напрасно! Четыре года прошло,—о Ѳеодосіи ни слуху, ни духу! Но вотъ случайно отъ путниковъ, пришедшихъ изъ Кіева, она узнаетъ, что Ѳеодосія видѣли тамъ. Немедленно спѣшитъ она сюда, бросается по всѣмъ монастырямъ; наконецъ, узнаетъ, что онъ въ пещерѣ у преподобнаго Антонія. Она приходитъ къ пустыннику и слышитъ, что сынъ ея живъ и находится здѣсь; она хочетъ видѣть его, но онъ, отдавшій себя Богу, рѣшается отказать матери въ свиданіи. Никакія мольбы не могутъ измѣнить его рѣшенія; даже увѣщанія самого Антонія не дѣйствуютъ на Ѳеодосія. Тогда его мать отъ мольбы переходитъ къ угрозамъ.

— „Покажи мнѣ сына моего, говоритъ она въ отчаяніи Антонію, если ты мнѣ его не покажешь, то я погублю себя у твоей пещеры!“

Антоній въ тяжелой скорби входитъ въ пещеру и снова умоляетъ Ѳеодосія выйти къ матери; наконецъ, онъ повинуется и выходитъ. Увидѣла мать своего сына блѣднаго, исхудалаго, изможденнаго, бросилась къ нему на шею, горько рыдала, обливала его своими слезами. Успокоившись немного, стала она умолять его.

— „Возвратись въ домъ свой, дѣтище мое! Все, что тебѣ надо для спасенія души,—все ты будешь творить по своей волѣ, только не отлучайся отъ меня. Умру я, погребешь ты меня, тогда возвращайся въ пещеру эту. Не могу я жить и не видѣть тебя!“

Напрасны были мольбы матери. Ѳеодосій, вѣрный данному монашескому обѣту, былъ непреклоненъ. Онъ предложилъ матери, если она хочетъ видаться съ нимъ,—постричься въ одномъ изъ кіевскихъ ближнихъ женскихъ монастырей. Послѣ долгой борьбы материнское чувство взяло верхъ надъ всѣми мір-

скими утѣхами, и мать Ѳеодосія, не будучи въ силахъ разстаться навсегда съ сыномъ, постриглась въ женскомъ монастырѣ св. Николая. (Всѣ подробности эти преподобный Несторъ, написавшій житіе Ѳеодосія, узналъ отъ келаря Ѳеодора, который слышалъ отъ самой матери св. подвижника).

Молва о днѣпровской пещерѣ и трехъ подвижникахъ ея: Антоніи, Никонѣ и Ѳеодосіи далеко разносилась по Русской землѣ. Со всѣхъ концовъ ея изъ разныхъ сословій стала стекаться братія.

Сынъ одного знатнаго вельможи Іоанна явился разъ къ Антонію, долго бесѣдовалъ съ нимъ, выразилъ желаніе постричься въ монахи. На другой день пріѣхалъ онъ къ пещерѣ въ свѣтлой одеждѣ, на богатомъ конѣ, въ сопровожденіи своихъ слугъ. Отшельники вышли изъ пещеры и привѣтствовали его, какъ вельможу; онъ же въ отвѣтъ поклонился имъ до земли, и, снявъ съ себя боярскую одежду, положилъ ее предъ старцемъ, поставилъ предъ нимъ и коней въ богатыхъ уборахъ и сказалъ:

— „Все это, отче, прелесть міра сего; какъ хочешь, такъ и поступи съ нею. Я же хочу, презрѣвъ все это, быть монахомъ и жить съ вами въ пещерахъ и не возвращусь больше въ домъ свой".

Антоній напоминалъ ему о силѣ обѣта, о власти отца, о гнѣвѣ князя, но рѣшимость юноши не поколебалась. Тогда Никонъ постригъ его и нарекъ Варлаамомъ. Вслѣдъ за нимъ княжій слуга, любимецъ князя, также постригся въ монахи подъ именемъ Ефрема. Узнавъ объ этомъ, великій князь Изяславъ сильно разгнѣвался,—велѣлъ, чтобъ къ нему привели одного изъ отшельниковъ. Явился Никонъ.

— „Ты-ли, спросилъ его съ гнѣвомъ Изяславъ, постригъ боярина моего и слугу въ монахи безъ повелѣнія моего"?

— „Божіею благодатію, отвѣчалъ Никонъ, я постригъ ихъ повелѣніемъ Царя небеснаго Іисуса Христа, призвавшаго ихъ на подвигъ".

— „Иди, сказалъ князь, и увѣщай ихъ, чтобы они возвратились къ себѣ домой; иначе я пошлю тебя и всѣхъ живущихъ съ тобою въ заточеніе, и пещеру вашу раскопаю".

— „Владыко, какъ тебѣ угодно, такъ и твори, а я не могу отнимать воиновъ у Царя небеснаго"! отвѣчалъ кротко Никонъ.

Жена Изяслава стала просить за иноковъ и смягчила гнѣвъ своего мужа.

Много усилій употребилъ отецъ Варлаама, чтобы вернуть сына изъ пещеры, наконецъ, силою увелъ его къ себѣ домой. Варлаамъ молча сидѣлъ въ углу, не трогалъ пищи, принесенной ему, не обращалъ вниманія на просьбы и ласки жены. Три дня просидѣлъ онъ молча, не ѣвши, и только мысленно молилъ Бога, чтобы Онъ подкрѣпилъ его. Наконецъ, родители поняли, что ничего съ нимъ не подѣлать, и со слезами отпустили его. Оплакивала его жена, плакали слуги, любившіе его. Онъ остался твердымъ въ своемъ рѣшеніи.

Варлаамъ былъ игуменомъ послѣ того, какъ Никонъ ушелъ изъ Кіева въ Тмутракань. Вскорѣ по желанію князя Варлаамъ сталъ настоятелемъ въ монастырѣ Св. Димитрія въ Кіевѣ; тогда, по благословенію Антонія, братія избрала игуменомъ Ѳеодосія.

Первыми подвигами его въ игуменствѣ были постройка большой церкви и

введеніе монастырскаго устава. Недалеко отъ пещеры нашелъ онъ удобное мѣсто, соорудилъ тамъ храмъ во имя Пресв. Богородицы, а около него выстроилъ кельи. Въ своемъ монастырѣ ввелъ онъ уставъ Студійскаго Константинопольскаго монастыря. Правила этого устава очень просты. Общая молитва всей братіи въ церкви считается выше одиночной, келейной. У иноковъ должна быть общая трапеза; пищу вкушать за братской трапезой должны были безмолвно, внимая чтенію; безъ благословенія игумена никто не смѣлъ ни ѣсть, ни пить, ни держать хлѣба или воды въ кельѣ, ни съѣсть ягоды въ полѣ. Имущество у иноковъ должно быть общимъ, даже и одежда; никто не могъ ничего назвать своимъ; даже въ разговорѣ запрещалось употреблять слова: мое, собственное, твое. Инокъ не долженъ былъ принимать милостыни ни отъ кого; взять что либо у кого-нибудь позволялось неиначе, какъ съ благословенія игумена. Инокамъ не позволялось ходить по келіямъ другъ къ другу. Безъ разрѣшенія игумена никто не смѣлъ выходить за монастырскія ворота. Разныя ремесла и искусства составляли занятіе иноковъ въ досужее отъ молитвы время.

Болѣе всего Ѳеодосій требовалъ отъ иноковъ полнѣйшаго повиновенія волѣ игумена; всякое уклоненіе отъ приказанія игумена считалось тяжкимъ грѣхомъ. Братія привыкла такъ повиноваться волѣ своего настоятеля, что разъ вратарь не рѣшился безъ спросу у него впустить въ монастырь даже великаго князя такъ какъ онъ пріѣхалъ въ такую пору, когда Ѳеодосій запретилъ впускать постороннихъ въ монастырскую ограду.

Жизнь иноковъ проходила въ долгихъ церковныхъ службахъ и тяжелыхъ трудахъ. Пища была скудная: монастырь былъ еще бѣденъ, и случалось, что братія съ вечера не знала, чѣмъ будетъ питаться завтра; но всѣ иноки и игуменъ твердо вѣрили, что Богъ, питающій небесныхъ птицъ, пропитаетъ и ихъ. Съ теченіемъ времени, когда отъ разныхъ пожертвованій и вкладовъ обитель нѣсколько обогатилась, Ѳеодосій сталъ отдѣлять десятую долю всѣхъ доходовъ монастыря на бѣдныхъ, даже устроилъ особый дворъ, гдѣ жили на счетъ монастыря нищіе, калѣки и больные. Каждую субботу посылалъ Ѳеодосій возъ съ хлѣбами по темницамъ. Въ кельѣ у себя держалъ онъ разслабленнаго старца и ходилъ за нимъ.

Ѳеодосій требовалъ, чтобы всѣ иноки строго исполняли свои обязанности. Онъ часто обходилъ келіи, и если находилъ у кого сверхъ общихъ братскихъ вещей лишнюю одежду или другія вещи, то бросалъ ихъ въ огонь. Даже по ночамъ строгій игуменъ обходилъ келіи, слушалъ у дверей, что дѣлаетъ каждый изъ иноковъ. Если онъ слышалъ въ келіи молитву, то благодарилъ Бога за благочестіе инока; если же слышалъ бесѣду двухъ или трехъ иноковъ, то стучалъ въ дверь. Утромъ же призывалъ виновныхъ и обличалъ ихъ, обличалъ кротко, со слезами...

„Молю васъ, братія, говоритъ онъ инокамъ въ одномъ поученіи, будемъ подвизаться въ постѣ и молитвѣ. Попечемся о спасеніи душъ нашихъ. Возвратимся отъ злобы и отъ путей грѣха, каковы клевета, празднословіе, пьянство, объяденіе, непріязнь къ брату. Взыщемъ Бога рыданіемъ, слезами, постомъ, неустанною молитвою, покорностью, послушаніемъ. Назвавшись чернецами, мы должны каждый день каяться въ своихъ грѣхахъ. Покаяніе есть путь, приво-

дящій къ Богу; оно есть ключъ къ царству: безъ него никому нельзя войти въ царство небесное".

Строгій къ другимъ, Ѳеодосій былъ еще строже къ самому себѣ. Никогда не видали его праздным: онъ не гнушался никакимъ трудомъ, работалъ цѣлый день. не давая отдыха своимъ рукамъ и ногамъ, часто ходилъ въ пекарню,— мѣсилъ тѣсто и пекъ хлѣбы вмѣстѣ съ пекарями. Примѣръ его сильно дѣйствовалъ на братію. Разъ пекарь сказалъ Ѳеодосію, что нѣтъ воды, а наносить некому; тогда блаженный тотчасъ всталъ и началъ носить воду съ колодца. Одинъ изъ братіи увидѣлъ это и поспѣшилъ сказать другимъ; сейчасъ-же нашлось нѣсколько человѣкъ, которые наносили воды съ избыткомъ... Въ другой разъ случилось, что не было дровъ для кухни. Келарь пришелъ къ Ѳеодосію и сказалъ:

— „Ты-бы велѣлъ кому-либо изъ братій, кто не занятъ, наносить дровъ!"

— „Вотъ я не занятъ, отвѣчалъ Ѳеодосій, такъ я и пойду".

Братіи онъ велѣлъ идти въ трапезу, такъ какъ было время обѣда, а самъ взялъ топоръ и сталъ рубить дрова. Когда иноки послѣ обѣда увидѣли настоятеля за работой; тотчасъ-же каждый взялъ свой топоръ и скоро накололи дровъ на много дней.

За братской трапезой ѣлъ онъ только сухой хлѣбъ и вареную зелень безъ масла, не пилъ ничего кромѣ воды; одежду носилъ ветхую въ заплатахъ, а подъ нею колючую власяницу. Спать онъ обыкновенно не ложился, а послѣ повечерія засыпалъ сидя; часто проводилъ онъ ночи безъ сна, молясь за себя и за братію. Съ наступленіемъ великаго поста онъ обыкновенно удалялся въ особую пещеру, (извѣстную до сихъ поръ подъ именемъ Ѳеодосіевой или дальней); возвращался въ обитель наканунѣ Лазаревой субботы.

Своимъ примѣромъ, добротой и привѣтомъ Ѳеодосій производилъ чудесное дѣйствіе даже на испорченныхъ людей. Разъ привели къ нему связанныхъ разбойниковъ, которыхъ поймали въ одномъ монастырскомъ селѣ за кражею. Блаженный при видѣ ихъ связанныхъ сильно опечалился. Прослезившись, онъ велѣлъ освободить ихъ и накормить: потомъ долго поучалъ ихъ никого не обижать, никому не дѣлать зла, далъ имъ много необходимаго и отпустилъ съ миромъ. Отпущенные такъ умилились душою, что съ этихъ поръ перестали дѣлать кому либо зло, стали довольствоваться своимъ трудомъ.

Смиреніе Ѳеодосія было необыкновенно. Случилось ему разъ быть далеко отъ обители у князя Изяслава. Князь приказалъ одному изъ своихъ слугъ отвезти настоятеля въ монастырь. Слуга, видя инока въ нищенской одеждѣ, и не зная, кого везетъ, сказалъ ему дорогою:

— „Ты, черпецъ, всегда праздень, а я живу въ трудахъ: пусти меня отдохнуть въ повозкѣ, а самъ садись на лошадь".

Ѳеодосій безпрекословно обмѣнялся мѣстомъ со слугою, и цѣлую ночь то ѣхалъ верхомъ, то шелъ подлѣ лошади, чтобы не уснуть. Когда разсвѣло, бояре, ѣхавшіе къ великому князю, при встрѣчѣ съ подвижникомъ сходили съ коней и низко кланялись ему. Слуга, увидѣвъ это, испугался; но Ѳеодосій успокоилъ его, ласково ввелъ въ обитель и приказалъ угостить его.

Кроткій и смиренный Ѳеодосій былъ въ тоже время суровъ, твердъ и непоколебимъ, гдѣ надо было изобличить неправду. Когда, изгнавъ изъ Кіева Изяслава, завладѣлъ его княженіемъ Святославъ, Ѳеодосій строго обличалъ его за это; не разъ въ присутствіи бояръ или княжьихъ людей, укорялъ князя за его несправедливости къ брату и насиліе и просилъ бояръ передать свои слова князю. Мало того, онъ самъ написалъ ему большое посланіе, гдѣ сравнивалъ поступокъ его съ преступленіемъ Каина. Князь, прочитавъ посланіе, пришелъ въ ярость. Братія, опасаясь за подвижника, умоляла его смириться и не раздражать князя. Многіе бояре, приходившіе въ обитель, упрашивали игумена о томъ-же и говорили, что Святославъ грозитъ послать его въ заточеніе.

— „Радуюсь я этому, сказалъ Ѳеодосій,—для меня это самое лучшее въ жизни. Чего мнѣ бояться? Потери-ли имущества и богатства? Лишусь-ли дѣтей или селъ? Нагими мы пришли въ этотъ міръ, нагими же подобаетъ намъ и уйти изъ него“.

Ѳеодосій продолжалъ свои обличенія. И принужденъ былъ великій князь смириться предъ инокомъ, сіявшимъ своимъ благочестіемъ. Сила смирилась предъ правдою! Князь старался даже сблизиться съ обличителемъ своимъ; часто пріѣзжалъ въ обитель къ нему, искалъ его бесѣды, кротко выслушивалъ укоры его, съ радостью принималъ наставленія. Къ нему обращались часто міряне съ просьбою заступиться за нихъ, попросить за нихъ у князей и бояръ. Князья и бояре чтили Ѳеодосія, какъ праведника, и охотно исполняли его просьбы.

Князья не только приходили сами къ Ѳеодосію, но нерѣдко приглашали его къ себѣ. Разъ пришелъ онъ къ Святославу во время пира: гремѣла музыка, раздавались пѣсни, скоморохи плясали... подвижникъ сѣлъ поодаль, грустно опустилъ голову и, наконецъ, обратившись къ князю, проговорилъ:

— „Будетъ-ли такъ на томъ свѣтѣ?!“

Князь понялъ, какъ оскорбляетъ мірское веселіе смиреннаго инока, проводящаго дни и ночи въ покаяніи, слезахъ и молитвѣ, и велѣлъ тотчасъ-же прекратить веселіе. Съ тѣхъ поръ, какъ только докладывали князю о приходѣ игумена, музыка и веселіе прекращались. Князь такъ уважалъ Ѳеодосія, что говорилъ ему:

— „Если-бы отецъ мой всталъ изъ мертвыхъ, я такъ не былъ-бы обрадованъ этимъ, какъ твоимъ приходомъ!“

Ѳеодосій, не смотря на то, что Святославъ благоговѣлъ предъ нимъ и много добра сдѣлалъ братіи, все-таки не простилъ ему проступка: на эктеніяхъ во время богослуженія въ монастырѣ всегда молились сначала за Изяслава, какъ законнаго великаго князя, а за нимъ уже поминали Святослава...

Отъ Ѳеодосія до нашего времени сохранилось нѣсколько поученій: одни изъ нихъ касаются монашеской жизни; другія вообще христіанскихъ обязанностей. Въ одной проповѣди своей—„О казняхъ Божіихъ“ онъ признаетъ голодъ, болѣзни, нашествіе враговъ карою небесною за грѣхи; указываетъ на разныя языческія суевѣрія народа, нерасположеніе его къ духовнымъ лицамъ. (Встрѣчу, напр., съ чернецомъ, съ черницею народъ считалъ дурнымъ предзнаменованіемъ). Нападаетъ также Ѳеодосій на чародѣйство, на гаданья, на

ростовщичество, на мірскія забавы, на музыку и пляску. Болѣе всего распространяется о пьянствѣ: видно, этотъ порокъ былъ и въ ту пору сильно распространенъ. Особенно въ своихъ поученіяхъ предостерегаетъ онъ православныхъ отъ сближенія съ иновѣрцами,—съ латинцами: онъ, видимо, опасался, чтобы они не совратили русскихъ въ свою вѣру.

Монастырь все болѣе и болѣе расширялся; благодаря вкладамъ и пожертвованіямъ, онъ годъ отъ году богатѣлъ; число братіи росло. Задумалъ Ѳеодосій воздвигнуть большую каменную церковь въ честь Успенія Богородицы. Великій князь Святославъ подарилъ для новой церкви хорошее мѣсто близъ стараго Печерскаго монастыря и пожертвовалъ большія деньги (около ста гривенъ золота)

Кіево-Печерская лавра.

на сооруженіе ея. Были и другія пожертвованія. Закладка церкви происходила въ 1073 г. Ѳеодосій съ братьей ежедневно работалъ при постройкѣ и помогалъ мастерамъ. Но не пришлось ему дожить до окончанія ея: онъ сильно занемогъ и скоро почувствовалъ приближеніе кончины. Созвалъ онъ всю братію. Всѣ плакали.

— „Чада мои, любимая братія, говорилъ онъ, отхожу я уже къ владыкѣ нашему Господу Іисусу Христу; изберите себѣ сами игумена и повинуйтесь ему, какъ духовному отцу, бойтесь его“...

Затѣмъ умирающій заповѣдалъ, чтобы погребли его въ той пещерѣ, куда онъ обыкновенно удалялся во время великаго поста. Горько плакали всѣ иноки. Ѳеодосій утѣшалъ ихъ:

— „Обѣщаюсь вамъ, что я только тѣломъ отхожу отъ васъ, а духомъ вѣчно пребуду съ вами".

Онъ скончался 3-го мая 1074 года, на 65-мъ году отъ роду. За годъ предъ тѣмъ скончался Антоній 90-ти лѣтъ.

Долго строилась Успенская церковь. Окончена постройка была чрезъ 16 лѣтъ послѣ закладки. Красота этой церкви изумляла современниковъ: внутри она блистала золотомъ и мозаикою; помостъ устроенъ былъ изъ разноцвѣтныхъ каменьевъ узорами; церковныя главы были позолочены. Крестъ на главномъ куполѣ былъ выкованъ изъ чистаго золота. Современники называли печерскую церковь „славою и украшеніемъ всей земли Русской".

Значеніе Кіево-Печерскаго монастыря.

Духъ смиреннаго благочестія и тяжкаго подвижничества, внесенный въ обитель Ѳеодосіемъ, долго пребывалъ въ ней. Много было здѣсь благочестивыхъ иноковъ и суровыхъ подвижниковъ и при Ѳеодосіи, и по его смерти. Кромѣ иноковъ, жившихъ по кельямъ и сходившихся по уставу въ церкви за общею молитвою, да въ трапезной, въ Печерской обители были и затворники. Таковъ былъ Исаакій, раньше богатый торопецкій купецъ. Увлекся онъ подвижническою жизнью, роздалъ все свое имѣніе нищимъ, пришелъ въ пещеру, постригся въ монахи и началъ тяжелую подвижническую жизнь, надѣлъ власяницу, сверхъ нея покрылся сырой козлиной кожей, которая на немъ высохла, и затворился въ тѣсной пещерѣ. Здѣсь онъ непрестанно молился; воздерживался отъ пищи и питья; чрезъ день по одной просфорѣ подавали ему чрезъ окошечко, куда едва проходила рука. Воздерживался онъ и отъ сна,— сидя засыпалъ ненадолго. Изнурилъ онъ до крайности свою плоть; тяжелыя видѣнія томили его; онъ испытывалъ страшныя искушенія. Другой подвижникъ, Іоаннъ Многострадальный старался умертвить свою плоть, убить въ ней всѣ потребности. Долго боролся онъ съ самимъ собою; наконецъ, закопалъ себя въ землю по грудь и такъ провелъ нѣсколько лѣтъ. Кромѣ затворниковъ, въ Кіево-Печерской обители было много и другихъ иноковъ, прославившихся высокимъ благочестіемъ. Таковы, напр., Даміанъ цѣлитель, Матвѣй прозорливецъ, старецъ Іеремія, помнившій крещеніе Русской земли при Владимірѣ, Агапитъ безмездный врачъ, Алимпій, первый русскій иконописецъ и др.

Много дивныхъ разсказовъ о Кіево-Печерскомъ монастырѣ и подвижникахъ его разносили по Русской землѣ богомольцы, бывавшіе въ Кіевѣ. Разсказывали о чудномъ воздержаніи, терпѣніи печерскихъ подвижниковъ, смиреніи, непрестанной борьбѣ ихъ съ искушеніями, чудесахъ... Дивились всѣ подвигамъ печерскихъ иноковъ—этихъ богатырей духовной силы.

Кіевъ сдѣлался священнымъ городомъ въ глазахъ православныхъ. Въ самомъ городѣ красовались великолѣпныя церкви. Десятинная и Софійская; въ первой была гробница Св. Равноапостольнаго Владиміра; близъ Кіева, въ Вышгородѣ находились гробницы Свв. Бориса и Глѣба, а въ окрестностяхъ Кіева, на берегу Днѣпра, сіяла Печерская обитель, гдѣ покоились мощи свв. Антонія, Ѳеодосія и многихъ другихъ подвижниковъ, погребенныхъ въ пеще-

рахъ. Мало по малу народъ привыкъ со всѣхъ концевъ Русской земли стекаться въ Кіевъ для поклоненія его святынямъ.

Чѣмъ больше росла слава Печерской обители, тѣмъ больше приходило сюда и богомольцевъ; росли и пожертвованія. Кн. Ярополкъ Изяславичъ далъ Печерскому монастырю три волости; дочь его пожертвовала пять селъ съ челядью; было немало и другихъ щедрыхъ и крупныхъ пожертвованій въ пользу обители. Монастырь могъ теперь въ большихъ размѣрахъ совершать дѣла благотворительности: давать пріютъ и пропитаніе калѣкамъ, больнымъ и нищимъ, о которыхъ всегда такъ заботился св. Ѳеодосій; могъ предпринимать богатыя постройки, украшать свои церкви. По своей славѣ Кіево-Печерскій монастырь считался самымъ главнымъ на Руси. Болѣе пятидесяти человѣкъ изъ кіево-печерскихъ иноковъ были епископами; нѣкоторые иноки становились игуменами другихъ монастырей; всюду они старались водворить порядки, уставъ и духъ Кіево-Печерской Лавры. Отсюда же распространялись св. книги и просвѣщеніе. Монастырей въ то время на Руси было не мало. Въ одномъ Кіевѣ и его окрестностяхъ было ихъ семнадцать (мужскихъ и женскихъ).

Монашеская жизнь мало по малу стала считаться на Руси образцемъ истинно-праведной жизни. Къ сожалѣнію, многіе стали думать, будто міряпинъ никакъ ужь не можетъ вести угодной Богу, праведной жизни. Сложилось убѣжденіе, что желающій угодить Богу долженъ изнурять свое тѣло постомъ; долгой молитвой, вести одинокую жизнь, постоянно сокрушаться о своей грѣховности, каяться и пр. Жизнь, не похожая на монашескую, стала считаться грѣховною. Всѣ благочестивые міряне старались по мѣрѣ возможности подражать монахамъ и дѣлали богатые вклады въ монастыри, надѣясь молитвами истинныхъ угодниковъ Божіихъ снискать себѣ душевное спасеніе.

Борьба съ язычествомъ.

Въ то время, какъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ многіе иноки сіяли истиннымъ благочестіемъ, и оно проникало мало по малу въ среду князей, бояръ и горожанъ, вдали отъ Кіева на сѣверѣ, въ глухихъ мѣстахъ, многія языческія вѣрованія сильно еще держались. Народъ, хотя и крестился, ходилъ въ церкви, но многаго не понималъ, смѣшивалъ своихъ языческихъ боговъ съ христіанскими святыми, Перуна съ пророкомъ Ильею, Волоса со Св. Василіемъ. По прежнему вѣрилъ народъ въ домовыхъ, лѣшихъ, водяныхъ и русалокъ. Много приходилось духовенству бороться противъ такого двоевѣрія.

Разные невѣжественные странники и богомольцы, сами плохо разумѣя то, что дѣлалось и читалось въ церквахъ, своими разсказами часто мѣшали народу понимать, какъ слѣдуетъ, христіанское ученіе. Съ нимъ сплетались разныя языческія повѣрія и суевѣрія. Житія святыхъ смѣшивались со сказками (легенды); библейскіе разсказы, сказанія о подвигахъ какого нибудь святаго сливались съ пѣснями о богатыряхъ (духовные стихи). Народъ вѣрилъ въ разныя примѣты, прибѣгалъ къ гаданьямъ, къ помощи разныхъ кудесниковъ и волхвовъ. Особенно сильны были языческія суевѣрія на сѣверѣ. Лѣтопись приводитъ нѣсколько случаевъ, гдѣ волхвы возмущали народъ.

Въ Ростовѣ (около 1070 г.) насталъ страшный голодъ. Въ это время появились два волхва въ Ростовской области; пошли они по Волгѣ и вездѣ распускали нелѣпую молву, будто женщины причиняютъ голодъ. Множество несчастныхъ женщинъ было перебито суевѣрнымъ народомъ, пока наконецъ Яну, боярину князя Святослава Черниговскаго, не удалось захватить волхвовъ. Они были преданы разнымъ мученіямъ, а потомъ повѣшены.

Сильное волненіе было и въ Новгородѣ въ 1071 году. Появился тамъ кудесникъ и сталъ хулить христіанство. Чернь взволновалась, хотѣла убить епископа Ѳеодора. Онъ съ крестомъ въ рукахъ явился на вѣче, звалъ къ себѣ всѣхъ христіанъ, но изъ народа никто не пошелъ къ нему,—всѣ стали на сторону волхва; на сторонѣ епископа былъ только князь Глѣбъ съ дружиною. Князь подошелъ къ волхву и спросилъ:

— „Знаешь ли ты, что будетъ завтра утромъ и вечеромъ?“

— „Все знаю“, отвѣчалъ тотъ.

— „Ну, а что будетъ нынче?“ спросилъ князь.

— „Я сотворю, отвѣчалъ кудесникъ, великія чудеса“.

Тогда князь выхватилъ спрятанный подъ корзномъ (плащемъ) топоръ и однимъ ударомъ разсѣкъ волхва надвое... Народъ, пораженный ужасомъ, разошелся по домамъ. Князь, показавъ своей жестокой расправой при всемъ народѣ ничтожество волхва, прекратилъ народное возстаніе.

Мало по малу, конечно, народъ терялъ довѣріе къ волхвамъ и менѣе поддавался ихъ обманамъ. Когда въ 1227 году появились четыре волхва въ Новгородѣ и попробовали своими росказнями возмутить населеніе, то на нихъ возстало ужъ не одно духовенство, но и весь народъ. Само вѣче присудило казнить ихъ.

Въ Кіевѣ христіанство укоренилось сильнѣе, чѣмъ на сѣверѣ, и поднять народъ противъ духовенства было здѣсь труднѣе. Въ концѣ XI вѣка появился и тутъ кудесникъ. Онъ сталъ разсказывать, будто боги ему открыли, что черезъ пять лѣтъ Днѣпръ потечетъ вверхъ, и Русская земля станетъ на мѣстѣ Греческой, а Греческая на мѣстѣ Русской. Хотя нашлись и въ Кіевѣ люди, которые повѣрили кудеснику, но большая часть смѣялась надъ нимъ и говорила:

— „Бѣсъ играетъ тобою на пагубу тебѣ“!

Кудесникъ въ Кіевѣ не имѣлъ успѣха.

Упорную борьбу съ язычествомъ пришлось вести въ Муромѣ. Край этотъ, глухой, лѣсистый, былъ заселенъ финскими племенами—Муромой и Мордвой; славянскихъ поселковъ въ этой области было мало. Князья здѣсь являются съ конца XI вѣка, когда получилъ въ удѣлъ Муромо-Рязанскія земли сынъ Святослава Черниговскаго Ярославъ, родоначальникъ рязанскихъ князей и просвѣтитель этого края. Прибылъ онъ въ Муромъ съ сыновьями—Михаиломъ и Ѳеодоромъ, съ духовенствомъ и дружиною. Язычники встрѣтили его враждебно, съ оружіемъ въ рукахъ, и даже убили княжича Михаила. Ярославъ занялъ городъ и велѣлъ строить въ немъ церкви. Чѣмъ усерднѣе старался князь распространять христіанство, тѣмъ болѣе злобились язычники. Однажды они цѣлыми толпами обступили княжій дворъ и хотѣли убить князя; Ярославъ неустрашимо вышелъ одинъ къ толпѣ съ иконою въ рукахъ; твердость князя

смутила мятежниковъ. Ему удалось многихъ изъ нихъ обратить въ христіанство. Въ назначенный день на Окѣ произошло крещеніе народа подобно тому, какъ въ Кіевѣ при св. Владимірѣ.

Ревнителямъ христіанства много еще было дѣла; приходилось не только бороться съ двоевѣріемъ, но и съ настоящимъ и упорнымъ язычествомъ. Кіево-Печерскій монастырь сильно помогалъ дѣлу просвѣщенія Русской земли христіанствомъ. Одинъ изъ бывшихъ иноковъ монастыря св. Леонтій сдѣлался епископомъ въ Ростовѣ. Первые два епископа ростовскіе, греки по происхожденію, принуждены были бѣжать отъ ярости язычниковъ; но св. Леонтій не бѣжалъ, хотя язычники бранили, били, выгнали изъ города и грозили убить его. Онъ поселился за городомъ, привлекалъ къ себѣ ласками дѣтей и училъ ихъ: видѣлъ онъ, какъ трудно обратить въ христіанство людей взрослыхъ, закоренѣлыхъ язычниковъ, и думалъ дѣйствовать на подрастающее поколѣніе. Поднялись противъ него язычники за то, что онъ дѣтей ихъ отвращаетъ отъ старой вѣры, бросились къ церкви съ дубинами и оружіемъ. Всѣ окружавшіе епископа трепетали отъ ужаса, но Леонтій облачился въ святительскія ризы и съ крестомъ въ рукахъ вышелъ къ дикой толпѣ. Спокойная твердость его поразила язычниковъ, а сильное слово святителя такъ подѣйствовало на толпу, что многіе изъявили готовность принять крещеніе. Подвиги Св. Леонтія кончились однако мученическою смертью (около 1070 года). Преемникъ его св. Исаія усердно продолжалъ его дѣло: ходилъ по всей Ростовской и Суздальской землѣ, всюду проповѣдывалъ, крестилъ народъ, уничтожалъ идоловъ и строилъ церкви.

Позже всѣхъ славянскихъ племенъ крестились Вятичи. И здѣсь просвѣтителемъ язычниковъ былъ инокъ Кіево-Печерскаго монастыря Св. Кукша. Подобно Св. Леонтію и онъ претерпѣлъ мученическую смерть Сохранились церковныя преданія и о другихъ мученикахъ изъ кіево-печерскихъ иноковъ. Преп. Евстратій попался въ плѣнъ къ половцамъ, разграбившимъ Печерскій монастырь въ 1096 году. Онъ вмѣстѣ съ монастырскими работниками былъ проданъ въ Корсунь одному еврею, который сталъ принуждать ихъ отречься отъ христіанства, морилъ ихъ голодомъ; Евстратій подкрѣплялъ ихъ своими наставленіями. Они рѣшились скорѣе умереть, чѣмъ измѣнить вѣрѣ; всѣ они и умерли отъ голода. Евстратій пережилъ ихъ: онъ съ юности привыкъ къ посту, и потому дольше другихъ могъ выносить голодъ. Въ день Пасхи еврей распялъ Евстратія на крестѣ. Страдалецъ, умирая, благодарилъ Господа Іисуса Христа за то, что Онъ удостоилъ его пострадать такъ, какъ пострадалъ нѣкогда самъ.

— „Я вѣрую, говорилъ мученикъ своимъ мучителямъ, наступитъ день и мнѣ Господь скажетъ, какъ сказалъ разбойнику: днесь будеши со мною въ раю“...

Тяжкимъ мученьямъ подвергся и другой инокъ кіево-печерскій преп. Никонъ. Попалъ онъ также въ плѣнъ къ половцамъ. Богатые родственники хотѣли выкупить его изъ плѣна, но онъ воспротивился.

— „Если бы Господу было угодно, — говорилъ онъ, — чтобы я былъ свободенъ, Онъ не отдалъ бы меня въ руки беззаконниковъ. Охотно перенесу все, что случится со мною по волѣ Его“.

Не получивъ выкупа, половцы озлобились, начали мучить плѣнника разными муками: морили голодомъ, били, жгли на огнѣ, рѣзали ножами, лѣтомъ сажали на солнце, зимой держали на морозѣ, подрѣзали ему жилы на обѣихъ ногахъ, чтобы не могъ онъ бѣжать. Онъ все переносилъ съ терпѣніемъ...

Примѣры необыкновенной твердости духа и переходившіе изъ устъ въ уста разсказы о подвижникахъ и мученикахъ, — этихъ богатыряхъ духовной силы, дѣйствовали на народъ очень сильно, — сильнѣе, чѣмъ проповѣди, и помогали распространенію христіанской вѣры и большему утвержденію ея въ народѣ.

Просвѣщеніе.

Кіево-Печерская обитель и другіе монастыри помогали усиленію на Руси христіанства не только тѣмъ, что изъ нихъ выходили проповѣдники, но и распространеніемъ книгъ. Онѣ въ то время были исключительно богослужебныя и поучительныя, и потому читать ихъ уже считать дѣломъ благочестивымъ, а переписывать ихъ и этимъ содѣйствовать распространенію слова Божія, конечно, считалось подвигомъ очень важнымъ и богоугоднымъ. Съ каждымъ годомъ воздвигались новыя церкви, и богослужебныхъ книгъ (евангелій, псалтырей и др.) требовалось много. Князья и богатые люди, которые заботились о церквахъ, платили хорошія деньги за книги. Цѣнились онѣ въ то время очень дорого, такъ какъ были рукописныя. Понятно поэтому, что въ монастыряхъ монахи, умѣвшіе писать, усердно трудились надъ перепиской книгъ: дѣло было и богоугодное, и выгодное для обители, такъ какъ плата за трудъ шла въ пользу монастыря. Св. Ѳеодосій во время своего игуменства очень заботился о томъ, чтобы грамотные иноки занимались перепиской книгъ. Съ тѣхъ поръ это дѣло не прекращалось въ Кіево-Печерской обители.

Въ то время не знали еще скорописи, каждую букву старательно вырисовывали; нѣкоторые писцы писали очень искусно. Заглавныя и начальныя буквы обыкновенно весьма старательно рисовали и придавали имъ иногда очень затѣйливый видъ; писали по большей части киноварью (красною краскою); иногда эти буквы и узорчатыя украшенія въ началѣ книги или главы наводили золотомъ. Писали въ тѣ времена на пергаментѣ, (такъ называлась особеннымъ образомъ выдѣланная телячья или баранья кожа). Понятно, что пергаментная рукопись, изящно писанная, цѣнилась очень дорого.

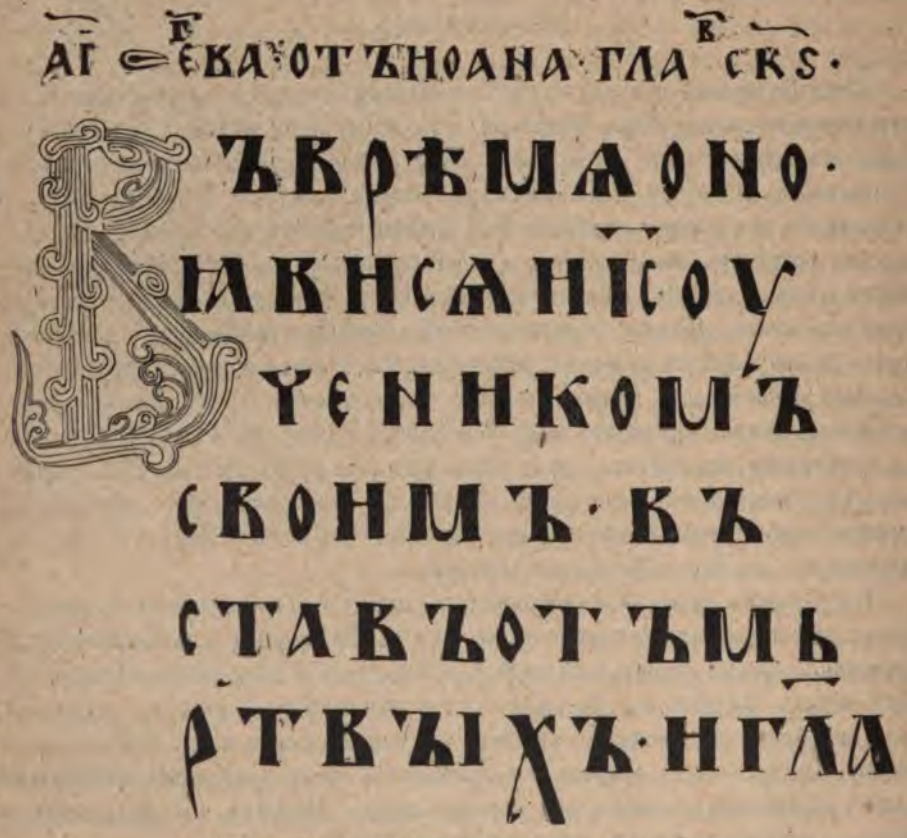
Списываніе книгъ считалось такимъ важнымъ искусствомъ, что занимались имъ не только духовныя, но и высокопоставленныя свѣтскія лица, напр., княжна полоцкая Евфросинія (XII в.), Владиміръ, князь Волынскій (XIII в.).

Самый древній памятникъ церковно-славянской письменности на Руси, дошедшій до насъ, — это евангеліе, написанное въ Новгородѣ въ 1056—57 гг., въ княженіе Изяслава Ярославича, дьякономъ Григоріемъ для посадника Остромира. (Хранится это евангеліе въ настоящее время въ Императорской Публичной библіотекѣ въ С.-Петербургѣ).

Книги пріобрѣтались не только для церквей, но и благочестивые князья и богатые люди изъ бояръ не жалѣли иной разъ издержекъ, чтобы имѣть у себя

дома рукописи. Любилъ книги, какъ мы уже видѣли, Ярославъ I; сынъ его Святославъ Черниговскій имѣлъ у себя полныя клѣти книгъ; Всеволодъ Ярославичъ то-же былъ большой книголюбецъ; Владиміръ Мономахъ не уступалъ въ этомъ своему отцу.

Послѣ книгъ св. писанія, въ переводахъ болгарскихъ и русскихъ распространились у насъ творенія св. отцевъ, житія святыхъ, византійскія лѣтописи (хронографы), сборники разнообразнаго содержанія. Иной разъ книги украшались картинками. Хотя нѣкоторыя изъ нихъ рисованы и съ большимъ стараніемъ, но вообще очень неискусно. Живопись въ тѣ времена была въ упадкѣ и



Изображеніе письменъ изъ Остромірова Евангелія.

въ Греціи, и потому нашимъ рисовальщикамъ XI—XIII вѣковъ не у кого было научиться.

Особенно любопытенъ сборникъ, переведенный съ греческаго языка для болгарскаго царя Симеона и переписанный съ нѣкоторыми измѣненіями для Святослава Ярославича 1073 г.; здѣсь находимъ между раскрашенными рисунками изображеніе князя Святослава и его семьи. По этому рисунку можно судить объ одеждѣ князей и княгинь XI вѣка.

Въ XI вѣкѣ встрѣчаются уже наряду съ переводными сочиненіями и произведенія русскихъ проповѣдниковъ и писателей (Луки новгородскаго епископа,

Иларіона, митрополита кіевскаго, Ѳеодосія). Въ Кіево-Печерской обители появляются первыя житія русскихъ святыхъ. Изъ нихъ особенно замѣчательны „Житіе Бориса и Глѣба“ и „Житіе Ѳеодосія“, написанныя преподобнымъ Несторомъ. Пришелъ онъ въ Печерскую обитель семнадцатилѣтнимъ юношей (1073 г.), постриженъ былъ въ иноки, затѣмъ посвященъ въ діакона. Въ 1091 г. ему было поручено съ двумя иноками откопать мощи св. Ѳеодосія. Обитель въ это время полна была живыхъ воспоминаній о своемъ великомъ основателѣ, и Несторъ, человѣкъ книжный и любознательный, могъ многое разсказать о Ѳео-

Семья князя Святослава (Изборникъ Святослава).

досіи по свѣжимъ воспоминаніямъ. Глубокимъ благоговѣніемъ и задушевностью проникнуть этотъ замѣчательный трудъ Нестора.

„Когда я вспоминалъ, братія,—говоритъ онъ, приступая къ описанію житія,—что жизнь преподобнаго никѣмъ не описана, то всякій день погружался въ печаль и молилъ Бога, да сподобитъ меня все по-порядку описать о жизни богоноснаго отца нашего Ѳеодосія, чтобы и будущіе послѣ насъ черноризцы, прочитавъ описаніе жизни и увидѣвъ доблесть мужа, восхвалили Бога, прославляя и угодника Его и укрѣпились на подвигъ, особенно потому, что въ сей странѣ явился такой мужъ и угодникъ Божій“.

Такимъ же чувствомъ руководились и другіе составители житій, которыя были любимымъ чтеніемъ въ древней Руси.

Преподобнаго Нестора считаютъ также и древнѣйшимъ русскимъ лѣтописцемъ; но лѣтописнаго труда его не сохранилось до нашего времени. Самая древняя лѣтопись („Повѣсть временныхъ лѣтъ"), дошедшая до насъ, составлена въ началѣ XII ст. Сильвестромъ, игуменомъ Выдубицкаго монастыря; но и этотъ трудъ дошелъ до насъ только въ позднѣйшихъ спискахъ (не раньше XIV—XV ст.). Кромѣ житій святыхъ и лѣтописей, любознательныхъ людей должны были сильно занимать описанія путешествій. Въ XI—XII вѣкахъ въ древней Руси очень распространился обычай ходить на богомолье и на поклоненіе ко святымъ мѣстамъ. Многіе отправлялись не только въ византійскіе монастыри, на Аѳонъ, но даже и въ Палестину. Такихъ странниковъ называли „паломниками", такъ какъ они привозили изъ Іерусалима „пальмовыя" вѣтви. Странничество, или паломничество, такъ усилилось, что наша церковь старалась ограничить его, убѣждая богомольцевъ, что можно спасаться и не предпринимая дальнихъ странствованій.

Изъ описаній благочестивыхъ путешествій, дошедшихъ до насъ, особенно любопытно „Хожденіе игумена Даніила", въ началѣ XII ст.

„Я, недостойный, говоритъ Даніилъ, по любви къ святымъ мѣстамъ, описалъ все, что видѣлъ своими грѣшными очами, чтобы не забыть того, что показалъ Богъ мнѣ недостойному, а также и ради вѣрныхъ людей, чтобы, кто услышитъ о сихъ святыхъ мѣстахъ, свою душу и сердце наполнилъ бы мыслью о нихъ и получилъ бы равную мзду съ ходившими къ симъ святымъ мѣстамъ". Все вниманіе Даніила въ его трудѣ направлено на святыню; о ней только и говоритъ онъ подробно, описывая Іерусалимъ, говоря объ Іорданѣ, о гробѣ Господнемъ, о чудесномъ схожденіи свѣта ко гробу и пр.

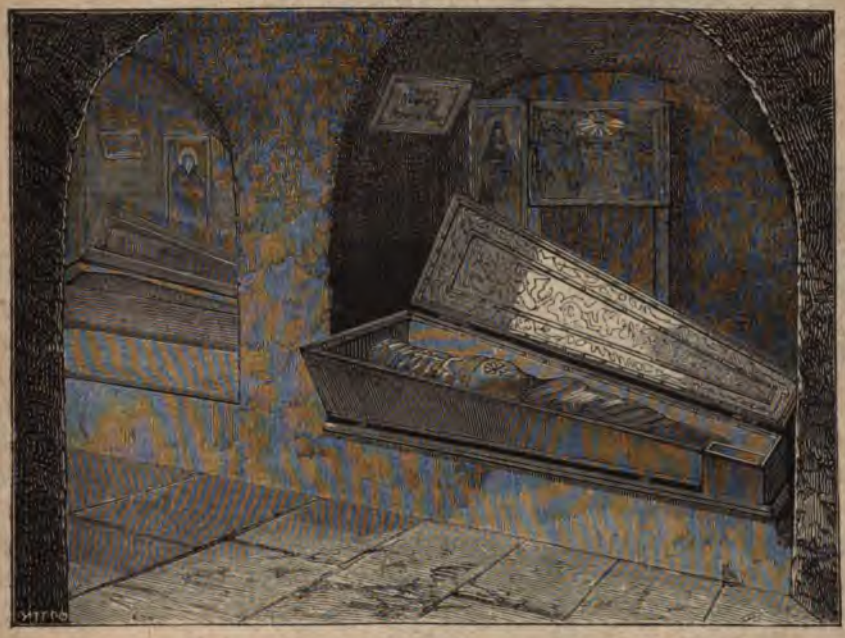
Къ XII вѣку относятся проповѣди Кирилла еп. Туровскаго, который подражалъ византійскимъ проповѣдникамъ, путешествіе Новгородскаго архіеп. Антонія, Поученіе Владиміра Мономаха, Слово о полку и друг.

Всѣ эти произведенія за исключеніемъ „Слова о полку" отличаются церковнымъ или поучительно-христіанскимъ направленіемъ. Большая часть ихъ выходитъ изъ монастырей.

Изъ сказаннаго видно, что Кіево-Печерская обитель, а затѣмъ и другіе монастыри помогли распространенію не только христіанства, но и книжнаго искусства и просвѣщенія на Руси. При Андреевскомъ женскомъ монастырѣ въ Кіевѣ Янка, дочь Всеволода, завела училище для обученія дѣвицъ грамотѣ. Ярославъ, князь Галицкій, распорядился, чтобы монастыри на свой счетъ содержали школы и учителей для народа. Кромѣ монастырей, заводились школы и при церквахъ.

Русскій народъ до сихъ поръ высоко чтитъ кіевскія святыни и особенно Кіево-Печерскую Лавру. Съ наступленіемъ весны, особенно въ послѣднія недѣли великаго поста, по всѣмъ дорогамъ, ведущимъ въ Кіевъ, можно встрѣтить множество богомольцевъ, по большей части пѣшихъ, съ котомками за плечами, съ посохами въ рукахъ. Идутъ они иной разъ очень издалека въ Кіевъ, чтобы поклониться кіево-печерскимъ угодникамъ и встрѣтить праздникъ Пасхи въ стѣнахъ святой обители. Во время богослуженія громадная пестрая толпа напол-

няетъ знаменитую Успенскую церковь Кіево-Печерскаго монастыря и весь дворъ вокругъ церкви. Тутъ можно видѣть въ толпѣ богомольцевъ и жителя крайняго сѣвера, и южанина, и великорусса, и малоросса; тутъ можно услышать разные говоры, увидѣть разныя мѣстныя одежды; но вся эта пестрая толпа сливается здѣсь воедино: одной и той же святынѣ поклоняется, однѣ и тѣ-же молитвы творитъ. У церковныхъ дверей, у входа на монастырскій дворъ стоитъ множество нищихъ, калѣкъ, слѣпыхъ. Сбрелись эти убогіе тоже съ разныхъ концовъ



Пещера преп. Нестора въ Кіевопечерской лаврѣ.

Русской земли сюда въ Лавру; здѣсь монахи по старому преданію даютъ имъ пріютъ и кормятъ ихъ. Иной разъ слѣпцы, сидя на церковной паперти съ деревянными чашками въ рукахъ, поютъ заунывнымъ голосомъ духовные стихи, особенно стихъ о Лазарѣ,—поютъ такъ, какъ пѣлся этотъ стихъ лѣтъ пятьсотъ тому назадъ. И кладетъ православный людъ ради душевнаго спасенія свои трудовые гроши въ чашки нищихъ—калѣкъ, немощныхъ тѣломъ, но, по убѣжденію народа, сильныхъ у Бога своею молитвою.

XI.

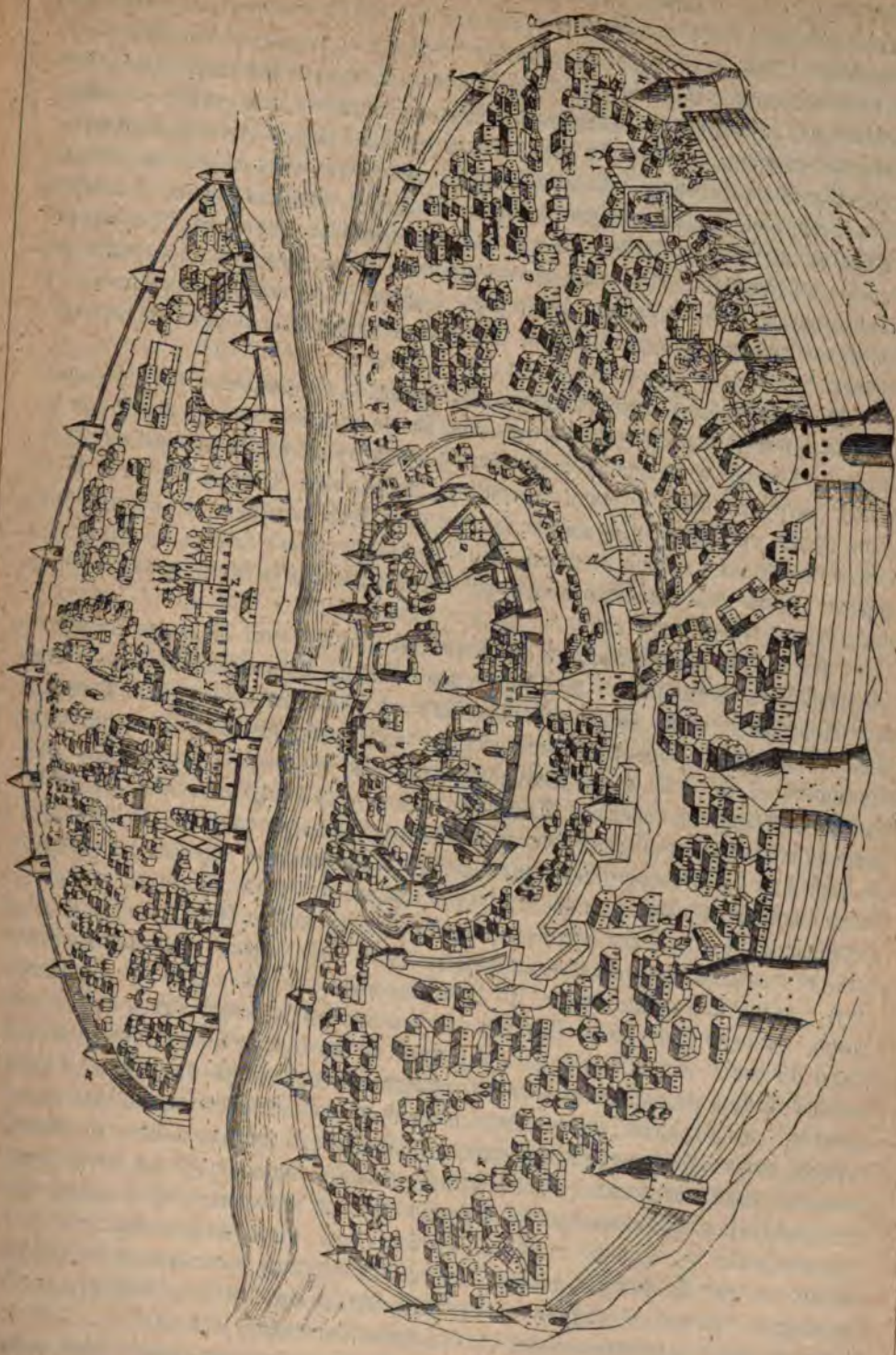
Новгородъ и Владиміръ.

Древній Новгородъ и его торговля.

Много было городовъ на Руси въ XII вѣкѣ,—насчитываютъ ихъ нѣсколько сотъ; но они большею частію походили на села; постройки были бѣдныя, деревянныя, въ родѣ теперешнихъ крестьянскихъ избъ. Въ стольныхъ городахъ, гдѣ жили князья, княжескіе терема, конечно, устраивались пошире и побогаче. Лучшими зданіями въ городѣ были церкви,—обыкновенно тоже деревянныя; только въ болѣе многолюдныхъ и богатыхъ городахъ встрѣчаются каменныя церкви. Главною принадлежностью древняго города была ограда. Огороженное мѣсто, или крѣпость, и называлось собственно „городомъ“; называли также его „дѣтинцемъ“, „кремлемъ“, иногда „верхнимъ городомъ“, такъ какъ строился онъ на болѣе высокомъ мѣстѣ.

Въ дѣтинцѣ, или въ городѣ, жилъ обыкновенно князь со своею дружиною, а если городъ былъ не стольный, то намѣстникъ-бояринъ со своими людьми. Около стѣнъ города селились купцы, разные ремесленники и черный рабочій людъ; такимъ образомъ, кромѣ внутренняго города, являлся городъ внѣшній, „кромный“, или посадъ, какъ обыкновенно называли въ старину внѣшній городъ. Иногда и такой посадъ обводился оградой. Бывали случаи, что въ большихъ городахъ была еще и третья ограда. Самыми большими городами въ XII вѣкѣ у насъ были Кіевъ, Новгородъ, Черниговъ и Смоленскъ. Города эти находились на торговомъ пути изъ Варяжскаго моря въ Черное и могли процвѣтать, благодаря торговлѣ.

Новгородъ находится въ двухъ верстахъ отъ истока рѣки Волхова изъ озера Ильменя. Рѣка дѣлитъ городъ на двѣ стороны: Торговую на восточномъ берегу и Софійскую на западномъ. Главною частью города былъ дѣтинецъ на Софійской сторонѣ. Это было довольно пространное мѣсто, обнесенное стѣнами съ башнями и воротами. Въ дѣтинцѣ, или кремлѣ, жилъ князь со своей дружиной и новгородскій владыка (архіепископъ). Здѣсь же красовалась и главная церковь Новгородская—Софійскій соборъ. Вокругъ кремля шелъ посадъ, который образовался изъ отдѣльныхъ поселковъ и дѣлился на три части, или конца



План древняго Новгорода.

какъ говорили въ старину. Здѣсь было еще двѣ стѣны съ башнями и воротами. Каменныя стѣны эти выстроены въ XII или даже XIII столѣтіи, а раньше въ Новгородѣ, какъ и въ другихъ древнихъ городахъ, укрѣпленія состояли изъ земляныхъ валовъ и частоколовъ.—На восточномъ берегу Волхова была Торговая сторона, гдѣ главнымъ образомъ помѣщались торжища, или рынки, и лавки, Главнымъ мѣстомъ здѣсь былъ Ярославовъ дворище (тутъ нѣкогда помѣщался дворъ Ярослава). Мѣсто это представляло обширную площадь, около которой было построено нѣсколько церквей. Здѣсь находилась вѣчевая башня, у которой собиралось обыкновенно вѣче. Подлѣ нея расположены были готскій торговый дворъ, нѣмецкій и др. Торговая сторона заключала въ себѣ двѣ части, или два конца города, такъ что весь Новгородъ заключалъ въ себѣ, кромѣ кремля и Ярославова дворища, пять концовъ. Торговая и Софійская сторона соединялась мостомъ.

Новгородъ былъ самымъ торговымъ городомъ въ древней Руси. Мѣстоположеніе его было удобно для торговли: по Волхову можно легко спуститься въ Ладожское озеро, а отсюда по Невѣ—въ Балтійское море; по рѣкамъ изъ Новгорода нетрудно было подойти близко къ верховьямъ Днѣпра и Волги. И въ наше время для торговли лучшими путями считаются водные, а въ старину они имѣли еще больше значенія: народу жило тогда въ странѣ мало и прокладывать дороги сквозь лѣса, по болотамъ гати гатить, да мосты чрезъ рѣки строить населенію было не подъ силу.

Въ XI и XII столѣтіяхъ Новгородцы ведутъ уже большую торговлю съ островомъ Готландомъ на Балтійскомъ морѣ. Готландскіе купцы имѣли въ Новгородѣ свой дворъ (готландскій) и свою церковь. На Готландѣ была тоже русская церковь, построенная заѣзжавшими туда новгородскими купцами. А въ XII вѣкѣ новгородцы заводятъ торговыя сношенія съ нѣмцами, особенно съ городомъ Любекомъ. Позже, въ XIII столѣтіи, нѣсколько нѣмецкихъ городовъ, въ томъ числѣ и Любекъ, составляютъ союзъ (Ганзейскій), и торговля съ Новгородомъ усиливается. Иностранные корабли съ товарами останавливались обыкновенно въ устьѣ Невы, у острова Котлина; здѣсь ихъ встрѣчали новгородскіе пристава, провожали до самаго Новгорода, охраняли ихъ отъ всякой опасности, пріискивали лоцмановъ, хорошо знающихъ рѣчной путь, подводные камни, мели. По Невѣ иноземные корабли шли въ Ладожское озеро, доходили до устья Волхова. Здѣсь товары перегружались на меньшія суда (большія морскія суда не могли идти по Волхову). Неподалеку отъ Новгорода товары подвергались осмотру, облагались небольшою пошлиною, и тогда шли въ городъ; здѣсь выгружались и на телѣгахъ свозились въ склады на нѣмецкій дворъ. Иностранцы привозили въ Новгородъ разные товары въ обработанномъ видѣ: шерстяныя ткани, сукна, полотна, вина, стекло и другія издѣлія фабричной промышленности. Русскіе сбывали иноземцамъ по большей части произведенія въ сыромъ видѣ, необработанныя: мѣха, кожи, сало, ленъ, коноплю и др. Иноземные товары новгородскіе купцы развозили и по другимъ русскимъ городамъ,—ѣздили въ Суздаль, Владиміръ, Кіевъ, Черниговъ, Галичъ и тамъ продавали товары съ большимъ барышомъ для себя.

Новгородская область не отличалась плодородіемъ, страдала часто неуро-

жаями, и потому новгородцы нерѣдко нуждались въ хлѣбѣ, который доставлялся имъ изъ приволжскихъ странъ по Волгѣ, а иногда и съ юга по Днѣпру.

Мѣха и шкуры были наиболѣе цѣннымъ товаромъ, который продавали новгородцы иностранцамъ. Вдоволь можно было добыть этого товару и близъ Новгорода; но чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ пушистѣе и красивѣе мѣха у звѣрей. Предпріимчивые промышленники подвигались все дальше и дальше на сѣверъ и востокъ. Земли здѣсь были бѣдныя, малонаселенныя; на далекомъ разстояніи одинъ отъ другого были разбросаны маленькіе финскіе поселки; зато лѣсныя дебри здѣсь были безконечныя, а пушнаго звѣря было пропасть. Новгородскіе промышленники, заходившіе сюда обыкновенно вооруженными толпами, заставляли финовъ подчиняться себѣ, платить дань мѣхами, а не то устраивали и сами новые поселки (колоніи), охотничьи станицы, въ болѣе удобныхъ мѣстахъ, на берегахъ рѣкъ. Эти поселки иной разъ разростались въ большія селенія и города. Такъ основанъ былъ городъ Хлыновъ (Вятка). Такимъ образомъ мало-по-малу почти вся страна къ сѣверу отъ Волги, весь нынѣшній сѣверный край былъ подчиненъ Новгороду, сталъ его волостью.

Новгородская община.

Благодаря обширной торговлѣ, Новгородъ раньше другихъ русскихъ городовъ достигъ цвѣтущаго состоянія и даже независимости. Во всѣхъ городахъ въ древности былъ обычай у жителей для рѣшенія наиболѣе важныхъ дѣлъ собираться на вѣче. Но нигдѣ оно не имѣло такой силы, какъ въ Новгородѣ. Ярославъ I въ благодарность за помощь новгородцевъ во время борьбы его со Святополкомъ далъ имъ льготы: вѣроятно, уменьшилъ дань, какую они должны были платить великому князю, и далъ больше правъ вѣчу. Съ этого времени Новгородъ все больше и больше богатѣетъ, и вѣче его становится все сильнѣе и сильнѣе; дѣло доходитъ, наконецъ, до того, что вѣче само приглашаетъ князя и указываетъ ему путь изъ Новгорода, если князь чѣмъ-либо не угоденъ народу. Вѣче иной разъ судитъ даже князя и иныхъ властныхъ людей, избираетъ всѣхъ должностныхъ лицъ, посадника, тысяцкихъ и др., издаетъ законы, отмѣняетъ ихъ, объявляетъ войну, заключаетъ миръ, установляетъ подати и повинности.

Населеніе Новгорода состояло изъ бояръ, владѣвшихъ большими владѣніями, житьихъ (т. е. богатыхъ) людей, купцовъ и черныхъ людей. На вѣчѣ могли участвовать всѣ члены новгородскихъ общинъ, т. е. всѣ домовладѣльцы, хозяева, какъ богатые, такъ и бѣдные, какъ бояре, купцы, такъ и черные люди. Но не весь народъ собирался поголовно. На правильное вѣче не могли приходить, напр., сыновья домохозяевъ, хотя бы и совершеннолѣтніе, не могли приходить и такъ называемые „вольные люди“, не принадлежавшіе ни къ какой Новгородской общинѣ.

Собиралось вѣче по старому обычаю на Ярославовомъ дворѣ или на площади у Софійской церкви. Правильное вѣче созывалъ или князь, или посадникъ, посылая обыкновенно бирючей по улицамъ скликать людей. На такое вѣче новгородцы собирались каждый конецъ и каждая улица, составлявшіе

отдѣльныя общины, со своими старостами. Когда всѣ сходились на Ярославовъ дворъ и разсаживались въ извѣстномъ порядкѣ на приготовленныхъ для нихъ ступеняхъ, тогда звономъ колокола на вѣчевой башнѣ возвѣщалось открытіе вѣча. Водворялась тишина. Самъ посадникъ или вѣчевой дьякъ громогласно заявлялъ собравшимся тѣ вопросы, которые надлежало рѣшить. Собранные на вѣчѣ новгородцы свое согласіе и несогласіе выражали криками. Когда дѣло было рѣшено, то писалась грамота обыкновенно такимъ образомъ: „Отъ посадника великаго Новгорода (имя посадника), и отъ всѣхъ старыхъ посадниковъ, и отъ тысяцкаго великаго Новгорода, отъ всѣхъ пяти концовъ. На вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ положили сдѣлать то-то (излагалось самое рѣшеніе). Къ грамотѣ прикладывалась вѣчевая печать съ надписью „печать Великаго Новгорода“. Новгородъ въ грамотахъ обыкновенно величался „Господиномъ Великимъ Новгородомъ“.

На бѣду для новгородцевъ не всегда вѣча бывали правильныя. Случалось, что народъ, недовольный распоряженіями посадника, собирался на сходку, не соблюдая никакихъ правилъ. Тутъ ужъ сходились всѣ, кто хотѣлъ, даже и „вольные“ люди... Порою разомъ въ нѣсколькихъ церквахъ начинали звонить, и народъ сходился въ разныхъ концахъ города. Иногда эти неправильныя сходки имѣли такую силу, что невозможно было созвать правильнаго вѣча, и посадникъ, и тысяцкій должны были пристать къ какой-либо сторонѣ. Нерѣдко между противными сторонами происходили драки. Впослѣдствіи нерѣдко бывали случаи, что разомъ собиралось два враждебныя другъ другу вѣча: одно у св. Софіи, а другое на Ярославлѣ дворѣ. Враждебныя стороны сходились на Волховскомъ мосту, и завязывалась свалка... Въ такихъ случаяхъ бывало новгородскій владыка являлся съ причтомъ въ полномъ облаченіи съ крестомъ въ рукахъ и старался умиротворить враждующихъ.

Владыка новгородскій избирался такъ же, какъ и посадникъ, т. е. на вѣчѣ. Выбирали обыкновенно трехъ лицъ изъ новгородскаго духовенства, достойныхъ, по мнѣнію народа, быть владыками. Затѣмъ три жребія съ именами этихъ лицъ клали въ алтарѣ Софійскаго собора на престолъ, приводили въ алтарь слѣпца или ребенка; онъ бралъ два жребія; оставшійся на престолѣ третій жребій указывалъ на избранника Божія. Онъ долженъ былъ съѣздить въ Кіевъ, гдѣ митрополитъ и посвящалъ его въ архіепископы.

Главнымъ выборнымъ лицомъ въ Новгородѣ былъ посадникъ. Онъ былъ посредникомъ между народомъ и княземъ, созывалъ вѣча, велъ переговоры съ сосѣдними областями. Безъ посадника не могла быть выдана ни одна важная грамота отъ имени Новгородской общины; у него была печать съ надписью: „Новгородская печать посадника“. Въ случаѣ войны полки новгородскіе были обыкновенно подъ его начальствомъ, такъ что князь могъ вполнѣ свободно распоряжаться только своею дружиной Посадникъ, исправлявшій свою должность, именовался „степеннымъ посадникомъ“ въ отличіе отъ посадниковъ смѣненныхъ, которые назывались „старыми посадниками“ и пользовались часто тоже большимъ уваженіемъ со стороны народа. Иные посадники, умѣвшіе угождать народу, бывали „степенными“ часто по нѣскольку лѣтъ подъ рядъ.

Ближайшимъ помощникомъ посадника былъ тысяцкій, избираемый по-

добно посадникамъ на вѣчѣ изъ боярскихъ фамилій. Посадникъ былъ земскимъ начальникомъ всего Новгорода, а тысяцкій — начальникомъ черныхъ людей. При помощи черни, составлявшей большинство, тысяцкіе могли многое сдѣлать на вѣчѣ. Сверхъ того, они помогали посадникамъ во всѣхъ дѣлахъ, имѣли свой отдѣльный судъ, независимый отъ князя и посадника. Тысяцкій съ пятью старостами завѣдывалъ преимущественно судомъ между черными людьми. На вѣчѣ избирались и другія менѣе важныя должностныя лица: сотскіе, старосты, биричи и др.

Народовластіе въ Новгородѣ было такъ сильно, что здѣсь издавна завелся обычай избирать себѣ князей и удалять ихъ, „на всей волѣ Новгородской“; но все-же князь считался лицомъ необходимымъ: въ немъ видѣли верховнаго

Софійскій соборъ въ Новгородѣ.

судью, а, главное, предводителя войска, защитника земли отъ враговъ. Княжеская дружина составляла главную военную силу, около которой собиралась земская рать; только князь, по взгляду народа, былъ настоящимъ вождемъ, которому подчинялась и дружина, и войско, а бояръ, если ихъ ставили во главѣ военныхъ силъ, по словамъ лѣтописца, не всѣ слушались. Понятно, что князь получалъ большую силу въ военное время, когда Новгороду грозило вражье нападеніе; въ мирное же время, напротивъ, значеніе князя здѣсь уменьшалось, а орудовали всѣми дѣлами въ городѣ свои избранные и излюбленные люди, посадники и тысяцкіе.

Вѣче уже въ тринадцатомъ вѣкѣ вошло въ такую силу, что, призывая

князей, вступалъ съ ними въ „ряды“, т. е. въ договоры. Князь обязывался „держать Новгородъ по старинѣ и по пошлинѣ“ (по обычаю), безъ посадника людей новгородскихъ не судить, земель новгородскихъ своимъ людямъ не раздавать, безъ вины не лишать власти никого изъ выборныхъ должностныхъ лицъ.

Былъ разъ въ Новгородѣ такой случай (1218 г.). Княжилъ здѣсь Святославъ (одинъ изъ смоленскихъ князей). Не поладилъ онъ съ посадникомъ Твердиславомъ и сталъ требовать отъ вѣча, чтобы послѣдняго смѣнили.

— „Въ чемъ его вина“? спросили новгородцы.

Святославъ объявилъ, что онъ за посадникомъ вины никакой не знаетъ, но что тотъ ему не любъ. Тогда новгородцы сказали:

— „Ты, князь, цѣловалъ намъ крестъ, чтобы безъ вины не лишать мужа власти. Если тебѣ посадникъ не любъ, то мы тебѣ кланяемся (прощаемся, т. е. ты можешь уйти отъ насъ).

Волей или неволей Святославу пришлось примириться съ нелюбимымъ посадникомъ.

Понятно, что при такихъ порядкахъ князьямъ не жилось въ Новгородѣ: бывали случаи, что ему по нѣскольку лѣтъ подъ рядъ приходилось оставаться безъ князя. Князья, имѣвшіе свою волость, не шли княжить сюда, а посылали обыкновенно своихъ сыновей. И тѣ большею частію не долго сидѣли тутъ: какъ только выходила имъ очередь наслѣдовать какую-нибудь другую область, они спѣшили покинуть безпокойный вѣчевой городъ.

Частая смѣна князей въ Новгородѣ началась еще въ концѣ XI вѣка, а въ XII-мъ дѣло дошло уже до того, что въ одно это столѣтіе князей смѣнилось здѣсь до тридцати; и рѣдкій изъ нихъ оставался болѣе трехъ лѣтъ сряду.

За предѣлами Новгорода начиналась Новгородская земля. Она занимала большое пространство на востокъ до Торжка, на западъ до Финскаго залива, рѣки Наровы и Чудскаго озера, на югъ до Великихъ Лукъ и на сѣверъ до Ладожскаго озера. На этой землѣ было до 30 городовъ, подчиненныхъ Новгороду, или, какъ говорилось въ древности, „пригородовъ“ его. Важнѣйшіе изъ нихъ были Псковъ, Ладога, Руса, Изборскъ, Великіе-Луки, Торжокъ и др. Пригороды имѣли свои вѣча, но въ общихъ дѣлахъ они должны были подчиняться приговору новгородскаго вѣча. „На чемъ старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ“, говорили тогда, и этого правила должны были держаться всѣ пригороды на Руси.

Затѣмъ, кромѣ Новгородской земли, Новгороду, какъ сказано уже, принадлежала огромная волость, занимавшая почти весь сѣверъ нынѣшней Европейской Россіи. Изъ этой волости добывались мѣха,—самый цѣнный товаръ вывозной торговли.

Бойко шла новгородская торговля. Предпріимчивые и ловкіе купцы наживали себѣ огромныя состоянія; не мало было и богатыхъ именитыхъ бояръ; но не жилось никому спокойно въ Новгородѣ. Много было тутъ и честолюбцевъ, и недовольныхъ; многочисленная новгородская чернь нерѣдко волновалась. Случались голодные годы, повальныя болѣзни, страшные пожары,—все это причиняло волненія. Бывали случаи, что новгородская чернь подымалась противъ нелюбимаго посадника или противъ бояръ, творившихъ какое нибудь на-

силіе. Случалось, что и сами бояре, враждуя между собою, возбуждали народъ къ волненію, подкупали новгородскую чернь. Являлись на вѣчахъ подкупленные крикуны—вѣчники. Трудно бывало при этомъ иногда удержать порядокъ, подымался шумъ и гамъ со всѣхъ сторонъ; пускались въ дѣло кулаки да дубины, и начиналась свалка. Не мало гибло народу иной разъ во время такихъ побоищъ. Случалось, что дравшіеся входили въ такой задоръ, что нельзя было и унять ихъ. Ненавистныхъ людей народъ обыкновенно топилъ, бросалъ съ моста въ Волховъ. Недовольныхъ въ Новгородѣ и между чернью, и между боярами было много.—Сохранилось здѣсь языческое преданіе, что низвергнутый Перунъ, плывя по Волхову, кинулъ палку на мость и заповѣдалъ Новгороду вѣковѣчныя распри и драки.

Бывали случаи, что недовольные люди или удальцы, которымъ не по вкусу приходились разныя стѣсненія въ Новгородѣ, уходили отсюда искать удачи да

Старо-Ладожская крѣпость.

счастья на чужой сторонѣ. Иногда составлялись цѣлыя шайки такихъ „повольниковъ“; пускались они на ладьяхъ (ушкуяхъ) по рѣкамъ, разбойничали, грабили купцовъ, плавали и по морю, нападали на береговыхъ жителей. Случалось, что они основывали новые поселки.

Всякій „вольный человѣкъ“ (т. е. не входящій въ общину), богатый или бѣдный, бояринъ или простолюдинъ, могъ пойти въ повольники, — была бы только охота, сила да удаль. Въ дружины повольниковъ шла обыкновенно буйная и разгульная молодежь, искавшая простора, гдѣ бы развернуться и себя показать. Вождями по большей части становились сыновья богатыхъ новгородскихъ бояръ или купцовъ; они могли вооружить и на первыхъ порахъ сдержать ватагу бездомныхъ удальцовъ. Старики новгородскіе, сами въ молодости видавшіе всякіе виды, не только не мѣшали своимъ сынкамъ, но даже охотно отпускали ихъ повольничать; на грабежи и буйство на чужой сторонѣ смотрѣли

равнодушно, пусть-де молодежь и погуляетъ, да и сама бѣду узнаетъ, умнѣе будетъ,—не даромъ пословица говоритъ: „чужая сторона прибавитъ ума!“

Повольниковъ и нельзя назвать разбойниками въ полномъ смыслѣ этого слова: каждый изъ нихъ долженъ былъ горячо любить родину, радѣть о славѣ „Господина Великаго Новгорода“, долженъ былъ уважать старость, оборонять слабыхъ и несчастныхъ отъ обидъ и въ то же время считалъ позволительнымъ для себя поубавить богатства у какого нибудь чужого купца, обозъ съ товаромъ отбить у него, напасть на какой-нибудь чужой городъ, надѣлать переполоху, поочистить богатые дома...

Конечно, отъ этой буйной удали, не знавшей удержу, приходилось порою плохо и самому Господину Великому Новгороду.

Былины Новгородскія.

До сихъ поръ еще народъ въ своихъ пѣсняхъ вспоминаетъ и новгородскую необузданную вольницу, и народныя драки, а также прежнюю славу и богатство Новгорода.

Въ одной новгородской былинѣ (Василій Буслаевичъ) изображенъ буйный удалецъ, повольникъ.

„Въ славномъ великомъ Новгородѣ, говорится въ былинѣ, жилъ старый Буслай девяносто лѣтъ, жилъ онъ со всѣми въ мирѣ-согласіи, ладилъ съ чернью новгородской, поперекъ ей слова не говаривалъ. Умеръ онъ и остались по немъ имѣніе великое, вдова его да чадо милое, Васенька. Отдавала мать сына своего учить грамотѣ, письму да пѣнью церковному. Ученье ему въ прокъ пошло, и нѣтъ во всемъ Новгородѣ такого пѣвца, какъ Васенька; да на бѣду повадился онъ пить-пировать съ веселыми удалыми молодцами. Пьетъ онъ,—допьяна напивается, по улицамъ похаживаетъ да шуточки недобрыя пошучиваетъ: кого за руку возьметъ—руку вывихнетъ, кого за ногу хватитъ—ногу вывернетъ. Идутъ мужики новгородскіе жаловаться Васиной матушкѣ. „Честная вдова, говорятъ ей,—уйми ты свое чадо милое? Не хорошія шутки сталъ онъ пошучивать? А то вѣдь съ такой удачей молодецкой быть ему въ рѣкѣ Волховѣ“. Стала мать журить сына. Не по душѣ это пришлось Васенькѣ; озлился онъ на мужиковъ, что жаловались на него да грозили потопить его въ Волховѣ. Задумалъ онъ собрать себѣ дружину храбрую. Пишетъ онъ „ярлыки (записки) скорописчаты“: „Кто хочетъ пить и ѣсть изъ готоваго, валися къ Васькѣ на широкій дворъ,—тотъ пей и ѣшь готовое и носи платье разноцвѣтное“. Разсылаетъ онъ эти ярлыки по улицамъ и проулочкамъ новгородскимъ. Собираются къ нему удальцы со всѣхъ концовъ. Пришелъ Костя Новоторженинъ, пришли Потанюшка Хроменькій, Хомушка Горбатенькій и другъ. Пробуетъ ихъ силу Васенька Буслаевичъ,—заставляетъ выпить чару зелена вина въ полтора ведра, бьетъ каждаго изъ нихъ палицей въ двѣнадцать пудъ. Коли молодецъ стоитъ при этомъ, не шелохнется, братается Васенька съ нимъ и принимаетъ его въ свою дружину хоробрую“. Набралъ себѣ онъ тридцать удальцовъ.

Вызываетъ тогда онъ всѣхъ мужиковъ новгородскихъ на бой. Тѣ принимаютъ вызовъ. Начинается свалка на Волховскомъ мосту. Плохо мужикамъ

новгородскимъ,—много ихъ избито, изранено; дружина Васильева одолѣваетъ ихъ. Видятъ они—дѣло плохо,—на хитрости пускаются. Побѣжали къ матери Василія, принесли ей подарки и просятъ: „Прими у насъ дороги подарочки, и уйми свое чадо милое!“ Мать унимаетъ сына, сажаетъ въ глубокій погребъ; покоряется ей Васенька, не смѣетъ онъ ослушаться родимой матушки. Плохо пришлось и дружинѣ безъ него; стали одолѣвать ее мужики новгородскіе. Выпускаютъ тогда Василія изъ погреба.

Разгорѣлось его сердце богатырское, схватилъ онъ ось телѣжную и бросается своимъ на помощь,—мужиковъ такъ валомъ и валитъ. Стали снова они просить матушку вступиться за нихъ. Посылаетъ она Васильева крестоваго батюшку унять сынка. Одѣваетъ старчище пилигримище колпакъ на голову въ двадцать пудъ, беретъ клюку въ руки въ десять пудъ, приходитъ на мостъ къ Василію, глядитъ ему прямо въ ясны очи и говоритъ ему: „Ай же ты, мое чадо крестное! укроти свое сердце богатырское, оставь мужичковъ хоть малую часть“.

Расходилось сердце у Васеньки: нѣтъ на него ни уйму, ни удержу. „Ай же ты, крестный мой батюшка! говоритъ онъ въ отвѣтъ,—не далъ я тебѣ яичка во Христовъ день, дамъ я тебѣ яичко въ Петровъ день!“ Щелкнулъ онъ крестнаго батюшку осью желѣзною,—тутъ крестовому батюшкѣ и славу поютъ. Сама мать приходитъ унимать расходившагося Васеньку; догадалась старушка, зашла сзади и пала на плечи его могучія. „Ай же ты, чадо мое милое, говоритъ она,—укроти свое сердце богатырское, оставь мужичковъ хоть малую часть!“

Тутъ Васильюшка Буслаевичъ опускаетъ свои руки могучія къ сырой землѣ, выпадаетъ ось желѣзная изъ бѣлыхъ рукъ. „Ай ты, свѣтъ государыня матушка, говоритъ онъ, умѣла ты унять мою силу великую, догадалась зайти позади меня, а если бы зашла ты спереди, то не спустилъ бы тебѣ государынѣ матушкѣ, убилъ бы тебя замѣсто мужика новгородскаго“. Оставляетъ тогда Васенька смертное побоище. Оставилъ онъ мужиковъ малую часть, а набилъ ихъ, что пройти нельзя.

Много бѣды да грѣховъ натворилъ Василій Буслаевичъ. „Съ молоду бито много, граблено, подъ старость надо душу спасти“, говоритъ онъ и проситъ у своей государыни-матушки благословенья великаго „идти въ Ерусалимъ-градъ со всею дружиною храброю, Господу Богу помолитися, ко святой святынѣ приложитися, въ Ерданѣ-рѣкѣ искупатися“.—„Чадо мое милое, отвѣчаетъ ему мать,—коли ты пойдешь на добрыя дѣла, дамъ тебѣ благословеніе великое, а коли ты дитя, на разбой пойдешь, и не дамъ тебѣ благословенія, а и не носи Василья сыра земля“!... Пускается Василій со своей дружиной въ путь далекій по рѣкамъ и морямъ. Пріѣзжаетъ онъ, наконецъ, въ Іерусалимъ, служитъ обѣдню за матушку, за себя, служитъ панихиду по батюшкѣ, купается въ Іорданѣ. На возвратномъ пути Василій гибнетъ. Увидѣлъ онъ большой камень на горѣ, написано на немъ: кто перескочитъ чрезъ камень поперекъ—тому ничего не будетъ, а кто станетъ вдоль скакать—сломать тому буйную голову. Загорѣлось у Васеньки сердце неразумное, заговорила удаль буйная,—сталъ онъ вдоль скакать и убился до смерти.

Другая былина о Садкѣ богатомъ гостѣ, показываетъ, что у народа сохранилась память о богатствѣ стараго Новгорода. Сказываются въ этой былинѣ и языческія вѣрованія,—вѣра въ „водянаго бога“.

„Жилъ-былъ въ Новгородѣ Садко. Былъ онъ гусляръ, ходилъ по веселымъ пирамъ, тѣшилъ богатыхъ людей своей игрой искусной,—тѣмъ онъ и жилъ. Часты бывали пиры въ богатомъ Новгородѣ. Но вотъ случилось разъ—день проходитъ, другой, третій,—не зовутъ Садко на почестенъ пиръ. Соскучился Садко, пошелъ онъ къ Ильмень—озеру, сѣлъ на камень прибрежный и сталъ наигрывать на своихъ гуселкахъ. Какъ вдругъ вода въ озерѣ всколыбалася; вышелъ изъ воды царь морской и говоритъ: „Ай же ты, Садко Новгородскій, не знаю, чѣмъ тебя пожаловать за твои за утѣхи великія, за твою игру нѣжную. Ступай ты въ Новгородъ и бейся объ закладъ, заложи свою буйную голову, а съ купцовъ выряжай лавки товару краснаго, и спорь, что въ Ильмень озерѣ есть рыба—золоты перья. Какъ побьешься объ закладъ, поди—свяжи шелковый неводъ и пріѣзжай рыбу ловить въ Ильмень-озерѣ. Дамъ я тебѣ три рыбины—золоты перья;—тогда ты, Садко, счастливъ будешь“. Онъ сдѣлалъ такъ, какъ велѣлъ ему царь морской. Позвали Садко на почестенъ пиръ. Тѣшилъ гостей онъ игрой своей искусной, тѣшились гости и виномъ хмѣльнымъ. Сталъ тутъ онъ хвастать, что знаетъ чудо чудное въ Ильмень-озерѣ, что есть въ озерѣ рыба—золоты перья. Заспорили купцы, что не можетъ быть въ озерѣ такой диковинной рыбы. Предлагаетъ тогда Садко биться объ закладъ.—„Заложу я свою буйну голову, говоритъ онъ купцамъ, а вы закладывайте лавки товара краснаго“. Нашлись три купца,—ударились объ закладъ. Связали неводъ шелковый и поѣхали ловить рыбу на Ильмень-озеро. Закинули тоньку—и добыли рыбку-золоты перья, во второй разъ закинули—добыли вторую рыбку-золоты перья, третью тоньку закинули,—третью золотоперую рыбку добыли. Дѣлать нечего,—отдали купцы Садку свои лавки товара краснаго. Сталъ съ той поры онъ поторговывать, сталъ получать барыши хорошіе; нажилъ онъ имѣніе великое, построилъ себѣ палаты бѣлокаменныя, самъ сталъ задавать пиры на славу, сзывать къ себѣ именитыхъ гостей. Зазвалъ онъ разъ къ себѣ на пиръ гостей,—настоятелей новгородскихъ. „Всѣ на пиру наѣдалися, всѣ на пиру напивалися, похвальбами всѣ похвалялися: кто хвастаетъ безсчетной золотой казной, кто похваляется силой молодецкой, кто—конемъ добрымъ, кто славнымъ отечествомъ, кто—молодымъ молодечествомъ. А Садко все помалчиваетъ. Стали тутъ говорить гости: „Что же нашъ Садко ничѣмъ не похвастаетъ?“ Говоритъ онъ въ отвѣтъ: „Чѣмъ мнѣ хвастаться? У меня ли золота казна не тощится, цвѣтно платьице не носится, дружина храбрая не измѣняется. А похвастать—не похвастать безсчетной золотой казной: на свою золоту казну повыкуплю всѣ товары новгородскіе, худые товары и добрые!“ Не успѣлъ онъ и слова вымолвить, какъ настоятели новгородскіе ударились съ нимъ о великій закладъ—въ тридцать тысячъ, что не выкупить ему всѣхъ товаровъ новгородскихъ.—Вставалъ на другой день Садко раннимъ утромъ, будилъ своихъ молодцовъ, безъ счета давалъ имъ золотой казны, разсылалъ ихъ по всѣмъ улицамъ торговымъ, а самъ шелъ прямо въ гостиный рядъ. Повыкупилъ онъ со своими молодцами всѣ товары новго-

родскіе—худые и хорошіе. На другой день опять вставалъ онъ ранешенько; снова разсылалъ свою дружину покупать товары и самъ шелъ въ гостинный рядъ,—вдвойнѣ товаровъ принавезено, вдвойнѣ товаровъ принапасено на славу Новгорода Великаго. Садко опять скупилъ всѣ товары. На третій день снова выходитъ онъ съ дружиной своей покупать товары,—втройнѣ товаровъ принавезено, втройнѣ принапасено; подоспѣли товары московскіе. Призадумался тутъ богатый Садко,—не вмѣру, видно, похвастался. „Не выкупить товара со всего бѣла свѣта, говоритъ онъ,—выкуплю товары московскіе,—подоспѣютъ товары заморскіе. Не я, видно, купецъ богатъ Новгородскій,—побогаче меня славный Новгородъ“! Пришлось Садку уплатить закладъ.

Построилъ онъ тридцать кораблей, нагрузилъ на нихъ товары новгородскіе, продавалъ ихъ за моремъ, получалъ барыши великіе, насыпалъ бочки красна золота, чиста серебра. Ѣдетъ Садко назадъ въ Новгородъ. Случилось вдругъ диво дивное на морѣ. Поднялась страшная буря, „волною бьетъ, паруса рветъ, ломаетъ корабли червленые, а корабли нейдутъ съ мѣста“.—„Вѣкъ мы по морю ѣздили, говоритъ Садко, а морскому царю дани не плачивали: видно, царь морской отъ насъ дани требуетъ“. Приказываетъ Садко бросить въ море бочку чиста серебра, а буря не унимается, а корабли все съ мѣста нейдутъ. Бросаютъ бочку красна золота,—не помогаетъ и это. „Видно, царь морской требуетъ живой головы во сине море!“ говоритъ Садко. Два раза мечутъ жеребій, кому идти во сине море. Оба раза жеребій указываетъ на Садко. Покоряется онъ своей участи. Пишетъ духовное завѣщаніе: часть имѣнія отписываетъ Божіимъ церквамъ, часть—нищей братіи, часть—молодой женѣ, а остатокъ—дружинѣ своей храброй. Беретъ съ собою онъ свои гуселки. „Бросьте, говоритъ, на воду доску дубовую,—не такъ страшна будетъ мнѣ смерть. Остался Садко на синемъ морѣ, а корабли полетѣли, какъ черные вороны,—полетѣли въ Новгородъ Великій. Заснулъ Садко на доскѣ дубовой, а проснулся во синемъ морѣ, на самомъ днѣ. Увидѣлъ онъ на днѣ палату бѣлокаменную, зашелъ въ палату.—видитъ: сидитъ тамъ царь морской. „Ай же ты, Садко купецъ, богатый гость! говоритъ морской царь, вѣкъ ты по морю ѣзживалъ, мнѣ, царю, дани не плачивалъ, а теперь самъ пришелъ мнѣ въ подарочекъ. Поиграй мнѣ въ свои гуселки яровчаты. Сталъ Садко играть. Какъ расплясался тутъ царь морской! Игралъ Садко сутки, игралъ другія, игралъ и третьи, а все пляшетъ царь морской. Въ синемъ морѣ вода всколыбалася, съ пескомъ желтымъ смутилася, стало разбивать много кораблей на синемъ морѣ, стало много гибнуть добра, много тонуть людей праведныхъ. Сталъ въ Новгородѣ народъ молиться Николѣ Можайскому. Вдругъ слышитъ Садко—тронулъ кто-то его за плечо правое и слышитъ онъ голосъ: „Полно тебѣ, Садко, играть въ гуселки яровчаты!“ Обернулся онъ, видитъ стоитъ старикъ сѣдой. Говоритъ ему Садко: „У меня воля не своя во синемъ морѣ,—приказано мнѣ играть“. Отвѣчаетъ ему старикъ: „А ты струночки повырывай, шпеечки повыломай, скажи: у меня струночекъ не случилося, а шпеечковъ не пригодилося, сломалися гуселки яровчаты,—не во что больше играть. Станетъ тебѣ царь предлагать жениться, выбирай дѣвицу Чернавушку. Будешь въ Новѣгородѣ, на свою безсчетну золоту казну построй церковь Николѣ Мо-

жайскому. Послушался Садко, исполнилъ все, какъ приказалъ старецъ. (Женился на дѣвицѣ Чернавушкѣ). Было на днѣ морскомъ столованіе—почестенъ пиръ. Заснулъ Садко на синемъ морѣ, а проснулся въ Новѣгородѣ, на крутомъ берегу рѣки Чернавы. Смотритъ онъ,—бѣгутъ его корабли по Волхову. Встрѣчаетъ онъ свою дружину. Дивуется дружина: „Остался Садко въ синемъ морѣ, очутился онъ впереди насъ въ Новѣгородѣ!“ Какъ повыгрузилъ Садко съ кораблей свою безсчетную золоту казну, построилъ онъ церковь соборную Николѣ Можайскому. Не сталъ больше ѣздить Садко на сине море, сталъ себѣ поживать въ Новѣгородѣ.

Такъ въ пѣсняхъ народа сказывается о Великомъ Новгородѣ старая быль пополамъ съ вымысломъ. Вспоминаетъ народъ о торговлѣ и богатствѣ стараго Новгорода, вспоминаетъ и объ удальцахъ-повольникахъ, буйства и грабежи которыхъ не мало бѣдъ причинили Русской землѣ, вспоминаетъ и о внутреннихъ смутахъ въ Новгородѣ, которыя и сгубили его...

Новгородскія церкви и монастыри.

Много церквей было въ Новгородѣ, самой главной была каменная церковь св. Софіи, строилась она пять лѣтъ (1045—1050). Владиміръ Ярославичъ призвалъ мастеровъ изъ Грецiи, чтобъ расписать стѣны церкви.

Чѣмъ больше богатѣлъ Новгородъ, тѣмъ больше строилось и церквей: [illegible] изъ своей казны; строили и князья; иногда [illegible] какая-нибудь улица. Во время повальныхъ [illegible] „обыденныя“ церкви, т. е. въ одинъ день построенныя [illegible]. Большею частью онѣ были небольшія и деревянныя. Частные [illegible] по какому-нибудь случаю „обѣты“ построить [illegible]. Иные воздвигали храмы, чувствуя за собою какіе-нибудь грѣхи [illegible].

[illegible] сказаніе, въ которомъ слились и на[illegible], а [illegible] къ ростовщикамъ.

Жилъ въ Новгородѣ [illegible] Щилъ; нажилъ онъ огромное состояніе [illegible] (лихву, проценты) бралъ онъ небольшую [illegible] задумалъ онъ построить для спасенія души своей [illegible] Покрова и устроилъ монастырь на берегу Волхова; испро[illegible] на это дѣло. Когда церковь была построена, Щилъ попросилъ архіепископа освятить ее, и тутъ только сказалъ, что соору[illegible] деньги.

[illegible] Щилу, сказалъ архіепископъ, взялъ ты у меня [illegible]. Иди и вели въ твоей церкви въ стѣнѣ сдѣлать гробъ, [illegible] и пусть надъ тобою будетъ совершенъ похоронный обрядъ, [illegible] панихиду, а что случится далѣе, то пусть будетъ по [illegible].

[illegible] Щилъ, но посмѣлъ онъ ослушаться архіепископа и сдѣ[illegible] было приказано. Какъ только стали его отпѣвать, вдругъ гробъ [illegible], и на мѣстѣ, гдѣ стоялъ онъ, явилась пропасть. Когда

узналъ объ этомъ архіепископъ, онъ велѣлъ въ память этого чуда изобразить на церковной стѣнѣ Щила въ гробу посреди ада. Церковь была послѣ этого запечатана.

Въ большомъ горѣ сынъ Щила пришелъ къ архіепископу и просилъ его совѣта, какъ помочь отцу. Владыка велѣлъ ему сорокъ дней поститься и молиться, раздавать въ это время нищимъ щедрую милостыню, и въ сорока церквахъ заказать по сорока панихидъ. Когда это было исполнено, послалъ архіепископъ въ церковь, построенную Щиломъ, посмотрѣть на стѣнную картину. Оказалось, что онъ лежитъ въ гробу по прежнему, но голова его уже вышла изъ ада. Отслужили еще сорокъ панихидъ,— посмотрѣли на картину, а Щилъ уже по поясъ вышелъ изъ ада. Въ третій разъ отпѣли сорокъ панихидъ,—

Церковь св. Георгія въ Старо-Ладожской крѣпости. XII ст.

Щилъ на картинѣ совсѣмъ вышелъ изъ ада съ гробомъ своимъ. Изображеніе такъ и осталось, а въ стѣнѣ по-прежнему оказался гробъ Щила, и пропасть исчезла...

Въ такомъ торговомъ городѣ, какъ Новгородъ, ростовщиковъ было, конечно, не мало. Сказаніе о Щилѣ показываетъ, что, по взгляду народа и духовенства, давать деньги въ лихву (на проценты), хотя и умѣренную, считалось тяжкимъ грѣхомъ. Дѣйствительно, церковь не разъ сильно вооружалась противъ промысла ростовщиковъ, но искоренить его не могла.

Въ Новгородѣ было много монастырей. Самыми древними считаются Перынскій и Юрьевъ. Первый находится на лѣвомъ берегу Волхова, у истока его, гдѣ прежде стоялъ истуканъ Перуна. Юрьевъ монастырь былъ основанъ

еще Ярославомъ (христіанское имя его Юрій) въ 1030 г. Въ XII вѣкѣ возникли еще два знаменитыхъ новгородскихъ монастыря: Антоніевъ и Хутынскій. Въ началѣ XIII вѣка въ Новгородѣ и его окрестностяхъ было уже до 20 монастырей, а по всей области Новгородской болѣе тридцати... Монастыри эти владѣли землями, огородами, деревнями; благочестивые князья, бояре и гости новгородскіе много жертвовали на монастыри и земель, и денегъ.

Въ каждомъ пригородѣ былъ торгъ (торговая площадь), гдѣ находилась и церковь. Торжокъ состоялъ подъ покровительствомъ св. Спаса, Порховъ— св. Николы, Руса — св. Преображенія. Церкви въ небольшихъ городахъ, устраивались, конечно, попроще и поменьше, чѣмъ въ Кіевѣ и Новгородѣ.

Князь Ярославъ. (Фрески XII ст.).

Въ Ладогѣ, одномъ изъ самыхъ древнихъ русскихъ городовъ уцѣлѣла старинная церковь (XII вѣка), на стѣнахъ которой сохранилась въ нѣсколькихъ мѣстахъ старинная живопись (фрески). Частые пожары страшно истребляли у насъ въ древности города, и потому немного древнихъ зданій сохранилось до нашего времени; но все-таки кромѣ церквей кое-гдѣ сохранились остатки стѣнъ городскихъ, напр., въ Старой Ладогѣ.

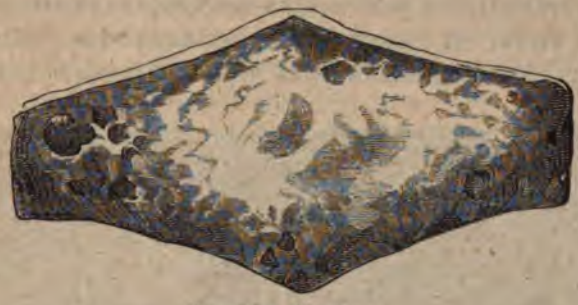
Духовенство приносило Новгороду много пользы, старалось умиротворить враждующихъ, удерживало, на сколько могло, отъ разныхъ насилій и беззаконій, вооружалось противъ ростовщичества, помогало разнымъ должностнымъ лицамъ наблюдать, чтобы въ торговлѣ не было обману. Въ одной новгородской церкви (Іоанна Предтечи на Опокахъ) хранились образцы различныхъ мѣръ, которыхъ должны были держаться при торговлѣ. Въ Новгородѣ были свои особенныя мѣры и деньги. Новгородская серебряная гривна вѣсила фунтъ. Кромѣ гривенъ, встрѣчаются полугривны, которыя иногда рубились пополамъ, отсюда названіе „рубли"; отрубки въ половину рубля стали называться полтинами. Ходила въ Новгородѣ и мелкая монета, величиною съ гривенникъ. Кромѣ того, были въ ходу и иностранныя монеты западныя—европейскія и восточныя—арабскія; случалось, конечно, что купцы по старинѣ обходились и безъ денегъ.

Суздальская область.

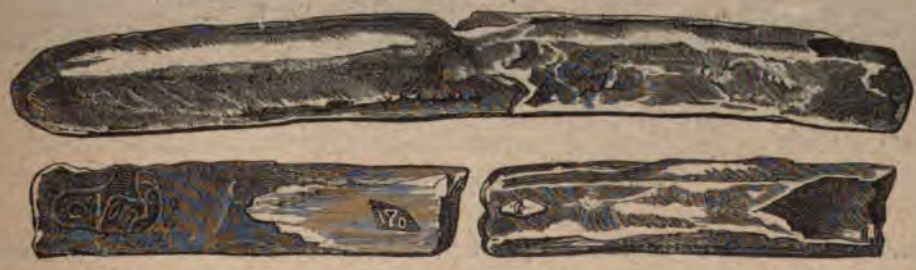
Въ то время, какъ на югѣ шли безконечныя усобицы между князьями, а въ Новгородѣ ссоры и распри на вѣчахъ, на дальнемъ сѣверо-востокѣ, въ Ростовско-Суздальской области, начинались новые порядки.

По верхнему теченію Волги земля большею частію неплодородная; богата она лишь дремучими лѣсами да болотами. Сначала жили здѣсь финскія племена,

а потомъ стали мало-по-малу заселять этотъ край русскіе. Скупа здѣсь почва, скудные урожаи давала она земледѣльцу,—много ему приходилось трудиться, чтобы прокормить себя и семью; за то человѣку, который хотѣлъ заниматься мирнымъ трудомъ или промысломъ, меньше было помѣхи на сѣверѣ: не заходили сюда половцы; княжескихъ усобицъ сначала тутъ совсѣмъ не было, и потомъ ихъ было гораздо меньше, чѣмъ на югѣ; вотъ почему сюда охотно шли выходцы съ юга. Особенно стала заселяться Ростовско-Суздальская область съ того времени, какъ началъ тутъ княжить младшій сынъ Владиміра Мономаха—Юрій Долгорукій. При немъ здѣсь возникло нѣсколько новыхъ поселеній и городовъ: Москва, Юрьевъ, Переяславль Залѣсскій, Дмитровъ и др. Князьямъ надо было устраивать укрѣпленныя мѣста, т. е. города, чтобы легче было



Гривенка Кіевская.



Гривенка Новгородская.

Рубль Псковской. Рубль Новоторжскій.

управлять страною и защищать ее. Кромѣ того, промышленники да купцы помогали заселенію страны.

Въ иныхъ мѣстахъ, на торговомъ пути, у верховья какой-нибудь рѣки, гдѣ нельзя было везти товаръ на лодкахъ и баркахъ, и приходилось его выгружать на возы, устраивались обыкновенно поселки, гдѣ жили работники, которые занимались перегрузкою товаровъ, да возчики, перевозившіе всякую кладь. Въ другихъ мѣстахъ, по большей части при сліяніи рѣкъ, куда удобно было свозить товары съ разныхъ сторонъ и производить обмѣнъ, устраивались склады товаровъ—торжки, или ярмарки. Было тутъ вдоволь дѣла и торговому, и рабочему люду; возникаютъ здѣсь поселки; ростетъ торговля,—ростутъ и эти поселенія, обращаются въ города.

Помогли заселенію сѣвернаго края и монахи. Забредетъ какой нибудь отшельникъ въ глубину лѣса, поставитъ себѣ келью и проводитъ одинокую жизнь свою въ тяжкомъ трудѣ и непрестанной молитвѣ. Провѣдаютъ объ этомъ другіе благочестивые люди, богомольцы; селятся нѣкоторые изъ нихъ подлѣ подвижника, стараются во всемъ уподобиться ему. Кельи огораживаются тыномъ, ставится деревянная церковь,—и колоколъ впервые нарушаетъ лѣсную тишь. Разростается обитель: строются тутъ и новая ограда, и болѣе просторная церковь, и новыя кельи. Не мало всякой работы найдется по монастырю; однимъ монахамъ не справиться, нужны разные работники. Не прокормить ихъ всѣхъ самимъ монахамъ; земли-то вдоволь, да рабочихъ рукъ мало; нужны и земледѣльцы. Мало-по-малу подлѣ монастыря являются поселки, становятся они все больше да людиѣе. Жить на монастырской землѣ льготно: монахи не притѣсняютъ, и князья чтутъ монастыри и работникамъ монастырскимъ даютъ разныя льготы. И вотъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда въ темной чащѣ лѣса стояла одинокая убогая келья подвижника-отшельника, лѣтъ черезъ пятьдесятъ или меньше стоитъ

Юрьевскій монастырь близъ Новгорода.

богатый монастырь съ каменной оградой, съ каменными златоглавыми церквами. Подлѣ монастыря село. Далеко разстилаются воздѣланныя монастырскія поля. А если монастырь стоитъ у рѣки, на торговомъ пути или близъ него, то со временемъ село можетъ разрости́сь и въ многолюдный торговый городъ. Жизнь въ такомъ монастырѣ уже не та, какъ въ уединенной кельѣ отшельника: слишкомъ много тутъ шуму людскаго, мірскихъ заботъ и помышленій. Кому нибудь изъ благочестивыхъ монаховъ этого монастыря придетъ на мысль уединиться, пожить такою же жизнью, какою жилъ святой отшельникъ, основатель обители. Уходитъ инокъ изъ монастыря, старается подальше уйти отъ людныхъ мѣстъ,—уйти въ „пустынь“, чтобы мірскія заботы не мѣшали ему думать только о душевномъ спасеніи, „спасаться“. Селится онъ также въ лѣсной глуши или на островкѣ какомъ-нибудь, среди озера, ставитъ здѣсь свою одинокую келейку. Пройдутъ годы, и тутъ явится монастырь, возникнетъ и подлѣ него людное село, и только старое преданіе гласитъ, что нѣкогда на мѣстѣ этомъ былъ темный непроходимый лѣсъ, и спасался одинокій отшельникъ.

Такимъ образомъ, мало-по-малу сѣверный финскій край заселялся русскимъ людомъ. Финны во многихъ мѣстахъ смѣшивались съ русскимъ населеніемъ, роднились съ нимъ, забывали свой языкъ и сливались съ русскими въ одинъ народъ.

Андрей Боголюбскій.

Юрій Долгорукій хоть и долго жилъ на сѣверѣ, въ Ростовско-Суздальской землѣ, но ему очень хотѣлось утвердится на югѣ. Сильно онъ добивался Кіева, велъ упорную борьбу съ племянникомъ своимъ Изяславомъ Мстиславичемъ, наконецъ, добился таки своего и умеръ великимъ княземъ кіевскимъ.

Завладѣвъ Кіевомъ, Юрій посадилъ старшаго сына своего Андрея въ Вышгородѣ, а Ростовъ и Суздаль отдалъ младшимъ своимъ сыновьямъ; но не нравилось на югѣ Андрею. Славился уже онъ боевой храбростью; не разъ побывалъ въ битвахъ; но онъ былъ уменъ, властолюбивъ и не любилъ войны. Въ южной Руси постоянно грозили нападенія или половцевъ, или русскихъ же князей; надо было угождать дружинѣ, зависѣть отъ нея,—все это было не по душѣ властолюбивому Андрею. Ему сильно хотѣлось уйти въ Суздальскую землю: тамъ онъ родился и провелъ свои дѣтскіе годы, тамъ его знали и въ дѣтствѣ величали своимъ княземъ; а въ Вышгородѣ ему было все чуждо. Рѣшился онъ уйти отсюда, не испросивъ даже согласія отца. Онъ взялъ съ собою изъ Вышгорода мѣстную чудотворную икону Пресв. Богородицы,—увезъ тайкомъ, такъ какъ жители добровольно не разстались бы со своею святынею. Икона эта, какъ гласило преданіе, была написана св. евангелистомъ Лукою и привезена изъ Царьграда.

За десять верстъ отъ города Владиміра, по пути въ Суздаль, какъ говоритъ преданіе, совершилось чудо: кони подъ иконою вдругъ стали; запрягли другихъ лошадей,—возъ съ иконою ни съ мѣста! Дивятся всѣ чуду. Князь приказалъ остановиться. Раскинули шатеръ и расположились на ночлегъ. Поутру князь объявилъ, что Богоматерь явилась ему во снѣ и велѣла не везти икону въ Ростовъ, а поставить ее во Владимірѣ, а на томъ мѣстѣ, гдѣ было видѣніе, построить каменную церковь во имя Рождества Богородицы и основать монастырь. Тогда же на мѣстѣ видѣнія заложено было село —Боголюбово, и построена богатая каменная церковь. Здѣсь, въ этомъ храмѣ, поставили временно и взятую изъ Вышгорода икону. Андрей украсилъ ее богатымъ окладомъ, въ которомъ было пятнадцать фунтовъ золота, много жемчуга, драгоцѣнныхъ камней и серебра. Построилъ онъ себѣ здѣсь въ Боголюбовѣ и каменный дворецъ. Это село сдѣлалось любимымъ мѣстопребываніемъ Андрея; отсюда и произошло его прозвище—Боголюбскій.

Когда умеръ Юрій, жители Ростова и Суздаля признали своимъ княземъ Андрея, но онъ избралъ своей столицей Владиміръ на Клязьмѣ. Этотъ, прежде небольшой и малонаселенный городъ теперь населился, разросся и очень украсился. Андрей построилъ здѣсь изъ бѣлаго камня великолѣпную церковь Успенія Богородицы съ позолоченнымъ куполомъ. Сюда была перенесена чудотворная икона Богоматери. Святыня эта въ глазахъ народа сильно возвышала значеніе и города Владиміра, и Андрея Боголюбскаго, которому сама Богоматерь

какъ бы указала столицу. Уже Юрій привелъ на сѣверъ много поселенцевъ изъ Южной Руси; теперь же стало еще больше южанъ переселяться сюда.

Одной церкви, названной Десятинной изъ подражанія Кіеву, Андрей, подобно Владиміру Св., назначилъ десятую долю всѣхъ своихъ доходовъ, подарилъ села и угодья. Соорудилъ онъ много красивыхъ церквей, снабжалъ ихъ иконами и утварью, не жалѣя средствъ,— какъ видно, старался, чтобы Владиміръ красотой своихъ храмовъ уподобился Кіеву, или даже превзошелъ его; построилъ во Владимірѣ Золотыя ворота, подобно Кіевскимъ, съ церковью надъ

Успенскій Соборъ во Владимірѣ.

ними. Соорудилъ онъ во Владимірѣ тоже монастыри: Спасскій и Вознесенскій; строилъ церкви и по другимъ городамъ. Видѣлъ народъ и щедрость его, и благочестіе. Постоянныя большія постройки давали работу многимъ, привлекали искусныхъ рабочихъ изъ другихъ мѣстъ, увеличивали населеніе городовъ.

По своему благочестію и набожности, Андрей Боголюбскій напоминалъ дѣда своего Владиміра Мономаха: Андрея всегда можно было видѣть, говоритъ лѣтописецъ, во храмѣ на молитвѣ, со слезами умиленія на глазахъ; всенародно раздавалъ онъ милостыню убогимъ, чтилъ духовенство, чернецовъ и за то слышалъ похвалы своему христіанскому милосердію и благочестію. Но подобно дѣду,

онъ, хотя и не любилъ войны, однако постоять за Русскую землю съ оружіемъ въ рукахъ всегда былъ готовъ.

Въ это время не въ ладахъ были съ русскими болгары, жившіе по Волгѣ и Камѣ, и дѣлали часто набѣги на русскія земли. Войну съ невѣрными (болгары были магометане) народъ считалъ дѣломъ богоугоднымъ. Въ 1164 году Андрей предпринялъ походъ на болгаръ. Съ войскомъ шло духовенство и торжественно подъ знаменами несло св. икону Богоматери; князь и все войско предъ выступленіемъ въ походъ пріобщились св. Таинъ. Походъ былъ удаченъ: болгарскій князь обратился въ бѣгство; русскіе взяли одинъ болгарскій городъ.

Хотѣлось Андрею возвысить свой Владиміръ надъ всѣми русскими городами, даже и надъ Кіевомъ.

Когда въ 1166 году кіевскимъ княземъ сдѣлался Мстиславъ Изяславичъ, правнукъ Владиміра Мономаха, тогда какъ Андрей былъ внукомъ его, загорается снова борьба за Кіевъ. Андрей собралъ огромное союзное войско (11 князей съ ихъ дружинами и ратью принимали участіе въ походѣ). 12-го марта 1169 года Кіевъ былъ взятъ сыномъ Андрея Мстиславомъ. Древняя столица, мать русскихъ городовъ,—городъ, красѣ котораго дивились иноземцы, былъ разграбленъ, посрамленъ, униженъ. Андрей посадилъ княжить въ Кіевѣ подручнаго себѣ князя, брата своего Глѣба, а самъ, принявъ титулъ великаго князя, остался во Владимірѣ.

Съ этого времени Владиміръ на Клязьмѣ становится главнымъ городомъ на Руси.

Не даромъ Андрей утвердился во Владимірѣ и сдѣлалъ его своею столицею. Ростовъ и Суздаль были города старые; жители ихъ подобно новгородцамъ, для рѣшенія важныхъ дѣлъ сходились обыкновенно на вѣча; рѣшенію ихъ должны были повиноваться младшіе города, или „пригороды“, какъ ихъ называли. А Владиміръ на Клязьмѣ былъ городъ новый, основанный княземъ, вѣчевой порядокъ здѣсь еще не укоренился; князь здѣсь не могъ встрѣтить сильной помѣхи своей власти. Владимірцы рады были лучше повиноваться своему князю, чѣмъ чужому вѣчу. При томъ, они были очень расположены къ Андрею: онъ украсилъ городъ великолѣпными зданіями; при постройкѣ ихъ много нашлось дѣла для рабочаго люда; наконецъ, онъ перенесъ изъ Вышгорода чудотворную икону Богоматери. Икона эта, подъ именемъ „Владимірской Божіей Матери“, стала главною святынею города Владиміра. На поклоненіе ей стали приходить люди изъ окрестныхъ мѣстъ. Это придавало больше значенія и самому городу. Когда великій князь сдѣлалъ Владиміръ своею столицею, и дружина поселилась тутъ,—стало въ городѣ люднѣе, промыслы разные и торговля пошли бойчѣе, городъ началъ быстро расти и богатѣть... Изъ Владиміра по Клязьмѣ, а потомъ по Окѣ не трудно было добраться и до южной Руси, которую хотѣлъ держать въ рукахъ властолюбивый Андрей.

Завладѣвъ Кіевомъ, задумалъ онъ и другія области подчинить себѣ, а также уничтожить самостоятельность вѣчевого Новгорода. Уже Юрій Долгорукій сталъ тѣснить его. Суздальскій князь могъ всегда сильно вредить новгородцамъ: мѣшать имъ собирать дань съ восточныхъ ихъ земель, прервать восточную торговлю ихъ, которая шла чрезъ Суздальскую землю, а главное могъ

прекратить подвозъ въ Новгородъ хлѣба по Волгѣ изъ низовыхъ областей. Вотъ почему рано или поздно новгородцы должны были попасть въ зависимость отъ суздальскихъ князей. Зимою 1170 года явилась подъ Новгородомъ грозная рать. Тутъ были суздальцы, смольняне, рязанцы, муромцы и полочане; начальствовалъ сынъ Андреевъ Мстиславъ. И предводитель, и войска были тѣ же, которые брали Кіевъ. Слухи объ ихъ злодѣйствахъ и насиліяхъ повсюду, гдѣ они проходили,—воспламенили новгородцевъ; вспоминали они о безпощадномъ раззореніи Кіева суздальцами, о разграбленныхъ церквахъ, о поруганной свя-

Золотыя ворота во Владимірѣ.

тынѣ и клялись умереть за св. Софію и за свою вольность. Городъ поспѣшно укрѣпили новымъ тыномъ.

Рѣдко когда русскіе въ старину пытались брать города приступомъ; обыкновенно долгой осадой принуждали жителей сдаться, брали городъ, какъ говорилось тогда, „изморомъ“. Но на этотъ разъ Мстиславъ понадѣялся на силу своей рати и рѣшился на приступъ. Три дня суздальская рать готовилась къ нему; на четвертый начался бой. Новгородцы защищались мужественно, но силы у Мстислава было больше; сталъ онъ одолѣвать... Казалось, пришелъ конецъ Новгороду; но, по преданію, онъ былъ спасенъ чудомъ. Въ ночь со вторника на среду новгородскій владыка Іоаннъ усердно молился предъ образомъ Спаса; вдругъ ему послышался голосъ отъ иконы:

— „Иди на Ильину улицу, въ церковь Спаса, возьми икону Пресвятой Богородицы, вознеси ее на стѣну, и Богородица спасетъ Новгородъ“.

Изображенія на иконѣ Знаменской Богоматери (битва суздальцевъ съ новгородцами).

На другой день владыка въ сопровожденіи многочисленнаго духовенства торжественно вынесъ икону на стѣну. Игумены, священники пѣли молитвы. Народъ со слезами молился о спасеніи; всюду слышались громкіе возгласы: „Господи помилуй!“ Тучи стрѣлъ летѣли въ городъ. Одна стрѣла, говоритъ преданіе, попала въ икону, и она въ тотъ-же мигъ обратилась ликомъ къ городу, и слезы закапали изъ очей ея. Въ то-же мгновеніе внезапный и необъяснимый страхъ охватилъ всю суздальскую рать, воины пришли въ безпорядокъ; на нихъ нашло какое-то одурѣніе,— стали они стрѣлять другъ въ друга. Новгородцы вышли изъ города и одержали блестящую побѣду надъ врагами, множество ихъ избили, а плѣнныхъ взяли столько, что, по словамъ новгородскаго лѣтописца, „десятокъ суздальцевъ отдавали за гривну“.

Мстиславъ бѣжалъ со своею ратью, и лютость его отозвалась на немъ-же: пришлось проходить ему по тѣмъ мѣстамъ, которыя раньше онъ опустошилъ; нигдѣ больше не находили хлѣба,—воины умирали отъ голода и болѣзней, и принуждены были, съ ужасомъ говоритъ лѣтописецъ, въ Великій постъ ѣсть мясо коней своихъ.

Такъ говоритъ новгородское преданіе о чудесномъ избавленіи Новгорода отъ суздальской рати. (Съ этого времени въ честь иконы Богоматери Знаменской установленъ праздникъ 27-го ноября).

Скоро однако новгородцамъ пришлось искать милости у Андрея Боголюбскаго. Былъ въ Новгородской землѣ неурожай,—настала страшная дороговизна; а хлѣбъ, какъ выше сказано, шелъ въ Новгородъ чрезъ Суздальскую землю, и вынуждены были новгородцы признать своимъ княземъ Юрія, сына Андрея; но все-таки побѣда ихъ имѣла значеніе. Хоть великій князь и посылалъ въ Новгородъ своихъ подручныхъ князей, но „старины и пошлины новгородской“ не нарушалъ...

Между тѣмъ Андрей затѣвалъ новые порядки: понималъ онъ, что удѣльныя распри губятъ Русскую землю; что она отъ нихъ все больше и больше бѣднѣетъ и слабѣетъ, да и самъ хотѣлъ быть великимъ княземъ не по имени только. Изъ Ростовско-Суздальской области онъ, боясь усобицъ, удалилъ своихъ родичей,—младшихъ братьевъ и племянниковъ; выгналъ и старыхъ отцовскихъ бояръ, которые привыкли слишкомъ вмѣшиваться въ княжескія дѣла. Совѣтоваться съ дружиной Андрей не любилъ.

Хотѣлъ онъ быть „самовластцемъ“,—и не только въ своей области, но и во всей Руси. Въ Кіевѣ умеръ братъ его Глѣбъ. Владиміръ Мстиславичъ вздумалъ было водвориться здѣсь. Андрей приказалъ ему немедленно выѣхать изъ Кіева, и отдалъ его Роману Ростиславичу, князю кроткому, покорному,— отдалъ не по старшинству, а по „милости своей“.

Андрей благоволилъ къ Ростиславичамъ (князьямъ Смоленскимъ), такъ какъ они признали его старшинство и повиновались ему.

— „Вы назвали меня своимъ отцемъ,—велѣлъ онъ сказать имъ,—хочу вамъ добра и отдаю Кіевъ брату вашему Роману“.

Чрезъ нѣсколько времени случилось, что Ростиславичи не исполнили одного желанія Андрея; тогда онъ послалъ сказать Роману:

— „Не ходишь въ моей волѣ ты съ братьями твоими,—такъ иди вонъ изъ Кіева, а Давидъ пускай идетъ вонъ изъ Вышгорода, Мстиславъ — изъ Бѣлгорода. Ступайте себѣ въ Смоленскъ и дѣлитесь тамъ между собою, какъ знаете!“

Не слыхали еще до сихъ поръ русскіе удѣльные князья такихъ властныхъ рѣчей отъ великаго князя. Романъ повиновался; но другіе Ростиславичи воспротивились и послали сказать Андрею.

— „Брать! мы назвали тебя своимъ отцемъ, крестъ тебѣ цѣловали, и стоимъ на крестномъ цѣлованіи, хотимъ тебѣ добра; а ты теперь брата нашего Романа вывелъ изъ Кіева, и намъ кажешь путь изъ Русской земли безъ всякой вины; такъ пусть разсудитъ насъ Богъ и крестная сила“.

Андрей никакого отвѣта на эти слова не далъ. Тогда Ростиславичи тайно ночью въѣхали въ Кіевъ, схватили Андреева младшаго брата и племянника и посадили въ Кіевѣ брата своего Рюрика.

Узнавъ объ этомъ, Андрей сильно разгнѣвался. Обрадовались его гнѣву Ольговичи, князья Черниговскіе: они надѣялись сами завладѣть Кіевомъ, и стали подстрекать Андрея противъ Ростиславичей.

— „Кто тебѣ врагъ, послали они ему сказать,—тотъ и намъ; мы готовы идти съ тобою“.

Андрей надѣялся на свои силы. Призвалъ онъ своего мечника и наказалъ ему:

— „Поѣзжай къ Ростиславичамъ и скажи имъ отъ меня: не ходите въ моей волѣ,—такъ ступай же ты, Рюрикъ, въ Смоленскъ къ брату, въ свою отчину; а ты Давидъ, ступай въ Берладъ (городъ въ нынѣшней Молдавіи), не велю тебѣ быть въ Русской землѣ. А Мстиславу скажите такъ: ты всему главный зачинщикъ, не велю тебѣ быть въ Русской землѣ“!

Сильно оскорбился такою рѣчью и самовластіемъ Андрея Мстиславъ, стоявшій всегда за правду и за старину. Съ молоду онъ привыкъ не бояться никого, кромѣ одного Бога. Въ сильномъ гнѣвѣ приказалъ онъ при себѣ остричь послу Андрея голову и бороду и отослалъ его съ такими словами:

— „Мы доселѣ чтили тебя какъ отца по любви, а ты прислалъ къ намъ такія рѣчи, какъ будто не князьямъ, а подручникамъ. Твори, что замыслилъ, пусть Богъ насъ разсудитъ!“

Когда услыхалъ Андрей эти слова, когда узналъ объ оскорбленіи своего посла, то пришелъ въ такой гнѣвъ, что даже опалъ въ лицѣ. Онъ велѣлъ немедля собрать большое войско. Тутъ были ростовцы, суздальцы, владимірцы, переяславцы, бѣлозерцы, муромцы, новгородцы, рязанцы,—всего около 50,000 воиновъ. Сынъ Андрея Юрій съ опытнымъ воеводою велъ это войско. Получили они отъ великаго князя такой приказъ:

— „Рюрика и Давида выгоните изъ моей отчины, а Мстислава схватите, ничего ему не дѣлайте, приведите только ко мнѣ“.

Вся эта рать пошла въ Черниговскую область; тутъ соединились съ нею черниговскіе князья; князья полоцкіе тоже принуждены были идти. Казалось, Ростиславичамъ не сдобровать. Рюрикъ Ростиславичъ заперся въ Бѣлгородѣ, Мстиславъ въ Вышгородѣ, а Давида они послали къ галицкому князю Ярославу просить помощи.

Главныя силы сѣверной рати пошли на Мстислава, дерзкаго противника Андрея Боголюбскаго. Девять недѣль стояло подъ Вышгородомъ огромное ополченіе. Храбро отбивался Мстиславъ, не смотря на то, что силы у него было не-

много. Союзная рать дѣйствовала нединодушно; многіе изъ участниковъ воевали противъ своей воли; между отдѣльными вождями согласія не было и дѣло союзниковъ не ладилось: больше было тутъ шуму, крику, суеты, чѣмъ толку; многимъ надоѣло стоять подъ городомъ, взять который они потеряли надежду. Вдругъ разнеслась молва, что галицкая рать, соединившись съ Рюрикомъ, хочетъ ударить на нихъ. Ужасъ охватилъ сборную Андрееву рать; она бросилась бѣжать отъ Вышгорода; бѣжали въ такомъ безпорядкѣ, что множество людей при переправѣ чрезъ Днѣпръ утонуло. Мстиславъ, видя поспѣшное отступленіе вражьей силы, вышелъ изъ города, погнался за врагами, захватилъ ихъ обозъ и забралъ многихъ въ плѣнъ.

Это дѣло доставило Мстиславу громкую славу. Двадцать союзныхъ князей съ ихъ ратями не совладали съ нимъ. Съ этого времени и назвали его „Храбрымъ“.

Сталъ послѣ этого Кіевъ снова переходить изъ рукъ въ руки. Не такой былъ человѣкъ Андрей Боголюбскій, чтобы помириться съ неудачей и оставить враждебныхъ себѣ князей полными хозяевами на югѣ; онъ, вѣрно, добился-бы своего, еслибы неожиданная смерть не помѣшала ему.

Властолюбивый Андрей имѣлъ много враговъ между князьями и боярами; оказались они и между ближними людьми. Былъ Андрей и къ нимъ строгъ, если они злоупотребляли его довѣріемъ или не повиновались ему. Казнилъ онъ за какую-то вину одного изъ родственниковъ своихъ по женѣ, боярина Кучковича. Братъ казненнаго съ нѣсколькими княжескими слугами рѣшился злодѣйствомъ освободиться отъ строгаго господина. Андрей, подобно другимъ князьямъ русскимъ, принималъ къ себѣ на службу иностранцевъ. Однимъ изъ приближенныхъ слугъ къ Андрею былъ ключникъ Анбалъ изъ иноземцевъ. Онъ тоже принялъ участіе въ заговорѣ.

— „Сегодня князь казнилъ Кучковича, говорили заговорщики, — а завтра казнитъ и насъ; покончимъ съ нимъ“.

Ночью, взявши оружіе, пошли злоумышленники къ княжескому терему. Когда они подошли къ спальнѣ князя, то ихъ обуялъ страхъ; не хватало у нихъ смѣлости совершить преступленіе. Тогда они пошли въ медушу (погребъ, гдѣ хранились меды и вина), напились вина и снова пошли въ княжій теремъ.

Одинъ изъ злодѣевъ постучалъ въ дверь спальни.

— „Кто тамъ?“ спросилъ Андрей.

— „Прокопій!“ отвѣчалъ стучавшій (Прокопій былъ однимъ изъ любимыхъ слугъ князя).

— „Нѣтъ, это не Прокопій!“ сказалъ князь, хорошо знавшій голосъ своего слуги.

Дверей онъ не отперъ. Злодѣи стали ломиться въ дверь. Князь бросился къ своему мечу, который обыкновенно находился подлѣ него. Меча не оказалось. Анбалъ раньше убралъ его. Заговорщикамъ удалось выломать дверь; бросились они на князя. Андрей былъ очень силенъ, сталъ обороняться и одного изъ противниковъ своихъ сбилъ съ ногъ. Въ потьмахъ, не разглядѣвъ, злодѣи поранили упавшаго, принявъ его за князя. Затѣмъ, увидѣвъ свою ошибку, на-

пали на князя, стали наносить ему удары мечами, саблями, копьями. Князь сначала сильно боролся.

— „Нечестивцы! что я вамъ сдѣлалъ, говоритъ онъ, за что вы проливаете кровь мою? Богъ вамъ отомститъ за мой хлѣбъ“.

Наконецъ, израненный и окровавленный Андрей упалъ подъ ударами убійцъ. Злодѣи думали, что онъ убитъ, взяли раненаго товарища своего и поспѣшно понесли его. Князь поднялся и, обливаясь кровью, со стономъ вышелъ изъ спальни. Убійцы услышали стонъ его и вернулись. Не нашедши его на томъ мѣстѣ, гдѣ они оставили его, злодѣи испугались.

— „Скорѣе ищите его, говорили они другъ другу, а не то мы погибли!“

Входъ на лѣстницу, гдѣ былъ убитъ вел. князь Андрей.

Зажгли свѣчу и по кровавому слѣду нашли несчастнаго князя; онъ успѣлъ сойти по лѣстницѣ внизъ и думалъ скрыться за лѣстничнымъ столбомъ. Злодѣи кинулись на него.

— „Господи, въ руки Твои предаю духъ мой?“ были послѣднія слова несчастнаго...

Умертвили заговорщики и Прокопія, вѣрнаго слугу Андрея. Княжеское имущество было разграблено. Изъ кладовой князя забрали золото, драгоцѣнные камни, разныя ткани и одежды.

Тѣло убитаго князя долго лежало брошенное въ огородѣ; никто не рѣшался взять его, чтобы отдать ему послѣдній христіанскій долгъ,—всѣ боялись

заговорщиковъ. Но нашелся между слугами князя одинъ, кіевлянинъ Кузьма, который не побоялся злодѣевъ. Сталъ онъ плакать надъ трупомъ Андрея. Насилу выпросилъ этотъ вѣрный слуга у ключника коверъ и корзно покрыть трупъ убитаго князя. Обернувъ тѣло, Кузьма понесъ его въ церковь, и сталъ просить, чтобы ее отперли,—ему закричали:

— „Да кинь тѣло тутъ въ притворѣ. Экая тебѣ печаль съ нимъ!“

Остатки дворца Андрея въ Боголюбовѣ.

Всѣ были уже пьяны. Кузьма сталъ плакать и причитать надъ своимъ господиномъ:

— „Ужъ тебя, господинъ, слуги твои не хотятъ знать. Бывало, прежде, придетъ ли гость изъ Царьграда, или изъ какой либо русской стороны, или латынянинъ, христіанинъ ли, поганый ли,—ты, бывало, скажешь: введите его въ церковь и на полати (на хоры), пусть видитъ истинное христіанство и кре-

стится,—что и бывало. (Болгаре, жиды и вся погань-язычники), видѣвшіе здѣсь славу Божію и красоту церковную, больше сокрушаются по тебѣ, а эти (твои слуги) даже въ церковь не пускаютъ положить".

Только на третій день послѣ убійства нашлось духовное лицо, которое рѣшилось отпѣть князя. На шестой день, когда волненіе, поднявшееся во Владимірѣ, стихло, владимірцы порѣшили перенести тѣло своего князя изъ Боголюбова во Владиміръ. Когда торжественная процессія приближалась къ городу и толпы народа, стоявшаго у городскихъ воротъ, завидѣли княжескій стягъ (знамя), который несли передъ гробомъ, многіе изъ народа стали рыдать. Андрея похоронили въ построенной имъ Богородичной церкви (1174 г.).

Послѣ смерти его ростовцы и суздальцы выбрали себѣ въ князья не сына его и не братьевъ, а племянниковъ,—думали, что въ благодарность за избраніе они будутъ править „по старинѣ". Владимірцы призвали къ себѣ на княженіе брата Андреева Михаила. Начались тогда усобицы между племянниками и дядями, между старыми городами (Ростовомъ и Суздалемъ) и молодымъ городомъ Владиміромъ. Въ концѣ концевъ владимірцы одолѣли. Михаилъ Юрьевичъ утвердился во Владимірѣ. Чрезъ годъ онъ умеръ, и мѣсто его занялъ братъ его Всеволодъ, по прозванію „Большое гнѣздо" (1176 г.).

Всеволодъ III.

Всеволодъ III Юрьевичъ дѣйствовалъ по примѣру Андрея Боголюбскаго: не далъ волостей своимъ племянникамъ, подчинилъ себѣ Рязань и Новгородъ, и властно распоряжался Кіевомъ.

Въ Южной Руси въ это время шли усобицы. Самымъ знаменитымъ княземъ былъ тогда сынъ Мстислава Храбраго, Мстиславъ Удалой,—образецъ стараго южно-русскаго князя: онъ не заботился объ усиленіи своей области и власти; больше всего влекла его военная слава; на войну смотрѣлъ онъ какъ на судъ Божій. Съ дружиною своею, закаленною въ бояхъ, онъ безпрестанно переѣзжалъ изъ одного конца Руси на другой, являлся всюду, гдѣ нужно было оборонить слабаго отъ сильнаго, постоять за „старину".

Всеволодъ III былъ княземъ совсѣмъ не такого нрава: крайне осторожный, не охотникъ до рѣшительныхъ дѣйствій, битвъ и походныхъ тревогъ, онъ всегда разсчитывалъ навѣрняка; къ своей цѣли шелъ осторожно, обдуманно и твердо. Главной задачей его было—пріобрѣсть какъ можно больше владѣній, усилить свою власть на счетъ другихъ князей, забрать ихъ всѣхъ въ свои руки.

При Всеволодѣ во Владимірѣ и въ другихъ городахъ Суздальской области было воздвигнуто много новыхъ великолѣпныхъ для того времени церквей. Во Владимірѣ былъ построенъ Дмитріевскій соборъ, по словамъ лѣтописца, „дивно украшенный иконами и писаніемъ".

Въ старину каменныя церкви на Руси строили иноземные мастера—греки да нѣмцы; но мало-по-малу и русскіе стали перенимать у нихъ кое-какія знанія. Когда понадобилось въ Суздалѣ обновить Богородичную церковь, то епископъ не искалъ мастеровъ у нѣмцевъ, а нашелъ у себя между церковными слу-

жителями и во Владимірѣ людей, которые съумѣли и олово лить, и покрыть церковь свинцовыми листами, и известью выбѣлить. Во Владимірской области было не мало каменьщиковъ; но хорошихъ зодчихъ между русскими было не много: церкви, построенныя ими, часто обваливались.

Съ XII вѣка все чаще и чаще воздвигаются каменныя постройки. Кромѣ церквей, изъ камня стали строить городскія стѣны, башни,—иногда и княжескіе дома. Большею же частью жилья въ городѣ строились по прежнему—изъ дерева и мало отличались отъ крестьянскихъ избъ, были только попросторнѣе и покрасивѣе.

Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ.

Лѣсу въ сѣверныхъ русскихъ областяхъ было вдоволь, и постройка простаго жилища стоила очень дешево. Въ случаѣ пожаровъ, которые въ древности очень часто истребляли цѣлые города, или непріятельскихъ нашествій, жители старались спасти болѣе цѣнные свои пожитки. Погорѣвшіе города скоро вновь застраивались. При дешевизнѣ построекъ и простотѣ быта жителямъ городовъ не трудно было переселяться на новыя мѣста. Цѣлые города иной разъ бѣжали отъ непріятелей и затворялись въ другихъ городахъ. Бывали случаи, что князья переводили города изъ одной области въ другую. Земли было на

Руси вдоволь, а народу мало. Каждому князю хотѣлось привлечь побольше переселенцевъ въ свою область.

Борьба Суздаля съ Новгородомъ.

Сильную борьбу пришлось выдержать Новгороду съ властолюбивыми суздальскими князьями, начиная съ Юрія Долгорукаго. Никогда вѣчники-новгородцы такъ не нуждались въ боевыхъ князьяхъ, какъ въ эту пору.

Особенно замѣчательными князьями новгородскими были два Мстислава. Мстиславъ Храбрый (сынъ Ростислава Мстиславича, Смоленскаго князя, внука Владиміра Мономаха) оказалъ большія услуги Новгороду, одержалъ блестящую побѣду надъ Чудью, и мужественно отстаивалъ свободу Великаго Новгорода. Новгородцы сильно любили этого князя. Когда онъ умеръ, тѣло его погребли они въ храмѣ св. Софіи. Отличался онъ не только храбростью, но и благочестіемъ, и дѣлами милосердія. Лѣтописецъ о немъ говоритъ:

„Онъ всегда порывался на великія дѣла,—и не было земли на Руси, которая не хотѣла бы имѣть его у себя и не любила бы его. Не можетъ вся земля русская забыть доблести его“.

Священна для Новгорода была его память,—гробница его стала предметомъ поклоненія. Впослѣдствіи Мстислава причли къ лику святыхъ.

Не менѣе дорогъ былъ новгородцамъ и сынъ его Мстиславъ Удалой (Удатный, какъ звалъ его народъ).

Всеволодъ, князь Суздальскій, не спросивъ согласія вѣча, назначилъ своего сына Святослава княземъ въ Новгородъ. Здѣсь поднялось волненіе: многіе новгородцы крѣпко стояли за свои старые порядки. Они напали на сторонниковъ Суздальскаго князя, разграбили и пожгли дворы ихъ. Всеволодъ въ наказаніе за это приказалъ задерживать новгородскихъ купцовъ, ѣздившихъ по его землямъ, отбирать у нихъ товары и не пропускать изъ своей земли хлѣба въ Новгородъ. Это было въ 1210 г.—Въ это время неожиданно является на помощь Мстиславъ Удалой.

— „Кланяюсь св. Софіи и гробу отца моего, и всѣмъ новгородцамъ, послалъ онъ сказать имъ,—услышалъ я, что князья творятъ надъ вами насиліе,—жаль мнѣ своей отчины!“

Новгородцы обрадовались, волненія стихли; сторонники Суздальскаго князя примолкли,—боялись перечить большинству. Князя Святослава посадили подъ стражу и вѣче послало сказать Мстиславу:

— „Иди, князь, на столъ“.

Пришелъ онъ со своей дружиной; собралось и новгородское ополченіе; но на этотъ разъ дѣло до войны не дошло. Всеволодъ не рѣшился на войну съ Мстиславомъ, прислалъ къ нему своихъ пословъ съ такими словами:

— „Отпусти сына моего Святослава и мужей его, а я отпущу новгородскихъ гостей съ ихъ товарами и вознагражу убытки ихъ“.

Порадовались новгородцы, что Мстиславъ одержалъ верхъ надъ Всеволодомъ, не проливши ни капли крови.

Много пользы Новгороду принесъ удалой князь: онъ ѣздилъ по Новго-

родской землѣ, всюду учреждалъ порядокъ, строилъ укрѣпленія и церкви. Два раза ходилъ онъ на Чудь и подчинилъ Новгороду всю Чудскую землю вплоть до самаго моря.

Въ это время возникли усобицы на югѣ. Черниговскій князь Всеволодъ овладѣлъ Кіевомъ, выгналъ отсюда родичей Мстислава и творилъ много всякихъ насилій. Мстиславу снова представился случай стать за правду. Онъ собралъ вѣче и просилъ новгородцевъ помочь его изгнаннымъ родичамъ.

— „Куда, князь, ты взглянешь очами, закричали новгородцы, туда мы обратимся своими головами".

Съ помощью новгородцевъ одолѣлъ удалой князь своего врага, посадилъ въ Кіевѣ своего двоюроднаго брата Мстислава Романовича и вернулся въ Новгородъ. Но не сидѣлось ему тутъ: велика была у него охота къ боевымъ трудамъ, къ подвигамъ; а на югѣ было для него дѣло. Звали его туда на венгровъ, которые захватили Галицкую землю, пользуясь смутами, и посадили тамъ своего королевича. Собралъ Мстиславъ вѣче, поклонился Господину Великому Новгороду.

— „Есть у меня, — сказалъ онъ, — дѣло на Руси, а вы вольны въ князьяхъ".

Онъ съ дружиной своей уѣхалъ въ Галичъ. Пока боролся онъ здѣсь съ врагами Русской земли, въ Новгородѣ взяли верхъ сторонники суздальскихъ князей и призвали Ярослава Всеволодовича. Князь этотъ былъ человѣкъ крутого нрава и сталъ не по праву, безъ суда, расправляться со своими противниками; двухъ изъ нихъ заковалъ и выслалъ въ Тверь; сторонники князя по его наущенію, разграбили домъ тысяцкаго. Тогда поднялся въ Новгородѣ народъ, и нѣсколько сторонниковъ князя было убито. Раздраженный этой народной расправой, Ярославъ оставилъ въ Новгородѣ своего намѣстника, а самъ поселился въ Торжкѣ. Торжокъ, или Новый Торгъ, какъ иначе называли его въ старину, былъ пригородомъ Новгорода, Ярославъ задумалъ тутъ, поближе къ Суздальской землѣ, устроить столицу, а Новгородъ обратить въ пригородъ.

На горе новгородцамъ въ землѣ ихъ въ это время морозъ побилъ хлѣбъ; онъ страшно вздорожалъ; плохо пришлось бѣдному люду: Ярославъ не пропускалъ въ Новгородъ ни одного воза съ хлѣбомъ. Начался голодъ. Бѣдные люди за кусокъ хлѣба продавали дѣтей своихъ въ рабство. Много народу погибло голодною смертью. По улицамъ валялись тѣла умершихъ; собаки грызли ихъ!... Смирились новгородцы, послали къ Ярославу звать его къ себѣ; онъ ничего не отвѣчалъ, а посланныхъ велѣлъ задержать. Второй разъ отправили новгородцы къ нему пословъ съ такими словами:

— „Иди, князь, въ свою отчину ко св. Софіи".

Посланные снова были задержаны, а отвѣта новгородцамъ не было дано. Ярославъ велѣлъ хватать по всѣмъ дорогамъ новгородскихъ гостей и держалъ ихъ въ Торжкѣ, словно въ плѣну... Казалось, пришелъ конецъ Новгороду.

Спасаетъ его и на этотъ разъ отъ бѣды неминуемой все тотъ-же удалой князь, каратель неправды и насилія, возстановитель правды. Является онъ сюда (11-го февраля 1216 года). Ожили упавшіе духомъ новгородцы, хотѣвшіе отстоять свою „старину". Онъ прежде всего велитъ схватить и заковать

ярославовыхъ людей, орудовавшихъ въ Новгородѣ. Затѣмъ собрано было вѣче; является сюда Мстиславъ, цѣлуетъ крестъ вѣрой и правдой послужить Великому Новгороду, и говоритъ:

— „Либо освобожу новгородскихъ мужей и новгородскія волости, либо голову свою сложу за Великій Новгородъ!“

— „На жизнь и смерть готовы идти съ тобою!“ кричатъ въ отвѣтъ новгородцы.

Попробовалъ сначала Мстиславъ опять уладить дѣло мирнымъ путемъ, послалъ къ Ярославу посла уговорить его оставить Новгородъ въ покоѣ и освободить захваченныхъ новгородцевъ. Ярославъ не только не исполнилъ требованій Мстислава, но, чтобы досадить ему, приказалъ заковать взятыхъ новгородцевъ и разослать ихъ въ заточеніе по разнымъ городамъ, а товары роздалъ своимъ дружинникамъ.

Когда вѣсть объ этомъ новомъ насиліи дошла до Мстислава, онъ велѣлъ звонить на вѣче на Ярославовомъ дворѣ, явился среди народа и сказалъ:

— „Пойдемъ, освободимъ людей своихъ, вашихъ братьевъ. Не быть Торжку Великимъ Новгородомъ, ни Новгороду—Торжкомъ! Гдѣ Св. Софія—тутъ и Новгородъ!“

Ополчились новгородцы. На помощь имъ по призыву Мстислава пришли псковичи, а потомъ и смольняне. Въ это время въ Суздальской землѣ спорили за первенство Константинъ Всеволодовичъ съ младшимъ братомъ своимъ Юріемъ. Мстиславъ объявилъ, что онъ не только стоитъ за Новгородъ, но хочетъ правды и въ Суздальской землѣ,—хочетъ поддержать права старшаго князя Константина.

Ярославъ ушелъ къ брату своему Юрію во Владиміръ. Стали они готовить большое ополченіе. Вся Суздальская земля вооружилась; на войну погнали изъ селъ и деревень земледѣльцевъ; суздальцамъ помогали муромцы; пристали къ нимъ и бродники (такъ назывались сбродныя шайки восточныхъ степей).

Мстиславъ послалъ сказать Юрію, что новгородцы не питаютъ никакой вражды къ нему, что они обижены Ярославомъ. Юрій отвѣчалъ:

— „Мы съ братомъ Ярославомъ—одинъ человѣкъ“.

Послалъ Мстиславъ посла и къ Ярославу съ такимъ словомъ:

— „Освободи захваченныхъ тобой новгородцевъ, верни волости новгородскія, что ты занялъ, помирись съ нами, цѣлуй намъ крестъ,—не будемъ проливать кровь!“

— „Мира не хотимъ, отвѣчалъ Ярославъ, издалека вы пришли, и попали какъ рыба на сушу“.

Переговоры не привели ни къ чему. Суздальскіе князья (Ярославъ и Юрій) такъ были увѣрены въ побѣдѣ, что устроили у себя въ шатрѣ пиръ съ боярами. Нѣкоторые изъ старыхъ и благоразумныхъ бояръ смущались тѣмъ, что правда была на сторонѣ противника. Одинъ изъ нихъ даже уговаривалъ князей помириться съ Мстиславомъ и Константиномъ.

— „Не смотрите, говорилъ этотъ бояринъ, что рати у нихъ меньше, чѣмъ у васъ. Ростиславова племени князья мудры, справедливы и храбры, и

люди ихъ—новгородцы и смольняне - смѣлы въ бою. А про Мстислава сами знаете, что храбростью онъ выше всѣхъ!"

Не по душѣ пришлося князьямъ такой совѣтъ. Больше нравились имъ рѣчи молодыхъ бояръ.

— „Никогда не бывало, говорили эти бояре, ни при отцахъ вашихъ, ни при дѣдахъ, чтобы кто вошелъ ратью въ сильную Суздальскую землю и вышелъ-бы изъ нея цѣлъ... Что намъ эти полки?! мы ихъ сѣдлами закидаемъ!"

— „Сама добыча идетъ къ намъ въ руки, говорили самоувѣренно князья своимъ дружинникамъ, достанутся вамъ кони, оружіе, брони, платье—берите все, только враговъ не щадите. Не оставимъ въ живыхъ никого!"

Затѣмъ, и между собою уговорились князья, кому какою областью владѣть изъ земель, которыя попадутъ въ ихъ руки послѣ побѣды.

Суздальскіе князья послали гонца пригласить Мстислава на бой на Липицкое поле. Битва такимъ образомъ обращалась какъ бы въ судъ Божій.

Суздальцы стали на горѣ и нѣсколько времени не вступали въ рѣшительный бой, но сходили съ горы. Не утерпѣлъ удалой Мстиславъ.

„Братья, сказалъ онъ своимъ воинамъ. гора не поможетъ имъ, и гора не побѣдитъ насъ. Съ нами честной крестъ и правда: пойдемъ на нихъ!"

Проѣзжая по рядамъ новгородцевъ, онъ говорилъ:

- „Съ Божьей помощью станемъ крѣпко. Не озирайтесь назадъ; побѣжавши, не уйдешь бѣды. Забудемъ женъ. дѣтей и дома свои. Идите въ бой, какъ кому лучше, пѣшіе или на конѣ!"

- „Не хотимъ умирать на коняхъ, закричали новгородцы, мы будемъ биться пѣшіе, какъ отцы наши!"

Сбросили они съ себя верхнюю одежду, даже сапоги сняли. Босые бросились они съ крикомъ впередъ; за ними кинулись въ бой и смольняне. Вожди были на коняхъ, чтобы видѣли ихъ всѣ воины. Дружинники были тоже верхомъ на коняхъ. Пѣшіе новгородцы первые съ громкимъ крикомъ схватились съ непріятелемъ. Пошли въ дѣло дубины и топоры. Новгородцы стали одолѣвать. Уже одинъ стягъ (знамя) Ярославовъ былъ подрубленъ. Мстиславъ, замѣтивъ, что новгородцы зашли слишкомъ далеко, и непріятель можетъ окружить ихъ, крикнулъ своимъ:

— „Не дай Богъ, братья, выдавать этихъ удальцовъ!"

Онъ пустился впередъ на своемъ борзомъ конѣ. За нимъ понеслись другіе князья и дружина. Началась лютая сѣча. Суздальскіе полки были смяты. Юрій и Ярославъ обратились въ бѣгство,—кинули весь свой обозъ. Мстиславъ три раза проѣхалъ сквозь непріятельскіе полки, прокладывая себѣ путь своимъ тяжелымъ топоромъ.

Суздальская рать бросилась бѣжать въ-разсыпную. До десяти тысячъ суздальцевъ погибло подъ ударами топоровъ и утонуло во время бѣгства. Тридцать знаменъ, до ста трубъ и бубенъ и весь обозъ достались побѣдителямъ.

Липицкая битва произошла 21 апрѣля 1216 г.

Лѣтописцы живо говорятъ объ ужасѣ этого побоища; сынъ шелъ на своего отца, братъ на брата, слуга на господина. Было не мало новгородцевъ, кото-

рые сражались за Ярослава; одни изъ родичей стояли подъ знаменами Мстислава и Константина, другіе—подъ знаменами ихъ противниковъ.

Ярославъ и Юрій бѣжали. Юрій загналъ трехъ коней, на четвертомъ прискакалъ во Владиміръ. Въ городѣ оставались только мирные обыватели: священники, чернецы, старики, женщины да дѣти. Завидѣвъ всадника, владимірцы обрадовались было: вотъ, думали они, вѣстникъ спѣшитъ съ вѣстью о побѣдѣ. Когда же узнали, въ чемъ дѣло, то начался по всему городу плачъ и стонъ: изъ всѣхъ почти семей были взяты ратники на войну. Къ вечеру стали собираться въ городъ бѣглецы съ несчастнаго побоища: кто былъ израненъ, кто вернулся нагимъ, кто босымъ,—всю ночь понемногу сходились они.

Князь собралъ вѣче.

— „Братья, владимірцы, говорилъ онъ, затворимся въ городѣ и станемъ отбиваться!“

— „Какъ мы станемъ биться, возражали ему владимірцы, братья наши избиты, другіе въ плѣнъ попали, а тѣ, что вернулись, безоружны“.

Юрій просилъ владимірцевъ, чтобы они по крайней мѣрѣ не выдавали его Мстиславу и Константину, и обѣщалъ самъ въ крайнемъ случаѣ выѣхать изъ города. Владимірцы согласились на это. 29-го апрѣля союзники подошли къ городу и окружили его. Юрій не могъ обороняться и сдался на милость побѣдителей.

— „Кланяюсь вамъ, братья, и челомъ бью, сказалъ онъ,—жизнь мнѣ оставьте и хлѣбомъ накормите!“

Мстиславъ порѣшилъ отдать городъ Владиміръ Константину, старшему брату Юрія,—а ему Городецъ.

Другой суздальскій князь Ярославъ бѣжалъ съ побоища въ Переяславль. Въ ярости онъ приказалъ заковать въ кандалы всѣхъ новгородцевъ и смольнянъ, какіе случились въ это время въ Переяславлѣ, и бросать ихъ въ погребъ. Новгородцевъ было болѣе ста человѣкъ; многіе изъ нихъ задохлись въ тѣсныхъ подвалахъ; но сколько онъ ни злобился, а смириться предъ побѣдителями пришлось и ему.

Ни одинъ князь не принесъ столько пользы Новгороду, какъ Мстиславъ Удалой. При немъ никто не осмѣливался нарушить новгородской старины да и въ другихъ областяхъ боялись творить насилія и не по праву занимать княжескіе столы: Мстиславъ готовъ былъ всегда помочь правому, наказать нарушителя правды.

Въ это время въ Галичѣ опять стали хозяйничать венгры. Мстислава тянуло туда поработать на пользу русскаго дѣла. Собралъ онъ вѣче.

— „Кланяюсь,—сказалъ онъ,—св. Софіи, гробу отца моего, и вамъ! Хочу поискать Галича, а васъ не забуду. Дай Богъ мнѣ лечь у св. Софіи, у гроба отца моего!“

Сильно упрашивали новгородцы Мстислава остаться у нихъ,—но напрасно. Онъ уѣхалъ, и навсегда. Не довелось ему лечь у св. Софіи.

Государственный строй и бытъ русскихъ XI—XIII. ст.

Раздробленіе земли. — Князь и дружина. — Жизнь князей. — Народъ. — Промыслы. — Города. — Жилища. — Одежда.

Къ концу XII вѣка Русская земля распалась на нѣсколько отдѣльныхъ земель, или областей. Въ каждой изъ нихъ утвердился какой-либо княжескій родъ, который уже крѣпко держался волости, унаслѣдованной отъ своего родоначальника; на ней уже размѣщались всѣ родичи. Послѣ Юрія Долгорукаго переходы князей изъ одной волости въ другую по старшинству почти прекратились, — идутъ лишь споры между нѣкоторыми князьями за Кіевъ; но онъ уже утратилъ прежнее значеніе первопрестольнаго города, — оно переходитъ къ Владиміру на Клязьмѣ. При Андреѣ Боголюбскомъ и Всеволодѣ III здѣсь сосредоточивается сильная великокняжеская власть, которая стремится подчинить себѣ разрозненныя русскія земли. По смерти Всеволода великокняжеская власть слабѣетъ и каждая область представляетъ самостоятельное княжество.

Но, не смотря на это раздробленіе государства и на безконечныя распри князей, все-таки всѣ отдѣльныя волости составляли одну Русскую землю; онѣ связаны были между собой неразрывными узами: жители всѣхъ русскихъ волостей, подданные всѣхъ князей, враждующихъ между собой, говорили однимъ и тѣмъ же языкомъ, исповѣдовали одну и ту-же православную вѣру, да и князья, какъ ни спорили между собой, какія „крамолы ни ковали“ другъ противъ друга, но забыть, что всѣ они происходили отъ одного родоначальника, отъ Владиміра Св., конечно, не могли. Наконецъ, церкви всѣхъ удѣловъ были подчинены одному и тому же кіевскому митрополиту, и Кіевъ съ его святынями по-прежнему является средоточіемъ церковной власти, источникомъ христіанскаго просвѣщенія. Вотъ тѣ крѣпкія узы, которыя не позволяли разрозненнымъ областямъ русскимъ обособиться въ совершенно отдѣльныя государства, — узы, которыя, наперекоръ стремленію нѣкоторыхъ князей, связывали всѣ княжества въ одну Русскую землю. Этой связи сильно помогла и природа ея: равнина нигдѣ не давала удобныхъ границъ для отдѣльныхъ государствъ, а рѣчная сѣть еще больше стягивала ихъ въ одно цѣлое.

Каждая область управлялась отдѣльно. Князь, дружина и народное вѣче — вотъ три правительственныя силы, какія встрѣчаемъ мы въ XI и XII вѣкахъ въ русскихъ областяхъ. Въ одномъ мѣстѣ князь, пользуясь любовью и довѣріемъ народа, управляетъ самовластно, не обращая большаго вниманія на дружину, (въ Суздальской землѣ); въ другой области вѣче забираетъ власть въ свои руки, и князь во многомъ зависитъ отъ него (въ Новгородѣ); въ третьемъ княжествѣ разбогатѣвшая дружина начинаетъ по примѣру западныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ стѣснять княжескую власть, (такъ было, напр., въ Галицкой Руси). Но по большей части князь пользовался большою силою: онъ былъ верховнымъ правителемъ страны, главнымъ судьею, стражемъ ея отъ враговъ: онъ опредѣлялъ подати, строилъ города (крѣпости), назначалъ намѣстниковъ по своимъ городамъ, избиралъ и духовныхъ сановниковъ, конечно, по соглашенію съ кіевскимъ митрополитомъ. Въ случаѣ войны князь былъ главнымъ воево-

дою, шелъ на врага во главѣ своей дружины и войска. Подчиненные младшіе князья должны были, какъ говорилось тогда, „ходить въ рукѣ“ у великаго князя, т. е. покоряться ему, оттого и звали ихъ подручными князьями. Они обязаны были не только повиноваться ему, но всячески выражать почтеніе; напримѣръ, если случалось ѣхать вмѣстѣ, то они ѣхали у стремени его.

Князь былъ почти неразлученъ съ дружиной своей: на войнѣ она окружаетъ его; съ нею онъ „думаетъ“, т. е. совѣщается о всякихъ дѣлахъ, военныхъ или мирныхъ; съ нею ходитъ на полюдье, на охоты; съ нею пируетъ и веселится. Чѣмъ больше тревоги и войны, тѣмъ дороже князю его дружина. Понятно, что во время безпрерывныхъ усобицъ, инымъ князьямъ плохо пришлось

В. к. Владиміръ посылаетъ Бориса съ дружиной на печенѣговъ (по сказанію о Борисѣ и Глѣбѣ)

бы безъ дружины; вотъ почему многіе изъ нихъ всячески ублажаютъ ее, щедро осыпаютъ ее своими милостями. Дружинники—люди вольные, могутъ переходить отъ одного князя на службу къ другому. У щедраго князя, подлѣ котораго живется богато и привольно, нѣтъ недостатка въ удалыхъ сподвижникахъ, да у такого князя вдоволь и богатства. „Съ удалой дружиной найду и серебро, и золото“, говорилъ еще Владиміръ Св. Князь давалъ своей дружинѣ содержаніе или жалованье деньгами, разными припасами и произведеніями, какія собирались съ народа, какъ дань; наконецъ, надѣлялъ землей. Сначала поземельная собственность, при частыхъ переходахъ князей изъ одной волости въ другую, не имѣла большой цѣны, но потомъ, когда князья остаются въ своихъ

вотчинахъ, т. е. земляхъ, унаслѣдованныхъ отъ отцовъ, становятся, такъ сказать, осѣдлыми, поземельная собственность получаетъ большое значеніе, и дружинники дѣлаются мало-по-малу помѣщиками.

Дружина дѣлилась на старшую и младшую. Къ первой принадлежали бояре, княжьи мужи, ко второй—отроки, дѣтскіе, бывшіе тѣлохранителями князя, его ближайшими слугами, составлявшими его дворъ. Число дружинниковъ при князѣ обыкновенно не было велико, едва ли доходило до тысячи. Ихъ было достаточно въ мирное время для охраны порядка въ области да для мелкихъ междоусобицъ, но въ случаѣ большой войны князья не только сзывали всю свою дружину, но вербовали рать по селамъ и городамъ. Дружинники составляли самую главную часть войска. Нерѣдко, болѣе удалые ратники, или вои, свыкшись съ боевой жизнью, поступали въ дружину.

Бояре были главными совѣтниками, или „думцами“ князей; изъ нихъ князья избирали разныхъ должностныхъ лицъ, назначали ихъ намѣстниками въ города, воеводами, тысяцкими и проч. Въ ту пору не было еще точнаго разграниченія властей и обязанностей, такъ что княжіе мужи, намѣстники, или посадники, получавшіе отъ князя въ управленіе города, имѣли въ своихъ рукахъ и военную власть, и судъ творили, и дань собирали. Сверхъ княжаго жалованья въ пользу намѣстниковъ шла часть разныхъ сборовъ и судебныхъ пошлинъ. Случалось, что князь поручалъ даже и въ томъ городѣ, гдѣ самъ жилъ, своимъ тіунамъ (слугамъ) творить судъ, а тѣ иногда притѣсняли народъ.

Главные доходы князя состояли въ дани, которая собиралась съ волости; затѣмъ, ему шли судебныя пени и разныя торговыя пошлины. Кромѣ различныхъ припасовъ, и разныхъ естественныхъ произведеній: хлѣба, меду, мѣховъ, которые давались князьямъ въ видѣ дани, — они получали иногда огромные доходы со своихъ собственныхъ имѣній. При нѣкоторыхъ княжескихъ селахъ были княжьи дворы съ кладовыми и погребами, полными всякаго добра: и съѣстныхъ припасовъ, и дорогихъ вещей, тканей и проч. Богатству князя Святослава Черниговскаго, какъ сказано, удивлялись иноземцы. Табуны въ нѣсколько тысячъ коней паслись на привольныхъ княжескихъ пастбищахъ; тысячи стоговъ хлѣба собирались на пажитяхъ; въ погребахъ были сотни пудовъ меду; въ кладовыхъ и клѣтяхъ хранилось много дорогихъ, златотканныхъ одеждъ, украшеній и дорогого оружія. Охоты и ловы могли доставлять тоже порядочный доходъ князьямъ. Было у нихъ, на что содержать дружину и разные придворные чины (дворскій, стольникъ, меченоша, ключникъ, конюшій и пр.).

Въ лѣтописяхъ находимъ не мало извѣстій о частной жизни князей. При рожденіи князю давали два имени: одно княжее (языческое), а другое христіанское (Святополкъ—Михаилъ, Ярославъ—Георгій, Владиміръ — Василій и т. д.). Когда княжичу исполнялось три—четыре года, совершался надъ нимъ обрядъ „постригъ“ и „всаженія на конь“: у ребенка стригли волосы и торжественно сажали его на коня. Обрядъ этотъ, какъ думаютъ, ведетъ начало отъ древняго обычая князей и знатныхъ людей на Руси и въ Болгаріи брить бороду и плотно выстригать или брить голову, оставляя только клокъ волосъ, чубъ. Къ маленькимъ княжичамъ приставляли такъ называемыхъ „кормильцевъ“, т. е. дядекъ; выбирали ихъ изъ опытныхъ бояръ. Они должны были

всячески оберегать и воспитывать своихъ питомцевъ. Княжихъ дѣтей, какъ сыновей, такъ и дочерей, учили грамотѣ. Объ ученіи видимо заботились; не даромъ между князьями встрѣчались большіе книголюбцы.

Браки у русскихъ князей были очень ранніе 15—17-лѣтнихъ княжичей женили на 10—12-лѣтнихъ княжнахъ; (извѣстенъ даже случай женитьбы четырнадцати-лѣтняго князя на восьми-лѣтней княжнѣ).

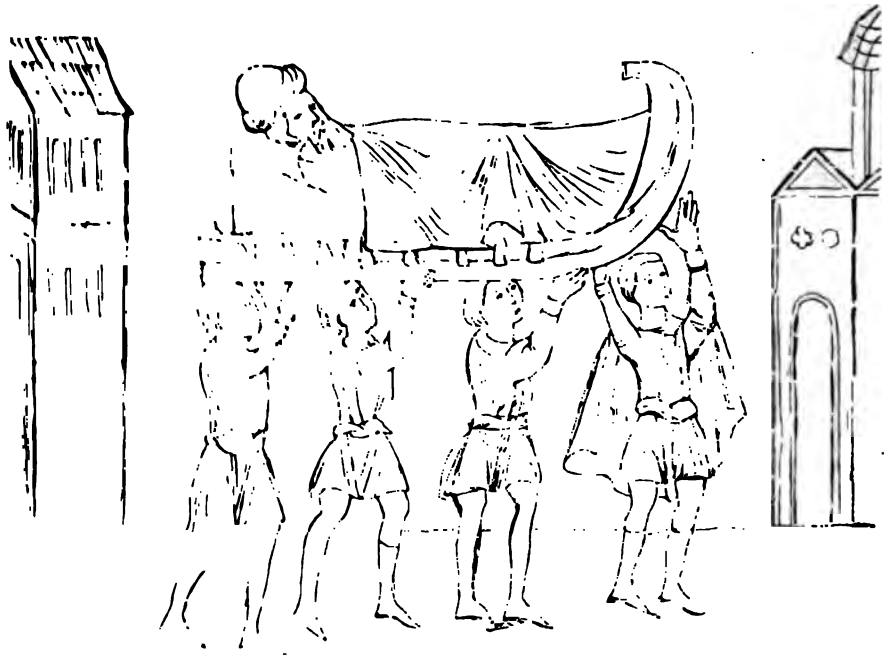
Рано также сажали князей на престолъ, иногда 12 лѣтъ; въ такихъ случаяхъ дѣлами заправляли родичи или кормильцы юныхъ князей. Обрядъ вокняженія или „посаженіе на столъ“ совершался, конечно, высокопоставленными духовными лицами, митрополитомъ или епископами.

Обѣдъ князя съ митрополитомъ (по сказанію о Борисѣ и Глѣбѣ).

Крещеніе, постриги, посаженіе на столъ, свадьбы опровождались веселыми пирами.

Какъ обыкновенно проводили князья день,—это ясно видно изъ поученія Владиміра Мономаха. Вставали обыкновенно рано, до зари, совершали молитву или слушали заутреню, затѣмъ завтракали, а послѣ того занимались дѣлами, обсуждали разные вопросы съ думцами своими, или творили судъ; если никакихъ важныхъ дѣлъ не было, отправлялись на охоту съ дружинниками. Въ полдень обѣдали и спали. Остальное время до вечера, если не было какихъ нибудь неотложныхъ дѣлъ, отдыхали или пировали съ дружиной своей. Русскій человѣкъ всегда любилъ повеселиться и радъ былъ всякому случаю раз-

вернуться, потѣшить свою душу широкимъ пиромъ. Меду крѣпкаго, стоялаго да вина заморскаго было вдоволь въ княжескихъ погребахъ; были пѣсенники, плясуны, скоморохи, игрецы... Конечно, въ такомъ порядкѣ жизнь князей протекала въ мирное время; но войны и усобицы безпрестанно нарушали спокойное теченіе ея. Впрочемъ, князья по большей части уже не походили на древняго Святослава, и нерѣдко возили за собой даже въ походѣ большіе обозы съ разными припасами, такъ что могли пировать и во время войны. Во время усобицъ сражающіяся дружины старались обыкновенно отбить у своихъ противниковъ княжескій обозъ, зная, что тамъ будетъ чѣмъ поживиться. Среди веселыхъ пировъ, охотъ и потѣхъ молодецкихъ, князья по большей части не забывали о церкви и духовенствѣ. Набожность была сильна въ древности: многіе



Погребеніе князя (по сказанію о Борисѣ и Глѣбѣ).

князья ежедневно посѣщаютъ богослуженія, дѣлаютъ богатые вклады въ церкви, строятъ новые храмы, роскошно украшаютъ ихъ, даже основываютъ новые монастыри, заботятся о благолѣпіи ихъ, жертвуютъ въ пользу ихъ не только деньги, но цѣлыя помѣстья со всякими угодьями, стараются снабдить церкви книгами, завести училища. Съ этой стороны раздробленіе Русской земли на удѣлы было даже полезно: князья соревнуютъ между собою, каждый старается, чтобъ его городъ украсился храмами, чтобы они по богатству и красотѣ превзошли иногородные. До сихъ поръ во многихъ древнихъ городахъ нашихъ, гдѣ сохранились старинныя церкви, можно видѣть множество драгоцѣнной церковной утвари, образовъ въ богатыхъ серебряныхъ и золотыхъ окладахъ, евангелій въ дорогихъ переплетахъ, усыпанныхъ драгоцѣнными камнями и проч.,—

все это по большей части даръ щедрыхъ князей, строителей этихъ церквей. Иные князья искали спасенія отъ грѣховъ и успокоенія отъ мірскихъ тревогъ и соблазновъ въ стѣнахъ монастырей, постригались въ монахи. Многіе предъ смертью принимали схиму.

Князей хоронили при церквахъ въ оградѣ или въ самомъ храмѣ. Обрядъ погребенія совершался обыкновенно на другой день послѣ кончины. По смерти князя, всѣ родичи и домочадцы надѣвали скорбное (черное) платье. За гробомъ князя несли его стягъ (знамя) и вели его коня; у гроба ставилось копье. Обыкновенно послѣ смерти князя раздавалась щедрая милостыня нищимъ и убогимъ и дѣлались большіе вклады по церквамъ на поминъ души усопшаго. Надъ гробомъ не только пѣли похоронныя пѣсни, но произносились причитанія людьми и близкими къ покойнику. Лѣтописецъ подробно говоритъ подъ 1078 годомъ о похоронахъ Изяслава. Весь Кіевъ вышелъ на встрѣчу тѣла своего князя; его положили на сани (они въ старину замѣняли дроги) и сначала повезли, а потомъ понесли на рукахъ по городу и, по словамъ лѣтописи, „нельзя было слышать пѣнья отъ великаго плача и вопля: плакалъ по князѣ весь городъ Кіевъ. Ярополкъ-же шелъ за нимъ и, оплакивая умершаго съ дружиной, причиталъ:

— „Отче, отче мой! много-ли безъ печали пожилъ ты на семъ свѣтѣ, и сколько напасти принялъ ты отъ людей и отъ братьи своей? И вотъ теперь не отъ брата погибъ ты, но за брата своего положилъ главу свою!“

Жизнь бояръ, конечно, во многомъ походила на княжескую.

Все населеніе, кромѣ дружины и духовенства, называлось „люди“; крестьянъ называли обыкновенно „смердами“, къ нимъ же причисляли купцовъ, разныхъ промышленниковъ и ремесленниковъ (гончаровъ, плотниковъ и проч). Крестьяне занимались преимущественно земледѣліемъ, а гдѣ было удобно, скотоводствомъ и бортничествомъ, т. е. собираніемъ меда въ бортяхъ (дуплахъ старыхъ деревьевъ). Рыбная ловля и разнаго рода охоты и ловы были тоже очень распространены. Занятія и жизнь простаго люда очень устойчивы: цѣлые вѣка проходятъ, а перемѣнъ въ народномъ бытѣ почти никакихъ не происходитъ. Крестьяне нашего времени такъ-же просто живутъ, какъ жили предки ихъ за пятьсотъ — шестьсотъ лѣтъ тому назадъ: почти тѣ же у нихъ способы обработки земли, такъ же ведется хозяйство, — словомъ, жизнь простого сельскаго люда такъ же медленно измѣняется, какъ та природа, среди которой онъ живетъ. И пища въ тѣ времена мало чѣмъ отличалась отъ теперешней. Болѣе всего употребляли ржаной хлѣбъ, а на югѣ и пшеничный, кашу, овсяный кисель, различныя овощи. Мясная пища была въ старину обильнѣе и доступнѣе для простаго люда, чѣмъ теперь, такъ какъ, кромѣ домашней птицы и животныхъ, употреблялась въ пищу разнаго рода дичь, которой полны были первобытные лѣса, и рыба, которой изобиловали озера и рѣки. Предки наши не гнушались мясомъ медвѣдей и бѣлокъ; но духовенство сильно возставало противъ этого, считая этихъ животныхъ нечистыми, а также и противъ употребленія въ пищу давленины, т. е. птицъ, незарѣзанныхъ и не застрѣленныхъ, а удавленныхъ силками. — Изъ напитковъ употреблялись

квасъ, брага, пиво, медъ. Заморскія же вина были доступны, конечно, только болѣе богатымъ.

Крестьяне были въ XII—XIII вѣкахъ люди свободные, могли переходить съ мѣста на мѣсто, какъ вольные работники; они нерѣдко переходили съ одного участка земли на другой, болѣе удобный; на сѣверѣ, когда почва въ одномъ мѣстѣ истощалась, они передвигались на другое, очищали или выжигали себѣ въ лѣсахъ поляны и жили здѣсь, пока можно было прокормиться...

На югѣ въ степной полосѣ тучная черноземная почва могла-бы надолго привязать сельчанъ къ одному мѣсту; но здѣсь постоянные налеты степныхъ хищниковъ да безпрерывныя княжескія усобицы сильно мѣшали мирному земледѣльческому быту, и населеніе подвигалось все болѣе и болѣе къ сѣверу.

Кромѣ свободныхъ людей, были полусвободные, такъ называемые „закупы“, какъ бы временные рабы, обязанные отработать извѣстное число лѣтъ своему заимодавцу за долгъ; были и холопы, т. е. рабы, находившіеся вполнѣ въ рукахъ своихъ господъ. У князей и бояръ по селамъ было много такихъ работниковъ, которые носили общее названіе „челядь“.

Городовъ на Руси въ лѣтописяхъ упоминается до половины XIII столѣтія около трехсотъ, но, конечно, ихъ было больше; о многихъ городахъ лѣтописцамъ не пришлось упоминать. Большіе города, подобно Новгороду, о которомъ сказано раньше, состояли изъ „кремля“, или дѣтинца, въ которомъ находились главный соборный храмъ и дворъ князя или его намѣстника, дворы нѣкоторыхъ бояръ и духовныхъ лицъ; тутъ-же водворялась часть младшей дружины, „дѣтскіе“ (отсюда и слово „дѣтинецъ“). Къ дѣтинцу примыкалъ окольный городъ, или острогъ; онъ тоже ограждался валомъ, стѣной съ башнями, а съ наружной стороны и рвомъ. Стѣны и башни городскія были по большей части деревянныя; позже окольный городъ стали называть „посадомъ“; въ немъ жило болѣе всего торговое населеніе и различные ремесленники. Главнымъ мѣстомъ посада было „торговище“ или „торжокъ“, куда въ извѣстные дни съѣзжались жители ближнихъ селъ и деревень для обмѣна своихъ произведеній. Нѣкоторые города, особенно стоявшіе на торговыхъ путяхъ, быстро разростались; къ острогу, или посаду примыкали новые поселки, предгородія, или слободы, жители которыхъ обыкновенно занимались земледѣліемъ, огородничествомъ и рыбной ловлей. Эти слободы нерѣдко впослѣдствіи тоже обводились валомъ. Таковы были большіе города; но, кромѣ нихъ, было множество малыхъ городовъ, или городковъ, представлявшихъ села, огражденныя рвомъ и валомъ съ бревенчатымъ частоколомъ или тыномъ. Такіе-то городки, конечно, и устраивали князья для обороны степной украины отъ половцевъ. Гдѣ было меньше опасности, напр., на сѣверѣ, тамъ населеніе мало по малу раскидывалось небольшими, неукрѣпленными поселками; городки тоже понемногу разростались и превращались въ открытые города, въ которыхъ развивалась мирная промышленность; наоборотъ въ безпокойныхъ мѣстахъ, какъ на южной и восточной окраинахъ, населеніе все больше и больше сбивалось въ городки, окапывалось, ограждалось отъ опасности и складывалось въ военныя общины, всегда готовыя къ войнѣ и даже любившія ее.

Жилища строились, понятно, болѣе всего изъ дерева: лѣсу на сѣверѣ было пропасть, а камень могли добывать только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Жилья складывались обыкновенно изъ бревенчатыхъ срубовъ. Срубъ, или „клѣть“, если устраивалась въ ней печь или очагъ, называли „истопкой“ (откуда и слово изба). Нѣсколько клѣтей, соединенныхъ между собой, составляли хоромы. Богатыя жилища отличались отъ бѣдныхъ прежде всего количествомъ клѣтей и величиною хоромъ, состояли они изъ трехъ главныхъ частей: зимняго жилья съ печью (избы), лѣтняго (клѣти) безъ печи, и находившагося межъ ними свѣтлаго покоя, сѣней, или сѣнницы, служившихъ пріемной для

Одежда русскихъ XI вѣка.

гостей. Хоромы строились обыкновенно высокія; названныя части были во второмъ ярусѣ; подъ ними находились подклѣти; здѣсь были складочныя мѣста для разныхъ хозяйственныхъ принадлежностей; тутъ же были погреба, медуши и проч. Къ сѣнямъ пристраивалось крыльцо, состоявшее изъ лѣстницы, верхней площадки, которая утверждена была на столбахъ, а сверху прикрыта кровлей. Надъ сѣнями надстраивалась еще свѣтлая горница, теремъ, или повалуша. Кровля была обыкновенно крутая, двухсторонняя; у богатыхъ она покрывалась тесомъ или гонтомъ, т. е. мелкими дощечками, въ видѣ чешуи, а у бѣдныхъ — соломой. Хоромы ставились обыкновенно посреди двора, огороженнаго тыномъ или плетнемъ; по концамъ двора были службы для челяди, баня, конюшни,

хлѣвы и проч. Чѣмъ зажиточнѣе былъ хозяинъ, тѣмъ просторнѣе былъ его дворъ, тѣмъ больше построекъ было на немъ.

Терема княжескіе особенно украшались рѣзными затѣйливыми украшеніями, раскрашивались внутри и снаружи разноцвѣтными красками, особенно пестрѣли ими украшенія вокругъ оконъ. Каменныя зданія были на Руси большой рѣдкостью.

Домашняя утварь (столъ, скамья, кровать, бочки, ведра, лохани и проч.) была преимущественно деревянная. Видно, что столярное, токарное и бондарное промыслы процвѣтали уже въ XI—XII ст Были въ большомъ ходу работы изъ лыка, лубка, мочалы (коробья, рѣшета, рогожи и проч.). Процвѣталъ

Одежда русскихъ князей и зажиточныхъ людей XII вѣка.

и кузнечный промыселъ (выдѣлывались котлы, сковороды, косы, серпы, гвозди и проч.) Дорогія издѣлія, напр. церковная серебряная утварь, серебряныя блюда, чаши, ложки и проч. тоже выдѣлывались частію русскими мастерами; но многое, особенно украшенія, шли изъ Греціи и съ Востока. Были и у насъ на Руси заѣзжіе художники, греки и нѣмцы, отъ которыхъ понемногу перенимали искусство и русскіе мастера.

Мужская одежда состояла изъ полотняной сорочки, или рубашки, и узкаго нижняго платья, запущеннаго въ сапоги. Затѣмъ сверхъ сорочки надѣвалась „свита“, или „кожухъ“, длинный, спускавшійся ниже колѣнъ и подпоясанный. Дружинники и купцы сверхъ свиты накидывали плащи, называли

ихъ „корзнами“ или „мятлями“. Они застегивались запоной обыкновенно на правомъ плечѣ, — такъ, чтобы свободно можно было дѣйствовать правой рукой. Простой и бѣдный людъ дѣлалъ себѣ одежду, конечно, изъ болѣе дешевыхъ тканей, полотенъ — и шерстяныхъ тканей; а богатые носили тонкія шелковыя или суконныя ткани, а также греческія паволоки, синія, зеленыя, красныя (багряницы), оксамиты, разныя златотканныя узорчатыя матеріи, стоившія, конечно, не дешево. По краямъ одежда обыкновенно обшивалась золотой каймой. Сапоги носили тогда сафьянные, разноцвѣтные, нерѣдко расшитые золотыми узорами. Шапка или „клобукъ“ дѣлались иногда довольно высокіе съ мѣховыми опушками. Князья не снимали съ головы своихъ клобуковъ даже

Одежда русскихъ зажиточныхъ людей XIII вѣка.

и во время богослуженія. Зимою, конечно, одежда была мѣховая, у богатыхъ изъ дорогихъ мѣховъ, а у бѣдныхъ — баранья, — то, что теперь называется „полушубокъ“. Одежда простаго люда какъ лѣтняя, такъ и зимняя, была въ сущности та-же, что и теперь.

Въ древности русскіе выбривали себѣ не только бороду, но и голову, оставляли лишь чубъ да усы; но мало по малу подъ вліяніемъ Византіи стали покидать этотъ обычай и въ концѣ XII вѣка мы видимъ по изображеніямъ князей, что носили уже длинныя бороды.

Богатство наряда болѣе всего сказывалось въ разныхъ дорогихъ украшеніяхъ. Гривны, ожерелья, мониста, кольца серебряныя и золотыя — вотъ что

особенно разнообразило наряды. Князья въ торжественныхъ случаяхъ еще барны, широкое оплечье, вышитое золотомъ, усѣянное жемчугомъ, ка каменьями и золотыми бляхами и проч. Покрой и видъ одежды въ др очень медленно измѣнялся, такъ что въ XIII в. она почти та же, ч XI вѣкѣ.

Женскій нарядъ еще болѣе отличался всякими украшеніями. Он нечно, служили необходимой принадлежностью женской одежды, кот многомъ походила на мужскую, но была длиннѣе. У замужнихъ женщ лова прикрыта была повоемъ, сверхъ котораго иногда надѣвали родъ ника; дѣвушки волосъ не закрывали, но головные уборы иногда имѣ вѣнцовъ.

VII.

Злыя времена татарщины.

Первая встрѣча русскихъ съ татарами.

Раздоры и усобицы княжескіе ослабили Русскую землю. Къ концу XII вѣка распалась она на нѣсколько отдѣльныхъ областей; каждая изъ нихъ въ свою очередь дѣлилась на болѣе мелкіе удѣлы, гдѣ были свои князья. Эти князья, хотя были и близкіе родичи между собою, но тоже нерѣдко враждовали другъ съ другомъ. Все ю врозь. Хотя владимірскіе князья и старались подчинить себѣ всѣ русскія ласти, всѣхъ удѣльныхъ князей сдѣлать своими „подручниками“; но они дако еще не достигли этого, какъ обрушилась на Русскую землю бѣда.

Въ 1223 году, когда Мстиславъ Удалой былъ въ Галичѣ, сюда неожинно явился главный половецкій ханъ Котянъ; съ нимъ было еще нѣсколько новъ, его подручниковъ. Никогда еще не видали русскіе князья половецкихъ новъ въ такомъ положеніи: они въ страшной тревогѣ, смиренно, даже унинно, съ поклонами просятъ Мстислава о помощи, приносятъ ему обильные ры.

— „Пришли на насъ, говорятъ они, страшные враги, разорили нашу млю. Помогите намъ, а не то они придутъ и къ вамъ и сдѣлаютъ съ вами -же!“.

— „Кто такіе эти враги?“ спрашиваютъ князь и бояре.

Но половцы сами мало знали о врагахъ своихъ, разсказали только, что и пришли изъ-за Каспійскаго моря; что полчища ихъ многочисленны; что

особенно разнообразило наряды. Князья въ торжественныхъ случаяхъ носили еще бармы, широкое оплечье, вышитое золотомъ, усѣянное жемчугомъ, дорогими каменьями и золотыми бляхами и проч. Покрой и видъ одежды въ древности очень медленно измѣнялся, такъ что въ XIII в. она почти та же, что и въ XI вѣкѣ.

Женскій нарядъ еще болѣе отличался всякими украшеніями. Они, конечно, служили необходимой принадлежностью женской одежды, которая во многомъ походила на мужскую, но была длиннѣе. У замужнихъ женщинъ голова прикрыта была повоемъ, сверхъ котораго иногда надѣвали родъ кокошника; дѣвушки волосъ не закрывали, но головные уборы иногда имѣли видъ вѣнцовъ.

VII.

Злыя времена татарщины.

Первая встрѣча русскихъ съ татарами.

Раздоры и усобицы княжескіе ослабили Русскую землю. Къ концу XII вѣка распалась она на нѣсколько отдѣльныхъ областей; каждая изъ нихъ въ свою очередь дѣлилась на болѣе мелкіе удѣлы, гдѣ были свои князья. Эти князья, хотя были и близкіе родичи между собою, но тоже нерѣдко враждовали другъ съ другомъ. Все шло врозь. Хотя владимірскіе князья и старались подчинить себѣ всѣ русскія области, всѣхъ удѣльныхъ князей сдѣлать своими „подручниками“; но они далеко еще не достигли этого, какъ обрушилась на Русскую землю бѣда.

Въ 1223 году, когда Мстиславъ Удалой былъ въ Галичѣ, сюда неожиданно явился главный половецкій ханъ Котянъ; съ нимъ было еще нѣсколько хановъ, его подручниковъ. Никогда еще не видали русскіе князья половецкихъ хановъ въ такомъ положеніи: они въ страшной тревогѣ, смиренно, даже униженно, съ поклонами просятъ Мстислава о помощи, приносятъ ему обильные дары.

— „Пришли на насъ, говорятъ они, страшные враги, разорили нашу землю. Помогите намъ, а не то они придутъ и къ вамъ и сдѣлаютъ съ вами то-же!“.

— „Кто такіе эти враги?“ спрашиваютъ князь и бояре.

Но половцы сами мало знали о врагахъ своихъ, разсказали только, что они пришли изъ-за Каспійскаго моря; что полчища ихъ многочисленны; что

они храбры и люты въ бою, пощады никому и ничему не даютъ. Разсказали и о томъ, что они сначала побѣдили разные кавказскіе народцы, а потомъ напали на половецкія степи, множество половцевъ побили, другихъ загнали за Донъ и за Днѣпръ. Больше ничего сообщить половецкіе ханы не могли.

— „Какъ же зовутся ваши враги?“ спрашиваютъ русскіе.

— „Зовутся они татарами“, отвѣчаютъ ханы.

Какъ быть? — Вступать въ борьбу съ невѣдомымъ врагомъ, или нѣтъ? Вопросъ былъ важный, — касался онъ всей Русской земли. Мстиславъ порѣшилъ созвать въ Кіевъ русскихъ князей на совѣтъ, чтобы сообща предпринять что нибудь. Понеслись гонцы во всѣ стороны съ тревожною вѣстью. Съѣхалось въ Кіевъ много князей: кромѣ Мстислава Мстиславича Удалого, были здѣсь Мстиславъ Романовичъ Кіевскій съ сыномъ Всеволодомъ, Мстиславъ Святославичъ Черниговскій съ сыномъ, Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій, Даніилъ Романовичъ Волынскій и многіе другіе.

Прибыли въ Кіевъ и знатные половцы. Кланялись они тутъ всѣмъ русскимъ князьямъ, умоляли ихъ о помощи, дарили щедрые подарки: коней, верблюдовъ, быковъ, невольницъ. Одинъ изъ хановъ даже христіанскую вѣру принялъ, чтобы расположить къ себѣ русскихъ. Главный же ханъ Котянъ больше всего старался подѣйствовать на зятя своего, на Мстислава Удалаго. Побудить къ войнѣ ретиваго князя было не трудно: у него и такъ горѣло уже сердце желаніемъ перевѣдаться съ храбрымъ и лютымъ врагомъ, творившимъ всякую неправду и насиліе, грозившимъ большой бѣдою всей Русской землѣ.

Долго толковали между собою на совѣтѣ русскіе князья.

— „Если мы убѣждалъ ихъ Мстиславъ Удалой, не поможемъ теперь половцамъ, то они передадутся татарамъ и вмѣстѣ съ ними нападутъ на Русскую землю, хуже тогда будетъ“!

Рѣшено было идти на встрѣчу врагамъ.

— „Лучше намъ ихъ встрѣтить, порѣшили русскіе князья, — на чужой землѣ, чѣмъ на своей“.

Князья разъѣхались, чтобы снарядить войско. Съ наступленіемъ весны, съ апрѣля мѣсяца, потянулись со всѣхъ сторонъ полки: одни ѣхали на ладьяхъ, другіе на коняхъ, третьи шли пѣшкомъ. Днѣпръ весь былъ покрытъ ладьями, такъ что воды не видно было и можно было по ладьямъ перейти съ одного берега на другой. Отряды половцевъ тоже прибывали ежедневно Сила собралась большая. Всѣ вѣрили въ успѣхъ и бодро двинулись въ половецкія степи.

Лѣто въ тотъ годъ было знойное; солнце страшно палило; дождя не выпадало ни капли; отъ засухи земля трескалась; лѣса и травы загорались...

Татары, провѣдавъ о томъ, что на нихъ идетъ большое русское ополченіе, послали сказать русскимъ князьямъ:

— „Слышимъ, что идете вы противъ насъ, послушавшись половцевъ; а мы не трогаемъ ни вашей земли, ни городовъ вашихъ, ни селъ. Не на васъ мы пришли, но по Божьей волѣ пришли мы на холоповъ нашихъ, на поганыхъ половцевъ. Возьмите съ нами миръ. Придутъ къ вамъ половцы, — бейте ихъ, и добычу берите себѣ. Слышали мы, что они и вамъ много зла творятъ“.

Русскіе князья, по совѣту половцевъ, приказали избить татарскихъ по-

словъ и продолжали походъ. Когда русская рать подошла къ устью Днѣпра, во второй разъ явились татарскіе послы.

— „Послушались вы половцевъ, сказали они. —пословъ нашихъ избили. Мы васъ не трогаемъ, а вы идете противъ насъ,—пусть Богъ насъ разсудитъ"!

Этихъ пословъ князья отпустили, не причинивъ имъ никакого зла.

Русская рать шла далѣе. Вдругъ разнеслась по всему войску вѣсть, что передовой (сторожевой) отрядъ завидѣлъ татаръ. Молодой Даніилъ Романовичъ понесся на своемъ борзомъ конѣ впередъ: сильно ему хотѣлось поскорѣе увидѣть невиданныхъ еще враговъ. За нимъ поскакало еще нѣсколько молодыхъ князей. Завидѣвъ толпу всадниковъ, передовой татарскій отрядъ скрылся.

Вернувшіеся съ развѣдки молодые князья говорили разно: однимъ татары казались—„простыми людьми" и плохими воинами, а другіе утверждали, что они, татары, какъ по всему видно,—„настоящіе воины". Молодымъ князьямъ и Мстиславу Удалому не терпѣлось: горѣли они желаніемъ поскорѣе схватиться съ врагомъ. Съ небольшимъ отрядомъ Мстиславъ переправился черезъ Днѣпръ, встрѣтилъ въ степи сторожевой отрядъ татаръ, напалъ на него и разбилъ. Воины Мстислава угнали множество рогатаго скота, который татары водили обыкновенно за собою. Этотъ успѣхъ ободрилъ русскихъ. Всѣ князья переправились черезъ Днѣпръ, десять дней шли по степи на востокъ, наконецъ, дошли до рѣки Калки. За рѣкою стояла вся сила татаръ.

Мстиславъ Удалой понадѣялся на свои силы,—не далъ вѣсти Мстиславу Кіевскому, съ которымъ не ладилъ,—думалъ, что и самъ безъ его помощи одолѣетъ татаръ. Онъ велѣлъ юному Даніилу Волынскому перейти черезъ рѣку, переправился и самъ.

Даніилъ первый ударилъ на татаръ, отважно помчался впередъ и врубился къ толпу враговъ; за нимъ неслись другіе удальцы. Раненый въ грудь, онъ сгоряча не замѣчалъ своей раны и продолжалъ биться. Много татаръ было избито. Въ это время вступили въ бой и половецкія орды; на бѣду не выдержали они напора татаръ, смѣшались и побѣжали. Нестройныя, бѣгущія толпы половцевъ навалились на русскіе полки, которые не успѣли еще изготовиться къ бою. Все пришло въ смятеніе! Съ дикими криками со всѣхъ сторонъ налетали конные отряды татаръ на нестройную толпу половцевъ и русскихъ и множество ихъ избили. Никто не зналъ, что дѣлать, куда идти. Пѣшіе, конные, телѣги—все перемѣшалось. Устоять нельзя было. Повернулъ Даніилъ своего коня къ рѣкѣ. Жажда мучила князя; припалъ онъ къ водѣ: тутъ только почувствовалъ онъ свою рану, оглянулся, увидѣлъ, что все бѣжитъ въ разныя стороны,—и понялъ, что дѣло проиграно и ничего не остается и ему, кромѣ бѣгства... Бѣжалъ и Мстиславъ Удалой,—бѣжалъ въ первый разъ отъ роду! Татары гнались до самаго Днѣпра за бѣгущими русскими. Множество ихъ погибло. Шесть князей было убито. Мстиславъ Мстиславичъ съ остатками войска переправился чрезъ Днѣпръ и велѣлъ изрубить и сжечь всѣ лодки, чтобы затруднить переправу татарамъ.

Мстиславъ Романовичъ стоялъ въ то время станомъ съ подручными князьями на каменной горѣ, неподалеку отъ мѣста битвы. Увидѣлъ онъ съ высоты бѣгство русскихъ, но самъ не тронулся съ мѣста, не помогъ имъ и думалъ, вид-

но, своими силами отбиться отъ враговъ; велѣлъ укрѣпить станъ, окружить его валомъ и кольями. Три дня отбивался онъ отъ татаръ. Пустились они на хитрость: начальникъ надъ бродниками, приставшими къ татарамъ, клялся князю и цѣловалъ крестъ, что они не причинятъ вреда русскимъ, отпустятъ ихъ за выкупъ. Мстиславъ ясно видѣлъ, что ему не отбиться отъ враговъ, и согласился наконецъ сдаться. Жестоко поплатились русскіе за довѣрчивость своего вождя: лишь только татары овладѣли укрѣпленіемъ, тотчасъ же перебили всѣхъ бывшихъ тамъ русскихъ воиновъ, а связанныхъ князей положили на землю, навалили на нихъ доски и сами сѣли на доскахъ пировать. Несчастные плѣнники были раздавлены!

Татары шли дальше, предавая все огню и мечу. Напрасно жители нѣкоторыхъ городовъ съ покорностью выходили на встрѣчу имъ,—всѣхъ избивали лютые враги безъ пощады. Ужасъ охватилъ всю Русскую землю. Не дошедъ до Кіева верстъ около ста, полчища татаръ повернули неожиданно назадъ и скрылись въ азіатскихъ степяхъ столь же быстро, какъ появились. Все стихло.

Разсказавъ о несчастной битвѣ на Калкѣ (16 іюня 1224 года), лѣтописецъ смиренно прибавляетъ:

„Совершилось это съ нами за грѣхи наши. Богъ наслалъ на насъ неразуміе; людей погибло безъ числа; были вопли, стоны и печаль по всѣмъ городамъ и волостямъ. Этихъ злыхъ татаръ мы и не знаемъ. Откуда они пришли на насъ, куда дѣлись потомъ,—только Богъ про то вѣдаетъ"!..

Татары.

У иноземныхъ писателей сохранилось больше свѣдѣній о татарахъ, чѣмъ у нашего лѣтописца. Въ азіатскихъ степяхъ, къ сѣверу отъ Китая, издавна кочевали орды татаръ, народа монгольскаго племени. Были они небольшаго роста, широкоплечи, коренасты, съ большими головами, которыя они брили. Ихъ широкія, смуглыя и скуластыя лица, съ небольшими узкими глазами, казались нашимъ предкамъ отвратительными и страшными. Занимались татары скотоводствомъ; у нихъ было множество разнороднаго скота: верблюдовъ, быковъ, особенно же овецъ и лошадей. Ѣли татары всякое мясо и жидкую кашу изъ проса,—брали куски пищи нечистыми руками, обтирали ихъ о свои кафтаны, сапоги или траву. Любимымъ напиткомъ ихъ былъ кумысъ (лошадиное молоко). Владѣя огромными стадами, они не оставались долго на одномъ и томъ же мѣстѣ, а безпрестанно перекочевывали съ пастбища на пастбище, съ рѣки на рѣку. Городовъ и прочныхъ постоянныхъ жилищъ поэтому они не строили, а жили въ круглыхъ юртахъ (кибиткахъ), сплетенныхъ изъ хворосту и покрытыхъ волокомъ. Посредине юрты разводили огонь; дымъ отъ него уходилъ въ отверзтіе, бывшее наверху. Такія юрты легко разбирались, когда надо было, а то и неразобранныя ставились на телѣги, и такимъ образомъ перевозились на другое мѣсто.

Мужчины у татаръ обыкновенно присматривали за стадами. Любили они тѣшиться верховой ѣздою и стрѣльбою изъ лука. Стрѣлки и наѣздники они

были отличные. Дѣти съ самыхъ малыхъ лѣтъ уже ѣздили верхомъ и пускали стрѣлы въ цѣль. Они сами собою пріучались къ войнѣ, потому что круглый годъ проводили на охотѣ. Дѣвушки и женщины также ѣздили верхомъ и хорошо владѣли луками, при томъ были очень трудолюбивы, все хозяйство лежало на ихъ рукахъ: онѣ стряпали, шили платье, сапоги, чинили телѣги, вьючили верблюдовъ. У татаръ было многоженство: каждый имѣлъ столько женъ, сколько могъ содержать.

Пока татары дробились на мелкія орды, они могли тревожить своихъ сосѣдей только такими набѣгами, какъ набѣги печенѣговъ и половцевъ на Русскую землю. Орды татаръ часто враждовали между собою; постоянныя усобицы ослабляли ихъ, и потому они не были особенно опасны для сосѣднихъ народовъ; но въ концѣ XII вѣка дѣло измѣнилось. Между татарскими ханами явился необыкновенный человѣкъ. Это былъ Темуджинъ. Уже внѣшнимъ видомъ своимъ онъ рѣзко отличался отъ всѣхъ своихъ соплеменниковъ: огромнаго роста, съ широкимъ лбомъ и длинной бородой, властолюбивый, и необычайно мужественный, Темуджинъ былъ твердъ и безпощадно жестокъ. Когда, послѣ смерти его отца, нѣкоторые изъ подвластныхъ хановъ хотѣли отложиться, онъ разбилъ мятежниковъ и въ семидесяти огромныхъ котлахъ велѣлъ сварить главныхъ виновниковъ возстанія. Послѣ этого никто изъ подчиненныхъ не смѣлъ ему противиться. Ханы различныхъ татарскихъ ордъ частію добровольно, частію отъ страха покорились ему. Подчинивъ себѣ силою тѣхъ хановъ, которые не хотѣли добровольно признать его своимъ владыкою, Темуджинъ въ 1206 г. собралъ подручныхъ князей (хановъ), и клялся дѣлить съ ними все горькое и сладкое въ жизни. Преданіе говоритъ, что какой-то старецъ-отшельникъ неожиданно явился въ собраніе хановъ и пророчески возвѣстилъ, что Богъ отдаетъ Темуджину подъ власть всю землю, и потому онъ долженъ именоваться Чингизъ-ханомъ (т. е. великимъ ханомъ). Темуджинъ принялъ этотъ титулъ.

Съ этого времени начались завоеванія татаръ.

— „Какъ на небѣ существуетъ одно солнце, такъ на землѣ долженъ быть одинъ властелинъ, а всѣ другіе независимые властители и государства, не признавая его власти, тѣмъ самымъ оскорбляютъ волю неба и должны быть наказаны“. Такого взгляда держался Чингизъ-ханъ.

Вся среднеазіатская степь, сѣверный Китай, Бухара, Туркестанъ испытали на себѣ силу страшной орды и должны были признать надъ собою власть Чингизъ-хана. Войска монгольскія обогнули южный берегъ Каспійскаго моря, вошли на Кавказъ, въ Грузію, затѣмъ проникли въ степь Половецкую. Вотъ съ этими-то полчищами, бывшими подъ начальствомъ двухъ вождей,—Чепе и Субудая, и пришлось русскимъ встрѣтиться на рѣкѣ Калкѣ.

Татары представляли могучую военную силу. Они безпрекословно повиновались своимъ начальникамъ; ни одинъ народъ въ мірѣ не отличался такимъ послушаніемъ и уваженіемъ къ начальникамъ своимъ, какъ татары. Чингизъ-ханъ далъ имъ строгое военное устройство. Надъ каждымъ десяткомъ человѣкъ былъ свой начальникъ—десятникъ; надъ десятью десятниками начальствовалъ сотникъ, надъ десятью сотниками — тысячникъ, надъ десятью тысячниками особый начальникъ—темникъ. Сторожевые отряды назывались караула-

ми.—Бѣглецы съ поля битвы (если только не все войско бѣжало) предавались смерти. Если изъ десятка одинъ или нѣсколько храбро бились, а остальные не слѣдовали ихъ примѣру, то послѣднихъ умерщвляли. Если изъ десятка одинъ или нѣсколько попадали въ плѣнъ, товарищи, не освободившіе ихъ, также предавались смерти. Понятно, что, при такихъ жестокихъ военныхъ обычаяхъ, татары поневолѣ отчаянно бились.

Каждый татаринъ долженъ былъ имѣть лукъ, колчанъ со стрѣлами, топоръ и веревки, чтобы тащить осадныя машины. Богатые, кромѣ того, имѣли сабли, копья, брони, шлемы, лошадей. Нѣкоторые дѣлали брони для себя и лошадей изъ кожи. Щиты у многихъ были хворостяные. На всемъ скаку могли наѣздники очень мѣтко пускать стрѣлы. Ведя постоянныя войны при Чингизъ-ханѣ, татары научились брать укрѣпленные города, имѣли стѣнобитныя и метательныя машины.

Татары были очень выносливы: легко сносили голодъ и жажду, стужу и палящій зной. При томъ, по словамъ древняго персидскаго историка, у нихъ было львиное мужество, собачье терпѣніе, хитрость лисицы, хищность волка...

Вступая въ непріятельскую землю, они посылали передовые отряды, которые не пустошили страны, а старались только избить какъ можно больше людей. За ними шло цѣлое войско, которое безпощадно истребляло все на пути. При встрѣчѣ съ непріятелемъ, передовой отрядъ татаръ пускалъ въ него стрѣлы и, если видѣлъ, что не справится съ врагомъ, обращался въ бѣгство, чтобы заманить непріятеля къ засадѣ. Прямо на врага они посылали обыкновенно войска изъ покоренныхъ племенъ, а отряды самыхъ храбрыхъ татарскихъ наѣздниковъ шли въ объѣздъ направо и налѣво, въ дальнемъ разстояніи, чтобы потомъ внезапно окружить непріятеля и напасть на него со всѣхъ сторонъ. Если непріятель упорно сражался и одолѣть его оказывалось не подъ силу, тогда татары всѣмъ войскомъ обращались въ бѣгство и поражали преслѣдующаго врага стрѣлами. Не охотники они были до рукопашнаго боя,—старались сперва перебить и переранить стрѣлами какъ можно болѣе лошадей и людей, и тогда уже, увѣренные, что легко одолѣютъ ослабленнаго непріятеля, вступали съ нимъ въ рукопашную схватку.—Татары между собою были честны (воровъ у нихъ не было, и потому ихъ юрты; или кибитки, не запирались), другъ съ другомъ были обходительны, помогали одинъ другому въ нуждѣ; но къ чужимъ, особенно къ врагамъ, они относились совершенно иначе; здѣсь допускали обманъ, коварство и крайнюю жестокость. Убить человѣка имъ ничего не стоило. Плѣнныхъ они избивали иной разъ такимъ образомъ: сотники раздавали ихъ своимъ людямъ по 10 человѣкъ на каждаго, и тѣ рубили несчастныхъ топорами. Безпощадны они были особенно къ знатнымъ. Чингизъ-ханъ постановилъ законъ: не давать пощады ни имѣнію, ни жизни врага. Изъ жителей покореннаго города татары щадили только тѣхъ, кто зналъ какое либо полезное для нихъ ремесло да сильныхъ молодыхъ людей, которыхъ обращали въ рабовъ.

Нашествіе татаръ на сѣверную Русь.

Казалось бы, несчастное побоище на Калкѣ должно было заставить князей русскихъ одуматься, собраться съ силами, чтобы въ случаѣ новаго нападенія страшнаго врага дать ему сообща мужественный отпоръ, спасти отъ лютости его Русскую землю. Къ несчастію, князья объ этомъ вовсе и не помышляли: каждый только и думалъ о самомъ себѣ. Начались снова и на югѣ, и на сѣверѣ безконечныя ссоры, смуты и усобицы; въ Новгородѣ происходили попрежнему народныя волненія.

Необычайныя явленія въ природѣ пугали суевѣрный народъ, предвѣщали, по его мнѣнію, страшныя бѣды... Явилась на небѣ огромная звѣзда (комета), съ виду похожая на копье. Затѣмъ началась такая засуха, какой никто изъ самыхъ старыхъ людей не помнилъ: лѣса, болота воспламенялись; густыя облака дыма закрывали солнце; гарью былъ пропитанъ воздухъ; птицы мертвыя падали на землю. Припоминали сказанія, что при Всеволодѣ I было на Руси такое же лѣто, и Русская земля страдала тогда и отъ нападеній враговъ, и отъ голода, и отъ язвы. Въ 1230 году прошло землетрясеніе по всей Русской землѣ. Особенно сильно было оно на югѣ: каменныя церкви разсѣдались. 3-го мая, когда праздновали въ Кіево-Печерской лаврѣ память св. Ѳеодосія, во время самой обѣдни, гдѣ присутствовали князь, бояре и митрополитъ, всѣ почувствовали вдругъ сильный подземный ударъ. Трапезница, гдѣ стояло уже кушаніе для монаховъ и гостей, разсѣлась, и кирпичи изъ свода падали на столъ. Десять дней спустя, произошло солнечное затмѣніе; небывалыя разноцвѣтныя облака пробѣгали по небу; показалось какое-то огненное облако. Суевѣрный народъ пришелъ въ ужасъ. Многіе плакали, молились, каялись въ грѣхахъ, просили другъ у друга прощенія, прощались, ждали смерти, думали, что наступаетъ свѣтопреставленіе...

Въ томъ же году въ Новгородѣ былъ голодъ и моръ. За четверть ржи приходилось платить гривну серебра и больше. Бѣдные ѣли мохъ, липовую кору, собакъ, кошекъ. Чернь, обезумѣвшая отъ голода, поджигала дома зажиточныхъ людей, имѣвшихъ запасы хлѣба, и грабила ихъ. Нѣсколько десятковъ тысячъ людей погибло отъ голода и болѣзней. На улицахъ, на площади, на мосту голодныя собаки терзали не погребенныя тѣла. Родители, чтобы не слышать воплей дѣтей своихъ, отдавали ихъ чужеземцамъ въ рабство.

— „Не было у людей жалости, говоритъ лѣтописецъ,—казалось, что отецъ сталъ чужимъ для сына, дочь для матери. Сосѣдъ сосѣду не хотѣлъ уломить куска хлѣба!“

Кто могъ бѣжалъ въ другія области. Но бѣдствіе было тогда по всей Русской землѣ, кромѣ Кіева: въ одномъ Смоленскѣ, тогда очень многолюдномъ, умерло около тридцати тысячъ людей. Весною слѣдующаго года въ добавокъ страшный пожаръ опустошилъ Новгородъ. Казалось, пришелъ ему конецъ. Къ счастію, нѣмцы изъ-за моря привезли хлѣбъ, и такимъ образомъ голодъ въ Новгородѣ прекратился, и жители стали мало по малу оправляться.

Такимъ образомъ одна бѣда за другою обрушивалась на Русскую землю; но самое горшее было еще впереди.

Въ 1227 году умеръ Чингизъ-ханъ. Великимъ ханомъ провозглашенъ былъ сынъ его Угедей. Новый властелинъ отправилъ племянника своего — Батыя съ огромнымъ полчищемъ на западъ для покоренія странъ къ сѣверу и западу отъ Каспійскаго моря.

Въ началѣ зимы 1237 г. двинулъ Батый свои страшныя полчища на болгаръ (живщихъ по Волгѣ). Столица ихъ была обращена въ пепелъ, жители безпощадно умерщвлены. Сквозь густые лѣса татары вступили въ южную часть Рязанской области.

Они послали своихъ пословъ требовать у рязанскихъ князей покорности и десятины (т. е. десятой части) всего имѣнія ихъ. Князья отвѣтили посламъ:

— „Когда изъ насъ никого не останется въ живыхъ, тогда возьмите все"!

Послали князья во Владиміръ къ великому князю Юрію просить помощи; но онъ не помогъ имъ; ему надо было еще собрать войско. (Есть въ одной лѣтописи сказаніе, что рязанскій вел. князь послалъ сына своего Ѳеодора къ Батыю съ дарами. Ѳеодоръ былъ умерщвленъ, а жена его, прекрасная Евпраксія, узнавъ о гибели любимаго мужа, не хотѣла пережить его, бросилась съ младенцемъ своимъ съ высокаго терема и такимъ образомъ лишилась жизни).

Батый двинулся къ Рязани; на пути татары разорили города: Пронскъ Бѣлгородъ и другіе, безъ милосердія избивая людей. 16-го декабря татары осадили Рязань. Устроили они вкругъ города тынъ или острогъ, чтобы скрываться отъ русскихъ стрѣлъ. Могъ ли устоять городъ противъ враговъ, когда ихъ было во сто разъ больше, чѣмъ защитниковъ? Всѣ защитники города должны были безотлучно находиться на стѣнахъ, ожидая съ часу на часъ приступа, а татарскіе отряды, стоявшіе подъ городомъ, могли смѣняться и драться со свѣжими силами. Пять дней татары томили осажденныхъ постоянной тревогой и поражали ихъ стрѣлами, на шестой, 21-го декабря, подошли къ стѣнамъ города, начали бить ихъ стѣнобитными машинами, бросать въ городъ огонь, и зажгли крѣпость. Сквозь дымъ и огонь ворвались они въ городъ. Никому не дали пощады свирѣпые враги. Князь, его супруга, мать, бояре, народъ погибли. Хищники распинали плѣнниковъ или разстрѣливали ихъ стрѣлами, связавъ имъ руки; грабили церкви, оскверняли ихъ. Весь городъ съ окрестными монастырями былъ обращенъ въ груду развалинъ и пепла. Нѣсколько дней продолжались дикія убійства.

Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ есть любопытное сказаніе о подвигѣ одного рязанскаго боярина—Евпатія Коловрата. Узнавъ о нападеніи татаръ, онъ спѣшилъ на родину, чтобы принять участіе въ оборонѣ ея отъ враговъ; но было уже поздно: онъ нашелъ только пепелища да трупы избитыхъ людей. Пылая чувствомъ мести, Евпатій съ 1700 воиновъ пустился вслѣдъ за врагами, нагналъ ихъ и неожиданнымъ нападеніемъ смялъ ихъ задніе отряды. У татаръ поднялся страшный переполохъ. Нѣкоторымъ изъ нихъ почудилось, что избитые рязанцы возстали на нихъ. Батый спросилъ у взятыхъ въ плѣнъ, кто они такіе.

— „Слуги князя рязанскаго, отвѣчали они, полку Евпатіева. Намъ велѣно съ честію проводить тебя, какъ русскіе провожаютъ отъ себя иноплеменниковъ,—стрѣлами и копьями“!

Долго татары не могли управиться съ Евпатіемъ и его удальцами. Онъ былъ, по преданію, настоящій богатырь громаднаго росту и непомѣрной силы: своимъ тяжелымъ мечомъ онъ избилъ много враговъ,—однихъ перерубалъ пополамъ, другихъ разсѣкалъ вдоль до самаго сѣдла. Много татаръ побито было и его дружиной.

Евпатій и смѣлая дружина его, конечно, погибли; немногіе изъ нихъ попали въ плѣнъ. Батый, говоритъ сказаніе, уважая такое рѣдкое мужество, велѣлъ освободить ихъ.

Одинъ городъ за другимъ гибли подъ ударами свирѣпыхъ полчищъ. Суздальская рать, шедшая на помощь рязанцамъ, была разбита; взята и разрушена Коломна, сожжена Москва. Здѣсь попалъ въ плѣнъ врагамъ второй сынъ Юрія, Владиміръ. Пришелъ въ ужасъ Юрій, когда услыхалъ о новыхъ побѣдахъ и неистовствахъ татаръ: тутъ только увидѣлъ онъ, что приходится имѣть дѣло съ могучимъ и страшнымъ врагомъ. Поручилъ онъ защиту Владиміра двумъ сыновьямъ своимъ, Всеволоду и Мстиславу, а самъ съ небольшою дружиною удалился въ Ярославскую область, расположился станомъ на берегахъ Сити и сталъ поспѣшно отовсюду собирать къ себѣ войско.

2-го февраля подступили татары къ стѣнамъ Владиміра. Въ ужасъ пришелъ народъ, увидѣвъ огромное полчище враговъ. Князья Всеволодъ и Мстиславъ и воевода ободряли жителей. Небольшой конный отрядъ татаръ подъѣхалъ къ Золотымъ воротамъ, и посланные Батыемъ люди спросили:

— „Здѣсь ли великій князь, или нѣтъ?“

Вмѣсто отвѣта со стѣнъ было пущено нѣсколько стрѣлъ.

— „Не стрѣляйте!“ кричали изъ татарскаго отряда.

Затѣмъ татары выставили впередъ взятаго въ плѣнъ князя Владиміра Юрьевича и спросили.

— „Узнаете ли вашего князя?“.

Изможденнаго, исхудалаго Владиміра трудно было узнать. Заплакали отъ горя братья его и воины, когда наконецъ признали его. Всеволодъ и Мстиславъ порывались немедля выйти изъ города и ударить на татаръ въ открытомъ полѣ.

— „Умремъ,—говорили они дружинѣ,—но умремъ съ честію и въ полѣ!“

Опытный воевода Петръ сдерживалъ ихъ: надѣялся онъ, что великій князь соберетъ войско и подоспѣетъ вовремя на выручку своей столицы.

Часть войска Батыева отправлена была къ Суздалю. Городъ этотъ былъ скоро взятъ. Скоро та же участь постигла и Владиміръ. Татары окружили его тыномъ, установили свои пороки (стѣнобитныя машины) и стали громить городъ. 6-го февраля начали готовиться къ приступу. Князья и бояре вполнѣ сознавали, что спасенія нѣтъ, что имъ не совладать съ безчисленными полчищами враговъ; но унижаться и просить мира они считали постыднымъ да и безполезнымъ: имъ хорошо было извѣстно, что татары никому пощады не даютъ.

Оставалось одно —умереть, защищая родныя стѣны. Князья и нѣкоторые бояре постриглись въ иноки и приготовились къ смерти. 7 февраля, въ воскресенье, начался приступъ; ворвались татары въ городъ у Золотыхъ воротъ и съ сѣверной стороны отъ рѣчки Лыбеди и еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Князья съ дружиною укрылись въ Старый или Печерный городъ, а епископъ Митрофанъ, великая княгиня, супруга Юрія, съ дочерью, внуками, снохами, съ боярами, съ многими изъ жителей, заперлись въ главной соборной церкви. Татары отбили, наконецъ, церковную дверь, ворвались во храмъ, и начался грабежъ. Драгоцѣнные камни, золото, серебряные сосуды, ризы съ иконъ, древнія княжескія одежды, которыя хранились въ церкви,—все попало въ руки хищниковъ. Татары зажгли ее. Епископъ громко молился и благословлялъ всѣхъ несчастныхъ, осужденныхъ погибнуть въ пламени. Одни погибли отъ огня, другіе задохлись отъ дыму. Жители отъ стараго до малаго были безпощадно избиваемы; тѣ немногіе, которыхъ хотѣли татары увести въ рабство и тащили за собой босыхъ и нагихъ, гибли отъ стужи и болѣзней.

Князья Всеволодъ и Мстиславъ, видя, что никакой возможности нѣтъ отразить татаръ, думали съ небольшимъ отрядомъ пробиться сквозь полчище враговъ. Это имъ не удалось; оба они погибли въ бою.

Послѣ этого татары раздѣлились на нѣсколько отдѣльныхъ отрядовъ: одни пошли къ Ростову и Ярославлю, другіе на Галичъ и Городецъ. Переяславль, Юрьевъ, Дмитровъ и др. были взяты. Въ одинъ февраль мѣсяцъ татары овладѣли четырнадцатью городами, кромѣ множества слободъ и деревень.

Великій князь Юрій стоялъ въ это время съ войскомъ на рѣкѣ Сити. Когда горестная вѣсть о гибели столицы и семьи дошла до князя, онъ, по словамъ лѣтописца, зарыдалъ.

— „Господи, проговорилъ онъ, развѣ пришелъ для меня конецъ Твоему милосердію! Лучше мнѣ умереть, чѣмъ жить на этомъ свѣтѣ. Ради чего останусь жить?“

Но мужество не покинуло его: онъ рѣшился вступить въ бой съ врагомъ. Отрядъ посланный на развѣдки вернулся съ вѣстью, что татарскіе полки уже обходятъ русскихъ. Юрій, братъ его Святославъ и племянники изготовили войско къ бою.

Закипѣла кровавая схватка. Отчаянно бились русскіе, напрягали всѣ силы, но тщетно: татары одолѣли: ихъ и числомъ было больше, и въ военномъ дѣлѣ у нихъ было больше сноровки, чѣмъ у русскихъ воиновъ, изъ которыхъ многіе держали и оружіе въ рукахъ первый разъ въ жизни. Въ этой несчастной битвѣ, 4-го марта, былъ убитъ и великій князь, и множество воиновъ.— Одинъ изъ племянниковъ вел. князя Василько попался въ плѣнъ. Татары предлагали ему перейти на ихъ сторону и содѣйствовать имъ въ походѣ. Василько съ негодованіемъ отвѣтилъ, что онъ не можетъ быть заодно съ лютыми кровопійцами и врагами отечества. Татары его убили.

Полчища Батыя направлялись къ Новгороду. Слышали хищники много о богатствахъ его. Взяли они Волокъ-Ламскій, Тверь и подступили къ Торжку. Двѣ недѣли длилась осада. Жители оборонялись мужественно,—надѣялись, что новгородцы вовремя подоспѣютъ на помощь и выручатъ ихъ изъ бѣды. Но по-

мощь не приходила. Городъ былъ взятъ и жители безпощадно истреблены. Двинулись дальше татары, уничтожая все на пути, „кося людей, по выраженію лѣтописи, какъ траву". Около ста верстъ оставалось врагамъ до Новгорода, но они неожиданно повернули назадъ. Дѣло въ томъ, что наступала весна; начиналось весеннее половодіе рѣкъ и озеръ. Новгородская область изобиловала рѣками, озерами и болотами, и потому татарамъ приходилось безпрестанно устраивать переправы. И въ наше время очень нелегкое дѣло устраивать ихъ, особенно для многочисленнаго войска, а для татаръ это было гораздо труднѣе. Если нельзя было перейти въ бродъ, то переправлялись они чрезъ рѣки обыкновенно такъ: дѣлали большіе кожаные мѣшки, набивали ихъ сѣномъ или клали въ нихъ одежду, сгоняли лошадей въ воду, къ хвостамъ ихъ привязывали мѣшки, и на нихъ, какъ на плотахъ, и переправлялись. Понятно, что, при широкомъ разливѣ рѣкъ и быстромъ теченіи ихъ, такой способъ переправы былъ очень опасенъ; кромѣ рѣкъ въ Новгородской области, на пути татарамъ безпрестанно встрѣчались бы и широкія озера, и вязкія болота. При томъ степняки привыкли къ степному сухому воздуху, и сырость порождала между ними болѣзни. Такимъ образомъ природныя свойства Новгородской области спасли Новгородъ отъ татарскаго погрома.

На возвратномъ пути упорное сопротивленіе татарамъ оказалъ городъ Козельскъ. Семь недѣль Батый ничего не могъ сдѣлать. Жители рѣшились умереть, но не сдаваться татарамъ.

— „Хоть князь нашъ молодъ, сказали они, но положимъ жизнь свою за него: и на землѣ славу пріобрѣтемъ, и на небѣ вѣнцы небесные получимъ":

Послѣ долгихъ усилій татары, наконецъ, разбили городскія стѣны и ворвались въ городъ, но и тутъ жители отчаянно рѣзались съ врагомъ. Часть ихъ вышла изъ города, напала на татарскіе полки и перебила болѣе 4000 враговъ. Горсть этихъ смѣльчаковъ была вся истреблена. Ханъ въ ярости приказалъ избить въ городѣ всѣхъ безъ различія: и женщинъ, и младенцевъ. Кровь лилась потоками. Татары прозвали Козельскъ „Злымъ городомъ". Молодой князь Козельскій (по имени Василій) пропалъ безъ вѣсти; нѣкоторые говорили, что онъ утонулъ въ крови.

По взятіи Козельска Батый съ полчищами своими двинулся въ половецкія степи. Половецкій ханъ былъ разбитъ и удалился съ остатками своего народа въ Венгрію, гдѣ получилъ земли для поселенія.

Нашествіе татаръ на Южную Русь.

Въ слѣдующемъ 1239 году татары совершили нашествіе на Южную Русь. Пошли они тѣмъ же путемъ, какимъ обыкновенно дѣлали свои набѣги половцы.

Взятъ былъ городъ Переяславль и опустошенъ. Церковь св. Михаила, великолѣпно украшенная золотомъ и серебромъ, была разграблена и разрушена до основанія. Большая часть жителей была истреблена. Затѣмъ татары осадили Черниговъ; но здѣсь встрѣтили сильный отпоръ. Городъ стоялъ на высокомъ берегу рѣки Десны и жители, отчаянно защищаясь, поражали непріятелей съ высоты большими камнями. Наконецъ, татары осилили; сожгли Черниговъ и

направились къ Кіеву. Батый слышалъ также уже о богатствѣ и красотѣ древней русской столицы. Онъ велѣлъ съ передовымъ отрядомъ своего родича Менгу, внука Чингисхана, осмотрѣть Кіевъ. Узналъ Менгу городъ съ лѣвой стороны Днѣпра.

На противоположномъ крутомъ берегу величественнаго Днѣпра красовался городъ. Гористый и обрывистый берегъ съ его церквами и садами, бѣлѣющія стѣны, сверкающія главы многочисленныхъ церквей,— все это вмѣстѣ представляло необыкновенно красивую картину. Менгу, по словамъ лѣтописца, не могъ надивиться красотѣ мѣстоположенія древней русской столицы...

Въ 1240 году Батый явился подъ Кіевомъ. Громадное полчище татаръ, словно грозная туча, обложило городъ. Отъ скрипа безчисленныхъ телѣгъ, рева верблюдовъ, мычанія быковъ, ржанія лошадей и свирѣпыхъ криковъ татаръ, такой гулъ стоялъ надъ Кіевомъ, что, по словамъ лѣтописца, жители, разговаривая между собой, едва могли слышать другъ друга. Кіевъ тогда былъ въ рукахъ Даніила Романовича Галицкаго, но самого князя въ городѣ не было. Для защиты его былъ оставленъ воевода Дмитрій. Отъ одного взятаго въ плѣнъ татарина онъ узналъ, что Батый стоитъ подъ стѣнами Кіева со всѣми важнѣйшими своими ханами, и что вражьей рати нѣтъ числа. Но русскій воевода выказалъ замѣчательную неустрашимость: онъ рѣшился защищать городъ до послѣдней крайности. Татары начали приступать къ городу съ той стороны, гдѣ лѣсъ близко примыкалъ къ городскимъ воротамъ (Лядскимъ): день и ночь били стѣны стѣнобитными орудіями (пороками). Наконецъ, стѣны были разбиты, и татары ворвались въ городъ. Тучи стрѣлъ летѣли на защитниковъ города. Начался отчаянный рукопашный бой... Трескъ ломающихся копій, звукъ щитовъ отъ ударовъ мечей и сабель, дикіе вопли татаръ, стоны раненыхъ, попираемыхъ ногами, крики сражающихся,—все это вмѣстѣ сливалось въ тяжелый, страшной гулъ. Къ вечеру татары овладѣли стѣною. Утомленные мужественнымъ сопротивленіемъ остановились они на отдыхъ. За ночь русскіе устроили тынъ вокругъ Десятинной церкви и готовились снова къ борьбѣ съ врагомъ. Множество жителей съ пожитками своими заперлись въ самой церкви. Видѣли, что спасенія нѣтъ; но никто не думалъ умолять лютаго врага о пощадѣ. Воевода Дмитрій, страдая отъ раны, всетаки мужественно готовился къ новому бою. Утромъ татары начали битву. Слабая, наскоро устроенная ограда не долго сдерживала напоръ враговъ; но русскіе бились такъ отчаянно, что татары, хотя и достигли до церкви, но устлали весь путь своими трупами. Дмитрій былъ схваченъ татарами. Батый, безпощадно истреблявшій плѣнныхъ, уважалъ воинскую доблесть, и мужественному воеводѣ была дарована жизнь.

Нѣсколько дней дикіе побѣдители торжествовали свою побѣду. Совершались всевозможные ужасы истребленія и разрушенія. Древній Кіевъ исчезъ и исчезъ на вѣки! Десятинный храмъ былъ разрушенъ до основанія. Та же участь постигла Печерскую лавру и другія зданія. (Хотя впослѣдствіи Печерская лавра была возстановлена: но, по словамъ позднѣйшаго лѣтописца, прежнее строеніе лавры было болѣе величественно и красиво, чѣмъ новое).

Вѣсть о гибели Кіева нагнала страхъ и на западныхъ сосѣдей. Даніилъ Галицкій поспѣшилъ въ Венгрію просить помощи. Батый шелъ дальше на За-

падъ. Города—Каменецъ, Владиміръ, Галичъ и много другихъ были взяты, разграблены и раззорены. Тогда плѣнный Дмитрій, по словамъ лѣтописи, желая спасти русскія земли отъ окончательной гибели, сталъ говорить Батыю:

— „Будетъ тебѣ здѣсь воевать; время идти на венгровъ. Если станешь еще медлить, то тамъ соберутся съ силами и не пустятъ тебя въ свою землю"!

Батый, конечно, и самъ это понималъ и двинулся къ венгерскимъ границамъ.

Ужасъ охватилъ Западную Европу, когда разнеслась повсюду страшная вѣсть о приближеніи татарскихъ полчищъ. Разсказы о жестокостяхъ ихъ на Руси, о свирѣпой кровожадности ихъ, распространялись во всей Германіи. Суевѣрны и невѣжественны были тогда европейцы: разсказывали, будто войско татаръ такъ громадно, что занимаетъ пространство на двадцать дней пути въ длину и на пятнадцать въ ширину; будто огромные табуны дикихъ лошадей слѣдуютъ за полчищемъ татаръ; будто татары вышли прямо изъ ада, ужасны своимъ наружнымъ видомъ и не похожи на другихъ людей.

Германскій императоръ (Фридрихъ II) разсылалъ повсюду воззванія, чтобы всѣ вооружались и готовились къ отпору страшнаго врага.

„Настало время, писалъ онъ, пробудиться отъ сна! Лежитъ уже сѣкира при деревѣ, и по всему свѣту разносится вѣсть о врагѣ, который грозитъ гибелью всему христіанству. Давно уже слышали мы объ ужасномъ врагѣ, но считали опасность далекою, такъ какъ между врагомъ и нами было столько храбрыхъ народовъ и князей. Теперь, когда одни изъ этихъ князей погибли, а другіе обращены въ рабство, настала пора стать всему христіанству противъ свирѣпаго врага".

Но воззваніе это не привело ни къ чему: въ это время и въ Германіи не было единодушія; императоръ сильно враждовалъ тогда съ папою; а безъ благословенія его многіе подчиненные императору князья и бароны не хотѣли идти въ походъ.

Весною 1241 года перешелъ Батый Карпаты, разбилъ венгерскаго короля, потомъ поразилъ двухъ польскихъ князей. Затѣмъ татары вторглись въ Силезію; здѣсь разбили герцога силезскаго. Путь въ Германію былъ открытъ. Спасли ее войска чешскаго короля. При осадѣ города Ольмюца въ первый разъ татары потерпѣли пораженіе; разбилъ ихъ здѣсь чешскій воевода Ярославъ изъ Штернберга. Послѣ этого орды татаръ скоро отхлынули снова на востокъ, и Западная Европа была спасена. Весь тяжкій гнетъ дикой орды пришлось выдержать только нашему отечеству!..

Ужасное зрѣлище представляла русская земля послѣ татарскаго погрома. Словно моровая язва, землетрясеніе и лютые пожары—всѣ вмѣстѣ свирѣпствовали здѣсь... Груды обгорѣвшихъ развалинъ вмѣсто городовъ и селъ, бѣлѣющія кости непогребенныхъ людей, поля, заросшія сорной травой,—вотъ что представляла русская земля въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проходили дикія орды татаръ!

„Когда мы проѣзжали по русской землѣ, говоритъ путешественникъ, (Плано-Карпини), видѣвшій ее чрезъ пять лѣтъ послѣ татарскаго погрома, то видѣли безчисленное множество череповъ и костей человѣческихъ въ степи.

Кіевъ былъ прежде очень великъ и многолюденъ, а нынѣ въ немъ едва ли 200 домовъ."

Многіе храбрые князья пали въ битвахъ, другіе скитались въ чужихъ краяхъ,—искали похода у иноземныхъ государей и не находили. Запустѣла земля русская. Сотни тысячъ людей были избиты, десятки тысячъ уведены въ плѣнъ. Рѣдкая мать, оставшаяся въ живыхъ, не оплакивала участи своихъ дѣтей, или погибшихъ въ бою, или замученныхъ татарами, или уведенныхъ въ тяжелую неволю. Успѣвшіе скрыться отъ свирѣпости враговъ хотя и возвращались на родныя пепелища, но что была имъ за жизнь, когда приходилось быть постоянно въ страхѣ, чтобы не попасть въ руки враговъ?!.. Живые завидовали спокойствію мертвыхъ...

Поѣздки русскихъ князей въ Орду.

Узнавъ о гибели Юрія, слѣдующій за нимъ по старшинству братъ—Ярославъ прибылъ княжить во Владиміръ. Онъ оказался княземъ твердаго нрава, дѣятельнымъ и распорядительнымъ. Дѣла было много. Приходилось возстановить изъ пепла города и села, собрать разсѣявшихся жителей, ободрить ихъ,—словомъ, обновить государство. На дорогахъ и улицахъ, въ развалинахъ домовъ, въ обгорѣлыхъ церквахъ тлѣло множество непогребенныхъ тѣлъ. Ярославъ приказалъ немедленно убрать ихъ и схоронить, чтобы отвратить заразу. Скоро, благодаря распорядительности князя, возстановился порядокъ на сѣверѣ: роздалъ Ярославъ братьямъ своимъ волости въ управленіе, возстановилъ правосудіе.

Татары только тѣ народы оставляли въ покоѣ, которые выказывали имъ полную покорность. О сопротивленіи врагамъ Ярославу, конечно, нечего было и думать: одна мысль о новомъ вторженіи дикой орды приводила всѣхъ въ трепетъ. Приходилось смириться и выразить покорность предъ самимъ ханомъ. Отправился Ярославъ къ Батыю, который сталъ станомъ на берегу Волги. Ханъ, по словамъ лѣтописи, принялъ Ярослава съ честію и сказалъ ему;

— „Будь ты старшій между всѣми князьями въ русской землѣ".

За великимъ княземъ отправились къ Батыю и всѣ родичи его, и другіе князья. Но этимъ дѣло не ограничилось; пришлось Ярославу ѣхать въ Татарію къ самому великому хану съ изъявленіемъ покорности. Здѣсь Ярославъ въ 1246 г. и скончался.

Князьямъ приходилось въ ордѣ подвергаться разнымъ унизительнымъ обрядамъ: проходить между священными огнями, разложенными подлѣ ханской ставки, преклоняться предъ изображеніемъ великаго хана, становиться на колѣни, пить кумысъ и пр.

Вотъ какъ описываетъ свое представленіе Батыю папскій посолъ (Плано-Карпини). Когда мы прибыли къ хану, насъ помѣстили въ разстояніи одной мили отъ жилища его. Прежде, чѣмъ вести насъ въ палатку Батыя, намъ объявили что мы должны пройти между огней. Сначала мы не соглашались, но намъ сказали: „Не бойтесь! мы требуемъ этого лишь потому, что огонь уничтожитъ зло, если оно есть въ намѣреніи вашемъ противъ нашего повелителя, или если вы несете съ собою ядъ". Тогда мы отвѣтили; „Мы го-

товы пройти межъ костровъ, чтобы не дать повода подозрѣвать насъ въ чемъ либо подобномъ".

Когда пришли мы въ Орду, чиновникъ Батыя спросилъ насъ, чѣмъ мы намѣрены ему ударить челомъ, т. е. какіе поднесемъ подарки. Когда подарки были даны, тотъ же чиновникъ спросилъ насъ о причинѣ нашего пріѣзда. Послѣ этихъ переговоровъ насъ повели въ юрту; на порогѣ ея сдѣлали намъ наставленіе, какъ вести себя. Вошедши въ юрту хана, мы стали на колѣни и сказали нашу рѣчь, затѣмъ подали письмо и просили дать намъ переводчиковъ, чтобы перевести его.

Батый окружаетъ себя большимъ великолѣпіемъ, имѣетъ тѣлохранителей и разныхъ придворныхъ чиновниковъ, какъ императоръ. Садится онъ на болѣе возвышенномъ мѣстѣ, какъ бы на тронѣ, съ одною изъ женъ; другія жены, братья, сыновья и прочіе младшіе родичи, садятся ниже на скамьяхъ; остальныя же лица—за ними на землѣ, мужчины—вправо, женщины—влѣво. Палатка Батыя просторна и очень красива Мы, объяснивъ наше дѣло, сѣли по лѣвую сторону, такъ какъ обычай требуетъ, чтобы пріѣзжающіе послы садились по лѣвой сторонѣ, а отъѣзжающіе по правой. Среди палатки, ближе къ двери, поставленъ былъ столъ съ напитками въ золотыхъ и серебряныхъ сосудахъ. Ни ханъ, ни вельможи его, особенно въ собраніи, не пьютъ безъ пѣнія и музыки.—Когда онъ ѣдетъ на лошади, надъ головой его несутъ всегда зонтикъ на длинной палкѣ; такой же обычай соблюдается и всѣми болѣе знатными татарами и женами ихъ".

Татары жили въ то время еще какъ настоящіе кочевники, не имѣли домовъ, жили въ шатрахъ, хлѣбопашества не знали, а кормились однимъ скотоводствомъ. Постоянныхъ мѣстъ поселенія у нихъ не было, а были какъ-бы подвижные огромные города. Состояли они изъ множества юртъ (кибитокъ). Гдѣ пожелаетъ ханъ, тамъ и устраивался кочевой городъ. Потомъ, по приказу хана, все укладывалось на телѣги, навьючивалось на верблюдовъ, и огромный обозъ изъ нѣсколькихъ тысячъ телѣгъ, запряженныхъ волами и лошадьми, со стадами овецъ и другаго скота, съ табунами лошадей, нѣсколько дней шелъ по степи и располагался станомъ на новомъ мѣстѣ, гдѣ приказывалъ ханъ.

Всѣ князья, которые хотѣли сохранить свою волость, должны были ѣхать въ Орду на поклонъ хану и получить отъ него ярлыкъ, т. е. утвердительную грамоту. Тѣмъ изъ нихъ, которые не выказывали хану полной покорности, грозила большая бѣда.—Въ лѣтописи сохранилось слѣдующее сказаніе о смерти въ Ордѣ Черниговскаго князя Михаила и боярина его Ѳеодора.

Ханскіе сановники стали дѣлать на Руси перепись оставшимся въ живыхъ жителямъ, налагали тяжкую поголовную дань на всѣхъ,—отъ земледѣльца до боярина. Прибыли они между прочимъ и въ Черниговскую область и велѣли князю Михаилу ѣхать въ орду на поклонъ хану. Дѣлать было нечего,—приходилось повиноваться. Когда князь прибылъ въ Орду, отъ него потребовали, чтобы онъ исполнилъ всѣ обряды: прошелъ-бы между огней, поклонился бы изображеніямъ умершихъ хановъ Михаилъ воспротивился и сказалъ:

— „Не достойно христіанамъ исполнять языческіе обряды и поклоняться идоламъ, которымъ кланяются язычники. Вѣра христіанская заповѣдуетъ не

кланяться ни тварямъ, ни идоламъ, но чтить святую Троицу: Отца, Сына и Духа".

Въ сильный гнѣвъ пришелъ Батый, когда узналъ, что князь не хочетъ исполнить требуемыхъ обрядовъ и велѣлъ сказать Михаилу:

— „Если ты исполнишь волю мою, то и живъ останешься, и всю область свою получишь; если же не исполнишь, то погибнешь лютою смертью"!

На это князь отвѣтилъ:

— „Тебѣ царю кланяюсь, такъ какъ Богъ далъ тебѣ царство и славу міра сего; но тому, чему кланяются язычники, не поклонюсь".

— „Но знай, говорили ему татары,—неминуемая смерть ждетъ тебя!".

— „Хочу я пострадать за Христа и за истинную вѣру кровь свою пролить"! отвѣчалъ твердо Михаилъ.

Онъ досталъ запасные Дары, которые были при немъ, причастился Св. Таинъ, читалъ молитвы и пѣлъ псалмы. Любимый боярин его Ѳеодоръ хотѣлъ раздѣлить участь своего князя, пострадать вмѣстѣ съ нимъ. Напрасно внукъ Михаила, Борисъ Васильковичъ, бывшій съ нимъ, и бояре уговаривали его подчиниться требованію хана.

— „Всѣ за тебя эпитемію примемъ, князь; — умоляли они, — со всею областью твоею. Подчинись волѣ хана!".

— „Не хочу я, возразилъ князь быть только по имени христіаниномъ, а творить дѣла язычниковъ... Для васъ не погублю души своей"!

Затѣмъ онъ сорвалъ съ себя княжескую мантію, бросилъ ее и сказалъ:

— „Возьмите славу сего міра; хочу славы небесной"!

По данному знаку на князя бросились татары, повалили его, били въ сердце, топтали ногами. Трепетали отъ ужаса русскіе бояре. Одинъ Ѳеодоръ стоялъ спокойно и ободрялъ несчастнаго мученика-князя, говоря, что умираетъ онъ, какъ подобаетъ истинному христіанину. Наконецъ, одинъ изъ отступниковъ, перешедшихъ въ вѣру татаръ, житель города Путивля, быть можетъ, изъ сожалѣнія къ несчастному Михаилу, отсѣкъ ему голову. Такой же участи подвергся и боярин Ѳеодоръ. Мужество этихъ мучениковъ и твердость ихъ въ вѣрѣ, говорятъ, удивили самого Батыя, и онъ назвалъ князя „великимъ мужемъ". Церковь наша признала обоихъ мучениковъ святыми.

Даніилъ Романовичъ.

Въ первыя времена тяжкаго для Русской земли владычества татаръ было два замѣчательныхъ русскихъ князя: Даніилъ Галицкій и Александръ Невскій.

Галиція, или Червонная Русь, стала сильною областью со времени Владимірка, сына Володаря: онъ первый объединилъ ее, усилилъ присоединеніемъ новыхъ земель, и его единственному сыну Ярославу досталось уже богатое и могучее княжество. Довольно мирно и спокойно шли дѣла въ Галиціи во время умнаго управленія Ярослава, (за большой умъ онъ былъ прозванъ „Осмомысломъ"). Хотя онъ и вмѣшивался въ усобицы князей за Кіевъ и посылалъ свои дружины на половцевъ, но большая часть его княженія протекла мирно.

Торговля, промышленность и земледѣліе стали процвѣтать. Богатая природа, тучная почва, густое населеніе, близость къ Византіи и западнымъ государствамъ,—все это дѣлало Галицію богатѣйшею областью на Руси. Но при Ярославѣ впервые сказалось то зло, которое много горя принесло Галичу,—это боярскія смуты. Бояре стали вмѣшиваться не только въ правительственныя, но даже и въ семейныя дѣла князя... Ни въ одной русской области бояре не имѣли такой силы, какъ въ Галиціи: здѣсь они владѣли большими и богатыми помѣстьями и не только хотѣли жить такъ же независимо отъ князей своихъ, какъ жили паны въ Польшѣ да бароны (помѣщики) въ сосѣднихъ германскихъ земляхъ, но думали и заправлять дѣлами княжества по своему.

При сынѣ Ярослава—Владимірѣ шли почти безпрерывно боярскія смуты и сосѣди—венгры, поляки, нѣмцы стали вмѣшиваться въ галицкія дѣла. По смерти Владиміра (около 1200 г.) Волынскій князь Романъ завладѣлъ Галичемъ.

Рѣшительный, властолюбивый и суровый, онъ задумалъ сломить боярскую крамолу... Начались жестокія казни мятежныхъ бояръ, не успѣвшихъ бѣжать. Романъ не останавливался ни предъ чѣмъ.

— „Не передавивши пчелъ, — говаривалъ онъ обыкновенно, — и меду не ѣсть“!

Забравши въ руки галицкое боярство, Романъ принялся за иноземныхъ враговъ русской земли и не разъ побивалъ половцевъ, ятвяговъ и литву. Современники сравнивали его съ орломъ и львомъ, а волынскій лѣтописецъ величаетъ его даже „самодержцемъ“ всей Русской земли. Иноземные властители заискивали въ немъ. Папа предложилъ ему, если онъ приметъ латинство, королевскій вѣнецъ и мечъ апостола Петра для завоеванія новыхъ земель.

Въ отвѣтъ на это Романъ, говорятъ, обнажилъ свой мечъ и спросилъ:

— „У папы такой ли? Пока онъ при бедрѣ моемъ, мнѣ нѣтъ нужды покупать себѣ города иначе, какъ кровью!...

Такой князь нуженъ былъ русской землѣ, когда такъ много было смуты на ней. Къ несчастью, онъ скоро былъ убитъ въ сраженіи съ поляками (1205 г.), а старшій сынъ его Даніилъ былъ еще ребенкомъ. Снова начались въ Галичѣ смуты и безпорядки. Хотя Романъ и не мало истребилъ бояръ; но все-таки и послѣ него боярство въ Галиціи было гораздо сильнѣе, чѣмъ въ другихъ русскихъ областяхъ.

Трудно было Даніилу утвердиться на отцовскомъ престолѣ. Нашествіе татаръ заставило его на время совсѣмъ покинуть родную страну. Онъ былъ одаренъ блестящими способностями, а тѣ бѣды, изгнаніе и нужды, какія пришлось ему вытерпѣть въ дѣтствѣ и юности, воспитали въ немъ твердость, выносливость и нравственную силу; много ему пришлось вынести зла, но онъ не сдѣлался жестокимъ, умѣлъ сдерживать свой гнѣвъ, гдѣ надо было...

Только въ 1249 году удалось ему окончательно утвердиться въ Галиціи. Пришлось ему безпрестанно вести борьбу съ сосѣдями: съ венграми, ятвягами и литвою.

Литовское племя, сначала разрозненное и потому слабое, мало по малу стало уже подчиняться русскимъ князьямъ; но упорная борьба съ нѣмцами,

которые старались покорить литовцевъ и силою распространить среди нихъ христіанство, заставила мелкія племена литовскія сплотиться; нашлись у нихъ храбрые вожди, и литовцы стали не только мужественно отбиваться отъ враговъ, но сдѣлались сильнымъ и завоевательнымъ народомъ. Пришлось Даніилу оборонять отъ нихъ русскія области. Войны его были по большей части счастливы; принималъ участіе онъ и въ спорахъ королей венгерскаго и чешскаго.

Не одними внѣшними дѣлами прославился Даніилъ; онъ оказался и замѣчательнымъ устроителемъ своего государства. Слѣды татарскаго погрома быстро исчезли въ его области: онъ обстроилъ снова разоренные города, основывалъ новые, привлекалъ въ свою область населеніе. Много перешло народу въ Галицкую землю изъ другихъ южныхъ русскихъ областей; не мало явилось сюда и иностранцевъ: нѣмцевъ, поляковъ, армянъ, но болѣе всего евреевъ. Закипѣла въ Галиціи и промышленность, и торговля...

Даніилъ устроилъ себѣ новую столицу. Разъ во время охоты ему очень приглянулось одно мѣсто; онъ спросилъ у приближенныхъ своихъ, какъ называется оно.

— „Холмъ, отвѣчали ему.

— „Пусть здѣсь будетъ городъ Холмъ, сказалъ онъ, и посвятилъ его св. Іоанну Златоусту. Тогда по обычаю всякій новый городъ посвящали какому-нибудь святому.

Не даромъ умный Даніилъ поселился на новомъ мѣстѣ: въ Галичѣ слишкомъ сильны были еще бояре и держалась память объ ихъ власти, въ новомъ же городѣ князь могъ жить, окруженный вѣрною дружиною, не боясь боярскихъ козней.

Самою завѣтною мечтою Даніила было освободить Русскую землю отъ татарскаго ига. Онъ былъ въ то время самымъ сильнымъ русскимъ княземъ: кромѣ Галиціи, Волынская и Кіевская области были въ его рукахъ. Онъ не считалъ себя еще данникомъ хана, но, зная, что съ татарами дѣло у него мирно не обойдется, завелъ сношенія съ Римомъ—надѣялся, что папа побудитъ европейскихъ государей помочь русскимъ въ борьбѣ съ татарами. Обрадовался папа,—задумалъ онъ при помощи Даніила подчинить себѣ русскую церковь, послалъ къ нему своего архіепископа и объявилъ, что обряды греческой церкви не будутъ нарушены; кромѣ того, предложилъ князю, чтобы задобрить его, королевскій вѣнецъ; но Даніилъ не того искалъ.

— „Что мнѣ въ королевскомъ вѣнцѣ? сказалъ онъ папскому послу,—татары не перестаютъ причинять намъ зло. Зачѣмъ я буду принимать вѣнецъ, когда мнѣ не даютъ помощи!“

Когда убѣдился Даніилъ, что папа болѣе хлопочетъ о своемъ владычествѣ надъ русскою церковью, чѣмъ о помощи русскимъ противъ татаръ, то прервалъ сношенія съ Римомъ и удалилъ изъ Галиціи архіепископа, котораго папа назначилъ было главою духовенства въ Южной Руси.

Думалъ Даніилъ, что дѣло какъ-нибудь обойдется, и ему можно будетъ не ѣхать на поклонъ хану, но ошибся. Въ 1250 году прибыли къ нему послы Батыя съ грознымъ требованіемъ: „Дай Галичъ!“ Опечалился Даніилъ: зналъ онъ, что ему одному не подъ силу бороться съ татарами,—понималъ, какая

бѣда грозитъ родной землѣ, если нагрянутъ на нее снова дикія полчища татаръ. Помощи ждать было неоткуда. Подумалъ обо всемъ этомъ онъ и, скрѣпя сердце, порѣшилъ ѣхать въ Орду и поклониться грозному и ненавистному Батыю.

Когда прибылъ Даніилъ въ Орду, Батый обошелся съ нимъ очень милостиво, но все-таки онъ долженъ былъ покорно кланяться хану и главной женѣ его, пить кумысъ, которымъ ханъ любезно угощалъ его. Прожилъ Въ Ордѣ онъ 25 дней и былъ милостиво отпущенъ. Батый отдалъ ему всѣ области его въ „вотчину", т. е. въ потомственное владѣніе.

Радовались родичи князя и близкіе ему люди, когда увидѣли, что вернулся онъ цѣлъ и невредимъ,—радовались, но и скорбѣли въ то же время... Да и какъ было не скорбѣть?! Знаменитый русскій князь долженъ былъ унижаться предъ ханомъ. Тяжело было всѣмъ русскимъ людямъ это униженіе!..

„О, злѣе зла честь татарская!—восклицаетъ лѣтописецъ,—Даніилъ Романовичъ, князь великій, владѣвшій Русской землей,—Кіевомъ, Волынью, Галичемъ, стоитъ на колѣнахъ, холопомъ называется, дань обѣщаетъ платить, за жизнь свою трепещетъ, угрозъ страшится!"

Невыносима была для Даніила мысль, что долго еще ему придется сносить подобное униженіе. Король венгерскій примирилъ его снова съ Римомъ; прислалъ папа ему драгоцѣнный королевскій вѣнецъ и другія царскія украшенія, обѣщалъ ему помощь христіанскихъ государей Западной Европы. Въ 1255 году Даніилъ былъ коронованъ.

Надѣялся онъ на помощь Запада и началъ борьбу съ татарами. Чтобы можно было обороняться отъ нихъ, укрѣпилъ онъ города свои, но ошибся и на этотъ разъ въ своихъ разсчетахъ: ему помощи ни откуда не было; принужденъ онъ былъ снова смириться предъ татарами Пришлось русскимъ съ ними идти по волѣ хана воевать въ Литву, пришлось по его приказу собственными руками уничтожать свои укрѣпленія. Стѣны городовъ—Львова, Стожка, Кременца и Луцка были разметаны. Бурундай, татарскій военачальникъ, отправился самъ съ Васильком, братомъ Даніила, къ городу Владиміру (Волынскому); неподалеку отъ него остановился на ночлегъ и сказалъ Василько:

— „Иди и размечи свой городъ!"

Василько пріѣхалъ въ свой Владиміръ, и, увидѣвъ, что нельзя скоро разобрать стѣнъ, приказалъ зажечь ихъ. Когда прибылъ Бурундай, онѣ уже догорали. Съ радостью глядѣлъ онъ на погасавшіе остатки ихъ. Погасала съ нимъ и всякая надежда у русскихъ на скорое освобожденіе отъ ига татаръ...

Много потрудился Даніилъ. Почти вся южная Русь была въ его власти, и казалось, здѣсь соберется вся сила Русской земли; но не исполнилась завѣтная мечта его, не смогъ онъ своими силами освободиться отъ татарскаго владычества, не смогли и преемники его совершить это... Въ другомъ концѣ Русской земли собралась сила ея, сбросившая съ русскаго народа тяжкое иго и соединившая разрозненныя области въ одно цѣлое, а Галицкая Русь распалась на части и попала подъ власть чужеземцевъ.

Въ 1264 году Даніилъ умеръ. Не столько доблестные воинскіе подвиги его и многочисленныя побѣды остались въ памяти народа, сколько то, что онъ

въ тяжкіе годы народныхъ бѣдствій не потерялся, съумѣлъ не только загладить ужасные слѣды татарскаго погрома, но и привести свою землю въ цвѣтущее состояніе, украсить ее богатыми городами, великолѣпными зданіями, усилить промышленность и торговлю, успокоить свой народъ, утѣшить его. Эта умная, хозяйственная распорядительность Даніила особенно поражала современниковъ. Другая черта, которую высоко цѣнили въ немъ,—это безпримѣрная дружба его къ брату Васильку: съ дѣтскихъ лѣтъ они были неразлучны, дѣлили вмѣстѣ горе и радости, жили одною мыслью, однимъ сердцемъ. Въ тѣ печальныя времена не часто встрѣчалось на Руси такое братское согласіе; понятно, почему лѣтописецъ высоко цѣнитъ его. О Даніилѣ можно сказать, какъ о Мономахѣ, что „былъ онъ братолюбецъ и добрый страдалецъ за землю Русскую!"

Александръ Невскій.

Въ то время, какъ Даніилъ трудился на пользу Русской земли на югѣ, на сѣверѣ оборонялъ ее отъ внѣшнихъ враговъ другой знаменитый князь—Александръ Ярославовичъ. Съ юныхъ лѣтъ онъ княжилъ въ Новгородѣ. Высокій ростомъ, статный, сильный, красивый, онъ поражалъ всѣхъ свою прекрасною, мужественною наружностью. Когда говорилъ онъ на вѣчѣ или предъ войскомъ, его звучный голосъ, по выраженію лѣтописца, „гремѣлъ предъ народомъ какъ труба".

Въ то время, когда татары громили Русскую землю съ юго-востока, бѣда грозила ей и съ сѣверо-запада.

Шведы задумали воспользоваться бѣдствіемъ русской земли и завладѣть финскими и сосѣдними новгородскими землями, чтобы по желанію папы распространить здѣсь римско-католическую вѣру. Зять короля Биргеръ самъ принялъ начальство надъ шведскимъ ополченіемъ и послалъ Александру надменный вызовъ:

— „Если можешь, сопротивляйся, но знай, что я уже здѣсь и плѣню землю твою"!

Въ 1240 году шведскіе корабли съ большимъ войскомъ подъ начальствомъ Биргера вошли въ устье Невы и стали на якорь при впаденіи въ нее рѣчки Ижоры. Шведы, видно, разсчитывали подняться по Невѣ, плыть чрезъ озеро и врасплохъ напасть на Ладогу, затѣмъ по Волхову идти на Новгородъ. Но Александръ тоже не медлилъ: помолился у св. Софіи, получилъ благословеніе отъ владыки, наскоро собралъ сколько могъ рати. Невелика была она, но онъ бодро пошелъ съ нею къ устью Волхова.

— „Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ!" говорилъ онъ.

Въ воскресенье, 15 іюля (1240 г.) ударилъ онъ на шведовъ. Они не ждали скораго нападенія: суда ихъ стояли у берега; на берегу были раскинуты шатры... Всполошились шведы, когда новгородцы внезапно напали на нихъ и стали рубить ихъ топорами и мечами прежде, чѣмъ тѣ успѣли схвататься за оружіе. Нѣсколько витязей новгородскихъ особенно отличились: одинъ изъ нихъ, гонясь за бѣгущимъ Биргеромъ, заѣхалъ сгоряча верхомъ на конѣ [illegible] бль по опущенной на берегъ сходнѣ. Его сбросили съ конемъ

въ воду, но онъ, выбравшись невредимо изъ рѣки, снова ринулся въ бой и поразилъ многихъ шведскихъ витязей. Другой съ пѣшимъ отрядомъ ударилъ на непріятельскія суда и три изъ нихъ уничтожилъ. Третій врубился въ толпу шведовъ, пробился до большаго златоверхаго Биргерова шатра, подсѣкъ столбъ, и шатеръ рухнулъ къ сильной радости новгородцевъ. Были и другіе удальцы, показавшіе себя въ этомъ бою. Самъ Александръ нагналъ Биргера и мечемъ нанесъ ему рану въ лицо, „возложилъ ему печать на лицо“, по словамъ сказанія. Побѣда была одержана блестящая. Множество шведовъ осталось на полѣ битвы. Ночью, не дожидаясь разсвѣта, остатки шведскаго войска поспѣшно уплыли на своихъ судахъ въ море.

Велика была радость новгородцевъ, и всѣ славили Александра, какъ неустрашимаго вождя, какъ защитника православія; за эту побѣду и стали звать его „Невскимъ“.

Сохранилось сказаніе о томъ, что ему въ этой битвѣ была оказана помощь свыше; что свв. Борисъ и Глѣбъ помогли ему.

Былъ въ землѣ Ижорской, говорится въ этомъ сказаніи, старшина по имени Пелгусій. Онъ принялъ крещеніе (христіанское имя его было Филиппъ). Жилъ онъ очень благочестиво, соблюдалъ посты и удостоился видѣнія. Незадолго до Невской побѣды былъ онъ на берегу Невы на стражѣ, всю ночь не спалъ, а подъ утро поразилъ его сильный шумъ на водѣ. Увидѣлъ онъ лодку. Посреди нея стояли свв. мученики —Борисъ и Глѣбъ въ свѣтлыхъ ризахъ, въ такомъ видѣ, какъ обыкновенно изображаютъ ихъ на иконахъ. Гребцы были скрыты какъ будто мглою. И услышалъ Пелгусій, какъ Борисъ сказалъ Глѣбу:

— „Братъ Глѣбъ, вели грести, поможемъ нашему сроднику, князю Александру Ярославичу!“

Пелгусій разсказалъ ему объ этомъ видѣніи.

Новгородцы любили Александра; все-таки онъ не могъ долго ужиться съ ними: хотѣлъ онъ большей власти и не выносилъ вѣчевыхъ безпорядковъ. Вскорѣ послѣ невской побѣды онъ выѣхалъ изъ Новгорода, а между тѣмъ здѣсь нуженъ былъ въ это время такой именно князь, какъ Александръ: большая опасность грозила Новгородской области со стороны нѣмцевъ.

Восточное побережье Балтійскаго моря (гдѣ теперь Эстляндская и Лифляндская губерніи) заселено было чудскимъ и латышскимъ племенами. Они въ XII ст. были еще язычниками и считались данниками отчасти Новгорода, отчасти полоцкаго князя. Русскіе мало обращали вниманія на эту страну. Въ 1158 году во время сильной бури выбросило на берегъ въ устьѣ Западной Двины корабль нѣмецкихъ купцовъ (изъ города Бремена); съ этого времени нѣмцы завели мѣновую торговлю съ жителями, увидѣли, что это выгодно, стали чаще пріѣзжать сюда, устроили тутъ и складочное мѣсто для товаровъ. Полоцкіе князья имъ позволили завести здѣсь колонію.

Задумали тогда нѣмцы распространить между язычниками — туземцами христіанство; но это дѣло у нихъ не ладилось: язычники здѣсь крѣпко держались за свою старину, и встрѣтили проповѣдниковъ враждебно. Нѣмцы увидѣли, что мирными средствами скораго успѣха не добьешься, и стали силою

принуждать язычниковъ креститься. — Епископъ Альбертъ съ разрѣшенія папы учредилъ для этого орденъ (общину) рыцарей. Это были монахи и воины въ то же время: они исполняли монашескія обязанности и вмѣстѣ съ тѣмъ должны были вести непрерывную войну съ врагами христіанства. Такихъ военно-монашескихъ общинъ было въ Западной Европѣ уже нѣсколько. Новая община воиновъ—монаховъ стала называться орденомъ „Меченосцевъ".

Въ 1201 году возникъ при устьѣ Двины сильный нѣмецкій городъ Рига, и съ этого времени нѣмцы—рыцари пускаютъ въ дѣло оружіе; не словомъ и убѣжденіемъ обращаютъ язычниковъ въ христіанство, а силою: захватываютъ земли ихъ, устраиваютъ здѣсь себѣ замки (небольшія укрѣпленія), обращаютъ туземцевъ въ рабство... Ожесточились порабощенные. Нѣкоторые изъ нихъ бросались въ Двину, думая такимъ образомъ смыть съ себя то крещеніе, которое насильно было навязано имъ и вело за собою рабство и другія несчастія. Были при возстаніяхъ озлобленныхъ туземцевъ ужасные случаи: они злобно мучили и убивали попавшихъ въ ихъ руки враговъ, иногда жарили ихъ... Но и нѣмцы, побѣдивъ возставшихъ, не давали имъ никакой пощады: казнили ихъ цѣлыми тысячами, выжигали до тла ихъ села и т. д. Изъ Германіи безпрестанно прибывали новые рыцари, желая послужить „дѣлу вѣры", и пополняли убыль въ орденѣ меченосцевъ. Скоро онъ сдѣлался многочисленнымъ и могущественнымъ. Спохватились тогда полоцкіе князья, поняли, какъ оплошали, позволивъ нѣмцамъ утвердиться при устьѣ Западной Двины, да было ужъ поздно!..

Съ 1206 г. начинаются безпрерывныя войны между орденомъ и сосѣдними русскими княжествами. Одолѣть рыцарей было нелегко: они были отлично вооруженные и лихіе бойцы. Закованные съ ногъ до головы въ желѣзное вооруженіе, рыцари съ ихъ тяжелыми и длинными мечами были страшными противниками. Эти „желѣзные люди" не разъ наносили пораженія русскимъ князьямъ, которые обыкновенно дѣйствовали неединодушно.

Завладѣли нѣмцы и нѣсколькими русскими городами, настроили новыхъ на мѣстѣ русскихъ поселеній.

Послѣ татарскаго погрома нѣмцы могли разсчитывать, что легко овладѣютъ и Псковомъ, и Новгородомъ. Имъ даже удалось захватить Псковъ, и стали они мало по малу покорять и новгородскія земли. Непріятельскіе отряды доходили уже до окрестностей Новгорода, стояли въ тридцати верстахъ отъ него, перехватывали купеческіе обозы и наносили большой ущербъ новгородской торговлѣ. Тогда новгородцы стали просить Александра выручить ихъ изъ бѣды; самъ владыка новгородскій отправился къ нему съ просьбой объ этомъ. Дѣло касалось не одного Новгорода, а всей Русской земли,— Александръ согласился и прибылъ въ Новгородъ.

Немедленно принялся онъ очищать Новгородскую область отъ враговъ, разогналъ ихъ отряды, взялъ Копорье, гдѣ было утвердились нѣмцы. Съ плѣнными обходился онъ очень милостиво, но измѣнниковъ безпощадно вѣшалъ. Затѣмъ онъ дошелъ до Пскова, освободилъ его отъ нѣмцевъ, двухъ здѣшнихъ нѣмецкихъ намѣстниковъ отправилъ въ оковахъ въ Новгородъ. Послѣ этого Александръ вошелъ въ Чудскую землю, во владѣнія ордена. Здѣсь русская рать

остановилась на Чудскомъ озерѣ и стала поджидать непріятеля. Нѣмцы двинули противъ русскихъ большую силу и на льду озера (5-го апрѣля 1241 г.) произошла знаменитая битва.

При видѣ враговъ Александръ поднялъ руки къ небу и громко сказалъ:
— „Разсуди, Боже, споръ мой съ этимъ высокомѣрнымъ народомъ!“

Нѣмцы поставили своихъ воиновъ особеннымъ строемъ, клиномъ,—врѣзались рыцари въ ряды русскихъ, разорвали ихъ строй надвое и думали уже, что побѣда на ихъ сторонѣ. Тяжелый гулъ отъ ударовъ мечей о щиты и шлемы, отъ треска ломающихся копій, отъ воинскихъ криковъ и стоновъ раненыхъ стоялъ надъ побоищемъ. Ледъ побагровѣлъ отъ крови и мѣстами трескался. Многіе потонули. Русскіе пришли въ смятеніе, а нѣмцы уже радовались побѣдѣ, какъ вдругъ къ ужасу ихъ Александръ съ запаснымъ полкомъ ударилъ на нихъ съ тылу и разстроилъ ихъ ряды. Нѣмцы обратились въ бѣгство. Русскіе гнали ихъ семь верстъ. Множество враговъ было избито, много попало и въ плѣнъ.

Торжественно вступалъ Александръ послѣ этой знаменитой битвы, названной въ нашихъ лѣтописяхъ „Ледовымъ побоищемъ“, во Псковъ. Весь городъ вышелъ на встрѣчу своему избавителю. Игумны и священники встрѣтили его съ крестами. Онъ ѣхалъ верхомъ. За конемъ его вели знатныхъ рыцарей, взятыхъ въ плѣнъ; позади гнали огромную толпу простыхъ плѣнныхъ. Долго не умолкали радостные клики, которыми народъ привѣтствовалъ знаменитаго побѣдителя.

Важную службу сослужилъ Русской землѣ Александръ Невскій своими побѣдами. Нѣвская битва и Ледовое побоище на время отвадили и шведовъ, и нѣмцевъ отъ мысли завладѣть сѣверными русскими областями. Папа, которому хотѣлось подчинить русскую церковь себѣ, тоже увидѣлъ, что силою тутъ ничего не подѣлаешь, сталъ заискивать расположенія Александра, прислалъ даже ему любезное посланіе (1238 г.) и затѣмъ посольство съ цѣлью убѣдить его подчинить русскую церковь Риму. Но Александръ, не знавшій страха, не поддавался ни лести, ни хитрымъ уловкамъ,—всѣ попытки папы не привели ни къ чему.

Пришлось Александру оборонять Новгородскую область еще отъ третьяго врага—отъ литовцевъ. Стали они дѣлать разбойничьи набѣги и доходили до Торжка. Александръ три раза разбивалъ ихъ, истребилъ многихъ вождей ихъ и на нѣкоторое время избавилъ сѣверную Русь отъ литовскихъ набѣговъ.

Твердо, съ оружіемъ въ рукахъ отстаивалъ доблестный князь Русскую землю отъ западныхъ недруговъ, но иначе относился онъ къ могучему восточному врагу. Умный и разсчетливый князь хорошо понималъ, что отбиться отъ отрядовъ нѣмцевъ и шведовъ — это не то, что бороться съ громадною ордою свирѣпыхъ враговъ, предъ которою трепетала не только вся Русь, но и Европа. Огромное и хорошо устроенное войско нужно было для борьбы съ безчисленными полчищами степняковъ; а земля русская, опустошенная, обезлюдѣвшая, обѣднѣвшая, разрозненная, могла ли выставить большую рать? Понималъ Александръ, что тутъ поневолѣ приходилось дѣйствовать другимъ пу-

темъ и, какъ ни горько, а надо, скрѣпя сердце, выказывать смиреніе и покорность хану.

Наши лѣтописцы говорятъ, что самъ Батый потребовалъ къ себѣ Александра.

— „Мнѣ покорилъ Богъ многіе народы, велѣлъ ханъ сказать ему,—ты ли одинъ не хочешь покориться державѣ моей? Если желаешь сберечь себѣ землю свою, приходи на поклонъ ко мнѣ, и увидишь честь и славу царства моего“.

Александръ отправился въ Орду. По словамъ лѣтописи, ханъ, познакомившись съ нимъ, сказалъ своимъ вельможамъ:

— „Все, что мнѣ ни говорили о немъ,—все правда: нѣтъ князя подобнаго этому!“

Въ Ордѣ Александръ ближе приглядѣлся къ татарскимъ порядкамъ, узналъ, чѣмъ сильны были татары: полное повиновеніе начальникамъ, безпрекословная покорность волѣ хана сплачивали суровыхъ, выносливыхъ и степныхъ хищниковъ въ одну несокрушимую воинственную орду.

Александръ всѣми средствами старался ублажить хана и его сановниковъ, чтобы избавить Русскую землю отъ новыхъ бѣдъ. Трудна была эта задача, когда даже и съ родными братьями приходилось Александру враждовать! только въ 1252 году ханъ призналъ его великимъ княземъ и далъ ему Владиміръ. Съ этого времени пришлось ему взять на себя тяжелое дѣло.—Не легко было и раньше отбиваться отъ западныхъ враговъ; но за то блестящія побѣды, воинская слава, чувства народной радости и благодарности были тогда наградою ему за тяжелые воинскіе труды. Теперь ему приходилось унижаться предъ ханомъ, заискивать расположенія сановниковъ его, одаривать ихъ, чтобы спасти родную землю отъ новыхъ бѣдъ; приходилось уговоривать свой народъ не противиться татарамъ, позволить сдѣлать перепись, уплатить требуемую дань; даже иной разъ онъ самъ долженъ былъ, въ случаѣ сопротивленія, силою заставлять свой народъ исполнять требованія враговъ. Конечно, болѣзненно сжималось сердце Александра, когда онъ принужденъ бывалъ наказывать своихъ людей за непослушаніе татарамъ. Многіе въ то время думали, что онъ не жалѣлъ своего народа, дѣйствовалъ сообща съ врагами, и злобились на него. Немногіе понимали тогда, что только тяжелая необходимость заставляла его такъ поступать; что, поступи онъ иначе, новый страшный погромъ татарскій обрушился бы надъ несчастной Русской землей!..

Въ 1256 году новый ханъ (Берке) приказалъ сдѣлать вторую перепись на Руси. (Первая была сдѣлана еще при Ярославѣ Всеволодовичѣ). Въ земли Рязанскую, Муромскую и Суздальскую явились татарскіе численники, ставили своихъ десятниковъ, сотниковъ, тысячниковъ; всѣхъ жителей, исключая духовныхъ лицъ, переписывали, чтобы обложить поголовною данью. Новый ханъ пожелалъ, чтобы перепись была сдѣлана и въ Новогородѣ. Когда вѣсть объ этомъ дошла сюда, здѣсь поднялся мятежъ: Новгородъ не былъ подобно другимъ русскимъ городамъ покоренъ татарскимъ оружіемъ, и новгородцы не думали, чтобы имъ пришлось добровольно платить постыдную дань. Чувствовалъ Александръ, что быть бѣдѣ, но не могъ ничего сдѣлать въ пользу Новгорода.

Прибылъ онъ сюда съ татарскими послами, которые требовали десятины. Новгородцы на-отрѣзъ отказались уплатить дань; однако ханскихъ пословъ не только не обидѣли, но даже одарили и съ честью отпустили домой. Народъ волновался. Многіе злобились на Александра за то, что онъ держалъ сторону татаръ. Новгородскій князь Василій, сынъ его и тотъ былъ на сторонѣ недовольныхъ новгородцевъ. Тяжело было положеніе юнаго князя; не понималъ и онъ, какъ большинство новгородцевъ, какая бѣда можетъ постигнуть ослушниковъ хана: стать на сторону отца, по мнѣнію Василія, значило—измѣнить Новгороду, а противиться отцу было ему тяжело... Кончилъ онъ тѣмъ, что бѣжалъ во Псковъ. Александръ на этотъ разъ сильно озлобился, выгналъ сына своего изъ Пскова, а нѣкоторыхъ новгородскихъ бояръ, главныхъ зачинщиковъ мятежа, жестоко казнилъ.

Заволновались новгородцы... Напрасно болѣе благоразумные уговаривали народъ покориться тяжкой необходимости.

— „Умремъ честно за св. Софію и дома ангельскіе, кричалъ народъ, сложимъ головы наши у св. Софіи“!

Однако страшная вѣсть о томъ, что ханскіе полки идутъ на Новгородъ, и увѣщанія нѣкоторыхъ благоразумныхъ бояръ, наконецъ, подѣйствовали. Волненіе улеглось. Татарскіе численники ѣздили по новгородскимъ улицамъ, переписывали дворы и удалились. Хотя послѣ этого татарскіе чиновники не пріѣзжали въ Новгородъ собирать дань, но новгородцы должны были участвовать въ платежѣ татарамъ дани,—отдавать свою долю ея великимъ князьямъ. Только что успокоился Новгородъ,—въ другихъ городахъ поднялась смута. Татарскіе сборщики собирали дань самымъ безчеловѣчнымъ способомъ. Брали ее съ лихвою, забирали и пожитки въ случаѣ недоимокъ, а изъ бѣдныхъ семей уводили людей въ неволю; притомъ крайне грубо обращались съ народомъ, и ему не въ моготу стало терпѣть: въ Суздалѣ, Ростовѣ, Ярославлѣ, Владимірѣ и въ другихъ городахъ заволновался народъ, и сборщики дани были перебиты...

Въ сильную ярость пришелъ ханъ. Въ Ордѣ собирались уже полчища; готовились татары безпощадно наказать мятежниковъ. Александръ поспѣшилъ въ Орду... Видно, не легко ему было ублажить хана и его приближенныхъ,—зиму и лѣто пришлось ему прожить въ Ордѣ; но за то удалось спасти родную страну не только отъ новаго погрома, но и выпросить для нея важную льготу: по просьбѣ Александра ханъ освободилъ русскихъ отъ обязанности поставлять татарамъ вспомогательное войско. Тяжело было бы русскимъ проливать свою кровь за злѣйшихъ враговъ своихъ!..

Изъ Орды Александръ возвращался больнымъ. Крѣпкое его здоровье было надорвано постоянными тревогами и заботами. Съ трудомъ, еле перемогаясь, продолжалъ онъ свой путь, доѣхалъ до Городца, и здѣсь окончательно слегъ. Когда почувствовалъ онъ приближеніе смерти, принялъ схиму. Ночью 14 ноября 1263 г. его не стало.

Скоро долетѣла до города Владиміра скорбная вѣсть о кончинѣ Александра. Митрополитъ Кириллъ, служившій въ это время обѣдню, обратился къ народу со слезами на глазахъ и сказалъ:

— „Дѣти мои милыя, закатилось солнце земли Русской!“

Народъ горько оплакивалъ своего князя.

Тѣло усопшаго князя перевезли во Владиміръ. Не смотря на зимнюю стужу, митрополитъ Кириллъ съ духовенствомъ встрѣтилъ тѣло у Боголюбова, и отсюда со свѣчами и кадилами все духовенство провожало его до Владиміра. Огромная толпа тѣснилась около гроба: каждому хотѣлось приложиться. Многіе громко плакали. 23 ноября тѣло Александра Невскаго погребли во Владимірскомъ монастырѣ Рождества Богородицы.

Потрудился Александръ для Русской земли. Мужественно и побѣдоносно боролся онъ съ западными врагами, разсчетливо, умно берегъ свой народъ отъ хищныхъ татаръ. Среди трудныхъ княжескихъ дѣлъ не забывалъ благочестивый князь и христіанскихъ обязанностей: много серебра и золота передавалъ онъ въ Орду; не мало несчастныхъ выкупилъ изъ тяжкой неволи татарской. Многіе звали его своимъ „ангеломъ хранителемъ“. Руская церковь причла его къ лику святыхъ.

Смуты при сыновьяхъ Александра Невскаго.

Великокняжескій столъ послѣ Александра занимали два его брата: сначала Ярославъ Тверской (до 1272 г.), потомъ Василій Костромской (до 1276 г.). Въ это время на западѣ шведы и ливонцы снова начинаютъ безпокоить Новгородъ и Псковъ. Впрочемъ, новгородцы съ успѣхомъ отбиваются отъ враговъ; особенно достопамятна битва при Раковорѣ (Везенбергѣ) 1268 г.; здѣсь новгородцы послѣ долгаго и упорнаго боя нанесли сильное пораженіе ливонцамъ и датчанамъ. А Псковъ оборонялъ отъ нѣмцевъ и литовцевъ доблестный Довмонтъ, литовскій князь, перешедшій на сторону русскихъ и принявшій крещеніе. Онъ послужилъ своимъ мечемъ Пскову такъ-же, какъ служилъ Новгороду Александръ Невскій.

Не долго продержалось на Руси то спокойствіе, о которомъ такъ радѣлъ Александръ Невскій. Сыновья его (Дмитрій и Андрей) начали кровавый споръ за великое княженіе. Два раза приводилъ Андрей полчища татаръ на русскую землю (1282 и 1294 гг.), которую такъ берегъ отъ вражескихъ нашествій его отецъ. Хищники всегда рады были случаю пограбить, нагнать страху на русскихъ, напомнить имъ времена Батыя. Десятки лѣтъ нужны были, чтобы области, опустошенныя при этомъ новомъ погромѣ, сколько нибудь оправились.

Усобицы сѣверныхъ князей въ тринадцатомъ и четырнадцатомъ столѣтіяхъ отличаются отъ старыхъ усобицъ на югѣ. Прежде князья, враждуя между собою, старались овладѣть Кіевской великокняжеской областью или другимъ какимъ-либо старшимъ и лучшимъ удѣломъ. Князья безпрестанно переходили съ дружинами своими изъ однѣхъ областей въ другія и считали ихъ только временнымъ своимъ достояніемъ. Послѣ смерти удѣльныхъ князей земли ихъ переходили не къ дѣтямъ ихъ, а къ родичамъ, слѣдующимъ за ними по старшинству въ родѣ. Понятно, что южные удѣльные князья мало заботились о томъ, чтобы получше устроить, расширить и обогатить земли, гдѣ были они только временными гостями.

На сѣверѣ установился мало по малу другой порядокъ. Подобно Андрею

Боголюбскому, который, сдѣлавшись даже великимъ княземъ, остается въ своемъ Владимірѣ, а не ѣдетъ въ Кіевъ, и другіе сѣверные князья предпочитаютъ жить въ своихъ городахъ: Тверской князь, сдѣлавшись великимъ княземъ, не переѣзжаетъ во Владиміръ, а остается въ Твери, Переяславскій,—въ Переяславлѣ, Московскій—въ Москвѣ. Каждый изъ этихъ князей старается свою область обогатить, увеличить на счетъ другихъ земель, сдѣлать свою землю главною и упрочить ее вмѣстѣ съ титуломъ великаго князя за своимъ потомствомъ.—Прежде нерѣдко тотъ князь, у котораго было много удали да дружина хорошая, бралъ верхъ надъ другими; а теперь не то: одна страшная сила, словно туча грозовая, повисла надъ Русской землей,—то сила хана. Отъ него все зависитъ,—отъ него получаютъ русскіе князья и власть свою, и землю; въ его рукахъ и жизнь, и смерть князей. Кто изъ нихъ лучше умѣетъ снискать милость хана и воспользоваться ею, въ рукахъ того больше и силы. Прежде и съ удалымъ княземъ, говорившимъ о себѣ, что онъ никого не боится, кромѣ Бога, можно было попытать счастья въ борьбѣ: силы этого удальца-князя, т. е. его дружина и войско, были не Богъ вѣсть какія многочисленныя. Теперь же и робкій, и вовсе невоинственный князь, успѣвшій снискать „великую милость хана“, могъ быть страшенъ самымъ храбрымъ князьямъ,—такъ какъ стоило ему только съѣздить въ Орду, и онъ могъ привести оттуда рать хищниковъ „безъ числа“; а нашествія татаръ на Руси боялись пуще грома небеснаго. При такихъ обстоятельствахъ бралъ верхъ не князь-удалецъ съ пылкимъ сердцемъ, а князь съ холоднымъ, разсчетливымъ умомъ,—князь „политикъ“, т. е. способный обдумывать каждый шагъ свой, сообразоваться съ обстоятельствами, умѣющій ловко пользоваться удачей, ловко извернуться въ бѣдѣ, перехитрить врага. Та область, гдѣ у князей было больше способности къ осторожной и дальновидной политикѣ, должна была мало по малу стать главною и подчинить себѣ остальныя русскія земли.

Болѣе ловкими политиками оказались князья московскіе.

Лѣтописное сказаніе говоритъ, что Москва была основана Юріемъ Долгорукимъ. Въ первый разъ въ лѣтописи упоминается о ней подъ 1147 годомъ.

На мѣстѣ ея, по преданію, раньше было имѣнье боярина Кучки. Онъ былъ казненъ княземъ за какую то вину. Мѣстность на берегу рѣки Москвы очень приглянулась Юрію, и онъ основалъ здѣсь городокъ, названный по имени рѣки—Москвою.

Москва досталась въ удѣлъ младшему сыну Александра Невскаго — Даніилу. Ему уже удалось сильно увеличить свой удѣлъ: онъ получилъ по завѣщанію отъ родича своего, умершаго бездѣтнымъ, Переяславъ Залѣсскій съ богатою областью. Напрасно великій князь (Андрей Александровичъ) хотѣлъ завладѣть Переяславлемъ,—Даніилъ не выпустилъ изъ своихъ рукъ богатаго пріобрѣтенія.

Юрій и Иванъ Даниловичи.

Особенно много потрудились для усиленія Москвы сыновья Даніила—Юрій и Иванъ. Хорошо понимали они, какую силу имѣетъ „ханская милость“

и умѣли снискать ее. Кто приходился хану по душѣ, былъ угоденъ ему, того онъ могъ назначить великимъ княземъ, не стѣсняясь ничѣмъ. Чтобы снискать милость хана, надо было всячески выражать предъ нимъ покорность, угождать и ему, и главнымъ приближеннымъ его; задобривать ихъ приходилось богатыми подарками. На дѣлѣ выходило такъ, что кто изъ князей былъ побогаче, щедрѣе и умѣлъ расположить къ себѣ хана и вельможъ его,—тотъ и получалъ ярлыкъ на великое княженіе.

По смерти Андрея Александровича сталъ добиваться велико-княжескаго достоинства племянникъ Александра Невскаго Михаилъ Ярославичъ, князь тверской. Юрій Даниловичъ московскій тоже поѣхалъ въ Орду попытать счастья. На этотъ разъ верхъ взялъ Михаилъ: онъ былъ богаче московскаго князя и могъ дать и обѣщать татарамъ больше, чѣмъ тотъ, — тягаться Москвѣ съ Тверью было еще рано. Юрій понялъ, что надо еще усилить московскую область и увеличить свои средства. Раньше уже удалось ему присоединить къ своимъ владѣніямъ городъ Можайскъ; затѣмъ отнялъ онъ отъ юнаго рязанскаго князя Коломну. Теперь владѣнія его порядкомъ разрослись; можно было снова попытать счастья въ борьбѣ съ Тверью. Сильная борьба съ нею началась у него изъ-за Новгорода. Юрію пришлось ѣхать въ Орду. Три года прожилъ онъ тамъ, не жалѣлъ поклоновъ, не щадилъ казны своей, щедро одаривалъ приближенныхъ ханскихъ, вкрался въ такое довѣріе хана, что тотъ женилъ его на своей любимой сестрѣ Кончакѣ, принявшей христіанскую вѣру, и назначилъ его великимъ княземъ. Юрій съ торжествомъ возвращался изъ Орды: онъ велъ съ собою полчища татаръ,— сильно хотѣлось ему наказать своего противника. Рать Юрія стала страшно опустошать Тверскую землю; но въ декабрѣ 1317 года произошла битва, и Юрій былъ разбитъ. Многіе попали въ плѣнъ, въ томъ числѣ татарскій вождь и Кончака. Михаилъ Тверской готовъ былъ помириться, даже уступить достоинство великаго князя своему сопернику, лишь бы тотъ не разорялъ Тверской области. На бѣду Михаила Кончака умерла у него въ плѣну; враги его стали говорить, будто умерла она отъ отравы. Юрій съ нѣсколькими своими сторонниками отправился въ Орду, къ хану Узбеку, съ жалобою на тверского князя. Михаилъ чуялъ бѣду и самъ спѣшилъ къ хану. На пути уже встрѣтилъ онъ ханскаго посла, который ему сказалъ:

— „Зоветъ тебя царь, — поѣзжай скорѣе. Если черезъ мѣсяцъ не будешь тамъ, то ханъ назначилъ уже войско на тебя и на твой городъ!“

Бояре и сыновья Михаила уговаривали его не ѣздить; но онъ стоялъ на своемъ.

— „Если я уклонюсь, говорилъ онъ, земля моя будетъ полонена и множество христіанъ перебито: лучше ужъ мнѣ одному положить свою душу за многія души!“

Когда прибылъ Михаилъ въ Орду, надъ нимъ былъ наряженъ судъ. Пущены были въ ходъ всякіе клеветы и наговоры. Михаилъ былъ обвиненъ въ томъ, что „не давалъ царевой дани, бился противъ царскаго посла и уморилъ княгиню, жену Юрія“. Послѣ того къ Михаилу приставили стражу; надѣли на шею ему колодку (тяжелую доску съ отверзтіемъ для головы и рукъ); нельзя

было ему ни лечь, ни спиною опереться. Промучили несчастнаго князя такимъ образомъ съ мѣсяцъ и наконецъ убили.

Юрій торжествовалъ: Тверь была унижена; опаснаго соперника его не было въ живыхъ; Новгородъ подчинился ему. Онъ оборонялъ его отъ шведовъ, построилъ у истока Невы крѣпость Орѣшекъ (теперь Шлиссельбургъ), удачно защищалъ Новгородскую область отъ литовскихъ набѣговъ.— Однако бѣда не миновала и его. Онъ былъ позванъ въ Орду: сынъ Михаила тверского Димитрій по прозванію „Грозные очи", обвинялъ его, будто онъ, взявъ дань съ тверскихъ князей, не отдалъ ея татарскому послу. Вѣроятно, Юрій извернулся бы изъ бѣды и оправдался бы, но Димитрій Михайловичъ при встрѣчѣ съ нимъ не стерпѣлъ: чувство мести, которое онъ со времени мученической кончины отца своего таилъ въ сердцѣ, вспыхнуло въ душѣ его, и онъ поразилъ заклятаго врага своего мечемъ. За это самоуправство Димитрій былъ казненъ въ Ордѣ.

Братъ Юрія Иванъ, по прозвищу Калита (слово „калита" значитъ мѣшокъ съ деньгами) уже раньше, когда тому приходилось быть въ Новгородѣ, управлялъ Московскою областью. Онъ больше всѣхъ прежнихъ князей помогъ возвышенію Москвы; часто ѣздилъ онъ въ Орду, пріобрѣлъ большое довѣріе и расположеніе Узбека. Какъ вѣрный слуга хана, онъ получилъ право собирать дань ханскую и отвозить ее въ Орду: часть дани онъ удерживалъ себѣ и такимъ образомъ увеличивалъ годъ отъ году свою казну. При немъ татары не безпокоили Московской земли. Посѣщенія татаръ были всегда ужасны для русскаго народа; даже когда послы отъ хана проѣзжали по русскимъ землямъ, то творили на пути всякія насилія, безчинства и всячески оскорбляли русскихъ. Благодаря тому, что Иванъ Калита былъ въ большой милости у хана и самъ уплачивалъ дань, никто не смѣлъ обижать его людей.

— „Перестали, говоритъ лѣтописецъ, поганые воевать Русскую землю; отдохнули христіане отъ великой истомы и многой тягости и отъ насилія татарскаго, и съ этихъ поръ наступила тишина по всей землѣ".

Московская область, благодаря этому спокойствію, все больше и больше населялась: шелъ сюда отовсюду рабочій людъ; бояре тоже охотно переходили отъ другихъ князей къ московскому. Это было очень выгодно для Московской области, потому что бояре приводили съ собою цѣлыя тысячи „своихъ людей", и такимъ образомъ сильно содѣйствовали заселенію области. Гулящей земли было у московскаго князя вдоволь, и онъ охотно давалъ большія помѣстья переходившимъ къ нему боярамъ. Они за это обязывались отправлять воинскую повинность: въ случаѣ надобности являться на войну и приводить съ собою извѣстное число вооруженныхъ на свой счетъ людей; стало быть, переходы бояръ съ ихъ людьми умножали и военныя силы Московской области. Переселялись сюда и иноземцы; даже татарскіе мурзы (мелкіе князья) стали поступать на службу къ богатому московскому князю.

Калита заботился и о томъ, чтобы въ его области процвѣтали разные промыслы и торговля; онъ строго преслѣдовалъ и безпощадно казнилъ воровъ и разбойниковъ. Москва стала наполняться торговцами со всѣхъ сторонъ; на устьѣ Мологи возникла тогда знаменитая ярмарка, куда съѣзжалось множество

купцовъ съ запада и востока. Росла промышленность и торговля, росли и доходы князя отъ пошлинъ, собираемыхъ съ купцовъ. Городъ Москва въ княженіе Калиты сильно увеличился. Въ это время, кромѣ внутренняго укрѣпленія—Кремля, и посадъ былъ обнесенъ крѣпкою дубовою стѣною.

Особенно важнымъ событіемъ для Москвы было перенесеніе сюда митрополіи. Раньше митрополиты жили въ Кіевѣ; но со времени татарскаго погрома, когда южная Русь запустѣла, и Кіевъ былъ разоренъ и обнищалъ, митрополиты хотя по прежнему и считались кіевскими, но болѣе всего жили во Владимірѣ—Митрополитъ св. Петръ сошелся съ Иваномъ Даниловичемъ, полюбилъ его, подолгу проживалъ въ Москвѣ, и убѣждалъ князя воздвигнуть каменную церковь во имя Богородицы.

— „О боголюбезнѣйшій и великій князь, говорилъ онъ, если ты моего совѣта послушаешь и соборную церковь каменную поставишь во имя Пречистой Богоматери, то тебя Господь благословитъ, прославитъ больше всѣхъ другихъ князей, и городъ этотъ распространитъ Богъ болѣе всѣхъ другихъ городовъ, и Имя Его святое прославится въ немъ. Потомство твое не оскудѣетъ и властители изъ племени твоего, царствуя въ мѣстѣ этомъ изъ рода въ родъ, одолѣютъ враговъ своихъ. Святители станутъ жить здѣсь и мои кости тутъ будутъ положены".

Слова эти оказались пророческими. Переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, они въ тяжелыя времена ободряли и успокоивали московскихъ государей. Соборъ во имя Успенія Богородицы былъ заложенъ 1325 г. 4 августа. Это была первая каменная церковь въ Москвѣ; построена она была по образцу Владимірскаго Успенскаго собора. Митрополитъ собственноручно устроилъ себѣ гробницу близъ престола, а въ слѣдующемъ году скончался (1326 г. 21 декабря). Иванъ исполнилъ его завѣщаніе, похоронилъ его въ приготовленной гробницѣ и достроилъ Успенскій соборъ. Кромѣ того, соорудилъ каменную церковь во имя Михаила Архангела (нынѣшній Архангельскій соборъ); со времени Калиты здѣсь погребались всѣ московскіе государи. Эти два храма принадлежатъ къ главнымъ святынямъ Москвы.

Преемникъ митрополита Петра—Ѳеогностъ и слѣдующіе за нимъ митрополиты стали постоянно жить въ Москвѣ. Такимъ образомъ этотъ городъ сдѣлался столицею всей русской церкви.

Ловко пользовался Иванъ Калита всякимъ случаемъ, чтобы увеличить свои владѣнія, подчинить себѣ другихъ князей, унизить своихъ соперниковъ. Обстоятельства ему благопріятствовали.—Въ 1327 году въ концѣ лѣта явился въ Твери ханскій посолъ Чолъ-ханъ (народъ звалъ его Щелканомъ) съ отрядомъ татаръ. Они, какъ всегда, безчинствовали въ городѣ, творили всякія насилія. Самъ Чолъ-ханъ занялъ княжескій дворъ и хозяйничалъ здѣсь, какъ дома. Безчинства татаръ возбудили сильный ропотъ въ народѣ, стали ходить слухи, будто татары хотятъ вмѣсто русскихъ князей посадить по всѣмъ городамъ для управленія своихъ чиновниковъ; что скоро начнутъ христіанъ обращать въ бусурманъ. Тверской князь Александръ, носившій титулъ великаго князя, не умѣлъ или не хотѣлъ сдержать свой народъ. Одинъ случай послужилъ поводомъ къ возстанію. Нѣсколько татаръ вздумали отнять у тверитянина ло-

шадь; онъ крикнулъ къ народу, чтобы защитили его отъ обиды. Народъ и безъ того былъ уже раздраженъ наглыми насиліями татаръ. Ударили въ вѣчевой колоколъ. Сбѣжались тверитяне со всѣхъ концовъ и начали съ яростью избивать татаръ... Съ утра до самаго вечера происходила на улицахъ страшная рѣзня. Чолъ-ханъ съ остаткомъ своего отряда заперся въ княжьемъ домѣ; но домъ сожгли, и всѣ скрывшіеся тамъ погибли. Даже купцовъ ордынскихъ не пощадила расходившаяся чернь. Не многимъ изъ татаръ удалось спастись.

Тверитянъ должно было постигнуть лютое мщеніе. Въ Ордѣ могли думать, что избіеніе татаръ въ Твери не было случайнымъ и мѣстнымъ возстаніемъ; что вся русская земля хочетъ подняться на татаръ. Иванъ Даниловичъ поспѣшилъ въ Орду. Случай ему представился удобный погубить соперника. Во главѣ большой татарской рати шелъ Калита на Тверь; суздальскій князь долженъ былъ ему помогать. Тверская область такъ безпощадно была опустошена, такъ обезлюдѣла, что цѣлые десятки лѣтъ не могла оправиться отъ этого погрома; особенно сильно пострадали города: Тверь и Кашинъ.

За эту расправу Узбекъ очень хвалилъ Ивана Даниловича,—и съ этой поры онъ пользовался полнымъ довѣріемъ и расположеніемъ хана. Александръ Михайловичъ бѣжалъ во Псковъ, а княземъ въ Твери сталъ братъ его Константинъ. Великій князь по приказу хана долженъ былъ представить Александра въ Орду на судъ. Когда псковичи не хотѣли отпустить его отъ себя, то Иванъ Даниловичъ готовился уже двинуть рать на Псковъ; но до войны дѣло не дошло. Митрополитъ Ѳеогностъ, по желанію великаго князя, отлучилъ непокорныхъ псковичей отъ церкви, наложилъ на нихъ церковное проклятіе: во Псковѣ приходилось запереть церкви и прекратить всякое богослуженіе и церковные обряды.

Александръ не захотѣлъ подвергать псковичей такой бѣдѣ.

— „Братья и друзья мои, сказалъ онъ имъ, пусть изъ-за меня не будетъ на васъ проклятія и отлученія. Я уѣду, а вы не выдавайте врагамъ моей княгини“!..

Александръ бѣжалъ въ Литву. Псковичи тогда послали сказать Ивану Калитѣ:

— „Князь Александръ уѣхалъ. Весь Псковъ тебѣ, великому князю, кланяется отъ мала до велика—и попы, и чернецы, и черницы, и сироты, и жены, и малыя дѣти“.

Такимъ образомъ, Псковъ въ первый разъ выразилъ Москвѣ свою покорность. Иванъ Калита оставилъ Псковъ въ покоѣ; митрополитъ снялъ съ псковичей церковное запрещеніе.

Сила Москвы все росла да росла. Князья другихъ сѣверныхъ русскихъ областей боялись московскаго князя и должны были подчиняться ему. Одну дочь свою выдалъ онъ за ярославскаго князя, другую за ростовскаго; на зятьевъ своихъ смотрѣлъ Иванъ какъ на князей-подручниковъ и самовластно распоряжался въ ихъ областяхъ. Онъ былъ въ большей чести у хана, и никто не смѣлъ противиться ему. Какъ только представлялся удобный случай, Иванъ, владѣя большимъ богатствомъ, покупалъ земли, села и даже цѣлые города: Угличъ, Галичъ и Бѣлозерскъ. Принудилъ онъ и Новгородъ подчиниться Мос-

квѣ и платить дань. Около Москвы мало-по-малу собирались и объединялись разрозненныя русскія области. Ивану Калиту не даромъ прозвали „собирателемъ русской земли".

Ловкому, разсчетливому и дальновидному Калитѣ, казалось, все благопріятствовало. Разъ только стряслась было надъ нимъ бѣда. Александра Михайловича тоска взяла по Твери, и захотѣлось ему во что бы то ни стало вернуться въ свой родной городъ. Рѣшился онъ на смѣлую попытку,—отправился въ Орду къ хану Узбеку и сказалъ ему, по словамъ лѣтописца, такую рѣчь:

— „Господинъ самовластный царь! много я совершилъ дурнаго противъ тебя; теперь пришелъ я къ тебѣ принять либо жизнь, либо смерть,—какъ Богъ тебѣ на душу положитъ, а я на все готовъ!"

Такая грамота и покорность пришлись очень по душѣ Узбеку.

— „Видите ли, сказалъ онъ своимъ вельможамъ, какъ князь Александръ смиренною мудростью спасъ себя отъ смерти".

Ханъ позволилъ ему снова вернуться княземъ въ Тверь.

Сильно опечалился Калита, когда заклятый врагъ его вернулся въ Тверь, да еще вернулся „по милости хана". Эта милость хана, дававшая большую силу Ивану, была страшна для него въ рукахъ его врага. Надо погубить его, думалъ неразборчивый въ средствахъ Калита, чтобы не погибнуть самому отъ него,—отправился въ Орду, взялъ съ собою туда двухъ старшихъ сыновей своихъ, представилъ ихъ Узбеку какъ будущихъ важнѣйшихъ и надежнѣйшихъ слугъ его рода, льстилъ ему и вельможамъ его, не жалѣлъ щедрыхъ даровъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что онъ сильно оговорилъ предъ ханомъ своего врага, и участь послѣдняго была рѣшена. Его потребовали въ Орду. Хотя и предчувствовалъ бѣду Александръ, но на этотъ разъ не послушался, отправился къ хану, быть можетъ, чувствуя свою правоту и надѣясь на „милость хана". Привезъ онъ щедрые дары; но ничто не помогло. Сынъ его Ѳеодоръ, пріѣхавшій впередъ въ Орду, со слезами на глазахъ извѣстилъ отца, что дѣло плохо. Доброхоты тверскаго князя не скрывали отъ него опасности и говорили ему:

— „Царь хочетъ убить тебя! Сильно тебя оклеветали предъ нимъ!"

Александру ничего болѣе не оставалось, какъ по-христіански приготовиться къ смерти. Онъ и сынъ его, по приказанію хана, были убиты.

Послѣ этого ничто уже не мѣшало Ивану быть полнымъ хозяиномъ на сѣверѣ.

Состояніе Русской земли въ XIII—XIV ст.

Въ то время, какъ росло могущество Москвы и около нея собиралась мало по малу русская земля, Кипчакская орда слабѣла отъ безпрерывныхъ внутреннихъ раздоровъ. Одинъ ханъ свергалъ другаго. Подчиненные мурзы (мелкіе князья) иногда совсѣмъ выходили изъ повиновенія Сарайскихъ хановъ (Сарай, татарскій городъ на Ахтубѣ, протокѣ Волги, былъ въ это время главнымъ мѣстопребываніемъ хана Кипчакской, или Золотой орды, названной такъ по ханской ставкѣ, изукрашенной золотомъ). Но, не смотря на все это, владычество татаръ для русскихъ было попрежнему грозно и тяжко. Ханы смот-

рѣли на русскую землю, какъ на свой улусъ (владѣніе), на князей, какъ на слугъ своихъ, заставляли ихъ унижаться предъ собою, творили надъ ними судъ и расправу. Къ счастію, татары не преслѣдовали христіанской вѣры; хотя во время перваго нашествія грабили и разоряли церкви. Татары вообще отличались вѣротерпимостью. Одинъ ханъ говорилъ европейскому послу о своей вѣрѣ:

— „Мы, татары, вѣруемъ во единаго Бога, по волѣ котораго живемъ и умираемъ; но какъ рукѣ Богъ далъ различные пальцы, такъ и людямъ далъ разные пути къ спасенію. Вамъ Богъ далъ писаніе, намъ далъ колдуновъ; мы и дѣлаемъ то, что они намъ указываютъ и живемъ въ мирѣ".

По законамъ Чингисъ-хана служители всѣхъ вѣроисповѣданій освобождались отъ платежа дани; хотя татары взимали тяжелую дань со всѣхъ селъ и городовъ, но съ монастырей и церквей ничего не брали. Потомъ ханъ Мангу далъ духовенству ярлыкъ, по которому духовенство бѣлое и черное освобождалось отъ платежа даней и всякихъ пошлинъ,—„пусть, говорится въ ярлыкѣ,—безпечально молятся за хана и за все его племя". Отъ дани освобождались и всѣ родичи священнослужителей, живущіе съ ними. Церковныя вещи (книги, сосуды и пр.) объявлены неприкосновенными. Подъ страхомъ лютой смерти запрещено было хулить православную вѣру.—Изъ этого видно, что христіанской вѣры татары нисколько не тѣснили; быть можетъ, разсчитывали они этимъ смягчить духовенство, которое могло возбуждать народъ противъ нихъ. Если и случалось, что они казнили тѣхъ, кто отказывался пройти межъ огней и исполнить нѣкоторые обряды, то не за вѣрованія ослушниковъ, а за то, что они выказывали непокорность волѣ хана.

Въ 1313 году ханъ Узбекъ принялъ магометанство; оно стало распространяться у татаръ. Магометане всегда старались искоренить всѣ вѣры, всюду водворять свою; можно было думать, что съ этого времени и татары начнутъ гоненія противъ христіанства на Руси; но они попрежнему относились ко всѣмъ вѣрованіямъ вполнѣ равнодушно. Въ столицѣ хана, Сараѣ, даже были христіанскія церкви и жилъ епископъ. Русскіе митрополиты должны были подобно князьямъ ѣздить въ Орду на поклонъ хану.

Тяжелѣе всего татарское иго было для рабочаго народа. Русскія области были обложены тяжелою данью. Сначала ханъ посылалъ своихъ баскаковъ (чиновниковъ) съ военными отрядами собирать дань, а потомъ ханы стали отдавать дань на откупъ хивинскимъ (бессерменскимъ) купцамъ; откупщики эти впередъ уплачивали хану деньги, а потомъ собирали дань, конечно, съ большимъ барышомъ для себя. Они ходили по селамъ и городамъ съ отрядами татаръ и производили сборъ дани съ безчеловѣчной жестокостью. Если кто не платилъ, ссылаясь на бѣдность, того заподазривали, что онъ только притворяется неимущимъ, и безпощадно били его палками на улицахъ или на перекресткахъ, на рыночныхъ площадяхъ. Забирали у крестьянъ часто всѣ пожитки, лошадей, земледѣльческія орудія; многіе послѣ такихъ поборовъ оставались безпомощными нищими. Если нечего было взять у бѣдняковъ, то отбирали у нихъ дочерей, сыновей или ихъ самихъ уводили въ рабство. До сихъ поръ народъ въ пѣсняхъ своихъ вспоминаетъ, какъ татаринъ собиралъ дань:

Съ князей брали по сту рублей,
Съ бояръ по пятидесяти,
Съ крестьянъ по пяти рублей;
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возьметъ,
У кого дитяти нѣтъ,
У того жену возьметъ,
У котораго жены-то нѣтъ,
Того самого головой возьметъ.

Не мало обрушили бѣдствій татарскіе набѣги на русскій народъ. Часто на русскихъ земляхъ бывали въ разныхъ мѣстахъ татарскіе послы съ сильными отрядами. Всюду, гдѣ приходилось имъ проѣзжать или останавливаться, они распоряжались, какъ полные хозяева, бесчинствовали, грабили, оскорбляли всячески народъ, требовали, чтобы имъ выказывали рабскую угодливость. Не только простой людъ, но и купцы, и бояре терпѣли отъ нихъ оскорбленія. Съ этой поры, думаютъ, и усилился на Руси обычай у зажиточныхъ людей скрывать своихъ женъ и дочерей, даже держать ихъ взаперти, чтобы охранить отъ обидъ и оскорбленій. Нерѣдко кромѣ ханскихъ пословъ заходили въ русскія области бродячія шайки татаръ и творили всякія насилія. Они охотно захватывали дѣвицъ и молодыхъ женщинъ въ рабство. У татаръ было многоженство, и потому невольницъ въ Ордѣ охотно покупали.

Сохранилась у народа до сихъ поръ память о ненавистныхъ родственныхъ связяхъ съ татарами. Въ одной колыбельной пѣснѣ говорится о такомъ случаѣ: попала въ татарскую неволю русская дѣвушка, когда была еще семилѣтнимъ ребенкомъ; стала она потомъ женою татарина, а чрезъ нѣсколько лѣтъ попала въ плѣнъ къ этому татарину и ея мать.

— „Привезъ я тебѣ русскую нянюшку, говоритъ татаринъ своей молодой женѣ: ты заставь ее дѣлать три дѣла: ковры вышивать, гусей стеречь и дѣтей качать“.

Узнаетъ мать въ женѣ татарина свою родную дочь, убаюкиваетъ ребенка, сына „своего злого ворога и родной доченьки.“ Больно щемитъ сердце няни, когда она поетъ:

Ты, баю, баю, мое дитятко,
Ты по батюшкѣ злой татарченочекъ,
Ты не крещенный, не молитвенный,
А по матушкѣ милъ внученочекъ,
Мой внученочекъ—русска косточка?

Изъ южныхъ и юго-восточныхъ русскихъ областей, куда безпрерывно заходили шайки татаръ, народъ толпами уходилъ на сѣверъ. И тутъ была жизнь тяжелая, „сиротское житье“, какъ выражался народъ; но все же сюда порѣже заходили татары. Страшно обѣднѣлъ народъ отъ татарскихъ поборовъ. Много обнищалыхъ крестьянъ принуждено были идти въ кабалу, въ холопы къ зажиточнымъ людямъ. Охотнѣе всего крестьяне селились на монастырскихъ земляхъ и княжескихъ: здѣсь было больше охраны отъ татарскихъ насилій.

Сильную ненависть затаилъ въ сердцѣ русскій народъ къ своему лютому врагу. До сихъ поръ еще въ народной рѣчи удержались выраженія и пого-

ворки, указывающія на эту ненависть: „Злѣе злого татарина“. „У татаръ, что у собакъ, души нѣтъ: одинъ паръ“, „Не въ пору гость хуже злого татарина“ и др.

Тяжелъ былъ татарскій гнетъ, порождалъ онъ глухую злобу; но не умирала у народа и надежда высвободиться изъ тяжкой неволи, отмстить за всѣ неправды и насилія своему лютому врагу.

Въ одной колыбельной народной пѣснѣ мать напѣваетъ своему малюткѣ сыну, чтобъ онъ отмстилъ злымъ татарамъ, которые разграбили имѣнье его отца:

Встань, пробудись, мое дитятко,
Снимай со стѣны сабельки
И всѣ-то мечи булатные.
Ты коли, руби сабельками
Злыхъ татаръ съ татарченками;
Ты сѣки, крошн губителей
Все мечами да булатными.

Тяжкая неволя, нищета, вѣчный страхъ, подавленная глухая злоба къ лютому губителю породили много бѣдъ въ жизни народа. Силенъ, крѣпокъ иной работникъ, за троихъ наработаетъ; стоитъ только ему за дѣло взяться,—да стоитъ ли? Заведетъ онъ себѣ хорошее хозяйство, заживетъ своимъ домкомъ,—только приманка для лютыхъ хищниковъ! Ласкаетъ мать своего ребенка, ласкаетъ, да не радуется: „А что, думаетъ она, какъ рощу я его только на потѣху злому татарину?“ Думаетъ это и тоскою щемитъ ея сердце.

„Не жилось на Руси въ тяжкія времена татарщины хорошей трудовой и семейной жизнью. Вмѣсто „лихихъ работниковъ“, являлись все чаще и чаще „лихіе разбойники“, вмѣсто хорошихъ семьянъ—безпросыпные пропойцы. Пьянство, воровство и разбои умножились. Чаще, чѣмъ прежде, случались на Руси голодные годы, повальныя болѣзни.

Духовенство и благочестивые люди видѣли въ этомъ Божію кару за грѣхи и всякія беззаконія, въ которыхъ утопалъ несчастный народъ.

Глубокою скорбью проникнута рѣчь проповѣдника (Серапіона, епископа Владимірскаго), обращавшагося съ пастырскимъ назиданіемъ къ народу лѣтъ сорокъ спустя послѣ татарскаго нашествія.

„Не такъ скорбитъ мать, видя дѣтей своихъ больными, какъ скорблю я, грѣшный отецъ вашъ,—говоритъ проповѣдникъ,—видя васъ болящихъ дѣлами беззаконными. Многократно бесѣдовалъ я съ вами, но не вижу въ васъ никакой перемѣны. Всегда сѣю я на нивѣ сердецъ вашихъ сѣмя божественное, но никогда не вижу, чтобы оно прозябло и принесло плодъ... Чего мы не навлекли на себя? Какихъ не понесли мы наказаній отъ Бога? Не была ли плѣнена земля наша? Не были ли взяты города наши? Не въ короткое ли время отцы и братья наши пали мертвы на землѣ? Не отведены ли въ плѣнъ жены и дѣти? А мы оставшіеся, не порабощены ли были горькимъ рабствомъ отъ иноплеменниковъ? Вотъ уже сорокъ почти лѣтъ продолжается томленіе и мука, и тяжкіе налоги не прекращаются, также голодъ и моръ скота нашего. Мы и хлѣба не можемъ ѣсть въ сладость. Отъ воздыханій и печали сохнутъ кости наши. Что же довело

насъ до этого? – Наши беззаконія и наши грѣхи, наше непослушаніе, наша нераскаянность".

Въ заключеніе убѣждаетъ снова Серапіонъ своихъ слушателей покаяться и исправиться.

Въ другомъ поученіи тотъ же проповѣдникъ горько сѣтуетъ, что не видитъ въ людяхъ исправленія и напоминаетъ имъ ужасную картину татарскаго разоренія.

„Мы ни въ чемъ, говоритъ онъ, не оказывались лучшими. Тогда Господь навелъ на насъ народъ немилостивый, народъ лютый, народъ, не щадящій ни юной красоты, ни немощи старцевъ, ни младости дѣтей; ибо мы подвигли на себя гнѣвъ Бога нашего... Разрушены Божіи церкви, осквернены священные сосуды, попрана святыня, святители сдѣлались добычею меча; тѣла преподобныхъ иноковъ брошены въ пищу птицамъ; кровь отцевъ и братьевъ нашихъ, какъ вода обильная, напоила землю. Исчезла крѣпость нашихъ князей, военачальниковъ; храбрые наши бѣжали, исполненные страха, а еще болѣе братьевъ и чадъ нашихъ отведено въ плѣнъ. Поля наши поросли травою, и величіе наше смирилось, красота наша погибла, богатство наше досталось въ удѣлъ другимъ, труды наши достались невѣрнымъ. Земля наша стала достояніемъ иноплеменниковъ, мы сдѣлались предметомъ поношенія для сосѣдей нашихъ, посмѣшищемъ, для враговъ нашихъ. Свели мы на себя гнѣвъ Господа, какъ дождь съ неба, подвигли на себя ярость Его, отвратили отъ себя великую Его милость, и довели себя до того, что на насъ смотрятъ съ сожалѣніемъ. Нѣтъ наказанія, которое не постигло бы насъ".

„Земля колеблется отъ грѣховъ нашихъ,—не можетъ носить нашихъ беззаконій,—говорилъ тотъ же проповѣдникъ, напоминая о землетрясеніи.—Отступимъ отъ всѣхъ злыхъ дѣлъ, умоляетъ онъ, отъ разбоя, грабительства, пьянства, скупости, обиды, воровства, лжи, клеветы, резонанія" (ростовщичества) и др.

Грубый и суевѣрный народъ, по своему невѣжеству, приписывалъ часто разныя бѣдствія: засухи, болѣзни, падежъ скота, разнымъ волхвованіямъ и безпощадно мучилъ и сжигалъ людей, слывшихъ колдунами и волшебниками. Просвѣщенный Серапіонъ сильно возставалъ противъ такого грубаго суевѣрія и насилія народа.

„Я думалъ, говоритъ проповѣдникъ, что вы уже утвердились въ вѣрѣ и съ радостью принимаете божественное писаніе... Между тѣмъ вы еще держитесь языческихъ обычаевъ, вѣрите волхвованію и сжигаете невинныхъ людей... Изъ какихъ книгъ, изъ какого писанія узнали вы, что отъ волхвованія бываетъ голодъ на землѣ, и что опять волхвованіемъ умножается хлѣбъ?"

Но не всѣ пастыри церкви дѣйствовали подобно Серапіону: были и между ними люди, погрязшіе въ беззаконіяхъ и грѣхахъ. Главнымъ хранителемъ чистоты русской церкви, митрополитамъ, приходилось не разъ обращать вниманіе на грѣховную жизнь священнослужителей. Съ цѣлью исправить разныя злоупотребленія въ церкви митрополитъ Кириллъ II созвалъ соборъ во Владимірѣ. Въ поученіи священникамъ Кириллъ говоритъ между прочимъ:

„Простецъ (мірянинъ) согрѣшитъ,—онъ дастъ отвѣтъ предъ Богомъ за

одну свою душу; а когда іерей согрѣшитъ, то соблазнитъ многихъ и за ихъ души приметъ осужденіе. Блюдитесь же отселѣ всякаго грѣха: не работайте плоти, отстаньте отъ пьянства и объяденія, прекратите тяжбы, свары, вражды... Блюдите и порученныхъ вамъ людей, какъ научить ихъ и представить непорочными на судѣ предъ Богомъ. Ложныхъ книгъ не читайте, еретиковъ уклоняйтесь, чародѣевъ бѣгайте, говорящимъ не отъ божественныхъ писаній заграждайте уста".

Чѣмъ дальше, тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе глохло просвѣщеніе на Руси, рѣже и рѣже звучала задушевная обличительная проповѣдь, невѣжество и суевѣріе охватывало не только народъ, но и священниковъ: не могли они объяснять народу, какъ слѣдуетъ, священное писаніе, сами путались въ разныхъ суевѣріяхъ и лжеученіяхъ, не могли отличать истинныхъ книгъ отъ ложныхъ. Всю бѣду эту причинило предкамъ нашимъ монгольское владычество.

Бѣдность, нищета отъ татарскаго разоренія и поборовъ больше всего мѣшали просвѣщенію. Не до ученія, не до книгъ было, когда большинству приходилось думать о томъ, какъ бы не умереть съ голоду. Во время татарскаго погрома много погибло книгъ и дорогихъ рукописей. Еще дороже, чѣмъ прежде, стали цѣниться онѣ, еще недоступнѣе, чѣмъ прежде, сдѣлались онѣ для недостаточныхъ людей.

Сношенія съ образованной Византіей затруднились: далекъ былъ путь туда изъ сѣверной Руси да и опасенъ. Надо было проходить по безлюднымъ областямъ да по степямъ, гдѣ кочевали орды татаръ. Къ тому же и Византія съ конца XIV ст. доживала свои послѣдніе дни: турки со всѣхъ сторонъ уже тѣснили ее. Отъ западнаго латинскаго образованія русское духовенство бережно сторонилось, опасаясь вреда православію. Сношенія съ западомъ чрезъ Новгородъ были исключительно торговыя. Только монастыри являлись хранителями древняго благочестія и образованія. Конечно, образованіе монастырское заключалось по большей части въ простой начитанности, въ умѣньи читать да списывать книги. Но все-таки хотя простая грамотность держалась въ монастыряхъ, тогда какъ у мірянъ и она составляла большую рѣдкость. Въ XIV—XV вѣкахъ не только бояре, но даже и князья нерѣдко были вовсе безграмотны.

Сѣверные монастыри.

И прежде, до татарскаго погрома, монастырская жизнь считалась на Руси образцомъ праведной жизни, а въ XIII—и XIV вѣкахъ, когда страшныя бѣдствія обрушились на русскую землю, монастырская жизнь получила въ глазахъ нашихъ предковъ еще большую цѣну. Страшно карать Богъ въ глазахъ благочестивыхъ людей русскую землю за грѣховную плотскую жизнь въ „міру"; надо было думать о душѣ, жить жизнью духовною въ святой „обители".

— „Не для того мы созданы, говоритъ одинъ проповѣдникъ, чтобы ѣсть, пить и одѣваться въ различныя одежды, а для того, чтобы угодить Богу и наслѣдовать будущія блага".

Понятно, что число монастырей во времена татарскаго владычества очень увеличилось; особенно много ихъ было основано, начиная съ XIV вѣка. Въ

этомъ столѣтіи нѣсколько разъ опустошали русскую землю страшныя заразительныя болѣзни; ужасъ и уныніе распространились всюду отъ этой новой Божіей кары. И прежде былъ обычай на Руси, что благочестивый человѣкъ, готовясь умереть, старался загладить грѣхи свои, постригался въ монахи, принималъ схиму, а теперь, когда лютая смерть грозила всякому, многіе въ молодыхъ даже лѣтахъ постригались въ монахи и отдавали свое имущество монастырямъ. До двухсотъ монастырей во времена татарщины возникло преимущественно въ сѣверныхъ лѣсахъ. Дикій, суровый сѣверъ съ его непроходимыми лѣсами заселялся пустынно-жителями, около которыхъ потомъ собиралась братія и возникали новые монастыри.

Изъ сѣверныхъ монастырей особенно замѣчателенъ Троице-Сергіевскій.

Основателемъ его былъ св. Сергій Радонежскій. Варѳоломей (мірское имя св. Сергія) былъ боярскаго происхожденія. Родители его, когда онъ былъ еще ребенкомъ, переселились изъ Ростова въ мѣстечко Радонежъ. Уже съ дѣтства Варѳоломей выказывалъ склонность къ строгой подвижнической жизни. До двѣнадцатилѣтняго возраста онъ удручалъ себя постомъ: въ постные дни недѣли не ѣлъ ничего, а въ другіе питался только хлѣбомъ да водою. Большую часть ночи проводилъ безъ сна, въ молитвѣ.

— „Дитя мое, увѣщевала его мать, не сокрушай тѣла своего многимъ воздержаніемъ! Ты слишкомъ еще молодъ,—впадешь въ болѣзнь. Тѣло твое ростетъ и цвѣтетъ. Никто въ годы твои такому посту не предается".

Увѣщанія эти не дѣйствовали на благочестиваго ребенка.

Съ трудомъ ему давалась сначала грамота; но потомъ чудеснымъ образомъ открылась у него способность къ ней, и онъ сталъ бойко читать и помогать при церковной службѣ. Рано почувствовалъ онъ призваніе къ отшельничеству. Кротость, благочестіе доброта и любовь ко всѣмъ,—вотъ свойства, которыми отличался онъ отъ своихъ сверстниковъ.

Когда достигъ онъ юношескаго возраста, сталъ онъ проситься у родителей въ „пустынь".

— „Потерпи немного,—просили его родители,—мы стары и немощны. Братья твои женились и заботятся о своихъ женахъ. У тебя же одна забота—какъ бы угодить Богу. Твоя благая часть не отнимется у тебя. Послужи намъ еще немного, а когда проводишь насъ до могилы и землей покроешь, тогда твори, что желаешь".

Когда почувствовали родители Варѳоломея приближеніе смерти, они постриглись. По смерти ихъ Варѳоломей отдалъ свою часть наслѣдства женатому брату и пошелъ искать въ окрестностяхъ мѣста для пустыннаго житья. Съ нимъ пошелъ и старшій братъ его Стефанъ: онъ послѣ смерти жены хотѣлъ тоже посвятить себя Богу. Въ 12 верстахъ отъ Радонежа, въ глухомъ лѣсу, срубили они себѣ келейки и маленькую церковь (на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ богатый Троицкій соборъ Сергіевской Лавры). По просьбѣ Стефана митрополитъ послалъ священниковъ освятить церковь св. Троицы, какъ желалъ Варѳоломей.

Не долго пожили вмѣстѣ братья!.. Не вынесъ Стефанъ скорбнаго житья среди [illegible] лѣса и тяжкихъ лишеній, какія приходилось переносить отшель

нику, ушелъ въ общежительскій монастырь, въ Москву. Варѳоломей принялъ постриженіе отъ игумена одного изъ монастырей, ближайшаго къ его „пустыни“, и нареченъ былъ Сергіемъ. Ему было тогда всего двадцать три года.

Прожилъ Сергій около двухъ лѣтъ въ своей пустыни, въ полномъ одиночествѣ среди глухого, непроглядnаго лѣса. Подкрѣплялъ онъ себя непрестанной молитвой. Не разъ въ ночное время, когда бушевалъ вѣтеръ, стоналъ лѣсъ, когда стаи голодныхъ волковъ выли подлѣ его кельи, жутко ему становилось; ужасъ одолѣвалъ его; слышались ему чьи-то страшныя слова:

— „Бѣги отсюда! чего здѣсь ищешь? Развѣ не боишься умереть съ голоду? Душегубцы-разбойники убьютъ тебя, или звѣри плотоядные растерзаютъ тебя!“

Троице-Сергіевская лавра.

Но Сергій превозмогъ всѣ эти страхи. Непрестанная молитва и твердая надежда на Бога давали ему несокрушимую твердость; пересталъ онъ даже бояться и лютыхъ звѣрей; спокойно встрѣчался съ ними, и они не трогали его. Разъ, говорится въ его житіи, увидѣлъ онъ предъ своей кельей медвѣдя. Замѣтивъ, что звѣрь голоденъ, Сергій вынесъ кусокъ хлѣба и положилъ ему на пнѣ. Медвѣдь сталъ часто приходить за пищей, и пустынникъ дѣлилъ съ голоднымъ звѣремъ свою скудную трапезу; бывали случаи, что Сергій отдавалъ ему послѣдній кусокъ хлѣба, а самъ голодалъ.

Когда стало извѣстно, что въ лѣсу, близъ Радонежа, спасается отшельникъ, начали приходить къ нему монахи одинъ за другимъ и строили подлѣ его хижины свои кельи. Скоро собралось 12 человѣкъ. Они служили сами въ

деревянной церкви заутреню, вечерню и часы, а для литургіи призывали по временамъ сосѣдняго священника. Чрезъ нѣсколько времени съ большимъ трудомъ уговорили самого Сергія принять игуменство. Онъ былъ рукоположенъ въ священники и сдѣлался игуменомъ.

Таково было начало Троицко-Сергіевскаго монастыря.

Сначала монастырь былъ очень бѣденъ. Братіи было всего двѣнадцать человѣкъ. Скудость во всемъ была такая, что богослуженіе совершалось при свѣтѣ березовой лучины, богослужебныя книги были писаны на березовой корѣ, священные сосуды были деревянные, священническія ризы сдѣланы были изъ простой крашенины. Случалось, что по нѣскольку дней хлѣба не было, и братія голодала... Самъ игуменъ одѣвался такъ бѣдно, что его принимали иногда за нищаго; однако онъ постановилъ строгимъ правиломъ для братіи жить своимъ трудомъ, а просить милостыню было строго запрещено; позволялось принимать только добровольныя, невыпрошенныя даянія. Св. Сергій подобно св. Ѳеодосію подавалъ братіи примѣръ строгой жизни и трудолюбія: самъ пекъ хлѣбы, шилъ обувь, носилъ воду, рубилъ дрова. Никогда не видали его праздными. Питался онъ только хлѣбомъ и водою; но крѣпкое его здоровье помогало ему выносить всѣ страшныя лишенія и труды. Денно и нощно наблюдалъ онъ, чтобы всѣ въ его обители строго выполняли свои монашескіе обѣты.

Молва о святой жизни Сергія и его обители разносилась все шире и шире. Являлись новые ревнители святой жизни, и число братіи стало расти. Сергій не иначе постригалъ новыхъ лицъ, какъ послѣ долгаго и строгаго испытанія. Много богомольцевъ стало посѣщать обитель: приходили сюда толпами и нищіе странники, и немощные, нуждавшіеся въ помощи монастыря; пріѣзжали и богатые люди, бояре, князья, и дѣлали щедрыя пожертвованія въ пользу монастыря. Обитель стала богатѣть. О Сергіи шла молва, что онъ обладаетъ даромъ предвидѣнія; что молитва его имѣетъ чудесную силу. Но смиренный подвижникъ ни въ чемъ не измѣнился: по-прежнему велъ суровую жизнь, полную всевозможныхъ лишеній и тяжкихъ трудовъ; по прежнему былъ онъ простъ и добродушенъ въ обращеніи съ другими; съ тою же добротою обращался онъ какъ съ нищими, питавшимися на счетъ монастыря, такъ и съ князьями и боярами, дѣлавшими богатые вклады.

Лѣса падали кругомъ обители, раскинулись около нея пажити и луга, выростали починки и села. Крестьяне охотно шли роботать на монастырь. Дорога къ святой обители прорубалась сквозь лѣсную чащу все шире и шире. Молва о подвижнической жизни Сергія дошла до Константинопольскаго патріарха. Предложилъ онъ подвижнику ввести въ его монастырь общежительскій уставъ. Митрополитъ св. Алексій любилъ Сергія, навѣщалъ его, совѣтовался съ нимъ. Чувствуя близость смерти своей, митрополитъ очень желалъ сдѣлать его преемникомъ своимъ: лучшаго блюстителя русской церкви, по мнѣнію Алексія, нельзя было найти. Сергій рѣшительно отказался, даже не хотѣлъ принять золотого креста.

— „Прости, владыко,— сказалъ онъ,—отъ юности моей я не былъ златоносцемъ, а въ старости тѣмъ паче хочу въ нищетѣ остаться".

Смиреніе было главнымъ свойствомъ Сергія: ему страшны были блескъ и

величіе земли. Но и въ смиренномъ званіи игумена онъ принесъ, какъ увидимъ, большую пользу Русской землѣ.

Дивилась братія строгости жизни своего игумена, его необыкновенной выносливости, его способности въ глубокой старости неустанно трудиться.

— „Ищите прежде всего царствія Божія, говорилъ онъ своей братіи, а все это дастся вамъ".

Св. Сергій скончался 78 лѣтъ, въ 1397 году. Основанная имъ обитель имѣла такое же важное значеніе для сѣверной Руси, какъ Кіево-Печерская лавра для южной.

Въ настоящее время Троицкая лавра—одинъ изъ самыхъ богатыхъ русскихъ монастырей. Много святыни, драгоцѣнной для русскаго человѣка, хранится въ ней; много дорогихъ историческихъ воспоминаній связано съ нею.

И при жизни Сергія, по его благословенію, и по его смерти ученики его основывали новыя обители. Особенно замѣчателенъ впослѣдствіи былъ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, основанный ученикомъ св. Сергія св. Кирилломъ. Ученики послѣдняго въ свою очередь распространяли монашество...

Великую службу сослужили русской землѣ свв. подвижники. Въ годы тяжкой неволи, рабскаго униженія, злобы, горькой нищеты, голода, повальныхъ болѣзней легко человѣку упасть духомъ, опуститься, зажить грубою, животною жизнью. И вотъ въ такую тяжкую пору въ разныхъ концахъ русской земли, въ глухихъ мѣстахъ, гдѣ не бывала человѣческая нога, гдѣ ютились только дикіе звѣри, являются одинъ за другимъ пустынники. Почетъ, богатство, семейныя радости,—все, что такъ дорого людямъ на землѣ,—все презрѣли эти подвижники; все это въ ихъ глазахъ ничто въ сравненіи съ иною жизнью, жизнью вѣчною, духовною. Провѣдаютъ о подвижникѣ люди, дивятся ему: старикъ одинъ-одинешенекъ живетъ въ безлюдной глуши, ни хищнаго звѣря не страшится, ни лихого человѣка не пугается, боится только одного грѣха,—боится его пуще лютой смерти. Тяжкіе труды несетъ онъ, голодъ и холодъ добровольно терпитъ и все Богу молится. Разсказываютъ тѣ, кому доводилось видѣть пустынножителя, что привѣтливъ онъ, свѣтелъ душою, что готовъ утѣшить онъ всякаго скорбнаго, что сладко слушать слова его.

— „Самъ Богъ, говоритъ онъ, претерпѣлъ всякія лишенія, нужду и страданія за грѣхи людей, а намъ, грѣшнымъ людямъ, не великое дѣло—потерпѣть нужду и лишенія за свои грѣхи, которыхъ паче мѣры... Ничтожна эта земля съ ея кратковременными страданіями и горестями въ сравненіи съ царствомъ небеснымъ, гдѣ жизнь вѣчная, красота неизрѣченная и радость безъ конца."

Свѣтлѣе становилось на душѣ у несчастнаго, подавленнаго горемъ человѣка отъ такихъ рѣчей: вѣра въ лучшую будущую жизнь согрѣвала душу его. Учился онъ у старца, немощнаго тѣломъ, но крѣпкаго духомъ, добровольно терпѣвшаго всякія лишенія и нужду, терпѣливо сносить свою горькую долю, не падать духомъ.

Недоступны были простому, темному люду священныя книги, не приходилось ему слышать церковную проповѣдь: въ тяжкое время татарщины и въ большихъ городахъ на Руси все рѣже и рѣже раздавалась она, наконецъ, и

совсѣмъ смолкла. Но сильнѣе книгъ и проповѣдей дѣйствовалъ на простыхъ людей живой примѣръ подвижниковъ и ихъ простое задушевное слово. Молва объ ихъ подвигахъ широко расходилась и повсюду проникала въ самые глухіе уголки и поддерживала у темныхъ людей вѣру въ Бога и въ будущую лучшую жизнь.

Симеонъ Гордый, Іоаннъ II и Димитрій Донской.

Всякими способами — честными и нечестными Калита усилилъ Московскую область, прибралъ къ рукамъ удѣльныхъ князей, управился съ Тверью, съ Новгорода бралъ окупы, а въ случаѣ отказа посылалъ рать въ Новгородскія земли. Тягаться съ Москвою уже было не подъ силу удѣльнымъ князьямъ. Хотя Калита и подѣлилъ земли между тремя сыновьями и женою своей; но все же по смерти его (1341 г.) никто не могъ соперничать съ его сыновьями: довѣріе и милость хана отъ него перешли и къ нимъ. Ханъ призналъ старшаго изъ нихъ Симеона великимъ княземъ и, по словамъ лѣтописи, „всѣ князья русскіе даны были подъ руки его". Держалъ себя онъ съ подручными князьями властно и гордо, за что и прозванъ былъ „Гордымъ": но, не смотря на свою гордость, подобно отцу онъ, какъ видно, умѣлъ и смиряться, гдѣ нужно было: пять разъ ѣздилъ въ Орду и возвращался оттуда съ большой честью и ханской милостью. За то татары никакого зла не причиняли московскому люду; ханъ даже помогъ Москвѣ выйти изъ бѣды, когда литовскій князь напалъ на нее.

Ловко пользуясь милостью хановъ, всячески ублажая ихъ, Калита и сынъ его спасали землю свою отъ татарскихъ насилій и подъ рукой исподволь увеличивали свою область и силу. Хитро усыпляя подозрительность хановъ, смиренно кланяясь имъ, они взростили Московскую землю, и она мало по малу послѣ нихъ вошла въ такую силу, что сбросила съ себя татарское иго. Вотъ почему, не смотря на много зла, какое творили они своимъ соперникамъ, въ концѣ концовъ ихъ политика оказалась выгодной не только для нихъ самихъ и ихъ потомковъ, но и для всего русскаго народа.

Симеонъ умеръ отъ моровой язвы (1353), которая свирѣпствовала тогда на Руси. Послѣ его смерти пытался было суздальскій князь Константинъ захватить великое княженіе, да не удалось, не смотря на то, что Иванъ II, братъ Симеона, не походилъ на него, — былъ, по словамъ лѣтописи, кроткій, тихій и милостивый князь; какъ видно, оказался онъ богаче и щедрѣе своего соперника, ярлыкъ на великое княженіе достался ему. При немъ сказалась въ Московской области сила бояръ, которые послѣ прекращенія княжескихъ переходовъ изъ одной земли въ другую, стали обзаводиться помѣстьями и сдѣлались богатыми землевладѣльцами. Они начали даже выходить изъ повиновенія князю и поднимать смуты; особеннымъ значеніемъ изъ нихъ пользовался „тысяцкій", воевода, начальникъ военныхъ силъ, который порою могъ передать свою власть, словно наслѣдство, сыну. — Послѣ смерти Ивана II (1359 г.) остался десятилѣтній Димитрій. Трудное время настало тогда для Москвы: [illegible]льскій князь — Дмитрій Константиновичъ пытался удержать за собою

великокняжеское достоинство; но московскіе бояре вступились за своего малолѣтняго князя: для нихъ самихъ важно было, чтобы за Москвою осталось первенство, чтобы князь, которому они служили, былъ великимъ княземъ, а не подручнымъ. Бояре при поддержкѣ митрополита св. Алексія добились того, что великокняжеское достоинство осталось за малолѣтнимъ московскимъ княземъ. Началась было усобица, но суздальскій князь скоро примирился съ московскимъ, уступилъ ему и даже породнился съ нимъ,—выдалъ за него свою дочь.

У Суздальскаго князя шла въ это время усобица съ братомъ Борисомъ за Нижній Новгородъ, и помощь Москвы была ему нужна. По просьбѣ Димитрія Ивановича митрополитъ послалъ въ Нижній Новгородъ преподобнаго Сергія—требовать Бориса Константиновича на судъ въ Москву. Борисъ не послушался; тогда пр. Сергій, по приказу митрополита и великаго князя, заперъ всѣ церкви въ Нижнемъ Новгородѣ, и дѣло кончилось въ пользу Димитрія Суздальскаго.

Болѣе тяжелую борьбу пришлось вести Москвѣ съ Тверью. Тверской князь Михаилъ Александровичъ, князь властолюбивый и рѣшительный, вовсе не желалъ быть подручникомъ Московскаго князя и не терпѣлъ вмѣшательства его въ дѣла своей области. Ему было не подъ силу одному тягаться съ Москвою, но была у него сильная помога: въ сосѣдней Литвѣ княжилъ въ это время Ольгердъ, женатый на тверской княжнѣ, сестрѣ Михаила Александровича.

Два раза онъ приводилъ литовскаго князя на Москву.

Въ обычаѣ хитраго Ольгерда было не говорить никому заранѣе о томъ, куда направляетъ онъ войско, походы совершать чрезвычайно быстро и нападать неожиданно. Димитрій не успѣвалъ и рати собрать, какъ Ольгердъ являлся подъ стѣнами Москвы. Взять городъ, впрочемъ, ему не удавалось: въ это время вмѣсто прежнихъ деревянныхъ стѣнъ Димитрій построилъ здѣсь крѣпкій каменный Кремль (1367 г.); но литовцы страшно разоряли Московскую землю, жгли села, грабили пожитки, угоняли скотъ, избивали или уводили въ плѣнъ людей, неуспѣвшихъ бѣжать и скрыться въ лѣсахъ. Димитрій по уходѣ Ольгерда мстилъ тверскому князю тѣмъ же,—безпощадно опустошалъ его землю и добычею, взятою въ Тверской области, вознаграждалъ убытки Московской. Пробовалъ Михаилъ Тверской другимъ путемъ осилить своего соперника, ѣздилъ въ Орду, добылъ ярлыкъ на великое княженіе; но изъ этого тоже ничего не вышло. Вести татарскую рать на Русскую землю, предать ее на разореніе хищникамъ, у Михаила не хватало духу, а своей силой ему было не совладать съ Москвою. Тѣмъ временемъ Димитрій успѣлъ задобрить хана подарками и остался великимъ княземъ. Въ концѣ концовъ пришлось Михаилу, чтобы избѣжать полнаго разоренія своей земли, примириться съ противникомъ своимъ и заключить договоръ, по которому онъ обязывался за себя и своихъ наслѣдниковъ подчиняться московскому князю, по приказу его ходить на войну самому или посылать своихъ воеводъ, не искать и не принимать отъ хана великокняжескаго достоинства, отказаться отъ союза съ Литвою. Особенно важно было условіе о союзѣ противъ татаръ.

„Будемъ ли мы въ мирѣ съ татарами,—говорится въ договорѣ отъ имени московскаго князя,—дадимъ ли выходъ (дань) или не дадимъ, это — наше

дѣло. Если татары пойдутъ на насъ или на тебя, то намъ биться вмѣстѣ; если мы пойдемъ на нихъ, то и тебѣ идти съ нами вмѣстѣ".

Изъ этихъ словъ видно, что Димитрій считалъ себя уже въ силахъ бороться съ татарами и предвидѣлъ, что скоро наступитъ время борьбы съ ними.

Орда въ это время уже слабѣла и распадалась на части: сразу являлось по нѣсколько хановъ, которые свергали одинъ другого. Случалось, что сыновья убивали отцовъ, чтобы скорѣе завладѣть престоломъ,—и ханы безпрестанно смѣнялись: во второй половинѣ XIV вѣка было десятилѣтіе, въ которое перемѣнилось ихъ пятнадцать. Нѣкоторые вожди стремились отложиться и сдѣлаться самостоятельными ханами. Трудно было въ это время московскому князю и ладить съ ордою: ему приходилось сразу у двухъ враждебныхъ хановъ добывать себѣ ярлыкъ на великое княженіе. Когда являлось нѣсколько хановъ, враждовавшихъ между собою, какъ было знать, кому угождать, кто изъ нихъ возьметъ верхъ, да и одаривать сразу нѣсколькихъ хановъ было не подъ силу даже и богатому московскому князю. Казалось, настала удобная пора для русскихъ покончить съ тяжелымъ и постыднымъ для нихъ владычествомъ татаръ.

Послѣ долгихъ смутъ въ Ордѣ овладѣлъ ханской властью воевода Мамай. Злобился онъ сильно на Димитрія Ивановича за то, что тотъ не обращалъ большаго вниманія на его требованія, не хотѣлъ платить ему той дани, какую прежде платили московскіе князья ханамъ. Къ тому же въ Нижнемъ Новгородѣ была избита татарская дружина, пришедшая съ ханскимъ посломъ, и творившая всякія насилія. Убитъ былъ и посолъ. Никто изъ русскихъ князей не поѣхалъ оправдываться и смягчать ханскій гнѣвъ. Ясно было, что русскіе князья выходили изъ повиновенія. Мамай еще не собрался съ силами, чтобы идти самому, а сталъ для острастки посылать небольшія орды на земли подручныхъ Москвѣ князей.

Въ 1376 году напала съ дозволенія Мамая орда, подъ предводительствомъ какого-то Арапши, на Нижній Новгородъ. Русская рать пошла на встрѣчу. Русскіе думали, что татары еще далеко, и расположились у рѣки Пьяны отдыхать. День (2-го августа) былъ очень знойный. Доспѣхи, копья, сулицы и рогатины были на возахъ. Воины, не ожидая близкой опасности, прохлаждались въ однихъ охабняхъ (плащахъ), попивали себѣ медъ, пиво и вино. Многіе хвастались своею силою и удалью и не чаяли близкой бѣды. Тѣмъ временемъ татары, раздѣлившись на пять отрядовъ, кинулись вдругъ съ пяти сторонъ на безоружныхъ русскихъ такъ, что тѣ не успѣли и оружія вынуть изъ телѣгъ. Много тутъ пало русскихъ воиновъ напрасною смертію; многіе кидались въ рѣку Пьяну, думая спастись, и перетонули.

Въ слѣдующемъ году опять Мамай послалъ свою орду на Русь. Татары напали на Нижній, взяли его и разорили; а другое татарское войско пошло на великаго князя. Князь самъ вышелъ на встрѣчу ему. На рѣкѣ Вожѣ произошла битва. Москвичи выждали, чтобы татары переправились, а затѣмъ ударили на нихъ разомъ съ трехъ сторонъ. Татары не выдержали напора и побѣжали. Множество ихъ перетонуло. Русскіе переправились и гнались за татарами. Множество шатровъ, телѣгъ, кибитокъ и всякаго добра досталось русскимъ.

Радовались русскіе, когда увидѣли, что и они могутъ бить татаръ. Сильнѣе стала надежда на полное освобожденіе отъ лютыхъ враговъ. Побѣда эта должна была, конечно, повести къ большой войнѣ. Мамай пришелъ въ ярость; порѣшилъ онъ, что надо нагнать на русскихъ такого страху, чтобы навсегда отбить у нихъ всякую охоту противиться ханской волѣ,— иначе владычеству татаръ придетъ конецъ. Сталъ собирать Мамай огромное войско. Кромѣ татаръ, въ ополченіи этомъ были черкесы, ясы и разные наемные иностранцы. Онъ хотѣлъ повторить времена Батыя, разгромить русскую землю.

Великая пора настала. Рѣшался вопросъ: быть ли Москвѣ и Русской землѣ, или окончательно погибнуть подъ ударами татаръ!..

Воинъ (вождь) въ юшманѣ, шишакѣ и приволокѣ.

Воинъ въ кулякѣ и стеганой шапкѣ.

Мамай, по словамъ одного сказанія, говорилъ своимъ сановникамъ:

— „Возьму русскую землю, разрушу церкви русскихъ, вѣру ихъ на свою переложу, прикажу имъ покланяться Магомету. Гдѣ были христіанскія церкви, тамъ велю поставить мечети, посажу своихъ баскаковъ по всѣмъ русскимъ городамъ, а князей русскихъ перебью!“

Олегъ Рязанскій, который еще раньше велъ борьбу съ Димитріемъ Ивановичемъ, измѣнилъ русскому дѣлу, вступилъ въ тайные переговоры съ Мамаемъ,—боялся, что Рязань пострадаетъ больше всѣхъ, такъ какъ черезъ нее лежалъ путь татарамъ. Увѣренъ былъ Олегъ также, что Москвѣ пришелъ

конецъ: въ это время Мамай заключилъ союзъ съ литовскимъ княземъ,—можно было думать, что Москвѣ не выдержать удара двухъ такихъ противниковъ.

Въ исходѣ лѣта 1380 года узналъ Димитрій, какая гроза собирается надъ его головой. Самъ Олегъ, желая скрыть свою измѣну, извѣщалъ его объ опасности.

— „Но еще наша рука высока, писалъ онъ Димитрію, бодрствуй и мужайся!"

Куликовская битва.

Усердно помолившись, Димитрій разослалъ гонцевъ по всѣмъ областямъ, чтобы поскорѣе шли отовсюду войска къ Москвѣ. Скоро вся сѣверная Русь пришла въ движеніе Цѣлые города вооружались въ нѣсколько дней; тысячами ратники шли къ Москвѣ. Отрядъ за отрядомъ вступали въ столицу. Бряцаніе оружія, топотъ и ржаніе коней не умолкали на улицахъ. Народъ любовался бодрымъ видомъ воиновъ, блестящимъ вооруженіемъ князей и бояръ. Все встрепенулось, какъ будто проснулось отъ долгаго сна: ожила надежда на освобожденіе отъ позорнаго ига!

Димитрій, по совѣту духовенства, отправилъ въ Орду посла и предложилъ уплатить дань; но она казалась Мамаю мала,—войны нельзя было миновать...

Предъ вступленіемъ въ походъ отправился Димитрій въ Троицкую обитель. Жилъ былъ еще великій подвижникъ ея св. Сергій. Преподобный устроилъ для князя трапезу. Примѣтилъ Димитрій двухъ иноковъ, которые были прежде ратными людьми и слыли богатырями: одинъ звался Пересвѣтъ, другой Ослабя.

— „Дай мнѣ, отче,—сказалъ Димитрій св. Сергію,—на брань этихъ двухъ иноковъ! Вѣдомо мнѣ, что были они великіе ратники, крѣпкіе богатыри, смышленные въ военномъ дѣлѣ".

Сергій приказалъ имъ идти съ Димитріемъ, взялъ схимы съ нашитыми крестами, возложилъ имъ на головы:

— „Носите ихъ вмѣсто шлемовъ, сказалъ онъ,—это вамъ доспѣхъ нетлѣнный вмѣсто тлѣннаго.—Пострадайте, прибавилъ онъ потомъ,—какъ доблестные воины Христовы"!

Затѣмъ послѣ трапезы Сергій благословилъ князя и всѣхъ бывшихъ съ нимъ крестомъ, окропилъ святою водою и сказалъ князю:

— „Господь Богъ будетъ тебѣ помощникъ и заступникъ. Онъ побѣдитъ и низложитъ супостатовъ твоихъ и прославитъ тебя".

Радостно забилось сердце Димитрія, когда услышалъ онъ эти пророческія слова.

На 20-е августа было назначено выступленіе рати изъ Москвы. Въ этотъ день великій князь усердно молился въ Успенскомъ соборѣ у мощей св. Петра—митрополита, перваго заступника Москвы, молился и въ Архангельскомъ соборѣ, гдѣ были гробницы предковъ...

Въ это время священники съ иконами и хоругвями обходили ряды во-

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА.

иновъ, запрудившихъ всѣ площади и улицы у Кремля, и кропили ихъ освященной водой. Величавое зрѣлище представляло русское воинство. Еще никогда Москва не видала такой большой ратной силы. Блестящіе мѣдные и стальные доспѣхи сверкали на солнцѣ. Множество стяговъ (знаменъ) развѣвалось надъ войскомъ, цѣлый лѣсъ копій поднимался надъ нимъ. Но болѣе всѣхъ привлекали взоры вожди въ ихъ позолоченныхъ доспѣхахъ и приволокахъ (плащахъ), расшитыхъ золотыми узорами.

Вся Москва вышла провожать ратниковъ. Матери и жены плакали и го-

Ратникъ въ бахтерцѣ и въ шишакѣ съ еловцемъ.

лосили. Великая княгиня Евдокія, прощаясь у Кремлевскихъ воротъ съ мужемъ, отъ слезъ и слова вымолвить не могла...

Затрубили въ трубы, ударили въ бубны и войско тронулось въ походъ...

24-го августа великій князь съ московскими полками вступалъ въ Коломну. Епископъ встрѣтилъ имъ съ крестомъ у воротъ города. Здѣсь присоединились къ русскому ополченію еще нѣкоторые отряды. Устроенъ былъ смотръ всему войску. Никогда еще на Руси не собиралось такого большаго ополченія: болѣе ста пятидесяти тысячъ конныхъ и пѣшихъ стояло въ стройныхъ рядахъ.

Тутъ пришла вѣсть, что Мамай съ огромными силами недѣли три уже стоитъ за Дономъ и поджидаетъ своего союзника — Литовскаго князя Ягелла. И объ измѣнѣ Олега Рязанскаго узналъ въ это время Димитрій. Опечалился онъ, назвалъ съ горестью Олега вторымъ Святополкомъ.

Не всѣ еще отряды собрались, но медлить нельзя было; надо было идти скорѣе чрезъ Рязанскую область въ степи, чтобы не допустить Мамая съ его страшною ордою ворваться въ русскія земли. Принявъ напутственное благословеніе коломенскаго епископа, Димитрій выступилъ къ устью рѣки Лопасни. Вожаками взяли десять купцовъ, которые вели съ востокомъ торговлю, часто ѣзжали туда и потому хорошо знали пути.

26-го августа русское войско переправилось за Оку, въ Рязанскую землю. Олегъ, узнавъ о силахъ Димитрія, испугался, недоумѣвалъ, что и дѣлать, переѣзжалъ безпрестанно съ мѣста на мѣсто, посылалъ гонца за гонцемъ къ татарамъ и литовскому князю, — не зналъ, кого больше опасаться ему — Димитрія или Мамая. Совѣсть мучила Олега; но вражда къ московскому князю и боязнь татарскаго погрома были въ немъ сильнѣе укоровъ совѣсти.

Войска русскія бодро шли впередъ. Погода стояла хорошая: осенніе дни были ясны и теплы, земля суха. Когда рать подходила уже къ Дону, прибыли на встрѣчу люди изъ передоваго отряда, посланнаго для развѣдокъ, и принесли важную вѣсть:

— „Мамай стоитъ на Дону, на Кузьминой гати, и дожидаетъ къ себѣ Олега и Литовскаго князя (Ягелла); а силы у Мамая столько, что и перечесть нельзя“.

Собралъ Димитрій на совѣтъ князей и воеводъ. Надо было рѣшить вопросъ: переходить ли русскому войску за Донъ и напасть на татаръ, или не переходить и ждать нападенія враговъ? Одни говорили:

— „Лучше остаться на этой сторонѣ рѣки. Врагъ силенъ: на всякій случай должны мы удержать себѣ путь назадъ“.

Другіе, болѣе рѣшительные, особенно Ольгердовичи, говорили иное:

— „Лучше переправиться какъ можно скорѣе. Надо, чтобы ни у кого не было и мысли назадъ возвращаться; пусть всякій безъ хитрости бьется, пусть не думаетъ о спасеніи. Говорятъ, сила велика у враговъ. Что на это смотрѣть! — Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ!“

Въ это время гонцы отъ преподобнаго Сергія привезли грамоту великому князю. Св. подвижникъ благословлялъ его и обѣщалъ ему помощь Бога и Пречистой Богородицы.

Это посланіе сильно ободрило Димитрія. Прочелъ онъ въ кругу своихъ соратниковъ-вождей грамоту. Великую силу въ глазахъ всѣхъ русскихъ имѣло слово преподобнаго Сергія, — Димитрій больше не колебался. Присоединился онъ къ мнѣнію Ольгердовичей.

— „Честная смерть лучше позорной жизни, — сказалъ онъ въ отвѣтъ слишкомъ осторожнымъ совѣтникамъ своимъ, — уже лучше было намъ не начинать похода противъ безбожныхъ татаръ, чѣмъ, пришедши сюда и ничего не сдѣлавши, вернуться назадъ“.

Да и надо было поспѣшить, чтобы не допустить литовцевъ соединиться съ татарами.

Стали русскіе искать на рѣкѣ бродовъ для конницы и строить мосты для пѣшихъ. Въ ночь съ 7-го на 8-е сентября русская рать перешла черезъ Донъ.

Въ эту ночь, говоритъ сказаніе, пришелъ къ великому князю воевода Димитрій Боброкъ, родомъ Волынецъ. Онъ былъ смышленный, опытный воинъ и слылъ искуснымъ гадателемъ.

— „Не желаешь ли, — сказалъ онъ великому князю, — я покажу тебѣ примѣты, по которымъ ты узнаешь, что случится впередъ?“

Ратникъ въ юшманѣ и мисюркѣ.

Воинъ въ колонтарѣ и стеганной шапкѣ.

Князь согласился, условившись держать это гаданіе въ тайнѣ, — сѣлъ на своего коня и вмѣстѣ съ Боброкомъ выѣхалъ впередъ.

Ночь была тихая и теплая. Предъ ними разстилалось широкое ровное поле, звалось оно Куликово; позади нихъ былъ Донъ, впереди протекала рѣчка Непрядва, притокъ его. Димитрій съ гадателемъ остановились посреди поля. Ночная мгла скрывала оба стана.

— „Оборотись къ татарской сторонѣ, князь, и слушай!“ сказалъ Боброкъ.

Нѣсколько времени стояли они молча. Слышались имъ отъ татарскаго стана

сильные крики, стукъ, звуки трубъ. Слышали они, какъ за вражескимъ станомъ страшно завывали волки, а по правой сторонѣ зловѣще кричали птицы, грааяли вороны, стаями перелетали съ мѣста на мѣсто; на рѣкѣ Непрядвѣ гуси и лебеди крыльями плескали, предвѣщая грозу.

— „Что, князь, слышалъ?“ спросилъ Боброкъ.

— „Слышалъ грозу великую“! отвѣчалъ Димитрій.

— „Оборотись теперь на полки русскіе!“ сказалъ Боброкъ.

Послушалъ князь нѣсколько времени и сказалъ:

— „Не слыхать ничего. Тишина великая; вижу только множество огней и зарево отъ нихъ!“

— „Князь-господинъ, сказалъ Боброкъ, огни—это доброе знаменіе тебѣ. Призывай помощь небесную и вѣрою не оскудѣвай!“

— „Есть у меня еще примѣта“, сказалъ гадатель,—сошелъ съ коня, припалъ къ землѣ ухомъ, долго пролежалъ онъ,—все къ чему-то прислушивался. Наконецъ поднялся; но стоялъ съ опущенной головой, съ грустнымъ лицомъ, и молчалъ...

— „Ну что, братъ, какова примѣта?“ спросилъ его великій князь.

Боброкъ въ тяжеломъ смущеніи молчалъ. Князь сталъ его упрашивать, умолять. Боброкъ прослезился. Заныло сердце у князя.

— „Братъ Димитрій, скажи мнѣ, тревожно упрашивалъ онъ Боброка,—сердце у меня очень болитъ!“

— „Господинъ князь! сказалъ наконецъ Боброкъ, повѣдаю тебѣ только одному объ этихъ примѣтахъ; ты же никому не говори о нихъ. Одна примѣта тебѣ на великую радость, а другая на великую скорбь!... Слышалъ я, какъ земля горько, горько плакала: съ одной стороны казалось, будто женщина-мать о дѣтяхъ своихъ плачетъ, по-татарски причитаетъ, голоситъ и слезами разливается; съ другой стороны слышалось мнѣ, будто дѣвица плачетъ въ великой скорби и печали, плачетъ нѣжнымъ голосомъ, тонкимъ, какъ свирѣль. Много видывалъ я битвъ, не разъ извѣдывалъ я всякія примѣты, знаю я ихъ. Уповай на милость Божію, татаръ ты одолѣешь; но твоего христіанскаго воинства на полѣ ляжетъ отъ вражьяго меча многое множество!“

— „Заплакалъ князь отъ этихъ словъ, но потомъ сказалъ:

— „Какъ Богу угодно, пусть такъ и будетъ! Кто волѣ Его противникъ?!“

Еще разъ Боброкъ проспилъ князя никому не говорить о гаданіи, чтобы не напало на воиновъ уныніе. Когда князь съ Боброкомъ ѣхали съ поля въ свой станъ, слышали они, какъ вдали страшно завывали волки, каркали вороны и орлы клектали.

Страшная была эта ночь!

Въ эту же ночь, говоритъ сказаніе, одинъ воинъ, стоявшій на стражѣ, видѣлъ видѣніе: по воздуху двигалось съ востока, словно туча, громадное полчище татаръ. На встрѣчу ему неслись два юноши въ свѣтлыхъ, сіяющихъ ризахъ, съ мечами въ рукахъ, и слышенъ ему былъ голосъ: „Кто вамъ, татарамъ, велѣлъ губить наше отечество?“ И начали юноши рубить враговъ. Многихъ изрубили, а остальные разбѣжались. Когда воинъ разсказалъ о своемъ видѣніи Димитрію, догадался онъ, что то были свв. Борисъ и Глѣбъ...

Раннимъ утромъ войско стало готовиться къ бою. Сначала густой туманъ лежалъ на землѣ. Русскимъ это было кстати: Владиміръ Андреевичъ, князь Серпуховскій, и воевода Димитрій Боброкъ съ отборнымъ войскомъ успѣли занять незамѣтно для татаръ лѣсъ неподалеку отъ русскаго стана, вверхъ по Дону. Съ разсвѣтомъ туманъ сталъ подыматься. Засіяло солнце. Русское войско стояло уже въ боевомъ строю. Впередъ по обыкновенію былъ выставленъ сторожевой полкъ. Средними полками, преимущественно пѣшими, начальствовали князья Андрей и Димитрій Ольгердовичи. На правомъ крылѣ были князь Андрей Ѳедоровичъ Ростовскій, князь Стародубскій и др., на лѣвомъ—князь Ярославскій, Василій Васильевичъ. Много было и другихъ князей,—вождей отдѣльныхъ полковъ.

Великій князь съ холма глядѣлъ на свою рать. Стройные, необозримые ряды войска занимали громадное пространство; развѣвались безчисленныя знамена и хоругви; сверкали на солнцѣ доспѣхи и оружіе воиновъ; еловцы (маленькіе красные значки на шлемахъ) словно огнемъ пылали. Прекрасенъ былъ видъ великаго воинства. Нѣсколько времени любовался Димитрій своимъ войскомъ. Тяжело стало, конечно, у него на душѣ, когда подумалъ онъ, что многое множество воиновъ его сложитъ головы свои на этомъ полѣ. Онъ палъ на колѣна предъ своимъ чернымъ знаменемъ, на которомъ сіялъ образъ Спасителя и долго усердно молился.

— „Обрати, Господи, взывалъ онъ, лице Твое съ яростью на нечестивыхъ, творящихъ зло рабамъ твоимъ!“

Сѣлъ затѣмъ великій князь на коня и сталъ объѣзжать ряды своего войска. Предъ каждымъ отрядомъ онъ останавливался и старался всѣхъ ободрить своимъ словомъ.

— „Отцы и братья, говорилъ онъ, Бога ради, подвизайтесь, святыхъ ради церквей и вѣры христіанской! Сія смерть не въ смерть, но въ жизнь вѣчную“!

Затѣмъ Димитрій сталъ снова подъ свое черное знамя, снялъ съ себя княжескую приволоку (плащъ). Своего коня и приволоку отдалъ онъ боярину своему Михаилу Бренку; снова помолился и вкусилъ благословеннаго хлѣба, присланнаго ему Сергіемъ. Великій князь хотѣлъ самъ биться въ рядахъ, какъ простой воинъ. Воеводы удерживали князя, говорили, что ему, какъ главному вождю, слѣдуетъ беречь себя, уговаривали его, но все было напрасно...

— „Братья мои милые, добрыя ваши рѣчи,—отвѣчалъ Димитрій; но хочу я общую чашу съ вами пить. Умру, такъ умру вмѣстѣ съ вами; живъ буду,—вмѣстѣ съ вами же!“

Русское войско двинулось къ устью Непрядвы, къ татарскому стану. Часу въ шестомъ дня русскіе увидѣли Мамаево полчище. Словно громадная туча двигалось оно, сходя съ холма. Пѣшіе татары шли рядами. Задніе клали свои копья на плечи переднимъ,—копья у воиновъ втораго ряда были длиннѣе, чѣмъ у переднихъ. Татары по большей части сверхъ доспѣховъ надѣвали кафтаны, сверхъ шлемовъ мѣховые или кожаные колпаки; одежда у нихъ была темнаго цвѣта, и потому татарское войско не имѣло такого наряднаго и блестящаго вида, какъ русское.

Мамай съ мурзами своими остановился на холмѣ, чтобы наблюдать за

битвою. Уже враждебныя полчища стояли одно противъ другого и ждали знака, чтобы начать бой. Тогда изъ татарскаго войска выѣхалъ наѣздникъ по имени Телебей. Онъ былъ громаднаго роста и необыкновенной силы. Бой долженъ былъ начаться поединкомъ. По обычаю татаръ удальцы-силачи начинали битву и показывали другимъ примѣръ. Сталъ богатырь громко вызывать себѣ противника. Не сразу нашелся между русскими охотникъ биться съ великаномъ; но вотъ выступаетъ Пересвѣтъ. Шлемъ его былъ покрытъ схимою, которую возложилъ на него игуменъ Сергій. Поклонился Пересвѣтъ, принялъ отъ священника благословеніе, низко поклонился русскому воинству.

— „Отцы и братья, [illegible] простите меня грѣшнаго!“

Затѣмъ сѣлъ онъ на [illegible] и съ словами „Преподобный Сергій, помоги мнѣ [illegible]!“ пустился во весь [illegible]. На встрѣчу несся татарскій богатырь. На всемъ скаку [illegible] ударили [illegible] копьями. Ударъ былъ такъ силенъ, что [illegible] на задніе ноги, а бойцы слетѣли [illegible] мертвыми.

Грянули трубы и начался бой.— „Боже, помоги намъ!“ кричали русскіе. Татары призывали [illegible] Магомета. [illegible] Такой битвы не бывало никогда еще на Руси! На пространствѣ [illegible] верстъ кипѣла кровавая сѣча. [illegible] Казалось, земля [illegible] ранеными. [illegible] теряли [illegible] Кровь [illegible] Трупъ [illegible] отряды [illegible] Боброкъ [illegible] Данило [illegible] великаго князя [illegible] знаменемъ [illegible] Пораженіе русскихъ [illegible]...

Давно уже [illegible] Владиміръ Андреевичъ [illegible] Боброкъ удерживалъ [illegible].

Владиміръ [illegible]

„[illegible] Боброку, въ чему же стоимъ мы [illegible] русскому войску!“

— „[illegible] Боброкъ, [illegible] пора. [illegible]!“

Н[illegible] ударили [illegible].

Боброкъ [illegible]:

— „Пора! [illegible] С[illegible]!“...

[illegible]

громкимъ [illegible]

Неожиданный ударъ ошеломилъ татаръ. Какъ испуганное стадо, заметались они, не зная, что дѣлать...

— „Бѣда намъ? — кричали они, — русскіе перехитрили насъ. Худшихъ изъ нихъ мы побили, а теперь лучшіе ударили на насъ!“

Съ переполоху чудилось татарамъ, что они ужь въ конецъ разбиты; что рать, напавшая на нихъ, безчисленна. Ободренные успѣхомъ, русскіе смѣло разили враговъ, прорывали ихъ толпы, врубались въ средину ихъ полчища, рубили ихъ и справа, и слѣва, и сзади, и спереди. Татары въ ужасѣ кидали оружіе и бѣжали.

Мамай, увидѣвъ неожиданный поворотъ битвы, такъ оторопѣлъ и растерялся, что не послалъ на помощь своимъ запасныя силы, бывшія у него, а самъ пустился въ бѣгство. Татары бѣжали толпами: одни кинулись за Непрядву, и множество ихъ потонуло въ рѣкѣ, другіе бросились направо къ рѣкѣ Красивой Мечи. Русскіе гнали ихъ и страшно избивали. Множество возовъ со всякимъ добромъ досталось въ добычу побѣдителямъ.

Часть русскаго войска преслѣдовала татаръ до рѣки Мечи. Князь Владиміръ Андреевичъ остановилъ своего коня на мѣстѣ побоища и велѣлъ трубить сборъ. Стали съѣзжаться къ нему вожди, оставшіеся въ живыхъ и не пострадавшіе въ бою. Великаго князя не было.

— „Гдѣ великій князь? тревожно спрашивалъ Владиміръ Андреевичъ,— кто изъ васъ его видѣлъ?“

Поѣхалъ Владиміръ Андреевичъ межъ воиновъ и со слезами на глазахъ спрашивалъ, не видалъ-ли кто великаго князя, не слыхалъ-ли, гдѣ онъ. Одинъ изъ воиновъ сказалъ, что видѣлъ его въ пятомъ часу, какъ онъ крѣпко бился; другой видѣлъ, какъ четыре татарина напирали на него; третій разсказывалъ, какъ онъ самъ старался выручить великаго князя изъ бѣды. Но свѣдѣній о томъ, живъ ли онъ и гдѣ находится, — никто дать не могъ.

По приказу Владиміра, отроки княжьи и множество ратныхъ людей разсѣялись по бранному полю отыскивать великаго князя. Долго искали его. Наконецъ, двумъ ратникамъ посчастливилось найти его. Подъ вѣтвями срубленной березы лежалъ Димитрій. Глаза его были закрыты; но воины замѣтили, что онъ дышетъ.

— „Живъ, живъ“! радостно закричали они. „Великій князь Димитрій Ивановичъ здравствуетъ!“

Владиміръ Андреевичъ съ князьями и воеводами поскакали къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ великій князь. Доспѣхи его были избиты и измяты ударами татарскихъ сабель. Когда сняли съ князя его вооруженіе, то оказалось, что ранъ на тѣлѣ не было. Лишился чувствъ онъ отъ чрезмѣрнаго напряженія силъ и утомленія. Дмитрій Ивановичъ, хотя былъ крѣпкаго тѣлосложенія, высокъ ростомъ, широкоплечъ, но, по словамъ лѣтописца, былъ весьма тученъ и тяжелъ.

Мало-по-малу пришелъ онъ въ чувство и открылъ глаза.

— „Кто тутъ? что за рѣчи слышу я?“ проговорилъ онъ.

Тогда Владиміръ Андреевичъ громогласно возвѣстилъ:

— „Милостію Бога и Пречистой Матери Его, помощью сродниковъ

твоихъ святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба, моленіемъ св. Петра и Сергія игумена, супостаты наши побѣждены!“

Когда великій князь совсѣмъ пришелъ въ себя и понялъ, въ чемъ дѣло, то прежде всего благодарилъ Бога за дарованную русскимъ побѣду. Узнавъ о томъ, какъ нападеніе засаднаго войска на врага повернуло дѣло въ пользу русскихъ, великій князь обратился къ Дмитрію Боброку и сказалъ:

— „По истинѣ разуменъ ты: тебѣ всегда должно быть воеводою!“

Поѣхалъ великій князь со своими главными сподвижниками по бранному полю. Ужасно было это поле! Было оно устлано убитыми, умирающими, ранеными. Казалось, все поле тяжело стонало... Тихо подвигались впередъ кони: едва находили они мѣсто, гдѣ ступать. Съ поникшими головами, съ тяжелой скорбью, со слезами на глазахъ ѣхали великій князь и спутники его. Давно-ли восходящее солнце озаряло блестящіе ряды русскихъ воиновъ, бодрыхъ, полныхъ жизни и силы? Давно-ли лучи его весело играли на блестящихъ доспѣхахъ? а теперь, на заходѣ, освѣщало оно груды окровавленныхъ тѣлъ, лица убитыхъ, обезображенныя мучительною смертью, лица раненыхъ, искаженныя страданіями, лужи и потоки крови, избитые доспѣхи, обломки и осколки всякаго оружія! Все говорило о страшной жестокости боя: въ одномъ мѣстѣ убитый русскій воинъ упалъ на трупъ побѣжденнаго имъ врага, въ другомъ—убитый татаринъ лежалъ на русскомъ; здѣсь, крѣпко переплетясь руками и ногами, лежали мертвые татаринъ и русскій, боровшіеся, очевидно, даже и въ предсмертныхъ страданіяхъ; а тамъ поднималась цѣлая груда тѣлъ русскихъ и татаръ, бившихся въ тѣсной схваткѣ до послѣдняго издыханія. Русская и татарская кровь смѣшивалась и струилась однимъ потокомъ изъ-подъ груды тѣлъ!..

Предъ нѣкоторыми трупами князь останавливался. Увидѣлъ онъ князей Бѣлозерскихъ, отца и сына,—лежали они вмѣстѣ.

— „Братья, князья русскіе, молвилъ со слезами Димитрій, сдержавъ коня своего, молите Господа Бога о насъ, да соединитъ Онъ насъ вмѣстѣ съ вами въ будущей жизни!“

Постоялъ великій князь съ тяжелой грустью и предъ тѣломъ боярина своего Михаила Андреевича Бренка, лежавшаго въ великокняжеской приволокѣ.

— „Вотъ, братья, нашъ починальникъ!“ сказалъ Димитрій Ивановичъ, узнавъ по схимѣ инока Пересвѣта.—„Безъ него многимъ бы изъ насъ пришлось испить здѣсь горькую чашу отъ руки татарскаго витязя!“

Тутъ же, подлѣ Пересвѣта, лежалъ трупъ его противника, великана-татарина. Многихъ храбрыхъ князей и воителей узналъ Димитрій межъ мертвыми. Тяжкая скорбь давила ему сердце, когда ѣхалъ онъ съ побоища: онъ, по словамъ современника, „умывался слезами“ при видѣ множества погибшихъ. Правда, убитыхъ татаръ было гораздо больше, чѣмъ русскихъ; но и русскихъ легло на Куликовомъ полѣ великое множество!..

Побѣда была великая, но вмѣстѣ съ тѣмъ и скорбная! Изъ огромнаго русскаго войска едва уцѣлѣло тысячъ сорокъ. Болѣе двухсотъ тысячъ человѣкъ, татаръ и русскихъ пало на Куликовомъ полѣ, и Донъ, по словамъ сказанія, три [illegible] текъ кровью...

Такъ представляется намъ, по разнымъ преданіямъ и сказаніямъ, достопамятная Куликовская битва.

Восемь дней стояли русскіе на мѣстѣ побоища: подавали помощь раненымъ, разбирали тѣла убитыхъ, русскихъ погребали, а татаръ оставляли на полѣ въ добычу хищному звѣрю и птицѣ...

Димитрій установилъ обычай вѣчно праздновать память воиновъ, убитыхъ въ Куликовской битвѣ (Дмитровская суббота).

На Куликовомъ полѣ стоитъ теперь памятникъ, поставленный въ память о великой побѣдѣ.

Памятникъ на Куликовомъ полѣ.

Литовскій князь Ягелло, спѣшившій соединиться съ Мамаемъ, въ день битвы былъ верстахъ въ сорока отъ мѣста боя. Узнавъ о побѣдѣ русскихъ, онъ поспѣшно отступилъ.

Понеслись гонцы отъ Димитрія въ Москву, въ Переяславль, въ Кострому, во Владиміръ и другіе города съ радостною вѣстью о побѣдѣ. Всѣ со страхомъ и нетерпѣніемъ ждали извѣстій изъ войска, денно и нощно молились во храмахъ. Наконецъ, желанныя вѣсти пришли. Восторгъ былъ неописанный. Все встрепенулось и ожило. Думали, что орда пала навсегда, что пришелъ конецъ татарскому владычеству!.. Димитрія прославляли, сравнивали его съ Ярославомъ Великимъ, съ Александромъ Невскимъ, прозвали его „Донскимъ“, а Владиміра Андреевича „Храбрымъ“.

Но радоваться было еще рано!..

Нашествіе Тохтамыша.

Мамай былъ разбитъ Тохтамышемъ, ханомъ орды, кочевавшей за рѣкою Яикомъ (Ураломъ). Тохтамышъ воцарился въ ордѣ и послалъ извѣстить русскихъ князей, что онъ побѣдилъ ихъ врага Мамая. Димитрій принялъ ласково ханскихъ пословъ, отпустилъ ихъ съ честью, и вслѣдъ за ними отправилъ своихъ людей съ богатыми подарками хану. Тоже сдѣлали и другіе князья. Думали всѣ, что этимъ дѣло и обойдется, но ошиблись: Тохтамышъ хотѣлъ властвовать надъ русской землею, какъ Батый.

Въ слѣдующее лѣто явился отъ хана сановникъ съ отрядомъ воиновъ въ 70 человѣкъ, и отъ имени хана потребовалъ, чтобы русскіе князья, какъ его подданные, ѣхали немедленно въ Орду. Требованіе это поразило всѣхъ князей какъ громомъ: неужели, думали они, напрасно лилась русская кровь на Куликовомъ полѣ, и все пойдетъ по старому?! Мысль—объ этомъ приводила всѣхъ въ негодованіе. Ханскому послу, доѣхавшему до Нижняго

Новгорода, было дано знать, что великій князь не ручается за его безопасность, если онъ явится въ Москву съ отрядомъ своимъ. Побоялись татары народной ярости и уѣхали. Прошло еще около года: казалось, что они оставили русскихъ въ покоѣ; но вдругъ пришла тревожная вѣсть, что татары захватили въ землѣ Болгарской всѣхъ нашихъ купцовъ и на ихъ судахъ переправляются черезъ Волгу. Затѣмъ пронесся слухъ, что Тохтамышъ идетъ уже на русскую землю, и что Олегъ Рязанскій показываетъ ему пути. Все это сдѣлалось такъ скоро, что русскіе не успѣли и опомниться и приготовиться къ отпору. Тохтамышъ, видно, и разсчитывалъ напасть на Москву врасплохъ. Великій князь совѣщался съ воеводами и съ нѣкоторыми князьями, какъ быть, что предпринять, но всѣ, казалось, потеряли голову. Димитрій поѣхалъ въ Переяславль, оттуда въ Ростовъ и Кострому собирать полки.

Москва оставалась беззащитна. Тохтамышъ взялъ уже Серпуховъ и быстро шелъ къ Москвѣ. Пламя и дымъ горѣвшихъ селъ обозначали его путь. Въ Москвѣ было полное безначаліе. Поднялся народный мятежъ... Одни изъ москвичей хотѣли защищаться въ Кремлѣ, другіе—спасаться бѣгствомъ. Толпы народа со стѣнъ бросали камни въ бѣглецовъ. Нѣкоторые съ оружіемъ въ рукахъ стали у воротъ и не пускали никого изъ города, творили всякія безчинства и насилія. Къ счастію, нашелся опытный вождь, который прекратилъ смуту и водворилъ нѣкоторый порядокъ. Это былъ Остей, одинъ изъ литовскихъ князей, случайно находившійся въ ту пору въ Москвѣ. Онъ убѣдилъ москвичей выпустить изъ города всѣхъ искавшихъ спасенія въ бѣгствѣ и затворился въ Кремлѣ съ готовыми защищаться до послѣдней крайности.

Бояре и купцы свозили въ Кремль свои пожитки и товары. Множество драгоцѣнной церковной утвари, богослужебныхъ книгъ изъ окрестныхъ церквей было снесено въ Кремль. Всѣ надѣялись на каменныя стѣны его. Постройки вокругъ Кремля, которыми могли воспользоваться татары, т. е., весь посадъ, былъ сожженъ самими москвичами.

23 августа появились татарскіе передовые отряды. Объѣзжали они кругомъ Кремля, осматривали рвы и стѣны его. Видя малое число враговъ, нѣкоторые изъ москвичей храбрились, со стѣнъ ругали татаръ и старались всячески оскорблять ихъ. Татары въ отвѣтъ грозили русскимъ своими саблями. Татарскіе отряды все подходили да подходили къ Москвѣ; къ вечеру ихъ была уже несмѣтная сила. Пріуныли тутъ москвичи. Нѣкоторые изъ нихъ, болѣе благочестивые, стали готовиться къ смерти, каялись въ грѣхахъ, причащались...

Сначала шла перестрѣлка. Тучи стрѣлъ летѣли съ той и съ другой стороны. Татарскіе наѣздники носились на своихъ легкихъ коняхъ передъ стѣнами Кремля и на всемъ скаку били русскихъ стрѣлами безъ промаха; ихъ стрѣлки были гораздо искуснѣе русскихъ. Пробовали татары взять Кремль приступомъ, ставили лѣстницы и лѣзли на стѣны. Русскіе валили на враговъ бревна, тяжелые камни, сшибали ихъ съ лѣстницы въ ровъ, обдавали кипяткомъ. Три дня пытались татары взять Кремль приступомъ, но были отбиваемы. Лѣтописецъ въ первый разъ говоритъ, что нѣкоторые изъ русскихъ били враговъ изъ огнестрѣльнаго оружія. Большой уронъ потерпѣли татары. Увидѣлъ Тохтамышъ, что силою ему города не взять: стѣны Кремля были

крѣпки; стѣнобитныхъ машинъ у татаръ на этотъ разъ не было; русскіе мужественно бились. Пустился Тохтамышъ на хитрость. На четвертый день подъѣхали къ стѣнамъ знатнѣйшіе мурзы и отъ имени хана вступили въ переговоры.

— „Царь нашъ, говорили они, не хочетъ разорять своего улуса; не бойтесь ничего, выйдите только къ нему съ честью и дарами. Царь нашъ хотѣлъ наказать холопа своего Димитрія, но его тутъ нѣтъ. Отворите городъ, царь васъ пожалуетъ".

Москвичи сначала не повѣрили этимъ словамъ, но суздальскіе князья, пришедшіе съ Тохматышемъ, клялись, что татары зла не сдѣлаютъ москвичамъ.

— „Намъ повѣрьте, говорили суздальскіе князья, мы ваши христіанскіе князья, мы ручаемся за то, что это—правда!

Быть можетъ, они и въ самомъ дѣлѣ вѣрили, что Тохтамышъ говорилъ правду. Повѣрили на этотъ разъ и москвичи; посовѣтовались между собою, какъ быть. Надежда на скорую помощь была плоха; долго выдержать осаду нельзя было,—порѣшили сдаться на милость хана.

Отворились ворота Кремля, и защитники его стали выходить; впереди шелъ Остей; за нимъ несли богатые дары хану; затѣмъ шло духовенство въ полномъ облаченіи, съ иконами и крестами, далѣе шли бояре и народъ. Татары выждали, пока защитники Кремля вышли изъ воротъ, затѣмъ вдругъ, какъ хищные звѣри, ринулись на нихъ и принялись рубить саблями всѣхъ безъ разбору и топтать конями... Это была не битва, а дикая, ужасная бойня! На мѣстѣ ея остались растерзанные, раздавленные трупы, втоптанные въ грязь иконы, кресты, священническія ризы... Ворвались татары въ Кремль. Оставшаяся здѣсь толпа народа обезумѣла отъ страха; люди въ безпамятствѣ метались туда и сюда, ища, гдѣ бы укрыться отъ дикихъ губителей. Многіе прятались въ церквахъ. Все напрасно! Татары разбивали церковныя двери, вламывались въ алтари, и рубили нещадно всѣхъ и стариковъ, и женщинъ, и дѣтей... Церковные сосуды, одежды, княжеское имущество, пожитки бояръ, товары купцовъ, снесенные въ Кремль,—все было разграблено. Множество книгъ, собранныхъ отовсюду въ кремлевскія церкви, погибло. Что не было разграблено, то было уничтожено пожаромъ. Татары зажгли съ нѣсколькихъ концовъ городъ и отступили отъ Москвы, насытившись дикою местью.

Ужасный видъ представляли развалины Москвы!..

„Былъ дотолѣ,—говоритъ лѣтописецъ о ней,—городъ великій, чудный, многолюдный! Много было въ немъ всякаго богатства, и вотъ въ одинъ день все измѣнилось: видны только земля, пыль, пепелъ, множество лежащихъ труповъ да святыя церкви, разоренныя, пустыя и осиротѣлыя!"

Татарскіе отряды рыскали по всей великокняжеской области и страшно опустошили волости городовъ: Юрьева, Звенигорода, Дмитрова, Можайска и другихъ. Изъ князей русскихъ только Владиміръ Андреевичъ Серпуховскій не потерялъ мужества: онъ неожиданно ударилъ на сильный татарскій отрядъ и разбилъ его. Эта побѣда и слухъ о томъ, что великій князь собралъ у Костромы сильную рать, побудили Тохтамыша отступить.

Когда Димитрій вернулся на свое родное пепелище, то, по словамъ лѣтописи, заплакалъ.

— „Отцы наши, сказалъ онъ, — не побѣждали татаръ, но были менѣе насъ злополучны!“

Дѣйствительно, со временъ Калиты до Димитрія Донскаго Москва не терпѣла такого разоренія.

Тяжелое дѣло предстояло Димитрію. Немедленно велѣлъ онъ погребать тѣла убитыхъ. Собрано было ихъ на пепелищѣ одной Москвы до 24,000. А сколько было убито во всей области, сколько было сгорѣвшихъ, изувѣченныхъ и уведенныхъ въ неволю,—этого и сосчитать нельзя было! Кремлевскія стѣны, башни и стѣны нѣкоторыхъ церквей были цѣлы, и Москва могла скоро вновь обстроиться; но не скоро она могла стать такимъ многолюднымъ и цвѣтущимъ городомъ, какимъ была до татарскаго погрома.

Пришлось опять русскимъ князьямъ ѣздить въ Орду, искать ханской милости; пришлось по-прежнему городамъ и деревнямъ русскимъ уплачивать татарамъ тяжелую дань.

Димитрій Ивановичъ умеръ въ 1389 году, 39-ти лѣтъ отъ роду.

Предъ смертью онъ назначилъ великимъ княземъ сына своего Василія, благословилъ его великимъ княженіемъ Владимірскимъ. Увѣренъ былъ Димитрій, что ни татары уже не помѣшаютъ Василію, ни другіе русскіе князья не посмѣютъ оспаривать великокняжеское достоинство у него.

Въ тяжелые годы пришлось княжить Димитрію Донскому. Два раза Московская земля была при немъ страшно опустошена литовцами, потерпѣла ужасный татарскій погромъ. Кромѣ внѣшнихъ враговъ, были и свои русскіе враги. У Московскаго великаго князя была постоянная вражда съ Тверью и Рязанью. Послѣ нашествія Тохтамыша московская рать за измѣну Олега сильно разорила Рязанскую область. Вражда эта долго не кончилась бы, если бы преподобный Сергій не помирилъ Олега съ Димитріемъ. Сверхъ того пришлось Димитрію Ивановичу унимать новгородцевъ. Слишкомъ уже расходилась буйная удаль новгородской вольницы: два раза ушкуйники грабили Кострому, нападали на Нижній Новгородъ, на Вятку; мало того,—они хватали людей и продавали ихъ иноземцамъ въ рабство. Разбои этихъ повольниковъ такъ озлобили всѣхъ, что 26 городовъ съ радостью послали свои ополченія на помощь Димитрію, когда онъ порѣшилъ силою обуздать новгородцевъ. Сначала Новгородцы думали было обороняться, но скоро смирились, уплатили за всѣ убытки, понесенные купцами отъ новгородскихъ разбойниковъ, и обязались уплачивать ежегодно великому князю такъ называемый „черный боръ“ (подать съ черныхъ людей). Кромѣ бѣдствій отъ усобицъ, были и другія несчастія: страшная моровая язва свирѣпствовала на Руси (въ 1363—1364 год.), такъ что живые не успѣвали хоронить мертвыхъ. Отъ сильныхъ засухъ не разъ были голодовки и падежъ скота.

Печальныя слѣдствія татарскаго владычества тоже уже ясно сказывались. Отъ погромовъ татарскихъ и поборовъ бѣдность, нищета и горе были повсюду. Хоть народу стало легче, когда вмѣсто татарскихъ сборщиковъ начали русскіе князья сами собирать дань и отвозить ее въ Орду, но и князья принуждены были брать съ народа своего очень много, чтобы насытить корыстолюбіе хановъ, ихъ женъ и ханскихъ вельможъ. Кромѣ прямой дани, приходилось еще

установить разные налоги и поборы. За право торговли, за провозъ товаровъ должны были платить извѣстные налоги, собирались пошлины и съ разныхъ промысловъ: съ рыбныхъ ловель, съ мельницъ и пр. Со всѣхъ почти промысловъ и занятій шли пошлины. Прежде до татарскаго нашествія этого не было: платили только дань князьямъ, да и то небольшую. Понятно, что подъ владычествомъ татаръ не могли на Руси процвѣтать ни промыслы, ни торговля.

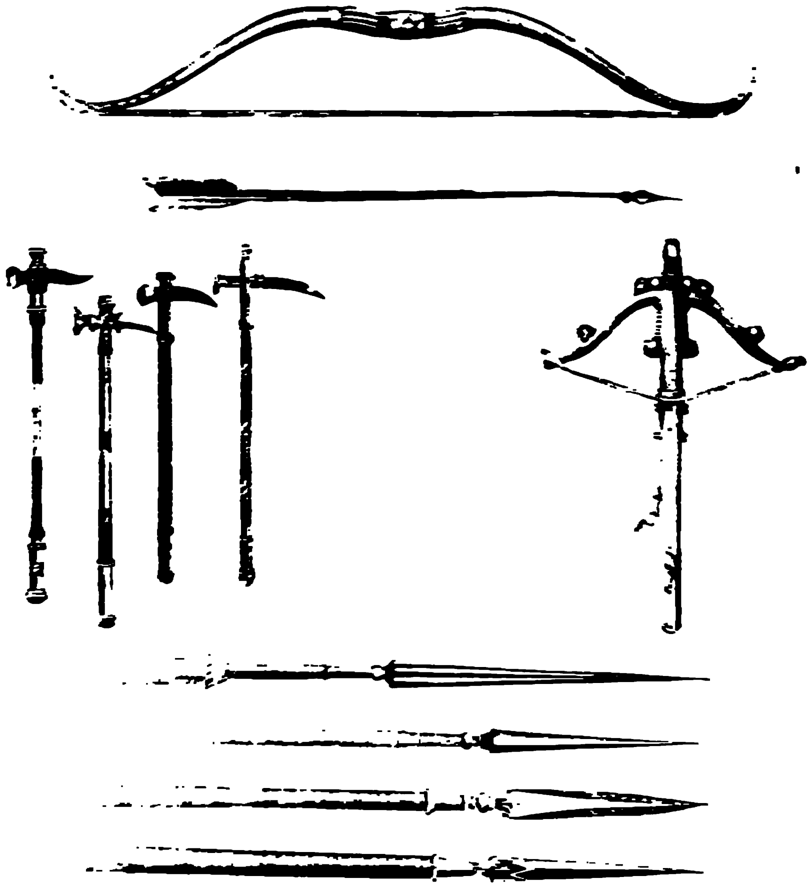
Бѣдность да неволя вредила сильно и нравамъ. Бѣдняки привыкали унижаться, прибѣгать къ разнымъ уловкамъ и обманамъ, чтобы соблюсти свои выгоды. Торговцы, платившіе большія пошлины, старались купить товаръ за безцѣнокъ, а продать въ три-дорога. Ремесленники, которымъ давали купцы слишкомъ низкую плату за ихъ издѣлія, не старались улучшить ихъ, и заботились только о томъ, какъ бы побольше да поскорѣе наработать товару да сбыть его какъ нибудь съ рукъ долой. Сложилось даже убѣжденіе, что безъ обману ни въ торговлѣ, ни въ промыслахъ обойтись нельзя. Безъисходная нужда побуждала многихъ къ нищенству: „ходить по міру“ многимъ даже и здоровымъ людямъ казалось болѣе выгоднымъ промысломъ, чѣмъ какая либо работа. Богатство, достатокъ были въ тѣ времена только приманкою и для хищныхъ татаръ, и для другихъ „лихихъ людей“. Зажиточному человѣку, чтобы не нажить бѣды какой либо, приходилось скрывать свое имущество, прикидываться бѣднякомъ; „съ босого да нагого—взятки гладки!“ Въ тѣ злосчастные годы привыкали люди жить кое какъ, перебиваться изо дня въ день, не заглядывать въ невѣрное будущее,—являлась безпечность, привычка жить на-авось. Но не даромъ говоритъ пословица: „нужда слабаго мнетъ, а въ крѣпкомъ волю куетъ“.—Мы видѣли уже, какіе сильные духомъ подвижники являлись въ тѣ тяжелыя времена. И между тѣми, которые не уходили отъ мірской жизни, не мало было людей сильныхъ, крѣпкихъ волею. Среди всякихъ бѣдъ и невзгодъ складывались нравы русскаго народа и свойства: смѣтливость, находчивость, изворотливость и та необычайная выносливость, которая и до сихъ поръ удивляетъ иноземцевъ въ русскомъ человѣкѣ.—„Голь на выдумки хитра“. „Нужда научитъ калачи ѣсть“! говоритъ нашъ народъ въ своихъ пословицахъ. Научился онъ подсмѣиваться, хоть иной разъ и горько, надъ своимъ горемъ-злосчастьемъ. „Наготы, босоты изувѣшены шесты; холоду да голоду амбары полны,“ „Шапка волосяная, рукавицы своекожанныя,“ говорилъ народъ въ пословицахъ о своей бѣдности.

Не только въ народѣ была бѣдность, была она и въ другихъ сословіяхъ; такихъ богатыхъ людей, какіе встрѣчаются въ наше время, тогда и въ поминѣ не было. Даже и князья того времени было не богаче нынѣшнихъ крупныхъ помѣщиковъ.

Печальна, неприглядна была жизнь русскаго народа въ концѣ XIV столѣтія; но она скрашивалась свѣтлою надеждою на скорое освобожденіе отъ тяжкаго татарскаго ига. Послѣ Димитрія Донскаго надежда эта уже не казалась никому несбыточной мечтой. Куликовская битва была великимъ событіемъ для русскаго народа: послѣ нея у русскихъ прибыло смѣлости на столько, на сколько убыло ея у татаръ. Битва эта была блестящей пробой соединенныхъ русскихъ силъ. Сами ханы на бѣду себѣ, не понимая, конечно, этого, по-

[illegible] московскихъ [illegible] собираніе русской земли[2], [illegible] съ сильными врагами.

Двѣ великія задачи [illegible] Иванъ Калита и Димитрій Донской: первая — [illegible] русской земли, вторая — [illegible] съ [illegible] татарскимъ [illegible]. [illegible] уже и третья великая задача — [illegible] на жизнь, а на смерть съ Литвою, которая, пользуясь бѣдствіями [illegible] въ время татарщины, завладѣла многими русскими областями [illegible] Москвѣ.



Лукъ и стрѣла. — Чеканы, или клевцы. — Самострѣлъ. — Копья.

Много тяготы и труда пришлось еще вынести русскому народу, много крови пролить, чтобы выполнить эти задачи.

Для князей московскихъ ратное дѣло долгое время должно было быть самымъ важнымъ дѣломъ.

Во время татарскаго владычества русское военное искусство сильно измѣнилось. Прежде русскіе князья во время своихъ усобицъ и борьбы съ половцами дѣйствовали обыкновенно небольшими отрядами, а теперь въ борьбѣ съ татарскими полчищами пришлось выставлять огромныя ополченія. Постояннаго войска, кромѣ небольшой княжеской дружины не было. Собиралось оно только

въ случаѣ надобности. По примѣру татаръ, русская рать дѣлилась на тысячи, сотни, десятки.

Конница составляла главную часть войска. Въ древности русскіе дружинники и воины вооружались подобно норманамъ, а въ XV вѣкѣ въ военномъ дѣлѣ многое заимствовано было у татаръ. Конскій уборъ былъ тотъ же, что у татаръ. Кривыя татарскія сабли стали замѣнять мало по малу прежніе мечи. Кромѣ сабель, наступательнымъ оружіемъ служили самострѣлы, луки, различнаго вида копья, сѣкиры и палицы. Хотя и упоминается въ лѣтописи объ огнестрѣльномъ оружіи при Димитріи Донскомъ, но вошло оно въ общее употребленіе позже. Охранительное вооруженіе было очень разнообразно. Въ старину не было одного общаго для всѣхъ вооруженія: каждый ратникъ вооружался по своимъ средствамъ и желанію. Исключеніе составляли только княжескіе дружинники, которые, вѣроятно, имѣли болѣе однообразное вооруженіе. Щиты, шлемы, панцыри, поножи, поручи должны были хорошо защищать отъ ударовъ вражьихъ бояръ и богатыхъ ратниковъ, составлявшихъ конницу. Шлемы были по виду очень разнообразны и носили разныя названія (шишаки, колпаки, ерихонки, мисюрки и др.). Панцыри, защищавшіе туловище, были тоже весьма разнообразны: у однихъ воиновъ были простыя кольчуги; у другихъ были бахтерцы, байданы, юшманы и колонтари,—это были тѣ же кольчуги съ прибавленіемъ металлическихъ пластинокъ или щитковъ различнаго вида на груди, спинѣ и бокахъ; у третьихъ были куяки, т. е. кожанныя или суконныя рубахи, на которыхъ были прикрѣплены металлическія бляхи различнаго вида. Полное и хорошее вооруженіе стоило очень дорого, и потому было доступно немногимъ. Такъ какъ оно и весьма тяжело, то для пѣшаго воина и не годилось. Бѣдняки часто довольствовались только тегиляями,—это были толстые, набитые пенькой и простеганные кафтаны, въ толщѣ которыхъ клали куски желѣза и обломки стараго вооруженія. На голову такіе воины надѣвали вмѣсто желѣзныхъ шлемовъ подобные тегиляямъ толстые, набитые пенькой колпаки. Вооруженные подобнымъ образомъ воины были очень неуклюжи на видъ, но довольно хорошо защищены отъ стрѣлъ и сабельныхъ ударовъ. Самыя названія различныхъ частей русскаго вооруженія въ концѣ XV вѣка показываютъ, что оно было заимствовано отъ татаръ и другихъ восточныхъ народовъ.

Ерихонка.—Шишакъ.—Мисюрки.—Колпакъ.—Шелемы.—Шапка бумажная.

РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА.

Рюрикъ — [illegible] — [illegible]

Олегъ [illegible] **Игорь** [illegible] **Ольга.** [illegible]

Святославъ. 972.

Ярополкъ [illegible] — Олегъ. 977. — **Владиміръ Св.** 1014. (Анна ц. греческ.)

Изяславъ Полоцкій. 1001. — **Святополкъ.** 1018. — Борисъ. 1015. — Глѣбъ. 1015. — Святославъ. 1015. **Ярославъ.** 1054. — Мстиславъ и др. Тмутраканскій. 1036.

Брячиславъ. 1044. — **Всеславъ.** 1101.

Владиміръ. 1052. — **Изяславъ.** 1078. — **Святополкъ.** 1113.

Ростиславъ. 1066. — Василько. 1124. — Володарь 1124.

Владимірко Галицкій. 1153. — Ростиславъ. 1126.

Ярославъ. 1188. — Іоаннъ Берладникъ. 1161.

Владиміръ. 1198.

Святославъ Черниговскій. 1076.

Глѣбъ. 1078. — Давидъ. 1123. — Романъ. 1079. — Олегъ Черниговскій. 1115. — Ярославъ Рязанскій. 1129.

Изяславъ. 1161. — **Всеволодъ.** 1146. — **Игорь.** 1147. — Святославъ. Сѣверскій. 1166.

Святославъ. 1194. — Всеволодъ. 1215. — Михаилъ. 1246.

Игорь. 1202. — Святославъ. 1212. — Олегъ Курскій. 1228.

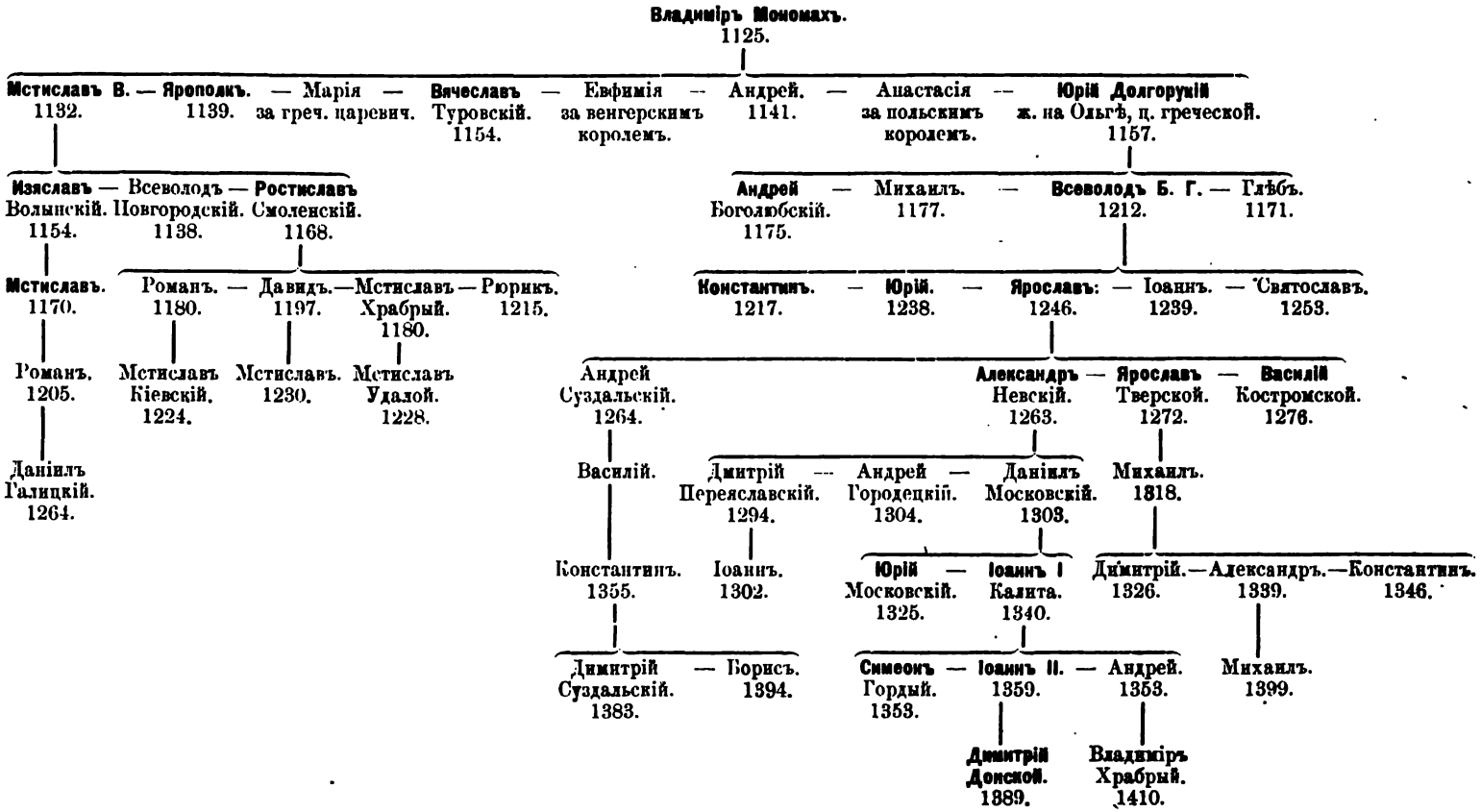
Ростиславъ. 1153

Всеволодъ. с. Анна ц. греческ. 1093. — **Владиміръ Мономахъ.**

Вячеславъ Смоленскій. 1056. — Борисъ. 1078.

Игорь Волынскій. 1060. — **Давидъ.** 1113.

РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА.



ПРИМѢЧАНІЯ КЪ РИСУНКАМЪ.

Стр. 11-я. Каменныя орудія (12 изображеній), уменьшены противъ натуральной величины въ 2—3 раза. Верхній рядъ изображеній представляетъ груботесанныя орудія, нижній—отшлифованныя и съ пробуравленными отверзтіями (см. атласъ при трудахъ 1-го археологическаго съѣзда, въ Очеркахъ Русской Исторіи П. Полеваго и въ «Матеріалахъ по исторіи русскихъ одеждъ». В. Прохорова.

Стр. 12-я. Бронзовыя и желѣзныя орудія (13 изображ.), уменьш. въ 2—3 раза. (Топоры, молоты, наконечники стрѣлъ и копій) (см. труды арх. съѣзда, Полеваго «Очерки» и Прохорова Матеріалы.

Стр. 13-я. Видъ кургана Александропольскаго (Очерки и пр. П. Полеваго).

Стр. 14-я. Каменныя бабы (истуканы) (3 изображ.). Обыкновенная величина около 2-хъ аршинъ въ вышину (у Прохорова, въ «Матеріалахъ», у Полеваго).

Стр. 16-я. Золотая ваза изъ Куль-обскаго кургана, уменьш. въ 2 раза.—Серебряная ваза изъ Чертомлыцкаго могильника (уменьш. почти въ 7 разъ) (см. у Прохорова).

Стр. 18-я. Совѣщаніе скиѳовъ.—Скиѳъ, стреножащій коня (тамъ же).

Стр. 19-я. Скиѳскіе котлы. (Полеваго. Очерки).

Стр. 31-я. Норманская ладья (см. у Погодина).

Стр. 49-я. Русскій дружинникъ X вѣка. (См. Русск. историч. одежды С. Стрекалова, а также «Историч. описс. одеждъ и вооруж. россійск. войскъ»). Рисунокъ составленъ по описанію Льва Діакона. Изъ разказовъ его о святославовыхъ воинахъ видно, что они носили *кольчужныя брони* и *шлемы*, большіе *щиты*. Какъ наступательное оружіе руссы употребляли *сѣкиры*, *мечи*, длинные *копья* и *стрѣлы*. Ни Левъ Діаконъ, ни Ибнъ-Фоцланъ, говоря о вооруженіи руссовъ, не даютъ подробнаго и точнаго описанія его, но не подлежитъ сомнѣнію, что вооруженіе древнихъ руссовъ было сходно со скандинавскимъ. А изображенія древняго скандинавскаго вооруженія, къ счастію, сохранились. Эти изображенія и дали возможность представить себѣ довольно точно форму щитовъ, шлемовъ, и остальнаго вооруженія.

Шлемы были остроконечные, съ забралами, или личинами для защиты лица; для защиты затылка и шеи къ шлему прикрѣплялась кольчужная желѣзная сѣтка.

Кольчуга имѣла видъ рубахи, длиною была иногда до колѣнъ, иногда короче. Кромѣ того, надѣвали иногда еще кольчужные штаны.

Щиты, полукруглые сверху, заострялись къ низу и были обтянуты снаружи красною кожею. *Сѣкиры и обоюдоострые мечи* были массивны и тяжелы.

Стр. 51-я. Одежда Святослава. Рисунокъ составляетъ по описанію Льва Діакона (Описаніе это приведено у насъ въ текстѣ). См. Древн. Русск. Исторія М. Погодина.

Костюмъ русскаго воина X вѣка по описанію Ибнъ-Фоцлана. Русскіе въ древности, по словамъ его, никогда не ходили безъ оружія. Обыкновенное оружіе простого человѣка (не дружинника) составляли топоръ (сѣкира), мечъ и ножъ. Вмѣсто рубахи иные въ лѣтнюю пору накидывали на плечи кусокъ грубой ткани, такъ что правой рукой можно было дѣйствовать. Несомнѣнно, что въ бою они сбрасывали эти плащи и дрались полунагіе. Обувью служили обыкновенно лапти; но на ряду съ ними употреблялась и кожанная обувь.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ РИСУНКАМЪ.

Стр. 11-я. Каменныя орудія (12 изображеній), уменьшены противъ натуральной величины въ 2—3 раза. Верхній рядъ изображеній представляетъ груботесанныя орудія, нижній—отшлифованныя и съ пробуравленными отверзтіями (см. атласъ при трудахъ 1-го археологическаго съѣзда, въ Очеркахъ Русской Исторіи П. Полеваго и въ «Матеріалахъ по исторіи русскихъ одеждъ». В. Прохорова.

Стр. 12-я. Бронзовыя и желѣзныя орудія (13 изображ.), уменьш. въ 2—3 раза. (Топоры, молоты, наконечники стрѣлъ и копій) (см. труды арх. съѣзда, Полеваго «Очерки» и Прохорова Матеріалы.

Стр. 13-я. Видъ кургана Александропольскаго (Очерки и пр. П. Полеваго).

Стр. 14-я. Каменныя бабы (истуканы) (3 изображ.). Обыкновенная величина около 2-хъ аршинъ въ вышину (у Прохорова, въ «Матеріалахъ», у Полеваго).

Стр. 16-я. Золотая ваза изъ Куль-обскаго кургана, уменьш. въ 2 раза.—Серебряная ваза изъ Чертомлыцкаго могильника (уменьш. почти въ 7 разъ) (см. у Прохорова).

Стр. 18-я. Совѣщаніе скиѳовъ.—Скиѳъ, стреножащій коня (тамъ же).

Стр. 19-я. Скиѳскіе котлы. (Полеваго. Очерки).

Стр. 31-я. Норманская ладья (см. у Погодина).

Стр. 49-я. Русскій дружинникъ X вѣка. (См. Русск. историч. одежды С. Стрекалова, а также «Историч. опис. одеждъ и вооруж. россійск. войскъ»). Рисунокъ составленъ по описанію Льва Діакона. Изъ разсказовъ его о святославовыхъ воинахъ видно, что они носили *кольчужныя брони* и *шлемы*, большіе *щиты*. Какъ наступательное оружіе руссы употребляли *сѣкиры*, *мечи*, длинные *копья* и *стрѣлы*. Ни Левъ Діаконъ, ни Ибнъ-Фоцланъ, говоря о вооруженіи руссовъ, не даютъ подробнаго и точнаго описанія его, но не подлежитъ сомнѣнію, что вооруженіе древнихъ руссовъ было сходно со скандинавскимъ. А изображенія древняго скандинавскаго вооруженія, къ счастію, сохранились. Эти изображенія и дали возможность представить себѣ довольно точно форму щитовъ, шлемовъ, и остального вооруженія.

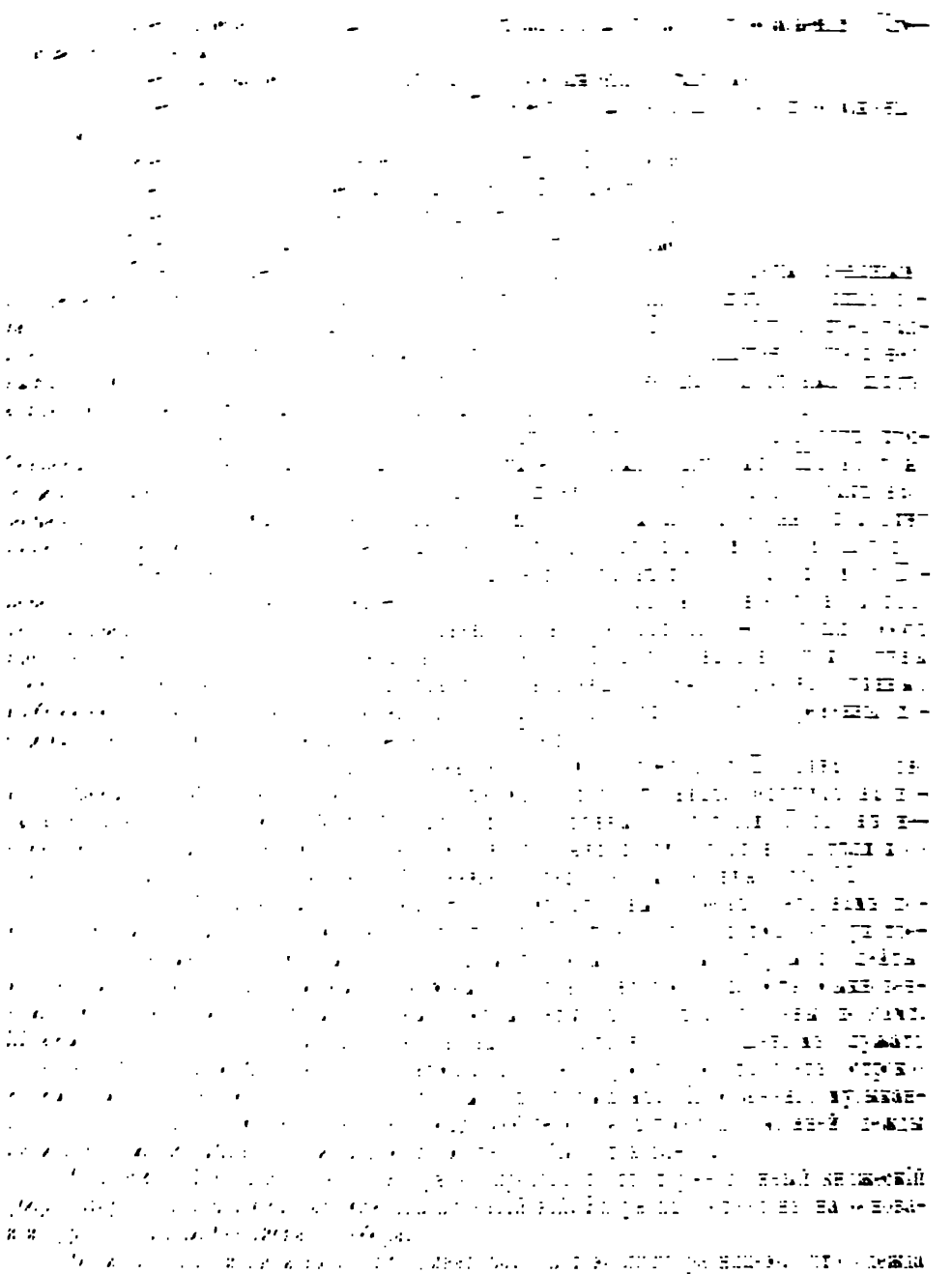
Шлемы были остроконечные, съ забралами, или личинами для защиты лица; для защиты затылка и шеи къ шлему прикрѣплялась кольчужная желѣзная сѣтка.

Кольчуга имѣла видъ рубахи, длиною была иногда до колѣнъ, иногда короче. Кромѣ того, надѣвали иногда еще кольчужные штаны.

Щиты, полукруглые сверху, заострялись къ низу и были обтянуты снаружи красною кожею. *Сѣкиры и обоюдоострые мечи* были массивны и тяжелы.

Стр. 51-я. Одежда Святослава. Рисунокъ составляетъ по описанію Льва Діакона (Описаніе это приведено у насъ въ текстѣ). См. Древн. Русск. Исторія М. Погодина.

Костюмъ русскаго воина X вѣка по описанію Ибнъ-Фоцлана. Русскіе въ древности, по словамъ его, никогда не ходили безъ оружія. Обыкновенное оружіе простого человѣка (не дружинника) составляли топоръ (сѣкира), мечъ и ножъ. Вмѣсто рубахи иные въ лѣтнюю пору накидывали на плечи кусокъ грубой ткани, такъ что правой рукой можно было дѣйствовать. Несомнѣнно, что въ бою они сбрасывали эти плащи и дрались полунагіе. Обувью служили обыкновенно лапти; но на ряду съ ними употреблялась и кожанная обувь.



чей, какъ назывались они въ старину). На головахъ у князя и княжны золотые вѣнцы, или короны, украшенныя драгоцѣнными камнями.

Одежда княгини была совершенно та же, какъ и княженъ. Разница была только въ головномъ уборѣ. Волосы княгини, какъ замужней женщины, были скрываемы подъ покрываломъ.

Одежда зажиточныхъ людей была той же формы, какъ и княжеская (за исключеніемъ княжескихъ вѣнцовъ). См. княжескаго оруженосца на стр. 78. Позади князя изображенъ его тронъ, украшенный драгоцѣнными камнями.

Стр. 83-я. Золотыя и серебряныя монеты Св. Владиміра (См. Onken. Allg. Gesch.).

Стр. 84-я. Ярославо серебро. (См. тамъ же и у Куника въ его изслѣдованіи о русско-византійскихъ монетахъ Ярослава I; у Погодина т. III). Сначала смотрѣли сомнительно на нѣсколько монетъ, относимыхъ ко времени Владиміра и Ярослава; но кладъ, найденный въ 1852 г. въ Нѣжинѣ разсѣялъ всякія сомнѣнія. Здѣсь найдено было значительное число монетъ, относящихся ко времени Владиміра, Св. Ярослава, Владиміра-Мономаха, Юрія, т. е. къ промежутку времени отъ 988 по 1157 годъ.

Стр. 86-я. Гробница Ярослава (въ Софійск. соборѣ) (см. у Полев.).

Стр. 88-я. Князь и княгиня съ дѣтьми. Рисунокъ составленъ по изображенію въ Изборникѣ Святослава. Объясненія см. ниже, къ рисунку на стр. 129.

Стр. 97-я. Русскій конный воинъ XI—XII ст. (см. Исторія одеждъ и вооруженія русск. войскъ) Шлемъ съ личиной. Шея и задняя часть головы защищена кольчугой. Кольчужный кафтанъ и штаны. Щитъ сверху круглый, книзу остроконечный. Щиты обыкновенно обтягивались кожею и окрашивались красной краской. Копье съ пропорцемъ (маленькій значекъ).

Стр. 112-я. Древніе шлемы, кольчуга, мечъ, лукъ и копье. Рисунки взяты у Стрекалова (см. л. 27) и у Погодина, см. т. III. Среднее изображеніе шлема представляетъ шлемъ, найденный въ Кіевѣ на берегу Днѣпра. Шлемъ этотъ съ длиннымъ выступомъ, представляющимъ какъ бы забрало, предохраняющее отъ ударовъ меча, можетъ быть отнесенъ къ XI, даже X вѣку (См. рисунокъ на стр. 53). Крайніе два рисунка представляютъ шлемы позднѣйшаго времени. Кольчуга относится къ XII вѣку. Найдена она въ Подольской губ. Мечъ, очевидно, очень древній, XI или даже X вѣка. Лукъ самой простой формы. Такіе луки, вѣроятно, употреблялись и въ X вѣкѣ. Сулица, особый видъ копья, съ двумя остріями, найдена въ окрестностяхъ Кіева. Эти воинскіе доспѣхи хранятся въ археографическомъ музеѣ Кіевскаго университета.

Стр. 122-я. Кіево-Печерская лавра. Зданіе представлено въ теперешнемъ видѣ (по фотографіи). Хотя зданіе перестроивалось нѣсколько разъ, но, принявъ во вниманіе, что предки наши всегда высоко чтили старину и старались, насколько возможно, ближе держаться ея, можно смѣло предположить, что новое зданіе въ общемъ видѣ близко подходитъ къ древнѣйшему.

Стр. 128-я. Образчикъ изъ Остромирова Евангелія. Это Евангеліе представляетъ древнѣйшую и одну изъ самыхъ изящныхъ нашихъ рукописей. Писано оно уставомъ, на хорошемъ пергаментѣ, крупными буквами, несоединенными между собою; нѣкоторыя заглавныя буквы, затѣйливо рисованыя, представляютъ старательную работу. Рукописи, подобныя Остромирову Евангелію, стоили очень дорого. Обыкновенно рукописи писались мельче и не такъ изящно.

Стр. 129-я. Княжеская семья (изъ Сборника Святослава). Контурный снимокъ съ рисунка въ Сборникѣ Святослава. Оригинальный рисунокъ сильно попорченъ, краски полиняли, выцвѣли; отъ одной фигуры (изображающей князя Глѣба) осталось только нѣсколько неопредѣленныхъ пятенъ. (На нашемъ контурномъ рисункѣ эта фигура вовсе и не обозначена). Не смотря на испорченность рисунка, онъ важенъ для бытовой русской исторіи, такъ какъ по нему можно все-таки ясно судить о покроѣ одежды и о цвѣтахъ ея.

На Святославѣ круглая, низкая шапка, отличная отъ шапокъ дѣтей, въ родѣ треуха. У нея, кажется, подняты вверхъ мѣховыя уши, цвѣтъ которыхъ сбивается теперь на синій. Околышъ у шапки бурый, а тулья была, вѣроятно, золотая. Свято-

славъ изображенъ съ большими усами, съ подстриженными бородою и волосами на головѣ. Епанча, или корзно Святослава Ярославича синяго цвѣта, обшитая золотымъ галуномъ, и подбитая красною тканью, застегнута на правомъ плечѣ запоной. (Покрой корзна имѣлъ видъ полукруга. Края обшивались золотымъ или серебрянымъ галуномъ или шитьемъ. Подъ корзномъ подрязникъ, родъ кафтана, синеватаго или зеленоватаго цвѣта. Подрязникъ подпоясанъ, но пояса не видать. Подолъ у него обложенъ широкою красною каймою. Сапоги востроносые изъ зеленаго хуза, или сафьяна.

Меньшой сынъ изображенъ въ настоящемъ русскомъ платьѣ. На головѣ у него шапка какъ и у всѣхъ другихъ братьевъ; тулья у нея синяго цвѣта. Кафтанъ, какъ и у прочихъ князей, одинаковаго малиноваго цвѣта. Онъ застегнутъ золотыми петлицами отъ шеи до пояса. Поясъ также золотой, нешировій; по бокамъ висятъ отъ него по два конца, ладони въ двѣ длины. Воротникъ у кафтана золотой и оканчивается на груди двумя широкими закругленными концами. У этого ворота, подлѣ шеи, видѣнъ воротъ рубашки, или сорочки. Подолъ кафтана обложенъ широкою золотою каймою.

Позади меньшого сына стоитъ княгиня Ода въ тогдашнемъ общемъ европейскомъ костюмѣ. Это одѣяніе состояло изъ платка, или фаты, обвернутой около головы. Одно лицо оставалось непокрытое. Верхнее платье состояло изъ широкаго пухого балахона, краснаго цвѣта, съ широкими и довольно длинными рукавами, въ видѣ монашеской рясы. Воротъ у этого платья обложенъ былъ особаго цвѣта широкимъ отложнымъ воротникомъ, а подолъ широкою каймою. Подъ этимъ платьемъ, подпоясаннымъ золотымъ поясомъ, была другая одежда съ узкими рукавами и съ золотыми поручами (одежда эта по формѣ подобна была священническимъ подрясникамъ). Башмаки у княгини были, кажется, парчевые или красные сафьянные, шитые золотомъ; форма ихъ круглоносая.

Другіе же взрослые сыновья Святослава и Оды представлены въ тѣхъ же самыхъ шапкахъ, платьѣ и обуви, какъ малолѣтній ихъ братъ. (См. у Погод., т. III, стр. 37).

Стр. 131-я. Пещера и гробница препод. Нестора въ Кіево-печерской лаврѣ (у Полеваго «Очерки Исторіи»).

Стр. 133-я. Планъ древняго Новгорода. (См. у Полеваго. Худож. Россія).

Изображеніе древняго Новгорода находится въ иконостасѣ, на деревянной доскѣ, подъ чудотворною иконою Знаменія Богородицы въ Новгородскомъ Знаменскомъ Соборѣ. Это изображеніе тщательной иконной живописи древняго греческаго стиля, круглое, 19 дюймовъ въ діаметрѣ. На немъ представлены приступъ къ Новгороду суздальцевъ и битва. Кремль и нѣкоторыя зданія на Софійской и Торговой сторонахъ (церкви, башни) находятся и понынѣ въ томъ же видѣ.

По этому рисунку можно хорошо судить о расположеніи стѣнъ и частей города. Что же касается расположенія домовъ, то, конечно, трудно ожидать здѣсь точности.

Стр. 137-я. Софійскій соборъ въ Новгородѣ. (Рисунокъ взятъ изъ Ист. Русск. лит. И. Полеваго). Соборъ основанъ въ 1045 г. и освященъ 1052 г. вторымъ епископомъ новгородскимъ Лукою Жидятою. Построенъ соборъ изъ дикаго камня, крупнаго и мелкаго, обтесанныхъ плитъ и кирпича разной величины и формы. Храмъ имѣетъ видъ правильнаго, почти равносторонняго четвероугольника. На восточной сторонѣ выдается шесть полукруглыхъ выступовъ. Изъ нихъ три средніе принадлежатъ главному алтарю, а остальные придѣльнымъ алтарямъ. Надъ желѣзною кровлей собора возвышаются на круглыхъ каменныхъ трибунахъ шесть большихъ главъ. Изъ нихъ 5 посрединѣ, а 6-я на юго-западной сторонѣ, надъ лѣстницею. Внутри собора стоятъ десять массивныхъ, четырегранныхъ столбовъ, на которыхъ утверждены верхніе своды съ куполомъ, 8 изъ нихъ среди собора, а два на главномъ алтарѣ. (См. у Погодина, т. III, стр. 29).

Зданіе Софійскаго собора подвергалось сильнымъ измѣненіямъ.

Стр. 139-я. Старо-Ладожская крѣпость. (См. у Прохорова). «Староладожская крѣпость поставлена на лѣвомъ берегу Волхова, при впаденіи рѣчки Ладожки, гдѣ образуется довольно возвышенный мысъ. Внутренность крѣпости имѣетъ въ длину около 62 саженей, а въ ширину почти половину; она представляетъ форму утюга. Стѣна

изъ большихъ булыжныхъ камней, и плитъ съ дубовыми связями, которыя и теперь еще видны по угламъ въ полуразвалившихся круглыхъ башняхъ, съ узкими, продолговатыми отверстіями для метанія стрѣлъ. Подъ стѣнами идутъ тайные ходы, или тайники, обложенные тесанной плитой съ полукруглыми сводами. Въ опустѣлой, заросшей травой крѣпости находятся двѣ церкви, каменная св. Георгія и деревянная св. великомученика Димитрія и изба сторожа».

Построена эта крѣпость, по соображенію Погодина, посадникомъ Павломъ въ 1116 г. (См. Погодина, т. III, стр. 43).

Стр. 145-я. Старинная церковь св. Георгія въ Старой Ладогѣ. (См. Христіанскія древности, В. Прохорова).

Каменная церковь построена въ XII вѣкѣ во имя св. великомученика Георгія. Церковь эта представляетъ одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ нашего зодчества. Зданіе это, представляющее храмъ въ простѣйшей формѣ, претерпѣло нѣсколько измѣненій.

Въ древнихъ русскихъ церквахъ окна дѣлались очень узкія, длинныя, и притомъ очень высоко отъ фундамента. Впослѣдствіи эти окна задѣлывались, а вмѣсто нихъ пробивались окна ниже и притомъ болѣе широкія. Древніе церковные куполы представляли видъ полушара. И окна, и куполъ церкви св. Георгія новѣйшіе; но стѣны остались старинныя. На этихъ стѣнахъ уцѣлѣли древнія фрески, весьма важныя для исторіи иконописи.

На этомъ же рисункѣ изображена маленькая деревянная церковь во имя св. Димитрія. Хотя постройка эта, конечно, не древняя; но, думаемъ, она можетъ служить хорошимъ образцомъ того, какъ строились и въ древности у насъ самыя простыя церкви въ бѣдныхъ городахъ и селахъ. Одинъ срубъ, большій, составляетъ среднюю часть церкви, другой, меньшій — алтарь, третій — переднюю часть церкви (сѣни). Небольшой куполъ съ крестомъ на среднемъ срубѣ показываетъ издали назначеніе постройки.

Стр. 146-я. Ярославъ Всеволодовичъ (фресковое изображеніе, XII ст.) въ Спасо-Нередицкой церкви въ Новгородѣ, — драгоцѣнное для исторіи одеждъ. Строители храмовъ изображались обыкновенно съ церковью въ рукѣ (см. у Прохорова).

Стр. 147-я. Гривенка кіевская, гривенка новгородская, рубль псковской и рубль новоторжскій. (См. у Шодуара).

Стр. 148-я. Юрьевскій монастырь близъ Новгорода. (Полевой. Худож. Россія).

Стр. 150-я. Успенскій соборъ во Владимірѣ (у Полеваго «Очерки исторіи»).

Стр. 152-я. Золотыя ворота во Владимірѣ (тамъ же).

Стр. 153-я. Изображенія на иконѣ (Полеваго Худож. Россія).

Стр. 157-я. Входъ на лѣстницу, гдѣ былъ убитъ в. к. Андрей. (Полев. Очерки).

Стр. 158-я. Остатки дворца Андрея въ Боголюбовѣ. (См. у Погодина, т. III, стр. 40). Великокняжеская горница и сѣни Боголюбовѣ (обстоятельное описаніе см. въ сочиненіи г. Доброхотова). (См. у Полеваго. Очерки).

Это, по мнѣнію г. Доброхотова, придворная комната, пристроенная къ сѣверной стѣнкѣ Рождественской церкви, ведшая во храмъ и извѣстная подъ именемъ молельни и сѣни, гдѣ кончилъ свою жизнь вел. кн. Андрей.

Матеріалъ стѣнъ комнаты у сѣней — бѣлый известковаго свойства камень. Длина всего зданія съ наружной стороны 5 саж. и 1 арш., а ширина 2 саж., 1 арш. и 2 верш. Внутри сѣней, подлѣ сѣверо-восточнаго угла видѣнъ задѣланный бѣлыми же камнями выходъ на сѣверную сторону. «Это говоритъ г. Доброхотовъ, — безъ сомнѣнія, дверь, которая вела въ княжескіе покои... далѣе же долженъ былъ находиться уже самый княжій домъ, основанія котораго, какъ говорятъ, видны были при копаніи рвовъ для фундамента зданія новыхъ монастырскихъ келій. И такъ, домъ княжій не существуетъ и слѣдовательно уже нѣтъ той комнаты, куда вломились Кучковичи и ихъ соумышленники и гдѣ изранили безоружнаго князя.

Стр. 160-я. Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ. (У Прохорова, Христіанскія древности). «Основанъ великимъ княземъ Всеволодомъ въ 1197 году. Это одна изъ самыхъ замѣчательныхъ владимірскихъ церквей какъ по своимъ оригинальнымъ наруж-

ВЪ ПОМОЩЬ УЧАЩИМСЯ.

РОДНАЯ СТАРИНА.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ И КАРТИНАХЪ.

(съ XIV до XVI ст.)

СОСТАВИЛЪ

В. Д. Сиповскій.

(второе дополненное изданіе).

125 политипажныхъ изображеній въ текстѣ и два рисунка на отдѣльныхъ листахъ.

Изданіе Д. Д. Полубояринова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Бол. Подъяческая, № 39.
1885.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 18 октября 1884 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Въ виду того, что мы избѣгали въ текстѣ всякихъ ссылокъ и подстрочныхъ примѣчаній, затрудняющихъ чтеніе, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, чѣмъ руководились мы при составленіи этого выпуска. Источниками служили Полн. собраніе русскихъ лѣтописей, Сказанія кн. Курбскаго, библіотека иностранныхъ писателей о Россіи, Записки о Московіи, Герберштейна, Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ: Московская лѣтопись Бера (Буссау), Записки Маржерета, дневникъ Маскевича и друг.; главнѣйшими пособіями — «Исторія Россіи» Соловьева и «Историческія монографіи» Костомарова. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ обращались мы къ Карамзину, особенно къ примѣчаніямъ его. По вопросамъ о государственномъ устройствѣ и законодательствѣ руководились мы преимущественно сочиненіями Бѣляева: «Лекціи по исторіи законодательства» и «Крестьяне на Руси». Другихъ монографій и отдѣльныхъ статей, какими приходилось намъ пользоваться по разнымъ частнымъ вопросамъ, не считаемъ нужнымъ перечислять здѣсь. Въ спорныхъ вопросахъ (напримѣръ, о личности перваго самозванца) придерживались мы взглядовъ Соловьева.

Нѣкоторые изъ очерковъ нашей книги написаны на основаніи указанныхъ пособій; но большая часть разсказовъ составлена по источникамъ, которые нерѣдко гораздо живѣе и картиннѣе представляютъ событія, чѣмъ научныя сочиненія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда это нисколько не нарушало научной истины и было удобно въ педагогическомъ отношеніи, мы передавали почти дословно разсказъ источника, напримѣръ, «Паденіе Пскова» (Псковская лѣтопись); иногда составляли по нѣсколькимъ источникамъ, напримѣръ, «Покореніе Казани» (Царственная книга и Сказанія Курбскаго), или разсказывали своими словами содержаніе источника, приводили дословно только болѣе характерныя мѣста;—такъ изложены статьи: «Московія XVI ст. по разсказамъ иноземцевъ (преимущественно по Герберштейну), статьи о Грозномъ (Лѣтописи и Сказанія Курбскаго), Домострой, статьи о смутномъ времени. Отдавая предпочтеніе фактамъ внутренней жизни предъ событіями внѣшними, мы старались по возможности по-

хорошо познакомить читателей съ такими памятниками, какъ Домострой и Переписка Грознаго съ Курбскимъ, и отвели не мало мѣста вопросамъ церковной исторіи, въ виду того, что въ домостроевскую эпоху умственныя и нравственныя силы русскихъ людей почти исключительно сосредоточивались на церкви и религіи.

Считаемъ нужнымъ напомнить, что главною цѣлью нашей было не столько написать занимательные разсказы по русской исторіи для чтенія юношества, сколько дать полезное пособіе, которое облегчило бы знакомство съ отечественной исторіей. Двѣнадцатилѣтняя учительская практика въ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ убѣдила насъ въ необходимости такой книги, которая при общедоступномъ изложеніи по возможности ярче и живѣе представляла бы событія, лица и внутреннюю жизнь нашихъ предковъ, — словомъ всю родную старину, и которая могла бы послужить переходною ступенью отъ учебника и уроковъ учителя къ научнымъ сочиненіямъ по русской исторіи. Сообразно съ этой цѣлью мы не опускали ни одного вопроса, затронутаго учебниками и старались даже не нарушать общепринятыхъ въ нихъ рубрикъ, располагали разсказы по княженіямъ.

Нашъ трудъ въ законченномъ его видѣ представитъ довольно полный альбомъ рисунковъ, изображающихъ бытовую сторону нашей исторіи. Всѣ рисунки, представляющіе эту сторону (изображенія зданій, одежды, оружія, монетъ) заимствованы нами изъ сочиненій, имѣющихъ научное значеніе. Нѣкоторые рисунки по нашему порученію сдѣланы художникомъ П. И. Антоновымъ (снимки въ уменьшенномъ видѣ съ рисунковъ Герберштейна, Олеарія и др.). Имъ же скомпанованы нѣкоторыя группы фигуръ для представленія различныхъ видовъ одежды и вооруженія (по Исторіи одежды и вооруженія русскаго войска и альбому Савваитова). Рисунковъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ задачѣ книги и служащихъ для украшенія ея, въ этомъ выпускѣ три: 1) Иванъ III и ханскіе послы (съ рисунка К. Маковскаго, въ «Нивѣ»). 2) Грозный и Сильвестръ (съ картины Плѣшанова) и 3) Грозный царь (по фотографіи со статуи Антокольскаго).

КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Во второмъ изданіи, напечатанномъ нѣсколько компактнѣе перваго, сдѣланы небольшія измѣненія и дополненія въ текстѣ, но число политипажей значительно увеличено: къ прежнимъ 78 прибавлено 47 новыхъ.

В. С.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Московское самодержавіе . . . . . 1—114

Княженіе Василія Димитріевича. Усиленіе Москвы. 1 — Нашествія Тамерлана и Эдигея. 3.—Литва. 7.

Княженіе Василія II. (Темнаго). Усобицы между московскими князьями. 11—Флорентійскій соборъ. 19.—Паденіе Константинополя. 23.

Княженіе Ивана III. Паденіе Новгорода. 26.—Софія Палеологъ. 37.—Конецъ татарскаго ига. 44.—Уничтоженіе удѣловъ. 49.—Борьба съ Литвою. 51.—Церковныя смуты. 56.—Внутреннія дѣла. 65.

Княженіе Василія III. Новые порядки въ Москвѣ. 74.—Паденіе Пскова и другихъ удѣловъ 75.—Войны съ Литвою и татарами 81.—Церковныя дѣла. 86.—Семейныя дѣла и смерть великаго князя. 88.

Московія XV—XVI ст. по разсказамъ иноземцевъ. Страна. 91.—Пріемъ пословъ. (Встрѣча на границѣ. Пріемъ въ Москвѣ. Послы на государевомъ обѣдѣ. На охотѣ). 93.—Власть государя. 100 — Военное дѣло. 101.—Нравы и обычаи. 106.—Городъ Москва. 109.—Промышленность и торговля 111.

II. Грозный царь . . . . . 115—213

Царствованіе Ивана IV. Правленіе Елены и бояръ. 115.—Дѣтство царя Ивана 118.—Вѣнчаніе на царство Ивана IV и первые годы его царствованія. 120.—Судъ и управленіе. 123.—Стоглавъ. 125 — Домострой. 128.—Покореніе Казани и Астрахани 136.—Книгопечатаніе въ Москвѣ.—148.—Войны со Швеціей и Ливоніей 151.—Удаленіе Сильвестра и Адашева. 154.—Измѣна Курбскаго и переписка его съ царемъ. 161.—Посланіе Курбскаго. 163.—Посланіе царя. 164.—Александровская слобода и опричники. 172.—Митрополитъ Филиппъ 178.—Разгромъ Новгорода и московскія казни. 183.—Войны съ сосѣдями. 188.—Антоній Поссевинъ. 198.—Покореніе Сибири. 200.—Послѣдніе годы царствованія Грознаго. 206.

III. Царь Ѳеодоръ и Борисъ Годуновъ . . . . . 214—262

Царствованіе Ѳеодора Ивановича. Боярскія смуты. 214.—Домашняя жизнь царя. 217.—Войны и сношенія съ сосѣдями. 219.—Учрежденіе патріаршества. 223.—Убіеніе царевича Димитрія. 225.—Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ. 229.—Избраніе Бориса Годунова на престолъ. 235.

Царствованіе царя Бориса. 239.—Русскіе нравы и обычаи по разсказамъ иностранцевъ. 244.—Начало смутъ въ царствованіе Бориса. 251.—Лжедимитрій I. 256.

IV. Смутное время . . . . . 263—337

Царь Ѳеодоръ Борисовичъ. Измѣна Басманова и гибель Годунова. 263.

Царствованіе Лжедимитрія I. 267.—Смерть Лжедимитрія I. 274.

Полуцарь. 278.—Возстанія противъ Василія. 280.—Тушинскій воръ. 284.—Осада Троицкой лавры. 288.—Разореніе земли тушинцами. 292.—Скопинъ-Шуйскій. 294.—Сведеніе съ престола Василія Ивановича. 298.

Междуцарствіе. Поляки въ Москвѣ. 301.—Московскіе послы подъ Смоленскомъ. 304.—Патріархъ Гермогенъ. 305.—Народное движеніе противъ поляковъ. 308.—Страстная недѣля 1611 г. въ Москвѣ. 310—Русское ополченіе подъ Москвою. 314.—Взятіе Смоленска поляками. 318.—Лихолѣтье. 321.—Мининъ и Пожарскій. 323.—Освобожденіе Москвы и избраніе царя. 328.

Примѣчанія къ рисункамъ.

Недосмотры и опечатки.

Московскій Кремль.

I.

Московское самодержавіе.

Княженіе Василія I (1389—1425).

Усиленіе Москвы.

Съ начала XIV вѣка Московская область все росла да росла. Какъ истые скопидомы, ничѣмъ не пренебрегая, ничего не упуская изъ виду, сколачивають себѣ мало по малу достатокъ,—такъ трудились и московскіе князья надъ собираніемъ русской земли. Казалось, они думали только о себѣ, только и старались примыслить себѣ всякими способами,—правдой и неправдой, новые города и земли, привлечь населеніе и забрать мало по малу всѣхъ русскихъ князей въ свои руки. Быть можетъ, московскіе князья сначала и сами только и думали о своихъ выгодахъ; но тѣмъ не менѣе въ ихъ рукахъ совершалось великое дѣло—собираніе русскихъ силъ въ одно цѣлое. Дѣло это стало всенароднымъ,—потому такъ и шло успѣшно. Въ Московской области лучше, чѣмъ гдѣ либо въ иномъ мѣстѣ на Руси, жилось мирному, промышленному люду, больше было тишины и порядку; въ московскихъ князьяхъ народъ привыкъ видѣть хорошихъ, домовитыхъ и разсчетливыхъ хозяевъ, которые себя не забывали, но и рабочихъ не тѣснили,—и потому всѣ, кому дорога была мирная, трудовая жизнь, кому ненавистны были вѣчные раздоры и усобицы мелкихъ удѣльныхъ князей, навлекшіе столько бѣдъ на русскую землю,—словомъ всѣ болѣе здоровыя русскія силы тянули къ Москвѣ и охотно отдавались подъ

[illegible]

„Не [illegible] мы тебѣ вѣрны, готовы за тебя [illegible]" [illegible] Борису старшій изъ его бояръ— Василій Р[illegible] а самъ уже велъ тайные переговоры съ Василіемъ Дмитріевичемъ [illegible] московская [illegible] людей и бояръ!

Возвращаясь изъ Орды, Василій отправилъ впередъ въ Нижній ханскаго посла со своими боярами. Борисъ хотѣлъ затворить предъ ними городскія ворота и не впускать ихъ въ городъ.

„Господинъ князь, сталъ его уговаривать Румянецъ,—посолъ ханскій и московскіе бояре ѣдутъ сюда, чтобы скрѣпить съ тобою миръ и любовь, а ты ищешь вражды. Впусти ихъ въ городъ. Что они тебѣ сдѣлаютъ?—мы всѣ съ тобою".

Въѣхали бояре московскіе въ городъ, и тотчасъ приказали ударить въ колокола. Собрался народъ. Ему громогласно было объявлено, что съ этой поры Нижній принадлежитъ московскому великому князю.

Озадаченный Борисъ поспѣшно сзываетъ своихъ бояръ.

„Господа мои и братья, милая дружина, умоляетъ онъ, вспомните крестное цѣлованіе ваше, не выдавайте меня врагамъ!"

Напрасны были мольбы...

„Не надѣйся на насъ, сказалъ измѣнникъ Румянецъ,—мы уже не твои и не съ тобою, а на тебя!"

Нашлось и кромѣ Румянца много доброхотовъ Москвы. Бориса схватили. Народъ тоже, какъ видно, не прочь былъ подчиниться великому князю. Скоро онъ [illegible]алъ въ Нижній и посадилъ здѣсь своего намѣстника.

а князя Бориса, жену его, дѣтей и доброхотовъ его велѣлъ разослать по разнымъ городамъ и держать подъ стражей, въ оковахъ.

Такъ примыслилъ себѣ Василій Дмитріевичъ Нижній-Новгородъ; по тому же ярлыку пріобрѣлъ онъ Городецъ, Муромъ, Мещеру и Тарусу.

Дѣло не обошлось, впрочемъ, безъ борьбы: племянники Бориса и сыновья его добивались своей отчины, вербовали себѣ шайки бродячихъ татаръ и нападали на московскія владѣнія. Это была уже не война, а просто разбойничьи внезапные набѣги.

Хищники-татары безпощадно опустошили русскія земли, творили всюду страшныя звѣрства. Такъ, напримѣръ, разсказываютъ о такомъ случаѣ: въ 1411 г. татары и дружина Даніила Борисовича подкрались къ городу Владиміру въ ту пору, когда всѣ жители спали,—захватили городское стадо, взяли посады и сожгли ихъ, множество людей избили. Въ соборной церкви заперся священникъ. Онъ собралъ сколько могъ драгоцѣнныхъ церковныхъ вещей, спряталъ все это въ церкви, скрылъ здѣсь и нѣсколькихъ человѣкъ, а самъ сталъ со слезами молиться предъ образомъ Богородицы. Татары прискакали къ церкви, стали кричать, чтобы ее отперли. Священникъ стоялъ неподвижно и молился... Татары разбили дверь, ворвались въ соборъ, содрали ризы съ иконъ, ограбили всю церковь, а священника стали пытать, добиваясь, гдѣ у него спрятаны казна и люди: ставили его на раскаленную сковороду, втыкали щепы подъ ногти, кожу сдирали,—священникъ не вымолвилъ ни слова! Тогда привязали его за ноги къ лошадиному хвосту, и несчастный погибъ мученической смертью. Весь городъ послѣ этого былъ пожженъ и разграбленъ; жителей толпами погнали въ плѣнъ. Всего награбленнаго татары взять съ собою не могли; чего не смогли унести, скадывали въ кучи и жгли; деньги дѣлили между собой мѣрками. Колокола отъ пожару растопились. Городъ и окрестности наполнились трупами.

Отъ такихъ внезапныхъ разбойничьихъ набѣговъ татаръ обороняться было очень трудно, и долго еще Русская земля страдала отъ нихъ.

Попытался было Василій Димитріевичъ завладѣть Двинскими землями, принадлежавшими Новгороду; но это не удалось ему. За то Псковъ онъ прибралъ къ рукамъ: псковитяне стали съ этой поры принимать къ себѣ князей по указанію великаго князя московскаго. Въ Тверской области въ это время начались смуты и усобицы между родичами, мелкими удѣльными князьями. Василій Димитріевичъ не преминулъ бы, конечно, воспользоваться этимъ и подчинить себѣ Тверскую область; но въ ту пору ему было не до того.

Нашествія Тамерлана и Эдигея.

Въ то время, когда Кипчацкая орда къ радости русскихъ слабѣла и разлагалась, страшная гроза чуть не обрушилась снова на Русскую землю. Въ Средней Азіи явился новый могучій завоеватель, подобный Чингисхану, страшный своею силою и жестокостью. Это былъ Тимуръ, или Тамерланъ. Этотъ новый „владыка міра“, какъ называли его, сплотивъ въ одно цѣлое разрозненныя орды татаръ, привелъ въ трепетъ всю Азію. Всѣ земли отъ Аральскаго моря

до Персидскаго залива, отъ Кавказскихъ горъ до Пустынной Аравіи подпали скоро власти Тимура.

— „Друзья и сподвижники!—говорилъ онъ своимъ эмирамъ, собираясь напасть на Индію,—счастіе, благопріятствуя мнѣ, призываетъ насъ къ новымъ побѣдамъ. Мое имя привело въ ужасъ вселенную; движеніемъ перста потрясаю землю. Царства Индіи для насъ открыты. Сокрушу все, что дерзнетъ мнѣ противиться!“

Страшная сила Тимуровой орды давила все, что встрѣчалось на пути. Могучій турецкій султанъ Баязетъ попробовалъ было сдержать завоевательное стремленіе этого „владыки міра“ и былъ раздавленъ его силою на Ангорскихъ поляхъ. На мѣстахъ побоищъ Тимуръ приказывалъ складывать горы изъ череповъ истребленныхъ имъ людей. Лучшаго памятника его страшнымъ дѣламъ и не выдумать!

Съ этимъ-то ужаснымъ „истребителемъ людей“, держащимъ, по его словамъ, судьбу въ своихъ рукахъ, отважился бороться ханъ Кипчацкой орды—Тохтамышъ. Въ 1395 году на берегахъ Терека Тохтамышъ былъ разбитъ и долженъ былъ бѣжать. Тимуръ перешелъ Волгу и вступилъ въ наши юго-восточные предѣлы... Вѣсть объ этомъ поразила ужасомъ всю Русскую землю. Молва о несмѣтныхъ полкахъ Тимура, о его свирѣпости и постоянныхъ побѣдахъ широко и быстро разносилась въ народѣ и ужасала всѣхъ.

Великій князь однако не потерялся: онъ немедля велѣлъ собираться войску, и во главѣ многочисленной рати сталъ на берегу Оки, на границѣ своихъ владѣній, готовый встрѣтить врага. Эта рѣшимость князя ободрила народъ. Для того, чтобы поднять духъ испуганныхъ москвичей, великій князь приказалъ перенести изъ Владиміра чудотворную икону Богоматери, привезенную туда Андреемъ Боголюбскимъ. Въ то самое время, когда митрополитъ, духовенство, намѣстникъ великаго князя въ Москвѣ, князь Владиміръ Андреевичъ Храбрый и толпа народа встрѣчали икону, Тимуръ, дошедъ до города Ельца и разоривъ его, двинулся со своимъ полчищемъ обратно въ Азію. Наступала уже осень съ ея непогодами, да при томъ Тимура не могли особенно привлекать бѣдные сѣверные края... Вздохнулъ свободно русскій народъ; спасеніе отъ страшнаго погрома онъ видѣлъ въ небесной помощи. Церковь наша установила праздникъ Срѣтенія Богоматери, 26-го августа. Съ этого времени образъ этотъ остался въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ.

Золотая Орда послѣ погрома казалась совсѣмъ неопасною великому князю. Онъ по совѣту молодыхъ бояръ сталъ дѣйствовать рѣшительнѣе. Нѣсколько хановъ смѣнилось въ Ордѣ, а Василій и не думалъ ѣхать на поклонъ, даже и посольства не посылалъ. Когда требовали отъ него дани, онъ оттоваривался тѣмъ, что земля его такъ оскудѣла людьми, что и дань не съ кого брать; а между тѣмъ дань эта собиралась, но шла въ казну великокняжескую. Надъ послами ханскими и гостями ордынскими стали уже посмѣиваться въ Москвѣ.

Въ то время въ Ордѣ завѣдывалъ всѣми дѣлами князь Эдигей. Терпѣлъ онъ долго пренебреженіе Москвы, наконецъ рѣшился напомнить московскому князю о себѣ. Но уже смѣлости напасть явно на Москву у татаръ не было. Эдигей далъ знать въ 1408 г. Василію, что ханъ со всею ордою хочетъ ударить

на Литву, а самъ внезапно, къ ужасу москвичей, устремился съ огромными силами къ Москвѣ. Застигнутый врасплохъ Василій не успѣлъ изготовиться къ отпору. Онъ оставилъ своего дядю Владиміра Андреевича Храбраго и братьевъ защищать столицу, а самъ удалился въ Кострому: онъ надѣялся, что Москва, съ ея крѣпкими стѣнами и пушками, продержится долго, а тѣмъ временемъ ему удастся собрать войско. Владиміръ Андреевичъ сжегъ посады вокругъ Кремля, чтобы не дать прикрытія татарамъ, и изготовился къ бою. Татары въ концѣ ноября осадили Кремль; но приступы дѣлать опасались. Между тѣмъ татарскія шайки разсыпались по областямъ великокняжескимъ; начались обычные ужасы опустошенія: города и села татары выжигали, церкви и монастыри грабили, попавшихся въ плѣнъ убивали, или угоняли толпами въ неволю. Но Москвы

Образъ Владимірской Божіей Матери.

взять не удалось Эдигею. Онъ окружилъ ее и думалъ заморить защитниковъ голодомъ. Къ счастію русскихъ, въ Ордѣ въ это время случилась бѣда: какой-то татарскій царевичъ напалъ на хана, и онъ звалъ къ себѣ Эдигея какъ можно скорѣе на помощь. Три недѣли уже Москва была въ осадѣ; уже хлѣбные запасы стали истощаться, и защитники начали опасаться голода, какъ вдругъ Эдигей предложилъ снять осаду, если ему дадутъ окупъ. Осажденные съ радостью уплатили три тысячи рублей, и татарскія полчища отступили отъ Москвы. Вся Русская земля послѣ набѣга Эдигея отъ Дона до Бѣлоозера была страшно разорена; цѣлыя области запустѣли. Кто избавился отъ смерти самъ, — тому пришлось оплакивать смерть близкихъ людей и гибель своего имущества.

Уходя изъ русскихъ владѣній, Эдигей отправилъ великому князю слѣдующее письмо:

„Великій ханъ послалъ меня къ тебѣ съ войскомъ, узнавъ, что дѣти Тохтамышевы (враги хана) нашли убѣжище въ твоей землѣ. Вѣдаемъ, что происходитъ въ областяхъ московскихъ: вы ругаетесь не только надъ купцами нашими, не только всячески тѣсните ихъ, но и самихъ пословъ ханскихъ поднимаете на смѣхъ. Такъ ли водилось прежде? Спроси у старцевъ. Русская земля была нашимъ вѣрнымъ улусомъ: держала страхъ, платила дань, чтила пословъ и гостей ордынскихъ. Ты не хочешь знать этого, и что же дѣлаешь? Когда Тимуръ (Кутлукъ) сѣлъ на царство, ты не видалъ его въ глаза, не прислалъ къ нему ни князя, ни боярина. Минуло царство Тимурово; Шадибекъ 8 лѣтъ властвовалъ; ты не былъ у него! Нынѣ царствуетъ Булатъ уже третій годъ; ты, старѣйшій князь въ русскомъ улусѣ, не являешься въ орду! Всѣ дѣла твои не добрыя. Были у васъ нравы и дѣла добрые, когда жилъ бояринъ Ѳеодоръ Кошка и напоминалъ тебѣ о ханскихъ благотвореніяхъ. Нынѣ недостойный его сынъ Иванъ—казначей и другъ тебѣ: что скажетъ, тому и вѣришь, а думы старцевъ земскихъ не слушаешь. Что же вышло?—разореніе твоему улусу. Хочешь ли княжить мирно? Призови въ совѣтъ старѣйшихъ добрыхъ бояръ, пришли къ намъ одного изъ нихъ съ древними оброками, какіе вы платили царю Чанибеку, чтобы не погибла въ конецъ твоя держава. Все писанное тобою къ ханамъ о бѣдности русскаго народа—ложь: мы нынѣ сами видѣли твой улусъ и узнали, что ты собираешь въ немъ по рублю съ двухъ сохъ: куда же идетъ серебро? Земля Русская осталась бы цѣла и невредима, когда бы ты исправно платилъ ханскую дань; а нынѣ бѣгаешь какъ рабъ! размысли и научись!“

Изъ укоровъ и жалобъ этого письма видно, какъ сильно уже измѣнились отношенія московскаго князя къ Ордѣ.

Много еще бѣды русскимъ могли причинять нападенія татаръ; но уже ясно было видно, что владычеству ихъ надъ окрѣпшей Русской землей приходитъ конецъ. Внезапныя нападенія татаръ начинали походить все больше и больше на разбойничьи набѣги, а дань княжеская обращалась въ подачку татарамъ, чтобы откупиться отъ ихъ разорительныхъ набѣговъ.

Литва.

Опаснѣе Орды для Москвы становилась Литва.

Въ то время, какъ на русскомъ сѣверо-востокѣ московскіе князья трудились надъ собираніемъ Русской земли, по сосѣдству съ ними на западѣ нашлись такіе же охотники заниматься этимъ дѣломъ. То были литовскіе князя. Уже Гедимину (1320—1345 г.) удалось забрать въ свои руки весь правый берегъ Днѣпра со всѣми русскими землями; онъ даже сталъ именоваться литовскимъ и русскимъ княземъ. Литовскіе князья захватывали русскія земли и силою оружія, и путемъ брака: они женились на русскихъ княжнахъ и такимъ образомъ получали нѣкоторыя права на русскія области. Южно-русскія слабыя княжества не могли держаться самостоятельно между Ордою и Литвою. Русскому на-

роду подъ властью первыхъ литовскихъ князей было хорошо: православной вѣры они не тѣснили, нравамъ и обычаямъ русскимъ не мѣшали, а между тѣмъ народъ находилъ крѣпкую охрану отъ татарскихъ насилій. Понятно, почему Кіевъ, Черниговъ, Волынь охотно подчинились литовскимъ князьямъ. Изъ юго-западныхъ русскихъ земель только Галицкая область не вошла въ составъ Литовскаго княжества: она попала въ половинѣ XIV столѣтія въ руки польскаго короля.—Сынъ Гедимина Ольгердъ довершилъ дѣло отца, вытѣснилъ поляковъ изъ Волыни, которою они было завладѣли, разбилъ три татарскія орды, опустошавшія южно-русскія земли, и закрѣпилъ эти владѣнія за Литвою. Мало того. Женатый на тверской княжнѣ, онъ сталъ вмѣшиваться въ борьбу Твери съ Москвою, старался ослабить Москву и завладѣть сосѣдними русскими землями. Ему удалось захватить нѣсколько городовъ и областей (Брянскъ, Бѣлый, Мстиславль и Ржевъ). Такимъ образомъ онъ раздвинулъ владѣнія свои на сѣверо-востокѣ до рѣки Угры.

Теперь Литовское княжество вѣрнѣе было бы назвать Западно-русскимъ государствомъ: область рѣки Нѣмана, заселенная литовскимъ племенемъ, была лишь незначительною долею владѣній литовскихъ князей; остальныя земли ихъ были заняты русскимъ православнымъ населеніемъ.—Въ сумракѣ литовскихъ лѣсовъ совершались еще языческія богослуженія; предъ идоломъ Перкуна, бога грома и молніи, неугасимо пылалъ священный огонь; жрецы—вайделоты предсказывали будущее и держали въ рукахъ суевѣрный народъ. Съ трудомъ сюда проникало христіанское ученіе; но все же со времени завоеванія западно-русскихъ земель православная вѣра стала распространяться въ Литвѣ. Въ столицѣ литовскихъ князей—Вильнѣ при Ольгердѣ было уже нѣсколько православныхъ церквей. Породнившись съ русскими князьями, литовскіе князья стали все больше и больше склоняться къ христіанству; многіе изъ потомковъ Гедимина уже были христіанами. Думаютъ, что Ольгердъ принялъ также православіе и что сынъ его—Ягелло былъ воспитанъ своею русской матерью въ православной вѣрѣ. Не только вѣра, но и нравы русскіе, обычаи и языкъ, стали сильно распространяться въ Литвѣ. Если бы дѣло такъ шло и дальше, то смѣнилось бы два-три поколѣнія,—и литовское племя совершенно обрусѣло бы и слилось бы вполнѣ въ одинъ народъ съ русскими. Уже на князей литовскихъ, православныхъ, говорившихъ по-русски, породнившихся съ домомъ Св. Владиміра, начинали смотрѣть и въ другихъ русскихъ областяхъ какъ на русскихъ князей. Новгородъ, Псковъ, Тверь и др. русскія земли, вступая въ союзъ съ литовскими князьями или признавая ихъ власть надъ собою, вовсе не думали, что они измѣнаютъ русскому дѣлу и подчиняются иноземной силѣ. На борьбу литовскихъ князей съ московскими можно смотрѣть, какъ на споръ потомковъ Гедимина съ потомками Калиты за владычество надъ всей Русской землей. Тѣ или другіе взяли бы верхъ,—все-таки обѣ части Русской земли, западная и восточная, соединились бы въ одно цѣлое; но случилось обстоятельство, которое надолго помѣшало этому соединенію: великій князь литовскій Ягелло, сынъ Ольгерда, вступилъ на польскій престолъ, и Литва на время соединяется съ Польшей.

Польское государство возникло почти въ то же время, какъ и русское. Поляки по своему славянскому происхожденію—родные братья русскимъ и по

нравамъ, и по языку своему мало отличались отъ нихъ; но во второй половинѣ X вѣка поляки принимаютъ христіанство отъ западныхъ латинскихъ проповѣдниковъ, и съ XI вѣка мало по малу ростетъ рознь. Латинское духовенство и глава его римскій папа не довольствовались церковной властью, какъ православное духовенство, а старались забрать въ свои руки и мірскія дѣла. Папы сильно враждовали съ византійскими патріархами, стоявшими во главѣ восточной православной церкви, и старались подчинить ее себѣ. Вражда къ православнымъ отъ католическаго духовенства переходитъ и къ мірянамъ.

Страдала Польша подобно Руси отъ удѣльныхъ усобицъ и смутъ; но кромѣ того, здѣсь, по примѣру сосѣднихъ германскихъ странъ, образовалось сильное боярское сословіе. Польскіе магнаты (бояре), владѣя большими помѣстьями, хотѣли въ своихъ имѣніяхъ господствовать независимо и, наконецъ, присвоили себѣ право выбирать на польскій престолъ королей. Духовенство старалось забрать себѣ побольше власти въ руки; магнаты добивались того же; король не имѣлъ ни большой власти, ни такой силы, какъ литовскіе князья. Торговля и промышленность попали въ руки нѣмцевъ, поселившихся въ Польшѣ, а потомъ торговля перешла къ евреямъ: тѣ и другіе больше всего заботились о своихъ выгодахъ, до пользы народа и государства, чужаго для нихъ, имъ не было дѣла. Понятно отсюда, почему въ Польшѣ все шло врозь. Въ то же время папа старался чрезъ свое духовенство заправлять ея дѣлами, а германскій императоръ — подчинить ее своей власти...

Въ половинѣ XIV столѣтія со смертію Казимира III прекратился домъ Пястовъ, изъ которыхъ обыкновенно выбирались польскіе короли. Магнаты предложили престолъ племяннику Казимира, венгерскому королю Людовику, съ тѣмъ, чтобы онъ закономъ утвердилъ всѣ права, какими они пользовались по обычаю. Людовикъ согласился и вступилъ на польскій престолъ. Но когда онъ увидѣлъ, какой страшный раздоръ въ Польшѣ между сословіями, и какъ трудно управлять, онъ вернулся въ Венгрію, причемъ отнялъ отъ Польши Галицію и присоединилъ къ своимъ владѣніямъ. Польскіе магнаты объявили королевою меньшую дочь Людовика, Ядвигу, и стали подыскивать ей жениха. За нее посватался Ягелло, литовскій великій князь. Это предложеніе пришлось по душѣ и правителямъ-вельможамъ, и духовенству. Первые разсчитывали, что вслѣдствіе этого брака Польша, слившись съ Литвою, избавится отъ ея вражды и очень усилится, а духовенство надѣялось распространить въ Литвѣ власть римской церкви,—крестить язычниковъ литовцевъ и обратить въ католичество православныхъ. Не радовалась предложенію Ягелла только Ядвига: у нея былъ уже другой женихъ. Она долго противилась браку съ литовскимъ княземъ, какъ ни настаивали вельможи. Говорятъ, что только епископы убѣдили ее: они указывали ей на то, что она, согласившись на этотъ бракъ, послужитъ великому дѣлу просвѣщенія литовцевъ христіанскимъ ученіемъ и спасетъ такимъ образомъ тысячи душъ, коснѣющихъ въ язычествѣ.

Въ 1386 году прибылъ Ягелло въ столицу Польши—Краковъ, крестился здѣсь по римскому обряду, вступилъ въ бракъ съ королевой и короновался. Предъ этимъ онъ далъ присягу соблюдать польскіе законы, ввести въ Литвѣ католическую вѣру и соединить Литовское княжество и Польшу въ одно государство.

Крещеніе литовцевъ совершилось легко: христіанъ между литовскими вельможами было уже не мало; язычество сильно держалось только въ простомъ народѣ. Самъ король со своей супругой и духовенствомъ пріѣхалъ въ Вильну, огонь Перкуновъ велѣлъ погасить, священныхъ змѣй избить, заповѣдныя рощи, гдѣ совершались важнѣйшіе языческіе обряды, вырубить. Язычники сначала въ ужасѣ смотрѣли на истребленіе своей святыни, ждали, что вотъ-вотъ грянетъ Перкуновъ громъ и истребитъ губителя святыни. Напрасныя ожиданія! А между тѣмъ принимавшимъ крещеніе давали бѣлые хорошіе кафтаны и красивую обувь, а королева щедрою рукою раздавала деньги. Приманка была велика для бѣдныхъ литовцевъ: они съ радостью брали подарки и скрѣпя сердце принимали къ себѣ латинскихъ священниковъ... До тѣхъ поръ мало по малу вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ распространялась среди литовцевъ православная христіанская вѣра и въ концѣ концовъ вся Литва обрусѣла бы и стала православною; теперь же, съ появленіемъ здѣсь католическаго духовенства, дѣло совершенно измѣнилось. Въ Литовско-Русскомъ государствѣ являются двѣ христіанскія религіи: православная и католическая. Католическое властолюбивое духовенство очень враждебно относится къ православію, старается православныхъ обратить въ католичество, вытѣснить вовсе изъ Литвы православіе. Отъ духовенства вражда переходитъ и къ мірянамъ. Такимъ образомъ вносится въ Литовско-Русское государство рознь.

Союзъ Литвы съ Польшею оказался тоже непрочнымъ. Всѣ православные смотрѣли съ негодованіемъ на преданность Ягелла полякамъ, а когда онъ потребовалъ было по совѣту польскаго духовенства, чтобы и русскіе подданные его присоединились къ латинской церкви, то поднялся сильный ропотъ. Въ то же время многіе литовскіе вельможи были очень недовольны и тѣмъ, что ихъ сила и значеніе съ присоединеніемъ Литвы къ Польшѣ утрачивались. Этимъ воспользовался двоюродный братъ Ягелла—Витовтъ (или Витольдъ). Ему помогли Тевтонскіе рыцари, которые постоянно враждовали съ Польшею. Ягелло сначала боролся съ Витовтомъ, но наконецъ долженъ былъ уступить. Витовтъ былъ провозглашенъ великимъ княземъ въ Литвѣ, и она отдѣлилась отъ Польши (1392 г.). Съ этой поры польское правительство всѣми силами старается снова присоединить Литовско-русское княжество къ Польшѣ, наконецъ добивается своего. Это надолго помѣшало соединенію обѣихъ частей Русской земли въ одно цѣлое. А католическое духовенство, водворившись въ литовско-русскихъ владѣніяхъ, продолжаетъ всѣми способами тѣснить православную вѣру. Много смуты и бѣды отъ этого возникло въ Юго-западной Руси.

Витовтъ, князь очень рѣшительный и вовсе неразборчивый въ средствахъ, задумалъ увеличить свое княжество, усилиться такъ, чтобы ни отъ кого не зависѣть, даже помышлялъ о королевской коронѣ. Онъ безпрестанно былъ въ походахъ: то отбивался отъ сильныхъ сосѣдей, то старался овладѣть новыми землями. Дочь Витовта, Софія, была замужемъ за Василіемъ Димитріевичемъ; но это не мѣшало Витовту стремиться къ захвату русскихъ областей. Въ Смоленскѣ въ это время шли усобицы: старшій князь старался забрать въ свои руки мелкихъ удѣльныхъ князей. Витовтъ явился подъ Смоленскомъ и предложилъ всѣмъ князьямъ ѣхать къ нему, причемъ давалъ охранныя грамоты, чтобы они не опасались ничего.

— „Слышалъ я, что между вами нѣтъ единства и большая вражда, послалъ онъ сказать имъ. Если будетъ между вами какой споръ, то вы сошлитесь на меня, какъ на третьяго; я васъ разсужу справедливо“!

Смоленскіе князья обрадовались третейскому суду сильнаго Витовта,— думали, что онъ разсудитъ ихъ справедливо. Съ большими дарами всѣ они отправились къ нему; онъ дары-то отъ нихъ взялъ, а ихъ всѣхъ велѣлъ схватить и отправить въ Литву, а въ Смоленскѣ посадилъ своихъ намѣстниковъ (1395 г.). Потомъ пришлось, правда, ему вести борьбу съ однимъ изъ смоленскихъ князей, оставшимся на свободѣ; но все-же Смоленскъ достался Литвѣ очень легко.

Василій Димитріевичъ на этотъ разъ не помѣшалъ своему тестю поживиться на счетъ русскихъ областей. Но Витовту Смоленска было еще мало: хотѣлось ему и въ Новгородѣ утвердиться да и самую Москву прибрать къ рукамъ. Въ это время подъ его покровительство отдался Тохтамышъ, просилъ помочь ему снова воцариться въ Золотой Ордѣ, и за это обязывался помочь литовскому князю добыть Москву.

Витовтъ долго готовился къ борьбѣ съ татарами, собралъ громадное войско: тутъ были отряды литовскіе, русскіе, польскіе, было нѣсколько сотъ нѣмецкихъ рыцарей, были и татарскіе отряды Тохтамыша. До пятидесяти русскихъ и литовскихъ князей начальствовали надъ войскомъ, во главѣ котораго былъ самъ Витовтъ. Войско было бодро и хорошо вооружено. Все, казалось, предвѣщало блестящій успѣхъ. Выступая въ походъ, Витовтъ послалъ сказать хану Золотой Орды, Тимуръ-Кутлуку:

— „Богъ готовитъ мнѣ владычество надъ всѣми твоими землями. Будь моимъ данникомъ или будешь рабомъ!“.

Юный Тимуръ готовъ былъ, какъ говорятъ лѣтописцы, подчиниться Витовту, признать его старѣйшимъ, и даже дань платить. Но когда прибылъ въ татарскій станъ мурза Эдигей, старый опытный вождь, дѣло пошло иначе. Онъ съѣхался для переговоровъ съ Витовтомъ на берегу Ворсклы.

— „Царь нашъ, сказалъ насмѣшливо Эдигей Витовту,—справедливо могъ признать тебя отцомъ: ты старше его лѣтами, но моложе меня. Покорись мнѣ, плати дань и на литовскихъ деньгахъ изображай печать мою“!

Насмѣшка эта привела въ ярость Витовта. Онъ далъ приказъ начинать сраженіе. Одинъ изъ воеводъ литовскихъ, видя громадныя полчища татаръ, совѣтовалъ лучше попытаться помириться на выгодныхъ условіяхъ, но болѣе юные и рьяные литовскіе воеводы смѣялись надъ этою осторожностью. „Сокрушимъ невѣрныхъ!“ кричали они.

Полчища татаръ были многочисленнѣе литовскаго войска, Витовтъ надѣялся на свои пушки и пищали. Но въ тѣ времена не умѣли не только мѣтко стрѣлять изъ пушекъ, но съ трудомъ поворачивали ихъ, медленно заряжали, да и орудія были еще плохія, такъ что отъ нихъ было больше грому, чѣмъ бѣды для непріятеля. При томъ татары въ открытомъ полѣ нападали врассыпную, небольшими отрядами: пушки имъ не могли нанести большаго вреда. Сначала, впрочемъ, литовцы разстроили было полчища Эдигея; но когда татары зашли въ тылъ литовскому войску и внезапно и стремительно ударили на него, то литовскіе

полки были смяты. Побоище длилось до самой поздней ночи. Татары безпощадно рѣзали, топтали, забирали толпами усталыхъ и оторопѣвшихъ непріятелей. Однихъ князей убитыхъ лѣтописецъ насчитывалъ до 20. Едва третья часть литовскаго войска спаслась. Татары гнались за бѣгущимъ Витовтомъ верстъ пятьсотъ до самаго Кіева, предавая все страшному разоренію (1399 г.). Но опустошеніемъ части Литовскаго княжества дѣло и кончилось: татары, видно, уже были не въ силахъ поработить всю Литву, обложить ее тяжелою данью, какъ нѣкогда поступилъ Батый съ нашимъ отечествомъ.

Одержи Витовтъ побѣду надъ татарами на Ворсклѣ, подобную Куликовской, онъ вошелъ бы въ такую силу, что и Москва не устояла бы противъ него. Удачнѣе шли его дѣла на западѣ: здѣсь онъ сообща съ польскимъ королемъ нанесъ страшное пораженіе тевтонскимъ рыцарямъ (при Танненбергѣ, 1410 г.). Въ этой битвѣ участвовали полки всѣхъ западно-русскихъ княжествъ; особенно отличился смоленскій полкъ. Послѣ погрома на Ворсклѣ Витовтъ притихъ было, оставилъ въ покоѣ Новгородъ; но Смоленскъ, гдѣ пытался утвердиться прежній князь Юрій, Витовтъ удержалъ въ своихъ рукахъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, отдохнувъ отъ пораженія, онъ сталъ снова добиваться русскихъ земель, напалъ на Псковскую область; псковичи и новгородцы стали искать обороны въ Москвѣ. Когда увидѣлъ Василій Димитріевичъ, что тесть его не довольствуется Смоленскомъ, а добирается до другихъ русскихъ областей, то объявилъ ему войну. Три раза сходились Василій и Витовтъ со своими войсками, готовые къ бою, но до битвы дѣло не доходило: оба князя были очень осторожны. Витовтъ, наконецъ, оставилъ въ покоѣ русскія области. Границею между литовскими и московскими владѣніями назначена рѣка Угра. Здѣсь въ послѣдній разъ въ княженіе Василія Димитріевича встрѣтились русскія и литовскія войска.

Княженіе Василія II (1425—1462).

Усобицы между московскими князьями.

Умеръ Василій Димитріевичъ въ 1425 году. Въ своемъ завѣщаніи онъ оставлялъ сына подъ опекою матери, благословлялъ его великимъ княженіемъ и отказывалъ ему все родительское наслѣдіе и свой собственный „примыслъ“ (Нижній Новгородъ и Муромъ).

Никто изъ посторонних удѣльныхъ князей теперь и не думалъ оспаривать великокняжеской власти у малолѣтняго Василія, какъ нѣкогда оспаривали ее у маленькаго Димитрія Донскаго; но въ числѣ самыхъ близкихъ родичей нашелся соперникъ Василію: то былъ родной его дядя—Юрій Димитріевичъ, князь Звенигородскій. Онъ ссылался не только на старое право родового старшинства дяди надъ племянникомъ, но и на духовное завѣщаніе своего отца Димитрія Донскаго. По завѣщанію этому выходило, что по смерти Василія Димитріевича могъ наслѣдовать слѣдующій за нимъ братъ его, т. е. Юрій Димитріевичъ. Завязался споръ. Стали готовиться съ той и съ другой стороны къ войнѣ; митрополитъ старался унять вражду; наконецъ, рѣшено было отдать спорное дѣло на рѣшеніе хана; но черезъ нѣсколько времени Юрій успокоился и такъ.

Тяжелое время было тогда на Руси. Свирѣпствовала страшная моровая язва, которая опустошала Русскую землю еще въ послѣдніе годы княженія Василія Димитріевича. Лѣтописецъ говоритъ, что въ это время являлись страшныя знаменія: отъ небывалой засухи (1430 г.) изсякли воды; травы и лѣса выгорали; люди задыхались въ густыхъ облакахъ дыму и не могли видѣть другъ друга; звѣри птицы и рыбы издыхали въ огромномъ количествѣ; повсюду свирѣпствовали голодъ и повальныя болѣзни. Витовтъ, пользуясь малолѣтствомъ своего внука, началъ тѣснить псковскія владѣнія и брать окупы со Пскова и Новгорода. Шайки татаръ дѣлали разбойничьи набѣги на русскія земли. Наконецъ, Юрій Димитріевичъ, который, казалось, уже успокоился, объявилъ войну Василію.

Василій Васильевичъ предложилъ дядѣ исполнить прежнее рѣшеніе—отдать дѣло на судъ хана. Дядя и племянникъ со своими боярами отправились въ Орду. Ханъ Махметъ нарядилъ судъ, чтобы разобрать этотъ споръ. Юрій ссылался на старые родовые обычаи, на завѣщаніе Димитрія Донскаго; но одинъ изъ бояръ московскихъ, Иванъ Димитріевичъ Всеволожскій, очень ловко повернулъ дѣло въ пользу своего юнаго князя.

— „Царь верховный! — обратился онъ къ Махмету, — умоляю тебя, дозволь мнѣ, смиренному холопу, говорить за моего юнаго князя. Юрій ищетъ великаго княженія по древнимъ правамъ, а князь нашъ—по твоей милости: онъ знаетъ, что княжество это—твой улусъ, и ты можешь отдать его, кому захочешь. Ты далъ свой улусъ его отцу, Василію Димитріевичу, и тотъ, основываясь на твоей милости, передалъ его сыну своему. Шесть лѣтъ уже Василій Васильевичъ на престолѣ и ты не свергнулъ его; значитъ, онъ княжитъ по твоей же милости".

Эта льстивая рѣчь очень понравилась хану; при томъ ловкій боярин еще раньше успѣлъ заручиться содѣйствіемъ нѣсколькихъ мурзъ, ханскихъ сановниковъ, которые тоже хлопотали у хана за московскаго великаго князя. Дѣло рѣшено было въ пользу Василія Васильевича: ханъ далъ ярлыкъ на великое княженіе ему и даже велѣлъ было Юрію вести коня подъ нимъ, что означало, по азіатскимъ понятіямъ, полную покорность; но Василій уклонился отъ этого обряда: онъ не хотѣлъ унижать своего дядю. Съ Василіемъ въ Москву отправился ханскій посолъ и торжественно посадилъ его на великокняжескій престолъ.

Но споръ дяди съ племянникомъ этимъ не кончился; Юрій ждалъ только случая начать распрю.

Василій въ Ордѣ обѣщалъ Всеволожскому жениться на его дочери; а по пріѣздѣ въ Москву, по настоянію своей матери, обручился съ княжною Боровской. Всеволожскій былъ этимъ жестоко оскорбленъ,—отъѣхалъ отъ московскаго князя къ Юрію на службу и сталъ подбивать его къ войнѣ съ Василіемъ, которому прежде самъ такъ усердно служилъ. Поводъ къ войнѣ скоро нашелся.

На свадебномъ пиру у вел. князя въ числѣ гостей были оба сына Юрія: Василій Косой и Димитрій Шемяка. На первомъ былъ богатый поясъ, усыпанный драгоцѣнными камнями. Одинъ изъ старыхъ бояръ разсказалъ Софіи Витовтовнѣ исторію этого пояса: оказалось, что поясъ былъ данъ Димитрію Донскому въ приданое за женою, но во время свадьбы былъ украденъ и подмѣненъ другимъ, затѣмъ переходилъ изъ рукъ въ руки и достался Василію Юрьевичу

въ приданное за женою. Софья Витовтовна, недолго думая, тутъ же на пиру приказала силою снять съ Василія Косого поясъ, который долженъ былъ по наслѣдству достаться ея сыну. Василій Юрьевичъ съ братомъ своимъ поклялись жестоко отмстить за это оскорбленіе. Оно и послужило предлогомъ къ войнѣ.

Василій Васильевичъ не успѣлъ и приготовиться къ отпору, какъ Юрій съ большою ратью напалъ на московскія владѣнія. Небольшая и нестройная толпа людей, наскоро набранныхъ, съ которою Василій выступилъ противъ дяди, была разбита на Клязьмѣ, въ 20 верстахъ отъ Москвы. Василій думалъ было бѣгствомъ спастись, но былъ захваченъ въ плѣнъ. Юрій занялъ Москву и объявилъ себя великимъ княземъ. Избавиться отъ своего соперника насиліемъ онъ не рѣшился; напротивъ, по совѣту любимаго своего боярина Морозова, онъ помирился съ Василіемъ Васильевичемъ, отдалъ ему во владѣніе Коломну. Но скоро Юрію пришлось сильно пожалѣть объ этомъ. Только что Василій Васильевичъ водворился въ Коломнѣ, какъ бояре московскіе и служилые люди стали толпами переходить къ нему: вся дорога отъ Москвы до Коломны обратилась словно въ улицу многолюднаго города; пѣшіе и конные обгоняли другъ друга, — спѣшили къ тому, кого считали законнымъ своимъ государемъ. У бояръ московскихъ не могло быть большой охоты служить Юрію: у него были свои любимцы—бояре, которымъ пришлось бы уступить первое мѣсто. Увидѣлъ Юрій, какъ оплошалъ, послушавшись своего любимца Морозова, а Василій и Димитрій пришли въ такую ярость, что убили Морозова.

— „Ты, злодѣй,—кричали они при этомъ, — ты ввелъ отца нашего въ бѣду, ты намъ издавна крамольникъ и лиходѣй“!

Совершивъ злодѣйство, сыновья Юрія бѣжали отъ гнѣва отца. Понялъ оставленный всѣми Юрій, что ему не удержаться въ Москвѣ, и, скрѣпя сердце, возвратилъ ее Василію, обязался даже не принимать къ себѣ своихъ сыновей.

Но скоро онъ измѣнилъ договору; началась новая борьба. Василію Васильевичу опять не посчастливилось; онъ уже думалъ бѣжать въ Орду; но въ это время скоропостижно умеръ Юрій, а Москву занялъ Василій Косой. Онъ ужъ ровно никакихъ правъ не имѣлъ на московскій престолъ, и не могъ долго удержаться на немъ; даже родные братья не поддержали его. Во время борьбы его съ Василіемъ Васильевичемъ онъ попалъ въ плѣнъ, и великій князь поступилъ съ нимъ безчеловѣчно,—велѣлъ его ослѣпить. На время усобица притихла.

Шемяка заключилъ договоръ, въ которомъ изъявлялъ свою покорность, и вернулся въ свой удѣлъ; но въ сердцѣ затаилъ глубокую вражду къ Василію Васильевичу и только выжидалъ удобнаго случая, чтобы начать борьбу съ нимъ.

Въ 1437 году ханъ Улу-Махметъ, изгнанный братомъ своимъ изъ Орды, искалъ убѣжища съ отрядомъ своимъ на русской границѣ и засѣлъ въ Бѣлевѣ; но Василій послалъ противъ него сильное войско. Ханъ просилъ у Василія мира, давалъ сына своего и нѣсколькихъ мурзъ въ заложники, обязывался стеречь Русскую землю и не требовать никакихъ выходовъ; но русскіе воеводы не шли на эти условія. Тогда Махметъ хитростью одолѣлъ русскихъ, прошелъ за Волгу и засѣлъ въ запустѣломъ городкѣ Казани. Здѣсь онъ поставилъ себѣ деревянный городъ на новомъ мѣстѣ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ Казань наполнилась населеніемъ; сюда шли поселенцы изъ окрестныхъ мѣстъ: болгары, черемисы; шли

даже изъ самой Золотой Орды, изъ Астрахани, изъ Азова и изъ другихъ мѣстъ. Такимъ образомъ Улу-Махметъ положилъ начало Казанскому царству по сосѣдству съ Москвою. Съ этихъ поръ начинаются набѣги казанскихъ татаръ на русскія земли.

Первый ихъ набѣгъ удалось отразить. Въ 1445 году опять шайки Махмета показались въ русскихъ предѣлахъ. Великій князь выступилъ противъ нихъ съ небольшимъ отрядомъ, но подлѣ Суздаля былъ разбитъ и захваченъ въ плѣнъ. Обрадовался Шемяка, сталъ упрашивать хана, чтобы онъ не отпускалъ плѣнника на княженіе; но Василію удалось освободиться изъ плѣна: онъ обѣщалъ заплатить хану огромный выкупъ за себя. Пришлось для этого собирать большія подати съ народа. Поднялось неудовольствіе. Ропотъ усилился, когда Василій сталъ принимать къ себѣ на службу татарскихъ мурзъ, раздавать имъ русскія области въ управленіе. Стали ходить слухи, что Василій Васильевичъ тайно условился съ ханомъ—занять Тверское княжество, а всю Московскую землю отдать ему. Димитрій Шемяка спѣшилъ воспользоваться этими слухами: не могъ онъ ждать себѣ добра отъ Василія Васильевича: тотъ зналъ, какъ Шемяка хлопоталъ, чтобы ханъ не выпускалъ его изъ плѣна. Слухамъ этимъ о бѣдѣ, грозящей всей Русской землѣ, повѣрили Тверской князь Борисъ Александровичъ и князь Можайскій Иванъ Андреевичъ; стали они сноситься съ Шемякой и нѣкоторыми недовольными московскими людьми. Рѣшено было свести Василія Васильевича съ московскаго престола.

Разъ великій князь отправился изъ Москвы на богомолье въ Троицкій монастырь. Шемяка провѣдалъ объ этомъ и вмѣстѣ съ княземъ Можайскимъ напалъ ночью врасплохъ на Москву. Заговорщики схватили жену и мать великаго князя, разграбили его казну, перехватали вѣрныхъ бояръ. Въ ту же ночь князь Можайскій съ отрядомъ своихъ и шемякиныхъ воиновъ поспѣшилъ къ Троицкому монастырю. Утромъ на другой день, во время обѣдни, великій князь получилъ вѣсть, что на него идутъ Шемяка и Можайскій. Онъ не повѣрилъ.

— „Можетъ ли быть, — говорилъ онъ, — чтобы братья пошли на меня, когда я съ ними въ крестномъ цѣлованіи?“

Однако на всякій случай послалъ развѣдчиковъ; но Можайскій повелъ дѣло очень ловко: приказалъ собрать множество саней, положить въ нихъ по два воина, покрыть рогожами, а за каждыми санями идти по одному человѣку. Развѣдчики Василія подумали, что это идетъ простой обозъ съ товаромъ. Подъѣхалъ этотъ обозъ къ нимъ поближе. Тогда ратники выскочили изъ возовъ и перехватали оторопѣвшихъ людей Василія. Никто изъ нихъ не убѣжалъ, да и бѣжать было бы трудно: въ ту пору на дорогѣ лежалъ глубокій снѣгъ.

Увидалъ враговъ великій князь, когда они были очень ужъ близко. Бросился онъ въ конюшню,—тамъ не оказалось ни одной осѣдланной лошади. Всѣ люди его растерялись отъ страха и не знали, что дѣлать. Тогда Василій кинулся въ Троицкую церковь и сталъ молиться. Монастырскій дворъ наполнился ратниками. Раздавались крики: „Гдѣ великій князь?“

Василій, услышавъ изъ церкви голосъ князя Можайскаго, закричалъ:

— „Братья, пощадите меня! дозвольте мнѣ здѣсь остаться, смотрѣть на образъ Господень; здѣсь я постригусь, здѣсь я и умру!“

Затѣмъ онъ взялъ икону съ гроба св. Сергія, вышелъ съ нею изъ церкви къ князю Можайскому.

— „Братъ,—сказалъ онъ,—здѣсь, въ этой самой церкви, у гроба преподобнаго Сергія цѣловали мы животворящій крестъ и вотъ эту самую икону, клялись не мыслить другъ на друга никакого лиха, а теперь и невѣдаю, что надо мною творится!“

Князь Можайскій успокаивалъ его, говорилъ, что они не замышляютъ ему зла, а хотятъ только избавить Русскую землю отъ тяжкаго платежа татарамъ выкупа. Василій поставилъ на мѣсто икону, упалъ предъ гробомъ св. Сергія и сталъ громко молиться. Слезы его и рыданія тронули даже и враговъ; нѣкоторые изъ нихъ прослезились. Князю Можайскому трудно было смотрѣть на это: онъ наскоро перекрестился, вышелъ изъ церкви и сказалъ одному изъ шемякиныхъ бояръ: „Возьми его!“

— „Гдѣ же братъ, князь Иванъ?“ спросилъ Василій, помолившись.

— „Взятъ ты великимъ княземъ Димитріемъ Юрьевичемъ!“—отвѣтилъ бояринъ, схвативъ его грубо за плечи.

— „Да будетъ воля Божія!“ проговорилъ несчастный плѣнникъ.

Взятъ онъ былъ 13 февраля 1446 г., привезенъ въ Москву, а 16 февраля, по приказу Шемяки, его ослѣпили. При этомъ велѣно было ему сказать: „Зачѣмъ татаръ привелъ ты на Русскую землю и города съ волостями отдалъ имъ въ кормленіе? Зачѣмъ татаръ безъ мѣры любишь, а христіанъ безъ милости томишь? Зачѣмъ золото, серебро и всякое имѣніе отдаешь татарамъ? Зачѣмъ ослѣпилъ князя Василія Юрьевича?“

Такъ старался Шемяка оправдать свое злодѣйство, придать ему видъ наказанія за проступки.

Ослѣпленный князь съ женою былъ сосланъ въ Угличъ.

Затѣмъ захвачены были и всѣ дѣти Василія и отправлены также въ Угличъ, въ заточеніе. Шемяка, забравъ въ свои руки великокняжескую власть, занялъ Москву; но трудно ему было здѣсь усидѣть. Хотя были у него доброхоты изъ московскихъ бояръ, но все-же сторонниковъ Василія было больше. Нѣкоторые изъ нихъ бѣжали изъ Москвы въ Литву; другіе составили заговоръ освободить Василія изъ Углича. Увидѣлъ Шемяка, что ему не княжить спокойно, пока ослѣпленный имъ князь будетъ въ заточеніи. При томъ и митрополитъ Іона чуть не каждый день твердилъ ему:

— „Сдѣлалъ ты неправду! Выпусти Василія и дѣтей его, сними грѣхъ съ души своей! Что тебѣ можетъ сдѣлать слѣпецъ да малыя дѣти?“

Шемяка рѣшился освободить Василія, помириться съ нимъ, дать ему волость. Онъ поѣхалъ въ Угличъ, взялъ съ собою епископовъ и игуменовъ. Пріѣхавъ туда, онъ каялся предъ Василіемъ, умолялъ его о прощеніи. Василій, въ свою очередь, казалось, искренне сознавалъ и свои неправды.

— „Заслуживалъ я и смертную казнь, кротко говорилъ онъ,—но ты, государь, явилъ милосердіе свое ко мнѣ, не погубилъ меня съ моими грѣхами и беззаконіями, далъ мнѣ время покаяться!“

При этомъ слезы обильно текли изъ слѣпыхъ глазъ Василія. Казалось, враги помирились, и всякая злоба и вражда улеглись въ ихъ сердцахъ. На ра-

достяхъ Шемяка даже задалъ большой пиръ; Василій далъ ему клятвенныя грамоты не искать великаго княженія; а Шемяка щедро одарилъ Василія и далъ ему во владѣніе Вологду.

Шемяку въ Москвѣ не любили. Захвативъ неправдою власть, онъ постоянно опасался измѣны; своихъ бояръ и сторонниковъ щедро награждалъ и всячески мирволилъ имъ, а тѣхъ, которые не выказывали ему особенной преданности, тѣснилъ. Его доброхоты могли творить всякія неправды и насилія, а управы и защиты отъ нихъ на судѣ у него найти нельзя было. Несправедливость его вошла даже въ поговорку: всякій корыстный и неправедный судъ народъ сталъ звать Шемякинымъ судомъ.

Какъ только Василій получилъ свободу и водворился въ Вологдѣ, приверженцы его толпами бросились къ нему. Сначала онъ, казалось, затруднялся нарушить обѣщаніе; но игуменъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря разрѣшилъ ему клятву: клятва, данная въ Угличѣ, по словамъ игумена, была незаконна, потому что дана въ неволѣ и страхѣ. Къ Василію спѣшили на помощь не только его московскіе доброхоты, но и тѣ, которые бѣжали въ Литву. Приходили они съ людьми своими, съ вооруженными отрядами. У Василія скоро собралась порядочная сила. Можно было попытаться добывать Москву. Шемяка съ княземъ Можайскимъ приготовились къ борьбѣ. Небольшой отрядъ Василія осторожно пробрался къ Москвѣ, ночью врасплохъ ворвался въ открытыя ворота и завладѣлъ Кремлемъ. Бояре Шемяки и Можайскаго были схвачены и закованы, а москвичи приведены къ присягѣ великому князю Василію Васильевичу. Когда Шемяка и Можайскій узнали объ этомъ, когда они увидѣли, какъ люди бѣгутъ отъ нихъ толпами, а рать Василія съ каждымъ днемъ все ростетъ да ростетъ, то поняли, что имъ остается только искать спасенія. Запросили они мира у Василія Васильевича, каялись въ своихъ проступкахъ, давали обѣты вѣрности, обязывались возвратить все захваченное въ Москвѣ: казну, драгоцѣнные кресты, иконы, древнія грамоты; просили только, чтобы Василій позволилъ имъ остаться въ ихъ наслѣдственныхъ удѣлахъ.

Василій помирился скоро съ княземъ Можайскимъ; наконецъ, по просьбѣ родичей, заключилъ миръ и съ Шемякою, но взялъ съ него такъ-называемую „проклятую грамоту". Она заключалась такими словами: „Если преступлю обѣты свои, да лишусь милости Божіей и молитвы св. угодниковъ земли нашей: митрополитовъ Петра и Алексія, Леонтія Ростовскаго, Сергія, Кирилла и другихъ; да не будетъ на мнѣ благословенія епископовъ русскихъ и пр."

Но, не смотря на всѣ свои клятвы, Шемяка не унялся,—вездѣ заводилъ крамолу,—между удѣльными князьями, въ самой Москвѣ, въ Новгородѣ; старался новеводу поднять вражду къ Василію, винилъ его въ поблажкѣ татарамъ, а самъ въ то же время велъ тайные переговоры съ казанскимъ ханомъ; захваченныхъ въ Москвѣ грамотъ и ярлыковъ не возвращалъ,—словомъ, и не думалъ исполнять своихъ обѣщаній. Наконецъ, были перехвачены его грамоты, изъ которыхъ ясно было видно, что онъ старался поднять мятежъ въ Москвѣ противъ великаго князя. Тогда Василій Васильевичъ отдалъ дѣло на судъ духовенства. Вотъ судъ,—судъ во имя Бога, казалось, одинъ могъ обуздать Шемяку, не знавшаго человѣческой справедливости.

Ему было отправлено грозное посланіе отъ лица всего русскаго духовенства за подписью пяти владыкъ и двухъ архимандритовъ. Духовенство всегда стояло за единовластіе, всегда старалось противоборствовать усобицамъ и смутамъ; въ этомъ посланіи оно высказывалось въ пользу престолонаслѣдія отъ отца къ сыну.

„Ты вѣдаешь,—говорится въ грамотѣ,—сколько трудился твой отецъ, чтобы присвоить себѣ великое княженіе вопреки волѣ Божіей и законамъ человѣческимъ, лилъ русскую кровь, сѣлъ на престолѣ и долженъ былъ оставить его; уѣхалъ изъ Москвы только съ пятью слугами, и самъ звалъ Василія на престолъ; затѣмъ снова похитилъ его. И долго ли пожилъ? Едва достигъ желаемаго, и вотъ уже въ могилѣ, осужденный Богомъ и людьми! А братъ твой?—въ гордости и высокоуміи рѣзалъ онъ христіанъ, иноковъ, священниковъ, а благоденствуетъ ли нынѣ? Вспомни и собственныя дѣла свои. Когда безбожный царь Махметъ стоялъ у Москвы, ты не хотѣлъ помочь государю и былъ виною христіанской гибели. Сколько истреблено людей, сожжено храмовъ, поругано святыни? Ты, ты будешь отвѣтствовать Всевышнему! Напали варвары, великій князь много разъ посылалъ къ тебѣ, молилъ идти съ нимъ на врага,—но тщетно! Пали вѣрные воины въ крѣпкой битвѣ: имъ вѣчная память, а на тебѣ кровь ихъ! Господь избавилъ Василія отъ неволи: ослѣпленный властолюбіемъ и презирая святость крестныхъ обѣтовъ, ты, второй Каинъ и Святополкъ въ братоубійствѣ, разбоемъ схватилъ, злодѣйски истерзалъ его,—на добро ли себѣ и людямъ? Долго ли господствовалъ и въ тишинѣ ли? Не безпрестанно ли волнуемый, мучимый страхомъ, спѣшилъ ты съ мѣста на мѣсто, томимый днемъ заботами, ночью сновидѣніями? Хотѣлъ большаго, но погубилъ свое меньшее. Великій князь снова на престолѣ и въ новой славѣ: даннаго Богомъ человѣкъ не отниметъ. Одно милосердіе Василія спасло тебя. Государь еще повѣрилъ клятвѣ твоей, и опять видитъ измѣну. Плѣняемый честію великокняжескаго имени, суетною, если она не Богомъ дарована, или побуждаемый златолюбіемъ ты дерзаешь быть вѣроломнымъ, не исполняя клятвенныхъ условій мира: именуешь себя великимъ княземъ, и требуешь войска отъ новогородцевъ, будто бы для изгнанія татаръ, призванныхъ Василіемъ и до сихъ поръ не отсылаемыхъ. Но ты виною сего: татары немедленно будутъ высланы изъ Русской земли, когда истинно докажешь свое миролюбіе государю. Онъ знаетъ всѣ твои происки. По твоему совѣту казанскій царевичъ оковалъ цѣпями московскаго посла. Уже миновало шесть мѣсяцевъ за срокъ, а ты не возвратилъ ни святыхъ крестовъ, ни иконъ, ни сокровищъ великокняжескихъ. И такъ мы, служители алтарей, по долгу своему молимъ тебя, господинъ князь Димитрій, очистить совѣсть удовлетворить всѣмъ праведнымъ требованіямъ великаго князя, готоваго простить и жаловать тебя изъ уваженія къ нашему ходатайству, если обратишься къ раскаянію. Когда же въ безумной гордости посмѣешься надъ клятвами, то не мы, но самъ ты возложишь на себя тягость духовную: будешь чуждъ Богу, церкви, вѣрѣ и проклятъ на вѣки со всѣми своими единомышленниками“.

Не помогло и это посланіе. Послѣ еще нѣсколькихъ попытокъ мирно уладить дѣло пришлось взяться за оружіе. Подъ городомъ Галичемъ Шемяка былъ разбитъ московскими полками послѣ упорной и продолжительной схватки

(1450 г.). Галичъ сдался великому князю, и онъ посадилъ здѣсь своихъ намѣстниковъ. Шемяка едва могъ спастись бѣгствомъ. Бѣжалъ онъ въ Новгородъ. Не мало бѣдъ и хлопотъ Василію Васильевичу онъ надѣлалъ бы еще; но въ 1453 году его не стало: онъ былъ отравленъ. Подъячій, который привезъ въ Москву вѣсть о смерти его былъ пожалованъ въ дьяки.

Со смертью Шемяки кончились усобицы за великокняжескую власть. Борьба Василія Васильевича сначала съ дядею, а потомъ съ двоюродными братьями была единственною въ потомствѣ Калиты.

Этой усобицей только на время былъ задержанъ ростъ Москвы. Къ счастію, никто изъ сосѣдей не могъ воспользоваться ея бѣдою и погубить дѣло собирателей русской земли. Прежніе соперники ихъ, князья рязанскій и тверской, были уже такъ слабы, что имъ и на мысль не приходило господство надъ Русской землей; имъ оставалось только выбирать, кому подчиниться: московскому или литовскому князю?

Литва главный врагъ Москвы, въ это время была не опасна: послѣ смерти Витовта въ 1430 г. въ Литвѣ начались тоже смуты и долго шли кровавыя усобицы. Свидригайло, братъ Ягелла, велъ борьбу съ Сигизмундомъ, братомъ Витовта, за обладаніе Литвою. Кончилась эта усобица съ избраніемъ въ литовскіе князья второго сына Ягелла—Казимира. При немъ въ 1447 году Литва снова соединилась съ Польшею.

Исконный врагъ Русской земли Кипчацкая Орда во время смутъ въ московскомъ княженіи совсѣмъ ослабѣла. Отъ нея отдѣлились два большія ханства: Казанское и Крымское. Улу-Махметъ, какъ сказано уже, положилъ начало Казанскому царству, а одинъ изъ потомковъ Тохтамыша Азы-Гирей—Крымскому. Долго еще пришлось страдать Русской землѣ отъ внезапныхъ нападеній татарскихъ шаекъ; много еще разоренія, бѣды и горя причиняли онѣ своими разбойничьими набѣгами; но все же о прежнемъ владычествѣ татаръ уже не могло быть и рѣчи.—На югѣ, по Украинѣ, гдѣ постоянно грозила бѣда отъ набѣговъ татаръ, и приходилось постоянно отбиваться отъ нихъ, тревожная военная жизнь стала все больше и больше входить въ нравы жителей. Изъ ратныхъ людей, пограничной стражи и людей вольныхъ, которымъ по душѣ были степной просторъ и боевая жизнь, стало складываться мало по малу казачество.

Василій Темный, какъ прозвали его, княжилъ послѣ смерти своего врага Шемяки почти десять лѣтъ. Кромѣ владѣній послѣдняго, Василій примыслилъ и еще земли: онъ завладѣлъ удѣломъ другого противника своего князя Можайскаго, который бѣжалъ въ Литву; потомъ великій князь за какую-то вину велѣлъ заключить въ Москвѣ князя Серпуховскаго Василія Ярославича, брата своей жены, а удѣлъ его присоединилъ къ Москвѣ. Оставался въ Московскомъ княжествѣ только одинъ удѣлъ—Верейскій. Но здѣшній князь Михаилъ Андреевичъ княжилъ такъ спокойно, такъ повиновался во всемъ великому князю, что и повода не было отнимать у него удѣлъ. И такъ Василій Темный, князь слабый, вѣроломный, среди смутъ и несчастій все-же продолжалъ дѣло московскихъ князей, „собирателей земли Русской“, удержалъ не только дѣдовскія и отцовскія владѣнія и примыслы, но и уничтожилъ почти всѣ удѣлы въ Московскомъ княжествѣ. Не могъ бы-онъ, конечно, не только этого сдѣлать, но

и усидѣть на престолѣ, если бы у него не было сильныхъ пособниковъ. Сильное московское боярство и духовенство поддержали его. Собираніе Русской земли подъ одною властію и престолонаслѣдіе отъ отца къ сыну становились уже крѣпкимъ обычаемъ.

Не упускалъ изъ виду Василій и его совѣтники-бояре и другихъ русскихъ областей. Когда Литва ослабѣла отъ усобицъ, то рязанскій князь Иванъ Ѳедоровичъ подчинился Москвѣ. Передъ смертью онъ отдалъ подъ опеку великому князю своего малютку-сына. Василій перевезъ его въ Москву, и, за малолѣтствомъ его, послалъ въ Рязань и другіе города Рязанскаго княжества своихъ намѣстниковъ. Новгородъ Великій, пользуясь смутами въ Московскомъ княжествѣ, думалъ сдѣлаться совсѣмъ независимымъ. Вѣче стало безъ согласія великаго князя вступать въ договоры, выдавать грамоты, сноситься съ Литвою. Наконецъ, новгородцы принимали къ себѣ съ почетомъ и помогали врагу великаго князя—Шемякѣ.

Въ 1456 году великій князь принялъ рѣшительныя мѣры, чтобы смирить Новгородъ. Лучшіе московскіе воеводы: Стрига-Оболенскій и Ѳедоръ Басенокъ повели войска противъ Новгорода. Новгородская рать была разбита, и новгородцы принуждены были уплатить окупъ (8,500 р.), обязались снова платить черный боръ (подать) и не давать безъ согласія князя вѣчевыхъ грамотъ.—Въ половинѣ XIV вѣка Псковъ, бывшій прежде пригородомъ Новгорода, добился независимости отъ него, началъ называться его „младшимъ братомъ“. Псковитяне стали сходиться, подобно новгородцамъ, на вѣча, выбирать себѣ посадниковъ и пр. Но Псковъ не ладилъ съ Новгородомъ, своимъ старшимъ братомъ, а между тѣмъ, Псковскую землю тѣснили ливонскіе нѣмцы. Нужна была сильная защита. Вотъ почему Псковъ старался ладить съ Москвою и принималъ къ себѣ изъ рукъ великаго князя намѣстниковъ. Зависимость Пскова отъ Москвы становилась съ XV вѣка все сильнѣе и сильнѣе.

И такъ, несмотря на внутреннія смуты и усобицы, значеніе Москвы не поколебалось. Власть московскаго великаго князя высилась и крѣпла на русскомъ сѣверо-востокѣ. Если и удержались еще нѣкоторые удѣльные князья, то съ условіемъ, чтобы они повиновались московскому великому князю, держали, какъ говорилось тогда, имя его „честно и грозно“.

Флорентійскій соборъ.

Въ первой половинѣ XV ст. и въ русской церкви происходили смуты и неурядицы. Начались онѣ еще при Димитріи Донскомъ и митрополитѣ Алексіи. Литовскій князь Ольгердъ не могъ потерпѣть, чтобы его православные подданные подчинялись московскому митрополиту тогда, какъ Литва была въ постоянной враждѣ съ Москвою, и наконецъ добился того, что для Юго-Западной Руси, подвластной ему, константинопольскій патріархъ поставилъ отдѣльнаго отъ Москвы митрополита, Кипріана. Такъ православная русская церковь подѣлилась на двѣ митрополіи: кіевскую и московскую. Онѣ то соединялись, то вновь раздѣлялись. Митрополиты присылались изъ Византіи и родомъ были обыкно-

венно греки. Послѣднимъ московскимъ митрополитомъ изъ грековъ былъ Исидоръ.

Византія тогда доживала свои послѣдніе дни; почти всѣ владѣнія ея были уже въ рукахъ турокъ; только столица съ небольшой областью оставалась еще во власти императора, да и ту уже сильно тѣснили турки. Дни Византіи были сочтены; одна только надежда поддерживала императора—надежда на Западную Европу. Было время (XI—XIII ст.), она высылала сотнями тысячъ своихъ воиновъ на борьбу съ Востокомъ. Шли ея отважные бойцы подъ знаменемъ креста биться не на жизнь, а на смерть съ безпощадными врагами христіанства—мусульманами,—биться за поруганную святыню, за угнетенныхъ христіанъ, за освобожденіе Св. земли. И не напрасно проливали свою кровь крестоносцы. Имъ удалось вырвать изъ рукъ мусульманъ Св. землю; но прошло время горячаго воодушевленія, и охладѣли къ своему дѣлу народы Западной Европы!..

Турки мало по малу отняли у нихъ ту Святую землю, которую предки ихъ полили своею кровью и усѣяли своими костями.—Полудикая орда турокъ въ XIII вѣкѣ выдвинулась изъ Средней Азіи, и стала тѣснить восточныя византійскія владѣнія. Слабые, изнѣженные византійцы не въ силахъ были бороться съ воинственными сосѣдями; одна за другой византійскія области попадали въ руки турокъ; сила ихъ становилась все грознѣе и грознѣе... Война съ иновѣрцами, грабежъ и истребленіе были не только любимымъ, но даже и священнымъ дѣломъ для турокъ: они были магометане, а Магометъ заповѣдалъ своимъ послѣдователямъ силою водворять всюду магометанство и истреблять огнемъ и мечемъ всѣхъ иновѣрцевъ. Въ половинѣ XIV ст. турецкія знамена развѣвались уже на европейскомъ берегу, а въ 1361 году Адріанополь обратился въ столицу турецкаго султана Мурада I. Въ 1389 году, девять лѣтъ спустя послѣ знаменитой Куликовской битвы, гдѣ русскіе мечемъ добыли себѣ надежду на освобожденіе отъ татарскаго ига, происходило другое страшное побоище на Косовомъ полѣ. Здѣсь южные славяне,—сербы и болгары, отчаянно бились съ закаленными въ бою полчищами Мурада за свою свободу; здѣсь они надолго похоронили ее!..

Турки завладѣли почти всѣмъ Балканскимъ полуостровомъ. Очередь была за Константинополемъ... Но императору думалось, что еще не все потеряно; что можетъ еще явиться помощь. Откуда же было ждать ее, какъ не отъ христіанскаго Запада, который уже раньше испыталъ въ борьбѣ съ мусульманскимъ Востокомъ свои силы, и испыталъ съ успѣхомъ? Да и какъ было не разсчитывать императору на помощь Запада? Вѣдь, казалось бы, и для западныхъ государей неудобно было впустить въ Европу, въ близкое сосѣдство къ себѣ, сильную полудикую орду, для которой не было завѣта выше истребленія или порабощенія христіанъ. Но вотъ бѣда: четыре вѣка уже длилась вражда между восточной церковью и западной. Рознь и вражда явились больше всего потому, что римскій патріархъ, или папа,—владыка западной церкви, считая себя главнымъ намѣстникомъ Христа на землѣ, хотѣлъ, чтобы его признали всѣ христіане единымъ верховнымъ пастыремъ всей христіанской церкви, которому дана власть самимъ Богомъ „связывать и разрѣшать“. Велика была власть папъ—могучіе государи Запада преклонялись предъ этими гордыми преемниками смиреннаго

Христа; но не преклонились византійскіе патріархи, а за ними и другіе восточные патріархи... Съ XI вѣка (споры и несогласія были уже и раньше) начался этотъ церковный расколъ, и зародилась вражда сначала между папою и восточными патріархами, потомъ перешла она къ прочему духовенству, наконецъ и къ мірянамъ. Вотъ въ чемъ была помѣха для союза западно-европейскихъ государей съ Византіей. Понималъ императоръ, что помочь ему въ борьбѣ съ турками можетъ только покровительство Рима. Хотя папы въ это время уже не были такъ могучи, какъ прежде; но все же голосъ ихъ имѣлъ силу у западныхъ государей. Папою въ Римѣ былъ тогда Евгеній IV. Онъ обѣщалъ императору Іоанну поднять всю Европу на турокъ, но лишь въ томъ случаѣ, если восточная церковь соединится въ одно цѣлое съ западною, и предлагалъ собрать соборъ высшихъ духовныхъ лицъ западной и восточной церкви, чтобы общими силами разобрать и уладить всѣ несогласія греческой церкви съ римскою. Императоръ совѣтовался съ патріархами, какъ быть. Нѣкоторымъ вовсе не по душѣ былъ этотъ соборъ; но всѣ понимали, какую услугу можетъ оказать папа погибающей Византіи, и потому согласились.

Рѣшено было съѣхаться на соборъ въ Италіи. Сначала соборъ собрался въ городѣ Феррарѣ, но затѣмъ перешелъ во Флоренцію. Кромѣ императора и папы, на соборѣ были многіе митрополиты и епископы восточные и западные. Сюда торжественно отправился и московскій митрополитъ. Это былъ человѣкъ очень ученый и краснорѣчивый; онъ былъ родомъ грекъ и отъ всей души желалъ соединенія церквей: оно казалось ему единственнымъ способомъ спасти свое отечество. Но трудно было ждать чего-либо добраго отъ собора. Уже при открытіи его начались споры о мѣстѣ: императоръ хотѣлъ, подобно царю Константину на Никейскомъ соборѣ, занимать первое мѣсто, но папа не уступалъ, настаивая на томъ, что ему, какъ главѣ церкви, подобаетъ первенство. Наконецъ, рѣшили споръ на томъ, чтобы посреди церкви, противъ алтаря, лежало евангеліе; чтобы на правой сторонѣ папа занималъ первое возвышенное мѣсто между католиками, а ниже его стоялъ тронъ для отсутствующаго германскаго императора; чтобы византійскій императоръ сидѣлъ на лѣвой сторонѣ также на тронѣ, но далѣе папы отъ алтаря. Затѣмъ, для преній со стороны западнаго и восточнаго духовенства, выбрали болѣе ученыхъ и краснорѣчивыхъ лицъ. Греки выбрали трехъ святителей: Марка Ефесскаго, митрополита русскаго Исидора и Виссаріона Никейскаго.

Главный споръ шелъ объ исхожденіи Св. Духа. Наши единовѣрцы греки держались ученія, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца; а римляне прибавляли:—и Сына. При этомъ они ссылались на нѣкоторыя древнія рукописи, а греки утверждали, что онѣ подложныя. Пятнадцать разъ сходился соборъ для преній объ этомъ вопросѣ. Споры становились рѣзкими. Маркъ Ефесскій особенно горячо ратовалъ противъ латинской ереси. Императоръ и папа старались всѣми мѣрами сдержать раздоръ; говорятъ, были пущены въ дѣло даже угрозы и подкупы. Наконецъ, греки уступили,—согласились признавать ученіе западной церкви объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына, а также и о томъ, что кромѣ ада и рая есть еще чистилище, гдѣ очищаются души отъ грѣховъ для перехода въ рай. Признали также, что опрѣсноки и квасный хлѣбъ одинаково

могутъ употребляться при священнодѣйствіи, а главное, что добивался папа, признали, что онъ есть намѣстникъ Христа и глава всей христіанской церкви, и константинопольскій патріархъ подчиняется папѣ.

6-го іюля 1439 года папа въ главномъ Флорентійскомъ соборѣ необыкновенно торжественно служилъ обѣдню. При огромномъ стеченіи народа, папа благословлялъ императора, епископовъ, священниковъ. Слезы радости блестѣли въ его глазахъ, когда по его приказу греческіе съ амвона читалъ хартію (грамоту) соединенія.

„Да возрадуются небо и земля!—говорилось въ ней,—рушилась преграда между восточною и западною церковію. Миръ возсіялъ на краеугольный камень Христа: два народа уже составляютъ единый; мрачное облако скорби и раздора исчезло; тихій свѣтъ озаряетъ сіяетъ снова"!..

„Да ликуетъ мать папа, церковь, видя чадъ своихъ, послѣ долговременной разлуки, соединенныхъ снова любовью; да благодарятъ Всемогущаго, который осушилъ ея горькія слезы о нихъ"! и пр.

Дальше идутъ упомянутыя статьи, принятыя восточною церковью послѣ преній на соборѣ.

Какъ было не радоваться папѣ!! Великое дѣло совершилось бы, еслибъ возстановлено было единство христіанской церкви. Но не ило на уступки западное духовенство; слишкомъ заботился о своей власти и земной величіи папа, и только скрѣпя сердце, не по убѣжденію, а по нуждѣ подписывали хартію соединенія (унія) императоръ и восточные епископы (а Маркъ Ефесскій даже отказался и подписывать ее),—вотъ почему все дѣло оказалось непрочнымъ, да и выгодъ оно никому не принесло. Въ Константинополѣ, когда узнали, на какихъ условіяхъ состоялось соединеніе церквей, поднялось сильное волненіе: народъ видѣлъ въ этомъ соединеніи измѣну православію, предательство...

Возвращался въ свою митрополію и русскій митрополитъ Исидоръ, сильно ратовавшій на соборѣ за унію. Еще съ дороги онъ разослалъ по русскимъ землямъ окружное посланіе объ уніи, призывая христіанъ, католиковъ и православныхъ посѣщать безразлично православные и католическіе храмы, пріобщаться одинаково въ тѣхъ и другихъ. Наконецъ, прибылъ онъ въ Москву. Духовенство и огромная толпа народа ждали его въ Успенскомъ соборѣ. Явился Исидоръ. Предъ нимъ несли латинскій крестъ. Всѣхъ удивилъ этотъ небывалый на Руси обычай. Началось торжественное богослуженіе. Еще больше всѣ поражены: митрополитъ поминаетъ вмѣсто вселенскихъ патріарховъ папу! По окончаніи службы діаконъ громогласно читаетъ грамоту Флорентійскаго собора. Духовенство и міряне не знаютъ, какъ и быть: вводятся небывалыя новшества, ясно видно отступленіе отъ старины; но все это сдѣлано соборомъ, который именуется вселенскимъ, упоминается, что грамота подписана византійскимъ императоромъ, который всегда считался главной опорой православія; упоминаются подписи многихъ православныхъ епископовъ... Не знаютъ, что и подумать, что сказать. Но великій князь тутъ же въ церкви обозвалъ Исидора латинскимъ прелестникомъ и приказалъ посадить его подъ стражу. Созванъ былъ 1441 г. соборъ русскихъ епископовъ, чтобы разобрать это дѣло. Здѣсь Исидоръ былъ осужденъ какъ отступникъ отъ православія. Ему впрочемъ удалось бѣжать изъ-подъ стражи въ Римъ. Такъ не-

удачно кончилась попытка соединить восточную православную церковь съ римско-католическою.

Послѣ сверженія Исидора вел. князь послалъ въ Грецію пословъ съ просьбою о поставленіи новаго митрополита; но когда узналъ, что въ самомъ дѣлѣ императоръ и патріархъ приняли унію, то вернулъ свое посольство назадъ. Въ 1448 году Іона былъ поставленъ въ митрополиты соборомъ русскихъ пастырей. Исидоръ былъ послѣднимъ митрополитомъ изъ грековъ. Послѣ него въ московскіе митрополиты избирались только русскіе.

Паденіе Константинополя.

Не помогла церковная унія и Византіи... Прошли тѣ времена, когда папы своимъ словомъ приводили въ движеніе народы и царей! Въ это время въ западной церкви были страшныя неурядицы: открывались всякія злоупотребленія духовенства; въ папы избирались лица слабыя, недостойныя этого высокаго сана. Соборы, которые собирались, чтобы положить конецъ безпорядкамъ, часто порождали только новую смуту. Мудрено ли, что и голосъ папы потерялъ прежнюю свою силу. Папа самъ разсчитывалъ усилить свое значеніе и власть соединеніемъ церквей. Но какую цѣну имѣла хартія соединенія, когда въ Византіи ни духовенство, ни народъ и слышать о ней не хотѣли, несмотря на всѣ старанія императора и нѣкоторыхъ епископовъ, сторонниковъ уніи? Правда, папѣ удалось побудить польскаго короля Владислава III къ борьбѣ съ турками. Отважный король, незадолго передъ тѣмъ одержавшій нѣсколько побѣдъ надъ турками, надѣясь на обѣщанную помощь итальянскаго флота, смѣло и быстро двинулся съ небольшимъ венгерско-польскимъ войскомъ на турокъ. Но помощь не явилась, и въ 1444 г. 9 ноября произошла подъ Варной страшная битва. Христіанское войско потерпѣло совершенное пораженіе. Самъ король погибъ въ этой битвѣ.

Еще около десяти лѣтъ томилась Византія между жизнью и смертью. Турки все болѣе и болѣе тѣснили этотъ роскошный, но слабый городъ; даже въ окрестностяхъ Константинополя не стало житья отъ притѣсненій и насилій турокъ. На просьбы и жалобы императора на турецкія неправды султанъ не обращалъ никакого вниманія. Наконецъ, турки стали строить свои укрѣпленія на берегу Босфора, почти у самой столицы императора. Дольше терпѣть нельзя было, и императоръ Константинъ XI увидѣлъ, что ему остается только погибнуть съ честью на развалинахъ своего города. Въ душѣ его еще не угасла надежда, хотя и слабая, что не попуститъ Европа, чтобы Византія досталась туркамъ, и хоть въ послѣднюю минуту, но помощь явится... Онъ послалъ просить ее у папы, а самъ поспѣшно готовился къ оборонѣ. Положеніе города на высокомъ мѣстѣ, крѣпкія каменныя стѣны, грозныя башни, широкіе и глубокіе рвы, — все это подавало надежду на долгую и успѣшную оборону: не разъ уже Царьградъ отбивалъ сильныхъ враговъ отъ своихъ стѣнъ. Но разсчетъ на помощь запада оказался плохъ. Папа Николай V сильно злобился на византійцевъ за то, что они противились соединенію церквей. Никто изъ западныхъ государей и не подумалъ спасать погибающую Византію; только Генуя и Венеція рѣшились ей помочь: эти города вели большую торговлю съ восточными странами и въ Чер-

ямъ морѣ, и для нихъ было очень невыгодно, чтобы Константинополь и проливы, соединяющіе Средиземное море съ Чернымъ, попали въ руки турокъ. Но скорой и большой помощи и отсюда нельзя было ждать. Пришлось Византіи своими силами бороться. Надо было изъ городского населенія набирать защитниковъ. Но что это было за населеніе?! Когда разнеслась по городу вѣсть о близкой опасности, многіе жители, особенно богатые, стали немедленно выселяться изъ Византіи: имущество и жизнь для нихъ были дороже родины. Составленъ былъ по приказу императора списокъ добровольцевъ, пожелавшихъ оборонять городъ. И пяти тысячъ не набралось ихъ, а населенія въ городѣ было до двухсотъ тысячъ!.. Все это не предвѣщало ничего добраго... Къ этой горсти людей присоединилось еще около двухъ тысячъ иноземныхъ наемниковъ. Но воодушевленіе этой горсти героевъ было такъ велико, они принялись такъ усердно готовиться къ бою, и рѣшимость ихъ погибнуть подъ стѣнами города, но не сдать его, была такъ сильна,—что у многихъ загорѣлась надежда, что свершится чудо, и эти доблестные бойцы отобьютъ полчища Магомета.

6-го апрѣля 1453 года началась достопамятная осада Константинополя. До трехсотъ тысячъ закаленныхъ въ бою турокъ расположилось вкругъ его стѣнъ. Около четырехсотъ кораблей должны были дѣйствовать съ моря. Еще полудикое, грубое турецкое племя во многомъ стояло ниже европейцевъ,—но только не въ военномъ дѣлѣ. У турокъ были и пушки, и стѣнобитныя машины (тараны), и метательныя: постоянно они вели войну, понятно, что должны были позаботиться о всѣхъ военныхъ принадлежностяхъ. На войну съ христіанами они смотрѣли какъ на святое дѣло; по вѣрованіямъ ихъ, воины, павшіе въ битвѣ, занимали первое мѣсто въ раю, гдѣ наслаждались всѣми радостями, всѣми благами, какія только могло создать пылкое воображеніе. При этомъ они твердо вѣрили, что ни одинъ смертный не избѣжитъ своей судьбы. Понятно, какихъ воиновъ могла дать свѣжая и сильная турецкая орда своему властителю-султану, по одному знаку котораго всякій турокъ шелъ на вѣрную смерть...

А въ Константинополѣ изнѣженный, малодушный народъ, какъ только началась осада и раздался грохотъ орудій, совсѣмъ упалъ духомъ. Поднялся мятежъ. Въ разъяренной толпѣ раздавались проклятія и хулы, и императору: въ нападеніи турокъ видѣли Божью кару за желаніе соединить церкви. Монахи и отшельники суровыми предсказаніями и обличеніями еще больше увеличивали смуту. Въ ужасѣ, растерянный народъ толпился въ храмахъ, плакалъ, молилъ Бога о пощадѣ, отъ страха переходилъ къ надеждѣ, отъ надежды къ отчаянію. То передавалось изъ устъ въ уста предсказаніе, что скоро свершится чудо—явится ангелъ съ огненнымъ мечемъ и поразитъ всѣхъ враговъ, то какое нибудь зловѣщее предзнаменованіе приводило въ страхъ и уныніе суевѣрную толпу.

Тяжело было положеніе императора! Ему приходилось не только защищать городъ, но ободрять малодушныхъ жителей, сдерживать волненіе, остерегаться измѣны. За то сподвижники его, казалось, не знали устали,—днемъ съ оружіемъ въ рукахъ отражали непріятеля, ночью исправляли пробоины и проломы въ стѣнахъ. Когда же турки пытались приступомъ овладѣть стѣнами города, греки пускали въ нихъ стрѣлы, стрѣляли изъ пищалей, валили на нихъ камни, скатывали мельничные жернова, зажигали греческимъ огнемъ осадныя турецкія

башни... Нѣсколько приступовъ было отбито. Но силы защитниковъ день ото дня убывали: подкрѣпленія не было!.. Наступило 29-е мая. Магометъ велѣлъ своимъ войскамъ готовиться къ рѣшительному приступу. Отчаянно бились сподвижники Константина. Самъ онъ, въ страшной сумятицѣ битвы, при оглушающемъ грохотѣ выстрѣловъ, крикахъ нападающихъ, дикой музыкѣ турокъ, не терялъ бодрости, являлся впереди своихъ воиновъ. Рвы у стѣнъ города наполнились убитыми. Турки шли по трупамъ, рвались въ городъ сквозь проломы въ стѣнахъ; наконецъ, сломили защитниковъ и ворвались...

— „Нѣтъ ли здѣсь, воскликнулъ въ отчаяніи Константинъ, христіанина, который лишилъ бы меня жизни, избавилъ бы меня отъ позорнаго плѣна или гибели отъ руки невѣрнаго?“

Никто не отозвался. Тогда онъ ринулся въ толпу враговъ, изрубилъ нѣсколькихъ изъ нихъ и самъ подъ ихъ ударами палъ на груду тѣлъ...

Ворвались турки, и началась звѣрская бойня беззащитнаго люда. Несчастный, обезумѣвшій отъ ужаса народъ метался по улицамъ, прятался въ церквахъ. Огромная толпа сбилась въ Софійскій соборъ. Ждали чуднаго спасенія отъ ангела... Говорятъ, около сорока тысячъ жителей было истреблено турками. Кровь ручьями струилась по улицамъ... Тысячами уводили византійцевъ въ рабство.

Два дня позволилъ султанъ своимъ воинамъ грабить и опустошать городъ. Все, кромѣ стѣнъ храмовъ и зданій, было отдано въ добычу имъ. Въ эти два злосчастные дня было истреблено, разграблено или повреждено то, что создавали въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ наука, искусство и роскошь. Наконецъ, Магометъ II торжественно вступилъ въ свою новую столицу. Великолѣпный Софійскій соборъ обращенъ былъ, по волѣ султана, въ главную мечеть,—и на куполѣ храма, вмѣсто креста, заблисталъ магометанскій полумѣсяцъ!..

Константинополь имѣлъ важное значеніе для русскихъ. Здѣсь великая княгиня Ольга, по преданію, приняла св. крещеніе; здѣсь, въ Софійскомъ храмѣ, послы св. Владиміра, пораженные величіемъ и блескомъ церковной службы, признали греческое богослуженіе выше всѣхъ другихъ. Отсюда пришли въ Русскую землю и Христово ученіе, и церковное устройство, и книжная мудрость; отсюда же шло къ намъ долгое время и высшее духовенство.

Константинопольскій патріархъ въ глазахъ русскихъ былъ главнымъ представителемъ православной вѣры, императоръ — главнымъ защитникомъ ея, а роскошная тысячелѣтняя столица съ ея чуднымъ мѣстоположеніемъ и поразительнымъ великолѣпіемъ считалась не только главнымъ городомъ православнаго міра, но и лучшимъ городомъ въ мірѣ,—не даромъ звали его Царьградомъ. И вотъ эта столица православія, эта краса городовъ христіанскихъ, этотъ царственный городъ разоренъ, поруганъ, въ рукахъ мусульманъ, заклятыхъ враговъ христіанъ; императоръ погибъ; патріархъ—плѣнникъ султана!

Понятно, какъ сильно должно было отразиться это событіе на Руси. Москвѣ теперь было некстати считаться ниже порабощеннаго Царьграда, а государи московскіе стали мало по малу смотрѣть на себя, какъ на преемниковъ византійскихъ императоровъ, какъ на главныхъ хранителей православія и древняго благочестія.

Скорбно повѣствуетъ нашъ лѣтописецъ о паденіи Константинополя и такъ разсуждаетъ о причинахъ событія: „Какъ конь безъ узды, такъ царство безъ сильной и грозной власти. Вельможи (въ Царьградѣ) тѣснили народъ, богатѣли отъ слезъ и крови христіанской; не было правды на судахъ, а въ сердцахъ—мужества; воины щеголяли, красовались одеждой своей, да въ бою не крѣпко стояли. Господь казнилъ недостойныхъ, наслалъ на нихъ Магомета. И не осталось теперь ни единаго православнаго царства, кромѣ русскаго. Сбылось предсказаніе св. Меѳодія Патарскаго и Льва Мудраго, что измаильтяне овладѣютъ Византіей; сбудется, быть можетъ, и другое, что русскіе одолѣютъ измаильтянъ и на семи холмахъ ея воцарятся“...

Такъ смотрѣлъ простодушный лѣтописецъ на событіе; такъ, конечно, смотрѣли и такія же надежды питали на Руси и другіе книжные люди. Царьградъ былъ въ ихъ глазахъ дорогимъ и священнымъ городомъ, а турки являлись оскорбителями этой святыни, заклятыми врагами христіанства.

Княженіе Ивана III (1462—1505).

Паденіе Новгорода.

Василій Темный еще при жизни своей объявилъ старшаго сына своего Ивана великимъ княземъ и своимъ наслѣдникомъ. Такимъ образомъ укрѣплялся новый порядокъ престолонаслѣдія, — отъ отца къ старшему сыну. Хотя Василій завѣщалъ волости и остальнымъ четыремъ своимъ сыновьямъ (Юрію, Андрею Большому, Борису и Андрею Меньшому); но старшій получилъ городовъ гораздо больше, чѣмъ всѣ остальные братья вмѣстѣ, и являлся такимъ образомъ настоящимъ великимъ княземъ, государемъ, а братья сравнительно съ нимъ были только богатыми помѣщиками.

Въ 1462 г. 5-го марта скончался Василій II и сталъ княжить Иванъ III.

Это былъ настоящій потомокъ Калиты. Всѣми свойствами, какими отличались лучшіе московскіе князья—скопидомы, собиратели Русской земли, обладалъ Иванъ. Холодный, скрытный, осторожный, разсчетливый, онъ обдумывалъ каждый свой шагъ, каждое свое слово; принимался за дѣло только тогда, когда зналъ, что можно дѣйствовать навѣрняка, безъ промаха. Во всякомъ дѣлѣ онъ, казалось, держался пословицы: „семь разъ смѣрь, а разъ отрѣжь!“ Но когда все было обдумано, взвѣшано да смѣряно, и дѣло было надежнымъ и выгоднымъ,—тогда онъ вершилъ его смѣло, не глядя ужь ни на что...

Съ дѣтскихъ лѣтъ онъ видѣлъ вокругъ себя злобу, вѣроломство, обманъ и звѣрство. Однимъ своимъ видомъ слѣпой отецъ могъ ему постоянно напоминать о нихъ. Мудрено ли, что Иванъ съ юныхъ лѣтъ уже очерствѣлъ сердцемъ, затаился въ самомъ себѣ... Съ молоду же онъ могъ возненавидѣть и удѣльные порядки, принесшіе столько бѣдъ и горя его отцу. Уничтоженіе удѣловъ стало завѣтною задачею его княженія.

Новгородъ и Тверь были наиболѣе сильными изъ нихъ.

Богатъ былъ Новгородъ; бойко шла торговля его; на вѣчѣ новгородцы свободно могли толковать о своихъ нуждахъ и дѣлахъ; излюбленные выборные люди творили судъ и расправу. Казалось бы, тутъ ли не быть правдѣ и благополучію! На дѣлѣ выходило однако не то. Въ торговомъ городѣ не мало было людей, которые съизмала привыкали ставить свою выгоду выше всего, вовсе не цѣнить благополучія другихъ. Много жило въ Новгородѣ богатыхъ людей, но гораздо больше было бѣдняковъ и лихихъ людей, готовыхъ за деньги на все. Нерѣдко здѣсь богатые люди нанимали себѣ изъ нихъ крикуновъ-вѣчниковъ, которые готовы были на вѣчѣ за какое угодно дѣло кричать. Бывали и такіе случаи, что богатые люди составляли изъ лихихъ людей себѣ шайки головорѣзовъ, нападали на своихъ соперниковъ и враговъ, творили всякія насилія,

Новгородскій кремль и Софійскій соборъ (въ теперешнемъ видѣ)

грабежи и убійства. Иногда цѣлыя улицы, цѣлыя части города (концы) враждовали между собою, отстаивая того или другого старшину. Побѣдитъ какая нибудь сторона,—вожакъ ея становится посадникомъ или тысяцкимъ и мститъ, чѣмъ только можетъ, противникамъ, а своимъ доброхотамъ всячески потакаетъ и мирволитъ. Грубы и невѣжественны были даже и лучшіе, т. е. именитые, люди тогда въ Новгородѣ,—жили изо дня въ день, слѣдуя только своимъ грубымъ страстямъ и порывамъ,—не думали о томъ, что надо водворить во всемъ строгій порядокъ и законность; что неправды, насилія и всякія неурядицы рано или поздно обрушатся пагубою, если не на нихъ самихъ, то на ихъ дѣтей.

Сила и корысть брали верхъ надъ правдой,—вотъ въ чемъ была главная бѣда Новгорода!

*

„Не стало въ Новгородѣ, сокрушается лѣтописецъ—ни правды, ни суда. Въ городѣ, по селамъ и волостямъ—грабежъ, неумѣренные поборы съ народа, вопль, рыданія, проклятія на старѣйшихъ и на весь Новгородъ, и стали новгородцы предметомъ поруганія для сосѣдей".

Митрополитъ Іона пишетъ въ своемъ посланіи къ новгородскому владыкѣ: „Слышалъ я, нѣкое богоненавистное, богомерзкое и злое дѣло сотворяется въ вашемъ православномъ христіанствѣ, не токмо отъ простыхъ людей, но и отъ знатныхъ, великихъ людей, отъ нашихъ духовныхъ дѣтей: за всякую большую и малую вещь зачинаются и гнѣвъ, и ярость, и свары, и прекословія, и многонародное сбираніе съ обѣихъ сторонъ. Мало этого, напимаютъ на то злое и богоненавистное дѣло сбродней пьянчивыхъ и кровопролитныхъ человѣковъ и бои замышляютъ и кровопролитіе и души христіанскія губятъ".

Пока Русская земля дробилась на удѣлы и князья постоянно враждовали между собой, Новгородъ могъ безъ труда удерживать свою независимость. Но дѣло измѣнилось, когда сѣверовосточныя русскія области стали объединяться около Москвы, а югозападныя земли слились съ Литвою. Чѣмъ больше крѣпло Московское государство, тѣмъ сильнѣе сказывалась охота у московскихъ князей прибрать къ своимъ рукамъ Новгородъ. Поводовъ къ враждѣ было довольно: московскіе люди и новогородцы часто сталкивались и враждовали въ Двинской области, гдѣ у тѣхъ и у другихъ были владѣнія, притомъ черезполосныя. Московскимъ князьямъ давно уже хотѣлось оттянуть отъ Новгорода эту землю, богатую пушнымъ товаромъ. Кромѣ того, новгородская вольница,—ушкуйники, часто разбойничали по рѣкамъ и вредили московской торговлѣ. Наконецъ, новгородцы не выполняли, какъ слѣдуетъ, своихъ договоровъ съ великимъ княземъ, не чтили его намѣстниковъ, не держали имени его честно и грозно. Новгородскіе вѣчевые порядки, при которыхъ воля великаго князя ставилась часто ни во что, были совсѣмъ не по душѣ сильнымъ московскимъ князьямъ, а властолюбіе ихъ, въ свою очередь, очень не нравилось новгородцамъ—вѣчникамъ.

Уже Василій Темный, какъ сказано раньше, заставилъ Новгородъ больше чтить великокняжескую власть; а Ивану III пришлось совсѣмъ покончить съ новгородской вольностью. Понимали новгородцы, что ихъ вѣчу и вольности грозитъ бѣда со стороны Москвы. Самимъ бороться съ Москвою имъ было не подъ силу. Гдѣ же было искать помощи? У сѣверныхъ русскихъ князей, подручниковъ московскаго вел. князя, нечего было и пытаться. Оставался литовскій князь. Онъ назывался также и русскимъ: въ его рукахъ были всѣ земли Югозападной Руси; къ нему обыкновенно обращались за помощью, или и вовсе отъѣзжали князья сѣверо-восточной Руси, которымъ приходилось слишкомъ жутко отъ властныхъ московскихъ князей; къ нему же задумали обратиться и тѣ новгородцы, которымъ дорогъ былъ старый вѣчевой складъ и быть Господина Великаго Новгорода. Литовскіе князья и раньше были очень не прочь оказать богатому Новгороду свое покровительство и даже предлагали его. Но прежде новгородцы не слишкомъ-то поддавались на эти предложенія: особенной нужды въ посторонней помощи еще не было. Теперь было не то. Сильная гроза надвигалась на Новгородъ со стороны Москвы. И вотъ нашлись въ Новгородѣ люди, большею частію именитые и богатые, сердцу которыхъ очень была дорога

новгородская старина. Порѣшили они лучше поддаться Литвѣ, да сохранить свой старый, вѣчевой бытъ. Во главѣ этихъ людей стояли два сына умершаго посадника Исаака Борецкаго; мать ихъ—Марѳа, женщина весьма твердаго нрава, умная, властолюбивая, орудовала всѣмъ. Но сторонникамъ Литвы не легко было склонить новгородцевъ на свою сторону.

Великій князь литовскій, онъ же и король польскій, былъ католикъ. Латинство господствовало въ Литвѣ и тѣснило православіе. Правда, въ Кіевѣ былъ православный митрополитъ, но это былъ ученикъ Исидора, и сомнительно было, блюдетъ ли онъ православіе во всей чистотѣ. По всему этому поддаться Литвѣ въ глазахъ большинства, въ глазахъ народа въ Новгородѣ значило измѣнить православію, отступить отъ древняго благочестія,—вотъ почему большинство новгородцевъ держалось Москвы; но все же богачи Борецкіе и ихъ сторонники имѣли большую силу во всѣхъ новгородскихъ дѣлахъ и тянули къ Литвѣ. Начали въ Новгородѣ утаивать великокняжескія пошлины и ни во что ставить московскихъ намѣстниковъ.

Иванъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, что творилось здѣсь. Новгородцы цѣловали крестъ великому князю Василію Темному и старшему его сыну-соправителю, и потому отпаденіе ихъ отъ Ивана было бы нарушеніемъ присяги, измѣною. Хорошо понималъ вел. князь, въ чемъ его сила въ Новгородѣ, и послалъ новгородскому владыкѣ напомнить, что кіевскій митрополитъ не твердъ въ православіи, и что онъ,—новгородскій владыка, долженъ свято блюсти вѣру, внушать своей паствѣ, чтобы она не поддавалась кіевскому митрополиту, и держаться крѣпко своего обѣта—подчиняться Іонѣ, митрополиту московскому, и всѣмъ его преемникамъ.

Великій князь послалъ безъ гнѣва, кротко напомнить и всему Великому Новгороду о его обязанностяхъ:

— „Люди новгородскіе, исправьтесь; не забывайте, что Новгородъ—отчина великаго князя. Не творите лиха, живите по старинѣ“.

Но враги Москвы въ Новгородѣ не унимались, оскорбляли пословъ московскихъ, кричали на вѣчѣ:

— „Новгородъ не отчина великаго князя! Новгородъ самъ себѣ господинъ!“

И послѣ этого великій князь не показалъ гнѣва; снова послалъ напомнить:

— „Отчина моя, Великій Новгородъ, люди новгородскіе! Исправьтесь, держите имя мое честно и грозно, посылайте ко мнѣ бить челомъ, а я хочу жаловать свою отчину и держать по старинѣ“.

Бояре дивились терпѣнію великаго князя, что онъ сноситъ такъ долго новгородскую дерзость.

— „Волны бьютъ о камни,—спокойно сказалъ имъ Иванъ,—и ничего камнямъ не сдѣлаютъ, а сами разбиваются въ пѣну и исчезаютъ. Такъ будетъ и съ новгородцами“.

Но сторонники Литвы дѣйствовали въ Новгородѣ все смѣлѣе и смѣлѣе. По просьбѣ ихъ, прибылъ въ Новгородъ одинъ изъ литовскихъ князей, Михаилъ Олельковичъ. Это впрочемъ не было новостью: и раньше русскіе и литовскіе князья и именитые люди пріѣзжали, чтобы послужить Великому Новгороду, и получали въ управленіе города и области. Въ это же время скончался нов-

городскій владыка Іона, сторонникъ Москвы. Стали выбирать по старому обычаю, по жребію, новаго владыку изъ трехъ лицъ, избранныхъ на вѣчѣ. Избранъ былъ Ѳеофилъ. Надо было ему ѣхать въ Москву—посвящаться у митрополита въ архіепископы. Послали просить у великаго князя для Ѳеофила соизволенія и опасной (охранной) грамоты для проѣзда. Полученъ былъ такой отвѣтъ:

— „Отчина моя, Великій Новгородъ, прислалъ ко мнѣ бить челомъ, и я его жалую, нарѣченному владыкѣ Ѳеофилу велю быть у себя и у митрополита для поставленія безъ всякихъ зацѣпокъ, по старому обычаю, какъ было при отцѣ моемъ, дѣдѣ и прадѣдахъ“.

Но въ одно время съ этимъ милостивымъ отвѣтомъ пришла въ Новгородъ и вѣсть, что великій князь напоминалъ псковичамъ, объ ихъ обязанности идти вмѣстѣ съ Москвою на Новгородъ—въ случаѣ его непокорности.

Эта вѣсть дала сторонникамъ Литвы предлогъ къ возстанію. На вѣчѣ они подняли крики:

— „Не хотимъ за великаго князя московскаго, не хотимъ зваться его отчиною. Мы люди вольные. Не хотимъ терпѣть обиды отъ Москвы. Хотимъ за короля Казимира! Московскій князь присылаетъ опасную грамоту владыкѣ, а въ то же время подымаетъ псковичей на насъ, и самъ хочетъ идти!“

— „Хотимъ по старинѣ къ Москвѣ,—кричали въ отвѣтъ сторонники Москвы,—не хотимъ отдаться за короля и поставить у себя владыку отъ митрополита-латинца“.

Раздоры на вѣчѣ кончились, какъ это нерѣдко бывало, схваткой. На бѣду для московской стороны богатство было на сторонѣ литовскихъ приверженцевъ. Стали они нанимать худыхъ мужиковъ-вѣчниковъ, которые не жалѣли ни горла, ни рукъ, когда надо было постоять за щедрыхъ плательщиковъ. Эти наемные крикуны принялись поднимать повсюду смуту и кричать: „Хотимъ за короля!“ На вѣчѣ своими криками они заглушали противную сторону, стали даже камни бросать въ доброхотовъ Москвы. Наконецъ, литовская сторона осилила. Снарядили посла къ королю съ челобитьемъ и поминками, заключить договоръ, по которому Новгородъ поступалъ подъ верховную власть короля; а онъ обязывался ни въ чемъ не нарушать новгородскихъ порядковъ ни его бытовыхъ, ни церковныхъ обычаевъ, и оборонять отъ Москвы.

Иванъ Васильевичъ, узнавъ обо всемъ этомъ, не измѣнилъ своему хладнокровію, отправилъ опять посла въ Новгородъ съ увѣщаніемъ, чтобы отчина его, новгородцы, отъ православія не отступали, лихую мысль изъ сердца выкинули, и ему по старинѣ челомъ били и пр.

Московскій митрополитъ послалъ въ Новгородъ и отъ себя увѣщательную грамоту. Напирая въ ней особенно на измѣну православію, онъ, между прочимъ, говоритъ: „ и о томъ, дѣти, подумайте: царствующій градъ Константинополь до тѣхъ поръ непоколебимо стоялъ, пока соблюдалъ православіе; а когда оставилъ истину (т. е. подчинился требованіямъ папы), то и впалъ въ руки поганыхъ. Сколько лѣтъ ваши прадѣды неотступно держались своей старины; а вы при концѣ послѣдняго времени, когда человѣку нужно душу свою спасать въ православіи, вы теперь, оставя старину, хотите за латинскаго господаря закладываться!“ Въ то время по разсчетамъ книжниковъ ожидали

скораго свѣтопреставленія; на это и указываетъ митрополитъ въ своемъ увѣщаніи.

Но всѣ эти убѣжденія великаго князя и митрополита не подѣйствовали на новгородцевъ.

— „Мы не отчина великаго князя,—кричали они на вѣчѣ,—Великій Новгородъ—вольная земля! Великій Новгородъ—самъ себѣ государь!“

Пословъ великокняжескихъ отослали съ безчестіемъ.

Но терпѣнію Ивана Васильевича, казалось, не было мѣры. Онъ еще разъ послалъ посла съ краткимъ увѣщаніемъ. Успѣха, конечно, не было. Иванъ несомнѣнно и предвидѣлъ это, но хотѣлъ, видно, показать, что онъ очень долго сносилъ новгородскую дерзость, употребилъ всѣ мѣры кроткаго напоминанія и увѣщанія, и за оружіе взялся только тогда, когда ужъ совсѣмъ не оставалось другихъ способовъ уладить дѣло.

Новгородцы уже чуяли бѣду. Недобрыя знаменія пугали суевѣрный народъ. Ходила молва, что преподобный Зосима, соловецкій отшельникъ, на пиру у Марѳы Борецкой видѣлъ видѣніе: четыре боярина, главные противники Москвы, сидѣли предъ нимъ за столомъ, а головъ на нихъ не было... Буря сломила крестъ на св. Софіи. Въ Хутынскомъ монастырѣ колокола сами собой стали перезванивать. На иконѣ Богородицы въ другомъ монастырѣ изъ очей полились слезы. Говорили и о другихъ зловѣщихъ предзнаменованіяхъ...

Въ маѣ 1471 года великій князь послалъ въ Новгородъ разметныя грамоты (объявленіе войны), въ Тверь просьбу о помощи, во Псковъ и Вятку приказъ идти ратью на новгородскія владѣнія. Иванъ придалъ войнѣ священное значеніе: онъ шелъ на Новгородъ прежде всего, чтобы спасти православіе, которому грозила бѣда, а затѣмъ уже, чтобы принудить новгородцевъ не отпадать отъ старины, не измѣнять присягѣ. Въ день отъѣзда изъ Москвы государь посѣтилъ одинъ за другимъ кремлевскіе соборы, усердно помолился предъ образомъ Владимірской Богородицы въ Успенскомъ соборѣ, въ Архангельскомъ соборѣ припадалъ къ гробамъ своихъ предковъ, начиная отъ Ивана Калиты до отца своего Василія. Всѣ эти князья вели борьбу съ Новгородомъ; Иванъ Васильевичъ теперь готовился довершить ихъ дѣло.

— „О прародители мои,—взывалъ онъ,—помогите мнѣ молитвами вашими на отступниковъ православія державы вашей“!..

Онъ даже взялъ съ собою въ походъ одного дьяка-начетчика, который зналъ хорошо лѣтописи и могъ напомнить ему въ случаѣ надобности обо всѣхъ старыхъ договорахъ новгородцевъ съ князьями, обо всѣхъ измѣнахъ новгородскихъ. Раньше Иванъ являлся какъ бы любящимъ отцемъ, который напоминаетъ и увѣщеваетъ; теперь же шелъ онъ на Новгородъ, какъ грозный судья, творить судъ и расправу надъ измѣнниками и клятвопреступниками. Немедля двинулъ онъ войска на западъ нѣсколькими отрядами. Воеводамъ было велѣно безъ милости пустошить Новгородскую землю и не давать пощады никому. На Двинскую область также была послана рать. Началась война со всѣми ужасами, какіе были тогда въ обычаѣ. На бѣду новгородцевъ лѣто въ тотъ годъ стояло жаркое; дождей не выпадало; болота, которыми изобиловала Новгородская земля, высохли, и московская рать могла безъ особой помѣхи совершать походъ.

Воеводы московскіе нещадно разоряли все на пути, попадавшихся въ плѣнъ съ оружіемъ или убивали, или уродовали,—рѣзали имъ носы и губы, и отпускали этихъ несчастныхъ, чтобы они своимъ видомъ наводили ужасъ на всѣхъ измѣнниковъ.

Самъ великій князь двинулся съ главными силами въ концѣ іюня. Къ нему съ разныхъ сторонъ шли на помощь отряды. Новгороду же не было ни откуда помощи. Казимиръ и не тронулся, а князь Михаилъ Олельковичъ уѣхалъ еще раньше изъ Новгорода. Пришлось ему своими силами обороняться. Псковъ, „меньшой братъ Новгорода“, тоже шелъ на него ратью по приказу князя. Новгородцы спѣшили собрать какъ можно больше войска. Но что это были за воины?! Погнали въ походъ силою плотниковъ, гончаровъ и другихъ ремесленниковъ и чернорабочихъ; тутъ было много такихъ, что никогда раньше на лошадь не садились, отъ роду оружія въ руки не брали. Кто не хотѣлъ идти, тѣхъ грабили, били, бросали въ Волховъ; собрали, такимъ образомъ, тысячъ сорокъ войска, и степенный посадникъ Димитрій Борецкій повелъ его навстрѣчу псковской рати. Но это нестройное полчище встрѣтилъ на берегу рѣки Шелони московскій воевода Даніилъ Холмскій. У него было всего четыре тысячи воиновъ, но онъ смѣло ударилъ на новгородцевъ и разбилъ ихъ на голову. Двѣнадцать тысячъ ихъ легло на полѣ, болѣе полуторы тысячи забрано въ плѣнъ; попались въ руки побѣдителя и посадникъ Борецкій, и другіе воеводы. Новгородскій лѣтописецъ говоритъ, что сначала новгородцы одержали было верхъ надъ московской ратью и стали тѣснить ее; но конный отрядъ татаръ внезапно ударилъ на нихъ, и они въ ужасѣ обратили тылъ.

Иванъ Васильевичъ велѣлъ отрубить голову Димитрію Борецкому, сыну Марѳы, и еще тремъ боярамъ, а другихъ плѣнниковъ разослать по разнымъ городамъ и держать въ темницахъ. Народъ въ Новгородѣ заволновался. Сторонники Москвы стали дѣйствовать смѣлѣе; но все же противная сторона еще была сильнѣе; стали готовить городъ къ защитѣ, пожгли около него всѣ посады. Князь съ главными силами былъ уже недалеко. Хлѣбъ въ Новгородѣ сильно поднялся въ цѣнѣ, рожь исчезла на торгу. Бѣдному люду трудно стало жить. Народъ завопилъ... Сторонники Москвы взяли на вѣчѣ верхъ. Владыка съ послами былъ посланъ къ великому князю просить отъ имени Новгорода пощады.

Владыка былъ допущенъ въ шатеръ къ великому князю и умолялъ его не губить въ конецъ своей отчины.

Братья великаго князя и бояре, щедро одаренные новгородскими послами, кланялись своему государю и тоже просили за Новгородъ. Незадолго предъ этимъ пришла изъ Москвы къ великому князю грамота отъ митрополита. Онъ также молилъ о пощадѣ виновныхъ. Просьба братьевъ, бояръ и митрополита, казалось, смягчила сердце грознаго судьи, — онъ смѣнилъ гнѣвъ на милость.

— „Отдаю нелюбіе свое, сказалъ онъ, унимаю мечъ и грозу въ землѣ новгородской и отпускаю полонъ безъ окупа“.

Заключенъ былъ договоръ. Новгородъ отрекался отъ всякаго союза съ литовскимъ княземъ, уступалъ Москвѣ часть Двинской земли (тамъ московская рать тоже одолѣла Новгородцевъ), и обязался выплатить „копейное“ (воен-

ная контрибуція) пятнадцать съ половиною тысячъ. Все остальное оставалось въ Новгородѣ „по старинѣ".

У Новгорода не отнимали ни вѣча, ни посадника; не нарушалась ни въ чемъ новгородская старина. Не въ нравѣ Ивана Васильевича было сразу кончать дѣло; мѣшкотна, но за то прочна была работа въ его рукахъ. Покончи онъ сразу съ вольностью Новгорода,—оправдались бы слова враговъ Москвы, что онъ искалъ только случая погубить Новгородъ, и вражда новгородцевъ къ Москвѣ окрѣпла бы, число приверженцевъ сильно поубавилось бы, а тамъ и вѣдайся съ постоянными заговорами да мятежами. Теперь же, не нарушивъ ни въ чемъ новгородской старины, но грозно наказавъ измѣнниковъ, онъ являлся въ глазахъ новгородцевъ только праведнымъ судьей. Число сторонниковъ его должно было увеличиться, ему оставалось понемногу, исподволь, приручать новгородцевъ, усыплять вражду къ себѣ, а затѣмъ, когда попривыкнутъ держать его имя честно и грозно, тогда и совсѣмъ прибрать къ рукамъ.

Въ Новгородѣ, однако, было все-таки еще не мало противниковъ Москвы. Одному изъ нихъ, Василію Ананьину, удалось попасть въ посадники. Онъ и его соумышленники питали сильную вражду къ сторонникамъ Москвы, винили ихъ въ измѣнѣ и подняли въ Новгородѣ снова смуту. Начались ссоры и драки. Дѣло дошло до того, что сторонники Литвы сдѣлали набѣгъ на улицы, гдѣ жили ихъ противники, били нѣкоторыхъ изъ нихъ и ограбили ихъ имущество. Гдѣ было искать сторонникамъ Москвы суда и управы на обидчиковъ своихъ, какъ не въ Москвѣ? Великій князь былъ очень радъ, когда явились къ нему жалобщики.

Въ 1475 г. онъ отправился со своими боярами въ Новгородъ. На пути его встрѣчали новые жалобщики, просили у него суда и защиты. Ему устраивали торжественныя встрѣчи, подносили по обычаю разные подарки. Пріѣхавъ въ Новгородъ, великій князь началъ творить судъ, не нарушая стараго обычая, въ присутствіи владыки и старыхъ посадниковъ. Онъ внимательно выслушивалъ, подробно разспрашивалъ и отвѣтчиковъ, и истцовъ, порѣшилъ, что жалобы были справедливы и присудилъ виновныхъ уплатить истцамъ за разореніе полторы тысячи рублей. Но этимъ дѣло не кончилось: главныхъ виновниковъ смуты—Василія Ананьина, Ѳедора Борецкаго и др. онъ приказалъ сковать и отправить въ Москву. Не помогли никакія просьбы.

— „Что ни есть лиха въ нашей отчинѣ, — сказалъ онъ между прочимъ владыкѣ въ отвѣтъ на его просьбы,—все отъ нихъ чинится. Какъ же мнѣ ихъ за то лихо миловать?!

Простилъ Иванъ Васильевичъ только нѣсколькихъ, менѣе виновныхъ. Принималъ онъ и другія жалобы на бояръ новгородскихъ, судилъ по справедливости, защищалъ бѣдныхъ противъ богатыхъ, слабыхъ противъ сильныхъ.

Уладивши всѣ дѣла, великій князь нѣсколько времени пожилъ въ Новгородѣ. Богатые новгородцы по обычаю задавали ему роскошные пиры, подносили ему при этомъ богатые подарки: золотыя монеты,—по двадцати и по тридцати, сукна, рыбьи зубы (моржевые клыки), золотые ковши, кубки, мѣха, бочки заморскаго вина. Иванъ Васильевичъ былъ большой скопидомъ и любилъ собирать всякія цѣнныя вещи. Въ свою очередь и онъ отдаривалъ своихъ го-

стей. Бояре, бывшіе съ Иваномъ, были также щедро одарены. Затѣмъ Иванъ Васильевичъ простился дружелюбно съ новгородцами и отправился въ Москву.

Многимъ новгородцамъ судъ великаго князя очень полюбился. Стали они ѣздить къ нему и въ Москву судиться. Это было уже прямымъ нарушеніемъ новгородской старины: новгородца, вольнаго человѣка, по старому обычаю, можно было судить только въ Новгородѣ; но обычай этотъ нарушалъ не великій князь,—сами новгородцы по своей волѣ ѣхали къ нему на судъ: знали, что онъ не мирволитъ богатымъ и знатнымъ людямъ, а дѣйствуетъ по правдѣ. Тѣ, которые пріѣзжали въ Москву искать управы, должны были давать присягу великому князю, какъ своему государю, „задавались за государя", какъ тогда говорили. Такимъ образомъ, новгородцы сами мало по малу отдавались въ полную власть великаго князя. Наконецъ, Иванъ Васильевичъ увидѣлъ, что настала пора закрѣпить такой порядокъ,—совсѣмъ покончить со старыми новгородскими порядками. Нуженъ былъ ему только предлогъ. За нимъ дѣло не стало.

Въ 1477 г., 27 февраля прибыли въ Москву два посла изъ Новгорода. Обращаясь къ великому князю, новгородцы обыкновенно называли его господиномъ, а эти послы называли его государемъ. Этимъ словомъ означался полный властитель. Было ли это случайной обмолвкой, или сдѣлано нарочно сторонниками Москвы—неизвѣстно; но Иванъ Васильевичъ ухватился за этотъ случай. Посланы были немедленно въ Новгородъ московскіе послы. Они явились на вѣче и сказали:

— „Великій князь приказалъ спросить новгородцевъ: какого хотятъ они государства? Хотятъ ли, чтобы въ Новгородѣ былъ одинъ государевъ судъ, чтобы тіуны государя сидѣли по всѣмъ улицамъ? Хотятъ ли очистить для великаго князя Ярославовъ дворъ?"

Эти вопросы озадачили новгородцевъ. Вѣче зашумѣло:

— „Никакого государства не хотимъ, раздавались крики,—хотимъ быть по старинѣ!"

Многимъ новгородцамъ старый вѣчевой порядокъ былъ еще очень дорогъ; поняли они, что ему приходитъ конецъ, и пришли въ ярость.

— „Какъ смѣли ходить въ Москву судиться, кричали они, какъ смѣли присягать великому князю, какъ государю?!"

Плохо пришлось нѣкоторымъ сторонникамъ Москвы, ѣздившимъ туда на судъ: одного побили камнями, другого изрубили топорами въ куски; нѣсколько человѣкъ было убито; но московскихъ пословъ не оскорбляли. Продержали ихъ шесть недѣль. Наконецъ, новгородцы дали отвѣтъ, что не желаютъ ничего новаго, хотятъ, чтобы старина ихъ ни въ чемъ не была нарушена. Когда дошелъ этотъ отвѣтъ до Ивана Васильевича, онъ выразилъ негодованіе.

— „Я не хотѣлъ у нихъ государства, говорилъ онъ, сами прислали, а теперь отговариваются, выставляютъ меня лжецомъ!"

Объявленъ былъ походъ на Новгородъ. Осенью 1477 года московская рать, подѣлившись на отряды, опять вступила въ новгородскую область. На пути къ Ивану Васильевичу являлись многіе новгородцы, били челомъ, чтобы онъ принялъ ихъ въ службу. Псковичамъ приказано было также идти на Новгородъ. Въ 30-ти верстахъ отъ Новгорода явился къ вели-

кому князю Ѳеофилъ, Новгородскій владыка, съ посадниками и сталъ бить челомъ:

— „Господинъ великій князь всея Руси, Иванъ Васильевичъ,—говорилъ онъ, — я, богомолецъ твой, и архимандриты, и игумены, и всѣ священники семи новгородскихъ соборовъ бьемъ тебѣ челомъ. Твой мечъ и огонь ходятъ по Новгородской землѣ, христіанская кровь льется. Смилуйся надъ отчиной твоей: уйми мечъ, угаси огонь!“

Умоляли великаго князя о томъ же люди всѣхъ сословій Новгорода, бывшіе съ владыкою въ посольствѣ, предлагали ему уплачивать дать, лишь бы только не рушилась въ конецъ новгородская вольность. Все было напрасно: на этотъ разъ Иванъ Васильевичъ не шелъ ни на какія сдѣлки.

— „Захочетъ Великій Новгородъ бить челомъ, то онъ знаетъ, какъ ему бить челомъ“, твердилъ онъ.

Между тѣмъ московская рать со всѣхъ сторонъ охватила Новгородъ. Монастыри, села вокругъ города были захвачены. Изъ селъ народъ бѣжалъ въ Новгородъ. Скоро онъ переполнился народомъ. 3-го декабря городъ былъ замкнутъ со всѣхъ сторонъ. Начались волненія: одни хотѣли покориться великому князю, другіе—защищаться до послѣдней капли крови. Чрезъ два дня явились новгородскіе послы въ станъ къ великому князю съ повинной головой.

— „Хотимъ такого же государства въ Новгородѣ, сказалъ имъ великій князь, какое въ Москвѣ“.

Послы просили князя отпустить ихъ въ городъ подумать; попробовали они еще разъ выговорить кое-какіе льготы своему городу. Все было напрасно!

— „Сказано вамъ, твердилъ великій князь, что хотимъ государства въ Великомъ Новгородѣ такого же, какъ у насъ въ Низовой землѣ, въ Москвѣ“!

Послы отвѣтили, что низовыхъ обычаевъ новгородцы не знаютъ,—не вѣдаютъ, какъ великій князь держитъ тамъ свое государство.

— „Государство наше таково, — отвѣчалъ Иванъ Васильевичъ, — вѣчевому колоколу въ Новгородѣ не быть, а государство все держать намъ; волостями, селами намъ владѣть, вывода не бойтесь, а суду быть по старинѣ“!

Шесть дней думали новгородцы объ этомъ отвѣтѣ великаго князя. Наконецъ, владыка съ посадниками явились съ согласіемъ новгородцевъ. Послы думали, что по-прежнему великій князь заключитъ съ Новгородомъ договоръ и скрѣпитъ его своимъ крестнымъ цѣлованіемъ. Они просили великаго князя объ этомъ.

— „Не быть моему цѣлованію!“ отвѣчалъ онъ.

Просили, чтобы бояре цѣловали крестъ,—послѣдовалъ отказъ. Просили, чтобы присягнулъ по крайней мѣрѣ будущій намѣстникъ,—отказано и въ этомъ. Просили, наконецъ, позволенія вел. князя—вернуться въ городъ,—не позволилъ и этого...

А между тѣмъ Новгороду день ото дня становилось тяжелѣе. Стѣны и укрѣпленія города были хороши и взять его силою было бы не легко. Иванъ, не любившій дѣлать ничего на авось, порѣшилъ истомить осажденныхъ голодомъ. Пути были всѣ перенаты московскими отрядами: новгородцамъ ни входу, ни выходу не было; запасы у нихъ истощились; насталъ голодъ; затѣмъ начались повальныя болѣзни, моръ. Неурядица поднялась страшная.

*

— „Идемъ биться! Умремъ за св. Софію"! кричали одни.

— „Остается намъ только покориться великому князю"! кричали другіе.

Чернь возстала на бояръ, а бояре на чернь. Крики, вопли раздавались по улицамъ. Многіе умирали съ голоду. Ссоры, драки и убійства шли, по словамъ лѣтописца, безпрерывно. Наконецъ, новгородцамъ дольше терпѣть осаду стало не въ мочь. Въ 1478 году, 13 января, владыка пришелъ со многими новгородскими боярами и купцами къ великому князю и принесъ присяжную запись. На ней была подпись самого владыки, печать его и печати всѣхъ пяти концовъ Новгорода. На этой записи и цѣловали крестъ новгородскіе послы. Своею присягою они теперь не договоръ съ великимъ княземъ скрѣпляли, какъ бывало въ прежнія времена, а отдавались ему въ полную власть, какъ своему повелителю и самовластному государю.

Иванъ Васильевичъ поставилъ въ Новгородѣ своихъ намѣстниковъ, велѣлъ схватить нѣсколькихъ лицъ, враждебныхъ Москвѣ, въ томъ числѣ Марѳу Борецкую съ внукомъ, и отвезти ихъ въ Москву. Имѣніе ихъ было отписано на великаго князя.

Послѣ присяги новгородцевъ москвичи явились на Ярославово дворище и сняли вѣчевой колоколъ. Сильно плакали новгородцы,—говоритъ лѣтописецъ,—но сказать не смѣли ничего. Иванъ Васильевичъ отправился въ Москву, за нимъ повезли туда и вѣчевой колоколъ. Подняли его на колокольню на Кремлевской площади.

Но этимъ дѣло не кончилось. Трудно народу отвыкать отъ тѣхъ порядковъ и обычаевъ, съ которыми онъ сжился, тяжело ему мѣнять тотъ складъ жизни, какой былъ у отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ. Не мало было въ Новгородѣ людей, которые дорожили еще новгородской стариной, а московскіе порядки были имъ совсѣмъ не по душѣ. И вотъ, когда Москвѣ стала грозить опасность отъ татаръ, съ которыми заодно была и Литва, заговорили въ Новгородѣ о возвращеніи къ старому вѣчевому строю, стали пересылаться съ литовскимъ княземъ. Иванъ Васильевичъ во-время провѣдалъ объ этомъ. Съ небольшимъ отрядомъ немедля отправился онъ къ Новгороду,—хотѣлъ застать новгородцевъ врасплохъ и распустилъ слухъ, будто идетъ на нѣмцевъ. Но новгородцы заперлись въ городѣ, возстановили у себя вѣче и порѣшили не пускать людей великаго князя къ себѣ.

Когда подошли подкрѣпленія къ великому князю, онъ осадилъ Новгородъ и сталъ громить его пушками. Здѣсь поднялась снова большая смута. Многіе изъ пристававшихъ раньше къ мятежу, теперь толпами передавались великому князю. Скоро пришлось покориться силѣ. Послали осажденные просить у великаго князя опасной (охранной) грамоты своимъ посламъ, хотѣли вести съ нимъ переговоры.— Но прошли для Новгорода времена переговоровъ съ великимъ княземъ. Онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на простыхъ мятежниковъ, и требовалъ, чтобы они сдались безъ всякихъ условій на милость его, какъ самовластному государю.

— „Я самъ опасъ (охрана) невиннымъ", сказалъ онъ,—я вашъ государь: отворяйте ворота. Войду,—никого невиннаго не обижу"!

Немедленно ворота отворились. Владыка, посадникъ, тысяцкій (новгородцы возстановили было эти должности), старосты, бояре и множество народа вышли

изъ города. Владыка и духовенство съ крестами выступили впередъ. Всѣ пали ницъ и съ плачемъ молили великаго князя о пощадѣ и прощеніи.

— „Я, государь вашъ, сказалъ Иванъ Васильевичъ, даю миръ всѣмъ невиннымъ, не бойтесь ничего“!

Въ тотъ же день 50 человѣкъ главныхъ враговъ Москвѣ были схвачены и пытаны. Подъ пыткою многіе признались въ своей винѣ и назвали своихъ сообщниковъ. Оказалось, что и Ѳеофилъ, новгородскій владыка, двоилъ совѣстью. Великій князь велѣлъ его отправить въ заточеніе въ московскій Чудовъ монастырь. Сто главныхъ заговорщиковъ было казнено. Много семействъ боярскихъ и купеческихъ было выслано изъ Новгорода и водворено въ разныхъ московскихъ городахъ. Не разъ еще послѣ этого по доносамъ производилъ Иванъ Васильевичъ высылку изъ Новгорода подозрительныхъ и вліятельныхъ людей. Въ 1488 г., когда здѣсь былъ открытъ заговоръ противъ великокняжескаго намѣстника, по приказу Ивана Васильевича было выселено снова по разнымъ московскимъ городамъ болѣе семи тысячъ людей; а на мѣсто ихъ были водворены въ Новгородѣ поселенцы изъ Московской земли. Когда не стало въ Новгородѣ старинныхъ родовъ, богатыхъ и сильныхъ людей, хранившихъ старыя преданія, не стало и вожаковъ, заводившихъ смуты противъ Москвы,—новгородцы начали легко осваиваться съ московскими порядками, а новые поселенцы изъ Московской области другихъ порядковъ и не знали. Въ это же время вслѣдствіе столкновенія съ городомъ Ревелемъ по приказу великаго князя были отобраны товары у ганзейскихъ купцовъ, бывшихъ въ Россіи, а сами они заключены въ тюрьмы. Этимъ былъ нанесенъ сильный ударъ заграничной торговлѣ Новгорода,—она послѣ этого почти прекратилась.

Вятка, новгородская колонія, пыталась было сохранить свою независимость. Вятчане позволяли себѣ иногда не слушаться великаго князя, надѣялись на то, что Москва далеко и идти походомъ на нихъ нелегко. Но въ 1489 г. Иванъ Васильевичъ послалъ на нихъ большое войско подъ начальствомъ Даніила Щени. Вятка покорилась, и главные виновники, подбивавшіе народъ къ неповиновенію, были выданы и повѣшены. Отсюда такъ же, какъ изъ Новгорода, болѣе опасные люди были высланы.

Только одинъ Псковъ сохранилъ еще на время свою старину: псковичи выказывали постоянную покорность великому князю, угождали ему, держали имя его честно и грозно.

Софія Палеологъ.

Иванъ Васильевичъ въ 1467 году овдовѣлъ. Два года спустя явилось въ Москву посольство изъ Рима. Кардиналъ Виссаріонъ, поборникъ Флорентійскаго единенія церквей, въ письмѣ предлагалъ Ивану Васильевичу руку Софіи, племянницы послѣдняго византійскаго императора, дочери его брата Ѳомы, князя Морейскаго, который послѣ паденія Константинополя нашелъ со своимъ семействомъ убѣжище въ Римѣ. Папа Павелъ II чрезъ своего кардинала задумалъ устроить бракъ Софіи съ вел. княземъ, чтобы завязать сношенія съ Москвою и попытаться утвердить свою власть надъ русскою церковью.

Это предложеніе порадовало самолюбиваго Ивана; но онъ по своему осторожному нраву не сразу далъ свое согласіе. Онъ совѣтовался и съ матерью, и съ митрополитомъ, и съ ближайшими боярами. Всѣ находили, какъ и самъ государь, этотъ бракъ желательнымъ. Иванъ Васильевичъ отправилъ въ Римъ посломъ Ивана Фрязина, своего денежника (чеканившаго монету). Тотъ вернулся оттуда съ грамотами отъ папы и портретомъ Софіи, и снова былъ посланъ въ Римъ представлять жениха при обрученіи. Папа думалъ возстановить Флорентійское соединеніе и надѣялся найти въ русскомъ государѣ сильнаго союзника противъ турокъ. Фрязинъ, хотя и принялъ въ Москвѣ православіе, но особенно не дорожилъ имъ, и потому готовъ былъ обѣщать папѣ все, чего тому хотѣлось, лишь бы какъ нибудь скорѣе уладить дѣло.

Лѣтомъ 1472 года Софія уже ѣхала въ Москву. Ее сопровождалъ кардиналъ Антоній; кромѣ того, съ нею было много грековъ. На пути устраивались ей торжественныя встрѣчи. Когда она подъѣзжала ко Пскову, къ ней на встрѣчу вышли посадники и духовенство съ крестами и хоругвями. Софія пошла въ Троицкій соборъ, здѣсь усердно молилась и прикладывалась къ образамъ. Это понравилось народу; но римскій кардиналъ, бывшій съ нею, смущалъ православныхъ. Онъ былъ одѣтъ, говоритъ лѣтописецъ, не по нашему обычаю,—весь въ красное, на рукахъ были перчатки, которыхъ онъ никогда не снималъ и благословлялъ въ нихъ. Предъ нимъ несли серебряное литое распятіе на длинномъ древкѣ (латинскій крыжъ). Онъ не крестился и къ образамъ не прикладывался; приложился только къ иконѣ Богородицы, — и то по требованію царевны. Сильно не нравилось все это православнымъ. Изъ церкви Софія пошла на княжескій дворъ. Здѣсь посадники и бояре угощали ее и приближенныхъ ея разными яствами, медомъ и виномъ; наконецъ, поднесли ей подарки. Бояре и купцы дарили ее, кто чѣмъ могъ. Отъ всего Пскова поднесли ей въ даръ 50 рублей. Такъ же торжественно приняли ее и въ Новгородѣ.

Когда Софія подъѣзжала уже къ Москвѣ, великій князь совѣщался съ матерью, братьями и боярами, какъ быть: провѣдалъ онъ, что всюду, куда входила Софія, шелъ впереди папскій кардиналъ, а предъ нимъ несли латинскій крыжъ. Одни совѣтовали не запрещать этого, чтобы не обидѣть папу; а другіе говорили, что никогда еще не бывало на Руси, чтобы такая почесть воздавалась латинской вѣрѣ; попробовалъ было сдѣлать это Исидоръ, да за то и погибъ. Послалъ великій князь спросить у митрополита, какъ онъ думаетъ объ этомъ, и получилъ такой отвѣтъ:

— „Папскому послу не только входить въ городъ съ крестомъ, но даже и подъѣхать близко не подобаетъ. Буде ты почтишь его, то онъ—въ однѣ ворота въ городъ, а я, отецъ твой, другими воротами вонъ изъ города! Не только видѣть, но и слышать намъ о томъ неприлично. Кто чужую вѣру чтитъ, тотъ надъ своей ругается“!

Такая нетерпимость митрополита къ латинству уже впередъ показывала, что папскому послу не удастся ничего добиться. Великій князь послалъ боярина взять у него крестъ и спрятать въ сани. Сначала легатъ не хотѣлъ было уступить; особенно противился Иванъ Фрязинъ, которому хотѣлось, чтобы папскій посолъ былъ принятъ въ Москвѣ съ такою же честью, какъ принимали его,

Фрязина, въ Римѣ; но боярин настоялъ, и приказъ великаго князя былъ исполненъ.

12-го ноября 1472 года въѣхала Софія въ Москву. Въ тотъ же день совершено бракосочетаніе; а на другой день былъ принятъ папскій посолъ. Онъ поднесъ великому князю дары отъ папы.

Почти три мѣсяца пробыло римское посольство въ Москвѣ. Здѣсь его угощали, держали въ большой чести, великій князь щедро одарилъ кардинала. Попытался было тотъ заговорить о соединеніи церквей, но изъ этого ничего не вышло, какъ и слѣдовало ожидать. Великій князь отдалъ это церковное дѣло на рѣшеніе митрополита, а тотъ нашелъ какого-то книжника Никиту Поповича для состязанія съ легатомъ. Этотъ Никита, по словамъ лѣтописца, переспорилъ кардинала, такъ что тотъ не зналъ, что̀ и отвѣчать,—отговаривался только тѣмъ, что съ нимъ нѣтъ книгъ, нужныхъ для спора. Попытка папы соединить церкви кончилась и на этотъ разъ полною неудачей.

Бракъ московскаго государя съ греческой царевной имѣлъ важныя послѣдствія. Бывали и раньше случаи, что русскіе князья женились на греческихъ царевнахъ; но эти браки не имѣли такого значенія, какъ женитьба Ивана на Софіи. Византія была теперь порабощена турками. Византійскій императоръ раньше считался главнымъ защитникомъ всего восточнаго христіанства; теперь такимъ защитникомъ становился московскій государь: съ рукой Софіи онъ какъ бы наслѣдуетъ и права Палеологовъ, даже усвоиваетъ гербъ Восточной Римской имперіи —двуглаваго орла; на печатяхъ, которыя привѣшивались къ грамотамъ, стали съ одной стороны изображать двуглаваго орла, а съ другой—прежній московскій гербъ—Георгія Побѣдоносца, поражающаго дракона.

Византійскіе порядки стали все сильнѣе и сильнѣе проникать въ Москву. Хотя послѣдніе византійскіе императоры вовсе не были могущественны, но держали себя въ глазахъ всѣхъ окружающихъ ихъ очень высоко. Доступъ къ нимъ былъ очень труденъ; множество разныхъ придворныхъ чиновъ наполняло великолѣпный дворецъ. Пышность дворцовыхъ обычаевъ, роскошная царская одежда, блистающая золотомъ и драгоцѣнными камнями, необычайно богатое убранство царскаго дворца,—все это въ глазахъ народа очень возвышало особу царя. Предъ нимъ все преклонялось, какъ предъ земнымъ божествомъ.—Не то было въ Москвѣ. Великій князь былъ уже могучимъ государемъ, а жилъ немного пошире и побогаче, чѣмъ бояре. Они обходились съ нимъ почтительно, но просто: нѣкоторые изъ нихъ были изъ удѣльныхъ князей и свое происхожденіе вели такъ же, какъ и великій князь, отъ Рюрика. Незатѣйливая жизнь государя и простое обращеніе съ нимъ бояръ не могли нравиться Софьѣ, знавшей о царскомъ величіи византійскихъ самодержцевъ и видѣвшей придворную жизнь папъ въ Римѣ. Отъ жены и особенно отъ людей, пріѣхавшихъ съ нею, Иванъ Васильевичъ могъ многое слышать о придворномъ обиходѣ византійскихъ царей. Ему, хотѣвшему быть настоящимъ самодержцемъ, многіе придворные византійскіе порядки должны были очень полюбиться. И вотъ мало по малу стали являться въ Москвѣ новые обычаи: Иванъ Васильевичъ сталъ держать себя величаво, въ сношеніяхъ съ иностранцами титуловался „царемъ“, пословъ сталъ принимать съ пышною торжественностью, установилъ обрядъ цѣлованія царской руки въ

знакъ особенной милости. Затѣмъ являются придворные чины (ясельничій, конюшій, постельничій). Великій князь сталъ жаловать въ бояре за заслуги. Кромѣ сана боярина, въ это время является другой низшій чинъ—окольничаго. Бояре, бывшіе раньше совѣтниками, думцами княжими, съ которыми великій князь, по обычаю, совѣщался о всякомъ важномъ дѣлѣ, какъ съ товарищами, теперь обращаются въ покорныхъ слугъ его. Милость государя можетъ возвысить ихъ, гнѣвъ—уничтожить. Подъ конецъ своего княженія Иванъ Васильевичъ сталъ настоящимъ самодержцемъ. Не по душѣ многимъ боярамъ были эти перемѣны; но никто не смѣлъ высказать этого: Иванъ Васильевичъ былъ очень суровъ и наказывалъ жестоко.

Со времени пріѣзда Софіи въ Москву завязываются сношенія съ Западомъ, особенно съ Италіей. Москва того времени была очень неприглядна. Деревянныя небольшія постройки, поставленныя какъ попало, кривыя, немощенныя улицы, грязныя площади,—все это дѣлало Москву похожею на большую деревню, или, вѣрнѣе, на собраніе множества деревенскихъ усадебъ. Каждый бояринъ или зажиточный купецъ устраивалъ себѣ дворъ особнякомъ, огораживалъ тыномъ и внутри этой ограды ставилъ жилыя избы и разныя службы. Очень непривлекательна была Москва для Софіи послѣ великолѣпнаго Рима, неприглядна была она и для иностранцевъ, пріѣзжавшихъ съ запада. Ивану Васильевичу, конечно, не разъ приходилось слышать разсказы о великолѣпіи и красотѣ большихъ европейскихъ городовъ,—разохотился и онъ къ большимъ каменнымъ постройкамъ.

Успенскій соборъ, построенный при Калитѣ, пришелъ уже въ такую ветхость, что грозилъ паденіемъ. Задумали построить новый. Отовсюду созывали русскихъ строителей. Заложили церковь съ торжественными обрядами, съ колокольнымъ звономъ. Стали складывать стѣну, но, когда довели ее до сводовъ, она рухнула съ ужаснымъ трескомъ. Великій князь послалъ тогда во Псковъ, чтобы набрать тамъ лучшихъ каменьщиковъ, учившихся у нѣмцевъ класть стѣны, а своему послу, котораго отправлялъ въ Италію, поручилъ пріискать, чего бы это ни стоило, опытнаго зодчаго.

Одинъ изъ лучшихъ итальянскихъ строителей того времени, Аристотель Фіоравенти, согласился ѣхать въ Москву за десять рублей жалованья въ мѣсяцъ (деньги по тогдашней цѣнности порядочныя). Аристотель Фіоравенти въ четыре года соорудилъ великолѣпный по тогдашнему времени храмъ—Успенскій соборъ, освященный въ 1479 году. Это зданіе сохранилось до сихъ поръ въ Московскомъ Кремлѣ.

Затѣмъ стали строить и другія каменныя церкви: въ 1489 году былъ построенъ Благовѣщенскій соборъ, имѣвшій значеніе домовой церкви великаго князя; а незадолго до смерти Ивана Васильевича былъ вновь построенъ Архангельскій соборъ вмѣсто прежней обветшавшей церкви. Задумалъ великій князь построить себѣ и каменную палату для торжественныхъ собраній и пріемовъ иноземныхъ пословъ. Эта палата, сооруженная итальянскими зодчими, извѣстная подъ названіемъ Грановитой палаты, сохранилась до нашего времени. Кремль былъ обведенъ вновь каменной стѣной и украшенъ красивыми воротами и башнями. Для себя Иванъ Васильевичъ приказалъ выстроить новый каменный дворецъ. Вслѣдъ за великимъ княземъ сталъ и митрополитъ сооружать себѣ

кирпичныя палаты. Трое бояръ тоже построили себѣ такіе же дома въ Кремлѣ. Такимъ образомъ, Москва стала мало по малу обстраиваться каменными зданіями; но эти постройки долго и послѣ этого не входили въ обычай: русскіе были убѣждены, что жить въ деревянныхъ домахъ здоровѣе, чѣмъ въ каменныхъ. Самъ Иванъ Васильевичъ и его преемники были того же мнѣнія, и хотя строили каменные дворцы себѣ для торжественныхъ пріемовъ и пировъ, но жить предпочитали въ деревянныхъ.

Иванъ Васильевичъ старался вербовать на Западѣ разныхъ мастеровъ и знающихъ людей себѣ на службу. Отправляя къ императору посла, онъ ему на-

Успенскій соборъ въ Москвѣ.

казывалъ: „Добывать мастеровъ: рудника, который умѣетъ находить руду золотую и серебряную, да другаго мастера, который умѣетъ золото и серебро отдѣлять отъ земли. Рядить этихъ мастеровъ, чтобы ѣхали къ великому князю въ наемъ. Добывать также мастера хитраго, который бы умѣлъ къ городамъ приступать, да другаго мастера, который бы умѣлъ изъ пушекъ стрѣлять, да каменьщика добывать хитраго, который бы умѣлъ палаты ставить, да серебрянаго мастера хитраго, который бы умѣлъ большіе сосуды дѣлать и кубки, да чеканить бы умѣлъ и писать на сосудахъ“. Хотѣлось великому князю добыть и „лѣкаря добраго, который бы умѣлъ лѣчить внутреннія болѣзни и раны“. Великокняжескіе послы въ 1490 году привезли въ Москву лекаря, мастеровъ стѣнныхъ, палатныхъ, пушечныхъ, серебряныхъ и даже органнаго игреца.

Иноземные рудокопы нашли въ Печерскомъ краѣ серебряную и мѣдную руду; государь былъ очень доволенъ, когда въ Москвѣ стали чеканить мелкую монету изъ русскаго серебра. При дворѣ нѣсколько иностранныхъ мастеровъ— грековъ, итальянцевъ и нѣмцевъ работали надъ разными золотыми и серебряными издѣліями, до которыхъ Иванъ Васильевичъ былъ большой охотникъ. Для него были очень дороги такіе люди, какъ Аристотель Фіоравенти, который былъ не только хорошій зодчій, но умѣлъ лить пушки, колокола и чеканить монету.

Благовѣщенскій соборъ.

Но положеніе этихъ „хитрыхъ мастеровъ“ и „добрыхъ лѣкарей“ въ Москвѣ было не особенно завидно.

Нравы здѣсь были очень грубы и заѣзжіе иноземцы вмѣсто наживы, которая влекла ихъ сюда, легко могли поплатиться головою. Лѣкарь Леонъ, родомъ нѣмецъ, взялся вылѣчить великокняжескаго сына Ивана, при чемъ ручался головой за успѣхъ; но больной умеръ, и великій князь, когда прошло сорокъ дней, велѣлъ отрубить голову лѣкарю. Еще раньше, другой врачъ, Антонъ, тоже нѣмецъ родомъ, лѣчилъ въ Москвѣ одного татарскаго князя, но тотъ умеръ. Иванъ отдалъ лѣкаря въ руки родичей умершаго, и татары свели несчастнаго

Антона на Москву-рѣку подъ мостъ и зарѣзали. Аристотель, видя печальную участь иноземцевъ въ Москвѣ, сталъ проситься на родину; великій князь сильно разгнѣвался на него за это, велѣлъ его схватить, отобрать имущество, а самого посадить въ заключеніе. Подобные поступки, конечно, должны были сильно отбивать охоту у иностранцевъ наниматься на службу къ великому князю; но все же съ этого времени русскіе начинаютъ все болѣе и болѣе цѣнить знающихъ иноземныхъ мастеровъ и полезныя знанія. Съ этой же поры начинаются сношенія Москвы съ западными дворами по разнымъ государственнымъ дѣламъ.

Архангельскій соборъ.

Иванъ Васильевичъ сносился съ германскимъ императоромъ, съ королемъ венгерскимъ, съ Даніей, съ Венеціей и др.

Такимъ образомъ, завязались частыя сношенія Москвы съ Европой, а это повело мало по малу къ бо́льшему сближенію Россіи съ Западомъ,—вотъ что было особенно важнымъ слѣдствіемъ женитьбы Ивана на Софіи.

Конецъ татарскаго ига.

Зависимость Москвы отъ хана приходила къ концу. Золотая орда была уже совсѣмъ не то, что прежде: незадолго предъ тѣмъ отъ нея отпало два ханства—Казанское и Крымское. Хотя великій князь и давалъ большіе дары ордынскимъ посламъ, но давалъ, сколько хотѣлъ; стало быть, этого нельзя назвать настоящей данью; однако ханъ все еще считалъ великаго князя московскаго своимъ данникомъ и требовалъ отъ него знаковъ покорности. Есть извѣстіе, что ордынскіе послы являлись въ Москву съ ханскими грамотами и басмою (изображеніе хана); великій князь долженъ былъ преклоняться предъ басмою и, стоя на колѣняхъ, слушать чтеніе ханской грамоты. Иванъ Васильевичъ обыкновенно уклонялся отъ этого унизительнаго обряда,—сказывался больнымъ. Но разъ, когда ханъ Ахматъ особенно настойчиво потребовалъ дани, Иванъ Васильевичъ не вытерпѣлъ, изломалъ басму, разорвалъ грамоту, сталъ въ гнѣвѣ топтать ее ногами, а пословъ велѣлъ умертвить; только одного оставилъ въ живыхъ и сказалъ ему:

— „Иди, объяви хану, что, если онъ не оставитъ меня въ покоѣ, съ нимъ будетъ то же, что случилось съ басмою!“

Трудно и повѣрить, чтобы ханъ могъ требовать отъ такого сильнаго государя, какъ Иванъ Васильевичъ, поклоненія предъ своей басмой. Поводовъ къ враждѣ и безъ того было довольно. Крайне разсчетливый, даже скупой, Иванъ Васильевичъ едва ли могъ ублажать хана особенно щедрыми дарами, гордая Софія Ѳоминишна, безъ сомнѣнія, желала, чтобы и помину не было о покорности татарамъ: она добилась того, что ханскимъ посламъ не позволили жить въ прежнемъ почетѣ въ Кремлѣ. При томъ и литовскій великій князь подстрекалъ хана къ войнѣ съ Москвою. Еще въ 1472 г. Ахматъ напалъ было на московскія владѣнія; удалось ему сжечь одинъ только городъ, а затѣмъ онъ ушелъ назадъ. Но въ 1480 г., когда у Ивана Васильевича возникли сильныя распри съ братьями, ханъ условился съ Казимиромъ Литовскимъ общими силами ударить на Москву. Иванъ Васильевичъ вовремя принялъ всѣ мѣры къ защитѣ: помирился съ братьями, пообѣщалъ имъ прибавку къ ихъ удѣламъ; послалъ большой отрядъ войска съ воеводой Ноздреватымъ и крымскимъ царевичемъ Нордоулатомъ на судахъ внизъ по Волгѣ, чтобы врасплохъ напасть на беззащитную столицу Ахмата—Сарай. Крымскій ханъ Менгли-Гирей, вѣрный союзникъ Ивана, обязался помогать ему. Со всѣхъ концовъ Московской земли стала собираться и русская рать. Сила собралась громадная. Въ числѣ воеводъ былъ знаменитый Даніилъ Холмскій; при войскѣ былъ и сынъ великаго князя Иванъ Ивановичъ.. Главное начальство надъ всѣмъ ополченіемъ взялъ на себя самъ великій князь. Дѣло видимо предстояло большое. Народъ былъ въ сильной тревогѣ. Стали ходить слухи о разныхъ дурныхъ примѣтахъ, о зловѣщихъ знаменіяхъ: въ той сторонѣ, куда шли татары, звѣзды падали на землю словно дождь; въ Москвѣ ночью колокола сами собою звонили; въ одной церкви обрушился верхъ. Все это сильно пугало суевѣрный людъ. Москва стала готовиться къ защитѣ на случай осады. Софія Ѳоминишна выѣхала

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ИВАНЪ III и ХАНСКІЕ ПОСЛЫ

изъ Москвы въ болѣе безопасное мѣсто, на Бѣлоозеро; съ нею Иванъ Васильевичъ отправилъ и свою казну; но мать великаго князя, инокиня Марѳа, пожелала остаться въ столицѣ и раздѣлить съ населеніемъ грозившія ему опасности. За это ее очень хвалили въ народѣ,—видѣли въ ней настоящую русскую женщину.

Иванъ Васильевичъ отправился къ войску, которое уже стояло отрядами по Окѣ и Угрѣ. Нападеніе Ахмата съ громадной ордой напоминало нашествіе Мамая. Ждали всѣ битвы подобной Куликовской. Духовенство ревностно побуждало воиновъ и благословляло ихъ на бой съ поганными, чтобы не допустить ихъ разорять Русскую землю. Но война была совсѣмъ не по душѣ осторожному и разсчетливому Ивану Васильевичу: на войнѣ побѣда зависитъ нерѣдко отъ про-

Грановитая палата.

стой случайности, отъ счастія, а онъ смѣло дѣйствовалъ только тамъ, гдѣ можно было разсчитывать навѣрняка. Велика у него была рать, но и ханская орда была не меньше. На бѣду нашлись еще и между совѣтниками великаго князя малодушные люди „богатые сребролюбцы, ожирѣвшіе предатели“, какъ называетъ ихъ лѣтописецъ, которые усиливали его нерѣшительность: они напоминали ему о томъ, какъ Димитрію Донскому пришлось искать спасенія отъ Тохтамыша, Василію Димитріевичу—отъ Эдигея; напоминали ему о плѣнѣ его отца. И вотъ, въ то время, какъ въ Москвѣ все ждало съ нетерпѣніемъ отрадныхъ вѣстей изъ войска, неожиданно пріѣзжаетъ сюда самъ Иванъ Васильевичъ, главный вождь, приказываетъ сжечь вокругъ столицы посады, посылаетъ

звать къ себѣ изъ войска и сына своего, и князя Холмскаго. Все это показывало, что онъ не надѣется устоять въ бою съ татарами, что опасается ихъ набѣга на Москву. Народъ пришелъ въ ужасъ. Поднялся ропотъ:

— „Князь покидаетъ войско, робѣетъ — говорили недовольные, — самъ разгнѣвалъ хана — не платилъ ему выхода (дани), а теперь выдаетъ насъ".

Въ кремлѣ встрѣтили великаго князя митрополитъ и ростовскій владыка Вассіанъ. Вассіанъ сильно корилъ великаго князя, назвалъ его даже бѣгуномъ и говорилъ ему:

— „Вся кровь христіанская падетъ на твою голову за то, что ты выдаешь христіанство, бѣжишь безъ бою съ татарами. Чего боишься смерти? Не безсмертный ты человѣкъ, а смертный; а безъ року смерти нѣтъ ни человѣку, ни птицѣ, ни звѣрю. Дай мнѣ, старику, войско. Посмотришь, уклоню ли я лице свое предъ татарами!".

Недовольство въ Москвѣ было такъ велико, что Иванъ Васильевичъ не остановился даже въ кремлѣ, а жилъ въ Красномъ сельцѣ подъ Москвою. Ни Холмскій, ни сынъ къ нему не ѣхали, не смотря на его приказы.

— „Умру здѣсь, а къ отцу не пойду", говорилъ молодой князь.

Убѣдился Иванъ Васильевичъ, что надо покориться общему желанію и, сдѣлавъ нѣкоторыя распоряженія на случай осады Москвы, снова отправился къ войску. Благословляя великаго князя, митрополитъ ободрялъ его и между прочимъ сказалъ:

— „Мужайся и крѣпись, сынъ духовный, не какъ наемникъ, но какъ пастырь добрый, полагающій душу свою за овцы, постарайся избавить врученное тебѣ словесное стадо христовыхъ овецъ отъ грядущаго нынѣ волка. Господь Богъ укрѣпитъ тебя, поможетъ тебѣ и всему твоему христолюбивому воинству".

Иванъ Васильевичъ прибылъ въ станъ; но все-таки природная его нерѣшительность и робкіе совѣтники опять взяли верхъ, онъ пытался покончить дѣло миромъ. Завязались переговоры. Отправленъ былъ посолъ къ хану съ дарами и челобитьемъ, чтобы онъ „пожаловалъ свой улусъ, не велѣлъ бы его воевать". Ханъ обрадовался: онъ побаивался и самъ вступать въ рѣшительный бой съ сильною московскою ратью, а литовская помощь не приходила.

— „Жалую Ивана, — приказалъ ханъ сказать въ отвѣтъ, — пусть онъ самъ пріѣдетъ бить челомъ, какъ дѣлали предки его".

Иванъ Васильевичъ, конечно, не поѣхалъ. Тогда ханъ умѣрилъ нѣсколько свои требованія и послалъ сказать:

— „Самъ не хочешь ѣхать, такъ сына или брата пришли"!

Это требованіе также не было исполнено. Подождавъ напрасно отвѣта, Ахматъ послалъ въ третій разъ сказать:

— „Если сына и брата не хочешь прислать, то пришли для переговоровъ Никифора Басенкова".

Этого боярина татары очень любили: онъ былъ уже разъ въ Ордѣ и щедро ихъ одаривалъ.

Неизвѣстно, какъ бы поступилъ Иванъ Васильевичъ; но въ это время пришло къ нему посланіе Вассіана, — оно прервало переговоры.

Въ своемъ длинномъ и краснорѣчивомъ посланіи Вассіанъ писалъ между прочимъ слѣдующее:

„Нынѣ слышимъ, что бусурманинъ Ахматъ уже приближается и губитъ христіанъ, а ты предъ нимъ смиряешься, о мирѣ молишь, а онъ гнѣвомъ пышетъ, твоего моленія не слушаетъ, въ конецъ хочетъ разорить христіанство. Дошелъ до насъ слухъ, что прежніе лживые совѣтники совѣтуютъ тебѣ не противиться врагамъ, отступить и оставить словесное стадо христовыхъ овецъ на расхищеніе волкамъ. Молюсь твоей державѣ, не слушай ихъ! Что совѣтуютъ тебѣ эти льстецы лжеименитые, которые думаютъ, будто они христіане? Совѣтуютъ бросить щиты и безъ борьбы съ окаянными сыроядцами предать христіанство, свое отечество, и, подобно бѣглецамъ, скитаться по чужимъ странамъ. Помысли, великомудрый государь, отъ какой славы въ какое безчестіе сведутъ они твое величество, когда погибнетъ народъ тьмами, а церкви Божіи будутъ разорены и поруганы. Кто каменно-сердечный не восплачется объ этой погибели? Убойся же и ты, пастырь! Не отъ твоихъ ли рукъ взыщетъ Богъ эту кровь? Не внимай, государь, людямъ, хотящимъ честь твою преложить въ безчестіе, хотящимъ, чтобы ты сталъ бѣглецомъ, назывался предателемъ христіанскимъ, выйди навстрѣчу безбожнымъ агарянамъ, поревнуй прародителямъ твоимъ, великимъ князьямъ, которые не только обороняли Русскую землю отъ поганыхъ, но и чужія страны покоряли,—говорю объ Игорѣ, Святославѣ, Владимірѣ Мономахѣ, который бился съ окаянными половцами за Русскую землю и о многихъ другихъ, о которыхъ ты лучше моего знаешь. А достохвальный великій князь Димитрій, твой прародитель, какое мужество и храбрость показалъ надъ тѣми же окаянными сыроядцами. Самъ впереди бился, не щадилъ жизни своей для избавленія христіанъ, не побоялся множества татаръ, не сказалъ самъ себѣ: „У меня жена и дѣти и много богатства. Если и землю мою возьмутъ, то поселюсь въ другомъ мѣстѣ“. Но не колеблясь воспрянулъ на подвигъ, напередъ выѣхалъ и сталъ лицемъ къ лицу противъ окаяннаго воина Мамая, желая исхитить изъ устъ его словесное стадо христовыхъ овецъ. За то и Богъ послалъ ему на помощь ангеловъ и святыхъ мучениковъ; за то и до сихъ поръ Димитрій славится не только людьми, но и Богомъ. Такъ и ты поревнуй своему прародителю, и Богъ защититъ тебя; если же ты съ воинами до смерти постраждете за православную вѣру и святыя церкви, то блаженны будете въ вѣчномъ наслѣдіи... Но, быть можетъ, ты опять скажешь, что мы находимся подъ клятвою прародительской — не поднимать на хана рукъ, той, зна что клятву, данную поневолѣ, намъ велѣно разрѣшать, и мы прощаемъ, разрѣшаемъ, благословляемъ тебя идти на Ахмата, не какъ на царя, а какъ на разбойника, хищника, богоборца: лучше, обманувши его, спасти жизнь, чѣмъ, соблюдая клятву, погубить все, т. е. пустить татаръ въ землю на разореніе и истребленіе всему христіанству, на запустѣніе и осквернеіе святыхъ церквей и уподобиться окаянному Ироду, который погибъ, не желая преступить клятвы. Какой пророкъ, какой апостолъ или святитель научилъ тебя, великаго христіанскаго царя, повиноваться этому безбожному, оскверненному, самозванному царю? Богъ не столько за грѣхи, сколько за недостатокъ упованія на Него напустилъ на прародителей твоихъ и на всю землю нашу

окаяннаго Батыя, который разбойнически завладѣлъ нашей землей, поработилъ насъ и воцарился надъ нами, не будучи царемъ и не отъ царскаго рода. Тогда мы прогнѣвали Бога, и Онъ разгнѣвался на насъ, какъ чадолюбивый отецъ, а теперь, государь, если ты надѣешься отъ всего сердца и прибѣгаешь подъ крѣпкую Его руку, то помилуетъ насъ милосердый Господь"...

Но какъ ни было убѣдительно и краснорѣчиво посланіе Вассіана, Иванъ Васильевичъ все-таки не рѣшился вступить въ бой съ татарами. Когда рѣка Угра, раздѣлявшая русскихъ отъ враговъ, стала, и татары легко могли перейти ее по льду, великій князь далъ приказъ своимъ полкамъ немедленно отступать. Ужасъ обуялъ тогда ратныхъ людей: они могли подумать, что татары уже перешли рѣку и окружаютъ ихъ. Отступленіе русскихъ было такъ поспѣшно, что походило на бѣгство. Но Ахматъ и не думалъ ихъ преслѣдовать; татарамъ было не до того: они были босы и ободраны, по словамъ современниковъ, а въ то время наступали морозы. Помощи отъ Литвы хану не было. Могли дойти до него и недобрыя вѣсти изъ орды. Отрядъ русскихъ воиновъ, подъ начальствомъ Ноздреватаго, въ это время напалъ на беззащитный Сарай и разграбилъ его. Такъ было дѣло или иначе, но ханъ съ ордой своей 11-го ноября поспѣшно пошелъ назадъ и, проходя по литовскимъ владѣніямъ, разорялъ и грабилъ ихъ, злобясь на Казимира за то, что тотъ во-время не помогъ ему.

Великій князь торжественно вернулся въ Москву. Всѣ радовались, что дѣло обошлось такъ легко. — „Не человѣкъ насъ оборонилъ, говорили въ народѣ, а Богъ и Пречистая Богородица".

1480 годъ считается послѣднимъ годомъ владычества татаръ надъ Русской землей.

Скоро въ Москву пришла радостная вѣсть, что Ахматъ погибъ въ борьбѣ съ враждебной ему ордой (6-го января 1481 года). А двадцать лѣтъ спустя Кипчацкое царство (Золотую орду) разгромилъ крымскій ханъ Менгли-Гирей, союзникъ Москвы.

Менгли-Гирей постоянно враждовалъ съ Золотой ордой, и потому дорожилъ союзомъ московскаго великаго князя, чтобы заодно дѣйствовать противъ общаго врага. Въ 1475 году турки покорили Крымъ и крымскій ханъ сталъ подручникомъ султана, который могъ смѣнить его, когда вздумается. А въ случаѣ такой бѣды, Иванъ Васильевичъ могъ дать у себя убѣжище своему старому союзнику. Стало быть, у Менгли-Гирея были причины дружить съ Москвою, и Крымская орда до поры до времени была неопасна для нея.

Скоро и Казань утратила свою независимость. Когда здѣсь начались усобицы, Иванъ Васильевичъ вмѣшался въ казанскія дѣла. Въ 1487 году русское войско осадило Казань, и казанцы должны были принять хана изъ рукъ Ивана Васильевича. Ханомъ былъ посаженъ Магметъ-Аминь, какъ подручникъ великаго князя московскаго. Около этого же времени были покорены земли на сѣверо-востокѣ,—Пермская область и пріуральскія земли.

Уничтоженіе удѣловъ.

Чѣмъ удачнѣе шли внѣшнія дѣла, чѣмъ могучѣе становился Иванъ Васильевичъ, тѣмъ смѣлѣе стремился онъ упрочить и внутри государства свое единовластіе; ни на какія права удѣльныхъ князей онъ уже не смотрѣлъ. Еще въ 1463 г., вскорѣ послѣ смерти отца, Иванъ Васильевичъ завладѣлъ Ярославской областью. Она была раздѣлена между множествомъ мелкихъ князей (Курбскіе, Прозоровскіе, Львовы, Сицкіе, Шаховскіе и др.). Одинъ изъ нихъ считался великимъ княземъ всей Ярославской земли, именно Александръ Ѳедоровичъ; силы сопротивляться у него вовсе не было, и князья Ярославской земли обратились въ простыхъ вотчинниковъ,—бояръ московскихъ.

Неподалеку отъ Москвы былъ городъ Верея. Здѣсь княжилъ внукъ Димитрія Донскаго, престарѣлый Михаилъ Андреевичъ. Старикъ-князь старался во всемъ угождать великому князю, исполнялъ всѣ его требованія, ни въ чемъ не перечилъ ему. Казалось, никакого повода не было къ уничтоженію Верейскаго удѣла; но Иванъ Васильевичъ нашелъ предлогъ. Ему вздумалось подарить какое-то драгоцѣнное жемчужное украшеніе своей невѣсткѣ; но оказалось, что Софья Ѳоминишна подарила его безъ вѣдома мужа своей племянницѣ, которая вышла замужъ за Василія Михайловича, сына Верейскаго князя. Иванъ Васильевичъ пришелъ въ ярость, послалъ забрать у него все приданое его жены, пригрозилъ, что посадитъ его вмѣстѣ съ женою въ тюрьму. Василій Михайловичъ бѣжалъ съ женою въ Литву. Это было признано измѣною. Иванъ Васильевичъ отобралъ было у Михаила Андреевича Верею за бѣгство сына его. Умилостивилъ старикъ великаго князя только тѣмъ, что отрекся отъ сына, обязался не сноситься съ нимъ, всякихъ посланцевъ его выдавать въ Москву, и въ завѣщаніи всѣ свои владѣнія отказать великому князю. Скоро послѣ этого Михаилъ Андреевичъ умеръ, и Верея была присоединена къ Москвѣ.

Болѣе самостоятельнымъ княземъ, чѣмъ Верейскій, былъ тверской князь Михаилъ Борисовичъ; но и онъ долженъ былъ въ договорѣ смиренно называться „младшимъ братомъ“ сына Ивана Васильевича, и обязывался не сноситься съ Литвою. Но недолго продержалась и Тверь. Мелкіе князья, имѣвшіе владѣнія въ Тверской области, подручники тверского князя, стали одинъ за другимъ переходить къ Москвѣ; за ними послѣдовали и многіе тверскіе бояре. Это и понятно. Тверскимъ боярамъ повсюду, гдѣ земли ихъ были смежны съ московскими владѣніями, терпѣть стало не въ мочь; московскіе землевладѣльцы причиняли тверскимъ всякія насилія и обиды, а управы и защиты нигдѣ нельзя было найти: у Ивана Васильевича всегда свой былъ правъ, а если московскаго помѣщика въ чемъ либо обижали, то великій князь вступался за него, немедленно посылалъ къ тверскому князю съ угрозами требовать удовлетворенія.

Нашелся у Ивана Васильевича наконецъ предлогъ и совсѣмъ покончить съ Тверью: перехватили тверского гонца съ грамотами въ Литву. Напрасно Михаилъ Борисовичъ пробовалъ оправдываться. Московское войско въ 1485 г. 8-го сентября подступило къ Твери, а 10-го тверскіе бояре покинули своего князя и стали являться къ Ивану Васильевичу съ просьбою принять ихъ къ себѣ

на службу. Что оставалось дѣлать всѣми покинутому Михаилу Борисовичу? Онъ бѣжалъ въ Литву. 12-го сентября намѣстникъ его, съ родичами своими и другими боярами, съ земскими людьми и съ владыкою прибыли къ Ивану Васильевичу. Они били челомъ ему, молили его пощадить ихъ и принять подъ свою руку. Московскій государь торжественно, какъ побѣдитель, вступилъ въ Тверь; она была присоединена къ Москвѣ (1485 г.). Тверской князь искалъ въ Литвѣ помощи, но ничего не добился.

Съ родными своими братьями Иванъ Васильевичъ сначала ладилъ; но въ 1472 году, когда умеръ Юрій, слѣдующій за нимъ братъ, онъ удѣлъ умершаго присоединилъ цѣликомъ къ Москвѣ и не подумалъ подѣлиться наслѣдствомъ съ съ остальными братьями: тѣ обидѣлись, потребовали и себѣ земель. Впрочемъ на этотъ разъ распря скоро кончилась: Иванъ Васильевичъ уступилъ братьямъ кой какія волости. Нѣсколько лѣтъ спустя возникъ снова разладъ. Бояре, подобно прежнимъ дружинникамъ, считали себя въ правѣ переходить свободно на службу отъ одного князя къ другому, и князь Оболенскій-Лыко, служившій у великаго князя, отъѣхалъ отъ него на службу къ брату его Борису Васильевичу, князю Волоцкому. По приказу великаго князя Оболенскій былъ схваченъ, закованъ и привезенъ въ Москву. Это сильно оскорбило князя Бориса. Прежде князья даже договоры между собой заключали, чтобы боярамъ и вольнымъ людямъ никакой помѣхи не было служить тому князю, какому они захотятъ. Такіе договоры были даже особенно выгодны для богатыхъ московскихъ князей: къ нимъ охотно шли на службу изъ другихъ областей бояре и служилые люди. Теперь же выходило, что великій князь, принимая къ себѣ на службу бояръ, отъѣзжавшихъ изъ другихъ областей, считалъ измѣнникомъ боярина, пожелавшаго отойти отъ него на службу къ его брату. Оскорбленный Борисъ Волоцкій съ братомъ Андреемъ, княземъ Углицкимъ, порѣшили защищать свои права. Собрали они сколько могли рати и двинулись къ литовскимъ границамъ, разсчитывая на помощь Казимира.

Не время было Ивану враждовать съ братьями; для него наступала тогда тяжелая пора: Ахматъ готовился ударить на Русскую землю со своей ордой. Литва собиралась тоже начать войну, а тутъ еще и братья задумали поднять усобицу. Скрѣпя сердце, Иванъ Васильевичъ поспѣшилъ помириться съ ними, — всѣ требованія ихъ исполнилъ.

Десять лѣтъ спустя, оба брата получили великокняжескій приказъ послать своихъ воеводъ съ воинскими отрядами на помощь крымскому хану Менгли-Гирею противъ сыновей Ахмата. Борисъ исполнилъ приказаніе великаго князя; но Андрей ослушался. По приглашенію князя, немного времени спустя, онъ пріѣхалъ въ Москву. Иванъ Васильевичъ принялъ брата, казалось, ласково, бесѣдовалъ съ нимъ долго и дружески; на другой день пригласили его съ боярами къ великому князю на обѣдъ. Когда Андрей явился во дворецъ, бояръ его отвели въ столовую гридню, а самого попросили въ комнату, которая называлась „западнею“. Сюда пришелъ великій князь, привѣтливо поздоровался съ братомъ, а затѣмъ вышелъ. Тогда вошелъ бояринъ князь Ряполовскій и со слезами на глазахъ сказалъ:

— „Государь князь, Андрей Васильевичъ, поманъ ты еси Господомъ

Богомъ и Государемъ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всея Руси, твоимъ старшимъ братомъ".

— „Воленъ Богъ да государь; Богъ насъ разсудитъ, а я неповиненъ!" отвѣчалъ Андрей.

Его заковали въ оковы и посадили въ тюрьму (1491 г.). Удѣлъ его былъ присоединенъ къ Москвѣ. Сыновья его были тоже схвачены и заключены. Какъ отецъ, такъ и они уже не видали больше свободы,—въ темницѣ и умерли.

Другой братъ великаго князя—Борисъ Васильевичъ не имѣлъ такой печальной участи, но былъ постоянно въ страхѣ; во всемъ безпрекословно повиновался онъ великому князю, какъ любой изъ бояръ-помѣщиковъ, и повода лишать его волости не было.

Рязанская область тоже только по имени была княжествомъ: князь рязанскій, родной племянникъ великаго князя, былъ въ полной его власти.

Неуклонно шелъ Иванъ Васильевичъ по тому пути, который былъ намѣченъ еще первыми московскими князьями—уничтожалъ остатки удѣловъ, сколачивалъ всѣ разрозненныя части Русской земли въ одно цѣлое и крѣпкое государство. Самовластно распоряжался онъ съ близкими родичами своими; еще меньше стѣснялся съ мелкими князьями: одни изъ нихъ добровольно, другіе поневолѣ отказывались отъ самостоятельности, подчинялись московскому государю, обращались въ бояръ-вотчинниковъ; нѣкоторые, умирая, по духовному завѣщанію отказывали свои земли московскому государю. Такимъ образомъ завершалось великое дѣло собиранія Русской земли въ одно цѣлое, и Иванъ III заслуживаетъ еще больше, чѣмъ всѣ его предшественники, названіе „собирателя Русской земли". Только Псковъ и часть Рязанской области до поры до времени считались отдѣльными владѣніями,—и то только потому, что воля великаго князя исполнялась здѣсь безпрекословно.

Борьба съ Литвою.

Собирая Русскую землю, могъ ли Иванъ Васильевичъ забыть, что западныя и юго-западныя русскія волости были въ рукахъ литовскихъ князей, постоянныхъ враговъ Москвы? Могъ ли онъ забыть, что Казимиръ литовскій поддерживалъ возстаніе въ Новгородѣ и подбивалъ Ахмата напасть на Москву? Лишь только миновала татарская гроза, Иванъ Васильевичъ задумалъ силою добывать отъ Литвы русскія земли. Дальновидный и хитрый, онъ сталъ готовиться исподволь къ борьбѣ, искалъ себѣ союзниковъ между сосѣдями Литвы: породнился онъ съ молдавскимъ господаремъ Стефаномъ,—на его дочери женилъ своего сына; вступилъ въ дружбу съ венгерскимъ королемъ; искалъ союза и съ германскимъ императоромъ; скрѣпилъ дружбу съ Менгли-Гиреемъ договорами; обѣщалъ помощь противъ кипчацкихъ хановъ ему только въ томъ случаѣ, если онъ будетъ постоянно безпокоить своими набѣгами Казимира. Наконецъ, и въ самой Литвѣ Иванъ Васильевичъ нашелъ союзниковъ. Въ Западной Руси никогда не умирала мысль о родствѣ съ Восточной Русью: языкъ да одна и та же православная вѣра поддерживали связь между ними. При томъ Иванъ Васильевичъ постоянно выставлялъ себя защитникомъ православія не только въ

своихъ владѣніяхъ, но и въ литовскихъ. Когда рушилось ненавистное татарское иго надъ Москвою, и она окрѣпла въ могучее государство, многіе въ Западной Руси стали смотрѣть на Ивана Васильевича, о тонкомъ умѣ котораго и дальновидности шла повсюду слава, какъ на природнаго государя всей Русской земли. Мелкіе пограничные князья (по большей части потомки черниговскихъ), изъ которыхъ одни были въ подданствѣ у Литвы, а другіе служили Москвѣ, ссорились между собою, вели старыя родовыя усобицы. Нѣкоторые изъ этихъ князей, зависѣвшихъ отъ Литвы, недовольные литовскимъ правительствомъ, у котораго нельзя было часто найти ни суда, ни управы, переходили изъ литовскаго подданства въ московское. Такъ перешелъ отъ Литвы на службу къ Ивану Васильевичу князь Бѣлевскій, затѣмъ князья Одоевскіе, Воротынскіе и др. Съ переходомъ этихъ князей и вотчины ихъ отдѣлялись отъ Литвы и попадали подъ вѣдѣніе московскаго государства. Напрасно литовское правительство доказывало, что многія земли этихъ князей, какъ жалованныя литовскими князьями за вѣрную службу предкамъ отъѣзжавшихъ князей, должны остаться въ рукахъ литовскаго правительства: Иванъ Васильевичъ ни на что не обращалъ вниманія. Мало того. Князья, новые подданные московскаго великаго князя, нападали на земли своихъ родичей, оставшихся въ подданствѣ у Казимира, захватывали ихъ волости и присоединяли къ своимъ. Эта мелкая пограничная война шла безпрерывно. Поводовъ къ большой войнѣ было всегда вдоволь. На границѣ литовскихъ и московскихъ владѣній съ той и съ другой стороны развелось много разбойничьихъ шаекъ,—купцамъ тутъ и проѣзду не было. Житье здѣсь было совсѣмъ плохое. Отъ московскихъ подданныхъ шли безконечныя жалобы на литовскихъ разбойниковъ, а литовскіе подданные жаловались на московскихъ. Казимиръ сильно злобился на Ивана за то, что онъ принималъ къ себѣ измѣнниковъ литовскихъ, щедро жаловалъ ихъ и вотчины ихъ присоединялъ къ Москвѣ; но до самой смерти Казимира войны съ Москвою не было.

Умеръ онъ въ 1492 г.; Польша и Литва раздѣлились между его сыновьями: Яну Альбрехту досталась Польша, Александру—Литва.

Иванъ Васильевичъ немедленно послалъ своихъ воеводъ на Литву; Менгли-Гирей долженъ былъ ударить на нее со своей ордой. Трудно было Литвѣ отбиваться отъ двухъ враговъ. Литовское правительство добивалось мира; предложено было Ивану Васильевичу выдать за литовскаго князя его дочь,—думали такимъ образомъ склонить его къ уступкамъ и вѣчному миру; но онъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ бракѣ и о мирѣ, пока Литва не уступитъ ему всѣ завоеванныя имъ земли. Съ каждымъ днемъ эти завоеванія увеличивались: московская рать подвигалась впередъ, забирала одинъ литовскій городъ за другимъ; служилые князья не переставали переходить изъ литовскаго подданства въ московское,—пришлось поспѣшить исполнить требованія Ивана Васильевича.

Въ Москву явилось литовское посольство; старшій посолъ отъ имени Александра сказалъ Ивану Васильевичу на торжественномъ пріемѣ:

— „Далъ Богъ, что мы приняли съ тобой любовь, братство и докончаніе (договоръ), какъ отцы наши имѣли его; но мы хотимъ еще лучшихъ отношеній съ тобою. Если то Богу угодно, далъ бы ты за насъ свою дочь, чтобы мы были съ тобою въ вѣчной дружбѣ и родственной связи теперь и навѣки“.

— „Слышали мы ваши рѣчи, отвѣчалъ великій князь, и съ Божьею помощью хотимъ такого сближенія съ вашимъ государемъ. Какъ Богъ захочетъ, такъ и дѣло будетъ".

Прежде свадьбы Иванъ Васильевичъ уладилъ государственныя дѣла. Городъ Вязьма, князья Одоевскіе, Воротынскіе, Новосильскіе и Бѣлевскіе отошли къ Москвѣ со своими вотчинами. Въ грамотѣ титулъ государя былъ такъ написанъ: „Божіею милостію, государь всея Руси и великій князь владимірскій, московскій, новгородскій, псковскій, тверскій, югорскій, пермскій, болгарскій и иныхъ". Иванъ Васильевичъ первый сталъ писать при сношеніяхъ съ Литвою въ своемъ титулѣ слова: всея Руси. Это очень не нравилось литовскому князю, подъ властью котораго было много русскихъ земель; но дѣлать было нечего, — пришлось уступить и заключить миръ на всей волѣ московскаго государя.

Въ 1495 году совершилось бракосочетаніе Александра и Елены, дочери Ивана Васильевича. Литовскій великій князь далъ тестю обѣщаніе не понуждать жены къ католичеству. Отпуская дочь въ Литву, Иванъ Васильевичъ строго-на-строго наказывалъ: „къ латинской божницѣ ей не ходити, а ходити ей къ своей церкви". Литовскій князь не добился бракомъ съ Еленой „вѣчной дружбы" тестя, но тотъ своихъ выгодъ не упустилъ. Началъ онъ съ того, что постоянно жаловался, будто бы дочь его въ Литвѣ нудятъ къ перемѣнѣ вѣры. Никакіе доводы, ни даже письма дочери не могли разувѣрить его въ этомъ. Затѣмъ онъ сталъ жаловаться на притѣсненія въ Литвѣ вообще православныхъ русскихъ.

„Дошелъ до насъ слухъ, писалъ онъ дочери, что мужъ твой нудитъ тебя и иныхъ людей отступить отъ закона греческаго. Ты въ этомъ мужа не слушай, до крови и до смерти въ этомъ дѣлѣ пострадай, къ римскому закону не приступай, чтобы отъ Бога душею не погибнуть, а отъ насъ и отъ всего православнаго христіанства не быть въ проклятіи, и сраму отъ иныхъ вѣръ православію не дѣлай. Отвѣть намъ обо всемъ этомъ, правда ли то, и мы тогда къ мужу твоему пошлемъ, зачѣмъ онъ дѣлаетъ противъ своего слова и обѣщанія".

Не дожидаясь отвѣта, Иванъ Васильевичъ началъ враждебныя дѣйствія противъ Литвы,—завелъ опять переговоры съ крымскимъ ханомъ о нападеніи на нее. Въ это время князья—Василій Шемячичъ (внукъ Шемяки) и Семенъ Можайскій переходили отъ Литвы въ подданство Москвы. Они отдавали подъ верховную власть московскаго государя всѣ земли, пожалованныя имъ дѣдомъ и отцомъ (Стародубъ, Черниговъ, Любечъ, Новгородъ-Сѣверскъ и др.). Перешли на сторону Ивана и еще нѣсколько мелкихъ князей и бояръ (князья Масальскіе, бояре Мценскіе, Серпейскіе и др.). Причиною перехода выставлялись притѣсненія православія въ Литвѣ. (Католическому духовенству здѣсь позволялось обращать православныхъ въ католичество). Принимая этихъ отъѣздчиковъ къ себѣ на службу, великій князь московскій нарушалъ мирный договоръ съ Литвою. Но могъ ли онъ отказаться отъ такихъ крупныхъ „примысловъ" къ Русской землѣ? Онъ больше не медлилъ и послалъ разметную грамоту (объявленіе войны) своему зятю. Вслѣдъ за грамотой была послана и большая военная сила.

Война шла очень удачно для Москвы. Московская большая рать подъ на-

чальствомъ князя Даніила Щени встрѣтила литовское войско на рѣчкѣ Ведрошѣ, у Дорогобужа 14 іюля 1500 г. и нанесла литовцамъ рѣшительное пораженіе, благодаря ловко устроенной засадѣ. Самъ гетманъ князь Острожскій и другіе литовскіе воеводы попались въ плѣнъ. Затѣмъ подъ Мстиславлемъ русскіе снова побѣдили литовцевъ. Два слишкомъ года еще продолжалась война. Въ нее вмѣшались ливонскіе рыцари. Магистръ ихъ Вальтеръ фонъ-Плеттенбергъ одержалъ, благодаря своимъ пушкамъ, двѣ побѣды надъ русскими; но все же большой пользы своимъ союзникамъ не принесъ, наконецъ, не смотря на все свое мужество долженъ былъ отступить. Александръ запросилъ мира. Литовскіе послы прибыли въ Москву 4 марта 1503 г. для заключенія мира. Они привезли, между прочимъ, письма отъ Елены къ отцу, матери и братьямъ.

Житье Елены было незавидно въ Литвѣ: она не могла удержать своего отца отъ войны съ мужемъ, а между тѣмъ этого отъ нея требовали; ее даже подозрѣвали въ томъ, что она сносится съ отцомъ во вредъ Литвѣ.

Въ своемъ любопытномъ письмѣ къ отцу Елена писала между прочимъ: „Дочь твоя тебѣ челомъ бьетъ. Государь мой мужъ послалъ къ тебѣ великихъ пословъ о тѣхъ обидныхъ дѣлахъ, которыя отъ твоихъ людей, съ Божія попущенія, начались. Вся вселенная вопіетъ, и ни на кого, какъ только на меня, что будто я къ тебѣ, государю, пишу, приводя тебя на то дѣло, и говорятъ, какой отецъ бываетъ врагъ дѣтямъ своимъ. Господинъ государь-батюшка! Вспомни, что я служебница твоя, и ты отдалъ меня за такого же брата своего, какъ и ты самъ. Вѣдаешь и самъ, что ты далъ ему за мною, и что я ему потомъ принесла; однако, государь и мужъ мой, король и великій князь Александръ взялъ меня съ доброю волею и держалъ меня въ чести и жалованьи и въ той любви, какая прилична мужу къ своей подругѣ; и теперь держитъ въ той же мѣрѣ, нисколько не нарушая первой ласки и жалованья, позволяетъ мнѣ сохранять греческую вѣру, ходить по своимъ церквамъ, держать на своемъ дворѣ священниковъ, дьяконовъ и пѣвцовъ для совершенія литургіи и другой службы Божіей, какъ въ Литовской землѣ, такъ и въ Польшѣ, и въ Краковѣ, и по всѣмъ городамъ. Мой государь мужъ не только въ этомъ, да и въ другихъ дѣлахъ, ни въ чемъ передъ тобою не отступилъ отъ своего договора и крестнаго цѣлованія... Король, его мать, братья, зятья, сестры, паны-рада,—вся земля,—всѣ надѣялись, что со мною изъ Москвы въ Литву пришло все доброе, вѣчный миръ, кровная любовь, дружба и помощь на поганство; но теперь видятъ, что со мною пришло всевозможное зло: война, рать, осада, сожженіе городовъ и волостей; проливается христіанская кровь; жены остаются вдовами, дѣти сиротами, плѣнъ, плачъ, крикъ, вопль. Вотъ каково жалованье, какова любовь твоя ко мнѣ... Вся вселенная, государь, ни на что, а только на меня вопіетъ, что это кровопролитіе сталось отъ моего прихода въ Литву, будто я государю моему пишу и тебя на это привожу; если-бъ, говорятъ, она хотѣла, никогда того лиха не было бы! Мило отцу дитя; какой отецъ врагъ дѣтямъ своимъ? И сама разумѣю и вижу по міру, что всякій печалуется дѣтками своими, только одну меня по моимъ грѣхамъ Богъ забылъ. Слуги наши чрезъ силу свою, трудно повѣрить какую, казну даютъ за дочерьми своими, и не только даютъ, но потомъ [illegible] наѣщаютъ и посылаютъ, и дарятъ, и тѣшатъ, и не одни паны,

всѣ простые люди дѣтокъ своихъ утѣшаютъ; только на одну меня Господь Богъ разгнѣвался, что пришло такое нежалованіе. Я, господинъ государь, служебница твоя, ничѣмъ тебѣ не согрубила, ничѣмъ передъ тобою не согрѣшила, и изъ слова своего не выступила. А если кто иное скажетъ,—пошли, господинъ,ословъ своихъ, кому вѣришь: пусть обо всемъ испытно довѣдаются и тебѣ скажутъ... За напрасную нелюбовь твою нельзя мнѣ и лица своего показать передъ родными государя моего мужа, и потому съ плачемъ тебѣ, государю моему, челомъ бью: смилуйся надъ убогою дѣвкою своею; не дай недругамъ моимъ радоваться о бѣдѣ моей и веселиться о плачѣ моемъ. Когда увидятъ твое жалованье ко мнѣ, то я всѣмъ буду и грозна, и честна, а не будетъ твоей ласки—самъ, государь отецъ, можешь разумѣть, что всѣ родные и подданные государя моего покинутъ меня... Служебница и дѣвка твоя, королева польская и великая княгиня литовская, Олена, со слезами тебѣ, государю отцу своему, низко челомъ бьетъ".

Почти то же писала Елена и матери своей и братьямъ. Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ на письмо дочери такъ:

„Что ты, дочка, къ намъ писала, то тебѣ непригоже было писать... Намъ гораздо вѣдомо, что мужъ твой посылалъ къ тебѣ отступника греческаго закона, владыку смоленскаго и бискупа виленскаго и чернецовъ бернардиновъ, чтобы ты приступила къ римскому закону; да не къ тебѣ одной посылалъ, а ко всей Руси, посылалъ, которая держитъ греческій законъ, чтобы приступали къ римскому закону. А ты бы, дочка, помнила Бога и наше родство, и нашъ наказъ и держала бы греческій законъ крѣпко, и къ римскому закону не приступала бы, и римской церкви, и папѣ не была бы послушна ни въ чемъ, и не ходила бы къ римской церкви, и не норовила бы никому душой, и мнѣ, и себѣ, и всему роду нашему не чинила бы безчестія. Хотя бы тебѣ, дочка, пришлось за это и до крови пострадать,—пострадай!.. Бей челомъ нашему зятю, а своему мужу, чтобы тебѣ церковь греческаго закону поставилъ, да чтобы и пановъ, и паней далъ бы тебѣ греческаго закона, а пановъ и паней римскаго закона отъ тебя отвелъ. А если ты приступишь къ римскому закону волею или неволей, погибнетъ душа твоя отъ Бога и быть тебѣ отъ насъ въ неблагословеніи, и я тебя не благословлю, и мать тебя не благословитъ, а зятю своему мы того не спустимъ; будетъ у насъ съ нимъ непрерывная рать".

Венгерскій король и папа со своей стороны просили также Ивана Васильевича о примиреніи съ Литвою. Польскіе послы добивались того, чтобы заключить „вѣчный" миръ, и чтобы московскій великій князь отдалъ обратно Литвѣ завоеванныя земли. Иванъ Васильевичъ не согласился. Было заключено лишь перемиріе. За Москвою оставались земли князей, перешедшихъ къ Ивану Васильевичу; при томъ онъ открыто заявилъ, что будетъ добывать отъ Литвы древнія русскія земли, захваченныя ею.

— „Отчина королевская, говорилъ онъ,—земля Польская и Литовская, а Русская земля—наша отчина. Кіевъ, Смоленскъ и многіе другіе города—давнее наше достояніе. Мы ихъ будемъ добывать".—„Хотите вѣчнаго мира, сказалъ онъ въ заключеніе литовскимъ посламъ,—отдайте Смоленскъ и Кіевъ".

Перемиріе было заключено, по волѣ Ивана Васильевича, на шесть лѣтъ (съ 1503 по 1509 годъ).

Церковныя смуты.

Много смуты было на Руси въ церковныхъ дѣлахъ въ это время. Русскій народъ былъ очень набоженъ. Иностранцевъ, заѣзжавшихъ въ русскія земли, всегда поражало обиліе церквей. Строились онѣ безпрестанно. Постигала какая либо бѣда городъ съ его областью: бездождіе, голодъ, моръ, — жители спѣшили молитвою отвратить бѣду, ставили по обѣту „обѣтныя“ церкви, воздвигали ихъ иногда въ одинъ день, даже въ одно утро, и въ тотъ же день освящали. Жители города или селенія сговаривались на сходѣ соорудить такую „обыденную“ церковь, шли въ лѣсъ, рубили бревна, свозили ихъ, а иногда изъ усердія на плечахъ сносили ихъ на мѣсто и всѣмъ міромъ строили цер-

Старинная деревянная церковь.

ковь во имя дневного святого. Если бѣда не прекращалась, строили новую обыденную церковь другому святому и т. д. Во всѣхъ городахъ было такъ много церквей, что иногда нечѣмъ было ихъ содержать, не доставало на всѣ церкви причта, и приходилось отыскивать свободныхъ священниковъ, которыхъ и призывали по временамъ служить въ тѣхъ церквахъ. По главнымъ храмамъ часто называли и города, такъ Новгородъ назывался городомъ Св. Софіи; Псковъ— Св. Троицы; Московская область звалась землею Богородицы (по Успенскому собору въ Москвѣ). Рѣка Угра на границѣ съ Литвою называлась поэтому поясомъ Богородицы и т. п. Сильно заботились предки наши также объ украшеніи храмовъ. Красивыя колокольни, „доброгласные и многошумные“ коло-

кола, богатые блистающіе золотомъ и драгоцѣнными камнями оклады на иконахъ очень занимали благочестивыхъ русскихъ людей.

Сильна была вѣра въ чудотворную силу нѣкоторыхъ св. иконъ и мощей святыхъ угодниковъ. Въ разныхъ городахъ были свои мѣстныя святыни. Москва, собирая около себя всю Русскую землю, стала собирать къ себѣ, начиная съ перенесенія Владимірской иконы, и русскія мѣстныя святыни съ разныхъ концовъ и такимъ образомъ становилась дорогимъ священнымъ городомъ для всей Русской земли. Въ честь новоявленныхъ святыхъ и св. иконъ устанавливались новые праздники. Постоянно совершались молебствія и крестные ходы; предъ большими праздниками толпы богомольцевъ двигались по пути къ разнымъ монастырямъ, къ разнымъ мѣстамъ, гдѣ была какая либо святыня. Изъ сѣверныхъ монастырей послѣ Троице-Сергіевской лавры особенно высоко чтился Кирилло-Бѣлозерскій монастырь (возникъ въ XIV ст.). Строго соблюдались посты, подолгу выстаивали благочестивые люди въ храмахъ на долгихъ праздничныхъ богослуженіяхъ, усердно произносили молитвы, свято соблюдали всякіе благочестивые обряды.

Набожны, богомольны были русскіе люди того времени, но многимъ ли изъ нихъ понятенъ былъ внутренній смыслъ ученія Христова? Многіе ли соблюдали главныя заповѣди Христовы? Жалобы современниковъ на насилія, лихоимство, алчность и разные пороки, въ которыхъ погрязли люди того времени, показываютъ, что нѣтъ. Далеко невсегда понимали они, въ чемъ заключается свѣтъ и правда христіанства, хоть и называли себя православными христіанами и гнушались всѣхъ неправославныхъ. И винить ихъ за это нельзя было,—учить ихъ было некому.

Татарскій погромъ, ужасная народная нищета, постоянные поборы страшной дани два съ половиной вѣка не давали очнуться русскому народу. Съ благодатнаго юга орды татаръ оттѣснили русскую жизнь на бѣдный сѣверо-востокъ; сношенія съ Византіей затруднились, а латинскаго запада русскіе всегда чуждались; съ нимъ были сношенія только торговыя чрезъ Новгородъ.

Гдѣ нужда да бѣда, тамъ тѣсно и наукѣ. Послѣ принятія христіанства книжное дѣло пошло было на Руси бойко. Церковныя книги переписывались, переводились съ греческаго поучительныя сочиненія, составлялись сборники, житія святыхъ. И не только духовныя лица заботились о книжномъ дѣлѣ, но и между князьями и боярами были „книголюбцы“, которые скупали рукописи, не жалѣя денегъ, нанимали писцовъ, чтобы списывать книги, изучали греческій языкъ, пробовали сами писать сочиненія. Но наступила тяжкая пора татарщины, — и просвѣщеніе все больше и больше стало глохнуть на Руси; глохло оно и тамъ, гдѣ безъ него никакъ ужь обойтись нельзя было,—въ церкви. Въ XIV вѣкѣ школъ на Руси совсѣмъ не было. Тѣ, кто хотѣлъ научиться грамотѣ, могъ перенять ее кое-какъ отъ духовныхъ лицъ, да церковныхъ причетниковъ. Эти лица (мастера, какъ ихъ звали) сами были не сильны въ книжномъ дѣлѣ, — не могли многому научить своихъ учениковъ, и приходилось нерѣдко ставить въ священники совсѣмъ почти безграмотныхъ людей. Новгородскій владыка Геннадій въ своемъ посланіи митрополиту горько жалуется на это.

— „Приводятъ ко мнѣ, пишетъ онъ, мужика въ попы ставить. Я велю

ему читать Апостолъ, а онъ и ступить не умѣетъ: приказываю ему дать Псалтирь, а онъ и по той едва бредетъ. Откажу я ему,—и на меня жалобы: земля, господине, такова; не можемъ добыть, кто бы умѣлъ грамотѣ... Бытъ мнѣ челомъ, господине, вели учить. Приказываю учить эктенію, а онъ и къ слову пристать не можетъ; ты говоришь ему то, а онъ говоритъ иное. Я велю имъ учить азбуку, а они поучатся мало азбукѣ да просятся прочь и не хотятъ ее учить"...

Даже и высшія духовныя лица были часто люди некнижные, — своихъ поученій говорить не могли; понадобилось составить для нихъ сборникъ готовыхъ поученій на воскресные и праздничные дни. Но съ чужимъ знаніемъ и умѣніемъ далеко не уйдешь. У грековъ наряду съ хорошими книгами было не

Кирилло-Бѣловерскій монастырь.

мало дурныхъ сочиненій, гдѣ вкривь и вкось объяснялось священное писаніе, а нерѣдко вносились и завѣдомо ложныя толкованія. Эти книги справедливо осуждались ученымъ византійскимъ духовенствомъ, ихъ запрещали, называли ложными, отреченными книгами (апокрифы). Наше же духовенство по своему невѣжеству пользовалось и этими книгами и усвоивало различныя ложныя толкованія. Если и высшее, избранное духовенство, епископы, — и тѣ не сильны были просвѣщеніемъ, то нечего и говорить о низшемъ духовенствѣ, о священникахъ, которымъ и простая грамотность съ трудомъ давалась. Гдѣ было имъ толковать священное писаніе, учить мірянъ, когда сами они по большей части не разумѣли его. Такимъ приходилось даже запрещать поучать народъ, чтобы не сбивали его съ толку. Мудрено ли, что при такомъ упадкѣ духовнаго про-

свѣщенія и міряне не понимали истиннаго смысла ученія Христова, — соблюдали церковные обряды, строго держались постовъ, долго и усердно молились, — и думали, будто все, что требовалось отъ христіанина, ими сдѣлано. Даже молитвы и обряды въ полной чистотѣ сохраниться не могли; съ ними смѣшивались разныя языческія суевѣрія и обычаи.

Темна и мелка была мірская жизнь въ тѣ времена, а нравы были страшно грубы. Человѣку съ большимъ умомъ и чуткимъ сердцемъ часто невмочь становилось жить въ „міру“. Лучшіе люди того времени, подвижники, чуждались мірянъ, презирали мірскую жизнь, полную грѣха и соблазна, бѣжали отъ нея. Человѣческому уму не было тогда гдѣ развернуться, не было для него настоящаго дѣла: никакихъ наукъ тогда и въ поминѣ не было; общественнаго дѣла, гдѣ приходится пораскинуть умомъ, потрудиться на общую пользу, тоже не было; при томъ тогда даже думнымъ боярамъ не позволялось „высокоумничать“. Человѣку оставалось заниматься только своими мелкими, житейскими дѣлами, — умъ его мельчалъ, обращался въ хитрость, въ смѣтливость, въ житейскую ловкость, въ умѣнье обдѣлывать свои дѣлишки. Болѣе чуткіе люди, конечно, понимали, что такой мелкій умъ большой цѣны не имѣетъ. А въ дѣлахъ вѣры умъ человѣческій еще меньше цѣнился: здѣсь требовалось всѣмъ сердцемъ вѣрить тому, что дано высшимъ божественнымъ разумомъ. Что надо было истолковать, то истолковано апостолами и святыми отцами церкви. Объяснять что либо по своему значило впадать въ ересь, въ суемудріе, въ гордость. Какъ своеволіе въ мірскихъ дѣлахъ считалось преступнымъ, такъ и своемысліе въ дѣлахъ вѣры считалось грѣховнымъ. Такимъ образомъ умъ могъ считаться источникомъ грѣха.—Отсюда нетрудно было придти къ презрѣнію ума. Были на Руси особенные подвижники — „юродивые“, — они отрекались не только отъ всѣхъ благъ и радостей мірскихъ, но и отъ разума, этого высшаго человѣческаго дара. Юродивые старались уподобиться „дѣтямъ несмысленнымъ“, прикидывались безумными, творили всякія чудачества, чтобы вызвать насмѣшки, брань, даже побои. Чѣмъ больше удавалось имъ потерпѣть отъ легкомысленныхъ людей, тѣмъ больше достигалась цѣль ихъ подвижничества, „юродства ради Христа“. Часто между юродивыми были очень дальновидные, чуткіе люди. Нерѣдко они смѣло высказывали горькую правду сильнымъ людямъ; своимъ дѣтскимъ незлобіемъ, чистотою сердца и самоотверженіемъ они служили живымъ укоромъ своекорыстнымъ и жестокимъ людямъ. Но людей съ просвѣщеннымъ умомъ, — людей, могущихъ объяснять мірянамъ, какъ надо жить не только на пользу себѣ, но и другимъ, въ чемъ состоитъ истинное христіанское благочестіе, — такихъ людей на бѣду не было, а въ нихъ то и была особенная нужда.

Всею душою хотѣлъ русскій человѣкъ чтить Бога, Богъ былъ въ его сердцѣ, но теменъ былъ его умъ, не понималъ, какъ надо чтить Бога, какъ угодить Ему; научить же уму-разуму было некому!

Когда нѣтъ истинныхъ наставниковъ, часто за дѣло берутся разные лжеучители. Еще въ концѣ XIV вѣка стало распространяться ложное ученіе (ересь) во Псковѣ и Новгородѣ. Былъ тогда обычай брать со вновь поставленныхъ священниковъ такъ называемую ставленную пошлину. На этотъ обычай многіе роптали: бѣднымъ, хотя бы и достойнымъ лицамъ, очень трудно было попасть въ

священники. Одинъ дьяконъ по имени Никита и нѣкто Карпъ стригольникъ (одни объясняютъ, что онъ былъ разстрига-дьяконъ, другіе — что онъ былъ по ремеслу стригольникъ)—стали убѣждать народъ, что тѣ пастыри церкви, которые поставлены на мздѣ, незаконны. Далѣе они стали укорять все духовенство тѣмъ, что оно беретъ поборы съ живыхъ и мертвыхъ; что оно дурно живетъ; что всѣ священнодѣйствія и таинства, совершаемыя такими недостойными лицами, не имѣютъ никакой силы. Въ своихъ отрицаніяхъ еретики (лжеучители) шли все дальше и дальше: они начали учить, что отъ недостойныхъ священниковъ не надо принимать ни крещенія, ни отпущенія грѣховъ, ни причащенія и пр.; затѣмъ стали устранять всякое священнодѣйствіе; право учить вѣрѣ, по ихъ словамъ, должно принадлежать всѣмъ мірянамъ. Каяться, говорили еретики, можно безъ священника, припадая къ землѣ; таинство причащенія надо понимать въ духовномъ смыслѣ; другіе таинства и обряды совсѣмъ не нужны. Нѣкоторые изъ еретиковъ шли еще дальше, стали отвергать воскресеніе мертвыхъ и т. д. Говорили эти лжеучители горячо и красно, при томъ жизнь вели строгую, посты соблюдали. Понятно, что они увлекли многихъ, и стала распространяться эта ересь даже среди людей грамотныхъ, которые и раньше задумывались надъ вопросами вѣры и видѣли церковное нестроеніе.

Изъ Пскова ересь перешла въ Новгородъ. Никита и Карпъ явились и сюда; но владыка новгородскій отлучилъ ихъ отъ церкви, а народъ схватилъ ихъ и кинулъ въ Волховъ (1375 г.). Однако, сторонники ихъ продолжали распространять ересь. Нѣсколько разъ патріархи византійскіе присылали посланія противъ нея. Во Псковѣ, наконецъ, многихъ еретиковъ посадили въ тюрьмы, другихъ казнили; но ересь все-таки еще держалась и распространялась втайнѣ; называлась она ересью стригольниковъ.

Въ концѣ XV и въ началѣ XVI в. стала распространяться здѣсь новая ересь—ересь жидовствующихъ. Въ Новгородъ занесъ ее кіевскій ученый еврей Схарія. Онъ отрицалъ ученіе о Троицѣ, о божественности Іисуса Христа, Ветхій завѣтъ ставилъ выше Новаго, отвергалъ ученія отцовъ церкви, почитаніе св. мощей и иконъ, церковныя таинства, обряды, монашество. Ересь эта представляла смѣсь іудейства и христіанства. Въ Новгородѣ Схарія нашелъ много сторонниковъ: между ними были духовныя лица и самые образованные новгородцы. Главные еретики отличались благочестивою жизнью, большой ученостью; говорили они убѣдительно, — спорить съ ними было не подъ силу малообразованнымъ священникамъ. Понятно, что лжеучители легко могли сбивать съ толку людей, вовлекать ихъ въ ересь, и она расходилась все шире и шире.

Въ 1480 г. былъ въ Новгородѣ великій князь. Тутъ ему понравились два священника—Діонисій и Алексѣй. Онъ взялъ ихъ съ собою въ Москву, назначилъ ихъ протопопами, одного—въ Архангельскій, другого—въ Успенскій соборъ. Оба они были заражены ересью и стали тайно распространять ее въ Москвѣ. Тутъ нашлось много послѣдователей, даже между духовными лицами и мірянами: къ ереси пристали архимандритъ Симонова монастыря Зосима, любимый государевъ дьякъ Ѳедоръ Курицынъ и даже невѣстка великаго князя Елена.

Еретики вели себя очень осторожно: предъ людьми твердыми въ православ-

ной вѣрѣ они старались казаться строгими ревнителями православія, но людей слабыхъ мало по малу опутывали и склоняли въ ересь. Особенно хлопотали они о томъ, чтобы на священническія мѣста проводить своихъ соумышленниковъ, и это имъ часто удавалось. Такимъ образомъ, ересь втайнѣ разливалась все шире и шире.

Первый открылъ ее новгородскій владыка Геннадій. Напалъ онъ на явный слѣдъ ея въ 1487 г. случайно: нѣкоторые еретики въ пьяномъ видѣ сами проговорились. Геннадій велѣлъ произвести розыски. Дознались, что еретики хулятъ Сына Божія, Богородицу, ругаются надъ святыми иконами. Добыты были и нѣкоторыя ихъ книги и тетради. Геннадій далъ знать о ереси въ Москву великому князю и митрополиту.

Митрополитъ Геронтій, человѣкъ слабый, не ладилъ съ Геннадіемъ и былъ не въ милости у великаго князя. Рѣшительныхъ мѣръ противъ ереси не принималось; у еретиковъ были сильные заступники при дворѣ.

Когда умеръ Геронтій, то по происканъ еретиковъ князь пожелалъ, чтобы въ митрополиты былъ избранъ Зосима, Симоновскій архимандритъ. Еретики торжествовали: новый митрополитъ, зараженный ересью, былъ для нихъ свой человѣкъ. Онъ сталъ донимать Геннадія разными придирками.

Но Геннадій, рѣшительный, настойчивый и строгій ревнитель православія, не оставилъ начатаго дѣла: онъ писалъ посланія не только великому князю, митрополиту, но и другимъ архіереямъ,—убѣждалъ ихъ требовать немедленно собора, розыска еретиковъ и самаго строгаго суда надъ ними. Въ посланіи къ князю Геннадій указывалъ ему на примѣръ Фердинанда, испанскаго короля, который лютыми казнями и кострами искоренялъ ересь въ своихъ земляхъ. Своимъ товарищамъ-владыкамъ онъ совѣтовалъ ни подъ какимъ видомъ не допускать преній о вѣрѣ съ еретиками.

„Люди у насъ просты, писалъ онъ, не умѣютъ говорить,—лучше о вѣрѣ не плодить никакихъ рѣчей, а для того только соборъ учинить, чтобы еретиковъ казнить, жечь и вѣшать... Надобно ихъ пытать накрѣпко, чтобы дознаться, кого они прельстили, чтобы искоренить ихъ совсѣмъ и отрасли ихъ не оставить“.

Въ XIII в. епископъ Владимірскій Серапіонъ сильно возставалъ противъ людей, вздумавшихъ убивать волхвовъ, какъ еретиковъ; а теперь ревнитель православія требовалъ лютой казни еретикамъ: другого средства бороться съ ними не было; невѣжественнымъ духовнымъ лицамъ пускаться въ споры съ еретиками было даже опасно. Невѣжество такимъ образомъ вело къ жестокости, противной христіанскому духу...

Благодаря посланіямъ Геннадія, дѣло получило такую огласку, что уже нельзя было его замять, какъ хотѣлось митрополиту. По настоянію архіереевъ онъ принужденъ былъ въ 1490 г. созвать соборъ. Здѣсь еретики были преданы проклятію. Нѣкоторые изъ нихъ, которыхъ нельзя было укрыть, сосланы были въ ссылку. Еретиковъ, бѣжавшихъ изъ Новгорода, отправили къ Геннадію.

Невиданное еще до тѣхъ поръ зрѣлище пришлось увидѣть новгородцамъ. По городу возили еретиковъ, посаженныхъ верхомъ на клячъ лицомъ къ хвосту; на еретикахъ была надѣта одежда на-выворотъ; на головахъ у нихъ были

соломенные вѣнцы, остроконечные берестовые колпаки съ мочальными кистями и съ надписью: „се есть сатанино воинство“. Нашлись такіе, что плевали еретикамъ въ глаза и кричали: „Вотъ враги Божіи, хулители Христа!“... Послѣ поруганія еретиковъ на головахъ у нихъ зажгли берестовые колпаки.

Но позоромъ и казнью ересь не была ослаблена. Наиболѣе сильные еретики уцѣлѣли. А тутъ еще случилось обстоятельство, которое на время придало новую силу ереси. Еще въ древнія христіанскія времена на востокѣ составилось суевѣрное убѣжденіе, что міръ будетъ существовать только 7000 лѣтъ. Въ 1492 году какъ разъ истекала седьмая тысяча лѣтъ (отъ сотворенія міра до Р. Х. считалось 5508 лѣтъ). Наступалъ конецъ міра и страшный судъ... Ужасъ обуялъ суевѣрныхъ. Раньше и духовенство держалось мысли, что чрезъ 7000 лѣтъ отъ сотворенія наступитъ кончина міра. Но роковой 1492 годъ прошелъ, и еретики стали смѣяться надъ православными, ругались надъ ихъ книгами, надъ воскресеніемъ мертвыхъ, надъ страшнымъ судомъ.

Геннадій продолжалъ всѣми силами бороться съ ересью. Нашелся ему сильный помощникъ—Іосифъ Волоцкій. Съ юныхъ лѣтъ Иванъ Санинъ (мірское имя Іосифа) полюбилъ строгую иноческую жизнь. Страшно сурова была жизнь въ Боровскомъ монастырѣ, гдѣ постригся юный подвижникъ, но онъ былъ изъ тѣхъ могучихъ духомъ людей, которыхъ не пугаютъ тяжкіе труды и лишенія, не останавливаютъ никакія препятствія. Какъ ни сурова была жизнь въ Боровскомъ монастырѣ, но Іосифу казалась она недостаточно строгой. Онъ основалъ свой собственный монастырь въ лѣсахъ Волоколамскихъ съ самымъ строгимъ уставомъ. Вотъ этотъ суровый подвижникъ съ несокрушимой волей выступилъ борцомъ противъ ереси, которая видимо крѣпла, находя опору въ митрополитѣ.

„Съ того времени, писалъ Іосифъ суздальскому епископу, какъ возсіяло въ землѣ нашей солнце православія, у насъ никогда не бывало такой ереси: въ домахъ, на дорогахъ, на рынкѣ,—всѣ иноки и міряне съ сомнѣніемъ разсуждаютъ о вѣрѣ, опираются они не на ученіи пророковъ, апостоловъ и св. отцовъ, а на словахъ еретиковъ, отступниковъ христіанства; съ ними дружатся, учатся отъ нихъ жидовству, а отъ митрополита еретики не выходятъ изъ дому, даже спятъ у него“.

Іосифъ въ своихъ посланіяхъ къ русскимъ епископамъ, къ вел. князю, смѣло изобличалъ въ ереси самого митрополита, требовалъ, чтобы владыки, вѣрные православію, отказались бы отъ всякаго общенія съ Зосимою, не принимали бы отъ него благословенія. Наконецъ, онъ добился-таки своего: Зосима былъ отставленъ (1494 г.) отъ митрополіи „за пьянство и нерадѣніе о церкви“.

Іосифъ уговаривалъ вел. князя казнить еретиковъ; но тотъ долго медлилъ. Въ это время большую силу при дворѣ имѣла Елена, невѣстка вел. князя, зараженная ересью, да и самъ великій князь одно время склонялся къ ней: по крайней мѣрѣ онъ впослѣдствіи самъ каялся, что зналъ о ереси. Понятно, какъ трудно было ревнителямъ православія бороться съ нею. При томъ не всѣ духовныя лица, подобно разгоряченному борьбой Геннадію и суровому Іосифу, стояли за лютыя казни.

Въ то время, какъ Іосифъ требовалъ, чтобы огнемъ безпощадно выжечь

язву ереси изъ русскаго народа, слышался голосъ другого великаго русскаго подвижника—кроткаго Нила Сорскаго и его послѣдователей, старцевъ Кириллобѣлозерскаго монастыря. Они напоминали о христіанской кротости, о христіанскомъ прощеніи.

Но Іосифъ настойчиво добивался у князя расправы съ еретиками. Наконецъ вел. князь послѣ долгихъ колебаній созвалъ соборъ (1504 г.), чтобы окончательно рѣшить дѣло о ереси. Іосифъ требовалъ, чтобы безъ пощады казнить главныхъ еретиковъ, не обращая вниманія на ихъ раскаяніе. Соборъ обвинилъ и предалъ проклятію нѣсколькихъ уличенныхъ лжеучителей. Великому князю неудобно было дольше отстаивать ихъ,—и 28-го декабря главные еретики были сожжены въ желѣзныхъ клѣткахъ. Въ Новгородѣ также сожгли нѣсколькихъ. Остальныхъ, менѣе виновныхъ,—однихъ заключили въ тюрьмы, а другихъ разослали по монастырямъ. Іосифу это было не по душѣ.

— „Этимъ ты, государь, говорилъ онъ вел. князю, творишь мірянамъ пользу, а инокамъ погибель".

Ересь не была совершенно истреблена. Она еще существовала втайнѣ и лѣтъ чрезъ 50 снова сказалась.

Борьба съ жидовствующими показала, какъ необходимо просвѣщеніе, подняла вопросъ и о церковномъ нестроеніи. Геннадій жалуется, какъ сказано выше, что приводятъ къ нему почти безграмотныхъ людей ставиться въ священники,—и прямо заявляетъ о необходимости училищъ.

„Челомъ бью государю, пишетъ онъ митрополиту, чтобы велѣлъ училища учинити, да его разумомъ и грозою, а твоимъ благочестіемъ, то дѣло исправится; а ты бы, господинъ отецъ нашъ, государямъ нашимъ, а своимъ дѣтямъ, великимъ князьямъ, печаловался, чтобы велѣли училища учинити; а мой совѣтъ учить въ училищахъ азбукѣ съ толкованіемъ, да псалтырь съ объясненіями, а потомъ могутъ читать всякія книги. А то мужики-невѣжды учатъ ребятъ, только рѣчь имъ портятъ. Выучатъ прежде всего вечерню, за это мастеру (т. е. учителю) надо принести каши да гривну денегъ; за заутреню такъ-же, даже больше того, за часы особо, да сверхъ того еще подарки, какъ рядился. А кто отойдетъ отъ такого мастра, то ничего не умѣетъ,—только по книгѣ бредетъ, а церковнаго устава совсѣмъ не знаетъ".

Неизвѣстно, насколько эти совѣты принесли пользы дѣлу.

Понадобились и книги. Еретики ссылались на библію, а полной библіи не было на Руси; не было также ни одного вполнѣ исправнаго списка псалтыри. Геннадій озаботился составить полный списокъ библіи; недостающія книги ея были переведены съ латинскаго языка. Борьба съ ересью вызвала и новыя сочиненія. Іосифъ написалъ нѣсколько посланій. Они вошли частію въ замѣчательную его книгу „Просвѣтитель". Здѣсь заключаются исторія ереси жидовствующихъ, обличенія ея; тутъ же приводятся всѣ главныя основанія православнаго вѣроисповѣданія.

Борьба съ ересью заставила обратить вниманіе и на церковныя неустройства. Еретики постоянно корили православныхъ, что у нихъ священники ставятся на мздѣ. На соборѣ 1504 г. было постановлено отмѣнить пошлины при постановленіи на священнослужительскія мѣста, чтобы не вводить людей въ со-

Въ 15 верстахъ отъ Кириллова монастыря, въ дремучемъ лѣсу, въ самомъ глухомъ мѣстѣ, на рѣчкѣ Сорѣ, устроилъ онъ скитъ. Такъ возникла Сорская пустынь.

Чтеніе молитвъ и богослуженіе, по мнѣнію Нила, не ведутъ къ спасенію безъ „внутренняго дѣланія“. Настоящее подвижничество, по ученію его, есть борьба съ дурными помыслами, очищеніе души отъ нихъ. Вотъ эту борьбу и называетъ онъ „внутреннимъ, или умнымъ дѣланіемъ“. Побѣда надъ помыслами даетъ душѣ блаженное спокойствіе, приближаетъ ее къ блаженству. „Инокъ, по словамъ Нила, долженъ умереть для всякаго земного попеченія. Церковь въ скитѣ отнюдь не должна была имѣть никакихъ богатствъ и украшеній. Серебро и золото изъ церкви строго изгонялось: „Лучше бѣднымъ помогать, чѣмъ церкви украшать“, говоритъ Нилъ. Только въ крайней нуждѣ, въ случаѣ немощи или болѣзни позволялось инокамъ, жившимъ въ скитѣ, принимать подаяніе, и то самое маленькое. Все необходимое для жизни иноки должны были добывать своими руками. „Если кто не хочетъ работать, пусть и не ѣстъ!“ говоритъ Нилъ. Понятно, что при такомъ взглядѣ на монастырскую жизнь, онъ долженъ былъ возстать противъ обычая монастырей — пріобрѣтать имѣнія. На соборѣ 1504 г. онъ предложилъ, „чтобы селъ у монастырей не было, и чтобы монахи кормились трудами рукъ своихъ“.

Многимъ не по душѣ были эти рѣчи Нила; но сильнѣе всѣхъ противниковъ былъ Іосифъ Волоцкій. Онъ доказывалъ, что имѣнія даютъ возможность монастырю приносить бѣднымъ людямъ большую пользу; что монастыри принимаютъ приношенія богатыхъ, чтобы помогать бѣднымъ (во время голода въ его монастырѣ кормилось постоянно 400—500 человѣкъ). Находилъ Іосифъ и другую пользу въ монастырскихъ имѣніяхъ.

— „Если у монастырей не будетъ селъ, говорилъ онъ, то какъ честному (знатному) и благородному человѣку постричься въ монахи; если-же не будетъ честныхъ старцевъ въ монастыряхъ, то откуда взять на митрополію, или архіепископа, или епископа и на всякія честныя (почетныя) власти? А не будетъ честныхъ старцевъ и благородныхъ, то и вѣрѣ будетъ поколебаніе“.

Это было и справедливо. Монастыри въ то время были единственнымъ пріютомъ грамотности; здѣсь только и встрѣчались „книжные“ люди.

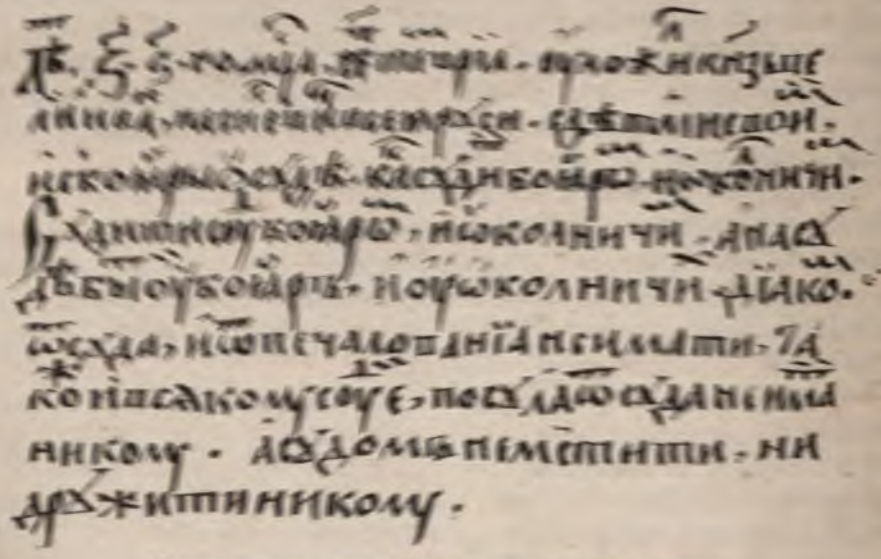
Мнѣніе Іосифа на соборѣ взяло верхъ. Но у Нила тоже были сторонники, и вопросъ о томъ, подобаетъ ли монахамъ, отказавшимся отъ всѣхъ мірскихъ заботъ, владѣть селами, былъ скоро снова поднятъ.

Внутреннія дѣла.

Собирая русскія земли въ одно государство, приходилось подумать и о томъ, чтобы завести одни и тѣ же порядки управленія и судопроизводства.

Иванъ Васильевичъ не любилъ мѣнять старыхъ русскихъ обычаевъ и порядковъ, а старался лишь придать имъ больше правильности. Въ удѣльныя времена князья въ своихъ областяхъ, гдѣ могли, сами правили и слѣдили за всѣми дѣлами, а гдѣ не могли, тамъ ставили своихъ „мужей“, т. е. дружинниковъ, бояръ, и поручали имъ творить судъ и расправу. Эти княжьи намѣст-

ники жалованья не брали, а „кормились“ разными поборами съ мѣстныхъ жителей и судебными пошлинами. Намѣстники и волостели сами себѣ подбирали помощниковъ, давали имъ разныя должности, и они кормились такимъ же образомъ какъ ихъ начальники. Такой же порядокъ остался и при Иванѣ Васильевичѣ. Понятно, сколько насилій и зла могли творить корыстные и нечестные волостели. Могли они и сильно наживаться на счетъ жителей, получая отъ нихъ „кормъ“—деньгами и натурой по нѣскольку разъ въ годъ (обыкновенно предъ большими праздниками), собирая пошлины на судахъ съ истцовъ и отвѣтчиковъ. „Кормъ“ и различные поборы легко обращались въ „посулы“ или взятки. Въ небольшомъ удѣлѣ разные намѣстники и правители были все-таки на виду у князя; но въ обширномъ Московскомъ государствѣ великому князю мудрено было усмотрѣть за ними, — злоупотребленій могло твориться здѣсь гораздо больше.



Образчикъ письма изъ Судебника великаго князя Ивана III.

Легче всего несправедливость сказывается при судопроизводствѣ. На судебное дѣло Иванъ Васильевичъ и обратилъ особенное вниманіе.

Онъ приказалъ дьяку Владиміру Гусеву составить сводъ судебныхъ законовъ изъ разныхъ судныхъ уставовъ и грамотъ прежнихъ князей.

Въ 1497 году Судебникъ былъ изданъ.

Въ Судебникѣ прежде всего указывается, кто долженъ судить: „Судить судъ боярамъ, окольничимъ, и быть при нихъ дьякамъ“. Наиболѣе трудныя и важныя дѣла, которыя „управить будетъ нельзя“, представлять великому князю. Тутъ же въ самомъ началѣ Судебника сказывается забота оградить людей отъ произвола и лихоимства судей: „посуловъ боярамъ и окольничьимъ, и дьякамъ отъ суда и отъ печалованія (просьбъ) не имать, а судомъ не мстити, не дружити никому“. Далѣе точно указывается, какія слѣдуетъ брать судебныя пошлины. На судѣ должны были присутствовать великокняжескій чиновникъ

(дворскій), мѣстный староста и выборные „лучшіе“ люди. Такимъ образомъ, Судебникъ старается оградить отъ обиды и неправды подсудимыхъ.

Самосудъ и самоуправство, какіе допускались въ Русской Правдѣ, въ Судебникѣ Ивана III уже не встрѣчаются. Правительство теперь вошло въ большую силу,—и потому брало въ свои руки и судъ, и расправу. За то суровость и грубость нравовъ сказывается въ Судебникѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ „Русской Правдѣ“. Въ Судебникѣ полагаются пытки, тѣлесныя наказанія, смертная казнь, чего нѣтъ въ Русской Правдѣ. Татарское владычество не мало содѣйствовало грубости и жестокости нравовъ.

Пытать (т. е. различными мученіями вынуждать обвиняемаго признаться въ своей винѣ) полагалось въ томъ случаѣ, если подсудимый возбуждалъ сильное подозрѣніе.

Вора, попавшагося на первой кражѣ, опредѣлено „бить кнутьемъ“. Эта казнь называлась „торговою“ (потому что происходила на торгу, т. е., на площади). Смертная казнь назначена за „лихія дѣла“ (т. е., уголовныя преступленія), разбой, душегубство, святотатство, зажигательство, двукратное воровство, ябедничество и пр.

Въ тяжбахъ, когда трудно было удовлетворить тяжущихся, позволялось имъ рѣшать дѣло „полемъ“, т. е., судебнымъ поединкомъ. Бойцы должны были въ доспѣхахъ биться,—обыкновенно палицами, въ присутствіи судей. Недѣльщики (судебные пристава) смотрѣли, чтобы бой шелъ правильно и не доходилъ до убійства. Побѣдитель считался выигравшимъ тяжбу. Въ иныхъ случаяхъ подсудимымъ (женщинѣ, увѣчному, больному, старику и пр.) позволялось выставлять вмѣсто себя наемныхъ бойцовъ.

Иванъ Васильевичъ старался установить больше порядка и въ сборѣ податей. Земля дѣлилась на участки (сохи). Гдѣ земля была хорошая, тамъ на соху шло ея 800 четвертей, а гдѣ похуже, тамъ 1000 и 1200 (четверть заключала въ себѣ теперешнихъ полторы десятины). Съ каждой сохи брались извѣстныя подати. Въ городахъ и посадахъ, гдѣ жители занимались разными промыслами, подать разсчитывалась по дворамъ; соразмѣрно доходамъ брались и подати. Для того, чтобы это точно соблюдалось, посылали особыхъ писцовъ, которые составляли росписи доходовъ жителей (писцовыя книги). Кромѣ податей, было много различныхъ пошлинъ: при проѣздѣ изъ города въ городъ купецъ долженъ былъ платить таможенныя пошлины, при куплѣ и продажѣ товара—за право заниматься разными промыслами, за судопроизводство,—за все приходилось уплачивать пошлины. Много ихъ установлено было еще въ то время, когда дань шла въ Орду; теперь же сборы шли частію на содержаніе разныхъ намѣстниковъ и волостелей, частію въ казну великаго князя. Богатство его съ каждымъ годомъ росло.

Особенно важной мѣрой Ивана Васильевича было „испомѣщеніе“ боярскихъ дѣтей (обѣднѣвшіе потомки бояръ). Имъ раздавали земли, или помѣстья, въ пожизненное пользованіе, а они обязывались за это нести военную службу, по призыву великаго князя являться въ назначенное мѣсто „конно, людно и

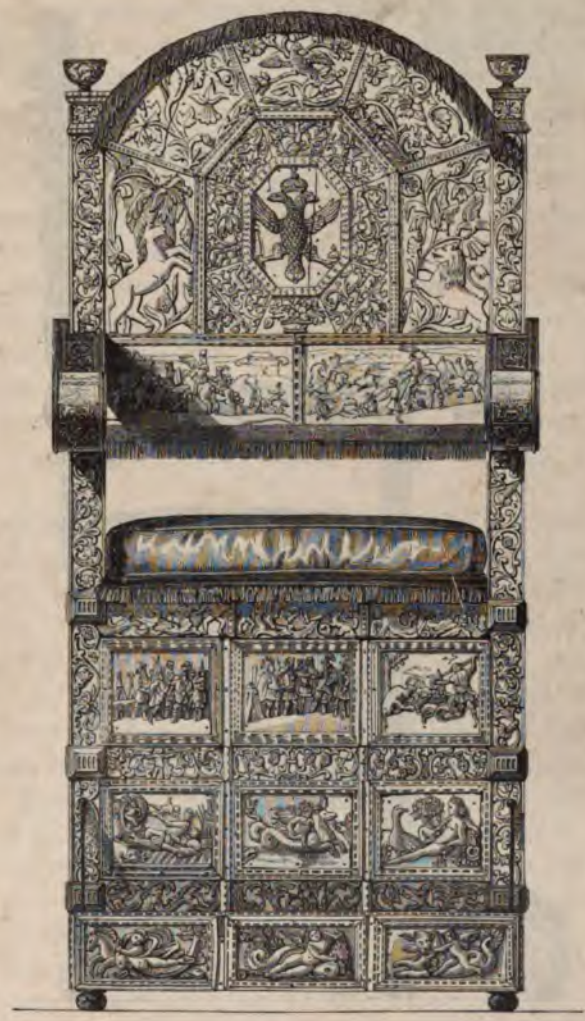
оружно". И раньше былъ обычай надѣлять служилыхъ людей землею; но Иванъ Васильевичъ, завладѣвши новыми областями, раздавалъ помѣстья служилымъ людямъ, или, какъ говорилось тогда, „испомѣщалъ ихъ", цѣлыми тысячами. Понятно, какую могучую силу пріобрѣталъ онъ въ служилыхъ людяхъ, отъ которыхъ всегда, когда хотѣлъ, могъ отобрать помѣстья, могъ за вѣрную службу ихъ наградить и новыми землями. Эти „помѣщики" были вполнѣ въ его рукахъ: они должны были вѣрой и правдой служить государю, отъ гнѣва и милости котораго зависѣла вся ихъ участь.

Чѣмъ могучѣе и богаче становился государь, тѣмъ болѣе росло и значеніе его въ глазахъ бояръ. Въ былыя времена князь считался какъ бы старшимъ товарищемъ среди дружины: безъ совѣта съ нею онъ ничего не предпринималъ, добычею и данью съ нею дѣлился; онъ нуждался въ дружинѣ, — безъ нея онъ былъ безсиленъ; а между тѣмъ каждый дружинникъ былъ человѣкъ вольный, могъ уйти отъ князя, когда хотѣлъ и куда хотѣлъ. Понятно, что князь долженъ былъ жить въ ладу съ дружиной, задабривать ее. Теперь не то. Великому князю московскому заискивать въ боярахъ было нечего: онъ былъ богатъ, и могучъ; по его слову служилые люди, испомѣщенные имъ, немедленно должны были поднять въ защиту его вооруженную силу въ сотни тысячъ людей, а земли и казны было въ его рукахъ столько, что онъ могъ наградить за вѣрную службу, какъ никто. Теперь ужъ бояре ищутъ службы у государя московскаго, какъ милости, покоряются его волѣ, преклоняются предъ нимъ, какъ предъ властелиномъ. Прежде, когда было нѣсколько удѣльныхъ князей, почти равныхъ по силѣ, боярамъ можно было по своему праву выбирать, кому служить; а теперь все попало подъ сильную руку московскаго великаго князя. Приходится ему служить, и служить усердно, — уйти отъ него на Руси уже некуда. Если ужъ очень тяжело становилось, — оставалось только въ Литву уйти; но она уже примкнула въ Польшѣ, и завелись тамъ польскіе порядки, православіе стало колебаться. На уходъ въ Литву начинаютъ смотрѣть теперь всѣ русскіе люди, какъ на измѣну. Все это побуждаетъ бояръ служить вѣрою и правдою московскому государю, искать его милости и жалованія. Не одни бояре, потомки прежнихъ дружинниковъ, но и мелкіе князья, потомки Рюрика и Гедимина, ищутъ государевой милости и службы: имъ самимъ уже не въ моготу было справляться съ разбойничьими шайками татаръ и разныхъ гулящихъ людей. Многіе изъ этихъ мелкихъ князей добровольно обращались въ бояръ московскаго князя: они какъ бы отдавали великому князю свои княжества, т.-е., волости, а онъ имъ давалъ ихъ земли назадъ уже какъ вотчины. Князья-вотчинники должны были служить великому князю наравнѣ съ прочими боярами, а великій князь защищалъ этихъ князей, какъ своихъ людей.

Много набралось бояръ у Ивана Васильевича. Каждый изъ нихъ думалъ больше всего о своей выгодѣ и пользѣ близкихъ родичей своихъ, угождалъ всячески великому князю, старался стать какъ можно ближе къ нему, выше другихъ бояръ; а выше становился тотъ, кто былъ болѣе вѣрнымъ, надежнымъ его слугою.

Византійскіе придворные обычаи, роскошь, величіе и блескъ, водворившіеся съ пріѣздомъ Софіи, должны были еще больше возвысить великаго князя

въ глазахъ всѣхъ окружающихъ. Полюбились и ему самому пышные обряды, торжественные пріемы иноземныхъ посольствъ, когда во всемъ блескѣ своего величія приходилось ему сидѣть на престолѣ въ богатомъ царскомъ облаченіи. Установился обычай цѣловать руку государю, кланяться ему въ землю, „бить челомъ“; бояре въ просьбахъ и обращеніяхъ къ великому князю стали называть себя его рабами, холопами, и уменьшительными именами (Иванецъ, Ѳедо-



Тронъ великаго князя Ивана III.

рецъ, Васюкъ, вмѣсто Иванъ, Ѳеодоръ и Василій). Многимъ боярамъ, помнившимъ старые обычаи, были не по душѣ всѣ эти „новины“; особенно не нравилось имъ то, что не придавалось ужъ прежняго значенія и боярской думѣ; но открыто высказывать своего неудовольствія никто не смѣлъ. Великій князь никому поблажки не давалъ и наказывалъ жестоко... Ослушаться въ чемъ-либо грознаго самодержца было страшно: по одному его знаку головы крамольныхъ

бояръ лежали на плахѣ. Самые знатные сановники и даже духовныя лица, кромѣ смертной казни, могли подвергнуться и позорной торговой казни. Не даромъ звали Ивана Васильевича „Грознымъ".

Высокій ростомъ, красивый, онъ имѣлъ повелительный видъ. Есть извѣстіе, что робкія женщины не выносили его гнѣвнаго взгляда, падали въ обморокъ, а сановники трепетали предъ нимъ. Случалось, что на пирахъ во дворцѣ,

Тронъ великаго князя Ивана III (сбоку).

они иногда просиживали за столомъ по нѣсколько часовъ, не смѣя шевельнуться или проронить слово въ то время, какъ Иванъ Васильевичъ, утомленный бесѣдой, дремалъ. Сидѣли они въ глубокомъ молчаніи,—ждали, когда проснется повелитель и прикажетъ имъ снова веселить его и самимъ веселиться.

Именитые бояре не долюбливали Софію: она держала себя гордо; при томъ ее считали главной виновницей новыхъ порядковъ. Въ 1490 году умеръ

старшій сынъ великаго князя отъ перваго брака — Иванъ. Возникъ вопросъ, кому быть наслѣдникомъ престола: Василію, или внуку его Димитрію, сыну умершаго князя? Затнымъ сановникамъ очень не хотѣлось, чтобы престолъ достался Василію, сыну Софіи. Покойный Иванъ Ивановичъ титуловался великимъ княземъ, былъ какъ бы равнымъ отцу, и потому сынъ его даже по старымъ родовымъ счетамъ имѣлъ право на старшинство. За то Василій, сынъ Софіи Палеологъ, происходилъ отъ знаменитаго царскаго корня. Придворные раздѣлились: одни стояли за Димитрія, другіе—за Василія. Противъ Софіи и ея сына дѣйствовали князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ и зять его Семенъ Ивановичъ Ряполовскій. Это были лица, очень близкія къ государю, и всѣ важнѣйшія дѣла шли чрезъ ихъ руки. Они и вдова умершаго великаго князя Елена пустили въ ходъ всѣ мѣры, чтобы склонить государя на сторону внука и охладить къ Софіи. Пущены были слухи, что Ивана Ивановича извела Софія. Государь видимо сталъ склоняться на сторону внука. Тогда сторонники Софіи и Василія, по большей части люди незнатные, — боярскіе дѣти и дьяки, составили заговоръ въ пользу Василія. Заговоръ этотъ былъ открытъ въ декабрѣ 1497 г. Въ то же время до Ивана Васильевича дошло, что какія то лихія бабы съ зельемъ приходили къ Софіи. Онъ пришелъ въ ярость,—жены и видѣть не хотѣлъ, а сына Василія велѣлъ держать подъ стражей. Главныхъ заговорщиковъ казнили мучительной смертью,—сперва отрубили руки и ноги, а потомъ головы. Бабъ, приходившихъ къ Софьѣ, утопили въ рѣкѣ; многихъ побросали въ тюрьмы.

Желаніе бояръ исполнилось: 4 января 1498 г., Иванъ Васильевичъ короновалъ своего внука съ небывалымъ торжествомъ, какъ будто въ досаду Софіи. Въ Успенскомъ соборѣ среди церкви было устроено возвышенное мѣсто. Здѣсь поставлено было три стула: великому князю, внуку его и митрополиту. На налоѣ лежала Мономахова шапка и бармы. Митрополитъ съ пятью епископами и многими архимандритами отслужилъ молебенъ. Великій ккнязь и митрополитъ заняли свои мѣста на возвышеніи. Князь Димитрій стоялъ предъ ними.

— „Отче митрополитъ,—громко сказалъ Иванъ Васильевичъ, издревле предки наши давали великое княженіе первымъ своимъ сыновьямъ, такъ и я перваго своего сына Ивана при себѣ благословилъ великимъ княженіемъ. Волею Божіею онъ умеръ. Благословляю нынѣ старшаго сына его, внука моего Димитрія, при себѣ и послѣ себя великимъ княжествомъ владимірскимъ, московскимъ, новгородскимъ. И ты, отче, дай ему свое благословеніе".

Послѣ этихъ словъ митрополитъ пригласилъ Димитрія стать на предназначенное ему мѣсто, положилъ ему на преклоненную голову свою руку и громко молился, да сподобитъ Всевышній его своею милостію, да живетъ въ сердцѣ его добродѣтель, вѣра чистая и правосудіе и т. д. Два архимандрита подали митрополиту сначала бармы, потомъ Мономахову шапку, тотъ передавалъ великому князю, а онъ уже возлагалъ ихъ на внука. Вслѣдъ за этимъ послѣдовала эктенія, молитва Богородицѣ и многолѣтіе; послѣ чего духовенство поздравляло обоихъ великихъ князей.

— „Божіею милостію радуйся и здравствуй, — провозгласилъ митрополитъ,—радуйся православный Царь Иванъ, великій князь всея Руси, Само-

держецъ, и съ внукомъ своимъ великимъ княземъ Димитріемъ Ивановичемъ всея Руси, на многая лѣта!"

Затѣмъ митрополитъ привѣтствовалъ Димитрія и произнесъ ему краткое поученіе, чтобы онъ въ сердцѣ имѣлъ страхъ Божій, любилъ правду, милость и судъ праведный и такъ далѣе. Подобное же наставленіе повторилъ внуку и князь. Этимъ обрядъ коронаціи и кончился.

Послѣ обѣдни Димитрій изъ церкви вышелъ въ бармахъ и вѣнцѣ. Въ дверяхъ его осыпали золотыми и серебряными деньгами. Это осыпаніе повторялось у входа въ Архангельскій и Благовѣщенскій соборъ, куда ходилъ нововѣнчанный великій князь помолиться. Въ этотъ день былъ устроенъ у государя богатый пиръ.

Но недолго радовались бояре своему торжеству. И году не прошло, какъ страшная опала постигла главныхъ противниковъ Софіи и Василія, — князей Патрикѣевыхъ и Ряполовскихъ . Семену Ряполовскому отрубили голову на Москвѣ-рѣкѣ. По просьбѣ духовенства, Патрикѣевымъ была оказана пощада. Отца постригли въ монахи въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ, старшаго сына въ Кирилло-Бѣлозерскомъ, а младшаго стали держать подъ стражей въ Москвѣ. Ясныхъ указаній, за что государева опала постигла этихъ сильныхъ бояръ, нѣтъ. При одномъ случаѣ только Иванъ Васильевичъ выразился о Ряполовскомъ, что онъ съ Патрикѣевымъ „высокоумничалъ". Бояре эти, видно, позволяли себѣ своими совѣтами и соображеніями надоѣдать великому князю. Несомнѣнно также, что открылись какія нибудь ихъ козни противъ Софіи и Василія. Въ то же время опала постигла Елену и Димитрія; вѣроятно, участіе ея въ жидовской ереси тоже повредило ей. Софія и сынъ ея опять заняли прежнее свое положеніе. Съ этой поры началъ государь, по словамъ лѣтописцевъ, „нерадѣть о внукѣ", а сына Василія объявилъ великимъ княземъ Новгорода и Пскова. Псковичи, не зная еще, что Димитрій съ матерью попали въ немилость, прислали просить государя и Димитрія, чтобы они держали свою отчину по старинѣ, не назначали бы отдѣльнаго князя во Псковъ, чтобы тотъ великій князь, который будетъ на Москвѣ, былъ бы и во Псковѣ.

Эта просьба разсердила Ивана Васильевича.

— „Развѣ я не воленъ въ своемъ внукѣ и въ своихъ дѣтяхъ, сказалъ онъ въ гнѣвѣ; кому хочу, тому и дамъ княжество!"

Двоихъ изъ пословъ онъ велѣлъ даже посадить въ тюрьму. Въ 1502 г. было приказано Димитрія и Елену держать подъ стражей, на эктеніяхъ въ церкви не поминать ихъ и не величать Димитрія великимъ княземъ.

Отправляя пословъ въ Литву, Иванъ наказывалъ имъ такъ говорить, если дочь или кто иной спросятъ о Василіи:

— „Пожаловалъ государь нашъ сына своего, учинилъ государемъ: какъ самъ онъ государь на государствахъ своихъ, такъ и сынъ его съ нимъ на всѣхъ тѣхъ государствахъ государь".

Посолъ, поѣхавшій въ Крымъ, долженъ былъ говорить о перемѣнахъ при московскомъ дворѣ такъ:

— „Внука своего государь нашъ было пожаловалъ, а онъ сталъ государю нашему грубить; но вѣдь жалуетъ всякій того, кто служитъ и норовитъ, а который грубитъ, того за что жаловать".

Въ 1503 году скончалась Софія. Великій князь, чувствуя уже слабость здоровья, приготовилъ завѣщаніе. Василію между тѣмъ пришла пора жениться. Попытка женить его на дочери датскаго короля не удалась; тогда по совѣту одного придворнаго—грека, Иванъ Васильевичъ послѣдовалъ примѣру византійскихъ императоровъ. Ко двору велѣно было собрать на смотрины красивѣйшихъ дѣвицъ, дочерей бояръ и боярскихъ дѣтей. Собрано было ихъ полторы тысячи. Василій избралъ Соломонію, дочь дворянина Сабурова.

Портретъ великаго князя Ивана III (факсимиле старинной гравюры)

Этотъ способъ женитьбы вошелъ потомъ у русскихъ царей въ обычай. Мало въ немъ было хорошаго: при выборѣ невѣсты цѣнили здоровье да красоту: на нравъ и умъ не обращали большого вниманія. Притомъ женщина, случайно попавшая на престолъ, часто изъ незнатнаго состоянія, не могла держать себя, какъ слѣдуетъ настоящей царицѣ: въ мужѣ она видѣла своего владыку и милостивца, была для него не подругою, а рабою. Равною съ царемъ она никакъ себя не могла признать и сидѣть на престолѣ рядомъ съ нимъ ей казалось некстати; но вмѣстѣ съ тѣмъ ей, какъ царицѣ, не было ровни

между окружающими. Одинокая въ блестящихъ царскихъ покояхъ, въ драгоцѣнныхъ украшеніяхъ, она была словно заключенная; а царь, повелитель ея, былъ тоже одинокимъ на престолѣ. Нравы и порядки двора отзывались и на жизни бояръ, и у нихъ отдѣльность женщинъ отъ мужчинъ, даже затворничество ихъ еще больше усилилось.

Въ тотъ же годъ, какъ совершенъ былъ бракъ Василія, скончался Иванъ Васильевичъ 1505 г. 27 октября 67 лѣтъ отъ роду.

По завѣщанію всѣ его пять сыновей: Василій, Юрій, Димитрій, Симеонъ и Андрей получали надѣлы; но старшему назначено 66 городовъ, самыхъ богатыхъ, а остальные четверо всѣ вмѣстѣ получили 30 городовъ; при томъ у нихъ отнято было право въ удѣлахъ судить уголовныя дѣла и чеканить монету.

Стало быть, младшіе братья ужь никакъ не могли называться государями; они обязывались даже присягой держать великаго князя господиномъ „честно и грозно, безъ обиды“. Въ случаѣ смерти старшаго брата младшіе должны были подчиняться сыну умершаго, какъ своему господину. Такимъ образомъ устанавливался новый порядокъ престолонаслѣдія отъ отца къ сыну. Еще при жизни своей Иванъ Васильевичъ приказалъ Василію заключить подобный договоръ съ Юріемъ, вторымъ сыномъ своимъ; притомъ въ завѣщаніи говорилось: „Если кто изъ сыновей моихъ умретъ и не оставитъ по себѣ ни сына, ни внука, то удѣлъ его весь идетъ сыну моему Василію, а меньшіе братья не вступаются въ этотъ удѣлъ“.

Все свое движимое имущество, или „казну“, какъ тогда говорилось (драгоцѣнные камни, золотыя и серебряныя вещи, мѣха, платья и проч.), Иванъ завѣщалъ Василію.

Княженіе Василія III (1505—1533).

Новые порядки въ Москвѣ.

Иванъ Васильевичъ, этотъ великій собиратель Русской земли, почти довершилъ то дѣло, надъ которымъ раньше такъ упорно трудились московскіе князья. Московское государство выросло и окрѣпло уже настолько, что покончило съ татарскимъ владычествомъ, явилось могучимъ врагомъ Литвы, и потребовало отъ нея возврата русскихъ земель. Выросла и окрѣпла также и власть московскаго государя. Бьютъ челомъ ему, какъ вѣрные слуги, не только потомки прежнихъ дружинниковъ—„вольныхъ людей“, но и потомки Рюрика и Гедимина,—потомки своевольныхъ удѣльныхъ князей, въ былыя времена ни во что не ставившихъ великаго князя; бьютъ челомъ, ищутъ службы и милости его и татарскіе царевичи, потомки тѣхъ, предъ кѣмъ нѣкогда трепетали русскіе великіе князья. Теперь въ глазахъ всѣхъ московскій великій князь—государь-самодержецъ: онъ милостиво жалуетъ того, кто умѣетъ „служить и норовить“ ему, казнитъ безъ милости того, кто вздумаетъ „своевольничать“ и „высокоумничать“.

Василій Ивановичъ во всемъ слѣдовалъ отцу; самодержавіе теперь еще болѣе усилилось: отецъ всетаки бывало совѣтовался съ боярами, допускалъ иногда и противорѣчіе, а сынъ уже не терпѣлъ противъ себя, какъ говорили тогда,

„встрѣчи“ (т. е. противорчѣія) и къ боярамъ былъ немилостивъ. Это и понятно. Бояре сильно не долюбливали его мать Софію за новые придворные порядки, радѣли въ пользу Димитрія Ивановича,—Василій видѣлъ въ нихъ своихъ враговъ. Довѣрялся онъ болѣе людямъ незнатнымъ, дьякамъ, которыхъ привязывалъ къ себѣ разными милостями; онъ только для виду давалъ на обсужденіе боярской думы дѣла, а рѣшалъ ихъ по-своему, совѣтуясь съ дворецкимъ своимъ Шигоной Поджогинымъ да еще съ двумя-тремя довѣренными людьми изъ дьяковъ. Не угодить князю или въ чемъ нибудь перечить ему было очень опасно: въ большой былъ силѣ и чести сначала князь Василій Холмскій, да сталъ „высокоумничать“ и попалъ за то въ тюрьму; другой бояринъ — Берсень осмѣлился жаловаться на то, что великій князь рѣшаетъ всѣ дѣла „запершись самъ-третей“, и на перемѣны при дворѣ, и поплатился за то головою; у третьяго,—дьяка Ѳедора Жаренаго, за „неподобныя и лживыя слова“ отрѣзали языкъ. Митрополитъ Варлаамъ чѣмъ-то не угодилъ государю и былъ свергнутъ. Словомъ, государева опала висѣла надъ головой каждаго сановника: волей-неволей приходилось вѣрно служить и норовить ему. Впрочемъ Василій Ивановичъ не былъ жестокъ: смертныхъ казней при немъ было не особенно много; но онъ считалъ нужнымъ держать бояръ въ страхѣ. Съ именитыхъ бояръ онъ бралъ записи, что они не уйдутъ съ его службы; если же кто пытался бѣжать,—съ того онъ бралъ въ наказаніе большую денежную пеню, отдавалъ виновнаго на поруки другимъ боярамъ, которые должны были платить большія деньги въ случаѣ его бѣгства. Василій Ивановичъ къ своимъ братьямъ относился ласково и милостиво, но при нихъ были люди, которые доносили ему о каждомъ ихъ шагѣ; но онъ не зналъ милости тамъ, гдѣ видѣлъ себѣ помѣху или опасность: племянникъ его и соперникъ, Димитрій Ивановичъ, содержался въ строгомъ заключеніи, и, по словамъ лѣтописца, умеръ „въ нуждѣ и тюрьмѣ“ въ 1509 г.

Подобно отцу Василій Ивановичъ заботился о великолѣпіи двора и объ украшеніи Москвы красивыми постройками. Онъ увеличилъ число придворныхъ сановниковъ. Во время торжественныхъ пріемовъ возлѣ него стояли рынды (тѣлохранители), избранные изъ самыхъ красивыхъ знатныхъ юношей. Одѣтые въ бѣлое атласное платье, съ небольшими серебряными топориками въ рукахъ, они очень нравились и народу, и иноземцамъ.—Подобно отцу, Василій старался привлекать къ себѣ на службу знающихъ иноземцевъ: лѣкарей, зодчихъ, литейщиковъ и пр. Въ нѣкоторыхъ городахъ (Нижнемъ-Новгородѣ, Коломнѣ, Тулѣ и въ др.) были построены каменныя крѣпости; въ Москвѣ сооружено нѣсколько новыхъ красивыхъ церквей. Архангельскій соборъ былъ окончательно достроенъ, а Успенскій—украшенъ, по словамъ лѣтописца, такою чудною живописью, что великій князь, святители и бояре, вошедши въ храмъ, воскликнули: „Мы видимъ небеса!“

Паденіе Пскова и другихъ удѣловъ.

Самымъ важнымъ дѣломъ Василія Ивановича было уничтоженіе послѣднихъ удѣловъ.

Очередь была за Псковомъ. Уже Иванъ Васильевичъ пріучилъ Псковъ

[illegible] не все же тамъ держались еще вѣчевые [illegible] намѣстникомъ князя Репню Оболенскаго. [illegible] не по душѣ псковичамъ: не обра[illegible] обычаи псковскіе, притомъ, по словамъ [illegible] 1509 года великій князь прибылъ [illegible] своихъ бояръ и посадниковъ съ жа[illegible] царь Василію Ивановичу полтораста [illegible] что онъ и люди его обижаютъ народъ.

— [illegible] отчину, какъ дѣлали отецъ и дѣды [illegible] — если придетъ много жалобъ на моего [illegible].

[illegible] великому князю также и намѣст[illegible] части. Посланы были околь[illegible] жалобы Оболенскаго и пскови[illegible] ничего не могли подѣлать. Тогда [illegible] въ Новгородъ намѣстнику и [illegible].

[illegible] найдутъ управу у великаго [illegible] на него жалобъ, тѣмъ [illegible] дѣло. Посадники и [illegible] псковской землѣ, чтобы [illegible] и его людей. Мно[illegible] въ Новгородъ. Съ каждымъ днемъ сюда прибывало [illegible] которые ничего не имѣли про[illegible] судомъ покончить разныя [illegible].

— „[illegible] жалобные люди (т. е. жалобщики), — говорили [illegible] пріѣзжавшимъ псковичамъ, — вотъ [illegible] великій князь дастъ вамъ всѣмъ управу!“

Въ самый праздникъ Крещенія, послѣ водосвятія, было объявлено псковичамъ:

— „Посадники псковскіе, бояре и жалобщики! Государь велѣлъ вамъ всѣмъ собраться на владычній дворъ. Государь хочетъ дать вамъ всѣмъ управу!“

Псковичи собрались, какъ было приказано.

— „Всѣ ли сполна собрались?“ спросили великокняжескіе бояре, когда наполнился дворъ.

— „Всѣ сполна!“ отвѣчали псковичи.

Лучшихъ людей, т. е. посадниковъ, бояръ и именитыхъ купцовъ пригласили въ палату, а младшіе остались на дворѣ.

Тогда имъ было громогласно объявлено:

— „Пойманы есте Богомъ и государемъ, великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ всея Руси“.

Дворъ заперли и переписали всѣхъ псковичей поименно, а затѣмъ развели ихъ по разнымъ домамъ и приказали домохозяевамъ стеречь ихъ. Лучшимъ людямъ, собраннымъ въ палаты, бояре и дьяки отъ имени великаго князя объ-

явили, что въ то время, какъ они, посадники и бояре псковскіе, жалуются на намѣстника, многіе псковичи жалуются на нихъ и ищутъ у великаго князя управы и защиты отъ ихъ насилій; а потому слѣдовало бы на нихъ наложить великую опалу и казнь, но государь желаетъ имъ оказать милость, — простить ихъ, если они исполнятъ волю государеву, а воля его: колоколъ вѣчевой снять, вѣчу во Псковѣ не быть, а судъ править государевымъ намѣстникамъ, какъ во Псковѣ, такъ и во всѣхъ пригородахъ его. „Если же государева жалованья не признаете и воли его не исполните, — сказано было въ заключеніе, — то государь будетъ дѣлать свое дѣло, какъ ему поможетъ Богъ, а кровь христіанская взыщется на тѣхъ, кто воли государевой не исполняетъ“.

Какъ ни горько было на душѣ у псковичей, оставалось имъ только благодарить за эту милость,—могло быть и хуже.

— „На государево жалованье мы здѣсь челомъ бьемъ, но пусть государь и во Псковъ пошлетъ съ тѣми же рѣчами!“ отвѣчали великокняжескимъ боярамъ псковскіе посадники и именитые люди. Они цѣловали крестъ вѣрою и правдою служить Василію, дѣтямъ его и наслѣдникамъ до конца міра.

Скоро вѣсть обо всемъ этомъ достигла до Пскова. Одинъ псковской купецъ ѣхалъ въ Новгородъ съ товаромъ. На пути онъ услышалъ „злую вѣсть“ о томъ, что случилось съ его земляками въ Новгородѣ, бросилъ товаръ на дорогѣ и поскакалъ обратно во Псковъ, чтобы оповѣстить своихъ земляковъ о бѣдѣ.

Страшная вѣсть: „Великій князь нашихъ переловилъ въ Новгородѣ!“ быстро разнеслась по городу. Напалъ страхъ и трепетъ на псковичей. Поднялась тревога. Отъ ужаса и тоски, по словамъ лѣтописца, у псковитянъ „горло пересохло и уста слѣпились“: много Псковъ видѣлъ бѣдъ и невзгодъ, но такой скорби еще не было! Ударили въ вѣчевой колоколъ. Собралось вѣче.

— „Запремте городъ, будемъ обороняться отъ государя!“ кричали нѣкоторые.

Но болѣе благоразумные удерживали слишкомъ рьяныхъ и непокорныхъ.

— „Вѣдь наши посадники и бояре, наши лучшіе люди въ рукахъ государя!“ говорили они; помянули и крестное цѣлованіе государю.

Въ это время пришло во Псковъ отъ лучшихъ людей, задержанныхъ въ Новгородѣ, увѣщаніе не противиться государевой волѣ, не доводить дѣла до крови. Благоразумные и умѣренные взяли верхъ на вѣчѣ и послали гонца съ челобитной великому князю, „чтобы онъ, государь, жаловалъ свою отчину старинную“. Заключалась челобитная такими словами: „а мы, сироты твои, прежде были и теперь неотступны отъ тебя, государя, и не противимся тебѣ. Богъ воленъ да ты въ своей отчинѣ и въ насъ твоихъ людишкахъ“.

Объявить государеву волю Пскову во всей полнотѣ и точности поручено было дьяку Третьяку Далматову. 1510 года, 12 января, прибылъ онъ во Псковъ. Зазвонили на вѣче. Дьякъ взошелъ на возвышенное мѣсто, съ котораго говорили на вѣчѣ, и провозгласилъ отъ имени князя:

— „Если отчина моя, Псковъ, хочетъ прожить въ старинѣ, то должна исполнить двѣ мои воли: чтобы у васъ вѣча не было и колоколъ вѣчевой былъ бы снятъ; быть у васъ двумъ намѣстникамъ, а по пригородамъ намѣстникамъ не быть. Если же этихъ двухъ волей не исполните, то какъ государю Богъ на

сердце положитъ: много у него силы готовой, и кровопролитіе взыщется на тѣхъ, кто государевой воли не сотворитъ. Государь нашъ хочетъ побывать на поклонъ къ Св. Троицѣ во Псковъ".

Сказавши это, дьякъ въ ожиданіи сѣлъ на ступени.

Псковичи „ударили челомъ въ землю" и долго не могли ничего сказать въ отвѣтъ ему отъ слезъ и сердечной печали. Всѣ проливали горькія слезы; развѣ только грудные младенцы не плакали, говоритъ псковской лѣтописецъ. Собравшись съ духомъ, псковичи просили государева посла подождать отвѣта до завтра. Чего было ждать? Старому порядку пришелъ конецъ... Но какъ съ дорогимъ покойникомъ жаль бываетъ разстаться родичамъ, и не торопятся они его хоронить, — хочется хоть поплакать надъ нимъ, такъ и псковичи медлили съ отвѣтомъ, жалѣя разстаться со своей стариной. По словамъ лѣтописца, день прошелъ у нихъ въ плачѣ и рыданіяхъ, — бросались другъ къ другу на шею и обливались слезами.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня въ послѣдній разъ загудѣлъ вѣчевой колоколъ. Сошлись псковичи, явился и Далматовъ.

— „Въ лѣтописяхъ нашихъ, сказали ему псковичи, такъ написано: — съ прадѣдами, дѣдами и съ отцомъ великаго князя крестное цѣлованіе положено, что намъ, псковичамъ, отъ государя своего великаго князя, кто бы онъ ни былъ на Москвѣ, не отойти ни въ Литву, ни къ нѣмцамъ, а жить намъ по старинѣ въ добровольѣ. Отойдемъ въ Литву или къ нѣмцамъ, или отложимся отъ государя, и станемъ жить сами по себѣ, то на насъ гнѣвъ Божій, голодъ, огонь, потопъ и нашествіе поганыхъ. А на государѣ великомъ князѣ тотъ же обѣтъ, какъ и на насъ, если не станетъ насъ держать въ старинѣ. А теперь Богъ воленъ, да государь въ своей отчинѣ—городѣ Псковѣ, и въ насъ, и въ колоколѣ нашемъ, а мы прежней присягѣ своей не хотимъ измѣнять и на себя кровопролитіе принимать. А что государь хочетъ Св. Троицѣ помолиться, въ своей отчинѣ Псковѣ побывать, то мы рады всѣмъ сердцемъ своему государю, что не въ конецъ погубилъ насъ".

Дьякъ ничего не отвѣтилъ на эту рѣчь, велѣлъ спустить вѣчевой колоколъ и въ ту же ночь повезъ его въ Новгородъ къ государю. Псковичи горько оплакивали свои старые порядки.

Скоро и самъ великій князь прибылъ во Псковъ съ вооруженнымъ отрядомъ. Здѣсь на торговой площади встрѣтило его духовенство. Великій князь сошелъ съ коня и пошелъ къ церкви Св. Троицы. Отслужили молебенъ, пропѣли многолѣтіе государю. Благословляя его, владыка сказалъ:

— „Богъ благословляетъ тебя, государь, — взялъ ты Псковъ безъ брани".

При этихъ словахъ псковичи, бывшіе въ церкви, горько заплакали. Великій князь созвалъ къ себѣ „лучшихъ людей псковскихъ". Бояре объявили имъ всѣмъ отъ имени государя, что онъ ихъ жалуетъ, не вступается въ ихъ имущество, но такъ какъ были ему жалобы на ихъ неправды и обиды, то имъ жить во Псковѣ непригоже, и потому надо ѣхать немедля въ московскую землю со своими семьями. Простому народу было объявлено, что управлять имъ будутъ съ этой поры великокняжескіе намѣстники.

Около трехсотъ семействъ было немедленно выслано изъ Пскова въ Москву.

Высланы были также и семейства тѣхъ псковичей, которыхъ раньше задержали въ Новгородѣ. Взамѣнъ ихъ во Псковъ было переселено столько же семействъ изъ московской земли.

Псковской лѣтописецъ горько оплакиваетъ паденіе родного города:

„Отнята слава псковская,—говоритъ онъ,—и было плѣненіе не отъ иновѣрныхъ людей, но отъ своихъ единовѣрцевъ! И кто же не заплачетъ, кто не зарыдаетъ? О, славнѣйшій городъ Псковъ, великій изъ городовъ, чего ты сѣтуешь, о чемъ плачешь? И отвѣчаетъ прекрасный городъ Псковъ: какъ мнѣ не

Старинная церковь во Псковѣ (Успенія Пресв. Богородицы).

сѣтовать, какъ мнѣ не плакать и не скорбѣть о своемъ опустошеніи! Прилетѣлъ на меня многокрылый орелъ, съ крыльями, полными львиныхъ когтей, и взялъ у меня три кедра ливанскіе: красоту мою, богатство мое и дѣтей моихъ исхитилъ; по волѣ Божіей, за грѣхи наши, землю опустошилъ, городъ нашъ разорилъ, людей моихъ плѣнилъ, торжища мои раскопалъ, отцовъ и братьевъ нашихъ развелъ туда, гдѣ не бывали отцы и дѣды наши“.

Многіе тогда, прибавляетъ лѣтописецъ, мужи и жены постриглись въ монастыряхъ, лишь бы не уходить изъ родного города.

Въ бѣдѣ, постигшей Псковъ, лѣтописецъ видитъ наказаніе за грѣхи,

за „злые поклепы, лихія дѣла, за ссоры и неразумное кричанье на вѣчахъ, когда голова не вѣдала, что языкъ говорилъ; своего дома управить не умѣемъ,— замѣчаетъ онъ,—а городомъ владѣть хотимъ. Отъ самоволія и несогласія другъ съ другомъ и были на насъ всѣ эти бѣды".

Великій князь прислалъ во Псковъ своихъ намѣстниковъ и дьяковъ управлять и творить судъ. Тяжело было псковичамъ привыкать къ новымъ порядкамъ, къ „московской правдѣ". Немилостивы и несправедливы, видно, были и эти первые московскіе правители во Псковѣ. „Правда ихъ и крестное цѣлованіе,—горько жалуется псковской лѣтописецъ,—взлетѣла на небо, а кривда стала между нихъ ходить!"

Старинная Богоявленская церковь во Псковѣ.

Прежде во Псковѣ была торговля свободная; за право торговли съ купцовъ ничего не брали; теперь были введены пошлины. Удаленіе изъ Пскова многихъ богатыхъ купеческихъ семействъ и пошлины повредили сильно торговлѣ его.

Нѣсколько лѣтъ спустя Василій Ивановичъ завладѣлъ Рязанью. Онъ и раньше тутъ распоряжался какъ въ своей землѣ, и здѣшній князь на дѣлѣ былъ только московскимъ намѣстникомъ. Молодому рязанскому князю Ивану Ивановичу хотѣлось полной независимости; завелъ онъ сношенія съ крымскимъ ханомъ,—думалъ съ его помощью отдѣлаться отъ Москвы. Объ этомъ во время провѣдалъ Василій Ивановичъ. Онъ подкупилъ самыхъ близкихъ людей и совѣтниковъ рязанскаго князя, зазвалъ его къ себѣ въ Москву, посадилъ его подъ стражу, а его мать заключилъ въ монастырь. Рязанская область была присоединена къ Москвѣ (1517 г.). Рязанскому князю удалось, впрочемъ, убѣжать

изъ Москвы въ Литву, но область его осталась за Москвою; а жителей такъ же, какъ раньше новгородцевъ, а потомъ псковичей, цѣлыми толпами выселяли по разнымъ городамъ московскимъ, чтобы не было никакихъ движеній въ пользу старыхъ порядковъ; управлять рязанскими городами стали московскіе намѣстники.

Въ Сѣверской землѣ въ это время княжилъ внукъ Димитрія Шемяки—Василій. Онъ вѣрно служилъ великому князю, отличался воинской доблестью, и Василій Ивановичъ оказывалъ ему свои милости, но не особенно долюбливалъ его за безпокойный, смѣлый нравъ, и зорко слѣдилъ за нимъ. На него донесли въ Москву, будто онъ завелъ сношенія съ Литвой. Онъ провѣдалъ о доносѣ и, зная свою правоту, самъ просилъ у великаго князя суда:

— „Повели, государь, мнѣ, холопу твоему, быть въ Москвѣ,—дай мнѣ оправдаться изустно; пусть навѣки умолкнетъ клеветникъ мой... Изслѣдуй дѣло. Если я виноватъ, то голова моя предъ Богомъ и тобой".

Онъ пріѣхалъ въ Москву и вполнѣ доказалъ свою правоту. Въ 1523 г. пришлось ему опять ѣхать въ Москву оправдываться отъ новыхъ обвиненій. На этотъ разъ дѣло кончилось иначе: великій князь принялъ его сначала ласково, но чрезъ нѣсколько дней велѣлъ заковать и засадить въ темницу, какъ будто уличеннаго въ тайныхъ сношеніяхъ съ Литвою.

Троицкій игуменъ Порфирій сталъ было ходатайствовать за него, когда Василій Ивановичъ пріѣхалъ въ монастырь на храмовой праздникъ.

— „Если ты прибылъ сюда,—сказалъ игуменъ,—въ храмъ Безначальной Троицы просить милости за грѣхи свои, то самъ будь милосердъ надъ тѣми, кого безъ вины гонишь!.."

За эту смѣлую рѣчь Василій Ивановичъ приказалъ выгнать Порфирія изъ монастыря, велѣлъ его даже заключить. Хотя потомъ и дана была ему свобода, но игуменство не было возвращено.

Митрополитъ Даніилъ поступилъ совсѣмъ не такъ: онъ раньше далъ Шемячичу слово, что ему не причинятъ вреда въ Москвѣ, а между тѣмъ одобрялъ поступокъ великаго князя! „Богъ, говорилъ онъ, избавилъ великаго князя отъ „запазушнаго" врага!"

Не только митрополитъ такъ смотрѣлъ, и въ народѣ были люди, которые понимали, сколько бѣды происходило отъ удѣловъ и сочувствовали уничтоженію ихъ. Говорятъ, когда Шемячичъ попалъ въ заключеніе, какой-то юродивый ходилъ по улицамъ съ метлою и кричалъ:

— „Пора очистить Московское государство отъ послѣдняго сора"! (т. е. избавить отъ послѣдняго удѣльнаго князя).

Съ присоединеніемъ Сѣверскаго княжества (1523 г.) не стало больше удѣловъ въ Восточной Русской землѣ: всю ее забрали подъ свою сильную руку московскіе государи.

Теперь оставалось имъ добывать „свое достояніе" отъ Литвы.

Войны съ Литвою и татарами.

Литовскій князь Александръ, въ свою очередь, только и думалъ о томъ, какъ бы снова вернуть земли, захваченные отъ Литвы Иваномъ III. Алек-

сандръ и ливонскій магистръ, при вступленіи Василія Ивановича на престолъ, держали ужъ и войска наготовѣ, и со дня на день ждали, что вотъ-вотъ въ Москвѣ вспыхнетъ мятежъ и усобица,—думали, что Василію Ивановичу не устоять въ борьбѣ съ боярами, сторонниками Димитрія. Но надежда обманула ихъ: въ Москвѣ все было тихо.

Въ 1506 году умеръ Александръ Литовскій: дѣтей отъ него не осталось. Тогда Василій Ивановичъ задумалъ воспользоваться случаемъ. Онъ послалъ просить сестру, чтобы она порадѣла въ его пользу, уговорила бы литовцевъ избрать его своимъ государемъ; но эта смѣлая попытка, которая разомъ могла бы покончить вѣковые счеты Москвы съ Литвой, не удалась. Елена извѣстила брата, что великимъ княземъ литовскимъ, а также и королемъ польскимъ уже признанъ братъ Александра, Сигизмундъ.

Тотчасъ по избраніи его начались обычныя пререканія Литвы съ Москвою о разныхъ пограничныхъ „обидныхъ" дѣлахъ. Литовскій князь даже потребовалъ у Василія Ивановича возврата земель, захваченныхъ его отцомъ. Эти пререканія кончились войной.

Близкимъ человѣкомъ покойному Александру былъ князь Михаилъ Глинскій. Это былъ человѣкъ очень образованный по тому времени, побывавшій за-границей, знавшій хорошо военное дѣло и притомъ очень честолюбивый. Александръ былъ очень къ нему привязанъ, считалъ его главнымъ своимъ совѣтникомъ и держалъ его въ большомъ почетѣ. Понятно, что враговъ и завистниковъ у Глинскаго было довольно. Умеръ Александръ, и положеніе любимца его сразу измѣнилось: новый государь недолюбливалъ честолюбиваго и слишкомъ самовластнаго вельможу. Враги его подняли голову,—стали распускать слухи, будто онъ хочетъ сдѣлаться независимымъ удѣльнымъ княземъ; одинъ изъ заклятыхъ враговъ его назвалъ его даже прямо измѣнникомъ.

Глинскій потребовалъ у короля суда, чтобы очистить себя отъ клеветы и наказать клеветника.

Сигизмундъ, несмотря на усиленныя просьбы Глинскаго, и на ходатайство самого брата, уклонялся отъ этого. Оскорбленный вельможа не вытерпѣлъ и сказалъ королю:

„Ты заставляешь меня покуситься на такое дѣло, о которомъ мы оба послѣ горько будемъ жалѣть".

Глинскій удалился въ свои владѣнія и завелъ тайныя сношенія съ великимъ княземъ московскимъ, извѣщалъ его, что въ Литвѣ войска не въ сборѣ, а изъ другихъ странъ помощи ждать неоткуда, и совѣтовалъ Василію Ивановичу немедля начать войну съ Литвою, обѣщалъ самъ поднять возстаніе въ Юго-Западной Руси. Василій Ивановичъ радъ былъ измѣнѣ Глинскаго и обѣщалъ немедленно послать войско на Литву.

Глинскій началъ съ того, что жестоко отомстилъ своимъ врагамъ. Собралъ онъ изъ своихъ людей большую рать, сталъ опустошать Русь и присоединился съ отрядомъ своимъ къ московскому войску, лишь только оно перешло литовскую границу (1507 г.). Но [illegible] Сигизмундъ, не приготовился къ войнѣ, разсчитывать на успѣхъ не могъ и поспѣшилъ заключить миръ, причемъ обязывался уступить Москвѣ въ „вѣчное" владѣніе всѣ земли, отня-

тыя у Литвы Иваномъ III (раньше онъ требовалъ возврата ихъ). Вѣчный миръ, или „докончаніе", какъ говорилось тогда, заключенъ былъ въ концѣ 1508 года.

Миръ этотъ былъ совсѣмъ не по душѣ Глинскому. Своей измѣной онъ лишилъ себя родины, богатыхъ владѣній, высокаго положенія. Ему ли, гордому самовластному магнату, довольствоваться саномъ московскаго боярина, „покорнаго слуги" великаго князя? Весь умъ, всѣ силы свои напрягалъ Глинскій, чтобы поднять снова войну, уговаривалъ Василія Ивановича, сносился съ иноземными дворами. Сигизмундъ, между тѣмъ, узнавъ объ этомъ, потребовалъ у московскаго князя выдачи Глинскаго и казни его сообщниковъ. Василій Ивановичъ не обращалъ вниманія на требованія короля. На границѣ по прежнему шли ссоры и неурядицы. Въ 1512 году, къ радости Глинскаго, Василій Ивановичъ придрался къ тому, будто въ Литвѣ притѣсняютъ его сестру Елену. Нашелся и еще предлогъ: до вѣдома его дошло, что крымцы дѣлали набѣги на южныя области московскаго государства по договору съ Сигизмундомъ. Этого было довольно великому князю, чтобы послать королю „складную" грамоту (объявленіе войны) (1512 г.).

Василію Ивановичу очень хотѣлось взять Смоленскъ. Два раза онъ подступалъ къ этому городу; наконецъ, въ 1514 г. 30 іюля городъ сдался.

По разсказамъ лѣтописца, многочисленная московская рать имѣла при себѣ „нарядъ" (артиллерію) и воиновъ, вооруженныхъ „пищалями". 29-го іюля русское войско приступило къ Смоленску. Опытный пушкарь-иноземецъ распоряжался „нарядомъ". Мѣткими выстрѣлами ему удалось сбить на городской стѣнѣ пушку и нанести большой вредъ защитникамъ; особенно много народу побилъ онъ, стрѣляя мелкими ядрами (картечью). Увидѣли защитники Смоленска, что имъ на этотъ разъ не устоять, и, чтобы не погибнуть понапрасну, запросили мира. Смоленскій владыка вышелъ изъ города и челомъ билъ великому князю—просилъ его повременить до слѣдующаго дня, прекратить пальбу и дать смольнянамъ подумать о сдачѣ. Но Василій Ивановичъ не далъ имъ сроку, приказалъ, напротивъ, бить по городу изо всѣхъ пушекъ.

Владыка въ слезахъ вернулся въ городъ, облачился въ ризы, взялъ крестъ и со всѣмъ причтомъ и съ намѣстникомъ города, Сологубомъ, вышелъ къ великому князю.

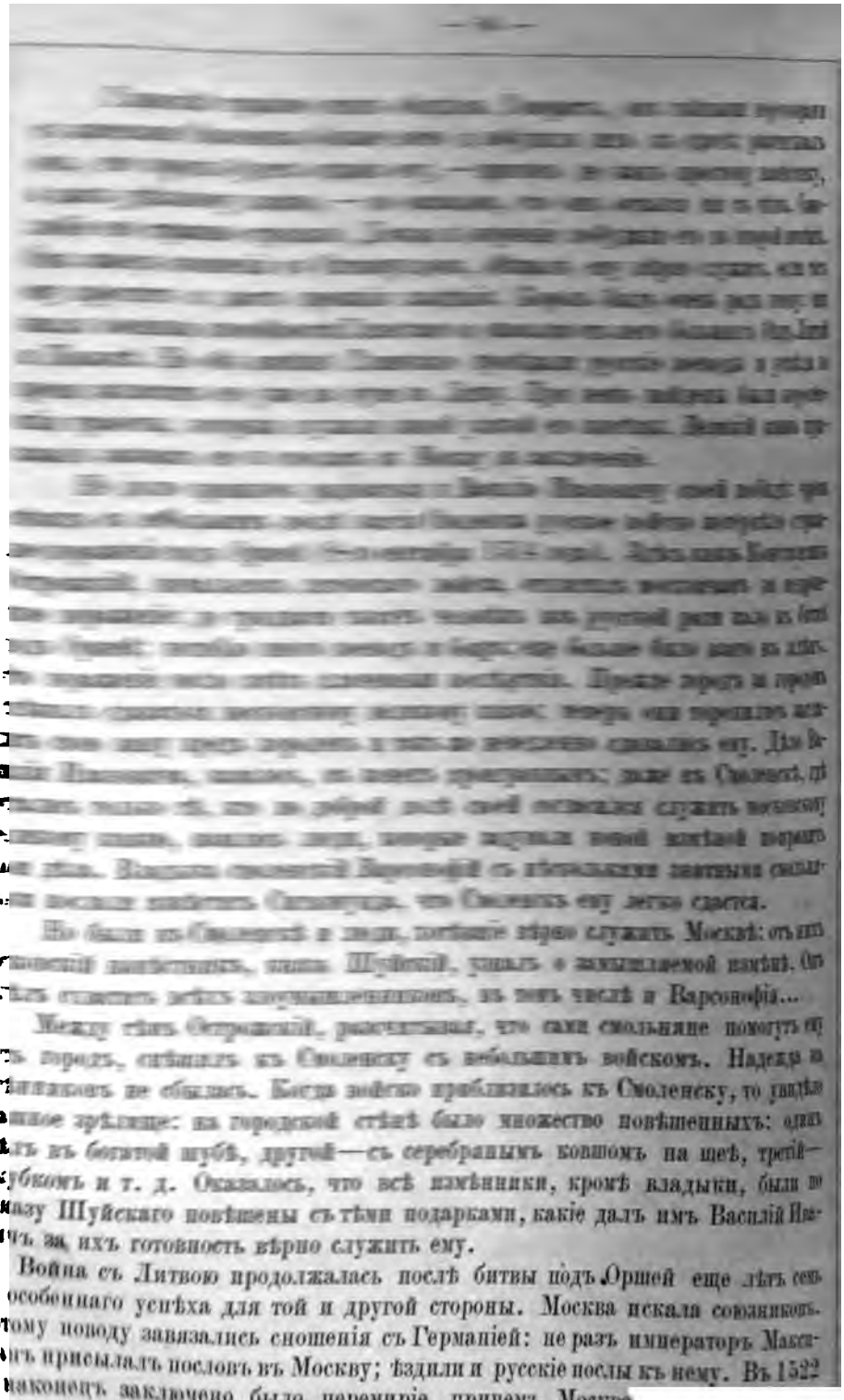
— „Государь великій князь, говорили смольняне,—много крови христіанской уже пролито; земля, твоя отчина, запустѣла; не погуби въ конецъ города, но возьми его съ тихостью".

Сильно радъ былъ Василій Ивановичъ взятію Смоленска. 1-го августа съ большимъ торжествомъ вступилъ онъ въ городъ и былъ встрѣченъ народомъ. Послѣ молебна и многолѣтія въ соборѣ, владыка сказалъ ему:

— „Божіею милостію радуйся и здравствуй, православный царь Василій, великій князь, всея Руси самодержецъ, на своей отчинѣ, въ городѣ Смоленскѣ, на многія лѣта"!

Василій Ивановичъ велѣлъ предложить всѣмъ смольнянамъ, чтобы они, если хотятъ, служили бы ему, а если не хотятъ, то имъ воля—идти къ королю. Многіе остались на московской службѣ. Намѣстникомъ въ Смоленскъ назначенъ былъ князь Василій Васильевичъ Шуйскій.

*



Война съ Литвою продолжалась послѣ битвы подъ Оршей еще лѣтъ семь безъ особеннаго успѣха для той и другой стороны. Москва искала союзниковъ. По этому поводу завязались сношенія съ Германіей: не разъ императоръ Максимиліанъ присылалъ пословъ въ Москву; ѣздили и русскіе послы къ нему. Въ 1522 году наконецъ заключено было перемиріе, причемъ Москва

до заключенія „вѣчнаго мира".

Но вѣчнаго мира пришлось долго ждать!

Крымскіе татары уже не были съ Москвою въ той дружбѣ, какъ при
ь III. Менгли-Гирей уже устарѣлъ и одряхлѣлъ,—всѣми дѣлами въ Крыму
али его сыновья да родичи. Это были хищники, готовые за щедрые по-
служить и измѣнять, кому угодно. Они даже нагло вымогали у пословъ
дарки. Случалось, брали ихъ сразу и отъ москвитянъ, и отъ литовцевъ,
удобномъ случаѣ опустошали земли и тѣхъ, и другихъ. Приходилось за-
ать грабителей, чтобы откупиться хоть на время отъ ихъ разбойничьихъ
овъ.

Русское посольство у императора Максимиліана (по старинной гравюрѣ).

Съ Казанью тоже шла постоянная вражда. Уже въ началѣ княженія Ва-
пришлось силою смирять здѣсь мятежъ и измѣну; но московское войско
тѣло сначала неудачу. Василій Ивановичъ желалъ здѣсь пристроить ханомъ
подручника Шигъ-Алея; но онъ не полюбился казанцамъ, а водворился
Магметъ-Гирея, крымскаго хана. Въ то же время крымскій ханъ вторгся
ой своей въ московскія владѣнія и началось страшное опустошеніе. Великій
уѣхалъ изъ Москвы собирать войско. Ханъ, впрочемъ, не могъ долго

Глинскій страшно этимъ обидѣлся. Говорятъ, онъ тайными переговорами съ жителями Смоленска больше всего и побудилъ ихъ къ сдачѣ; разсчитывалъ онъ, что городъ будетъ отданъ ему, — притомъ не какъ простому намѣстнику, а какъ удѣльному князю, — но оказалось, что онъ остался ни съ чѣмъ. Самолюбіе его страшно страдало. Досада и огорченіе побудили его ко второй измѣнѣ. Онъ завелъ сношенія съ Сигизмундомъ, обѣщалъ ему вѣрно служить, если тотъ ему проститъ и дастъ прежнія владѣнія. Король былъ очень радъ этому: онъ зналъ военныя способности Глинскаго и опасался отъ него большихъ бѣдъ Литвѣ и Польшѣ. Но объ измѣнѣ Глинскаго провѣдали русскіе воеводы и успѣли во время захватить его уже на пути въ Литву. При немъ найдены были королевскія грамоты, которыя служили явной уликой его измѣны. Великій князь приказалъ заковать его и отослать въ Москву въ заключеніе.

Не долго пришлось радоваться и Василію Ивановичу своей побѣдѣ: чрезъ мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ взятія Смоленска русское войско потерпѣло страшное пораженіе подъ Оршей (8-го сентября 1514 года). Здѣсь князь Константинъ Острожскій, начальникъ литовскаго войска, отплатилъ москвичамъ за ведрошское пораженіе: до тридцати тысячъ человѣкъ изъ русской рати пало въ битвѣ подъ Оршей; погибло много воеводъ и бояръ; еще больше было взято въ плѣнъ. Это пораженіе могло имѣть плачевныя послѣдствія. Прежде городъ за городомъ спѣшилъ сдаваться московскому великому князю; теперь они торопились загладить свою вину предъ королемъ и такъ же немедленно сдавались ему. Дѣло Василія Ивановича, казалось, въ концѣ проиграннымъ; даже въ Смоленскѣ, гдѣ остались только тѣ, кто по доброй волѣ своей согласился служить московскому великому князю, нашлись люди, которые задумали новой измѣной поправить свои дѣла. Владыка смоленскій Варсонофій съ нѣсколькими знатными смольнянами послали извѣстить Сигизмунда, что Смоленскъ ему легко сдастся.

Но были въ Смоленскѣ и люди, хотѣвшіе вѣрно служить Москвѣ: отъ нихъ московскій намѣстникъ, князь Шуйскій, узналъ о замышляемой измѣнѣ. Онъ велѣлъ схватить всѣхъ злоумышленниковъ, въ томъ числѣ и Варсонофія...

Между тѣмъ Острожскій, разсчитывая, что сами смольняне помогутъ ему взять городъ, спѣшилъ къ Смоленску съ небольшимъ войскомъ. Надежда на измѣнниковъ не сбылась. Когда войско приблизилось къ Смоленску, то увидѣло страшное зрѣлище: на городской стѣнѣ было множество повѣшенныхъ: одинъ висѣлъ въ богатой шубѣ, другой—съ серебрянымъ ковшомъ на шеѣ, третій—съ кубкомъ и т. д. Оказалось, что всѣ измѣнники, кромѣ владыки, были по приказу Шуйскаго повѣшены съ тѣми подарками, какіе далъ имъ Василій Ивановичъ за ихъ готовность вѣрно служить ему.

Война съ Литвою продолжалась послѣ битвы подъ Оршей еще лѣтъ семь безъ особеннаго успѣха для той и другой стороны. Москва искала союзниковъ. По этому поводу завязались сношенія съ Германіей: не разъ императоръ Максиміліанъ присылалъ пословъ въ Москву; ѣздили и русскіе послы къ нему. Въ 1522 году наконецъ заключено было перемиріе, причемъ Москва удерживала Смоленскъ до заключенія „вѣчнаго мира“.

Но вѣчнаго мира пришлось долго ждать!

Крымскіе татары уже не были съ Москвою въ той дружбѣ, какъ при Иванѣ III. Менгли-Гирей уже устарѣлъ и одряхлѣлъ,—всѣми дѣлами въ Крыму орудовали его сыновья да родичи. Это были хищники, готовые за щедрые подарки служить и измѣнять, кому угодно. Они даже нагло вымогали у пословъ эти подарки. Случалось, брали ихъ сразу и отъ москвитянъ, и отъ литовцевъ, а при удобномъ случаѣ опустошали земли и тѣхъ, и другихъ. Приходилось задаривать грабителей, чтобы откупиться хоть на время отъ ихъ разбойничьихъ набѣговъ.

Русское посольство у императора Максимиліана (по старинной гравюрѣ).

Съ Казанью тоже шла постоянная вражда. Уже въ началѣ княженія Василія пришлось силою смирять здѣсь мятежъ и измѣну; но московское войско потерпѣло сначала неудачу. Василій Ивановичъ желалъ здѣсь пристроить ханомъ своего подручника Шигъ-Алея; но онъ не полюбился казанцамъ, а водворился братъ Магметъ-Гирея, крымскаго хана. Въ то же время крымскій ханъ вторгся съ ордой своей въ московскія владѣнія и началось страшное опустошеніе. Великій князь уѣхалъ изъ Москвы собирать войско. Ханъ, впрочемъ, не могъ долго

оставаться подъ Москвою,—онъ ушелъ съ ордой своей и съ громаднымъ числомъ плѣнныхъ (1521 г.).

Есть извѣстіе, что ханъ принудилъ московскихъ воеводъ выдать ему грамоту, по которой они обязывались государевымъ именемъ платить ему ежегодную дань. Но счастливый случай избавилъ Москву отъ этой бѣды: на обратномъ пути, Магметъ-Гирей захотѣлъ овладѣть городомъ Переяславлемъ Рязанскимъ; чтобы убѣдить здѣшняго воеводу, Хабара, сдаться, татары ему стали показывать московскую грамоту, а онъ, захвативъ ее, велѣлъ открыть по непріятелю пальбу изъ пушекъ, и множество татаръ было побито... Ханъ отступилъ отъ города, а позорная грамота осталась въ рукахъ Хабара. Его наградили за это саномъ боярина; имя его приказано было записать въ государственную лѣтопись.

Василію Ивановичу всетаки въ концѣ концовъ удалось добиться того, что Гиреи были изгнаны изъ Казани, а ханомъ посаженъ Еналей, братъ Шигъ-Алея.

Церковныя дѣла.

Въ княженіе Василія Ивановича споры о монастырскихъ вотчинахъ и казни еретиковъ продолжались. Іосифляне (сторонники Іосифа Волоцкаго) стояли за мнѣнія своего наставника, а противники ихъ—бѣлозерскіе старцы, послѣдователи Нила Сорскаго, въ своихъ сочиненіяхъ сильно нападали на Іосифа и его сторонниковъ. Спорили горячо,—дѣло доходило даже до колкостей. Суровый Іосифъ, требуя безпощадной казни еретиковъ, ссылается, напримѣръ, на апостола, по молитвѣ котораго Симона волхва постигла смерть. Бѣлозерскіе старцы въ своемъ посланіи въ отвѣтъ Іосифу насмѣшливо напоминаютъ о разницѣ между нимъ и апостолами, которые не требовали, чтобы люди казнили еретиковъ, а молитвою поражали ихъ, и прибавляютъ: „и ты, господине Іосифе, сотвори молитву, чтобы земля пожрала еретиковъ“... Думаютъ, что это посланіе написано ученикомъ Нила, Вассіаномъ Косымъ (бывшій бояринъ, князь Патрикѣевъ). Онъ былъ самымъ сильнымъ противникомъ Іосифа и написалъ нѣсколько посланій, гдѣ рѣзко изобразилъ всѣ язвы и пороки въ монашествѣ, происходившіе потому, что монастыри были богаты, владѣли помѣстьями. Онъ сильно нападаетъ на роскошь въ монастыряхъ, на корыстолюбіе монаховъ, на тяжбы ихъ, попрошайство, угодничество сильнымъ и богатымъ, обремененіе своихъ крестьянъ тяжелыми оброками, лихоимство и пр.

Борьба іосифлянъ и бѣлозерскихъ старцевъ была во всемъ разгарѣ, когда является новый сильный борецъ противъ іосифлянъ—Максимъ Грекъ. Это былъ аѳонскій монахъ, весьма образованный, начитанный и умный человѣкъ. Онъ побывалъ и въ Парижѣ, и въ Венеціи, и во Флоренціи, слушалъ знаменитыхъ ученыхъ богослововъ. Особенно сильно подѣйствовалъ на него Іеронимъ Савонарола, который въ то время увлекалъ народъ во Флоренціи своимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ и безпощадно громилъ въ смѣлыхъ проповѣдяхъ роскошь и безнравственность, царившія тогда въ Италіи. Максимъ Грекъ пріѣхалъ въ Москву въ 1518 году. У великаго князя было огромное собраніе разныхъ греческихъ рукописей; надо было разобрать ихъ, привести въ порядокъ, а на Руси тогда нельзя было найти человѣка, который смогъ бы это сдѣлать,—вотъ зачѣмъ по-

надобился ученый грекъ великому князю. Кромѣ того, надо было перевести нѣкоторыя сочиненія на русскій языкъ (Толковую Псалтырь, Толкованія дѣяній апостольскихъ, Бесѣды Златоуста и др.). Дѣла было очень много. Максимъ сначала и занялся тѣмъ, для чего его призвали, но мало по малу невольно втянулся въ церковные дѣла и споры, которые тогда волновали всѣхъ мыслящихъ русскихъ людей. Къ нему, какъ къ ученому, обращались часто за разрѣшеніемъ различныхъ вопросовъ и споровъ, да и самъ онъ былъ не такой человѣкъ, чтобы сторониться отъ жизни. Приглядѣвшись къ русской жизни да освоившись съ русскимъ языкомъ, немедля принялъ онъ участіе въ разныхъ церковныхъ вопросахъ.

Написалъ Максимъ Грекъ очень много сочиненій: писалъ противъ магометанъ (отъ частыхъ сношеній съ татарами могли заходить къ русскимъ нѣкоторыя особенности магометанства),—противъ латинянъ, потому что въ это время папа снова пытался склонить русскихъ къ церковной уніи. Сильно обличаетъ онъ различныя суевѣрія, которыя въ то время господствовали на Руси (гаданіе по звѣздамъ, вѣрованія въ различныя примѣты, волшебство и т. д.). Какъ вѣрное средство освободиться отъ грубыхъ суевѣрій, затемняющихъ умъ человѣческій, мѣшающихъ разумной жизни, онъ указываетъ на просвѣщеніе, на сближеніе съ западными болѣе образованными народами.

Максиму, какъ человѣку умному, и притомъ свѣжему, еще не успѣвшему вполнѣ сжиться съ рускими порядками, должно было, конечно, броситься въ глаза, что набожные русскіе люди, строго исполняя всѣ обряды, соблюдая всѣ посты, въ то же время жили совсѣмъ не по-христіански, творили спокойно всякія неправды и тяжкіе грѣхи. Плохая нравственность, прикрытая внѣшнею набожностью, возмущала Максима. Въ своихъ посланіяхъ онъ обличаетъ тѣхъ, которые не ѣли мяса по понедѣльникамъ, но готовы были цѣлый день пить вино, соблюдали всѣ посты, а терзали бѣдныхъ подручниковъ. Въ одномъ сочиненіи Максима Господь говоритъ людямъ, что они только гнѣвятъ Его, предлагая Ему доброгласное пѣніе, звонъ колоколовъ, драгоцѣнныя украшенія иконъ, а не милуя нищихъ и сиротъ, не отставая отъ неправды, лихвы и проч. „Вы книгу Моихъ словесъ (евангеліе) и внутри, и извнѣ обильно украшаете сребромъ и златомъ, силу же писанныхъ въ ней Моихъ велѣній не пріемлете и не исполняете“.

Съ самаго же начала своей дѣятельности Максимъ сталъ на сторону бѣлозерскихъ старцевъ и Вассіана и постоянно подобно имъ утверждалъ, что инокъ долженъ быть „страненъ, незнаемъ, бездоменъ и безъимяненъ“. Въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ сильно коритъ онъ монастыри за то, что они владѣютъ помѣстьями, а въ одномъ изъ своихъ трудовъ „Повѣсти страшной о совершенномъ иноческомъ жительствѣ“ доходитъ даже до проклятій монахамъ-вотчинникамъ.

Эти рѣзкія обличенія и смѣлыя нападки, конечно, не прошли Максиму даромъ: у него явилось множество враговъ и притомъ—враговъ сильныхъ. Большая часть высшихъ духовныхъ лицъ были іосифляне. Самъ митрополитъ былъ послѣдователемъ Іосифа. Не только въ средѣ духовенства, но и между сильными мірянами, нашлось не мало недруговъ смѣлому обличителю. Онъ въ своихъ сочиненіяхъ между прочимъ безпощадно обличалъ и мірскія власти,

говорилъ, что такого неправосудія, какъ у православныхъ русскихъ, нѣтъ даже у латинянъ лаховъ. Эти рѣзкія выходки оскорбляли не только отдѣльныхъ лицъ, но и вообще русское чувство.

Не взлюбилъ Максима и самъ великій князь. Василій Ивановичъ не имѣлъ дѣтей; приходилось ему признать наслѣдникомъ брата своего Юрія Ивановича: но великій князь не дружно жилъ съ нимъ, считалъ его и слѣдующаго брата Андрея неспособными управлять государствомъ, и сильно хотѣлъ имѣть своего наслѣдника; задумалъ даже развестись съ безплодной своей супругой и жениться на другой. Митрополитъ далъ церковное разрѣшеніе на разводъ: но Вассіанъ Косой и Максимъ Грекъ сильно осуждали намѣреніе государя. Онъ, конечно, не посмотрѣлъ на нихъ—женился на Еленѣ Глинской: но въ сердце его закралось недоброе чувство къ противникамъ его волѣ...

Послѣ этого враги Максима стали дѣйствовать смѣлѣе: его нѣсколько разъ привлекали къ слѣдственнымъ дѣламъ за сношенія съ крамольными боярами, за рѣчи, оскорбительныя для великаго князя и т. д. Наконецъ, велѣно было духовному собору судить Максима. Его обвиняли въ порчѣ книгъ. При переводѣ ихъ было сдѣлано нѣсколько ошибокъ: не владѣя сначала ни славянскимъ, ни русскимъ языкомъ, Максимъ переводилъ книги на латинскій языкъ, а съ латинскаго уже переводилъ русскій переводчикъ; при этомъ, понятно, могли легко вкрасться ошибки, которыхъ Максимъ и исправить не могъ. Хотя онъ не призналъ себя виновнымъ, но его все-таки сослали въ Волоколамскую обитель; однако онъ не унялся, продолжалъ писать обличительныя сочиненія и посланія; тогда раздраженные враги его въ 1531 году назначили новый соборный судъ, чтобы наказать неукротимаго обличителя.

Тутъ было пущено въ дѣло все, чтобы погубить Максима. Въ чемъ только не винили его! Между прочимъ обвиняли въ волшебствѣ, доносили, будто онъ хвалился, что все знаетъ, и что грѣховъ на немъ ни единаго нѣтъ;—доносили, что онъ писалъ что-то на своихъ ладоняхъ водкою и, протягивая руки, волхвовалъ противъ великаго князя и другихъ лицъ. Всевозможныя придирки были пущены въ ходъ: бывшій у Максима писецъ доносилъ, что тотъ приказывалъ ему вычеркивать нѣкоторыя строки въ священныхъ книгахъ, которыя онъ переписывалъ, и что при этомъ „на него дрожь великая нападала“...

Не смотря на то, что Максимъ сознавалъ свою правоту, на этотъ разъ онъ упалъ духомъ, унижался, умолялъ своихъ судей о пощадѣ, падалъ предъ ними три раза на колѣни. Униженіе не помогло: его въ оковахъ отправили въ заточеніе, въ тверской Отрочь-монастырь. Не смотря на то, что Максимъ не разъ еще умолялъ, чтобы его отпустили на родину, все было напрасно,—онъ умеръ, не увидавъ ея болѣе.

Семейныя дѣла и смерть великаго князя.

Сильно скорбѣлъ Василій Ивановичъ, что у него не было дѣтей. Говорятъ, что разъ онъ даже заплакалъ, когда увидалъ на деревѣ птичье гнѣздо съ птенцами...

„Кому царствовать послѣ меня въ Русской землѣ?—скорбно спрашивалъ

онъ у своихъ ближнихъ,—братьямъ моимъ? Но они и со своими дѣлами управиться не могутъ"!..

По совѣту приближенныхъ, онъ развелся съ первой своей супругой, Соломоніей Сабуровой, которая была пострижена, какъ говорятъ, противъ ея желанія, и, какъ сказано выше, женился на племянницѣ извѣстнаго Михаила Глинскаго.

Новая супруга великаго князя не походила на тогдашнихъ русскихъ женщинъ: отецъ ея и особенно дядя, жившій въ Италіи и Германіи, были люди образованные, и она также усвоила иноземные понятія и обычаи. Василій Ивановичъ, женившись на ней, какъ будто сталъ склоняться къ сближенію съ Западной Европой. Въ угоду женѣ, онъ даже сбрилъ себѣ бороду. Это по тогдашнимъ понятіямъ русскихъ, считалось не только дѣломъ непристойнымъ, но даже тяжскимъ грѣхомъ: православные считали бороду необходимою принадлежностью благочестиваго человѣка. На иконахъ, представлявшихъ страшный судъ, по правой сторонѣ Спасителя изображались праведники съ бородами, а на лѣвой басурманы и еретики, бритые,—съ одними только усами, „аки коты и псы", съ омерзеніемъ говорили набожные люди.

Не смотря на такой взглядъ, въ Москвѣ являлись тогда юные щеголи, которые старались уподобиться женщинамъ и даже выщипывали у себя волосы на лицѣ, рядились въ роскошныя одежды, нацѣпляли на свои кафтаны блестящія пуговицы, надѣвали ожерелья, множество перстней, натирались разными благовонными мазями, ходили особенной мелкой поступью. Сильно вооружались противъ этихъ щеголей благочестивые люди, да ничего подѣлать съ ними не могли. Женившись на Еленѣ Васильевнѣ Глинской, сталъ щеголять и Василій Ивановичъ...

Папа провѣдалъ, что великій князь отступаетъ отъ старыхъ московскихъ обычаевъ и пытался было склонить его къ уніи; подавалъ Василію Ивановичу даже надежду получить послѣ бездѣтнаго Сигизмунда Литву, намекалъ и на то, что и Константинополь, „отчину московскаго государя", можно будетъ прибрать къ рукамъ. Василій Ивановичъ изъявилъ желаніе быть въ союзѣ съ папою, но отъ переговоровъ о церковныхъ дѣлахъ уклонился.

Четыре года слишкомъ прошло послѣ женитьбы на Еленѣ, а дѣтей у Василія Ивановича все не было. Онъ со своей супругой ѣздилъ на богомолье по монастырямъ, раздавалъ милостыню; во всѣхъ церквахъ русскихъ молились о дарованіи государю наслѣдника.

Наконецъ, 25-го августа 1530 года, явился на свѣтъ наслѣдникъ и нареченъ былъ при крещеніи Іоанномъ. Потомъ ходила молва, что при появленіи его на свѣтъ, по всей Русской землѣ прокатился страшный громъ, молнія сверкнула и земля содрогнулась...

Одинъ юродивый предрекъ Еленѣ, что у нея родится сынъ „Титъ-широкій умъ".

Черезъ два года родился у великаго князя второй сынъ—Юрій.

Не долго пришлось Василію Ивановичу тѣшиться своимъ семейнымъ счастіемъ. Въ сентябрѣ 1833 года онъ отправился со своей семьей въ Троицкій монастырь, на праздникъ чудотворца Сергія; а отсюда поѣхалъ на охоту

въ Волокъ-Ламскій и на пути занемогъ, (на лѣвой ногѣ и него явился подкожный нарывъ) Василій Ивановичъ хотя чувствовалъ себя нехорошо, но перемогался. Прекрасная погода сманила его, и онъ, перемогая боль, отправился съ братомъ и ловчими на псовую охоту; а послѣ этого слегъ въ постель. Два великокняжескіе иноземные врача стали лѣчить его, но болѣзнь усиливалась.

Онъ приказалъ себя везти въ Москву, причемъ велѣлъ держать свою болѣзнь въ тайнѣ. Въ Москвѣ, расположившись во дворцѣ, онъ призвалъ довѣренныхъ бояръ и дьяковъ для составленія духовной грамоты. Когда это дѣло было кончено, больной сталъ думать съ митрополитомъ и своимъ духовникомъ о постриженіи. Еще на Волокѣ онъ говорилъ своему духовнику:

— „Смотрите, не положите меня въ бѣломъ платьѣ; хотя и выздоровлю— нужды нѣтъ, мысль моя и сердечное желаніе обращены къ иночеству!“

Затѣмъ великій князь пріобщился и соборовался. Болѣзнь все усиливалась; больной сильно страдалъ.

— „Братъ Николай! обратился онъ къ своему лѣкарю, ты видѣлъ великое мое жалованье къ себѣ; не можешь ли сдѣлать мазь или что иное, чтобъ облегчить болѣзнь мою?“

— „Видѣлъ я, государь,—отвѣчалъ врачъ,—твое великое жалованье; тѣло свое готовъ раздробить, лишь помочь бы тебѣ, но не вижу другого средства, кромѣ помощи Божіей“.

Принесли къ умирающему маленькаго Ивана. Василій Ивановичъ благословилъ сына.

— „Смотри, Аграфена,—сказалъ онъ нянѣ,—отъ сына моего Ивана не отступай ни пяди!“

Когда унесли ребенка, ввели великую княгиню; она горько рыдала. Умирающій сталъ ее утѣшать. Хотѣлъ онъ было поговорить съ женою, но она такъ билась и плакала, что онъ не могъ и слова выговорить. Ее увели.

Предъ самой смертью Василій Ивановичъ пожелалъ исполнить свое намѣреніе отречься отъ міра—постричься предъ смертью въ монахи.

— „Исповѣдалъ я тебѣ,—сказалъ онъ митрополиту, что хочу монашества. Сподоби меня облечься въ монашескій чинъ; постриги меня“.

Братъ великаго князя, Андрей Ивановичъ, и нѣкоторые бояре противились,—думали, что больной еще можетъ оправиться; но Василій Ивановичъ уже умиралъ, языкъ его уже нѣмѣлъ, онъ знаками просилъ постриженія,—бралъ простыню и цѣловалъ ее. Правая рука его уже не могла подниматься, боярин стоявшій подлѣ поднималъ ее, и умирающій не переставалъ креститься, смотря на образъ Богородицы.

Митрополитъ велѣлъ принести монашеское одѣяніе и, помня слова великаго князя: „если не дадутъ меня постричь, то хоть на мертваго положите монашескую одежду,—это давнее мое желанье!“ сталъ наскоро совершать обрядъ постриженія. Василій Ивановичъ уже отходилъ. 3-го декабря 1533 г. въ полночь скончался великій князь Василій, въ монашествѣ, Варлаамъ.

Утромъ на другой день большой кремлевскій колоколъ возвѣстилъ всей Москвѣ кончину великаго князя.

Въ Архангельскомъ соборѣ была приготовлена могила для Василія подлѣ

отца. Монахи троицкіе и іосифовскіе вынесли изъ дворца на головахъ тѣло инока Варлаама съ пѣніемъ: „Святый Боже!“ На площади вопль народный заглушалъ звонъ колоколовъ. Великую княгиню Елену вынесли въ саняхъ на себѣ дѣти боярскіе; подлѣ нея шли самые именитые бояре и дядя ея князь Михаилъ Глинскій.

Московія XV—XVI ст. по разсказамъ иноземцевъ.

Страна.

Со временъ Ивана III все чаще и чаще заѣзжаютъ въ русскіе края иноземцы. Одни изъ нихъ ѣхали сюда ради наживы, въ разсчетѣ на хорошее жалованье, какое платили въ Москвѣ „хитрымъ“, т. е. знающимъ, умѣлымъ иностраннымъ мастерамъ; другіе являлись съ торговыми цѣлями; третьи знакомились съ нашими краями проѣздомъ, пробираясь на востокъ, въ богатыя закаспійскія страны.

Все чаще и чаще являются въ Московіи (такъ обыкновенно иноземцы называли Московское государство) и иностранныя посольства.

Наше отечество въ тѣ времена такъ же мало было извѣстно Западной Европѣ, какъ намъ, напр., Китай, и потому понятно, что болѣе образованные иноземцы, бывавшіе въ русскихъ краяхъ, съ большимъ любопытствомъ приглядывались и къ странѣ, и къ быту жителей, старательно заносили въ свои записки все, что казалось имъ замѣчательнымъ, чтобы познакомить и своихъ соотечественниковъ съ невѣдомымъ краемъ. Въ разсказахъ этихъ иностранцевъ мы находимъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о житьѣ-бытьѣ нашихъ предковъ.

Нѣсколько извѣстій мы находимъ у итальянскихъ „путешественниковъ— Барбаро и Кантарини, которые проѣзжали чрезъ русскія земли,—первый въ началѣ, а второй въ концѣ XV ст., и еще у нѣкоторыхъ писателей, которые, хотя сами и не были на Руси, но собирали свѣдѣнія о ней у русскихъ пословъ и у людей, побывавшихъ въ Московіи. Особенно любопытны записки барона Герберштейна, германскаго посла. Онъ два раза при Василіи Ивановичѣ побывалъ въ Московскомъ государствѣ; въ первый разъ пробылъ около восьми мѣсяцевъ, во второй около полугода. Знакомый съ двумя славянскими нарѣчіями, онъ скоро освоился съ русскимъ языкомъ и могъ говорить съ русскими безъ переводчика. Любознательнаго и просвѣщеннаго Герберштейна очень занимало не только то, что онъ видѣлъ въ Московскомъ государствѣ, но также исторія его.

Западнаго европейца Московія поражала прежде всего своимъ видомъ, своей природой. Тутъ не было того разнообразія, какъ въ западной, особенно въ гористой части Европы, гдѣ попадались на каждомъ шагу живописные виды, деревушки, красивые каменные города, грозные замки. Безконечная равнина, поросшая громадными, сплошными лѣсами, изрѣзанная множествомъ рѣкъ и рѣченокъ, со множествомъ озеръ и болотъ,—вотъ что представлялось западному путешественнику въ нашемъ отечествѣ. Можно было цѣлый день проѣхать, не встрѣтивъ человѣческаго жилья. Попадавшіяся на пути деревушки были

по большей части очень маленькія: три-четыре избы, столько же крестьянскихъ семей—вотъ и деревня. Чаще попадались только что зачинающіеся поселки,—изъ одного жилья, „починки“, какъ ихъ звали, или „займища“, т. е. поселокъ, состоящій часто изъ одной крестьянской семьи, занявшей себѣ мѣсто подъ избу гдѣ нибудь въ лѣсной просѣкѣ. Можно было нѣсколько дней проѣхать и не встрѣтить не только города, но сколько нибудь порядочнаго села, т. е. деревни съ церковью. Да и города русскіе тогда были совсѣмъ неказисты на взглядъ западнаго европейца: тѣ же деревянныя постройки, какъ и въ деревняхъ; земляная и бревенчатая ограда, составляющая собственно городъ,—все это было очень незатѣйливо; только церкви, которыми изобиловали наши города, нѣсколько скрашивали ихъ; но и церкви по большей части были маленькія, деревянныя. Только въ болѣе значительныхъ городахъ были каменныя ограды,

Русскія сани (по Герберштейну).

образующія кремли, или дѣтинцы. Въ кремлѣ обыкновенно были каменныя болѣе изящныя церкви, соборы; въ кремлѣ же устраивались хоромы княжескаго намѣстника. Въ большихъ городахъ, гдѣ жили богатые бояре, и въ посадѣ, части города, расположенной подлѣ кремля, богатые посадскіе люди, купцы, строились иногда болѣе затѣйливыя и просторныя жилища.

Весною, когда таяли снѣга, разливались рѣки, всѣ низменныя мѣста заливались водой, на каждомъ шагу являлись болота, которыя не высыхали даже и въ жаркое лѣто, особенно въ лѣсныхъ трущобахъ, непроницаемыхъ для солнечнаго луча. Сухимъ путемъ ѣхать весною или лѣтомъ было почти невозможно: дорогъ не было, такъ что пробраться въ колымагѣ или телѣгѣ во многихъ мѣстахъ нельзя было. Если ужъ надо было ѣхать, то удобнѣе было ѣхать верхомъ; но и тутъ приходилось преодолѣвать огромныя трудности, пробираться сквозь лѣсныя заросли, переправляться чрезъ многочисленныя болота, чрезъ

рѣки переходить вбродъ или вплавь; только у большихъ городовъ были мосты или плоты для переправы. Не трудно было въ тѣ времена и заблудиться, пробираясь чрезъ лѣсныя дебри. При томъ лѣса полны были хищнаго звѣря, а болота порождали тучи мошекъ и комаровъ. Понятно, что предпринимать дальнее путешествіе при всѣхъ указанныхъ неудобствахъ значило рѣшаться на тяжелый подвигъ. Вотъ почему лѣтомъ старались обыкновенно проѣзжать по Московіи рѣчными путями. Только зимою, когда морозъ сковывалъ болота и рѣки, и земля устилалась мягкимъ снѣжнымъ ковромъ, можно было съ бо́льшимъ удобствомъ ѣздить въ разные концы русской земли, въ саняхъ съ провожатыми на лыжахъ, которые развѣдывали пути. Но за то въ зимнюю пору морозы бывали такіе лютые, что птицы замерзали на лету, люди и лошади купеческихъ обозовъ замерзали на пути. Иноземцамъ, не привыкшимъ у себя къ такому холоду, были такіе морозы невыносимы.

Понятно, что мало было охотниковъ разъѣзжать по Московіи и изучать ее; понятно, что и свѣдѣнія о ней не могли быть точными. Особенно мало знали о крайнемъ сѣверѣ, и довольствовались разными сказками: разсказывали, напр., что на дальнемъ сѣверѣ живутъ люди, которые зимою умираютъ, или засыпаютъ, а весною оживаютъ; разсказывали о необыкновенныхъ сѣверныхъ жителяхъ, покрытыхъ шерстью, съ собачьими головами,—о людяхъ, которые не говорятъ, а щебечутъ по-птичьи и пр. Нетрудно догадаться, какъ складывались подобныя сказки: неточные и случайные разсказы о нѣкоторыхъ обычаяхъ жителей крайняго сѣвера, напр. обычаѣ—прятаться отъ лютыхъ морозовъ на продолжительное время въ своихъ юртахъ, заносимыхъ снѣгомъ, носить одежду изъ звѣриной кожи мѣхомъ вверхъ, разсказы объ особенностяхъ языка и проч., порождали эти басни.

Западные послы ѣздили въ Москву обыкновенно двумя путями: одинъ дальнѣйшій, но болѣе удобный, шелъ чрезъ Ливонію на Новгородъ, а отсюда въ Москву, другой кратчайшій—чрезъ Смоленскъ.

Пріемъ пословъ.

Встрѣча на границѣ.—Пріемъ въ Москвѣ.—Послы на государевомъ обѣдѣ.—На охотѣ.

Иноземный посолъ, подъѣзжая къ границамъ Московскаго государства, долженъ былъ дать знать о себѣ въ ближайшій московскій городъ намѣстнику. Тотъ разузнавалъ, великій ли посолъ, или посланникъ, или просто гонецъ ѣдетъ, велика ли у него свита и пр. Эти справки наводились съ тѣмъ, чтобъ устроить подобающій пріемъ послу. Намѣстникъ высылалъ навстрѣчу ему какого либо „большого человѣка“ изъ своихъ подчиненныхъ со свитой, который встрѣчалъ иноземнаго посла, стоя съ приближенными своими среди дороги, и ни на шагъ не сторонился, такъ что иностранцы должны были сворачивать съ пути и объѣзжать ихъ. Когда посолъ и высланный ему навстрѣчу русскій чиновникъ съѣзжались на дорогѣ, то происходило объясненіе. При этомъ требовалось, чтобы посолъ и русскій „большой человѣкъ“ сошли съ коней, или вышли изъ колымагъ; послѣдній зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы не сойти съ коня прежде

иноземнаго посла и тѣмъ не умалить чести своего государя, затѣмъ подходилъ къ послу съ открытой головой и оповѣщалъ его торжественно и многословно о себѣ, что онъ посланъ намѣстникомъ великаго государя проводить посла и спросить, по-добру ли, по-здорову ли онъ ѣхалъ: послѣ чего протягивалъ иноземцу руку и разспрашивалъ его о пути уже отъ себя. Наконецъ, посолъ продолжалъ путь, объѣхавши русскаго чиновника, а тотъ издали слѣдовалъ съ людьми своими за нимъ, и на пути вывѣдывалъ у его слугъ имена, званіе и санъ всѣхъ лицъ посольства, а также,—кто какой языкъ понимаетъ. Обо всемъ этомъ немедленно заказано знать въ Москву великому князю. Русскіе пристава, провожавшіе иноземное посольство, зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы никто изъ иноземцевъ не отставалъ отъ посла, не входилъ въ сношеніе съ населеніемъ. Всякіе припасы доставляли имъ эти же пристава. Подвигались впередъ очень медленно: пристава употребляли всякія уловки, чтобы замедлить путешествіе пословъ до полученія изъ Москвы указа, какъ дѣйствовать.

Герберштейну пришлось на пути въ 12 миль три раза ночевать, притомъ два раза на снѣгу подъ открытымъ небомъ. Въ большихъ городахъ намѣстники обыкновенно чествовали и угощали пословъ.

По московскому обычаю иноземное посольство, вступая въ русскіе предѣлы, избавлялось отъ всякихъ расходовъ: не только съѣстные припасы доставлялись послу и его свитѣ, но и самая перевозка производилась на счетъ государевой казны.

По главнымъ дорогамъ были устроены такъ называемые „ямы" (станціи); „ямщики" должны были выставлять извѣстное число лошадей и подводъ. На пути встрѣчали иностранныхъ гостей посланные изъ именитыхъ людей, которые и сопровождали посольство, заботясь обо всемъ нужномъ, а также и присматривая, чтобъ иноземцы не входили въ сношенія съ населеніемъ.

Князь Москвы посольство, въ которомъ былъ Герберштейнъ, встрѣтилъ старикъ дьякъ, который объявилъ, что государь навстрѣчу иноземцамъ высылаетъ „великихъ" людей. При этомъ дьякъ предупреждалъ, что при свиданіи съ государевыми людьми иностраннымъ посламъ слѣдуетъ сойти съ коней и стоя слушать государевы рѣчи: онъ очень суетился, спѣшилъ, видимо усталъ и весь былъ въ поту. Герберштейнъ, познакомившійся съ нимъ раньше, спросилъ его о причинѣ усталости.

— „Сигизмундъ (имя Герберштейна), отвѣчалъ старикъ, у нашего государя иначе служатъ, чѣмъ у твоего!"

Придворные, выѣхавшіе на встрѣчу послу, старались такъ устроить дѣло, чтобъ онъ первый обнажилъ голову, первый вылѣзъ изъ колымаги или сошелъ съ коня. Это значило заботиться о томъ, чтобы государевой чести ни въ чемъ порухи не было.

При самой встрѣчѣ одинъ изъ московскихъ сановниковъ сказалъ:

— „Великій государь Василій, Божіею милостію царь и государь всея Руси и пр. (говорился весь титулъ), узналъ, что прибыли вы, послы его брата [redacted], избраннаго императора римскаго и превысокаго короля, и его брата [redacted]. Государь послалъ насъ, своихъ совѣтниковъ, спросить васъ, какъ [redacted] его братъ [redacted] Римскій императоръ".

Затѣмъ такое же обращеніе отъ имени государя съ перечисленіемъ его титуловъ сдѣлано было и къ главному послу, и къ его товарищамъ,—спрашивали каждаго, „по добру ли, по здорову“ онъ ѣхалъ. Послѣ этихъ привѣтствій, на которыя послы отвѣчали тѣмъ же порядкомъ, садились на коней.

Московскіе пристава старались скорѣе надѣть шапки, скорѣе вскочить на лошадей, чѣмъ иноземные послы, чтобы имъ не показалось, что русскіе считаютъ себя ниже ихъ, а своего государя ниже ихъ государя.

Затѣмъ совершался въѣздъ въ Москву. Обыкновенно огромныя толпы собирались смотрѣть на такую диковину, какъ иноземные послы. Говорятъ, что по приказу государя собирали людей даже изъ окрестныхъ селеній въ Москву для встрѣчи пословъ: толпы народа въ праздничномъ нарядѣ должны были внушать иноземцамъ высокое мнѣніе о силѣ и богатствѣ Московскаго государства. Случалось даже, что при въѣздѣ иноземнаго посольства запирали лавки, торговцевъ и покупателей гнали съ рынка на тѣ улицы, по которымъ оно проѣзжало.

Помѣщеніе посольству, въ которомъ былъ Герберштейнъ, отвели въ зданіи, почти совершенно пустомъ, даже безъ постелей. Съѣстные припасы доставлялъ дьякъ, нарочно для этого назначенный. Пристава въ своемъ обращеніи строго сообразовались съ саномъ и значеніемъ посла. Также строго опредѣлялось, сколько слѣдуетъ выдавать ему и его людямъ ежедневно хлѣба, мяса, соли, перцу, овса, сѣна и дровъ. Пристава старались всѣми силами помѣшать иноземнымъ гостямъ покупать что либо самимъ. Немного спустя по пріѣздѣ ихъ пристава вывѣдывали у посольской дворни, что намѣренъ посолъ имъ подарить.

Отдохнувъ дня два, послы стали справляться, когда имъ будетъ назначенъ пріемъ у великаго князя. Послѣ долгихъ проволочекъ, наконецъ назначенъ былъ день пріема.

— „Приготовляйся, потому что ты будешь позванъ предъ лицо государя!“ торжественно объявилъ приставъ главному послу.

Нѣсколько времени спустя снова объявлено было посламъ:

— „Скоро придутъ за вами большіе люди, и потому вамъ слѣдуетъ собраться въ одинъ покой!“

При этомъ пристава убѣждали иноземныхъ пословъ, чтобы они оказали честь большимъ людямъ, вышли бы къ нимъ навстрѣчу.

Затѣмъ въ сопровожденіи многихъ бояръ, послы отправились во дворецъ. Опять по улицамъ, гдѣ проходи они, толпился народъ въ праздничномъ платьѣ, стояли рядами войска. Не доѣзжая до дворцоваго крыльца, послы должны были сойти съ коней и идти пѣшкомъ. Къ самому крыльцу могъ подъѣзжать на лошади только самъ князь.

На лѣстницѣ пословъ встрѣтили бояре, государевы совѣтники. Они вели иноземцевъ до верха лѣстницы; здѣсь передали ихъ высшимъ сановникамъ, а сами шли позади. При входѣ въ палаты встрѣтили пословъ первостепенные бояре и повели ихъ къ государю. Въ главныхъ палатахъ находились болѣе именитые сановники, ближайшіе къ государю люди. Бояре красовались въ самыхъ богатыхъ, блестящихъ одеждахъ своихъ. Все было необыкновенно торжественно.

Наконецъ, послы подошли къ великому князю. Одинъ изъ первостепенныхъ сановниковъ поклонился ему и громко провозгласилъ:

— „Великій государь, графъ Леонардъ (главн. посолъ) бьетъ тебѣ челомъ!“

Подобный же привѣтъ возвѣщенъ былъ и отъ другихъ лицъ, бывшихъ съ посломъ.

Государь сидѣлъ съ непокрытой головой на возвышенномъ и почетномъ мѣстѣ (на тронѣ), у стѣны, блиставшей позолотой и изображеніями святыхъ; справа на скамьѣ лежала шапка, а слѣва скипертъ; тутъ же стоялъ тазъ съ двумя рукомойниками. (Говорятъ, что князь, протягивая послу римской вѣры руку, считаетъ, что даетъ ее человѣку нечистому, и, отпустивъ его, тотчасъ же моетъ

Портретъ вел. кн. Василія III (факсимиле старинной гравюры).

ее). — Противъ князя, на низшемъ мѣстѣ, была приготовлена скамья для пословъ. Самъ князь послѣ того, какъ ему была отдана честь, пригласилъ ихъ знакомъ сѣсть на скамью.

— „Братъ нашъ Карлъ, избранный императоръ Римскій и превысокій король, здоровъ ли?“ спросилъ государь.

Тотъ же вопросъ былъ предложенъ о Фердинандѣ, братѣ императора.

Толмачъ, при посредствѣ котораго шла бесѣда, переводилъ эти слова посланнику. Въ то время, какъ произносилось имя Карла и брата его Фердинанда, великій князь вставалъ и потомъ садился снова, получивъ отвѣтъ „Здоровъ“. Затѣмъ государь уже обращался къ послу съ дружелюбнымъ вопросомъ:

— „По добру-ли, по здорову-ли ѣхалъ?“

На это посолъ долженъ былъ отвѣчать такъ:

— „Дай Богъ, государь, чтобы ты былъ здравъ на многія лѣта. Я же по милосердію Божію и по твоей милости здоровъ".

Послѣ этого государь приказалъ посламъ снова садиться. Было обыкновеніе, чтобы послы тѣхъ государствъ, съ которыми были болѣе частыя сношенія (Литва, Ливонія, Швеція) подносили подарки. Бояре напоминали о подаркахъ и людямъ того посольства, въ которомъ участвовалъ Герберштейнъ, но тѣ отвѣчали, что у нихъ такого обычая нѣтъ.

Когда послы немного посидѣли, государь пригласилъ ихъ отобѣдать съ нимъ.

— „Откушай нашего хлѣба-соли вмѣстѣ съ нами", сказалъ онъ каждому изъ нихъ.

Затѣмъ пристава отвели пословъ въ другой покой, гдѣ они излагали подробно свои порученія боярамъ и дьякамъ, которыхъ назначилъ самъ великій князь. Послѣ этого иноземцевъ повели въ столовую. Всѣ бояре при входѣ пословъ вставали, отдавая имъ честь. Послы въ свою очередь благодарили ихъ поклонами на всѣ стороны, затѣмъ заняли мѣсто, которое указалъ имъ рукою самъ государь.

Столы въ этомъ покоѣ были поставлены кругомъ поставца, который стоялъ посрединѣ, обремененный множествомъ золотой и серебряной посуды. За тѣмъ столомъ, гдѣ сидѣлъ государь, съ обѣихъ сторонъ оставалось небольшое свободное пространство; съ правой и лѣвой стороны были мѣста для братьевъ великаго князя. Далѣе, на нѣкоторомъ разстояніи отъ этихъ мѣстъ, сидѣли старѣйшіе князья, бояре,—по степени знатности и милости, какою пользовались они у государя. Напротивъ великаго князя, за другимъ столомъ, сидѣли послы, а на небольшомъ отъ нихъ разстояніи—ихъ приближенные. На столахъ стояли маленькіе сосуды съ уксусомъ, перцомъ и солью.

Вошли въ столовую разносители кушаньевъ въ великолѣпныхъ одеждахъ, и стали противъ великаго князя. Между тѣмъ онъ позвалъ одного изъ служителей и далъ ему два куска хлѣба и приказалъ передать посламъ. Служитель, взявъ съ собою толмача, поднесъ хлѣбъ поочереди посламъ, и сказалъ:

— „Великій Государь Василій, Божіею милостію царь и государь всея Руси и великій князь, дѣлаетъ тебѣ милость и посылаетъ тебѣ хлѣбъ со своего стола".

Толмачъ громко переводилъ эти слова. Послы стоя слушали о милости государя. Встали и другіе, кромѣ братьевъ великаго князя, чтобы оказать честь иноземцамъ; а они благодарили государя поклономъ, потомъ кланялись на всѣ стороны и боярамъ.

Присылкою хлѣба кому либо изъ сидящихъ за столомъ великій князь выражалъ свою милость, а присылкою соли со своего стола—любовь. Это была высшая честь, какую могъ оказать государь московскій на своемъ пиру.

Обѣдъ начался съ того, что подавали водку, которую всегда пили въ началѣ обѣда; потомъ принесли жареныхъ журавлей, которыхъ въ мясоѣдъ подаютъ какъ первое блюдо. Трехъ поставили предъ великимъ княземъ. Онъ рѣзалъ ихъ ножомъ, пробуя такимъ способомъ, который лучше. Затѣмъ служители ихъ унесли, чтобы разрѣзать на части, и скоро возвратились и разложили куски по маленькимъ блюдамъ. Государь даетъ кусочекъ попробовать служителю, потомъ уже

самъ ѣстъ. Иногда, если онъ хочетъ оказать почетъ боярину или послу, то посылаетъ ему блюдо, съ котораго самъ отвѣдалъ; причемъ опять повторяется тотъ же обрядъ привѣтствія и поклоновъ, какъ и при посылкѣ хлѣба или соли.

Герберштейнъ жалуется, что „всякій не мало устанетъ, столько разъ отдавая честь князю, поднимаясь, стоя, благодаря и часто наклоняя голову на всѣ стороны“.

Русскіе ѣли журавлей, подливая уксусу и прибавляя соли и перцу. Уксусъ употреблялся вмѣсто соуса или подливки. Кромѣ того, на столъ ставилось кислое молоко, соленые огурцы, груши, приготовленныя такъ же, какъ огурцы. За журавлями слѣдовали другія кушанья. Подавали также различные напитки: малвазію, греческое вино и разные меды. Князь приказывалъ подавать себѣ свою чашу одинъ или два раза, причемъ угощалъ и пословъ, говоря: — „Пей, и выпивай, и ѣшь хорошенько, досыта, а потомъ отдыхай“!

Великокняжескій обѣдъ длился три или четыре часа, а иногда до ночи.

Послѣ обѣда, у государя сановники, провожавшіе пословъ во дворецъ, отводили ихъ обратно въ посольскій домъ, при чемъ утверждали, что имъ, боярамъ, приказано остаться тамъ и увеселять гостей. Приносились серебряныя чаши и много сосудовъ съ напитками, и бояре старались напоить пословъ до-пьяна. Бояре —большіе мастера заставлять пить, говоритъ Герберштейнъ, и, когда истощены, кажется, уже всѣ поводы къ попойкѣ, они начинаютъ пить за здоровье императора, его брата, великаго князя, наконецъ, за здоровье важнѣйшихъ сановниковъ. Они считаютъ, что при этомъ неприлично отказываться отъ чаши. Пьютъ же слѣдующимъ образомъ: тотъ, кто начинаетъ, беретъ чашу, выступаетъ на средину комнаты, и, стоя съ открытой головой, излагаетъ въ веселой рѣчи свои пожеланія тому, за чье здоровье пьетъ; затѣмъ, опорожнивъ чашу, опрокидываетъ ее надъ своей головой, чтобы всѣ видѣли, что онъ выпилъ до дна и дѣйствительно желаетъ здоровья тому лицу, за кого пьетъ. Потомъ велитъ наполнить кубки и требуетъ, чтобы всѣ пили за того, чье имя онъ называетъ. Каждый такимъ образомъ долженъ выйти на середину комнаты и возвращаться на свое мѣсто лишь тогда, когда на виду у всѣхъ опорожнитъ свой кубокъ. Хорошимъ пріемомъ и радушнымъ угощеніемъ считается у русскихъ только то, когда гости напоены допьяна. Чтобы избавиться отъ чрезмѣрнаго питья, по совѣту Герберштейна, надо притвориться пьянымъ или спящимъ.

Желая оказать посламъ особенную милость, государь приглашалъ ихъ участвовать въ обычной тогдашней потѣхѣ—охотѣ.

Вотъ какъ описываетъ одну изъ такихъ охотъ Герберштейнъ.

Близъ Москвы есть мѣсто, усѣянное кустарникомъ, весьма удобное для зайцевъ, гдѣ, словно въ звѣринцѣ, разводится ихъ великое множество; никто не смѣетъ ловить ихъ или рубить тамъ кустарникъ подъ страхомъ величайшаго наказанія. Кромѣ того, князь держитъ множество ихъ въ звѣриныхъ загонахъ и въ другихъ мѣстахъ. Каждый разъ, когда вздумается ему насладиться этой забавой, онъ приказываетъ привозить зайцевъ изъ разныхъ мѣстъ, ибо, по его мнѣнію, чѣмъ больше онъ затравитъ зайцевъ, тѣмъ больше ему и чести.

Когда явились по призыву великаго князя послы на охоту и исполнили всѣ обряды въ честь князя, началась охота. Государь сидѣлъ на разукрашен-

номъ конѣ, въ роскошной одеждѣ. На немъ была шапка, называемая колпакомъ, имѣвшая съ обѣихъ сторонъ, спереди и сзади, козырьки, изъ которыхъ торчали вверхъ, какъ перья, золотыя пластинки и качались взадъ и впередъ. Одежда на немъ была вышита золотомъ. На поясѣ висѣли два продолговатые ножа и такой же кинжалъ. Сзади, подъ поясомъ, у него былъ кистень (родъ ногайки, къ концу ремня которой прикрѣплялся металлическій шаръ). Съ правой стороны ѣхалъ бывшій казанскій царь Шигъ-Алей; съ лѣвой же два молодые князя, изъ которыхъ одинъ держалъ въ правой рукѣ сѣкиру (топоръ) съ рукоятью изъ слоновой кости, другой—булаву, или шестоперъ. У Шигъ-Алея были привязаны два колчана: въ одномъ у него были стрѣлы, въ другомъ—лукъ. Въ полѣ было болѣе трехсотъ всадниковъ. Длиннымъ рядомъ стояло около ста человѣкъ охотниковъ. Половина ихъ была одѣта въ одежды чернаго цвѣта, а другая—желтаго. Неподалеку отъ нихъ стояли всѣ другіе охотники и наблюдали, чтобы зайцы не пробѣжали чрезъ это мѣсто и не ушли бы совсѣмъ. Сначала никому не было позволено спустить собакъ, кромѣ царя, Шигъ-Алея и иноземныхъ гостей.

Князь крикнулъ, чтобъ начинали. Тогда дана была вѣсть всѣмъ охотникамъ. Всѣ они вскрикиваютъ въ одинъ голосъ и спускаютъ большихъ собакъ. Весело было слышать, говоритъ Герберштейнъ, громкій и разноголосый лай собакъ, а у великаго князя ихъ очень много и притомъ отличныхъ. Когда выбѣгаетъ заяцъ, спускаются три, четыре, пять и болѣе собакъ, которыя отовсюду бросаются за нимъ, а когда онѣ схватятъ его, поднимается радостный крикъ, рукоплесканія, будто большой звѣрь пойманъ. Если зайцы слишкомъ долго не выбѣгаютъ, тогда выпускаютъ по приказу великаго князя припасенныхъ заранѣе изъ мѣшковъ. Эти зайцы иногда, словно сонные, попадаютъ въ стаю собакъ, межъ которыми прыгаютъ, какъ ягнята въ стадѣ. Чья собака затравила больше зайцевъ, того считаютъ главнымъ побѣдителемъ. На этотъ разъ, когда послѣ охоты свалили зайцевъ въ одно мѣсто, насчитано ихъ было больше трехсотъ.

Князья и бояре любили тѣшиться, кромѣ псовыхъ, и птичьими охотами. Пріученные къ охотѣ соколы и кречеты съ налету били лебедей, журавлей, дикихъ гусей и пр., и убитая птица падала къ ногамъ охотниковъ.

Охота, въ которой принималъ участіе Герберштейнъ, закончилась пиромъ. Неподалеку отъ Москвы было поставлено нѣсколько шатровъ: первый изъ нихъ, большой и просторный,—для великаго князя, другой—для Шигъ-Алея, третій—для пословъ, остальные—для другихъ особъ. Князь, вошедши въ свой шатеръ, перемѣнилъ одежду и немедленно позвалъ пословъ къ себѣ. Когда они вошли, онъ сидѣлъ въ креслѣ изъ слоновой кости. Справа у него былъ царь Шигъ-Алей; слѣва—младшіе князья, которымъ великій князь особенно благоволилъ.

Когда всѣ разсѣлись, то начали подавать сперва варенья изъ аниса, миндалю и пр., потомъ орѣхи, миндаль и пирожное изъ сахару; подавались также напитки, и государь оказывалъ свою милость, угощая иноземныхъ гостей.

У великаго князя была и иная потѣха, по словамъ Горберштейна. Откармливали медвѣдей въ обширномъ, нарочно для этого построенномъ домѣ. По приказу князя противъ нихъ выступали люди низшаго званія, съ деревянными вилами (рогатинами), и начинали для потѣхи великаго князя бой. Если разъяренные звѣри ранятъ ихъ, они бѣгутъ къ князю и кричатъ: „Государь мы

ранены"! Великій князь говоритъ имъ: „ступайте, я окажу вамъ милость" и приказываетъ лечить ихъ и надѣлить одеждами и хлѣбомъ.

Власть Государя.

Наблюдательному Герберштейну приходилось нерѣдко видѣть и слышать, какъ обращался великій князь съ боярами и другими близкими людьми, и какъ они относились къ нему. „Властью надъ своими подданными, говоритъ Герберштейнъ, московскій государь превосходитъ едва ли не всѣхъ самодержцевъ въ цѣломъ мірѣ". И личность подданныхъ, и ихъ имущество совершенно во власти его. Всѣ должны безпрекословно исполнять его желанія. Богатые люди обязаны были служить безвозмездно при дворѣ его, въ посольствѣ или на войнѣ; только бѣднѣйшимъ изъ своихъ приближенныхъ онъ платитъ небольшое жалованье по своему усмотрѣнію. Знатнѣйшимъ, которые отправляютъ посольства или другія важныя должности по приказу государя, даются въ управленіе области или села и земли; при чемъ однако имъ приходится уплачивать ему ежегодную подать съ этихъ земель, такъ что въ пользу управляющихъ идутъ лишь судебныя пошлины и другіе доходы. Великій князь позволяетъ пользоваться такими владѣніями по большей части въ продолженіи полутора года; если же хочетъ оказать кому либо особенную милость и расположеніе, то прибавляетъ еще нѣсколько мѣсяцевъ. Но по прошествіи этого времени всякое жалованье прекращается, и цѣлые шесть лѣтъ такой человѣкъ долженъ былъ служить даромъ.

При княжескомъ дворѣ, разсказываетъ Герберштейнъ, былъ дьякъ Василій Третьякъ Далматовъ. Онъ пользовался особенною милостью великаго князя. Но вотъ былъ онъ назначенъ въ посольство, въ Германію. Издержки предстояли не малыя. Сталъ Далматовъ жаловаться, что у него нѣтъ денегъ на дорогу и другіе расходы. За это, по приказу Василія Ивановича, онъ былъ схваченъ и отвезенъ въ Бѣлоозеро въ заключеніе. Имѣнье его движимое и недвижимое было отобрано въ великокняжескую казну; братьямъ и наслѣдникамъ не досталось и четвертой части.

Если послы, отправленные къ иноземнымъ государямъ, привозятъ какія нибудь драгоцѣнные подарки, то князь отбираетъ ихъ въ свою казну, говоря, что дастъ боярамъ за то другую награду. Такъ, когда послы, ѣздившіе къ императору германскому, привезли съ собой золотыя ожерелья, цѣпи, испанскіе дукаты, серебряныя чаши и пр., то почти все болѣе цѣнное отобрано было въ государеву казну. „Когда я спрашивалъ у русскихъ пословъ, правда ли это, говоритъ Герберштейнъ, то одинъ изъ нихъ отрицалъ, боясь унизить своего князя въ глазахъ иноземца; другой же говорилъ, что князь приказалъ принести къ себѣ подарки, чтобъ посмотрѣть ихъ. Но придворные не отвергали того, что болѣе цѣнныя вещи отбираются у бояръ великимъ княземъ.

— „Такъ что же? — говорили они при этомъ, — государь вознаградитъ ихъ другою милостью".

Онъ имѣетъ власть какъ надъ свѣтскими, такъ и надъ духовными особами и безпрепятственно по своему желанію распоряжается жизнью и имуществомъ всѣхъ. Изъ совѣтниковъ его никто не пользуется такимъ значеніемъ, чтобы

осмѣлиться въ чемъ либо противорѣчить ему или быть другого мнѣнія. Они открыто признаютъ, что воля князя есть воля Бога, и что князь дѣлаетъ, то дѣлаетъ по волѣ Божіей. Они даже называютъ своего государя „Божьимъ ключникомъ“ и вѣрятъ, что онъ является исполнителемъ воли Божіей. Самъ князь, когда его умоляютъ о какомъ нибудь заключенномъ, обыкновенно отвѣчаетъ:

— „Будетъ освобожденъ, когда Богъ велитъ“.

Если кто либо спрашиваетъ о неизвѣстномъ или сомнительномъ дѣлѣ, то обыкновенно говорятъ:

Великій князь Василій Ивановичъ (по древн рис. Герберштейна).

— „Про то вѣдаетъ Богъ да великій государь“!

Личность Василія Ивановича сильно занимала Герберштейна; къ своимъ запискамъ онъ приложилъ даже рисунокъ, изображающій великаго князя въ домашней одеждѣ.

Военное дѣло.

Большая военная сила Московіи тоже обращала на себя вниманіе иноземцевъ. Московскіе послы съ гордостью заявляли иноземцамъ, что по первому

требованію русскаго государя, въ нѣсколько дней можетъ слетѣться, подобно пчеламъ, огромное войско въ двѣсти или триста тысячъ всадниковъ... Если это и преувеличено, то все же извѣстно, что московская рать обыкновенно бывала очень многочисленна. По словамъ Герберштейна, у Василія былъ уже и постоянный, но небольшой пѣшій отрядъ воиновъ, состоящій изъ 1500 наемныхъ литовцевъ и всякихъ иноземцевъ. Главныя же военныя силы состояли изъ конницы, которая являлась во всеоружіи лишь во время войны.

Черезъ годъ или черезъ два великій князь приказываетъ дѣлать наборъ и переписывать боярскихъ дѣтей, чтобы знать ихъ число, и сколько у каждого изъ нихъ людей и лошадей. Военную службу отбываютъ всѣ тѣ, которые могутъ по своему состоянію. Рѣдко они наслаждаются покоемъ: почти постоянно идетъ война то съ литовцами, то со шведами, то съ татарами. Даже если и нѣтъ никакой войны, то все-таки ежегодно выставляется на южной украинѣ около Дона и Оки тысячъ двадцать войска для охраны отъ набѣговъ и грабежей крымскихъ татаръ. Эти отряды обыкновенно каждый годъ смѣняются; но въ военное время всѣ, обязанные службою, должны служить тамъ, гдѣ великій князь укажетъ и столько времени, сколько понадобится.

Русское войско въ тѣ времена было плохо устроено. Лошади у конницы были хотя крѣпкія и выносливыя, но по большей части мелкія, некованныя, и съ самой легкой уздой. Сѣдла устраивались такъ, что можно было безъ труда оборачиваться во всѣ стороны и пускать стрѣлы. Всадники сидѣли на лошадяхъ, до того подогнувъ ноги, что ударомъ копья нетрудно было ихъ выбить изъ сѣдла. Немногіе употребляютъ шпоры, а большая часть — плетку, которая всегда виситъ на мизинцѣ правой руки, чтобы ее можно было употребить въ дѣло тотчасъ, какъ представится надобность.

Обыкновенное оружіе — лукъ, стрѣлы, топоръ и кистень. Саблю употребляютъ по большей части богатѣйшіе и благороднѣйшіе. Длинные кинжалы, висящіе на подобіе ножей, бываютъ нерѣдко такъ запрятаны въ ножны, что ихъ трудно вытащить; употребляли также копья и дротики, или небольшія пики. Поводъ у узды обыкновенно длинный, на концѣ разрѣзанный; его надѣваютъ на палецъ лѣвой руки, чтобы можно было свободно дѣйствовать лукомъ. Хотя въ одно и тоже время всадникъ держитъ въ рукахъ узду, лукъ, саблю и плеть, однако довольно ловко управляется со всѣмъ этимъ.

Знатные и богатые люди употребляютъ на войнѣ хорошее охранительное вооруженіе: разнаго рода латы, кольчуги, поручи и проч. Весьма немногіе имѣютъ шлемъ, заостренный сверху и съ украшенной верхушкой.

Тѣ, которые побѣднѣе, довольствуются часто одеждой, плотно подбитой хлопчатой бумагой, или пенькой, такъ называемыми тегиляями и такими же колпаками. Въ толщѣ тѣхъ и другихъ вдѣлывались куски желѣза, такъ что прорубить тегиляй было очень трудно. Вооруженіе русскихъ воиновъ недалеко ушло впередъ съ XIV столѣтія.

Съ пушками и вообще съ огнестрѣльнымъ оружіемъ русскіе еще плохо справлялись. Частыя войны съ татарами, причемъ надо было больше всего разсчитывать на быстроту движенія, и приходилось проѣзжать большія пространства по степи, повели къ тому, что пѣшаго войска, за исключеніемъ упомяну-

Два кистеня, сѣкиры, или топоры, и чеканъ.

Оконечники рогатины и совня.—Протазанъ.—Копье.—Дротики въ ножнахъ.

Кончаръ.—Тесакъ.—Алебарды (сѣкиры).—Протазанъ.

таго небольшаго отряда, не было. Быстрое, внезапное нападеніе на врага, преслѣдованіе его или бѣгство отъ него,—вотъ въ чемъ главнымъ образомъ, по понятіямъ русскихъ, состояла война. Понятно, что пѣхота и пушки при такомъ способѣ войны были бы лишь бременемъ.

Шапка мѣдяная. Колпакъ. Шишакъ. Мисюрка. Шапка бумажная.

При Василіи Ивановичѣ все-же положено было начало пѣхотѣ, а также стали мало по малу пускать въ дѣло и пушки, особенно при осадѣ городовъ (осада Смоленска). Русскіе рѣдко брали города съ бою, приступомъ,—обыкновенно брали „изморомъ“, т. е. принуждали жителей сдаться долгой осадой, голодомъ. У Василія Ивановича были литейщики изъ нѣмцевъ и итальянцевъ: лили они пушки, ядра и пули.

Юшманъ. Панцырь. Куякъ.

„У разныхъ народовъ, говоритъ Герберштейнъ, большое различіе въ образѣ войны, какъ и въ другихъ дѣлахъ“ и приводитъ такое сравненіе между русскимъ, татариномъ и туркомъ: „московитъ, какъ только ударится въ бѣгство, уже не помышляетъ о другомъ средствѣ къ спасенію, кромѣ бѣгства. Когда врагъ догонитъ его или схватитъ,—онъ уже не защищается и не проситъ пощады, а покорно предается своей судьбѣ. Татаринъ же, сброшенный съ лошади, оставшись безъ всякаго оружія, даже тяжко раненый, обыкновенно защищается

до послѣдняго издыханія,—руками, ногами, зубами и чѣмъ только можетъ. Турокъ, лишившись всякой надежды на помощь и спасеніе, бросаетъ оружіе,

Простой русскій воинъ XVI ст., въ тегиляѣ. (по рисунку Герберштейна).

умоляетъ о помилованіи, складываетъ руки, чтобъ его взяли, протягиваетъ ихъ побѣдителю, надѣясь сохранить жизнь своимъ плѣномъ".

Русскій воинъ въ тегиляѣ XVI ст. и конскій уборъ (по рис. Герберштейна).

Особенно удивляла иностранцевъ необыкновенная выносливость русскаго воина. Если есть у него, говоритъ Герберштейнъ, толченое просо въ мѣшечкѣ,

длиною въ вдѣ ладони, потомъ фунтовъ восемь или десять соленаго свиного мяса и соль, смѣшанная, если онъ богатъ, съ перцемъ, то онъ вполнѣ доволенъ. Кромѣ того, всякій воинъ носитъ съ собою топоръ, трутъ, кострюлю, и если приходитъ куда нибудь, гдѣ нѣтъ никакихъ плодовъ,—ни чесноку, ни луку, ни дичины, то разводитъ огонь, наполняетъ горшокъ водою, въ которую кладетъ полную ложку проса, прибавляетъ соли и варитъ,—и господинъ, и холопы живутъ, довольствуясь этой пищей. Если господинъ слишкомъ голоденъ, то съѣдаетъ все, а холопы иногда постятся дня два—три. Если господинъ хочетъ отобѣдать получше, то къ этому прибавляетъ кусочекъ свинины. Это говорится о людяхъ посредственнаго состоянія. Вожди же войска и другіе начальники иногда приглашаютъ къ себѣ этихъ бѣдныхъ людей, которые, хорошо пообѣдавъ, иногда втеченіи двухъ-трехъ дней воздерживаются отъ пищи. Когда у воиновъ есть овощи, лукъ, чеснокъ да хлѣбъ, то они легко могутъ обойтись безъ всего другого.

Древнее русское оружіе (по рис. Герберштейна).

Въ сраженіяхъ они полагаются на многочисленность своихъ силъ болѣе, нежели на мужество воиновъ и на хорошее устройство войска, стараются обойти непріятеля и напасть на него съ тылу.

Нравы и обычаи.

Любопытны также нѣкоторыя, хотя и отрывочныя, свѣдѣнія у иноземныхъ писателей о нравахъ и обычаяхъ русскихъ XV—XVI ст. Болѣе извѣстій находимъ опять у Герберштейна.

Набожность нашихъ предковъ и соблюденіе ими внѣшнихъ обрядовъ бросались въ глаза иноземцамъ. Герберштейнъ сообщаетъ, что русскіе ревностно соблюдали всѣ посты; причемъ въ великомъ посту нѣкоторые воздерживаются не только отъ рыбы, но употребляютъ пищу лишь въ воскресенье, вторникъ, четвергъ и субботу, а въ остальные дни вовсе не ѣдятъ или довольствуются

кускомъ хлѣба и водой. На монаховъ же наложены посты еще болѣе строгіе: многіе дни они должны довольствоваться однимъ квасомъ.

Проповѣдниковъ, свидѣтельствуетъ Герберштейнъ, нѣтъ у русскихъ: они полагаютъ, что достаточно присутствовать при богослуженіи и слышать евангеліе, посланія и поученія другихъ учителей (отцовъ церкви: Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго). Русскіе думаютъ этимъ избѣжать различныхъ толковъ и ересей, которыя большею частью рождаются отъ проповѣдей. Въ воскресенье объявляютъ праздники будущей недѣли и читаютъ громогласно исповѣдь (исповѣданіе вѣры). Они считаютъ истиннымъ и обязательнымъ для всѣхъ то, во что вѣритъ или что думаетъ самъ князь. „Московиты, говоритъ тотъ же писатель, хвалятся, что они одни только—христіане, а насъ (католиковъ) они осуждаютъ, какъ отступниковъ отъ первобытной церкви и древнихъ святыхъ установленій“. Русскіе монахи издавна стараются распространять Слово Божіе у идолопоклонниковъ, отправляются въ разныя страны, лежащія на сѣверѣ и востокѣ, куда достигаютъ съ великимъ трудомъ и опасностью. Они не ждутъ и не желаютъ никакой выгоды, напротивъ, иногда даже погибаютъ, запечатлѣвая ученіе Христово своею смертью, стараются единственно только о томъ, чтобы сдѣлать угодное Богу, наставить на истинный путь души многихъ заблудшихся, привести ихъ ко Христу. Эта ревность къ вѣрѣ сказывалась и въ набожности русскихъ. Герберштейна поражаетъ „удивительное стеченіе племенъ и народовъ“ въ извѣстные дни у Троице-Сергіевскаго монастыря, куда ѣздитъ часто самъ князь, а народъ стекается ежегодно въ праздники и питается отъ щедротъ монастыря. Знатные люди чтятъ праздники тѣмъ, что прежде всего отправляются къ обѣднѣ; затѣмъ надѣваютъ пышную одежду и бражничаютъ... Простой же народъ,—слуги и рабы, большею частію послѣ обѣдни работаютъ, говоря, что „праздновать и гулять—господское дѣло“. Только въ торжественные дни (праздники Рождества и Пасхи и нѣкоторые другіе) и черный людъ „гуляетъ“, предаваясь обыкновенно пьянству.

Парни и ребята любили тѣшиться въ праздничные дни кулачными боями. Бойцовъ сзываютъ свистомъ: они немедленно сходятся, и начинается рукопашный бой. Бойцы приходятъ въ большую ярость, бьютъ другъ друга кулаками и ногами безъ разбору въ лицо, шею, грудь, животъ, или стараются другъ друга повалить. Случается, что нѣкоторыхъ убиваютъ до смерти. Кто побьетъ большее число противниковъ, дольше остается на мѣстѣ и мужественнѣе выноситъ удары, того хвалятъ и считаютъ побѣдителемъ.

Грубость нравовъ сказывалась также въ пыткахъ и въ тѣлесныхъ наказаніяхъ,— сказывалась и въ отношеніяхъ помѣщиковъ къ поселянамъ, господъ къ слугамъ. Поселяне, по свидѣтельству Герберштейна, работаютъ на своего господина (т. е. землевладѣльца, на землѣ котораго они живутъ) шесть дней, седьмой же остается на ихъ собственную работу. Они имѣютъ участки полей и луговъ, которые даетъ имъ господинъ, и отъ которыхъ они кормятся; но положеніе ихъ крайне жалкое: ихъ называютъ „черными людишками“, могутъ часто безнаказанно обижать и грабить. Благородный, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, считаетъ для себя позоромъ и безславіемъ добывать хлѣбъ своими руками. Простолюдины-работники, нанимаясь въ работу, получаютъ за трудъ въ день пол-

торы деньги; ремесленникъ получаетъ двѣ деньги. Не смотря на то, что это были вольно-наемные люди, наниматель считаетъ себя вправѣ побоями принуждать ихъ усерднѣе работать: „Если ихъ не бить хорошенько, говоритъ Герберштейнъ, они не будутъ прилежно работать“. Кромѣ наемныхъ слугъ, у всѣхъ знатныхъ были холопы и рабы, большею частію купленные или изъ плѣнныхъ.

„Рабство до такой степени вошло въ обычай, говоритъ тотъ же писатель, что и въ тѣхъ случаяхъ, когда господа, умирая, отпускаютъ на волю рабовъ, эти послѣдніе обыкновенно тотчасъ же сами продаются въ рабство другимъ господамъ. Если отецъ продаетъ въ рабство сына, какъ это въ обычаѣ, и сынъ какимъ либо образомъ станетъ свободнымъ, то отецъ имѣетъ право во второй разъ продать его. Только послѣ четвертой продажи отецъ теряетъ свои права надъ сыномъ. Казнить смертью, какъ рабовъ, такъ и свободныхъ, можетъ только одинъ князь“.

Положеніе женщины было тоже печально: въ простонародьѣ она была „вѣковѣчною работницей“ на свою семью, рабою мужа своего, да и въ высшемъ кругу женщина была невольницею и въ семьѣ отца, и въ семьѣ мужа. Дѣвушка не могла по своей волѣ выйти замужъ: пріискивалъ жениха ей отецъ; также и женихъ женился не по своей волѣ; бракъ былъ сдѣлкою между отцомъ невѣсты и отцомъ жениха. Они сходятся вмѣстѣ и толкуютъ о томъ, что отецъ дастъ дочери въ приданое. Порѣшивъ дѣло о приданомъ, назначаютъ день свадьбы до окончательнаго скрѣпленія договора. Жениху не позволяютъ видѣться съ невѣстой. Если же онъ изъявляетъ настойчивое желаніе увидать ее, — родители обыкновенно говорятъ ему:

— „Узнай, какова она, отъ другихъ, которые знаютъ ее“.

Въ приданое даются лошади, одежды, утварь, скотъ, рабы и т. п. Приглашенные на свадьбу посылаютъ невѣстѣ также подарки. Женихъ тщательно замѣчаетъ ихъ, посылаетъ къ цѣновщикамъ для оцѣнки ихъ, и старается потомъ отблагодарить подарившихъ или деньгами, или подарками той же стоимости. Онъ это обязанъ сдѣлать и притомъ по вѣрной оцѣнкѣ: иначе подарившіе могутъ потребовать у него вознагражденія за свои подарки по своему усмотрѣнію вдвое и болѣе противъ настоящей ихъ цѣны.

Послѣ смерти первой жены позволяется вступить во второй бракъ, но смотрятъ на это уже неодобрительно; жениться на третьей женѣ не позволяютъ безъ важной причины; брать четвертую жену не допускаютъ никого и считаютъ это дѣло совсѣмъ не христіанскимъ. Разводъ считался тяжкимъ грѣхомъ. Супружеское счастіе и хорошая семейная жизнь были довольно рѣдкими явленіями. Это и понятно: — женились не по своему выбору и сердечному влеченію, а по приказу родителей и по разсчету.

Жена знатнаго или благороднаго человѣка въ домѣ мужа была затворницей. Женщина, которая не живетъ, заключившись въ своемъ домѣ, не считается благонравною; но за то высоко чтятъ ту, которой не видятъ посторонніе и чужіе люди. Заключенныя дома женщины занимаются обыкновенно пряжей и разными рукодѣліями. Всѣ домашнія работы дѣлаются руками рабовъ и рабынь; у бѣдныхъ людей жены исправляютъ всякія домашнія работы.

Весьма рѣдко пускаютъ женъ въ церковь да къ близкимъ знакомымъ, въ общество друзей; только старыя женщины пользовались большею свободой.

Праздничнымъ удовольствіемъ для женщинъ были качели, которыя устраивались въ садахъ у всѣхъ зажиточныхъ людей. Забавлялись женщины также пѣніемъ пѣсенъ, хороводами и пр.

Русскіе на своихъ женъ смотрѣли какъ на дѣтей или какъ на рабынь и старались держать ихъ въ страхѣ и повиновеніи. Суровое, грубое обращеніе мужа съ женою, даже побои, до такой степени вошли въ обычай, что считались чуть-ли не знакомъ любви мужа къ женѣ и заботливости его о семьѣ.

Герберштейнъ разсказываетъ такой случай:

„Въ Московіи жилъ одинъ нѣмецъ-кузнецъ, по имени Іорданъ, который женился на русской. Поживши нѣсколько времени съ мужемъ, она однажды ласково спросила его:

— „Почему ты не любишь меня?“

— „Напротивъ того, я очень люблю тебя! отвѣчалъ тотъ“.

— „Я еще не имѣю, сказала она, знаковъ твоей любви“.

Мужъ сталъ ее разспрашивать, какіе знаки любви разумѣетъ она. Жена ему отвѣчала:

— „Ты никогда меня не билъ!“

Немного спустя Іорданъ жестоко побилъ жену и признавался мнѣ, говоритъ Герберштейнъ, что послѣ этого она стала любить его гораздо больше, чѣмъ прежде. Кончилось тѣмъ, что онъ побоями изуродовалъ свою жену...

Городъ Москва.

Почти всѣ иноземцы, писавшіе о Московіи, сообщаютъ и о столицѣ ея нѣкоторыя свѣдѣнія. Издали Москва съ ея садами и многочисленными церквами представлялась очень красивою, но вблизи оказывалась иною. Почти весь городъ состоялъ изъ невзрачныхъ деревянныхъ построекъ (домовъ насчитывали болѣе 40 тысячъ), улицы были неправильныя, грязныя, такъ что необходимы были мостки; только на нѣкоторыхъ улицахъ были бревенчатыя очень неудобныя мостовыя. Почти при каждомъ домѣ былъ обширный садъ и дворъ. По окраинамъ города тянулись жилища кузнецовъ и другихъ ремесленниковъ, которымъ приходилось при своихъ работахъ употреблять огонь. Между домами, особенно находившимися ближе къ окраинамъ города, разстилались обширные поля и луга. Къ городу примыкало и нѣсколько монастырей. Все это сливалось какъ бы въ одинъ городъ, и потому Москва издали казалась очень обширною. Среди города на возвышенномъ берегу рѣки Москвы находится крѣпость (кремль). Она съ одной стороной омывалась рѣкою Москвой, а съ другой—Неглинной, которая, вытекая изъ болотъ, у крѣпости разливалась въ видѣ пруда, и отсюда наполнялись водою рвы крѣпости. По берегу Неглинной стояли многочисленныя мельницы. Крѣпость, построенная изъ кирпича, была очень велика: въ ней, кромѣ каменныхъ палатъ государя, были каменные (т. е. кирпичные) дома братьевъ великаго князя, митрополита и др. знатныхъ лицъ. Улицы на ночь обыкновенно загораживались бревнами поперекъ, причемъ ставилась стража, какъ только смеркалось и зажигались огни въ домахъ. Ночью никому не позволялось ходить послѣ урочнаго часу; а если кто попадался, то его били и обирали или

сажали въ тюрьму. Если же шелъ какой-нибудь именитый и важный сановникъ, то сторожа провожали его до дому. Разбои ночью происходили нерѣдко. Ставилась стража и съ той стороны, гдѣ Москва была вполнѣ открыта (съ другихъ сторонъ она была защищена рѣками Москвой и Яузой). На рѣкѣ Москвѣ было нѣсколько мостовъ. Зимой, на льду ея, купцы ставили свои лавки, и торговля въ самомъ городѣ тогда почти совсѣмъ прекращалась. Въ эту пору сюда свозились на продажу хлѣбъ, сѣно, битая скотина (замороженныя туши), дрова и пр. Здѣсь же происходили конскія ристанія и другія потѣхи, съ которыхъ нерѣдко иные удальцы уходили искалѣченные.

Объ устройствѣ жилищъ и объ одеждѣ находимъ очень мало свѣдѣній у иностранныхъ писателей XV и XVI стол. Жилища, судя по другимъ источни-

Герберштейнъ въ шубѣ, подаренной ему великимъ княземъ (по рис Герберштейна).

камъ, были очень просты: крестьянская бревенчатая изба служила образцомъ. Рублей за 20, за 30, можно было построить порядочный домъ. Конечно, кто былъ побогаче, устраивался пошире: нѣсколько срубовъ, какъ бы нѣсколько избъ, соединяли вмѣстѣ и такимъ образомъ устраивали болѣе помѣстительное жилье. Покои числомъ 3 и не больше 4-хъ были небольшіе и низкіе; печи и лежанки занимали въ нихъ много мѣста. Сѣни у жилищъ были обыкновенно

просторны; двери низки, такъ что входящій долженъ былъ довольно низко наклониться; окна были маленькія; въ простыхъ жильяхъ они обтягивались бычачьими пузырями; въ болѣе богатыхъ домахъ въ рѣшетчатыя оконныя рамы вставлялись кусочки слюды. Стекло цѣнилось тогда очень дорого, такъ какъ его привозили издалека, сначала изъ Цареграда, а потомъ стали его возить изъ другихъ странъ Европы.

Что касается домашней утвари, то она также была очень проста: лавки, столы да поставцы для посуды — все это было очень незатѣйливо. Скатерти и ковры на лавкахъ у болѣе зажиточныхъ людей скрашивали жилье. Но главною красою его были образа: въ каждомъ домѣ и въ каждомъ покоѣ, обыкновенно въ восточномъ углу, ставились иконы, часто въ дорогихъ серебряныхъ и золотыхъ окладахъ. Уголъ, гдѣ стояли образа, считался самымъ почетнымъ (назывался краснымъ угломъ). Всякій входящій въ жилище прежде всего кланялся образамъ и крестился, а потомъ уже обращался съ поклономъ и къ хозяевамъ. Этотъ обычай держится и до сихъ поръ у нашихъ набожныхъ простолюдиновъ.

Что касается одежды, то сношенія съ востокомъ повели къ тому, что среди зажиточныхъ людей стала все сильнѣе и сильнѣе распространяться азіатская роскошь: дорогія шелковыя узорчатыя и пестрыя ткани, длинныя златотканныя одежды стали входить въ обычай.

Въ сочиненіи Герберштейна находимъ любопытный рисунокъ, изображающій его самого въ русской шубѣ, пожалованной ему великимъ княземъ, въ русской мѣховой шапкѣ и въ сафьянныхъ узорчатыхъ сапогахъ.

Промышленность и торговля.

На промышленность и торговлю Московіи иноземные писатели обращали большое вниманіе. Главными произведеніями страны считались—хлѣбъ, мѣха, лѣсъ, медъ и воскъ. Сосны въ московскихъ лѣсахъ поражали иноземцевъ своей невѣроятной величиной; дубы и клены, по ихъ отзывамъ, здѣсь лучше, чѣмъ въ Западной Европѣ. Пчелы роятся въ лѣсахъ въ огромномъ количествѣ и кладутъ медъ въ дуплахъ старыхъ деревъ, безъ всякаго ухода и присмотра, такъ что промышляющимъ продажею меду стоитъ только отыскивать въ лѣсахъ въ дуплахъ старыхъ деревъ залежни меду и брать его. Одному иностранному писателю о Россіи разсказывали такой забавный случай.

Одинъ крестьянинъ, нашедши въ лѣсу дупло съ медомъ, полѣзъ доставать его, но по неосторожности упалъ и увязъ въ меду по самое горло, и вылѣзть никакъ не могъ. Тутъ ему пришлось бы и пропасть. Два дня онъ питался медомъ, напрасно ожидая помощи. Къ счастію его, пришелъ медвѣдь, чтобы полакомиться медомъ, и сталъ спускаться задними ногами въ дупло. Крестьянинъ ухватился за медвѣдя и такъ заоралъ, что испуганный звѣрь выскочилъ изъ дупла, выволокъ съ собой мужика, а самъ съ перепугу скрылся.

Пушнаго звѣря въ русскихъ лѣсахъ тогда было множество: соболи мѣха, лисьи (особенно чернобурыхъ лисицъ), бобровые и куньи считались самыми цѣнными.

Бѣличьи мѣха и кошачьи (домашнихъ кошекъ) были самые дешевые. Кромѣ

того, добывались мѣха горностаевые, рысьи, волчьи и песцовые. Въ лѣсахъ водились также лоси, медвѣди, большіе и черные волки, а въ западной части государства—туры.

Земля собственно московскаго княжества была неплодородна; почва тутъ песчаная. Пни огромныхъ деревьевъ показывали, что вся страна эта недавно была еще покрыта почти сплошными лѣсами; но области Нижегородская и Владимірская очень плодоносны. Неистощенная тучная почва давала здѣсь въ тѣ времена обильныя жатвы: одна посѣянная мѣра хлѣба доставляла часто 20, иногда даже 30 мѣръ. Рязанская область превосходила плодородіемъ всѣ остальныя: лошади едва могли проходить чрезъ ея густыя нивы; древесные плоды здѣсь были гораздо лучше московскихъ. Сверхъ того, Рязанская область изобиловала медомъ, рыбою, и всякаго рода дичью. Кромѣ хлѣбопашества, звѣроловства, рыболовства и пчеловодства, иноземные писатели указываютъ на добываніе соли въ Старой Русѣ, близъ Переяславля Залѣсскаго и Нижняго; желѣзо добывалось у Серпухова. Нѣкоторыя мѣстности промышляли своими издѣліями: такъ Калуга славилась своей рѣзной деревянной посудой, которая шла въ продажу не только въ Москву, но также въ Литву и въ другія сосѣднія страны. Но, вообще говоря, обрабатывающая промышленность въ Московіи не процвѣтала, и грубыя туземныя издѣлія шли только на потребу мѣстныхъ жителей, да кое-что на Востокъ, а въ Западную Европу не шли. Въ чужіе края на Западъ отпускались лѣсъ, лучшій ленъ, конопля, воловьи кожи; въ Литву и Турцію вывозились кожи, мѣха и моржевые клыки (рыбій зубъ), изъ которыхъ обыкновенно выдѣлывались рукояти для оружія. Къ татарамъ шли въ продажу и русскія издѣлія: сѣдла, узды, полотно, топоры и пр.

Привозимые товары были по большей части слѣдующіе: серебро въ слиткахъ, сукна, шелкъ, шелковыя ткани, парчи, драгоцѣнные камни, жемчугъ, вина, пряные коренья, перецъ, шафранъ и пр.

Для торговли въ большихъ размѣрахъ собирались въ опредѣленное время въ извѣстномъ мѣстѣ, гдѣ и велась купля, продажа и обмѣнъ товаровъ, т. е. происходили торги (ярмарки). Особенно славилась ярмарка въ Холопьемъ городкѣ на рѣкѣ Мологѣ. При Василіи Ивановичѣ было положено начало знаменитой Макарьевской ярмаркѣ: въ 1524 году вел. князь, въ подрывъ Казани, съ которой онъ враждовалъ, запретилъ своимъ купцамъ ѣздить на торги, происходившіе близъ нея, а назначилъ мѣсто для нихъ въ Нижегородской области.

Въ большихъ городахъ были ряды лавокъ и складовъ разныхъ товаровъ, гостинные дворы, гдѣ шла постоянная оживленная торговля, напоминавшая ярмарки.

Сильно мѣшало торговлѣ неудобство путей сообщенія. Лѣтомъ приходилось довольствоваться рѣчными путями; но въ сильные лѣтніе жары многія рѣки такъ мелѣли, что становились несудоходны; надо было улучать время весною или осенью, когда отъ дождей вода въ рѣкахъ поднималась. Торговцы старались пользоваться и зимнимъ путемъ для перевозки товаровъ,—особенно въ тѣ мѣста, куда трудно было добраться рѣчными путями. Зимою привозились въ Москву въ огромномъ количествѣ свиныя и говяжьи туши, птица, дичь всякаго рода и рыба; все это въ замороженномъ видѣ хорошо сохранялось. Но и

зимнія дороги были небезопасны, иногда, какъ было уже сказано, во время лютыхъ морозовъ, замерзали цѣлые обозы на пути. Торговое движеніе на югѣ тоже встрѣчало большія помѣхи: ѣздить по безводной и безлѣсной степи было не менѣе трудно и опасно, какъ по лѣсамъ и болотамъ сѣвера. Шайки бродячихъ татаръ промышляли въ степяхъ разбоемъ, и торговые караваны были для этихъ хищниковъ очень соблазнительной приманкой. Притомъ, путешествующимъ по

Серебряныя деньги временъ Димитрія Донского и Василія Темнаго.

Копѣйка Ивана III. Деньга Ивана III. | Новгородскія деньги. (Новгородка). | Псковская деньга. Полушка.

Копѣйки, деньги и пулы московскія временъ Ивана III и Василія III.

степямъ приходилось переправляться чрезъ рѣки съ большимъ трудомъ и опасностью: они часто за неимѣніемъ лодокъ принуждены были сами дѣлать наскоро плоты, на которые грузили свои пожитки, затѣмъ сгоняли лошадей въ воду, привязывали эти плоты къ хвостамъ ихъ, и лошади, плывя чрезъ рѣку, тащили ихъ за собой. Бойко торговля шла на югѣ лишь по Волгѣ; но и тутъ она сильно терпѣла отъ разбоевъ.

Иноземцы жалуются на нечестность московскихъ купцовъ. Они при продажѣ своихъ товаровъ запрашивали втрое, вчетверо противъ настоящей цѣны, божились и клялись, что товаръ имъ самимъ очень дорого стоитъ, старались всѣми силами провести, обмануть покупателя. Видно, тогда торговцы держались того безнравственнаго правила, которому въ наше время слѣдуютъ лишь нечестные мелкіе торгаши: „не обманешь, не продашь“. При покупкѣ товаровъ у иноземцевъ московскіе купцы оцѣнивали товаръ меньше, чѣмъ въ половину его настоящей стоимости, и такъ долго торговались, понемногу набавляя, что просто томили продавцевъ, доводили ихъ даже до отчаянія.

Отдача денегъ въ ростъ была въ большомъ ходу; причемъ брали огромные барыши,—съ пяти рублей—одинъ рубль (т. е. 20 процентовъ), хотя это и считалось тяжкимъ грѣхомъ.

Въ первой половинѣ XVI в. въ Московскомъ государствѣ ходили серебряныя деньги (монеты) четырехъ родовъ: московскія, новгородскія, тверскія и псковскія. Деньга (отъ татарскаго слова „тенга“) была обыкновенной ходячей монетой; она была неправильной, круглой или овальной формы съ разными изображеніями; на новѣйшихъ деньгахъ съ одной стороны изображался человѣкъ на конѣ, а съ другой была надпись. Двѣ денги составляли копѣйку; 6 денегъ московскихъ составляли алтынъ, 20—гривну, 100 — полтину, 200 — рубль. Во время Герберштейна чеканились и полуденьги; слѣдовательно, въ рублѣ ихъ было 400. Новгородская деньга считалась вдвое больше московской.

Кромѣ серебряной монеты, въ Московіи была мѣдная монета, которая называлась пулой. Шестьдесятъ пулъ составляли московскую деньгу.

Золотой монеты своей у русскихъ не было, а употреблялись венгерскіе червонцы, изъ которыхъ каждый стоилъ сто денегъ; слѣдовательно, два червонца стоили рубль. Впрочемъ, по словамъ Герберштейна, цѣнность венгерскаго червонца колебалась: когда иноземецъ, покупая что либо, давалъ торговцу червонецъ, то цѣнность его уменьшалась; если же иноземецъ желалъ пріобрѣсти у русскаго купца золотые червонцы, то стоимость ихъ возрастала. Хотя считали рублями, но монеты въ рубль цѣною въ XVI вѣкѣ не было. Прежде, какъ только стали ввозить серебро въ Русскую землю, отливались безо всякаго изображенія и надписи продолговатые куски, которые и назывались рублями. Изъ фунта серебра чеканилось денегъ на шесть рублей. Счетъ рублями вмѣсто прежняго счета гривнами начался съ половины XIV вѣка.

II.

Грозный царь.

Царствованіе Ивана IV (1533—1584).

Правленіе Елены и бояръ.

Великое дѣло было закончено. Изъ мелкихъ, отдѣльныхъ клочковъ Русской земли сковано было большое, могучее Московское государство. Нелегко было совершить это дѣло московскимъ собирателямъ Русской земли: много творилось при этомъ неправды и насилія; но ихъ было еще больше во время удѣльныхъ смутъ и усобицъ. За то теперь Московскому государству были не страшны ни Литва, ни Орда; да и жить народу стало спокойнѣе, чѣмъ въ удѣльное время.

Выросла до небывалой силы и высоты и власть Московскаго государя-самодержца; но за то тяжелымъ бременемъ ложилось на него правленіе. Замолкли бурныя вѣча въ Новгородѣ и Псковѣ, сталъ народъ и тутъ отвыкать отъ прежнихъ порядковъ, разучивался самъ радѣть о своихъ нуждахъ и дѣлахъ, а въ другихъ мѣстахъ уже и раньше простолюдины называли себя „сиротами“ и „людишками“ и всѣ надежды свои и упованія полагали на государеву милость и защиту: сильно примятъ былъ народъ во времена удѣльныхъ сумятицъ и татарскихъ погромовъ и поборовъ,—не о вольностяхъ и правахъ думалъ онъ, а о хлѣбѣ насущномъ да о защитѣ отъ насилій. Чѣмъ могучѣе становился самодержецъ, чѣмъ грознѣе онъ былъ для внѣшнихъ враговъ и бояръ, творившихъ насилія народу, тѣмъ простому люду жилось легче. „Гдѣ царь, тутъ и правда, и страхъ, и гроза“ сталъ говорить народъ. Но сложилась у него и другая пословица: „Царь безъ слугъ, какъ безъ рукъ!“ Нужны были ему вѣрные слуги-помощники. Прежнихъ вольныхъ дружинниковъ, бояръ, безъ совѣта съ кото-

рыми не вершилось никакое дѣло, уже не было. Вмѣсто нихъ были бояре, которые больше старались „угодить“ и „норовить“ государю, чѣмъ говорить правду. Много было у него угодливыхъ прислужниковъ, но мало вѣрныхъ слугъ, совѣтниковъ и помощниковъ. Вотъ почему часто власть самодержца становилась для него самого тяжкимъ бременемъ. Большая бѣда грозила и всему государству, когда умиралъ государь и не оставлялъ послѣ себя совершеннолѣтняго наслѣдника, могущаго взять въ свои руки все бремя правленія. „Безъ царя—земля вдова“ говаривалъ народъ.

Понималъ это вполнѣ Василій Ивановичъ. Предъ смертью онъ говорилъ боярамъ:

— „Приказываю вамъ княгиню и дѣтей своихъ; послужите княгинѣ моей и сыну моему, великому князю Ивану, и поберегите государство русское и все христіанство (весь народъ) отъ всѣхъ его недруговъ: отъ бесерменства и отъ латынства и отъ своихъ сильныхъ людей...“

Сильно опасался умирающій самодержецъ, что послѣ смерти его начнутся усобицы; что малолѣтнему наслѣднику его не сдобровать, — и говорилъ своимъ братьямъ:

— „Вы бы, братья мои, князь Юрій и князь Андрей, крѣпко стояли бы въ своемъ словѣ, на чемъ крестъ цѣловали“.

Боярамъ напоминаетъ умирающій о своемъ происхожденіи,—напоминаетъ, что онъ и сынъ его—прирожденные государи. На случай крамолъ и усобицъ нуженъ человѣкъ надежный, умный, рѣшительный,—такой, выгоды котораго были бы связаны съ выгодами малолѣтняго государя. Такую опору Василій Ивановичъ видитъ въ дядѣ своей жены Михаилѣ Глинскомъ.

— „А ты бы, князь Михайло, говоритъ ему умирающій государь, — за моего сына, великаго князя Ивана, за мою великую княгиню Елену, и за моего сына, князя Юрья, кровь свою пролилъ и тѣло свое на раздробленіе далъ“.

Опека надъ ребенкомъ-государемъ и управленіе великимъ княжествомъ должны были попасть въ руки великой княгини Елены. Михаилъ Глинскій становился самымъ близкимъ и главнымъ совѣтникомъ ея.

Опасенія Василія оправдались: только что совершились похороны его, а Еленѣ доносили уже, что нѣкоторые бояре замышляютъ крамолу,—хотятъ посадить на престолъ Юрія Ивановича. По приказу великой княгини онъ былъ немедленно схваченъ и заключенъ.

Недолго и Глинскій господствовалъ при дворѣ. Кромѣ него, было еще одно лицо, близкое великой княгинѣ: это былъ любимецъ ея, князь Иванъ Овчина-Телепневъ-Оболенскій. Глинскій и Оболенскій никакъ не могли ужиться другъ съ другомъ. Еленѣ пришлось однимъ изъ нихъ пожертвовать,—и Глинскій, обвиненный въ честолюбивыхъ замыслахъ, былъ схваченъ и посаженъ въ ту же палату, гдѣ онъ сидѣлъ раньше. Въ заключеніи онъ и умеръ.

Господство Оболенскаго многимъ было совсѣмъ не по душѣ. Между боярами шло сильное волненіе. Нѣсколько ихъ бѣжало въ Литву. Другіе за то, что содѣйствовали имъ, попали въ заключеніе. И второй дядя маленькаго Ивана, Андрей Ивановичъ, князь Старицкій, попалъ въ бѣду. На него доносили, что онъ собирается бѣжать въ Литву. Онъ, чуя грозу, думалъ было силою оборо-

няться; но поддался увѣщаніямъ князя Оболенскаго и обѣщаніямъ, что ему никакого зла не причинятъ, пріѣхалъ въ Москву, чтобы оправдаться отъ обвиненій; здѣсь по приказу Елены онъ былъ заключенъ.

Московскимъ смутамъ радъ былъ польскій король Сигизмундъ,—думалъ, пользуясь неурядицами на Руси, вернуть снова земли, отнятыя у Литвы при Иванѣ III и Василіи. Въ 1534 г. началась война; шла она съ перемѣннымъ счастіемъ; но никакой выгоды Польшѣ не принесла, — Смоленскъ остался за Москвой. Долго польскіе послы торговались съ русскими,—надѣялись хоть что нибудь выгадать, но ничего не добились: пришлось заключить перемиріе въ 1537 г. на прежнихъ условіяхъ. Въ Москвѣ рады были этому перемирію: въ это время приходилось подумать о Казани. Здѣсь шла постоянно внутренняя борьба: составился заговоръ и ханъ казанскій Еналей, подручникъ московскій, былъ убитъ. Ханомъ провозглашенъ Сафа-Гирей, крымскій царевичъ. Онъ началъ нападать на русскія владѣнія,—его поддерживалъ и крымскій ханъ.

Надо было улаживать эти дѣла; но въ апрѣлѣ 1538 г. неожиданно скончалась правительница. Есть извѣстіе, что она была отравлена. Великому князю было всего 8 лѣтъ. Началось боярское правленіе.

Изъ московскихъ вельможъ въ это время сильнѣе другихъ были два боярскіе рода: князья Шуйскіе (потомки Рюрика) и князья Бѣльскіе (потомки Гедимина). Сначала власть попала въ руки Шуйскимъ; одинъ изъ нихъ, Василій Васильевичъ, отличившійся обороной Смоленска, особенно выдѣлялся своими качествами: это былъ человѣкъ способный, рѣшительный, но крайне жестокій. Онъ то и сталъ теперь во главѣ боярской думы.

Послѣ смерти Елены Телепневъ-Оболенскій растерялся, не зналъ, что и дѣлать, чуялъ бѣду надъ собой. Прошло семь дней, какъ не стало правительницы. Разъ, когда Оболенскій находился въ комнатѣ великаго князя со своей сестрой, бывшей мамкою Ивана, пришли воины и именемъ старшаго боярина и думы схватили Оболенскаго и его сестру. Маленькій Иванъ горько плакалъ и умолялъ, чтобы не трогали его мамки и брата ея. На его просьбы не обратили никакого вниманія; Оболенскаго и сестру его заключили въ темницу, гдѣ онъ скоро и умеръ; говорятъ, его заморили голодомъ...

Скоро послѣ того Василій Васильевичъ Шуйскій умеръ, и власть попала въ руки его брата Ивана. Онъ и родичи его распоряжались самовластно и нечестно, заключали въ темницы и казнили безъ суда, по своему усмотрѣнію, расхищали казну, сурово и даже дерзко обходились съ маленькимъ государемъ. Понятно, что враговъ у нихъ было много. Самъ митрополитъ помогъ взять верхъ надъ ними князю Ивану Бѣльскому, который и сталъ во главѣ правленія. При немъ стало легче. Онъ старался, на сколько могъ, загладить то зло, какое натворили Шуйскіе: многіе незаконные налоги уничтожилъ, безъ вины попавшихъ въ темницы выпустилъ. Въ это время грозила бѣда русскимъ владѣніямъ отъ хищныхъ крымскихъ татаръ; Бѣльскій успѣлъ вовремя собрать войско и помѣшать нападенію. Къ сожалѣнію, власть его недолго продолжалась.

Иванъ Шуйскій, котораго добродушный Бѣльскій оставилъ на свободѣ, устроилъ тайный заговоръ противъ правителя. Собрали вооруженную шайку человѣкъ въ 300. Ночью со 2-го января на 3-е 1542 г. Иванъ Шуйскій

тайно прибылъ въ Москву изъ Владиміра, куда онъ былъ посланъ воеводою. Въ эту же ночь Бѣльскій былъ схваченъ на своемъ дворѣ и на другой день отвезенъ въ заточеніе на Бѣлоозеро. Но этого было еще мало Шуйскому. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Бѣльскаго умертвили въ тюрьмѣ. Главные совѣтники и сторонники его были тоже схвачены. (Одного изъ нихъ, князя Петра Щенятева, захватили въ покояхъ у великаго князя); въ числѣ ихъ пострадалъ и митрополитъ Іоасафъ. Его разбудили заговорщики камнями, которые стали швырять къ нему въ келью. Онъ кинулся во дворецъ, заговорщики—за нимъ; ворвались съ шумомъ въ спальню великаго князя... Митрополитъ уѣхалъ на Троицкое подворье. Злоумышленники настигли его здѣсь, и съ ругательствами кинулись на него... Только Троицкій игуменъ именемъ св. Сергія съ однимъ изъ бояръ удержали ихъ отъ убійства. Іоасафа сослали въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Митрополитомъ въ Москвѣ былъ поставленъ новгородскій владыка Макарій.

Послѣ Ивана Шуйскаго властвовали его родичи. Главный изъ нихъ Андрей Михайловичъ правилъ такъ же самовластно, какъ и онъ, творилъ все, что хотѣлъ. Послѣ смерти Бѣльскаго у Шуйскихъ не было соперниковъ. Подраставшаго великаго князя они ни во что не ставили. Былъ у него любимецъ Ѳедоръ Семеновичъ Воронцовъ. Шуйскимъ онъ казался опаснымъ, и они порѣшили уничтожить его. 9-го сентября 1543 г. былъ совѣтъ въ столовой избѣ у государя. Шуйскіе и ихъ сторонники придрались за что-то къ Воронцову, кинулись на него, били по щекамъ, оборвали на немъ платье, хотѣли его убить; только мольбы великаго князя да митрополита спасли княжескаго любимца отъ смерти; но его всетаки сослали.

Дѣтство царя Ивана.

Брань, побои, грубое насиліе, дикая расправа, убійство,—вотъ что совершалось предъ глазами ребенка — великаго князя. Восьми лѣтъ остался онъ безъ нѣжнаго материнскаго призора. Была у него любимая няня—Аграфена Оболенская; ея заботы и ласки могли бы хоть сколько нибудь замѣнить материнскія; но ее вырываютъ изъ объятій ребенка, засылаютъ въ далекій монастырь. Привязался всей душей Иванъ къ молодому Воронцову, и вотъ этотъ Воронцовъ на его глазахъ схваченъ, оскорбленъ избитъ, а затѣмъ сосланъ изъ Москвы. Ни слезы Ивана, ни мольбы его не дѣйствуютъ. Очевидно, вокругъ него люди чужіе, даже его враги: они всячески оскорбляютъ его. Чуткій, впечатлительный, онъ глубоко таилъ чувства мести и злобы, которыя рано, вѣроятно, зашевелились въ его сердцѣ. Дѣтскія потѣхи его были уже недобрыя, зловѣщія: любилъ онъ смотрѣть на мученія домашнихъ животныхъ, самъ мучилъ ихъ, кидалъ съ высоты терема... Его не только не удерживали отъ этого, но потакали ему. Онъ пошелъ дальше. Пятнадцати лѣтъ отъ роду онъ съ ватагой своихъ сверстниковъ, верхомъ на конѣ, носился по улицамъ Москвы и потѣхи ради пускалъ своего коня на народъ, забавляясь ужасомъ разбѣгавшихся во всѣ сторо[illegible] и стонами ушибленныхъ...

Льстецы придворные не сдерживали юношу и отъ этихъ возмутительныхъ потѣхъ, даже приговаривали:

— „Храбрый это будетъ царь и мужественный!“

Еще въ дѣтскіе годы Иванъ могъ задумываться надъ своимъ страннымъ положеніемъ: тѣ самые люди, которые во дворцѣ не обращали на него никакого вниманія, которые всячески оскорбляли его,—во время посольскихъ пріемовъ, при разныхъ торжествахъ, на глазахъ народа, величали его своимъ государемъ, низко преклонялись предъ нимъ, выказывали себя его покорными слугами. Онъ былъ государемъ,—онъ это зналъ; объ этомъ ему безпрестанно твердили; онъ это видѣлъ при разныхъ торжественныхъ случаяхъ. Все, что ни дѣлалось,—дѣлалось его именемъ. И въ то же время у себя во дворцѣ онъ чувствовалъ себя безпомощнымъ сиротою, котораго жизнь—въ рукахъ чужихъ людей, даже враговъ его. Предъ собою ребенокъ видѣлъ своихъ недруговъ, похитителей власти, но бороться съ ними не могъ. Безсильная злоба, жажда мести гнѣздились въ его сердцѣ; но выказать ихъ было ему страшно, и онъ таилъ ихъ, таилъ до поры, до времени... Научившись читать, онъ съ жадностью накинулся на книги, прочелъ все, что могъ прочесть, изучилъ Священную исторію, церковную, прочелъ Римскую исторію, русскія лѣтописи, творенія Св. Отцовъ. Пытливый умъ его особенно занимали тѣ страницы, гдѣ говорилось о царяхъ, ихъ власти, о томъ, какъ государи относились къ вельможамъ. (Впослѣдствіи онъ умѣлъ, кстати приводить эти мѣста). Добраго примѣра Иванъ въ дѣтствѣ вовсе не видѣлъ. Насилія могучихъ бояръ связывали въ его умѣ понятіе о власти съ понятіемъ о грубой, дикой расправѣ; своекорыстныя дѣйствія вельможъ заставляли и его думать только о самомъ себѣ, о своихъ только выгодахъ. Научиться уважать человѣческое достоинство и заботиться о другихъ ему было не у кого. Такое воспитаніе не обѣщало ничего хорошаго въ будущемъ. Бояре и не предчувствовали, какая гроза на нихъ собиралась въ сердцѣ Ивана.

Ему было 13 лѣтъ, когда онъ впервые рѣшился попытать свою силу на боярахъ, какъ пыталъ ее надъ безсловесными животными и надъ безпомощнымъ народомъ. 29 декабря 1543 г. Иванъ вдругъ приказалъ за что-то схватить князя Андрея Шуйскаго, главу боярской думы, и отдалъ своимъ псарямъ для наказанія; псари замучили его, волоча въ темницу. Проба была сдѣлана. Молодой соколъ расправлялъ свои крылья... Совѣтники Шуйскаго были, по приказу Ивана, схвачены и разосланы изъ Москвы.

Бояре были ошеломлены. Такого рѣшительнаго нападенія со стороны тринадцатилѣтняго ребенка они не ждали. Понятно, что у него нашлись совѣтники, которые стали направлять его волю; это были его дядья: Юрій и Михаилъ Васильевичи Глинскіе. Они могли внушить ему увѣренность въ его силѣ и рѣшимость дѣйствовать. Погубивши Шуйскаго, они теперь захватили правленіе въ свои руки. Опалы слѣдовали за опалами. Многіе бояре поплатились за свое властолюбіе, за неумѣніе угодить Глинскимъ: однихъ выслали въ ссылку, другихъ казнили, а одному отрѣзали языкъ за „невѣжливыя слова“.

Съ годами у Ивана дикія наклонности все росли да росли. Никто его не сдерживалъ, никто его не пріучалъ къ дѣлу; онъ съ толпою разгульныхъ удальцовъ то тѣшился охотой, попойками, буйствовалъ, то ѣздилъ на богомолье по

далекимъ монастырямъ (въ Новгородъ, Тихвинъ, Псковъ и т. д.), и на пути творилъ всякія безчинства. Прихотливый нравъ его искалъ развлеченій, новыхъ ощущеній: то внезапно поражалъ онъ сановниковъ своей опалой, то такъже неожиданно миловалъ ихъ. Онъ словно тѣшился, словно игралъ своею властью; ему любо было чувствовать свою силу и въ гнѣвѣ, и въ милости.

Вѣнчаніе на царство Ивана IV и первые годы его царствованія.

Когда исполнилось Ивану 17 лѣтъ, онъ призвалъ къ себѣ митрополита и заявилъ ему, что хочетъ жениться, и притомъ на русской.

— „Если я возьму себѣ жену, сказалъ онъ, изъ чужой земли, и въ нравахъ мы не сойдемся, то между нами дурное житье будетъ, потому хочу жениться въ своемъ государствѣ, у кого Богъ дастъ, по твоему благословенію!“

По словамъ лѣтописца, митрополитъ и бояре даже заплакали отъ радости, видя, что государь такъ молодъ, а между тѣмъ такъ мудръ, что ни съ кѣмъ не совѣтуется. Пожелалъ вмѣстѣ съ тѣмъ онъ торжественно вѣнчаться на царство и принять царскій титулъ. Вѣнчаніе было совершено въ Успенскомъ соборѣ подобно тому, какъ происходило вѣнчаніе Димитрія, внука Іоанна III. Юнаго самодерца, очевидно, тѣшила мысль уподобиться и по власти, и по титулу царямъ Давиду, Соломону, Константину и другимъ, о которыхъ онъ много читалъ.

Вскорѣ за вѣнчаніемъ на царство совершена была и царская свадьба. По всѣмъ областямъ къ князьямъ и боярамъ была разослана слѣдующая грамота:

— „Когда къ вамъ эта наша грамота придетъ, и у которыхъ изъ васъ будутъ дочери дѣвицы, то вы бы съ ними сейчасъ же ѣхали въ городъ къ нашимъ намѣстникамъ на смотръ, а дочерей дѣвицъ у себя ни подъ какимъ видомъ не таили бы. Кто же изъ васъ дочь дѣвицу утаитъ и къ намѣстникамъ нашимъ не повезетъ, тому отъ меня быть въ великой опалѣ и казни. Грамоту пересылайте между собою сами, не задерживая ни часу“.

Были собраны дѣвицы со всего государства.

Выборъ царя палъ на Анастасію, дочь умершаго окольничаго Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина. 3-го февраля была отпразднована царская свадьба.

Женитьба не измѣнила царя. Онъ продолжалъ вести разгульную, безпорядочную жизнь. Глинскіе по-прежнему заправляли всѣми дѣлами. Намѣстники ихъ творили всякія насилія и неправды. Управы на нихъ искать было негдѣ: юный царь не любилъ, чтобы его безпокоили просьбами или жалобами... Нѣкоторые, впрочемъ, пытались жаловаться ему. Явились къ нему 70 псковскихъ людей съ жалобой на своего намѣстника. Это не понравилось Ивану; онъ сталъ издѣваться надъ жалобщиками, велѣлъ имъ поджигать волосы и бороды...

Это происходило въ одномъ подмосковномъ сельцѣ, гдѣ былъ на ту пору царь. Въ это время пришла къ нему вѣсть, что въ Москвѣ съ одной колокольни сорвался большой колоколъ. Паденіе колокола считалось предвѣстіемъ большой бѣды и царь поспѣшилъ въ Москву. Было и другое предзнаменованіе. Жилъ въ это время въ Москвѣ юродивый Василій Блаженный. Ходилъ онъ обнажен-

ный, „какъ Адамъ первозданный“, и въ зимнюю стужу, и въ лѣтній зной. Его чтилъ народъ, какъ угодника Божія. Въ полдень 20-го іюня прохожіе видѣли его у церкви Воздвиженья на Арбатѣ,—глядѣлъ онъ на церковь и горько плакалъ.

— „Это не къ добру, чуетъ онъ бѣду!“ говорили въ народѣ.

Всѣ были напуганы и въ страхѣ ждали невѣдомаго несчастія.

На другой день, 21-го іюня, въ этой самой церкви вспыхнулъ пожаръ. Въ то время была такая буря, что выворачивало съ корнемъ деревья, срывало крыши... Огонь вѣтромъ переносился съ кровли на кровлю. Скоро запылала большая часть Москвы. Буря занесла пламя и въ Кремль; загорѣлся верхъ соборной церкви, а потомъ занялись и царскія палаты; погорѣли оружничая палата съ оружіемъ, постельная палата съ казною. Митрополитъ Макарій, который молился въ это время въ Соборѣ, чуть было не задохся отъ дыма, и едва спасся отсюда черезъ тайный, подземный ходъ.

Сгорѣли въ Кремлѣ монастыри и много дворцовыхъ зданій. Огонь добирался до пороховыхъ погребовъ въ кремлевскихъ стѣнахъ; ихъ разрывало съ ужаснымъ трескомъ. Нерѣдко бывали пожары въ Москвѣ; но такого еще не бывало!.. Большая часть города обратилась въ пепелъ. Въ огнѣ погибло, говорятъ, около 1700 взрослыхъ людей и множество дѣтей. Царь съ семействомъ жилъ въ это время въ своемъ загородномъ домѣ, въ селѣ Воробьево. Отсюда съ Воробьевскихъ горъ онъ могъ видѣть ужасный пожаръ.

Тысячи москвичей остались безъ крова и безъ хлѣба. Многіе не могли найти своихъ близкихъ, пропавшихъ безъ вѣсти. Особенно плохо пришлось, конечно, бѣдному, простому народу. Пошли ходить слухи, что лихіе люди напустили колдовствомъ бѣду на Москву,—и начались волненія. Народъ особенно не любилъ Глинскихъ, которые всячески тѣснили его. Было много враговъ у нихъ и среди бояръ. Когда Царь приказалъ произвести розыскъ, какіе чародѣи причинили бѣду, и бояре стали спрашивать народъ, кто зажигалъ Москву,—то въ толпѣ закричали:

— „Княгиня Анна Глинская волхвовала съ дѣтьми своими и людьми: вынимала человѣчьи сердца, клала въ воду, да тою водою по Москвѣ кропила: отъ этого Москва и выгорѣла!“

Одинъ изъ Глинскихъ, князь Юрій, былъ въ это время вмѣстѣ съ боярами на площади; почуялъ онъ бѣду, когда услышалъ такія рѣчи въ народѣ и поспѣшилъ укрыться въ Успенскій соборъ. Но враги Глинскихъ натравили толпу на него. Разъяренная чернь ворвалась въ соборъ, убила Юрія, выволокла трупъ и кинула на томъ мѣстѣ, гдѣ казнили преступниковъ. Расходившаяся толпа бросилась затѣмъ на дворъ Глинскаго, разграбила все имущество, людей его перебила. Но этого было мало. На третій день послѣ убійства князя Юрія, чернь толпами повалила въ село Воробьево, къ царскому дворцу, и громкими криками требовала, чтобы царь выдалъ ей на расправу свою бабку, Анну Глинскую, и другого сына ея Михаила, которые будто бы спрятаны въ его покояхъ. Царь былъ пораженъ этимъ страшнымъ движеніемъ народа; однако не потерялъ рѣшимости,—велѣлъ разогнать мятежниковъ выстрѣлами; испуганная толпа разсѣялась. Но главные коноводы, которые направили ярость толпы на Глинскихъ,

остались невредимы. Напуганный Михаилъ Глинскій уже и не думалъ о борьбѣ, онъ хотѣлъ было даже бѣжать въ Литву.

Царь былъ, конечно, сильно потрясенъ всѣми этими событіями: предъ его глазами море огня затопило и пожрало большую часть Москвы; предъ нимъ стояла грозная толпа народа, въ которомъ была вся его сила и опора, которымъ по волѣ Божіей онъ былъ призванъ править, и эта толпа совершила дикую расправу съ его дядей; онъ, государь, своими ушами слышалъ грозные крики разъяренной черни, которая требовала отъ него, — отъ своего владыки, выдачи остальныхъ родичей! Было надъ чѣмъ задуматься!.. Не кара ли эта небесная за тяжкіе грѣхи?.. Не внушеніе ли это свыше ему, — царю, забывшему о своемъ царствѣ! Такія потрясающія событія не проходятъ даромъ въ жизни человѣка... Иванъ словно очнулся. Совѣсть заговорила въ немъ...

Въ это время подлѣ юнаго царя является Сильвестръ, священникъ Благовѣщенскаго Собора. Это былъ человѣкъ умный, благомыслящій, проникнутый суровымъ благочестіемъ, твердый нравомъ. Явился онъ онъ къ царю, быть можетъ, въ такую минуту, когда тяжелое раздуміе давило впечатлительную душу Ивана. Сильвестръ говорилъ ему о несчастномъ положеніи Московской земли, указывалъ, что причина бѣдствій — нерадѣніе и пороки царя; что кара Божія виситъ надъ нимъ; началъ строго уличать его Священнымъ писаніемъ и заклинать страшнымъ Божіимъ именемъ, разсказывалъ ему о чудесахъ и знаменіяхъ. Видно, краснорѣчиво говорилъ суровый обличитель: Иванъ самъ признавался потомъ, что рѣчь Сильвестра сильно подѣйствовала на него. (Есть мнѣніе, что не рѣчь, а посланіе Сильвестра произвело сильное впечатлѣніе на царя; но такъ было дѣло или иначе сущность его отъ этого не измѣняется). Царь раскаялся, рѣшился исправиться и отдаться всей душой своимъ высокимъ обязанностямъ. Нуждался онъ въ твердой опорѣ и совѣтѣ, — и Сильвестръ сталъ главнымъ его совѣтникомъ.

Сдружился Царь въ это время и съ Алексѣемъ Адашевымъ, случайно попавшимъ въ число молодыхъ людей, которыхъ набиралъ къ себѣ Иванъ для своихъ забавъ. Адашевъ былъ очень умный и высокочестный человѣкъ. Онъ и Сильвестръ мало по малу собираютъ вокругъ Ивана лучшихъ и способнѣйшихъ людей того времени. Были въ числѣ ихъ знатные бояре: князья Воротынскій, Одоевскій, Курлятовъ, Андрей Курбскій, Серебряный, Горбатый Шуйскій, Шереметевъ и друг. Адашевъ и Сильвестръ возвышали и незнатныхъ людей, но честныхъ и способныхъ, и давали имъ важныя должности.

И вотъ эти лучшіе люди стали заправлять государствомъ. Иванъ безъ совѣщанія съ этой „избранной радой“ (думой) ничего не дѣлалъ.

Задумалъ юный царь, вѣроятно, по внушенію добрыхъ совѣтниковъ, дѣло еще небывалое въ Москвѣ, — велѣлъ собрать къ себѣ со всей земли избранныхъ людей, для того, чтобы этотъ „земскій соборъ“ обсудилъ разныя дѣла.

Когда всѣ излюбленные люди собрались, царь въ одинъ воскресный день, послѣ обѣдни, вышелъ изъ Кремля съ духовенствомъ, боярами и дружиною на Лобное мѣсто. Отслужили здѣсь молебенъ. Тогда царь обратился къ митрополиту съ такою рѣчью:

— „Молю тебя, святый владыка, будь мнѣ пособникъ и наставникъ.

ЦАРЬ ИВАНЪ IV и СИЛЬВЕСТРЪ.

Знаю, что ты добрыхъ дѣлъ и любви желатель. Вѣдаешь самъ, что я послѣ отца моего остался четырехъ лѣтъ, а послѣ матери—восьми; родственники обо мнѣ не заботились; сильные бояре и вельможи не радѣли обо мнѣ, властвовали, какъ хотѣли, и сами себѣ саны и почести давали именемъ моимъ. Много корысти, хищеній и обидъ творили; я же по моей молодости и безпомощности, словно глухой, не слышалъ, какъ нѣмой, не имѣлъ слова обличенія противъ нихъ. О нечестивые лихоимцы и хищники, и судьи неправедные! Какой отвѣтъ теперь дадите намъ за то, что много изъ-за васъ пролито слезъ и крови? Я чистъ отъ сей крови; вы же ждите воздаянія за нее"...

Затѣмъ, поклонившись на всѣ стороны, царь обратился къ народу:

— „Люди Божіи, дарованные намъ Богомъ, молю васъ ради Бога и любви къ намъ!.. Теперь намъ вашихъ обидъ, раззореній и налоговъ исправить нельзя вслѣдствіе продолжительнаго моего несовершеннолѣтія, пустоты и безпомощности, вслѣдствіе неправдъ бояръ моихъ и властей, безсудства, лихоимства и сребролюбія. Молю васъ, отпустите другъ другу вражды и тягости, кромѣ развѣ очень большихъ дѣлъ. Въ этихъ дѣлахъ и въ новыхъ я самъ буду вамъ, насколько можно, судья и оборона; буду неправду уничтожать и похищенное возвращать".

Такъ каялся царь и такія обѣщанія давалъ народу.

Въ этотъ же день онъ пожаловалъ Адашева въ окольничіи и сказалъ ему при этомъ:

„Алексѣй! взялъ я тебя изъ нищихъ и самыхъ незначительныхъ людей. Слышалъ я о твоихъ добрыхъ дѣлахъ и взыскалъ тебя выше мѣры для помощи душѣ моей... Поручаю тебѣ принимать челобитныя отъ бѣдныхъ и обиженныхъ и разбирать ихъ внимательно. Не бойся сильныхъ и знатныхъ, похитившихъ почести и губящихъ своимъ насиліемъ бѣдныхъ и немощныхъ. Не смотри и на ложныя слезы бѣднаго, клевещущаго на богатыхъ, ложными слезами хотящаго быть правымъ; но все разсматривай внимательно и приноси къ намъ истину, боясь Суда Божія. Избери судей праведныхъ отъ бояръ и вельможъ".

Съ этого времени народу стало гораздо легче, чѣмъ прежде.

Судъ и управленіе.

Возстановить судъ и правду, умиротворить народъ, потерявшій терпѣніе отъ безсудія, неправды и всяческихъ насилій во время злосчастнаго правленія бояръ,—вотъ что стало первою заботою совѣтниковъ юнаго царя.

Должностныя лица, запятнавшія себя лихоимствомъ и насиліемъ, были лишены своихъ мѣстъ; ихъ замѣнили лучшіе люди, „судьи правдивые". Законы Ивана III снова были пересмотрѣны и дополнены, и въ 1550 году явился новый болѣе подробный Судебникъ; при томъ были изданы „Уставныя грамоты", дополнявшія его.

Судъ былъ попрежнему намѣстничій, боярскій и царскій. Церковныя дѣла подлежали суду святительскому.

Уже Иванъ III строго запрещалъ судьямъ брать посулы и лихву съ подсудимыхъ и творить неправды и насилія. Но, видно, зло было еще слишкомъ сильно и давало себя чувствовать: въ новомъ Судебникѣ уже постановлены стро-

гія наказанія за неправый судъ и посулы. „Если окажется, говорится здѣсь, что боярин и дьякъ взяли посулы и обвинили не по суду, то на нихъ доправить весь искъ и всѣ судебныя пошлины втрое и сверхъ того пеню, какую самъ государь назначитъ. Если дьякъ, взявши посулъ, запишетъ дѣло не такъ, какъ было на судѣ, то на немъ доправить вполовину противъ боярина, и сверхъ того посадить въ тюрьму. Если подъячій безъ судьи и безъ дьяка что-либо запишетъ не такъ, какъ нужно по суду, то подвергается за это торговой казни — битью кнутомъ".

Чтобы избавить народъ отъ насилій и неправдъ должностныхъ лицъ, рѣшено было дать городскимъ и сельскимъ общинамъ прежнее право выбирать изъ своей среды довѣренныхъ лицъ „излюбленныхъ людей", земскихъ старостъ и цѣловальниковъ (присяжныхъ), которые должны были всегда присутствовать при судахъ намѣстниковъ и волостелей и блюсти справедливость. При нихъ обыкновенно былъ свой земскій дьякъ, который записывалъ все производство дѣла, а они скрѣпляли списокъ своей печатью. Выборные люди не только были при судѣ, но участвовали и въ другихъ дѣлахъ общины. Опись имущества, раскладка податей, сборъ ихъ производились при участіи „излюбленныхъ" земскихъ людей, Хозяйственныя дѣла общинъ, наблюденіе за порядкомъ и тишиною (т. е. полицейскій надзоръ), предупрежденіе преступленій, поимка воровъ и разбойниковъ, все это лежало на обязанности „выборныхъ людей": земскихъ старостъ, сотскихъ и десятскихъ.

Важныя судебныя дѣла (уголовныя) были въ рукахъ губныхъ старостъ. Ихъ избирали изъ дѣтей боярскихъ цѣлымъ уѣздомъ. Уѣздомъ назывался городъ съ волостями, а волость составляли нѣсколько земледѣльческихъ селъ съ ихъ землями. Въ городахъ и волостяхъ по-прежнему были государевы намѣстники и волостели, которые по старинѣ „кормились" на счетъ мѣстнаго населенія; но при выборныхъ людяхъ творить злоупотребленія имъ было трудно: они могли судить безъ земскихъ старостъ только служилыхъ государевыхъ людей. Городъ или волость могли даже и совсѣмъ независѣть отъ государственныхъ намѣстниковъ въ своихъ домашнихъ дѣлахъ, стоило лишь вносить въ казну столько денегъ, сколько ихъ шло на содержаніе намѣстника и волостеля.

Такимъ образомъ юный царь и его совѣтники думали совершить великое дѣло: на ряду съ государственнымъ управленіемъ, создать еще земское самоуправленіе; при такомъ строѣ сами общины вѣдались бы со своими дѣлами, управлялись бы своими выборными властями подъ высшимъ наблюденіемъ государевыхъ чиновниковъ. Казалось, что при этомъ дѣло управленія должно было бы улучшиться: выборныя лица, земскіе люди лучше знали мѣстныя нужды, лучше могли соблюсти выгоды своей волости, чѣмъ заѣзжіе московскіе намѣстники; а правительство избавлялось отъ множества мелкихъ дѣлъ и безпрестанныхъ жалобъ на несправедливость чиновниковъ. Но бѣда была въ томъ, что во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ уже давно уничтожено было самоуправленіе, жители отвыкли совсѣмъ отъ него, такъ что имъ, привыкшимъ заботиться только о своихъ личныхъ дѣлахъ, было въ тягость хлопотать объ общихъ выгодахъ. Трудно при этомъ было и выбрать такихъ старостъ и цѣловальниковъ, которые бы радѣли объ общей пользѣ.

Установлено было строже, чѣмъ прежде, отбываніе воинской повинности. Кромѣ духовныхъ лицъ, всѣ прочіе дѣлились на два разряда: служилыхъ людей и неслужилыхъ. Къ послѣднимъ относились купцы, посадскіе (мѣщане) и волостные крестьяне. Служилые люди дѣлились на высшихъ и низшихъ: первые (бояре, окольничьи, дьяки и дѣти боярскіе) занимали видныя мѣста и должности, владѣли землею и пр.; низшіе являлись простыми ратниками.

Теперь установлено было, чтобы каждый помѣщикъ приводилъ по требованію извѣстное число ратниковъ, смотря по количеству населенной земли въ его помѣстьѣ (обыкновенно со 100 четвертей—одинъ конный воинъ); при этомъ опредѣлялось, какъ должны быть вооружены ратники.

Каждый прибывшій на службу помѣщикъ долженъ былъ явиться къ воеводѣ своего города на смотръ; воевода отмѣчалъ въ спискѣ, кто и какъ приходилъ на службу. Тѣхъ, которые являлись въ исправности „конны, людны и оружны", записывали въ высшій разрядъ; имъ выдавались отъ царя награды, — прибавка помѣстій; у неисправныхъ уменьшали земли. „Нѣти", т. е. вовсе не явившіеся на службу, наказывались еще строже, если не было уважительныхъ причинъ неявки. Для завѣдованія службою помѣщиковъ учрежденъ Разрядъ или Разрядный приказъ, т. е. присутственное мѣсто, гдѣ вели дѣло обыкновенно бояринъ и дьякъ съ подъячими, которымъ царь приказывалъ вѣдать то дѣло.—Каждый помѣщикъ, достигнувъ совершеннолѣтія, являлся или къ воеводѣ своего города записаться въ служилый списокъ, или отправлялся въ Москву, въ Разрядный приказъ, при этомъ объявлялъ, съ чего онъ будетъ служить, т. е. владѣетъ ли онъ вотчинами и помѣстьями или нуждается въ новомъ надѣлѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, ему давалось помѣстье, и онъ назывался—новикъ.

Именитые и богатые бояре, приводя на войну большіе отряды, назначались обыкновенно начальниками на главныя мѣста. Мало по малу вошло въ обычай считаться мѣстами: знатный по происхожденію находилъ для себя унизительнымъ подчиняться менѣе знатному. Какъ прежде удѣльные князья спорили объ удѣлахъ, ссылаясь на свое старшинство въ родѣ, такъ теперь спорили ихъ потомки—бояре о начальственныхъ мѣстахъ въ войскѣ. Этотъ обычай, конечно, нерѣдко сильно вредилъ дѣлу. Царь хотѣлъ уничтожить мѣстничество. По его указу только начальники полковъ могли „мѣстничаться" между собой, остальные же, недослужившіеся еще до начальственныхъ должностей, должны были служить „безъ мѣстъ". Мѣстничество начинало уже сказываться и въ другихъ случаяхъ,—въ управленіи городовъ, въ придворной жизни и причиняло много вреда и хлопотъ.

Стоглавъ.

Церковныя дѣла, въ которыхъ было много „нестроенія и смуты" также обратили на себя вниманіе царя и „добрыхъ" его совѣтниковъ. Въ 1551 году, 27-го февраля, по царскому приказу, въ Кремлевскій дворецъ собралось множество духовныхъ лицъ: митрополитъ, девять архіепископовъ, архимандриты, игумены и др.; тутъ же были и высшіе мірскіе сановники.

Царь обратился къ нимъ съ такою рѣчью:

„Преосвященный Макарій, митрополитъ всея Руси, и архіепископы и епископы, и весь освященный соборъ... Попросивши у Бога помощи вмѣстѣ съ нами, поспособствуйте мнѣ, поразсудите и утвердите по правиламъ святыхъ отцевъ, и по прежнимъ законамъ прародителей нашихъ, чтобы всякое дѣло и всякіе обычаи въ нашемъ царствѣ творились по Божьему велѣнію. О старыхъ обычаяхъ, которые послѣ отца моего попсталисъ, о преданіяхъ и законахъ нарушенныхъ, о пренебреженныхъ заповѣдяхъ божіихъ, о земскомъ устройствѣ, о заблужденіи душъ нашихъ,—обо всемъ этомъ подумайте, побесѣдуйте, и насъ извѣстите“...

Затѣмъ царь указалъ цѣлый рядъ вопросовъ, о которыхъ, по его мнѣнію, слѣдовало подумать собору. Эти указанія царя очень любопытны, такъ какъ по нимъ ясно можно представить положеніе русской церкви и народной нравственности въ половинѣ XVI ст.

Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ указаній:

„По церквамъ звонятъ, поютъ и совершаютъ службы не по уставу.—Священники „чинятъ продажу великую“ священными вещами (антиминсами).—Божественныя книги писцы пишутъ съ неправильныхъ переводовъ и не исправляютъ.—Ученики учатся грамотѣ небрежно.—Въ монастыряхъ нѣкоторые постригаются не для душевнаго спасенія, а ради покоя тѣлеснаго, бражничаютъ, не по-монашески живутъ.—Просвирни надъ просфорами наговариваютъ (волхвуютъ).—Въ церквахъ люди нерѣдко стоятъ непристойно: въ тафьяхъ и шапкахъ, съ палками, разговариваютъ громко, говорятъ иногда непристойныя въ церкви рѣчи, ссорятся, а попы и дьяконы поютъ безчинно, причетники часто пьяны. Случается, что попы и дьяконы служатъ въ церкви въ нетрезвомъ видѣ.—Христіане приносятъ на великъ день пасху, сыры, яица, рыбу печеную, а въ иные дни калачи, пироги, блины, каравai и всякія овощи,—все это вносится въ Москвѣ не только въ церковь, но даже въ алтарь.—Слабость и нерадѣніе у иныхъ православныхъ дошло до того, что люди въ тридцать лѣтъ и старше брѣютъ головы и бороды себѣ, платье и одежду иновѣрныхъ земель носятъ, такъ что трудно и признать христіанина.—Иные крестное знаменіе не по существу кладутъ на себя, лживо клянутся именемъ Божіимъ, лаются безъ зазору (безъ стыда) всякими неподобными рѣчами; даже у иновѣрцевъ не творится такого безчинства. Какъ Богъ терпитъ наше безстрашіе?“

Изъ этихъ указаній видно, что древнее благочестіе, которымъ были сильны русскіе, начинало колебаться отъ грубости нравовъ; что даже духовныя лица невсегда соблюдали церковное благочиніе, и грубыя языческія суевѣрія (волхованіе на просфорахъ) начали закрадываться въ церковную жизнь. Наконецъ, изъ словъ царя видно, что въ самой общественной жизни было много грубости и безчинства, противнаго христіанскому духу.

Соборъ, обсудивъ предложенные царемъ вопросы, порѣшилъ принять мѣры противъ указанныхъ золъ и недостатковъ. Рѣшено было, чтобы священники изъ среды своей избирали протоіереевъ въ церковные старосты—пастырей „искусныхъ, добрыхъ и житіемъ непорочныхъ“. Старосты съ ихъ помощниками, десятскими, должны были наблюдать, чтобы въ церквахъ все (звонъ, богослу-

женія и всякія требы) совершалось благочинно, и чтобы всѣ священники творили свое дѣло благообразно, какъ слѣдуетъ по уставу. Избранные старосты должны являться для испытанія и поученія къ митрополиту. Въ соборныхъ храмахъ должны храниться божественныя правила, съ которыми они обязаны постоянно справляться.

Если найдутъ священныя книги въ какой либо церкви неисправныя съ ошибками, то пусть протопопы и старѣйшіе священники соборнѣ (сообща) исправятъ ихъ, руководясь хорошимъ переводомъ, и писцамъ, списывающимъ книги, пусть велятъ списывать съ добрыхъ переводовъ и повѣрять. Иконы писать иконописцамъ постановлено только съ древнихъ образовъ, какъ греческіе живописцы писали, а „отъ своего замышленія“ ничего не измѣнять.

Обученіе дѣтей грамотѣ возложено на обязанность священниковъ. Въ Москвѣ и въ другихъ городахъ въ домахъ благочестивыхъ и искусныхъ священниковъ, дьяконовъ и дьяковъ постановлено учредить училища, куда бы посылать всѣмъ православнымъ христіанамъ своихъ дѣтей для ученія грамотѣ, церковному чтенію и письму. Наставники должны были внушать ученикамъ страхъ Божій и наблюдать за ихъ нравственностью.

О жизни священниковъ постановлено, что они должны показывать примѣръ всякихъ добродѣтелей, благочестія, трезвости. На пирахъ и во всякихъ мірскихъ сборищахъ священникамъ должно духовно бесѣдовать и божественнымъ писаніемъ поучать на всякія добродѣтели; а праздныхъ словъ, кощунства и смѣхотворенія отнюдь бы и сами не дѣлали, и дѣтямъ своимъ духовнымъ запрещали... Для того, чтобы сдерживать народъ отъ безчинства, рѣшено по торгамъ кликать, чтобы православные христіане отъ мала до велика не клялись ложно именемъ Божіимъ, непристойными словами не бранились, бороды не брили, усовъ не подстригали, такъ какъ обычай дѣлать это не христіанскій, но латинскій и еретическій.

Постановилъ соборъ также настоятелямъ и игуменамъ строго наблюдать, чтобы „церковный чинъ (порядокъ) и монастырское строеніе“ ни въ чемъ не нарушались бы. Все должно сообразоваться съ божественнымъ уставомъ, съ правилами св. отцовъ и апостоловъ. Иноки должны остерегаться всякаго грѣха и предосудительнаго дѣла, остерегаться хмѣльнаго, не должны держать по кельямъ ни водки, ни пива, ни меду, а пить квасъ и другіе нехмѣльные напитки; фряжскія (иноземныя) вина не запрещаются, такъ какъ нигдѣ не написано, что нельзя ихъ пить. Гдѣ есть въ монастырѣ эти вина, то иноки „пусть пьютъ во славу Божію, а не ради пьянства“. Пища у игуменовъ должна быть общая съ братьею.

Кромѣ этихъ вопросовъ, на соборѣ обращено было вниманіе на другія безчинства и суевѣрія. Заявлено было, что на свадьбахъ играютъ скоморохи, и когда къ церкви вѣнчаться ѣдутъ, священникъ съ крестомъ ѣдетъ, а предъ нимъ скоморохи съ играми бѣсовскими рыщутъ. Эти скоморохи, собравшись большими ватагами, ходятъ по деревнямъ, творятъ всякія насилія, грабятъ имущество крестьянъ, даже разбоемъ занимаются по дорогамъ. Дѣти боярскіе и люди боярскіе и всякіе бражники (гуляки) зернью играютъ, пьянствуютъ, ни службы не служатъ, ни промышляютъ, и много зла творятъ, иногда даже грабятъ и раз-

бойничаютъ. По селамъ и деревнямъ ходятъ лживые пророки и пророчицы, мужики и бабы; иногда обнаженныя, распустивъ волосы, трясутся и убиваются и говорятъ, что имъ является св. Пятница и св. Анастасія, заповѣдаютъ въ среду и пятницу ручнаго дѣла не дѣлать, женщинамъ не прясть, не мыть и пр. Вооружается соборъ и противъ языческихъ гаданій и суевѣрій, перечисляетъ суевѣрныя гадательныя книги (Рафли, Шестокрылъ, Воронограй и др.) нападаетъ на языческія игрища наканунѣ Иванова дня, Рождества, Крещенія и пр.

Но при всемъ добромъ желаніи духовныхъ лицъ, собравшихся на соборѣ, они были не въ силахъ устранить указанныя безчинства и суевѣрія. Да и что могъ сдѣлать соборъ? Постановлялъ онъ, напр., заводить училища въ домахъ священниковъ, а между тѣмъ тутъ же на соборѣ объяснялось, почему приходится ставить въ попы и дьяконы лицъ, которыя „грамотѣ мало умѣютъ“: не поставить ихъ—святыя церкви будутъ безъ богослуженія, православные будутъ умирать безъ покаянія; а когда святители этихъ ставленниковъ спрашиваютъ, почему они мало умѣютъ грамотѣ, они отвѣчаютъ: „мы-де учимся у своихъ отцовъ, или у своихъ мастеровъ, а больше намъ учиться негдѣ“. Кому же было учить, когда не только ученыхъ священниковъ, но даже знавшихъ порядочно грамоту было очень мало? Кому было править неисправныя церковныя книги, находить „добрые“ переводы, съ которыхъ дѣлать списки? Малограмотные священники, при всемъ ихъ добромъ желаніи, могли скорѣе портить, чѣмъ исправлять книги. Откуда было выбирать такихъ церковныхъ старостъ, которые дѣйствительно могли бы блюсти во всей чистотѣ Христово ученіе и православіе, наставлять другихъ священниковъ, когда, по справедливому выраженію Максима Грека, тогдашніе русскіе грамотники „по чернилу только бродили, силы же писаннаго не разумѣли“? Сильный упадокъ просвѣщенія—даже и въ средѣ духовенства—вотъ самая главная причина тѣхъ неурядицъ, которыя занимали духовенство на соборѣ. Но оно видѣло главную причину, подобно царю, только въ томъ, что „прежніе обычаи поисшатались и прежніе законы порушены“, и думало строгими предписаніями и запрещеніями помочь бѣдѣ. Не понимали тогда и лучшіе люди, что духъ вѣры и благочестія подавлялся невѣжествомъ и мертвою обрядностью. Сами святители обряду и внѣшности придавали слишкомъ большое значеніе: на ряду съ тяжкими грѣхами ставятъ они иноземную одежду и бритье бороды. Да если бы и признано было на соборѣ, что главное зло, съ которымъ надо бороться,—это—общее и крайнее невѣжество, то и тогда они не въ силахъ были бы скоро помочь бѣдѣ: невѣжество—болѣзнь, отъ которой общество исцѣляется только вѣками.

Домострой.

Изъ постановленій Стоглаваго собора видно плачевное состояніе церкви и народной нравственности. Другое произведеніе, составленное около этого же времени, показываетъ, какую жизнь лучшіе люди того времени считали образцовою. Извѣстный Сильвестръ въ поученіе своему сыну собралъ въ одну книгу, подъ названіемъ „Домострой“, правила и наставленія, которымъ предлагаетъ слѣдовать всякому желающему жить праведной жизнью. Правила эти онъ заимство-

валъ изъ разныхъ книгъ, поучительныхъ сочиненій отцовъ церкви, прибавилъ и свои замѣчанія и наставленія сыну. „Домострой“ долгое время былъ въ большомъ почетѣ у нашихъ предковъ: тутъ заключались всѣ тѣ мысли, до какихъ только могли додуматься лучшіе русскіе люди XVI-го вѣка; тутъ указывалось до мельчайшихъ подробностей, какъ долженъ человѣкъ поступать по отношенію къ Богу, къ царю, къ людямъ, къ домочадцамъ, какъ долженъ вести свое хозяйство. Самъ Сильвестръ высоко цѣнитъ правила „Домостроя“; въ первой главѣ онъ говоритъ сыну и женѣ его, между прочимъ: „Даю писаніе на память и вразумленіе вамъ и чадамъ вашимъ. Если наказанія (наставленія) нашего не послушаете и не станете слѣдовать ему, и будете творить не такъ, какъ писано, то дадите за себя отвѣтъ въ день Страшнаго суда, а я вашему грѣху не причастенъ“.

Указавъ, во что долженъ вѣрить всякій христіанинъ (въ св. Троицу, Пречистую Богородицу, воскресеніе мертвыхъ и пр.), Сильвестръ тутъ же наряду съ этими основами христіанской вѣры даетъ наставленія, какъ прикладываться къ образамъ, какъ ѣсть просфору, какъ христосоваться и пр.

„Прикладываться ко кресту или къ образу слѣдуетъ, помолившись, перекрестяся, духъ въ себѣ удержавъ, а губами не плюскать... А просфору и все освященное вкушать бережно съ вѣрою и со страхомъ, крохи на полъ не уронити, а зубами не откусывать, какъ прочіе хлѣбы, а уламывая кусочками класть въ ротъ, а ѣсть зубами... Если съ кѣмъ о Христѣ цѣлованіе сотворить, такъ же— духъ въ себѣ удержавъ, поцѣловаться, а губами не плюскать“...

Видно, предки ваши нуждались въ указаніяхъ, какъ обращаться со святыней, если Сильвестръ доходитъ въ своихъ наставленіяхъ до такихъ подробностей. Совѣтуетъ онъ также почаще обращаться за указаніями къ отцу духовному:

„Подобаетъ чтить и повиноваться ему во всемъ и каяться предъ нимъ со слезами, и исповѣдать ему свои грѣхи и заповѣди его хранить и епитиміи исправлять. А призывать его къ себѣ въ домъ часто, и къ нему приходить и извѣщаться ему всегда по совѣсти, и наставленіе его съ любовью принимать и слушаться его во всемъ и чтить его, бить челомъ ему низко, совѣтоваться съ нимъ часто о житейскихъ дѣлахъ, какъ учить и любить мужу жену свою, и чадъ, и рабъ, и т. д.“.

Кто не живетъ благочестиво, того, по вѣрованію предковъ нашихъ, постигало Божье наказаніе, между прочимъ, разныя несчастія и болѣзни. Домострой совѣтуетъ врачеваться отъ болѣзни молитвою и милостынею:

„Если Богъ пошлетъ на кого болѣзнь или какую скорбь, то врачеваться Божіею милостью, да слезами и молитвою, и постомъ, и милостынею къ нищимъ, да истиннымъ покаяніемъ... Если кого чѣмъ обидѣлъ,—отдать вдвое и впредь не обидѣть, да отцовъ духовныхъ, священниковъ и монаховъ просить помолиться, и молебны пѣть, и воду святить честнымъ животворящимъ крестомъ, и масломъ святиться, да по святымъ мѣстамъ обѣщаться“...

Такъ обыкновенно и поступали наши предки, но иногда прибѣгали совсѣмъ къ другимъ средствамъ, которыя сильно порицаются въ „Домостроѣ“:

„Видя Божіе наказаніе на себѣ и болѣзни тяжкія за премногіе грѣхи наши

и оставя Бога, создавшаго насъ, и милости, и прощенія грѣховъ не требуя отъ Него, призываемъ къ себѣ чародѣевъ и кудесниковъ, да волхвовъ, да зелейниковъ съ кореньями. Отъ нихъ чаемъ себѣ помощи временныя и готовимъ себя дьяволу во вѣки мучиться. О, безумные! Не разсуждаемъ о своихъ грѣхахъ, за что Богъ насъ наказываетъ, не каемся въ нихъ, не оставляемъ всякихъ неподобныхъ дѣлъ, но желаемъ тлѣннаго и временнаго"...

Къ числу грѣховъ, за которые постигаетъ людей Божье наказаніе, относятся въ „Домостроѣ", между прочимъ, и слѣдующія: пѣсни бѣсовскія (языческія), плясаніе, скаканіе, гуденіе (музыка), трубы, бубны, сопѣли (родъ флейты).

Понятно, почему вооружается противъ этого Сильвестръ: народныя игрища и пѣсни заключали въ себѣ много языческаго, да притомъ, по грубости нравовъ, ко всякому празднеству и веселію примѣшивалось много непристойнаго.

Возстаетъ „Домострой" и противъ травли звѣрей, противъ псовыхъ и птичьихъ охотъ, противъ гаданій и волхованій, которыя были въ тѣ времена въ большомъ ходу.

Даже смѣхъ—и тотъ подвергался осужденію суроваго наставника: въ тѣ времена истинно благочестивою жизнью считалась жизнь иноческая, и все, что признавалось грѣховнымъ въ монастырѣ, осуждалось и въ мірской жизни. Уподобить свое домашнее житье монастырскому, на сколько можно болѣе — составляло верхъ желанія благочестивыхъ людей. Въ зажиточныхъ домахъ отдѣльная „храмина", уставленная образами, служила главнымъ мѣстомъ, куда собиралась семья и домочадцы для молитвы, а у богатыхъ бояръ были даже свои домовыя церкви.

Вотъ что говорится въ „Домостроѣ" о томъ, какъ украсить свой домъ святыми образами:

„Въ дому своемъ всякому христіанину во всякой храминѣ святые и честные образа ставить на стѣнахъ, устроивъ благолѣпно мѣсто со всякимъ украшеніемъ и со свѣтильниками, на которыхъ зажигаются свѣчи передъ образами. Послѣ молитвы и пѣнія погашаются и завѣсой закрываются отъ нечистоты и пыли. Всегда чистымъ крылышкомъ или мягкою губкою вытирать ихъ... На славословіи Божіи и на святомъ пѣніи, и на молитвѣ свѣчи зажигать и кадить благовоннымъ ладономъ... Предъ иконами въ „храминѣ", совѣтуетъ „Домострой"-ежедневно мужу съ женою, съ дѣтьми и съ домочадцами, кто грамотѣ умѣетъ, отпѣть вечерню, повечерницу, полунощницу, а утромъ — заутреню и часы, а въ праздничные дни и молебенъ: Но домашней молитвой нельзя ограничиться; „Домострой" совѣтуетъ какъ можно чаще ходить въ церковь и приносить съ собою по возможности свѣчи, ладанъ, просфоры и прочія вещи, нужныя для богослуженія. Подробно говорится и о томъ, какъ надо стоять въ церкви:

„Въ церкви стоять со страхомъ и съ молчаніемъ молиться... при богослуженіи ни съ кѣмъ не бесѣдовать, со вниманіемъ слушать божественное пѣніе и чтеніе, не озираться, ни на стѣну не преклоняться, ни къ столпу; ни съ посохомъ не стоять, ни съ ноги на ногу не переступать".

Далѣе подробно указывается, о комъ и о чемъ слѣдуетъ молиться, какъ

творить крестное знаменіе, какъ складывать при этомъ персты, причемъ молящійся долженъ имѣть „моленіе въ устахъ, въ сердцѣ умиленіе и сокрушеніе о грѣхахъ, изъ очей испускать слезы, а изъ души воздыханіе“.

„Домострой“ указываетъ и на важнѣйшія христіанскія обязанности: милосердіе и милостыню.

„Больныхъ и заключенныхъ посѣщай, милостыню по мѣрѣ возможности раздавай; всякаго скорбнаго, и нищаго, и нуждающагося не презри, а введи въ домъ свой, напой, накорми, согрѣй, одѣнь. Молитвами ихъ очистишь душу свою отъ грѣховъ и Бога умилостивишь. Родителей своихъ умершихъ поминай“...

Изъ всѣхъ указанныхъ наставленій мы видимъ, какъ высоко цѣнилась набожность и благочестіе, и какъ много вниманія въ то же время обращалось на внѣшнюю сторону.

Къ высшимъ, священнымъ обязанностямъ человѣка относится и уваженіе къ царской власти.

„Царя бойся, говоритъ „Домострой“, — и служи ему вѣрою, и всегда о немъ Бога моли, отнюдь не криви передъ нимъ душою, но покорно всегда истину отвѣчай ему, такъ научишься и Небеснаго Царя бояться... Также и князьямъ покоряйся и должную честь воздавай имъ. Апостолъ Павелъ говоритъ: всѣ власти отъ Бога; кто власти противится, тотъ Божію повелѣнію противится. А царю и князю, и всякому вельможѣ не тщися служить ложью, клеветою и лукавствомъ. Погубитъ Богъ всѣхъ говорящихъ ложь. Старѣйшимъ тебя честь воздавай; среднихъ какъ братью почитай, маломощныхъ и скорбныхъ съ любовью привѣтствуй, юнѣйшихъ какъ дѣтей люби и всякому созданію Божію не лихъ будь. Славы земной ни въ чемъ не желай, вѣчныхъ благъ проси у Бога, всякую скорбь и притѣсненіе терпи, за обиды не мсти, зла за зло не воздавай“...

Умѣнье всѣмъ угодить, со всѣми ужиться высоко цѣнится Сильвестромъ: со всѣми должно вести себя, говорится въ „Домостроѣ“, такъ, чтобы не только не возбудить ни въ комъ вражды къ себѣ, не нажить себѣ какихъ либо непріятностей, но заслужить у всѣхъ расположеніе и доброе мнѣніе о себѣ“. Ради этого „Домострой“ позволяетъ даже кривить душой. „Если людямъ твоимъ, говорится здѣсь, случится съ кѣмъ-либо поссориться, то ты брани своихъ, хотя бы они были и правы,—этимъ и ссору прекратишь и вражды не будетъ“. За столомъ въ гостяхъ „Домострой“ предписываетъ хвалить всѣ кушанья, хотя бы они были дурны: „не подобаетъ говорить: гнило или кисло, или прѣсно, или солоно, или горько, но слѣдуетъ всякое кушанье хвалить и съ благодарностью вкушать“. Особенно совѣтуется гостепріимство и хлѣбосольство: ласково принять гостя, хорошо угостить его—считалось самою священною обязанностью. Во время пировъ „Домострой“ совѣтуетъ особенно бережно обращаться съ гостями: надо было не только всячески ублажать ихъ и угощать, но и заботиться, чтобы они вслѣдствіе обильнаго угощенія не потерпѣли бы какого ущерба. Для этого „Домострой„ совѣтуетъ всякому хозяину, устраивающему пиръ, назначать на это время особаго береженаго человѣка (который не долженъ былъ пить); онъ обязанъ былъ оберегать пьянаго гостя, чтобы тотъ не потерялъ бы чего, не избился, не побранился съ кѣмъ-либо изъ другихъ гостей, не подрался и проч.

*

Нравы нашихъ предковъ были тогда еще очень грубы, и потому пиршества для невоздержнаго человѣка часто кончались печально. Предостерегая отъ пьянства, „Домострой“ говоритъ: если упьешься допьяна и тутъ же успешь, гдѣ пилъ, и не доглядитъ за тобой хозяинъ, у котораго на пиру не одинъ ты, а много гостей, то можешь платье на себѣ изгрязнить, шапку взорвать, и деньги изъ пошны у тебя вынутъ, — и хозяину, у котораго ты пилъ, кручина не малая, а тебѣ еще большая, а отъ людей срамота, — и скажутъ тебѣ: „Видишь ли, каковъ срамъ и ущербъ твоему имѣнію отъ большаго пьянства“... „Если же ты поѣдешь съ пира, а на дворѣ успешь, то и того хуже: возьмутъ у тебя все, что имѣешь, платье снимутъ съ тебя, и рубахи даже не оставятъ на тебѣ“...

Указываетъ „Домострой“ и на правила приличія: гость не долженъ самъ садиться безъ приглашенія хозяина на почетное мѣсто, а, напротивъ, долженъ скромно сѣсть на послѣднемъ мѣстѣ и только тогда пересѣсть на лучшее, когда хозяинъ попроситъ. „За обѣдомъ — не кашлять, не плевать, не сморкать, а если ужъ понадобится, то, отошедъ въ сторону, вычистить носъ или откашляться вѣжливо, а придется плюнуть, то сдѣлать это, отворотясь отъ людей, да ногой потереть“...

Въ семьѣ, по „Домострою“, все должно было вполнѣ подчиняться главѣ дома, хозяину. Жена, дѣти и слуги должны были „все творить по его приказанію“. Только съ разрѣшенія мужа жена могла ходить въ церковь, въ гости; во всемъ она должна была спрашивать его совѣта не только по хозяйству, но даже — о чемъ говорить съ гостьями.

Чувство страха считалось главнымъ средствомъ водворить семейное благочиніе, и потому наказанія были въ большомъ ходу.

„Если жена или сынъ, или дочь не слушаетъ приказаній и наставленій, и не боится, то мужъ или отецъ долженъ учить ихъ уму-разуму и плетію постегать, по винѣ смотря, и не передъ людьми; а поучивъ, примолвить и пожаловать, и никакъ не гнѣваться другъ на друга. А про всякую вину по уху и по лицу не бить, ни кулакомъ подъ сердце, ни пинкомъ, ни посохомъ не колоть... Кто съ сердца, или съ кручины такъ бьетъ, многія притчи отъ того бываютъ: слѣпота и глухота, и руку, и ногу вывихнетъ, и главоболіе, и зубная болѣзнь... а плетью съ наказаніемъ бить — и разумно, и больно, и страшно, и здорово... А только если великая вина, — за ослушаніе и небреженіе, то плетію вѣжливенько бить, за руки держа, по винѣ смотря, да побивъ и примолвить, а гнѣвъ никакъ бы не былъ“...

Изъ этихъ словъ видно, какъ были въ обычаѣ грубая расправа, побои, и Сильвестръ, выхваляя плетку при наказаніи, имѣетъ въ виду устранить по крайней мѣрѣ вредныя послѣдствія побоевъ чѣмъ попало.

Въ каждомъ зажиточномъ домѣ въ Москвѣ было множество слугъ и домашнее хозяйство было большое и сложное: хозяйкѣ тогда было чѣмъ заняться дома. „Домострой“ представляетъ намъ образецъ „порядливой хозяйки“, которая обязана служить для всѣхъ слугъ примѣромъ трудолюбія и усердія. Она не должна была допускать, чтобы ее будили слуги: напротивъ, она должна будить ихъ.

Проснувшись съ разсвѣтомъ, хозяйка обязана дать всѣмъ людямъ работу и указать порядокъ на весь день; причемъ не только смотрѣть за другими, но и сама знать, какъ всякое дѣло дѣлается, какъ указать другимъ. Она не должна была и сама сидѣть, сложа руки. „Мужъ ли придетъ, гостья ли обычная—всегда бы надъ рукодѣліемъ сидѣла“ и съ гостьми бесѣдовать ей слѣдовало „о рукодѣльѣ и домашнемъ строеніи, какъ порядокъ вести и какое рукодѣльице сдѣлать, и кто что укажетъ, на томъ низко челомъ бить“.

Бережливость и скопидомство считаются необходимыми свойствами хорошей хозяйки: „Придется дѣлать, говоритъ „Домострой“, рубахи или женскія платья, то все самой (хозяйкѣ) кроить или дать при себѣ кроить, и всякіе остатки и обрѣзки,—все было бы прибрано,—мелкое въ мѣшечкахъ, а остатки сверчены и связаны, и все было бы припрятано. Понадобится починить старое платье,—и есть куски, и не надо отыскивать матеріи на рынкѣ; а если придется по рынку искать, то устанешь, подбираючи; приберешь, то втрое заплатишь, а то и совсѣмъ не приберешь“.

Въ другомъ мѣстѣ „Домостроя“ говорится: „всякое платье верхнее и нижнее должно быть вымыто, а ветхое зашито и заплатано, — тогда и людямъ пригоже посмотрѣть, и себѣ мило и прибыльно, и сиротинѣ можно дать во спасеніе души“.

Такая же бережливость и предусмотрительность предписывается хозяйкѣ и въ другихъ хозяйственныхъ расходахъ; она должна знать, какъ муку сѣять, какъ квашню поставить, какъ тѣсто мѣсить, какъ печь хлѣбы, пироги, калачи и пр. и сколько выйдетъ чего изъ четверти, изъ осмины и сколько высѣвокъ, должна знать „мѣру и счетъ во всемъ и беречь все: когда хлѣбы печь, тогда и платье мыть,—дровамъ неубыточно“ и пр.

Весь сложный хозяйственный обиходъ богатаго дома до мельчайшихъ подробностей указанъ Сильвестромъ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ „Домостроя“ въ концѣ прибавлена даже очень обстоятельная роспись, какія кушанья въ какія дни должно подавать. Трудны были тогда обязанности хозяйки дома, жены; за то великая похвала той, которая управится съ ними. „Если Богъ даруетъ кому жену добрую,—дороже она камня многоцѣннаго... Жена добрая, трудолюбивая и молчаливая—вѣнецъ мужу своему. Блаженъ мужъ такой жены и пр.“.

Кромѣ хозяйства, на обязанности женъ должно было бы лежать и воспитаніе дѣтей. Но въ тѣ времена на него смотрѣли очень просто.

Мать вскармливала своихъ дѣтей. Затѣмъ старались внушить имъ страхъ Божій и духъ благочестія. Дочекъ мать пріучала къ разнымъ рукодѣліямъ и хозяйству. Мальчиковъ въ зажиточныхъ семьяхъ учили грамотѣ, разнымъ „промысламъ“ и „вѣжеству“, умѣнію обходиться съ людьми.

Страхъ наказанія считался главнымъ средствомъ при воспитаніи.

„Казни сына своего, говоритъ „Домострой“, отъ юности его, и онъ успокоитъ тебя на старость твою... И не ослабѣй, бія младенца. Если его жезломъ бьешь, то не умретъ, но здравѣе будетъ: бія его по тѣлу, ты душу его избавляешь отъ смерти. Если дочь имѣешь, положи и на нее свою грозу“...

Образецъ благовоспитаннаго юноши взятъ въ Домостроѣ изъ поученія Василія Великаго. „Юноша долженъ имѣть душевную чистоту, походку скром-

ную, голосъ умильный, рѣчь пристойную, при старѣйшихъ долженъ молчать, мудрѣйшихъ слушать; къ равнымъ себѣ и меньшимъ любовь имѣть нелицемѣрную, мало говорить, но много разумѣть, не избыточествовать бесѣдою, не дерзку быть на смѣхъ, стыдливостью украшаться, долу зрѣніе имѣть, горѣ же душу и пр.".

Какъ только сынъ достигалъ совершеннолѣтія, родители старались женить его. Еще болѣе хлопотали, чтобъ выдать замужъ дочерей. Предусмотрительный Сильвестръ даетъ такой совѣтъ:

У кого родится дочь, тому слѣдуетъ съ первыхъ же дней ея жизни думать о приданомъ,—отчислять въ ея пользу часть всякаго прибытка, откладывать на долю дочери—полотна, разныя матеріи, дорогія украшенія, утварь, и проч. Такъ понемногу, незамѣтно, безъ особенныхъ лишеній, „себѣ не въ досаду", и составится приданое. „Ростутъ дочери, и страху Божію и вѣжеству учатся, и приданое прибываетъ; какъ замужъ сговорятъ—все и готово... А умретъ дочь по волѣ Божіей,—приданое пойдетъ на поминъ ея души".

За слугами „Домострой" совѣтуетъ зорко слѣдить и не довѣрять имъ, чтобъ не крали, не обманывали, но вмѣстѣ съ тѣмъ предписываетъ заботиться о нихъ, хорошо кормить и одѣвать ихъ. Чрезъ слугъ нерѣдко возникали ссоры, и потому „Домострой" особенно настойчиво совѣтуетъ предупреждать сплетни слугъ. „Слугамъ своимъ заповѣдуй о людяхъ не переговаривать, и если слуги были гдѣ и видѣли что недоброе,—того не сказывали бы дома, и что дома дѣлается, того у чужихъ людей не разсказывали бы... Если придется посылать куда нибудь сына или слугу—сказать что либо или сдѣлать, то вороти его и выспроси, и только, когда онъ повторитъ все передъ тобою, какъ ты ему сказывалъ, тогда пошли".

Слуга, пришедъ къ дому, куда посланъ, у воротъ долженъ легонько постучать, а когда пойдетъ по двору, и станутъ его спрашивать, съ какимъ дѣломъ идетъ, то слуга не долженъ былъ говорить или могъ отвѣтить любопытному: „Не къ тебѣ посланъ, а къ кому посланъ, съ тѣмъ мнѣ и говорить".

„У обѣдни слуга долженъ ноги отереть, носъ высморкать и молитву Іисусову сотворить; если книги не отдадутъ, то въ другой разъ сотворить молитву и въ третій... Какъ впустятъ, святымъ иконамъ поклониться дважды, а третій поклонъ хозяину отдать и хранить то дѣло, съ какимъ посланъ"...

„Умный слуга, если гдѣ и услышитъ что либо враждебное своему господину, скажетъ обратное, гдѣ кланутъ и лаютъ,—а онъ похвалу и благодареніе воздаетъ. Отъ такихъ умныхъ и вѣжливыхъ, и благоразумныхъ слугъ промежъ добрыхъ людей любовь сводится, и такихъ умныхъ слугъ берегутъ и жалуютъ, какъ дѣтей своихъ, и совѣтуются съ ними обо всемъ".

Миръ и доброе согласіе между людьми, какъ видно изъ приведенныхъ словъ, цѣнится „Домостроемъ" такъ высоко, что позволяется ради добрыхъ отношеній поступиться даже правдой.

Въ заключеніе Сильвестръ уже отъ себя даетъ наставленіе сыну своему Анфиму; здѣсь вкратцѣ повторяетъ то, что говорилось раньше въ „Домостроѣ". Подобно Владиміру Мономаху и Сильвестръ въ своемъ поученіи не только даетъ указаніе, какъ [illegible] честно жить, но и ссылается на свой примѣръ:

Видѣлъ ты, чадо мое, говоритъ Сильвестръ сыну, какъ мы жили въ благословеніи и страхѣ Божіемъ, въ простотѣ сердца, въ церковномъ прилежаніи, всегда со страхомъ пользуясь божественнымъ писаніемъ. Видѣлъ ты, какъ Божіею милостію отъ всѣхъ я былъ почитаемъ и всѣми любимъ, и всякому, въ чемъ надо было, уноровилъ (угодилъ): и трудомъ, и услугою, и покорностью, а не гордынею, не прекословіемъ; не осуждалъ никого, не пересмѣивалъ, не укорялъ, не бранился ни съ кѣмъ, а случалась отъ кого обида, и мы Бога ради терпѣли и на себя вину брали, и потому враги становились друзьями... Если случалось согрѣшить предъ Богомъ или предъ людьми, то скоро о грѣхѣ томъ плакался предъ Богомъ и у отца духовнаго каялся... Не пропускалъ никогда отъ юности своей и до сего времени церковной службы, развѣ только по болѣзни пропускалъ. Ни нищаго, ни странника, ни калѣки, ни больного никогда не презиралъ; изъ темницъ, изъ плѣна, изъ рабства выкупалъ и голодныхъ по силѣ кормилъ.—Своихъ рабовъ всѣхъ освободилъ и надѣлилъ имуществомъ, и всѣ эти рабочіе наши теперь свободны, хорошо живутъ, какъ самъ видишь, молятъ Бога за насъ и доброхотствуютъ намъ всегда, а кто забылъ насъ,—пусть Богъ того проститъ. А нынѣ домочадцы наши всѣ свободны, живутъ у насъ по своей волѣ.—Видѣлъ ты, чадо мое, какъ многихъ сиротъ, рабовъ и убогихъ мужескаго полу и женскаго вскормилъ я и вспоилъ до совершеннаго возраста и въ Новгородѣ, и въ Москвѣ,—научилъ по способностямъ: многихъ—грамотѣ и писать, и пѣть, иныхъ иконному письму, иныхъ серебряному мастерству и другимъ всякимъ рукодѣліямъ (ремесламъ). А твоя мать многихъ дѣвицъ убогихъ воспитала, обучила рукодѣлію и всякому домашнему обиходу и, надѣливъ приданымъ, замужъ повыдала; а мужской полъ поженили на дочеряхъ добрыхъ людей. Всѣ они по Божіей милости своими домами живутъ; многіе въ священническомъ санѣ и въ дьяконскомъ, другіе въ дьякахъ и въ подъячихъ и въ разныхъ чинахъ, по своимъ природнымъ способностямъ, „кто чего дородился“ и въ чемъ кому Богъ богословилъ быть: иные занимаются разными ремеслами и промыслами, многіе торгуютъ и пр.“.

Благочестивъ и уменъ былъ составитель „Домостроя“. Много собралъ онъ полезныхъ правилъ и добрыхъ совѣтовъ въ своей книгѣ, какъ Богу угодить, царю служить, съ людьми уживаться и домъ свой строить, т. е. хозяйство вести. Не одного внѣшняго благочестія и обрядности требуетъ „Домострой“, но и выполненія высшихъ христіанскихъ обязанностей,—любви къ ближнимъ, помощи убогимъ и сиротамъ и пр. Самъ Сильвестръ, какъ видно изъ его наставленія сыну, не только на словахъ, но и на дѣлѣ старался исполнять христіанскія обязанности: многихъ сиротъ и бѣдныхъ пріютилъ у себя, воспиталъ и пристроилъ, и рабовъ своихъ на волю отпустилъ...

Но нѣтъ въ „Домостроѣ“ ни вѣры въ умъ, ни вѣры въ нравственное достоинство человѣка. Всякій шагъ, всякое движеніе пытается Сильвестръ предусмотрѣть и дать подробное правило и мелочныя указанія, какъ поступать въ разныхъ житейскихъ дѣлахъ. Казалось, человѣку оставалось только слѣдовать во всемъ этимъ указаніямъ, и жизнь его должна была течь спокойно, невозму-

тимо и благочестиво,—своимъ умомъ жить человѣку не полагалось. Какое же побужденіе должно было заставлять его идти по указанному пути?—Страхъ наказанія Божія долженъ былъ побуждать его жить благочестиво, страхъ наказанія господствовалъ и въ семьѣ; на немъ были основаны и повиновеніе жены мужу и дѣтей отцу. Наказаніе съ одной стороны, награда—съ другой, т. е. чувство страха или чувство корысти—вотъ что должно было направлять, по взгляду даже лучшихъ людей того времени, волю человѣка на путь истины и добра. Но, вѣдь, чтобы идти по этому пути, нужно безбоязненно, смѣло служить истинѣ, нужно безкорыстно любить добро, творить его, не разсчитывая ни на какія награды; примѣръ такого отношенія къ истинѣ и добру и показалъ людямъ Іисусъ Христосъ.

Но этого не понимали даже и лучшіе русскіе люди XVI вѣка.

Образцомъ праведной жизни считалась жизнь монастырская. Подобіе ея хотѣлъ, видимо, составитель „Домостроя" водворить и среди мірянъ.

„Домострой" съ его подробными правилами, которыми опредѣленъ каждый шагъ въ жизни, начиная съ обязанностей къ Богу и церкви и кончая мелочными замѣчаніями о хозяйственномъ обиходѣ, напоминаетъ строгій монастырскій уставъ, отъ котораго не допускаются никакія отступленія. Даже веселье, смѣхъ, игры, пѣніе и др. мірскія потѣхи и удовольствія, грѣховныя на взглядъ монаха, Домостроемъ запрещаются. Но въ то же время допускаются отступленія отъ правды для того, чтобы угодить другимъ, ужиться со всѣми въ добромъ согласіи; а излишняя угодливость и уживчивость легко вели къ тому, что человѣкъ мирился со всякимъ зломъ въ жизни, сживался съ нимъ, и на дѣлѣ выходило, что человѣкъ былъ благочестивымъ лишь по внѣшности.

Нравственная и разумная жизнь можетъ процвѣтать только въ томъ обществѣ, гдѣ господствуетъ чистое нравственное чувство, влекущее само собою человѣка къ добру и отвращающее отъ зла, и свѣтлый умъ, способный различать, что хорошо, и что дурно, способный указывать и средства для борьбы со зломъ. Къ несчастію, вѣковое рабство въ тяжкую пору татарщины сильно повредило нравственному чувству русскаго человѣка,—пріучило его унижаться, лукавить и обманывать. Нищета, вѣковое отчужденіе отъ болѣе образованнаго запада, упадокъ образованія даже среди духовенства—все это мѣшало русскому уму развернуться во всей его силѣ. Понятно, почему члены Стоглаваго собора не могли ничего другого придумать, какъ возстановлять „старину", а Сильвестръ—собрать всевозможныя старыя правила праведнаго житія. Понятно, почему ни то, ни другое помочь горю не могло.

Покореніе Казани и Астрахани.

Казань во время малолѣтства Ивана Васильевича, по словамъ современника, „допекала Руси хуже Батыева разоренія": казанцы безпрестанно нападали на русскія земли, разоряли ихъ, жгли, грабили и убивали людей; жестокости творили страшныя: у плѣнниковъ отрѣзывали носы и уши, обрубали руки и ноги, вѣшали за ребра на желѣзныхъ крюкахъ; русскихъ плѣнниковъ продавали восточнымъ купцамъ цѣлыми толпами словно скотъ. Послѣ смерти

Сафы Гирея, заклятаго врага Москвы, казанцы признали ханомъ малолѣтняго сына его подъ опекой матери.

Два раза уже юный царь московскій ходилъ подъ Казань; походы были неудачны; но во второй походъ была построена верстахъ въ сорока отъ Казани крѣпость Свіяжскъ, откуда русскій сторожевой отрядъ всегда могъ наблюдать за Казанью. Окрестныя племена:—черемисы, чуваши стали переходить въ русское подданство. Въ Казани были люди, которые понимали, что ей не подъ силу борьба съ Москвою, и лучше добровольно ей подчиниться. Они добились, наконецъ, того, что ханомъ въ Казани сталъ снова подручникъ Московскаго царя — Шигъ-Алей; но онъ недолго усидѣлъ здѣсь. Казанцы надѣялись, что крѣпость Свіяжскъ будетъ очищена и чтобы ублажить московскаго царя, выпустили до 60-ти тысячъ плѣнныхъ. Но русскіе и не думали покидать Свіяжска: надежды казанцевъ, что Шигъ-Алей устроитъ это дѣло,—не оправдались. Враговъ у него и прежде было не мало; теперь вражда усилилась; составился даже заговоръ противъ него... Онъ вò-время провѣдалъ объ этомъ, зазвалъ къ себѣ на пиръ заговорщиковъ и велѣлъ ихъ здѣсь перебить. 70 человѣкъ было убито, но нѣкоторымъ удалось спастись. Кровавая расправа Шигъ-Алея безъ всякаго суда и разбора еще пуще разожгла ненависть къ нему; оставаться ему въ Казани становилось опасно. Чтобы какъ нибудь сбыть съ рукъ ненавистнаго хана, сторонники Москвы въ Казани изъявили готовность совсѣмъ подчиниться московскому царю и просили его вывести отъ нихъ Шигъ-Алея и прислать своего намѣстника. Намѣстникомъ посланъ былъ къ нимъ князь Семенъ Микулинскій; но противники Москвы успѣли взволновать въ Казани народъ, распуская слухи, что русскіе хотятъ перебить ихъ всѣхъ. Казанцы не впустили Микулинскаго въ городъ, а призвали къ себѣ одного изъ ногайскихъ хановъ—Едигера.

Тогда царь рѣшился покончить съ Казанью. Начались большіе военные сборы. Въ половинѣ іюня царь простился съ женою, принялъ благословеніе у митрополита и отправился въ Коломну, гдѣ должна была собраться рать. На пути пришла къ нему тревожная вѣсть, что Крымская орда идетъ на русскую украину. Крымцы попытались взять Тулу, но когда туляне дали имъ сильный отпоръ, и татары, провѣдали, что неподалеку собрана большая военная сила, то поспѣшили уйти. Русскимъ воеводамъ, посланнымъ на выручку Тулы, все-таки удалось истребить большой отрядъ татаръ, не успѣвшій вò-время отступить.

Все русское войско, собранное для казанскаго похода, было раздѣлено на двѣ части: одна съ царемъ во главѣ двинулась на Казань чрезъ Владиміръ, а другая пошла южнѣе на Рязань, ближе къ степямъ, чтобы ногаи или другіе степняки внезапнымъ нападеніемъ не помѣшали походу. За рѣкою Сурою обѣ части русскаго войска должны были соединиться.

Въ началѣ іюля царь выступилъ въ походъ. Всюду на пути онъ посѣщалъ церкви, монастыри, принималъ благословеніе отъ духовенства; во Владимірѣ долго и усердно молился предъ гробницей своего прародителя—Св. Александра Невскаго.

20-го августа русское войско расположилось на лугу, въ 6 верстахъ отъ Казани, на равнинѣ, которая широко раскидывалась межъ Волгою и горою, гдѣ стояла крѣпость съ каменными мечетями и дворцомъ. Два дня русскіе вы-

гружали съ судовъ пушки и снаряды. Тутъ къ царю явился перебѣжчикъ изъ Казани и заявилъ, что ханъ Едигеръ, мурзы и муллы (мусульманскіе священники) возбудили такую вражду и ярость въ народѣ къ христіанамъ, что въ Казани никто и не помышляетъ о мирѣ; что съѣстныхъ и военныхъ запасовъ много; что, кромѣ 30 слишкомъ тысячъ отборныхъ воиновъ въ городѣ, большое число наѣздниковъ подъ начальствомъ отважнаго Япанчи отряжено занять засѣку (наскоро сооруженную крѣпость) близъ города, на Арскомъ полѣ, чтобы оттуда безпрестанно нападать на осаждающихъ. Казань была хорошо укрѣплена: высокая крѣпкая стѣна съ боевыми башнями окружала городъ; ее составляли два ряда огромныхъ и крѣпкихъ дубовыхъ столбовъ, между которыми была насыпана и плотно убита земля со щебнемъ; стѣна была окружена широкимъ и очень глубокимъ рвомъ. Все предвѣщало очень упорную защиту. Царь совѣтовался съ боярами, какъ повести осаду. Для устройства прикрытія отъ выстрѣловъ изъ города приказано было каждому воину приготовить по бревну, каждому десятку воиновъ—по туру. (Туры — большія и высокія корзины, плетеныя изъ прутьевъ; наполненные землею и поставленные рядомъ, онѣ представляли хорошую защиту отъ стрѣлъ и пуль). Затѣмъ были указаны мѣста для разныхъ полковъ и частей рати; одному полку велѣно было стать на Арскомъ полѣ и охранять войско отъ нападеній Япанчи; всѣмъ строго было запрещено самовольно, безъ государева приказа, вступать въ бой.

23 августа утромъ, отряды русской рати должны были занять свои мѣста. На восходѣ солнца выѣхалъ царь. Ударили въ бубны, затрубили въ трубы, полки построились. Распущены были знамена. На царскомъ знамени былъ образъ Іисуса Христа, а сверху—крестъ, бывшій у Димитрія Донскаго на Куликовомъ полѣ. Царь и воеводы сошли съ коней. Отслуженъ былъ молебенъ. Послѣ того государь призвалъ къ себѣ всѣхъ воеводъ, бояръ и воиновъ своего полка и держалъ рѣчь, ободрялъ ихъ, напоминалъ, что они идутъ бороться за единородную братію, за православныхъ христіанъ, которые много лѣтъ томятся въ плѣну у казанцевъ и претерпѣваютъ тяжкія мученія, напоминалъ Христовы слова, что нѣтъ выше подвига, какъ душу свою полагать за ближнихъ своихъ и пр.

Русскія войска обступили Казань. Рать была огромная, — доходила до 150 тысячъ человѣкъ. Главную силу составляли стрѣльцы. Это было постоянное пѣшее войско, учрежденное впервые царемъ Иваномъ Васильевичемъ. Стрѣльцы вооружены были ружьями и бердышами, или сѣкирами. При войскѣ было полтораста пушекъ.

Казанцы всѣми силами старались помѣшать русскимъ близко подойти къ городу и укрѣпиться,—открыли огненную пальбу со стѣнъ и башенъ. Съ перваго же дня осады начались частыя и внезапныя вылазки; подъ городскими стѣнами часто загорались кровавыя сѣчи. Но русская рать дѣлала свое дѣло молодецки; воеводы были хорошіе, и никогда прежде не соблюдался такъ строго ратный порядокъ, какъ теперь. Не смотря на всевозможныя помѣхи, русскимъ удалось со всѣхъ сторонъ окружить городъ, поставить туры и тыны для защиты отъ огня; ни въѣзда въ городъ, ни выѣзда не было. Подъ прикрытіемъ туровъ были поставлены пушки, и русскіе принялись громить городъ; но вылазки изъ

города не прекращались; особенно вредили русскимъ наѣздники, которые, подъ предводительствомъ Япанчи, часто налетали на нихъ изъ лѣсной засѣки. Курбскій, знаменитый участникъ Казанской осады, говоритъ, что эти нападенія дѣлались по условному знаку: казанцы выносили большое мусульманское знамя на высокую башню или на стѣну и махали имъ. Тогда татарскіе наѣздники и налетали изъ лѣсу на русскихъ. Въ то же время отворялись городскія ворота; тысячи храбрецовъ выбѣгали изъ города, отчаянно кидались на русскія укрѣпленія и начиналась лютая сѣча. Эти безпрестанныя и неожиданныя нападенія страшно томили русскихъ: ни отдыху имъ не было, ни времени даже поѣсть спокойно. Ежедневно почти три недѣли длилось это томительное состояніе. Рус-

Стрѣльцы XVI столѣтія.

ское войско терпѣло огромный уронъ. Наконецъ, царь на совѣтѣ съ воеводами порѣшилъ отрядить большую силу, чтобы покончить съ Япанчею. Воеводою надъ этимъ отрядомъ былъ назначенъ князь Горбатый-Шуйскій. Онъ искусно повелъ дѣло: велѣлъ напасть на татаръ, укрѣпившихся на Арскомъ полѣ, завязать битву, а потомъ отступить до самыхъ русскихъ укрѣпленій. Татары подумали, что русскіе бѣгутъ, погнались за ними, да зарвались слишкомъ далеко, такъ что русскія войска охватили ихъ со всѣхъ сторонъ и стремительно ударили на нихъ. Хоть и ловкіе наѣздники были татары, хоть и сыпались ихъ мѣткія стрѣлы на русскихъ подобно частому дождю, но русскіе сломили враговъ; татары пустились въ бѣгство. Верстъ десять гнала ихъ русская конница; весь

[illegible]

Уныніе распространилось въ городѣ. Многіе думали, что дальше защититься нельзя; но болѣе упорные взяли верхъ, стали копать землю въ разныхъ мѣстахъ и дорылись до новаго ключа. Вода была здѣсь смрадная и вредная; иные болѣли отъ нея, пухли, другіе воздерживались, на сколько могли, отъ питья, терпѣли жажду, но молчали и сражались...

Между тѣмъ русскіе соорудили деревянную башню въ шесть саженъ вышиною, ночью тайкомъ пододвинули ее къ городской стѣнѣ къ главнымъ Царскимъ воротамъ и поставили на башнѣ 10 большихъ и до пятидесяти малыхъ пушекъ. Отрядъ самыхъ искусныхъ стрѣлковъ занялъ ее. Съ утра слѣдующаго дня стали съ башни обстрѣливать городъ. Стрѣльцы стояли на башнѣ выше городской стѣны, и могли мѣтко бить изъ пищалей людей на улицахъ и дворахъ; [illegible]ыли себѣ ямы, землянки, прятались въ нихъ отъ русскихъ выстрѣ-

ловъ, но сдаваться и не думали, хотя царь имъ снова дѣлалъ мирныя предложенія.

Пять недѣль почти стояли уже русскіе подъ Казанью; укрѣпленія свои они такъ близко придвинули къ городу, что въ иныхъ мѣстахъ только городской ровъ отдѣлялъ ихъ отъ стѣнъ. Десятки тысячъ бойцовъ съ той и другой стороны пали въ лютыхъ схваткахъ. Близилась осень съ ея дождями и непогодами, а конца осадѣ и не предвидѣлось.

Въ тѣ времена даже и болѣе образованные люди вѣрили въ силу волшебства, или чародѣйства. Князь Курбскій говоритъ, что на городскія стѣны, при восходѣ солнца, выходили какіе-то старцы и бабы и въ виду русскаго войска творили разныя чары: „вопили сатанинскія слова, махали своими одеждами на русское войско и неблагочинно вертѣлись“, — и тогда вдругъ подымался сильный вѣтеръ, собирались тучи, хотя раньше небо было совершенно ясно, лилъ дождь ливмя, и земля на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли русскіе, обращалась въ болото.—Царю посовѣтовали привезти изъ Москвы крестъ съ частицею чудотворящаго дерева. Когда былъ привезенъ этотъ крестъ и стали совершать молебствія и крестные ходы, то сила „поганскихъ чаръ“, по словамъ Курбскаго, прекратилась.

По свидѣтельству лѣтописи, были и для православныхъ добрыя знаменія,—набожные люди видѣли вѣщіе сны: одинъ видѣлъ, какъ святые апостолы благословляли Казань, гдѣ должно было водвориться православіе; другому Св. Николай Чудотворецъ повелѣлъ возвѣстить царю, что Казань будетъ взята. Замѣченъ былъ нѣкоторыми какой то чудный свѣтъ надъ городомъ, поднимавшійся столпами... Всѣ эти знаменія предвѣщали успѣхъ.

Семь недѣль уже прошло отъ начала осады. Царь рѣшился взорвать стѣну порохомъ и взять городъ съ бою. Было сдѣлано по его приказу три подкопа. 30 сентября одинъ былъ взорванъ. Взрывъ развороталъ часть стѣны; множество людей, земли, камней и бревенъ взлетѣло на воздухъ. Казанцы были ошеломлены. Русскіе воспользовались этимъ, бросились на городъ чрезъ ровъ, заваливши его турами; закипѣла страшная битва.

Казанцы бились отчаянно, думали, что пришелъ ихъ послѣдній часъ. Грохотъ пушекъ, лязгъ и трескъ оружія, крики воиновъ раздавались въ густой тучѣ дыма, висѣвшей надъ городомъ. Не смотря на отчаянное упорство татаръ, русскіе были уже на стѣнахъ; многіе рѣзались съ татарами на улицахъ. Князь Воротынскій, отрядъ котораго былъ въ дѣлѣ, далъ знать царю, что русскіе уже въ городѣ, и просилъ помощи. Царь не былъ еще увѣренъ въ успѣхѣ приступа и приказалъ отступить; все же русскіе заняли одну городскую башню, и казанцы не могли, не смотря на всѣ усилія выбить ихъ отсюда; на мѣстѣ разрушенныхъ частей стѣны поставили новые срубы, засыпавъ ихъ землею, и приготовились опять къ оборонѣ.

Къ 1-му октября главные подкопы были готовы, и войску приказано было готовиться къ рѣшительному бою. Воины исповѣдовались и пріобщались Св. Таинъ; а тѣ, которые были подъ стѣнами города, старались подъ градомъ пуль и камней завалить ровъ землей и бревнами, чтобы проложить путь къ стѣнамъ.

Попытался еще разъ царь уладить дѣло мирно, безъ кровопролитія, по-

[illegible]

— [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

— „Слышу, сказалъ царь своимъ приближеннымъ, звонъ какъ будто Симонова монастыря"!

Это было принято какъ доброе предзнаменованіе. Царь пошелъ къ заутрени въ свою походную церковь, устроенную въ шатрѣ.

Князь Воротынскій уведомилъ царя, что розмыслъ уже все приготовилъ, 48 бочекъ зелія (пороху) подъ городъ подведено и взорвать до третьяго часа нельзя, потому что изъ города замѣтили приготовленія... Царь послалъ возвѣстить по всѣмъ полкамъ, чтобъ всѣ изготовились къ бою, отпустилъ отъ себя всѣхъ воеводъ по ихъ мѣстамъ, а своему полку велѣлъ ждать себя въ урочномъ мѣстѣ, самъ же хотѣлъ прослушать обѣдню.

Дьяконъ оканчивалъ чтеніе евангелія, и лишь только возгласилъ слова: „и будетъ едино стадо и единъ пастырь", какъ грянулъ взрывъ словно громъ, земля дрогнула... Царь выступилъ немного изъ церковныхъ дверей и увидѣлъ страшное зрѣлище: дымъ и земля, взорванная порохомъ, затмили воздухъ; бревна, камни и множество людей летѣло въ вышину. Царь вернулся въ церковь, чтобы дослушать службу. Только что дьяконъ произнесъ слова молитвы за царя: „и еже Господу Богу нашему наипаче поспѣшити и покорити подъ нозѣ его всякаго врага и супостата", какъ разразился второй взрывъ, еще сильнѣе, чѣмъ первый. Ужасно было видѣть множество истерзанныхъ труповъ и искалѣченныхъ людей, летящихъ въ воздухѣ на страшной высотѣ!..

Съ крикомъ: „Съ нами Богъ!" русское войско со всѣхъ сторонъ кинулось на городъ. Татары призывали на помощь Магомета и съ яростью схватывались съ русскими. Жестокая сѣча кипѣла въ городскихъ воротахъ, въ проломахъ и на стѣнахъ.

Одинъ изъ царскихъ приближенныхъ вошелъ въ церковь и сказалъ государю:

— „Государь, время тебѣ ѣхать,—ужь полки ждутъ тебя!"

— „Если до конца пѣнія дождемся, отвѣчалъ ему царь, то получимъ отъ Христа совершенную милость".

Явился второй вѣстникъ.

— „Великое время, сказалъ онъ, царю ѣхать, чтобъ укрѣпились воины въ бою, увидѣвъ его!"

Царь глубоко вздохнулъ, и слезы полились изъ глазъ его.

— „Не остави меня, Господи мой, молился онъ, и не отступи отъ меня!".

Затѣмъ онъ приложился къ образу чудотворца Сергія, выпилъ святой воды, вкусилъ просфоры, принялъ благословленіе и сказалъ духовенству:

— „Простите меня и благословите пострадать за вѣру Христову, молите Бога безпрестанно, помогайте намъ молитвою!"

Сказавъ это, царь сѣлъ на коня и поскакалъ къ своему полку.

Русскія знамена уже развѣвались на городскихъ стѣнахъ. Русскіе ворвались въ городъ съ разныхъ сторонъ. Особенно лютый бой пришлось выдержать отряду Курбскаго, который приступалъ къ городу со стороны рѣчки Казанки. Здѣсь пришлось войску взбираться на гору, гдѣ стояла высокая городская башня. Татары подпустили русскихъ близко къ стѣнѣ и затѣмъ дали страшный залпъ изъ ружей; посыпались на русскихъ и стрѣлы подобно частому дождю; полетѣли тучами и камни, побивая рать словно градъ ниву. Когда же русскіе подбились съ неимовѣрнымъ трудомъ къ самой стѣнѣ, казанцы окачивали ихъ сверху кипящимъ варомъ, валили на нихъ съ большой высоты огромные камни и грузныя бревна. Много погибло тутъ русскихъ удальцовъ. Несмотря на отчаянное упорство татаръ, русскіе приставили все-таки лѣстницы и взбирались на стѣну; иные лѣзли въ окна башни, въ проломы. Татары, выбитые изъ башни, сбитые со стѣны, обратили тылъ.

Лишь только русскіе ворвались въ городъ, говоритъ Курбскій, какъ многіе изъ нихъ, падкіе до корысти, бросились грабить дома. Да и было на что позариться! Многіе дома и лавки полны были золота, серебра, дорогихъ мѣховъ и камней самоцвѣтныхъ... Иные воины, которые лежали на полѣ, прйтворившись тяжело ранеными или убитыми, вскакивали, бѣжали въ городъ и принимались усердно за грабежъ. Набѣжали въ городъ даже кашевары и обозные люди и принялись за работу... Татары замѣтили это, и, видя, что противъ нихъ стоитъ не особенно много русскихъ воиновъ, поналегли на нихъ всею силою и стали ихъ тѣснить,—тѣ начали отступать. Тогда страхъ обуялъ русскихъ грабителей. Ударились они въ бѣгство: иные изъ нихъ не попадали въ ворота, бросались съ захваченнымъ добромъ чрезъ стѣны, другіе кидали и добычу, бѣжали и кричали въ попыхахъ: „Сѣкутъ, сѣкутъ!"

Самъ царь, увидѣвъ бѣгущія толпы своихъ людей, сначала было упалъ духомъ; но, узнавъ, въ чемъ дѣло, ободрился, послалъ половину своего полка (10 тысячъ человѣкъ) на помогу бившимся въ городѣ, а тѣхъ, что кидались на грабежъ, велѣлъ безпощадно убивать. Свѣжее войско, вступившее въ городъ, помогло сломить отчаянную оборону.

Въ самомъ городѣ долго еще кипѣла яростная свалка. Въ страшной тѣснотѣ трудно было управляться копьями и саблями,—враги схватывались руками и рѣзались ножами, попирая ногами мертвыхъ и раненыхъ. Иные воины лѣзли

на кровли домовъ и оттуда разили враговъ. Князь Воротынскій просилъ помощи. Царь послалъ пѣшихъ воиновъ,—конным невозможно было бы и пробраться въ тѣснотѣ.

Едигеръ заперся въ своемъ дворцѣ и сильно отбивался отъ русскихъ: наконецъ, увидѣлъ, что тутъ не спастись ему, ринулся со своимъ отрядомъ къ воротамъ, думая прорваться сквозь ряды русскихъ изъ города. Но путь ему загородилъ отрядъ Курбскаго, а сзади напирало главное русское войско.

Татары по трупамъ своихъ взобрались на башню и закричали русскимъ, что хотятъ вступить съ ними въ переговоры.

— „Отдаемъ вамъ царя своего живымъ, кричали они, ведите его къ своему государю; а мы выйдемъ въ поле испить съ вами послѣднюю чашу въ бою!“

Выдавши русскимъ своего царя съ нѣсколькими вельможами, татары кинулись къ берегу Казанки, перешли чрезъ рѣку и думали спастись, но два брата Курбскихъ съ нѣсколькими удальцами догнали ихъ и врубились въ толпу. Хотя татары и смяли напавшихъ, но подоспѣли новыя русскія силы и казанцамъ было нанесено окончательное пораженіе; немногимъ удалось спастись.

Всѣ вооруженные люди въ Казани по приказу царя были избиты безъ милосердія; забирали въ плѣнъ только женщинъ и дѣтей.

Царь велѣлъ служить благодарственный молебенъ подъ своимъ знаменемъ; самъ своими руками водрузилъ крестъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стояло царское знамя во время взятія Казани, и приказалъ тутъ построить церковь во имя Нерукотвореннаго образа.

Двоюродный братъ царя—князь Владиміръ Андреевичъ, Шигъ-Алей и всѣ воеводы принесли свои поздравленія государю; они сказали:

— „Радуйся, православный царь, Божіею благодатію побѣдившій супостатовъ? Будь здравъ на многія лѣта на Казанскомъ царствѣ, дарованномъ тебѣ Богомъ. Ты воистину по Богѣ нашъ заступникъ отъ безбожныхъ агарянъ. Тобою бѣдные христіане нынѣ освобождаются на вѣки и нечестивое мѣсто благодатію освящается, и впредь у Бога милости просимъ, да покоритъ подъ ноги твои всѣхъ супостатовъ твоихъ!“

Царь, по словамъ лѣтописи, отвѣтилъ имъ такъ:

— „Богъ это совершилъ твоимъ, князь Владиміръ Андреевичъ, попеченіемъ, всего нашего воинства стараніемъ и молитвою всенародною. Да будетъ воля Господня!“

Одна улица въ городѣ, ведшая къ царскому дворцу, была, по приказу царя очищена отъ труповъ. Это стоило немалаго труда: груды тѣлъ лежали на улицахъ, горы ихъ были у стѣнъ; рвы были наполнены ими, поле усѣяно. Все свидѣтельствовало о страшной лютости боя.

Царь, окруженный своими воеводами, въѣхалъ въ Казань. Нѣсколько тысячъ православныхъ, томившихся въ казанской неволѣ и теперь освобожденныхъ, кланялись царю въ землю и кричали:

— „Избавитель ты нашъ! Ты спасъ насъ изъ ада! Ты ради насъ несчастныхъ не щадилъ своей головы!“

Всѣ православные были въ большой радости. Да и какъ было имъ не радоваться? „На томъ мѣстѣ, говоритъ лѣтописецъ, гдѣ прежде водворялись не-

честивые цари и много лѣтъ проливалась кровь бѣдствующихъ христіанъ, теперь возсіяло праведное солнце, животворящій крестъ, образъ владыки нашего Христа и Пречистой Его Матери и великихъ Чудотворцевъ"!

Царь приказалъ тушить пожаръ, пылавшій еще въ нѣкоторыхъ частяхъ города, и очистить улицы отъ труповъ. На свою долю царь взялъ только знамена, пушки городскія да Едигера, съ которымъ обошелся весьма милостиво; всѣ же

Церковь Покрова (или Василія Блаженнаго).

богатства Казани и всѣхъ плѣнныхъ, женъ и дѣтей отдалъ въ добычу своему войску. Намѣстникомъ въ Казань назначенъ былъ князь Александръ Борисовичъ Горбатый.

Съ великимъ торжествомъ вернулся государь въ Москву. Здѣсь были устроены ему торжественныя встрѣчи.

Многіе казанскіе князья крестились и вошли въ число московскихъ бояръ; Едигеръ тоже принялъ крещеніе и нареченъ былъ Симеономъ.

Въ память покоренія Казани былъ тогда заложенъ въ Москвѣ, на Красной площади у Кремля, храмъ Покрова Богородицы. Теперь этотъ храмъ обыкновенно называютъ церковью Василія Блаженнаго, такъ какъ здѣсь покоятся св. мощи этого юродиваго. Зданіе это представляетъ очень любопытный памятникъ своеобразнаго и затѣйливаго зодчества. Строитель храма несомнѣнно былъ человѣкъ весьма талантливый; имя его, къ сожалѣнію, неизвѣстно. Въ народѣ сложилось даже баснословное преданіе, будто царь, восхищенный красотой зданія, велѣлъ выколоть глаза зодчему, чтобы онъ не могъ нигдѣ въ чужомъ краю выстроить ничего подобнаго.

Покореніе Казани было великимъ событіемъ въ глазахъ всѣхъ русскихъ: въ немъ видѣли побѣду христіанства надъ басурманствомъ,—побѣду надъ исконными врагами, разорявшими Русскую землю, уводившими въ тяжкую неволю толпами христіанъ. Побѣда эта стоила гораздо больше усилій, чѣмъ взятіе Новгорода или Смоленска; по силѣ и упорству борьба съ Казанью напоминала даже Куликовскую битву. Притомъ и слѣдствія этого завоеванія были чрезвычайно важны: теперь Волга,—самый важный путь для торговли съ Востокомъ,—попала въ руки русскихъ;—главнаго торговаго соперника на этомъ пути и врага, мѣшавшаго не только торговлѣ, но и мелкимъ промысламъ, не стало, и русское населеніе начинаетъ мало по малу заселять богатыя приволжскія земли.

Упорство татаръ, страшная лютость боя и ужасное дѣйствіе пороха сильно врѣзались въ память участниковъ боя и въ память народа, среди котораго, конечно, распространились разсказы очевидцевъ Казанскаго взятія.

Вспоминаетъ и до сихъ поръ нашъ народъ въ своихъ пѣсняхъ,

Какъ царь государь
Подъ Казань подступалъ,
Какъ подъ рѣчку, подъ Казанку,
Подкопъ подкопалъ,
Сорокъ бочекъ закопалъ,
Что съ тѣмъ ли ярымъ зельемъ,
Чернымъ порохомъ,
А на бочки становили.
Воску ярова свѣчи.

Показалось царю, говорится въ пѣснѣ, что долго тѣ свѣчи не догораютъ; началъ онъ ужъ и гнѣваться и казнью грозить пушкарямъ и зажигальщикамъ, да одинъ изъ нихъ былъ посмѣлѣе, сталъ говорить царю, что въ тиши (подъ землею) свѣчи тише горятъ, но

Не успѣлъ пушкарь
Слово вымолвить,
Какъ и взорвало стѣну
Бѣлокаменную,
Поломало всѣ башенки
Узорчатыя.

Въ другой пѣснѣ народъ представляетъ по своему и ужасъ побоища:

Казань то городъ во крови стоитъ,
Казанка-то рѣчка кровью протекла,
Мелкіе ручьи горючими слезами;
По лугамъ—лугамъ да все волосы.
По горамъ—горамъ да все головы.
Да все головы разноличныя...

Портретъ царя Ивана IV (факсимиле старинной гравюры).

Пять лѣтъ пришлось еще русскимъ воевать въ Казанской области, чтобы окончательно покорить обитавшія здѣсь полудикія племена: мордву, черемису, вотяковъ, чувашей и башкирцевъ.—Мѣшали русскимъ утвердиться въ Приволожьѣ и орды ногайскихъ татаръ; ихъ подбивалъ къ борьбѣ съ русскими турецкій султанъ: трудно было мусульманамъ примириться съ мыслью, что богатый край уходитъ изъ ихъ рукъ и многіе магометане становятся данниками христіанъ. Къ счастію для Москвы, ногаи не могли дѣйствовать дружно: постоянные распри и раздоры шли между ихъ князьями: иные изъ нихъ искали даже сами защиты Москвы и боролись противъ своихъ же единовѣрцевъ.

*

Одинъ изъ этихъ хановъ искалъ помощи московскаго царя противъ астраханскаго хана Ямгурчея, съ которымъ были у царя и безъ того свои счеты: въ Астрахани оскорбили и ограбили русскаго посла; при томъ Ямгурчей дружилъ съ крымскимъ ханомъ, врагомъ Москвы. Въ 1554 году русская рать въ тридцать тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ князя Пронскаго спустилась по Волгѣ подъ Астрахань. Ханъ бѣжалъ,—даже и не пытался обороняться, и городъ занятъ былъ безъ всякаго боя. Сначала посаженъ былъ здѣсь ханомъ подручникъ Московскаго царя—Дербышъ, обязанный платить дань; но когда онъ сталъ кривить душой, тайно сноситься съ Крымомъ, то былъ изгнанъ въ 1556 году, и Астрахань окончательно присоединена къ Москвѣ. Теперь вся Волга съ ея устьемъ была въ рукахъ русскихъ.

Крымскій ханъ не съумѣлъ помѣшать русскимъ утвердиться ни въ Казани, ни въ Астрахани, но сильно злобился и старался всячески вредить русскимъ,—искалъ всякаго удобнаго случая внезапно напасть на русскія украины.

Сильно страдалъ народъ отъ этихъ разбойничьихъ наѣздовъ. Татары свирѣпствовали, какъ и встарь: села и города выжигали, жителей однихъ избивали, другихъ цѣлыми толпами угоняли къ себѣ въ неволю. Русскіе ставили, какъ и прежде, по южной окраинѣ острожки, устраивали засѣки въ лѣсахъ противъ пути, рыли рвы, заваливали дороги срубленнымъ лѣсомъ, даже въ рѣкахъ по дну вколачивали острые колья по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ можно было перейти вбродъ. Царь приказалъ усилить сторожевые отряды по южной границѣ. Но что особенно важно, съ этого времени и русскіе стали донимать крымцевъ внезапными наѣздами на ихъ земли. Легкіе отряды удальцовъ спускались по Дону или по Днѣпру и громили улусы въ самомъ Крыму. Иногда эти наѣзды были очень удачны: такъ въ 1559 году Даніилъ Адашевъ съ небольшой легкой ратью пробрался въ самый Крымъ и надѣлалъ крымцамъ большаго переполоху, разгромилъ нѣсколько улусовъ и вывелъ изъ плѣна много русскаго люда.

Въ это время на Дону и на Днѣпрѣ складывалось уже сильное казачество, съ которымъ все труднѣе и труднѣе было справляться крымцамъ. Легкіе казацкіе отряды нерѣдко спускались на челнахъ по рѣкамъ, нежданно-негаданно являлись въ Крыму и хозяйничали тамъ такъ-же, какъ татары на Руси.

Книгопечатаніе въ Москвѣ.

„Старые обычаи поисшатались“—вотъ на что указывали на Стоглавомъ соборѣ, какъ на главную причину всѣхъ церковныхъ неурядицъ. Возстановить старые порядки и сохранять ихъ во всей ихъ чистотѣ стало главною задачей духовенства. Изъ писателей того времени развѣ только одинъ Максимъ Грекъ вполнѣ ясно понималъ, что этого мало, что русскимъ необходимо болѣе всего просвѣщеніе, пробужденіе живой мысли... Другіе же самые видные писатели искали спасенія только въ соблюденіи „святой старины“.

Весьма важнымъ памятникомъ этого времени надо считать „Четьи-Минеи“ митрополита Макарія. Въ этомъ огромномъ трудѣ (12 большихъ книгъ) собраны были житія святыхъ, слова и поученія на ихъ праздники, ихъ творенія всякаго рода, цѣлыя книги Св. Писанія и толкованія на нихъ. Двѣнадцать лѣтъ

подъ руководствомъ Макарія трудились переписчики надъ этимъ сборникомъ. Другой трудъ тоже очень важный — это „Кормчая книга“ — сборникъ церковныхъ законовъ, постановленій и правилъ русскихъ князей и святителей. Наконецъ, Макарію приписываютъ и составленіе сборника свѣдѣній по русской исторіи подъ названіемъ „Степенной книги“. Всѣ эти труды представляли опору для сохраненія старины, давали духовное оружіе для борьбы съ разными „новшествами“ и „мнѣніями“, которыхъ боялись пуще огня; о нихъ даже говорили: „всѣмъ страстямъ мать — мнѣніе; мнѣніе — второе паденіе“, — боялись тѣмъ болѣе, что въ ту пору на западѣ „новшества“ и „мнѣнія“ „Люторской ереси“ расшатали старый строй церкви.

Но какъ ни заботились о томъ, чтобы никакія „мнѣнія“ не проникли въ Русскую землю, все-таки въ это время (1553 г.) проявилась здѣсь ересь Матвѣя Башкина и Ѳеодосія Косого. Башкинъ наслушался „западныхъ умствованій“ и самъ сталъ по своему разуму объяснять свящ. писаніе и говорить „недоумѣнныя рѣчи“ и нашелъ себѣ послѣдователей въ Москвѣ. Ересь однако была открыта, созванъ былъ соборъ для суда надъ еретиками. Оказалось, что они, подобно жидовствующимъ, отвѣргали божество Сына и равенство Его съ Богомъ Отцомъ, таинство причащенія и покаянія, почитаніе иконъ, святыхъ и пр. Ѳеодосій Косой, монахъ Кириллова монастыря, зашелъ въ ереси еще дальше. Башкина и его сторонниковъ разослали по монастырскимъ тюрьмамъ. Ѳеодосію однако удалось бѣжать въ Литву, гдѣ онъ продолжалъ распространять свою ересь. Особенно сильно писалъ противъ еретиковъ Зиновій Отенскій (Отенъ-монастырь недалеко отъ Новгорода).

Борьба съ ересью, желаніе сохранить незыблемо старину, заставляли болѣе всего подумать о томъ, какъ бы церковныя, богослужебныя книги охранить отъ порчи: книги на Руси тогда были по-прежнему рукописныя. Обыкновенно при монастыряхъ и при епископахъ были „дописцы“, которые занимались перепискою книгъ изъ усердія и любви къ дѣлу. Кромѣ того, были въ городахъ писцы, которые промышляли перепискою какъ богослужебныхъ, такъ и всякихъ „четьихъ книгъ“, которыя продавались обыкновенно на торжищахъ.

Когда по взятіи Казани стали строить въ новозавоеванной землѣ новыя церкви, то потребовалось много богослужебныхъ книгъ, и царь приказалъ скупать ихъ, то оказалось, что изъ огромнаго числа купленныхъ рукописныхъ книгъ очень немногія были годными; въ другихъ же было такъ много пропусковъ, ошибокъ, описокъ, искаженій, ненамѣренныхъ и намѣренныхъ, что исправить ихъ не было возможности. Это обстоятельство, по мнѣнію нѣкоторыхъ, навело царя на мысль завести въ Москвѣ книгопечатаніе. Ужь сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ типографскій станокъ началъ работать въ Западной Европѣ, а въ Москвѣ о печатаніи книгъ и помину не было до 1553 года. Когда царь сказалъ митрополиту Макарію о своемъ намѣреніи, оно пришлось тому очень по душѣ.

— „Эта мысль, сказалъ онъ, внушена самимъ Богомъ, это — даръ свыше исходящій!“

Тогда царь велѣлъ строить особый домъ для помѣщенія типографіи и пріискивать мастеровъ. Постройка дома, или „Печатнаго двора“, какъ назы-

вали его, длилась десять лѣтъ. Наконецъ, въ апрѣлѣ 1563 г. начался, а 1-го марта 1564 года кончено печатаніе первой напечатанной въ Москвѣ книги „Дѣянія апостольскія".

Главнымъ мастеромъ въ первой русской типографіи былъ русскій человѣкъ—дьяконъ Иванъ Ѳедоровъ, а главнымъ сотрудникомъ его — Петръ Тимофѣевъ Мстиславецъ. Иванъ Ѳедоровъ, какъ видно, хорошо изучилъ свое дѣло, быть можетъ, въ Италіи: онъ не только умѣлъ самъ набирать и печатать книги,

Печатный дворъ въ Москвѣ.

но и отливать очень искусно литеры. Эти же мастера въ слѣдующемъ году напечатали еще Часовникъ, а затѣмъ должны были бѣжать изъ Москвы: ихъ обвинили въ ереси и порчѣ книгъ. Говорятъ, что недруги русскихъ первопечатниковъ подожгли даже и Печатный дворъ. Самъ Иванъ Ѳедоровъ разсказывалъ, что бѣжать изъ Москвы его заставило „презѣльное озлобленіе отъ многихъ начальникъ и учителей, которые на насъ, зависти ради, многія ереси умышляли, хотѣли благое дѣло во зло превратить, и Божіе дѣло въ конецъ погубить".

Первые русскіе печатники бѣжали въ Литву и здѣсь продолжали заниматься своимъ дѣломъ. Однако и послѣ ихъ бѣгства печатное дѣло въ Москвѣ снова было возстановлено, но велось въ такихъ незначительныхъ размѣрахъ, что не могло вытѣснить изъ употребленія рукописныхъ книгъ, писанныхъ малограмотными писцами.

Войны со Швеціей и Ливоніей.

Близкіе къ царю люди по взятіи Казани совѣтовали ему совсѣмъ покончить и съ Крымомъ. Завоевать его казалось дѣломъ не труднымъ. Но царь не послушался этого совѣта: между Крымомъ и московскими владѣніями были огромныя незаселенныя степи, гдѣ кочевали разбойничьи татарскія шайки: много военныхъ силъ надо было, чтобы удержать Крымъ въ рукахъ; притомъ пришлось бы вести войну и съ турками, такъ какъ крымскій ханъ былъ подручникомъ султана.

Другія думы въ ту пору занимали царя.

Сильно уже сказывалась надобность сблизиться съ Западомъ. Послѣ взятія Новгорода и Пскова торговля съ иноземцами здѣсь сильно упала, а между тѣмъ на Руси промышленность, особенно обрабатывающая, была очень слаба,—многіе иноземные товары нужны были Москвѣ; нужны были и знающіе иностранцы, „хитрые мастера“, которые умѣли хорошія пушки и пищали лить и хитрыя дѣла съ порохомъ дѣлать. Кто знаетъ, сколько бы русской крови напрасно пролилось подъ Казанью, если бы не было у царя иноземныхъ розмысловъ?

Начинали понимать лучшіе люди въ Москвѣ настоящую цѣну знанія и мастерства. За ними-то и тянулись къ западу.

Еще въ 1547 году поручено было отъ имени царя нѣмцу Шлитте навербовать заграницей въ русскую службу „хитрыхъ мастеровъ“. Тотъ порядилъ 123 человѣка, знающихъ разныя искусства и ремесла. Между ними были зодчіе, литейщики, слесаря, рудокопы и пр. Они уже готовились изъ Любека отправиться моремъ въ Московію; но объ этомъ провѣдали ливонцы и стали всячески хлопотать у городскаго начальства Любека, чтобы этихъ мастеровъ не пускали въ Московію. По проискамъ ливонцевъ Шлитте былъ посаженъ въ тюрьму, и все дѣло разстроилось.

Страшна становилась Московія своимъ западнымъ сосѣдямъ, и сильно опасались они, чтобы европейскія знанія и искусства, особенно же военное, не усилили ее еще болѣе, — вотъ почему ливонцы всѣми мѣрами старались помѣшать русскимъ сблизиться съ Западной Европой.

Но все таки, не смотря на всѣ помѣхи и происки сосѣдей-враговъ, у русскихъ мало по малу завязывались сношенія съ Западомъ. Нуждались русскіе въ европейскихъ товарахъ, но нуждались и западно-европейскіе промышленники и торговцы въ новыхъ рынкахъ для сбыта своихъ произведеній, въ новыхъ путяхъ для торговли. Въ Англіи въ это время составилась компанія (общество) съ тѣмъ, чтобы изыскать болѣе удобные и прямые пути въ богатую Индію и Китай чрезъ сѣверныя страны Европы. Общество снарядило три корабля съ цѣлью попытаться по Сѣверному океану проплыть въ Тихій океанъ. Два ко-

рабля были затерты льдами у Мурманскаго берега; всѣ люди въ томъ числѣ и начальникъ предпріятія Вилоби замерзли. Но третій корабль зашелъ въ Бѣлое море, присталъ 24 августа 1553 г. при устьѣ Сѣверной Двины, близъ Холмогоръ. Капитанъ корабля Ченслеръ завелъ сношенія съ холмогорскимъ начальствомъ; затѣмъ отправился въ Москву, гдѣ царь принялъ его весьма милостиво, обласкалъ и далъ ему дружелюбную грамоту къ англійскому королю съ приглашеніемъ начать переговоры о торговлѣ. Въ 1555 году Ченслеръ вторично пріѣхалъ въ Москву, уже какъ королевскій посолъ, и выхлопоталъ льготную грамоту: англичанамъ дано было въ торговлѣ важное преимущество (привиллегія),—они получили право торговать безданно, безпошлинно и въ Москвѣ, и въ другихъ русскихъ городахъ. Съ этого времени начались съ Англіей дружественныя сношенія, а немного времени спустя и съ голландцами.

Но сношенія съ Европой чрезъ Бѣлое море были неудобны: большую часть года оно было закрыто для торговли льдами Сѣвернаго океана, да и путь отъ Бѣлаго моря до Москвы по сѣверному малонаселенному краю былъ и длиненъ, и труденъ. Берега Балтійскаго моря для сношеній съ Западомъ были гораздо удобнѣе; здѣсь-то и задумалъ царь утвердиться. Но два врага зорко стерегли отъ русскихъ эти завѣтные берега: то были шведы и ливонцы.

Со шведами не разъ уже возникали пограничныя ссоры. Въ 1554 году они привели къ войнѣ. Она шла безъ особеннаго успѣха для той и другой стороны: напрасно шведы пытались взять русскую крѣпость Орѣшекъ; не могли и русскіе осилить Выборга, но за то окрестныя мѣста около него страшно опустошали. Наконецъ, шведскій король запросилъ мира.

Королевская грамота начиналась очень смиренно:

„Мы, Густавъ, Божіею милостію Свейскій, Готскій и Вендскій король, челомъ бью государю Ивану Васильевичу о твоей милости“.

Напротивъ того изъ отвѣтной грамоты Московскаго царя видно, что онъ свысока смотритъ на шведскаго короля:

„Мы для королевскаго челобитья, говорится въ ней, — разлитіе крови христіанской велимъ унять. Если король свои гордостныя мысли оставитъ и за свое клятвопреступленіе и за всѣ свои неправды станетъ намъ бить челомъ покорно, то мы челобитье его примемъ“.

Миръ со шведами былъ заключенъ. Шведскимъ купцамъ дано было право ѣздить чрезъ русскія земли въ Индію и Китай; за то и русскіе могли чрезъ чрезъ Швецію ѣздить въ западные европейскіе города.

Порѣшилъ Иванъ Васильевичъ свести счеты и съ Ливоніей. Не забылъ онъ ливонскихъ происковъ по дѣлу Шлитте; но былъ и другой предлогъ къ войнѣ. Лѣтъ пятьдесятъ уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ Ливонія не платила Москвѣ условленной раньше дани. Московскіе государи, занятые другими болѣе важными дѣлами, оставляли Ливонію въ покоѣ, не выправляли этой дани. Въ 1554 году Иванъ Васильевичъ потребовалъ уплаты ея за всѣ пятьдесятъ лѣтъ.

Московскіе бояре говорили ливонскимъ посламъ:

— „Ливонская земля—извѣчная отчина великихъ князей, и ливонцы должны платить дань“.

Ливонія въ это время находилась въ жалкомъ состояніи. Цвѣтущая пора

ордена меченосцевъ миновала. Рыцари уже не были прежними грозными бойцами: они обратились въ богатыхъ помѣщиковъ, бароновъ, живших въ свое удовольствіе, въ нѣгѣ и въ роскоши на счетъ порабощеннаго народа. Простой народъ — латыши и финны ненавидѣли своихъ владыкъ-нѣмцевъ. Бароны враждовали съ духовенствомъ, не ладили и между собой. Торговые города стремились къ полной независимости. Все шло врозь въ Ливоніи, и потому она была легкой добычей.

Въ Москвѣ хорошо это понимали; царь рѣшилъ добывать Ливонію. Не осмѣлились ливонцы отказаться отъ уплаты дани; епископъ Дерптскій обязался въ три года уплатить ее, но исполнить обязательства не смогъ. Уже при заключеніи этого договора на сеймѣ русскій посолъ грозилъ:

— „Не будете платить дани государю моему — самъ соберетъ“!

Срочные три года прошли, а дань не была выплачена.

Въ 1557 году явились въ Москву ливонскіе послы безъ денегъ съ просьбой, чтобъ дань была съ нихъ сложена.

Отъ имени царя было имъ объявлено, что договоръ ими нарушенъ и если дань не уплачивается, то государь будетъ ее „положа упованіе на Бога, самъ искать на магистрѣ и на всей Ливонской землѣ“. Пословъ онъ не пустилъ къ себѣ и на глаза.

Испуганные ливонцы снарядили новое посольство къ царю просить хоть объ уменьшеніи дани. Переговоры опять не привели ни къ чему: послы пріѣхали съ пустыми руками. Одинъ изъ нѣмецкихъ лѣтописцевъ разсказываетъ, будто ливонскихъ пословъ предъ ихъ отъѣздомъ въ насмѣшку пригласили къ царскому столу и подали имъ пустыя блюда.

Большое войско, состоящее болѣе, чѣмъ на половину, изъ татаръ, по приказу царя, вторглось въ началѣ 1558 года въ Ливонію. Началось страшное разореніе на пространствѣ 200 верстъ, побивали нещадно не только вооруженные отряды, но и жителей нѣмецкаго происхожденія.

Послѣ этого нашествія начальники русской рати: Шигъ-Алей, бояре и воеводы послали Ливонскому магистру грамоту, въ которой говорилось:

„За ваше неисправленіе и клятвопреступленіе государь послалъ на васъ войну, кровь пролилась отъ васъ. Если хотите исправиться и кровь унять, то присылайте къ государю съ челобитьемъ, а мы всѣ станемъ за васъ просить“.

На Ливонскомъ сеймѣ рѣшено было искать, во что бы ни стало, мира съ царемъ. Кое-какъ съ большимъ трудомъ собрали деньги для уплаты дани. Положеніе Ливоніи было плачевное: не было ни средствъ, ни войска, ни того единодушія, какое необходимо для стойкаго отпора сильному врагу. Царь согласился на переговоры и приказалъ было прекратить войну. Но жители города Нарвы, не смотря на остановку съ русской стороны военныхъ дѣйствій, продолжали обстрѣливать сосѣднюю русскую крѣпость — Ивань-городъ, и потому война продолжалась.

Посламъ ливонскимъ, прибывшимъ въ Москву, бояре заявили:

— „Если вашъ магистръ и всѣ рыцари и бискупы (епископы) хотятъ отворотить гнѣвъ государя и его силу ратную отъ своей земли, пусть сдѣлаютъ такъ, какъ сдѣлали царь казанскій и астраханскій, пусть сами явятся къ царю

и ударятъ челомъ всею Ливонскою землею, а потомъ поступятъ такъ, какъ будетъ угодно царю".

Требовалась, значитъ, отъ ливонцевъ полная покорность, а они разсчитывали было, уплативъ дань, остаться по-старому въ независимости отъ Москвы. Хотя потомъ въ переговорахъ были сдѣланы нѣкоторыя уступки въ пользу Ливоніи, но все же миръ не могъ состояться.

Война со всѣми ея ужасами продолжалась. Нѣкоторые города сдавались безъ отпора, другіе взяты были осадой или съ бою. Ливонія гибла подъ ударами русскихъ. Обороняться ей было не въ мочь. Напрасно лучшіе изъ ливонцевъ призывали своихъ соотечественниковъ къ пожертвованію имуществомъ, говорили о необходимости единодушія, указывали на то, что на чужую помощь разсчитывать нечего, что чужой защитникъ Ливоніи будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ея поработителемъ. Напрасно раздавались горячія рѣчи. Проповѣдывалось это „глухимъ", по словамъ современника.

Бросились ливонцы за помощью во всѣ стороны: обратились къ германскому императору, но безуспѣшно: имъ отвѣчали, что „ему невозможно все христіанство на всѣхъ мѣстахъ даже отъ однихъ турокъ оборонять". Данія, Швеція и Польша обѣщали на просьбу ливонцевъ помочь своимъ посредничествомъ; но это ни къ чему не привело.

— „Ливонія—земля царская,—отвѣчали въ Москвѣ польскому послу, когда тотъ заикнулся было о Ливоніи,—царь наказываетъ своихъ строптивыхъ подданныхъ".

— „Захочетъ магистръ государева жалованья,—отвѣчалъ царь на просьбу магистра унять войну,—то онъ самъ билъ бы челомъ, а по его челобитью смотря и государь его пожалуетъ"!

А уже Нарва, Нейгаузъ, Дерптъ и другіе города, всего до двадцати, были взяты русскими. Спасенія ливонцамъ не было!...

Тогда рѣшено было отдаться подъ власть польскаго короля: ливонское дворянство разсчитывало, что ему будетъ легче подъ зависимостью магнатской Польши, чѣмъ Москвы. Магистръ Кеттлеръ получилъ въ наслѣдственное владѣніе Курляндію,—земли къ Западу отъ Двины. Островъ Эзель попалъ подъ власть Даніи, а Ревель—Швеціи. Польскій король обязался по договору 1561 года защищать Ливонію отъ Москвы.

Войны съ Польшей царю нельзя было миновать. Въ эту пору начинаются въ Москвѣ новые порядки.

Удаленіе Сильвестра и Адашева.

То время, когда Сильвестръ и Адашевъ были близки къ Ивану Васильевичу, считается лучшею порою его царствованія.

Современники не находятъ словъ для похвалы царю: къ вельможамъ, къ народу былъ онъ, говоритъ лѣтописецъ, ласковъ, всѣхъ награждалъ по достоинству, къ бѣднымъ былъ щедръ и милостивъ. Заботы его были всецѣло отданы народному благу. Иноземцы, знавшіе его или слыхавшіе о немъ отъ очевидцевъ, не меньше хвалятъ его. Царь Іоаннъ, пишутъ они, затмилъ своихъ

предковъ и могуществомъ, и добродѣтелью. Много у него внѣшнихъ враговъ; но всѣ они ужасаются русскаго имени. Къ подданнымъ онъ снисходителенъ, привѣтливъ, любитъ разговаривать съ ними, часто даетъ имъ обѣды во дворцѣ, и, не смотря на то, умѣетъ быть повелительнымъ,—скажетъ боярину: „Иди!“ и тотъ бѣжитъ; изъявитъ свою досаду вельможѣ,—и тотъ въ отчаяніи и т. д. Словомъ, нѣтъ народа въ Европѣ болѣе русскихъ преданнаго своему государю, котораго они равно и страшатся, и любятъ».

Таковъ былъ, по словамъ современниковъ, юный самодержецъ въ ту пору, когда подлѣ него были такіе люди, какъ Сильвестръ и Адашевъ. Государь имъ вполнѣ довѣрялъ: Сильвестра величалъ отцомъ своимъ, Адашева считалъ ближайшимъ другомъ. Когда приходилось избирать какого-нибудь духовнаго сановника, царь посылалъ Сильвестра, побесѣдовать съ нимъ, извѣдать его умъ и нравъ; такое же значеніе имѣлъ Адашевъ въ дѣлахъ гражданскихъ и военныхъ. Много хорошихъ людей такимъ образомъ получили власть и силу.

Юному царю, начавшему царствовать въ тяжелую пору, послѣ боярскаго самоуправства, послѣ страшнаго московскаго пожара и народнаго мятежа, нужны были такіе честные и разумные совѣтники, какъ Сильвестръ и Адашевъ. Но вотъ народъ поуспокоился, управленіе улучшилось, казанскій походъ кончился очень счастливо, царь возмужалъ, сталъ увѣреннѣе въ самомъ себѣ; теперь онъ началъ выказывать желаніе жить больше своимъ умомъ: такъ, послѣ взятія Казани задумалъ онъ завоевать Ливонію, а Сильвестръ настоятельно совѣтовалъ ему покорить Крымъ, но Иванъ Васильевичъ не послушался и началъ Ливонскую войну. Умный и твердый нравомъ Сильвестръ былъ изъ тѣхъ людей, которые любятъ, чтобы другіе во всемъ ихъ слушались; наставительная рѣчь его и охота во все входить, даже въ мелочи, начинала уже, видимо, тяготить возмужавшаго и самолюбиваго Ивана,—тѣмъ болѣе, что прямодушный наставникъ не умѣлъ хитрить, управлять волею царя ловко, незамѣтно для него. Но все таки глубокое уваженіе и любовь къ Сильвестру и Адашеву еще крѣпко связывали царя съ ними.

Вскорѣ послѣ взятія Казани дѣло измѣнилось... Царь сильно занемогъ. Опасались скорой его кончины. По совѣту, вѣроятно, братьевъ жены онъ пожелалъ распорядиться престолонаслѣдіемъ. Въ своемъ завѣщаніи онъ назначилъ наслѣдникомъ сына своего Димитрія, недавно родившагося. Это значило, что власть до совершеннолѣтія его должна попасть въ руки Захарьиныхъ. Когда князь Воротынскій отъ имени царя сталъ приводить къ присягѣ его двоюроднаго брата, Владиміра Андреевича Старицкаго, и бояръ, то князь Владиміръ отказался присягать ребенку; многіе бояре тоже стали противиться этому, говоря, что они не хотятъ повиноваться Захарьинымъ: боярское правленіе было еще у всѣхъ свѣжо въ памяти. Споръ, шумныя рѣчи бояръ, даже брань услышалъ царь изъ своей опочивальни. Онъ обратился къ нимъ съ такими словами:

— „Если вы Димитрію, сыну моему, не цѣлуете креста; стало быть, у васъ есть другой государь; а вѣдь вы не разъ цѣловали мнѣ крестъ, что мимо меня государей вамъ не искать. Теперь я велю вамъ служить сыну моему Димитрію, а не Захарьинымъ, а вы души свои забыли, намъ и дѣтямъ нашимъ служить не хотите, въ чемъ намъ крестъ цѣловали, того не помните. Кто не

хочетъ служить государю младенцу, тотъ и большому не захочетъ служить, и если мы вамъ не надобны, то это на вашихъ душахъ!"

Въ отвѣтъ на это окольничій Ѳедоръ Адашевъ, отецъ царскаго любимца, высказался откровеннѣе другихъ:

— „Тебѣ Государю и твоему сыну, царевичу Димитрію, крестъ цѣлуемъ, а Захарьинымъ, Данилѣ съ братьею, намъ не служить: твой сынъ еще въ пеленкахъ и властвовать надъ нами будутъ Захарьины, а отъ бояръ въ твое малолѣтство мы видывали многія бѣды".

Нѣкоторые присягнули, а другіе стояли на томъ, что лучше служить князю Владиміру Андреевичу, чѣмъ попасть въ руки къ Захарьинымъ.

Царь лично потребовалъ у князя Владиміра, чтобы онъ присягнулъ; но тотъ противился.

— „Знаешь самъ, сказалъ ему царь, что станется на душѣ твоей, если креста не хочешь цѣловать!"

Затѣмъ царь обратился къ боярамъ, давшимъ присягу и сказалъ:

— „Бояре, я боленъ, мнѣ ужь не до того; а вы, на чемъ мнѣ и сыну моему Димитрію крестъ цѣловали, по тому и дѣлайте!"

Эти бояре стали настоятельно требовать у сторонниковъ Владиміра Андреевича, чтобы они не выходили изъ царской воли и присягнули Димитрію. Снова поднялись споры, шумъ и брань... Владиміра Андреевича нѣкоторые корили за то, что онъ и его мать въ это время раздавали деньги своимъ служилымъ людямъ, какъ бы задабривая ихъ... Его даже стали бояться,—не хотѣли пускать къ больному государю. Сильвестръ, молчавшій до тѣхъ поръ, вступился за князя.

— „Зачѣмъ вы не пускаете князя Владиміра къ государю, сказалъ онъ боярамъ,—онъ добра хочетъ государю?"

Бояре отвѣчали, что они поступаютъ по присягѣ царю и сыну его и заботятся о томъ, „какъ бы государству ихъ было крѣпче".

Съ этихъ поръ началась рознь и вражда у присягнувшихъ бояръ съ Сильвестромъ и его сторонниками.

На другой день царь призвалъ бояръ и снова требовалъ отъ нихъ присяги, говорилъ, что по тяжкой болѣзни онъ самъ не можетъ приводить къ присягѣ и поручилъ это дѣло боярамъ—князьямъ Мстиславскому и Воротынскому. При этомъ царь сказалъ присягнувшимъ боярамъ:

— „Вы дали мнѣ и сыну моему душу на томъ, что будете намъ служить; а другіе бояре сына моего на государствѣ не хотятъ видѣть; такъ если по волѣ Божіей умру, то вы, пожалуйста, не забудьте, на чемъ мнѣ и сыну моему крестъ цѣловали: не дайте боярамъ сына моего извести, но бѣгите съ нимъ въ чужую землю, куда Богъ вамъ укажетъ... А вы, Захарьины, думаете, что бояре васъ пощадятъ?—вы у нихъ будете первые мертвецы, такъ вы бы за сына моего и за его мать умерли, а жены моей на поруганіе не дали".

Изъ этихъ словъ видно, какія тяжкія и мрачныя мысли о судьбѣ семьи обуревали душу больного царя, и какъ онъ смотрѣлъ на бояръ, не хотѣвшихъ присягать его сыну. Они испугались словъ царя, увидѣли, что онъ смотритъ на нихъ, какъ на измѣнниковъ, готовыхъ даже погубить его семью, и стали давать присягу... Нѣкоторые присягали только изъ страха, боясь, что имъ плохо при-

дется отъ царя, въ случаѣ его выздоровленія. Не обошлось и тутъ безъ пререканій и жесткихъ словъ между боярами. Князя Владиміра Андреевича, по свидѣтельству одного лѣтописца, бояре насильно заставили присягнуть,—объявили ему, что иначе не выпустятъ его изъ дворца.

Царь выздоровѣлъ. Понятно, какія чувства долженъ былъ питать онъ къ боярамъ, которые такъ долго и упорно противились его волѣ; у него, конечно, была причина сильно страшиться за участь своей семьи въ случаѣ, если бы царемъ сталъ Владиміръ Андреевичъ, который могъ живо помнить расправу съ отцомъ своимъ и дядею. И вотъ между непокорными боярами, стоявшими за Владиміра, царь видитъ людей, самыхъ близкихъ къ Сильвестру и Адашеву. Отецъ Адашева прямо высказываетъ нежеланіе служить царскимъ родичамъ; самъ Сильвестръ заступается за Владиміра Андреевича, а Алексѣй Адашевъ хотя и присягаетъ, но голоса его, убѣждающаго повиноваться царской волѣ, не слышно среди боярскихъ споровъ...

Конечно, царю особенно тяжко было видѣть, что тѣ люди, которыхъ онъ глубоко уважалъ, съ которыми дѣлилъ свою душу, склонялись на сторону враговъ его только потому, какъ онъ думалъ, что не ладили съ братьями царицы. Онъ не думалъ, что Сильвестръ и Адашевъ, оставаясь вполнѣ преданными ему, могли думать и о благѣ всего народа, могли искренно бояться боярскаго правленія, отъ котораго только что успѣла отдохнуть Русская земля.

Недовѣріе даже къ близкимъ людямъ, подозрительность, опасливость, которыя улеглись было въ душѣ Ивана Васильевича, снова заговорили въ немъ, но пока еще онъ не трогалъ ни Сильвестра, ни Адашева, ни близкихъ къ нему людей.

Царь далъ обѣтъ по выздоровленіи поѣхать на богомолье въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, и въ началѣ весны отправился въ путь. Вопреки совѣту Максима Грека, къ которому заѣхалъ онъ въ Троицкій монастырь, онъ продолжалъ путь съ женой и малюткой-сыномъ.

На пути царь заѣхалъ въ Пѣсношскій монастырь, гдѣ жилъ въ заточеніи Вассіанъ Топорковъ, бывшій коломенскій епископъ и любимецъ Василія Ивановича. Попалъ въ заточеніе онъ во время боярскаго управленія. Курбскій разсказываетъ, будто Иванъ Васильевичъ, бесѣдуя съ Вассіаномъ, спросилъ у него:

— „Какъ долженъ я царствовать, чтобы вельможъ своихъ держать въ послушаніи“?

А Вассіанъ въ отвѣтъ царю прошепталъ:

— „Если хочешь быть самодержцемъ, не держи при себѣ ни одного совѣтника, который былъ бы умнѣе тебя: если такъ станешь поступать, то будешь твердъ на царствѣ, и все будетъ въ твоихъ рукахъ; если же будешь имѣть при себѣ людей умнѣе себя, то станешь по неволѣ слушаться ихъ“.

— „И самъ отецъ мой, если бы живъ былъ, не далъ бы мнѣ такого полезнаго совѣта!“ сказалъ царь и поцѣловалъ руку хитрому старцу, умѣвшему угадать, что придется особенно по сердцу ему.

Курбскій говоритъ, будто бы отъ этого злостнаго совѣта и началась бѣда; но и раньше уже, какъ сказано, царь сталъ враждебно смотрѣть на бояръ.

Поѣздка царя на богомолье кончилась несчастіемъ: маленькій сынъ его скончался.

Хотя Сильвестръ и Адашевъ все еще были близки къ государю, но холодность его къ нимъ замѣтно возростала. Опека этихъ людей, превосходство которыхъ надъ собою онъ чувствовалъ, тяготила его; притомъ были, конечно, и люди, которые возбуждали его противъ Сильвестра и Адашева, наговаривали на нихъ. Такъ дѣло шло до весны 1560 года.

Прежніе любимцы и ближайшіе совѣтники царя стали и сами чувствовать неловкость своего положенія... Адашевъ отправился воеводою въ Ливонію, гдѣ шла тогда война, а Сильвестръ удалился въ Кирилловъ монастырь.

Въ этомъ же 1560 году на царя обрушилось новое несчастіе: любимая супруга его царица Анастасія скончалась. Онъ былъ въ большомъ горѣ. Этимъ печальнымъ случаемъ воспользовались недруги Сильвестра и Адашева, чтобы доканать ихъ,—стали распускать молву, что Анастасія изведена ихъ чарами...

Хоть и нелѣпы были эти росказни, но нашлись люди, готовые вѣрить имъ, тѣмъ болѣе, что покойная царица была не въ ладахъ съ Сильвестромъ и Адашевымъ. Слушалъ эти росказни и самъ царь. Узнавъ о клеветѣ, изгнанники писали къ царю, умоляли его, чтобы наряженъ былъ судъ: чтобы дали имъ очную ставку съ клеветниками. Но послѣдніе, конечно, пуще всего боялись встрѣтиться лицомъ къ лицу съ обвиненными, которые несомнѣнно доказали бы всю нелѣпость гнусной клеветы.

Стали тогда враги Сильвестра и Адашева вговаривать царю, что этихъ изгнанниковъ опасно ему и на глаза себѣ пускать; что они однимъ взоромъ своимъ могутъ снова заворожить его, поработить по-прежнему его царскую волю своей. Пугали царя и тѣмъ, что народъ и войско очень расположены къ Сильвестру и Адашеву и можетъ подняться изъ-за нихъ мятежъ.

Ненавистники прежнихъ царскихъ любимцевъ старались подѣйствовать на царя и страхомъ, и лестью; говорили ему между прочимъ о нихъ:

„Они тебя держали до сихъ поръ какъ въ оковахъ. По ихъ приказу ты пилъ и ѣлъ; ни въ чемъ они не давали тебѣ воли, ни въ большомъ, ни въ маломъ; не давали тебѣ ни людей твоихъ миловать, ни царствомъ твоимъ владѣть. Если бы не они при тебѣ были и не держали тебя какъ въ уздѣ, то ты бы теперь владѣлъ почти всею вселенною. Теперь, когда ты отогналъ ихъ отъ себя, то пришелъ въ свой разумъ, открылись твои очи, смотришь свободно на свое царство и самъ одинъ управляешь имъ“.

Подобныя рѣчи, конечно, приходились по душѣ самолюбивому Ивану Васильевичу.

Судъ надъ Сильвестромъ и Адашевымъ былъ произведенъ заочно, не смотря на заявленіе митрополита и еще нѣсколькихъ благомыслящихъ людей, что надо призвать и выслушать подсудимыхъ; ихъ заочно и безъ явныхъ уликъ признали виновными. Сильвестръ былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь, а Адашева заключили въ Дерптѣ, гдѣ онъ мѣсяца черезъ два и умеръ отъ горячки. Враги его распустили молву, будто онъ не могъ вынести, что измѣна его открыта, и отравился ядомъ.

Недруги Сильвестра и Адашева торжествовали.

Иные люди стали теперь подлѣ царя; иные и порядки начались. Хотѣлъ царь быть настоящимъ самодержцемъ, но на бѣду былъ рабомъ своихъ страстей. Пока были предъ его глазами люди высокаго ума, ревнители добра и правды, и онъ проникался добромъ и правдою, уважалъ своихъ умныхъ совѣтниковъ, свои помыслы направлялъ ко благу народа... Суровый Сильвестръ умѣлъ въ душу царя вселить чувство страха Божія, умѣлъ дѣйствовать на его пугливую совѣсть; любящая и любимая его супруга Анастасія своею любовью и кротостью смиряла буйные порывы его. Но вотъ не стало подлѣ него ни жены, ни Сильвестра, ни другихъ добрыхъ совѣтниковъ. Хотя царь уважалъ и любилъ ихъ, но безъ нихъ сначала ему стало какъ будто легче, словно тяжелая обуза свалилась съ плечъ его: слишкомъ самолюбивымъ людямъ тяжело видѣть подлѣ себя лицъ, превосходящихъ ихъ умомъ или нравственнымъ достоинствомъ; превосходство другихъ словно ихъ давитъ. А Иванъ Васильевичъ былъ страшно самолюбивъ. Новые совѣтники его вовсе не походили на прежнихъ. Это были люди своекорыстные, думавшіе только о себѣ, ничтожные по уму, мелкіе по чувствамъ, низкіе льстецы. Уважать подобныхъ людей царь не могъ, быть можетъ, въ душѣ даже презиралъ ихъ; но они сдѣлались необходимы для него: они умѣли ловко потакать страстямъ и склонностямъ его, умѣли пріятно щекотать его самолюбіе и успокаивать тревоги его совѣсти.

Прихотливый, непостоянный нравъ Ивана требовалъ перемѣны ощущеній, разгула, удалыхъ потѣхъ... При жизни жены и при Сильвестрѣ, который, надо полагать, и въ царскомъ домѣ старался водворить „праведную“ и „порядливую“ жизнь по правиламъ „Домостроя“, не было простору царю; теперь же нравъ его развернулся во всей своей силѣ... Въ разгулѣ и попойкахъ онъ хотѣлъ забыть и утрату любимой жены, и „унизительный плѣнъ у лихихъ чародѣевниковъ — Сильвестра и Адашева“, какъ старались увѣрить царя новые его совѣтники.

„Начинаются, говоритъ Курбскій, частые пиры и попойки, чаши великія наполняются „зѣло пьянымъ“ питьемъ. Первую чашу пьютъ за здравіе царя, потомъ за здравіе всѣхъ пирующихъ съ нимъ, и пока не упьются до-пьяна или до неистовства, до тѣхъ поръ приносятъ все новыя и новыя чаши. А кто не хочетъ больше пить, тѣхъ всячески принуждаютъ, смѣются надъ ними, издѣваются, на голову выливаютъ имъ вино или кричатъ:

— „Вотъ, государь, такой-то (называютъ имя) не хочетъ веселиться на твоемъ пиру, тебя и насъ осуждаетъ, смѣется надъ нами, какъ надъ пьяницами! Это твои недоброхоты, государь: они несогласны съ тобой, не слушаютъ тебя! Сильвестровъ и Алексѣевъ духъ еще не вышелъ изъ нихъ!“

Такимъ образомъ на этихъ попойкахъ отставать отъ другихъ въ питьѣ и веселѣ становилось не только неудобно, но даже и опасно.

Новые любимцы царя выдумывали ежедневно разныя потѣхи и игрища, чтобы веселить его. Шумные пиры, попойки, скоморошество, разгулъ, вотъ что занимало теперь его. Лучшіе люди, конечно, скорбѣли, глядя на все это, жалѣли о прежнихъ царскихъ совѣтникахъ. Эти люди съ печальными лицами, съ горькимъ упрекомъ во взорахъ, конечно, становились ненавистны и царскимъ любимцамъ, и самому царю...

— „Вотъ твои недоброхоты, шептали ему наушники, указывая на этихъ людей,—они распускаютъ вредные для тебя слухи, сѣютъ вражду къ тебѣ".

Злоба въ сердцѣ царя росла съ каждымъ днемъ: онъ не хотѣлъ и мысли допустить, чтобы кто либо, кромѣ его самого, осмѣливался бы осуждать его поступки... Наконецъ, начались опалы и казни. Прежде всего пострадали люди, близкіе къ Адашеву: ихъ лишали имѣній, ссылали по отдаленнымъ мѣстамъ. Даніилъ Адашевъ (братъ Алексѣя), обвиненный въ томъ, что будто бы думалъ чарами извести царя, былъ казненъ съ двѣнадцатилѣтнимъ сыномъ своимъ. Казнено было и еще нѣсколько родичей Адашева.

Князь Дмитрій Овчининъ-Оболенскій оскорбилъ царскаго любимца Ѳедора Басманова, тотъ пожаловался царю. По царскому приказу князь былъ позванъ на обѣдъ. Царь ласково угощалъ его за столомъ, велѣлъ налить ему большую чашу меду. Овчининъ, уже пьяный, не могъ допить чашу.

— „Такъ ли ты мнѣ, государю своему, добра желаешь?—сказалъ тогда царь.—Если ты не захотѣлъ здѣсь выпить за здоровье мое, то иди въ мой погребъ; тамъ всякіе есть напитки, тамъ и выпьешь за мое здоровье!"

Пьяный бояринъ, думая, что царь любезно съ нимъ шутитъ, пошелъ въ сопровожденіи царскихъ людей въ погребъ. Тамъ, говорятъ, его по приказанію царя и задавили.

Въ эту же пору пострадалъ и другой знатный бояринъ—князь Михаилъ Рѣпнинъ. Довелось ему быть на царскомъ пирѣ. Вино лилось рѣкой... Поднялось шумное веселіе. Опьянѣвшіе гости, а съ ними и царь, стали плясать вмѣстѣ со скоморохами, надѣвъ личины (маски).

Не вынесъ этого зрѣлища благочестивый и знатный бояринъ, и заплакалъ.

— „Не достойно тебѣ, о царь христіанскій,—сказалъ онъ творить подобное!"

Царь же сталъ нудить и Рѣпнина принять участіе въ общемъ весельѣ.

— „Веселись и играй съ нами!"—сказалъ ему царь, и сталъ надѣвать на него маску.

— „Не будетъ того, чтобъ я, думный бояринъ, сотворилъ такое безуміе и безчинство", съ негодованіемъ воскликнулъ Рѣпнинъ, бросилъ маску на полъ и потопталъ ее.

Въ ярости царь прогналъ его отъ себя, а чрезъ нѣсколько дней Рѣпнинъ, по его приказу, былъ убитъ, какъ говоритъ Курбскій, въ церкви, такъ что кровь его обагрила церковный помостъ.

Одинъ за другимъ лучшіе бояре подвергались опаламъ и казнямъ: князя Курлятева, друга Адашева, сначала насильно постригли въ монахи со всѣмъ семействомъ, а потомъ убили; князя Михаила Воротынскаго съ женой и дѣтьми сослали на Бѣлоозеро; пострадали и бояре Шереметевы и др.

Москва оцѣпенѣла въ ужасѣ... Кровь лилась; темницы наполнялись заключенными, монастыри—ссыльными. Каждому боярину, недовольному новыми порядками, приходилось трепетать за свою жизнь. Съ каждой новой жертвой царскаго гнѣва росло число недовольныхъ. Хотя казнь и ссылка обыкновенно постигали не только лицъ, навлекшихъ на себя подозрѣніе или гнѣвъ царя, но [illegible] все таки оставались же въ Москвѣ люди, близкіе къ постра-

давшимъ или знакомые; да и совершенно посторонніе люди не могли не возмущаться несправедливостью и жестокостью, которыя при новыхъ совѣтникахъ царя стали господствовать... Только наушникамъ и доносчикамъ, готовымъ ради своей выгоды, лгать и клеветать на кого угодно, жилось въ эту пору хорошо. Печальный видъ какого-либо боярина, смѣлое и правдивое слово, укоръ кому либо изъ новыхъ царскихъ любимцевъ,—все это давало поводъ къ доносамъ и навѣтамъ, все это доводилось до-вѣдома подозрительнаго царя и вело къ опаламъ и казнямъ.

Злоба въ душѣ царя росла; ненависть къ боярамъ, таившаяся въ его сердцѣ еще съ дѣтства, разгоралась все сильнѣе и сильнѣе. Ему казалось, что кругомъ него страшная крамола и измѣна; постоянные навѣты и доносы еще больше поддерживали эту мысль. То страхъ, то злоба овладѣвали сердцемъ царя. Умъ его туманился: онъ свирѣпѣлъ все больше и больше. Въ это время шла у него борьба съ Литвою, и мысль, что бояре могутъ измѣнить ему, передаться на сторону враговъ, волновала его. Онъ бралъ съ бояръ „поручныя записи“,— обязательства служить вѣрно и ему, и его дѣтямъ, не искать другого государя, не отъѣзжать въ Литву и иныя государства. Мало того, что сами бояре давали клятвенныя обѣщанія не измѣнять, царь заставлялъ и другихъ за нихъ ручаться съ обязательствомъ уплатить въ казну большія деньги въ случаѣ ихъ измѣны. Случаи измѣны и ухода бояръ въ Литву уже сказывались... Князь Вишневецкій, старшина днѣпровскихъ казаковъ, явился было на службу въ Москву, чтобы громить Крымъ, но увидѣлъ, что это дѣло не сладится, и ушелъ на службу къ Литовскому князю.

Иванъ Васильевичъ досадовалъ, но не хотѣлъ показать этого и велѣлъ гонцу говорить въ Литвѣ, если его спросятъ о Вишневецкомъ: „Притекъ онъ къ нашему государю, какъ собака, и утекъ, какъ собака, и государю нашему, и землѣ нашей отъ этого нѣтъ никакого убытка“. Въ это же время бѣжали въ Литву бояре Черкасскіе.

Но ни одна измѣна не поразила такъ сильно Ивана Васильевича, какъ измѣна Курбскаго.

Измѣна Курбскаго и переписка его съ царемъ.

Князь Андрей Михайловичъ Курбскій особенно прославился при взятіи Казани. Еще раньше онъ выказалъ свою отвагу, отражая татаръ отъ русской южной украины; не смотря на раны, онъ неутомимо бился подъ Казанью и не мало помогъ взятію ея и истребленію татарскаго войска. Царь высоко цѣнилъ воинскую доблесть Курбскаго. Когда въ Ливонской войнѣ дѣла русскихъ приняли было худой оборотъ и русскія войска пріуныли, царь призвалъ его и сказалъ:

— „Принужденъ я или самъ идти супротивъ Лифлянтовъ, или тебя, любимаго моего, послать, „да охрабрится“ снова мое войско. Иди и съ Божіей помощью послужи мнѣ вѣрно“.

Не напрасно царь надѣялся на мужество и военное искусство Курбскаго: онъ въ два мѣсяца одержалъ восемь побѣдъ надъ рыцарями и разгромилъ Ливонію. До 1563 года онъ безупречно и доблестно служилъ царю и отечеству,

но въ этотъ годъ ему измѣнилось. Въ одномъ случаѣ царскому любимцу не посчастливилось: онъ проигралъ битву, хотя у него было гораздо больше войска, чѣмъ у непріятеля. Неудача эта разсердила царя, и онъ обмолвился гнѣвнымъ словомъ... Друзья Курбскаго извѣстили его объ этомъ. Зналъ онъ и раньше о перемѣнѣ въ царѣ, о лютыхъ казняхъ, о ненависти царя къ боярамъ и глубокой скорбѣлъ. Одинъ за другимъ гибли въ Москвѣ отъ царскаго гнѣва люди, близкіе Курбскому, бояре именитые, оказавшіе большія услуги царю: и вотъ—очередь за нимъ... Ему ли не грѣшать пятому году жизни, полному жизни и надежд, уже знаменитому побѣдами, образованнѣйшему изъ русскихъ бояръ, погибнуть безславной смертью на плахѣ! Ему ли, потомку Владиміра Мономаха, не вѣдающему за собой никакого преступленія пострадать отъ гнѣва царя, окруженнаго презрѣнными наушниками, готовыми чернить всѣхъ честныхъ людей! Подобные вопросы легко могли явиться у Курбскаго. Могло припомниться ему и старое право не только именитыхъ князей, но даже и простыхъ дружинниковъ переходить по своему желанію на службу отъ одного русскаго князя къ другому. А польскій король, онъ же и великій князь литовскій и русскій (по юго-западнымъ русскимъ областямъ), уже разсылалъ московскимъ боярамъ зазывные листы, обѣщая имъ королевскую ласку и привольное житье въ своемъ государствѣ. Нѣкоторые уже и перешли на службу въ Литву.

Мысль о позорной казни послѣ стольких заслугъ возмущала Курбскаго, а жить, видно, ему еще очень хотѣлось.

— „Чего хочешь ты, спросилъ онъ свою жену, мертвымъ ли видѣть меня предъ собой, или съ живымъ на вѣки разстаться"?

— „Не только видѣть тебя мертвымъ, но и слушать о смерти твоей не желаю"! отвѣтила жена.

Обливаясь горькими слезами, простился Курбскій съ женою и сыномъ. Тайкомъ, ночью перелѣзъ онъ черезъ городскую стѣну (города Дерпта, гдѣ онъ былъ въ то время воеводою). Здѣсь въ полѣ ждалъ его вѣрный слуга Василій Шибановъ съ конями, и Курбскій, вдвоемъ со своимъ холопомъ, ускакалъ въ городъ Вольмаръ, занятый въ то время литовцами. Сильно обрадовались враги Москвы измѣнѣ знаменитаго русскаго воеводы.

Но едва ли радовался онъ самъ... Бѣжалъ онъ отъ позорной смерти, но позоръ измѣны слѣдовалъ за нимъ по пятамъ! Стыдъ, горе и ненависть къ тому, кто побудилъ его опозорить себя измѣною, давили его. Страстно захотѣлось ему излить свои чувства, сказать царю ту горькую правду, которой никто не осмѣлился бы сказать ему въ лицо, сорвать свое сердце...

И вотъ Курбскій пишетъ письмо къ Ивану Васильевичу, полное горькихъ укоровъ. Вѣрный холопъ Курбскаго, Василій Шибановъ, готовый служить даже прихотямъ своего любимаго господина, повезъ письмо въ Москву подалъ его на Красномъ крыльцѣ самому царю и сказалъ:

— „Отъ господина моего, твоего изгнанника, князя Курбскаго!"

Царь въ припадкѣ страшнаго гнѣва, по словамъ преданія, ударилъ своимъ остроконечнымъ посохомъ въ ногу Шибанова и пробилъ ее. Кровь заструилась изъ раны у него, но онъ даже не измѣнился въ лицѣ и стоялъ недвижно, а царь налегъ на свой посохъ и приказалъ читать письмо...

Посланіе Курбскаго.

„Царю, отъ Бога препрославленному, пресвѣтлому прежде въ православіи, а теперь за наши грѣхи ставшему противникомъ этому. Да разумѣетъ разумѣющій,—да разумѣетъ тотъ, у кого совѣсть прокаженная, какой даже не найти и среди безбожныхъ народовъ!

Такъ начинается письмо Курбскаго.

— „За что, о царь,—спрашивалъ онъ далѣе,—сильныхъ во Израили ты побилъ и воеводъ, данныхъ тебѣ Богомъ, разнымъ казнямъ предалъ и побѣдоносную и святую кровь ихъ пролилъ, мученическою ихъ кровью церковные пороги обагрилъ?“

„За что на доброхотовъ твоихъ, душу свою за тебя полагающихъ, умыслилъ ты неслыханныя мученія и гоненія, ложно обвиняя ихъ въ измѣнахъ и чародѣйствахъ?.. Чѣмъ провинились они предъ тобою, о царь? Чѣмъ прогнѣвали тебя? Не они ли прегордыя царства разорили и своимъ мужествомъ и храбростью покорили тебѣ тѣхъ, у которыхъ прежде наши предки были въ рабствѣ? Не ихъ ли разумомъ достались тебѣ претвердые города германскіе (ливонскіе)? Это ли намъ бѣднымъ воздаяніе твое, что ты губишь насъ цѣлыми ро́дами? Ужь не безсмертнымъ ли себя, царь, считаешь? Ужь не прельщенъ ли ты небывалой ересью, не думаешь ли, что тебѣ не придется и предстать предъ неподкупнымъ Судіею, Іисусомъ Христомъ?.. Онъ, Христосъ мой, сидящій на престолѣ херувимскомъ, будетъ Судіею между тобою и мною!

„Какого только зла я не потерпѣлъ?!. За благія дѣла мои ты воздалъ мнѣ зломъ, за любовь мою—ненавистью! Кровь моя, какъ вода, пролитая за тебя, вопіетъ на тебя къ Господу моему! Богъ свидѣтель, прилежно я размышлялъ, искалъ въ умѣ своемъ и не нашелъ своей вины и не знаю, чѣмъ согрѣшилъ я предъ тобою. Ходилъ я предъ войскомъ твоимъ и не причинилъ тебѣ никакого безчестія, только славныя побѣды, съ помощью ангела Господня, одерживалъ во славу тебѣ.... И такъ не одинъ годъ и не два, но много лѣтъ трудился я въ потѣ лица, съ терпѣніемъ трудился вдали отъ отечества, мало видѣлъ и моихъ родителей, и жену мою. Въ далекихъ городахъ противъ враговъ моихъ боролся, многія нужды терпѣлъ и болѣзни... Много разъ былъ раненъ въ битвахъ, и тѣло мое уже все сокрушено язвами. Но для тебя, царь, все это ничего не значитъ, и ты „нестерпимую ярость и горчайшую ненависть, паче разженыя печи, являешь къ намъ“.

„Хотѣлъ было я разсказать по порядку всѣ мои ратныя дѣла, которыя совершалъ на славу твою, съ помощью Христа; но не разсказалъ потому что Богъ лучше знаетъ, нежели человѣкъ. Богъ за все мздовоздатель... Да будетъ вѣдомо тебѣ, царю,—уже не увидишь ты въ этомъ мірѣ лица моего. Но не думай, что я буду молчать! до смерти моей буду непрестанно вопіять со слезами на тебя безначальной Троицѣ... Не думай, царь, что избіенные тобой неповинно, заточенные и изгнанные безъ правды, уже погибли окончательно, не хвались этимъ какъ побѣдой. Избіенные тобой у престола Господня стоятъ, отмщенія на тебя просятъ; заключенные же и изгнанные тобой безъ правды на землѣ вопіютъ на тебя къ Богу и день, и ночь!..

*

„Письмо это, говоритъ въ заключеніе Курбскій, слезами измоченное, умирая, иду къ Богу моему, Іисусу Христу, на судъ съ тобою, велю вложить [illegible]".

[illegible] должно было подѣйствовать на царя. Одинъ изъ [illegible] надежныхъ бояръ измѣняетъ ему, переходитъ [illegible] царя, говоритъ, что у него „прокаженная со-[illegible] конечно, разожгли еще пуще злобу [illegible] къ боярамъ. Кому же и вѣрить изъ [illegible] столько вражды?!..

[illegible] вывѣдать отъ него всѣ подроб-[illegible] и единомышленниковъ въ Мо-[illegible] въ мученіяхъ хвалилъ [illegible] вѣрность слуги своему [illegible]

[illegible] измѣнника, требо-[illegible] только одно—до-[illegible] въ огромномъ [illegible] горькой правды, [illegible] царя, когда онъ [illegible] какая бываетъ [illegible] доказаны, другія [illegible] и умъ его, [illegible] обязанности, [illegible]

[illegible] Богъ нашъ Троица, [illegible] иже начала [illegible] же царіе цар-[illegible] „Побѣ-[illegible] царю Констан-[illegible] царемъ и благочести-[illegible] обрѣтали... Искра [illegible] Божіимъ изволеніемъ [illegible] Владиміра, просвѣтившаго всю Русскую [illegible] великаго князя Владиміра Мономаха, который [illegible] прiялъ, и храбраго великаго госу-[illegible] Невскаго, побѣдившаго безбожныхъ нѣмцевъ, и достохваль-[illegible] Димитрія, который одержалъ за Дономъ великую побѣду [illegible] агарянами. [illegible] самодержавство до устителя неправдамъ, [illegible] государя Ивана, до блаженной памяти отца нашего, [illegible] царя Василія, старыхъ прародительскихъ земель обрѣтателя. [illegible] смиренныхъ скипетродержаніе Русскаго царствія. Мы же хва-

лимъ за премногую милость къ намъ Бога, не попустившаго доселѣ рукѣ нашей обагриться единоплеменной кровью, потому что мы ни у кого не отнимали царства, но Божіимъ изволеніемъ и прародителей, и родителей своихъ благословеніемъ какъ родились въ царскомъ достоинствѣ, такъ и выросли, и воцарились, свое взяли, не чужое отняли"...

Послѣ этихъ словъ, которыми Иванъ Васильевичъ, очевидно, хотѣлъ показать всю законность, всю силу и величіе своей власти, онъ обращается къ Курбскому.

„Нашъ христіанскій смиренный отвѣтъ бывшему прежде истиннаго христіанскаго самодержавства и нашего государства боярину и совѣтнику и воеводѣ, а нынѣ же клятвопреступнику и губителю христіанства, и врагамъ его служителю, князю Андрею Михайловичу Курбскому"...

„Зачѣмъ, князь, думая соблюсти благочестіе, ты душу свою отвергъ? Что дашь въ замѣнъ ея въ день страшнаго Суда? Если и весь міръ пріобрѣтешь, все же, наконецъ, смерть постигнетъ тебя! Зачѣмъ ради тѣла погубилъ ты душу свою? Убоялся ты смерти по ложному слову своихъ друзей, а всѣ они, какъ бѣсы, преступивши крестное цѣлованіе, всюду намъ сѣти разставляли, надзирая за нашими словами и движеніями, думая, что мы должны быть (безгрѣшны) какъ безплотные, и потому сплетали на насъ поношенія и укоризны... Отъ этихъ бѣсовскихъ слуховъ наполнились вы ярости на меня, какъ смертоноснаго змѣинаго яда, и душу свою погубили и на разореніе церкви стали... Или думаешь, окаянный, что убережешься отъ этого? Никакъ! Если придется тебѣ заодно съ ними (литовцами) воевать, то долженъ будешь ты и церкви (православныя) разорять, и иконы попирать, и христіанъ губить. Гдѣ руками своими не дерзнешь творить этого, то мыслью своею смертоносною (совѣтомъ) много злобы сотворишь. Подумай же, какъ, при вражескомъ нашествіи, конскими копытами будутъ растерзаны и растоптаны нѣжные члены младенцевъ... И вотъ твое „злобѣсное умышленіе" уподобится Иродову неистовству въ избіеніи младенцевъ"...

„Ты, ради тѣла, душу погубилъ... Разумѣй же, бѣднякъ, съ какой высоты и въ какую пропасть низвергся ты!... Это ли твое благочестіе, что погубилъ ты душу свою ради своего самолюбія? Разумные люди и тамъ (въ Литвѣ) поймутъ, что ты, желая славы мимолетной и богатства, это сдѣлалъ, а не отъ смерти бѣжалъ. Если ты праведенъ и благочестивъ, какъ говоришь, почему же убоялся неповинной смерти,—вѣдь это не смерть, а пріобрѣтеніе? Придется же во всякомъ случаѣ умереть! Презрѣлъ ты и слова апостола Павла: „Всякая душа владыкамъ властвующимъ да повинуется: нѣтъ такого владычества, которое не отъ Бога учинено,—и потому противящійся власти Божію повелѣнію противится". Смотри же и пойми: кто противится власти, тотъ Богу противится". А кто Богу противится, тотъ зовется отступникомъ, а это—горчайшее согрѣшеніе. Сказано это апостоломъ о всякой власти, которая даже добыта кровью и войною. Припомни же сказанное выше, что мы не насиліемъ пріобрѣли царство... Презрѣлъ ты также слова апостола Павла, сказанныя въ другомъ мѣстѣ: „Рабы, слушайтесь господъ своихъ, не только предъ очами ихъ повинуясь, какъ человѣкоугодники, но какъ Богу, и не только благимъ (господамъ), но

и строптивым, не только за гнѣвъ, но и за совѣсть". Это воля Божія, творя благое, пострадать!

„Почему же не захотѣлъ ты отъ меня, строптиваго владыки, страдать и вѣнецъ жизни (нетлѣнный мученическій вѣнецъ) наслѣдовать? Ради временной славы, сребролюбія и сладостей міра сего, ты все свое душевное благочестіе съ христіанскою вѣрою и закономъ попралъ!

„Какъ не устыдился ты раба своего Васьки Шибанова? Онъ благочестіе свое соблюлъ. Предъ царемъ и предъ народомъ, при смертныхъ вратахъ стоя, онъ не измѣнилъ крестному цѣлованію, но, восхваляя тебя, готовъ былъ всякую смерть принять за тебя... А ты изъ-за одного гнѣвнаго слова моего не только свою душу, но и души всѣхъ прародителей погубилъ, потому что Богъ дѣду нашему поручилъ ихъ въ работу; и они, давъ свои души (т. е. присягнувъ), до смерти своей служили, и вамъ, своимъ дѣтямъ, приказали служить дѣда нашего дѣтямъ и внучатамъ. И это все ты забылъ, „собацкимъ измѣннымъ обычаемъ" преступилъ крестное цѣлованіе, соединился съ врагами христіанъ, да къ тому же еще „скудоумными словами" нелѣпости говоришь противъ насъ, словно камни на небо бросая...

„Писаніе твое я хорошо уразумѣлъ (вразумлено внятельно)... Онокажется снаружи наполненнымъ меда и сота, но ядъ аспида ты скрылъ подъ устами своими... Отъ слѣпотствующей злобы твоей ты не можешь истины и видѣть... Развѣ это „совѣсть прокаженная"—свое царство держать въ своей рукѣ, и власти своимъ рабамъ не давать? „Развѣ тотъ „супротивникъ разуму", кто не хочетъ быть во власти своихъ рабовъ? И въ томъ ли „православіе пресвѣтлое", чтобы рабы владѣли и повелѣвали?

„Если и есть на мнѣ малое согрѣшеніе, то отъ вашего же соблазна и измѣны. Я человѣкъ: нѣтъ человѣка безъ грѣха, безгрѣшенъ только единъ Богъ. Я не считаю себя, какъ ты, выше человѣка, равнымъ ангеламъ. А о безбожныхъ государяхъ, что и говорить! Они своими царствами не владѣютъ: какъ велятъ имъ ихъ рабы, такъ они и властвуютъ; а россійскіе самодержцы изначала сами владѣютъ, а не бояре и вельможи. И ты этого не могъ въ своей злобѣ разсудить; по твоему благочестію самодержавству быть подъ владычествомъ попа и подъ вашей властью, а это по твоему разуму—нечестіе, что мы сами захотѣли имѣть власть, данную намъ отъ Бога, и не пожелали быть подъ властію попа...

„Потому ли я противникомъ вашимъ явился, что не далъ вамъ погубить себя?... А ты самъ поступилъ и противъ разума, и противъ клятвы изъ-за ложнаго страха смерти!... Чего самъ не творишь, то намъ совѣтуешь... Какъ начали вы поношенія и укоризны намъ, такъ и нынѣ не перестаете, звѣриной простью распалясь, совершаете вы свою измѣну. Эта ли ваша доброхотная, прямая служба поносить и укорять?!..

„Что же, собака, и пишешь, и соболѣзнуешь, совершивъ такую злобу?"

Затѣмъ въ письмѣ приводятся примѣры изъ священной исторіи и изъ исторіи Греціи, показывающіе, что подданнымъ слѣдуетъ покоряться власти, а властителямъ слѣдуетъ быть въ иныхъ случаяхъ и очень строгими, по словамъ апостола: „иныхъ милуйте, иныхъ же страхомъ спасайте". Злодѣевъ нельзя называть мучениками, не разбирая, за что кто пострадаетъ... „Злодѣевъ щадить

не слѣдуетъ... пишетъ царь,—Константинъ Великій убилъ сына своего для блага царства, князь Ѳедоръ Ростиславичъ, прародитель твой, много крови пролилъ въ Смоленскѣ на Пасху, а все же причтенъ къ лику святыхъ. Давидъ оказался угоднымъ Богу, хотя и приказалъ избить въ Іерусалимѣ своихъ враговъ и ненавистниковъ“...

„И во всякое время, говорится далѣе въ письмѣ —царямъ слѣдуетъ быть осмотрительными: иногда кротчайшими, иногда же ярыми; добрымъ людямъ оказывать милость и кротость, злымъ же ярость и мученіе. Не могущій такъ поступать не царь. Хочешь не бояться власти?—благотвори. Если же злое творишь,—бойся: не напрасно царь носитъ мечъ, а на месть злодѣямъ и въ защиту добродѣямъ“.

„Ты же уподобился Іудѣ предателю? Какъ онъ на Владыку всѣхъ „возбѣсился и на смерть предалъ Его, такъ и ты. пребывая съ нами и хлѣбъ нашъ вкушая собиралъ злобу на насъ въ своемъ сердцѣ?... Почему ты являешься учителемъ моимъ? Кто тебя поставилъ судьей или начальникомъ надъ нами?... Отъ кого ты посланъ проповѣдывать? Кто рукополагалъ тебя?..

„Нигдѣ ты не найдешь того, чтобы не разрушилось царство, обладаемое попами. Они въ Греціи царство погубили и туркамъ подчинились? Эту погибель и намъ совѣтуешь? Пусть она на твою голову падетъ.

„Развѣ это хорошо, попу и прегордымъ лукавымъ рабамъ владѣть, а царю только царскимъ почетомъ пользоваться, а властью быть ничѣмъ не лучше раба? Какъ же онъ и самодержцемъ будетъ называться, если не самъ все устрояетъ?“

Далѣе Иванъ Васильевичъ приводитъ примѣры изъ ветхозавѣтной исторіи для подтвержденія своихъ мнѣній.

„Когда Богъ избавилъ израильтянъ отъ рабства египетскаго, то вспомни, кого поставилъ властвовать, священника или многихъ правителей? Одного Моисея поставилъ властителемъ, а священствовать велѣлъ Аарону, а въ мірскія дѣла не вмѣшиваться. Когда же Ааронъ сталъ вмѣшиваться, тогда отпали люди даже отъ Бога... Когда Илій жрецъ взялъ на себя и священство, и царство, то и самъ, и сыновья его погибли злою смертью и весь Израиль побѣжденъ былъ до дней царя Давида“!

Затѣмъ въ письмѣ приводятся примѣры изъ исторіи Рима, Византіи. Италіи, въ доказательство того, что и могучія царства гибли отъ раздѣленія власти и подчиненія царей вельможамъ. Иное дѣло, говорится далѣе, душу свою спасать (быть инокомъ), иное—заботиться о душѣ и тѣлѣ многихъ? иное дѣло—святительская власть, иное—царское правленіе. Въ монашествѣ можно быть подобно агнцу смиренному, или птицѣ, которая не сѣетъ, не жнетъ и въ житницы не собираетъ; царское же правленіе требуетъ страха и запрещенія, и обузданія... Горе, говоритъ пророкъ, дому тому, которымъ многіе обладаютъ“. „Видишь, обращается Иванъ Васильевичъ къ Курбскому, что владѣніе многихъ подобно женскому безумію!“

Далѣе царь коритъ Курбскаго за то, что онъ называетъ измѣнниковъ доброхотными. „А что ты писалъ, „за что я сильныхъ во Израили побилъ и воеводъ, данныхъ намъ отъ Бога, погубилъ разными смертями“—такъ это ты писалъ ложно, лгалъ, какъ отецъ твой дьяволъ научилъ“...

„Кто сильнѣйшій во Израили, не знаю; земля правится Божіимъ милосердіемъ, Пречистой Богородицы милостію, всѣхъ святыхъ молитвами и родителей нашихъ благословеніемъ и, наконецъ нами, государями, а не судьями и воеводами. Если я и казнилъ разными смертями воеводъ своихъ, такъ ихъ у насъ множество и кромѣ васъ измѣнниковъ. Своихъ холоповъ вольны мы жаловать, вольны и казнить“... Въ иныхъ земляхъ самъ увидишь, сколько зла творится злымъ: тамъ не по здѣшнему! Это вы своимъ злобѣснымъ обычаемъ утвердили, чтобъ измѣнниковъ любить: въ иныхъ земляхъ ихъ казнятъ, тѣмъ и власть утверждается. А мукъ, гоненія и смертей различныхъ ни на кого я не умышлялъ, а что упомянулъ ты объ измѣнахъ и чародѣйствѣ, такъ собакъ такихъ всюду казнятъ!“..

Послѣ этого въ письмѣ подробно припоминаетъ Иванъ Васильевичъ о тѣхъ обидахъ, какія онъ терпѣлъ отъ бояръ въ дѣтствѣ, о тѣхъ смутахъ и беззаконіяхъ, какія творили они послѣ смерти матери его. Глубоко запали въ память Ивана Васильевича разные даже мелочные случаи, поразившіе его въ дѣтствѣ.

Припоминаетъ онъ о самоуправствѣ и насиліяхъ бояръ надъ близкими ему людьми; затѣмъ говоритъ: „насъ же съ единороднымъ братомъ, святопочившимъ Юріемъ, держали какъ постороннихъ и убогихъ дѣтей. Какихъ только лишеній не вынесъ я въ одеждѣ и пищѣ?!“

„Вспомню хоть это одно: играю я въ дѣтствѣ, а князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій сидитъ на лавкѣ, локтемъ опершись и положивъ ногу на постель нашего отца... Кто можетъ вынести такую гордыню? Трудно исчислить, сколько страданій вынесъ я въ дѣтствѣ! много разъ поздно ѣлъ не по своей винѣ... Что сказать о казнѣ (имуществѣ) родительской? Все лукаво расхитили, будто дѣтямъ боярскимъ на жалованье, и дѣда нашего безчисленную казну и отца себѣ захватили... Наковали себѣ сосудовъ золотыхъ и серебряныхъ и имена родителей своихъ на нихъ вырѣзали, будто это ихъ родительское добро... А о казнѣ дядей нашихъ что и говорить?—Все себѣ расхитили!..

Припомнивъ Московскій пожаръ и народный мятежъ, царь говоритъ о томъ, какъ „собака“ Алексѣй (Адашевъ) и попъ Сильвестръ, который „восхитился (увлекся) властью, какъ Илій жрецъ“, сблизились съ нимъ; какъ Сильвестръ съ Алексѣемъ сдружился и стали они между собою тайно отъ насъ, говоритъ царь, совѣтоваться о дѣлахъ, считая насъ неразумными... Припоминаетъ царь, какъ эти совѣтники на всѣ мѣста поставили своихъ угодниковъ. Все они по своему хотѣнію творили. Что бы мы ни посовѣтовали, хотя и благое?—все это имъ казалось непотребнымъ; они же хотя бы и что дурное совѣтовали,—все считалось благимъ... Даже въ домашней жизни, съ горечью прибавляетъ царь, все творилось по ихъ хотѣнію, я же былъ не въ своей волѣ, словно младенецъ! Развѣ это противно разуму, что я въ зрѣломъ возрастѣ не захотѣлъ быть младенцемъ?

Дальше царь въ своемъ письмѣ коритъ бояръ, что они не оберегали его, какъ слѣдуетъ, во время казанскаго похода, что во время его болѣзни не хотѣли по его требованію присягать его сыну, хотѣли воцарить Владиміра, питали вражду къ царицѣ Анастасіи. „Таково ихъ доброхотство къ намъ!“.. восклицаетъ царь.

„Ты ихъ, тлѣнныхъ людей, называешь предстателями у Бога... Ты еллинамъ (язычникамъ) уподобляешься, осмѣливаясь тлѣнныхъ людей называть предстателями... Мы же, христіане, знаемъ христіанскую Пречистую Владычицу Богородицу; затѣмъ предстатели — всѣ небесныя силы, архангелы и ангелы; затѣмъ молитвенники наши пророки, апостолы, святые мученики... Вотъ предстатели христіанскіе! И намъ царямъ, носящимъ порфиру, неприлично называться предстателями. Ты же не стыдишься тлѣнныхъ людей, притомъ измѣнниковъ, называть предстателями!.. А что писалъ ты, будто тѣ „предстатели прегордыя царства раззорили и проч.“, то это разумно сказать только о Казанскомъ царствѣ, а около Астрахани и близко вашей милости не было... Въ томъ ли состоитъ храбрость, чтобы службу считать опалою? Когда вы ходили въ походъ на Казань безъ понужденія, охотно? Вы всегда ходили, какъ на бѣдное хожденіе... Когда истощились запасы подъ Казанью, вы, постоявъ три дня, уже хотѣли вернуться, если бы я не удержалъ васъ... Если бы при взятіи города я не удержалъ васъ, сколько бы вы погубили православнаго воинства, начавши бой не во-время? А потомъ, когда милостію Божіею городъ былъ взятъ, вмѣсто того, чтобы порядокъ водворять, вы кинулись грабить! Это значитъ прегордыя царства раззорять, какъ ты безумно и надменно хвалишься!.. Затѣмъ царь коритъ бояръ за то, что и во время Ливонской войны они плохо дѣлали свое дѣло, какъ рабы, съ понужденіемъ, а не по собственной волѣ...

Исчисливъ всѣ недостатки бояръ, дѣйствительные и мнимые, Иванъ Васильевичъ говоритъ: „А за такія ваши заслуги, какъ сказано выше, вы достойны были многихъ опалъ и казней; но мы еще милостиво васъ наказывали...

Если бы я по твоему достоинству поступилъ,—ты къ нашему недругу не уѣхалъ бы!“..

„Кровь твоя, говоришь ты, пролитая иноплеменниками за насъ, вопіетъ на насъ къ Богу“. Это смѣха достойно! Не нами, а другими пролитая, на другихъ и вопіетъ. Если и пролилъ ты кровь въ борьбѣ съ супостатами, такъ сдѣлалъ ты это для отечества. Не сдѣлай ты этого, ты не былъ бы христіанинъ, а варваръ. Во сколько разъ больше наша кровь вопіетъ на васъ къ Богу, нами самими пролитая не ранами, не каплями, но многимъ потомъ и многимъ трудомъ, какимъ вы отягощали меня сверхъ силы! И отъ вашей злобы вмѣсто крови много слезъ нашихъ излилось, еще больше воздыханій и стенаній сердечныхъ; отъ того получилъ я и боль въ поясницѣ!“...

Затѣмъ царь презрительно отзывается о заслугахъ Курбскаго, коритъ его за неудачу подъ городомъ Невлемъ, и потомъ прибавляетъ: „Военныя твои дѣла намъ хорошо вѣдомы... Не считай меня неразумнымъ или младенцемъ по уму. Не думайте также меня „дѣтскими страшилами“ напугать, какъ прежде дѣлали съ попомъ Сильвестромъ и съ Алексѣемъ...

„Лица твоего, пишешь, уже не увидѣть намъ до дня страшнаго суда Божія... Да кто и захочетъ такое ефіопское лицо видѣть?!“...

„Убіенные, говоришь, предстоятъ у престола Божія, и это помышленіе твое суемудренно: по словамъ апостола: „Бога никто же нигдѣ же видѣ“. Вы, измѣнники, если и вопіете безъ правды, ничего не получите... Я же ничѣмъ

не хвалюсь въ гордости: дѣлаю свое царское дѣло и выше себя ничего не творю... Подвластнымъ людямъ благимъ воздаю благое, злымъ — злое... Не по желанію казню ихъ, а по нуждѣ...

„А что „свое писаніе съ собою въ гробъ хочешь положить", этимъ ты послѣднее свое христіанство отвергъ отъ себя! Господь велѣлъ не противиться злу, ты же даже обычное, что̀ и невѣжды понимаютъ, прощеніе предъ кончиною отвергъ, и потому ты не достоинъ и отпѣванія...

Эти выдержки изъ огромнаго посланія царя Ивана ясно показываютъ, что съ Курбскимъ онъ никакъ не могъ сойтись въ понятіяхъ. Онъ крѣпко держался той мысли, что для блага государства необходимо, чтобы государь былъ настоящій самодержецъ, не стѣснялся бы ничьими совѣтами, и чтобы бояре были только вѣрными слугами, исполнителями его воли, служили бы ему такъ же вѣрно, какъ, напр., Шибановъ—Курбскому. А Курскій, выставляя на видъ свое высокое происхожденіе отъ Св. Ѳедора Ростиславича, князя Смоленскаго и Ярославскаго, все хорошее въ началѣ царствованія Ивана Васильевича вмѣняетъ въ заслугу только боярамъ и стоитъ на томъ, что бояре должны быть совѣтниками и сотрудниками царя, а не слугами, безпрекословно исполняющими его волю. „Царь хотя и почтенъ царскимъ саномъ, говоритъ Курбскій въ своей исторіи, но можетъ и не получить отъ Бога нѣкоторыхъ дарованій, и потому долженъ искать добраго и полезнаго совѣта не только у совѣтниковъ своихъ (бояръ), но и у простыхъ людей, ибо даръ духа дается не по богатству внѣшнему и не по силѣ царства, но по правости душевной".

Укоры въ жестокости были нисколько не убѣдительны для царя. Казнить лиходѣевъ и измѣнниковъ онъ считалъ своимъ неотъемлемымъ правомъ. Убѣдить же царя въ невиновности казненныхъ бояръ Курбскій, конечно, менѣе всего былъ въ состояніи: напротивъ того, измѣна его самого и рѣзкое письмо еще больше утверждали царя въ той мысли, что на бояръ, даже и самыхъ близкихъ, полагаться ему нельзя. Въ немъ крѣпла все больше и больше мысль, что его личное благо и благо всей земли требуютъ, чтобы боярская крамола была истреблена съ корнемъ.

Посланіе царя полно вѣскихъ укоровъ, ѣдкихъ и злыхъ насмѣшекъ... Сильно задѣли они за живое Курбскаго. Да и могъ ли онъ успокоить свою совѣсть?! Его измѣна, отъ какихъ бы причинъ она ни вышла, все же оставалась измѣной; присяга была имъ нарушена; отъ родной земли онъ отрекся, перешелъ на сторону враговъ ея...

На длинное посланіе царя Курбскій отвѣтилъ короткимъ письмомъ, изъ котораго видно, какъ укоры царя и насмѣшки доняли его. Онъ называетъ царское письмо „широковѣщательнымъ и многошумящимъ", говоритъ, что оно полно „неукротимаго гнѣва и ядовитыхъ словъ"; что такъ писать не только великому царю, но и простому воину непристойно; что въ письмѣ царя „нахватано изъ священнаго писанія со многою яростью и лютостью не строками и стихами, какъ въ обычаѣ у людей ученыхъ, а цѣлыми книгами, посланіями, и тутъ же говорится и о постеляхъ, о тѣлогрѣяхъ и иныя бабьи басни". Такъ

писать, по словамъ Курбскаго, совсѣмъ непристойно въ страну, гдѣ есть люди ученые, искусные въ книжномъ дѣлѣ. Да и пристойно ли, говорится дальше въ письмѣ,—мнѣ, человѣку смирившемуся, оскорбленному, безъ правды, изгнанному, хотя бы и многогрѣшному, прежде суда Божія такъ грозить?.. И вмѣсто утѣшенія такъ кусательно грызть меня неповиннаго, бывшаго отъ юности твоимъ вѣрнымъ слугою! Не думаю, чтобы это было Богу угодно... И чего же ты отъ насъ еще хочешь? Не только своихъ единоплеменныхъ князей изъ потомства великаго Владиміра ты поморилъ и отнялъ отъ нихъ имущества движимыя и недвижимыя, чего не успѣлъ отнять твой дѣдъ и отецъ, но и послѣднія рубахи свои, могу сказать, по евангельскому слову, мы отдали твоему

Царь Іоаннъ Грозный.

прегордому и царскому величеству... Хотѣлъ было я на каждое твое слово возразить, о царь, и могъ бы это сдѣлать, но удержалъ руку мою съ тростію, возлагая все на Божій судъ,—разсудилъ лучше здѣсь молчать, а говорить тамъ, предъ престоломъ Христа, Господа моего, вмѣстѣ со всѣми избіенными и гонимыми тобой. Да притомъ непристойно людямъ рыцарскимъ (благороднымъ) браниться какъ рабамъ; очень стыдно и христіанамъ извергать изъ устъ слова нечистыя и кусательныя!“...

Но на этомъ переписка царя съ Курбскимъ еще не кончилась. Нѣсколько лѣтъ спустя они снова обмѣнялись письмами, о которыхъ будетъ сказано ниже.

Александровская слобода и опричники.

Большое зло своему отечеству, и особенно боярамъ, причинилъ Курбскій своей измѣной и письмами. Въ лицѣ его словно все русское боярство кидало царю дерзкій вызовъ. По словамъ Курбскаго, одного изъ самыхъ видныхъ бояръ и по сану, и по уму, и по царской милости, выходило, что все хорошее творилось и творится боярами и царскими совѣтниками, а царь безъ бояръ—ничто! И это пришлось выслушать царю, мечтавшему быть настоящимъ властелиномъ, самодержцемъ, отъ бывшаго своего любимца, отъ боярина, которому онъ довѣрялъ вполнѣ. Самолюбіе Ивана Васильевича было страшно оскорблено. Это ясно видно изъ его отвѣтнаго письма: онъ въ свою очередь считаетъ заслуги бояръ ничтожными, указываетъ подробно на ихъ измѣны, и у него вырываются такія зловѣщія слова: „Вы (бояре) достойны были многихъ опалъ и казней; но мы еще милостиво васъ наказываемъ!.. Если бы я по твоему достоинству, обращается царь къ Курбскому, поступилъ съ тобой, ты къ нашему недругу не уѣхалъ бы“!

Письмо Курбскаго, страшно раздражило царя, вызвало у него новый сильный порывъ злобы. Мысль, что бояре,—злѣйшіе враги его и лиходѣи, ищутъ его гибели, давила его. Онъ зналъ, что между боярами есть доброхоты Курбскаго; но какъ найти ихъ? какъ уберечься отъ нихъ? Чувство страха за свою жизнь охватило его...

Рано утромъ, 3 декабря 1564 года, Москва была сильно встревожена. На Кремлевской площади появилось множество саней. Изъ царскаго дворца выносили и укладывали на нихъ царское имущество: иконы, кресты, драгоцѣнные сосуды, золото, серебро, одежды и пр. Уже раньше носились слухи, что царь куда-то намѣренъ ѣхать; но эти сборы ясно показывали, что онъ думаетъ не о временной поѣздкѣ, а перебирается со всѣмъ своимъ имуществомъ, — куда же именно и надолго ли—этого никто не зналъ. Въ Успенскомъ соборѣ шла торжественная служба. Обѣдню служилъ по приказу царя самъ митрополитъ. Въ церкви ждали государя духовенство, бояре и сановники. Царь пришелъ; долго и усердно молился, принялъ благословеніе отъ митрополита, милостиво простился съ бывшими въ церкви, далъ свою руку цѣловать боярамъ, сановникамъ и купцамъ. Затѣмъ онъ сѣлъ въ сани съ царицей (второй супругой своей, Маріей Темрюковною) съ дѣтьми и нѣсколькими своими новыми любимцами и уѣхалъ изъ Москвы въ село Коломенское, гдѣ пробылъ двѣ недѣли, переждалъ распутицу и поѣхалъ дальше; наконецъ, остановился въ Александровской слободѣ (теперь городъ Александровъ, Владимірской губ.).

Митрополитъ, бояре и народъ въ Москвѣ,—всѣ были въ большой тревогѣ... Никто не зналъ, что значитъ этотъ внезапный отъѣздъ государя. Прежде, когда онъ уѣзжалъ изъ столицы, всѣмъ было извѣстно, куда и на какой срокъ онъ ѣхалъ и кому чѣмъ распоряжаться во время его отсутствія. Теперь же все оставалось въ полной неизвѣстности. Таинственный отъѣздъ царя изъ Москвы не предвѣщалъ ничего добраго. Это чувствовалось всѣми.

Наконецъ, послѣ долгаго томительнаго ожиданія, были присланы въ Москву

3-го января, двѣ грамоты отъ царя: одна—митрополиту, другая—купцамъ и всему московскому народу.

Митрополиту царь объявлялъ свой гнѣвъ на все духовенство, бояръ, служилыхъ и приказныхъ людей; припоминалъ, сколько зла причинили бояре государству въ его малолѣтство, обвинялъ ихъ за то, что они не заботятся ни о государѣ, ни о государствѣ, убѣгаютъ отъ службы, тѣснятъ народъ; сильно сѣтовалъ царь и на то, что духовныя лица, архіепископы и епископы, заступаются за виновныхъ, мѣшаютъ ему казнить ихъ, и потому, говорилось въ грамотѣ, „Царь и Государь и Великій князь отъ великой жалости сердца, не желая ихъ многихъ измѣнныхъ дѣлъ терпѣть, покинулъ свое государство и поѣхалъ, чтобы поселиться тамъ, гдѣ ему, государю, Богъ укажетъ".

Въ другой грамотѣ, которая была громогласно прочтена народу, царь успокаивалъ московскихъ людей, купцовъ и простолюдиновъ, чтобы они ничего не опасались; что онъ къ нимъ милостивъ и на нихъ нѣтъ у него ни гнѣва, ни опалы.

Все въ Москвѣ пришло въ ужасъ и смятеніе. Въ это время шла война съ Литвой, крымскіе татары грозили съ юга, и въ такую-то трудную пору являлось въ государствѣ полное безначаліе!

— „Государь насъ покинулъ, мы погибаемъ, кричалъ народъ,—кто спасетъ насъ теперь отъ нашествія враговъ? мы останемся, какъ овцы безъ пастыря"!

Духовныя лица, бояре, приказные люди,—всѣ стали упрашивать, умолять митрополита, чтобы онъ умилостивилъ, упросилъ государя не покидать царства.

— „Пусть государь не оставляетъ государства; пусть казнитъ своихъ лиходѣевъ. Въ животѣ и смерти воленъ Богъ и государь"! слышалось со всѣхъ сторонъ.

— „Мы всѣ своими головами,—прибавляли бояре и служилые люди,—идемъ за тобою, святителемъ, бить челомъ государю и плакаться".

— „Пусть царь только укажетъ намъ своихъ лиходѣевъ и измѣнниковъ, мы сами ихъ истребимъ"! кричали купцы и народъ.

Митрополитъ немедленно хотѣлъ было ѣхать къ царю, но на общемъ совѣтѣ порѣшили, чтобы онъ остался блюсти столицу: здѣсь уже начинались безпорядки отъ безначалія. Духовенство и бояре отправились въ Александровскую слободу бить челомъ царю, умолять его отъ всей Москвы вернуться на царство. Царь принялъ посланныхъ и выслушалъ ихъ. Они, восхваляя его всячески, умоляли ради святыхъ иконъ и христіанской вѣры, которыя могутъ быть поруганы врагами-еретиками, взять снова власть въ свои руки.

— „А если тебя, государь, смущаетъ измѣна и пороки въ нашей землѣ, прибавили они, то да будетъ воля твоя—казнить и миловать виновныхъ и исправлять все мудрыми твоими законами"!

Въ отвѣтъ имъ царь исчислилъ снова въ длинной рѣчи неправды, крамолы и измѣны бояръ, но, ради мольбы архіепископовъ и епископовъ, соглашался опять взять свои государства, но на особыхъ условіяхъ, о которыхъ обѣщалъ ихъ извѣстить. Казалось, сердце грознаго владыки смягчилось смиреніемъ и мольбою подвластныхъ. Онъ удержалъ нѣкоторыхъ бояръ при себѣ, другихъ сановниковъ и должностныхъ лицъ отпустилъ въ Москву, чтобы тамъ до его пріѣзда дѣла шли своимъ чередомъ.

Почти мѣсяцъ опять прошелъ въ томительномъ ожиданіи. Наконецъ, 2-го февраля царь торжественно въѣхалъ въ Москву. На другой день созваны были духовенство, бояре и знатнѣйшіе сановники.

Наружность царя поразила всѣхъ: его трудно было узнать,—такъ измѣнился онъ за послѣднее время. Высокій ростомъ, стройный, широкоплечій, онъ раньше имѣлъ величественную и красивую осанку. Сѣрые, хотя небольшіе, но живые и проницательные, глаза его были полны огня; носъ у него былъ римскій (съ горбиной), прекрасные волосы, длинные усы и густая окладистая борода,—все это дѣлало его наружность довольно красивою. Но теперь онъ страшно похудѣлъ и опустился; черты лица его исказились свирѣпостью; глаза его, казалось, погасли, тревога и злоба видѣлась во взорахъ его; волосы на головѣ и бородѣ почти всѣ выпали. Видно, страшную душевную тревогу пережилъ онъ за послѣднее время. Въ опасную игру онъ игралъ! А что, если бояре и сами управятся въ Москвѣ? А что если народъ не станетъ за меня, и никто не явится просить меня вернуться на царство? Эти страшные вопросы должны были сильно волновать крайне мнительнаго и властолюбиваго царя, страхъ, и злоба, два самыя ѣдкія, гибельныя для здоровья чувства, попеременно обуревали его душу... Но страшная игра выиграна! Царь торжествовалъ. Духовенство, народъ и бояре, эти исконные, заклятые его враги, признали, что безъ него все царство погибнетъ; что безъ него всѣ они словно стадо безъ пастуха. Все преклонилось предъ нимъ, своимъ всесильнымъ владыкой, который воленъ въ жизни и смерти своихъ подданныхъ. Самолюбіе его, слишкомъ чуткое, раздраженное письмомъ Курбскаго, должно было успокоиться. Теперь онъ во всеоружіи своей власти могъ расправиться со своими внутренними врагами...

Предъ собраніемъ духовныхъ лицъ и важнѣйшихъ сановниковъ онъ много разсуждалъ о значеніи верховной власти для государства, о неизбѣжности для блага его строгихъ, рѣшительныхъ мѣръ; затѣмъ заявилъ о необходимости для себя особаго отряда тѣлохранителей,—опричниковъ. Все государство, по мысли царя, дѣлилось на двѣ части: опричину и земщину, Многіе города, волости и часть Москвы отходили подъ непосредственное вѣдѣніе самого государя, въ опричину; на доходы съ этихъ городовъ долженъ былъ содержаться царскій дворъ и опричники; а всѣ остальные города и земли составляли земщину. Всякія земскія дѣла и все управленіе государствомъ царь приказалъ вѣдать старѣйшимъ боярамъ, которые назывались земскими; только въ случаѣ военныхъ извѣстій и важныхъ дѣлъ внутреннихъ должны были они являться къ государю. Самъ же онъ хотѣлъ всецѣло заняться искорененіемъ крамолы и измѣны въ землѣ своей.— Въ Москвѣ онъ приказалъ строить себѣ новый дворецъ за Неглинною (между Арбатомъ и Никитской улицей) и оградить его высокой стѣною, словно крѣпость.

Окруживъ себя сильной и вѣрной стражей, царь принялся за искорененіе крамолы. И снова полилась боярская кровь...

Начались казни мнимыхъ соумышленниковъ Курбскаго, которые будто бы съ нимъ заодно замышляли погубить царя, покойную супругу его и дѣтей. На этотъ разъ первою жертвою былъ знаменитый участникъ казанскаго похода, князь Александръ Борисовичъ Горбатый Шуйскій. Царь приказалъ казнить съ нимъ и его сына, еще семнадцатилѣтняго юношу. Твердо и спокойно, держась за руки,

шли они на казнь. Сынъ, не желая видѣть смерти своего отца, склонилъ было первый голову на плаху; но отецъ отвелъ его и сказалъ:

— „О единородный сынъ мой, да не узрятъ очи мои отсѣченія твоей головы“!

Казнь совершилась прежде надъ отцомъ. Тогда юноша поднялъ отрубленную голову своего отца и громко молился, благодаря Бога за то, что онъ сподобился умереть съ отцомъ неповинно. Затѣмъ онъ приложился къ головѣ отца и склонилъ свою на плаху. Такъ разсказываетъ Курбскій въ своей исторіи объ этой казни.

Еще нѣсколько бояръ было казнено въ тотъ же день; двухъ бояръ, по приказу царя, постригли въ монахи. У многихъ дворянъ и боярскихъ дѣтей отняты были имѣнія, другихъ сослали изъ Москвы. За вѣрность нѣкоторыхъ, не подвергшихся никакой опалѣ, но казавшихся почему либо сомнительными царю, должны были ручаться ихъ родичи и друзья, обязываясь въ случаѣ измѣны вносить за нихъ огромныя деньги.

Послѣ этой расправы царь принялся устраивать свою дружину. Ему помогали въ этомъ дѣлѣ новые ближайшіе его совѣтники: Алексѣй Басмановъ, Малюта Скуратовъ, князь Афанасій Вяземскій и другіе любимцы. Къ нимъ приводили сильныхъ молодыхъ людей незнатнаго происхожденія, изъ служилаго сословія. Царь главнымъ образомъ развѣдывалъ, кто они и съ кѣмъ въ родствѣ. Въ дружину вербовались юноши безродные, не имѣвшіе никакихъ связей съ именитыми боярами, притомъ удалые, готовые на все. Они должны были давать присягу служить одному только царю вѣрою и правдою, доносить на измѣнниковъ, не водить дружбы съ земскими людьми, не знать даже ни отца, ни матери, вѣдать только одного царя. За это государь надѣлялъ ихъ щедро помѣстьями и имуществомъ, такъ что они изъ безродныхъ бѣдняковъ обращались въ зажиточныхъ помѣщиковъ. Земли и имущества давались опричникамъ въ тѣхъ городахъ и волостяхъ, которые по распоряженію царя отходили въ опричину. Прежніе же помѣщики и владѣльцы (числомъ до 12,000) должны были выселиться отсюда въ помѣстья, отведенныя имъ, въ земскихъ волостяхъ.

Навербовалъ себѣ царь въ свое опричное войско сначала 1,000 молодыхъ людей, но скоро это число возросло до 6,000 человѣкъ. Верхомъ на лихихъ, борзыхъ коняхъ, эти молодые удальцы въ блестящемъ вооруженіи казались очень красивы; но скоро они стали всѣмъ земскимъ людямъ и страшны, и ненавистны! Ужасную службу должны были они служить царю. По приказу его, они привязывали къ сѣдламъ собачьи головы и метлы: это было знакомъ того, что они должны, какъ псы, грызть царскихъ лиходѣевъ и выметать крамолу изъ русской земли...

И для царя, и для царства дѣло необходимое искоренять всякое зло, находить лиходѣевъ и отнимать у нихъ всякую возможность творить лихо, необходимо крамолу выметать изъ своей земли. Такъ, навѣрно, думалъ царь, вербуя себѣ опричниковъ, такъ, конечно думали и многіе новобранцы—опричники. Но бѣда въ томъ, что вся ихъ служба только въ томъ и была, чтобы находить крамольниковъ и измѣнниковъ: кто изъ опричниковъ ихъ не находилъ, тотъ, стало быть, плохо свое дѣло дѣлалъ; кто часто доносилъ, того хвалили за усердіе

и щедро награждали. Стали опричники усердствовать, чтобы не даромъ жалованіе отъ царя получать, не напрасно его милостью пользоваться, старались во что бы ни стало найти крамолу.—Чуть кто покажется имъ подозрительнымъ, на того и доносятъ. Многіе опричники корысти ради пускались и на обманы, облыгали нелюбимыхъ царемъ людей, винили ихъ въ небывалыхъ винахъ, придумывали сами улики; а царь вѣрилъ своимъ опричникамъ больше, чѣмъ кому либо,—по ихъ обвиненіямъ, безъ настоящаго суда, казнилъ обвиненныхъ да еще часть имущества казненныхъ давалъ въ награду доносчикамъ. Ложный доносъ и клевета такимъ образомъ оказывались не только дѣломъ безопаснымъ, но и очень выгоднымъ: оправдаться оклеветанному безъ праваго суда было очень трудно, а обвинителя царь хвалилъ за усердіе и награждалъ... Въ этомъ и было главное зло. Вотъ почему опричники, или кромѣшники (отъ словъ: опричь и кромѣ), какъ звали ихъ въ народѣ, стали скоро всѣмъ и страшны, и ненавистны.

Царь не остался въ Москвѣ, а водворился въ Александровской слободѣ. Тутъ были устроены большія царскія палаты. Онѣ были обведены рвомъ и валомъ, такъ что представляли настоящую крѣпость. Никто безъ вѣдома царя не смѣлъ ни въѣхать туда, ни выѣхать. Подлѣ царскаго двора была слобода, гдѣ на отдѣльныхъ улицахъ жили опричники, купцы и пр. Въ трехъ верстахъ отъ царскаго двора стояла воинская стража. Кругомъ слободы на большомъ пространствѣ тянулись дремучіе лѣса.

Царь, видимо, рѣшился въ конецъ сломить боярство. Дѣдъ и отецъ царя покончили съ удѣлами, собрали всю русскую землю подъ властію Москвы, но за то въ Москву собрались и потомки удѣльныхъ князей, стали боярами у московскихъ государей. Иванъ III и Василій III любили больше пользоваться услугами людей незнатныхъ, выслужившихся, дьяковъ, и хоть пріучили и знатныхъ бояръ княжеской крови преклоняться предъ собою, но не очень-то довѣрялись имъ и явно не долюбливали ихъ. За то въ малолѣтство царя Ивана именитые бояре подняли было голову, стали хозяйничать въ государствѣ, но хозяйничали на свою бѣду дурно, своекорыстно; народъ возненавидѣлъ боярское правленіе; завели бояре между собой, какъ ихъ предки удѣльные князья, споры и распри изъ-за власти, изъ-за мѣстъ. Царь приходилъ въ возрастъ, а бояре по прежнему своевольничали; хотѣли править его именемъ, тщеславились своимъ знатнымъ происхожденіемъ, своими заслугами, ни во что не ставили государя, да притомъ и ненадежны были, готовы были ему измѣнять ради своихъ выгодъ. Понималъ также царь, что ему, окруженному такими боярами, не утвердить такого самодержавства, какого ему хотѣлось. Онъ рѣшился сломить боярство. Къ этому побуждали его и личная ненависть, и политическій разсчетъ: онъ хотѣлъ довершить дѣло своихъ предковъ поднять власть государя на самую большую высоту, чтобы не напрасно говорилось въ народѣ: „единъ Богъ на небѣ, единъ царь на землѣ“. Не даромъ Иванъ Васильевичъ короновался царемъ; не даромъ любилъ онъ прописывать въ грамотахъ длиннѣйшій и пышный титулъ свой; не даромъ онъ старательно вычитывалъ изъ священныхъ книгъ и лѣтописей все, что касалось самодержавной власти, и даже производилъ свой родъ отъ римскаго императора Августа.

Непомѣрное властолюбіе, страхъ за свою жизнь и ненависть къ боярамъ,— вотъ что побудило царя завести опричнину, удалиться изъ Москвы, засѣсть въ укрѣпленномъ дворцѣ въ Александровской слободѣ съ надежными слугами, приняться за выполненіе страшнаго своего замысла—истребить не только крамолу, но и все, что могло хоть сколько нибудь мѣшать самодержавію,—особенно же знатныхъ бояръ, дерзавшихъ возноситься своимъ происхожденіемъ, искавшихъ власти...

Александровская слобода скоро обратилась какъ бы въ становище охотниковъ, откуда отряды ихъ время отъ времени выѣзжали на ловлю лиходѣевъ и измѣнниковъ. Сюда безпрестанно привозили добычу, и предъ глазами царя производились страшныя пытки. Въ ужасныхъ мукахъ иные изъ несчастныхъ винились въ небывалыхъ проступкахъ, взводимыхъ на нихъ опричниками, и тутъ же совершались надъ неповинными ни въ чемъ безпощадныя, мучительныя казни... Кровавыя зрѣлища пытокъ и казней губительно дѣйствуютъ и на мучителей: человѣческое чувство у нихъ тупѣетъ, они дичаютъ, кровь и мученія начинаютъ имъ даже нравиться... Жестокость и страсть къ кровавымъ зрѣлищамъ, очевидно, росли и въ царѣ, и въ приближенныхъ его; умъ его туманился; но совѣсть, видимо, по временамъ мучила его; онъ часто и долго молился, любилъ церковную службу.

Странная затѣя между прочимъ пришла ему въ голову: задумалъ онъ обратить свой дворецъ въ монастырь, выбралъ изъ опричниковъ 300 самыхъ лихихъ, назвалъ ихъ иноками, себя игуменомъ, князя Вяземскаго келаремъ, Малюту пономаремъ. Поверхъ своихъ блестящихъ кафтановъ они надѣвали черныя монашескія рясы, на головы скуфейки, или тафьи. Рано утромъ, въ четвертомъ часу, царь ходилъ съ царевичами и Малютою на колокольню и благовѣстилъ. Опричники—иноки подъ страхомъ наказанія спѣшили къ заутренѣ. Служба длилась до 6 или 7 часовъ. Царь въ церкви самъ пѣлъ, читалъ, молился и такъ усердно билъ поклоны, что на лбу его оставались часто синяки. Въ 8 часовъ начиналась обѣдня; въ 10 ч. садились за братскую трапезу, за которой братія пила, ѣла досыта: всякаго яства, вина и меду было вдоволь. Во время трапезы царь стоя читалъ вслухъ изъ поучительныхъ книгъ или библіи,—обѣдалъ самъ онъ позже. Во время обѣда любилъ бесѣдовать со своими приближенными о вѣрѣ и выказывалъ при этомъ свою большую начитанность и память. Послѣ обѣда дремалъ или отправлялся въ темницу смотрѣть на пытки; казалось, онѣ забавляли его; нерѣдко онъ возвращался съ пытокъ веселымъ, разговорчивымъ,— шутилъ. Въ 8 часовъ шли къ вечернѣ, затѣмъ въ десятомъ часу царь удалялся въ свою спальню; здѣсь три слѣпца—сказочника по очереди разсказывали ему сказки, пока онъ не засыпалъ. Вскорѣ послѣ полуночи онъ просыпался и начиналъ своей день молитвою...

Случалось, что въ церкви царю дѣлались доклады, и онъ тутъ же во время богослуженія отдавалъ приказы,—иногда насчетъ пытокъ и казней. Бывали случаи, что, по приказу его, иноки-опричники, даже не сбросивъ съ себя монашескихъ мантій, вскакивали на коней и съ дикими криками неслись грабить дворъ какого-нибудь опальнаго боярина и чинить надъ нимъ кровавую расправу.

Свою жизнь царь разнообразилъ время отъ времени объѣздами, посѣщалъ монастыри, осматривалъ крѣпости, тѣшился охотами; особенно любилъ онъ медвѣжью травлю. Когда являлось въ Москву какое нибудь важное иноземное посольство, онъ пріѣзжалъ сюда, и торжественно, во всемъ величіи своей власти, принималъ пословъ въ Кремлевской палатѣ.

Митрополитъ Филиппъ.

Когда все въ трепетѣ и въ ужасѣ притихло предъ страшной царской грозой; когда бояре даже у себя дома не осмѣливались выразить вслухъ свой страхъ и скорбь, опасаясь слугъ, часто доносившихъ и клеветавшихъ на своихъ господъ; когда все трепетало предъ опричниками, жадно стерегущими свою добычу, — тогда неожиданно раздался на Руси смѣлый голосъ, осуждавшій непомѣрную жестокость царя. Безпредѣльна была власть государя: онъ былъ воленъ въ жизни и смерти каждаго подданнаго своего; правда и судъ были въ его рукахъ; но и надъ нимъ была высшая Божія правда; во имя этой-то правды и заговорилъ митрополитъ Филиппъ.

Послѣ митрополитовъ Макарія и Аѳанасія, которые очень смиренно держали себя предъ царемъ и только изрѣдка осмѣливались „печаловаться“ объ опальныхъ, т. е. просить царя о милосердіи къ нимъ, по волѣ царя въ митрополиты былъ избранъ Филиппъ.

Онъ происходилъ изъ знатнаго боярскаго рода Колычевыхъ. Въ малолѣтство Ивана Васильевича его взяли ко двору, но былъ онъ здѣсь недолго, и тридцати лѣтъ удалился въ Соловецкую обитель (на Бѣломъ морѣ) и тамъ постригся. Лѣтъ чрезъ десять возвели его въ санъ игумена. Филиппъ сдѣлалъ для обители очень много и своими средствами, и распорядительностью: монастырь при немъ достигъ цвѣтущаго состоянія; онъ соорудилъ двѣ каменныя церкви, келіи, больницы, осушилъ болота, устроилъ каналы, дороги и проч. Молва о дѣятельномъ игуменѣ самаго отдаленнаго сѣвернаго монастыря широко распространялась между православнымъ людомъ. По дѣламъ монастыря Филиппъ посѣтилъ Москву въ лучшую пору царствованія Ивана Васильевича, и понравился ему.

Когда царь вспомнилъ о Филиппѣ и предложилъ его въ митрополиты, то всѣ духовные и бояре сказали, что трудно было бы и найти болѣе достойнаго пастыря церкви, чѣмъ онъ.

По царскому приказу онъ прибылъ въ Москву. Царь принялъ его очень милостиво, съ большой честію, пригласилъ къ своему столу. Но когда государь предложилъ Филиппу принять санъ митрополита, тотъ отказался и смиренно просилъ отпустить его въ Соловки. Царь настаивалъ. Тогда Филиппъ смѣло сказалъ:

— «Я повинуюсь твоей волѣ, но отмѣни опричину: иначе быть мнѣ митрополитомъ невозможно!“

Государь разгнѣвался. Казалось, дѣло не сладится. Но епископы умоляли съ одной стороны царя не гнѣваться, а съ другой Филиппа согласиться. Филиппъ уступилъ усиленнымъ просьбамъ и даже согласился дать письменное

обѣщаніе не вмѣшиваться ни въ опричину, ни въ обиходъ царской домашней жизни. Вѣрно, онъ надѣялся, что и при этихъ уступкахъ ему удастся много принести пользы родной землѣ. 25 іюля 1566 года торжественно въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи царя, совершилось поставленіе Филиппа въ митрополиты.

На нѣкоторое время наступила тишина; царь, казалось, воздерживался отъ жестокости; но это было лишь временнымъ роздыхомъ... Опричники, посылаемые царемъ въ Москву развѣдывать и наблюдать, нѣтъ ли измѣны, доносили ему, что ихъ всѣ избѣгаютъ словно язвы, что всюду даже на улицахъ умолкаетъ разговоръ, лишь только завидятъ опричника. Опричниковъ, разумѣется, всѣ и боялись, и ненавидѣли, какъ доносчиковъ, готовыхъ лгать и клеветать, и какъ палачей, обагренныхъ кровью сотенъ невинныхъ жертвъ. Не трудно это было бы понять и царю, но ему чудились всюду крамолы и измѣны, и въ этомъ случаѣ ему казалось, что въ Москвѣ готовится большой заговоръ... Въ это время князьямъ Бѣльскому, Мстиславскому, Воротынскому и Челяднину были присланы отъ польскаго короля и литовскаго гетмана призывныя грамоты съ приглашеніемъ перейти на сторону короля. Бояре предъявили эти грамоты царю и отвѣчали королю бранью и насмѣшками. Очень вѣроятно, что самъ царь указалъ, какъ имъ отвѣтить. Быть можетъ, и самыя призывныя грамоты были придуманы по его приказу, чтобы испытать вѣрность бояръ. По этому поводу начались новые розыски. Первымъ тремъ боярамъ удалось на этотъ разъ счастливо отдѣлаться, но старикъ Челяднинъ пострадалъ. Царь особенно недолюбливалъ его, и на него было взведено между прочимъ нелѣпое обвиненіе, будто онъ хотѣлъ свергнуть царя съ престола и самъ сдѣлаться царемъ. Есть извѣстіе, что царь призвалъ Челяднина, и въ присутствіи всего двора облачилъ его въ царскую одежду и посадилъ на тронъ; затѣмъ, снявъ шапку, низко и почтительно поклонился ему и торжественно произнесъ:

— „Здравъ буди, великій царь земли русской! Теперь ты принялъ отъ меня честь, какой искалъ! Но я имѣю власть сдѣлать тебя царемъ, могу и низвергнуть тебя съ престола!“ и съ этими словами вонзилъ ножъ въ сердце несчастнаго старика.

Опричники умертвили и жену его. Затѣмъ казнили и мнимыхъ соумышленниковъ Челяднина, князей: Куракина, Ряполовскаго, трехъ Ростовскихъ; знаменитаго полководца, князя Петра Щенятева, который думалъ спастись въ монастырѣ, отрекшись отъ міра, замучили, по словамъ Курбскаго; князя Ивана Турунтая Пронскаго, — старика, служившаго еще отцу царя, участника всѣхъ походовъ, утопили. Много знатныхъ людей, родичей ихъ и лицъ близкихъ имъ, погибло въ это время въ Москвѣ. На иныхъ нападали опричники совершенно внезапно, когда тѣ шли, не вѣдая за собой никакой вины, въ церковь или въ должность. Опричники съ длинными ножами и сѣкирами рыскали по городу, отыскивая свои жертвы и убивали ежедневно десятки людей на виду у всѣхъ. На улицахъ и площадяхъ валялись трупы убитыхъ: никто не осмѣливался не только хоронить погибшихъ, но даже выражать сожалѣніе о нихъ. Жители боялись даже выходить изъ домовъ своихъ.

Не могъ снести этихъ ужасовъ митрополитъ Филиппъ. Онъ далъ царю

обѣтъ не вмѣшиваться въ опричину, но считалъ себя въ правѣ давать царю пастырскіе совѣты, ходатайствовать, чтобъ не лилась безъ суда неповинная кровь... Святитель отправился къ царю и велъ съ нимъ тайную бесѣду. Въ чемъ она состояла,—неизвѣстно: но убѣжденія Филиппа, очевидно, не подѣйствовали на царя. Угодники его изъ духовныхъ лицъ стали ему наговаривать и клеветать на митрополита, котораго царь и такъ уже подозрѣвалъ въ доброхотствѣ боярамъ.

Кровь лилась по прежнему. Тогда святитель заговорилъ всенародно. Въ соборной церкви 22 марта 1565 онъ обратился къ царю съ такою рѣчью:

— „О державный царь! Ты облеченъ самымъ высокимъ саномъ отъ Бога и долженъ чтить Его болѣе всего. Тебѣ данъ скипетръ власти земной, чтобы ты соблюдалъ правду въ людяхъ и царствовалъ надъ ними по закону. Правда—самое драгоцѣнное сокровище для того, кто стяжалъ ее. По естеству ты подобенъ всякому человѣку, а по власти подобенъ Богу: какъ смертный не превозносись, а какъ образъ Божій не увлекайся гнѣвомъ. По справедливости властелиномъ можетъ назваться лишь тотъ, кто самъ собой владѣетъ, а не рабствуетъ позорнымъ страстямъ. Отъ вѣка не слыхано, чтобы благочестивые цари такъ волновали свою державу: при предкахъ твоихъ не бывало ничего подобнаго тому, что ты творишь: у самихъ язычниковъ не случалось ничего такого"!.

Это смѣлое обличеніе привело царя въ ярость.

— „Что тебѣ, чернецу, за дѣло до нашихъ царскихъ рѣшеній,—воскликнулъ онъ въ гнѣвѣ,—развѣ тебѣ неизвѣстно, что меня мои же хотятъ поглотить?!"

— „Я, точно, чернецъ,—отвѣчалъ твердо и спокойно Филиппъ,—но по благости св. Духа, по избранію св. собора и твоему изволенію, я—пастырь Христовой церкви и вмѣстѣ съ тобою обязанъ имѣть попеченіе о благочестіи и мирѣ всего православнаго христіанства!"

— „Одно тебѣ говорю, отче, молчи, а насъ благослови дѣйствовать по нашей волѣ!" возразилъ государь, едва сдерживая гнѣвъ.

— „Благочестивый царь, молчаніе наше умножаетъ грѣхъ души твоей и можетъ причинить ей гибель", сказалъ въ отвѣтъ святитель.

Царь въ негодованіи снова напомнилъ, что на него возстали люди и ищутъ ему зла, а Филиппъ совѣтовалъ ему прогнать отъ себя людей, говорящихъ ему неправду, и приблизить совѣтниковъ добрыхъ, а не льстивыхъ. Царь въ припадкѣ сильнаго гнѣва сталъ грозить пастырю церкви.

— „Филиппъ, не прекословь державѣ нашей, кричалъ онъ, да не постигнетъ тебя мой гнѣвъ, или сложи съ себя свой санъ!"

— „Ни просьбъ, ни мзды, ни ходатаевъ не употреблялъ я, чтобы получить этотъ санъ. Зачѣмъ ты лишилъ меня пустыни"? смиренно отвѣтилъ митрополитъ.

Въ большомъ гнѣвѣ на митрополита царь вышелъ изъ церкви. Чрезъ нѣсколько времени онъ явился въ Успенскій соборъ. Самъ государь и опричники, сопровождавшіе его, были въ черныхъ монашескихъ мантіяхъ съ высокими шлыками на головахъ.

Государь приблизился къ митрополичьему мѣсту, гдѣ стоялъ Филиппъ, и просилъ у него благословенія. Святитель смотрѣлъ на образъ Спасителя и молчалъ...

— „Святый владыко!—сказали бояре,—благочестивый государь предъ тобою и проситъ твоего благословенія“.

Тогда святитель взглянулъ на него и съ укоризной произнесъ:

— „Царь благій! кому поревновалъ ты, принявъ на себя такой видъ, измѣнивъ свое благолѣпіе? Убойся Суда Божія: на другихъ законъ ты налагаешь, а самъ нарушаешь его. У татаръ, у язычниковъ есть правда,—въ одной Россіи нѣтъ ея; во всемъ мірѣ можно встрѣтить милосердіе, а въ Россіи нѣтъ состраданія даже къ невиннымъ и правымъ!.. Здѣсь, въ храмѣ, мы приносимъ Богу безкровную жертву за спасеніе міра; а тамъ, за алтаремъ, льется безвинно кровь христіанская. Ты самъ просишь прощенія въ грѣхахъ своихъ предъ Богомъ; прощай же и другихъ, согрѣшающихъ предъ тобою!“

Царь пришелъ въ страшную ярость.

— „Нашу ли волю, Филиппъ, думаешь измѣнить?“ кричалъ онъ въ гнѣвѣ.

Митрополитъ пробовалъ возразить, что онъ скорбитъ не только о тѣхъ, чья мученическая кровь напрасно льется, но и о самомъ царѣ, и его душевномъ спасеніи; но царь ничего не слушалъ, въ сильномъ гнѣвѣ махалъ рукой, грозилъ митрополиту изгнаніемъ и разными муками.

— „Ты противишься, Филиппъ, нашей державѣ; посмотримъ же на твою твердость!“ говорилъ онъ въ ярости.

— „Я—пришлецъ на землѣ, отвѣчалъ святитель, какъ и отцы мои и за истину благочестія готовъ претерпѣть и лишеніе сана, и всякія муки“.

Тутъ же въ соборѣ нѣкоторые изъ враговъ Филиппа, въ томъ числѣ и Пименъ, архіепископъ Новгородскій, желая въ угоду царю унизить всенародно святителя, взвели на него небывалые проступки. Но Филиппъ спокойно изобличилъ тутъ же обвинителей въ гнусной клеветѣ. Враги его потерпѣли на этотъ разъ полную неудачу.

Царь приказалъ схватить всѣхъ приближенныхъ митрополита; ихъ заключили подъ стражу, подвергли пыткамъ, стараясь вывѣдать отъ нихъ что либо предосудительное для митрополита, но ничего не допытались. А злымъ царскимъ совѣтникамъ и опричникамъ надо было погубить святителя, чтобы спасти себя: они боялись, чтобы слово его какъ нибудь не дошло до сердца царя.

Въ это время начались въ Москвѣ новыя дикія безчинства опричниковъ. Страдали тутъ и люди, на которыхъ даже и тѣни подозрѣнія въ какой-нибудь винѣ противъ царя не могло падать. Не только ихъ, но и женъ, и дочерей ихъ опричники страшно оскорбляли. Казалось, они хотѣли испытать, способенъ ли еще запуганный людъ возмущаться чѣмъ либо и роптать...

Послѣднее всенародное объясненіе царя съ митрополитомъ произошло 28-го іюля. Шла митрополичья служба въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Тутъ былъ государь со своими опричниками. Во время крестнаго хода по монастырской стѣнѣ, когда митрополитъ у св. воротъ остановился читать евангеліе, онъ увидѣлъ, обратившись къ народу, что одинъ опричникъ стоитъ въ тафьѣ.

— „Чтеніе слова Божія,—сказалъ митрополитъ царю, слѣдуетъ слушать христіанамъ съ непокровенной главой, а эти откуда взяли агарянскій обычай предстоять здѣсь съ покрытыми главами?“

— „Кто такой?“ спросилъ царь и сталъ въ толпѣ искать глазами виновнаго. Но опричникъ уже успѣлъ снять тафью.

Тогда государя его приближенные увѣрили, что митрополитъ говоритъ неправду по злобѣ на опричниковъ, издѣваясь надъ царской властью. Царь вышелъ изъ себя отъ гнѣва, сталъ всенародно бранить святителя лжецомъ, мятежникомъ и злодѣемъ.

Послѣ этого случая царь порѣшилъ во что бы то ни стало низложить Филиппа. Но въ Москвѣ всѣ высоко чтили его, знали его святую жизнь; и врагамъ святителя, чтобы хоть сколько нибудь придать законный видъ его низложенію, пришлось прибѣгнуть къ клеветѣ. Въ Москвѣ говорили только о добродѣтеляхъ его,—и потому послано было нѣсколько лицъ въ Соловки разслѣдовать тамошнюю жизнь бывшаго игумена. Ласки, угрозы, подкупы,—все было пущено въ ходъ, чтобы найти лжесвидѣтелей. Хотя и съ большимъ трудомъ, но удалось, наконецъ, навербовать нѣсколькихъ иноковъ, въ томъ числѣ даже и игумена Паисія, готовыхъ клеветать на Филиппа. Ихъ привезли въ Москву. Немедленно открытъ былъ соборъ для суда надъ митрополитомъ. Самъ государь присутствовалъ на соборѣ. Призванъ былъ обвиняемый. Выслушаны обвиненія. Филиппъ и не думалъ оправдываться; онъ только обратился къ Паисію и кротко замѣтилъ:

— „Чадо, что сѣешь, то и пожнешь?“

Затѣмъ, обратившись къ царю и всему собору, сказалъ, что не страшится смерти; что лучше умереть невиннымъ мученикомъ, нежели въ санѣ митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія. Тутъ же онъ положилъ свой пастырскій жезлъ и началъ слагать съ себя знаки своего сана: бѣлый клобукъ, мантію... Это смиреніе и величественное спокойствіе святителя раздражили царя; онъ приказалъ Филиппу остановиться, исполнять свои святительскія обязанности и ждать судебнаго приговора.

8-го ноября 1568 г., когда Филиппъ совершалъ богослуженіе въ соборѣ и стоялъ въ полномъ облаченіи предъ алтаремъ, вдругъ вошелъ въ церковь Алексѣй Басмановъ, царскій любимецъ, съ опричниками. По его приказу прочтенъ былъ соборный приговоръ о низложеніи митрополита. На глазахъ народа, пораженнаго ужасомъ, совершилось неслыханное дѣло: опричники кинулись на митрополита, сорвали съ него святительское облаченіе, набросили на него ветхую, изодранную монашескую одежду и съ позоромъ метлами выгнали его изъ церкви. Народъ со слезами бѣжалъ слѣдомъ за нимъ, когда его везли, посадивъ на дровни. — „Молитесь!“ говорилъ онъ народу... Лицо его было свѣтло, и онъ ласково благословлялъ людей.

Филиппа отвезли сначала въ Богоявленскій монастырь въ заключеніе; здѣсь цѣлую недѣлю просидѣлъ онъ въ смрадной темницѣ, въ оковахъ, томимый голодомъ. Царь хотѣлъ было осудить его на сожженіе, такъ какъ клеветники обвиняли его между прочимъ въ чародѣйствѣ; но по ходатайству духовныхъ лицъ согласился оставить ему жизнь. Между тѣмъ царь безпощадно истреблялъ родъ бояръ Колычевыхъ. Говорятъ, что онъ прислалъ Филиппу отсѣченную голову одного изъ любимыхъ его родичей, и велѣлъ сказать: „Вотъ твой любимый сродникъ: не помогли ему твои чары!“ Святитель поклонился до земли

предъ головою, благословилъ ее, съ любовью облобызалъ и отдалъ принесшему. Наконецъ, по приказу царя, Филиппъ былъ удаленъ изъ Москвы и сосланъ въ заточеніе въ Тверской Отрочь-монастырь. Скоро здѣсь онъ и умеръ мученической смертію.

Когда царь съ опричниками ѣхалъ въ Новгородъ творить кровавую расправу, Малюта Скуратовъ по пути заѣхалъ къ Филиппу въ монастырь просить благословенія.

— „Я благословляю только добрыхъ и на доброе!“ отвѣтилъ святитель.

Тогда Малюта задушилъ его подушкой, а затѣмъ пустилъ молву, что онъ задохся отъ сильнаго жара въ кельѣ.

Впослѣдствіи Филиппъ былъ причтенъ къ лику святыхъ. Мощи св. мученика нынѣ покоятся въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ.

Разгромъ Новгорода и московскія казни.

Уже погибли почти всѣ лица, которыя во время болѣзни царя склонялись на сторону его двоюроднаго брата, князя Владиміра Андреевича; но самъ Владиміръ еще оставался живъ. До какой степени ему недовѣрялъ царь послѣ болѣзни своей, видно изъ того, что нѣсколько разъ бралъ съ него записи (письменныя обязательства), вѣрно служить и ему, царю, и сыну его. Князь Владиміръ долженъ былъ при этомъ обѣщать, что пойдетъ войной даже на своего родного брата, если прикажетъ царевичъ; донесетъ ему даже на свою мать, если та умыслитъ ему какое зло и пр.

Царь у Владиміра перемѣнилъ всѣхъ бояръ и слугъ, изъ одной волости перевелъ его въ другую, наконецъ, и совсѣмъ покончилъ съ нимъ. По одному извѣстію, князь замышлялъ перейти въ подданство Сигизмунду. Такъ ли это было дѣйствительно, или это была клевета, — трудно судить; но въ началѣ 1569 года Владиміръ Андреевичъ погибъ. По однимъ извѣстіямъ, онъ былъ осужденъ въ присутствіи царя выпить отраву, по другимъ, ему была отрублена голова. Съ нимъ вмѣстѣ казнены были его жена, дѣти и даже служанокъ, выразившихъ сочувствіе своимъ господамъ, разстрѣляли.

Ненасытная злоба кипѣла въ сердцѣ Іоанна; никакія жертвы, казалось, не могли утолить ее: очевидно, страшная душевная болѣзнь обуревала его. Вѣчный страхъ измѣны помрачалъ умъ его, дѣлалъ его злобнымъ, жестокимъ. Страшась самъ всего, онъ хотѣлъ страшить всѣхъ... Мало того, что онъ безпощадно истреблялъ боярскіе роды, онъ хотѣлъ быть страшенъ и простому люду. Несомнѣнно, что опричники своими доносами и клеветами разжигали все пуще и пуще подозрительность и злобу Іоанна.

Лѣтомъ 1569 года явился къ царю какой-то бродяга съ доносомъ, что новгородцы хотятъ предаться польскому королю. Доносчикъ заявилъ, что написана даже грамота къ королю и хранится въ Софійскомъ соборѣ, за образомъ Богоматери. Царь отправилъ въ Новгородъ довѣренное лицо вмѣстѣ съ доносчикомъ, и грамота дѣйствительно нашлась въ указанномъ мѣстѣ. Говорятъ, что доносчикъ изъ мести новгородцамъ, чѣмъ-то обидѣвшимъ его, самъ сочинилъ

[illegible] и [illegible] новгородскихъ [illegible] и [illegible] граждан[illegible].

Царь возненавидѣлъ новгородцевъ и псковичей, среди которыхъ [illegible] граждане [illegible] въ [illegible], могли казаться ему подозрительными. Весьма вѣроятно, что въ Новгородѣ, далеко отъ Москвы, смѣлѣе, чѣмъ гдѣ-либо, поговаривали [illegible], и слухи объ этомъ могли доходить до царя. Еще раньше онъ выселилъ изъ Новгорода и Пскова нѣсколько сотъ семей; теперь же [illegible] рѣшился этимъ городамъ дать [illegible].

Въ декабрѣ 1569 года онъ предпринялъ походъ на сѣверъ. Не только опричники были съ царемъ, но онъ велъ съ собою, будто на настоящую войну, и отряды войска. Разгромъ начался съ границъ бывшихъ тверскихъ владѣній отъ города Клина до Новгорода. Опричники врывались въ города, грабили, били, кого попало, даже убивали людей невѣдомо за что. Особенно сильно пострадала Тверь.

2-го января 1570 года прибылъ въ Новгородъ передовой отрядъ царской дружины и занялъ всѣ пути изъ города, чтобы ни одинъ человѣкъ не ушелъ отсюда. Во всѣхъ подгородныхъ монастыряхъ начальники этого отряда запечатали казну, захватили игуменовъ и иноковъ, числомъ болѣе 500; взяты были подъ стражу и священники новгородскихъ церквей; знатнѣйшихъ жителей, купцовъ, приказныхъ людей также забрали подъ стражу, а имущество ихъ опечатали.

6-го января вечеромъ прибылъ царь со всѣмъ дворомъ, съ 1500 стрѣльцовъ, и остановился на Торговой сторонѣ, на Городищѣ. На слѣдующій день отдано было первое приказаніе: захваченныхъ игуменовъ и монаховъ бить палками до смерти и трупы развозить по монастырямъ для погребенія. На третій день по пріѣздѣ, въ воскресенье, государь отправился въ кремль, къ св. Софіи, къ обѣдни. На Волховскомъ мосту, по стародавнему обычаю, владыка Пименъ со всѣмъ соборомъ, съ крестами и иконами вышелъ встрѣчать государя. Владыка хотѣлъ осѣнить его крестомъ, но Іоаннъ не подошелъ ко кресту, а началъ гнѣвно говорить владыкѣ:

— „Ты не пастырь и не учитель, — но волкъ, хищникъ, грабитель, измѣнникъ, нашей царской багряницѣ и вѣнцу досадитель!“...

Сказавши это, онъ приказалъ владыкѣ служить обѣдню въ Софійскомъ соборѣ. По окончаніи службы государь съ ближайшими своими опричниками изъ церкви пошелъ къ владыкѣ въ столовую палату. Здѣсь для высокаго гостя былъ приготовленъ обѣдъ. По едва царь отвѣдалъ пищи, какъ вдругъ завопилъ страшнымъ голосомъ. Это было условнымъ знакомъ нападенія. Владыку схватили. Опричники кинулись грабить дворъ и казну его; хватали его слугъ и отдавали подъ стражу, а потомъ по царскому приказу ходили по всѣмъ монастырямъ и церквамъ и забирали церковную казну и утварь.

Затѣмъ царь съ сыномъ своимъ отправился снова на Торговую сторону, въ Городище, и здѣсь открылъ судъ: сюда приводили новгородцевъ, взятыхъ подъ стражу; ихъ подвергали пыткамъ, жгли при помощи какого-то состава на медленномъ огнѣ. О[illegible]цныхъ, привязавши къ санямъ, волокли къ Волхову.

Здѣсь большое пространство рѣки было очищено отъ льда. Осужденныхъ съ Волховскаго моста съ высоты бросали въ воду, связанныхъ по рукамъ и ногамъ. Кидали также женщинъ и дѣтей; младенцевъ привязывали къ ихъ матерямъ. По рѣкѣ ѣздили въ челнахъ опричники и баграми, рогатинами и топорами добивали тѣхъ, которые всплывали.

Эта ужасная расправа длилась, „грѣхъ нашихъ ради", говоритъ лѣтописецъ, пять недѣль безъ перерыва. Казненныхъ и замученныхъ до смерти было болѣе полуторы тысячи. Послѣ того опричники рыскали по городу и его окрестностямъ, грабили лавки, дворы, раззоряли дома, истребляли домашніе запасы, убивали скотъ... Верстъ на двѣсти кругомъ Новгорода, по приказу царя, его люди пустошили села и деревни.

Наконецъ, 13-го февраля, царь приказалъ созвать уцѣлѣвшихъ новгородцевъ съ каждой улицы по одному. Явились они предъ нимъ, трепеща отъ страха, блѣдные какъ мертвецы: они ожидали смерти. Но царь взглянулъ на нихъ милостиво, и обратился къ нимъ съ ласковой рѣчью.

— „Молите человѣколюбиваго Бога, сказалъ онъ, о нашемъ благочестивомъ державствѣ, о дѣтяхъ нашихъ молите, чтобы Господь даровалъ намъ побѣду на всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ. Пусть взыщется вся кровь эта на измѣнникахъ, владыкѣ Пименѣ, и его совѣтникахъ; вы же объ этомъ теперь не скорбите и живите въ Новгородѣ благодарно!"

Пименъ, клеветавшій раньше на Филиппа, лишенъ былъ сана, преданъ поруганію и сосланъ въ заточеніе.

Памятенъ остался новгородцамъ этотъ грозный судъ... Два года спустя послѣ погрома, во время обѣдни, въ одной церкви вдругъ разнеслась почему-то молва, что царь съ опричниками пріѣхалъ въ городъ. Толпа въ ужасѣ кинулась во всѣ стороны. Мужчины, женщины и дѣти съ плачемъ бѣжали, сами не зная куда. Страхъ отъ бѣгущихъ сообщился и другимъ; купцы отъ испуга покидали даже свои лавки, товары и бѣжали... Не скоро и очнулись отъ страха. Такой переполохъ произвелъ слухъ о пріѣздѣ грознаго владыки.

Изъ Новгорода царь отправился во Псковъ. Псковичи въ ужасѣ ждали участи новгородцевъ, исповѣдовались, причащались... Но псковской воевода кн. Юрій Токмаковъ оказался очень находчивымъ: онъ распорядился, чтобы устроена была царю особенная, небывалая встрѣча. Іоаннъ подъѣхалъ ко Пскову ночью и остановился переночевать въ одномъ подгородномъ монастырѣ. На зарѣ царь услышалъ звонъ во всѣхъ псковскихъ церквахъ: то благовѣстили къ заутренѣ; псковичи готовились въ послѣдній разъ предъ смертью помолиться Богу. Это, говорятъ, тронуло государя, и расположило къ жалости.

Когда же онъ вступилъ въ городъ, то его взорамъ представилось неожиданное зрѣлище. Жители стояли по улицамъ, каждый предъ своимъ домомъ, съ женами своими и дѣтьми, держа въ рукахъ хлѣбъ и соль. Завидѣвъ царя, всѣ падали на колѣна и съ полной покорностью привѣтствовали его. Эта встрѣча умилила его. Онъ запретилъ опричникамъ убивать или мучить жителей, позволилъ только пограбить ихъ.

Царь недолго пробылъ во Псковѣ. Разсказываютъ между прочимъ, что онъ посѣтилъ блаженнаго Николу Салоса (Салосъ по-гречески значитъ юроди-

вый). Никола сталъ потчивать царя сырымъ мясомъ, а тогда былъ великій постъ.

— „Я—христіанинъ, сказалъ царь, и не ѣмъ говядины въ постъ".

— „Хуже ты дѣлаешь, мясо человѣческое ты ѣшь"! возразилъ юродивый.

Этимъ укоромъ и нѣкоторыми дурными предвѣщаніями юродивый, говорятъ, такъ напугалъ суевѣрнаго Іоанна, что онъ поспѣшилъ уѣхать изъ Пскова.

По возвращеніи его въ Москву, начались и здѣсь розыски участниковъ новгородской измѣны. На многихъ бояръ и даже близкихъ царю людей было донесено, будто они сносились съ Пименомъ и злоумышляли на государя.

25-го іюля, на большой Московской площади, въ Китаѣ-городѣ, поставлено было 18 висѣлицъ, разложены были разныя орудія пытки, зажженъ громадный костеръ, надъ которымъ повѣсили огромный чанъ съ водою. Готовилось страшное зрѣлище. Жители Москвы въ ужасѣ спѣшили укрыться: торговцы бѣжали, покидая свои открытыя лавки. Боялись всѣ, что надъ Москвою разразится такая же гроза царской немилости, какъ надъ Новгородомъ. Площадь опустѣла. Только толпа опричниковъ стояла здѣсь въ ожиданіи жертвъ. Среди тишины словно вымершаго города раздался звукъ бубновъ. То въѣзжалъ царь. Онъ былъ верхомъ на конѣ; съ нимъ рядомъ ѣхалъ его любимый старшій сынъ Иванъ Ивановичъ; слѣдомъ за ними — приближенные сановники, отряды опричниковъ, позади нихъ вели осужденныхъ, около трехсотъ человѣкъ, уже измученныхъ пытками, истерзанныхъ, походившихъ на мертвецовъ.

Царь осмотрѣлся и остался очень недоволенъ, что площадь пуста; что нѣтъ народа. Онъ приказалъ опричникамъ сгонять людей. Жители, конечно, не смѣли ослушаться, выходили испуганные изъ ямъ, изъ погребовъ, куда попрятались со страху. Когда площадь наполнилась народомъ, царь громко сказалъ:

— „Народъ, увидишь муки и гибель; но караю измѣнниковъ. Отвѣчай, правъ ли судъ мой?"

— „Да здравствуетъ на многія лѣта Государь Великій! да погибнутъ измѣнники!" закричалъ въ отвѣтъ народъ.

Царь приказалъ отдѣлить изъ толпы осужденныхъ сто восемьдесятъ человѣкъ менѣе виновныхъ и даровалъ имъ жизнь.

Затѣмъ начались и продолжались четыре часа подъ рядъ ужасныя, изысканно-мучительныя казни....

Не станемъ описывать этихъ ужасовъ, глубоко возмущающихъ человѣческое чувство. Хотя о нихъ подробно разсказываютъ въ своихъ запискахъ иноземцы, свидѣтельствуетъ Курбскій,—говорятъ и наши лѣтописи; но всему вѣрить нельзя: все, что слишкомъ поражаетъ чувство человѣка, обыкновенно потомъ въ разсказахъ преувеличивается,—даже невольно; а иноземцы, сначала служившіе грозному царю, потомъ измѣнившіе, конечно, очень склонны были преувеличивать ужасъ жестокихъ казней его. То же надо сказать и о русскихъ измѣнникахъ. Но если даже откинуть все баснословное въ разсказахъ о лютыхъ казняхъ и мученіяхъ, то все-таки много еще останется несомнѣннаго и ужаснаго...

Упоминается въ современныхъ запискахъ о страшныхъ орудіяхъ мученія: сковородахъ, печахъ, клещахъ; говорится о томъ, что вбивали иглы подъ ногти, рѣзали по суставамъ, перетирали веревками и пр.

Надо припомнить, что въ то время и въ Западной Европѣ обильно лилась человѣческая кровь. Это была пора какого-то умственнаго и нравственнаго помраченія. Набожность и звѣрство шли рука объ руку. Въ Испаніи дымились сотни костровъ, на которыхъ приносились человѣческія жертвы,—жгли еретиковъ во имя Христовой вѣры. Во Франціи въ одну ночь десятки тысячъ ихъ были избиты во имя той же вѣры, а въ Римѣ папа, считавшійся намѣстникомъ Христа на землѣ, праздновалъ эти злодѣйства, какъ побѣды Христовой вѣры надъ ересью, и служилъ благодарственные молебны!...

Жестокость Ивана Васильевича дошла до высшей мѣры послѣ новгородскихъ казней. Его опричники, часто окрававленные, съ дикими криками: „гойда! гойда!“ носились на своихъ лихихъ коняхъ по Москвѣ, приводя всѣхъ въ ужасъ. Даже потѣхи грознаго царя были порою ужасны. Случалось, что онъ приказывалъ выпускать медвѣдей на толпу народа, ни въ чемъ неповиннаго, и тѣшился воплями испуганныхъ и убѣгающихъ людей, стонами пострадавшихъ. Искалѣченныхъ, впрочемъ, онъ всегда щедро награждалъ.

Любилъ царь тѣшиться съ веселыми людьми, скоморохами. У него было много и шутовъ. Но ихъ участь также бывала иногда очень горькая! Разсказываютъ, что одинъ шутъ, князь Гвоздевъ, пошутилъ какъ-то неудачно во время царскаго обѣда. Царь вылилъ на него мису горячихъ щей. Несчастный завопилъ и хотѣлъ бѣжать. Это совсѣмъ не понравилось царю, и онъ ударилъ шута ножомъ. Тотъ упалъ, обливаясь кровью. Царь опомнился, велѣлъ поскорѣе позвать своего врача Арнольфа и сказалъ ему:

— „Исцѣли слугу моего добраго,—я пошутилъ съ нимъ неосторожно.“

— „Такъ неосторожно, отвѣчалъ лѣкарь, взглянувъ на рану, что развѣ только Богъ и твое царское величество можетъ воскресить его.“

Тогда царь, махнувъ рукой, проговорилъ: „Ну его пса!“ и продолжалъ пировать.

Случалось, если вѣрить разсказамъ иностранцевъ, что и смертная казнь обращалась въ злую потѣху. Надъ жертвой издѣвались.

Разсказываютъ, напримѣръ, такой случай. Одинъ изъ воеводъ, Никита Казариновъ, ожидая опалы и смерти, уѣхалъ изъ Москвы и постригся въ одномъ изъ монастырей. Царь послалъ за нимъ и велѣлъ его взорвать на бочкѣ пороха, причемъ шутя сказалъ, что схимники—ангелы, и потому должны лѣтѣть на небо.

Жестокіе нравы были въ ту пору, и какъ ни ужасны были мученія и казни, но люди того времени такъ не возмущались ими, какъ возмутились бы теперь. Въ довершеніе бѣдствій въ 1570 году свирѣпствовали ужасный голодъ и моръ. Холода, а потомъ засухи сгубили жатву. Цѣны на хлѣбъ поднялись неслыханныя. Бѣдняки толпами скитались по улицамъ Москвы, прося подаянія. Люди, прежде достаточные, разорились, обнищали въ конецъ. На улицахъ, на дорогахъ, лежали трупы умершихъ отъ голоду... Отъ изнуренія, отъ дурной пищи и отъ голоду начались повальныя болѣзни. До 1572 года про-

должались бѣдствія. Въ это время обрушилось на Москву новое несчастіе—страшное нашествіе крымскихъ татаръ.

Войны съ сосѣдями.

Ливонія подъ ударами русскихъ, какъ сказано уже, распалась на части. Польша, которой досталась большая часть ея владѣній, должна была по договору 1561 года защищать ее.

Ливонія съ ея крѣпостями, замками и особенно съ ея прекрасными приморскими гаванями была какъ для Польши, такъ и для Москвы очень заманчивой добычей; но нелегко давалась она въ руки Ивану Васильевичу! Ему приходилось столкнуться не только съ Польшей, но и со Швеціей, захватившей Ревель, и съ Даніей, присвоившей островъ Эзель. Болѣе опаснымъ соперникомъ была Польша. Попытался было Иванъ Васильевичъ уладить здѣсь дѣло мирнымъ путемъ, даже для этого думалъ было жениться на одной изъ сестеръ польскаго короля Сигизмунда Августа. Тутъ у царя были и другіе разсчеты: женившись на сестрѣ бездѣтнаго короля, послѣдняго изъ Ягеллоновъ, со смертью его царь получалъ нѣкоторыя права на Литву. Дѣло это однако не сладилось: переговоры прервались, и загорѣлась война, такъ какъ царь и не думалъ выпускать изъ рукъ Ливоніи.

Война началась какъ всегда опустошительными набѣгами. Но въ началѣ 1563 года самъ царь съ огромной ратью и нарядомъ (пушками) двинулся въ Литву къ Полоцку, и осадилъ его, а чрезъ двѣ недѣли, 15-го февраля, городъ, стѣны котораго были сильно разбиты и сожжены, сдался. Имѣніе воеводъ, пановъ и купцовъ отобрано въ царскую казну; множество жидовъ, которыхъ не терпѣлъ царь, потоплено въ Двинѣ; но наемные воины короля болѣе 500 человѣкъ были щедро одарены шубами и дана была имъ воля, ѣхать къ королю, или поступить на службу къ царю, или вернуться къ себѣ на родину. Очевидно, Іоаннъ очень заботился о томъ, чтобы въ чужихъ краяхъ шла добрая молва о немъ, и чтобы иноземцы охотно шли въ царскую службу. Послѣ взятія Полоцка царь вернулся въ Москву такъ же торжественно, какъ изъ-подъ Казани.

Польскій король завелъ переговоры о мирѣ, но царь на уступку Полоцка и Ливоніи не согласился, и потому переговоры не привели ни къ чему. Война продолжалась. На этотъ разъ московское войско потерпѣло неудачу. Недалеко отъ Орши, на рѣкѣ Улѣ, оно было разбито литовскимъ гетманомъ; но особенныхъ выгодъ для себя изъ этой побѣды враги не извлекли. Измѣна Курбскаго тоже не принесла имъ большой пользы. Полоцка обратно взять они не могли. Война продолжалась, но шла довольно вяло съ перемѣннымъ счастіемъ.

Начались опять переговоры. Король просилъ перемирія и уступалъ царю всѣ города и земли, занятые московскими войсками. Иванъ Васильевичъ призадумался: съ одной стороны, уступка Полоцка и значительной части Ливоніи (Юрьевской области) послѣ пораженія подъ Оршей казалась ему выгодной; съ другой стороны, приходилось отказаться отъ морскихъ береговъ (не занятыхъ еще русскими войсками), а вѣдь ради морскихъ гаваней и война заго-

рѣлась. Досадно и больно было царю и подумать, что Рига и другіе богатые города и хорошія гавани достанутся Польшѣ даромъ.

Онъ колебался — соглашаться ли на перемиріе, или нѣтъ. Тогда пришло ему на умъ собрать большой соборъ для совѣщанія объ этомъ вопросѣ. Раньше государи наши совѣтовались о важнѣйшихъ дѣлахъ съ вельможами въ боярской думѣ, куда приглашалось иногда и знатнѣйшее духовенство. Но мы знаемъ уже, какъ царь относился къ боярамъ, и потому понятно, что онъ предпочелъ соборъ изъ разныхъ сословій. По его приказу лѣтомъ 1566 года собралось болѣе трехсотъ лицъ: тутъ были духовныя лица, бояре, дворяне, помѣщики изъ западныхъ областей, смежныхъ съ Литвою, дьяки, знатнѣйшіе московскіе купцы и смольняне. Къ этому собору царь обратился съ вопросомъ,—мириться ли ему съ королемъ на предложенныхъ условіяхъ, или нѣтъ. Соборъ, гдѣ подавались голоса по сословіямъ, пришелъ къ заключенію, что надо добывать всю Ливонію. Это рѣшеніе подкрѣпило царя, и онъ снова сталъ готовиться къ упорной войнѣ. Переговоры еще длились; но дѣло уладиться не могло. Царь требовалъ, между прочимъ, выдачи измѣнника Курбскаго. Но война явно уже тяготила и короля, и царя. Самолюбіе Ивана Васильевича было польщено: литовскіе послы стали называть его царемъ (прежде не хотѣли признать этого титула). Болѣе миролюбиво заговорили и московскіе посланцы. Надо сказать, что имъ давались отъ царя очень обстоятельные наказы, о чемъ говорить, какъ отвѣчать на разные вопросы, какъ держать себя. Выдачи Курбскаго на этотъ разъ уже не требовалось; но въ наказѣ посланцу находимъ слѣдующее любопытное мѣсто: „станетъ говорить князь Андрей Курбскій, или иной который государевъ измѣнникъ, то отвѣчать: съ измѣнникомъ что говорить? Вы своей измѣной сколько ни лукавствуете бѣсовскимъ обычаемъ, а Богъ государю свыше подаетъ на враговъ побѣду и вашу измѣну разрушаетъ! Больше того не говорить ничего и прочь отойти. А съ простымъ измѣнникомъ и того не говорить, а, выбранивъ его, плюнуть въ глаза, да и пойти прочь“.

Только въ 1570 году удалось, наконецъ, заключить перемиріе на три года. Царь все больше и больше убѣждался, что очень трудно ему добиться желанной цѣли—вполнѣ завладѣть завѣтными берегами Балтійскаго моря. По совѣту приближенныхъ иностранцевъ онъ предложилъ датскому принцу Магнусу, владѣтелю острова Эзеля, Ливонію съ титуломъ короля, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ въ зависимости отъ Москвы, и чтобы московской торговлѣ и сношеніямъ съ Западомъ никакой помѣхи въ ливонскихъ гаваняхъ не дѣлалось, Магнусъ согласился, прибылъ въ Москву въ 1570 г. и былъ объявленъ женихомъ царской племянницы, дочери казненнаго Владиміра Андреевича.

Занятый войной на западѣ, царь старался всѣми силами ладить съ Крымомъ. Польскій король давно уже подбивалъ хана Девлетъ-Гирея къ нападенію на русскую украину, а царь въ свою очередь старался всячески его задобрить, писалъ ему дружелюбныя письма, величалъ „своимъ братомъ“, посылалъ ему „поминки“, т. е. подарки, между прочимъ дорогія одежды со своего плеча, драгоцѣнные сосуды, причемъ писалъ: „Въ которомъ платьѣ мы тебѣ, брату своему, дали клятву (въ дружбѣ), и мы то платье съ плечъ своихъ тебѣ, брату своему, послали, и ты-бъ, братъ нашъ, то платье и носилъ на здоровье; а изъ

бились надъ Москвой. Поднялся вихрь, и скоро море огня разлилось по всему городу!..

Нечего было и думать гасить сплошной пожаръ. Забыли и о татарахъ. Жители Москвы, толпы людей, бѣжавшихъ отъ татаръ сюда изъ всѣхъ окрестныхъ мѣстъ, воины,—всѣ смѣшались, толпились по улицамъ, всѣ съ воплями ужаса искали спасенія и гибли тысячами... Очевидцы говорятъ, что на иныхъ улицахъ и особенно у воротъ, самыхъ отдаленныхъ отъ непріятеля, сбились огромныя толпы народа; другъ у друга перебивали дорогу, шли по головамъ стѣснившейся толпы, верхніе давили нижнихъ, задніе—переднихъ. Въ нѣсколько часовъ вся Москва выгорѣла до тла. Уцѣлѣлъ только Кремль, благодаря своимъ высокимъ каменнымъ стѣнамъ. Нѣсколько сотъ тысячъ жителей погибло во время этого ужаснаго пожара Москвы, подобнаго которому по страшнымъ послѣдствіямъ не бывало ни прежде, ни послѣ... Тѣла запрудили рѣку Москву такъ, что потомъ пришлось нарочно поставить людей—спускать трупы внизъ по рѣкѣ. „Кто видѣлъ это ужасное зрѣлище, пишетъ одинъ иностранецъ-очевидецъ, тотъ вспоминаетъ о немъ всегда съ новымъ трепетомъ и молитъ Бога, чтобы не видѣть ничего подобнаго вторично“. Этотъ пожаръ поразилъ страхомъ даже и самихъ татаръ. Среди почти сплошнаго огня имъ было не до грабежа. Ханъ приказалъ своей ордѣ отойти къ Коломенскому селу; осаждать Кремль онъ не сталъ, а, захвативъ огромное число плѣнныхъ, говорятъ, болѣе ста тысячъ, двинулся обратно, разоряя и грабя все на пути...

Царю прислалъ онъ надменную грамоту.

„Жгу и пустошу все, писалъ онъ, за Казань и Астрахань, а всего свѣта богатства примѣняю къ праху... Я пришелъ на тебя, городъ твой сжегъ, хотѣлъ вѣнца твоего и головы, но ты не сталъ противъ насъ, а еще хвалишься, что ты Московскій Государь!.. Захочешь съ нами въ дружбѣ быть, такъ отдай намъ юртъ Астрахань и Казань... Хоть всесвѣтное богатство захочешь дать намъ, вмѣсто нихъ, ненадобно!.. А государства твоего дороги я видѣлъ и опозналъ“.

Какъ ни тяжело было гордому царю, но на этотъ разъ пришлось смириться. Въ отвѣтной грамотѣ царь даже соглашался уступить хану Астрахань, „только теперь, прибавлялъ онъ, этому дѣлу скоро статься нельзя: для него должны быть у насъ твои послы, а гонцами такого великаго дѣла сдѣлать невозможно; до тѣхъ бы поръ ты пожаловалъ, далъ срокъ и земли нашей не воевалъ“.

Но ханъ слишкомъ понадѣялся на свой успѣхъ, не довольствовался обѣщанной уступкой Астрахани, требовалъ и Казани. Лѣтомъ 1572 г. онъ снова поднялся со всей своей ордой на Москву,—переправился чрезъ Оку съ такими же силами, какъ и въ первый разъ. Но на берегу Лопасни настигъ его воевода князь Михаилъ Ивановичъ Воротынскій съ большимъ русскимъ войскомъ и въ нѣсколькихъ жаркихъ схваткахъ разбилъ татаръ. Ханъ бѣжалъ.

Теперь Иванъ Васильевичъ заговорилъ съ нимъ инымъ языкомъ. Объ уступкѣ Астрахани, конечно, ужъ и рѣчи быть не могло. Помирившись съ ханомъ и посылая ему по обычаю подарки, на этотъ разъ самые ничтожные, царь подсмѣивается надъ похвальбой ханской грамоты: „поминки тебѣ послалъ я легкіе, пишетъ онъ хану,—добрыхъ поминковъ не послалъ: ты вѣдь писалъ, что тебѣ деньги не надобны, что богатство для тебя равно праху“!

Въ это время въ Польшѣ произошло важное событіе. Король Сигизмундъ-Августъ умеръ, а съ нимъ угасъ и родъ Ягеллоновъ. Въ 1569 году, когда Литва окончательно соединилась съ Польшей, установлено было право избирать королей на сеймахъ. Теперь, когда прекратился королевскій родъ, нѣкоторые изъ польскихъ и литовскихъ пановъ задумали было избрать въ короли втораго сына московскаго царя—Ѳедора. Но царь колебался, медлилъ, а въ это время посолъ французскаго короля ловко орудовалъ въ пользу Генриха, брата своего государя, причемъ не жалѣлъ ни золота, ни обѣщаній. На сеймѣ былъ избранъ Генрихъ. Впрочемъ, онъ скоро убѣжалъ изъ Польши, такъ какъ по смерти его брата очистился для него французскій престолъ. Снова пришлось литовскимъ и польскимъ сановникамъ избирать себѣ короля.

Русское посольство къ германскому императору. (По старин. рис.)

Въ эту пору завязались сношенія Германіи съ Москвою. Императоръ Максимиліанъ, желая посадить на польскій престолъ своего сына, просилъ Ивана Васильевича помочь этому дѣлу, и вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайствовалъ у царя за Ливонію. Царь, принимая германскихъ пословъ во всемъ величіи своемъ, поразилъ ихъ своимъ блескомъ, роскошью и богатствомъ, а русскіе послы, пріѣхавшіе отъ царя къ императору съ грамотой и подарками удивили его и всѣхъ придворныхъ своеобразной пестротой своихъ богатыхъ одеждъ. (Сохранилось любопытное современное изображеніе этого посольствѣ).

Однако никакой пользы изъ переговоровъ этихъ не извлекла ни Германія, ни Москва: польскій престолъ не достался ни германскому принцу, ни русскому царевичу, — избранъ былъ въ 1575 г. трансильванскій воевода — Стефанъ Баторій.

Между тѣмъ царь немедленно началъ войну въ Прибалтійскомъ краѣ, лишь только кончилось перемиріе. Завязалась война и со Швеціей; однако, не смотря на всѣ усилія Магнуса и русскихъ, имъ не удалось завладѣть Ревелемъ, который былъ въ рукахъ шведовъ. За то походъ самого царя лѣтомъ 1577 года былъ очень удаченъ: городъ за городомъ сдавались ему и его воеводамъ. Занявъ городъ Вольмаръ, царь вспомнилъ, что здѣсь было писано Курбскимъ его письмо, не утерпѣлъ, и самъ снова написалъ язвительное посланіе бывшему своему воеводѣ.

Оно начинается съ прописанія всего царскаго титула, въ который уже включены слова: „обладатель земли Лифляндской". „Если беззаконій моихъ,—

Русское посольство къ императору.

смиренно пишетъ царь, и больше песку морского, то все же надѣюсь на милосердіе Бога: Онъ можетъ пучиною милости своей потопить беззаконія мои". Затѣмъ царь упоминаетъ о побѣдахъ, дарованныхъ ему Богомъ, надъ нѣмцами, Литвою и татарами, снова вспоминаетъ объ измѣнахъ бояръ, которые не слушались его „сами государились, какъ хотѣли", и въ концѣ письма ѣдко подсмѣивается надъ Курбскимъ. „Вы говорили, пишетъ царь, нѣтъ (кромѣ васъ) людей на Руси! некому стоять! вотъ теперь васъ и нѣтъ... Кто же беретъ крѣпкіе города германскіе?—Сила животворящаго креста города беретъ... А что писалъ ты, что мы тебя въ дальніе города будто въ опалѣ посылали, то писалъ ты это себѣ въ досаду. Мы нынѣ Божіею волею и дальше твоихъ дальнихъ городовъ прошли и ногами нашихъ коней переѣхали всѣ ваши дороги изъ Литвы и въ Литву, и пѣшіе ходили, и воду во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ пили... Можно ли те-

перь говорить, что не вездѣ ноги коня нашего были? И въ городъ Вольмаръ, гдѣ ты хотѣлъ успокоиться отъ всѣхъ трудовъ твоихъ, и туда на покой тебѣ Богъ насъ принесъ. Ты думалъ, что здѣсь укрылся, а мы и тутъ по волѣ Божіей догнали. Пришлось тебѣ и подальше поѣхать!"

Но торжество царя продолжалось недолго. Лишь только онъ отбылъ изъ Ливоніи, какъ и поляки, и шведы стали одолѣвать русскихъ. Сильное пораженіе русскимъ было нанесено близъ Вендена. Король Магнусъ, уже женатый на царской племянницѣ, передался полякамъ.

Переговоры, начатые Стефаномъ Баторіемъ, не привели ни къ чему. Царь относился къ нему свысока, даже не хотѣлъ по обычаю называть его въ грамотахъ „братомъ", а звалъ „сосѣдомъ", потому что Стефанъ сталъ королемъ не

Русское посольство къ императору.

по происхожденію своему и не по волѣ Божіей, а по „многомятежному человѣческому хотѣнію" (по избранію сейма). Ливонію царь по прежнему называлъ „своей вотчиной" и уступокъ никакихъ не дѣлалъ.

Стефанъ Баторій, вступая на престолъ, между прочимъ обѣщалъ вернуть Литвѣ земли, отнятыя у нея Москвою. У него была испытанная, закаленная въ бояхъ пѣхота, венгерская и нѣмецкая, хорошо вооруженная, было много хорошихъ пушекъ, и потому онъ разсчитывалъ на вѣрный успѣхъ въ борьбѣ съ нестройными и плохо вооруженными полчищами русскихъ. Притомъ онъ самъ былъ очень искуснымъ вождемъ.

Царь думалъ, что война будетъ ведена въ Ливоніи, и послалъ туда большое войско; но Баторій направилъ ударъ въ другую сторону, и лѣтомъ 1579 г.

осадилъ Полоцкъ. Полоцкъ защищался очень упорно болѣе трехъ недѣль. Жители усердно помогали воинамъ, бросались тушить пожары, когда они вспыхивали отъ непріятельскихъ выстрѣловъ; женщины и старики спускались на веревкахъ и подъ ядрами доставали воду изъ Двины; но, не смотря на все упорство защиты, городъ былъ, наконецъ, взятъ. Затѣмъ послѣ страшной рѣзни, Баторій занялъ крѣпость Соколъ.

1580 годъ былъ еще несчастнѣе для русскихъ. Баторій бралъ городъ за городомъ (Велижъ, Усвятъ, Великіе Луки), а съ другой стороны шведскій полководецъ Делагарди одерживалъ верхъ надъ русскими въ Эстоніи.

Царь смирился, понизилъ свою рѣчь въ переговорахъ съ королемъ, сталъ говорить миролюбивѣе. Посламъ къ королю было наказано вести себя покорно, — если король не встанетъ, не отвѣтитъ на поклонъ царя, не спроситъ о его здо-

Русское посольство къ императору.

ровьѣ, то все это оставить безъ вниманія, даже снести брань и всякія обиды, а „самимъ не задирать и невѣжливыхъ словъ королю не говорить“.

Послы предложили королю отъ имени царя Ливонію, за исключеніемъ четырехъ городовъ; но король требовалъ всей Ливоніи, сверхъ того еще уступки Себежа и уплаты 400 тысячъ золотыхъ венгерскихъ за военныя издержки.

Царь былъ сильно раздосадованъ этими новыми требованіями короля, написалъ ему укорительное письмо. „Мы ищемъ того, какъ бы кровь христіанскую унять, а ты, говорилось въ письмѣ, ищешь того, какъ бы воевать“.

Попытки помириться на иныхъ условіяхъ тоже не состоялись.

Баторій выступилъ въ новый походъ, а къ царю послалъ дерзкое посланіе, гдѣ называлъ его фараономъ московскимъ, волкомъ и пр. „Для чего ты

*

къ намъ не прибылъ съ войсками своими? спрашиваетъ между прочимъ Баторій, — для чего своихъ подданныхъ не оборонялъ? и бѣдная курица предъ ястребомъ и орломъ птенцовъ своихъ крыльями покрываетъ, а ты, орелъ двуглавый (ибо такова твоя печать), прячешься!".. „Если не хочешь крови христіанской проливать, — прибавлялъ Баторій, — такъ уговоримся о мѣстѣ и о часѣ, сядемъ на коней, и сразимся между собой".

26-го августа польскія войска взяли крѣпость Островъ и подошли ко Пскову. Здѣсь и кончились успѣхи Баторія. Псковъ славился какъ лучшая русская крѣпость; стѣны тутъ недавно были возобновлены; на нихъ поставлено много хорошихъ пушекъ; въ городъ введено сильное войско, во главѣ котораго стояли опытные воеводы, особенно доблестный князь Иванъ Петровичъ Шуйскій.

О достопамятной оборонѣ Пскова сохранилось подробное сказаніе (повѣсть о псковской осадѣ).

Баторій велѣлъ укрѣпиться подъ стѣнами города, рыть борозды (траншеи), ставить туры для прикрытія людей и пушекъ. Защитники Пскова тоже не теряли времени, принялись строить внутреннія укрѣпленія... 7-го сентября на разсвѣтѣ непріятель открылъ сильную пальбу; изъ двадцати большихъ орудій громилъ городскую стѣну, стараясь сдѣлать въ ней проломы для приступа. На другой день стѣна въ нѣсколькихъ мѣстахъ была сбита. Путь въ городъ былъ открытъ, и воеводы Баторія, сидѣвшіе въ это время за обѣдомъ, хвалились, что ужинать будутъ во Псковѣ.

Распустивъ знамена, при звукахъ трубъ, пошли поляки, венгры и нѣмцы на приступъ. Въ городѣ по звону осаднаго колокола не только воины спѣшили къ своимъ мѣстамъ, но и всѣ жители, могущіе держать оружіе въ рукахъ, бѣжали на помощь своимъ, и стали съ воинами въ самомъ опасномъ мѣстѣ между развалинами каменной стѣны и новою деревянной, еще недостроенной. Но, не смотря на ужасный огонь, открытый по непріятелю, онъ упорно шелъ впередъ, по трупамъ своихъ достигъ крѣпости, сломилъ отчаянное сопротивленіе и ворвался... Уже на двухъ башняхъ (Покровской и Свиной) развѣвались королевскія знамена. Русскіе изнемогали и все больше и больше подавались подъ напоромъ враговъ. Шуйскій, облитый кровью, сошелъ со своего раненаго коня и удерживалъ отступающихъ... Въ это самое время духовенство вынесло изъ храма образъ Богоматери и мощи св. Всеволода-Гавріила, и шло въ самый пылъ битвы. Бойцы при видѣ своей мѣстной святыни ободрились. Вдругъ съ ужаснымъ громомъ и трескомъ взлетѣла на воздухъ Свиная башня. Воеводамъ удалось взорвать ее. Ровъ наполнился истерзанными тѣлами враговъ, овладѣвшихъ башней. Непріятель оторопѣлъ. Русскіе дружно ударили на враговъ, и смяли ихъ. Подоспѣли къ мѣсту боя свѣжіе отряды воиновъ изъ болѣе отдаленныхъ частей города; враги не выдержали новаго напора и побѣжали... Дольше всѣхъ защищались венгры, засѣвшіе въ Покровской башнѣ; наконецъ, и ихъ осилили. Жители помогали воинамъ, приносили воду, убирали раненыхъ, веревками тащили легкія пушки, брошенныя непріятелемъ у стѣнъ. Уже поздно ночью вернулись побѣдители въ городъ съ огромнымъ числомъ плѣнныхъ. Это достопамятное дѣло происходило 8-го сентября.

Пытался всячески Баторій взять Псковъ: велѣлъ дѣлать подкопы, стрѣлять день и ночь въ крѣпость, пускать каленыя ядра, чтобы произвести пожаръ; написалъ увѣщаніе русскимъ воеводамъ, обѣщая имъ и городу всякія льготы, если сдадутся, и неминуемую гибель въ случаѣ упорства. Такъ какъ осажденные не хотѣли имѣть никакихъ сношеній съ непріятелемъ, то письмо короля съ этимъ увѣщаніемъ было пущено въ городъ со стрѣлою.

Такимъ же способомъ псковскіе воеводы прислали королю свой отвѣтъ:

— „За богатства всего міра не измѣнимъ своему крестному цѣлованію. Если Богъ за насъ, никто не осилитъ насъ! Мы готовы умереть, но не предадимъ Пскова... Готовься на брань, а чья будетъ побѣда—Богъ покажетъ"!

Неудались Баторію и подкопы: осажденные вели противъ нихъ свои мины и рѣзались съ непріятелемъ подъ землею. Напрасны были и новые приступы. Когда враги подходили къ стѣнѣ, прикрываясь большими щитами отъ пуль, и старались ломами пробить каменную стѣну, русскіе на нихъ лили горящую смолу, шестами съ крючьями оттаскивали ихъ отъ стѣны.

Войско Баторія, не смотря на то, что числомъ вдвое превосходило осажденныхъ, совсѣмъ упало духомъ и отчаялось осилить городъ, даже подгороднаго Печерскаго монастыря неудалось ему взять.

Хотя доблестная оборона Пскова нѣсколько и ободрила царя, но все-таки онъ сильно желалъ мира. Шведскій полководецъ Делагарди отнималъ у русскихъ городъ за городомъ, взялъ Гапсаль, Нарву, отнялъ и старые русскіе города: Яму (Ямбургъ) и Копорье.

Тяжела становилась царю война съ двумя сосѣдями: онъ рѣшился помириться хоть съ Польшей; послалъ посольство въ Римъ къ папѣ, просилъ его помочь миру и выражалъ желаніе сблизиться съ нимъ и императоромъ на случай войны съ турками.

Папа съ радостью согласился быть посредникомъ: въ Римѣ все еще не теряли надежды прибрать къ рукамъ русскую православную церковь. Въ Москву былъ отправленъ папскій легатъ (посолъ) Антоній Поссевинъ. Это былъ очень умный и ловкій человѣкъ. Приняли его на Руси съ большимъ почетомъ; но когда онъ началъ было говорить о дѣлахъ вѣры, то царь уклончиво заявилъ, что прежде всего надо уладить миръ.

При посредствѣ Поссевина, переговоры начались въ деревнѣ Киверова гора, у Запольскаго яма. Русскіе послы такъ упорно отстаивали выгоды своего государя, что нѣсколько разъ Поссевинъ выходилъ изъ себя: онъ начиналъ уже браниться, и даже до того дошло, что одного посла схватилъ за воротъ... Съ большимъ трудомъ было наконецъ заключено перемиріе въ январѣ 1582 года на десять лѣтъ. Іоаннъ уступалъ Баторію всѣ свои завоеванія въ Ливоніи и Полоцкъ.

Война со шведами продолжалась еще съ годъ. Наконецъ, въ маѣ 1583 года было заключено трехлѣтнее перемиріе на рѣкѣ Плисѣ. Швеція удерживала не только всю Эстонію, но и русскіе города: Яму и Копорье.

Такъ печально кончились важные замыслы царя овладѣть Балтійскимъ побережьемъ и войти въ болѣе близкія сношенія съ Западомъ. Велики были силы Москвы; но западное военное искусство еще брало верхъ надъ ними.

Въ это время приходилось царю обратить военную силу на востокъ, на приволжскій край: тамъ поднялась луговая черемисса.

Антоній Поссевинъ.

По заключеніи перемирія Поссевинъ снова явился въ Москву и сталъ добиваться бесѣды съ царемъ о вѣрѣ, о соединеніи церквей. Не смотря на то, что государь всячески уклонялся отъ этого разговора, легатъ неотвязно добивался своего. Наконецъ, его допустили къ царю, и въ присутствіи бояръ произошло любопытное преніе царя съ папскимъ посломъ.

Поссевинъ держалъ рѣчь, старался убѣдить царя, что между римской и греческой вѣрой нѣтъ существеннаго различія, ссылался на флорентійскій соборъ (сочиненіе объ этомъ соборѣ онъ раньше поднесъ царю), указывалъ на то, что соединеніе съ Римомъ увеличитъ могущество царя, сдружитъ его съ государями Запада и станетъ онъ настоящимъ восточнымъ императоромъ.

Царь на это уклончиво сказалъ:

— „Въ нашей православной вѣрѣ я родился и съ Божіей помощью достигъ 51 года; слѣдовательно, мнѣ не время уже перемѣнять исповѣданіе или желать обширнѣйшаго государства; я помышляю только о жизни будущей!“... Въ заключеніе снова заявилъ, что онъ не хочетъ разсуждать о церковныхъ вопросахъ, чтобы не сказать чего лишняго и непріятнаго.

Настойчивый Поссевинъ увѣрялъ, что можно говорить и объ этихъ вопросахъ хладнокровно и настаивалъ на продолженіи переговоровъ.

Эта неотвязность видимо начинала раздражать царя.

— „Не хочу говорить съ тобой о великихъ догматахъ вѣры, началъ онъ, тебѣ было бы это непріятно, а вотъ дѣло малое: вижу, что ты брѣешь бороду, а брить и стричь бороды не велѣно не только духовнымъ, но и мірскимъ людямъ; ты же въ римской церкви попъ, а бороду стрижешь. Откуда ты это взялъ изъ какого ученія?“

Этотъ совсѣмъ нежданный вопросъ озадачилъ Поссевина: онъ смущенно проговорилъ, что у него борода не ростетъ.

Но царь, начавъ говорить, не могъ уже сдержать своей рѣчи.

— „Сказывали мнѣ, продолжалъ онъ, что папу носятъ на престолѣ и цѣлуютъ его сапогъ, на которомъ вышитъ крестъ съ изображеніемъ распятія Христова. Ежели это правда, то хорошо ли это? Вотъ первая причина несогласія нашей вѣры съ вашей... Мы поклоняемся честному кресту по преданію святыхъ апостоловъ и св. отцевъ церкви и ниже пояса у насъ креста не носятъ и образовъ не ставятъ“.

Затѣмъ царь, ссылаясь на мѣста св. писанія, распространился о необходимости для пастырей церкви смиренія, и сказалъ между прочимъ:

— „Папа не Христосъ; престолъ, на которомъ его носятъ, не облако, да и тѣ, которые его носятъ, не ангелы!“

Поссевинъ, отвѣчалъ, что папамъ воздаютъ честь, какъ намѣстникамъ Христа; причемъ напомнилъ, что вѣдь преклоняются же предъ государями и прибавилъ:

— „Вотъ ты тоже государь великій въ своемъ государствѣ! Какъ же намъ не величать тебя и не припадать къ ногамъ твоимъ“?

Съ этими словами Поссевинъ поклонился въ ноги царю. Но эта уловка не имѣла успѣха.

— „Святителямъ, ученикамъ апостольскимъ, сказалъ царь, — слѣдуетъ подавать собою примѣръ смиренія, а не возноситься гордостью превыше царей земныхъ. Царямъ подобаетъ честь царская, а святителямъ, папамъ и патріархамъ, — честь святительская. Тѣ папы, которые слѣдовали заповѣдямъ Христовымъ, апостольскому преданію и постановленіямъ семи вселенскихъ соборовъ, были дѣйствительно сопрестольниками апостоловъ; а папа, который идетъ на перекоръ ученію Христову, тотъ папа, говорю, не пастырь, а волкъ“.

— „Если ужь папа волкъ, рѣзко сказалъ обиженный Поссевинъ, то чтожъ тутъ мнѣ и говорить! Зачѣмъ же посылалъ ты просить его о помощи? зачѣмъ называлъ его, какъ и предшественники твои, пастыремъ церкви?“

Раздраженный царь въ гнѣвѣ вскочилъ со своего мѣста, и, приступая къ Поссевину съ палкой своей закричалъ:

— „Видно, у мужиковъ ты учился, что осмѣливаешься со мной говорить по-мужицки!“

Поссевинъ струсилъ и сталъ извиняться... Царь въ свою очередь одумался и поспѣшилъ загладить свою горячность.

— „Говорилъ я тебѣ давича, сказалъ онъ уже мягко Поссевину, что разговоръ о вѣрѣ не кончится безъ непріятности; впрочемъ, я не вашего папу, прибавилъ онъ, называю волкомъ, а того папу, который не захочетъ слѣдовать ученію Христову и преданію апостольскому. Однако, оставимъ этотъ разговоръ!“

Думалъ Поссевинъ добиться хотя того, чтобы католикамъ позволено было имѣть свою церковь въ Москвѣ; но это тоже не удалось. Ему отвѣтили такъ:

— „Имъ (католикамъ) вольно пріѣзжать въ наше государство и попамъ ихъ съ ними; только бы они ученія своего между русскими людьми не плодили и костеловъ не ставили: пусть каждый остается въ своей вѣрѣ. Въ нашемъ государствѣ много разныхъ вѣръ; мы ни у кого воли не отнимаемъ, — живутъ всѣ по своей волѣ, какъ кто хочетъ, а церквей иновѣрныхъ до сихъ поръ въ нашемъ государствѣ не ставливали.“

Сухо было принято также предложеніе Поссевина отпустить нѣсколькихъ молодыхъ русскихъ людей въ Римъ для ученія.

— „Теперь въ скорости годныхъ для этого людей собрать нельзя, а какъ Богъ дастъ наши приказные такихъ людей наберутъ, то мы, посулилъ царь, ихъ пришлемъ къ папѣ“.

Очень недовѣрчиво смотрѣли православные русскіе на католическое духовенство, и справедливо опасались властолюбивыхъ замысловъ папъ. Попытка Рима подчинить своей власти восточную православную церковь и на этотъ разъ не удалась. Впрочемъ, царь видимо хотѣлъ поддержать добрыя отношенія съ папой и въ грамотѣ писалъ ему:

„Мы грамоту твою радостно приняли и любительно выслушали, посла твоего Антонія съ великой любовью приняли; мы хотимъ быть въ братствѣ съ тобою, цесаремъ и съ другими христіанскими государями, чтобы христіанство было освобождено изъ рукъ мусульманскихъ и пребывало въ покоѣ“...

Покореніе Сибири.

Въ то время, какъ неудачи на западѣ сильно огорчали царя, нежданно его порадовало завоеваніе огромной области на востокѣ.

Еще въ 1558 году царь подарилъ богатому промышленнику Григорію Строганову большія незаселенныя земли по обѣ стороны рѣки Камы до Чусовой на протяженіи 146 верстъ. Григорій Строгановъ съ братомъ Яковомъ, по примѣру отца, нажившаго громадное состояніе въ Сольвычегодскѣ соляным промысломъ, задумалъ завести соляныя варницы въ большомъ размѣрѣ въ новомъ краю, заселить его, завести хлѣбопашество и торговлю. Заселеніе пустопорожнихъ мѣстъ, заведеніе новыхъ промысловъ было, конечно, очень выгодно для

Старинныя хоромы Строгановыхъ въ Сольвычегодскѣ.

всего государства, и потому царь не только охотно уступалъ земли предпріимчивымъ промышленникамъ, но давалъ имъ и большія льготы.

Строгановымъ дано было право призывать въ свои земли свободныхъ людей, творить судъ надъ поселенцами, которые на двадцать лѣтъ избавлялись отъ всякихъ податей и повинностей; потомъ дано право строить укрѣпленія и держать вооруженные отряды для обороны отъ нападеній сосѣднихъ народцевъ (остяковъ, черемиссы, ногаевъ и др.). Наконецъ, позволено было Строгановымъ набирать себѣ охочихъ людей, казаковъ, и ходить войной противъ враждебныхъ инородцевъ. Скоро Строгановымъ пришлось столкнуться и съ племенами, жив-

шими по сосѣдству, за Уральскими горами. Здѣсь на берегахъ рѣкъ — Тобола, Иртыша и Туры находилось татарское царство; главный городъ назывался Искеръ, или Сибирь, на рѣкѣ Тоболѣ; по имени этого города и все царство называлось Сибирскимъ. Раньше сибирскіе ханы искали покровительства московскаго царя, одно время платили ему даже ясакъ (дань) мѣхами, но послѣдній ханъ Кучумъ выказалъ вражду къ Москвѣ, билъ и бралъ въ плѣнъ остяковъ, платившихъ ей дань; а царевичъ сибирскій Махметъ-Кулъ ходилъ съ войскомъ на рѣку Чусовую провѣдывать пути къ Строгановскимъ городкамъ, причемъ побилъ здѣсь много московскихъ данниковъ, женъ и дѣтей ихъ забралъ въ плѣнъ. Строгановы увѣдомили объ этомъ царя и челомъ ему били позволить имъ укрѣпиться за Ураломъ, держать для обороны и тамъ огненный нарядъ (артиллерію), и на свой счетъ набирать добровольцевъ для борьбы съ врагами. Царь позволилъ. Это было въ 1574 году. Григорія и Якова Строгановыхъ уже не было въ живыхъ. Дѣло продолжали ихъ младшій братъ Семенъ и дѣти: Максимъ, сынъ Якова, и Никита, сынъ Григорія.

Навербовать дружину удальцовъ въ то время было нетрудно.

По южнымъ и восточнымъ степнымъ окраинамъ Московскаго государства, какъ было сказано, являются еще съ XV вѣка вольные, гулящіе люди, охочіе до войны, — казаки. Одни изъ нихъ жили по станицамъ, несли государеву службу, обороняли границы отъ нападеній разбойничьихъ татарскихъ шаекъ, а другіе, въ полномъ смыслѣ вольныя „степныя птицы“, уходили изъ подъ всякаго надзора, „гуляли“ въ степномъ раздольѣ, нападали, на свой страхъ, на татаръ, грабили ихъ, охотились въ степи, рыбачили по рѣкамъ, разбивали купеческіе караваны татарскіе, да и русскимъ купцамъ порою спуску не давали... Шайки такихъ казаковъ гуляли и по Дону, и по Волгѣ. На жалобы ногайскаго хана, что казаки, не смотря на то, что онъ въ мирѣ съ Москвой, грабятъ татарскихъ купцовъ по Дону, царь отвѣчалъ:

„Эти разбойники живутъ на Дону безъ нашего вѣдома, отъ насъ бѣгаютъ. Мы и прежде посылали не одинъ разъ, чтобы ихъ переловить, но люди наши добыть ихъ не могутъ“.

Изловить въ широкихъ степяхъ шайки этихъ „воровскихъ“ казаковъ, какъ ихъ звали, дѣйствительно, было очень мудрено.

Ватагу такой казацкой вольницы, болѣе 500 человѣкъ, привелъ на службу Строгановымъ атаманъ Василій Тимоѳеевъ, по прозвищу Ермакъ. Это былъ удалецъ богатырской силы, притомъ очень ловкій, смѣтливый... Главными помощниками его были Иванъ Кольцо, за свои разбои осужденный на смерть, но не пойманный, Никита Панъ и Василій Мещерякъ, — все это были молодцы, прошедшіе, какъ говорится, огонь и воду, не знавшіе страха. Походили на нихъ и остальные товарищи Ермака. Такихъ-то людей, готовыхъ на все, и надо было Строгановымъ. Они хотѣли не только оборонить свои владѣнія отъ набѣговъ сибирскаго царя, но дать ему острастку, чтобы надолго отвадить отъ нападеній. Для этого рѣшено было напасть на Кучума въ его собственныхъ владѣніяхъ. Это предпріятіе, сулившее и добычу хорошую, и славу воинскую, пришлось очень по душѣ Ермаку и его молодцамъ. Строгановы снабдили ихъ всѣмъ нужнымъ: съѣстными припасами, ружьями, даже небольшими пушками.

Къ отряду Ермака присоединилось еще нѣсколько десятковъ удальцовъ-охотниковъ, такъ что всего въ отрядѣ насчитывали 840 человѣкъ. Забравъ съ собою вожатыхъ, знавшихъ хорошо рѣчные пути, и толмачей, Ермакъ 1-го сентября 1582 года отправился съ удалой дружиной искать счастья.

По навѣтамъ одного воеводы, недоброхота Строгановыхъ, царь приказалъ имъ вернуть Ермака и не задирать сибирскаго „Салтана"; но царская грамота пришла поздно: казаки были уже далеко.

Сначала плыли они на стругахъ и челнахъ вверхъ по рѣкѣ Чусовой; затѣмъ повернули въ рѣку Серебрянку. Труденъ былъ этотъ путь, — въ иныхъ мѣстахъ по мелководью приходилось плыть на плотахъ. Изъ Серебрянки перевезлись волокомъ чрезъ проходы въ Уральскомъ хребтѣ въ рѣку Жаровлю, впадающую въ Тагилъ, отсюда спустились въ рѣку Туру. До сихъ поръ казаки никакой помѣхи не встрѣчали; рѣдко даже и людей по берегамъ видѣли: земля здѣсь была дикая, почти совсѣмъ безлюдная. По рѣкѣ Турѣ пошло люднѣе. Здѣсь впервые встрѣтили городокъ (теперь городъ Туринскъ), гдѣ властвовалъ князекъ Епанча. Тутъ пришлось уже въ дѣло пустить оружіе, потому что съ берега стали стрѣлять изъ луковъ по казакамъ. Они дали залпъ изъ ружей. Нѣсколько татаръ упало; остальные въ ужасѣ ударились въ бѣгство: никогда еще они не видали огнестрѣльнаго оружія. Городокъ Епанчи былъ разоренъ казаками. Скоро пришлось имъ и другую толпу татаръ разогнать пальбой. Захваченныхъ въ плѣнъ настращали выстрѣлами, показывали имъ, какъ пули пробиваютъ ихъ доспѣхи, и добыли отъ нихъ свѣдѣнія о Кучумѣ и силахъ его. Нѣкоторыхъ изъ плѣнниковъ Ермакъ нарочно отпускалъ на волю, чтобъ они разносили всюду страхъ своими разсказами о чудесномъ свойствѣ русскаго оружія.

— „Сильны русскіе воины, — говорили они, по свидѣтельству лѣтописи, — когда стрѣльнутъ изъ своихъ луковъ, тогда огонь изъ нихъ пышетъ, дымъ великій исходитъ и какъ будто громъ гряметъ. Стрѣлъ не видно, а ранятъ и на смерть бьютъ. Ущититься отъ нихъ никакими доспѣхами нельзя: куяки, панцыри и кольчуги наши, — все пробиваютъ насквозь!"

На ружье, конечно, болѣе всего и надѣялась горсть храбрецовъ, задумавшая ни болѣе, ни менѣе какъ завоевать цѣлое царство и покорить десятки тысячъ людей.

Казаки плыли внизъ по Тоболу и не разъ приходилось имъ разгонять выстрѣлами толпы туземцевъ. Кучумъ хотя и былъ напуганъ и разсказами бѣглецовъ о большихъ силахъ врага, и разными зловѣщими предсказаніями, но сдаваться безъ боя не намѣренъ былъ. Собралъ онъ все свое войско. Самъ расположился станомъ на берегу Иртыша, близъ устья Тобола (не-подалеку отъ нынѣшняго города Тобольска) на горѣ Чувашево, и устроилъ здѣсь новую засѣку на всякій случай, а царевича Махметъ-Кула отрядилъ съ большимъ войскомъ впередъ, на встрѣчу казакамъ. Онъ встрѣтилъ ихъ на берегу Тобола, при урочищѣ Бабасанъ, завязалъ битву, но не могъ осилить ихъ. Они плыли впередъ; на пути взяли еще городокъ; нашли тутъ богатую добычу, забрали съ собою и отправились дальше. При впаденіи Тобола въ Иртышъ татары снова настигли казаковъ и осыпали ихъ стрѣлами. Казаки отбили и это нападеніе, но у нихъ было уже нѣсколько убитыхъ и почти всѣ были переранены стрѣлами. Дѣло

становилось горячимъ. Татары, вѣрно, разглядѣли, что враговъ не слишкомъ-то много и всѣми силами налегли на нихъ. Но казаки были уже недалеко отъ столицы. Скоро должна была рѣшиться участь ихъ похода. Надо было выбить Кучума изъ его засѣки и овладѣть столицей. Призадумались было казаки: силы у Кучума было гораздо больше, — на каждаго русскаго, пожалуй, по двадцати татаръ приходилось. Собрались казаки въ кругъ и стали толковать, какъ быть: впередъ ли идти, или назадъ вернуться. Одни стали говорить, что надо вернуться; другіе и самъ Ермакъ иначе разсуждали.

— „Братцы, — говорили они, — куда намъ бѣжать? Осень уже; въ рѣкахъ ледъ смерзается... Не примемъ худой славы, укоризны на себя не положимъ, будемъ надѣяться на Бога: Онъ и безпомощнымъ помощникъ! Вспомнимъ, братцы, обѣщаніе, какое мы дали честнымъ людямъ (Строгановымъ). Назадъ со стыдомъ возвратиться намъ нельзя. Коли Богъ намъ поможетъ, то и по смерти память наша не оскудѣетъ въ этихъ странахъ, и слава наша вѣчна будетъ!“.

Согласились съ этимъ всѣ, порѣшили — оставаться и до смерти биться.

На разсвѣтѣ, 23-го октября, казаки двинулись на засѣку. Пушки и ружья сослужили теперь имъ свою службу. Татары изъ своей ограды пускали тучи стрѣлъ, но мало вреда причиняли русскимъ удальцамъ; наконецъ сами проломали свою засѣку въ трехъ мѣстахъ и ударили на казаковъ. Начался страшный рукопашный бой. Тутъ ужь ружья не помогали: приходилось рубиться мечами или схватываться прямо руками. Оказалось, что казаки и здѣсь себя показали богатырями: не смотря на то, что враги были въ двадцать разъ многочисленнѣе, казаки сломили ихъ. Махметъ-Кулъ былъ раненъ, татары смѣшались, многіе упали духомъ; иные подвластные Кучуму князьки, видя, что враги одолѣваютъ, оставили бой. Кучумъ бѣжалъ сначала въ свою столицу Сибирь, захватилъ здѣсь свои пожитки и бѣжалъ дальше.

26 октября казаки заняли покинутую жителями Сибирь. Пріуныли было побѣдители въ пустомъ городѣ. Ихъ сильно ужъ поубавилось: въ послѣднемъ только сраженіи пало ихъ 107 человѣкъ; было не мало раненыхъ и больныхъ. Идти дальше имъ стало уже не въ мочь, а между тѣмъ запасы у нихъ кончились и наступала лютая зима. Голодъ и смерть грозили имъ...

Но чрезъ нѣсколько дней остяки, вогуличи, татары со своими князьками стали приходить къ Ермаку, бить ему челомъ, — приносили ему дары и разные припасы; онъ же приводилъ ихъ къ присягѣ государю, обнадеживалъ ихъ его милостью, обходился ласково и отпускалъ безъ всякой обиды въ ихъ юрты. Казакамъ строго было запрещено обижать покорившихся туземцевъ.

Зиму провели казаки спокойно; только Махметъ-Кулъ напалъ было на нихъ, Ермакъ разбилъ его, и онъ нѣсколько времени не безпокоилъ казаковъ; но съ наступленіемъ весны думалъ было въ расплохъ напасть на нихъ, да самъ попалъ въ просакъ: казаки подстерегли враговъ, напали на нихъ сонныхъ ночью и захватили въ плѣнъ Махметъ-Кула. Ермакъ обошелся съ нимъ очень привѣтливо. Плѣнъ этого храбраго и ретиваго татарскаго витязя былъ ударомъ для Кучума. Въ это же время на него шелъ войной его личный врагъ, одинъ татарскій князь; наконецъ, свой воевода измѣнилъ ему. Дѣла Кучума были совсѣмъ плохи.

Лѣто 1582 года казаки провели въ походахъ, покоряя татарскіе городки и улусы по рѣкамъ Иртышу и Оби. Между тѣмъ Ермакъ далъ знать Строгановымъ, что онъ „салтана Кучума одолѣлъ, стольный городъ его взялъ и царевича Махмета-Кула полонилъ". Строгановы спѣшили обрадовать этою вѣстью царя. Скоро явилось въ Москву и особое посольство отъ Ермака—Иванъ Кольцо съ нѣсколькими товарищами бить челомъ государю царствомъ Сибирскимъ и поднести ему въ даръ драгоцѣнныя произведенія завоеваннаго края—мѣха соболья, бобровые и лисьи.

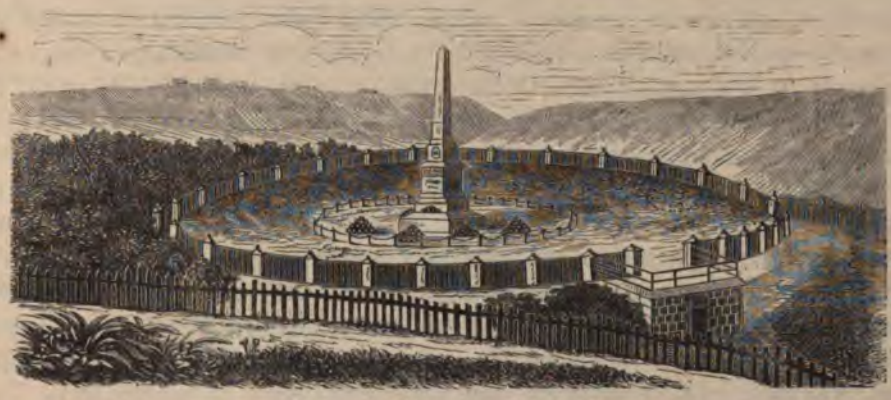
Давно уже, говорятъ современники, не бывало такой радости въ Москвѣ. Молва, что не оскудѣла милость Божія къ Россіи, что Богъ послалъ ей новое обширное царство, быстро разносилась въ народѣ и радовала всѣхъ, привыкшихъ слышать за послѣдніе годы только о неудачахъ и бѣдствіяхъ

Грозный царь принялъ Ивана Кольцо милостиво, не только простилъ его съ товарищами за прежія ихъ преступленія, но щедро наградилъ, а Ермаку, говорятъ, послалъ въ подарокъ шубу съ плеча своего, серебряный ковшъ и два панцыря; но что важнѣе всего,—отправилъ въ Сибирь воеводу, князя Болховскаго, съ значительнымъ отрядомъ войска. Очень ужъ немного удальцовъ оставалось подъ рукою Ермака, и трудно ему было бы удержать свое завоеваніе безъ помоги. Махметъ-Кулъ былъ отправленъ въ Москву, гдѣ поступилъ на службу царю; но Кучумъ всетаки успѣлъ оправиться и войти въ силу. Русскимъ воинамъ плохо пришлось въ Сибири: они терпѣли часто недостатки въ жизненныхъ припасахъ; распространились между ними болѣзни; случалось, что татарскіе князьки, притворившись сначала вѣрными данниками и союзниками, губили потомъ отряды казаковъ, довѣрившихся имъ. Такъ погибъ Иванъ Кольцо съ нѣсколькими товарищами. Воевода, присланный царемъ, умеръ отъ болѣзни.

Скоро затѣмъ погибъ и самъ Ермакъ. Провѣдалъ онъ, что Кучумъ собирается перехватить на пути бухарскій караванъ, шедшій въ Сибирь. Захвативъ съ собою 50 своихъ удальцовъ, Ермакъ поспѣшилъ навстрѣчу бухарскимъ купцамъ, чтобы охранять ихъ отъ хищниковъ на пути по Иртышу. Цѣлый день казаки поджидали караванъ, при впаденіи рѣки Вагая въ Иртышъ; но ни купцы, ни хищники не показывались... Ночь была бурная. Дождь лилъ ливмя. Вѣтеръ бушевалъ на рѣкѣ. Истомленные казаки расположились отдохнуть на берегу, и скоро заснули какъ убитые. Оплошалъ на этотъ разъ Ермакъ,—не поставилъ сторожей, не думалъ, видно, чтобы враги напали въ такую ночь. А непріятель былъ очень близокъ: съ другой стороны рѣки подстерегалъ казаковъ!.. Кучумовы лазутчики нашли въ рѣкѣ бродъ, пробрались къ русскимъ, и затѣмъ принесли своимъ радостную вѣсть, что казаки спятъ мертвецкимъ сномъ, въ доказательство чего представили три похищенныя у нихъ пищали и пороховницы. По указанію лазутчиковъ татары перебрели тайкомъ чрезъ рѣку, напали на спящихъ казаковъ и перерѣзали ихъ всѣхъ, кромѣ двухъ. Одинъ спасся и принесъ въ Сибирь ужасную вѣсть объ избіеніи отряда, а другой — самъ Ермакъ, услышавъ стоны, вскочилъ, успѣлъ своей саблей отбить убійцъ, кинувшихся на него, бросился съ берега въ Иртышъ, думая спастись вплавь, но утонулъ отъ тяжести своихъ желѣзныхъ доспѣховъ (5 августа 1584 г.). Чрезъ нѣсколько дней тѣло Ермака теченіемъ рѣки прибило къ берегу, гдѣ и нашли его татары, и

по богатымъ доспѣхамъ съ мѣдной оправой, съ золотымъ орломъ на груди, узнали въ утопленникѣ покорителя Сибири. Понятно, какъ обрадовался этому Кучумъ, какъ торжествовали гибель Ермака всѣ враги его! А въ Сибири вѣсть о смерти вождя привела русскихъ въ такое отчаяніе, что они уже не пытались и бороться съ Кучумомъ, покинули Сибирь, чтобы вернуться къ себѣ на родину, Это случилось уже по смерти Грознаго.

Но дѣло Ермака не погибло. Путь въ Сибирь былъ указанъ, и начало русскому владычеству здѣсь положено. Послѣ смерти Грознаго и гибели Ермака, русскіе отряды одинъ за другимъ шли по пути, который онъ указалъ, за Каменный поясъ (Уралъ); туземные полудикіе народцы одни за другими подпадали подъ власть русскаго царя, несли ему свой ясакъ (подать); заводились въ новомъ краю русскіе поселки, строились города, и мало по малу весь сѣверъ Азіи съ его неисчерпаемыми богатствами достался Россіи.



Памятникъ Ермаку въ Тобольскѣ.

Не ошибся Ермакъ, когда говорилъ своимъ сподвижникамъ: „не оскудѣетъ память наша въ этихъ странахъ“. Память объ удальцахъ, положившихъ начало русскому владычеству въ Сибири, живетъ донынѣ и здѣсь, и на ихъ родинѣ. Въ своихъ пѣсняхъ нашъ народъ и до сихъ поръ вспоминаетъ объ удаломъ казацкомъ атаманѣ, который искупилъ свои вины передъ царемъ покореніемъ Сибири. Въ одной пѣснѣ говорится о Ермакѣ, какъ онъ, одолѣвъ Кучума, послалъ сказать царю:

«Ой ты гой еси, надежа-православный царь!
Не вели меня казнить, да вели рѣчь говорить:
Какъ и я-то, Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ,
Какъ и я-то гулялъ по синю-морю,
Что по синю морю по Хвалынскому (Каспійскому),
Какъ и я-то разбивалъ вѣдь бусы-корабли...
А теперича, надежа-православный царь,
Приношу тебѣ буйную головушку
И съ буйной головушкой царство Сибирское!».

Сохранились въ Сибири и мѣстныя преданія о Ермакѣ; а въ 1839 году въ городѣ Тобольскѣ, неподалеку отъ мѣста, гдѣ находился древній Искеръ, или Сибирь, поставленъ памятникъ, чтобы увѣковѣчить память удалого покорителя этого края.

Послѣдніе годы царствованія Грознаго.

Тяжелой порой для Русской земли были послѣдніе годы царствованія Грознаго. Покореніе Сибири было единственнымъ радостнымъ событіемъ. Неудачи на западѣ сильно раздражали царя, по-прежнему шли розыски дѣйствительныхъ и мнимыхъ измѣнниковъ, совершались пытки и лютыя казни... Хотя ненавистная всѣмъ опричнина была отмѣнена еще въ 1572 году, но отмѣнена лишь по имени: царя все-таки окружали люди, которые пользовались его подозрительностью и другими слабостями для своекорыстныхъ цѣлей. Прежнихъ любимцевъ царя уже не было подлѣ него: князь Афанасій Виземскій и Алексѣй Басмановъ, погубивши множество людей, сами были казнены во время московскихъ казней, такъ какъ царь и этихъ страшныхъ совѣтниковъ своихъ заподозрилъ въ крамолѣ. Малюта Скуратовъ былъ убитъ при осадѣ Полоцка. Но на бѣду Россіи и властелина ея, новые его приближенные находили болѣе удобнымъ для себя потакать слабостямъ и страстямъ его, чѣмъ стоять за правду.

Изъ Полоцка, послѣ взятія его Баторіемъ, Курбскій прислалъ царю два письма въ отвѣтъ на его второе посланіе. Всячески старается Курбскій оправдать свою измѣну и снова коритъ царя за то, что онъ вмѣсто прежнихъ добрыхъ совѣтниковъ приблизилъ къ себѣ дурныхъ людей. „Когда прельстили тебя, говорится въ письмѣ, презлые и прелукавые человѣкоугодники, (которые смертоноснѣе всякой язвы въ государствѣ, — въ этомъ согласны всѣ мудрые), ласкатели, губящіе и тебя, и отечество свое, чего только Богъ не попустилъ на Русскую землю?!—И голодъ, и моровое повѣтріе, и варварскій мечъ, и сожженіе Москвы, и опустошеніе всей Русской земли, и, что горше всего,—бѣгство царя отъ врага!.. Ты, какъ говорятъ здѣсь, хоронясь отъ татаръ по лѣсамъ, едва не погибъ отъ голоду съ кромѣшниками твоими!.. А когда жилъ ты богоугодно, тотъ же измаилитскій песъ (крымскій ханъ) предъ нами, наименьшими твоими слугами, бѣгалъ въ дикомъ полѣ и мѣста себѣ найти не могъ. Вмѣсто теперешнихъ тяжкихъ даней твоихъ хану мы прежде платили ему дань нашими саблями по басурманскимъ головамъ!“

Съ презрѣніемъ отзывается Курбскій о царскихъ воеводахъ, воевавшихъ въ Ливоніи, называетъ ихъ „окаянными воеводишками“, коритъ царя за то, что онъ не смогъ оборонить Полоцка, отдалъ его врагу со всѣмъ народомъ, и въ заключеніе говоритъ, что пора уже царю опомниться, укротиться и войти въ чувства...

Въ другомъ письмѣ Курбскій глубоко скорбитъ о пагубной перемѣнѣ въ царѣ и о бѣдствіяхъ отечества.

„Если пророки плакали и рыдали, говорится въ письмѣ о градѣ Іерусалимѣ и о церкви преукрашенной... то какъ намъ не заплакать о церкви твоей тѣлесной? Въ ней нѣкогда пребывалъ Святой Духъ; покаяніемъ была она очи-

щена, чистыми слезами омыта; отъ нея молитвы, какъ благоуханіе фиміама, восходили къ престолу Господню; въ ней на твердомъ основаніи православной вѣры созидались благочестивыя дѣла; въ ней, въ этой тѣлесной церкви, душа царская, какъ чистая голубица, сребристыми крыльями блистала"... Такова была прежде твоя церковь тѣлесная!... тогда варварскіе народы не только съ городами, но съ цѣлыми царствами покорялись тебѣ и предъ твоими христіанскими полками ходилъ архангелъ хранитель... Тогда это было, когда при тебѣ были избранные мужи"...

„Когда же церковь твою тѣлесную осквернили (гнусные ласкатели) разными грѣхами и злодѣйствами, которыми всегубитель нашъ дьяволъ губитъ людей, то онъ приблизилъ къ тебѣ вмѣсто крѣпкихъ вождей и воеводъ—богомерзкихъ Бѣльскихъ съ товарищами, вмѣсто храбраго воинства — кромѣшниковъ, или опричниковъ кровоядныхъ..., вмѣсто боговдохновенныхъ книгъ и молитвъ—скомороховъ съ разными дудами и бѣсовскими пѣснями, вмѣсто блаженнаго пресвитера (Сильвестра), который примирилъ тебя съ Богомъ чистымъ покаяніемъ,—чаровниковъ и волхвовъ...

„Вспомни, говоритъ Курбскій въ заключеніе, первые дни свои, когда ты блаженно царствовалъ... Не губи себя и дома твоего... Очнись и воспрянь!"

Царь уже не отвѣчалъ на эти письма. Много горькой и страшной правды было въ нихъ. Не могъ не признать этого и самъ царь. По временамъ укоры совѣсти терзали его; сознаніе озаряло его больную душу, и онъ становился тогда страшенъ самому себѣ. Безпорядочная жизнь, полная тревогъ и разгула, преждевременно состарила Іоанна: сорока лѣтъ съ небольшимъ онъ смотрѣлъ уже старикомъ. Въ 1572 году, томимый предчувствіемъ смерти или гибели отъ враговъ, онъ написалъ завѣщаніе своимъ сыновьямъ. Здѣсь находимъ, между прочимъ, такія строки:

„Умъ мой покрылся струпьями, тѣло изнемогло, тѣлесные и духовные струпья умножились, и нѣтъ врача, который исцѣлилъ бы меня... Хотя я еще и живъ, но Богу своими скаредными дѣлами я смраднѣе мертвеца... Всѣхъ людей отъ Адама и до сего дня я превзошелъ беззаконіями, — потому я всѣми и ненавидимъ"...

Послѣ вступленія, Іоаннъ даетъ наставленіе сыновьямъ, какъ жить. Прежде всего совѣтуетъ научиться, какъ вѣровать и какъ Богу угодить и твердо держаться православной вѣры, хотя бы пришлось за это пострадать до смерти. Затѣмъ, по словамъ завѣщанія, надо научиться, какъ людей держать и жаловать, какъ отъ нихъ беречься, какъ ихъ привязывать къ себѣ; надо также освоиться со всякимъ дѣломъ, священническимъ, иноческимъ, ратнымъ, судейскимъ, со всякимъ житейскимъ обиходомъ, разузнавать, какіе порядки ведутся здѣсь, какіе въ иныхъ государствахъ, какъ кто живетъ, и какъ кому пригоже быть. Если все это будете знать, говоритъ Іоаннъ, то не вамъ будутъ люди указывать, а вы людямъ... Особенно любопытны въ завѣщаніи слѣдующіе совѣты сыновьямъ: „людей, которые вамъ прямо служатъ, вы бы жаловали, любили и берегли... а которые лихи, и вы бы на тѣхъ опалы клали не вскорѣ, а по разсужденію, не яростію", а далѣе приводятся слѣдующія слова: „подобаетъ царю три сія вещи имѣти: яко Богу не гнѣватися и яко смертну не возноситися и долготерпѣливу быти къ согрѣшающимъ".

Изъ этого замѣчательнаго завѣщанія ясно видно, какъ по временамъ мучили Іоанна угрызенія совѣсти, и какъ ясно могъ онъ сознавать высокія царскія обязанности; но дурныя страсти заглушали умъ его; онъ болѣе слѣдовалъ своему сердцу, испорченному съ дѣтства, чѣмъ уму... Воли подчинить свои чувства разуму у него не хватало. Это и было главнымъ его несчастіемъ. Угрызенія совѣсти и раскаяніе, повидимому, казались ему иногда малодушіемъ, и тогда свирѣпость его проявлялась въ новой силѣ. По временамъ онъ падалъ духомъ, всякія бѣды и невзгоды такъ удручали его, что онъ думалъ покинуть престолъ и постричься въ монахи. Въ своемъ посланіи въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь онъ, между прочимъ, говорилъ: „и мнится мнѣ, окаянному, что я уже наполовину чернецъ, и хотя еще не отсталъ отъ всякаго мірскаго мятежа, но уже ношу на себѣ благословеніе рукоположенія ангельскаго образа“ и затѣмъ сѣтуетъ, что монастырскіе нравы сильно измѣняются къ худшему и высказываетъ такія мысли о строгости иноческаго житія, что ясно видно, какъ онъ сильно задумывался надъ этимъ вопросомъ. Разъ даже явилась у него странная затѣя: онъ нарекъ „великимъ княземъ всея Руси“ крещеннаго татарскаго царя Симеона Бекбулатовича (1574 г.), и вручилъ ему управленіе всей землиной, а самъ наравнѣ съ подданными, называя себя лишь московскимъ княземъ, писалъ челобитныя Симеону въ такомъ, напр., видѣ:

„Государю, великому князю Симеону Бекбулатовичу, Иванецъ Васильевъ со своими дѣтишками съ Иванцемъ да съ Ѳедорцемъ челомъ бьютъ. Государь, смилуйся, пожалуй“... и т. д.

Словно хотѣлось Іоанну испробовать, сможетъ ли онъ снизойти со своей царственной высоты на степень подданнаго... (Впрочемъ, затѣя эта продолжалась недолго: черезъ два года Іоаннъ сослалъ „великаго князя всея Руси“ въ Тверь). Порою страхъ опасности такъ обуревалъ его, что онъ боялся быть даже при своемъ войскѣ, опасаясь, чтобы свои же воеводы не измѣнили, не выдали его врагамъ (измѣнники, приведшіе крымскаго хана на Москву, были памятны ему). Онъ даже велъ тайные переговоры съ англійскимъ дворомъ, прося убѣжища въ Англіи въ случаѣ большой опасности ему и семьѣ его. Все это показываетъ, какъ полна тревогъ была его жизнь.

Въ семейной жизни онъ тоже не былъ счастливъ. По смерти первой, нѣжно любимой имъ супруги, онъ послѣ неудавшейся попытки жениться на сестрѣ польскаго короля, женился на дочери черкесскаго князя Темрюка, нареченной при крещеніи Маріей. Послѣ ея смерти (1569 г.) царь вступилъ въ третій бракъ; выборъ его палъ на Марѳу Собакину, дочь новгородскаго купца. Чрезъ нѣсколько дней послѣ брака она умерла. Царь былъ сильно огорченъ и говорилъ, что лихіе люди извели ее, и, вопреки церковному уставу, женился въ четвертый разъ на Аннѣ Колтовской. Онъ призывалъ высшихъ духовныхъ лицъ на соборъ и просилъ не вмѣнить ему въ грѣхъ это нарушеніе церковнаго устава, причемъ утверждалъ, что прежнія его супруги всѣ три были отравлены... Въ этомъ онъ былъ, какъ видно, вполнѣ убѣжденъ. Соборъ поступилъ по желанію царя. Чрезъ годъ онъ велѣлъ постричь свою четвертую супругу въ монахини, а самъ еще два раза вступалъ въ бракъ уже безъ разрѣшенія церкви (съ Анной Васильчиковой и Василисой Мелентьевой). Нако-

нецъ, въ 1580 году онъ обвѣнчался въ послѣдній разъ съ Маріею Ѳедоровной Нагою.

Въ ноябрѣ 1581 года въ Александровской слободѣ случилось страшное событіе. Царевичъ Иванъ Ивановичъ сталъ укорять отца, по однимъ извѣстіямъ, за унизительные переговоры съ Баторіемъ, а по другимъ, за обиду своей жены. Іоаннъ, скорый на гнѣвъ, не стерпѣлъ грубости сына и въ запальчивости ударилъ его со всего размаху своимъ костылемъ по головѣ. Царевичъ упалъ, обливаясь кровью... Царь опомнился, завопилъ въ отчаяніи, рвалъ на себѣ волосы, рыдалъ, звалъ лѣкарей... Чрезъ нѣсколько дней царевичъ скончался. Царь былъ убитъ горемъ, говорилъ, что онъ не хочетъ больше царствовать, приказывалъ боярамъ изъ среды своей выбрать царя, такъ какъ второго своего сына, Ѳеодора, считалъ неспособнымъ царствовать. Бояре умоляли Ивана Васильевича не оставлять царства хотя до конца войны... Долго онъ былъ въ ужасномъ душевномъ состояніи, не могъ спать по ночамъ: угрызенія совѣсти и кровавые призраки терзали его, и онъ метался какъ въ горячкѣ. Сталъ онъ дѣлать по монастырямъ большіе вклады, посылалъ щедрые дары на Востокъ по святымъ мѣстамъ и обителямъ, чтобы всюду поминали и молились за упокой души его сына. Припоминались ему въ эту пору и тысячи людей, погибшихъ подобно царевичу отъ неразумнаго гнѣва его. Онъ усиливался припомнить замученныхъ имъ или казненныхъ по именамъ, вписывалъ ихъ въ синодики (поминальныя записи) и посылалъ по монастырямъ молиться за упокой ихъ душъ.

Въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ сохранилось два такихъ синодика, какъ несомнѣнное свидѣтельство многочисленныхъ казней Іоанна Грознаго и угрызеній его совѣсти. Многихъ погибшихъ называетъ онъ по именамъ, но еще больше упоминаетъ безъименныхъ. „Помяни Господи,—читаемъ, напр., въ синодикѣ,—княгиню иноку Евдокію, иноку Марію, иноку Александру (при этихъ именахъ замѣтка: потоплены въ Шекснѣ рѣкѣ повелѣніемъ царя Ивана)... Помяни Господи души рабовъ своихъ тысячу пятьсотъ пяти человѣкъ (новгородцевъ). При нѣкоторыхъ именахъ помѣчено „съ женою“, „съ дѣтьми“ и т. д. Общій итогъ всѣмъ погибшимъ означенъ въ синодикѣ въ 3470 душъ.

Но ни мученія совѣсти, ни ясное сознаніе своихъ проступковъ не могли измѣнить нрава Грознаго. Послѣ заключенія унизительнаго мира съ Польшей, онъ предалъ мучительнымъ казнямъ ратныхъ людей, которые легко сдавались непріятелямъ во время войны, а ливонскихъ плѣнниковъ, которыхъ у него было множество, травилъ медвѣдями.

Послѣднюю супругу свою, Марію Нагую, царь скоро невзлюбилъ почему-то, думалъ съ нею уже развестись и сталъ сватать чрезъ своихъ пословъ родственницу англійской королевы. Это было въ концѣ 1583 года. Но съ начала слѣдующаго года царь сталъ чувствовать себя все хуже и хуже. Хотя ему было всего 53 года, но онъ казался уже совсѣмъ дряхлымъ старикомъ, а тутъ къ общей слабости прибавилась еще страшная болѣзнь: у него стали гнить внутренности и пухнуть тѣло. Когда началась его болѣзнь, на небѣ явилась комета. Онъ вышелъ на Красное крыльцо, долго смотрѣлъ на нее, и вдругъ измѣнился въ лицѣ.

— „Это—знаменіе моей смерти!“ сказалъ онъ окружающимъ.

Иноземные врачи истощали всѣ свои усилія, чтобы вылѣчить больного. Волхвы, которыхъ по приказу суевѣрнаго царя свезли въ Москву съ разныхъ концовъ русской земли, должны были гадать, выздоровѣетъ ли царь. Онъ то падалъ духомъ, каялся, молился, раздавалъ щедрую милостыню, освобождалъ заключенныхъ, то прежніе страстные порывы вдругъ снова наполняли его душу...

Грозный царь (со статуи М. Антокольскаго).

Но болѣзнь видимо усиливалась. Онъ уже едва могъ ходить. Въ мартѣ были разосланы по монастырямъ грамоты настоятелямъ отъ имени царя, въ которыхъ говорилось, между прочимъ: „...князь великій Иванъ Васильевичъ челомъ бьетъ, молясь преподобію вашему, чтобъ вы пожаловали, о моемъ окаянствѣ соборно и по кельямъ молили, чтобы Господь Богъ и Пречистая Богородица, вашихъ ради пречистыхъ молитвъ, моему окаянству отпущеніе грѣховъ даровали,

отъ настоящія смертныя болѣзни свободили и здравіе дали; и въ чемъ мы предъ вами виноваты, въ томъ бы вы насъ пожаловали—простили, а вы въ чемъ предъ нами виноваты, и васъ Богъ во всемъ проститъ".

Иванъ Васильевичъ, когда чувствовалъ себя лучше, приказывалъ носить себя на креслахъ въ палату, гдѣ хранились его сокровища, золотыя украшенія, драгоцѣнные камни и пр. Онъ видимо гордился своимъ богатствомъ и показывалъ еще за нѣсколько дней до своей смерти англійскому послу свои алмазы, яхонты и другіе самоцвѣтные камни и подробно разсказывалъ о разныхъ таинственныхъ и чудодѣйственныхъ ихъ свойствахъ, въ которыя вѣрили тогда суевѣрные люди...

17 марта, послѣ теплаго купанья, онъ почувствовалъ себя гораздо лучше и на другой день, говорятъ, далъ было приказъ казнить волхвовъ и гадателей, которые будто бы пророчили ему бѣду именно 18 марта. Въ этотъ день, послѣ купанья, онъ опять чувствовалъ себя хорошо и расположился было, сидя на кровати, сыграть съ Бѣльскимъ въ шахматы и уже разставлялъ ихъ, какъ вдругъ упалъ на постель безъ дыханія... Поднялась страшная суматоха. Звали врачей. Кинулись за духовенствомъ. Врачи терли бездыханное тѣло разными снадобьями, старались возбудить въ немъ жизнь. Но все было напрасно! Митрополитъ поспѣшно читалъ надъ нимъ молитвы постриженія, нарекая его въ монашествѣ Іоною.

Ударили въ колоколъ на исходъ души, и узнала Москва, что грознаго царя не стало.

Царствованіе Ивана Грознаго весьма важно по событіямъ внѣшнимъ и внутреннимъ.

Полное торжество на востокѣ надъ исконнымъ врагомъ Русской земли—татарами, завоеваніе всего Поволжья и покореніе Сибири могли бы составить славу любого царствованія. Попытки пробить чрезъ Ливонію болѣе удобный путь для сношенія съ Западомъ—попытки упорныя, хотя и неудавшіяся, свидѣтельствуютъ о большомъ умѣ Ивана IV. Онъ видимо желалъ сблизиться съ болѣе просвѣщенными странами, завелъ дѣятельныя сношенія и торговлю съ Англіей, велъ переговоры съ папой и съ императоромъ, которые уже начинали смотрѣть на московскаго царя какъ на естественнаго союзника въ борьбѣ съ турками, тогда еще страшными для Европы.

Не менѣе важны были и внутреннія событія. Никогда прежде не сознавались такъ ясно, какъ въ царствованіе Ивана Грознаго, недостатки въ управленіи, въ судопроизводствѣ, въ церковныхъ дѣлахъ, въ нравахъ и обычаяхъ; никогда раньше не прилагалось и столько заботъ, какъ при Грозномъ, помочь бѣдѣ, исправить недостатки. Призывъ земскихъ выборныхъ на совѣтъ о важныхъ государственныхъ дѣлахъ, земское самоуправленіе, новый болѣе полный судебникъ, стоглавый соборъ ясно свидѣтельствуютъ объ этихъ заботахъ. Но успѣху ихъ мѣшали застарѣлое невѣжество и нравственная загрубѣлость русскихъ. У нихъ не было еще тогда ни умственной, ни нравственной силы для обновленія; они знали только свои порядки, и могли только крѣпко держаться за свою „святую старину", дурно понятую и мало примѣнимую къ новымъ усло-

вѣчъ жизни... Вотъ почему заботы объ улучшеніи государственнаго строя и общественной жизни не принесли большой пользы.

Но самымъ важнымъ внутреннимъ событіемъ была страшная кровавая борьба самодержавія съ боярствомъ.

Плотной толпой обступили царскій тронъ знатные бояре, потомки удѣльныхъ князей, и заслоняли было царя отъ народа. Никогда еще бояре не достигали въ Москвѣ такой силы, какъ въ малолѣтство царя Ивана. Съ возрастомъ у него все больше и больше зрѣла мысль, что дѣлу его предковъ, великихъ собирателей Русской земли, грозитъ бѣда; что самодержавіе, которое такъ старательно ростили они, будетъ заглушено потомками князей, удѣлы которыхъ поглощены были Москвою.

Борьба самодержавія съ боярствомъ становилась неизбѣжной.

Русскіе бояре не понимали своихъ общихъ выгодъ, не дѣйствовали заодно, безпрерывно враждовали между собой, готовы были губить другъ друга ради своихъ личныхъ цѣлей, своими насиліями и неправдами озлобили противъ себя народъ, притомъ не разъ измѣняли своей присягѣ. Это все облегчало и узаконяло борьбу съ ними. Ихъ грубый произволъ и личныя обиды царю во время его малолѣтства породили глубокую ненависть и чувство мести въ его душѣ, и потому борьба должна была стать жестокой, безпощадной.

Припомнимъ страшную грубость нравовъ того времени, ту кулачную расправу, какая совершалась боярами на глазахъ царя-ребенка и притомъ надъ людьми, близкими ему; припомнимъ, что порывистая, бурная природа Ивана Васильевича, не смотря на его большой умъ, не знала удержу ни въ чемъ, а сердце его было испорчено еще смолоду,—припомнимъ все это,—и мы поймемъ, почему страницы царствованія Грознаго въ нашей исторіи самыя ужасныя, самыя кровавыя...

Боярство было имъ раздавлено. Особенно сильно пострадали болѣе знатные боярскіе роды; а уцѣлѣвшіе бояре смирились до послѣдней степени: въ своихъ челобитныхъ царю они уже раньше называли себя уменьшительными именами (напр., холопъ твой Иванецъ, Ѳедорецъ и пр.), а теперь стали называться уничижительными именами (Ванька, Ѳедька). Постоянный страхъ унижаетъ людей, портитъ нравы ихъ, дѣлаетъ ихъ малодушными, скрытными, льстивыми, лукавыми. Сильно измельчали духомъ люди, стоявшіе вокругъ Грознаго царя подъ конецъ царствованія его; о людяхъ вѣрныхъ царю и отечеству, о людяхъ, смѣло говорящихъ истину, не слышно стало.

На грудахъ тѣлъ казненныхъ бояръ, на потокахъ крови, часто безвинно пролитой, грозный царь, окруженный опричниками, сталъ страшенъ не только боярамъ, но и всему своему народу, а подъ конецъ и самому себѣ.

Личность Грознаго сохранилась въ народной памяти. Въ народныхъ пѣсняхъ онъ является въ грозномъ величіи завоевателя татарскихъ царствъ и судьи, карающаго измѣну. Въ одной пѣснѣ говорится:

Какъ зачиналася каменна Москва,
Тогда зачинался и грозный царь,
Что грозный царь—Иванъ, сударь, Василевичъ.

Когда ходилъ онъ подъ Казань городъ,
Подъ Казань городъ и подъ Астрахань;
Онъ Казань городъ мимоходомъ взялъ,
Полонилъ царя и съ царицею,
Выводилъ измѣну изъ Пскова,
Изо Пскова и изъ Новгорода.

„Въ жизни и смерти людей воленъ Богъ да царь“, говорилъ уже тогда народъ. Власть царя отъ Бога,—Богу одному онъ долженъ и отвѣтъ давать за свои дѣянія. Такъ смотрѣлъ на свою власть царь, такъ смотрѣлъ на нее и народъ. Лютыя казни въ глазахъ народа были такою же Божіей карою за грѣхи, какъ голодъ, моръ, пожары и тому подобныя бѣдствія. Но все же въ пѣсняхъ вспоминается, что лютыя казни грознаго царя невсегда были справедливы:

Онъ грозенъ, батюшка, и милостивъ.
Онъ за правду жалуетъ, за неправду вѣшаетъ.
Ужъ настали годы злые на московскій народъ,
Какъ и сталъ православный царь грознѣй прежняго:
Онъ за правды, за неправды дѣлалъ казни лютыя.

Говорится въ пѣсняхъ и о смерти царя, между прочимъ, слѣдующее:

На святой Руси—въ каменной Москвѣ,
Въ каменной Москвѣ—въ золотомъ Кремлѣ,
У Ивана было у Великаго,
У Михаила у Архангела,
У собора у Успенскаго,
Ударяли въ большой колоколъ,
Въ соборѣ-то въ Успенскомъ
Тутъ стоялъ новъ-кипарисовъ гробъ,
Во гробу-то лежитъ православный царь,
Православный царь Иванъ Грозный Васильевичъ.
Въ головахъ у него стоитъ животворящій крестъ,
У креста лежитъ корона его царская,
На ногахъ его вострый, грозный мечъ.
Животворящему кресту всякій молится,
Золотому вѣнцу всякій кланяется,
А на грозенъ мечъ взглянетъ, всякъ ужаснется.

III.

Царь Ѳеодоръ и Борисъ Годуновъ.

Царствованіе Ѳеодора Ивановича (1584—1598).

Боярскія смуты.

Послѣ смерти Ивана Васильевича начинаются боярскія смуты. Наслѣдовать престолъ пришлось второму сыну Грознаго, Ѳеодору. Онъ вовсе не походилъ ни на своего отца, ни на старшаго брата,— былъ слабаго здоровья, малаго росту, дряблый тѣломъ, съ блѣднымъ, пухлымъ лицомъ, съ котораго почти никогда не сходила простодушная улыбка. Ходилъ онъ тихими, неровными шагами; нравомъ былъ чрезвычайно добродушенъ, привѣтливъ, кротокъ, но недалекъ умомъ. По склонностямъ своимъ онъ былъ болѣе инокъ, чѣмъ царь: бесѣды съ богомольцами—странниками и монахами занимали его гораздо болѣе, чѣмъ рѣчи думныхъ бояръ; богослуженіе и церковные обряды были ему милѣе государственныхъ дѣлъ, а церковный благовѣстъ слаже всякой музыки... Что царскій тронъ былъ не по немъ,—это вполнѣ сознавалъ Иванъ Васильевичъ и сильно скорбѣлъ о старшемъ своемъ сынѣ, который больше походилъ на отца, чѣмъ Ѳеодоръ.

Хотя Ѳеодору было тогда 27 лѣтъ, но у него не было ни силъ, ни охоты править государствомъ, и потому вопросъ о томъ, какой боярскій родъ станетъ у престола, являлся очень важнымъ. Въ это время два княжескіе рода выдвигались на первое мѣсто: князья Мстиславскіе, потомки Гедимина, и князья Шуйскіе изъ дома Рюрика. Представители перваго рода не отличались особенными способностями; во главѣ рода Шуйскихъ стоялъ знаменитый князь Иванъ

Петровичъ, доблестный защитникъ Пскова, поднявшій славу своего рода, сильно пострадавшаго отъ опалъ Грознаго. На ряду съ этими знаменитыми княжескими родами стояли два старые боярскіе рода, породнившіеся съ царскимъ домомъ: Романовы-Юрьевы и Годуновы. Бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ, родной дядя государя, былъ представителемъ перваго рода, а боринъ Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, царскій шуринъ, представителемъ второго. Царь Ѳеодоръ былъ женатъ на его сестрѣ Иринѣ.

Уже въ ночь послѣ смерти царя Ивана сторонники Ѳеодора распорядились отправить маленькаго Димитрія, его мать и родственниковъ, бояръ Нагихъ, въ Угличъ, который былъ данъ въ удѣлъ Димитрію отцомъ. Скоро послѣ этого поднялся мятежъ: въ народѣ разнесся слухъ, что бояринъ Богданъ Бѣльскій, сторонникъ Нагихъ, отравилъ покойнаго царя и хочетъ извести Ѳеодора. Толпы народа ломились въ кремль и требовали выдачи царскаго лиходѣя. Бѣльскаго спасли только тѣмъ, что тотчасъ же выслали изъ Москвы.

Сначала главнымъ лицомъ при царѣ и правителемъ былъ Никита Романовичъ, но недолго: онъ скоро заболѣлъ и умеръ. Тогда мѣсто его занялъ царскій шуринъ. Борисъ Годуновъ былъ человѣкъ очень умный, честолюбивый, ловкій, изворотливый, притомъ чрезвычайно осторожный: задавшись какой-либо цѣлью, онъ шелъ къ ней потихоньку, какъ бы крадучись. Онъ былъ въ числѣ опричниковъ, женился на дочери Малюты Скуратова, но держался такъ осторожно, что не запятналъ себя кровью и въ то же время съумѣлъ вкрасться въ довѣріе и милость царя,—уже одно это показываетъ гибкій умъ Бориса. Говорятъ, что Годуновъ бросился было защищать царевича Ивана отъ ударовъ разгнѣваннаго царя и былъ сильно побитъ; зато потомъ, когда царь раскаялся въ своемъ страшномъ преступленіи, Борисъ вошелъ въ большую честь. Красивый собою, умный и краснорѣчивый, царскій шуринъ, понятно, долженъ былъ войти въ большую силу при слабомъ Ѳеодорѣ.

31-го мая происходило вѣнчаніе Ѳеодора на царство. Торжество это совершилось чрезвычайно пышно. Цѣлую недѣлю продолжались пиры, веселія, народныя празднества, потѣхи и забавы. Щедро посыпались царскія милости на митрополита, духовенство, бояръ и народъ: уменьшены налоги, освобождены заключенные, отпущены военноплѣнные; нѣсколько заслуженныхъ сановниковъ возведено въ боярское достоинство; Ивану Петровичу Шуйскому пожалованы всѣ доходы съ города Пскова, доблестная защита котораго была всѣмъ памятна; словомъ, никогда еще Москва не видала столько царскихъ милостей, какъ при вѣнчаніи на царство добродушнаго Ѳедора Ивановича. Но никто не былъ осыпанъ такими щедротами, какъ Борисъ Годуновъ: онъ получилъ не только высокій санъ конюшаго, но и титулъ ближняго великаго боярина, намѣстника двухъ царствъ, Казанскаго и Астраханскаго; ему даны были громадныя помѣстья, всѣ луга на берегу Москвы-рѣки, сборы съ цѣлыхъ областей, доходы съ нѣкоторыхъ промысловъ сверхъ денежнаго жалованья. Годуновъ и такъ былъ не бѣденъ; но эти новыя, щедрыя пожалованія сдѣлали его богатѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи; ежегодные доходы его, говорятъ, достигали до ста тысячъ рублей; онъ могъ на свой счетъ снарядить изъ своихъ крестьянъ стотысячную рать. Никто изъ самыхъ даже знатныхъ бояръ не могъ равняться

богатствомъ съ нимъ; царь только былъ богаче его. Понятно, что завистниковъ у Годунова было не мало; не только богатство, но и высшая власть въ государствѣ попадала въ его руки, а происхожденіемъ своимъ онъ стоялъ ниже многихъ бояръ. (Свой родъ велъ онъ отъ татарскаго мурзы Чета, который въ XIV в. поселился на Руси и принялъ крещеніе. Внукъ его, Иванъ, получилъ прозвище Годунъ, отъ котораго и стали всѣ потомки зваться Годуновыми). Хотя въ боярской думѣ Годуновъ не занималъ перваго мѣста,—онъ садился обыкновенно четвертымъ,—но скоро всѣ поняли, что онъ—главное лицо въ государствѣ и высшая власть въ его рукахъ. Все дѣлалось по его желанію. Царь во всемъ слушался его; въ иныхъ случаяхъ, когда надо было, Борисъ дѣйствовалъ на царя чрезъ свою сестру Ирину, которую Ѳеодоръ боготворилъ.

Нѣкоторымъ изъ знатныхъ бояръ невыносимо было, что Годуновъ, человѣкъ не особенно знатный, незаслуженный, татарскаго происхожденія, притомъ еще юный, тридцати-двухъ-лѣтній, орудуетъ всѣми дѣлами въ государствѣ. Противъ него составился заговоръ. Князья Шуйскіе, Воротынскіе, Голицыны и др. порѣшили извести его; уговорили князя Мстиславскаго, съ которымъ онъ былъ близокъ, зазвать его къ себѣ на пиръ, и тутъ думали его убить. Заговоръ этотъ былъ открытъ. Князь Иванъ Мстиславскій схваченъ и постриженъ въ монахи, многихъ разослали по разнымъ городамъ, нѣкоторыхъ заключили въ темницы. Казней не было. Шуйскіе вывернулись изъ бѣды,—ихъ не тронули. Годуновъ сильно злобился на нихъ; но, зная, какъ ихъ любятъ въ Москвѣ, особенно торговый людъ, онъ попытался даже сблизиться съ ними. Митрополитъ хотѣлъ быть примирителемъ, призвалъ къ себѣ Годунова и Шуйскихъ и умолялъ ихъ оставить вражду. Враги примирились; но не на долго. Когда Иванъ Петровичъ Шуйскій, вышедши отъ митрополита, объявилъ своимъ сторонникамъ, толпою стоявшимъ у Грановитой палаты и ждавшимъ его, что они, Шуйскіе, помирились съ Борисомъ Ѳеодоровичемъ, то изъ толпы выступили два купца и сказали:

— „Помирились вы головами нашими: и вамъ пропасть отъ Бориса, и намъ!“

Въ ту же ночь оба эти купца пропали безъ вѣсти: были схвачены и сосланы невѣдомо куда. Это, конечно, возбудило у Шуйскихъ снова вражду къ Годунову. Повели на этотъ разъ дѣло болѣе тонко. Составили челобитную государю, въ которой просили его развестись съ бездѣтной Ириной и вступить въ новый бракъ, такъ какъ для блага государства нуженъ наслѣдникъ царю. Уговорили и митрополита Діонисія подписаться и умолять царя о новомъ бракѣ. Челобитную подписали, кромѣ бояръ, именитые московскіе купцы. Годунову грозила опасность. Какъ ни любилъ Ѳеодоръ Ирину, но могъ уважить и просьбу москвичей, а особенно митрополита. Но Годуновъ во-время узналъ о враждебномъ замыслѣ и постарался всѣми силами уговорить Діонисія отстать отъ этой затѣи: онъ выставилъ ему на видъ, что дѣти еще могутъ быть у Ирины, а если ихъ не будетъ, то законный наслѣдникъ уже есть—братъ царя, Димитрій Углицкій. Діонисій согласился не начинать этого дѣла, и замыселъ Шуйскихъ такимъ образомъ разстроился.

Послѣ этого случая Годуновъ убѣдился, что для него опасно оставлять

Шуйскихъ въ Москвѣ: они могли еще новое что нибудь затѣять противъ него. По словамъ лѣтописи, по наущенію Бориса, подкупленные слуги Шуйскихъ донесли на своихъ господъ, что они задумали измѣну. Этого доноса было достаточно Годунову. Шуйскихъ перехватали; людей ихъ пытали, добиваясь отъ нихъ новыхъ уликъ противъ господъ, но ничего не добились. Не смотря на это, Иванъ Петровичъ Шуйскій былъ отправленъ въ Бѣлоозеро, и тамъ, говорятъ, по приказу Годунова, удавленъ. Такая же участь постигла другого Шуйскаго. Пострадали и многіе сторонники ихъ: одни были казнены, другіе заключены въ тюрьмы, третьихъ заслали въ далекіе города...

Діонисій, видя эту жестокую расправу Годунова со своими недругами, задумалъ было, по старому обычаю святителей, печаловаться у царя за опальныхъ бояръ и жаловаться на насилія и неправды Годунова; но послѣдствія были плачевны для митрополита. Годуновъ увѣрилъ Ѳеодора, что Діонисій не пастырь, а волкъ въ овечьей кожѣ. Діонисій былъ свергнутъ и заточенъ въ монастырь, а въ митрополиты возведенъ Іовъ, Ростовскій архіепископъ, человѣкъ вполнѣ преданный Годунову.

Теперь у Годунова не было соперниковъ и сильныхъ враговъ; никто не стоялъ ему поперекъ дороги, и онъ сталъ всемогущимъ правителемъ.

Домашняя жизнь царя.

Ѳедоръ Ивановичъ совсѣмъ не вмѣшивался въ дѣла правленія и всецѣло отдавался своимъ склонностямъ. Мы имѣемъ весьма любопытныя и обстоятельныя свѣдѣнія о его домашней жизни. Вставалъ онъ рано, около четырехъ часовъ утра. Къ нему являлся тогда его духовный отецъ, придворный священникъ,— съ крестомъ, благословлялъ царя, прикасаясь концомъ креста къ его лбу и ланитамъ. Царь цѣловалъ крестъ. Затѣмъ вносилась въ покой икона съ изображеніемъ того святого, который праздновался въ тотъ день. Икону эту ставили къ прочимъ образамъ, которыми была уставлена вся комната. Предъ образами, богато украшенными жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, теплились лампады и горѣли восковыя свѣчи. Царь молился съ четверть часа. Затѣмъ священникъ вносилъ серебряную чашу со святой водой и кропилъ ею сперва образа, потомъ царя. Святую воду ежедневно приносили свѣжую; ее присылали царю игумены ближнихъ и дальнихъ монастырей отъ имени того святого, въ честь котораго построенъ монастырь.

Послѣ утренней молитвы царь посылалъ къ царицѣ спросить, хорошо ли она почивала, въ добромъ ли она здоровьѣ, а немного времени спустя, самъ шелъ здороваться съ нею, и оба шли въ свою домовую церковь къ заутренѣ, которая длилась около часу. Вернувшись изъ церкви, царь садился въ большомъ покоѣ, куда приходили къ нему на поклонъ бояре, которые были въ милости при дворѣ. Здѣсь царь и бояре, если имѣли что сказать, бесѣдовали между собой. Такъ бывало всякій день, если только здоровье царя или какіе либо случаи не мѣшали этому.

Около девяти часовъ утра царь шелъ въ другую церковь (въ одинъ изъ кремлевскихъ соборовъ), къ обѣднѣ, продолжавшейся около двухъ часовъ; послѣ

[illegible]

... Чашу, изъ которой пилъ самъ царь, въ продолженіи всего обѣда держалъ особый чиновникъ и подносилъ ее по требованію царя, каждый разъ привѣтствуя его низкимъ поклономъ. Кушанья, подаваемыя на столъ, раскладывали на нѣсколько блюдъ и царь, въ знакъ своего благоволенія, посылалъ ихъ своимъ сановникамъ.

Послѣ обѣда царь ложился отдыхать и почивалъ обыкновенно три часа [illegible] исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда ходилъ въ баню, или отправлялся смотрѣть на кулачный бой, любимую народную потѣху. Спать послѣ обѣда было въ обычаѣ у всѣхъ русскихъ. Послѣ отдыха царь шелъ къ вечернѣ, послѣ которой проводилъ обыкновенно нѣсколько времени съ царицею и тѣшился шутами, карлами и карлицами, которые всячески дурачились, кувыркались, пѣли пѣсни. Это было самой любимой забавой Θеодора. Не смотря на свою доброту, онъ иногда тѣшился и другой потѣхой, которая на ряду съ кулачными боями свидѣтельствовала о грубости тогдашнихъ нравовъ, — смотрѣлъ на бой съ медвѣдями.

Бой происходилъ слѣдующимъ образомъ. Въ кругъ, обнесенный стѣною, ставили человѣка, который долженъ былъ бороться съ медвѣдемъ, — бѣжать и спрятаться было некуда. Медвѣдей ловили нарочно для этой потѣхи, и самыхъ крупныхъ и злыхъ держали въ желѣзныхъ клѣткахъ для боя. Когда выпускали медвѣдя [illegible]

особенно торжественныя, отличались, какъ извѣстно, необыкновенною роскошью и великолѣпіемъ.

Когда послѣ ужина наступало время спать, священникъ читалъ нѣсколько молитвъ, и царь молился передъ сномъ, какъ и утромъ, около четверти часа.

Главные придворные сановники были слѣдующіе: конюшій, дворецкій, казначей, постельничій и нѣкоторые другіе. Названіе этихъ должностей показываютъ ихъ значеніе. Кромѣ этихъ высшихъ придворныхъ сановниковъ, при особѣ царя находилось для услугъ двѣсти человѣкъ дворянъ, такъ называемыхъ жильцовъ. Двѣ тысячи стрѣльцовъ составляли отрядъ царскихъ тѣлохранителей; онъ дѣлился на части, которыя поочередно стояли на стражѣ на царскомъ дворѣ.

Въ ночное время при царской спальнѣ находился постельничій съ однимъ или двумя лицами, особенно близкими къ царю. Въ смежной комнатѣ помѣщалось еще шесть человѣкъ изъ придворныхъ, извѣстныхъ своею вѣрностью. Въ третьемъ покоѣ спали жильцы, которые должны были смѣняться каждую ночь по сорока человѣкъ.

Порядки домашней жизни царя Ѳеодора были, конечно, тѣ-же какъ и прежнихъ государей; отличалась она лишь болѣе ревностнымъ соблюденіемъ набожныхъ обрядовъ, да не было тѣхъ шумныхъ удовольствій, которымъ любилъ порою предаваться Грозный.

Войны и сношенія съ сосѣдями.

Царствованіе Ѳеодора Ивановича было довольно мирнымъ. Ни царь, ни правитель войны не любили; но избѣгнуть ея все-же не могли.

Годуновъ при его тонкомъ, изворотливомъ умѣ, осторожномъ, но твердомъ нравѣ, былъ настоящимъ государственнымъ человѣкомъ, но на бѣду слишкомъ ужь былъ остороженъ, и потому хорошо задуманное дѣло иногда ему не удавалось, если для довершенія его нужна была смѣлость и быстрая рѣшимость.

Въ 1586 году умеръ Стефанъ Баторій, непримиримый и опасный врагъ Москвы. Въ числѣ лицъ, легко могущихъ попасть послѣ него на польскій престолъ, былъ Сигизмундъ, сынъ шведскаго короля Іоанна, а по матери родной племянникъ Сигизмунда-Августа, польскаго короля изъ дома Ягелла. Съ избраніемъ Сигизмунда на польскій престолъ, Польша и Швеція, два постоянные врага Москвы, могли соединиться подъ одной властью. Годуновъ понималъ, какъ это опасно для Москвы, и началъ сильно хлопотать, чтобы этого не случилось: онъ отправилъ въ Польшу пословъ, которымъ было наказано постараться объ избраніи въ короли—царя Ѳеодора, а если это не удастся, то порадѣть въ пользу эрцгерцога австрійскаго Максимиліана, брата германскаго императора. Литовцы очень хотѣли царя Ѳеодора. Слабость его и неспособность къ управленію не могли считаться помѣхой къ избранію: король въ Польшѣ былъ только для виду, а всѣми дѣлами орудовали вельможи и паны на сеймахъ. Сначала дѣло пошло было успѣшно для Ѳеодора; но Годуновъ медлилъ, не воспользовался удобнымъ временемъ: послы его были очень щедры на обѣщанія, но денегъ имъ не было дано, чтобы ублаготворить сторонниковъ Ѳеодора и при-

влечь къ нему новыхъ доброхотовъ. Тянулись переговоры о вѣрѣ: поляки не хотѣли имѣть королемъ некатолика, а Ѳеодоръ, конечно, не могъ перемѣнить своей вѣры. Дѣло не сладилось. Русскимъ посламъ безъ денегъ не удалось поддержать и Максимиліана; одержали верхъ сторонники Сигизмунда. Онъ былъ избранъ и вступилъ на престолъ (1587). Русскимъ удалось только добиться заключенія перемирія на пятнадцать лѣтъ.

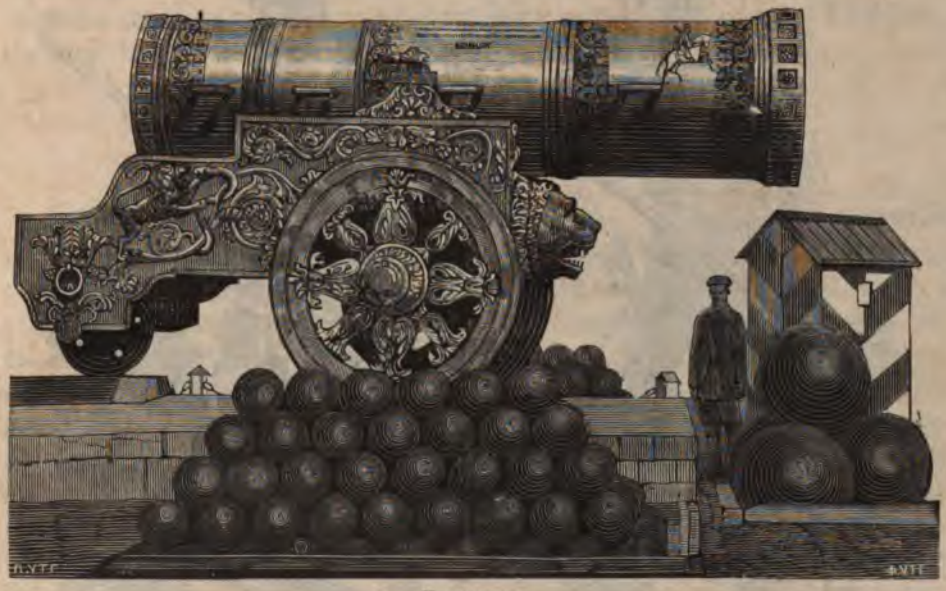
Со Швеціей по окончаніи перемирія началась война въ 1590 г. Борисъ двинулъ на враговъ огромную рать. Самъ царь былъ при войскѣ для воодушевленія его. Война была удачна для русскихъ: Ямы, Ивань-городъ и Копорье, отнятые у нихъ при Грозномъ, были возвращены. Поляки не помогли шведамъ. По смерти шведскаго короля Іоанна въ 1592 г. король польскій Сигизмундъ сталъ и шведскимъ королемъ, но не надолго. Онъ былъ ревностный католикъ и сильно враждовалъ противъ лютеранства, а шведы были лютеране, и потому они его сильно не взлюбили. Этимъ задумалъ воспользоваться дядя Сигизмунда, Карлъ, правитель Швеціи, и завладѣть шведскимъ престоломъ. Имъ обоимъ было тогда не до войны, и въ 1595 году былъ заключенъ вѣчный миръ Россіи со Швеціей. Ямы, Ивань-городъ, Копорье и Корела достались русскимъ.

Крымскіе татары держали въ постоянной тревогѣ нашу южную украину. Ханъ Казы-Гирей лукаво заговаривалъ съ московскимъ правительствомъ о союзѣ противъ Литвы, требовалъ щедрыхъ подарковъ и въ то же время шайки татаръ нападали на русскія села и деревни, грабили ихъ и жгли. Это было дѣломъ обычнымъ. Но 26 іюня 1591 г. прискакали въ Москву гонцы съ вѣстью, что степь покрылась тучами ханской силы; что не менѣе полутораста тысячъ татаръ быстро идетъ къ Тулѣ. Крымцы такъ внезапно очутились на Окѣ, что русскимъ оставалось думать только о защитѣ столицы. На бѣду главныя военныя силы наши находились на сѣверѣ, такъ какъ со дня на день ждали разрыва со Швеціей. Годуновъ однако не упалъ духомъ, приказалъ всѣмъ воеводамъ степныхъ крѣпостей съ ихъ отрядами спѣшить къ Серпухову. Такимъ образомъ собралась значительная рать; начальство надъ нею было вручено князю Мстиславскому. Москва приготовилась къ осадѣ. Быстро были построены деревянныя стѣны вокругъ предмѣстья за Москвой-рѣкой, чтобы татары не могли снова сжечь столицу, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Пригородные монастыри были обращены въ настоящія крѣпости. Русское войско у самаго города въ полѣ укрѣпилось и ждало врага. Добродушный царь побывалъ въ войскѣ, милостиво ободрялъ воеводъ. Годуновъ въ блестящихъ доспѣхахъ объѣзжалъ рать. Его привѣтствовали какъ главнаго вождя, но онъ предоставилъ высшее начальство надъ войскомъ князю Мстиславскому, а самъ занялъ второе мѣсто.

4 іюля подошли татары къ Москвѣ. Ханъ, обозрѣвъ съ Поклонной горы мѣстность, приказалъ ударить на русскихъ. Татарская конница спустилась съ высотъ и напала на передовой русскій отрядъ. Загремѣли пушки съ кремлевскихъ стѣнъ, со стѣнъ монастырей, изъ укрѣпленнаго стана. Ядра и пули изъ ручныхъ пищалей осыпали татаръ. Они не могли дѣйствовать сплошными рядами, и должны были нападать въ разсыпную. Сломить русскихъ имъ было очень трудно.

Стѣны города, башни, колокольни были унизаны народомъ, со страхомъ и любопытствомъ слѣдившимъ за боемъ. Въ церквахъ молились. Молился усердно и благочестивый царь.

Сраженіе было нерѣшительно. Главныя силы той и другой стороны еще не вступали въ бой; но поле битвы было покрыто трупами, и татарскихъ тѣлъ было гораздо больше, чѣмъ русскихъ. Пушки и ручныя пищали выручили русскихъ изъ бѣды. Годуновъ обращалъ большое вниманіе на военное дѣло: въ Москвѣ въ это время иностранные и русскіе мастера отливали пушки, иногда даже огромныхъ размѣровъ (Царь-пушка). Стрѣльцы обучались стрѣльбѣ изъ ручныхъ пищалей. Въ русскомъ войскѣ были отряды иностранныхъ опытныхъ мушкетеровъ. Хотя тогдашнія пушки и ружья были еще очень несовершенны, но все же вреда наносили гораздо больше, чѣмъ татарскія стрѣлы, а своимъ гро-



Царь пушка.

момъ пугали лошадей, и татарская конница не могла дѣйствовать какъ, слѣдуетъ.

Годуновъ не жалѣлъ пороху, и всю ночь гремѣла пальба. Татары стали спрашивать у русскихъ плѣнниковъ, что это значитъ, а тѣ догадались сказать, что въ Москвѣ пальбой выражаютъ радость, такъ какъ прибыли, вѣроятно, свѣжія войска, давно ожидаемыя изъ Новгорода. Ханъ разсчитывалъ было взять Москву врасплохъ; но, встрѣтивъ сильный отпоръ и боясь, чтобы и въ самомъ дѣлѣ къ русскимъ не подоспѣли главныя ихъ боевыя силы, велѣлъ поспѣшно отступить въ ту же ночь. Съ разсвѣтомъ въ Москвѣ разнеслась радостная вѣсть, что ханъ бѣжалъ. При звонѣ всѣхъ московскихъ колоколовъ и радостныхъ крикахъ народа конные полки кинулись въ погоню за татарами. Русскіе захватили большую добычу, перебили и забрали въ плѣнъ множество враговъ.

Щедро были награждены воеводы и почетными наградами (золотыми ме-

далями), и другими царскими милостями; а Годуновъ, кромѣ разныхъ дорогихъ подарковъ, получилъ самый почетный титулъ „Слуги“, который давался очень рѣдко и то за особыя услуги.

На слѣдующій годъ татары снова сдѣлали набѣгъ на рязанскія, каширскія и тульскія земли и увели въ свою очередь огромное число плѣнныхъ. Хотя Годуновъ для укрѣпленія южной степной украины устроилъ цѣлый рядъ новыхъ укрѣпленій, засѣкъ и крѣпостей (Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйки и др.), но оборонить длинную степную границу было все таки очень трудно.

Завелъ было Годуновъ переговоры съ Турціей, просилъ султана обуздать татаръ; но турецкое правительство отнеслось къ русскимъ высокомѣрно, требо-

Воины-нѣмцы.

Мушкетеръ. Копейщикъ.

вало, чтобы Москва отдала султану Астрахань и Казань, удалила съ Дону казаковъ, сильно безпокоившихъ и турокъ, и татаръ, и отступилась отъ кахетинскаго царя. Кахетинскій, или Иверскій князь Александръ незадолго предъ тѣмъ обратился въ Москву съ мольбой къ царю—взять Кахетію подъ свою высокую руку и спасти отъ притѣсненій нечестивыхъ враговъ. Кахетія, которую тѣснили въ это время, съ одной стороны, турки, съ другой—персы, была принята въ московское подданство. Понятно, что турецкій султанъ злобился за это на Москву, и потому переговоры кончились ничѣмъ.

Пришлось позаботиться о союзникахъ на случай войны съ турками; нѣ-

сколько лѣтъ съ этой цѣлью велись сношенія съ германскимъ императоромъ, велись переговоры о томъ же и съ персидскимъ шахомъ, но всѣ попытки найти надежныхъ союзниковъ для борьбы съ Турціей оказались безплодными.

Дѣятельныя сношенія съ Англіей не прерывались; англійская королева, видимо, очень дорожила дружбою Москвы, величала Годунова своимъ „кровнымъ, любительнымъ пріятелемъ“. Для Англіи была очень выгодная безпошлинная торговля съ Россіей. Въ свою очередь Годуновъ старался усилить торговыя сношенія съ Западной Европой; на Бѣломъ морѣ, по его приказу, была заложена Архангельская пристань.

На востокѣ дѣла русскихъ шли удачно. Послѣ гибели Ермака, казалось, погибнетъ и его дѣло, и полудикія татарскія орды снова будутъ владѣть богатымъ Сибирскимъ краемъ. Но Годуновъ понималъ, какъ важно обладаніе этой страной для торговли и посылалъ въ Сибирь отрядъ за отрядомъ; владычество русскихъ здѣсь мало по малу упрочивалось и постройкой городовъ (Тобольскъ, Пелымъ, Березовъ, Тюмень и др.).

Учрежденіе патріаршества.

Палъ Царь-градъ, — съ нимъ пало и значеніе царь-градскаго, или византійскаго патріарха: онъ сталъ какъ бы плѣнникомъ турецкаго султана. Турки смотрѣли на христіанъ съ презрѣніемъ, всячески ихъ тѣснили, грабили, — и нѣкогда богатыя христіанскія области на Востокѣ запустѣли. Восточные патріархи, въ томъ числѣ и византійскій, стали искать въ Москвѣ покровительства и денежной помощи. Съ Востока безпрестанно являлись сюда духовныя лица, приносили царю отъ патріарховъ въ даръ частицы мощей и разныя священныя вещи и умоляли о денежной помощи. Въ посланіяхъ царю ярко выставлялись бѣдствія и нищета христіанской церкви на Востокѣ; русскаго царя величали „вторымъ Константиномъ, самодержцемъ всего христіанскаго міра, христіанскимъ солнцемъ, освѣщающимъ всю вселенную и проч.“ Москву стали называть третьимъ Римомъ. Съ большимъ почтеніемъ, а иногда и подобострастіемъ, обращались патріархи въ своихъ письмахъ и къ московскимъ митрополитамъ, прося у нихъ денежной помощи. Съ половины XV вѣка русская церковь была уже вполнѣ независима отъ византійскаго патріарха. Московскій митрополитъ и по власти, и по средствамъ стоялъ несравненно выше его, и потому титуловаться ниже его русскому первосвятителю было не къ стати. Уже при вѣнчаніи Іоанна IV на царство по тому чину, по какому цезари римскіе вѣнчались папами и патріархами, чувствовалась неловкость, что обрядъ этотъ совершаетъ митрополитъ, а не патріархъ.

Въ 1586 г., лѣтомъ въ Москву прибылъ антіохійскій патріархъ Іоакимъ за милостынею. Въ первый разъ еще Москва видѣла патріарха въ своихъ стѣнахъ. Встрѣча была устроена чрезвычайно торжественно съ соблюденіемъ всѣхъ должныхъ обрядовъ. Царь Ѳеодоръ, какъ извѣстно, очень любилъ пышные обряды. Всѣ эти торжества вызвали оживленные толки въ Москвѣ и среди близкихъ къ царю лицъ о значеніи патріаршества, о необходимости учредить его въ

Россіи. Притомъ и католики корили русскую церковь, что она подчиняется рабу султана.

Мысль объ учрежденіи патріаршества пришлась, конечно, по душѣ набожному царю.

Онъ созвалъ высшее духовенство и бояръ на совѣтъ и между прочимъ сказалъ имъ:

— „По волѣ Божіей на Востокѣ патріархи по имени только называются святителями, и власти почти вовсе лишены. Наша же страна, какъ видите, въ многорасширеніе приходитъ, и потому хочу, если Богу угодно и писанія божественныя не противорѣчатъ этому, да устроится „превысочайшій“ престолъ патріаршескій въ царствующемъ градѣ Москвѣ. Думаю, это будетъ не во вредъ благочестію, но послужитъ къ преуспѣянію вѣры Христовой“.

Митрополитъ и бояре одобрили это намѣреніе, но совѣтовали опросить объ этомъ всѣхъ восточныхъ патріарховъ, потому что такое великое дѣло должно было устроиться по рѣшенію всей восточной церкви, чтобы латины и еретики не могли говорить, что патріаршій престолъ въ Москвѣ устроенъ лишь по царской волѣ. Антіохійскій патріархъ, осыпанный царскими милостями, уѣзжая изъ Москвы, обѣщалъ, что предложитъ на соборѣ восточныхъ святителей учредить патріаршество въ Россіи.

Это дѣло было уже въ полномъ ходу, уже царь былъ извѣщенъ, что восточные патріархи сочувствуютъ задуманному дѣлу, какъ совершенно неожиданно пришла вѣсть къ царю, что въ Москву ѣдетъ византійскій патріархъ Іеремія.

Встрѣтили его еще съ большею честію, чѣмъ антіохійскаго.

Іеремія такъ описывалъ плачевное положеніе своей церкви:

— „Я пріѣхалъ въ Царьградъ; вижу — Божія церковь (храмъ св. Софіи) раззорена и строятъ въ ней мезгитъ (мечеть); все достояніе разграблено, кельи обвалились. Султанъ сталъ присылать ко мнѣ, чтобы устроить патріаршую церковь и кельи въ другомъ мѣстѣ Царьграда; а мнѣ строить нечѣмъ, вся казна расхищена; и я челомъ билъ султану, чтобы позволилъ мнѣ идти въ христіанскія государства для сбора милостыни на церковное строеніе“.

Изъ бесѣды съ патріархомъ обнаружилось, что онъ пріѣхалъ въ Москву только за милостынею, за сборомъ пожертвованій для обновленія своей патріархіи; а на счетъ учрежденія русскаго патріаршества онъ не привезъ никакихъ рѣшеній.

Тогда царю или его совѣтникамъ пришло на мысль предложить Іереміи стать русскимъ патріархомъ. Византійскій патріархъ считался старшимъ и переходъ его изъ Константинополя въ Москву долженъ былъ возвысить ее въ глазахъ всѣхъ восточныхъ христіанъ. Затрудненіе было лишь въ томъ, что царь очень любилъ митрополита Іова и не хотѣлъ съ нимъ разстаться, и потому Іереміи было предложено, если онъ останется въ Россіи, жить не въ Москвѣ, гдѣ предполагалось оставить митрополита Іова, а во Владимірѣ.

— „Будетъ на то воля великаго государя, отвѣчалъ Іеремія, чтобы мнѣ быть въ его государствѣ, — я не отказываюсь; только быть мнѣ во Владимірѣ нельзя: патріархи живутъ всегда при государѣ“.

Царь на совѣщаніи объ этомъ отвѣтѣ высказалъ между прочимъ слѣдующее:

— „Статочное ли дѣло намъ нашего святаго, преподобнаго отца нашего и богомольца Іова митрополита отъ Пречистой Богородицы и отъ великихъ чудотворцевъ удалить, а сдѣлать греческаго закона патріарха, а онъ здѣшняго обычая и русскаго языка не знаетъ и ни о какихъ дѣлахъ духовныхъ намъ говорить съ нимъ безъ толмача нельзя".

Послѣ довольно долгихъ переговоровъ Годунова съ Іереміей, тотъ согласился поставить въ патріархи кого либо изъ русскихъ архипастырей. Царь пожелалъ, конечно, Іова.

Съ большою пышностію былъ совершенъ 26 января 1589 года обрядъ постановленія его въ патріархи. Вмѣстѣ съ тѣмъ четыре владыки: Новгородскій, Казанскій, Ростовскій и Крутицкій (въ Москвѣ), возведены были въ санъ митрополита; а шесть епископовъ получили званіе архіепископовъ.

Іеремія, богато одаренный, отправился въ Константинополь съ царской грамотой къ султану.

— „Ты-бы, братъ нашъ Муратъ, — говорилось въ ней, — патріарха Іеремію держалъ въ своей области и беречь велѣлъ нашамъ своимъ такъ же, какъ ваши прародители патріарховъ держали въ береженьѣ, по старинѣ, во всемъ; ты бы это сдѣлалъ для насъ".

Чрезъ два года привезена была въ Москву грамота на учрежденіе патріаршества, утвержденная соборомъ восточныхъ патріарховъ.

Хотя и прежде московскій митрополитъ на дѣлѣ былъ главою русской церкви и не зависѣлъ отъ византійскаго патріарха, но теперь самостоятельность русской церкви признавалась всенародно всѣми православными святителями; а санъ патріарха въ глазахъ всѣхъ православныхъ высоко поднималъ главу русской церкви.

Учрежденіемъ патріаршества былъ доволенъ благочестивый царь; довольны были всѣ повышенныя духовныя лица; доволенъ былъ и Борисъ Годуновъ: его благожелатель Іовъ теперь получалъ больше силы и значенія, могъ ему оказать при случаѣ больше поддержки; а это было нужно дальновидному честолюбцу.

Убіеніе царевича Димитрія.

Никогда еще не бывало въ Московскомъ государствѣ, чтобы царскій родичъ, хотя бы и именитый бояринъ, достигалъ такой высокой чести и такого могущества, какъ Годуновъ: онъ былъ настоящимъ властителемъ государства; Ѳедоръ Ивановичъ былъ царемъ только по имени.

Являлись ли въ Москву иноземные послы, рѣшалось ли какое нибудь важное дѣло, надо ли было бить челомъ о великой царской милости, — обращались не къ царю, а къ Борису. Когда онъ выѣзжалъ, народъ падалъ предъ нимъ ницъ. Челобитчики, когда Борисъ обѣщалъ имъ доложить царю объ ихъ просьбахъ, случалось, говорили ему:

— „Ты самъ нашъ государь-милостивецъ, Борисъ Ѳедоровичъ, только слово свое скажи — и будетъ"!

Эта дерзкая лесть не только проходила даромъ, но даже нравилась честолюбивому Борису. Мудрено ли, что у него, стоящаго на небывалой еще высотѣ,

закружилась голова, и власть очень ужъ полюбилась ему?.. Его жена, дочь злодѣя Малюты, была не менѣе его честолюбива.

Годунова превозносили и свои, и чужіе. Неутомимой дѣятельности его всѣ изумлялись: онъ велъ безпрерывные переговоры съ иноземными правительствами, искалъ союзниковъ, улучшалъ военное дѣло, строилъ крѣпости, основывалъ новые города, заселялъ пустыни, улучшилъ судъ и расправу. Одни хвалили его за скорое рѣшеніе судебнаго дѣла; другіе—за оправданіе бѣдняка въ тяжбѣ съ богачомъ, простолюдина съ именитымъ боярином; третьи славили его за постройку безъ тяготы для жителей городскихъ стѣнъ, гостинныхъ дворовъ... Всюду разносились о немъ самые благопріятные слухи. И русскіе послы, и иноземные, побывавшіе въ Москвѣ, величали его начальнымъ человѣкомъ въ Россіи, и говорили, что никогда еще такого мудраго правленія въ ней не бывало. Даже коронованныя особы искали дружбы Годунова.

Большей славы и силы правителю изъ простыхъ смертныхъ нельзя достигнуть. Но мысль, что все это величіе крайне непрочно, что со смертью больнаго и бездѣтнаго царя оно рухнетъ, должна была удручать Годунова. Въ Угличѣ, подросталъ царевичъ Дмитрій. Умри сегодня Ѳеодоръ, а завтра прощай не только власть Годунова, но и свобода, а пожалуй, и самая жизнь... Нагіе, царскіе родичи и злѣйшіе враги его, не преминутъ раздавить ненавистнаго имъ временщика...

Страшились Нагихъ не менѣе, чѣмъ Годуновъ, и всѣ его сторонники; да и бояре, не любившіе его, но подавшіе голосъ въ думѣ за удаленіе Димитрія съ матерью его и родичами въ Углич, должны были опасаться будущаго, понимали, что имъ всѣмъ не сдобровать, когда власть попадетъ въ руки Нагихъ.

Молодой царевичъ жилъ съ матерью въ Угличѣ, въ небольшомъ мрачномъ дворцѣ. Ему было уже около девяти лѣтъ. Мать и дядья его съ нетерпѣніемъ ожидали его совершеннолѣтія; носились слухи, что они призывали даже гадальщицъ, чтобы узнать, долго ли жить Ѳеодору. Разсказывали также, что царевичъ склоненъ подобно отцу къ жестокости, любитъ смотрѣть, какъ убиваютъ домашнихъ животныхъ; говорили, будто-бы, играя разъ со сверстниками, онъ слѣпилъ изъ снѣгу нѣсколько человѣческихъ подобій, назвалъ ихъ именами главныхъ царскихъ бояръ и сталъ палкой отбивать имъ головы, руки, говоря, что такъ будетъ рубить бояръ, когда выростетъ.

Конечно, всѣ эти розсказни могли быть выдуманы досужими людьми, вѣрнѣе всего, доброхотами Годунова и врагами Нагихъ.

Въ Углич для надзора за земскими дѣлами, а болѣе всего для наблюденія надъ Нагими, Годуновъ послалъ вполнѣ преданныхъ ему людей: дьяка Михайлу Битяговскаго съ сыномъ Даниломъ и племянникомъ Качаловымъ.

15-го мая 1591 года въ полдень произошло въ Угличѣ потрясающее событіе. Въ соборной церкви ударили въ набатъ. Народъ сбѣжался со всѣхъ сторонъ, думая, что пожаръ. На дворцовомъ дворѣ увидѣли тѣло царевича съ перерѣзаннымъ горломъ. Надъ убитымъ вопила въ отчаяніи мать и кричала, что убійцы подосланы были Борисомъ, называла Битяговскихъ—отца и сына, Качалова и Волохова. Разсвирѣпѣвшій народъ убилъ ихъ всѣхъ по указанію Нагихъ, умертвилъ и еще нѣсколькихъ человѣкъ, заподозрѣнныхъ въ согласіи со злодѣями.

По разсказу лѣтописей, преступленіе совершилось слѣдующимъ образомъ:

Царица вообще зорко смотрѣла за сыномъ, не отпускала его отъ себя, особенно стала беречь его отъ подозрительныхъ для нея Битяговскихъ съ ихъ товарищами. Но 15-го мая она замѣшкалась почему-то въ хоромахъ, и мамка Волохова, участница заговора, повела царевича гулять на дворъ, за ней пошла кормилица; на крыльцѣ убійцы уже поджидали свою жертву. Сынъ мамки, Осипъ Волоховъ, подошелъ къ царевичу.

— „Это у тебя, государь, новое ожерельице“? спросилъ онъ, взявши его за руку.

— „Нѣтъ, старое“! отвѣчалъ ребенокъ и поднялъ голову, чтобъ дать лучше разсмотрѣть ожерелье.

Домъ, гдѣ жилъ царевичъ Димитрій въ Угличѣ.

Въ рукахъ убійцы сверкнулъ ножъ, но ударъ оказался невѣренъ, поранена была лишь шея, а гортань осталась цѣла. Злодѣй пустился бѣжать. Царевичъ упалъ. Кормилица прикрыла его собою и стала кричать. Данила Битяговскій и Качаловъ нѣсколькими ударами ошеломили ее, оттащили отъ нея ребенка и дорѣзали его. Тутъ выбѣжала мать и начала вопить въ изступленіи. На дворѣ никого не было; но соборный пономарь видѣлъ съ колокольни все это и ударилъ въ колоколъ. Народъ сбѣжался, какъ сказано, и произвелъ свою кровавую расправу. Всѣхъ убитыхъ и растерзанныхъ народомъ было 12 человѣкъ.

Тѣло Димитрія было положено въ гробъ и вынесено въ соборную церковь. Къ царю немедленно былъ посланъ гонецъ съ ужаснымъ извѣстіемъ. Гонца сна-

чала привели къ Годунову, тотъ велѣлъ взять у него грамоту, написалъ другую, гдѣ говорилось, что Димитрій самъ зарѣзался въ припадкѣ падучей болѣзни.

Ѳеодоръ Ивановичъ долго и неутѣшно плакалъ по братѣ. Наряжено было слѣдствіе по этому дѣлу. Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, окольничій Клешнинъ и Крутицкій митрополитъ Геласій должны были въ Угличѣ на мѣстѣ разслѣдовать все, какъ было, и донести царю. Послѣдніе двое были сторонники Годунова, а Шуйскій былъ его врагомъ. Очевидно, Годуновъ разсчитывалъ, что осторожный Шуйскій не осмѣлится въ чемъ либо обвинить его, а между тѣмъ у всѣхъ недоброхотовъ правителя назначеніе Шуйскаго зажимало рты: никто не могъ сказать, что слѣдствіе велось только друзьями Годунова.

Слѣдствіе ведено было крайне недобросовѣстно; оно направлено было, казалось, къ тому, чтобы скрыть преступленіе: внимательнаго осмотра тѣла не было сдѣлано; показаній съ людей, убившихъ Битяговскаго и его соумышленниковъ, снято не было; царицу тоже не спрашивали. Больше всего значенія было придано показаніямъ нѣсколькихъ сомнительныхъ лицъ, утверждавшихъ, будто царевичъ зарѣзался самъ въ припадкѣ падучей болѣзни.

Слѣдственное дѣло было дано на обсужденіе патріарха и духовенства. Патріархъ призналъ слѣдствіе вѣрнымъ и рѣшено было на томъ, что царевичу Димитрію смерть учинилась Божіимъ судомъ, а Михайло Нагой государевыхъ приказныхъ людей: Битяговскихъ, Качалова и др. велѣлъ побить напрасно...

Годуновъ сослалъ всѣхъ Нагихъ въ отдаленные города въ заключеніе; царица Марія была насильно пострижена подъ именемъ Марѳы и заключена въ монастырь. Угличане подверглись опалѣ. Обвиненныхъ въ убійствѣ Битяговскаго и товарищей его предали смертной казни. Нѣкоторымъ за „неподобныя рѣчи“ отрѣзали языки; множество народу было сослано въ Сибирь; имъ населили вновь основанный городъ Пелымъ. Сложилось въ народѣ преданіе, что Годуновъ изъ Углича сослалъ въ Сибирь даже и тотъ колоколъ, въ который били въ набатъ въ часъ смерти царевича. Въ Тобольскѣ до сихъ поръ показываютъ этотъ колоколъ.

Нагіе пострадали; но всенародная молва произнесла свой приговоръ надъ Годуновымъ. Убѣжденіе, что онъ сгубилъ царевича, окрѣпло въ народѣ,—и тотъ самый народъ, который не озлобился на Грознаго за его лютыя безчисленныя казни, никогда уже не могъ, не смотря на всѣ благодѣянія и милости, простить честолюбцу гибели послѣдней отрасли царскаго дома, мученической смерти невиннаго ребенка.

Виновенъ ли Годуновъ въ убійствѣ Димитрія, какъ гласила народная молва, или нѣтъ,—это дѣло темное. Ходили слухи, будто убійцы, терзаемые народомъ, передъ смертью повинились, что они подосланы Годуновымъ, но едва ли онъ, при его умѣ и осторожности, могъ рѣшиться на такое грубое и опасное преступленіе. Вѣрнѣе предположить, что доброхоты Годунова, понимая, какая бѣда грозитъ и ему, и имъ, при воцареніи Димитрія, сами додумались до преступленія.

Смертью царевича положеніе Годунова упрочивалось. Едва-ли уже тогда онъ мечталъ о царскомъ тронѣ: для него важно было ужь и то, что онъ избавился отъ страшныхъ для него Нагихъ. Теперь, со смертью бездѣтнаго царя,

онъ могъ надѣяться, что власть перейдетъ къ царицѣ, а онъ при ней останется по прежнему всемогущимъ правителемъ.

Вскорѣ послѣ смерти царевича, въ Москвѣ вспыхнулъ сильный пожаръ, испепелившій значительную часть города. Годуновъ сталъ немедля раздавать пособія погорѣльцамъ, цѣлыя улицы отстраивалъ на свой счетъ. Небывалая щедрость однако не привлекла къ нему народа; ходили даже враждебные слухи, будто Годуновъ тайно приказалъ своимъ людямъ поджечь Москву, чтобы отвлечь вниманіе москвичей отъ убійства царевича и выказать себя народнымъ благодѣтелемъ.

Въ 1592 году у царя Ѳеодора родилась дочь Ѳеодосія. Велика была радость царя и царицы; радовался, или по крайней мѣрѣ показывалъ видъ радости, и Годуновъ. Именемъ царя онъ освобождалъ узниковъ, раздавалъ щедрую милостыню; но народъ не вѣрилъ искренности его и; когда, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, ребенокъ скончался, въ народѣ пошли ходить нелѣпые толки, что Годуновъ извелъ маленькую царевну.

Онъ, очевидно, становился жертвой безпощадной людской молвы.

Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ.

Самымъ важнымъ дѣломъ Годунова въ царствованіе Ѳедора было прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ. Оно привело къ очень печальнымъ послѣдствіямъ.

Огромная Русская земля съ ея полями, лугами, лѣсами, рѣками и озерами была открыта въ древности, при началѣ государства, для всѣхъ: селись, гдѣ любо, и промышляй, чѣмъ хочешь. Селились особнякомъ, однимъ дворомъ, селились и обществомъ, селомъ или городомъ. Сельчане и горожане въ старину не различались межъ собой,—одинаково занимались земледѣліемъ и другими промыслами. Земли было вдоволь. Если она оскудѣвала гдѣ-либо, то поселенцы приглядывали себѣ другое удобное мѣсто и выселялись туда. При огромныхъ пространствахъ гулящей, свободной земли прочной осѣдлости не было. Каждый по мѣрѣ силъ и способностей могъ занять себѣ участокъ, воздѣлать его и обратить въ свою собственность; владѣніе землею долго называлось посильемъ. По старинному выраженію, все то пространство земли становилось собственностью человѣка, „куда его топоръ, коса и соха ходили“.

Кто могъ, самъ очищалъ землю для себя, обращалъ ее въ пашню, обзаводился хозяйствомъ и становился полнымъ владѣльцемъ своего участка, имѣлъ право передать его по наслѣдству, какъ вотчину, продать, подарить. Тѣ, кому не подъ силу было самимъ справиться, обзавестись своимъ отдѣльнымъ хозяйствомъ, сообща съ другими, т. е. общиной, приспособлялись къ землѣ. Каждый членъ общины пользовался отдѣльнымъ участкомъ земли, но настоящимъ владѣльцемъ ея считалась только вся община.

Такимъ образомъ издавна явились на Руси земли владѣльческія—вотчинныя и общинныя, кромѣ дикихъ, гулящихъ, никѣмъ не занятыхъ земель.

Для того, чтобы обработать дикую, непочатую почву и обратить ее въ собственность, нужно много и силы, и охоты, да и средства необходимы; земле-

дѣльческія орудія, лошадь... Понятно, что многимъ не подъ силу было это, и они приставали или къ общинамъ, или шли къ богатымъ владѣльцамъ, получали отъ нихъ участки земли и средства для обработки ихъ и возділывали землю на извѣстныхъ условіяхъ, напр., за половину сбора съ полей (исполовники), а не то, шли въ закупы, въ найиты, въ батраки, т. е. становились вольнонаемными рабочими. Иные по несчастію, за неоплатные долги, попадали въ кабалу, становились холопами, предпочитали спокойное и сытое житье подневольнаго слуги, раба, тревожной жизни свободнаго бѣдняка. Такимъ образомъ, само собою населеніе стало распадаться на 1) зажиточныхъ людей, лучшихъ мужей (вотчинниковъ, домовладѣльцевъ), 2) меньшихъ или черныхъ людей, крестьянъ, мужиковъ, (живущихъ на вотчинной или на общинной землѣ) и 3) холоповъ, кабальныхъ людей.

Князья, бояре, духовенство, монастыри, купцы, крестьяне,—могли дѣлаться поземельными владѣльцами. Крестьяне, хотя и назывались черными людьми, но были вполнѣ свободны, могли жить, гдѣ хотѣли; могли обращаться въ купцовъ, въ духовныхъ лицъ и пр.

Всѣ должны были такъ или иначе служить государству: дружинники и бояре служили лично, составляли дружину или дворъ князя, ходили на войну, управляли волостями и пр.; купцы платили большія пошлины; съ крестьянъ собиралась дань, сначала небольшая на содержаніе княжей дружины. Иногда князья давали своимъ дружинникамъ вмѣсто жалованья свои заселенныя земли въ помѣстіе, т. е. не въ полное владѣніе, а въ пользованіе: помѣщики—дружинники собирали дань съ помѣстья своего въ свою пользу.

Въ удѣльное время, при постоянныхъ переходахъ князей съ ихъ дружинами изъ удѣла въ удѣлъ, раздача помѣстій производилась, вѣроятно, не въ большихъ размѣрахъ; да и земля мало цѣны имѣла въ глазахъ бродячей дружины. Но съ того времени, какъ сѣверные князья прочнѣе водворяются въ своихъ удѣлахъ, населенная земля и помѣстья получаютъ больше цѣны. Князья хлопочутъ о томъ, чтобы населить свои земли, усилить крестьянство. Увеличивается населеніе на сѣверѣ, усиливаются и разные промыслы, и владѣть землею близъ городовъ, на рѣкахъ, на торговыхъ путяхъ, становится дѣломъ выгоднымъ. Но собравшееся и окрѣпшее Московское государство вступаетъ въ постоянную и упорную борьбу съ западными и восточными сосѣдями. Для войны нужны деньги, нужны люди. Крестьянскія подати и разныя повинности, и безъ того тяжелыя съ татарскихъ временъ, становятся еще тяжелѣе. Мелкихъ помѣстій раздается служилымъ людямъ все больше и больше. Число служилыхъ людей быстро ростетъ. Завоеваніе обширныхъ новгородскихъ и псковскихъ земель дало возможность Ивану III и Василію III цѣлыми тысячами испомѣщать, т. е. надѣлять помѣстьями служилыхъ людей (боярскихъ дѣтей), причемъ они обязывались по первому же призыву являться въ назначенное мѣсто „конны, людны и оружны“. Но исправно нести свои обязанности служилые люди могутъ только въ томъ случаѣ, если ихъ помѣстья даютъ имъ средства, если доходы съ помѣстій достаточны; а это зависѣло отъ того, довольно ли было крестьянъ на ихъ землѣ.

Трудно было крестьянину XVI вѣка „тянуть тягло“, т. е. платить раз-

ныя подати и отбывать повинности. Онъ не только уплачивалъ дань, но долженъ былъ еще со всякаго промысла уплачивать извѣстную долю, давать кормы намѣстникамъ и волостелямъ и другимъ начальнымъ людямъ. Сверхъ того, крестьяне должны были поставлять лошадей государевымъ гонцамъ (ямъ), поставлять подводы и выполнять много другихъ мелкихъ повинностей.

Раскладка податей и повинностей производилась слѣдующимъ образомъ. Земля дѣлилась на участки, или сохи. Сохи заключали въ себѣ отъ 1200 четвертей до 400 (по теперешнему счету отъ 1,800 до 600 десятинъ); слѣдовательно, сохи были неодинаковы по величинѣ: сохи дворцовыя, вотчинныя и монастырскія были больше, чѣмъ помѣстныя и общинныя. Съ малыхъ сохъ взималось столько же податей, сколько съ большихъ; а на большомъ пространствѣ было обыкновенно больше и крестьянъ; стало быть, „тянуть тягло“ крестьянину на большой сохѣ было легче, чѣмъ на малой. (Наприм., въ кормъ намѣстнику полагалось съ каждой сохи полоть мяса, десять хлѣбовъ, бочка овса и возъ сѣна. Съ большой сохи это все должны были доставить, положимъ, 300 крестьянъ, а съ малой 150; очевидно, послѣднимъ эта повинность была вдвое тяжелѣе; то же должно сказать и относительно прочихъ платежей и повинностей).

Время отъ времени составлялись писцовыя книги, въ которыя заносилось, сколько за вотчинникомъ, помѣщикомъ, или за общиной числится доходной земли, и сообразно этому опредѣлялось, сколько сборовъ съ нея должно идти въ казну, и сколько вооруженныхъ людей въ случаѣ войны долженъ выставить владѣлецъ.

Но черные люди или крестьяне свободно могли переходить съ однихъ мѣстъ на другія. Понятно, что выгоднѣе всего было имъ селиться на большихъ сохахъ вотчинныхъ земель, или монастырскихъ. Рабочія руки всюду были нужны, и потому крестьянъ вездѣ охотно принимали. Бывали случаи, что землевладѣльцы у своихъ сосѣдей даже силою захватывали крестьянъ и сажали ихъ на своихъ земляхъ. Чѣмъ тяжелѣе становились повинности, тѣмъ болѣе усиливалось движеніе крестьянъ съ общинныхъ земель и съ мелкопомѣстныхъ. Сильные пожары, истреблявшіе крестьянскія хозяйства, набѣги татаръ, моровыя повѣтрія, убавлявшія число рабочихъ — тоже заставляли крестьянъ разбѣгаться. Цѣлыя области иногда пустѣли: нерѣдко встрѣчались покинутыя деревни... Убыль людей въ какомъ либо участкѣ при сборѣ податей не бралась въ разсчетъ до составленія новыхъ писцовыхъ книгъ, а всѣ подати и повинности, лежавшія на участкѣ, не въ моготу было поднять на себя крестьянамъ, оставшимся въ немъ въ небольшомъ числѣ, — они тоже разбѣгались. Многіе переходили въ холопы, другіе шли въ батраки, третьи уходили въ степи и становились казаками.

Всю силу свою государство брало изъ земли: она давала главныя денежныя средства правительству, она кормила и сотни тысячъ служилыхъ людей, составлявшихъ главную его силу; а нѣтъ крестьянъ на землѣ, — она теряетъ всякую цѣну; убавляются доходы государства, служилые люди — помѣщики не могутъ править службу, какъ слѣдуетъ, при сборѣ войска являются съ плохимъ оружіемъ, не приводятъ съ собою должнаго числа воиновъ, даже и вовсе не являются, приходится отмѣчать ихъ въ „нѣтяхъ“.

Правительству приходилось ради своей же пользы позаботиться о томъ,

чтобы облегчить и улучшить участь черныхъ людей. Царь Иванъ и его совѣтники старались видимо поддержать общинное устройство крестьянъ; въ общинѣ, гдѣ другъ друга поддерживаютъ, одинъ другого выручаетъ, всѣмъ легче живется. Заботился царь и о томъ, чтобы приказные люди не обижали крестьянъ, позволялъ имъ самимъ управляться, выбирать себѣ общиной старость, цѣловальниковъ и другихъ излюбленныхъ людей, которые вершили бы дѣла „безпосульно и безволокитно“ (т. е. безъ взятокъ и безъ замедленія).

Но подати и повинности не сбавлялись; войны тяжелыя и обременительныя продолжались, и крестьянамъ становилось все труднѣе тянуть тягло.

Переходы крестьянъ изъ мелкопомѣстныхъ и общинныхъ земель въ земли болѣе льготныя, боярскія и монастырскія, продолжались. Къ концу XVI вѣка крестьянъ, поземельныхъ собственниковъ, уже не было. Не подъ силу было имъ тянуть тягло на своей землѣ, да и обидъ отъ приказныхъ людей и отъ сборщиковъ податей приходилось терпѣть не мало; а на боярской землѣ жилось крестьянину за боярином какъ за каменной стѣной. Вотъ почему вольные крестьяне шли въ закупы къ богатымъ владѣльцамъ, а не то просто въ батраки и холопы, а тѣ, которымъ воля была дорога, уходили въ степныя украины въ казаки. Съ присоединеніемъ къ Московскимъ владѣніямъ Поволжья и Сибири открылись новыя обширныя страны для выселенія. Правительству пришлось позаботиться о томъ, чтобы не уходила рабочая сила изъ-подъ тягла; уменьшалась эта сила въ государствѣ, падали и доходы его, слабѣло и войско. Служилые люди, мелкіе помѣщики, безпрестанно бьютъ челомъ, что богатые землевладѣльцы переманиваютъ крестьянъ у нихъ и этимъ раззоряютъ ихъ въ конецъ; что службу государеву править имъ не въ мочь; жалуются и на то, что имъ „тощета“ и отъ того, что крестьяне уходятъ отъ нихъ на монастырскія льготныя земли.

Правительство, испомѣщая служилыхъ людей, давая имъ вмѣсто жалованья—земли, должно было озаботиться, чтобы дать имъ и постояннаго работника: иначе имъ не въ мочь было править службу. Вотъ главная причина прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ.

Въ Литовской Руси гораздо раньше старались уничтожить переманку крестьянъ большими льготами отъ одного землевладѣльца къ другому. Здѣсь запрещено было подъ страхомъ наказанія сманивать крестьянъ новыми льготами. Московское правительство думало тоже сдѣлать нѣчто подобное. Еще при Грозномъ было постановлено, чтобы монастыри не пріобрѣтали безъ особаго разрѣшенія земли, отмѣнены такъ называемыя „тарханныя грамоты“, которыми давались монастырскимъ землямъ очень важныя льготы, сильно привлекавшія крестьянъ. Но скоро тарханы были возобновлены. Годуновъ искалъ опоры духовенства, и потому ему не было разсчета обижать монастыри; а между тѣмъ необходимо было подумать о выгодахъ служилыхъ людей.

Уже раньше постепенно ограничивалась свобода крестьянскихъ выходовъ. Опредѣлено было, что крестьяне могутъ переходить отъ одного помѣщика къ другому около осенняго Юрьева дня, когда уже были всѣ сельскія работы покончены, и счеты между помѣщикомъ и крестьяниномъ сведены. Наконецъ, около 1582 го[illegible] изданъ отъ имени царя указъ, по которому отъ крестьянъ

отнималось право выхода; они обязывались оставаться на той землѣ, гдѣ засталъ ихъ указъ. И раньше тяжело жилось крестьянину, но все же онъ зналъ, что наступитъ желанный Юрьевъ день, и можно будетъ поискать новаго мѣста, уйти отъ господина, съ которымъ тяжело живется. Теперь же этотъ желанный день отъ крестьянина отнимался, и уходъ его съ мѣста становился уже преступленіемъ. Крестьяне не дѣлались холопами или рабами помѣщика; они прикрѣплялись только къ землѣ, но волю все же теряли и попадали болѣе, чѣмъ прежде, подъ власть помѣщиковъ.

Кромѣ тяглыхъ крестьянъ были въ каждомъ селѣ нетяглые люди, т. е. не приписанные къ тяглу по писцовымъ книгамъ. Это были взрослые сыновья при отцахъ, братья при братьяхъ, племянники при дядьяхъ и проч., называли ихъ обыкновенно захребетниками и подсусѣдниками. Они были людьми вполнѣ

Русскіе крестьяне XVI—XVII ст. (по рис. Олеарія).

свободными, вольными работниками. Чрезъ пять лѣтъ въ 1598 г. вышелъ указъ, по которому вольные слуги, прослужившіе у господина полгода, становились его холопами. Такимъ путемъ хотѣло правительство и этихъ вольныхъ людей прикрѣпить, но уже не къ землѣ, а къ господину, которому и отдавались они въ полную власть.

Этими мѣрами Годуновъ разсчитывалъ упрочить доходы государства и военныя силы его. Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ и закабаленіе вольныхъ людей были очень выгодны для служилыхъ, мелкопомѣстныхъ людей, такъ какъ отъ нихъ обыкновенно и уходили рабочія силы къ богатымъ владѣльцамъ, которые теперь лишались возможности сманивать людей. Но главная военная сила государства составлялась изъ сотенъ тысячъ служилыхъ боярскихъ дѣтей, а не изъ сотенъ богатыхъ и знатныхъ бояръ, и Годуновъ выгоды послѣднихъ смѣло приносилъ въ жертву первымъ. Онъ не предвидѣлъ, конечно, къ какимъ

ужаснымъ послѣдствіямъ приведутъ эти мѣры. Ему лично онѣ были выгодны, такъ какъ онъ пріобрѣталъ теперь новую опору въ служилыхъ людяхъ, составлявшихъ главную военную силу въ государствѣ.

Но уже самому Годунову пришлось увидѣть и вредныя слѣдствія прикрѣпленія крестьянъ. Законное право уходить съ мѣста у нихъ было отнято, они стали дѣлать это незаконно. Побѣги крестьянъ и розыски бѣглыхъ страшно тяготили и помѣщиковъ, и правительство. Судамъ, тяжбамъ, сыскамъ и насиліямъ не было счету... Число нищихъ и бродяхъ изъ бѣглыхъ крестьянъ все росло и росло. Разбои и воровство усилились. Чѣмъ больше крестьянъ было въ бѣгахъ, тѣмъ труднѣе было тянуть тягло оставшимся.

Тяжело жилось русскому простолюдину и раньше, а послѣ закрѣпощенія стало еще тяжелѣе. „Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!“ до сихъ поръ еще

Русскія крестьянки XVI—XVII ст. (по рис. Олеарія).

говоритъ нашъ теперь уже свободный простолюдинъ, когда надъ нимъ стрясется какая либо нежданная бѣда: сильно, видно, врѣзалась въ народную память отмѣна Юрьева дня.

Неприглядна была и съ внѣшней стороны жизнь крестьянина: по большей части тѣсная курная избенка служила ему жилищемъ. Одѣвался простой народъ въ ту пору почти такъ-же, какъ и теперь: тѣ же были тулупъ, зипунъ (сермяга) и мѣховая шапка въ холодную пору, а лѣтомъ одна рубаха. Кожаная обувь была у болѣе зажиточныхъ; бѣдняки носили лапти. Простолюдины, жившіе при городахъ (посадскіе), обыкновенно бывали зажиточнѣе; они и жили попросторнѣе, и одежду шили понарядне, не изъ такихъ грубыхъ тканей, какъ бѣдняки.

Избраніе Бориса Годунова на престолъ.

Великая печаль, по словамъ лѣтописи, была въ Москвѣ 6-го января 1598 года: „послѣдній цвѣтъ Русской земли отходилъ отъ очей всѣхъ“,—умиралъ царь Ѳеодоръ.

Патріархъ и бояре были при немъ.

— „Кому сіе царство и насъ сирыхъ приказываешь и свою царицу?“, спросилъ у царя патріархъ.

— „Въ семъ моемъ царствѣ и въ васъ воленъ Богъ, нашъ Создатель, какъ Ему угодно, такъ и будетъ, а съ царицею моею Богъ воленъ, какъ ей жить, и о томъ у насъ уложено“, отвѣчалъ умирающій.

Въ часъ утра 7-го января его не стало.

Одно лицо теперь оставалось на престолѣ, — вдова покойнаго государя, Ирина. Ей спѣшили присягнуть думные бояре, чтобы избѣжать междуцарствія.

Утромъ, когда разнесся по городу слухъ о кончинѣ царя, москвичи сильно горевали, горько оплакивали его. Добродушнаго и набожнаго царя, по словамъ лѣтописи, народъ высоко чтилъ и любилъ.

Въ 9-й день по кончинѣ Ѳеодора Ирина изъявила желаніе постричься. Напрасно челомъ били ей и умоляли ее святители, бояре и народъ не оставлять царства: она была непреклонна, не вняла народнымъ мольбамъ и постриглась подъ именемъ Александры. За сестрой удалился въ Новодѣвичій монастырь и Борисъ.

Теперь во главѣ государства остался патріархъ. Ему принадлежалъ и первый голосъ при избраніи государя на осиротѣлый престолъ.

Когда узнали объ отреченіи Ирины, духовенство и бояре не знали, что дѣлать. Государственный дьякъ Василій Щелкаловъ вышелъ къ народу, наполнявшему Кремль, и требовалъ присяги на имя боярской думы.

— „Не знаемъ ни князей, ни бояръ, знаемъ только царицу!“ кричалъ народъ въ отвѣтъ.

Когда же дьякъ сказалъ народу, что уже нѣтъ царицы Ирины, а есть инока Александра, то въ народѣ раздались крики:

— „Да здравствуетъ Борисъ Ѳеодоровичъ!“

Среди московской черни было не мало доброхотовъ щедраго Годунова.

Всѣмъ соборомъ пошли въ Новодѣвичій монастырь. Патріархъ отъ имени народа молилъ инокиню Александру благословить брата на царство, а Бориса— принять скипетръ.

— „Мнѣ и на умъ никогда не приходило, отвѣчалъ Годуновъ, о царствѣ, какъ мнѣ и помыслить о такой высотѣ?!“

Повидимому, самая мысль о престолѣ пугала Годунова, и онъ, казалось, рѣшительно отказывается отъ него, но при этомъ все-таки прибавлялъ: „а если работа моя гдѣ пригодится, то съ боярами радѣть и промышлять я радъ не только по прежнему, но и свыше“.

Эти слова показывали, что онъ не боится власти и царскихъ трудовъ, къ которымъ привыкъ,—а страшитъ его лишь высота царскаго сана...

Между тѣмъ государствомъ управлялъ патріархъ съ боярской думой; указы писались отъ имени „царицы Александры“. Патріархъ неоднократно упрашивалъ Годунова и наединѣ вступить на престолъ. Уже начинались отъ безначалія неурядицы. Въ народѣ разносилась страшная вѣсть о томъ, будто крымскій ханъ собирается нагрянуть на Москву.

Патріархъ созвалъ въ столицу соборъ изъ выборныхъ людей, всего собралось 474 человѣка: тутъ были духовныя лица, бояре, служилые люди, купцы и горожане. Большею частію выбраны были, по старанію друзей Годунова, его доброхоты.

17-го февраля открылся соборъ. Патріархъ, разсказавъ о постриженіи царицы и объ отказѣ Бориса, предложилъ собору рѣшить вопросъ: „кому на великомъ преславномъ государствѣ государемъ быть?“ Но, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ:

— „А у меня, Іова патріарха, и у митрополитовъ, и архіепископовъ, и епископовъ, и у архимандритовъ, и у игуменовъ, и у всего священнаго вселенскаго собора, и у бояръ, и у дворянъ, и у приказныхъ, и у служилыхъ всякихъ людей, и у гостей (купцовъ), и у всѣхъ православныхъ крестьянъ, которые были на Москвѣ, — мысль и совѣтъ единодушный, что намъ мимо Бориса Ѳеодоровича иного государя никого не искати и не хотѣти“.

Послѣ этихъ словъ собору оставалось только безпрекословно согласиться съ патріархомъ.

20-го февраля послѣ молебствія о томъ, чтобы Господь даровалъ православному христіанству царя Бориса Ѳеодоровича, патріархъ снова съ духовенствомъ, боярами и народомъ отправился въ монастырь и опять слезно просили Годунова принять царскую власть.

Отъ Годунова послѣдовалъ снова рѣшительный отказъ. Всѣ были въ недоумѣніи и скорби великой.

По совѣту патріарха рѣшено было, совершивъ торжественныя молебствія Пречистой Богородицы въ Успенскомъ соборѣ, а также по всѣмъ церквамъ и монастырямъ, идти въ Новодѣвичій монастырь всенародно съ иконами и крестами. А съ духовенствомъ патріархъ тайно приговорилъ, въ случаѣ новаго отказа со стороны Годунова, отлучить его отъ церкви, а самимъ снять съ себя святительскіе саны, одѣться въ простыя монашескія рясы и запретить по всѣмъ церквамъ службы.

21-го февраля крестный ходъ съ чудотворными образами Пречистой Богородицы Владимірской, Богородицы Донской, и другими святыми иконами двинулся къ Новодѣвичьей обители. Когда процессія подходила къ монастырю, на встрѣчу ей была вынесена чудотворная икона Смоленской Богоматери. Слѣдомъ вышелъ и Борисъ Ѳедоровичъ. Дошедши до образа Владимірской Богородицы, онъ воскликнулъ:

— „О милосердая царице, мати Христа Бога нашего! почто толикій подвигъ сотворила еси?.. Пречистая Богородица, помолися обо мнѣ и помилуй мя!“

При этомъ онъ палъ на землю и долго орошалъ ее слезами. Затѣмъ, проливая слезы, обратился къ патріарху и спросилъ, зачѣмъ онъ воздвигъ святыя

иконы. Святитель благословилъ Бориса Ѳеодоровича крестомъ и сквозь слезы сказалъ ему:

— „Богородица съ Предвѣчнымъ младенцемъ возлюбила тебя... Устыдись пришествія Ея, покорись волѣ Божіей и ослушаніемъ не наведи на себя праведнаго гнѣва Господня!..“

Годуновъ молчалъ и плакалъ.

Отслужена была обѣдня. Прямо изъ церкви въ полномъ облаченіи патріархъ и все духовенство съ крестами и образами пошли въ келью къ царицѣ, били ей челомъ, долго молили ее со слезами. Народъ толпился на дворѣ. Нѣкоторые изъ доброхотовъ Годунова стояли у оконъ кельи и подавали народу знаки руками, когда кричать, а иные пристава слишкомъ ужь усердствовали въ пользу Годунова и „пхали людей въ шею“, заставляя ихъ плакать и вопить.

Царица долго была въ недоумѣніи, какъ поступить. Наконецъ, обратилась къ Борису и сама стала увѣщевать его.

— „Это Божіе дѣло,—говорила она, а не человѣческое: какъ будетъ воля Божія, такъ и сотвори!“

Тогда Борисъ съ видомъ глубокой скорби и со слезами воскликнулъ:

— „Господи Боже, Царь царствующихъ и Господь господствующихъ! Если Тебѣ то угодно, да будетъ святая воля Твоя!

Іовъ, святители и бояре пали на землю и со слезами радости благодарили Бога; а когда было объявлено народу о согласіи Бориса Ѳеодоровича, то долго не умолкали радостные крики...

„Богоизбранный“ царь, какъ величалъ Бориса патріархъ, побывалъ во всѣхъ кремлевскихъ соборахъ, кланялся святынѣ. Затѣмъ провелъ весь постъ и всю Пасху въ монастырѣ съ сестрою.

Первымъ дѣломъ царя было дать приказъ собираться ратнымъ силамъ въ Серпуховѣ для отпора крымскому хану (слухи о его намѣреніи вторгнуться въ русскія владѣнія росли и волновали народъ). Самъ Борисъ уѣхалъ къ войску. Большая рать была собрана подъ Серпуховымъ. Щедрость новаго царя была безгранична. Воеводъ и знатныхъ людей дарили дорогими парчами, бархатами и шелковыми тканями, воиновъ — деньгами. Въ теченіи шести недѣль войску давались великолѣпные пиры подъ шатрами на серебряной посудѣ. Никогда еще такой благодати воинамъ не приходилось видать. Убѣдились они тутъ воочію, что служить Борису выгодно. Вскорѣ явились отъ хана послы съ дарами царю; ханъ желалъ быть съ нимъ въ мирѣ и дружбѣ.

Такъ Борису Ѳеодоровичу и не довелось показать свою военную доблесть, но богатство и щедрость свою онъ показалъ и сердца служилыхъ людей себѣ покорилъ. Радовались они, „чаяли и впредь себѣ отъ царя такого жалованья“.

Когда Борисъ Ѳедоровичъ возвращался въ Москву, его торжественно встрѣчалъ патріархъ съ духовенствомъ и народомъ. Въ своей привѣтственной рѣчи Іовъ сказалъ Борису:

— „Подвигъ великій сотворилъ ты: освободилъ христіанскій родъ отъ плѣненія... Услышавъ о скоромъ твоемъ ополченіи, недругъ крымскій устрашился и прислалъ къ тебѣ челомъ бить...“

Такимъ образомъ Борисъ являлся въ глазахъ народа избавителемъ русской земли отъ татарскаго погрома. Торжественное вѣнчаніе на царство Борисъ отложилъ до 1-го сентября, дня сладкихъ надеждъ и добрыхъ желаній, (въ тѣ времена новый годъ начинался съ 1-го сентября).

Вѣнчаніе на царство было совершено патріархомъ въ Успенскомъ соборѣ очень пышно. По окончаніи обряда, царь громогласно при всемъ народѣ, наполнявшемъ соборъ, воскликнулъ, обратившись къ патріарху:

— „Отче, великій патріархъ, Богъ свидѣтель тому, что никто въ моемъ царствѣ не будетъ нищъ и бѣденъ.“ Затѣмъ, взявшись за воротъ своей рубахи, прибавилъ: „и сію послѣднюю раздѣлю со всѣми!“

Велика, видно, была радость царя Бориса, если давалъ онъ такія обѣщанія!..

Три дня продолжались народныя празднества и придворные пиры. Награды безъ конца сыпались на царскихъ приближенныхъ. Щедротамъ царя, казалось, не было ни мѣры, ни конца...

Твердо, крѣпко сѣлъ на престолъ этотъ „богоизбранный“ царь. Сослужили ему свою службу и патріархъ, и духовенство, и служилые люди, облагодѣтельствованные имъ. Все дѣло было обдѣлано очень ловко. Не принялъ Борисъ царскаго вѣнца отъ патріарха и бояръ, а выждалъ рѣшенія земскаго собора, на которомъ устами своихъ излюбленныхъ людей весь русскій народъ избралъ его, своего правителя, на царство. Но и тутъ онъ не хотѣлъ брать царскаго вѣнца, долго и упорно отказывался и если взялъ, наконецъ, то лишь по Божьему изволенію, по настоянію патріарха, по мольбамъ духовенства, выборныхъ людей и московскаго народа. Словно противъ воли принималъ на себя Борисъ бремя царской власти, но еще до вѣнчанія на царство сослужилъ великую царскую службу своему отечеству,—спасъ его отъ вражьей силы; еще до вѣнчанія показалъ онъ служилымъ людямъ, что и службы отъ нихъ требовать и жаловать по-царски за эту службу съумѣетъ, что если не по крови, то по нраву, по широкой размашистой щедрости ему мѣсто на русскомъ царскомъ престолѣ. Борису въ эту пору было сорокъ семь лѣтъ, но онъ еще былъ полонъ жизни и силъ. Высокій ростомъ, плотный, плечистый, круглолицый, съ черными волосами и бородой,—онъ имѣлъ внушительный видъ и царскую осанку; рѣчь его была очень мягка, порою даже льстива; но глаза внушали страхъ и повиновеніе.

И умомъ, и наружнымъ видомъ, и тароватостью,—всѣмъ взялъ Борисъ, и, казалось бы, лучшаго царя и не надо было; но въ народѣ упорно держалась молва, что онъ сгубилъ послѣднюю отрасль царскаго дома, добиваясь престола. Крѣпко сѣлъ онъ теперь на этотъ престолъ, окрѣпла и злая молва... Цареубійцу видѣлъ народъ въ Борисѣ и никакими щедротами не могъ онъ купить народной любви. Невыносима была и многимъ знатнымъ боярамъ мысль, что Годуновъ, человѣкъ незнатный родомъ, да въ дабавокъ потомокъ Мурзы-Чета, природнаго татарина,—царь, а имъ, потомкамъ Рюрика и Гедимина, приходится преклоняться предъ нимъ. Князья Шуйскіе, Бѣльскіе, Голицыны могли считать себя по своей родовитости болѣе достойными, чѣмъ Годуновъ, занять престолъ. Но болѣе всего на него имѣлъ правъ въ глазахъ народа Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ. Народъ особенно любилъ Романовыхъ: они не запятнали себя никакимъ

дурнымъ дѣломъ, въ опричинѣ никакого участія не принимали, а добродѣтельная Анастасія, которую считали ангеломъ—хранителемъ царя, направлявшимъ его на все доброе, была памятна народу. При вступленіи Бориса на престолъ во главѣ рода Романовыхъ стоялъ Ѳедоръ Никитичъ, племянникъ царицы Анастасіи и двоюродный братъ царя Ѳеодора. Не было въ Москвѣ въ то время другого такого красавца и щеголя, какъ Ѳедоръ Никитичъ! Имъ любовались всѣ, когда онъ ѣхалъ на конѣ... Красота его и щеголеватость вошли даже въ поговорку. Когда хотѣли похвалить молодцеватую наружность или изящество одежды какого нибудь щеголя, то говорили ему: „Ты совершенно Ѳедоръ Никитичъ!“

Но не одной красотой привлекалъ къ себѣ Ѳедоръ Никитичъ: онъ былъ очень уменъ отъ природы, со всѣми привѣтливъ и любезенъ, любознателенъ, и, что представляло тогда большую рѣдкость, былъ начитанъ и зналъ даже немного по-латынѣ.

Враждебные слухи, непріязнь многихъ бояръ и народная любовь къ Ѳедору Никитичу Романову были, конечно, извѣстны Борису, и ему, достигшему желанной царской высоты, все таки было кого бояться, было кому завидовать...

Царствованіе царя Бориса (1598—1604).

Сильно хлопоталъ Борисъ въ первые два года своего царствованія о томъ, чтобы привязать къ себѣ народъ, закрѣпить его любовь за собой и родомъ своимъ. При вступленіи своемъ на престолъ онъ освободилъ сельскій людъ на одинъ годъ отъ всякихъ податей; торговымъ людямъ далъ право два года торговать безданно-безпошлинно; служилымъ людямъ было выдано сразу двойное жалованье за годъ. Разнымъ краямъ даны были льготы. Грамадное состояніе Бориса давало ему возможность изумлять всѣхъ своей щедростью. Зналъ онъ, какъ русскій народъ чтитъ нищелюбіе, и милостыня въ его рукахъ не оскудѣвала; ни одинъ бѣднякъ, подавшій ему челобитную, не уходилъ отъ него съ пустыми руками. Вдовъ, сиротъ и нищихъ онъ кормилъ, одѣвалъ, одѣлялъ деньгами. Крестьяне были нѣсколько облегчены: опредѣлено, сколько они должны платить землевладѣльцамъ и сколько работать на него. Борисъ даже позволилъ крестьянамъ временно переходить, но только отъ мелкихъ помѣщиковъ къ мелкимъ же, а не къ богатымъ. Старался онъ противодѣйствовать пьянству, которое тогда было уже сильно распространено въ народѣ, приказывалъ закрывать кабаки. Ни одинъ царь еще, казалось, не заботился такъ о благоденствіи народа, какъ Борисъ.

Въ первый годъ своего царствованія онъ былъ обрадованъ извѣстіемъ изъ Сибири. Воевода Воейковъ на рѣкѣ Оби разбилъ окончательно Кучума, который послѣ пораженія бѣжалъ и скоро погибъ. Сибирскій край былъ окончательно закрѣпленъ за Россіей постройкой новыхъ городовъ и открытъ для мирной промышленности.

Сильно заботился Борисъ о томъ, чтобы охранить южныя окраины государства отъ набѣговъ крымцевъ. По приказу царя здѣсь построенъ былъ цѣлый рядъ новыхъ крѣпостей, засѣкъ. Сами татары догадывались, что Борисъ хочетъ какъ бы задушить ихъ, выдвигая свои укрѣпленія все дальше и дальше

на югъ и востокъ. Зорко сторожили русскіе по границамъ своихъ степныхъ недруговъ, чтобы во-время дать вѣсть о движеніи ихъ. Объ этихъ сторожахъ находимъ любопытныя извѣстія у одного иностранца, бывшаго въ русской службѣ (Маржерета). Стража была разставлена повсюду, гдѣ могли бы пройти орды татаръ. По степи росли одинокіе дубы. При такихъ дубахъ на разстояніи 8, 10 и болѣе верстъ становились сторожа,—по два ратника у каждаго дерева: одинъ сторожилъ, сидя на верхушкѣ дуба, другой подлѣ дерева кормилъ осѣдланныхъ коней. Лишь только сидѣвшій на деревѣ замѣчалъ въ степной дали облака пыли, поднимаемыя обыкновенно татарской конницей, немедленно одинъ изъ двухъ стражей скакалъ во весь опоръ на быстромъ конѣ къ другому дереву, еще издали знаками и криками указывалъ сторожу, съ какой стороны грозитъ опасность; тогда отъ этого дерева такимъ же способомъ давалась вѣсть къ слѣдующему и доходила до ближайшихъ крѣпостей и, наконецъ, до Москвы. Вторые сторожа, оставшіеся при деревьяхъ, выждавъ нѣсколько времени и приглядѣвшись внимательнѣе къ тому, что творилось въ степи, садились на коней и передавали уже болѣе опредѣленныя вѣсти тѣмъ же способомъ, какъ ихъ товарищи. Такимъ образомъ, при помощи этого живого телеграфа старались предупредить опасность, принять военныя мѣры, собрать ратную силу, чтобы во время встрѣтить врага. Каждую весну русскіе выжигали въ степи траву, чтобы татары не могли найти корма для своихъ лошадей.

Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, все труднѣе и труднѣе становилось крымцамъ дѣлать внезапные, разбойничьи набѣги, и ханъ, бывшій въ то время не въ ладахъ съ турецкимъ султаномъ, присмирѣлъ, даже заискивалъ у Бориса. Ханскіе послы, ѣздившіе къ нему въ Серпуховъ и видѣвшіе огромныя ратныя силы царя во всемъ ихъ блескѣ, своими разсказами, конечно, тоже содѣйствовали миролюбію хана.

Но за Кавказомъ наши дѣла были плохи. Кахетинскій князь Александръ хотя и признавалъ себя слугою Бориса, но въ то же время заискивалъ милости у персидскаго шаха, а сынъ Александра принялъ магометанство, перешелъ на сторону Персіи и даже убилъ своего отца. Рано еще было русскимъ думать о Закавказьѣ, съ которымъ и сношенія поддерживать было тогда еще трудно, и русскій отрядъ (около 7000 человѣкъ) погибъ безъ пользы для дѣла въ борьбѣ съ турками и туземными горными племенами.

На Западѣ Борисъ хотѣлъ добиться того же, о чемъ мечталъ Грозный—стать твердой ногой на Балтійскомъ побережьѣ. Русская вывозная торговля сильно упала съ потерей Нарвы. Балтійскіе берега были необходимы для Россіи. Борисъ это вполнѣ сознавалъ и не спускалъ глазъ съ Ливоніи. Въ это время шли раздоры между польскимъ королемъ Сигизмундомъ и его дядей Карломъ отнявшимъ у него Швецію. Будь на мѣстѣ Бориса государь смѣлый, рѣшительный, Ливонія не миновала бы его рукъ; стоило лишь вступить въ тѣсный союзъ съ Карломъ, искавшимъ русской помощи, и общими силами ударить на Польшу.

Но Борисъ не любилъ смѣлыхъ, рѣшительныхъ дѣйствій, неохотникъ былъ до войны, и разсчитывалъ больше выгадать хитростью да изворотливостью, думалъ отъ Швеціи добыть Нарву, а отъ Польши Ливонію или часть ея, угро-

жая шведскому королю союзомъ съ Польшей, а польскому союзомъ со Швеціей. Не надѣясь завладѣть самъ желаннымъ краемъ, онъ думалъ по примѣру Ивана Грознаго посадить тамъ своего подручника. Съ этой цѣлію Борисъ вызвалъ въ Москву племянника шведскаго короля, принца Густава, думая сдѣлать его королемъ Ливоніи и выдать за него свою дочь Ксенію; но всѣ эти замыслы кончились ничѣмъ. Удалось только съ Польшей заключить перемиріе на 20 лѣтъ. Ливоніи Борисъ не добылъ и съ Густавомъ, который не захотѣлъ принять православія, разошелся, далъ ему въ удѣлъ разоренный Угличъ.

Сильно хотѣлось Борису породниться съ какимъ нибудь королевскимъ домомъ. Когда не уладилось дѣло съ Густавомъ, царь сталъ пріискивать другого жениха своей дочери между иностранными принцами. Жениха нашли въ Даніи: братъ короля, принцъ Іоаннъ, согласился ѣхать въ Москву, породниться съ царемъ и сдѣлаться удѣльнымъ княземъ.

Съ великимъ торжествомъ приняли юнаго принца въ Москвѣ.

На торжественномъ обѣдѣ въ Грановитой палатѣ царь сидѣлъ на раззолоченномъ тронѣ, за серебрянымъ столомъ, подъ висящею надъ нимъ короною. Съ одной стороны царя сидѣлъ царевичъ Ѳеодоръ, съ другой—принцъ Іоаннъ, какъ членъ царской семьи. За богатымъ угощеніемъ послѣдовали дорогіе подарки. Борисъ и Ѳеодоръ сняли съ себя алмазныя цѣпи и возложили на шею принца. Царедворцы поднесли ему два золотые ковша, украшенные яхонтами, нѣсколько серебряныхъ сосудовъ и драгоцѣнныхъ тканей и мѣховъ. Красивый и привѣтливый принцъ скоро сталъ общимъ любимцемъ. Онъ, не смотря на свою юность, велъ себя очень благоразумно, выказывалъ желаніе учиться русскому языку и принять православіе. Лучшаго жениха трудно было бы и желать для Ксеніи, которая слыла тоже и красавицей, и разумницей.

Любопытно современное описаніе ея красоты: „Царевна Ксенія, говоритъ современникъ, „зѣльною красотой лѣпа“, бѣла, „млечною бѣлостію обліяна“, и лицомъ румяна; очи у нея большія, блестящія, особенно красивыя, когда сверкаютъ въ нихъ слезы жалости; брови союзные (сросшіеся); тѣломъ она изобильна (полна), ростомъ не высока и не низка; черные волосы ея „аки трубы“ лежатъ по плечамъ“. Но не красотой только привлекала къ себѣ Ксенія; по свидѣтельству того же современника, она была чуднаго разума, въ книжномъ дѣлѣ искусна и любила пѣніе, особенно духовное.

Но браку Ксеніи съ Іоанномъ не суждено было состояться. Принцъ внезапно заболѣлъ жестокой горячкой. Царскіе врачи употребляли всѣ усилія спасти его. Государь обѣщалъ имъ неслыханныя еще награды и милости... Но чрезъ нѣсколько дней, къ ужасному горю его, датскій принцъ скончался.

Не смотря на семейныя неудачи и горести, Борисъ дѣятельно занимался правительственными дѣлами, сносился съ Западомъ, съ Англіей, Германіей, Италіей, сильно хлопоталъ о томъ, чтобы добыть въ русскую службу разныхъ опытныхъ мастеровъ. Никогда прежде не было столько иностранцевъ на службѣ московской, какъ при Борисѣ. Никогда они и не были въ такой чести и милости какъ при немъ. Онъ понималъ цѣну знанія и просвѣщенія, задумалъ было даже вызвать изъ-за границы ученыхъ людей, основать школы, гдѣ бы иностранцы учили русскихъ не только разнымъ наукамъ, а также и языкамъ ино-

страннымъ; но духовныя лица возстали противъ этого. Они говорили, что русская земля, не смотря на свою обширность, едина по вѣрѣ, нравамъ и языку; если же настанетъ разноязычіе, то поселится раздоръ, и прежнее согласіе исчезнетъ. Какъ ни странно было это мнѣніе, осторожный царь, не желая идти прямо наперекоръ духовенству, отказался отъ своего немѣренія, но задумалъ другимъ путемъ по-немногу освоить русскихъ съ западнымъ просвѣщеніемъ. Раньше былъ обычай посылать русскихъ молодыхъ людей въ Константинополь учиться греческому языку; теперь же Борисъ послалъ по нѣсколько человѣкъ въ Англію, Францію и Германію. Но какъ будто въ оправданіе словъ духовенства, предостерегавшаго русскихъ людей отъ западнаго соблазна, посланные заграницу молодые люди такъ обжились тамъ, такъ имъ полюбились тамошніе порядки, что только одинъ вернулся въ отечество, остальные же промѣняли родину на чужбину.

Какъ царь Борисъ любилъ и жаловалъ иноземцевъ, — видно, напримѣръ, изъ разсказа о пріемѣ ливонцевъ, искавшихъ спасенія въ Россіи отъ преслѣдованій поляковъ, занявшихъ Ливонію.

Когда ливонцы по приказу царя прибыли въ Москву, имъ отвели отличное помѣщеніе въ боярскихъ домахъ, неподалеку отъ дворца, въ изобиліи снабдили всѣмъ нужнымъ для хозяйства: дровами, рыбою, мясомъ, масломъ, виномъ, пивомъ, медомъ, хлѣбомъ и пр. Сверхъ того, при каждомъ домѣ былъ приставъ для разныхъ покупокъ.

Назначенъ былъ день представленія ливонцевъ царю. Многіе изъ нихъ стали было отказываться отъ этой чести, извиняясь тѣмъ, что не смѣютъ предстать предъ его величество въ бѣдной своей одеждѣ; но царь велѣлъ имъ сказать, что онъ ихъ хочетъ видѣть, а не платье, и что ихъ надѣлятъ всѣмъ нужнымъ.

Нѣмцы явились во дворецъ. Царь сидѣлъ со своимъ сыномъ въ пріемной палатѣ. Его окружали князья и бояре въ роскошныхъ парчевыхъ одеждахъ, украшенные золотыми цѣпями и дорогими каменьями. Потолокъ, стѣны и полъ были обиты дорогими турецкими коврами. Нѣмцевъ, подводили къ государю по старшинству лѣтъ, сначала, старыхъ, а подъ конецъ молодыхъ. Царь сказалъ имъ чрезъ переводчика:

— „Поздравляю васъ, чужеземцы, съ прибытіемъ въ мое государство; радуюсь благополучію вашего путешествія. Меня трогаетъ несчастіе, которое принудило васъ покинуть родину и имущество. Вы получите втрое больше того, что потеряли въ своемъ отечествѣ. Васъ, дворяне, я сдѣлаю князьями; васъ граждане, боярами. Одарю васъ землею, слугами, работниками; одѣну въ бархатъ, шелкъ и золото; наполню пустые кошельки ваши деньгами; буду для васъ не царемъ и господиномъ, а истиннымъ отцомъ; вы будете не подданные, а дѣти мои; никто, кромѣ меня, не станетъ судить и рядить вашихъ споровъ; дарую вамъ свободу въ обрядахъ богослуженія; присягните только предъ Богомъ по вѣрѣ вашей не измѣнять ни мнѣ, ни сыну моему, не уходить тайно къ туркамъ, татарамъ, персамъ, шведамъ, полякамъ, не скрывать, если узнаете какой-либо противъ меня замыселъ, не посягать на мою жизнь ни ядомъ, ни чародѣйствомъ; тогда получите такую награду, что о ней будетъ говорить вся Римская имперія!“

Одинъ изъ ливонцевъ произнесъ въ отвѣтъ царю отъ имени всѣхъ нѣмцевъ краткую рѣчь, въ которой благодарилъ его и клялся, что всѣ они будутъ до гроба вѣрны отцу своему, государю Всероссійскому.

— „Молитесь Богу, нѣмцы, о моемъ здоровьѣ,—отвѣчалъ царь,—пока я живъ, вы не будете ни въ чемъ нуждаться!“ и, указавъ на жемчужное ожерелье свое, примолвилъ, „и этимъ подѣлюсь съ вами“.

Затѣмъ царь допустилъ ихъ къ своей рукѣ; цѣловали они руку и царевичу. Царь пригласилъ ихъ къ обѣду. Пожилые и знатнѣйшіе изъ нѣмцевъ заняли мѣста такъ, что царь ихъ всѣхъ могъ хорошо видѣть. Прислуживали всѣмъ бояре. На столѣ, покрытомъ скатертью, находился бѣлый вкусный хлѣбъ и соль въ серебряныхъ солонкахъ. Пиръ начался тѣмъ, что сразу, въ одинъ приносъ, было подано столько блюдъ, что весь обширный столъ былъ заставленъ. Носили кушанья до самаго вечера. Много было всякаго рода пива, меду и винъ заморскихъ. Царь, отвѣдавъ съ поданнаго ему блюда, сказалъ:

— „Приглашаю васъ, любезные нѣмцы, на мою царскую хлѣбъ-соль“.

Такъ же привѣтствовалъ царь нѣмцевъ, выпивая вино. Бояре старались напоить гостей допьяна, но тѣ, видимо, воздерживались, зная отъ приставовъ, что царь любитъ трезвость.

Замѣтивъ, что гости стѣсняются, царь засмѣялся и спросилъ, почему они не веселятся и не пьютъ за здравье другъ друга, какъ это у нихъ водится. Тѣ отвѣтили, что не смѣютъ предаваться шумному веселью предъ лицомъ царя.

— „Я васъ потчую, какъ хозяинъ, сказалъ царь. Веселитесь, какъ хотите, не опасайтесь нареканія, пейте за мое здоровье! Лошади готовы; когда настанетъ время, васъ отвезутъ невредимо“.

Сказавъ это, государь всталъ и пошелъ къ царицѣ, а боярамъ поручилъ такъ употчивать гостей, чтобы они забыли всѣ житейскія горести и печали. Царская воля была исполнена, и нѣмцы не помнили даже, какъ и домой добрались.

Такъ принималъ и чествлъ иноземцевъ царь Борисъ, по достовѣрному разсказу одного иностранца (Буссау), который могъ все это слышать отъ очевидцевъ.

Осыпанные царскими милостями, щедро надѣленные деньгами, землей и крестьянами, нѣмцы становились самыми преданными слугами царя. Изъ нихъ онъ составилъ довольно сильный отрядъ тѣлохранителей.

Осторожный Борисъ все болѣе и болѣе недовѣрчиво начиналъ смотрѣть на бояръ: до вѣдома его, конечно, стали доходить разные враждебные слухи, и онъ становился очень опасливымъ.

Борисъ, не смотря на свой умъ, не только боялся, чтобы его самого и близкихъ ему лицъ не извели отравой, но сильно опасался и волшебства. Сохранилась любопытная запись, по которой присягавшій долженъ былъ между прочимъ клясться: „мнѣ надъ государемъ своимъ царемъ и надъ царицею и надъ ихъ дѣтьми, въ ѣдѣ, питьѣ и платьѣ и ни въ чемъ другомъ лиха никакого не уничить, зелья лихого и коренья не давать и не велѣть никому давать; людей своихъ съ вѣдовствомъ, со всякимъ лихимъ зельемъ и кореньемъ не посылать, вѣдуновъ и вѣдуній не добывать на государское лихо; также государя царя,

[illegible]

сотою, стараются отпускать окладистыя бороды. По большей части они вялы и малодѣятельны. Это, надо полагать, зависитъ частію отъ суроваго климата, зимняго холода, порождающаго сонливость, частію же отъ пищи, которая состоитъ преимущественно изъ разныхъ овощей и кореньевъ: луку, чесноку, капусты. Они ѣдятъ ихъ и безо всего, и съ другими кушаньями.

Приступая къ ѣдѣ, русскіе обыкновенно выпиваютъ чарку водки (называемой русскимъ виномъ), затѣмъ до конца обѣда ничего не пьютъ. Если наготовлено много разнаго кушанья, то подаютъ сперва печенья (жаренаго употребляютъ мало), а потомъ похлебки. Послѣ обѣда пьютъ вдоволь; при каждомъ глоткѣ цѣлуются другъ съ другомъ. Затѣмъ всѣ отправляются на скамьи спать. Главный напитокъ русскихъ медъ, а люди побѣднѣе довольствуются квасомъ.

Одежда русскихъ XVI—XVII ст.

Ферязь. Кафтаны.

„Тяжелая пища могла бы сильно повредить здоровью русскихъ; но они ходятъ два или три раза въ недѣлю въ баню, которая служитъ имъ вмѣсто всякихъ лѣкарствъ. Всю зиму русскіе топятъ печи и такъ нагрѣваютъ дома, что непривычному иностранцу это сначала не понравится. Сильный жаръ внутри домовъ и стужа на дворѣ дѣйствуютъ вредно на кожу: она темнѣетъ и сморщивается; особенно это замѣтно у женщинъ, которыя занимаются топкою бань и печей и часто парятся“.

„Русскій человѣкъ, привыкнувъ къ обѣимъ крайностямъ, и къ жару, и къ стужѣ, можетъ выносить ихъ гораздо легче, чѣмъ иностранцы. Нерѣдко можно

видѣть, какъ русскіе зимой выбѣгаютъ изъ бань нагіе въ мылѣ съ разгорячённымъ тѣломъ, отъ котораго идетъ паръ, и кидаются въ рѣку или окачиваются холодной водою, даже и въ сильный морозъ. Дѣлаютъ они это для укрѣпленія тѣла.

Одѣваются русскіе слѣдующимъ образомъ. Бояре на голову надѣваютъ тафью, небольшую шапочку, которая закрываетъ немного поболѣе маковки и большей частью богато вышита шелкомъ и золотомъ и украшена жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Волосы на головѣ стригутъ обыкновенно плотно, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда бываютъ въ опалѣ у царя и выражаютъ печаль: тогда отращиваютъ себѣ длинные волосы до плечъ, закрывая ими лицо, какъ

Одежда русскихъ XVI—XVII ст.

Охобни. Однорядка

можно уродливѣе. Сверхъ тафьи носятъ большую шапку изъ мѣха чернобурой лисицы, съ большой тульей, которая возвышается изъ мѣховой опушки.

На голую шею надѣваютъ часто ожерелье изъ жемчуга и драгоцѣнныхъ камней, шириною въ три-четыре пальца.

Сверхъ рубахи, изукрашенной шитьемъ (потому что лѣтомъ дома поверхъ нея они обыкновенно ничего не носятъ), надѣвается зипунъ, или легкая шелковая одежда, длиною до колѣнъ, которая застегивается спереди, потомъ—кафтанъ или узкое застегнутое платье съ кушакомъ. Кафтаны шьются обыкновенно изъ золотой парчи [illegible]каются до колѣнъ или до лодыжекъ. Сверхъ кафтана

надѣваютъ распашное платье изъ дорогой шелковой матеріи, подбитое мѣхомъ и обшитое золотымъ галуномъ; оно называется ферязью. Другая верхняя одежда изъ камлота или подобной матеріи—это охобень, родъ плаща, весьма длинный, съ длинными рукавами и воротникомъ, украшенный каменьями и жемчугомъ. (Подъ рукавами охобней дѣлались прорѣхи для рукъ, а рукава откидывались назадъ). Особый видъ охобня—однорядка, отличающаяся отъ перваго тѣмъ, что шьется безъ воротника; она обыкновенно бываетъ изъ тонкаго сукна или камлота. Сапоги дѣлаются изъ сафьяна и вышиваются жемчугомъ. Нижнее платье, вправленное въ высокія голенища сапогъ, шьется часто изъ парчи. Со двора бояре и боярскія дѣти обыкновенно выѣзжаютъ верхомъ.

Одежда русскихъ XVI—XVII ст.

Кафтанъ. Женская зимняя одежда.

Боярскіе дѣти или дворяне одѣваются точно также, какъ бояре, употребляя лишь иныя, болѣе дешевыя матеріи на одежду, но кафтанъ или нижнее платье и у нихъ бываетъ иногда изъ золотой парчи, а прочее платье суконное или шелковое.

Благородныя женщины (боярскія жены) носятъ на головѣ тафтяную повязку (обыкновенно красную), а сверхъ нея шлыкъ бѣлаго цвѣта. Сверхъ того надѣваютъ шапку (въ видѣ головнаго убора, изъ золотой парчи), называемую шапкою земскою, съ богатою мѣховою опушкою, съ жемчугомъ и каменьями, но съ недавняго времени перестали унизывать шапки жемчугомъ, потому что

жены дьяковъ и купцовъ стали подражать имъ. Въ ушахъ носятъ большія серьги въ два дюйма и болѣе, золотыя, съ драгоцѣнными камнями. Лѣтомъ часто надѣваютъ покрывало изъ тонкаго бѣлаго полотна или батиста, завязываемое у подбородка. Покрывало унизывалось жемчугомъ. Когда выѣзжаютъ со двора въ дождливую погоду, то надѣваютъ бѣлыя шляпы съ цвѣтными завязками (шляпы земскія). На шеѣ носятъ ожерелье пальца въ четыре шириною, украшенное жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Верхняя одежда широкая, называемая опашнемъ, обыкновенно красная, съ пышными и полными рукавами, висящими до земли, застегивается спереди большими золотыми пуговицами величиною съ грецкій орѣхъ. Сверху къ ней пришитъ большой широкій воротникъ

Торжественныя одежды царя и царицы.

изъ дорогого мѣха, висящій почти до половины спины. Подъ опашнемъ носятъ другую одежду, называемую лѣтникомъ, шитую спереди безъ разрѣза, съ большими широкими рукавами, подъ нею же—ферязь земскую, которая, подобно мужской, свободна и застегивается спереди до самыхъ ногъ. На рукахъ носятъ запястья шириною пальца въ два изъ жемчуга и дорогихъ каменьевъ. На ноги надѣваютъ сапожки изъ бѣлой, желтой, голубой или другой цвѣтной кожи, вышитые жемчугомъ. Такова нарядная одежда знатныхъ русскихъ женщинъ. Платье простыхъ дворянскихъ женъ отличается только матеріей, но покрой одинъ и тотъ же.

Женщины, по общепринятому обычаю, бѣлятся и румянятся, притомъ такъ много, что каждый можетъ замѣтить. Этимъ они еще больше вредятъ своей кожѣ.

Какъ ни богаты были наряды бояръ и знатныхъ людей на Руси, но царская одежда, конечно, была несравненно богаче и пышнѣе. На нее шли самыя дорогія златотканныя матеріи, привозимыя съ Востока и изъ Византіи. Кромѣ того, царскія одежды обильно украшались драгоцѣнными камнями и унизывались жемчугомъ. Особенно при торжественныхъ пріемахъ иноземныхъ

Изображеніе царя Ѳеодора на Царь пушкѣ.

пословъ, когда наши цари являлись во всемъ своемъ величіи, въ золотыхъ сверкающихъ драгоцѣнными камнями, шапкахъ, въ бармахъ, со скипетромъ и державою въ рукахъ,—великолѣпіе царской одежды поражало иноземцевъ.

Необычайнымъ, чисто восточнымъ великолѣпіемъ отличалось и убранство царскихъ верховыхъ коней: богато убранное сѣдло, бархатный чепракъ, вышитый золотомъ, сбруя, украшенная серебряными бляхами, серебряныя, позолоченыя цѣпи вмѣсто узды, даже на ногахъ серебряные браслеты, все это невольно поражало и тѣшило глазъ.

Что касается простолюдиновъ, то они одѣваются очень просто и бѣдно. Мужчины ходятъ въ однорядкѣ, широкомъ и длинномъ платьѣ, изъ грубаго бѣлаго или сѣраго сукна; опоясываются кушакомъ. Подъ этой одеждой носятъ шубы (овчинные тулупы); шапки мѣховыя; на ногахъ высокіе сапоги или лапти. Такъ одѣваются зимою. Лѣтомъ обыкновенно ничего не надѣваютъ, кромѣ рубахъ, нижнихъ и сапогъ. Женщины, когда хотятъ принарядиться, надѣваютъ

Царскій конь въ полномъ уборѣ.

красное или синее платье сверху (опашень) и подъ нимъ шубу, а лѣтомъ только двѣ рубахи,—одну на другую. На головахъ носятъ шапки (кокошники) изъ какой-нибудь цвѣтной матеріи, но большею частію простыя повязки. Безъ серегъ серебряныхъ или изъ другого металла и безъ креста на шеѣ нельзя встрѣтить ни одной русской женщины и дѣвушки.

Какъ ни враждебно смотрятъ нѣкоторые иноземные писатели (особенно Флетчеръ) на русскій народъ, какъ ни корятъ его за грубость и невѣжество, но все же и они должны были признать, что онъ обладаетъ хорошими умствен-

ными способностями, не имѣя, однако, тѣхъ средствъ, какія есть у другихъ народовъ для развитія своихъ дарованій воспитаніемъ и наукою".

Иностранцевъ удивляютъ безграничная преданность русскаго народа церкви и царю, сильная набожность, терпѣніе и необычайная выносливость. Эти свойства и дали русскому народу силы вынести всѣ невзгоды и погромы внѣшніе и внутренніе, справиться съ врагами, спасти свою церковь и свое государство...

Царскій конь въ уборѣ.

Начало смутъ въ царствованіе Бориса.

Казалось, золотая пора настала для Русской земли съ воцареніемъ Бориса. „Наружностью и умомъ онъ всѣхъ людей превосходилъ, по словамъ современника, много устроилъ въ Русскомъ государствѣ похвальныхъ вещей... Былъ онъ свѣтлодушенъ, милостивъ и нищелюбивъ". Но скоро все измѣнилось... Могучъ и уменъ былъ Борисъ, но зналъ онъ, что у него много недоброхотовъ, особенно между боярами; вѣчная боязнь и мелкая подозрительность волновали его душу. Жить и царствовать подольше, видимо, ему очень хотѣлось. Нѣсколько иноземныхъ врачей было постоянно при немъ. Вѣрная нѣмецкая дружина, осы-

многими царскими милостями, окружали его. Но все-таки, какъ привыкшій старался онъ оградить себя и свою семью отъ всякой опасности. Придумалъ онъ даже особую молитву „о спасеніи здравія" и приказалъ повсемѣстно читать ее всюду на пирахъ, когда пили за здравіе царя. Ни одинъ пиръ не долженъ былъ проходить безъ заздравной чаши за царя и безъ этой молитвы. Охранить себя отъ всякой опасности утвердить на престолѣ свой родъ и упрочить за нимъ любовь народа,—вотъ что стало главною цѣлью его жизни...

Въ 1600 году начали носиться темные слухи, будто царевичъ Димитрій не убитъ, а спасенъ близкими людьми; будто вмѣсто него погибъ другой, схожій съ нимъ ребенокъ... Дошелъ этотъ слухъ, конечно, и до Бориса и долженъ былъ поразить его страшно: всѣ его завѣтныя мечты разбивались объ ужасное для него имя Димитрія! Что дѣлать, если дѣйствительно царевичъ спасся отъ убійцъ? Борисъ не могъ быть непоколебимо увѣренъ, что этого не могло случиться: вѣдь, самъ онъ своими глазами не видѣлъ тѣла Димитрія. Если сынъ Грознаго живъ, то ему, Борису, придется сойти съ престола, на которомъ, казалось, такъ твердо и прочно усѣлся онъ, придется проститься съ властью, съ которой онъ сжился, которую мечталъ передать сыну своему, безъ которой ему и жизнь не въ жизнь! Если и нѣтъ царевича Димитрія въ живыхъ, а нашелся дерзкій самозванецъ, то и онъ Борису — врагъ очень опасный. Взволновать народъ было тогда не трудно: недовольныхъ запрещеніемъ Юрьевскаго выхода и кабалою у помѣщиковъ было множество; враговъ у Бориса и сверху, въ средѣ бояръ, и снизу, въ средѣ простого люда, было довольно; молва, что Борисъ подсылалъ убійцъ въ Угличъ, еще не заглохла въ народѣ, — и явись смѣлый и ловкій обманщикъ да назовись царевичемъ Димитріемъ, будто бы счастливо ускользнувшимъ отъ рукъ убійцъ, и въ народѣ могли подняться великія смуты. Понялъ Борисъ, что ему готовится ударъ страшный! Надо было спасаться. Но кто врагъ, гдѣ онъ, и существуетъ ли онъ на самомъ дѣлѣ, или онъ созданъ лишь враждебной молвой, — ничего этого Борисъ не зналъ. Положеніе его было крайне затруднительно: ему надо было искать невѣдомаго врага своего, не обнаруживая, кого именно онъ ищетъ, не показывая и виду, что онъ разыскиваетъ страшнаго для него соперника на верховную власть, настоящаго или мнимаго Димитрія царевича. Покажи онъ явно, что ему страшно это имя, и враги незамедлятъ воспользоваться этимъ и создадутъ самозванца, если его еще нѣтъ. Надо было казаться спокойнымъ и тайно выслѣдить опасность. Борисъ зналъ, что вражда къ нему особенно сильна въ средѣ бояръ. Надъ ними надо было ему усилить тайный надзоръ. Начались подкупы слугъ и доносы...

Первый пострадалъ Богданъ Бѣльскій. Его, какъ человѣка близкаго къ царевичу Димитрію, Борисъ всегда опасался. При началѣ своего царствованія онъ удалилъ Бѣльскаго изъ Москвы, послалъ его въ украинскія степи строить городъ Царевъ-Борисовъ. Бѣльскій, устроивъ крѣпкій городъ, зажилъ въ немъ на широкую ногу, на свой счетъ снарядилъ войско, жаловалъ и ублажалъ всячески ратныхъ людей.

— „Царь Борисъ въ Москвѣ царь, а я—царь въ Царевѣ-Борисовѣ!" пошутилъ Бѣльскій какъ-то не въ добрый часъ

[illegible] этомъ донесено было Борису. Онъ и придрался къ этому случаю, когда

стали ходить слухи о спасеніи царевича Дмитрія. Бѣльскаго привезли въ Москву. Царь предалъ его поруганію, велѣлъ, говорятъ, своему иноземцу-врачу выщипать у Бѣльскаго его густую и красивую бороду, которою тотъ очень гордился. Онъ былъ сосланъ и заключенъ въ тюрьму. Посланы были въ ссылку и нѣкоторые друзья и сослуживцы его.

Затѣмъ пострадали бояре Романовы. Эти бояре, племянники царицы Анастасіи, родичи царя Ѳеодора, и при томъ любимцы народа, имѣвшіе во всякомъ случаѣ болѣе правъ на престолъ, чѣмъ Борисъ, всегда казались ему очень опасными. Устранить ихъ съ пути онъ считалъ необходимымъ; но придраться къ нимъ было трудно. Наконецъ, нашелся одинъ изъ холопей, готовый за деньги клеветать на своего господина, одного изъ Романовыхъ,—Александра Никитича. Этотъ холопъ донесъ, что его господинъ замышляется извести царя зельемъ. Сдѣланъ былъ обыскъ въ домѣ Александра Никитича, и въ кладовой нашли мѣшокъ съ какими-то корешками, подложенный раньше самимъ доносчикомъ. Это сочли вполнѣ достаточной уликою для осужденія Александра Никитича и его родичей. Такъ разсказываетъ объ этомъ дѣлѣ лѣтописецъ. Такъ ли было дѣло, или иначе, но несомнѣнно то, что Романовыхъ истязали при розыскѣ, осудили какъ измѣнниковъ, и царь приказалъ разослать всѣхъ братьевъ по разнымъ отдаленнымъ мѣстамъ. Старшаго и самаго даровитаго, Ѳеодора Никитича, постригли въ монахи подъ именемъ Филарета и сослали въ Антоніевъ Сійскій монастырь. Жену его, Ксенію Иванову, урожденную Шестову, тоже постригли подъ именемъ Марѳы. Только двое изъ Романовыхъ, Филаретъ и Иванъ Никитичъ, пережили свое несчастіе; остальные же трое (Александръ, Михаилъ и Василій) умерли отъ лишеній и жестокости приставовъ, наблюдавшихъ за узниками. Пристава эти должно быть зорко слѣдить за ними и доносить, если что узнаютъ отъ нихъ; но ничего важнаго для Бориса пристава дознаться не могли; о Филаретѣ доносили только то, что онъ жаловался на недруговъ своихъ бояръ, погубившихъ его, да сокрушался по своей семьѣ.

— „Милыя мои дѣти! говорилъ онъ, маленькія бѣдныя остаются! Кто ихъ будетъ кормить и поить? А жена моя бѣдная жива-ли? Гдѣ она? Чаю, туда ее замчали, что и слухъ не зайдетъ! Мнѣ-то ужь что надобно... То мнѣ и лихо, что жена и дѣти: какъ вспомнишь ихъ, такъ словно кто рогатиною въ сердце кольнетъ!..“

Нашлись добрые люди, которые тайкомъ приносили вѣсти Филарету о его семьѣ, женѣ и двухъ дѣтяхъ: сынѣ Михаилѣ и дочкѣ, жившихъ въ ссылкѣ съ теткой на Бѣлоозерѣ. Не предчувствовали тогда сердобольные вѣстовщики, какая блестящая участь предстоитъ этой семьѣ, разрозненные члены которой при жизни другъ друга казались уже осиротѣлыми!..

Пострадали въ эту пору и другія боярскія семьи: Пушкины были сосланы въ Сибирь; дьякъ Щелкаловъ, призывавшій народъ по смерти царя Ѳеодора къ присягѣ боярской думѣ, былъ сосланъ. Подозрительность Бориса разыгрывалась все сильнѣе и сильнѣе... Димитрій не находился. Донесли Борису только о слухахъ, что враги его, скрывающіе Димитрія, намѣреваются препроводить его въ Польшу. По западной границѣ была по приказу Бориса немедленно разставлена стража; велѣно было всѣхъ желающихъ переѣхать чрезъ рубежъ за-

[illegible]

[illegible] Ежедневно раздавались [illegible] тысячъ рублей. [illegible] безсовѣстныхъ людей, которые [illegible] у нищихъ, умирающихъ съ голоду, при раздачѣ милостыни являлись одѣтые въ лохмотья родичи раздающихъ, [illegible] люди и получали подаяніе, а настоящіе нищіе, калѣки, немощные и [illegible] не могли... Несчастные ѣли сѣно, солому, собакъ, кошекъ, мышей, падаль и пр. Цѣлыми сотнями ежедневно умиралъ по улицамъ голодный и безпріютный людъ... Царь учредилъ стражу, которая должна была собирать по улицамъ и хоронить тѣла умершихъ.

Около мѣсяца шла раздача милостыни. Наконецъ, Борисъ увидѣлъ, что цѣль не достигается, что нищихъ скопляется въ столицѣ все больше и больше, усиливается и смертность. Надо было опасаться и заразы, и народнаго мятежа.

Раздача денегъ была прекращена какъ разъ въ ту пору, какъ со всѣхъ сторонъ, по всѣмъ дорогамъ, шли въ Москву толпы голодающихъ. Несчастные тысячами умирали на пути. Всѣ дороги близъ Москвы были усѣяны тѣлами умершихъ. Стали ходить ужасные слухи, будто иные, обезумѣвшіе отъ голода, пожирали человѣческое мясо... Начался страшный моръ (холера). Въ одной Москвѣ, говорятъ, погибло нѣсколько сотъ тысячъ народа отъ голода и мора.

Наконецъ, Борисъ взялся за болѣе разумныя мѣры. Послано было разыскивать [illegible] областямъ, нѣтъ ли гдѣ хлѣбныхъ запасовъ. Въ нѣкото-

рыхъ южныхъ областяхъ, не пострадавшихъ отъ неурожаевъ, нашлись склады хлѣба. Его привозили въ Москву и продавали за половинную цѣну; а бѣднымъ, сиротамъ, вдовамъ и нѣмцамъ раздавали даромъ. Отыскивали безсовѣстныхъ злоумышленниковъ, которые скрывали у себя запасы хлѣба, чтобы продать его, когда цѣна его еще возростетъ; у такихъ хлѣбъ отбирали и продавали по дешевой цѣнѣ. Наконецъ, чтобы дать бѣдному рабочему люду заработокъ и предупредить, на сколько можно, усиленіе нищенства въ Москвѣ, царь задумалъ

Колокольня Ивана Великаго.

соорудить разныя большія постройки. Въ Кремлѣ, гдѣ стояли хоромы Грознаго, построены были новыя большія каменныя палаты. Въ это же время сооружена была высокая колокольня Ивана Великаго.

Всѣ эти мѣры и заботы царя не могли остановить общаго бѣдствія: слишкомъ ужь велико было оно!.. Всѣхъ голодающихъ не подъ силу было прокормить царю, всѣхъ обиженныхъ не могъ онъ защитить. Во время голода господа выгоняли отъ себя цѣлыми толпами холоповъ, которыхъ не могли прокормить.

Этотъ бездомный бродячій людъ вмѣстѣ съ бѣглыми крестьянами уходилъ на Сѣверскую украину (нынѣшнія Черниговская, Курская и Орловская губерніи). Сюда скоплялось все больше и больше недовольнаго, озлобленнаго люда, отбившагося отъ мирнаго труда. Отъ разбойничьихъ шаекъ не было проѣзду не только въ глухихъ мѣстахъ, но и по большимъ дорогамъ, даже и подъ самою Москвой. Атаманъ одной многочисленной разбойничьей шайки Хлопка Косолапъ задумалъ даже сдѣлать набѣгъ на самую Москву. Пришлось выслать противъ разбойниковъ цѣлое войско. Подъ Москвой произошло настоящее сраженіе. Разбойники бились отчаянно; царскій воевода палъ въ сраженіи; но все же воины осилили; полуумершій Хлопка былъ схваченъ. Разбойниковъ, думавшихъ бѣжать снова на украину, ловили и вѣшали... Но въ Сѣверской украинѣ ихъ было множество. Любой дерзкій проходимецъ могъ навербовать себѣ здѣсь цѣлыя полчища лихихъ людей, готовыхъ ради корысти на всякое дѣло. Среди этого беззаботнаго, гулящаго люда уже ходила молва о томъ, что въ Польшѣ явился царевичъ Димитрій, который намѣренъ воевать за свое отцовское наслѣдіе съ Борисомъ.

Лжедимитрій I.

Въ то время, когда русскій народъ волновался темными слухами о томъ, что царевичъ Димитрій живъ, а Борисъ учреждалъ по западной границѣ заставы и принималъ всѣ мѣры, чтобы изловить своего страшнаго врага, не выпустить его изъ русскихъ предѣловъ, въ Польшѣ вдругъ обнаружился тотъ, кого такъ долго и тщетно искалъ Борисъ.

Около 1601 года въ Кіевѣ явился молодой монахъ—странникъ. Онъ разсказывалъ о себѣ, что онъ вышелъ изъ Московской земли. Изъ Кіева этотъ странникъ пробрался на Волынь; здѣсь въ городѣ Гощѣ нѣсколько времени, говорятъ, онъ учился въ школѣ, набрался кое-какихъ поверхностныхъ знаній, затѣмъ побывалъ на Запорожьѣ, гдѣ скоро среди казаковъ освоился съ военнымъ искусствомъ, сдѣлался лихимъ наѣздникомъ, такъ что по удали и ловкости не уступалъ истымъ запорожцамъ. Потомъ этотъ удалецъ попалъ на службу къ князю Адаму Вишневецкому, который, подобно всѣмъ знатнымъ магнатамъ литовскимъ и польскимъ, держалъ у себя многочисленный дворъ. Мелкіе литовскіе и польскіе дворяне, или шляхтичи, охотно шли на службу къ богатымъ вельможамъ, составляли при нихъ отряды тѣлохранителей или несли разныя домашнія должности. Широкая разгульная жизнь польской богатой знати и безумная расточительность собирала около нихъ обыкновенно множество люда, охочаго до веселой, беззаботной жизни. А Вишневецкій, владѣлецъ громадныхъ помѣстій въ южной Руси, былъ еще молодъ; пиры, разгулъ, удалыя потѣхи были по душѣ причудливому пану, а деньгамъ онъ и счету не зналъ: понятно, что около него толпилось множество разгульныхъ и удалыхъ людей. Въ среду ихъ попалъ и нашъ московскій удалецъ: видно, хотѣлось извѣдать и ему всѣ утѣхи богатой жизни... Былъ онъ еще очень молодъ, лѣтъ двадцати съ небольшимъ. Некрасивъ былъ онъ съ виду. Худощавый, небольшаго роста, со смуглымъ лицомъ, съ приплюснутымъ носомъ и бородавками на лбу и носу, онъ

не могъ похвалиться наружностью; но голубые глаза его смотрѣли умно, часто задумчиво; голосъ его былъ пріятенъ; говорилъ онъ складно, по временамъ даже и красно, съ увлеченіемъ; а въ удали и лихомъ наѣздничествѣ не многимъ уступалъ...

Поступивъ на службу къ Вишневецкому, онъ скоро сильно занемогъ, или притворился больнымъ, слегъ въ постель и, готовясь къ смерти, попросилъ къ себѣ священника. Больного исповѣдали.

— „Если я умру,—сказалъ онъ священнику,—похороните меня, какъ хоронятъ царскихъ дѣтей".

Изумленный священникъ сталъ спрашивать, что̀ значатъ эти слова.

— „Теперь я не скажу тебѣ, — отвѣчалъ больной, — а по смерти моей возьми у меня изъ-подъ постели бумагу и узнаешь, кто я таковъ, но и тогда знай только самъ, другимъ не разсказывай".

Священникъ не вытерпѣлъ и разсказалъ о таинственномъ слугѣ Вишневецкому. У того сильно разыгралось любопытство, и онъ самъ сталъ разспрашивать больного; но слуга молчалъ. Тогда достали бумагу изъ-подъ постели, прочли и были поражены изумленіемъ: изъ бумаги узнали, что предъ ними— сынъ Грознаго, Димитрій, котораго считали всѣ погибшимъ отъ рукъ убійцъ!..

Приложены были всѣ усилія и попеченія, чтобы вылѣчить его, и онъ скоро выздоровѣлъ.

Вишневецкій считалъ своею обязанностью оказать ему всевозможное содѣйствіе: тщеславнаго пана очень льстила мысль, что между его слугами былъ русскій царевичъ, и что онъ, Вишневецкій, можетъ ему помочь занять московскій престолъ. Королю дали знать о Димитріи. Этотъ Димитрій разсказывалъ о себѣ, что отъ убійцъ, подосланныхъ Борисомъ, онъ ускользнулъ, благодаря своему пѣстуну, который подмѣнилъ его другимъ мальчикомъ, схожимъ съ нимъ, а его воспитывали въ неизвѣстности, и потомъ удалили въ монастырь, чтобы вѣрнѣе сберечь его отъ Бориса.

Краснорѣчивый юноша такъ живо, такъ задушевно разсказывалъ о своихъ бѣдствіяхъ, о своемъ скитальчествѣ и приключеніяхъ, что возбуждалъ во всѣхъ любопытство и сочувствіе къ своей судьбѣ. Скоро онъ сталъ любопытной новинкой въ Литвѣ. Адамъ Вишневецкій повезъ его сперва къ своему брату, воеводѣ Константину Вишневецкому. Король потребовалъ, чтобы царевича привезли къ нему въ Краковъ. Константинъ Вишневецкій отправился съ нимъ къ королю; на пути заѣхалъ къ тестю своему Юрію Мнишку, Сендомирскому воеводѣ. Это былъ человѣкъ безнравственный, очень ловкій, разжившійся разными нечестными способами и въ то же время крайне тщеславный; онъ былъ въ восторгѣ, узнавши, какого гостя привезъ къ нему зять.

Сомборскій замокъ Юрія Мнишка наполнился гостями; со всѣхъ сторонъ съѣзжались они, званые и незваные, знатные и незнатные: многимъ хотѣлось взглянуть на царевича. Широко раскрывалась для всѣхъ дверь Сомборскаго замка: тщеславному Мнишку лестно было, чтобы всѣ видѣли, какого гостя принимаетъ онъ въ своихъ стѣнахъ. Поляки умѣли тогда и веселиться, и гостей принимать: пиръ продолжался по нѣскольку дней; изысканныя кушанья услаждали прихотливый панскій вкусъ; старое венгерское лилось рѣкой, тума-

нило головы и развязывало языки. Шумная бесѣда, смѣхъ и пустая болтовня не прерывались. Гремѣла музыка. Послѣ обѣда начинался плясъ. Дамы и дѣвицы, роскошно наряженныя, украшали пиръ; но никто не поражалъ такъ гостей въ Сомборѣ красой и нарядомъ, какъ дочь стараго Мнишка—Марина.

Кромѣ танцевъ, великое удовольствіе гостямъ доставляла охота. Это была любимая потѣха польской знати; тутъ можно было щегольнуть и богатствомъ охотничьихъ нарядовъ, похвастать своими конями, собаками, соколами... тутъ можно было показать и свою силу, и молодечество. Не только мужчины, но и молодыя женщины, и дѣвицы выказывали свою удаль и ловкость на охотахъ. Вихремъ несясь на конѣ, въ роскошномъ полумужскомъ нарядѣ, съ развѣвающимися кудрями, польскія панны и пани могли на охотѣ не менѣе нравиться, чѣмъ во время танцевъ. И тутъ Марина выдѣлялась своей красотой и ловкостью.

Мудрено ли, что юному царевичу сильно полюбилась и Марина, и польскіе шумные пиры, и безграничное веселье?..

Радовался старый Мнишекъ, что царевичу приглянулась его дочь: честолюбивая мечта породниться съ нимъ уже волновала тщеславнаго пана.

Но не одни Мнишки, отецъ и дочь, имѣли виды на царевича; старались его опутать своими сѣтями и іезуиты. Монашескій орденъ (община) іезуитовъ былъ учрежденъ въ 1540 г. съ цѣлью всѣми силами, правдами и неправдами, бороться съ противниками папы, возвращать снова подъ его власть отбившихся отъ него еретиковъ, и обращать въ христіанство язычниковъ и подчинять ихъ папѣ. Всѣхъ, не признававшихъ надъ собой власти его, въ томъ числѣ и православныхъ, католики считали еретиками.

Въ то время, когда явился царевичъ въ Польшѣ, здѣсь въ большой силѣ были іезуиты; самъ король слѣдовалъ во всемъ совѣтамъ ихъ. Теперь представлялся имъ удобный случай утвердиться въ Россіи; стоило только прибрать къ рукамъ русскаго царевича, обратить его въ католичество; а тамъ, когда онъ вступитъ на отцовскій престолъ, думали они, можно будетъ съ его помощью и русскую церковь мало по малу подчинить папѣ. Разсчеты іезуитовъ были, казалось, совершенно вѣрны. Понималъ вполнѣ и Димитрій, что безъ іезуитовъ ему не удастся ничего достигнуть, и только по ихъ совѣту и по благословенію папы, король рѣшится помогать ему, только сторонника ихъ отдастъ свою руку прекрасная Марина, истая католичка. Для Димитрія было даже опасно возбудить неудовольствіе католическаго духовенства: король, бывшій въ рукахъ іезуитовъ, легко могъ не только отказать въ помощи ему, но даже выдать его Борису. Все это заставило Димитрія искать покровительства католическаго духовенства; даже есть извѣстіе, будто онъ тайкомъ принялъ католичество. Во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ дать обѣщаніе подчинить восточную православную церковь папѣ.

Послѣ этого устроено было свиданіе царевича съ королемъ Сигизмундомъ. Димитрій разсказалъ ему свою исторію, выставилъ на видъ опасность, какая и до сихъ поръ грозитъ ему отъ Бориса и просилъ помощи. Король, конечно, понялъ, что для Польши можно извлечь большія выгоды при этомъ случаѣ: можно будетъ, оказавъ помощь царевичу, въ случаѣ его удачи уладить разъ на всегда

съ нимъ всякіе споры о границахъ и несогласія, а въ случаѣ неудачи, все же внести смуту въ русскую землю и ослабить ее. Дѣло было выгодно, съ какой стороны ни посмотри на него; но все же король не могъ рѣшиться открыто помогать Димитрію. Вопросъ о войнѣ могъ быть разрѣшенъ лишь на сеймѣ; король оказалъ только негласную помощь: далъ Димитрію порядочное ежегодное содержаніе (40 тысячъ злотыхъ) и позволилъ набирать себѣ воиновъ изъ вольныхъ шляхтичей. Пришлось Димитрію довольствоваться и этимъ.

Мнишекъ привезъ торжественно царевича къ себѣ въ Сомборъ и сталъ для него собирать войско изъ шляхты. Царевичъ предложилъ Маринѣ руку. Предложеніе его было принято, но свадьба была отложена до его воцаренія.

Мнишекъ навербовалъ для Димитрія до 1600 человѣкъ всякаго сброда, падкаго до наживы. Съ этимъ отрядомъ, казалось бы, не стоило и дѣла начинать; но Димитрій и его помощники понимали, что главная сила его въ Россіи. И дѣйствительно, еще до перехода его чрезъ границу, къ нему уже стали являться московскіе бѣглецы, искать службы и милости „истиннаго царевича“; затѣмъ донскіе казаки откликнулись на призывъ его... Изъ Сомбора онъ писалъ грамоты къ московскому народу: онѣ шли въ Россію въ мѣшкахъ съ хлѣбомъ Народъ волновался. Слухи о царевичѣ и призывныхъ грамотахъ быстро разлетались среди народа.

Когда вѣрные слухи о появленіи въ Польшѣ Димитрія дошли до Бориса, онъ прямо объявилъ въ думѣ, что это—дѣло бояръ, что они выставили самозванца. Противъ него принимались разныя мѣры. Отправлены были грамоты къ королю, вельможамъ и пр. съ заявленіемъ, что называющій себя царевичемъ Димитріемъ— самозванецъ; что, на самомъ дѣлѣ, онъ—бѣглый монахъ Гришка Отрепьевъ. Въ Москвѣ патріархъ и кн. Василій Ивановичъ Шуйскій убѣждали простой народъ не вѣрить росказнямъ о царевичѣ. Гришку Отрепьева стали проклинать по церквамъ. Но это мало дѣйствовало на народъ.

— „Пусть проклинаютъ Гришку,—говорили въ народѣ,—царевичу до Гришки никакого дѣла нѣтъ!“

Кто былъ отважный искатель престола, шедшій во главѣ горсти всякаго сброда отнимать корону у Бориса,—это до сихъ поръ дѣло темное.

Нѣкоторые думаютъ, что явившійся въ Польшѣ царевичъ Димитрій былъ дерзкій самозванецъ и полагаютъ, что на самомъ дѣлѣ это былъ бѣглый инокъ Гришка Отрепьевъ родомъ изъ мелкихъ дворянъ. Но вѣрнѣе предположить, что бояре, враги Бориса, убѣдили какого-нибудь безроднаго, но честолюбиваго и предпріимчиваго юношу въ томъ, что онъ—царевичъ Димитрій, и тотъ съ полной вѣрой въ правоту своего дѣла шелъ на Бориса. Съ другой стороны, несомнѣнно, что истинный царевичъ Димитрій былъ убитъ въ Угличѣ, и соперникъ Бориса былъ Лжедмитрій, хотя самъ и не сознавалъ этого.

16 октября 1604 г. Лжедмитрій съ небольшимъ своимъ отрядомъ перешелъ Днѣпръ и вступилъ въ русскіе предѣлы. Борису онъ послалъ письмо, которымъ извѣщалъ его о своемъ спасеніи, требовалъ, чтобы онъ добровольно оставилъ престолъ и удалился въ монастырь и за то обнадеживалъ его своимъ милосердіемъ къ нему и къ семейству его и забвеніемъ его злого умысла.

Вмѣстѣ съ тѣмъ тайно разосланы были грамоты воеводамъ, дьякамъ, го-

стямъ и чернымъ людямъ. Въ грамотахъ говорилось о чудесномъ спасеніи царевича при Божіей помощи отъ злодѣйскаго умысла Годунова. Затѣмъ находимъ здѣсь такое призваніе:

„Вспомните наше прирожденіе (происхожденіе), православную христіанскую истинную вѣру и крестное цѣлованіе, на чемъ вы цѣловали крестъ отцу нашему блаженной памяти государю, и великому царю, и великому князю всея Русіи, и намъ, дѣтямъ его—хотѣть во всемъ добра; отложитесь нынѣ отъ измѣнника Бориса Годунова къ намъ и впредь служите, прямите и добра хотите намъ, государю своему прирожденному, какъ отцу нашему, а я стану васъ жаловать по своему царскому милосердному обычаю, и буду васъ въ чести держать, ибо мы хотимъ учинить все православное христіанство въ тишинѣ и покоѣ и благодѣственномъ житіи“.

Первый городъ въ Московской землѣ, который пришлось взять Лжедимитрію, былъ Моравскъ. Грамоты подняли здѣсь мятежъ: жители и ратные люди кричали, что они не хотятъ знать Бориса, а желаютъ служить законному государю, Димитрію Ивановичу. Воеводы стали было противиться народному желанію; ихъ связали, а Димитрію было послано заявить, что городъ сдается ему по доброй волѣ.

Затѣмъ взятъ былъ Черниговъ послѣ незначительной перестрѣлки съ казаками. Села и деревни въ Сѣверскомъ краю съ радостью подчинялись Лжедимитрію. Жители не только не разбѣгались, когда приближалось его войско, но выходили на встрѣчу, съ умиленіемъ глядѣли на своего царя, чудесно спасеннаго Богомъ, громко кричали ему „многая лѣта!“

11-го ноября отрядъ Лжедимитрія подошелъ къ Новгородъ-Сѣверску. Здѣсь впервые онъ встрѣтилъ отпоръ. Воеводой въ городѣ былъ умный, храбрый и хорошо знавшій ратное дѣло Петръ Ѳеодоровичъ Басмановъ; онъ съумѣлъ забрать въ свои руки и знатныхъ людей, и простыхъ; напрасно пытались убѣдить его сдаться; напрасны были и всѣ попытки силою взять городъ. Поляки подъѣзжали къ стѣнамъ, убѣждали осажденныхъ сдаться, грозили истребить и старыхъ, и малыхъ, если они будутъ еще противиться“.

— „Убирайтесь,—кричалъ имъ со стѣны Басмановъ,—у насъ государь царь и великій князь всея Русіи Борисъ Ѳеодоровичъ на Москвѣ; а вашъ Димитрій—воръ и измѣнникъ!“

Пушки у Басманова были хорошія, пушкари стрѣляли изъ нихъ довольно мѣтко и перебили да перекалѣчили не мало народу. Поляки, охочіе болѣе до грабежа и разгула, чѣмъ до упорной войны, утомились долгой осадой и уже начали роптать.

Между тѣмъ, какъ Новгородъ-Сѣверскъ стойко держался, другіе города сами добровольно переходили въ подданство Лжедимитрію, котораго считали своимъ законнымъ государемъ.

19-го ноября пришла къ нему вѣсть, что Путивль сдается со всѣмъ своимъ уѣздомъ, и путивляне связали своихъ воеводъ, хотѣвшихъ остаться вѣрными Борису. 24-го ноября—прискакалъ гонецъ изъ Рыльска съ радостною вѣстью, что рыльчане признали Димитрія царемъ.

Не прошло и нѣсколькихъ часовъ, какъ новая радость: цѣлая Комарниц-

кая волость сдалась съ городомъ Сѣвскомъ, а воеводы схвачены. Чрезъ недѣлю Курскъ призналъ Димитрія; на другой день сдались Кромы; затѣмъ Бѣлгородъ. Войско Лжедимитрія росло съ каждымъ днемъ; оно уже доходило до 15 тысячъ: русскіе служилые люди Сѣверской области и казаки охотно шли на службу къ щедрому царевичу... Но Новгородъ-Сѣверскъ упорно держался, благодаря Басманову. На выручку осажденныхъ послана была рать, подъ начальствомъ князя Мстиславскаго, самаго знатнаго изъ бояръ, но вождя плохого. На бѣду для Бориса уже и среди ратныхъ людей замѣчалась „шатость", начинали и здѣсь поговаривать о томъ, что Димитрій—настоящій царевичъ.

Не смотря на то, что рать Мстиславскаго втрое превосходила отрядъ Лжедмитрія, онъ немедля началъ бой и разбилъ Мстиславскаго: у русскихъ, по выраженію современника, „не было рукъ" для битвы съ тѣмъ, кого они считали своимъ законнымъ государемъ. На помощь раненому Мстиславскому былъ посланъ Василій Ивановичъ Шуйскій, который незадолго предъ тѣмъ, въ угоду Борису, въ Москвѣ предъ всѣмъ народомъ свидѣтельствовалъ о смерти настоящаго царевича Димитрія... Отважный Лжедимитрій напалъ снова на царское войско 21 января 1605 года при Добрыничахъ, недалеко отъ города Сѣвска, но, не смотря на всю свою храбрость, понесъ полное пораженіе. Его отрядъ сильно пострадалъ отъ пушекъ, которыхъ было много у Шуйскаго. Положеніе Лжедимитрія было очень плохо. Поляки еще подъ Новгородъ-Сѣверскомъ убѣдились, что дѣло не обойдется безъ упорной борьбы, стали роптать и требовать жалованья. Когда же Лжедимитрій не могъ выплатить его, то поднялся мятежъ, и многіе поляки ушли отъ него. Теперь же, послѣ пораженія, казалось, затѣя Лжедимитрія кончится печально для него. Онъ заперся въ Путивлѣ и подумывалъ было бѣжать въ Польшу; но въ это время ему явилась помога: на службу къ нему пришли четыре тысячи донскихъ казаковъ. Царскіе воеводы дѣйствовали вяло—упустили удобный случай уничтожить окончательно Лжедимитрія и дали ему возможность снова окрѣпнуть. Царь былъ недоволенъ своими воеводами; они не могли взять даже небольшой крѣпости Кромы, гдѣ заперлись донскіе казаки со своимъ атаманомъ Корелою: видно было, что бояре ведутъ дѣло нехотя, „норовя окаянному Гришкѣ", какъ говорили современники. Но все-таки дѣла Лжедимитрія были плохи: въ Польшѣ начинали уже остывать къ его предпріятію; еще одна—двѣ неудачи, и онъ бы погибъ. Но теперь болѣе хлопотали о его дѣлѣ русскіе, враги Бориса, перешедшіе на сторону Лжедимитрія. Да и какъ имъ было не хлопотать?—кончись неудачей его затѣя, и они изъ приближенныхъ слугъ царя обращались въ жалкихъ бѣглецовъ, и вмѣсто богатыхъ и великихъ милостей на долю ихъ выпадало бездомное скитальчество, бѣдность и презрѣніе. Къ счастію Лжедимитрія, въ царскомъ войскѣ было не мало тайныхъ доброхотовъ его, а воеводы, видимо, не хотѣли воспользоваться всѣми своими силами, щадили его, а между тѣмъ въ царскомъ войскѣ начались болѣзни, наконецъ, открылась сильная смертность.

Борисъ съ каждымъ днемъ все больше и больше опускался... Ему доносили тайно, что въ войскѣ „шатость". На вѣрность своихъ воеводъ онъ положиться не могъ... Зловѣщія предчувствія томили его. Онъ даже обращался къ ворожеямъ и гадателямъ. Тѣ дѣлали ему двусмысленныя и мрачныя предсказанія,

и душевная тревога его становилась еще сильнѣе... По цѣлымъ днямъ сидѣлъ онъ запершись, а сына посылалъ по церквамъ молиться. Говорятъ, что разъ царь призвалъ къ себѣ Басманова, въ порывѣ отчаянія цѣловалъ предъ нимъ крестъ, завѣряя, что называющій себя Димитріемъ не истинный царевичъ, а обманщикъ, умолялъ Басманова добыть злодѣя, обѣщалъ даже, по словамъ одного современника, выдать свою дочь за Басманова, дать за нею въ приданое Казань, Астрахань, Сибирь, лишь бы только тотъ избавилъ его отъ страшнаго соперника. Басмановъ, конечно, всячески старался увѣрить царя въ своей преданности и готовности ему служить, но въ то же время умнаго и честолюбиваго воеводу брало раздумье: чѣмъ больше Борисъ выказывалъ страха предъ Лжедимитріемъ, тѣмъ болѣе въ глазахъ Басманова выигрывалъ послѣдній. Съ каждымъ днемъ могущество царя падало. Увѣренность въ своихъ силахъ и способность къ борьбѣ у него все болѣе и болѣе слабѣли.

Борисъ понялъ, что на воеводъ и на войско плоха надежда, и рѣшился злодѣйствомъ покончить со своимъ соперникомъ,—подослалъ къ нему въ Путивль трехъ монаховъ съ зельемъ, чтобы извести его; но умыселъ былъ открытъ. Это, конечно, должно было въ глазахъ всѣхъ сильно повредить Борису...

Но 13-го апрѣля не стало его.

Въ этотъ день онъ всталъ здоровымъ, казался бодрымъ и веселымъ, за столомъ ѣлъ охотно и много... Послѣ обѣда онъ взошелъ на вышку, съ которой часто любовался Москвою. Вдругъ онъ спустился оттуда и сказалъ, что ему дурно, и что онъ чувствуетъ сильное колотье... Бросились за врачемъ. До прихода его, царю стало хуже. Приближенные заговорили съ нимъ о томъ, какъ быть царству...

— „Какъ Богу угодно и земству!“ проговорилъ царь.

Тутъ у него вдругъ хлынула кровь изъ носа и изъ ушей, и онъ упалъ безъ чувствъ. Прибѣжали патріархъ и духовенство, едва успѣли пріобщить умирающаго; кое-какъ, наскоро, совершили надъ полумертвымъ обрядъ постриженія и нарекли его Боголѣпомъ. Около трехъ часовъ пополудни царь скончался.

Скоропостижная смерть его поразила всѣхъ. Народу объявили о ней только на слѣдующій день. По Москвѣ стала ходить молва, будто Борисъ самъ отравилъ себя ядомъ въ припадкѣ угрызеній совѣсти и отчаянія. Слухъ объ отравѣ пошелъ отъ врачей—нѣмцевъ, лѣчившихъ царя: лицо мертваго, изуродованное предсмертными судорогами и почернѣлое, казалось, подтверждало этотъ слухъ.

Красная площадь въ Москвѣ.

IV.

Смутное время.

Царь Ѳеодоръ Борисовичъ.

Измѣна Басманова и гибель Годунова.

Въ тяжелую пору пришлось вступить на престолъ юному сыну Бориса. Жители Москвы по призыву патріарха спокойно присягнули Ѳеодору Борисовичу и его матери, причемъ клялись: „къ вору“, который называется княземъ Димитріемъ Углицкимъ, не приставать, съ нимъ и съ его совѣтниками не ссылаться ни на какое лихо“ и т. д.

Новому царю было всего шестнадцать лѣтъ. Здоровый, бѣлолицый, румяный, красивый, съ черными глазами, юноша—царь могъ нравиться всѣмъ своей наружностью. Способный отъ природы, умный, начитанный, онъ могъ бы стать замѣчательнымъ государемъ; но былъ онъ сыномъ того, кто, по взгляду народа, пытался сгубить царскую отрасль, кто незаконно захватилъ престолъ, кто еще почти наканунѣ своей смерти подсылалъ снова убійцъ, и кого такъ нежданно поразилъ Божій судъ. А въ то же время въ Путивлѣ находился тотъ, кого считали законнымъ наслѣдникомъ престола, тотъ, кого чудесно хранилъ Божественный Промыселъ отъ злодѣйскихъ покушеній и всѣхъ военныхъ силъ Бориса. Такъ вѣрили очень многіе въ народѣ, и вѣра эта все росла и росла. Въ войскѣ уже зрѣла измѣна... Несчастному Ѳеодору Борисовичу не сдобровать было среди такихъ обстоятельствъ. Новое правительство послало начальствовать надъ войскомъ, вмѣсто прежнихъ вождей,—Басманова; на него, казалось, Годуновы могли вполнѣ положиться: онъ былъ возвышенъ Борисомъ и осыпанъ его мило-

стями, а знаніе ратнаго дѣла, мужество и способности настоящаго вождя онъ показалъ при оборонѣ Новгородъ-Сѣверска. Басмановъ прибылъ въ станъ. Немного времени нужно было ему, чтобы замѣтить въ войскѣ общую шаткость умовъ и склонность къ Димитрію. Когда стали приводить ратныхъ людей къ присягѣ Ѳеодору, то нашлось много воиновъ, не хотѣвшихъ цѣловать ему крестъ. Не долго думалъ Басмановъ, какъ ему быть. Честолюбіе и личныя выгоды заговорили въ немъ сильнѣе совѣсти; понялъ онъ, что дни Годуновыхъ сочтены, что служить имъ значитъ подвергать себя напрасной опасности, что свои же воины могутъ его связаннаго выдать Лжедимитрію,—сообразилъ все это Басмановъ и рѣшился измѣнить сыну своего благодѣтеля, — отправилъ къ Димитрію письмо съ извиненіемъ, что такъ долго служилъ Борису.

„Я, писалъ Басмановъ, никогда не былъ измѣнникомъ и не хочу разоренія своей землѣ... Теперь всемогущій Промыселъ открылъ многое; притомъ, самъ ближній Бориса, Семенъ Никитичъ Годуновъ, сознался мнѣ, что ты—истинный царевичъ. Теперь вижу я, что Богъ покаралъ насъ и мучительствомъ Борисовымъ, и боярскимъ нестроеніемъ, и бѣдствіями Борисова царствованія за то, что Борисъ не по праву держалъ престолъ, когда былъ истинный наслѣдникъ. Отнынѣ я готовъ служить тебѣ, какъ подобаетъ!“

7-го мая было объявлено всему войску, что Димитрій истинный царь. Полки, уже раньше подготовленные къ переходу на сторону Димитрія, безъ сопротивленія провозгласили его государемъ; не много нашлось такихъ, которые не согласились нарушить крестное цѣлованіе Ѳеодору Борисовичу; они бѣжали въ Москву съ двумя воеводами, князьями—Ростовскимъ и Телятевскимъ.

14-го мая явился въ Путивль князь Иванъ Голицынъ съ выборными лицами отъ всѣхъ полковъ молить государя о прощеніи за то, что они „по невѣдѣнію стояли противъ него, своего прироженнаго государя“.

Димитрій принялъ выборныхъ очень привѣтливо, ласково ободрилъ ихъ и вполнѣ прощалъ за ихъ невольную вину, службу Борису по невѣдѣнію. Лаской и привѣтомъ Димитрій обворожилъ своихъ новыхъ слугъ. Особенно радушно отнесся онъ къ Басманову, когда тотъ явился къ нему съ повинной. Басмановъ, увидѣвъ, что Димитрій высоко цѣнитъ его преданность и умъ, всѣмъ сердцемъ привязался къ новому своему государю и сталъ ближайшимъ его совѣтникомъ.

Часть войска, перешедшаго на сторону Димитрія, была распущена по домамъ, а другая часть должна быть оставаться подъ оружьемъ, пока не покорится Москва.

Теперь движеніе Димитрія на Москву походило на торжественный въѣздъ побѣдителя; когда онъ подъѣзжалъ къ городу Орлу, воеводы, духовенство, народъ и часть войска встрѣтили его съ хлѣбомъ и солью, съ образами; со всѣхъ колоколенъ радостно трезвонили.

— „Буди здравъ, царь Димитрій Ивановичъ!“ отовсюду слышались неумолкаемые радостные клики.

Изъ Орла Димитрій отправился въ Тулу. На пути всюду въ деревняхъ и селахъ встрѣчали его радостно, съ хлѣбомъ и солью. На Окѣ явились къ нему

выборные отъ всей Рязанской земли, били ему челомъ и выражали полную готовность жертвовать ему, своему государю, жизнью и имуществомъ.

Въ Москвѣ между тѣмъ скоро по смерти Бориса начались въ народѣ волненія. Народъ требовалъ возвращенія сосланныхъ Борисомъ людей, а болѣе всего матери Димитрія. Объяви всенародно инокиня Марѳа (Марія Нагая), что ея сына нѣтъ въ живыхъ. и Годуновы были бы спасены. Но они, конечно, были вполнѣ увѣрены, что Марѳа, пострадавъ отъ Бориса, и питая непримиримую вражду ко всѣмъ имъ, не скажетъ этого. Въ угоду москвичамъ воротили изъ ссылки князя Ивана Михайловича Воротынскаго. Василій Ивановичъ Шуйскій снова громогласно увѣрялъ народъ, что Димитрія царевича нѣтъ на свѣтѣ, а называющій себя этимъ именемъ бѣглый монахъ, разстрига. Слова Шуйскаго, котораго въ Москвѣ уважали, на время, казалось, уняли волненіе народа; но все таки многіе требовали, чтобы привезли въ Москву мать Димитрія, чтобы она порѣшила это дѣло...

Около половины мая появились въ Москвѣ ратные люди изъ-подъ Кромъ, не пожелавшіе измѣнить Ѳеодору Борисовичу; прибыли, наконецъ, и князья Ростовскій и Телятевскій.

Страшная вѣсть о переходѣ Басманова и всего войска на сторону Димитрія была смертнымъ приговоромъ несчастному Ѳеодору Борисовичу.

Годуновы были ошеломлены этой вѣстью, растерялись, не знали, что и дѣлать; приказывали только ловить, пытать и казнить опасныхъ для себя вѣстовщиковъ и распространителей Димитріевыхъ грамотъ. Народъ, предъ тѣмъ волновавшійся и шумѣвшій, казалось, притихъ; но это было зловѣщее затишье предъ бурей. 31-го мая по распоряженію правительства стали втаскивать на стѣны пушки,—готовились, какъ видно, къ оборонѣ столицы; но ратные люди работали вяло, неохотно, а въ толпѣ, глазѣвшей на нихъ, многіе посмѣивались... Болѣе дальновидные люди чуяли бѣду отъ московской черни и торопились припрятать свои драгоцѣнности и деньги по монастырямъ.

1-го іюня явились подъ Москвою, въ Красномъ селѣ, послы Димитрія—Пушкинъ и Плещеевъ съ грамотой къ москвичамъ. Красносельцы, по большей части богатые купцы и ремесленники, не любили Годуновыхъ и радушно приняли пословъ. Ударили въ колоколъ; сбѣжалась толпа. Прочтена была грамота Димитрія. Толпа громкими криками привѣтствовала посланцевъ.

— „Въ городъ, въ городъ!“ раздавались голоса, и громадная толпа, окруживъ пословъ, двинулась съ ними въ Москву, остановилась на Красной площади. Звономъ колоколовъ и тутъ созвали народъ. Толпы бѣжали со всѣхъ сторонъ на площадь; скоро она вся сплошь наполнилась народомъ; протѣсниться сквозь толпу не было никакой возможности.

Вышедшіе изъ Кремля бояре, дьяки и стрѣльцы ничего подѣлать не могли.

— „Что за сборище и мятежъ? громко говорили они народу.—Хватайте воровскихъ посланцевъ и ведите ихъ въ Кремль, пусть тамъ они покажутъ, съ чѣмъ пріѣхали!“

Въ отвѣтъ на это поднялись неистовые крики народа; онъ требовалъ, чтобы посланцы прочли съ Лобнаго мѣста грамоту. Одинъ изъ нихъ сталъ читать ее. На площади водворилась тишина.

Грамота была обращена къ боярамъ, дьякамъ, торговымъ людямъ и ко всему народу.

„Вы думали, говорилось между прочимъ въ ней,—что мы убиты измѣнниками, и когда разнесся слухъ по всему государству русскому, что по милости Бога мы идемъ на православный престолъ родителей нашихъ, вы, бояре, воеводы и всякіе служебные люди, по невѣдѣнію стояли противъ насъ, великаго государя. Я, государь христіанскій, по своему милосердному обычаю гнѣва на васъ за то не держу, ибо вы такъ учинили по невѣдѣнію и отъ страха“..

Далѣе въ грамотѣ говорилось, что Димитрій идетъ съ большимъ войскомъ, что русскіе города бьютъ ему челомъ. Затѣмъ напоминалось о жестокости и несправедливости Бориса и давались обѣщанія всякихъ благъ и льготъ. Въ концѣ грамоты была и угроза: „А недобьете челомъ нашему царскому величеству и не пошлете просить милости, то дадите отвѣтъ въ день праведнаго суда, и не избыть вамъ отъ Божія суда и отъ нашей царской руки“.

Когда грамота была прочтена поднялись въ толпѣ шумный говоръ, крики и споры. Одни кричали: „Будь здравъ, Димитрій Ивановичъ“! другіе стояли за Годуновыхъ, недоумѣвая, настоящій ли царевичъ тотъ, кто прислалъ къ нимъ грамоту, или самозванецъ.

Изъ толпы раздались крики:

— „Шуйскаго, Шуйскаго! Онъ разыскивалъ, когда царевича не стало. Пусть скажетъ теперь по правдѣ, точно ли царевича похоронили въ Угличѣ!..“

Шуйскій взошелъ на Лобное мѣсто. Воцарилась мертвая тишина. Народъ, казалось, замеръ въ ожиданіи, что̀ скажетъ бояринъ. Въ его рукахъ была теперь судьба Годуновыхъ.

— „Борисъ послалъ убить Димитрія царевича, раздался голосъ Шуйскаго,—но царевича спасли, а вмѣсто него погребенъ поповъ сынъ“!

Понялъ ли лукавый Шуйскій, что спасти Годуновыхъ уже нельзя, думалъ ли, отдавая ихъ въ жертву народной ярости, спасти себя и свои выгоды, услужить Лжедимитрію, — во всякомъ случаѣ слова его были приговоромъ для несчастной семьи Годунова.

— „Долой Годуновыхъ!—заревѣла толпа, всѣхъ ихъ и доброхотовъ ихъ искоренить! Бейте, рубите ихъ!.. Здравъ буди, Димитрій Ивановичъ“!

Толпа хлынула въ Кремль, ворвалась во дворецъ. Защищать Годуновыхъ было некому. Стрѣльцы, стоявшіе на стражѣ у дворца, отступились при видѣ громадной бушующей толпы. Ѳедоръ кинулся въ тронную палату и сѣлъ на престолъ. Понадѣялся, видно, онъ, что народъ не осмѣлится наложить рукъ на своего царя, когда увидитъ его во всемъ величіи на тронѣ. Трепещущая царица и царевна Ксенія стояли съ иконами въ рукахъ, словно со щитами противъ ярости народной.

Но Ѳедоръ Борисовичъ былъ уже въ глазахъ народа не царь, а „измѣнникъ Ѳедька“, не по праву сѣвшій на престолъ. Несчастнаго Годунова стащили съ престола. Царица въ отчаяніи, забывъ о своемъ царскомъ санѣ, рыдала и униженно молила народъ не губить ея дѣтей. Народъ и не хотѣлъ ихъ смерти. Годуновыхъ отвезли изъ царскаго дворца въ домъ, гдѣ жилъ Борисъ, когда онъ былъ еще бояриномъ. Къ дому приставили стражу. Расходившаяся чернь уже

не знала удержу и предалась грабежу и разгулу. Царскій дворецъ былъ опустошенъ: все въ немъ ломали, портили, грабили, говоря, что Борисъ осквернилъ его. Пострадали въ эту пору и всѣ люди, близкіе къ семьѣ Годуновыхъ: дома ихъ разбивали, имущество грабили, челядь разгоняли... Бросились толпы черни и на жилища нѣмецкихъ лѣкарей, которыхъ особенно жаловалъ Борисъ Годуновъ. Въ мигъ были расхищены пожитки и богатства, которые копили эти иноземцы въ теченіе многихъ лѣтъ, пользуясь щедротами царя. Толпы кидались на дома, выламывали двери, замки, расхищали деньги, утварь, платье, уводили лошадей и скотъ. Особенно радовалась чернь, когда добиралась до погребовъ, гдѣ хранились многолѣтніе меды и заморскія вина. Выбивали въ бочкахъ дно и черпали вино или медъ, кто чѣмъ могъ, горстями, шапками, даже сапогами. До глубокой ночи шелъ страшный грабежъ и неистовый разгулъ. Хотя народъ „душъ не губилъ“, т. е. не убивалъ никого, но многихъ людей, считавшихся раньше богатыми, пустилъ по міру...

3-го іюня поѣхали въ Тулу къ Димитрію выборные отъ Москвы, князья Воротынскій и Телятевскій, съ повинной грамотой отъ всей столицы. Москвичи просили прощенія у царя, приглашали его на престолъ, заявляли о своемъ вѣрноподданствѣ и извѣщали, что Годуновыхъ уже нѣтъ на престолѣ.

Въ Москву явились отъ имени царя для предварительныхъ распоряженій князья Голицынъ и Мосальскій. Патріархъ Іовъ былъ лишенъ сана и сосланъ въ Старицкій монастырь. Родичи царя Бориса и близкіе люди были разосланы по разнымъ отдаленнымъ мѣстамъ въ заточеніе. Затѣмъ, желая угодить новому царю, совершили звѣрскую расправу надъ несчастными Годуновыми. Царицу Марью удавили веревкой. Ѳедоръ Борисовичъ, обладая большой силой, долго боролся съ убійцами; но и съ нимъ покончили такъ же, какъ съ матерью его. Народу было объявлено, что Годуновы, мать и сынъ, со страху сами отравились. Царевна Ксенія осталась въ живыхъ, чтобы испытать безотрадную участь. Ее потомъ постригли въ монахини. Не оставили въ покоѣ даже и тѣла царя Бориса, — вырыли изъ могилы въ Архангельскомъ соборѣ, положили въ простой гробъ и похоронили вмѣстѣ съ женою и сыномъ въ бѣдномъ Варсонофьевскомъ монастырѣ.

Царствованіе Лжедимитрія I (1605—1606).

Еще находясь въ Тулѣ, Лжедимитрій началъ управлять государствомъ. Первая его забота была прекратить смуту и мятежи, которые тогда повсюду кипѣли, особенно въ народѣ противъ помѣщиковъ и властей. Въ грамотѣ своей, разосланной по всему государству, новый царь строго наказывалъ, „чтобы не было въ людяхъ шатости, убійства и грабежа“, а кто въ чемъ обиженъ, обращались бы къ нему; приказано было также позаботиться о казнѣ, собирать подати безъ всякой отсрочки и поблажки. Новый царь заботился и о томъ, чтобы поддержать торговлю съ англичанами, велѣлъ вернуть англійскаго посла, который въ это время уже ѣхалъ въ Архангельскъ съ грамотою отъ Бориса, и обѣщалъ ему свою дружбу къ Англіи и новыя торговыя выгоды для ея купцовъ въ Россіи.

20-го іюня новый царь торжественно вступалъ въ Москву. Ярко свѣтило солнце. Улицы, заборы, крыши, колокольни, башни были полны народомъ. Разноцвѣтныя, пестрыя, праздничныя одежды и уборы придавали веселый видъ толпѣ.

Прежде всего показались конные польскіе отряды, въ блестящихъ латахъ; среди нихъ ѣхали трубачи и барабанщики; затѣмъ выступали рядами стрѣльцы по два въ рядъ; далѣе слѣдовали разолоченныя царскія кареты; въ каждую было запряжено по шести прекрасныхъ лошадей. За каретами ѣхали верхами бояре и дворяне въ праздничныхъ, богатыхъ кафтанахъ; ихъ воротники, вышитые золотомъ и унизанные жемчугомъ, сверкали на солнцѣ. За ними шла московская военная музыка; накры и бубны оглушительно гремѣли. За служилыми людьми несли церковныя хоругви, а потомъ шло духовенство съ образами, крестами и евангеліемъ, блистая своими ризами. Наконецъ, за духовенствомъ показался тотъ, кого Москва встрѣчала, какъ своего законнаго и желаннаго царя. Онъ ѣхалъ медленно на превосходномъ бѣломъ конѣ. Царская одежда его поражала своимъ блескомъ; на шеѣ было драгоцѣнное ожерелье. При видѣ царя народъ падалъ ницъ. Со всѣхъ сторонъ раздавались громкіе крики:

— „Вотъ онъ, нашъ батюшка-кормилецъ!

— „Здравствуй, отецъ нашъ, Государь Всероссійскій! Даруй тебѣ Боже многія лѣта!

— „Солнышко ты наше! взошло ты надъ землей Русской!

Такъ кричалъ народъ; а царь, обращаясь то въ ту, то въ другую сторону, говорилъ:

— „Боже, храни мой народъ! Молитесь Богу за меня, мой вѣрный и любезный народъ“!

Когда царь вступилъ на Москворѣцкій мостъ, вдругъ поднялся такой страшный вихрь, что всадники едва усидѣли на коняхъ. Пыль взвилась столбомъ и на нѣсколько мгновеній ничего не стало видно. Суевѣрные люди крестились и говорили, что это дурной знакъ...

Медленно подвигалась процессія впередъ. Наконецъ, въѣхали въ Китай-городъ, и предъ глазами всѣхъ открылся Кремль. Царь заплакалъ, снялъ шапку съ головы, перекрестился и громко воскликнулъ:

— „Господи Боже, благодарю тебя! Ты сохранилъ меня и сподобилъ узрѣть градъ отцовъ моихъ и народъ мой возлюбленный“.

Слезы текли по щекамъ царя отъ умиленія; плакалъ и народъ. Радостно гудѣли колокола кремлевскихъ церквей.

Царь подъѣхалъ къ Лобному мѣсту. Здѣсь духовенство ждало его съ образами. Запѣли пѣвчіе; но въ эту минуту, какъ на грѣхъ, польскіе музыканты заиграли на трубахъ, застучали въ литавры и заглушили церковное пѣніе. Очень это оскорбило народъ. Не понравилось также нѣкоторымъ, что царь прикладывался къ образамъ и крестамъ какъ-то иначе, чѣмъ истые москвичи. Возмущался православный людъ и тѣмъ, что вслѣдъ за царемъ входили въ Успенскій и Архангельскій соборъ „поганые католики и люторы“ и стояли тамъ неблагочинно, не знаменовались крестомъ, не преклонялись предъ иконами. Но всѣ умилились, когда царь припалъ ко гробу Грознаго и проливалъ обильныя слезы;

у всѣхъ, видѣвшихъ это, должно было, казалось бы, исчезнуть всякое сомнѣніе въ томъ, сынъ ли Грознаго новый царь: такъ плакать, какъ онъ, могъ только сынъ у гроба своего отца.

Послѣ посѣщенія церквей Димитрій вступилъ во дворецъ и здѣсь его поздравляли бояре и сановники съ новосельемъ.

Но, видно, доброхоты его чувствовали, что въ Москвѣ не совсѣмъ-то ладно; видно, понадобилось бороться со слухами, враждебными для царя. Богданъ Бѣльскій, бывшій дядька царевича Димитрія, возвращенный изъ ссылки еще Ѳедоромъ Борисовичемъ, вышелъ къ народу и съ Лобнаго мѣста произнесъ рѣчь, славилъ Бога за спасеніе государя, убѣждалъ народъ вѣрно служить новому царю, истинному сыну Ивана Васильевича. Въ удостовѣреніе своихъ словъ Бѣльскій снялъ съ груди крестъ и цѣловалъ его предъ всѣмъ народомъ.

— „Берегите и чтите своего Государя!“ воскликнулъ Бѣльскій.

— „Богъ да сохранитъ царя-государя и погубитъ всѣхъ враговъ его!“ закричалъ народъ въ отвѣтъ.

Въ Москвѣ тогда, говорятъ, ходилъ слухъ, что Богданъ Бѣльскій, удаленный отъ двора при Ѳеодорѣ Ивановичѣ, смекнулъ, что царевичу Димитрію грозитъ бѣда отъ Годунова, вошелъ въ тайныя сношенія съ матерью царевича, и маленькаго Димитрія скрыли, а вмѣсто него поставили очень похожаго на него ребенка, сына священника,—такимъ образомъ народная молва объясняла спасеніе Димитрія.

Въ первые же дни послѣ своего воцаренія новый царь сталъ передѣлывать придворные порядки на польскій ладъ: вмѣсто прежнихъ придворныхъ сановниковъ, явились великій дворецкій, оружничій, мечникъ и проч.; боярскую думу царь назвалъ сенатомъ. Въ санъ патріарха возведенъ былъ грекъ Игнатій, рязанскій архіепископъ; это былъ человѣкъ угодливый, не привязанный къ русской старинѣ, и потому не противникъ разныхъ перемѣнъ въ церковномъ строѣ. Такой патріархъ былъ по душѣ Димитрію...

Поляки, приближенные царя, совѣтовали ему поспѣшить съ коронаціей: они утверждали, что только послѣ торжественнаго вѣнчанія онъ въ глазахъ народа станетъ настоящимъ государемъ, помазанникомъ Божіимъ; но онъ откладывалъ вѣнчаніе до пріѣзда матери, за которою послалъ бояръ.

Еще до пріѣзда ея обнаружилось, что у царя есть очень сильные враги. Василій Ивановачъ Шуйскій, погубившій Ѳедора Борисовича, разсчиталъ, что съ гибелью Димитрія откроется ему самому доступъ къ престолу. Зналъ очень хорошо Шуйскій, что настоящій царевичъ Димитрій убитъ, и ясно видѣлъ, что тотъ, кто его именемъ взошелъ на тронъ, безпрестанно оскорбляетъ русское народное чувство своимъ пристрастіемъ ко всему польскому. Лукавый бояринъ и задумалъ прежде всего исподволь раздуть въ народѣ вражду къ Димитрію, а затѣмъ, когда приспѣетъ удобная пора, изобличить его... Люди, преданные Шуйскому, должны были распространять въ народѣ молву, что вступившій на престолъ не сынъ царя Ивана, а Гришка Отрепьевъ; что онъ отступникъ отъ православной церкви, измѣнилъ православію и подосланъ Сигизмундомъ, чтобы вмѣсто православія утвердить на Руси католичество, поработить и церковь, и народъ Польшѣ...

Но заговоръ Шуйскаго открылся. Царь назначилъ судъ для разбора дѣла. Судъ, въ которомъ самъ царь не принималъ никакого участія, осудилъ Шуйскаго на смертную казнь.

Красная площадь наполнилась народомъ, когда должна была совершиться казнь именитаго боярина. Многіе его жалѣли. Вывели осужденнаго на площадь. Здѣсь была приготовлена плаха, въ которую воткнутъ былъ топоръ. Подлѣ стоялъ палачъ. Вокругъ плотными рядами стояли стрѣльцы; за ними — сплошная толпа народа. Басмановъ велѣлъ читать приговоръ.

Вѣроломный бояринъ рѣшился по крайней мѣрѣ умереть мужественно, съ достоинствомъ; онъ твердо подошелъ къ плахѣ, перекрестился и сказалъ, обратившись къ народу:

— „Умираю за вѣру и за правду!“

Палачъ снялъ съ него кафтанъ и хотѣлъ было снять и рубаху, польстившись на унизанный жемчугомъ воротъ, но Шуйскій не позволилъ снять сорочку, — сказалъ, что въ ней хочетъ Богу душу отдать.

Въ то самое время, какъ палачъ готовился поразить свою жертву, изъ Кремля вдругъ показался вѣстникъ, скакавшій во весь опоръ къ мѣсту казни. Онъ объявилъ, что царь не желаетъ проливать крови даже важныхъ преступниковъ, даруетъ осужденному жизнь, замѣняетъ смертную казнь ссылкою въ Вятку.

— „Вотъ какого милосердаго государя даровалъ намъ Господь Богъ,— воскликнулъ при этомъ Басмановъ, обратившись къ народу, — своего измѣнника, который на жизнь его посягалъ,—и того милуетъ!“

Народъ громкими криками желалъ здравія и многолѣтія милостивому государю. „Кто же можетъ такъ поступать, говорили въ народѣ, кромѣ истиннаго царевича?“

18-го іюля происходила встрѣча царя съ матерью; онъ выѣхалъ къ ней въ Тайнинское; чуть не вся Москва толпами повалила за царемъ. Царицу везли въ каретѣ. Димитрій подъѣхалъ къ ней верхомъ, и она остановилась. Царь соскочилъ съ коня и кинулся къ каретѣ; сынъ и мать бросились въ объятія другъ другу и зарыдали. Съ четверть часа длилось это трогательное зрѣлище. Многіе въ народѣ плакали отъ умиленія.

Съ трезвономъ во всѣ колокола, съ громкими радостными кликами встрѣтила Москва царицу, мать своего государя. Всякія сомнѣнія теперь должны были разсѣяться: всѣмъ казалось, что такъ встрѣтить могла только истинная мать свое родное дѣтище послѣ долгой разлуки.

30-го іюля было совершено чрезвычайно торжественно царское вѣнчаніе въ Успенскомъ соборѣ. Весь путь отъ дворца къ церкви былъ устланъ красной матеріей; поверхъ нея положенъ былъ богатый персидскій коверъ. Царь въ роскошномъ златотканомъ одѣяніи, унизанномъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, явился въ соборъ въ сопровожденіи множества бояръ, блиставшихъ тоже своими праздничными нарядами. По совершеніи обряда вѣнчанія и по окончаніи обѣдни, царь, предшествуемый рындами и окруженный боярами, ходилъ по устланному пути въ Архангельскій соборъ поклониться гробамъ отцовъ и праотцовъ своихъ. Окольничьи осыпали царя золотыми монетами, которыя нарочно были начеканены для этого случая.

Общее торжество было ознаменовано царскими милостями. Люди, сосланные при Борисѣ, одинъ за другимъ возвращались изъ ссылки; вернулись въ Москву Нагіе; возвращены были Романовы, оставшіеся въ живыхъ; даже кости трехъ братьевъ, умершихъ въ заточеніи, по приказу царя были перевезены въ Москву. Филаретъ (Ѳедоръ Никитичъ), вернувшись изъ заключенія въ Сійскомъ монастырѣ, былъ возведенъ въ санъ Ростовскаго архіепископа. Бывшей супругѣ его, инокинѣ Марѳѣ, были возвращены вотчины, и она съ сыномъ Михаиломъ поселилась въ Ипатьевскомъ монастырѣ, близъ Костромы. Другому изъ Романовыхъ, Ивану Никитичу, былъ пожалованъ санъ думнаго боярина.

Ревностно принялся царь за свои дѣла. Дня не проходило, чтобы онъ не присутствовалъ въ боярскомъ совѣтѣ, гдѣ бояре, или „сенаторы“, какъ про-

Торжественное шествіе царя Димитрія послѣ вѣнчанія.

звалъ онъ ихъ, докладывали ему государственныя дѣла и подавали свои мнѣнія о нихъ.

Случалось, что дѣла, которыя казались боярамъ запутанными и рѣшить которыя они затруднялись, царь тотчасъ же, безъ особаго труда, объяснялъ и рѣшалъ. Сильно дивились бояре смѣтливости и быстротѣ ума своего юнаго царя. Нерѣдко онъ указывалъ сановникамъ на ихъ невѣжество, но дѣлалъ это мягко, ласково, стараясь не обидѣть ихъ; обѣщалъ дозволить имъ посѣщать западныя земли, чтобы они могли познакомиться сколько нибудь съ западнымъ просвѣщеніемъ.

Два раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ, онъ принималъ на дворцовомъ крыльцѣ просителей: всякій бѣднякъ и простолюдинъ могъ придти къ нему

и подать непосильныя, каковы были прежде. Строго было предписано царемъ по всѣмъ приказамъ чинить суда скоро и безъ всякихъ посуловъ.

При всякомъ случаѣ старался царь выказать свою доброту; онъ говорилъ:

— „Есть два способа царствовать, — милосердіемъ и щедростью, или суровостью и казнями. Я избралъ первый способъ; я далъ Богу обѣтъ не проливать крови подданныхъ моихъ и исполню его“.

Всѣмъ служилымъ людямъ было удвоено содержаніе, помѣщикамъ увеличены помѣстья. Приказнымъ людямъ тоже удвоено жалованье и строго запрещено брать взятки. Чтобы при сборѣ податей не творилось неправды, было дано право самимъ общинамъ доставлять свои подати въ казну.

Старался царь облегчить и участь крестьянъ. Хотя прикрѣпленія ихъ къ землѣ онъ не рѣшился отмѣнить, но постановилъ, что помѣщики, которые не заботятся о своихъ крестьянахъ, не помогаютъ имъ во время голода, теряютъ свои права надъ ними. Постановленія насчетъ холоповъ были смягчены: холопъ былъ холопомъ только у того помѣщика, къ которому пошелъ по своей волѣ въ кабалу, но не переходилъ по наслѣдству къ его потомкамъ и со смертью его становился вольнымъ человѣкомъ. Всѣмъ предоставлено было свободно заниматься промыслами и торговлей.

Царь, казалось, всей душой хотѣлъ блага своей землѣ; но все, что дѣлалось имъ, было такъ ново, распоряжался же государь такъ поспѣшно, что многіе бояре и сановники начинали смотрѣть на своего государя недовѣрчиво и самую быстроту его распоряженій приписывать его молодости и легкомыслію.

Но особенно не по душѣ русскимъ сановитымъ людямъ были образъ жизни, нравъ и привычки молодого царя. Русскіе люди послѣ сытнаго обѣда обыкновенно спали, а Димитрій, пообѣдавши, ходилъ пѣшкомъ по городу, заходилъ въ разныя мастерскія, запросто говорилъ со встрѣчными. Да и на конѣ ѣздилъ онъ не такъ, какъ прежніе цари; тѣмъ всегда подводили коней испытанныхъ, смирныхъ, подставляли скамья подъ ноги, поддерживали подъ руки, а Димитрій любилъ ѣздить на ретивыхъ коняхъ. Подведутъ дикаго скакуна ему, онъ самъ мигомъ вскочитъ на него и несется на конѣ словно лихой наѣздникъ-казакъ. Любилъ онъ охоту, но и тутъ держалъ себя не по-царски: прежніе цари только смотрѣли на бой со звѣрями, а Димитрій самъ лично, словно простой охотникъ, выходилъ на медвѣдя и ловко справлялся съ лютымъ звѣремъ.

Простота въ обращеніи и молодечество Димитрія, по взгляду бояръ, унижали царское достоинство; еще больше возмущало ихъ, что онъ не блюдетъ древнихъ обычаевъ и обрядовъ, которые чтились всѣмъ православнымъ людомъ; притомъ иногда царь откровенно высказывалъ не только мірянамъ, но и духовнымъ лицамъ мысли, которыя пугали благочестивыхъ людей.

„У насъ, — говорилъ онъ, — только одни обряды, а смыслъ ихъ укрытъ. Вы поститесь, поклоняетесь мощамъ, почитаете иконы, но никакого понятія не имѣете о сущности вѣры, считаете себя самымъ праведнымъ народомъ въ мірѣ, а живете совсѣмъ не по-христіански, мало любите другъ друга; мало расположены творить добро. Зачѣмъ вы иновѣрцевъ презираете? Что же такое латинская, лютеранская вѣра? — все такія же христіанскія, какъ и греческая. И они вѣруютъ во Христа“.

Эти рѣчи, хоть была въ нихъ и доля правды, были слишкомъ смѣлы въ устахъ юнаго Димитрія, были и слишкомъ легкомысленны: передѣлать понятія своихъ собесѣдниковъ, которые выросли и состарѣлись въ извѣстныхъ убѣжденіяхъ и привычкахъ, онъ не могъ, но огорчалъ ихъ сильно, особенно духовныхъ лицъ. Монаховъ онъ сильно не любилъ и вовсе не скрывалъ этого, даже говорилъ, что думаетъ отъ монастырей отобрать имѣнія на ратное дѣло, на борьбу съ врагами христіанъ—турками.

Мысль о войнѣ съ турками, объ изгнаніи ихъ изъ Византіи, была его завѣтною мечтой. Ратное дѣло очень его занимало; онъ старался улучшить русскія военныя силы, поставить ихъ на европейскую ногу, безпрестанно устраивалъ смотры и ученія; самъ въ нихъ принималъ дѣятельное участіе. Но онъ, конечно, понималъ, что одному ему не подъ силу вытѣснить турокъ и мечталъ совершить это въ союзѣ съ европейскими государями. Папа и іезуиты очень могли помочь ему въ этомъ дѣлѣ,—вотъ почему старался онъ ладить съ ними, хотя вовсе не намѣренъ былъ исполнять тѣхъ щедрыхъ обѣщаній, какія надавалъ іезуитамъ и польскому королю, когда былъ еще далекъ отъ трона. Ласка и пріязнь, какія постоянно царь выказывалъ къ иноземцамъ и иновѣрцамъ, сильно смущали приближенныхъ къ нему русскихъ бояръ и особенно духовенство.

Русскіе никогда не тѣснили иновѣрцевъ, и не вѣротерпимость царя раздражала ихъ, а то, что онъ очень ужъ былъ равнодушенъ къ православію и приравнивалъ его къ „латинской и лютерской вѣрѣ“. Невольно у многихъ благочестивыхъ людей закрадывалось въ душу сомнѣніе, ужъ не отрекся ли царь отъ православія, ужъ не еретикъ ли онъ. И раньше ходили слухи, что онъ обратился въ латинство; теперь этимъ слухамъ стали давать больше вѣры.

Домашняя жизнь царя стала подвергаться сильному осужденію. Предъ началомъ обѣда онъ не молился иконамъ; во все время стола гремѣла веселая музыка; ѣлъ онъ кушанье, которое не употреблялось православными,—телятину; послѣ обѣда не умывалъ рукъ; не ходилъ въ положенные дни въ баню,—все это въ глазахъ благочестивыхъ бояръ ясно показывало, что царю не дороги русскіе обычаи, что онъ не русскій человѣкъ. Пристрастіе Димитрія къ иноземцамъ и къ иноземнымъ обычаямъ очень ужъ сильно било въ глаза.

Чинная и однообразная жизнь русскихъ царей была вовсе не по душѣ живому и веселому Димитрію, охотнику до шумныхъ пировъ на польскій ладъ. Общество веселыхъ собесѣдниковъ, поляковъ и другихъ иноземцевъ ему гораздо больше нравилось, чѣмъ общество неразговорчивыхъ, чинныхъ бояръ...

Недовольство усилилось до крайней степени, когда послѣ долгихъ сборовъ и приготовленій наконецъ прибылъ въ Москву Мнишекъ съ дочерью своей, невѣстой царя. Съ нимъ пріѣхали Вишневецкіе и много другихъ знатныхъ польскихъ пановъ со своими многочисленными дворами, шляхтой и челядью; всѣхъ гостей насчитывали до двухъ тысячъ человѣкъ. Все это былъ народъ разгульный и буйный. Начались роскошные пиры и празднества. 8-го мая Марина была коронована, а потомъ совершено было бракосочетаніе. Пиршествамъ, шумному веселью и разгулу не было конца. Царь, казалось, забылъ все, отдался весь удовольствіямъ, веселью, разнымъ потѣхамъ и затѣямъ; музыка и плясъ

почти не прекращались во дворцѣ; самъ царь не уступалъ въ ловкости лучшимъ польскимъ плясунамъ...

Хвастливые и разгульные шляхтичи да буйная челядь польскихъ магнатовъ вели себя крайне нагло, безчинствовали въ пьяномъ видѣ, вламывались въ дома, всячески оскорбляли москвичей, творили всякія насилія.

— „Вся ваша казна перейдетъ къ намъ въ руки!“, хвастались москвичамъ нѣкоторые изъ шляхтичей, которыхъ царь приглашалъ къ себѣ на службу.

— „Что вашъ царь,—кричали другіе,—мы дали царя Москвѣ!“

Благочестивыхъ москвичей больше всего возмущало то, что въ Кремлѣ среди соборовъ и святыни, гдѣ обыкновенно раздавались благовѣстъ и церков-

Лжедимитрій I.

ное пѣніе, шелъ теперь разгулъ, плясъ и гремѣла польская музыка. „Крикъ, вопль, говоръ неподобный,—восклицаетъ лѣтописецъ,—о какъ огнь не сойдетъ съ неба и не попалитъ сихъ окаянныхъ!“

Въ то самое время, какъ царь веселился и пировалъ, противъ него уже зрѣлъ заговоръ.

Смерть Лжедимитрія I-го.

Никакъ не могъ примириться Василій Ивановичъ Шуйскій, мечтавшій о царской власти, съ мыслью, что власть эта не у него въ рукахъ. Онъ, име-

нитый бояринъ, ведшій свое начало отъ Рюрика, принужденъ былъ склонять свою гордую голову предъ Борисомъ, потомкомъ татарскаго мурзы, а теперь на склонѣ дней,—и того хуже,—пришлось преклоняться предъ невѣдомымъ, безроднымъ пришельцемъ, попавшимъ на престолъ, благодаря слѣпому случаю.

Въ ночь съ 12-го на 13-е мая Василій Ивановичъ Шуйскій собралъ къ себѣ въ домъ своихъ приверженцевъ, торговыхъ и служилыхъ людей, раздраженныхъ наглостью и насиліями поляковъ. Рѣшено было обозначить дома, гдѣ они проживали, и затѣмъ на слѣдующій день, въ субботу, рано утромъ ударить въ набатъ и крикнуть народу, что ляхи хотятъ погубить царя,—а тѣмъ вре-

Марина.

менемъ, какъ чернь будетъ чинить расправу съ поляками, пользуясь общей суматохой, убить Димитрія и его приближенныхъ.

Простой народъ въ Москвѣ любилъ Димитрія, и потому заговорщикамъ надо было отвести глаза народа отъ царя.

15-го мая Басманову было донесено о томъ, что затѣвается какой-то заговоръ. Басмановъ доложилъ царю.

— „Я и слышать не хочу объ этомъ!—сказалъ Димитрій,—я не терплю доносчиковъ и наказывать буду ихъ самихъ“.

На слѣдующій день воины—нѣмцы извѣстили царя, что въ городѣ творится что-то недоброе. Царь снова съ непонятнымъ легкомысліемъ не придалъ

*

[illegible] видимо онъ не думалъ о предстоящей опасности и пировалъ безпечно [illegible]

Раннимъ утромъ 17-го мая по приказу Шуйскаго были отперты тюрьмы и роздано преступникамъ топоры и мечи.

Въ четыре часа утра, когда царь и его польскіе гости покоились глубокимъ сномъ и не успѣли еще проспаться отъ вчерашняго веселья, вдругъ раздался набатъ во всѣхъ церквахъ. Тысячи людей, схвативъ дубины, ружья, сабли, копья, кто что могъ, устремились во дворецъ.

— „Литва собирается убить царя! — кричали народу, — бейте Литву!"

Народъ кинулся избивать поляковъ въ разныхъ домахъ и безпощадно билъ ихъ.

Тѣмъ временемъ Шуйскій съ крестомъ въ одной рукѣ и съ мечемъ въ другой въѣхалъ въ Кремль (ворота кремлевскія не были даже заперты). За Шуйскимъ слѣдовала большая толпа заговорщиковъ, вооруженныхъ топорами, бердышами, рогатинами и ружьями.

Набатъ разбудилъ царя. Онъ послалъ Басманова развѣдать, что это значитъ. Сначала думали, что пожаръ. Но скоро раздались въ Кремлѣ неистовые крики; дворъ наполнился вооруженными людьми.

„Выдай самозванца!" раздался грозный крикъ бушующей толпы, когда показался Басмановъ на крыльцѣ.

Сомнѣваться въ мятежѣ нельзя было. Басмановъ бросился назадъ, приказалъ копьеносцамъ никого ни подъ какимъ видомъ не впускать во дворецъ, а самъ въ отчаяніи кинулся къ царю, рвалъ на себѣ волосы:

„Бѣда, государь, закричалъ онъ, — требуютъ головы твоей!"

Димитрій думалъ было обуздать мятежниковъ; выхватилъ у одного изъ нѣмцевъ, стоявшихъ на стражѣ во дворцѣ, мечь, вышелъ въ переднюю и, грозя мечемъ бушующей толпѣ, кричалъ:

„Я вамъ не Борисъ!"

Въ отвѣтъ раздались ружейные выстрѣлы, направленные въ него. Онъ поспѣшилъ удалиться. Басмановъ попробовалъ было усовѣстить бояръ, руководившихъ мятежомъ, но одинъ изъ нихъ — Татищевъ выругалъ его и ударилъ ножомъ. Басмановъ упалъ мертвый.

Димитрій думалъ спастись во внутреннемъ дворѣ, гдѣ стояли стрѣльцы на стражѣ; онъ хотѣлъ спуститься съ высоты въ нѣсколько саженъ изъ окна по стропиламъ, но сорвался, упалъ, сильно расшибся и вывихнулъ себѣ ногу.

Стрѣльцы привели въ чувство царя и окружили его.

Пришедши въ себя, Димитрій умолялъ ихъ отнести его на Красную площадь къ народу; за это онъ сулилъ имъ всѣ имѣнія мятежныхъ бояръ. Стрѣльцы обступили царя и думали было оборонять его; но мятежники пригрозили имъ, что перебьютъ въ Стрѣлецкой слободѣ ихъ женъ и дѣтей, и стрѣльцы послѣ недолгаго сопротивленія уступили мятежникамъ.

Несчастнаго Димитрія потащили во дворецъ.

„Латинскихъ попо[въ] привелъ, нечестивую польку взялъ въ жены, казну московскую полякамъ раздавалъ!" приговаривали мятежники, тащившіе Димитрія.

Дикая толпа заговорщиковъ забыла всякое человѣческое чувство, издѣвалась и ругалась надъ несчастнымъ. Толкали его, дергали, били... Кафтанъ съ него сорвали, нарядили его въ какое то рубище...

— „Поглядите-ка на царя! у меня такой царь на конюшнѣ!“ сказалъ со смѣхомъ одинъ.

— „Далъ бы я ему себя знать!“ говорилъ другой.

Третій ударилъ его по лицу и закричалъ:

— „Говори, кто ты, кто твой отецъ, и откуда ты родомъ?“

Измученный Дмитрій едва могъ проговорить въ отвѣтъ нѣсколько словъ. Онъ утверждалъ, что онъ—сынъ Іоанна, предлагалъ спросить о томъ его мать и просилъ, чтобы его вынесли къ народу на лобное мѣсто.

— „Царица Марѳа сейчасъ сказала, что это не сынъ ея!“ крикнулъ одинъ изъ бояръ.

— „Винится ли злодѣй?“ кричала въ нетерпѣніи толпа со двора.

— „Винится!“ отвѣчали изъ дворца.

— „Бей, руби его!“ завопила толпа.

— „Вотъ я благословлю этого польскаго свистуна!“ крикнулъ одинъ изъ мятежниковъ и застрѣлилъ Димитрія.

Нашлись и такіе, что рубили и кололи бездушное тѣло мечами.

Толпа заговорщиковъ, убивши Басманова и царя, избила до сотни музыкантовъ и пѣсенниковъ, жившихъ въ Кремлѣ, близъ царскаго дворца. Въ то время толпы разъяреннаго народа свирѣпствовали въ Китаѣ-городѣ и другихъ частяхъ Москвы, истребляя безъ милосердія „ненавистныхъ ляховъ“. Несчастные поляки вскакивали съ постелей, прятались въ погреба, зарывались въ солому, даже въ мусоръ... Но тщетно искали они спасенія!—москвитяне ихъ находили и убивали кольями, каменьями, рубили саблями... Народная злоба не знала границъ. Съ 3-хъ часовъ утра до 11-ти шла дикая, безчеловѣчная расправа. Ужасъ этого побоища, говоритъ очевидецъ, нельзя изобразить словами. Шесть часовъ сряду гремѣлъ набатъ безумолку, раздавались ружейные выстрѣлы, сабельные удары, топотъ коней, отчаянные вопли избиваемыхъ и крики остервенившейся черни: „Сѣки, руби поляковъ!“ Казалось, ярость и злоба заглушили всякое человѣческое чувство: ни слезы, ни мольбы несчастныхъ не спасали ихъ. Нѣкоторые въ отчаяніи рѣшались защищаться въ домахъ съ оружіемъ въ рукахъ. Народъ притащилъ даже пушки, чтобы разгромить дома, гдѣ заперлись польскіе послы и царицины родичи съ вооруженными людьми. Не спаслись бы, конечно, и они; но Шуйскій съ товарищами избавилъ ихъ отъ народной ярости, спасли бояре и Марину,—ее отвезли изъ дворца къ отцу.

Изуродованный трупъ Лжедимитрія потащили веревками изъ Кремля. У Вознесенскаго монастыря остановились, вызвали инокиню Марѳу и требовали, чтобы она предъ всѣмъ народомъ объявила, ея ли сынъ убитый. Та отреклась,—сказала, что истинный сынъ ея, царевичъ Димитрій, убитъ въ Угличѣ; винилась, что она страха ради признала сыномъ самозванца... Тогда тѣло его выволокли на Красную площадь и положили на столъ, а у ногъ его на скамьѣ, кинули трупъ Басманова. Одинъ бояринъ бросилъ на тѣло Лжедимитрія маску, волынку, а въ ротъ воткнулъ дудку.

— „Долго мы тѣшили тебя, обманщикъ,—сказалъ онъ,—теперь ты насъ позабавь!“...

Три дня грубая толпа издѣвалась надъ трупомъ Лжедимитрія.

Но на третью ночь суевѣрныхъ людей обуялъ страхъ. Пронесся слухъ, будто около трупа сталъ показываться какой-то таинственный свѣтъ, который исчезалъ, когда подходили часовые... На слѣдующее утро бояре распорядились отвезти трупъ за Серпуховскія ворота, въ Божій домъ (такъ называлось кладбище, гдѣ хоронили умершихъ, подобранныхъ на улицахъ). Но и тутъ разныя видѣнія пугали суевѣрныхъ людей. Стали говорить въ народѣ, что Лжедимитрій былъ необыкновенный человѣкъ; что ему самъ дьяволъ помогалъ морочить людей; что онъ—чернокнижникъ и чародѣй и проч. Наконецъ, трупъ его вырыли, сожгли, пепелъ смѣшали съ порохомъ, зарядили этой смѣсью пушку и выстрѣлили въ сторону, откуда въѣхалъ въ Москву Лжедимитрій.

Такъ завершилась необыкновенная судьба этого загадочнаго человѣка!...

Полуцарь.

Москва по смерти Лжедимитрія осталась безъ царя. Законнаго наслѣдника престола опять не было; приходилось выбирать царя изъ бояръ. По знатности рода и по уму видиѣе всѣхъ въ ихъ средѣ были Василій Ивановичъ Шуйскій и Василій Васильевичъ Голицынъ. У обоихъ было много сторонниковъ. Но послѣднія событія особенно выдвинули Шуйскаго: онъ первый изъ бояръ изобличилъ Лжедимитрія; онъ стоялъ во главѣ заговора и съ крестомъ и мечемъ въ рукахъ повелъ народъ противъ „злого еретика“, спасая православіе и народъ отъ ляховъ. Это все вмѣнялось ему въ большую заслугу, по крайней мѣрѣ, его многочисленными сторонниками, смотрѣвшими на дѣло его глазами. Людямъ, совершившимъ послѣдній переворотъ, конечно, болѣе всего хотѣлось, чтобы на престолѣ былъ ихъ вождь.

Бояре хотѣли созвать выборныхъ изъ всѣхъ концовъ Русской земли, чтобы всею землею выбрать государя; но Шуйскій и сторонники его этого вовсе не желали: Шуйскій не могъ разсчитывать, что на земскомъ соборѣ выберутъ царемъ его, а не другого боярина. Возстаніе противъ Лжедимитрія и убіеніе его было дѣломъ только однихъ московскихъ приверженцевъ Шуйскаго. Въ самой Москвѣ далеко не всѣ одобряли послѣднія дѣйствія его, а чернь московская, приставшая къ мятежу, думала, что дѣло идетъ только объ истребленіи ненавистныхъ поляковъ. Шуйскій и его сторонники понимали, что мало вѣроятности, чтобы на земскомъ соборѣ выбрали его, и потому рѣшились дѣйствовать поскорѣе,—ковать желѣзо, пока оно горячо.

19 мая въ 6 часовъ утра на Красной площади толпились купцы, разносщики, ремесленники,—всѣ были въ ожиданіи... Изъ Кремля вышли бояре, придворные сановники, духовенство и предложили прежде всего избрать патріарха (вмѣсто свергнутаго Игнатія, сторонника Лжедимитрія), съ тѣмъ, чтобы онъ стоялъ во главѣ временнаго правленія и созвалъ выборныхъ людей для избранія царя.

Сторонники Шуйскаго, въ большомъ числѣ собравшіеся на площади, по-

нимали, что это для ихъ вождя опасно: могли случайно выбрать въ патріархи противника Шуйскаго. Изъ толпы раздались крики, что царь нужнѣе патріарха, а царемъ долженъ быть Василій Ивановичъ Шуйскій. Противорѣчить этому никто не посмѣлъ. Такимъ образомъ, Василій Ивановичъ былъ избранъ не всенароднымъ собраніемъ, даже не всею Москвою, а только своими сторонниками.

Василій Ивановичъ немедленно пошелъ въ Успенскій соборъ и цѣловалъ крестъ на томъ, что ему, „не осудя истиннымъ судомъ съ боярамъ своими", никого не казнить смертью, вотчинъ, дворовъ и имѣнія у братьевъ, жены и дѣтей преступника не отбирать, если они ни въ чемъ невиновны, ложныхъ доносовъ не слушать, а разбирать всякое дѣло какъ можно обстоятельнѣе, лживыхъ доносчиковъ казнить, смотря по ихъ клеветѣ. Эта присяга сильно поразила многихъ. По словамъ лѣтописца, нѣкоторые бояре и люди отговаривали Шуйскаго, чтобы на томъ креста не цѣловалъ, потому что „того (чтобы бояре ограничивали царскую власть) въ Московскомъ государствѣ не повелось", но онъ не послушался.

Немедленно по всѣмъ русскимъ городамъ была разослана грамота, съ оповѣщеніемъ, что „по приговору всѣхъ людей" Московскаго государства, и духовныхъ, и свѣтскихъ, избранъ на престолъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Грамота извѣщала о гибели „Гришки Отрепьева, который назвался Димитріемъ, овладѣлъ царствомъ съ бѣсовской помощью и всѣхъ людей прельстилъ чернокнижіемъ, и замышлялъ съ папой и поляками попрать православную вѣру".

Вмѣстѣ съ этой грамотой разсылалась и грамота отъ имени царицы Маріи. Здѣсь она каялась въ томъ, что признала вора (Гришку Отрепьева) сыномъ страха ради, испугавшись угрозъ.

Съ недоумѣніемъ слушали чтеніе царской грамоты русскіе люди, жители городовъ и областей. Давно-ли ихъ оповѣщали, что Годуновъ свергнутъ истиннымъ царемъ Димитріемъ; теперь же увѣряютъ, что этотъ самый Димитрій былъ обманщикъ, злодѣй и еретикъ; объявляютъ, что онъ погибъ за свое злодѣйство, но какъ именно погибъ—не объясняютъ. Говорится въ грамотѣ, что новый царь избранъ „по приговору всѣхъ людей Московскаго государства", а между тѣмъ, въ каждомъ городѣ жители хорошо знали, что отъ нихъ выборныхъ людей для избранія царя въ Москвѣ не было; стало быть, въ грамотѣ есть завѣдомая ложь... Все это приводило къ одному заключенію, что въ Москвѣ творится что-то неладное, порождало полное недовѣріе къ московскому правительству и общую тревогу въ умахъ. Всѣ съ жадностью прислушивались къ разнымъ вѣстямъ и слухамъ, которые волновали народъ, и въ то же время никто не зналъ, чему и кому вѣрить.

Наступило настоящее смутное время...

Не только въ областяхъ, но и въ Москвѣ было много недовольныхъ. Народу было совсѣмъ не по душѣ, что власть была больше въ рукахъ бояръ, чѣмъ царя; въ Шуйскомъ видѣли не настоящаго царя, а „полуцаря" или „боярскаго царя", который безъ согласія боярской думы ничего не смѣетъ дѣлать. Нѣкоторые изъ бояръ были недовольны, потому что имъ самимъ хотѣлось быть на престолѣ, другіе имѣли старые счеты съ Шуйскимъ. Не въ добрый часъ

взялъ царскій скипетръ честолюбивый боярин! Его положеніе при началѣ царствованія было, пожалуй, хуже, чѣмъ Бориса Годунова въ концѣ. Борисъ опирался на цѣлое сословіе служилыхъ людей; патріархъ держалъ также всегда его сторону. Василію Ивановичу Шуйскому не было опоры ни въ комъ: ни въ боярахъ, ни въ народѣ, ни въ служилыхъ людяхъ. Невзрачный, малорослый старикъ (ему было за 50 лѣтъ), съ больными, подслѣповатыми глазами, онъ даже и внѣшнимъ видомъ своимъ не напоминалъ прежнихъ царей. Онъ обладалъ хитрымъ и изворотливымъ умомъ, но способностей настоящаго правителя не имѣлъ; не понялъ онъ даже того, что въ пору общей смуты и тревоги нужна сильная власть и дѣйствія быстрыя и рѣшительныя, что „полуцарю", окруженному недоброжелателями, въ такое время не усидѣть на престолѣ. Въ довершеніе всего онъ былъ разсчетливъ до крайности, до скупости, тогда какъ въ Москвѣ привыкли къ щедрости Годунова и расточительности Лжедимитрія. Мудрено-ли послѣ этого, что число сторонниковъ Василія не увеличивалось, и служилые люди не выказывали большой ревности къ царской службѣ?

Еще 17-го мая, въ день гибели Лжедимитрія, одинъ изъ приверженцевъ его, Молчановъ, успѣлъ скрыться изъ дворца и бѣжать изъ Москвы въ Литву, распуская по дорогѣ слухи, что онъ—царь Димитрій, спасающійся отъ убійцъ. Въ областяхъ, отдаленныхъ отъ Москвы, ему могли легко повѣрить; въ самой Москвѣ носились слухи, что убитъ не Димитрій: маска, надѣтая на лицо убитаго, могла подать поводъ къ этимъ толкамъ.

Василій Ивановичъ думалъ, что самымъ лучшимъ средствомъ противъ самозванцевъ, прикрывающихся именемъ Димитрія, будетъ перенесеніе въ Москву мощей царевича. Съ этой цѣлью отправился въ Угличъ митрополитъ Филаретъ съ двумя архимандритами и нѣсколькими именитыми боярами. 1-го іюня Василій Ивановичъ вѣнчался на царство, а 3-го съ большимъ торжествомъ внесены были въ столицу мощи царевича св. Димитрія. Самъ царь по всей Москвѣ несъ ихъ до Архангельскаго собора, при чемъ прославляли святость невиннаго младенца, погибшаго подъ ножами убійцъ... Но это чествованіе Димитрія напоминало народу и вѣроломство самого Василія Ивановича: въ Москвѣ помнили очень хорошо, какъ онъ свидѣтельствовалъ, что царевичъ самъ умертвилъ себя въ припадкѣ падучей болѣзни...

Возстанія противъ Василія.

Шуйскому не вѣрили въ Москвѣ; не вѣрили грамотамъ его и въ другихъ городахъ. Успокоить умы было трудно. Смута и тревога чувствовались повсюду. Въ такую пору не трудно было поднять мятежъ. Въ Сѣверской украйнѣ ходили уже слухи, что царь Димитрій живъ. Князь Григорій Шаховскій, сосланный за преданность Лжедимитрію въ Путивль, собралъ жителей и объявилъ имъ, что царь Димитрій спасся отъ смерти, грозившей ему, и скрывается отъ враговъ. Черниговскій воевода, князь Телятевскій, тоже объявилъ себя на сторонѣ будто бы спасшагося изъ Москвы Димитрія. Въ Москвѣ также начались волненія. Народъ собирался толпами. То разносилась молва, будто царь отдаетъ дома иностранцевъ на разграбленіе народу, то возникалъ слухъ, что царь хо-

четъ говорить о чемъ-то съ народомъ. Всѣ эти слухи, волновавшіе московскую чернь, распускали бояре, враги Шуйскаго.

Разъ въ воскресенье, когда царь шелъ къ обѣднѣ, онъ увидѣлъ у дворца густую толпу народа, поджидавшую его. Оказалось, что ее собрало сюда извѣстіе, будто бы царь хочетъ говорить съ народомъ. Чуть не плача съ досады, Василій Ивановичъ обратился къ окружающимъ его боярамъ, и началъ ихъ корить, что это ихъ козни, что, если онъ имъ не угоденъ,—онъ немедленно оставитъ престолъ. На этотъ разъ всѣ бояре спѣшили увѣрить его въ своей преданности и просили наказать зачинщиковъ. Пятерыхъ человѣкъ схватили, били кнутомъ и сослали.

Возмущеніе въ Сѣверской украйнѣ росло. У Шаховскаго нашелся даровитый помощникъ; то былъ бѣглый холопъ Иванъ Болотниковъ, человѣкъ бывалый, рѣшительный, знавшій ратное дѣло. Онъ сталъ грамотами волновать простой народъ, сулилъ ему волю, богатство и почести подъ знаменами Димитрія. Къ Болотникову стали цѣлыми толпами являться бѣглые холопы, преступники, ушедшіе отъ наказанія и казаки. Сѣверская украйна была полна „гулящаго люда“, который промышлялъ „лихимъ дѣломъ“ и „воровствомъ“, т. е. разбоемъ. Такимъ образомъ, у Болотникова собралось большое полчище всякаго сброду, готоваго воевать за кого угодно, лишь бы можно было грабить... Но къ Болотникову стали являться люди и другого рода: посадскіе, служилые, стрѣльцы изъ разныхъ городовъ,—люди, вѣрные своей присягѣ Димитрію, и думавшіе, что они идутъ биться за правое дѣло... Походъ Болотникова начался, какъ и слѣдовало ожидать, грабежами и убійствами: бѣглые холопы вымещали на бывшихъ своихъ господахъ свои обиды,—мужчинъ убивали, женъ и дочерей принуждали выходить за себя замужъ, имѣнія грабили.

Царская рать, высланная противъ Болотникова, была разбита и разсѣялась; служилые люди, помѣщики, самовольно разъѣзжались по своимъ домамъ. Городъ за городомъ пристава къ возстанію. Оно, словно пламя пожара при сильномъ вѣтрѣ, быстро росло и разносилось изъ конца въ конецъ. Боярскій сынъ Пашковъ возмутилъ Тулу, Веневъ и Каширу; воевода Сунбуловъ и дворянинъ Прокопій Ляпуновъ подняли Рязанскую область. На Востокѣ, по Волгѣ, въ Перми и Вяткѣ, поднялись крестьяне, холопи, инородцы; возстала за Димитрія и Астрахань.

Болотниковъ переправился чрезъ Оку и шелъ уже на Москву. Въ 70 верстахъ отъ нея онъ разбилъ снова царскую рать; наконецъ, подошелъ къ самой столицѣ и сталъ станомъ въ селѣ Коломенскомъ. Съ нимъ были Ляпуновъ, Сунбуловъ и Пашковъ.

Самымъ замѣчательнымъ изъ этихъ лицъ былъ Прокопій Ляпуновъ. Умный, храбрый, красивый, знающій ратное дѣло, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рьяныхъ, полныхъ жизни и силы людей, которые во всякомъ дѣлѣ, гдѣ нужна рѣшимость, рвутся впередъ съ неудержимой силой, становятся во главѣ предпріятія, увлекаютъ за собой толпы людей, менѣе рѣшительныхъ. Въ смутныя времена, въ пору общаго колебанія, недовѣрія и сомнѣнія, такіе люди становятся особенно замѣтными. Они являются обыкновеоно главными зачинщиками дѣла и вожаками; не всегда они бываютъ въ состояніи довершить его,

какъ слѣдуетъ: для этого недостаетъ имъ терпѣнія, выдержки, способности выжидать, хитрить, пользоваться обстоятельствами; но ни одно крупное общественное дѣло не обходится безъ нихъ. Таковъ былъ и Прокопій Ляпуновъ.

Когда Болотниковъ сталъ подъ Москвой, дѣло Василія Ивановича казалось въ концѣ проиграннымъ. Силъ бороться дольше у него не хватало; въ Москвѣ сталъ чувствоваться уже недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ: шайки Болотникова на дорогахъ перехватывали обозы и опустошали окрестности Москвы. Столичная чернь волновалась. Подметныя письма Болотникова возбуждали ее противъ высшихъ сословій.

„Вы всѣ, боярскіе холопи,—говорилось въ нихъ,—побивайте своихъ бояръ, берите себѣ все достояніе ихъ, убивайте гостей и торговыхъ богатыхъ людей, дѣлите межъ собой ихъ имѣнія... Вы были послѣдними,—теперь станете боярами и воеводами? Цѣлуйте всѣ крестъ законному государю Димитрію Ивановичу!“

Этотъ дикій призывъ къ убійству и грабежу могъ быть по душѣ развѣ только самой разнузданной черни и „лихимъ людямъ“. Всѣ лучшіе люди отшатнулись отъ Болотникова. Прокопій Ляпуновъ съ братомъ Захаромъ и Сунбуломъ, приглядѣвшись къ Болотникову и его полчищу, рѣшились обратиться съ повинной головой къ Шуйскому: быть за одно съ разбойниками, раззорявшими родную страну, имъ было противно, а Димитрій, которому они хотѣли послужить вѣрой и правдой, не являлся. Съ Ляпуновымъ и Сунбуловымъ явились въ Москву толпы дворянъ и дѣтей боярскихъ; а за ними стрѣльцы, которые въ Коломнѣ перешли было къ Болотникову. Василій Ивановичъ принялъ ихъ, конечно, съ радостью, простилъ ихъ, даже обласкалъ и наградилъ; переходъ лучшихъ силъ отъ Болотникова спасалъ его. Помогло ему и то, что Тверь, гдѣ архіепископъ воодушевилъ защитниковъ, не поддалась Болотникову и отбила отъ стѣнъ своихъ отряды его. Примѣръ Твери подѣйствовалъ и на другіе сосѣдніе города. Смоленскъ также держался Василія Ивановича. Многихъ, готовыхъ прежде постоять за Димитрія, начало брать сомнѣніе, существуетъ ли онъ. Въ Москву стали подходить ратныя силы изъ Смоленской и Тверской области. Силъ у царя набралось довольно; можно было уже ударить на скопище мятежниковъ; но царь медлилъ, выказывая человѣколюбіе и жалость къ нимъ. Онъ обѣщалъ милость и прощеніе мятежникамъ, если они смирятся, но тѣ упорствовали. Надо было рѣшать дѣло боемъ.

Подъ стѣнами Москвы произошла битва. Царскій племянникъ, молодой воевода, князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, разбилъ Болотникова, котораго покинулъ и Пашковъ со своимъ отрядомъ. Болотниковъ не въ силахъ былъ уже держаться подъ Москвой, бѣжалъ съ остатками своего полчища и засѣлъ въ Калугѣ, въ нѣсколько дней укрѣпилъ ее глубокими рвами и валомъ, собралъ около десяти тысячъ бѣглецовъ и приготовился къ осадѣ, а между тѣмъ послалъ въ Сѣверскій край къ своимъ сторонникамъ съ извѣстіемъ, что ему нужна скорая помощь, нуженъ и царевичъ Димитрій, потому что, не видя его, люди начинаютъ сомнѣваться въ его существованіи... Но новый Лжедимитрій еще не являлся. Шаховскій и другіе мятежные бояре призвали на помощь запорожскихъ казаковъ, ополчили всѣхъ, кого только могли навербовать въ Сѣвер-

ской землѣ, и поспѣшно выступили въ походъ на выручку Болотникова. Незадолго предъ тѣмъ, среди терскихъ казаковъ, явился бродяга, назвавшійся Петромъ, небывалымъ сыномъ царя Ѳеодора. Шаховской призвалъ этого Лжепетра, съ шайкою терскихъ мятежниковъ, встрѣтилъ его съ большой честью въ Путивлѣ, какъ царскаго племянника и намѣстника.

Между тѣмъ Болотниковъ мужественно защищался въ Калугѣ. Напрасно царская рать пыталась взять городъ. Четыре мѣсяца уже длилась неудачная осада. Наконецъ, Болотниковъ сдѣлалъ вылазку: онъ такъ внезапно и сильно ударилъ на осаждавшихъ, что царское войско обратило тылъ; пушки обозъ и припасы достались мятежникамъ; вдобавокъ около пятнадцати тысячъ воиновъ и отрядъ наемныхъ нѣмцевъ передались Болотникову.

Эти вѣсти поразили и всю Москву, и царя. Вчера еще ждали вѣсти объ окончательномъ уничтоженіи крамолы, а сегодня съ ужасомъ приходится думать о защитѣ столицы отъ торжествующихъ мятежниковъ!... Всевозможныя мѣры были немедленно приняты. Приказано было, чтобы всѣ, кто только могъ держать оружіе въ рукахъ, вооружились; монастыри должны были доставить въ Москву свои хлѣбные запасы; даже иноки обязаны были, на всякій случай, готовиться къ ратному дѣлу. Святители всенародно по церквамъ предавали анаѳемѣ Болотникова и другихъ злодѣевъ.

Къ счастью, Болотниковъ не рѣшился напасть на Москву съ тѣми силами, какія были у него подъ рукою, а поджидалъ Шаховскаго. Царь тѣмъ временемъ успѣлъ собрать войско около ста тысячъ. 21-го мая онъ сѣлъ на ратнаго коня и повелъ боевыя силы всего своего царства на скопище злодѣевъ. Болотниковъ оставилъ Калугу и перешелъ въ Тулу, гдѣ соединился съ Шаховскимъ. Неподалеку отъ города Каширы царскіе отряды встрѣтились съ мятежниками. Начался кровавый бой. Царская рать стала уже подаваться подъ напоромъ враговъ; но воеводы Голицынъ и Лыковъ воодушевили ее. Они кинулись въ самый пылъ битвы съ крикомъ:

— „Нѣтъ для насъ бѣгства!—Смерть или побѣда!“

Сильнымъ ударомъ царскіе ратники смяли мятежниковъ. Тѣ, побросавъ свои пушки и обозъ, поспѣшно отступили и заперлись въ Тулѣ.

Началась осада. Болотниковъ дѣлалъ безпрестанно, даже по нѣсколько разъ въ день, смѣлыя вылазки и наносилъ большой вредъ осаждающимъ. Царь порѣшилъ взять городъ изморомъ,—всѣ пути въ Тулу были преграждены, и гнѣздо мятежниковъ было все охвачено царской ратью. Прошло два мѣсяца. Съ каждымъ днемъ силы осажденныхъ убывали; наконецъ, они стали чувствовать уже недостатокъ въ припасахъ, пришлось ѣсть лошадей. Явились недовольные.

— „Гдѣ-же тотъ, говорили они, за кого мы умираемъ? Гдѣ Димитрій“?

Шаховскій клялся, что Димитрій въ Литвѣ, Болотниковъ увѣрялъ, что онъ видѣлъ его своими глазами.

И тотъ, и другой писали въ Литву, настоятельно требуя, чтобы ихъ сторонники выставили какого нибудь Димитрія. Посланные съ письмами очень ловко пробрались сквозь русскій станъ. До конца лѣта мятежники упорно отбивались и выносили твердо недостатокъ въ хлѣбѣ и соли. Желанный Димитрій не являлся и помощи изъ Литвы не было. Но и царская рать уже тяготилась

осадой; неоднократно пытались идти на приступъ, но каждый разъ возвращались съ большимъ урономъ. Въ царскомъ войскѣ начиналась уже „шатость“. Неизвѣстно, чѣмъ кончилась бы эта осада, если бы царя Василія не выручилъ одинъ изъ его воиновъ, Кравковъ, который былъ, по словамъ лѣтописи, „большой хитродѣлецъ“. Онъ явился къ царю и сказалъ:

— „Я обѣщаю тебѣ, государь, потопить Тулу водою и заставить мятежниковъ сдаться.“

Царь посулилъ ему большія милости, если это сбудется.

„Хитродѣлецъ“ сработалъ во всю ширину рѣки Упы плотъ, велѣлъ сыпать на него землю. Плотъ съ землею затонулъ и преградилъ теченіе рѣки; она вышла изъ береговъ и затопила Тулу. Людямъ пришлось ѣздить по улицамъ въ лодкахъ. Вода залила погреба и кладовыя съ припасами. Осажденнымъ и раньше уже приходилось жить впроголодь, беречь остатки запасовъ, а теперь начался настоящій голодъ, стали ѣсть кошекъ, мышей, собакъ... Пришлось сдаться. Мятежники послали сказать царю:

— „Мы сдадимъ городъ, если ты насъ помилуешь, не казнишь смертью. Если же не обѣщаешь помиловать насъ, то будемъ держаться, хотя бы пришлось намъ ѣсть другъ друга отъ голода!“

Царь обѣщалъ имъ свое милосердіе.

Болотниковъ явился къ царю въ полномъ вооруженіи, снялъ съ себя саблю, „ударилъ челомъ въ землю“ и сказалъ:

— „Царь-государь! я служилъ вѣрно по присягѣ тому, кто въ Польшѣ назывался Димитріемъ. Точно-ли онъ Димитрій, или нѣтъ, не знаю, я не видалъ его прежде. Онъ меня покинулъ. Теперь я въ твоей власти. Въ твоей волѣ убить меня,—вотъ моя сабля—убей. Если же ты помилуешь меня, какъ обѣщалъ, то я буду тебѣ служить такъ же вѣрно, какъ служилъ тому, кто меня оставилъ!“

Съ торжествомъ вернулся Василій Ивановичъ въ Москву. Взятіе Тулы праздновали, какъ нѣкогда взятіе Казани. Лжепетра повѣсили, Болотникова отвезли въ Каргополь и тамъ утопили. Другимъ важнѣйшимъ мятежникамъ была оказана пощада. Шаховскаго сослали на Кубенское озеро, нѣмцевъ, измѣнившихъ присягѣ, отправили въ Сибирь, а менѣе важныхъ плѣнниковъ оставили на свободѣ безъ наказанія.

Тушинскій воръ.

Давно ожидаемый мятежниками Димитрій, наконецъ, явился. Это было незадолго до взятія Тулы. Кто былъ этотъ второй Лжедимитрій, трудно сказать,—такъ разнорѣчивы извѣстія о немъ. Наиболѣе вѣроятное сказаніе гласитъ, что онъ родомъ былъ изъ Стародуба. Отсюда переселился въ Бѣлую Русь, гдѣ промышлялъ учительствомъ, обучалъ дѣтей грамотѣ. Бездомный скиталецъ и бѣднякъ, онъ ходилъ въ изодранномъ тулупѣ, въ бараньей шапкѣ, даже лѣтомъ: по бѣдности не могъ онъ обзавестись лѣтней одеждой. Изъ Могилева онъ перешелъ въ Пропойскъ. Здѣсь его почему-то сочли шпіономъ и засадили въ тюрьму. Чтобы избавиться отъ бѣды, онъ назвался бояриномъ Нагимъ, дядею царя Ди-

митрія. Ему повѣрили и приказано было его отпустить. Къ нему пристало нѣсколько такихъ же проходимцевъ, какъ и онъ. Мнимый Нагой и приставшіе къ нему явились въ Стародубъ, гдѣ распустили молву, что сюда скоро прибудетъ царь Димитрій. Одинъ изъ товарищей самозванца, подъячій Рукинъ, пріѣхалъ въ Путивль и сталъ разсказывать, что Димитрій въ Стародубѣ. Путивляне его задержали и стали добиваться вѣрныхъ извѣстій.

— „Мы тебя замучимъ, говорили они Рукину, если ты не укажешь намъ царя".

Подъ стражею нѣсколькихъ путивлянъ Рукинъ былъ отправленъ въ Стародубъ. „Гдѣ царь?" стали спрашивать у мнимаго царскаго дяди. Тотъ отвѣтилъ, что не знаетъ. Тогда стародубцы и путивляне принялись за ложнаго вѣстовщика, стали Рукина бить безпощадно кнутомъ, приговаривая при этомъ: „Скажи, гдѣ Димитрій!" Рукинъ не стерпѣлъ муки и закричалъ:

— „Смилуйтесь, ради Николы Чудотворца! Я укажу вамъ Димитрія".

Его отпустили.

— „Вотъ Димитрій Ивановичъ, сказалъ онъ, указывая на мнимаго Нагаго. Онъ потому не объявился сразу, что не зналъ, рады ли вы будете ему!"

Указанному Димитрію не трудно было смекнуть, что ему удобнѣе назваться этимъ именемъ и воспользоваться почетомъ и выгодами царскаго званія, чѣмъ упорствовать въ прежнемъ своемъ самозванствѣ, — выставлять себя Нагимъ: отъ него могли потребовать, во что бы то ни стало указанія, гдѣ царь, а въ случаѣ упорства, пожалуй, подвергнуть и пыткѣ. Сообразивъ все это, онъ принялъ повелительную осанку и грозно прикрикнулъ на стародубцевъ, истязавшихъ Рукина. Тѣ, пораженные рѣшительнымъ видомъ Лжедимитрія, повалились ему въ ноги и закричали.

— „Виноваты, государь, не узнали тебя! Помилуй насъ! Рады тебѣ служить противъ недруговъ твоихъ".

Съ колокольнымъ звономъ стародубцы повели „царя" въ городъ (замокъ), гдѣ устроили ему жилище, принесли ему дорогіе подарки и деньги.

Изъ Стародуба разосланы были грамоты по сѣверскимъ городамъ; всѣ русскіе люди призывались на службу своему царю. Отправлены были грамоты и въ Москву.

— „Съ Божіей помощью, говорилось въ нихъ, Димитрій спасся отъ убійцъ, благодаритъ московскихъ людей за то, что они помогли ему добыть престолъ и проситъ ихъ, чтобы въ другой разъ посадили его на царство".

Въ Сѣверской землѣ, гдѣ давно уже ходили слухи о спасеніи Димитрія и ждали его съ нетерпѣніемъ, скоро набралось нѣсколько тысячъ охотниковъ послужить ему.

Гулящаго люда и въ Сѣверскомъ краю, и въ сосѣдней Литвѣ, и въ русскихъ украинахъ было вдоволь; эти свободныя силы, не привязанныя ни къ какому дѣлу, искали выхода. Нуженъ былъ только благовидный поводъ для похода, а охотниковъ до разгульной походной жизни и добычи было много среди войнолюбивыхъ жителей русской и литовской украины; при томъ же удачный походъ Лжедимитрія I, обогатившій иныхъ сподвижниковъ его, соблазнялъ многихъ. Вотъ почему не трудно было навербовать себѣ сильное пол-

чаще и второму Лжедимитрію. Но онъ вовсе не походилъ на перваго: тотъ, конечно, былъ убѣжденъ въ своемъ царственномъ происхожденіи и въ своемъ правѣ на престолъ, хотя убѣжденъ ложно, обманутый другими и названный Димитріемъ, а этотъ былъ сознательный обманщикъ, въ полномъ смыслѣ слова — самозванецъ. Человѣкъ онъ былъ ловкій, смѣтливый, но развращенный, нерѣшительный и подозрительный: онъ постоянно опасался, что его выдадутъ... Случайно назвавшись Димитріемъ, онъ пытался при первыхъ же дѣйствіяхъ своего полчища, когда начались распри и несогласія, бѣжать: но его не пустили: онъ нуженъ былъ тѣмъ, которые думали дѣйствовать его именемъ.

Со всѣхъ сторонъ стекались къ самозванцу военныя силы: изъ Литвы явился знаменитый наѣздникъ Лисовскій, бѣжавшій отъ смертной казни: прибыли со своими отрядами нѣсколько именитыхъ польскихъ пановъ, охочихъ до боевой жизни. Цѣлыми сотнями являлись шляхтичи: тутъ были должники, бѣжавшіе отъ заимодавцевъ, были преступники, спасавшіеся отъ наказанія, промотавшіеся и проигравшіеся люди. Весь этотъ сбродъ смотрѣлъ на войну, какъ на ремесло, какъ на средство разжиться, поправить свои дѣла.

Явились на службу къ самозванцу и запорожцы. Донскихъ казаковъ привелъ Заруцкій. Такимъ образомъ собрались очень значительныя силы. Это полчище всякихъ проходимцевъ и хищниковъ подъ знаменами самозванца хлынуло на Русскую землю. Гетманство, или главное начальство надъ военными силами, взялъ на себя полякъ князь Рожинскій.

Вѣсть о томъ, что царь Димитрій живъ и идетъ съ большой силой отнимать свое царство у Шуйскаго, быстро разнеслась по Русской землѣ. Самозванцу сдавались городъ за городомъ. Сдались Корачевъ, Брянскъ, Орелъ. Отсюда разосланы были грамоты, увѣщавшія народъ отступиться отъ Шуйскаго и не вѣрить другимъ самозванцамъ, которые тогда появлялись одинъ за другимъ въ разныхъ мѣстахъ.

Весною 1608 г. самозванецъ двинулся изъ Орла къ Москвѣ. Подъ Болховымъ царское войско было разбито, и Лжедимитрій быстро двинулся къ столицѣ. Въ это время только что кончились здѣсь переговоры съ польскими послами и заключено было перемиріе на три года: Шуйскій обязывался отпустить въ Польшу Мнишка съ дочерью и всѣхъ поляковъ, задержанныхъ въ Москвѣ послѣ мятежа 17-го мая; а король долженъ былъ отозвать всѣхъ поляковъ, приставшихъ къ самозванцу, и впередъ не вѣрить и не помогать никакимъ самозванцамъ. Королевскіе послы извѣстили Рожинскаго и товарищей его объ этомъ условіи перемирія; но тѣ и вниманія не обратили, — заявили, что ничьихъ приказовъ слушать не намѣрены.

1-го іюня Лжедимитрій подошелъ къ Москвѣ и расположился станомъ въ селѣ Тушино. Въ первой битвѣ подъ Москвой, на рѣкѣ Ходынкѣ, самозванецъ потерпѣлъ неудачу; но все-таки положеніе Шуйскаго было неутѣшительно: не только ни одинъ полякъ не покинулъ тушинскаго стана, но чуть ли не каждый день являлись сюда новыя шайки и поляковъ, и русскихъ. Прибылъ въ станъ между прочими и Янъ Сапѣга, знатный польскій панъ, осужденный въ своемъ отечествѣ за буйство. Толпы русскихъ тоже со всѣхъ сторонъ стекались въ Тушино.

На службу къ самозванцу являлись и знатные русскіе бояре, князья: Трубецкой, Черкасскій, Сицкій, Засѣкины и др.

Узнавши, что Мнишекъ съ дочерью возвращаются въ Польшу, самозванецъ послалъ отрядъ перехватить ихъ на дорогѣ. Это ему удалось. Мнишку обѣщано было триста тысячъ рублей и нѣсколько городовъ, и этотъ продажный человѣкъ вмѣстѣ съ другими уговаривалъ дочь свою, чтобы она признала самозванца своимъ мужемъ. Та долго противилась; наконецъ, волей-неволей должна была согласиться. Признаніе Мариною Лжедимитрія II своимъ мужемъ сильно ему помогло: многихъ, колебавшихся еще признать его царемъ Димитріемъ, это убѣдило. Сѣверные города стали одинъ за другимъ сдаваться ему.

Сбродное полчище Лжедимитрія, водворившееся въ Тушинѣ, представляло пеструю смѣсь: тутъ были нарядные польскіе гусары въ шишакахъ и кольчугахъ съ длинными копьями въ рукахъ; были и запорожцы, вооруженные самопалами и копьями, узнаваемые съ перваго взгляда по краснымъ шароварамъ да бараньимъ шапкамъ; донцы и московскіе люди были одѣты очень разнообразно, смотря по состоянію, — отличались они своими колпаками, высокими стоячими воротниками и длинными рукавами собранными въ складки; многіе изъ нихъ вооружены были луками и колчанами со стрѣлами. Изъ нѣсколькихъ нарѣчій, на которыхъ говорили въ Тушинскомъ станѣ, чаще всего слышалась южнорусская рѣчь: главныя силы самозванца состояли въ запорожскихъ казакахъ; ихъ было тысячъ двадцать и донскихъ казаковъ тысячъ пятнадцать. Затѣмъ было много московскихъ людей. Усчитать ихъ было трудно даже для вождей самозванца, такъ какъ безпрестанно то являлись новыя шайки въ Тушино, то уходили отсюда.

Наступила осень. Надо было подумать о зимовкѣ. Скоро Тушино стало обстраиваться: изъ хвороста дѣлали загоны для лошадей, рыли для простыхъ воиновъ землянки и устраивали въ нихъ печи. Люди познатнѣе и побогаче ставили себѣ избы. Для „царя“ и „царицы“ соорудили просторныя хоромы. Тушино стало походить на оживленный городъ. Торговцевъ сюда понаѣхало тысячъ до трехъ. Все, что требовалось для разгульной, веселой жизни, продавалось въ изобиліи; пива, меду и водки, было разливное море. Пьянство, дикій разгулъ, игра въ карты, ссоры, драки, даже убійства, — вотъ что наполняло жизнь тушинцевъ. Присутствіе „царя“ никого не стѣсняло. Польскіе вожди на него мало обращали вниманія, называли его „царикомъ“. Шайки поляковъ и казаковъ рыскали по окрестностямъ Тушина и Москвы, разбойничали по всѣмъ дорогамъ, грабили жителей, творили всякія безчинства и возвращались въ станъ обремененные добычей. Самозванецъ не сдерживалъ хищниковъ, да если бы и хотѣлъ, то былъ бы не въ силахъ обуздать ихъ своеволіе. Тушино окоро обратилось въ глазахъ народа въ гнѣздо разбойниковъ и самого Лжедимитрія прозвали „тушинскимъ воромъ“. Монастыри, гдѣ хищники чуяли богатую добычу, служили сильной приманкой для нихъ. Имъ не разъ уже удавалось грабить монастыри, а надъ несчастными иноками всячески издѣваться. Сапѣга съ Лисовскимъ задумали завладѣть Троице-Сергіевской лаврой, которая славилась своимъ богатствомъ. Василій Ивановичъ, провѣдавъ о томъ, что поляки идутъ къ Троицѣ, выслалъ войско, чтобы помѣшать имъ; но Лисовскій разбилъ эту рать

на голову и забралъ множество плѣнныхъ. Эта неудача сильно повредила злосчастному Шуйскому; бѣды да невзгоды одна за другой обрушивались на него. Служилые люди стали самовольно разъѣзжаться изъ царской рати по своимъ помѣстьямъ, боясь, что тушинцы выместятъ на женахъ и дѣтяхъ ихъ свою злобу за ихъ службу Шуйскому. Многіе задумывались, кому лучше служить: Тушинскому ли „царику“ или московскому „полуцарю“. Шуйскій, по словамъ лѣтописца, самъ видѣлъ, что надъ нимъ гнѣвъ Божій, и обращался то къ молитвѣ, то къ гадальщицамъ, то безпощадно казнилъ измѣнниковъ, то взывалъ къ москвичамъ:

— „Кто хочетъ мнѣ служить, пусть служитъ и сидитъ въ осадѣ, а кто не хочетъ,—пусть идетъ себѣ, я никого не неволю!“

Никто еще не посмѣлъ сказать Шуйскому, что не хочетъ служить ему; всѣ клялись ему въ вѣрности; но многіе на другой же день бѣжали въ Тушино. Побывши тамъ, послуживши Димитрію, измѣнники возвращались съ повинной головой къ Шуйскому, получали отъ него жалованье, а чрезъ нѣсколько времени снова ѣхали въ Тушино, чтобы получить награду отъ тушинскаго царя. Случалось, что нѣкоторые разъ пять или шесть перебѣгали туда и сюда, нарушая присягу. Такихъ называли „перелетами“. Бывали и такіе случаи, что иные, оставаясь въ Москвѣ на службѣ у Шуйскаго, отпускали своихъ сыновей или родичей на службу къ самозванцу и разсуждали при этомъ такъ:

— „Если возьмутъ Москву, намъ будетъ легче, когда родня наша служитъ въ Тушинѣ“.

Иногда родные и близкіе люди собирались вмѣстѣ въ одномъ домѣ, обѣдали вмѣстѣ, а послѣ обѣда одни отправлялись къ царю Василію во дворецъ, а другіе — въ Тушино. Торговцы московскіе, какъ ни въ чемъ не бывало, возили въ изобиліи изъ Москвы въ Тушино всякіе припасы и товары и потомъ возвращались въ столицу, гдѣ все день ото дня дорожало...

Осада Троицкой лавры.

Въ то время, какъ въ Москвѣ обнаруживалась такая „шатость“, иноки Троице-Сергіевской обители показали примѣръ высокой доблести и непоколебимаго мужества.

Троицкій монастырь сильно мѣшалъ тушинцамъ. Онъ стоялъ на пути изъ Москвы въ Заволжскій край. По этой дорогѣ провозились въ столицу припасы. Иноки вмѣстѣ съ воинами часто перехватывали разъѣзды тушинцевъ, а, главное, своею вѣрностью и преданностью царю Василію давали высокій нравственный примѣръ и удерживали многихъ отъ измѣны; стало быть, не одна корысть, но и военные разсчеты побуждали тушинцевъ овладѣть богатой лаврой.

— „Доколѣ будутъ,—говорили поляки самозванцу, мѣшать тебѣ вороны эти, возгнѣздившіе въ каменномъ гробѣ? Доколѣ старцы будутъ вредить намъ повсюду? Не только на путяхъ вѣстниковъ нашихъ хватаютъ, изъ лѣсовъ выходя, какъ звѣри; но и смертямъ лютымъ предаютъ безъ пощады; при томъ и всѣ грады возвращаютъ, учатъ служить царю Шуйскому“...

23-го сентября 1608 г. Сапѣга и Лисовскій стали подъ монастыремъ. У нихъ было тысячъ тридцать войска: тутъ были и польскіе отряды, и казаки, и русскіе измѣнники.

Лавра еще при Иванѣ IV была ограждена каменными стѣнами, вышиной въ четыре сажени, толщиной въ три, съ высокими башнями, и глубокимъ рвомъ. Предвидя опасность для монастыря, царь еще раньше послалъ туда небольшіе отряды служилыхъ людей и стрѣльцовъ. Всѣхъ способныхъ оборонять Троицкую крѣпость было около трехъ тысячъ, считая и монаховъ, изъ которыхъ нѣкоторые, конечно, знали военное дѣло, такъ какъ были изъ ратныхъ людей. Воеводами были князь Григорій Долгорукій-Роща и дворянинъ Алексѣй Голохвастовъ. Они сожгли монастырскія слободы, чтобы ими не воспользовался непріятель. Лавра наполнилась множествомъ народа, лишеннаго крова: больные, калѣки, старцы, женщины, дѣти, искали здѣсь убѣжища. Тѣснота и необходимость прокормить множество людей могли сильно мѣшать оборонѣ; но иноки всѣхъ принимали.

Троице-Сергіевская лавра.

„Святой Сергій,—говорили они,—не отвергаетъ несчастныхъ“?

Обитель поспѣшно готовилась къ защитѣ. Разставлялись пушки на стѣнѣ; указывались мѣста и обязанности защитникамъ. Архимандритъ Іоасафъ, человѣкъ кроткій, способный водворять миръ и согласіе между людомъ, наполнившимъ монастырь, привелъ воеводъ и всѣхъ защитниковъ къ присягѣ надъ гробомъ св. Сергія. Всѣ цѣловали крестъ на томъ, что будутъ „сидѣть въ осадѣ безъ измѣны!“. Другъ друга ободряли, клялись умирать, но не сдаваться; дѣло шло не только о томъ, чтобы постоять за отечество, но и о томъ, чтобы не дать святыню, гробъ св. Сергія, на поруганіе „поганымъ ляхамъ“, ненавистнымъ иновѣрцамъ, которые ругались уже не разъ надъ православной святыней.

Напрасно пытались враги склонить обитель къ добровольной сдачѣ, обѣ-

жали не только монахи, но и пожалованіе отъ царя Димитрія Іоанновича“, и въ случаѣ сопротивленія грозили истребленіемъ; они получили изъ Лавры отвѣтъ, который заканчивался такими словами:

— „Оставить повелѣваете христіанскаго царя и хотите насъ прельстить ложною ласкою, тщетною лестью и суетнымъ богатствомъ! Богатства всего міра не возьмемъ за свое крестное цѣлованіе“.

Непріятель расположился вокругъ монастыря, сталъ рыть окопы, разставилъ заставы, и открылъ огонь изъ многочисленныхъ орудій. Къ счастію для осажденныхъ, непріятельскія пушки были небольшія и значительнаго вреда не причиняли монастырскимъ стѣнамъ.

13-го октября непріятель попытался взять обитель приступомъ. Съ громкими криками враги бросились къ стѣнамъ. Подвинули передъ собой тарасы на колесахъ, чтобы защищаться отъ выстрѣловъ; несли лѣстницы для приступа. Дѣло было къ вечеру; но всѣ защитники монастыря были на своихъ мѣстахъ и открыли по непріятелю такой огонь изъ пушекъ и пищалей, что у него пропала всякая охота, и онъ поспѣшно отступилъ, побросавъ даже свои лѣстницы и тарасы. Убитыхъ и раненыхъ было много. Русскіе сдѣлали вылазку и захватили брошенныя лѣстницы и тарасы.— нѣсколько дней не надо было выходить имъ изъ ограды за дровами.

Эта удача придала русскимъ духу, а у врага поубавилось спѣси... Осажденные не только храбро отбивались, но сами дѣлали частыя вылазки, нерѣдко приводили плѣнныхъ и отъ нихъ добывали свѣдѣнія о силахъ и намѣреніяхъ враговъ. Разъ отъ одного плѣннаго провѣдали, что враги ведутъ подъ стѣну подкопы, хотятъ взорвать монастырь. Эта вѣсть поразила всѣхъ... Страшная мысль, что вотъ-вотъ грянетъ взрывъ, томила всѣхъ, даже и самыхъ безстрашныхъ. Долго, сколько ни бились, никакъ провѣдать не могли, съ какой стороны ведется подкопъ; рыли въ разныхъ мѣстахъ подъ башнями и стѣнами слуховые колодцы; но не дознались ничего. Страхъ и томительное ожиданіе неминучей гибели все сильнѣе и сильнѣе обуревали осажденныхъ. Нѣсколько разъ дѣлались вылазки, чтобы найти, откуда ведется подкопъ, или чтобы добыть „языка“, т. е. плѣннаго, который могъ бы сказать это. Наконецъ, удалось на одной изъ вылазокъ поймать раненаго казака, отъ котораго и допытались, что подкопъ ведется подъ Пятницкую башню. Тогда наскоро стали противъ этой башни строить новое укрѣпленіе, чтобы обороняться въ случаѣ, если бы врагамъ и удался взрывъ... Стали очищать и рыть потайные подземные ходы. Нѣсколько разъ дѣлали вылазки, чтобы найти и уничтожить подкопъ, но все напрасно. Наконецъ, двумъ крестьянамъ удалось добраться до устья подкопа, еще не доведеннаго до конца. Они, не долго думая, вскочили туда и зажгли порохъ; раздался взрывъ; погибли и русскіе удальцы; но работа враговъ была уничтожена и монастырь былъ спасенъ отъ этого подкопа.

Осажденные ободрились,—увидѣли въ этомъ Божіе милосердіе и заступничество св. Сергія. Церковная служба и пѣніе не умолкали въ монастырскихъ церквахъ.

Послѣ неудачнаго приступа и попытки взорвать монастырь Сапѣга и Лисовскій порѣшили взять обитель долгой осадой, „измором“, какъ выражались русскіе.

Наступила зима. Непріятель расположился по избамъ, наскоро построеннымъ, да по землянкамъ. Припасы и все нужное для себя поляки добывали грабежемъ по окрестностямъ. Изъ монастыря по прежнему дѣлались вылазки. Многіе изъ защитниковъ прославились и своей удалью, и силой.

Съ наступленіемъ зимы все тяжелѣе становилось „троицкимъ сидѣльцамъ“. Трудно было добывать дрова; приходилось ихъ брать съ бою; иногда шли за ними съ оружіемъ въ рукахъ и не возвращались... Наконецъ, отъ тѣсноты въ монастырѣ начались болѣзни. Пока было тепло, толпы народу помѣщались на открытомъ воздухѣ, на дворѣ, а теперь, какъ настали холода и морозы, всѣ сбились въ тѣсныхъ коморкахъ и кельяхъ. Тѣснота была ужасная. Въ хорошей пищѣ чувствовали уже недостатокъ. Воду пили испорченную. Открылась цынга: пухли десны, вываливались зубы... У другихъ на тѣлѣ появлялись раны. Отъ тѣсноты сильно распространилась зараза. Присмотру не было. Иные заживо гнили. Смертность день ото дня росла. Сначала ежедневно умирало до 20 человѣкъ, а потомъ стали хоронить по тридцати и болѣе въ сутки. Похоронное пѣніе и плачъ раздавались съ утра до вечера каждый день... Много троицкихъ „сидѣльцевъ“ было побито на вылазкахъ, еще больше погибло отъ болѣзней. Воины гибли болѣе, чѣмъ „ѣдоки“, т. е. немощные, старцы, женщины, которыхъ надо было кормить. Изъ монастыря удалось переслать въ Москву челобитную. Воеводы умоляли царя прислать имъ свѣжихъ ратныхъ силъ и пороху; Шуйскому трудно было исполнить эту просьбу: онъ самъ былъ въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ.

Въ Москвѣ въ это время жилъ келарь Троицкой лавры Авраамій Палицынъ (описавшій оборону ея со словъ защитниковъ). Это былъ человѣкъ очень дѣятельный и умный. Сильно хлопоталъ онъ, чтобы послана была помощь монастырю. Патріархъ Гермогенъ тоже настаивалъ на этомъ. Царь послалъ отрядъ, но незначительный, человѣкъ въ 60. Имъ удалось пробраться въ Лавру и пронести туда двадцать пудовъ пороху.

Горсть этихъ воиновъ не могла, конечно, восполнить убыли въ людяхъ. Болѣзнь по прежнему свирѣпствовала и смертность росла. На бѣду, начались несогласія и пререканія между монахами и ратными людьми. Стрѣльцы жаловались, что старцы плохо ихъ кормятъ... Но всевозможныя невзгоды и бѣдствія не сломили рѣшимости „троицкихъ сидѣльцовъ“ умереть, но не сдаться...

Прошла зима. Хотя болѣзни продолжались, но все-же стало легче, можно было здоровымъ больше быть на воздухѣ и не томиться въ тѣснотѣ и духотѣ... Враги упорно продолжали осаду; но и осажденные вовсе не помышляли о сдачѣ, дѣлали даже вылазки, хотя и рѣже, чѣмъ прежде. До обители дошли слухи, что скоро Скопинъ-Шуйскій приведетъ на выручку Москвы и Лавры большое войско и шведскую вспомогательную рать.

Долгая и безплодная осада, видимо, начинала уже томить и поляковъ. Сапѣга снова попытался взять монастырь приступомъ; онъ зналъ, что ужь немного оставалось защитниковъ. 27-го мая непріятельскій станъ пришелъ въ движеніе... Многіе всадники объѣзжали обитель, видимо, высматривая что-то; другіе гарцовали на своихъ коняхъ предъ монастыремъ и грозили своими саблями...

Осажденные поняли, что будетъ приступъ, и стали готовиться къ отпору. Монахи взяли оружіе въ руки; женщины стали на стѣнахъ съ камнями, огнемъ,

[illegible]

[illegible] жизни. Онъ съ нѣкоторыми [illegible] заперся въ соборной церкви. Все исповѣдывались и причащались, готовились къ смерти. Не ляхи, а измѣнники переяславцы стали ломиться въ церковь, стрѣляли въ нее и дикимъ крикомъ отвѣчали на увѣщанія митрополита опомниться и не быть извергами. Бывшие съ Филаретомъ люди бились въ храмѣ до изнеможенія, защищая своего пастыря. Церковь наполнилась убитыми. Злодѣи принялись грабить храмъ, схватили митрополита, сорвали съ него богатое облаченіе, одѣли въ рубище и отвезли въ Тушино, какъ плѣнника. Лжедимитрій встрѣтилъ его съ большимъ почетомъ, какъ племянника царицы Анастасіи, назвалъ его даже патріархомъ, но держалъ его подъ строгимъ надзоромъ какъ непреклоннаго сторонника царя Василія... Городъ за городомъ сдавались самозванцу: Угличъ, Кострома, Вологда и др. Нѣкоторые города были взяты силою: Тверь, Шуя (наслѣдственное владѣніе князей Шуйскихъ). Двадцать два города присягнули тушинскому царю. Во Псковѣ чернь волновалась въ пользу его. Самозванецъ всѣмъ добровольно пере-

ходящимъ къ нему жителямъ обѣщалъ „тарханныя“ грамоты, по которымъ они освобождались отъ всякихъ податей. Обѣщаніями этихъ льготъ тушинскій царь особенно сманивалъ на свою сторону городскую чернь и крестьянъ.

Но не долго продолжалось торжество самозванца на сѣверѣ. Скоро всѣ убѣдились, что обѣщаніямъ этимъ вѣрить нельзя. Тушинцы не только стали производить небывалые поборы съ жителей, но даже попросту грабили ихъ, творили всякія безчинства.

Осада Троицкой лавры надолго задержала тушинцевъ,—понадобились имъ денежныя средства и всякіе припасы. А гдѣ ихъ было взять? Приходилось все нужное брать у жителей подчиненныхъ городовъ. Нерѣдко случалось, что тушинскій царь посылалъ своихъ сборщиковъ, а Сапѣга своихъ; и тѣ, и другіе собирали съ жителей всякіе поборы вдвойнѣ. Эти сборщики часто обращались въ настоящихъ разбойниковъ, безпощадно грабившихъ ради своей личной выгоды. „Тушинскіе воры“, какъ сталъ звать народъ этихъ грабителей, не только грабили, но всячески мучили жителей, монаховъ, ругались надъ святынею. Хватали по монастырямъ старцевъ-монаховъ, заставляли ихъ плясать и пѣть непристойныя пѣсни, а тѣхъ, кто противился, предавали смерти.

Далеко вокругъ Тушина Русская земля запустѣла. Въ безлюдныхъ деревняхъ и селахъ, по словамъ современника (Авраамія Палицына), ютились дикіе звѣри: медвѣди, волки и лисицы, а люди скрывались въ лѣсахъ.. Хищные звѣри и птицы терзали трупы погибшихъ людей повсюду, гдѣ проходили тушинцы. Полевыя птицы свивали себѣ гнѣзда въ людскихъ черепахъ... Разграбивши православные церкви, „нечестивые ляхи“ ругались надъ священными вещами: кололи иконы на дрова, церковные сосуды употребляли на своихъ разгульныхъ попойкахъ, церковными пеленами покрывали лошадей, какъ попонами...

Молва объ этихъ звѣрствахъ и кощунствѣ быстро разносилась вдоль и поперекъ по Русской землѣ, заходила и туда, гдѣ еще не видали тушинцевъ... Злоба къ нимъ быстро росла повсюду. Жители далекихъ городовъ, еще не занятыхъ тушинцами, стали пересылаться между собою грамотами, убѣждая другъ друга повременить, пораздумать, кому служить: московскому ли царю, или тушинскому. Самозванецъ понималъ, что его дѣло губятъ злодѣи, которые, подъ видомъ сборщиковъ дани, грабятъ народъ, но подѣлать ничего не могъ. Полчище его болѣе всего и состояло изъ воровскихъ казаковъ да ляховъ, приставшихъ къ нему ради наживы.

Грабежи и насилія тушинцевъ вывели, наконецъ, изъ терпѣнія народъ. Въ разныхъ мѣстахъ вспыхнули крестьянскія возстанія противъ грабителей. Начинаютъ и города одинъ за другимъ подниматься противъ нихъ. Галичъ, Кострома, Вологда, Городецъ, Кашинъ и друг. почти въ одно время отложились отъ тушинскаго царя.

Тяжело было положеніе Василія Ивановича въ Москвѣ. Большинство его не любило. Вражда къ нему уже не разъ явно сказывалась въ столицѣ. Но все-же лучшіе русскіе люди, которымъ дорого было отечество и православіе, стояли за Василія Ивановича, понимали, что предаться тушинскому царю значитъ погубить родную землю. Вотъ почему попытки свергнуть Шуйскаго не

удавалось, но местами трудно было держаться на третій [illegible]. [illegible] неудачному народу, [illegible] и [illegible]. И [illegible] изъ [illegible] время, когда [illegible] былъ [illegible] и [illegible]. Хотя изъ Тушинскаго стана и происходили [illegible], [illegible]. Но Василій Ивановичъ не въ силахъ былъ воспользоваться ими. Царь Москвою [illegible] битвы, но [illegible]. Лѣтомъ 1609 года произошла здѣсь [illegible] значительная битва, которая кончилась тѣмъ, что русскіе одержали верхъ и оттѣснили враговъ. Скоро послѣ этого тушинскому [illegible] были нанесены болѣе сильные удары.

Скопинъ-Шуйскій

Василій Ивановичъ убѣдился, что ему не совладать собственными силами съ Тушинскимъ воромъ. Король шведскій, врагъ Сигизмунда, польскаго короля, опасался, чтобы онъ не воспользовался смутами въ Московской землѣ, не усилился бы на ея счетъ. Швеція и раньше уже предлагала свою помощь царю, но тотъ горд[illegible] отказался отъ нея,—надѣялся, видно, самъ справиться съ врагами, и боялся унизить достоинство русскаго государства чужою помощью. Теперь онъ самъ искалъ ея. Скопинъ-Шуйскій, царскій племянникъ, былъ посланъ для заключенія условій со шведами въ Новгородъ. Скопинъ, не смотря на свою юность, уже доказавшій свои военныя способности, долженъ былъ собрать новое войско и со шведами идти на выручку Москвы.

Со шведами былъ заключенъ договоръ: они выставляли вспомогательное войско въ пять тысячъ; царь обязывался за это выплатить имъ около сорока тысячъ рублей, затѣмъ, уступить Корелу и помогать Швеціи въ случаѣ надобности войскомъ.

30-го марта вступала шведская рать въ Новгородъ. Торжественно, пушечной и ружейной пальбой встрѣчали русскіе своихъ союзниковъ. Когда шведскій вождь Яковъ Делагарди ѣхалъ рука объ руку съ русскимъ юнымъ полководцемъ, народъ любовался ими. Оба были еще юноши, полные жизни и силы: Делагарди было 27 лѣтъ, а Скопину всего 23 года. Онъ былъ, по свидѣтельству очевидцевъ, красивъ, статенъ, ласковъ и своей свѣтлой душой привлекалъ къ себѣ всѣхъ, съ кѣмъ ему случалось сходиться. Делагарди скоро къ нему привязался всѣмъ сердцемъ, и они стали друзьями.

Скопинъ думалъ немедленно идти прямо на Москву; онъ разсчитывалъ, что всѣ города покорятся ей, если она освободится отъ тушинскаго вора.

Первая же побѣда Скопина надъ польскимъ отрядомъ повела къ тому, что городъ за городомъ стали снова переходить въ подданство царю Василію (Торопецъ, Холмъ, Великія Луки и др.), Торжокъ, а вслѣдъ за нимъ и другіе сосѣдніе города, прислали къ Скопину повинную и выражали покорность Василію.

Самозванецъ послалъ противъ Скопина часть своего войска. Оно попыталось взять Торжокъ, но не могло, отступило въ Тверь и здѣсь заперлось. Скопинъ и Делегарди напали на Тверь, но были сначала отбиты; наконецъ, осилили (1[illegible]09 г.) и прогнали тушинцевъ изъ города.

Тяжелое дѣло выпало на долю юнаго Скопина: приходилось ему шагъ за шагомъ отнимать у тушинцевъ раззоренную и опустѣлую землю, оберегать уцѣлѣвшихъ жителей отъ насилій и поборовъ, а войску его нужны были припасы; шведы волновались, настоятельно требовали уплаты жалованья, отказывались идти дальше, пока не будутъ вознаграждены, а платить было рѣшительно нечѣмъ... Много нужно было ума, чтобы уладить всѣ дѣла, извернуться изъ бѣды, ублажить всѣхъ; много надо было твердости и терпѣнія, чтобы вынести всѣ невзгоды и непріятности, и не упасть духомъ. Юный вождь оказался достойнымъ того важнаго дѣла, какое было ему поручено: ума и твердости ему было не занимать-стать, а страстное желаніе послужить несчастному отечеству,—послужить всѣми силами, утроивало ихъ. Дѣятельность онъ выказалъ необычайную... Гонцы его безпрестанно скакали въ разныя стороны по городамъ и монастырямъ, умоляя присылать его скорѣе деньги и ратныхъ людей. Въ Скопина начинали вѣрить, и въ его рукахъ являлись средства: нѣкоторые монастыри присылали ему свою казну; шли пожертвованія изъ городовъ; жертвовали купцы; Строгановы, кромѣ денегъ, снаряжали и отправляли Скопину ратныхъ людей. Но новобранцы были непривычны къ военному дѣлу, — ихъ надо было учить... Скопинъ стоялъ подъ Колязинымъ, когда тушинцы двинулись большими силами на него, но онъ предупредилъ ихъ, встрѣтилъ ихъ на рѣкѣ Жабнѣ, впадающей въ Волгу, разбилъ и обратилъ въ бѣгство. Уплативши шведамъ часть жалованья, Скопинъ съ ихъ помощью занялъ Переяславль, а въ октябрѣ взялъ Александровскую слободу. Положеніе „тушинскаго вора“ становилось опаснымъ: онъ могъ попасть между двухъ огней. Главный военачальникъ тушинскаго войска Рожинскій почти со всѣми силами двинулся на Скопина. Произошла кровопролитная битва. Верхъ одержалъ опять Скопинъ;— тушинцы съ большимъ урономъ воротились въ свой станъ. Дѣла Самозванца были совсѣмъ плохи... Скопинъ рвался въ Москву; но Делагарди сдерживалъ его порывы, указывалъ на опасность оставлять врага въ тылу. Оба вождя порѣшили медленно и твердо подвигаться къ столицѣ, устраивая на пути засѣки и переходя изъ одной въ другую. Но прежде всего надо было очистить отъ тушинцевъ сосѣднія мѣста. Зимовать пришлось въ Александровской слободѣ.

Слава о побѣдахъ Скопина разносилась повсюду. На него начиналъ уже смотрѣть русскій народъ, какъ на Божьяго избранника для спасенія отечества отъ вражьей силы, порабощенія и униженія... Великія дѣла можетъ совершить тотъ счастливый вождь, въ силы котораго увѣруетъ народъ, на которомъ сосредоточитъ всѣ свои упованія; на великую высоту можетъ вознести его народная любовь! Такимъ излюбленнымъ народнымъ вождемъ становится теперь Скопинъ. Съ каждымъ шагомъ росло довѣріе народа къ нему, росли и его силы. На русскомъ сѣверѣ уже начиналось народное движеніе противъ „ляховъ“, грозившихъ гибелью и русскому государству, и православной церкви. Уже на пути изъ Новгорода къ войску Скопина присоединялись отдѣльные сѣверозападные отряды; у Торжка соединились съ нимъ смольняне; у Колязина— главныя силы ополченія; съ востока къ Александровской слободѣ Шереметьевъ велъ отряды, собранные по Волгѣ...

Все, что было лучшаго въ русскомъ народѣ, сосредоточивалось мало по

Когда въ Тушинѣ узнали о походѣ Сигизмунда, то началось сильное волненіе. Поляки кричали, что король хочетъ отнять у нихъ добычу, воспользоваться тѣмъ, что добыли они своимъ потомъ и кровью. Наконецъ, явились въ Тушино посли Сигизмунда звать поляковъ опять на службу королю. Снова начались сильныя волненія, пререканія и сѣтованія... Положеніе самозванца становилось крайне опаснымъ. И раньше уже Рожинскій и другіе польскіе паны обращались съ нимъ грубо, съ пренебреженіемъ; теперь же онъ могъ опасаться, что его выдадутъ врагамъ. Онъ и раньше пытался уѣхать изъ Тушина, но его не пустили поляки... Теперь онъ, переодѣвшись въ крестьянскую одежду тайкомъ, когда стемнѣло, выбрался изъ Тушина и бѣжалъ въ Калугу.

Страшный переполохъ поднялся въ станѣ тушинцевъ, лишь только разнеслась вѣсть о побѣгѣ „царя". Его присутствіе нужно было: безъ него все дѣло ихъ лишалось всякаго смысла. Послѣ побѣга „царика", какъ звали въ насмѣшку Самозванца, тушинское гнѣздо разсѣялось. Рожинскому и другимъ панамъ не оставалось тоже ничего больше, какъ отправиться на службу къ королю. Марина въ мужскомъ платьѣ бѣжала къ мужу въ Калугу.

Теперь Москва освободилась отъ „Тушинскаго вора“. Отовсюду везли припасы въ столицу, гдѣ хлѣбъ поднялся уже до очень высокой цѣны.

12-го марта 1610 года Москва съ небывалой радостью и торжествомъ встрѣчала своего любимца, Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго. Онъ вступалъ въ столицу. Рядомъ съ нимъ ѣхалъ Делагарди. Толпы народа встрѣчали молодого вождя еще за городомъ. Бояре поднесли ему хлѣбъ-соль. Народъ величалъ Скопина вслухъ „освободителемъ земли“ и „своимъ избавителемъ“, кланялся ему въ землю. Самъ царь Василій со слезами на глазахъ обнималъ и цѣловалъ его предъ всѣмъ народомъ. Начались пиры. Царь угощалъ шведовъ, одѣлялъ ихъ подарками. Хлѣбосольные москвичи наперехватъ зазывали къ себѣ въ домы иноземныхъ гостей и чествовали ихъ пирами, стараясь всячески выразить имъ свою признательность.

Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій.

Но недолго продолжалось веселое и праздничное настроеніе Москвы. Скопинъ намѣревался переждать къ Москвѣ весеннюю распутицу, отдохнуть до „просухи“, а затѣмъ идти на выручку Смоленска. Но царь Василій втайнѣ уже опасался Скопина. Знаки народной любви, радостные крики при встрѣчахъ народа съ нимъ пугали подозрительнаго царя. Многіе въ Москвѣ даже громко говорили, что надо низложить Василія, а царемъ избрать князя Скопина. Царь даже объяснялся съ нимъ по этому поводу. Князь увѣрялъ Василія, что вовсе не думаетъ о коронѣ; но увѣрить подозрительнаго старика было, конечно, трудно. На бѣду, какіе-то гадатели, говорятъ, напророчили суевѣрному Василію, что престолъ послѣ него достанется царю Михаилу, какъ разъ—

Михаилу Скопину, думалось Василію. Но хуже всѣхъ ненавидѣлъ Скопина Димитрій Ивановичъ Шуйскій, братъ царя. Это былъ человѣкъ бездарный, но очень честолюбивый, мечтавшій занять престолъ по смерти бездѣтнаго Василія Ивановича.

23-го апрѣля князь Воротынскій пригласилъ къ себѣ Скопина крестить ребенка. Во время крестильнаго пира Скопину вдругъ сдѣлалось дурно. Его отвезли домой. Кровь хлынула у него изъ носу. Врачъ ничего сдѣлать не могъ. Черезъ нѣсколько дней князь скончался на 24-мъ году отъ роду.

Вѣсть объ этомъ поразила народъ какъ громомъ. Пошли ходить слухи, будто бы Скопину на пиру у Воротынскаго поднесла чашу съ отравой его кума, жена Димитрія Ивановича. Негодованіе и волненіе народа дошли до того, что пришлось домъ Димитрія Ивановича охранять военной силой отъ ярости толпы...

Горько оплакивалъ раннюю кончину своего друга Делагарди.

— „Московскіе люди, говорилъ онъ со слезами на глазахъ, глядя на тѣло Скопина, не только на Руси вашей, но и въ земляхъ моего государя не видать мнѣ такого человѣка!“

Безчисленная толпа народа тѣснилась около гроба князя Скопина, когда его погребали. Мать и жена покойнаго обезпамятѣли отъ горя и отчаянія. Громко рыдалъ и царь Василій Ивановичъ,—хоронилъ онъ своего знаменитаго воеводу, надежду Русской земли, хоронилъ вмѣстѣ съ нимъ и свою послѣднюю опору...

Князя Скопина похоронили въ Архангельскомъ соборѣ между гробницами русскихъ царей.

Сведеніе съ престола Василія Ивановича.

Не стало Скопина какъ разъ въ ту пору, когда особенно нуженъ былъ высокодаровитый вождь и при томъ любимый войскомъ. Тушинскій воръ уже былъ не опасенъ Москвч; но за то съ запада надвигалась на нее болѣе страшная гроза. Когда побѣды Скопина и его движеніе къ Москвѣ съ одной стороны, а съ другой—вторженіе Сигизмунда въ русскіе предѣлы разсѣяло Тушинское скопище, положеніе русскихъ бояръ и служилыхъ людей, перешедшихъ на сторону самозванца, стало очень затруднительнымъ. Что имъ оставалось дѣлать? Бѣжать за самозванцемъ, потерявшимъ всякую надежду на успѣхъ, было бы совсѣмъ неразумно. Идти съ повинной головой къ Шуйскому было уже поздно. Онъ щадилъ и даже жаловалъ своихъ каявшихся измѣнниковъ тогда, когда уходили они отъ сильнаго его врага, а теперь могъ посмотрѣть на нихъ совсѣмъ иначе. Русскіе тушинцы рѣшились искать милости у польскаго короля.

31-го января 1610 г. къ Сигизмунду явилось ихъ посольство. Тутъ были люди разныхъ чиновъ: знатные бояре, дьяки, дворяне... Главными представителями были бояринъ Михаилъ Салтыковъ съ сыномъ Иваномъ и дьякъ Грамотинъ, ловкій, смышленный, но безнравственный дѣлецъ.

Большимъ праздникомъ для тщеславнаго Сигизмунда было прибытіе русскаго посольства къ нему въ станъ. Торжественно принималъ онъ пословъ въ своемъ шатрѣ, окруженный сенаторами. Униженно привѣтствовали короля рус-

скіе послы: Михаилъ Салтыковъ поцѣловалъ руку ему и сказалъ привѣтствіе,— поздравилъ короля съ прибытіемъ въ Русскую землю, заявилъ, что московскій народъ расположенъ къ нему и желаетъ отдаться подъ его покровительство и ввѣрить ему свою участь. А Иванъ Салтыковъ выразилъ отъ всего русскаго духовенства благодарность королю за то, что онъ пожаловалъ въ Московскую землю, соболѣзнуя о всеобщей смутѣ и раззореніи ея областей, чтобы при Божіей помощи водворить въ опустошенной странѣ миръ и спокойствіе. Затѣмъ дьякъ Иванъ Грамотинъ сказалъ самое главное, что всякаго званія московскіе люди бьютъ челомъ королю и выражаютъ желаніе возвести на московскій престолъ королевича Владислава съ тѣмъ только, чтобы король не нарушалъ святой вѣры греческаго закона, которую столько вѣковъ блюли московскіе люди.

Такимъ образомъ, эти послы, выражавшіе на самомъ дѣлѣ волю только русскихъ измѣнниковъ, говорили съ королемъ отъ имени всей Русской земли,— являлись самозванными представителями ея и предавали ее Сигизмунду, злѣйшему врагу русской народности и православія.

Всѣмъ лживымъ увѣреніямъ этихъ пословъ король вѣрилъ или притворялся, что вѣритъ: это ему было очень выгодно,—являлся удобный поводъ водворить свою власть въ Москвѣ.

4 февраля заключенъ былъ между королемъ и посольствомъ договоръ. Главныя условія его заключались въ томъ, чтобы Владиславъ вѣнчался на царство въ Москвѣ по старому обычаю; чтобы святая вѣра греческаго закона осталась неприкосновенною и „учители римскіе, лютерскіе и другихъ вѣръ— раскола церковнаго не чинили; чтобы перемѣна законовъ зависѣла отъ бояръ и всей земли, и царь не казнилъ никого, „не осудя прежде съ боярами и думными людьми". Стало быть, Владиславу предлагалось не самодержавіе, а ограниченная царская власть, какая была у Василія Ивановича Шуйскаго. Любопытно слѣдующее условіе: „Для науки вольно каждому изъ народа московскаго ѣздить въ другія государства христіанскія, кромѣ бусурманскихъ, поганскихъ, и государь отчинъ, имѣній и дворовъ ни у кого за то отнимать не будетъ". Видно, что со временъ Бориса и Лжедимитрія I мысль о необходимости сближенія съ западомъ и просвѣщенія уже укоренилась и окрѣпла. Но въ тоже время тушинскіе послы требовали, чтобы крестьяне оставались прикрѣпленными къ землѣ, и чтобы холопамъ вольности не было дано.

И вотъ какъ разъ въ то время, когда русскіе измѣнники готовились предать Москву и русскій престолъ въ руки полякамъ, не стало того вождя, въ которомъ лучшіе русскіе люди видѣли надежду на спасеніе отъ внутреннихъ и внѣшнихъ губителей Русской земли.

Василія Ивановича не любили и не уважали...

Нелюбовь къ нему сказывалась уже и раньше, и притомъ очень сильно. Такъ 17-го февраля 1609 г., когда тушинцы заградили пути въ Москву, и тамъ настала сильная нужда и дороговизна, то поднялся мятежъ, и шумная толпа служилаго и чернаго люда стала дерзко кричать: „Надо перемѣнить царя! Василій сѣлъ самовольствомъ, не всею землею выбранъ?"

Толпа мятежниковъ, по звону набатнаго колокола, наполнила Красную площадь. Изъ толпы раздались крики:

— „Князь Василій Шуйскій не любъ намъ на царствѣ! Его одна Москва выбрала!..

Не сдобровать бы тогда Василію Ивановичу: у него было много и явныхъ враговъ, и тайныхъ недоброхотовъ межъ боярами; но на этотъ разъ его выручилъ патріархъ Гермогенъ.

— „До сихъ поръ Москва, сказалъ онъ народу, всѣмъ городамъ указывала, а не другіе города указывали ей... А что кровь льется, то это творится по волѣ Божіей, а не по хотѣнію царя!“

Своими увѣщаніями патріархъ на время образумилъ мятежниковъ. Но скоро открытъ былъ тайный заговоръ погубить Василія. Главнаго виновника казнили. Положеніе Василія Ивановича становилось все хуже и хуже. Общее недовольство, крамолы и неудача за неудачей преслѣдовали его.

Блестящіе успѣхи Скопина, царскаго родича, на время примирили было народъ съ несчастнымъ царствованіемъ Василія. Но когда неожиданно скончался Скопинъ, и народная молва, хотя и ложная, обвинила въ его смерти царскаго брата и самого царя, то положеніе его сдѣлалось крайне шаткимъ. Въ Рязанской землѣ Прокопій Ляпуновъ начинаетъ волновать народъ, требуетъ сверженія Василія Ивановича, заводитъ даже сношенія съ Самозванцемъ, засѣвшимъ въ Калугѣ. Заговорили громче прежняго недоброхоты Василія и въ Москвѣ... На свою бѣду царь назначилъ главнымъ предводителемъ войска, которое готовился вести на Сигизмунда покойный Скопинъ, своего бездарнаго брата Димитрія, нелюбимаго ни войскомъ, ни народомъ.

Ополченіе это, состоявшее по большей части изъ новобранцевъ, предводимое неискуснымъ и нелюбимымъ вождемъ, двинулось къ Можайску. Сигизмундъ отправилъ на встрѣчу русскимъ отрядъ своего войска подъ начальствомъ гетмана Жолкѣвскаго. Встрѣча произошла 24 іюня 1610 г. между Москвой и Можайскомъ, у деревни Клушино. Первымъ же напоромъ поляки обратили въ бѣгство русскую конницу, смяли пѣхоту; наемные иноземцы изъ русскаго войска стали передаваться на сторону поляковъ. Московская рать была разбита наголову. Димитрій Шуйскій и другіе воеводы позорно бѣжали.

Послѣ этой побѣды Жолкѣвскій двинулся къ Москвѣ, провозглашая повсюду царемъ королевича Владислава. Городъ за городомъ сдавались ему, и онъ уже приближался къ столицѣ. Съ другой стороны, спѣшилъ къ ней самозванецъ изъ Калуги и 1-го іюля сталъ въ Коломенскомъ селѣ; онъ разсчитывалъ, что Москва въ крайности скорѣе признаетъ его власть, чѣмъ Владислава. Москва волновалась. Грамоты Жолкѣвскаго, въ которыхъ онъ сулилъ Русской землѣ миръ, спокойствіе и всякія благодати, если она признаетъ своимъ царемъ Владислава, раскидывались по улицамъ, ходили по рукамъ, читались громогласно на сходкахъ. Люди, преданные самозванцу, со своей стороны, мутили народъ... Многіе, не желая повиноваться Шуйскому, вовсе не хотѣли попасть и въ руки къ самозванцу, и тайно согласились съ тушинцами, что тѣ покинутъ его, а москвичи сведутъ Василія съ престола, и выберутъ всей землей новаго царя.

Положеніе Шуйскаго въ Москвѣ становилось со дня на день труднѣе.

17-го іюля Захаръ Ляпуновъ съ толпой соумышленниковъ явился во дворецъ и сталъ дерзко говорить царю:

— „Долго-ли за тебя будетъ литься кровь христіанская? Земля запустѣла; ничего добраго въ твое правленіе не дѣлается! Сжалься надъ нашей гибелью, положи царскій посохъ, а мы уже сами о себѣ подумаемъ“!..

Дерзость Ляпунова возмутила Шуйскаго; онъ сталъ бранить мятежника, даже схватился за ножъ... Но на эту угрозу дюжій Ляпуновъ отвѣтилъ:

— „Не тронь меня; а не то сомну тебя всего!“

Въ тотъ же день за Москвой рѣкой, у Серпуховскихъ воротъ, собралась большая сходка. Тутъ были бояре, дворяне, торговые люди и проч. Бояре и всякіе люди приговорили: бить челомъ Василію Ивановичу, чтобы онъ царство оставилъ для того, что кровь многая льется, а въ народѣ говорятъ, что онъ государь несчастливый, и многіе города украинскіе его не хотятъ. Противъ этого приговора говорили только нѣкоторые бояре да патріархъ, но ихъ не послушали.

Съ тяжелымъ порученіемъ сообщить этотъ приговоръ Василію Ивановичу и предложить ему въ удѣлъ Нижній Новгородъ отправился во дворецъ царскій своякъ, князь Воротынскій. Шуйскому ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ отказаться отъ власти; онъ изъ дворца переѣхалъ въ свой боярскій домъ.

Послѣ этого главные виновники совершившагося переворота послали сказать тушинцамъ, что Василій сведенъ съ престола и теперь очередь за ними — исполнить свое обѣщаніе отстать отъ Самозванца. На это тушинцы насмѣшливо отвѣтили:

— „Вы не помните своего крестнаго цѣлованія, и потому своего царя съ царства свели, а мы за своего помереть рады“!

Нѣкоторые уже стали жалѣть, что поступили такъ сурово съ злосчастнымъ Василіемъ Ивановичемъ; а патріархъ сталъ требовать, чтобы снова признали Шуйскаго царемъ. Многіе соглашались съ нимъ. Тогда Захаръ Ляпуновъ и его сообщники, опасаясь, чтобы этого не случилось, поспѣшили въ домъ къ Шуйскому, взявши съ собою монаховъ изъ Чудова монастыря, и заявили Василію Ивановичу, что для успокоенія народа онъ долженъ постричься въ монахи. Тотъ вовсе этого не желалъ, всячески противился, кричалъ, что онъ рѣшительно не хочетъ постригаться. Все было напрасно! Обрядъ постриженія надъ нимъ совершенъ насильно. Ляпуновъ держалъ его за руки, а князь Тюфякинъ произносилъ за него монашескіе обѣты.

Патріархъ негодовалъ. Онъ заявилъ, что это постриженіе не имѣетъ никакой силы; что монахомъ сталъ не Шуйскій, а тотъ, кто произносилъ обѣты. Но Шуйскаго свезли въ Чудовъ монастырь. Жена его тоже была пострижена, а братья заключены.

Междуцарствіе (1610—1613).

Поляки въ Москвѣ.

Наступило безгосударное время. Во главѣ правленія стала боярская дума. Ей должны были всѣ присягать. Состояла она изъ семи знатнѣйшихъ бояръ; главнымъ изъ нихъ былъ князь Мстиславскій. По всѣмъ городамъ и была разослана грамота, что Василій Ивановичъ Шуйскій, „внявъ челобитью земли Русской, оставилъ государство и міръ для спасенія отечества“. Въ гра-

мотѣ было прибавлено, что Москва цѣловала крестъ не [illegible] ни Сигизмунду, ни Тушинскому вору, что всѣ русскіе [illegible] вмѣстѣ [illegible] враговъ и [illegible] избрать себѣ властителя.

[illegible] Москвѣ. [illegible] много [illegible] между тѣмъ [illegible] и [illegible] противъ нихъ [illegible] Владислава [illegible] тѣ. [illegible] царя. [illegible] избрать или [illegible] Михаила Ѳе[illegible]

[illegible]

[illegible] боярь [illegible]

[illegible]

[illegible] встрѣтимъ тебя.

[illegible]

[illegible] врагами [illegible] избранія новаго [illegible] бояре [illegible] пре[illegible] Владислава. [illegible] что доброхоты [illegible] его войска [illegible] Москву, старшій изъ бояръ, князь М[illegible] совѣщанія съ другими [illegible] рѣшился [illegible] Жолкѣвскимъ. Послано было спросить его, [illegible] Москвѣ: какъ другъ или какъ недругъ.

— [illegible] Русской землѣ, отвѣчалъ Жолкѣвскій, предлагаю вамъ Владислава [illegible] противъ самозванца.

Назначенъ былъ день для переговоровъ. Противъ Дѣвичьяго монастыря былъ устроенъ шатеръ. Сюда съѣхались въ равномъ числѣ русскіе съ княземъ Мстиславскимъ и поляки съ гетманомъ, помѣнявшись предварительно заложниками. Жолкѣвскій заявилъ, что онъ согласенъ только на тѣ условія, которыя были приняты русскими послами подъ Смоленскомъ; но бояре настоятельно требовали, чтобы королевичъ принялъ православіе еще до пріѣзда своего въ Москву. Рѣшено было это условіе предоставить на усмотрѣніе короля. Самозванецъ въ это время сильно озабочивалъ бояръ, и они спѣшили скрѣпить договоръ съ гетманомъ присягой. 27 августа съѣхался гетманъ въ полѣ съ тѣми же боярами, съ которыми сносился раньше: на этотъ разъ съ ними было до 10-ти тысячъ служилыхъ людей, и всѣ присягали на подданство королевичу Владиславу. Чрезъ два дня послѣ этого гетманъ получилъ письмо отъ короля, который требовалъ, чтобы въ Московскомъ государствѣ утверждена была власть его самого, а не сына. Гетманъ понималъ, что это—дѣло невозможное и, опасаясь, чтобы москвитяне, которымъ самое имя короля было ненавистно, не возстали и не склонились въ пользу самозванца или кого другого, благоразумно скрылъ отъ московскихъ бояръ [illegible]ское требованіе.

Жолкѣвскій хотѣлъ было напасть врасплохъ на самозванца и захватить его, но это не удалось; самозванецъ, когда русскіе соединились съ гетманомъ, поспѣшно отступилъ изъ-подъ Москвы и засѣлъ въ Калугѣ.

Жолкѣвскій хлопоталъ, чтобы снаряжено было посольство къ королю для окончательнаго рѣшенія вопроса о Владиславѣ. На самомъ дѣлѣ у хитраго гетмана былъ другой умыселъ: онъ хотѣлъ удалить изъ Москвы лицъ, особенно опасныхъ для короля. Князя Василія Васильевича Голицына онъ убѣдилъ стать во главѣ посольства, выставляя на видъ, что „великія дѣла должны совершаться великими мужами“. Михаила Ѳедоровича, слишкомъ еще юнаго, никакъ нельзя было включить въ посольство, но Жолкѣвскій постарался удалить изъ Москвы отца его, митрополита Филарета, который долженъ былъ ѣхать съ Голицынымъ, какъ представитель духовенства.

Посольство отправилось къ Сигизмунду. Жолкѣвскій съ небольшимъ своимъ войскомъ остался подъ Москвой. Чернь въ Москвѣ все еще думала о самозванцѣ, и бояре опасались мятежа. Ловкій гетманъ еще болѣе убѣдилъ ихъ въ этой опасности, и они сами предложили ему занять своимъ войскомъ столицу. Сначала патріархъ сильно этому противился. Наконецъ, польское войско вошло. Предусмотрительный гетманъ размѣстилъ поляковъ отрядами по близости одинъ отъ другого, такъ что въ случаѣ неожиданной опасности они могли оказывать взаимную помощь. Жолкѣвскій хорошо понималъ, что легко можетъ вспыхнуть народный мятежъ въ Москвѣ, и потому принималъ всевозможныя мѣры, чтобы предупредить бѣду: приказалъ строго наблюдать за тѣмъ, чтобы его воины не заводили никакихъ ссоръ съ жителями, не творили никакихъ насилій; назначилъ судей изъ русскихъ и поляковъ, по равному числу, для рѣшеній всякихъ споровъ и пререканій между москвичами и поляками. И надо отдать справедливость гетману: онъ добился того, что воины его жили въ Москвѣ такъ смирно и благочинно, что москвичи, у которыхъ еще свѣжа была память о насиліяхъ и своевольствѣ поляковъ при Лжедимитріи I, просто диву дались!.. Даже патріархъ, суровый старецъ, нетерпѣвшій иновѣрцевъ, и тотъ сталъ дружелюбнѣе и довѣрчивѣе относиться къ Жолкѣвскому, который выказывалъ уваженіе къ православной вѣрѣ и ни въ чемъ не оскорблялъ русскаго чувства. Стрѣльцовъ московскихъ гетманъ привлекъ къ себѣ щедрыми подарками и угощеніемъ. Часть стрѣлецкаго войска была отослана въ Новоородъ, а начальство надъ оставшимися стрѣльцами было дано поляку Гонсѣвскому.

Ловко обдѣлалъ Жолкѣвскій польскія дѣла въ Москвѣ. Казалось, лучшаго полякамъ и желать было трудно; русская столица была въ ихъ власти; князь Голицынъ, котораго нѣкоторые прочили въ цари и митрополитъ Филаретъ, на юнаго сына котораго начинали смотрѣть съ надеждой лучшіе русскіе люди, были въ королевскомъ станѣ, т. е. въ рукахъ короля. Въ церквахъ уже молились за Владислава, какъ за русскаго законнаго царя. Всѣ указы писались, всѣ суды производились его именемъ. Ему былъ уже готовъ тронъ,—оставалось только сѣсть на него. Но для этого надо было королевичу принять православіе и немедленно ѣхать въ Москву.

Къ счастію для Россіи, Сигизмундъ не былъ способенъ воспользоваться дѣломъ своего ловкаго гетмана.

Сдѣлалъ Жолкѣвскій все, что только могъ, въ пользу своего королевича, но ясно понималъ, что упорное желаніе короля самому властвовать въ Москвѣ погубитъ все дѣло. Отъ русскихъ пословъ, поѣхавшихъ въ королевскій станъ подъ Смоленскъ, утѣшительныхъ извѣстій не было. Неизвѣстность стала уже томить даже и ревностныхъ сторонниковъ Владислава. Наконецъ, Жолкѣвскій, считая свое дѣло покончennымъ, сдалъ начальство надъ поляками Гонсѣвскому, а самъ отправился въ королевскій станъ. Бояре старались удержать гетмана въ Москвѣ, опасаясь, что безъ него начнутся смуты; но онъ увѣрилъ бояръ, что онъ самъ лично хочетъ просить короля ускорить пріѣздъ Владислава въ Москву.

Московскіе послы подъ Смоленскомъ.

Московское посольство прибыло подъ Смоленскъ 27 сентября. Послы были приняты королемъ и предъ нимъ изложили причину своего прибытія. Рѣчь канцлера Льва Сапѣги, который восхвалялъ короля за то, что онъ хочетъ прекратить кровопролитіе въ Московскомъ государствѣ и успокоить его, не понравилась посламъ,—тѣмъ болѣе, что канцлеръ ни слова не сказалъ о королевичѣ и его избраніи, какъ будто не въ этомъ было главное дѣло.

Затѣмъ начались настоящіе переговоры съ королевскими сановниками. Паны уклончиво отвѣчали на требованія русскихъ пословъ, чтобы Владиславъ скорѣе ѣхалъ въ Москву, и въ свою очередь настаивали, чтобы московскіе послы приказали прежде всего защитникамъ Смоленска сдаться королю.

Русскіе послы основательно замѣчали, что лишь только Владиславъ сядетъ на русскій престолъ, то и Смоленскъ его будетъ. Польскіе сановники настаивали, чтобы городъ былъ сданъ немедленно, что это нужно для чести короля, и что онъ отдастъ потомъ Смоленскую область своему сыну. Русскіе послы сослались тогда на то, что имъ не наказано говорить о Смоленскѣ. Три раза уже съѣзжались для переговоровъ московскіе послы съ польскими панами, и убѣдились, что тѣ только время тянутъ, и отъ рѣшенія главныхъ вопросовъ насчетъ Владислава всячески уклоняются; особенно тревожилъ русскихъ пословъ вопросъ о крещеніи Владислава въ православную вѣру. Сильно добивался митрополитъ Филаретъ отвѣта по этому вопросу; но на его требованія отвѣчали уклончиво:

— „Въ этомъ дѣлѣ воленъ Богъ да самъ королевичъ!“

А затѣмъ, когда Филаретъ очень ужъ настойчиво сталъ требовать отвѣта, то Сапѣга въ сердцахъ сказалъ, что королевичъ и такъ уже крещенъ, и другого крещенія нигдѣ не написано.

Дѣло принимало худой оборотъ. Поняли русскіе послы, что польскіе сановники смотрятъ на дѣло совсѣмъ другими глазами, чѣмъ Жолкѣвскій, и съ большимъ нетерпѣніемъ ждали его пріѣзда.

Наконецъ, Жолкѣвскій пріѣхалъ и привезъ съ собою несчастнаго царя-монаха Василія Ивановича съ братьями.

Не смотря на всѣ свои несчастія, Шуйскій не потерялъ твердости духа, и когда стали было его побуждать преклонить колѣна предъ Сигизмундомъ, онъ твердо сказалъ:

— „Не достоитъ московскому царю, какъ рабу, кланяться королю. Божьими судьбами такъ совершилось, что я взятъ въ плѣнъ, но не вашими руками. Мои рабы-измѣнники отдали меня вамъ!“

Хотя Жолкѣвскаго приняли въ королевскомъ станѣ съ большимъ почетомъ, какъ побѣдителя; но король все-таки высказалъ ему при первомъ же удобномъ случаѣ, что онъ велъ дѣла въ Москвѣ не такъ, какъ ему было предписано. Жолкѣвскій очень убѣдительно доказывалъ, что все сдѣлано, что можно было сдѣлать, и всячески старался убѣдить короля немедленно посадить королевича Владислава на Московское царство; но всѣ доводы и убѣжденія гетмана пропали даромъ. Упрямый король стоялъ на своемъ.

Напрасно русскіе послы надѣялись, что ихъ дѣло пойдетъ лучше съ пріѣздомъ Жолкѣвскаго. Онъ, видимо, старался свалить съ себя всякую отвѣтственность, даже лукавилъ, когда русскіе послы въ своихъ требованіяхъ ссылались на него. Время проходило въ безполезныхъ спорахъ. Наконецъ, рѣшено было послать въ Москву за новымъ наказомъ относительно Смоленска!

Непоколебимая твердость Филарета и Голицына выводила польскихъ сановниковъ изъ терпѣнія. Стали они всячески, лаской, обѣщаніемъ королевской милости, склонять второстепенныхъ посольскихъ людей отступиться отъ главныхъ пословъ и радѣть въ пользу короля. Нашлось нѣсколько человѣкъ, которые соблазнились; но оказались люди и другого рода.

Стали паны убѣждать думнаго дьяка Томилу Луговскаго, чтобы онъ ѣхалъ уговаривать смольнянъ сдаться.

— „Какъ мнѣ это учинить и вѣчную клятву на себя навести? — твердо отвѣчалъ, между прочимъ, Луговскій.—Не только Господь Богъ и люди Московскаго государства мнѣ не простятъ этого, но и земля меня не понесетъ. Присланъ я отъ Московскаго государства въ челобитчикахъ, и мнѣ первому соблазнъ учинить? Лучше, по слову Христову, навязать на себя камень и вринуться въ море!“

Нѣкоторые изъ посольскихъ людей, соблазненныхъ обѣщаніями разныхъ милостей королевскихъ, отстали отъ пословъ и уѣхали въ Москву. Уѣхалъ и Авраамій Палицынъ, келарь Троицкой лавры, бывшій при митрополитѣ: понялъ онъ, что изъ посольскаго дѣла не будетъ никакого проку и, конечно, думалъ, что больше пользы русскому дѣлу принесетъ у себя въ Лаврѣ, чѣмъ въ польскомъ станѣ.

Патріархъ Гермогенъ.

Не всѣ такъ честно и твердо служили родной землѣ, какъ митрополитъ Филаретъ, князь Голицынъ и дьякъ Луговскій. Нашлось не мало людей въ Москвѣ, готовыхъ поступиться пользою отечества ради личныхъ выгодъ. Первый бояринъ, князь Мстиславскій, принялъ отъ короля санъ конюшаго; нѣкоторые изъ бояръ писали униженныя просьбы къ польскому канцлеру, выпрашивая разныхъ королевскихъ милостей... Король не скупился, жаловалъ щедро своимъ русскимъ угодникамъ видныя должности, званія и земли. Боярская дума въ Москвѣ уже не противилась тому, чтобы признать Сигизмунда „правите-

лемъ" Московскаго государства до пріѣзда Владислава. Но болѣе рьяные доброхоты короля—Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ и другіе добивались того, чтобы „царемъ" провозглашенъ былъ Сигизмундъ, а не юный сынъ его. Горою стоялъ за короля и другой видный въ то время человѣкъ въ Москвѣ, государственный казначей Ѳедоръ Андроновъ, попавшій на такую высокую должность изъ торговыхъ мужиковъ за свою вѣрность королю. Этотъ Андроновъ исполнялъ всѣ требованія Гонсѣвскаго безпрекословно: драгоцѣнныя и лучшія вещи изъ царской казны были имъ отосланы королю; поживился около казны и Гонсѣвскій. Андроновъ всячески старался провести на видныя мѣста своихъ товарищей, сторонниковъ короля.

Самолюбіе именитыхъ бояръ сильно оскорблялось тѣмъ, что бывшій торговый мужикъ засѣдаетъ съ ними въ думѣ, орудуетъ дѣлами и пользуется полнымъ довѣріемъ короля. Андронова не выносилъ и Салтыковъ. Эти предатели соперничали между собой, писали доносы одинъ на другого и старались своимъ усердіемъ королю превзойти другъ друга.

Салтыковъ даже писалъ Сапѣгѣ:

— „Пусть король не мѣшкая идетъ въ Москву и объявитъ, что идетъ на вора въ Калугѣ. Какъ придетъ король въ Можайскъ, то увѣдомь меня, а я бояръ и прочихъ людей приведу къ тому, что будутъ бить челомъ королю, чтобы онъ пожаловалъ въ Москву и государство сына своего очищалъ".

Но происки и замыслы измѣнниковъ встрѣчали несокрушимое препятствіе въ патріархѣ Гермогенѣ. Этотъ старецъ, стоявшій „на стражѣ православія", выказалъ необычайную твердость и мужество.

Въ „безгосударное" время патріархъ былъ въ государствѣ первымъ лицомъ, и слово его получало огромный вѣсъ въ глазахъ народа.

Когда изъ-подъ Смоленска прибылъ гонецъ съ вопросомъ отъ пословъ, какъ отвѣчать на королевскія требованія на счетъ сдачи города, то Салтыковъ и Андроновъ явились къ Гермогену и стали говорить, что надо послать королю грамоту, просить у него сына и вмѣстѣ съ тѣмъ объявить, что предаются вполнѣ на волю короля, а также написать и Филарету, чтобы и послы положились во всемъ на королевскую волю.

Гермогенъ понялъ, что дѣло ведется въ угоду Сигизмунду, и въ ущербъ отечеству и сталъ спорить съ Салтыковымъ и Андроновымъ... На другой день (5-го декабря) они явились уже съ княземъ Мстиславскимъ и съ грамотой, которая была уже подписана боярами. Оставалось подписать ее патріарху.

— „Пусть король дастъ своего сына на Московское государство и выведетъ своихъ людей изъ Москвы, — сказалъ Гермогенъ, — пусть королевичъ приметъ греческую вѣру. Если вы напишите такъ въ грамотѣ, то я приложу къ ней руку и васъ благословлю на то же. А чтобы положиться на королевскую волю, — я и самъ такъ не поступлю и другимъ повелѣваю такъ не дѣлать. А если вы меня не послушаете, то наложу на васъ клятву. Ясно, что послѣ такой грамоты, намъ придется цѣловать крестъ королю... Если и королевичъ воцарится у насъ, да вѣры единой съ нами не приметъ и людей королевскихъ отъ насъ не выведетъ, то я всѣхъ тѣхъ, которые уже кресть ему цѣловали, благословлю [illegible] Москву и страдать до смерти!"

Бояре заспорили съ патріархомъ. Сильнѣе всѣхъ горячился Салтыковъ. Говорятъ, что онъ вышелъ изъ себя, сталъ браниться, даже сгоряча выхватилъ изъ-за пояса ножъ и замахнулся на патріарха.

— „Не боюсь я твоего ножа, — сказалъ патріархъ, я противъ твоего ножа вооружусь силою святаго креста: ты же будь проклятъ отъ нашего смиренія въ семъ вѣкѣ и будущемъ!“

Бояре такъ и ушли съ неподписанной грамотой.

На другой день патріархъ говорилъ въ соборной церкви проповѣдь. Поляки окружили церковь, чтобы не допустить народнаго сборища; однако нѣкоторые успѣли войти. Гермогенъ увѣщевалъ всѣхъ — твердо стоять за православную вѣру, оборонять ее всѣми силами, сноситься съ другими городами, изобличалъ измѣнниковъ и предателей...

Послѣ этого поляки стали сильно опасаться патріарха, — окружили его стражей, затруднили доступъ къ нему. Но дѣло было сдѣлано. Живое слово святителя разносилось слышавшими не только по Москвѣ, но и по другимъ городамъ. Высокій примѣръ его самоотверженія и непоколебимости воодушевлялъ лучшихъ русскихъ людей; а притѣсненія старца-патріарха поляками обращались во вредъ имъ же, возбуждали противъ нихъ негодованіе народа.

Прокопій Ляпуновъ, который уже и раньше волновалъ Рязанскую землю противъ поляковъ, провѣдавъ объ оскорбленіи патріарха, писалъ въ Москву:

— „Вы, бояре, прельстились на славу вѣка сего, отступили отъ Бога... Король ни въ чемъ не поступаетъ по крестному цѣлованію и договору съ гетманомъ Жолкѣвскимъ... Знайте же, что я сослался съ калужанами и тулянами и сѣверскими и украинскими городами: цѣлуемъ крестъ на томъ, чтобы намъ всей землей стоять, биться на смерть съ поляками и литовцами“.

Въ это время совершилось событіе, которое дало новый поворотъ всѣмъ дѣламъ. 11-го декабря Лжедимитрій былъ убитъ однимъ крещенымъ татариномъ, мстившимъ за смерть татарскаго касимовскаго царя, который былъ умерщвленъ по приказу Лжедимитрія. Многіе и въ Москвѣ, и по областямъ только потому и соглашались признать царемъ Владислава, что очень боялись власти самозванца. Теперь съ этой стороны страха не было, и они примкнули къ тѣмъ, которые хотѣли всей землей встать противъ Литвы и ляховъ и выбрать себѣ природнаго русскаго царя.

Гонсѣвскаго пугало, что въ Москву все больше и больше собиралось народу. Это было обычнымъ дѣломъ, что въ столицу сходились люди къ рождественскому и крещенскому праздникамъ: Москва съ ея соборами, чудотворными образами и мощами, съ ея пышнымъ патріаршимъ богослуженіемъ и обрядами всегда привлекала набожныхъ русскихъ людей. Поляковъ сильно безпокоило это многолюдство: они боялись народнаго мятежа. Къ патріарху, котораго поляки освободили изъ-подъ стражи, чтобы этимъ не возбуждать народной вражды, приходили съ разныхъ сторонъ люди. Онъ всѣхъ благословлялъ стоять твердо за русскую землю, за вѣру и всѣмъ говорилъ:

— „Если королевичъ не крестится и литовскіе люди не выйдутъ изъ нашей земли, то королевичъ не государь намъ“!

Тоже самое писалъ онъ въ своихъ грамотахъ и разсылалъ ихъ въ разныя

*

стороны. Одна его грамота попала въ руки полякамъ, и они снова стали наблюдать за нимъ и стѣснять его, отняли отъ него бумагу; но все же усмотрѣть не могли. Писать онъ не могъ, но говорить съ приходившими къ нему людьми ему позволялось, а онъ ихъ благословлялъ на подвигъ за родную землю, увѣщевалъ ихъ другимъ передавать его рѣчи, и слово его разносилось по русской землѣ.

Тогда какъ въ Москвѣ непоколебимо радѣлъ за православную вѣру патріархъ, не смотря на то, что былъ въ рукахъ у поляковъ, подъ Смоленскомъ такъ-же твердо стоялъ за родную землю другой польскій плѣнникъ — митрополитъ Филаретъ.

Когда пришла боярская грамота изъ Москвы съ приказомъ поступать во всемъ по волѣ короля, Филаретъ, прочитавши грамоту, сказалъ:

— „Такимъ грамотамъ по совѣсти повиноваться нельзя: писаны онѣ безъ воли патріарха и всего освященнаго собора и всей земли".

Пытались всячески паны уговорить пословъ; но они стояли на своемъ.

— „Нынѣ по грѣхамъ нашимъ, — сказалъ, между прочимъ, Голицынъ, мы стали безъ государя, а патріархъ у насъ человѣкъ начальный, и безъ патріарха нынѣ о такомъ дѣлѣ совѣтовать не пригоже"!

Не удалось полякамъ склонить въ пользу грамоты и другихъ посольскихъ людей. Примѣръ Филарета и Голицына воодушевлялъ ихъ, и они всѣ стояли заодно, что боярская грамота не имѣетъ силы, потому что писана безъ патріарха и безъ „совѣта всей земли".

Народное движеніе противъ поляковъ.

Въ Москвѣ была получена отъ посольскихъ дворянъ изъ-подъ Смоленска грамота, гдѣ говорилось, между прочимъ:

„Не надѣйтесь, чтобы королевичъ воцарился въ Москвѣ. Литовскіе и польскіе люди не допустятъ этого. У нихъ въ Литвѣ на сеймѣ положено, чтобы вывести лучшихъ людей и опустошить всю землю и завладѣть всей землей московской. Ради Бога положите крѣпкій совѣтъ между собою. Разошлите списки съ нашей грамоты и въ Новгородъ, и въ Вологду, и въ Нижній и свой совѣтъ напишите, чтобы всѣмъ было вѣдомо про то, чтобы всею землею сообща стать за православную вѣру, покамѣсть мы еще свободны, а не въ рабствѣ и не разведены въ плѣнъ".

Грамота эта во многихъ спискахъ была разослана изъ Москвы по городамъ. Къ ней была приложена московская грамота, писанная съ благословенія Гермогена. Она призывала всѣхъ къ единодушному возстанію на враговъ православія, призывала другіе города выручить Москву изъ бѣды, причемъ напоминала о святынѣ, хранящейся въ столицѣ.

„Здѣсь (въ Москвѣ), говорится въ грамотѣ, образъ Божіей Матери, Богородицы, заступницы христіанской, которую евангелистъ Лука написалъ. Здѣсь великіе свѣтильники и хранители: Петръ, Алексій и Іона чудотворцы".

Когда эти грамоты дошли до Рязани, Прокопій Ляпуновъ велѣлъ сдѣлать съ нихъ списки, приложилъ къ нимъ свое воззваніе и разослалъ по сосѣднимъ городамъ, а самъ [illegible]я сталъ собирать ратныя силы.

Въ Нижнемъ Новгородѣ уже раньше началось движеніе. Когда здѣсь были получены грамоты смоленская и московская съ воззваніемъ Ляпунова, то и отсюда стали разсылать по окрестнымъ городамъ списки этихъ посланій, приложивши свои. Гонцы за гонцами съ грамотами неслись въ Кострому, въ Ярославль, въ Муромъ, во Владиміръ и другіе города, поднимая всюду народъ на борьбу съ „нечестивыми ляхами“, на защиту православной вѣры и родной земли. Изъ городовъ гонцы ѣздили по селамъ и деревнямъ, сзывали помѣщиковъ и всякихъ ратныхъ людей, звономъ въ колокола собирали сходки; тутъ рѣшались вопросы, какъ казну собрать, какъ снаряжать войско; вооружались кто чѣмъ могъ; всѣ, кто пѣшій, кто конный, спѣшили въ назначенное сборное мѣсто; везли сюда сухари, толокно, порохъ и другіе припасы. Духовенство воодушевляло ратныхъ людей, приводило ихъ къ присягѣ, и русскій людъ торжественно цѣловалъ крестъ „стоять за православную церковь, за московское государство, не служить польскому королю, и единодушно, безъ всякихъ споровъ и смутъ, очищать московскую землю отъ польскихъ и литовскихъ людей“.

Сильно ошиблись поляки: они думали, что лишь стоитъ склонить бояръ на свою сторону, — и дѣло будетъ сдѣлано. О народѣ они словно совсѣмъ забыли, и вовсе не ожидали отпора со стороны его: на него смотрѣли они, какъ на стадо, которое можно погнать въ ту или другую сторону... Не подумали поляки и о томъ, что была на Руси могучая сила, способная поднять народъ на смертную борьбу.

Этой силой была православная вѣра. Во имя ея и взывали къ народу призывныя грамоты. На защиту своей вѣры, своей святыни — церквей, иконъ, мощей, поднимался русскій народъ. Поляки становились въ глазахъ всѣхъ православныхъ „погаными нечестивцами и заклятыми врагами“. Очистить родную землю отъ этихъ оскорбителей святыни и найти себѣ настоящаго русскаго царя, надежнаго хранителя ее, становилось теперь задачей лучшихъ русскихъ людей.

Въ началѣ 1611 года стала ополчаться вся Русская земля. Прокопій Ляпуновъ изъ Рязанской области уже шелъ къ Москвѣ; на пути къ нему подходили отрядъ за отрядомъ ратныя силы изъ разныхъ городовъ и областей.

Поняли поляки, что на нихъ собирается страшная гроза... Прежде всего принялись они за того, кого считали главнымъ виновникомъ народнаго движенія. Михаилъ Салтыковъ и другіе бояре, доброхоты польскаго короля, по приказу Гонсѣвскаго приступили къ Гермогену.

— „Ты по городамъ посылалъ грамоты, говорилъ ему Салтыковъ, ты приказывалъ имъ собираться да идти подъ Москву; отпиши имъ теперь, чтобъ не ходили!“

„Если ты и всѣ измѣнники, отвѣчалъ патріархъ, и королевскіе люди выйдете изъ Москвы вонъ,—я отпишу къ своимъ, чтобы вернулись назадъ!..

Бояре настаивали, бранились, но патріархъ стоялъ непоколебимо на своемъ... Тогда его стали держать въ самомъ строгомъ заключеніи. Говорятъ, самъ Гонсевскій обращался къ патріарху съ грозной рѣчью:

— „Ты, Гермогенъ, главный заводчикъ всего возмущенія! Тебѣ не пройдетъ это даромъ. Не думай, что тебя охранитъ твой санъ!“

Но что значили всѣ эти угрозы для доблестнаго старца, всегда готоваго пострадать за то великое дѣло, которому онъ служилъ!

Страстная недѣля 1611 г. въ Москвѣ

Не долго польскіе воины, занявшіе Москву, ладили съ москвичами. Всякій полякъ въ тѣ времена считалъ все дозволительнымъ для себя, особенно въ завоеванной странѣ; а на Москву поляки смотрѣли какъ на покоренный городъ. Сначала при Жолкѣвскомъ они еще кое-какъ ладили съ жителями, по крайней мѣрѣ, было мирно и тихо, хотя и тогда уже не было взаимнаго довѣрія. „Нѣсколько недѣль провели мы, говоритъ полякъ Маскевичъ, очевидецъ событій, съ дружбой на словахъ и съ камнемъ за пазухой“. Поляки соблюдали величайшую осторожность. Стража стояла день и ночь у воротъ и на перекресткахъ. Гетманъ заблаговременно подъ благовиднымъ предлогомъ разослалъ по разнымъ городамъ московскихъ стрѣльцовъ. Москвичи начинали на поляковъ поглядывать очень недружелюбно.

Сойтись русскому человѣку съ поляками было очень трудно. Этому мѣшало не только различіе религій, но и понятій. „Въ бесѣдахъ съ москвитянами, говоритъ тотъ же очевидецъ, наши, выхваляя свою вольность, совѣтовали имъ соединиться съ польскимъ народомъ и также пріобрѣсть свободу; но русскіе отвѣчали: „Вамъ дорога ваша воля, намъ—неволя. У васъ не воля, а своеволіе: сильный грабитъ слабаго; можетъ отнять у него имѣніе и самую жизнь. Искать же правосудія по вашимъ законамъ долго: дѣло затянется на нѣсколько лѣтъ. А съ иного и ничего не возьмешь. У насъ, напротивъ того, самый знатный бояринъ не властенъ обидѣть послѣдняго простолюдина: по первой жалобѣ царь творитъ судъ и расправу. Если же самъ государь поступитъ неправосудно,—его власть: какъ Богъ, онъ караетъ и милуетъ. Намъ легче перенесть обиду отъ царя, чѣмъ отъ своего брата; ибо царь—владыка всего свѣта“.

При такомъ различіи во взглядахъ трудно было московскому человѣку поладить съ поляками. При томъ польскіе воины нерѣдко на дѣлѣ показывали, что не различаютъ свободы отъ своеволія; а когда ихъ корили за какую нибудь некрасивую продѣлку и говорили, что такъ поступать грѣшно, то разгульные жолнеры, случалось, развязно отвѣчали:

— „Нагрѣшимъ да исповѣдуемся; а у нашихъ духовныхъ отцевъ есть изъ Рима такое опущеніе, что хоть чорта съѣшь,—и тотъ грѣхъ простится“!

Скоро своеволіе поляковъ стало уже очень замѣтнымъ. „Наши, говоритъ Маскевичъ, ни въ чемъ не знали мѣры,—что кому нравилось, то и брали“. Всякія насилія и оскорбленія творились польскими отрядами, особенно въ то время, когда ихъ посылали по городамъ и селамъ собирать продовольствіе.

Стало обнаруживаться и въ самой Москвѣ возмутительное кощунство надъ святыней. Одинъ пьяный полякъ, стоявшій на стражѣ у Никольскихъ воротъ, выстрѣлилъ въ надворотную икону. Возмутителенъ былъ проступокъ, но ужасно было и наказаніе: преступнику, по приказу Гонсѣвскаго, всенародно отрубили обѣ руки, а самого сожгли на кострѣ предъ Никольскими воротами. Гонсѣвскій, очевидно, думалъ ж[illegible] казнію удовлетворить глубоко возмущенное чувство

москвичей и дать острастку своимъ. Но скоро самъ польскій вождь проявилъ своеволіе, сталъ судить, рядить, расходовать казну, вовсе не спрашивая совѣта бояръ, даже не обращая на нихъ никакого вниманія... Салтыковъ, Андроновъ, и другіе русскіе измѣнники позволяли себѣ творить всякія неправды и насилія. Озлобленіе въ народѣ росло. Призывныя грамоты еще пуще разжигали вражду. Владиславъ не ѣхалъ въ Москву; всѣ уже начинали понимать, что мирнымъ путемъ съ поляками дѣло не кончится. Москвичи стали уже громко говорить полякамъ, чтобы они позаботились о скорѣйшемъ пріѣздѣ Владислава или убрались бы изъ Москвы по добру, по здорову.

— „Для такой невѣсты, какова Русская земля, говорили москвичи, мы скоро найдемъ и другого жениха“!

Гонсѣвскому приносились часто жалобы на насилія поляковъ. Онъ всячески старался казаться справедливымъ. Когда началось народное движеніе и прошли слухи, что Ляпуновъ ведетъ уже ополченіе къ Москвѣ, столичная чернь стала еще смѣлѣе: москвичи сами уже задирали и дразнили поляковъ.

Между жителями и жолнерами случались уже не только ссоры, но и драки, грозившія перейти въ общую свалку. Торговцы стали брать съ поляковъ за свои товары въ три-дорога. Разъ былъ такой случай. Пришелъ на рынокъ полякъ покупать овесъ, взялъ бочку овса и далъ продавцу плату, какую всѣ платили. Тотъ потребовалъ вдвое больше. Полякъ сталъ горячиться и ругаться.

— „Какъ смѣешь ты грабить насъ, кричалъ онъ,—развѣ мы не одному царю служимъ“?

— „Возьми свои деньги и отдай мнѣ овесъ, отвѣчалъ продавецъ,—полякамъ не покупать его дешевле. Убирайся къ чорту!“.

Полякъ въ гнѣвѣ выхватилъ саблю... Но мигомъ набѣжало нѣсколько десятковъ человѣкъ съ дубьемъ въ рукахъ. Польская стража стоявшая у воротъ, увидѣвъ это, бросилась выручать своихъ. Началась драка. Вооруженные поляки разогнали толпу, причемъ было убито человѣкъ пятнадцать.

Слухъ объ этомъ быстро разнесся по всему городу и предмѣстьямъ. Со всѣхъ сторонъ набѣжало на рыночную площадь множество москвитянъ. Дѣло принимало очень опасный оборотъ для поляковъ,—легко могъ вспыхнуть мятежъ. Гонсѣвскій на этотъ разъ предупредилъ бѣду. Онъ самъ явился среди народа и держалъ рѣчь. Онъ старался подѣйствовать на религіозное чувство, напоминалъ о присягѣ Владиславу.

— „Не повинуясь царю, вы гнѣвите Бога,—сказалъ онъ въ заключеніе,—не хвалитесь силою и числомъ. Конечно, шести тысячамъ трудно устоять противъ семисотъ тысячъ; но побѣда зависитъ не отъ числа, а отъ Бога: и горстью людей Онъ можетъ истребить несчетныя полчища. Кто побуждаетъ васъ къ бунту? Развѣ мы служимъ не тому же государю, которому и вы присягнули? Если же вы хотите кровопролитія, то будьте увѣрены, что Богъ насъ не оставитъ: мы постоимъ за правое дѣло“!

Плохо вѣрили москвичи въ это „правое дѣло“ поляковъ. Изъ толпы послышались грозные крики:

— „Полно врать! безъ ружей и дубинъ мы васъ шапками побьемъ! Убирайтесь отсюда!..“

[illegible]

[illegible]

[illegible] подготовлялъ передовой отрядъ русскаго ополченія подъ начальствомъ князя Димитрія Пожарскаго.

Гонсѣвскій сначала хотѣлъ было розиять драку, но потомъ, подумавъ, что москвичи дѣйствуютъ заодно съ подошедшимъ отрядомъ и хотятъ завладѣть Китай-городомъ, самъ велѣлъ оттѣснить ихъ оттуда. Тогда польскіе жолнеры и нѣмцы, служившіе въ польскомъ войскѣ, кинулись на безоруженную толпу народа и начали безпощадно, рубить, убивать кого попало—и старыхъ, и малыхъ, и женщинъ, и дѣтей. Началась дикая, звѣрская бойня. Болѣе часу раздавались крики и вопли москвитянъ, набатный звонъ безчисленныхъ колоколовъ, залпы мушкетовъ. Толпу вытѣснили изъ Китая-города.

Безъ ужаса, говоритъ очевидецъ, нельзя было взглянуть на жолнеровъ и нѣмцевъ. Они были всѣ въ крови, подобно мясникамъ. Говорятъ, въ короткое время было избито народу болѣе шести тысячъ. Уцѣлѣвшіе пустились бѣжать въ Бѣлый городъ. Здѣсь загораживали улицы извощичьими санями, заваливали дровами, столами, скамьями, и отбивались отъ поляковъ за этими загородями. Когда поляки о[illegible] тогда москвичи кидались вслѣдъ за ними, били ихъ

бревнами, скамейками, швыряли въ нихъ полѣнья. Въ Москвѣ было множество переулковъ и закоулковъ: здѣсь-то на перекресткахъ особенно сильно доставалось полякамъ... Ихъ били со всѣхъ сторонъ,—изъ оконъ, со стѣнъ, съ кровель. Куда ни кидались польскіе отряды, на всѣхъ улицахъ они встрѣчали преграды, всюду метали въ нихъ чѣмъ попало. Особенно плохо пришлось полякамъ на Срѣтенкѣ: здѣсь уже укрѣпился Пожарскій и стрѣлялъ по нимъ изъ пушекъ... Увидали поляки, что имъ не справиться. Русское ополченіе уже ворвалось въ Бѣлый городъ. Съ другихъ сторонъ подходили новые отряды. Полякамъ оставалось спасаться въ Кремль и Китай-городъ и за стѣнами отбиваться отъ русскихъ; но оставлять въ цѣлости Бѣлый городъ—это значило дать возможность подходившему ополченію удобно размѣститься и пользоваться всѣми выгодами городской жизни. Кто-то въ толпѣ поляковъ крикнулъ: «Огня, огня,—жечь дома!“ Военноначальники ухватились за это предложеніе. Говорятъ, Салтыковъ, усердствуя полякамъ, подалъ имъ эту мысль, и самъ первый поджогъ свой домъ. Жолнеры бѣгали съ лучиной и засмоленной паклей, и въ разныхъ мѣстахъ стали поджигать дома. Сначала огонь туго принимался, вѣроятно, отъ сырой погоды, (поляки говорили, что дома заколдованы). Наконецъ, вспыхнулъ пожаръ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Къ несчастію, вѣтеръ несъ пламя и дымъ на москвичей: они принуждены были отступить; поляки стрѣляли по нимъ. Скоро пожаръ охватилъ весь городъ; огонь при вѣтрѣ свирѣпствовалъ съ ужасной силой... Наступила ночь, но отъ пожара было такъ свѣтло, какъ днемъ. Москвичи напрягали всѣ свои силы,—старались погасить пожаръ. Поляки со стѣнъ видѣли въ Бѣломъ городѣ страшную суматоху; раздавались тамъ громкіе крики и набатный звонъ.

Поляки рѣшили на своемъ совѣтѣ выжечь весь городъ и Замоскворѣчіе. На другой день, до разсвѣта польскіе отряды вышли, чтобы исполнить это рѣшеніе. Русскіе старались всѣми силами помѣшать имъ, но не удалось. Замоскворѣчіе запылало съ разныхъ концовъ. Пожарскій мужественно бился съ поляками на улицахъ, стараясь спасти остатки Москвы; но огонь принудилъ русскихъ отступить. Раненый Пожарскій упалъ на землю и, обливаясь кровью, плакалъ.

— „О, хоть бы мнѣ умереть, говорилъ онъ, только бы не видать того, что вижу!“

Въ это время польскому отряду подъ продводительствомъ Струся, пришедшему на помощь своимъ, удалось прорваться въ Кремль.

Русскимъ пришлось оставить горѣвшій городъ. Три дня горѣла Москва. Нестерпимый чадъ душилъ поляковъ въ Китаѣ—городѣ. Огонь пожралъ все, что могъ,—отъ Москвы чрезъ три дня остались груды тлѣющаго пепла, почернѣлыя стѣны каменныхъ церквей, да торчали тамъ и сямъ печи, каменныя подклѣти и погреба среди угольевъ и пепла. Множество непогребенныхъ тѣлъ тлѣло подъ нимъ. По ночамъ раздавался вой голодныхъ собакъ, терзавшихъ трупы...

Такова была страстная недѣля въ Москвѣ 1611 году!

Русское ополченіе подъ Москвою.

Во вторникъ, на Святой недѣлѣ подошелъ къ Москвѣ Ляпуновъ со своимъ ополченіемъ, занялъ Симоновъ монастырь и укрѣпился тутъ. На другой день Заруцкій привелъ своихъ казаковъ. Затѣмъ привелъ калужанъ князь Трубецкой. Съ каждымъ днемъ подходили новые отряды.

Русскіе воеводы рѣшили занять пепелище Бѣлаго города, чтобы обложить со всѣхъ сторонъ поляковъ.

Діонисій, архимандритъ Троицкаго монастыря, и келарь Авраамій Палицынъ прислали къ воеводамъ грамоты, убѣждали ихъ именемъ вѣры и состраданія къ несчастной Русской землѣ потрудиться и освободить ее отъ чужеземныхъ враговъ и отъ русскихъ предателей.—Страшное пепелище столицы и груды тлѣющихъ труповъ еще краснорѣчивѣе побуждали къ тому-же русскихъ ратниковъ.

Поляки успѣли захватить изъ погребовъ, подклѣтей и церквей погорѣвшей столицы множество добычи: золотыхъ вещей, утвари, богатой одежды. Иные выходили на поиски изъ кремля въ рваныхъ кунтушахъ (кафтанахъ), а возвращались въ блестящихъ кафтанахъ, вышитыхъ золотомъ и унизанныхъ жемчугомъ. Жемчугу досталось полякамъ столько, что имъ вовсе не дорожили. Случалось даже, что потѣхи ради поляки стрѣляли жемчугомъ изъ ружей по москвичамъ. Вина то-же было въ изобиліи. Но хлѣбомъ поляки не догадались запастись. Имъ скоро пришлось каждый день дѣлать вылазки, чтобы раздобыться кормомъ для лошадей и топливомъ; а въ апрѣлѣ уже и сами они стали нуждаться въ съѣстныхъ припасахъ.

Измѣнники-бояре и Гонсѣвскій принялись снова за Гермогена.

— „Напиши Ляпунову и его товарищамъ, настаивалъ Салтыковъ, чтобы они отошли прочь; иначе самъ умрешь злою смертью!“

— „Вы мнѣ сулите лютую смерть,—отвѣчалъ патріархъ,—а я надѣюсь чрезъ нее получить вѣнецъ и давно желаю пострадать за правду!“

Патріарха стали держать въ самомъ строгомъ заключеніи въ Чудовомъ монастырѣ; не позволяли ему переступить чрезъ порогъ своей кельи, обходились съ нимъ грубо, скудно кормили, не стали считать его патріархомъ, а вмѣсто него стали величать архипастыремъ Игнатія, заточеннаго Василіемъ Ивановичемъ въ Чудовомъ монастырѣ.

Со дня на день полякамъ становилось хуже. Къ русскимъ подходили все новые и новые отряды. Осажденнымъ трудно было дѣлать вылазки и добывать себѣ кормъ. Вся стѣна и башни Бѣлаго города были уже въ рукахъ русскихъ. Сапѣга, подошедшій въ это время къ Москвѣ, не въ состояніи былъ помочь осажденнымъ: они были заперты въ Кремлѣ и Китай—городѣ. Нѣсколькимъ полякамъ впрочемъ удалось пробраться и дать знать королю о положеніи осажденныхъ. Они уже начинали опасаться голодной смерти,—запасовъ оставалось мало.

А въ это время призывныя грамоты дѣлали свое дѣло. Ратныя силы поднимались и въ самыхъ отдаленныхъ городахъ и двигались къ Москвѣ.

Не слышно стало голоса старца Гермогена, этого страдальца за православную вѣру, о желѣзный нравъ котораго разбивались всѣ вражьи угрозы,—заговорилъ другой великій подвижникъ—Діонисій, архимандритъ Троицкой лавры. Это былъ человѣкъ высокой и свѣтлой души, способный воодушевлять другихъ, способный словомъ своимъ поднимать народъ, изнемогавшій подъ гнетомъ горя, нищеты и всякихъ бѣдствій...

Раньше при архимандритѣ Іоасафѣ Троицкій монастырь выказалъ замѣчательное мужество и воинскую доблесть. Теперь при Діонисіи обитель показала еще болѣе высокій примѣръ истинно христіанской доблести: человѣколюбія и

Діонисій, архимандритъ Троице-Сергіевской лавры

милосердія. Троицкій монастырь обратился въ больницу и богадѣльню. Воодушевленные горячимъ словомъ и примѣромъ своего настоятеля, троицкіе иноки усердно занялись „великимъ промысломъ“,—ѣздили и ходили по окрестностямъ, отыскивали безпріютныхъ, раненыхъ, больныхъ, умирающихъ съ голоду и привозили ихъ въ монастырь, подбирали также трупы убитыхъ для христіанскаго погребенія. Нельзя было безъ содраганія смотрѣть на страдальцевъ, наполнившихъ Троицкую обитель: одни были испечены, у другихъ содрана кожа на спинѣ, у третьихъ выжжены глаза... Не только въ самомъ монастырѣ, но и въ слободахъ монастырскихъ, монахи и служки день и ночь работали: одни при-

сматривали за больными, другіе шили имъ одежды, третьи готовили ѣсть. Монастырскихъ средствъ не жалѣли. Накопились они изъ благочестивыхъ пожертвованій и вкладовъ и шли на благочестивое-же дѣло,—помощь страждущимъ и несчастнымъ. Великую службу Русской землѣ сослужила въ ту ужасную пору Сергіевская обитель: многимъ спасла жизнь, многихъ напутствовала по-христіански въ другой міръ, облегчивъ по мѣрѣ возможности ихъ предсмертныя муки; но, главное, здѣсь ярко свѣтилась и блистала истинно христіанскими дѣлами та православная вѣра, на защиту которой подымалась теперь русская земля... Духъ Св. Сергія, благословлявшаго нѣкогда Дмитрія Донскаго на борьбу съ татарами, сказался и въ Діонисіи: подобно святому основателю обители и онъ, отказавшись отъ всѣхъ благъ и радостей мірскихъ, страстно любилъ родную землю, страдалъ ея страданіями, радовался ея радостями. Могъ ли онъ молчать въ ту пору, когда рѣшался вопросъ о жизни или смерти русскаго государства? Вмѣстѣ съ келаремъ Авраміемъ Палицынымъ онъ составлялъ призывныя грамоты. Нѣсколько „борзописцевъ“ переписывали ихъ во множествѣ списковъ. Гонцы отъ Св. Троицы скакали повсюду и развозили эти грамоты.

— „Православные христіане,—взывалъ Діонисій въ своемъ посланіи въ Казань,—вспомните истинную православную христіанскую вѣру, вспомните, что всѣ мы родились отъ христіанскихъ родителей, знаменались печатью, святымъ крещеніемъ, обѣщались вѣровать въ св. Троицу. Возложите упованіе на силу креста Господня и покажите подвигъ свой, молите служилыхъ людей, чтобы быть всѣмъ православнымъ въ соединеніи и стать сообща противъ предателей христіанскихъ, Михайлы Салтыкова и Ѳедьки Андронова, и противъ вѣчныхъ враговъ христіанства, польскихъ и литовскихъ людей. Сами видите конечную отъ нихъ погибель всѣмъ христіанамъ, видите, какое разоренье причинили они въ Московскомъ государствѣ. Гдѣ св. Божія церкви и Божіи образы? Гдѣ иноки, сѣдинами цвѣтущіе,—иноки добродѣтелями украшенные? Не все ли до конца разорено и обругано злымъ поруганіемъ? Не пощажены ни старики, ни младенцы грудные. Помяните и смилуйтесь надъ видимою общею смертною погибелью, чтобы не постигла васъ самихъ также лютая смерть. Пусть служилые люди безъ всякаго мѣшканія спѣшатъ къ Москвѣ, въ сходъ къ боярамъ, воеводамъ и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ. Сами знаете, что всякому дѣлу одно время надлежитъ; безвременное же начинаніе всякому дѣлу суетно и бездѣльно бываетъ. Хотя бы и были въ вашихъ предѣлахъ какія неудовольствія, Бога ради, отложите все это на время, чтобы всѣмъ вамъ сообща потрудиться для избавленія православной христіанской вѣры, пока къ врагамъ не пришла помощь. Смилуйтесь, сдѣлайте это дѣло поскорѣе, ратными людьми и казною помогите, чтобы собранное теперь здѣсь войско отъ скудости не разошлось“.

Воззванія Діонисія и Авраамія поддерживали и усиливали то народное движеніе, которое началось раньше. Русскія силы со всѣхъ сторонъ стекались къ пепелищу Москвы, собирались „около начальнаго русскаго человѣка“, Прокопія Ляпунова. На бѣду для русскихъ между тремя воеводами не было ладу. Первымъ считался именитый боярин кн. Димитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой,— былъ человѣкъ [illegible] ума; онъ не особенно мѣшалъ Ляпунову; но За-

руцкій, начальникъ казацкихъ полчищъ, часто сталкивался съ нимъ. Не дорого было казакамъ то дѣло, за которое готовъ былъ душу свою положить Ляпуновъ: не столько о спасеніи Русской земли думали они, сколько о наживѣ. Заруцкій нерѣдко самовольно распоряжался земскими деньгами, раздавалъ ихъ своимъ казакамъ, даже землями надѣлялъ ихъ. Случалось, что однѣ и тѣже помѣстья Заруцкій давалъ своимъ, а Ляпуновъ своимъ. Понятно, что скоро начались между этими вождями несогласія и раздоры...

Прокопій Ляпуновъ былъ нравомъ крутъ, неуступчивъ; лукавить и лицемѣрить было не въ его природѣ. Прямота и суровость мѣшали ему сходиться и ладить съ людьми. Онъ не разбиралъ знатныхъ и незнатныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ,—со всѣми обходился одинаково властно и рѣшительно. Всѣ, приходившіе къ нему по дѣламъ, должны были ждать своей очереди, причемъ и для самыхъ знатныхъ людей исключенія не дѣлалось: имъ приходилось подчасъ подолгу стаивать у избы „начальнаго русскаго человѣка“. Многимъ было это совсѣмъ не по душѣ, и на него сильно роптали.

— „Не по своей мѣрѣ онъ поднялся и загордился“! говаривали недовольные.

Раздоры главныхъ воеводъ и неправильная раздача помѣстій возбуждали общее недовольство. Тогда дворяне и дѣти боярскіе, приведшіе земскія ополченія, сообща написали челобитную къ тремъ предводителямъ, чтобы они собрали думу и установили жить межъ собою въ любви и совѣтѣ, всякое дѣло дѣлать сообща, жаловали бы ратныхъ людей по числу и достоинству, а не такъ, чтобы одни получали чрезъ мѣру, а другимъ не доставалось ничего...

Дума собралась 30-го іюня. Рѣшено было возстановить приказы—большой или разрядный, помѣстный, разбойный и земскій. Первый долженъ былъ вѣдать всѣ ратныя дѣла и смотрѣть за тѣмъ, чтобы не были забыты заслуги убитыхъ и изувѣченныхъ. Помѣстный приказъ долженъ былъ утвердить порядокъ въ раздачѣ помѣстій, „испомѣстить“ служилыхъ людей (дворянъ и дѣтей боярскихъ), раззоренныхъ и обѣднѣвшихъ. Разбойный и земскій приказы должны были ловить и судить воровъ и разбойниковъ, оберегать земскія выгоды. Это больше всего касалось казаковъ, которые своевольничали и грабили при сборѣ продовольствія по городамъ и волостямъ. Рѣшено было не пускать однихъ казаковъ за кормами, а посылать съ ними дворянъ и дѣтей боярскихъ, т. е. земскихъ людей. Это рѣшеніе, конечно, очень не понравилось казакамъ.

Верховная власть вручалась тремъ воеводамъ: князю Димитрію Тимоѳеевичу Трубецкому, Ивану Мартыновичу Заруцкому и думному дворянину Прокофію Петровичу Ляпунову. Имъ ввѣрялась печать; подпись ихъ трехъ давала грамотамъ силу закона; но править самовольно, безъ земской думы, казнить смертью, ссылать въ ссылку они не могли. Дума оставляла за собой право смѣнить ихъ, если они не будутъ „радѣть о земскихъ дѣлахъ и чинить правды“. Этотъ приговоръ былъ подписанъ дворянами и дѣтьми боярскими отъ двадцати пяти городовъ.

Такимъ образомъ установлено было временное правительство. Хотя Ляпуновъ занималъ въ немъ третье мѣсто, но въ дѣйствительности онъ былъ душою

всего дѣла: въ немъ Русская земля видѣла своего настоящаго вождя... Но не ему суждено было спасти родную землю отъ вражьей силы.

Приговоръ думы, конечно, не унялъ розни и вражды между Заруцкимъ и Ляпуновымъ: слишкомъ ужъ разные люди были они, чтобы поладить межъ собой. Казаки злобились сильно на суроваго Ляпунова, не дававшаго имъ воли. Были у него и свои московскіе недруги.

Случилось, что одинъ изъ отрядныхъ земскихъ начальниковъ, Плещеевъ, поймалъ 28 своевольныхъ казаковъ, занимавшихся грабежемъ. Онъ велѣлъ потопить ихъ. Самъ ли онъ надумался казнить этихъ „воровскихъ" казаковъ, или сдѣлалъ это по приказу Ляпунова, — неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ эта казнь безъ приговора думы была незаконна. Станъ Заруцкаго заволновался: казаки зашумѣли; винили во всемъ ненавистнаго имъ Ляпунова. Озлобленіе казаковъ такъ оказалось сильно, что онъ даже думалъ было уѣхать къ себѣ въ Рязань, но былъ удержанъ своими приверженцами... Заруцкій между тѣмъ разжигалъ злобу казаковъ противъ Ляпунова, тоже дѣлали и другіе враги его. Ненависть къ нему въ казацкомъ станѣ дошла до крайняго предѣла. Этимъ воспользовался Гонсѣвскій. Онъ понималъ, что полякамъ опаснѣе всѣхъ воевода Ляпуновъ и своими способностями, и преданностью дѣлу, и довѣріемъ къ нему русскихъ. Гибель его была нужна врагамъ. По приказу Гонсѣвскаго написана была грамота отъ имени Ляпунова, въ которой тотъ приказывалъ будтобы по всѣмъ городамъ, гдѣ поймаютъ казаковъ, — бить ихъ и топить. Подпись подъ грамотой была искусно поддѣлана подъ руку Ляпунова. Грамота была доставлена въ казацкій станъ. Она показалась казакамъ правдоподобной и подписью, и содержаніемъ. 25 іюля собрался казацкій кругъ и послали звать Ляпунова къ отвѣту. Онъ сначала не пошелъ; но когда пришли казацкіе старшины за нимъ и завѣрили его, что ему не будетъ никакого зла, онъ явился въ казацкій станъ...

— „Ты писалъ?" спросили Ляпунова, показывая ему грамоту.

— „Нѣтъ, не я, отвѣчалъ онъ, взглянувъ на нее, — рука похожа на мою, но это враги сдѣлали; я не писывалъ".

Но ярость казаковъ такъ была сильна, что они даже и слушать не хотѣли объясненій Ляпунова, выхватили сабли и кинулись на него... Тутъ дворянинъ Иванъ Ржевскій, врагъ Ляпунова, и тотъ возмутился казацкимъ насиліемъ и сталъ кричать: „Прокопій не виноватъ!" Казаки изрубили и Ляпунова, и Ржевскаго.

Великимъ горемъ для русскихъ и великой радостью для поляковъ была гибель русскаго начальнаго человѣка!

Взятіе Смоленска поляками.

Двадцать мѣсяцевъ уже длилась доблестная оборона Смоленска. Всѣ усилія поляковъ взять городъ разбивались о твердость и мужество защитниковъ. Долгая осада томила поляковъ. Самолюбіе короля сильно страдало. Уйти отъ Смоленска, не взявъ его, значило для короля покрыть позоромъ свою воинскую честь.

Всѣми силами добивался король и его сановники отъ русскихъ пословъ, чтобы тѣ побудили городъ сдаться; но послы, подобно смольнянамъ, твердо и стойко охраняли выгоды Русской земли, не сдавались ни на просьбы, ни на угрозы.

— „Хотя бы мнѣ и смерть принять,—говорилъ твердо митрополитъ Филаретъ, — я безъ патріаршей грамоты о крестномъ цѣлованіи на королевское имя никакими мѣрами ничего не буду дѣлать! Святѣйшій патріархъ — духовному чину отецъ, и мы подъ его благословеніемъ; ему по благодати Св. Духа дано вязать и прощать, и кого онъ свяжетъ словомъ, того не токмо царь, но и Богъ не разрѣшитъ!“

Какъ ни гнѣвались, какъ ни злобились польскіе сановники, но подѣлать ничего не могли: послы упорствовали. А между тѣмъ Русская земля ополчалась. Грозныя вѣсти о народной войнѣ пугали и короля, и сановниковъ его. Наконецъ, пришло извѣстіе о сожженіи Москвы... Польскіе сановники говорили, что въ бѣдѣ этой больше всего виновны сами московскіе люди; а русскіе послы утверждали, что виною всему король, зачѣмъ не утвердилъ договора и не отошелъ отъ Смоленска!“

Упорныхъ пословъ, какъ плѣнниковъ, подъ стражей, отправили 13-го апрѣля въ Польшу.

Прошелъ апрѣль, Смоленскъ держался; май приближался къ концу, а Смоленскъ все не сдавался... Король приходилъ въ отчаяніе. Въ сентябрѣ назначенъ былъ сеймъ. Какими глазами онъ, король, сулившій большія выгоды Польшѣ отъ войны съ Москвой, долженъ былъ посмотрѣть на представителей своей страны, не взявши Смоленска, уронивши честь польскаго войска? Надо было во что бы то ни стало взять городъ.

Приказано было готовиться къ рѣшительному приступу. Поляки надѣялись на успѣхъ; они примѣтили, что на смоленскихъ стѣнахъ показывалось защитниковъ уже немного. Не мало уже погибло ихъ въ бою, но еще больше сгубила ихъ болѣзнь, которая свирѣпствовала въ городѣ. На бѣду, одинъ перебѣжчикъ надоумилъ поляковъ взорвать часть городской стѣны, подсыпавъ пороху въ ровъ, служившій для стока нечистотъ изъ города.

Въ ночь со 2-го на 3-е іюня, когда только что занималась заря, поляки кинулись на приступъ. Нападеніе было такъ внезапно и стремительно, что сначала ошеломило осажденныхъ. Поднялась въ городѣ тревога, суматоха, крики, набатный звонъ. На стѣнахъ закипѣлъ рукопашный бой. Русскіе бились отчаянно, ободряя себя крикомъ. Во многихъ мѣстахъ поляки были уже смяты и вынуждены отступить. Приступъ, казалось, былъ уже отбитъ... Вдругъ раздался страшный трескъ и грохотъ,—то была взорвана часть стѣны по указанію измѣнника. Взрывъ этотъ такъ озадачилъ защитниковъ, что они въ ужасѣ заметались во всѣ стороны... Поляки скоро очутились въ городѣ. Вспыхнулъ пожаръ въ разныхъ мѣстахъ города. Загорѣлись городскія башни, запылали и дома. Смольняне сами жгли свои жилища, чтобы ничего не досталось врагамъ. Въ погребѣ при архіерейскихъ палатахъ было полтораста пудовъ пороху. Русскіе, видя, что спасенія уже нѣтъ, кинули туда огонь. Палаты съ оглушительнымъ громомъ взлетѣли на воздухъ. Не мало тутъ было перебито и пере-

калѣчено и поляковъ, и русскихъ. Отъ сотрясенія одна стѣна въ соборной церкви треснула и отвалилась. Жолнеры ворвались въ соборъ... Ихъ поразило зрѣлище, какое они увидѣли. Церковь была полна народу, женщинъ, дѣтей. Всѣ стояли на колѣняхъ, склонившись ницъ. Въ царскихъ вратахъ стоялъ владыка въ полномъ облаченіи. Прекрасный, смиренный и вмѣстѣ съ тѣмъ величественный видъ пастыря и толпы народа, готоваго покорно съ молитвою встрѣтить смерть, умилили даже и разсвирѣпѣвшихъ враговъ; они не стали никого убивать. Но многіе русскіе сами, съ монахами и священниками во главѣ, кидались въ пламя, не желая попасть въ руки враговъ — Шеинъ съ товарищемъ своимъ, княземъ Горчаковымъ, и нѣсколькими служилыми людьми заперся въ одной башнѣ и рѣшился погибнуть, но не сдаться. Съ нимъ были жена его и ребенокъ сынъ. Одинъ приступъ къ башнѣ былъ отбитъ. Самъ Потоцкій, главный начальникъ польскаго войска, сталъ уговаривать Шеина, чтобы онъ не губилъ себя напрасно. Русскій воевода самъ не согласился бы сдаться, но другимъ его товарищамъ жизнь была слишкомъ мила, и Шеинъ уступилъ.

На доблестнаго воеводу король посмотрѣлъ, какъ на мятежника, не пожелавшаго покориться законной власти. Его стали допрашивать о соумышленникахъ, но онъ никого не выдалъ. Спросили, между прочимъ, что онъ сталъ бы дѣлать, если бы отсидѣлся въ Смоленскѣ.

— „Я всѣмъ сердцемъ служилъ бы королевичу, отвѣчалъ Шеинъ, а если бы король не далъ бы своего сына на царство, то я подчинился бы тому, кто сталъ бы царемъ въ Москвѣ, такъ какъ земля безъ государя быть не можетъ!“

Шеина даже подвергли пыткамъ, хотѣли дознаться у него, не скрыты ли гдѣ въ Смоленскѣ сокровища...

Вся Польша ликовала, когда разнеслась вѣсть о паденіи Смоленска. По всѣмъ костеламъ совершались благодарственныя молебствія; повсюду шли празднества и народныя увеселенія. Короля вездѣ встрѣчали съ великимъ торжествомъ, словно знаменитаго побѣдителя. Въ Варшавѣ ему былъ устроенъ 29 октября торжественный въѣздъ. Въ церемоніи участвовалъ и гетманъ Жолкѣвскій. Онъ ѣхалъ въ богатоубранной открытой колескѣ; слѣдомъ за нимъ везли въ королевской каретѣ важнѣйшаго плѣнника Василія Ивановича Шуйскаго съ двумя братьями. Всѣ были въ своихъ торжественныхъ одеждахъ. За ними везли Шеина съ главными его сподвижниками, наконецъ, митрополита Филарета, князя Голицына и другихъ посольскихъ людей. Плѣнныхъ провезли чрезъ Краковское предмѣстіе въ королевскій замокъ. Здѣсь король, сидя на тронѣ съ королевой, принималъ ихъ. Впереди стоялъ Василій Ивановичъ съ братьями. Жолкѣвскій сказалъ высокопарную рѣчь. Распространившись сначала о прежнемъ могуществѣ и величіи Василія Ивановича, о важномъ значеніи его братьевъ, онъ сказалъ въ заключеніе:

— „...Нынѣ стоятъ они здѣсь жалкими плѣнниками, всего лишенные, обнищалые, поверженные къ стопамъ вашего величества, и, падая на землю, молятъ о пощадѣ и милосердіи“.

При этомъ Василій Ивановичъ низко поклонился передъ королемъ, коснувшись рукою земли, а братья его поклонились до земли.

Всѣ сановники, наполнявшіе палату, глядѣли съ любопытствомъ на щедушнаго старичка, съ сухощавымъ лицемъ, съ небольшой бородой и больными красноватыми глазами, глядѣвшими съ равнодушной покорностью своей участи. Какихъ только превратностей судьбы не испыталъ онъ?!.. голова его лежала на плахѣ, носила потомъ царскій вѣнецъ, а теперь покорно склонялась передъ злѣйшимъ врагомъ русскаго народа. Взоры всѣхъ, смотрѣвшихъ на Василія, были полны участія и состраданія; только глаза одного лица горѣли непримиримой ненавистью къ нему, — глаза Юрія Мнишка.

На сеймѣ король заявилъ, что Московскую землю онъ присоединяетъ къ Польшѣ. Это очень порадовало всѣхъ поляковъ. О воцареніи Владислава въ Москвѣ уже не было и рѣчи. Войну считали почти покончennой и думали, что остается только смирить горсть ничтожныхъ мятежниковъ, и вѣковой споръ съ Москвой будетъ покончennъ!..

Лихолѣтье.

До крайности плачевно было состояніе Русской земли по смерти Ляпунова. Не стало опять „начальнаго“ человѣка, около котораго съ довѣріемъ и надеждой на успѣхъ стали было собираться земскія силы. Заруцкій, казацкій воевода, былъ для московскихъ людей чужимъ человѣкомъ. Ему, смотрѣвшему на все глазами казацкой вольницы, чужды были порядки и Московскаго государства, и панской Польши. Другой вождь—Трубецкой вполнѣ подчинялся Заруцкому. Казакамъ теперь, когда не стало суроваго Ляпунова, было раздолье: они хозяйничали на Руси, какъ хотѣли,—грабили, творили всякія насилія. Заруцкій имъ все позволялъ, всему потворствовалъ. Даже въ самомъ воинскомъ станѣ московскимъ служилымъ людямъ и земскимъ ополченіямъ не стало житья. Заруцкій раздавалъ своимъ казакамъ и земскія деньги, и помѣстья. Отъ казацкихъ обидъ и притѣсненій дворяне и боярскія дѣти разбѣгались изъ стана и разносили по землѣ вражду и ненависть къ Заруцкому и казакамъ. Никакого законнаго правительства теперь не было. Хотя осада поляковъ въ Кремлѣ продолжалась, но дѣло велось кое-какъ. Сапѣгѣ, который рыскалъ по Русской землѣ, съ коннымъ отрядомъ своимъ, удалось доставить осажденнымъ вдоволь съѣстныхъ припасовъ.

Бѣда за бѣдою обрушивалась на Русскую землю. Шведы въ это время завладѣли Новгородомъ. Делагарди послѣ Клушинской битвы отступилъ на сѣверо-западъ. Когда Москва цѣловала крестъ королевичу Владиславу, шведы начали враждебныя дѣйствія противъ русскихъ, стали забирать русскіе города на сѣверѣ. Но когда началось на Руси народное движеніе противъ поляковъ, то вожди ополченія завели переговоры со шведами, даже стали сулить имъ, что выберутъ одного изъ сыновей шведскаго короля Карла IX въ цари... Переговоры эти надолго затянулись. Шведы настойчиво требовали денегъ и уступки городовъ: Ладоги, Ямъ, Копорья, Иваньгорода, Гдова и Орѣшка. Требованія эти были слишкомъ тяжелы. Между тѣмъ въ Новгородѣ шли смуты: одни стояли за союзъ со шведами, другіе противъ. Делагарди рѣшился силою завладѣть го-

родомъ, чтобъ положить конецъ продолжительнымъ и безплоднымъ переговорамъ и колебаніямъ.

8-го іюля онъ повелъ шведовъ на приступъ; но новгородцы отбили нападеніе послѣ жестокаго боя. На бѣду нашелся измѣнникъ. Ночью съ 16-го на 17-е іюля онъ провелъ шведовъ въ городъ. Пораженный внезапностью, народъ заметался въ ужасѣ съ плачемъ и крикомъ... Переполохъ былъ такой, что многіе бѣжали, сами не зная куда; иные отъ тѣсноты на мосту падали въ рѣку. Нашлись впрочемъ и такіе, которые не потерялись и рѣшились постоять за себя. Небольшая толпа молодцовъ, во главѣ которыхъ были стрѣлецкій начальникъ Василій Голютинъ, дьякъ Голенищевъ, Василій Орловъ да казачій атаманъ Тимоѳей Шаровъ съ сорока казаками, рѣшились дать отпоръ.

— „Сдавайтесь, кричали имъ шведы, ничего вамъ не будетъ!“

— „Не сдадимся, отвѣчали тѣ, помремъ за вѣру православную!“ Всѣ они и погибли въ бою.

Софійскій протопопъ Аммосъ заперся въ своемъ дворѣ съ людьми своими и рѣшился тоже лучше умереть, чѣмъ сдаться врагамъ-еретикамъ. Шведы подложили къ двору огонь, и Аммосъ съ людьми своими погибъ въ пламени.

Эти отдѣльныя попытки сопротивляться, конечно, дѣлу помочь не могли. Новгородъ былъ уже въ рукахъ шведовъ. Воевода новгородскій Бутурлинъ еще раньше, ограбивъ лавки и богатые дворы, убѣжалъ изъ города. Сдался и новгородскій дѣтинецъ: безъ ратной силы и безъ запасовъ обороняться нельзя было.

Написанъ былъ договоръ, по которому новгородцы отдавались подъ покровительство шведскаго короля Карла IX, обязывались безъ вѣдома его никакихъ союзовъ не заключать и признать царемъ одного изъ сыновей короля, по желанію его,—либо Густава-Адольфа, либо Карла-Филиппа.

Въ то время, какъ Новгородъ отдался въ руки шведскаго короля, въ Псковской области явился новый самозванецъ. (Былъ это, по словамъ лѣтописи, какой-то „воръ Сидорка“, а по другому извѣстію,—московскій дьяконъ Матвѣй). Попытался было онъ начать свое „обманное дѣло“ въ Новгородѣ; но здѣсь узнали его; тогда онъ бѣжалъ въ Иванъ-городъ и здѣсь объявилъ, что онъ—спасенный Димитрій и разсказывалъ вымышленную исторію своего спасенія. Тутъ онъ имѣлъ большой успѣхъ. Три дня звонили въ колокола, палили изъ пушекъ на родостяхъ, что нашелся „настоящій“ царь. Казачество стало собираться около него.. Псковъ призналъ его 4-го декабря царемъ.

Болѣе плачевнаго состоянія не бывало въ Русской землѣ! Казалось, ее разорвутъ на части... Шведы—въ Новгородѣ, самозванецъ—во Псковѣ, поляки—въ Смоленскѣ, и въ самомъ сердцѣ Русской земли, въ Москвѣ, за твердыми стѣнами Кремля! Шайки ихъ рыщутъ по городамъ и селамъ, грабятъ все, чего не дограбили раньше, разворяютъ то, чего прежде не докончили. Казацкія полчища подъ Москвой, подъ видомъ защиты русскаго дѣла, ищутъ только наживы: ватаги ихъ, посылаемыя за кормомъ по волостямъ, обираютъ и тѣснятъ несчастный людъ не меньше поляковъ... Земля опустошена, святыня поругана, правительства никакого нѣтъ, враги-хищники и внутри земли, и по окраинамъ ея. Въ довершеніе всѣхъ бѣдствій насталъ голодъ... „И было тогда, говоритъ современное сказаніе,—такое лютое время Божія гнѣва, что люди и не

чаяли впереди спасенія себѣ. Чуть не вся земля Русская запустѣла... И прозвали старики наши это лютое время лихолѣтьемъ, потому что тогда была на Русскую землю такая бѣда, какой не бывало съ начала міра: великій гнѣвъ Божій на людяхъ, глады, моры, зябели на всякій плодъ земной. Звѣри пожирали живыхъ людей и люди людей ѣли. Плѣненіе было великое людямъ! Жигимонтъ, польскій король, все Московское государство велѣлъ предать огню и мечу, ниспровергнуть всю красоту благолѣпія земли Русской"...

Мининъ и Пожарскій.

Казалось, конецъ пришелъ Русской землѣ. Ни верховной власти, ни сильной рати, ни общей казны,—ничего не было! государства въ настоящемъ его смыслѣ уже не существовало. Но былъ еще народъ. Этотъ народъ, знатные и черные люди, богатые и бѣдные, разумники и простецы,—всѣ понимали, что творится на Руси страшное, лихое дѣло; что вѣра православная и та святыня, которой поклонялись отцы, дѣды и прадѣды, унижена и поругана, и всему тому, что созидалось вѣками и трудомъ многихъ поколѣній,—грозитъ конечная гибель.

Возбужденіе народное было сильное... По всѣмъ важнѣйшимъ городамъ зашумѣли оживленныя сходки, словно воскресли старыя вѣча. Сходились и горожане, и сосѣдніе крестьяне для земскаго совѣта, чтобы всѣмъ міромъ надуматься, какъ бѣдѣ пособить. Сказывалась при этомъ порою и старая областная рознь и непріязнь простого люда къ высшимъ и богатымъ людямъ, къ московскимъ боярамъ; но все это было мелко и ничтожно сравнительно съ враждой, какую питали всѣ къ ненавистному врагу, и съ желаніемъ очистить отъ него Русскую землю и положить предѣлъ гибельной неурядицѣ. Это общее чувство должно было въ концѣ концовъ взять верхъ надъ всѣми мелкими страстями и желаніями и объединить русскія силы...

Города стали пересылаться между собой грамотами, побуждая другъ друга стать заодно противъ общихъ враговъ.

„Подъ Москвою,—писали казанцы въ Пермь,—промышленника и поборника по Христовой вѣрѣ, который стоялъ за православную христіанскую вѣру, за храмъ Пресвятой Богородицы и за Московское государство противъ польскихъ и литовскихъ людей и русскихъ воровъ, Прокофія Петровича Ляпунова, казаки убили, преступая крестное цѣлованіе. Но мы всѣ съ Нижнимъ-Новгородомъ и со всѣми городами поволжскими... согласились быть въ совѣтѣ и соединеніи, дурнаго другъ надъ другомъ ничего не дѣлать, стоять на томъ крѣпко, пока Богъ дастъ на Московское государство государя; а выбрать бы намъ государя всею землей Россійской державы; если же казаки станутъ выбирать государя по своему изволью одни, не согласившись со всею землею, то такого государя намъ не хотѣть".

Подобныя же воззванія разсылались съ гонцами и по другимъ городамъ. Во всѣхъ грамотахъ сказывалось сильное общее желаніе „очистить русскую землю отъ врага, поругателя святыни, и выбрать себѣ всею землею своего царя".

Разносились по Русской землѣ и тѣ грамоты, что составлялись въ Троиц-

комъ монастырѣ Діонисіемъ и Авраамiемъ и переписывались во множествѣ списковъ „борзыми писцами“.

Воодушевленіе народа росло. Нравственное и религіозное возбужденіе становилось все сильнѣе и сильнѣе... Повсюду стала носиться молва о чудесныхъ видѣніяхъ и знаменіяхъ. Говорили, что въ Нижнемъ Новгородѣ одинъ благочестивый человѣкъ Григорій сподобился въ полуночи страшнаго видѣнія: видѣлъ онъ, будто крыша съ его дома снялась, великій свѣтъ осіялъ его покой, и явились два мужа съ воззваніемъ о покаяніи и очищеніи всего государства... Во Владимірѣ тоже, говорили, было видѣніе...

Набожный народъ только отъ Божіей помощи ждалъ спасенія, считалъ необходимымъ особеннымъ способомъ очиститься отъ грѣховъ и умилостивить Бога покаяніемъ и постомъ. По всѣмъ городамъ приговорили поститься три дня въ недѣлю: въ понедѣльникъ, вторникъ и въ среду ничего не ѣсть, не пить, а въ четвергъ и пятницу—сухо ѣсть... Такъ готовился народъ къ великому дѣлу...

Настроеніе народа было таково, что онъ готовъ былъ всѣми силами подняться на борьбу. Нужно было только начало, да нуженъ былъ настоящій русскій вождь.

Въ октябрѣ 1611 года въ Нижнемъ Новгородѣ получена была грамота изъ Троицкаго монастыря. Ее рѣшено было прочесть въ соборѣ. Зазвонили въ большой соборный колоколъ, а день былъ непраздничный. Народъ понялъ, что не спроста звонятъ большимъ звономъ, и скоро церковь св. Спаса наполнилась народомъ.

Послѣ обѣдни протопопъ Савва обратился къ народу съ рѣчью:

— „Православные христіане, господа братія, горе намъ! Пришли дни конечной гибели нашей. Гибнетъ наше Московское государство; гибнетъ и православная вѣра. Горе намъ, великое горе, лютое обстояніе! Литовскіе и польскіе люди въ нечестивомъ совѣтѣ своемъ умыслили Московское государство разорить и обратить истинную вѣру Христову въ латинскую многопрелестную ересь. Кто не восплачется, кто не испуститъ источники слезъ?! Ради грѣховъ нашихъ Господь попустилъ врагамъ нашимъ возноситься. Горе нашимъ женамъ и дѣтямъ! Еретики разорили до основанія богохранимый градъ Москву и предали всеядному мечу дѣтей ея. Что намъ творить? Не утвердиться ли намъ на единеніе и не постоять ли за чистую и непорочную Христову вѣру и за св. соборную церковь Богородицы и за многоцѣлебныя мощи московскихъ чудотворцевъ. А вотъ грамота властей Живоначальныя Троицы монастыря Сергіева“..

Была прочтена грамота, призывающая весь народъ на спасеніе православной вѣры.

Народъ умилился. Многіе плакали.

— „Горе намъ, говорили въ толпѣ, гибнетъ Московское государство“!

Когда народъ еще толпился у церкви, къ нему держалъ рѣчь одинъ изъ земскихъ старостъ — Козьма Мининъ Сухорукій. (Раньше ужъ онъ говорилъ, что ему являлся во снѣ св. Сергій и приказалъ „возбудить уснувшихъ“).

— „Православные люди! — заговорилъ онъ теперь къ народу громкимъ голосомъ,—коли хотимъ помочь Московскому государству, не пожалѣемъ достоянія нашего... дворы свои продадимъ, женъ и дѣтей заложимъ и станемъ челомъ

бить, искать, кто бы вступился за истинную православную вѣру и сталъ бы у насъ начальникомъ!.. Дѣло великое совершимъ, если Богъ поможетъ. Какая будетъ хвала намъ отъ всей земли... Я знаю:—только мы поднимемся на это дѣло, другіе города пристанутъ къ намъ, и мы избавимся отъ враговъ.

Горячая рѣчь Минина пришлась по сердцу всѣмъ. Сказалось въ ней то, что давно было въ сердцѣ у всѣхъ. У многихъ слезы брызнули изъ глазъ.

Начались частыя сходки. Козьма Мининъ, котораго въ городѣ всѣ знали и уважали, всѣмъ орудовалъ, убѣждалъ всѣхъ, что надо ополчаться, кличъ кликать по служилымъ людямъ, а въ казну на содержаніе ратныхъ людей собирать со всѣхъ по третьей деньгѣ (т. е. третью часть имущества). Желаніе послужить великому дѣлу было такъ сильно, что тутъ же многіе стали жертвовать гораздо больше. Сносили со всѣхъ сторонъ и деньги и драгоцѣнныя вещи. Одна вдова, говорится въ лѣтописи, принесла къ сборщикамъ десять тысячъ и сказала:

— „Я осталась послѣ мужа своего безчадна. Было у меня двѣнадцать тысячъ; отдаю десять, а себѣ оставляю двѣ“!

Но прежде, чѣмъ скликать ратныхъ людей, надо было найти военачальника. Такое „святое дѣло“, какое затѣвалось, надо было отдать въ чистыя руки. Стали думать, кого бы изъ бояръ выбрать вождемъ. Остановились на князѣ Димитріи Михайловичѣ Пожарскомъ. Онъ въ ту пору жилъ въ своемъ имѣніи, въ Суздальскомъ уѣздѣ, гдѣ долечивался отъ ранъ, полученныхъ при Московскомъ погромѣ. Это былъ человѣкъ чистый, незапятнанный никакимъ дурнымъ дѣломъ: въ смутные годы онъ въ воровскихъ таборахъ не бывалъ и у польскаго короля милостей не прашивалъ. Ратное дѣло онъ хорошо зналъ, мужество большое выказалъ при защитѣ Зарайска отъ Самозванца и потомъ въ Московскомъ побоищѣ.

Послали бить челомъ Пожарскому. Онъ отвѣчалъ:

— „Радъ я за православную вѣру страдать до смерти, а вы изберите изъ посадскихъ людей такого человѣка, который былъ бы со мною у великаго дѣла, вѣдалъ бы казну на жалованье ратнымъ людямъ“.

Стали было нижегородскіе послы раздумывать, кого бы выбрать; но Пожарскій не далъ имъ долго думать.

— „Есть у васъ въ городѣ,—сказалъ онъ,—Козьма Мининъ. Онъ человѣкъ бывалый: ему такое дѣло за обычай“!

Когда посланцы вернулись въ Нижній и сказали о желаніи Пожарскаго, нижегородцы стали челомъ бить Минину, чтобы онъ потрудился на общее дѣло, стоялъ бы у мірской казны. Мининъ отказывался до тѣхъ поръ, пока нижегородцы не написали приговора, что ничего не пожалѣютъ для великаго дѣла.

Вѣсть о томъ, что нижегородцы поднялись, быстро разносилась, и ратныя стали собираться къ нимъ отовсюду. Пожарскій съ нижегородцами разослалъ по городамъ грамоты, въ которыхъ говорилось между прочимъ слѣдующее:

— „Теперь мы, Нижняго Новгорода всякіе люди, идемъ на помощь Московскому государству. Къ намъ изъ многихъ городовъ прибыли дворяне, и мы приговорили имѣніе свое и домы съ ними раздѣлить и жалованье имъ дать. И вамъ бы также поскорѣе идти на литовскихъ людей. Казаковъ не бойтесь: коли будемъ всѣ въ сборѣ, то всею землею совѣтъ учинимъ и ворамъ не позволимъ ничего дурного дѣлать... Непремѣнно надо быть вамъ съ нами въ одномъ со-

вѣтѣ и на поляковъ вмѣстѣ идти, чтобъ по прежнему казаки не разогнали бы нашей рати".

Грамота эта повсюду читалась на мірскихъ сходкахъ, постановлялись приговоры, собирались деньги. Городъ сносился съ городомъ. Опять, какъ по призыву Ляпунова, поднималась Русская земля. Но на этотъ разъ вожди вели дѣло осторожнѣе,—понимали, что не только поляки, но и казаки—враги Москвы; что сближаться съ „перелетами" и „шатунами" не слѣдуетъ.

Наступилъ 1612 годъ. Вѣсть о новомъ русскомъ ополченіи всполошила не только осажденныхъ поляковъ, но и осаждавшихъ казаковъ. Поляки и рус-

Ружья, ножъ, сабли, шестоперъ и булавы.

скіе измѣнники потребовали снова отъ патріарха Гермогена, чтобы онъ написалъ нижегородцамъ увѣщаніе оставаться вѣрными Владиславу.

— „Да будетъ надъ ними милость Божія и отъ нашего смиренія благословеніе, — отвѣчалъ съ прежней твердостью старецъ, — а на измѣнниковъ да изліется отъ Бога гнѣвъ, а отъ нашего смиренія да будутъ прокляты они въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ"!

Скоро послѣ этого несокрушимый старецъ и „поборатель за вѣру православную" скончался (17 февраля); умеръ онъ, говорятъ, голодною смертію. Погребли его въ Чудовомъ монастырѣ.

Заруцкій понялъ, что ему и его своевольному полчищу грозитъ опасность отъ новой земской ратной силы. Подмосковные казаки съ начальникомъ своимъ въ это время признали третьяго (Псковскаго) самозванца. Попытался было За-

руцкій захватить Ярославль, чтобы помѣшать движенію сѣвернаго ополченія; но Пожарскій предупредилъ и въ началѣ апрѣля привелъ сюда свою рать.

Не легко было въ ту пору снарядить какъ слѣдуетъ войско. Кромѣ прежняго оружія: копій, сѣкиръ разнаго рода, палицъ (булавъ, шестоперовъ), входили все больше и больше въ употребленіе турецкія сабли и огнестрѣльное оружіе,—ружья и пушки.

При огнестрѣльномъ оружіи, значеніе охранительнаго вооруженія должно было падать, но все-таки всякіе шлемы и латы были еще въ ходу,—особенно, у конныхъ воиновъ и воеводъ.

Еще на пути изъ Нижняго въ Ярославль къ рати Пожарскаго присоединялись ополченія изъ разныхъ приволжскихъ городовъ. Но Ярославль былъ

Воевода въ полномъ вооруженіи.

главнымъ сборнымъ мѣстомъ. Здѣсь Пожарскій остановился надолго: онъ, видимо, хотѣлъ дѣйствовать осмотрительно, собрать какъ можно больше ратной силы и казны, чтобы рѣшить дѣло навѣрняка. Задача была теперь ясная: — выгнать враговъ изъ Русской земли и выбрать себѣ всею землею настоящаго русскаго царя. Для того, чтобы выполнить эту задачу, было мало побѣды надъ врагомъ; надо было еще задушить всякую смуту, криводушіе и шатость среди русскаго люда; во всей землѣ необходимо было установить единодушіе. Съ этой

цѣлью разсылались грамоты по разнымъ городамъ, созывались выборные на общій совѣтъ.

— „Вамъ бы, — говорилось въ этихъ грамотахъ, — пожаловать, помня Бога и свою православную христіанскую вѣру, совѣтовать со всякими людьми общимъ совѣтомъ, какъ бы намъ въ нынѣшнее конечное разоренье быть не безгосударнымъ, чтобы намъ по совѣту всей земли, выбрать сообща государя, кого Богъ милосердный дастъ, чтобы Московское государство въ конецъ не разорилось бы. Сами, господа, вѣдаете, какъ намъ стоять безъ государя противъ общихъ враговъ, польскихъ и литовскихъ и нѣмецкихъ людей и русскихъ воровъ... Какъ намъ безъ государя о великихъ государственныхъ и земскихъ дѣлахъ съ окрестными государствами ссылаться?!. И по всемірному совѣту пожаловать бы вамъ — прислать къ намъ въ Ярославль изъ всякихъ чиновъ людей, человѣка по два, и съ ними совѣтъ свой отписать“...

Изъ этой грамоты видно, что вожди намѣрены были не только очистить Москву отъ враговъ; но и внести въ нее верховную власть и правительство, основанное на волѣ всей земли.

Въ то время, какъ русская ратная сила съ каждымъ днемъ все росла и росла въ Ярославлѣ и готовилась положить конецъ смутѣ, народъ уже велъ ожесточенную борьбу съ врагами. Послѣ смерти Ляпунова земскіе ратники, недовольные казацкимъ управленіемъ, толпами уходили отъ Заруцкаго. Они составляли отдѣльныя шайки, скрывались въ лѣсахъ, оврагахъ, нападали на поляковъ, рыскавшихъ по окрестностямъ столицы, искавшимъ припасовъ. Такихъ народныхъ борцевъ называли въ насмѣшку — шишами. Но прозвище это скоро стало даже почетнымъ въ глазахъ народа, потому что шиши дѣйствовали честно, своихъ не трогали, не грабили, нападали только на поляковъ, причемъ выказывали много молодецкой удали, и ловкости. Въ эти шайки шли люди всякаго званія: дворяне, дѣти боярскіе, посадскіе и крестьяне. Скоро житья не стало полякамъ отъ шишей; особенно сильно вредили они врагу тѣмъ, что отбивали у него обозы и мѣшали собирать продовольствіе по деревнямъ. „Бумаги не стало бы,—жалуется одинъ полякъ въ своемъ дневникѣ,—если бы начать описывать бѣдствія, какія мы тогда претерпѣли. Нельзя было разводить огня, нельзя было ни на минуту остановиться — тотчасъ откуда не возьмутся шиши. Какъ только роща, такъ они и осыпятъ насъ... Шиши отнимали запасы наши и быстро исчезали. И выходило, что, награбивши много, поляки привозили въ столицу очень мало!“

Освобожденіе Москвы и избраніе царя.

Три съ половиной мѣсяца пробылъ Пожарскій въ Ярославлѣ. Изъ Троице-Сергіевскаго монастыря уже торопили его, даже укоряли за медленность. Но Пожарскій выжидалъ, чтобы собралось побольше рати и утихли распри и споры между начальными людьми о старшинствѣ. Для успокоенія ихъ пришлось Пожарскому прибѣгнуть даже къ помощи духовнаго лица, бывшаго Ржевскаго митрополита Кирилла...

Съ тяжелымъ, конечно, чувствомъ приближалось къ Москвѣ русское опол-

ченіе. Здѣсь приходилось встрѣтиться съ казаками, которые погубили Ляпунова. Было произведено въ Ярославлѣ покушеніе и на жизнь Пожарскаго тоже казакомъ. Къ счастью, число казаковъ подъ Москвой было уже невелико: Заруцкій часть полчища увелъ съ собой. Онъ вмѣстѣ съ Мариной и сыномъ ея Иваномъ пошелъ на юго-востокъ, къ степямъ, думалъ тамъ навербовать себѣ новыя силы, и попробовать посадить на царство этого Ивана.

Ратникъ въ куякѣ и шапкѣ мѣдяной.

Число поляковъ въ Кремлѣ тоже сильно убавилось. Многіе изъ нихъ уѣхали самовольно. Гонсѣвскій сдалъ начальство полковнику Струсю и тоже уѣхалъ. Въ то самое время, какъ Пожарскій подходилъ къ Москвѣ, туда же спѣшилъ гетманъ Ходкѣвичъ, чтобы подкрѣпить осажденныхъ и доставить имъ припасы. Пожарскій успѣлъ предупредить его и 18-го августа подошелъ къ Москвѣ. Трубецкой и казаки желали, чтобы ополченіе это стало вмѣстѣ съ ними; но русскіе ратные люди, вспоминая участь Ляпунова, заявили:

— „Отнюдь намъ вмѣстѣ съ казаками не стаивать!“

Къ вечеру 21-го августа явился подъ Москвой и Ходкѣвичъ. Съ нимъ былъ огромный обозъ припасовъ; онъ намѣревался провезти ихъ въ Кремль. Ходкѣвичъ перешелъ Москву-рѣку и двинулся къ Кремлю съ той стороны, гдѣ стояла рать Пожарскаго (у Арбатскихъ воротъ), такъ что ему первому пришлось выдержать напоръ враговъ. Трубецкой со своими полками стоялъ въ сторонѣ; онъ выказывалъ намѣреніе ударить на поляковъ съ боку; для этого послалъ даже просить у Пожарскаго въ помогу себѣ конницы; тотъ отправилъ ему пять-

Ратники въ тегиляхъ.

сотъ отборныхъ воиновъ. 22-го августа поляки напали на русское ополченіе. У Ходкѣвича были лихіе наѣздники, венгры и украинскіе казаки. Ихъ натиски трудно было выдерживать русскому ополченію, въ которомъ было много новобранцевъ. Битва началась съ перваго часа и кипѣла до восьмого. „Былъ бой зѣло крѣпокъ“, говоритъ современникъ, хватались за руки съ врагами и безъ пощады сѣкли мечами другъ друга. Казаки Трубецкаго не двигались, словно

имъ все равно было, кто одержитъ верхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, говорятъ, даже издѣвались надъ нижегородцами, приговаривая:

— „Богаты пришли изъ Ярославля и одни могутъ отбиться отъ гетмана!“

Казалось, будто бы Трубецкому хотѣлось, чтобы поляки смяли русское ополченіе: онъ даже не пускалъ въ дѣло и тѣхъ конныхъ сотенъ, которыя прислалъ ему Пожарскій; но онѣ рвались въ бой: не въ терпежъ имъ было видѣть, какъ поляки тѣснятъ русскихъ, и они безъ приказа Трубецкаго кинулись на

Воевода въ панцырѣ.

враговъ и своимъ примѣромъ увлекли и нѣкоторыхъ казаковъ. Гетманъ былъ отбитъ и отступилъ.

Черезъ день, 24-го августа, на разсвѣтѣ, Ходкѣвичъ снова напалъ на русскихъ, теперь уже съ той стороны, гдѣ стоялъ Трубецкой. Польскій вождь рѣшился во что бы то ни стало прорваться и провезти припасы въ Кремль. Нападеніе было такъ стремительно, что казаки Трубецкаго были смяты и принуж-

дены были отступить. Поляки уже стояли неподалеку отъ Кремля и заняли одинъ острожекъ (небольшое укрѣпленіе).

Нижегородцы пріуныли. Надо было немедленно выбить поляковъ съ занятаго ими мѣста: иначе они легко могли бы прорваться съ помощью осажденныхъ въ Кремлѣ. Воеводы земскаго ополченія послали въ казацкіе таборы къ Трубецкому просить помощи, чтобы общими силами ударить на поляковъ; но казаки не хотѣли помогать. Тогда Пожарскій послалъ Авраамія Палицына въ

Воины въ юшманахъ и шишакахъ.

станъ Трубецкаго. Авраамій всячески убѣждалъ казаковъ, умолялъ ихъ, даже посулилъ имъ раздать всю монастырскую казну, если они пособятъ Пожарскому. Наконецъ, ему удалось убѣдить казаковъ,—они помогли нижегородцамъ; тогда русскіе съ двухъ сторонъ ударили на поляковъ, отбили у нихъ острожекъ и оттѣснили ихъ. Пѣшіе воины засѣли по ямамъ, рвамъ; всюду, гдѣ только можно было, попрятались, чтобы не пропустить въ городъ возовъ съ припасами. Бой

былъ во всемъ разгарѣ... Мининъ попросилъ у Пожарскаго нѣсколько сотъ ратниковъ, перешелъ рѣку и стремительно ударилъ на стоявшіе за рѣкой отряды поляковъ; тѣ не выдержали, дрогнули и побѣжали. Ратники, засѣвшіе по рвамъ и ямамъ, увидѣвши, что русскіе гонятъ поляковъ, повыскакали изъ засады и ринулись на враговъ. Загорѣлась лютая сѣча. Ободренные удачей, бросились въ дѣло и другіе русскіе конные полки. Польское войско было въ концѣ разбито. Ходкѣвичу оставалось только съ остатками своихъ полковъ спасаться. Нѣсколько сотъ возовъ съ разными запасами достались побѣдителямъ. Казаки первые кинулись на добычу и разграбили все дочиста.

Побѣда надъ поляками сблизила Пожарскаго съ Трубецкимъ. Раньше они никакъ не хотѣли соединиться, а теперь сошлись. Установили одно общее управленіе, стали дѣлать все сообща. Пожарскій былъ нравомъ гораздо уступчивѣе и покладистѣе, чѣмъ Ляпуновъ, и потому могъ поладить съ Трубецкимъ. Всѣ радовались сближенію вождей. Оповѣщено было повсюду, что только тѣ грамоты и приказы имѣютъ законную силу, которые писаны отъ имени обоихъ вождей. Но казаки съ земскими людьми все-таки ужиться никакъ не могли.

Положеніе осажденныхъ въ Кремлѣ было ужасно. Во время боя удалось прорваться туда одному отряду въ триста человѣкъ, но не на радость осажденнымъ: новые люди только увеличили нужду и голодъ...

Пожарскій предлагалъ полякамъ сдаться; но тѣ съ гордостью отказались: они все еще питали надежду, что самъ король явится къ нимъ на выручку, или гетманъ Хоткѣвичъ, набравшись новыхъ силъ, снова придетъ къ Москвѣ и не дастъ имъ погибнуть голодной смертью. Со дня на день ужаснѣе становилось положеніе ихъ; чрезъ недѣлю голодъ достигъ страшныхъ размѣровъ. „Въ исторіи нѣтъ подобнаго примѣра, говорится въ современномъ дневникѣ,— писать трудно, что дѣлалось. Осажденные переѣли лошадей, собакъ, кошекъ, мышей, грызли разваренную кожу съ обуви. Наконецъ, и этого не хватило. Тогда ѣли землю, обгрызали въ бѣшенствѣ себѣ руки, выкапывали трупы изъ земли... Смертность отъ такой пищи страшно увеличилась“.

Изъ Китая-города поляки были скоро вытѣснены, но въ Кремлѣ держались еще съ мѣсяцъ,—все ждали, не придетъ-ли помощь. Наконецъ, держаться долѣе не было уже никакихъ силъ; стали сначала выпускать изъ Кремля боярынь и бояръ. Казаки хотѣли было грабить ихъ, но Пожарскій не допустилъ. Онъ обошелся съ ними человѣчно, устроилъ ихъ въ безопасныхъ мѣстахъ. Скоро сдались и поляки. Они просили во время переговоровъ только о томъ, чтобъ ихъ не губили и не отдавали въ казацкія руки... Трудно было Пожарскому сдержать казаковъ, которые грабежъ считали своимъ правомъ. Плѣнныхъ поляковъ разослали по разнымъ городамъ: ни одного изъ нихъ не убили и не ограбили.

25-го октября отворились всѣ кремлевскія ворота, и русскіе торжественно вступили въ Кремль. Впереди съ крестами и иконами въ рукахъ шло духовенство, во главѣ котораго былъ доблестный Діонисій. Въ Успенскомъ соборѣ отслуженъ былъ торжественно благодарственный молебенъ.

Въ то время, когда полумертвые отъ голоду кремлевскіе сидѣльцы сдавались, Сигизмундъ, наконецъ, выступилъ въ походъ на Москву съ Владисла-

воинъ... Сначала вѣсть объ этомъ сильно всполошила русскихъ. Но тревога оказалась напрасной. Король не могъ собрать большого войска, и двинулся съ ничтожными силами, думая, что ему легко будутъ покоряться русскіе города, но ошибся въ разсчетѣ. Послалъ онъ посольство въ Москву—уговаривать московское войско признать Владислава. Но это посольство даже и въ Москву не было впущено. На поклонъ къ Сигизмунду или Владиславу никто не явился. Походъ по безлюдной и разоренной странѣ не представлялъ ничего привлекательнаго. По всѣмъ путямъ бродили ненавистные полякамъ шиши, хватали и

Воинъ въ бахтерцѣ и шеломѣ.

убивали польскихъ воиновъ, когда тѣ ходили на поиски за продовольствіемъ. Попытался было король взять Волокъ-Ламскій, да не смогъ... Кончался уже ноябрь и наступала лютая зимняя стужа. Пришлось Сигизмунду вернуться въ Польшу.

Москва была очищена отъ враговъ и стала довольно быстро обстраиваться. Теперь было выполнить вторую половину задачи, ради которой поднялась русская земля съ Мининымъ и Пожарскимъ—выбрать своего русскаго царя и

положить конецъ всякимъ происканъ поляковъ и шведовъ. Когда Делагарди прислалъ сказать, что королевичъ Филиппъ ѣдетъ уже въ Новгородъ, то въ отвѣтъ на это въ Москвѣ сказали послу:

— „У насъ и на умѣ того нѣтъ, чтобъ намъ взять иноземца на Московское государство"!

По всѣмъ городамъ разосланы были грамоты, чтобы въ Москву немедленно присылали выборныхъ людей, крѣпкихъ и разумныхъ, духовныхъ лицъ, дворянъ, боярскихъ дѣтей, торговыхъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей.

Когда выборные съѣхались, назначенъ былъ трехдневный строжайшій постъ. Служили по церквамъ молебны, чтобы Богъ вразумилъ выборныхъ.

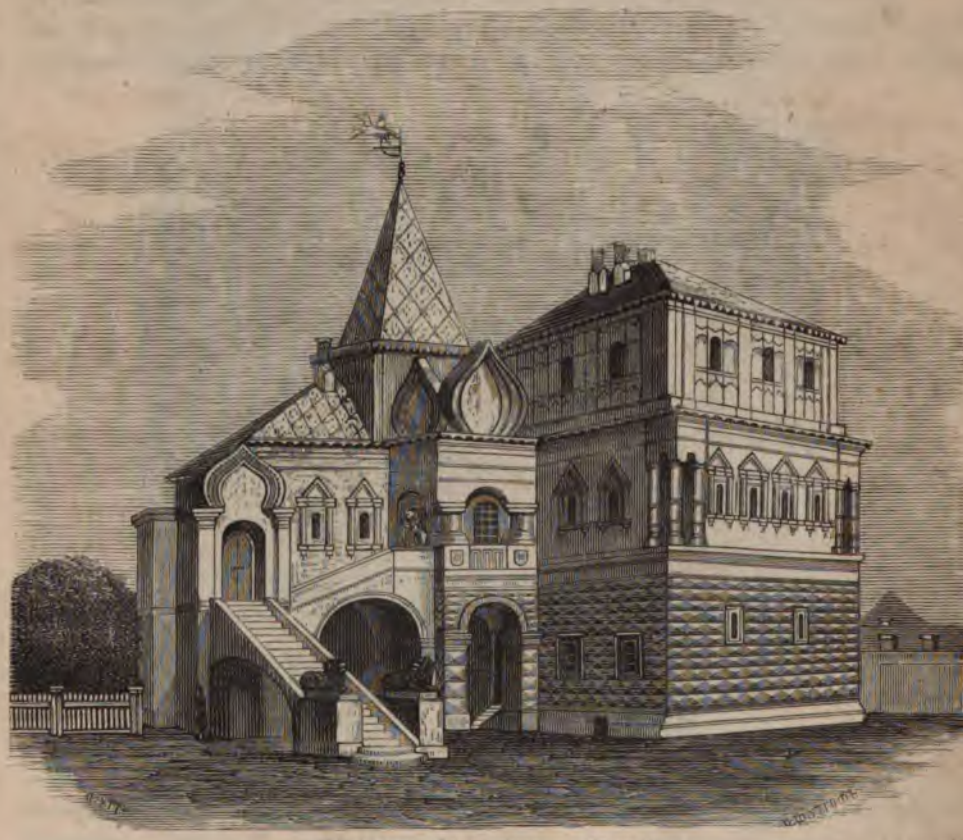
Постановили прежде всего, чтобы отнюдь не выбирать ни иноземца, ни сына Марины. Когда начались выборы, то происходило не мало смуты и волненія. Хотя чаще всего слышалось имя юнаго Михаила Ѳеодоровича Романова;

Знамя князя Пожарскаго въ 1612 году.

но нашлись между боярами честолюбцы, которые сильно домогались получить царскій вѣнецъ, засылали своихъ людей къ выборнымъ, пытались подкупить голоса. Были сторонники у князя Василія Голицына, который въ то время съ митрополитомъ Филаретомъ былъ въ рукахъ у поляковъ. Нашлись лица, говорившія, что слѣдуетъ возвратить вѣнецъ Василію Ивановичу Шуйскому. Говорили и въ пользу избранія на престолъ старика князя Воротынскаго. Казалось, снова настанутъ неурядицы въ Москвѣ на радость врагамъ. Но, къ счастью для Русской земли, пререканія и волненія были только въ средѣ именитыхъ людей, бояръ и сановниковъ; дворяне, служилые люди, народъ и казаки стояли за Михаила Ѳеодоровича. Толпа дворянъ, боярскихъ дѣтей и казацкихъ старшинъ обратилась къ Авраамію Палицыну, который жилъ тогда въ Москвѣ, на

Троицкомъ подворьѣ, представили ему челобитную съ множествомъ подписей, и просили его, чтобы онъ предъявилъ ее всему собору, боярамъ и всѣмъ земскимъ людямъ. Въ челобитной говорилось, что всѣ просятъ избрать Михаила Ѳеодоровича. Авраамій передалъ собору эту грамоту. Въ это же время прибылъ посолъ изъ Калуги съ челобитной отъ всѣхъ калужанъ и жителей сѣверскихъ городовъ,—всѣ они желали на царство Михаила.

Романовыхъ особенно любилъ народъ. Анастасія и Никита Романовичъ жили въ народной памяти, вошли даже въ пѣсни народныя. Притомъ родъ Романовыхъ не былъ запятнанъ въ глазахъ народа никакимъ дурнымъ дѣломъ,



Домъ бояръ Романовыхъ въ Москвѣ.

вынесъ много горя и напрасныхъ гоненій при Борисѣ Годуновѣ, а главный представитель этого рода въ смутное время, въ пору общей шатости и малодушія, выказалъ необычайную твердость духа, отстаивалъ непоколебимо выгоды своего отечества подобно Гермогену. Немудрено, что лишь только рѣчь зашла о выборѣ царя, то большая часть выборныхъ остановилась на юномъ сынѣ Филарета. Не миновать-бы, конечно, ему самому престола, если бы онъ не былъ духовнымъ лицомъ.

21-го февраля всѣ выборные собраны были на Красную площадь. Сплошная пестрая толпа наполняла ее. Именитые люди взошли на Лобное мѣсто. Но имъ не довелось и говорить къ народу. Не успѣли они еще проговорить и вопроса, какъ раздался громкій крикъ всего собравшагося на площади люда:

— „Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ будетъ царь-государь Московскому государству и всей Русской державѣ“!

Памятникъ Минину и Пожарскому въ Москвѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ РИСУНКАМЪ.

Стр. 1. Видъ Московскаго Кремля (по фотографіи).

Стр. 5. Образъ Владимірской Божіей Матери (съ рисунка въ «Очерк. русск. исторіи» П. Полеваго).

Стр. 27. Видъ Новгородскаго Кремля и Софійскаго собора (по фотографіи).

Стр. 41—43. Соборы въ Московскомъ Кремлѣ (по фотографіи).

Стр. 45. Грановитая палата (по фотографіи).

Стр. 56. Старинная деревянная церковь въ селѣ Бородаевѣ, построенная, по преданію, за 500 лѣтъ до нашего времени (изъ книги «Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь» С. Шевырева).

Стр. 58. Кирилло-Бѣлозерскій монастырь («Исторія русск. литер.» П. Полеваго).

Стр. 66. Образчикъ изъ Судебника (изъ книги «Законы в. к. Іоанна Васильевича» и пр.).

Стр. 69 и 70. Тронъ велик. кн. Ивана III (изъ слоновой кости) хранится въ Оружейной Палатѣ (Древн. россійск. государства).

Стр. 73. Портретъ в. к. Ивана III (факсимиле старин. гравюры, см. Ровинскаго «Портреты русскихъ государей»).

Стр. 79—80. Старинныя церкви во Псковѣ (у Прохорова «Христіанскія древности»).

Стр. 85. Русское посольство и проч. уменьшенное факсимиле съ древней гравюры (см. у Ровинскаго).

Стр. 92. Русскіе сани (по Герберштейну) оттуда-же.

Стр. 96. Портретъ вел. кн. Василія III, факсимиле старинной гравюры (у Ровинскаго).

Стр. 101. В. к. Василій Ивановичъ (по рисунку Герберштейна).

Стр. 103. Различные образцы наступательнаго оружія (19 изображеній, изъ книги «Историч. опис. одежды и вооруженія Россійск. войскъ»).

Стр 104. Оборонительное оружіе (8 изображеній, оттуда-же).

Стр. 105. Воинъ въ тегиляѣ и конскій уборъ (2 рисунка) факсимиле по рисункамъ Герберштейна.

Стр. 106. Древнее русское оружіе (8 изображеній) по рисунк. Герберштейна.

Стр. 110. Герберштейнъ въ русской шубѣ (по рисунку самого Герберштейна).

Стр. 113. Монеты, 17 изображеній (изъ соч. Шодуара «Обозрѣніе русск. и иностранныхъ въ Россіи денегъ». 1838).

Стр. 139. Стрѣльцы XVI ст. («Истор. од. и вооруж. русск. войскъ»).

Стр. 145. Церковь Покрова (по фотографіи).

Стр. 147. Портретъ царя Ивана IV (факсимиле старинной гравюры) см. у Ровинскаго.

Стр. 150. Печатный дворъ въ Москвѣ («Истор. русск. лит.» П. Полеваго).

Стр. 171. Царь Іоаннъ Грозный (по портрету въ книгѣ Устрялова «Сказаніе» кн. Курбскаго).

Стр. 192—195. Русское посольство къ германскому императору (4 изображенія) факсимиле уменьшенное съ древней раскрашенной гравюры (см. у Ровинскаго). Первые фигуры представляютъ посла и его товарища; далѣе дьякъ несетъ грамоту; потомъ идутъ посольскіе люди и несутъ въ даръ императору соболей. Послѣднее изображеніе представляетъ молитву посольскихъ людей.

Стр. 200. Старинные хоромы Строгановыхъ (см. книгу «Именитые люди Строгановы»).

Стр. 205. Памятникъ Ермаку въ Тобольскѣ (въ журн. «Нива») по рисунку съ натуры.

Стр. 210. Грозный царь (по фотографіи со статуи М. Антокольскаго).

Стр. 221. Царь-пушка (по фотографіи).

Стр. 222. Воины-нѣмцы (см. «Ист. опис. одеждъ и вооруж. росс. войскъ»).

Стр. 227. Домъ, гдѣ жилъ царевичъ Димитрій («Картины Россіи» Свиньина).

Стр. 233—234. Русскіе крестьяне и крестьянки (по рисункамъ Олеарія).

Стр. 245. Одежда русскихъ XVI—XVII. (Ист. опис. од. и вооруж. русск. войскъ).

Стр. 246 и 247. Одежда русскихъ XVI—XVII ст. (Опис. стар. царскихъ утварей, одеждъ и пр. П. Саввантова).

Стр. 248. Торжественная одежда царя и царицы. Оттуда-же.

Стр. 249. Изображеніе царя Ѳеодора на Царь-пушкѣ (Истор. описан. одежд. и пр.).

Стр. 250—251. Царскіе кони въ уборахъ (оттуда-же).

Стр. 255. Колокольня Ивана Великаго.

Стр. 263. Красная площадь въ Москвѣ.

Стр. 271. Торжественное шествіе царя Димитрія.

Стр. 274—275. Портреты Лжедимитрія и Марины (изъ книги Устрялова «Сказанія иностранныхъ писателей о смутн. вр.»).

Стр. 289. Троицко-Сергіевская лавра (по большому литографическ. изображенію).

Стр. 297. Портретъ князя М. В. Скопина-Шуйскаго (см. Древности Россійскаго государства).

Стр. 315. Портретъ архимандрита Діонисія (оттуда-же).

Стр. 326. Наступательное оружіе, 11 изображеній (Историч. опис. од. и пр.).

Стр. 327. Воевода (оттуда-же).

Стр. 329. Ратникъ въ куякѣ (оттуда же).

Стр. 330—335. Ратники въ разномъ вооруженіи (оттуда-же).

Стр. 335. Знамя кн. Пожарскаго въ 1612 г. (оттуда же).

Стр. 336. Домъ бояръ Романовыхъ въ Москвѣ (по фотограф.).

Стр. 337. Памятникъ Минину и Пожарскому въ Москвѣ (по фотограф.).

НЕДОСМОТРЫ И ОПЕЧАТКИ.

			Напечатано:	*Слѣдуетъ:*
Стр.	7	строка 9 снизу	измѣнаютъ	измѣняютъ
»	126	» 17 »	дошло до того	дошли до того,
»	289	» 11 »	несчастныхъ?	несчастныхъ!
»	295	» 13 сверху	умоляя прислать его	умоляя его прислать

Stanford University Libraries
3 6105 013 550 855

S628
V.1-2

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE